STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
AUG 15 1994

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Наука и Жизнь,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ.

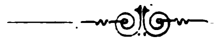
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

Томъ II.

(Май—Августъ)

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., № 71—6.
1904.

Digitized by Google

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 24 Августа 1904 года.

Digitized by Google

Содержаніе II тома.

(Май—Августъ).

Отд. I. Научно-популярный.

стр.

Отд. II. Очерки, разсказы, повѣсти и пр.

Отд. III. Стихотворенія.

Отд. IV.

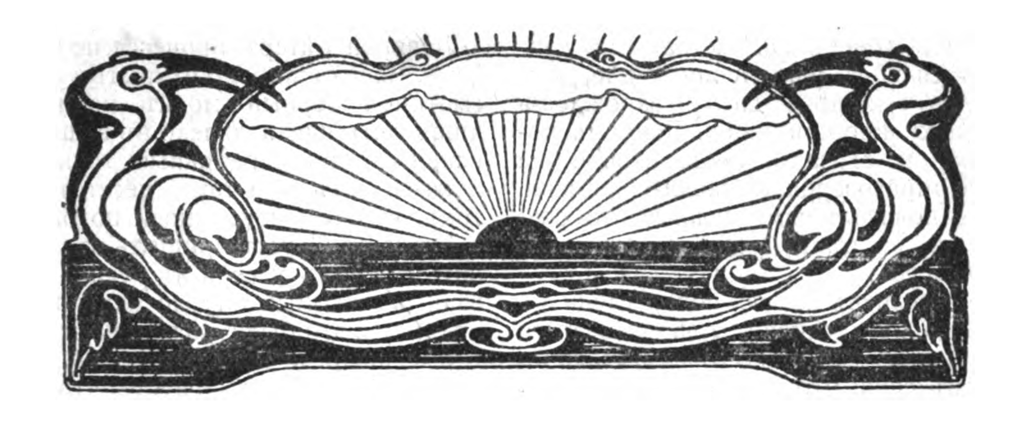
Отд. V.

Отд. VI.

Отд. VII.

Объявленія.

Digitized by Google

Будущее человѣчества.

Вильгельма Бёльше.

* * *

Три звѣзды. Этимъ должна начинаться и кончаться всякая наша мудрость.

Часто тихимъ вечеромъ, въ горахъ, когда мой взоръ отыскиваетъ на потемнѣвшемъ небосводѣ млечный путь, и вдругъ, изъ сумеречно-серебрянаго сіянія заискрятся въ созвѣздіи Орла съ яркимъ Атаиромъ эти три, тѣсно расположенныя въ рядъ звѣздочки, такъ похожія на наше многоточіе,—мнѣ онѣ кажутся тогда символомъ нашего существованія. Невидимыя нити связываютъ насъ. А онѣ стоятъ незамѣтно надъ каждымъ человѣческимъ лбомъ, за которымъ идетъ работа сознанія,—эти три звѣздочки ***.

Что это?

Всюду отрывочность; — позади насъ пестрая картина исторіи, первобытный міръ, вихрь первобытной туманности, а тамъ, въ синей глубинѣ одиноко эти три звѣзды; какъ будто клубы бѣлаго тумана черезъ горную расщелину низвергаются въ невѣдомую долину и въ просвѣтѣ облаковъ эти три звѣзды ***.

Есть, правда, и другой, лучшій способъ толкованія. Три звѣздочки—это математическій символъ развитія.

Когда я погружаюсь взоромъ въ млечный путь, и въ умѣ возникаетъ представленіе о безконечномъ пространствѣ, отдѣляющемъ эти свѣтила, огромномъ пространствѣ, черезъ которое свѣтъ ползетъ еле еле, какъ улитка, которой нужны годы, чтобы пересѣчь лугъ, я говорю себѣ: вѣдь вся эта лента свѣтилъ, и солнце, и земля, и человѣчество, и я самъ вмѣстѣ съ нимъ,—все это тихо течетъ въ пространствѣ въ безымянныя долины, какъ неумолчный потокъ. Когда въ этой священной тишинѣ ночи мнѣ начинаетъ казаться, что отъ этихъ тысячъ и тысячъ звѣздъ исходитъ неустанное журчаніе, журчанье свѣтового потока, катящаго міры, какъ ручей катитъ по дну мелкіе камешки,—у меня возникаетъ мысль: мы—это маленькія волны въ океанѣ движенія.

Если бы мнѣ нужно было однимъ словомъ выразить сущность того, что проникаетъ и наполняетъ жизнью наше міросозерцаніе, наше воззрѣніе на человѣчество и человѣка—то это слово было бы—движеніе. Простой

Digitized by Google

опытъ Коперника, заставившій двигаться подъ нами нашу землю, долженъ считаться днемъ зарожденія такого міро-пониманія. Дарвинъ потому и оказалъ такое вліяніе на все міросозерцаніе нашего времени, что показалъ намъ человѣка въ развитіи, въ цѣпи другихъ животныхъ существъ.

И если въ такую ночь, глядя въ бездонную синеву, гдѣ шевелятся милліоны сіяющихъ точекъ, мы спросимъ себя: что станется съ человѣчествомъ, то первая, самая твердая и вѣрная мысль будетъ: оно проходитъ, оно протекаетъ, какъ потокъ. Да, и это стало основой всякаго современнаго взгляда на вещи: покоя не существуетъ.

И изъ нѣдръ человѣчества, пріютившагося на этой маленькой планетѣ, затерянной среди звѣздъ, до чуткаго уха доносится то-же тихое журчанье, журчанье ручья черезъ величивую тишину ночи вѣчности. А въ серебряныхъ волнахъ этого ручья дрожатъ, на минуту остановившись въ этомъ потокѣ волнъ, наши три звѣзды ***.

* * *

Докторъ Фаустъ, человѣкъ (такъ слѣдуетъ начинаться современной сказкѣ), сидѣлъ въ своей лабораторіи и думалъ. Онъ думалъ цѣлую ночь напролетъ, ночь долгую, какъ вѣка. И онъ дѣйствительно продумалъ міръ до самыхъ его сокровенныхъ основъ. Что же случилось? Произошло то, чего самая смѣлая фантазія поэта не могла ожидать отъ своихъ титановъ, Прометеевъ и Агасферовъ. Вмѣсто того, чтобы этого дерзкаго мыслителя унесъ чортъ, старые троны боговъ заколебались надъ нимъ и обрушились, растаявъ подъ невѣроятнымъ зноемъ его мысли.

Въ это мгновеніе потухли всѣ огни, исчезли всѣ милые образы, улыбавшіеся до сихъ поръ со стѣнъ.
„Въ развалинахъ жалкихъ лежитъ
„Прекрасное зданье...“

Ледяной вѣтеръ пронесся по комнатѣ. Черезъ широко открытыя окна смотритъ черный мракъ ночи. И лишь тамъ, вдали, далеко въ вышинѣ искрятся три серебряныя точки и показываютъ, что тамъ несется потокъ, вѣчный, неустанный потокъ.

Но когда Фаустъ пришелъ въ себя, онъ замѣтилъ у себя въ рукахъ новый, незнакомый ему до сихъ поръ предметъ: это были часы, и часы, которые впервые шли правильно.

Впервые открылъ Фаустъ, что можетъ теперь нѣчто подвергнуть счету.

Этотъ опустошенный міръ, выгорѣвшій, казалось, до оголенныхъ пней—эта природа имѣла нѣчто новое въ себѣ, а именно: надежность. Если вотъ эти колесики правильно установлены, то стрѣлка каждый разъ, точно черезъ опредѣленные промежутки времени возратится на свое мѣсто. И эту постоянную связь между равными причинами и равными дѣйствіями не могла поколебать вся невѣроятная мощь сотенъ тысячъ билліоновъ свѣтилъ. Огромный міръ, вся вселенная не могла нарушить логики этого маленькаго тикающаго предмета.

Но пока стрѣлка часовъ передвигалась здѣсь по циферблату, звѣзда на верху тоже подвинулась на опредѣленное разстояніе со своего мѣста. И при равныхъ условіяхъ такъ должно совершаться вѣчно. И Фаустъ поставилъ въ связь это передвиженіе стрѣлки своихъ часовъ съ движеніемъ свѣтилъ, которыя двигались теперь въ пространствѣ болѣе надежно, чѣмъ когда либо прежде, когда ихъ направляла рука божества. Онъ исчислилъ пути планетъ, кометъ и двойныхъ звѣздъ. Онъ указалъ имъ мѣсто на небесной тверди, на которомъ онѣ будутъ находиться черезъ тысячелѣтія послѣ насъ, когда прахъ тысячъ человѣческихъ поколѣній будетъ покоиться вѣчнымъ сномъ въ могилахъ. Онъ видѣлъ, какъ измѣнялась полярная звѣзда вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ

Digitized by Google

земной оси, онъ видѣлъ какъ запылала на небесномъ полюсѣ Вега и закатилась снова черезъ тысячелѣтній періодъ.

Стрѣлка небеснаго указателя двигалась дальше, какъ маленькая стрѣлка земныхъ секундныхъ часовъ. Однако, не безпорядочное движеніе существуетъ въ мірѣ. Въ этомъ движеніи скрытъ таинственный законъ, который даетъ возможность учесть его. Въ мірѣ оказался великій законъ. Въ шумѣ однообразнаго журчанья потока, доносившемся черезъ пространство ночи, чуткое ухо разслышало раздѣльные звуки черезъ равные промежутки времени; это біеніе часовъ природы, тонкій ритмъ міровой закономѣрности.

И когда Фаустъ—человѣкъ теперь поставилъ себѣ вопросъ: что будетъ съ человѣчествомъ?—то онъ увидѣлъ, что оно не только лишь „потокомъ пронесется", по словамъ поэта, въ потокѣ поступательнаго движенія. Нѣтъ, теперь ему послышалось изъ нѣдръ человѣчества то же таинственное біеніе, тотъ-же ритмъ періодичности. Мы видѣли лишь пять секундъ бытія человѣчества. Но развѣ путь человѣчества не можетъ быть вычисленъ, какъ путь той планеты, которая возникла однажды и снова потонула въ ночи вселенной, оставивъ однако слѣдъ на нашемъ счисленіи и продолжая двигаться дальше, какъ стрѣлка нашихъ часовъ? Можно ли вычислить элементы человѣческаго пути по маленькому кусочку данной кривой?..

* * *

Сто лѣтъ тому назадъ не стало Гердера. Гердеръ обладалъ яснымъ сознаніемъ того, что первые элементы человѣческаго пути заложены въ звѣздахъ, въ элементахъ небесныхъ орбитъ.

Въ грубой формѣ эта мысль заключаетъ въ себѣ нѣчто тривіальное. Въ самомъ дѣлѣ, человѣчество обитаетъ на землѣ; вмѣстѣ съ землею несется оно вокругъ солнца, и вся его исторія расцвѣтаетъ въ этомъ неутомимомъ полетѣ. Со времени третичнаго періода ихъ было, можетъ быть, съ полъ-милліона и будетъ совершаться это еще много милліоновъ разъ. Эти часы человѣчества постукиваютъ періодически, отмѣчая его путь въ будущее. Но что же еще?

Есть и еще нѣчто. Путь земли вокругъ солнца представляетъ эллиптически вытянутый, замкнутый кругъ, такъ учимъ мы въ школѣ. Такимъ образомъ первый элементъ, который возникаетъ здѣсь для опредѣленія пути человѣчества,—это кругъ: змѣя, кусающая собственный хвостъ. Съ этимъ образомъ связана огромная масса размышленій о судьбѣ человѣчества.

Всѣ явленія человѣческой исторіи, согласно этому воззрѣнію, суть круговыя движенія. Смѣняются культуры, созданія искусства, этическій прогрессъ: они описываютъ круговой путь, доходятъ до высшаго своего пункта, падаютъ и возвращаются къ исходной точкѣ. Истиннаго прогресса не существуетъ. Всякое развитіе есть лишь относительное движеніе впередъ, которое непремѣнно вернется къ своему исходному пункту. Это представленіе, распространенное на всѣ явленія, наложило свой отпечатокъ на космологическія теоріи. Міръ возникаетъ, совершаетъ свой полный путь и снова разрушается. Отъ солнца, при его вращеніи, отрывались кольца; кольца становились планетами. Планеты, задерживаемыя въ своемъ движеніи тонкою средой въ концѣ концовъ теряли свою первоначальную скорость и падали на солнце. Отъ страшнаго толчка солнце невѣроятно нагрѣвалось, превращалось въ туманность,—и вся игра начиналась снова. Выводомъ изъ этой теоріи круговорота стала для Ницше новая „философія вѣчнаго возвращенія". Такъ какъ мысль, что мы вѣчныя времена будемъ находиться въ этомъ круговоротѣ явленій, и наша однородная судьба ни на волосъ не будетъ отличаться отъ преж-

Digitized by Google

ней, такъ какъ эта мысль для насъ невѣроятно отталкивающая, то здѣсь пессимизмъ черпалъ свою силу.

Нѣкоторымъ варіантомъ такого воззрѣнія была матеріалистическая доктрина оттѣнка: все видимое есть лишь индифферентная „матерія“; всякая форма, всякое явленіе, всякое событіе, весь видимый міръ со всѣмъ его пестрымъ разнообразіемъ красокъ, — все это только короткіе круговороты, короткія волны этой первоначальной матеріи, въ которую все снова погружается. Это представленіе изъ космологии переносилось въ свою очередь на заключеніе о судьбахъ человѣка и его исторіи. Все уже случалось прежде. Собственно, вообще развитія не существуетъ. Никакая этическая, эстетическая, техническая „форма“ не можетъ надолго дѣйствительно стать выше первоначальной „матеріи“: послѣ короткаго существованія она возвращается къ прежнему виду, потому что всякое движеніе есть круговое движеніе, и все безъ остатка возвращается снова къ своему исходному пункту.

Взглядъ на будущее съ точки зрѣнія этой теоріи столь же ясенъ, сколько неутѣшителенъ. Человѣчество въ конечномъ счетѣ способно производить лишь одно и то же. Оно живетъ въ увѣренности постояннаго прогресса, но стоитъ бросить взглядъ на движеніе человѣчества въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, и мы увидимъ, что оно не шло безконечно впередъ, а двигалось все по той же кривой. Наши завоеванія науки и искусства воздвигнуты на прахѣ прежнихъ, которыя были такъ же хороши, какъ и эти. Даже если земля никогда не упадетъ на солнце, а вѣчныя времена будетъ носиться вокругъ него, и солнце вслѣдствіе какого либо процесса саморегулированія никогда не потухнетъ, тогда и эта убійственная скука сизифовой игры станетъ вѣчной.

Послѣднее утѣшеніе отнимаетъ теорія эквивалентовъ, которая тоже примыкаетъ къ идеѣ круговорота. Если что либо возвысилось, то должно существовать мѣсто, гдѣ будетъ соотвѣтственное пониженіе; если процвѣтаетъ искусство, то должны отставать наука и этика; если люди свободны, то они заурядны; если они, наоборотъ, возвышенны духомъ, то физически пребываютъ въ состояніи убожества; если имъ удалось уничтожить одинъ источникъ страданій, то, съ другой стороны, чувствительность къ страданію возросла на одинъ градусъ, и гдѣ прежде мученіе причиняла пытка раскаленнымъ желѣзомъ, тамъ теперь такія же мученія причиняетъ мозоль.

Всѣ эти представленія, которыя на двѣ трети составляютъ питательный матеріалъ всего современнаго скептицизма и пессимизма, поддерживая разочарованность тѣхъ людей, у которыхъ вопросъ о будущемъ человѣчества не вызываетъ ничего кромѣ снисходительно презрительной улыбки, всѣ они дѣйствительно являются тѣневой стороной коперниковскаго міровоззрѣнія. Существуетъ неподвижный центръ, всѣ остальныя точки кружатся вокругъ него, не совершая въ дѣйствительности никогда поступательнаго движеніе впередъ.

Изреченіе, что основные элементы пути человѣчества заключаются въ пути земли, какъ оно ни кажется тривіальнымъ, могло, при неправильномъ примѣненіи, привести и въ дѣйствительности привело къ самымъ ошибочнымъ умозаключеніямъ, потому что примѣненіе этой мысли было неправильно.

Дѣло въ томъ, что земная орбита въ дѣйствительности вовсе не есть замкнутый кругъ. Такъ какъ центръ земной орбиты—солнце само находится въ движеніи, то земля при своемъ движеніи вокругъ солнца никогда не проходитъ черезъ *однѣ и тѣ же* точки пространства. Если принять во вниманіе движеніе солнца, то земная орбита окажется въ дѣй-

Digitized by Google

ствительности спиральной линіей. Во всей солнечной системѣ не существуетъ ни одного движенія по замкнутому кругу, потому что всюду средній пунктъ каждаго такого кругового движенія самъ совершаетъ движеніе въ пространствѣ, по меньшей мѣрѣ вмѣстѣ со своимъ центральнымъ солнцемъ. Мы не знаемъ ничего о томъ, какой видъ имѣетъ само по себѣ движеніе солнца въ пространствѣ, которое съ точки зрѣнія земного наблюдателя представляется прямолинейнымъ движеніемъ по направленію къ одной изъ звѣздъ созвѣздія Геркулеса. Но аналогія говоритъ за то, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ линіей, приближающейся къ круговой, конечно, только приближающейся къ кругу, потому что, по аналогіи же, мы должны допустить, что, центръ этой высшей звѣздной системы, въ которой наше солнце само является планетой,—движется въ пространствѣ. Во всей системѣ *неподвижныхъ* звѣздъ, всюду, куда только проникаетъ нашъ глазъ, царитъ непрерывное, своеобразное движеніе всѣхъ солнцъ и между ними такихъ гигантовъ, передъ которыми наше солнце является лишь ничтожнымъ карликомъ. И такъ безъ конца. И всякое такое движеніе центральныхъ солнцъ высшихъ системъ все болѣе удаляетъ движеніе нашей земли отъ круга, все болѣе усложняетъ и закутываетъ эту спиральную линію.

Итакъ, если первый элементъ пути человѣчества дѣйствительно долженъ соотвѣтствовать пути земли, то оказывается, что это будетъ: вѣчное движеніе впередъ, движеніе, которое съ точки зрѣнія объективнаго наблюдателя является своеобразной, запутанной арабесками спиральной линіей, которую только ошибочно можно было принять за замкнутый кругъ.

Теперь очевидно: это звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ то, что мы слышали прежде! Тамъ абсолютнымъ былъ кругъ, движеніе же впередъ являлось оптическимъ обманомъ. Здѣсь же эта сложная незамкнутая линія является истинной, а представленіе о ней, какъ о замкнутомъ кругѣ, является результатомъ близорукой ошибки! Цѣлая пирамида аналогій, прямо противоположныхъ прежнимъ, возникаетъ при этомъ. Это уже само по себѣ есть нѣкоторое пріобрѣтеніе.

Прямая очевидность (если конечно считать аналогію Гердера удачною) говоритъ за то, что въ развитіи человѣчества всѣ кажущіеся круги есть въ дѣйствительности спиральныя линіи вѣчно уходящаго впередъ пути; такимъ образомъ никогда культурное развитіе не можетъ упасть до *точно* того же уровня, на которомъ оно находилось когда-то; нѣтъ абсолютныхъ эквивалентовъ; никакая „форма“ не возвращается цѣликомъ въ материнское лоно,—и такъ далѣе, все въ противоположность прежнимъ выводамъ, впередъ, въ будущее!

* * *

Тихо свѣтится и величественно течетъ надо мною млечный путь. Онъ самъ похожъ на двѣ спирали въ пространствѣ, нѣсколько перспективно сдвинутыя. Мнѣ приходятъ на умъ безчисленныя туманныя пятна, основная форма которыхъ постоянно спираль. Можетъ быть, въ этомъ совпаденіи не простая случайность. Можетъ ли быть случайностью то, что проникаетъ всю міровую систему?

Но моя мысль отъ невѣдомыхъ высей снова возвращается къ земной орбитѣ. Какъ она мала! Только годъ—такой ничтожный промежутокъ времени! Тутъ вся планетная система вращается передо мной, какъ маленькая изящная игрушка со всѣми своими большими, малыми и совсѣмъ крошечными шарами и шариками, со своими планетами, планетоидами и лунами. На одной изъ такихъ планетъ, на землѣ могла возникнуть жизнь. Она мог-

Digitized by Google

ла развиться изъ ничтожнаго бациллоподобнаго комочка матеріи до безконечнаго разнообразія формъ, изъ одноклѣточнаго существа до гигантскаго клѣточнаго общества; здѣсь возникъ человѣкъ, здѣсь сложилось человѣчество со своимъ сложнымъ культурнымъ единствомъ. Для всего этого потребовались по меньшей мѣрѣ тысячи милліоновъ лѣтъ. Тысячи милліоновъ разъ пришлось землѣ обѣжать вокругъ солнца и за все это время не было ни одного случая, когда она испыталабы серьезное, угрожающее развившейся на ней жизни столкновеніе съ какимъ либо другимъ міровымъ тѣломъ.

Для этого дѣйствительно кажется необходимымъ необычайно точное механическое устройство. Всѣ эти нѣсколько сотенъ свѣтилъ системы должны были быть такъ расположены, чтобы въ теченіе милліарда лѣтъ не сталкивались другъ съ другомъ и не упали на солнце. И для рѣзвой метеоритной пыли и неожиданно появляющихся кометъ пространство между этими нѣсколькими сотнями твердыхъ шаровъ должно было такъ расчищено, чтобы не могло произойти ничего серьезнаго. Должно было существовать разобщеніе между всей системой и тѣми далекими солнцами, которыя горятъ тамъ въ ночномъ небѣ. Они должны лежать на опредѣленномъ разстояніи, ближайшіе изъ этихъ солнцъ, отдѣленные отъ нашей системы безграничнымъ пустымъ пространствомъ. И между этими солнцами и отдаленнѣйшими туманностями должно существовать строгое равновѣсіе, которое исключало-бы возможность мірового крушенія, иначе наше солнце сорвалось бы со своего пути и исчезло-бы, тогда какъ оно все время спокойно совершаетъ свой путь, не сталкиваясь ни съ одною изъ неподвижныхъ звѣздъ. Только этимъ взаимнымъ равновѣсіемъ при движеніи обезпечивается землѣ безпрепятственный путь на такое колоссальное протяженіе времени.

Не буть полной безопасности для планеты на такое протяженіе времени, на ней не могла такъ пышно распуститься жизнь, не было бы человѣка, не было бы культуры.

И новый элементъ, уподобляющій путь человѣчества пути земли, возникаетъ передъ моимъ взоромъ.

Это—элементъ гармоніи.

Тѣмъ, что земля обернулась вокругъ солнца не одинъ только, а тысячи милліоновъ разъ, такъ долго, что на ней могло возникнуть человѣчество,—земля обязана тому элементу гармоніи, который проникаетъ и ее, и солнечную систему, и всѣ доступные намъ небесные міры. Земля несетъ на своемъ хребтѣ человѣчество, движется вокругъ солнца и несется по спиральной линіи въ пространствѣ; она движется въ царствѣ гармоніи, которая, какъ крылья могучаго добраго ангела, охраняла ее въ теченіе милліардовъ лѣтъ и бережно донесла до нашего времени.

* * *

Какою огромною силою вѣетъ отъ этой картины! Мы живемъ въ мірѣ гармоніи. Только благодаря ей стало возможнымъ самое наше существованіе. Можетъ ли путь человѣчества быть чѣмъ либо инымъ, какъ не прекрасно устроеннымъ гармоническимъ развитіемъ? Журчаніе ручья превратилось въ тиканіе часовъ, а послѣднее стало мелодіей:—путь человѣчества это хороводъ въ огромномъ хороводѣ свѣтилъ, мелодія же на этой маленькой нѣжной землѣ это слабый, нѣжный и живой отзвукъ величественной гармоніи сферъ, которая звучитъ намъ изъ отдаленнѣйшихъ міровъ...

И эти представленія легли въ основу цѣлаго міросозерцанія. Человѣчество покоится въ объятіяхъ матери природы. Звѣзды охраняютъ его счастье. Какое изящное художественное произведеніе—исторія че-

Digitized by Google

ловѣчества! Конечно, въ будущемъ его ожидаетъ такое же блестящее существованіе. Гармонія усиливается и охватываетъ все.

Да, все это такъ,—но тутъ, изъ нѣдръ человѣчества, наперекоръ всѣмъ гармоніямъ, раздается крикъ, потрясающій вопль Прометея, прикованнаго къ скалѣ, вопль, отъ котораго улыбка застывала на губахъ олимпійцевъ.

Нѣтъ, такою дешевою цѣною человѣчеству не отдѣлаться. Для такой картины непрерывныхъ пѣснопѣній нашъ міръ слишкомъ тяжелъ, слишкомъ грязенъ, слишкомъ низокъ и въ тоже время слишкомъ высокъ.

Я вижу передъ собою этого сына человѣческаго, это человѣческое дитя, „человѣчество", вижу, какъ оно пробуждается изъ своего бездонно глубокаго животнаго сна, пробуждается къ сознанію и впервые начинаетъ мыслить. Я вижу его въ безпредѣльномъ одиночествѣ, заброшеннымъ на этой планетѣ, на которой воды бушуютъ въ бездонныхъ пропастяхъ, гдѣ трясется земля, а надъ землею „мчатся цѣпью вихри", вижу его въ этой страшной необезпеченности его жизни.

Всюду угрожающіе удары и столкновенія. Вѣчно вы сидите въ поѣздѣ желѣзной дороги и съ минуты на минуту ожидаете столкновенія, схода съ рельсовъ, крушенія, съ переломами и кровью. Напрасны всѣ вопросы, всѣ мольбы.

Путь человѣчества — это дисгармонія, разладъ, столкновенія, не только такія, при которыхъ можно любоваться появленіемъ новой сіяющей звѣзды, какъ это бываетъ при столкновеніи двухъ міровыхъ тѣлъ. Эта дисгармонія лежитъ какъ разъ въ мірѣ субъективнаго, въ области личныхъ чувствъ; разрывъ нерва вызываетъ цѣлую бурю боли и страданія. Въ этотъ міръ непрерывныхъ ударовъ и толчковъ брошена нѣжная сѣть тончайшихъ нервовъ; этотъ чувствительнѣйшій аппаратъ, растянутый подобно паутинѣ всюду, гдѣ есть люди, конечно продырявленъ и разорванъ въ разныхъ мѣстахъ жизненною грозою. Видѣли ли вы когда-нибудь человѣка, котораго переѣхалъ поѣздъ? Жалкій кусокъ нѣжнѣйшихъ тканей; клубокъ нервовъ, который прежде былъ источникомъ силы, достаточной, чтобы сломать подкову. А теперь? Отъ ничтожнаго толчка онъ разбитъ, и воя, и дрожа каждымъ волокномъ, извивается въ предсмертной агоніи. Загляни теперь въ философію этого вѣчно раздавленнаго колесомъ судьбы; не въ ту философію, которая звучитъ въ рѣчахъ застольнаго оратора съ полнымъ бокаломъ въ поднятой рукѣ, нѣтъ, а въ ту глубокую, истинную, народную философію, изъ которой слышится голосъ страданія, Эта философія не нуждается въ хитроумныхъ соображеніяхъ, это простой, незамысловатый выводъ житейскаго опыта: земля—юдоль скорби; лучше было бы никогда не родиться; кого боги дарятъ своими милостями, того они хотятъ въ конецъ испортить; всякому свой чередъ; все суета и такъ или иначе ты станешь въ концѣ концовъ достояніемъ ночи, духа зла—Аримана. Если Богъ и провозгласилъ вѣчное милосердіе, за то человѣкъ придумалъ тысячи злыхъ духовъ. О Богѣ онъ грезитъ, какъ о далекой свѣтлой звѣздѣ.

Да, такъ легко намъ не дается жизнь. Фаустъ вь тѣ ночные часы холоднаго одинокого раздумья не слышалъ, чтобы часы выстукивали, мелодію: „Какъ безгранична благость Всемогущаго..." Они стучали ровно и просто, закономѣрно. И онъ думалъ о безымянномъ страданіи земли, скрытомъ покровомъ ночи. Закономѣрность, ритмъ часовъ—но къ чему все это! И тутъ облачный покровъ разрывается, и звѣзды свѣтятся съ вышины, а въ небесахъ звучитъ ритмъ міровыхъ часовъ и вѣетъ гармоніей. Какъ примирить это?

Digitized by Google

Здѣсь является совершенно простая мысль. Впервые она была ясно формулирована Дарвиномъ.

Если продолжительно, непрерывно трясти вмѣстѣ какіе либо предметы, то сначала они испытываютъ безчисленное количество ударовъ и столкновеній. Но, наконецъ, послѣ нѣкотораго времени толчки становятся менѣе значительны, и наступаетъ нѣкоторый порядокъ. Безъ внѣшняго вмѣшательства какой-либо мистической силы возникаетъ извѣстная гармонія, исключительно на основѣ весьма простого закона, приводящаго въ систему безпорядочные толчки.

Среди тысячи возможностей, положеній, движеній, смѣшеній существуетъ одно самое простое, наиболѣе способное къ сопротивленію, наиболѣе гармоническое состояніе. Разъ такое состояніе возникло, оно имѣетъ перевѣсъ надъ всѣми остальными, преимущество въ устойчивости. И въ то время, какъ такія состоянія постепенно накопляются, наступаетъ „естественный отборъ“ наиболѣе „приспособленныхъ“ другъ къ другу; тогда въ цѣлой системѣ тѣлъ наступаетъ наивозможнѣйшее приближеніе къ гармоническому состоянію.

Такъ происходитъ всюду, начиная отъ корзины съ картофелемъ вплоть до планетной системы или системы неподвижныхъ звѣздъ, которая, наконецъ, пришла въ настолько устойчивое гармоническое движеніе, что равновѣсіе въ ней сохраняется въ теченіе милліардовъ лѣтъ безъ столкновеній внутри системы; равновѣсіе сохраняется все время, пока не измѣнятся внѣшнія условія.

Можно совершенно справедливо сказать: въ логикѣ этого отбора, въ той логикѣ, по которой гармоническое сохраняется, а дисгармоническое также послѣдовательно исчезаетъ, въ этомъ положеніи вещей коренится міровая тенденція къ гармоніи. Міровые часы закономѣрно отбиваютъ тактъ и со всею неумолимостью закономѣрности отмѣчаютъ ростъ міровой гармоніи. Однако, здѣсь есть еще и другая сторона.

Эта гармонія, возникающая путемъ естественнаго отбора, есть всегда лишь *мало по малу* наступающее состояніе. Оно становится возможнымъ лишь послѣ и именно вслѣдствіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода крайнихъ дисгармоническихъ состояній. Оно возникаетъ изъ дисгармоніи и предполагаетъ длинное, въ зависимости отъ условій, переходное время приближенія къ гармоніи. Однимъ словомъ, послѣдняя является весьма сложнымъ продуктомъ развитія. Этой прекрасно урегулированной планетной системѣ должно было предшествовать невѣроятно долгое время страшной борьбы. Масса отдѣльныхъ особенностей нашей системы свидѣтельствуетъ объ этомъ времени. Лишь послѣ этой борьбы, этихъ пробъ, неустойчивыхъ распредѣленій массъ и всѣхъ возможныхъ системъ движеній, — только послѣ всего этого наступилъ тотъ періодъ устойчивой гармоніи, который, какъ упоминалось, тянется милліарды лѣтъ.

Такимъ образомъ гармонія не есть даръ божества, который изначала исключалъ бы всякую дисгармонію. Міръ гармоній могъ наступить лишь послѣ періода страшныхъ столкновеній или, говоря съ точки зрѣнія чувствующаго субъекта, счастье всегда есть результатъ и вѣнецъ борьбы и страданій.

Но далѣе. Если принять гармоническое состояніе за результатъ развитія, то остаются еще условія, открываются новыя перспективы въ будущемъ, когда мы должны будемъ считаться съ новою возможностью страданій. Во всякомъ случаѣ само по себѣ высшее гармоническое состояніе (примѣромъ котораго мы брали солнечную систему) не можетъ измѣниться и разру-

Digitized by Google

шиться, потому что такая система представляетъ сама максимумъ устойчивости. Но гармоническая система, вслѣдствіе простого теченія вещей, можетъ натолкнуться на чуждую ей силу, которая окажется могущественнѣе ея. Эта сила, означая измѣненіе основныхъ условій, можетъ поколебать, разрушить гармонію, привести ее снова въ дисгармоническое состояніе. Тогда, конечно, прежній процессъ приспособленія начнется снова. Части разбитой, разрушенной гармоніи войдутъ въ новую систему, станутъ къ ней въ опредѣленныя гармоническія отношенія, онѣ приспособятся къ новымъ условіямъ, при чемъ опять возможны различные случаи.

Поглотившая гармоническую систему могущественная сила сама можетъ находиться на стадіи хаотической борьбы; тогда меньшая система (гармоническая) падаетъ до этой ступени первобытнаго хаоса, а изъ всей массы черезъ рѣшето отбора начнетъ возрастать мало по малу гармоническое состояніе. Но съ другой стороны можетъ случиться, что бо́льшая, уже гармоническая система поглотитъ меньшую и быстро спаяетъ ее со своими частями; при этомъ, разумѣется, въ обѣихъ системахъ наступятъ нѣкоторые дисгармоническія состоянія переходнаго времени, но гармоническій результатъ наступитъ значительно быстрѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Оба явленія отличаются существенно лишь временемъ, которое необходимо, чтобы всякій хаосъ въ концѣ концовъ превратился въ порядокъ, въ космосъ, въ гармонію.

Получается такой чрезвычайной важности выводъ: *во всякомъ случаѣ* конечнымъ результатомъ будетъ прогрессъ, высшее развитіе въ болѣе сильную, устойчивую гармонію. Предѣломъ является истинное „развитіе". Гармонія можетъ быть „поглощена" только высшей гармоніей, но не слабѣйшей, потому что даже если гармонія поглощена хаосомъ, послѣдній обладаетъ большей массой, а большая масса *въ конечномъ результатѣ* означаетъ и высшую гармонію. Никогда высшая гармонія не можетъ уступить слабѣйшей: она образуетъ по отношенію къ ней центръ поглощенія. всасыванія, какъ обладающая большей массой. Возьмемъ для примѣра солнечную систему. Она послѣ безконечной борьбы установилась какъ шедевръ гармоніи.

Но она мчится въ пространствѣ въ теченіе вѣковъ и, наконецъ, наталкивается на бо́льшую систему.

Наступаетъ кризисъ, эпоха безпорядка, когда планеты переживаютъ ужасное время, пока, наконецъ, меньшая система не войдетъ гармонически въ большую и „приспособится" къ ней. Теперь опять возникло новое цѣлое, какъ большая, болѣе устойчивая гармонія: системы пережили *развитіе.* Или маленькая солнечная система повстрѣчается на своемъ пути съ огромнымъ хаосомъ борьбы, большей массы, скажемъ, съ туманностью. Или же хаосъ можетъ возникнуть отъ столкновенія двухъ солнцъ, причемъ всѣ планеты упадутъ на нихъ и превратятся отъ развившагося при толчкѣ огромнаго количества тепла въ газы и пары. Но часы закономѣрности стучатъ не переставая,—и черезъ билліоны лѣтъ изъ этого хаоса возникаетъ стройная солнечная система, большихъ размѣровъ и болѣе устойчивая, чѣмъ прежняя.

Въ этой необходимости развитія лежитъ по истинѣ нѣчто не преодолимое, если не принимать во вниманіе времени. Гармонія завоевываетъ міръ. Линія движенія вселенной есть неизмѣнно возростающая линія гармоніи.

Но также неизбѣжны петли и другой сѣти: новыя дисгармоническія состоянія сопровождаютъ каждый переходъ отъ одной ступени гармоніи къ другой, высшей. Если

Digitized by Google

вообще всякая гармонія возникаетъ только изъ вихрей дисгармоніи, то и переходъ отъ низшей къ высшей гармоніи также всегда происходитъ черезъ промежуточныя дисгармоніи; даже время отъ времени между этими двумя ступенями можетъ являться стадія полнаго первобытнаго хаоса.

* * *

Единственный путь при такомъ ходѣ мыслей представляется мнѣ возможнымъ, чтобы выйти изъ противорѣчія между существующимъ великолѣпіемъ міровой гармоніи и въ то же время страшной остротой нашихъ страданій.

Гдѣ много страданія, тамъ многое зачинается, многое развивается. Мы можемъ высоко цѣнить или умалять судьбу человѣка на землѣ,—мы можемъ смотрѣть на него скептически или съ радостными надеждами, но не можемъ допустить, чтобы человѣчество только теперь начинало свой путь, открывало новое поле бытія. Стоитъ вспомнить только о той огромной работѣ, которая была произведена между обработкой перваго грубаго огнива третичной эпохи и твореніями Гёте, и мы почувствуемъ, какимъ по истинѣ бѣшенымъ темпомъ шло развитіе человѣческой культуры. За это время строеніе человѣческаго тѣла измѣнилось лишь въ ничтожныхъ размѣрахъ. Породы животныхъ и растеній остались почти всѣ тѣ же. За это время въ солнечной системѣ не произошло во всякомъ случаѣ крупныхъ измѣненій, какъ будто вся природа застыла въ изумленіи передъ культурнымъ человѣкомъ: онъ одинъ стремится впередъ въ неистовомъ бѣгѣ. И это—боль его движенія, страданіе, которое онъ испытываетъ!

Когда взоръ погружается въ тихую звѣздную гармонію, тогда кажется, что ея первобытная исторія, эпоха ея образованія отдѣлена отъ насъ непостижимо большимъ періодомъ времени. Въ звѣздной системѣ все устроилось, пришло къ такому устойчивому состоянію, которое существуетъ билліоны лѣтъ. Бури и борьба давно промчались. Мы видимъ теперь только конечный продуктъ. Въ этомъ продуктѣ, въ этой высшей космической гармоніи теперь, въ силу болѣе узкой дифференцировки, очистилось мѣсто для новыхъ образованій, новыхъ твореній, новой борьбы и побѣды, новаго развитія.

Такъ, старое дерево, пережившее тысячелѣтіе, стало теперь полемъ новой сложной жизни; подъ охраною и въ тѣни его могучихъ вѣтвей птицы настроили свои гнѣзда, стволъ обвили ползучія растенія, всюду копошатся живыя существа, а подъ его зеленой кровлей творятъ и любятъ люди.

Такую же новую ступень въ развитіи природы представляетъ возникшая на планетѣ жизнь. Подъ покровомъ звѣзднаго неба, какъ въ тѣни дерева, она совершаетъ весь свой путь отъ хаотической живой матеріи до первыхъ гармоническихъ существъ. Растенія и животныя это и есть такія живыя гармоническія системы. Воспроизведеніе и размноженіе есть тоже стремленіе къ устойчивости на основѣ нѣкотораго рода періодическаго кругового движенія жизни, движенія индивидуумовъ около центральнаго пункта, около устойчиваго рода. Вся чудесная игра „приспособленій“ растеній и животныхъ, которыя изучилъ Дарвинъ и назвалъ этимъ именемъ, лежитъ на пути къ гармоническому устройству развивающейся, организующейся жизни. Наше собственное человѣческое тѣло есть прекрасная гармоническая система. Наше сердце бьется неустанно той же дивной мелодіей, которая царитъ въ звѣздной системѣ, только создавшейся въ болѣе короткое время.

Все это достигнуто огромной

Digitized by Google

борьбой и все еще способно къ дальнѣйшему развитію, хотя въ цѣломъ жизнь является уже отвоеванной, твердой основой, гармонической почвой новаго развитія.

Но теперь подъ защитой этой живой оболочки загорается бурный огонь человѣческой духовной жизни, огромный хаотическій водоворотъ новыхъ явленій, непрерывная цѣпь нагромождающихся эволюцій, — и все это включено въ обширную, старѣйшую гармонію міровой системы, земли, животнаго міра и собственнаго человѣческаго тѣла. Эти болѣе старыя гармоніи, являясь основными условіями духовнаго бытія человѣка, часто кажутся ему лишь досадными, окоченѣвшими препятствіями его развитія. Человѣку часто хотѣлось бы унестись прочь отъ земли, разлучиться со своимъ тѣломъ, освободиться отъ всего этого наслѣдства своего животнаго существованія. Онъ рвется вдаль и пытается умчать все съ собой, сдѣлать свои желанія закономъ явленій. Но тутъ, наталкиваясь на неодолимыя препятствія, онъ начинаетъ чувствовать „необезпеченность“ жизни. Смерть, болѣзнь, внезапныя столкновенія съ существующими, непоколебимыми, старѣйшими гармоническими системами естественныхъ силъ,—все это кажется грубымъ нарушеніемъ его правъ. Отсюда и возникаютъ ужасныя страданія его внутренняго процесса развитія. Высокая чувствительность къ боли сама по себѣ стала средствомъ для развитія, она выработалась какъ необыкновенно чувствительный приборъ, необыкновенно тонко регистрирующій всѣ дисгармоническія вторженія въ гармоническую систему, и при этомъ приборъ, который производитъ отборъ и приспособляетъ все къ этой системѣ. Весь человѣкъ — это тріумфъ непрерывнаго гармоническаго приспособленія тончайшихъ, дифференцированныхъ и глубокихъ процессовъ его бытія. Но за этотъ даръ онъ долженъ заплатить дорогою цѣной. Онъ чувствуетъ всѣ толчки и разрывы, всю эту тонкую работу приспособленія дисгармоній, но за то чувствуетъ это съ мучительной болью, которая по временамъ вырываетъ у него отчаянный вопль страданія, крикъ Прометея среди этого олимпійскаго міра созвѣздій, среди святой небесной гармоніи, гдѣ „тихо плаваютъ въ туманѣ хоры стройные свѣтилъ“.

Тотъ, кто склоненъ видѣть всюду во вселенной одухотворенную жизнь, кто въ паденіи камня и движеніи звѣзды хочетъ видѣть какой то душевный процессъ, тотъ можетъ сказать: цѣною этихъ ужасныхъ страданій человѣкъ выкупаетъ свою сознательность, онъ платитъ ими за то, что онъ помѣщается въ томъ полѣ вселенной, гдѣ кипитъ борьба, жизнь, развитіе. Каждому его успѣху, всякой долѣ завоеванной гармоніи долженъ соотвѣтствовать болѣе или менѣе продолжительный періодъ духовнаго покоя. Всѣ явленія, протекающія безъ боли, совершаются автоматически. Тутъ новаго приспособленія уже не происходитъ. Состояніе полнаго благополучія привело бы мало по малу къ покою сознанія, покою воли и, наконецъ, ничѣмъ бы не стало отличаться отъ глубокаго, безъ сновидѣній, сна. Можно думать, что наша звѣздная система духовно находится въ такомъ состояніи. Это состояніе духовнаго сна можно видѣть всюду на землѣ, гдѣ явленія протекаютъ автоматически: въ инстинктахъ животныхъ, въ жизненныхъ процессахъ, совершающихся автоматически, въ развитіи зародыша въ тѣлѣ матери и такъ далѣе. Мы знаемъ, что и наша собственная интенсивная душевная жизнь прерывается періодически сномъ. Въ отличіе отъ всего другого, наша душевная жизнь это единственное мѣсто въ природѣ, гдѣ бодрствуетъ сознаніе. И это сознаніе свидѣтельствуетъ, что здѣсь

Digitized by Google

идетъ развитіе, борьба за новыя гармоніи. Этотъ ходъ мыслей намѣченъ здѣсь вскользь, чтобы показать, какое широкое поле построеній открывается здѣсь, при такомъ пониманіи человѣческаго бытія.

Что во всякомъ случаѣ остается установленнымъ, это -- согласованность пути человѣчества, несмотря на всѣ страданія его, съ небесной гермоніей мірового движенія. Страданія человѣка указываютъ лишь на низшую ступень этой системы, включенной въ болѣе обширную гармоническую систему.

При этомъ, конечно, мы не должны забывать, какая полнота гармоническихъ моментовъ уже существуетъ въ человѣческой жизни, наряду со страданіями. Пессимисты отмѣчаютъ лишь „мгновенный характеръ", переходность такихъ моментовъ. Но это именно и есть симптомъ интенсивной жизни, необыкновенной активности всѣхъ процессовъ, это печать Каина нашего центральнаго положенія въ полѣ развитія, во вселенной. Но цѣлая масса гармоническихъ системъ уже получила продолжительную устойчивость въ культурной жизни. Стоитъ вспомнить только о произведеніяхъ искусства, о философскихъ мысляхъ, переживающихъ тысячелѣтіе, о безостановочномъ распространеніи этическихъ идей и о всемъ духовномъ достояніи культурнаго человѣчества...

Тихо и величественно течетъ надо мною млечный путь. Полный тихаго примиренія слѣдитъ мой взоръ за нимъ. Да, вся эта боль, всѣ мученія, все страданіе сердца,—все это за то, что мы--новая страница, раскрытая въ старой, предвѣчной книгѣ бытія! Это расплата за наше стремленіе къ тому, что вселенная отвоевала себѣ еще въ первобытныя времена,—къ міру гармоніи.

Сверкнула свѣтлой полосой и прокатилась по небу падучая звѣзда...

Но если тамъ, наверху снова зародятся процессы развитія? Если невѣдомая сила налетитъ изъ ночи пространства, разрушитъ небеса гармоній и пробудитъ ихъ къ новой борьбѣ? Что будетъ тогда съ нами?..

Въ сумеркахъ забрезжили новые вопросы.

Digitized by Google

На полѣ брани.

Историческая повѣсть изъ временъ Яна Собѣсскаго.

Г. Сенкевича.

(Продолженіе).

ГЛАВА III.

Сѣрый полумракъ окутывалъ еще землю, когда ксендзъ Воиновскій, шагая по высокимъ сугробамъ снѣга съ фонарикомъ въ рукахъ, спѣшилъ къ своимъ утреннимъ занятіямъ — задавать кормъ голубямъ и куропаткамъ, которыхъ держалъ за особенной загородкой въ небольшомъ амбарикѣ. Ручная лисица со звонкомъ на шеѣ шла вслѣдъ за нимъ, а рядомъ съ ней шпицъ и ежъ, который въ тѐплой комнатѣ ксендза не подвергался обычной зимней спячкѣ. Вся эта разнородная четверка прошла спокойно весь дворъ и остановилась подъ соломенной крышей амбара, съ которой свѣшивались длинныя ледяныя сосульки. Фонарикъ заколыхался, заскрипѣлъ ключъ, повернутый въ замкѣ, щелкнула скобка, еще громче и рѣзче ключа заскрипѣла дверь, и старый ксендзъ вмѣстѣ со своими звѣриными спутниками вошелъ въ амбаръ. Онъ сѣлъ на обрубокъ пня, поставилъ на другой фонарикъ, взялъ висѣвшую у него за плечами полотняную торбу съ зернами и пахнущими погребомъ капустными листьями и, громко зѣвая, началъ разбрасывать ихъ передъ собой.

Изъ темнаго угла амбара тотчасъ же появились три зайца, заблестѣли и заискрились, точно бисеринки, при свѣтѣ фонарика глаза голубей и рыжеватыхъ куропатокъ, которыя подошли, сбившись вмѣстѣ въ тѣсную кучку и покачивая маленькими головками на выгнутыхъ шейкахъ. Голуби, какъ болѣе смѣлые, сейчасъ принялись клевать зерна, тогда какъ куропатки, болѣе пугливыя, осторожно посматривали то на падающія зерна, то на ксендза, то на лисицу, къ которой, впрочемъ, уже нѣсколько привыкли, такъ, какъ пойманныя еще лѣтомъ едва оперившимися птенчиками, видѣли ее съ тѣхъ поръ ежедневно.

Ксендзъ продолжалъ разбрасывать зерна, шепча утреннія молитвы.

Pater noster, qui es in coelis, sanctificetur nomen...

Тутъ онъ прервалъ чтеніе молитвы и обратился къ лисицѣ, которая, прислонясь къ его ногамъ, дрожала, какъ будто ее трясла злѣйшая лихорадка.

— И вся то твоя шкура дрожитъ, какъ только ты ихъ видишь! Каждый день тоже самое... Научись же, наконецъ, обуздывать свою врожденную страсть; вѣдь, кормъ у тебя обильный никогда не терпишь ты голода... На чемъ это я остановился?

И онъ зажмурилъ глаза, какъ бы ожидая отвѣта, но, не получивъ его, началъ читать молитву сначала.

Pater noster, qui es in coelis, sanctificetur nomen tuum, adveniat regnum tuum...

И вновь прервалъ ее.

— Вся то ты извиваешься и вертишься, — сказалъ онъ, положивъ руку на хребетъ лисицы.—Ужъ такая паскудная твоя природа, что тебѣ не только ѣсть надо, но непремѣнно и убивать. Схвати-ка ты ее, Филюсь, за хвостъ, ну, а если она выкинетъ тебѣ подъ носъ какую нибудь неблаговоспитанную штуку, то ты ее кусни хорошенько... Adveniat regnum tuum... Ахъ, ты такая-сякая дочь, знаю, знаю, что ты возразила бы, еслибъ могла говорить: что человѣкъ libenter perdices mandicat, но знай, что человѣкъ хоть постомъ оставляетъ ихъ въ покоѣ, а въ тебѣ, должно быть, сидитъ душа еретика Лютера, потому что ты готова даже въ Страстную Пятницу жрать мясо... Fiat voluntas tua... Трусь, трусь, трусь, на-те вамъ всѣмъ по кочню. Sicut in coelo, et in terra.

И онъ продолжалъ кидать листья и зерна вперемежку, ворча на голубей за то, что весна еще далека, а они почему-то увиваются вокругъ самокъ и воркуютъ. Наконецъ, торба его совсѣмъ опустѣла; онъ всталъ, и собирался уже уйти, какъ вдругъ на порогѣ показался Тачевскій.

—А, Яцусь!—воскликнулъ ксендзъ.— Ты тутъ что дѣлаешь такъ рано?

Тачевскій поцѣловалъ его въ плечо и отвѣтилъ.

— Исповѣдаться пріѣхалъ я, добродзію, а за ранней обѣдней хотѣлъ бы пріобщиться св. Таинъ.

— Исповѣдаться?—Хорошо.. Но почему это тебѣ такъ вдругъ приспичило? Ну, говори же прямо, потому что тутъ есть какая-то загвоздка.

— Скажу правду: я долженъ сегодня драться, а такъ какъ поединокъ съ пятью противниками представляетъ больше опасности и случайностей, чѣмъ съ однимъ, то я хотѣлъ бы очистить свою грѣшную душу.

— Съ пятью! О, Іисусе Христе, что же ты имъ сдѣлалъ такого?

— Въ томъ-то и дѣло, что ничего. Сами искали ссоры, сами и вызвали.

— Кто же это такіе?

— Букоемскіе лѣсничіе да Ципріановичъ изъ Едлинки.

— Я ихъ всѣхъ знаю. Но пойдемъ-ка сперва ко мнѣ въ домъ и разскажи, какъ было дѣло.

Они оба вышли, но у самаго входа ксендзъ Воиновскій вдругъ остановился и, зорко поглядѣвъ въ глаза Тачевскому сказалъ:

— Послушай-ка, Яцекъ, тутъ замѣшана женщина!

Тачевскій грустно усмѣхнулся.

— И да, и нѣтъ,—отвѣтилъ онъ— въ дѣйствительности все вышло изъ за нея, но она совершенно невинна въ этомъ.

— Ага, невинна... Всѣ-то онѣ невинныя. А знаешь ли, что говоритъ Екклезіастъ о женщинахъ?

— Не помню, добродзѣю!

— И я хорошенько не помню, но что не припомню, то тебѣ дома прочту. Inveni (говоритъ) amariorem morte mulierem, quae laqueus (говоритъ) venatorum est et sagena cor ejus. И что-то еще тамъ говоритъ, не помню, но въ заключеніе прибавляетъ: „qui placet Deo, effugiet illam, qui autem peccator est, capietur (го-

Digitized by Google

воритъ) ab illa". *) Остерегалъ я тебя не разъ и не десять разъ, чтобы ты не сидѣлъ постоянно въ этомъ домѣ. Ну, вотъ теперь и расхлебывай.

— О, куда легче предостерегать,— чѣмъ тамъ не бывать!—отвѣтилъ со вздохомъ Тачевскій.

— Ничего хорошаго не ждетъ тебя тамъ!

— Это вѣрно!—прошепталъ молодой человѣкъ.

Оба замолчали и продолжали идти по направленію къ церковному дому. Старый ксендзъ шелъ опечаленный и встревоженный, потому что любилъ всей душой Яцека. Когда послѣ смерти отца, умершаго отъ заразы, юноша остался совершенно одинокимъ на свѣтѣ, безъ близкихъ родственниковъ, безъ состоянія, только съ нѣсколькими хлопами и клочкомъ земли, ксендзъ отнесся къ нему съ нѣжной заботливостью. Средствъ онъ не могъ ему дать, такъ какъ, благодаря своей чисто ангельской душѣ, раздавалъ бѣднякамъ все, что ему приносилъ его жалкій приходъ, но все же изрѣдка тайно помогалъ ему, слѣдилъ, за нимъ училъ его и не только наукамъ, но и рыцарскому дѣлу и пріемамъ. Онъ былъ въ свое время славнымъ воиномъ, однимъ изъ друзей и товарищей по оружію знаменитаго Володіевскаго, участвовалъ въ войнѣ со шведами, по окончаніи которой, вслѣдствіе одного извѣстнаго уже страшнаго случая облачился въ священническое одѣяніе. Полюбивъ всѣмъ сердцемъ Яцека, онъ цѣнилъ въ немъ не только потомка знатнаго рыцарскаго рода, но и душу его, благородную и печальную, такую, какой была и его собственная. Поэтому его мучила и заставляла страдать страшная бѣдность юноши и его несчастная любовь, благодаря которой Тачевскій не отправился искать по бѣлу свѣту славы и денегъ, а губилъ свою молодость въ глухомъ захолустьѣ, живя тамъ почти хлопской жизнью. Это была одна изъ причинъ, почему старый ксендзъ питалъ какую-то нелюбовь ко всѣмъ обитателямъ дома въ Белчончкахъ, ставя пану Гедеону Понговскому въ виду и то, что онъ былъ очень суровымъ помѣщикомъ для своихъ крестьянъ. Онъ же самъ заботился и берегъ этихъ „червяковъ земли", какъ зѣницу ока. Кромѣ того, онъ любилъ и все, что жило и дышало на Божьемъ свѣтѣ: и этихъ звѣрей, которыхъ журилъ, и этихъ птицъ, на которыхъ ворчалъ, и рыбъ, даже весь жабій родъ, который квакаетъ и плещется лѣтомъ въ нагрѣтыхъ солнцемъ водахъ.

Подъ этой священнической одеждой билось сердце не только ангела, воплотившагося въ человѣка, а и сердце бывшаго солдата. Поэтому едва онъ узналъ, что Яцекъ долженъ драться съ пятью противниками, какъ сталъ думать только о томъ, какъ будетъ себя держать юноша во время поединка, выйдетъ ли онъ со славой изъ этого дѣла и безъ ущерба для себя.

Онъ остановился еще разъ у входа въ церковный домъ и сказалъ:

— Но ты, вѣдь, не поддашься имъ? Все, что я самъ умѣлъ и что мнѣ показалъ Володіевскій, все это передалъ я тебѣ и всему научилъ тебя, ничего не утаивъ.

— Не хотѣлось бы мнѣ, чтобы меня зарубили на смерть!--отвѣтилъ скромно Тачевскій, —потому что началась большая война съ Туретчиной.

При этихъ словахъ глаза старца загорѣлись, точно звѣзды. Онъ поспѣшно схватилъ Яцека за петлицу полушубка и сталъ разспрашивать.

— Да будетъ восхвалено имя Господне! Откуда ты знаешь. Кто тебѣ говорилъ?

— Панъ староста Гротусъ!—отвѣтилъ молодой человѣкъ...

*) Я нашелъ женщину горче смерти, которая что охотничьи тенета, а сердце ея— что сѣть рыболовная; кто Богу угоденъ, тотъ отъ нея спасется, а кто грѣшникъ— тотъ будетъ ею пойманъ.

Digitized by Google

Долго продолжалась бесѣда Яцека съ ксендзомъ, и длинна была исповѣдь передъ обѣдней, а когда, наконецъ, оба послѣ обѣдни вернулись въ церковный домъ и усѣлись за пивную похлебку, у ксендза все еще не выходило изъ головы извѣстіе о войнѣ съ нехристями. Онъ сталъ по этому поводу нападать на то, что всѣ позабыли прежніе обычаи, и на недостатокъ религіозности во всей Рѣчи Посполитой.

— Боже мой,--говорилъ онъ,— вотъ теперь открылось передъ вами поле славы, а вы предпочитаете ссориться изъ-за частныхъ дѣлъ и калѣчить другъ друга. Имѣя возможность проливать вашу кровь за вѣру и святой крестъ, вы предпочитаете проливать кровь вашихъ братьевъ! И кого ради? И чего ради? Ради какихъ-то частныхъ обидъ или ради женщинъ и тому подобной суетности мірской. Знаю я прекрасно, что это во всей Рѣчи Посполитой старая повадка и древній обычай—и mea culpa—потому что въ грѣховные дни моей юности самъ платилъ дань этому обычаю. На зимнихъ стоянкахъ, когда войска заняты только пьянствомъ и ничегонедѣланьемъ, не проходитъ дня безъ поединокъ, а вѣдь и церковь ихъ караетъ, и законъ ихъ запрещаетъ. Во всякое время это грѣшно, а передъ турецкой войной еще грѣшнѣе. потому что тогда каждая сабля нужна и каждая сабля должна служить истинной вѣрѣ и праведному Богу. Вотъ поэтому-то нашъ король, который есть въ то же время defensour fidei, ненавидитъ поединки, а въ виду непріятеля, на войнѣ, гдѣ онъ соблюдаетъ и охраняетъ военное право, сурово караетъ за нихъ.

— Король въ молодости также не разъ и не два выходилъ на поединокъ,—отвѣтилъ Тачевскій,—да и, наконецъ, что было дѣлать, преподобный отецъ? Не я вѣдь вызвалъ, а меня вызвали. Развѣ я могу отказаться?

— Правда твоя—не можешь, и вотъ почему душа моя болитъ. Ну, да Богъ будетъ на сторонѣ невиннаго!

Тачевскій сталъ прощаться, такъ какъ до полудня оставалось всего какихъ нибудь два часа, а ему предстоялъ не близкій путь.

— Подожди-ка, – воскликнулъ ксендзъ Воиновскій,—я тебя такъ не пущу: прикажу челяднику выстлать соломой сани съ рѣшеткой и подъѣхать къ мѣсту битвы, а то, если у Понговскаго ничего не знаютъ о поединкѣ, то и помощи не пришлютъ. Что же будетъ, если кто нибудь изъ нихъ или ты самъ будешь тяжело раненъ? Подумалъ ли ты объ этомъ?

— Не подумалъ, навѣрно, и тѣ не подумаютъ!

— Ну, вотъ видишь. Поѣду и я, но только не буду тамъ, на самомъ мѣстѣ, а останусь у тебя въ Выромбкахъ. Напутственные св. дары и мальчика со звонкомъ *) также возьму съ собой: кто знаетъ, что можетъ случиться. Непристойно духовной особѣ быть свидѣтелемъ подобныхъ вещей, а то охотно присутствовалъ бы тамъ, хотя бы для того, чтобы поддержать твой духъ.

Тачевскій взглянулъ на ксендза своими мягкими и нѣжными, какъ у дѣвушки глазами.

— Господь Богъ да заплатитъ вамъ за это,—отвѣтилъ онъ,—но я не теряю присутствія духа; еслибъ даже и пришлось сложить голову, то...

—Лучше бы помолчалъ объ этомъ,—перебилъ его ксендзъ.—И что же, не жалко бы тебѣ было не идти на турка и не умереть болѣе славной смертью?

— Правда, жалко было бы, добродзѣю. Вотъ я и постараюсь, чтобы эти людоѣды меня не сразу проглотили!

---

*) Въ Польшѣ и во всѣхъ католическихъ странахъ къ трудно больнымъ или умирающимъ идетъ священникъ со св. дарами въ сопровожденіи мальчика со звонкомъ.

Digitized by Google

Ксендзъ Воиновскій на минуту задумался, затѣмъ спросилъ. Ну, а еслибы я поѣхалъ туда и разсказалъ бы имъ, какая награда ожидаетъ ихъ на небѣ, если они погибнутъ отъ руки нехристей?—можетъ быть, они отказались бы тогда отъ поединка съ тобой.

Оборони Боже! — крикнулъ Яцекъ,—они бы подумали, что это я послалъ васъ. Нѣтъ, сохрани Боже, лучше мнѣ сейчасъ уѣхать, чѣмъ слушать подобныя рѣчи!

„Ну, значитъ, ничего не подѣлаешь. Ѣдемъ!—отвѣтилъ ксендзъ.

Онъ позвалъ челядника и приказалъ ему, что есть духу закладывать лошадь въ сани. Затѣмъ оба они вышли изъ дому, чтобы лично помогать запрягать. На дворѣ ксендзъ, при видѣ лошади, на которой пріѣхалъ Яцекъ, воскликнулъ, пораженный: „Во имя Отца и Сына, откуда это ты досталъ такого уродца?“

Дѣйствительно, у плетня стояло съ низко опущенной головой шершавое и косматое подобіе лошаденки, величиной немного больше рослой козы.

—У хлопа занялъ!—отвѣтилъ Тачевскій. — Вотъ хорошо было бы отправиться на турецкую войну на такомъ конѣ!—И онъ принужденно разсмѣялся.

Но ксендзъ серьезно отвѣтилъ:

—Не важно, на какомъ поѣдешь, лишь бы вернулся на турецкомъ, чего дай тебѣ Боже. А пока что, Яцусь, переложи-ка ты свое сѣдло на моего клепера, а то нельзя же тебѣ въ такомъ видѣ явиться передъ этой шляхтой.

Затѣмъ приладивъ все, что нужно было захватить съ собой, они тронулись: ксендзъ, мальчикъ-служка со звонкомъ и возница въ саняхъ, а Тачевскій верхомъ.

День былъ пасмурный, туманный, потому что на дворѣ стояла оттепель. Снѣгъ лежалъ еще повсюду на промерзлой землѣ, но сверху ужъ такъ размякъ, что лошадиныя копыта безшумно погружались въ него, а полозья тихо подвигались по ровной дорогѣ. Сейчасъ же за Едлиной попалось имъ навстрѣчу съ десятокъ возовъ съ дровами; при нихъ шли пѣшкомъ хлопы, которые становились на колѣни при звукѣ колокольчиковъ, полагая, что ксендзъ ѣдетъ со святыми Дарами къ умирающему. Затѣмъ потянулись поля, окруженныя мглой, пустынныя, бѣлыя, а надъ ними проносились цѣлыми вереницами вороны. По мѣрѣ приближенія къ лѣсу туманъ становился все гуще, расползался по низинамъ, заполнялъ все пространство и поднимался къ верху, такъ что по временамъ путники слышали надъ собой карканье, но не могли различить птицъ. Придорожные кусты казались какими-то привидѣніями, весь міръ утратилъ свой обычный дѣйствительный видъ, превратившись въ какую-то неизвѣстную фантастическую страну съ туманнымъ, точно стертымъ первымъ планомъ и совершенно невѣдомой далью.

Яцекъ ѣхалъ по безмолвнымъ снѣжнымъ полямъ и думалъ о предстоящемъ поединкѣ, но еще больше думалъ онъ о паннѣ Сьенинской и мысленно велъ разговоръ на половину самъ съ собой, на половину съ ней. „Моя любовь къ тебѣ все та же, неизмѣнная, только теперь не радуетъ она мое сердце. Эхъ, правда, и прежде мало было мнѣ отъ нея радости. Ну, а теперь... если бъ я могъ хоть обнять твои ножки или доброе слово услыхать изъ твоихъ устъ, хотя бы только знать, пожалѣешь ли, если со мной приключится бѣда. Но все это также туманно, какъ вотъ эта мгла, разстилающаяся тамъ, и ты сама какъ бы скрылась за этой мглой, и я не знаю, что есть, и не знаю, что будетъ, ни что ждетъ меня, ни что станется — ничего не знаю“.

И Яцекъ почувствовалъ, что грусть какъ бы охватила его душу и осѣла на ней, какъ сырость этого туман-

Digitized by Google

наго утра осѣла на его одеждѣ. Онъ глубоко вздохнулъ и подумалъ про себя: „но все же я предпочитаю, чтобы этому разъ навсегда былъ положенъ конецъ“.

А ксендза Воиновскаго тревожили также невеселыя думы. „Бѣдняга,—говорилъ онъ про себя,—набѣдствовался, не зналъ беззаботной молодости, настрадался изъ-за этихъ несчастныхъ амуровъ, а теперь что? Еще, чего добраго, эти забіяки Букоемскіе возьмутъ да зарубятъ его. Вѣдь недавно въ Козиницахъ искалѣчили пана Кожибскаго... А если и не зарубятъ мнѣ моего Яцка, то тоже ничего хорошаго не выйдетъ изъ этого. Мой Боже, вѣдь этотъ молодецъ что твое чистѣйшее золото—и знатнаго рыцарскаго рода послѣдній онъ отпрыскъ, послѣдняя живая капля знаменитой крови... Хоть бы теперь уберегъ себя... Только одна надежда на Бога, что не позабудетъ онъ двухъ ударовъ: первый—неожиданный, сбивающій съ толку, съ уклоненіемъ въ сторону, а второй... Яцекъ!“

Но Яцекъ не слыхалъ зова, потому что уѣхалъ впередъ, и старый ксендзъ не рѣшился еще разъ позвать его. Напротивъ, онъ пришелъ въ ужасъ при одной мысли, что отецъ духовный, и ѣдущій со св. дарами, думаетъ о подобныхъ вещахъ. И онъ сталъ мысленно каяться и молить Бога о прощеніи.

Но на душѣ его становилось все грустнѣе и мрачнѣе. Его охватило какое-то предчувствіе, перешедшее почти въ увѣренность, что этотъ странный поединокъ плохо кончится для Яцека.

Тѣмъ временемъ они доѣхали до поперечной дороги, которая вела вправо въ Выромбки, а влѣво — въ Белчончку. Возница, которому былъ заранѣе отданъ приказъ, остановился. Тачевскій подъѣхалъ къ санямъ и сошелъ съ лошади. „Пройду ка я къ Распятію пѣшкомъ,—сказалъ онъ,—а то, пока сани отвезутъ вашу милость и пріѣдутъ обратно, я не буду знать, что мнѣ дѣлать съ лошадью. А быть можетъ они уже тамъ!

— Еще нѣтъ полудня, но уже не долго до него, — отвѣтилъ ксендзъ слегка измѣнившимся голосомъ.-- А какая мгла, придется вамъ на ощупь драться!

— Нѣтъ, видно достаточно.

Карканье невидимыхъ воронъ опять раздалось надъ ихъ головами.

— Яцекъ! — заговорилъ опять ксендзъ.

— Слушаю!

— Когда приступишь къ дѣлу, то помни о рыцаряхъ изъ Тачева.

— Не придется имъ стыдиться за меня, преподобный отецъ, нѣтъ, не придется!

И старый ксендзъ замѣтилъ, что черты юноши какъ бы окаменѣли а въ глазахъ, хотя ихъ не покинуло обычное выраженіе грусти, уже не было той, присущей имъ, нѣжности и мягкости.

— Это хорошо, — сказалъ онъ, — но стань теперь на колѣни, я перекрещу тебя, а передъ началомъ поединка самъ перекрестись.

Говоря это, онъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ голову Яцека, стоявшаго на колѣняхъ на снѣгу.

Тачевскій привязалъ клепера позади саней, поцѣловалъ руку ксендза и пошелъ по направленію къ Белчончкѣ.

— Вернись ко мнѣ цѣлымъ и невредимымъ!—крикнулъ ему вслѣдъ старикъ.

У Распятія еще никого не было. Тачевскій нѣсколько разъ обошелъ его, затѣмъ сѣлъ на камень, лежащій у подножія креста, и принялся ждать.

Кругомъ царила глубокая тишина, только крупныя, похожія на слезы, капли, образовавшіяся изъ сырыхъ испареній, падая съ плечъ распятаго Христа, тихимъ однообразнымъ звукомъ ударялись о размякшій снопъ. Эта тишина, полная какой-то невыразимой печали, эта туманная пустыня, окружающая его, вновь на-

Digitized by Google

полнила сердце Яцека грустью. Онъ почувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какимъ еще никогда до того не чувствовалъ.

— Право, я точно вотъ этотъ, всѣми позабытый и никому на свѣтѣ ненужный колышекъ.—сказалъ онъ про себя,—и такова будетъ моя доля до самой моей смерти. И онъ махнулъ рукой,—Такъ ужъ лучше пусть сразу всему будетъ конецъ!—И съ все возрастающей горечью сталъ онъ думать о томъ, что его противники навѣрное не спѣшатъ сюда, имъ тамъ весело, вѣдь они сидятъ теперь въ Белчончкѣ и разговариваютъ съ „ней", могутъ вдоволь наглядѣться на „нее".

Но онъ ошибался. Имъ также хотѣлось, какъ и ему, скорѣй все покончить. Черезъ минуту до него долетѣлъ громкій говоръ нѣсколькихъ голосовъ, и въ бѣлесоватомъ туманѣ вырисовались четыре высокія фигуры Букоемскихъ и пятая, пониже, Ципріановича. Говорили такъ громко, потому что спорили, кому изъ нихъ первому драться съ Тачевскимъ. Букоемскіе впрочемъ всегда и о всемъ спорили между собой, но на этотъ разъ споръ завелъ Ципріановичъ, который доказывалъ, что будучи болѣе всѣхъ оскорбленнымъ, долженъ и драться первымъ. Они замолчали только при видѣ Распятія и стоявшаго подъ нимъ пана Яцека и приподняли шапки, неизвѣстно, изъ чувства ли почтенія передъ Распятіемъ, или же раскланиваясь съ противникомъ.

Тачевскій поклонился имъ молча и вытащилъ саблю изъ ноженъ. Но въ первую минуту сердце его сильнѣе забилось въ груди: ихъ вѣдь было пять противъ одного, да при томъ же видъ Букоемскихъ былъ прямо таки страшный: всѣ четверо дюжіе молодцы-бородачи съ щетинистыми, точно метла, усами, на которыхъ сѣрая мгла осѣла какой то сѣдой росой, и съ грозно нахмуренными бровями. На лицахъ ихъ было выраженіе какой-то злобной радости, какъ будто они заранѣе радовались возможности пролить человѣческую кровь.

— И зачѣмъ это я добровольно и навѣрняка кладу свою здоровую голову въ гробъ!—подумалъ Яцекъ.

Но безпокойство скоро уступило мѣсто злобѣ и раздраженію противъ этихъ пропойцъ, которыхъ онъ совсѣмъ не зналъ, которымъ не причинилъ никакой кривды, а между тѣмъ они, Богъ знаетъ почему, привязались къ нему и вотъ теперь пришли посягать на его жизнь. И онъ, какъ бы обращаясь къ нимъ, мысленно сказалъ себѣ: „подождите же вы, тунеядцы, вѣдь и вы не о двухъ головахъ!" И щеки его покрылись яркимъ румянцемъ, а зубы крѣпко стиснулись отъ гнѣва. Противники его тѣмъ временемъ принялись сбрасывать плащи (опончи) и засучивать рукава жупановъ. Какъ то совсѣмъ не кстати дѣлали они это всѣ заразъ, точно собираясь сразу напасть, хотя дѣлали это потому только, что каждый думалъ, что именно онъ первый и начнетъ драться. Наконецъ, они всѣ выстроились съ саблями наголо. Тачевскій, подойдя къ нимъ, тоже остановился, и они молча оглядывали другъ друга. Молчаніе прервалъ Ципріановичъ.

— Я первый къ услугамъ пана!

— Нѣтъ, я первый, я первый! — закричали разомъ братья Бухоемскіе.

И едва Ципріановичъ двинулся впередъ, какъ всѣ остальные схватили его за локти. Началась опять ссора и перебранка. Ципріановичъ назвалъ ихъ гайдамаками, разбойничьимъ сбродомъ, они его—щеголемъ и волокитой, а самихъ себя обозвали собачьими братьями. Эта перебранка окончательно вывела изъ терпѣнія пана Яцека и онъ сказалъ.

— Такихъ кавалеровъ мнѣ еще никогда не доводилось встрѣчать въ моей жизни!

И, вложивъ саблю въ ножны, добавилъ твердымъ и нѣсколько презрительнымъ тономъ:

Digitized by Google

— Выбирайте, который же изъ васъ будетъ первымъ, а то я уйду!

— Выбирай ты самъ!—крикнулъ Ципріановичъ въ надеждѣ, что выборъ падетъ на него.

Матвѣй Букоемскій сталъ кричать, что онъ не позволитъ всякому голяку распоряжаться ими, и такъ кричалъ, что передніе зубы, которые у него были такіе длинные, какъ у зайца, поминутно сверкали изъ-подъ его усовъ. Но онъ тотчасъ же замолчалъ, когда Тачевскій, вновь обнажившій саблю, указалъ на него ея концомъ и произнесъ:

— Выбираю пана!

Остальные братья вмѣстѣ съ Ципріановичемъ сейчасъ же отошли, понявъ, что иначе они ни до чего не договорятся. Только лица ихъ стали болѣе пасмурными, такъ какъ, зная, какой силой обладаетъ Матвѣй, они были увѣрены, что имъ то ужъ послѣ него не останется никакой работы.

— Начинайте!—сказалъ Ципріановичъ.

Тачевскій сразу, при первой же сшибкѣ, почувствовалъ силу противника, такъ какъ сабля даже задрожала въ его рукѣ, но онъ ловко отпарировалъ одинъ ударъ, затѣмъ другой, а при третьемъ сказалъ самъ себѣ: „онъ не такъ ловокъ, какъ силенъ" и, присѣвъ немного для лучшаго прыжка, самъ напалъ на противника съ большой горячностью.

Остальные же братья, оперевъ концы сабель о землю, слѣдили съ разинутыми ртами за поединкомъ. Они скоро поняли, что Тачевскій „знакомъ съ этимъ дѣломъ" и что не такъ-то легко будетъ съ нимъ справиться. А еще черезъ минуту они нашли, что онъ даже слишкомъ хорошо знаетъ это дѣло, и ихъ охватила тревога, потому что, несмотря на вѣчныя перебранки, они очень любили другъ друга. То у одного, то у другого вырывались восклицанія при каждомъ болѣе ловкомъ ударѣ, а тѣмъ временемъ удары все учащались, и лезвія сабель сверкали, точно молнія. Тачевскій видимо становился все увѣреннѣе въ себѣ. Онъ внутренно былъ совершенно спокоенъ, но прыгалъ какъ дикая кошка, и въ глазахъ его поминутно загорались зловѣщія искры.

— Плохо! — подумалъ Ципріановичъ.

И какъ разъ въ это время раздался крикъ, сабля Матвѣя упала, онъ поднесъ обѣ руки къ лицу, залитому кровью, и рухнулъ на землю.

При видѣ этого младшіе братья зарычали, точно разъяренные звѣри и въ мгновеніе ока кинулись на Яцека, не съ тѣмъ, конечно, намѣреніемъ, чтобы разомъ и втроемъ на него напасть, а потому что каждый изъ нихъ хотѣлъ первымъ отмстить за старшаго брата. Быть можетъ, они зарубили бы Тачевскаго, еслибъ не Ципріановичъ, который, кинувшись къ нему на помощь, крикнулъ, что было только силъ:

— Стыдъ, позоръ! Бросьте! Прочь! Убійцы, а не шляхтичи! Говорю вамъ, позоръ, оставьте! Разбойники, деритесь тогда и со мной! Прочь, убійцы!

И онъ сталъ прямо таки рубиться съ ними, пока они не опомнились. Тѣмъ временемъ Матвѣй приподнялся на рукахъ и повернулся кровавой маской. Тогда Янъ быстро поднялъ его подъ мышки и посадилъ на снѣгъ, а Лука также кинулся къ нему на помощь. Тачевскій же подошелъ къ скрежещущему отъ злости зубами Марку и, какъ бы опасаясь повторенія всеобщаго нападенія, быстро сказалъ:

— Прошу, начинайте!

И вновь послышался зловѣщій лязгъ сабель. Съ Маркомъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ Матвѣй, но и болѣе неловкимъ, Тачевскій живо покончилъ. Маркъ дѣйствовалъ огромной саблей точно цѣпомъ, а Яцекъ уже третьимъ ударомъ угодилъ ему въ правую ключицу, перерубилъ кость и обезоружилъ.

Теперь и Лука, и Янъ сознали, что

Digitized by Google

съ ними случился „казусъ весьма плохой“, и что этотъ худой и такой на видъ плохенькій молодчикъ оказался въ дѣйствительности злой осой, которую было бы лучше и благоразумнѣе не дразнить. Но съ тѣмъ большимъ задоромъ и запальчивостью приступилъ каждый изъ нихъ къ поединку, который закончился для нихъ такъ же плачевно, какъ и для старшихъ, такъ какъ Лука, которому ударъ сабли раскроилъ щеку до самыхъ десенъ, къ довершенію всего, падая, пребольно расшибся о камни, скрытые подъ снѣгомъ, а у Яна послѣ минутной схватки сабля, вмѣстѣ съ отрубленнымъ пальцемъ, звеня упала на промерзлую землю.

Тачевскій, не получившій даже царапины, стоялъ и смотрѣлъ съ большимъ изумленіемъ на это дѣло своихъ рукъ, и зловѣщія искры, сверкавшія за минуту передъ тѣмъ въ его очахъ, теперь угасли. Лѣвой рукой поправилъ онъ свою шапченку, съѣхавшую на сторону во время боя, затѣмъ снялъ ее, глубоко вздохнулъ разъ и другой, повернулся къ Распятію и сказалъ, наполовину обращаясь къ Ципріановичу, наполовину къ самому себѣ: „Богъ мнѣ свидѣтель, что я невиненъ“

На это Ципріановичъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Теперь моя очередь, но ты, твоя милость, усталъ, такъ быть можетъ отдохнешь, а я тѣмъ временемъ покрою плащемъ товарищей, чтобы они не замерзли, пока не явятся къ нимъ на помощь.

— Помощь тутъ недалеко,—отвѣтилъ Тачевскій.—Вонъ тамъ въ туманѣ стоятъ сани, посланныя ксендзомъ Воиновскимъ, а онъ самъ дожидается меня въ Выромбкахъ. Позволь мнѣ пойти за санями, твоимъ товарищамъ будетъ удобнѣе лежать на соломѣ, чѣмъ здѣсь, на снѣгу.

И онъ отправился, а Ципріановичъ сталъ прикрывать плащами Букоемскихъ, которые сидѣли плечомъ къ плечу на снѣгу, за исключеніемъ Яна, менѣе всѣхъ пострадавшаго. Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ Матвѣемъ и, держа правую руку кверху, чтобы кровь не такъ лилась изъ отрубленнаго пальца, лѣвой обмывалъ снѣгомъ лицо старшаго брата.

— Ну, какъ вы себя чувствуете?—спросилъ Ципріановичъ.

— А покусалъ онъ насъ таки порядкомъ, такой-сякой сынъ,—отвѣтилъ Лука, выплевывая кровь. — Но мы ему еще отомстимъ!

— Совсѣмъ не владѣю рукой: перебилъ мнѣ кость, — добавилъ Маркъ.—Ой, онъ, собака, ой, ой...

— А у Матвѣя огромная рана надъ бровями,—сказалъ Янъ,—слѣдовало бы приложить къ ней хлѣба съ паутиной. Да я пока снѣгомъ прикладываю.

— Эхъ, кабы не это, кабы не залила мнѣ кровь глазъ,—отозвался Матвѣй -ужъ я бы его...

Но онъ не могъ договорить, такъ какъ сильно ослабѣлъ отъ потери крови, а Лука, подъ вліяніемъ внезапно нахлынувшей на него злобы, крикнулъ:

— А хитрая онъ штучка, псякревъ; съ виду точно панна, а жалитъ какъ гадъ.

— Вотъ этой то его хитрости никогда не прощу ему!—проворчалъ Янъ.

Дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ фырканьемъ лошадей. Изъ тумана выплыли сани и остановились передъ сидящими на снѣгу Букоемскими. Изъ саней выскочилъ Тачевскій и приказалъ возницѣ сойти съ козелъ. Тотъ посмотрѣлъ на Букоемскихъ, окинулъ быстрымъ взглядомъ Тачевскаго и Ципріановича, но не произнесъ ни слова, только на лицѣ его промелькнуло какое-то смѣшанное выраженіе горечи и жалости, затѣмъ онъ отвернулся къ лошадямъ и поспѣшно перекрестился.

Втроемъ стали они переносить раненыхъ въ сани, которыя выстлали предварительно плащами. Букоемскіе было запротестовали, не желая,

Digitized by Google

чтобы Яцекъ принималъ участіе въ оказываемой имъ помощи, но тотъ спокойно возразилъ:

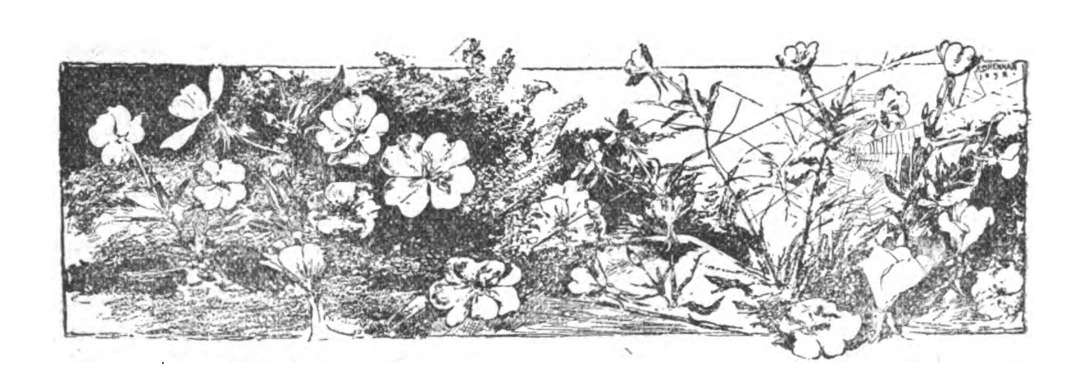
— А еслибъ вы, милости ваши, зарубили меня, неужели оставили бы безъ всякой помощи? Это просто шляхетская услуга, въ которой нельзя отказать и которую нельзя не принять.

Они замолчали, нѣсколько задѣтые его словами, и черезъ минуту удобно лежали въ широкихъ саняхъ на соломѣ, покрытые плащами, отчего имъ сразу стало теплѣе.

— Куда ѣхать? — спросилъ возница.

— Подожди, еще одного прихватишь! — отвѣтилъ Ципріановичъ и, повернувшись къ Яцеку, добавилъ:— Ну, милость ваша, теперь и намъ пора за дѣло.

(До слѣд. №-ра).

Мессія.

Подъ игомъ бѣдъ склоняя выю,
Измучена, угнетена,
Давно, давно ждала Мессію
Обѣтованная страна.

И вотъ услышаны моленья:
Неся на землю жизнь и миръ,
Въ лучахъ любви и всепрощенья
Нисходитъ Богъ въ печальный міръ.

Но пусть звѣзда его сіяетъ,
Пусть горній хоръ ему поетъ:
Его распнетъ, а не узнаетъ
Слѣпой, измученный народъ.

С. Поварнинъ.

Болеславъ Храбрый.

Историческая повѣсть *Людвига Стасяка*.

(Продолженіе).

VI.

Во времена Болеслава Вавель походилъ на поляну, раскинувшуюся среди дремучаго лѣса. Въ ясный сентябрскій день тысячи аистовъ слетаются на лугъ, и поляна вдругъ оживаетъ, наполнившись шумомъ и крикомъ птицъ. Но вотъ сорвался съ мѣста проводникъ, — и сотни аистовъ замахали крыльями, всѣ поднимаются вверхъ, еще разъ пролетѣли надъ лугомъ и, образуя въ воздухѣ огромный кругъ, устремились въ другіе края.

Когда король со своимъ войскомъ возвращался домой, то Вавель и Краковъ переполнялся толпами рыцарей; всюду виднѣлись тогда богатыя одежды, блестящее вооруженіе. Но вотъ король покинулъ Краковъ и отправился во Владиміръ, Познань или Вроцлавль, и пусто сдѣлалось въ окрестностяхъ Вавеля, нигдѣ не видно живой души, заперты дома, строенія; ворота закрыты наглухо.

Пусто и тихо было въ Вавелѣ. Тишину прерывалъ только стукъ молотка, однообразно ударявшаго о бѣлый камень скалы: уѣзжая, король Болеславъ оставилъ на Вавелѣ разныхъ работниковъ: одни изъ нихъ издалека привозили каменныя глыбы, другіе отесывали ихъ, придавая камнямъ правильную форму, и затѣмъ на скалахъ Вавеля закладывали фундаменты обширнаго храма, на мѣстѣ разрушенной старой, деревянной церкви. Врылись каменьщики въ землю и, добравшись, наконецъ, до самой скалы, укладывали тамъ одинъ за другимъ камни основанія.

Между тѣмъ король двинулся изъ Кракова на сѣверъ, но сначала побывалъ въ Гнѣзнѣ, а оттуда уже пошелъ въ городъ Щетинъ. Вмѣстѣ съ Болеславомъ двинулось и малопольское рыцарство.

Пусто стало въ Краковѣ, пусто въ Тыньцѣ, гдѣ осталась жена Вальгира, Гелигунда. Одиноко бродитъ она по угрюмымъ горницамъ замка, некому слова вымолвить; осталось съ нею только нѣсколько прислужницъ и слугъ, съ которыми Гелигунда не можетъ разговориться, не зная польской рѣчи. Гуляетъ молодая женщина по пустому замку; пугаютъ ее темныя, какъ ночь, сѣни,

Digitized by Google

съ покрытыми зеленою плѣсенью стѣнами. Выйдетъ иногда на дворъ, окруженный каменною стѣною, и, присѣвъ на скамью, предается печальнымъ размышленіямъ.

Иную жизнь вела она при дворѣ своего отца; замокъ тынецкій мало походилъ на дворцы и замки князей на западѣ. Тамъ, у нѣмецкихъ бароновъ и графовъ, замки полны народа: день за днемъ быстро летитъ время на охотахъ, празднествахъ и разныхъ другихъ развлеченіяхъ; пѣвцы поютъ любовныя пѣсни; играютъ гусляры.

Въ Польшѣ же, во времена Болеслава господствовали суровые обычаи; все было посвящено войнѣ, во всѣхъ городахъ и селеніяхъ преобладало военное сословіе. Мало времени оставалось для забавы, для слушанія пѣсенъ минестрелей; весь край представлялъ изъ себя огромный лагерь, въ которомъ забыли даже о существованіи женскихъ развлеченій. Болеславъ постоянно призывалъ къ себѣ Вдалаго Вальгира и поручалъ снаряжать новонабранныя войска, или въ качествѣ посла посылалъ его въ чужіе края. Послѣ того, какъ Вальгиръ привезъ себѣ изъ Франконіи жену, не успѣло пройти и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ принужденъ былъ ее покинуть; надо было ѣхать въ Кросну, въ Силезіи забивать частоколы, чтобы превратить этотъ городъ въ крѣпость.

Цѣлые полъ года сидѣлъ тамъ Вальгиръ; полъ года не заглядывалъ домой. Сначала тосковала по немъ супруга, плакала съ горя въ пустынномъ замкѣ тынецкомъ, наконецъ, послѣ тоски, ею овладѣлъ гнѣвъ...

Когда, наконецъ, Вальгиръ прибылъ домой, то въ глазахъ своей жены увидѣлъ не радость, а злость...

— Въ одиночествѣ проходятъ мои дни!—встрѣтила она мужа.

— Не для забавы, а по обязанности я покидалъ домъ!—оправдывался тотъ.

— Твоя первая обязанность заботиться о своемъ домѣ и женѣ. Ты клялся мнѣ въ любви! — не унималась та.

— Но раньше я клялся въ вѣрности своей родной землѣ...

— Останься со мной!

— Останусь, до тѣхъ поръ, пока не позоветъ меня къ себѣ Болеславъ.

— И ты снова покинешь меня?!

— Если такова будетъ воля моего повелителя...

Гелигунда залилась слезами.

— Не любишь ты меня! А клялся...

— Кто тебѣ сказалъ, дорогая моя, что я нарушилъ данную тебѣ клятву?—нѣжно проговорилъ Вдалый Вальгиръ, обнявъ жену.—Всею душою люблю я тебя и, послѣ края родного, ты для меня дороже всѣхъ на свѣтѣ.

Гелигунда заглянула въ глаза мужу. Подкупала ее искренность его словъ.

— Такъ ты не покинешь меня больше?.

Рыцарь молчалъ: засмотрѣлся на чудные глаза своей жены, на ея цвѣтущее лицо, на вишневыя уста; все сіяло молодостью и красотою. И вѣдь это красавица ему принадлежитъ; она — его избранница, которую онъ любитъ такъ сильно...

— Какъ весна хороша ты...

— Не покинешь меня больше?

Онъ прижалъ ее къ себѣ, склоняясь къ ея бѣлому челу, къ ея устамъ...

Но та, заслоняя себя руками, поворачивая въ сторону свое улыбающееся уже теперь личико и какъ бы защищаясь, отталкивала отъ себя своего мужа...

— Нѣтъ, ты скажи раньше, покинешь меня?

— Нѣтъ ужъ, нѣтъ...

— Никогда?

— Никогда...

. . . .

Быстро летитъ время для молодыхъ супруговъ въ радости и весельи; цѣлый мѣсяцъ прошелъ, какъ одинъ день, опять счастье посѣтило тынецкій замокъ, и угрюмыя его стѣны казались влюбленнымъ какимъ-то очарованнымъ краемъ... Въ

Digitized by Google

горячихъ поцѣлуяхъ мужа жена забыла свои прошлыя горести, свое одиночество... Хотя никто не навѣщалъ ихъ и молодые супруги проводили все время только вдвоемъ, но общество и любовь мужа замѣняли Гелигундѣ цѣлый свѣтъ; ничего ей больше не надо, чтобы только постоянно смотрѣть въ любящіе глаза мужа, чтобы эта любовь никогда прерывалась...

Однажды Собѣхъ сообщилъ Вальгиру, что настоятель тынецкой обители, Здѣшко, пришелъ въ замокъ и хочетъ съ нимъ видѣться. Вальгиръ поспѣшилъ на встрѣчу дорогому гостю, котораго ввелъ затѣмъ въ горницу, гдѣ на сидѣньѣ изъ медвѣжьихъ шкуръ расположилась Гелигунда, занимаясь пряжей.

Настоятель тынецкій, большой другъ короля Болеслава, былъ еще человѣкъ полный силъ и здоровья. Высокій, статный: задумчивое лицо, умные глаза, тонкій, довольно длинный носъ, высокій лобъ: только тонкія его губы, иронически усмѣхавшіяся подъ густыми усами, какъ бы противорѣчили его серіозному выраженію лица. Глаза его тоже обращали на себя вниманіе: быстрые, живые, постоянно переходящіе съ одного предмета на другой они сверкали подъ нависшими бровями какъ два драгоцѣнныхъ камня; казалось что эти глаза, этотъ мозгъ, скрытый подъ высокимъ челомъ, могутъ сразу думать о цѣлой сотнѣ дѣлъ, и не удастся хитрымъ врагамъ провести этого человѣка, близкаго друга и совѣтника короля Болеслава.

Посвященный во всѣ планы и мысли короля, ксендзъ Здѣшко являлся вмѣстѣ съ тѣмъ его сотрудникомъ и совѣтникомъ; довѣріе къ нему Болеслава было безгранично; всякая умная мысль, возникшая въ головѣ тынецкаго настоятеля, приводилось въ исполненіе желѣзною рукою Болеслава.

Вмѣстѣ съ другимъ любимцемъ короля, Стоигнѣвомъ, Здѣшко ѣздилъ въ нѣмецкую страну, также и въ Италію, Англію, Данію и Венгрію, чтобы заключать союзы, раскрывать козни враговъ, направленныя противъ Польши и Болеслава.

. . . .

Гелигунда встала, чтобы принести гостю чашу меда. Когда она вышла, и гость остался наединѣ съ хозяиномъ, то ксендзъ сказалъ Вальгиру:

— Мнѣ надо переговорить съ тобой съ глазу на глазъ.

— Съ новостями пришелъ?

— Да, и очень важными.

— Въ чемъ дѣло?

— Оба ѣдемъ въ Римъ.

— Какъ такъ?

— Ко двору императора Оттона, который теперь находится въ Италіи, насъ посылаетъ король.

Меня?!

— Насъ обоихъ.

— Я не могу покинуть своего дома.

— Почему?—спросилъ съ удивленіемъ монахъ, смотря на Вальгира.

Рыцарь молчалъ, не зная что сказать, такъ какъ не хотѣлъ ничего говорить про обѣщаніе, данное женѣ...

— Я не могу ѣхать. И почему я долженъ ѣхать?! Я, а не кто либо другой?! Что мы тамъ будемъ дѣлать?

— Предстоятъ очень важныя дѣла.

— Какія же именно?..

Здѣшко осмотрѣлся кругомъ.

— Теперь не буду говорить. Насъ можетъ кто нибудь услышать, твоя жена сейчасъ вернется...

— Въ охотничьей нѣтъ никого.

— Пойдемъ тогда туда...

Оба вошли въ сосѣднюю горницу и, заперевъ за собою двери, задвинули желѣзный засовъ; какъ разъ въ эту минуту вернулась Гелигунда со слугою, который несъ хлѣбъ и кувшинъ, наполненный медомъ.

Жена Вальгира подошла къ закрытымъ дверямъ, хотѣла открыть ихъ—напрасно. Удивленная встала она около, слушая неясно доносившіеся къ ней голоса, и вмѣстѣ съ тѣмъ пораженная какимъ то предчувствіемъ, что этотъ разговоръ дол-

Digitized by Google

женъ близко ее касаться. Женское любопытство овладѣло ею, хочется знать, о чемъ они говорятъ, злость разбираетъ, что у мужа передъ нею есть тайны, и что, значитъ, не довѣряетъ ей такъ, какъ долженъ былъ бы довѣрять любимой женѣ. Долго ей пришлось ждать конца совѣщанія, и когда, наконецъ, растворились двери, она быстро взглянула на ксендза и сказала:

— У васъ какія-то тайны?

— Да, графиня,—отвѣтилъ настоятель, — дѣла, которыя не должны интересовать женщинъ...

— Все, что интересуетъ мужа, и жена должна знать.

— Скоро все узнаешь, Гелигунда!—произнесъ Вдалый Вальгиръ.

— Какія же у васъ новости?

— Отнимаю у тебя мужа, графиня. Уѣзжаемъ въ далекіе края.

— Развѣ насильно повезете его, самъ онъ добровольно не поѣдетъ...

— Поѣду!—рѣшительно проговорилъ Вальгиръ.

. . . .

Не мирно разстался Вдалый Вальгиръ со своей женой. Она была увѣрена, что ея слезы повліяютъ на его рѣшеніе; женская гордость была уязвлена мыслью, что у Вальгира существуетъ нѣчто болѣе близкое и дорогое, чѣмъ она. Она упрекала мужа въ томъ, что онъ увезъ ее со двора отца, изъ міра пѣсенъ, турнировъ и развлеченій, и заперъ въ тынецкомъ замкѣ, еще болѣе скучномъ, чѣмъ монастырь.

Чувство дасады и гнѣва овладѣло Гелигундой. Пролитыя слезы вмѣсто того, чтобы ее успокоить, вызывали въ ней еще большую злость и упорство.

Она полюбила Вальгира за его неустрашимость, за силу. А теперь самая сила его была непріятна ей.

Во время ссоры, возникшей у нихъ при разставаньи, онъ смотрѣлъ на нее взглядомъ, въ которомъ можно было прочесть, что воля его непремѣнно должна исполниться, что его желаніе равносильно приказу; горе ей, если она осмѣлится противится ему, дѣлать вопреки его волѣ...

Страхъ передъ Вальгиромъ прямо приводилъ ее въ отчаяніе. Другимъ онъ казался ей, когда у ея ногъ стоялъ на колѣняхъ, смотрѣлъ ей въ глаза, просилъ ея любви.,. Чувство, не проникшее ни въ душу, ни въ сердце, охватило ее, какъ огонь охватываетъ высохшую степную траву; но скоро возникнувъ, скоро и гаснетъ, остается одинъ пепелъ...

Мрачный тынецкій замокъ, куда ее привезъ мужъ, одиночество, на которое она была обречена Вальгиромъ, вслѣдствіе постоянныхъ его выѣздовъ въ лагерь и ко двору короля, уже съ перваго дня начали вызывать въ ней чувство тоски, разочарованія, скуки. Теперь же, когда Вальгиръ уѣхалъ, когда его уже не стало у ея ногъ, и онъ не смотрѣлъ ей нѣжно въ глаза, всѣ эти чувства недовольства и злобы всецѣло овладѣли ею.

Ея любовь превратилась въ ненависть; а въ душѣ возникло желаніе отомстить ему, и тѣмъ оно было сильнѣе, чѣмъ болѣе она сознавала всю невозможность этого, всю свою слабость...

. . . .

Въ одной изъ залъ замка, украшенной разнымъ оружіемъ, черепами вепрей и рогами оленей и лосей, сидѣла Гелигунда за пряжей. Лѣниво двигались ея руки, ежеминутно она прерывала работу, наконецъ, отбросила веретено въ уголъ и перешла въ другую горницу. Тамъ, посрединѣ, стоялъ большой дубовый столъ; на стѣнахъ виднѣлись полки изъ чернаго дуба, на которыхъ разсталены серебрянная и цинковая посуда, украшенная искусной рѣзьбой. Взявъ кувшинъ съ виномъ, Гелигунда налила себѣ кубокъ, но едва дотронувшись до него устами, оттолкнула отъ себя напитокъ, направилась въ другую залу и тамъ стала блуждать по комнатамъ, слоняясь изъ угла въ уголъ...

Digitized by Google

— Мой мужъ развлекается себѣ при дворѣ, а я...

Вышла изъ замка и недалеко отъ него усѣлась на зеленомъ дернѣ.

Была весна, деревья въ саду, осыпанныя цвѣтами, фіалки, скромно выглядывающія изъ зеленой травки,— все издавало одуряющій запахъ. Солнышко уже успѣло высоко подняться и слало землѣ свои теплые лучи... Лучи солнца, запахъ цвѣтовъ, невольно вызвали улыбку на устахъ молодой женщины. Весеннее солнце, фіалки, весна, свѣжая зелень,—все призывало къ жизни, къ любви...

Гелигунда заплакала: все кругомъ смѣялось говорило о веснѣ, объ очарованіяхъ любви,—а она—одна, покинута...

Въ тынецкой обители раздался звонъ. Зазвучалъ уныло, какъ бы призывая къ погребенію, какъ бы разсказывая о мрачныхъ могилахъ, смерти, мракѣ... Изъ церкви доносится заунывное пѣніе монаховъ; вѣроятно, молятся за умершихъ. Быть можетъ, это и не погребальное пѣніе, но, во всякомъ случаѣ, полное грусти, напоминаетъ о смерти. Монастырскіе псалмы всегда звучатъ, какъ похоронное пѣніе.

Нѣтъ силъ больше слушать; Гелигунда сорвалась съ мѣста. Тутъ кругомъ зелень, весна, тамъ—унылое пѣніе, кладбище, смерть!

. . . .

Прошла мимо находящихся у самого замка помѣщенія для слугъ, сходитъ съ горки, направляясь къ густому лѣсу.

Тутъ лучше и веселѣе, чѣмъ въ пустыхъ залахъ замка; повѣваетъ легкій, теплый вѣтерокъ.

На крутыхъ скалахъ Тыньца раскинулись группы золотистаго бѣлокопытника и нѣжатся на солнышкѣ; внизу голубая Висла, несущая свои воды въ море, подмываетъ каменные обрывы.

Гелигунда сѣла на бѣломъ камнѣ, любуется волнами Вислы, смотритъ въ воду, какъ на самомъ днѣ суетятся лещи, быстро мелькаютъ разныя мелкія рыбки. Иногда къ скалѣ подплываетъ и большая рыба, засеребрится въ водѣ окунь и снова скрывается въ глубину.

Солнце начинаетъ пригрѣвать все сильнѣе и сильнѣе; пора уже скрыться передъ зноемъ въ прохладный лѣсъ или пустыя залы замка.

Вотъ она пробирается черезъ чащу, съ трудомъ карабкаясь на бѣлую скалу, и когда, наконецъ, миновала лѣсъ, и передъ нею открылся видъ на обширныя краковскія поля, то увидала какого то человѣка, приближавшагося къ стѣнамъ Тынца. Остановившись, она заслонила рукою отъ солнца глаза, стараясь узнать, кто это изъ домашнихъ возвращается въ замокъ. Быть можетъ, Собѣхъ, слуга, воспитатель и старый другъ Вальгира; быть можетъ, кто нибудь другой...

Дорогой, по направленію къ Тыньцу, шелъ какой - то чужой человѣкъ, одѣтый въ длинное, запыленное платье, съ дорожнымъ посохомъ въ рукѣ; на голову накинутъ капюшонъ, такъ что чертъ лица нельзя различить.

— Быть можетъ, это Вальгиръ шлетъ извѣстіе, или какой нибудь гонецъ отъ познанскаго двора...

Странно ведетъ себя путникъ. Хорошо протоптанная тропинка ведетъ къ замку, но тотъ не идетъ прямо, а почти что каждую минуту останавливается, прячась за стволами деревьевъ... Ясно видитъ Гелигунда, что прохожій прячется передъ людьми; всякій разъ какъ увидитъ, что близь дороги земледѣлецъ обрабатываетъ сохою землю, отходитъ въ сторону, скрываясь въ лѣсную чащу; избѣгая людей, ползкомъ крадется къ замку.

— Кто это такой?..

Спѣшитъ жена Вальгира въ замокъ, въ помѣщенія для службы, и, призвавъ къ себѣ стараго Собѣха, который стережетъ ворота замка, говоритъ:

Digitized by Google

— Это ты шелъ по краковской дорогѣ?

— Уже два дня какъ я не покидалъ замка.

— Былъ въ Тыньцѣ какой нибудь гость?

— Живой души не было.

— Вѣдь сюда шелъ какой то путникъ. Что онъ, сквозь землю провалился что ли?

— Кто знаетъ? Если прячется, вѣроятно, воръ или разбойникъ.

— А можетъ быть это паломникъ, или другъ, можетъ быть посланный моимъ мужемъ...

— Если измученный дальней дорогой отдыхаетъ въ лѣсу, такъ скоро появится, и, значитъ, узнаемъ, кто онъ и чего ему надо.

— Дѣйствительно, можетъ быть это такъ. Если только это гонецъ изъ Познани, сообщи мнѣ объ его прибытіи.

Но въ продолженіе цѣлаго дня у воротъ никто не появлялся. Гелигунда уже забыла о прохожемъ, который сначала такъ сильно ее заинтересовалъ. День прошелъ скучно; въ окно врывались золотые и пурпуровые лучи заходящаго солнца. Вотъ оно зашло, наконецъ, звѣзды засверкали на небѣ; среди ольхъ защелкали соловьи чарующую пѣснь весны, и пустынныя комнаты замка наполнились чудными звуками соловьиной пѣсни...

Веселѣе сдѣлалось Гелигундѣ; рада щебету птичекъ, внимательно вслушивается... Вдругъ... Сорвалась внезапно съ мѣста и подбѣжала къ окну.

— Что это?!

Подъ окномъ, въ чащѣ орѣшника и зеленыхъ березъ, слышится тихая пѣсня, сливается она съ трелями соловья; какъ бы соперничаютъ съ ними нѣжные, полные любви, звуки... Слышатся звуки струнъ...

Всматривается она въ даль, ищетъ глазами въ зеленой чащѣ слѣдовъ человѣка, но, хотя и выплылъ мѣсяцъ на середину неба, и свѣтло, какъ бы днемъ, никого не видно... Какъ бы березы напѣваютъ эту любовную пѣсню, о веснѣ, молодости, золотомъ солнышкѣ...

Заснуло все въ замкѣ, и водворилась полная тишина; тишина около замка, и кажется что можно услышать мерцаніе звѣздъ...

А изъ лѣсу доносится тоскующій голосъ...

Обернуться цвѣткомъ страстно я бы желалъ,
Что у ногъ, у твоихъ разстилается;
Эхомъ пѣсни бы стать...

— Князь Вислицкій!

Отъ удивленія глаза Гелигунды широко раскрылись, поблѣднѣла отъ страха и неожиданности...

— Онъ!!

. . . .

— Если это пѣснь Вислава, если это онъ сюда прибылъ, чтобы принести съ собою несчастье, подвергая меня и себя ужасной мести Вальгира, быть можетъ, даже смерти отъ руки безжалостнаго мужа...

Надо предупредить несчастіе; надо удалить отъ себя это искушеніе...

Гелигунда покинула свою комнату, проходитъ черезъ темныя залы замка, вышла наконецъ на дворъ, прячась въ тѣни, спѣшитъ къ боковой калиткѣ, откуда можно пройти прямо къ лещинамъ откуда слышится пѣсня... Крадется она среди сучьевъ граба, пѣсенка указываетъ ей дорогу, вотъ уже совсѣмъ близко...

Раздвинула листья ольхи...

— Онъ! Виславъ!

— Это ты, моя дорогая!

— Я—жена Вальгира.

— Жена убійцы! Въ вѣрности присягнула разбойнику!!

— Чего ты отъ меня хочешь? Что привело тебя сюда?

— Съ края свѣта ведетъ меня сюда мое сердце!

— Ты говоришь,—сердце?

— Любовь!!

— Любовь эта для меня несчастье.

— Несчастье? А, ты думаешь, мнѣ она даетъ счастье?! Мученія, мученія безъ конца...

— Уходи отсюда, забудь меня!

Digitized by Google

— Забыть тѣ поцѣлуи, которыми ты меня награждала, слова любви и клятвы, что будешь меня любить?!

— Молчи! Забудь! Да будетъ проклята та минута!

— Почему проклинаешь?!

— Вальгиръ убьетъ тебя!

И Гелигунда въ пылкихъ выраженіяхъ стала упрекать рыцаря за неумѣстный пріѣздъ. Тщетно тотъ молилъ ее о сочувствіи, тщетно говорилъ о своей любви,—пораженная страхомъ при мысли о мужѣ Гелигунда затыкала уши и, наконецъ, не дослушавъ Вислава, бросилась домой.

Однако, когда, поуспокоившись и пообдумавъ свое положеніе, она стала припоминать нѣжную страсть Вацлава, его пылкія рѣчи, его мольбы и сопоставила ихъ съ холодностью, какъ ей казалось, мужа, чувство раздраженія вызванное, приходомъ, Вацлава, стало проходить, уступая мѣсто нарождавшемуся въ ея сердцѣ болѣе нѣжному чувству.

Три дня она крѣпилась, давая слово не уступать этому нѣжному чувству, три дня сидѣла взаперти въ замкѣ,—на четвертый не выдержала.

Подозвалъ вѣрнаго Собѣха, стараго слугу, оставленнаго Вальгиромъ, она велѣла ему приготовить коня, затѣмъ перекинула черезъ плечи лукъ, взяла колчанъ, полный стрѣлъ, и отправилась въ привислянскіе лѣса. Осматривается кругомъ, нарочно избѣгая берега Вислы, не выѣзжаетъ на открытыя мѣста; боится встрѣтить... Пробралась въ глубь лѣса, живой души не видно; пустила поводья, вихремъ мчится по берегу потока сквозь поляны и лѣсные луга. Когда же замокъ Тынецъ совсѣмъ скрылся съ глазъ, уменьшила бѣгъ, слушаетъ пѣніе птицъ, любуется роскошной зеленью лѣса...

Остановилась, наконецъ, среди лѣсной поляны, покрытой цвѣтущими лютиками; по краямъ растутъ груши, обсыпанныя какъ снѣгомъ, цвѣтами, кусты боярышника... Привязала она къ березкѣ лошадь, а сама сѣла на пнѣ срубленнаго дуба. Вдругъ около нея очутился Вацлавъ.

Гелигунда хотѣла было встать и бѣжать, но сильныя руки рыцаря удержали ее на мѣстѣ. Онъ продолжалъ ее молить. Та не соглашалась, но сердце ея противъ воли говорило другое...

Загорѣлась, наконецъ, горячая кровь молодой женщины: не могла совладать съ собой,—и уста ея невольно прильнули къ устамъ Вацлава... Но сейчасъ же Гелигунда опомнилась и стала просить рыцаря не губить ее, немедленно уѣзжать отсюда. Какъ ни молилъ ее Вацлавъ, а принужденъ былъ согласиться на это условія...

VII.

Лодка со славянскими проповѣдниками плыветъ по Вислѣ, проходитъ мимо селеній, мимо избущекъ, расположенныхъ у самаго берега рѣки, среди безлюдныхъ лѣсовъ и болотъ. Послѣ нѣсколькихъ дней путешествія пловцы увидѣли наконецъ, какой то городъ. Масса строеній и домовъ раскинулась по берегу притока Вислы.

— Это граница обширныхъ владѣній Болеслава!

— Королевскій городъ Гданскъ.*)

Лодка пристала къ берегу. Едва жители узнали о прибытіи епископа Войтѣха, какъ цѣлыя толпы народа вышли къ нему на встрѣчу, и тотъ вмѣстѣ съ ними вступилъ въ городъ, чтобы тамъ поучать жителей. Здѣсь, какъ и въ Гнѣзнѣ, Войтѣхъ крестилъ язычниковъ, утверждалъ въ вѣрѣ Христовой тѣхъ, которые уже прежде, вмѣстѣ съ отцомъ Болеслава приняли христіанство, потомъ вернулся на свое судно и поплылъ дальше.

По мѣрѣ удаленія, дома Гданска дѣлались все меньше и меньше, прячась за ольхи, и, наконецъ, совсѣмъ скрывались съ глазъ. Прош-

*) Гданскъ—теперь Данцигъ.

Digitized by Google

ло приблизительно около часа, какъ на противуположной сторонѣ, съ сѣвера засѣрѣло что-то вдали; иногда блеснетъ какая то яркая бѣлая полоса, то вдругъ снова принимаетъ цвѣтъ стали... Безграничная равнина, вода и вода, безъ конца; глаза не достигаютъ предѣла. Не видно никакихъ признаковъ жизни, ни слѣда живыхъ существъ, на огромной пустынной поверхности. Ничего нѣтъ; вода и только вода.

Это—море...

Выплыла барка на водяной просторъ Епископъ Войтѣхъ приказалъ держать путь на востокъ. Всѣ схватились за весла, и лодка, придерживаясь береговъ, направилась на востокъ. Пустой, безлюдный, какъ бы вымершій край! Изрѣдка зеленыя группы деревьевъ нарушаютъ однообразіе; все песчаные наносы, дикія возвышенности, обнаженныя скалы, о которыя ударяясь волны разбиваются на мелкіе брызги и пѣну. Солнце уже склонилось къ западу; устали гребцы, время отдохнуть и приготовить себѣ ужинъ. Лодка пристала къ берегу, привязали ее веревками къ свалившемуся дереву, и всѣ вышли на сушу; рыбаки стали собирать вѣтви можжевельника, сухія морскія травы, и стали раскладывать костеръ. Запылалъ на бѣлой дюнѣ огромный огонь, но ничтожнымъ казался его блескъ по сравненію со зрѣлищемъ, открывавшемся передъ ними.

На западъ простилается открытое море. Солнечный дискъ погружается въ его волны. Засіялъ въ водѣ огромный золотой столбъ, море колеблется милліонами волнъ, и на верхушкѣ каждой волны, точно въ драгоцѣнномъ камнѣ, переливаютъ лучи солнца, милліоны золотыхъ огоньковъ сверкаютъ, мерцая. Дошло наконецъ солнце до самой воды, и кажется глазамъ, что пожаръ охватилъ все море, что только что синее море, превратившись въ золото и пурпуръ, горитъ и пылаетъ...

Епископъ Войтѣхъ смотрѣлъ на заходъ солнца, любуясь открывшимся передъ нимъ дивнымъ зрѣлищемъ; мысль его стремилась къ Тому, Кто сотворилъ всѣ эти чудеса, кто зажегъ на небѣ эту горящую лампаду, и уста его невольно шептали великій гимнъ въ честь Творца всего міра . . . .

. . . .

Наступила ясная ночь; но всѣ еще бодрствуютъ, одни сидятъ около костра, другіе разбрелись вокругъ, чтобы ознакомится съ мѣстностью. Только что вернулись двое рыбаковъ, къ Войтѣху, и съ большимъ удивленіемъ передаютъ ему.

— Черезъ тысячу шаговъ—другое море...

— Что ты говоришь?!

— Мы прошли всю сушу поперекъ и увидѣли другой ея берегъ. Видны тамъ огромныя озера, а на горизонтѣ синѣютъ какіе то острова или земля.

— Не къ материку пристала наша лодка, а къ узкой морской косѣ, съ двухъ сторонъ омываемой моремъ.

— Дошли до конца ея?

— Одинъ Господь знаетъ, гдѣ конецъ ей; какъ далеко ни достаетъ взоръ, все тянется узкая полоса земли, а съ обѣихъ сторонъ море и море . . . .

. . . .

Солнце уже было высоко, когда путешественники достигли конца полуострова, и нашли проливъ, ведущій въ заливъ и къ материку. Лодка выплыла на большое озеро; ксендзъ Радзимъ, припоминая себѣ описанія, узналъ теперь, что это цѣль ихъ путешествія, а именно прусская земля.

Весело гребутъ рыбаки, епископъ Войтѣхъ приказалъ держать путь къ берегу; на лицахъ всѣхъ видна радость, что разстилающаяся передъ ними земля — та нива, на которой они будутъ работать, исполняя завѣтъ Христа.

Берегъ увеличивается по мѣрѣ приближенія; видны растущія на

Digitized by Google

немъ ели, какія то большія болота; поросшія аиромъ, задумчивыя вербы, расположившіяся надъ водой

Лодка пристала къ берегу; три священника вышли на сушу, послѣ чего Войтѣхъ приказалъ рыбакамъ немедленно возвращаться въ Польшу. Спутники со слезами умоляли Войтѣха позволить имъ остаться для защиты, но тотъ былъ непоколебимъ. Поцѣловали рыбаки руки его, сѣли въ лодку и поплыли обратно. Качается судно на волнахъ, дѣлается все меньше и меньше... и исчезло наконецъ за проливомъ.

На Прусской землѣ осталось трое людей...

Нѣсколько дней отдыхали священники на берегу морскаго залива. Потомъ всѣ они облачились въ священныя одежды; на епископѣ Войтѣхѣ сіяло украшенное, золотомъ и драгоцѣнными камнями облаченіе, вышитое руками королевы Эмнильды.

Палъ на колѣни славянскій апостолъ, громко читаетъ псалмы Давида, а два священника повторяютъ за нимъ святую пѣснь . . . . .

. . . .

Услышалъ пруссакъ эхо пѣсни; изъ-за густыхъ лощинъ выглянули головы. . . . .

Какой-то мальчуганъ, съ длинными свѣтлыми волосами, раскрывъ широко глаза, съ удивленіемъ смотритъ на необычныхъ гостей, прислушиваясь къ пѣнію священныхъ псалмовъ. Выступилъ подростокъ изъ зарослей, отступилъ затѣмъ назадъ; и исчезъ въ лѣсной чащѣ.

Вскорѣ онъ привелъ съ собою массу людей. Окружили они молящихся священниковъ; изъ среды пришедшихъ выступилъ старецъ и спросилъ Радзима:

— Кто вы такіе?

— Это епископъ Войтѣхъ Славникъ! отвѣтилъ священникъ Богушъ, который умѣлъ говорить по-прусски и по-литовски.

— Зачѣмъ вы прибыли сюда?

— Пришли мы поучать васъ.

— Чего-же вамъ нужно?

— Чтобы вы познали единаго и великаго Бога, увѣровали въ Него и приняли крещеніе.

— Ха! ха! ха!—засмѣялся какой-то вождь.

— Чего-жь вы смѣетесь?

— Вы христіане? Знаемъ мы васъ, знаемъ!

— Что? Знаешь ихъ?—спросила смѣющагося человѣка окружавшая его толпа.

— Знаю. Это—нѣмцы. Они такъ окрестили славянъ надъ Мжою, что теперь ни одного изъ тѣхъ нѣтъ на свѣтѣ. Истребили, поубивали, вырѣзали всѣхъ... Жгли селенія, вѣшали старцевъ, распарывали животы...

— Мы—не нѣмцы!—воскликнулъ возмущенный Радзимъ.

— Не лги. Ты нѣмецъ!

— Признайся!

— Окрестить насъ хотятъ! Ха! ха! ха! Крестить!!

— Крещеные славяне, живушіе надъ Рейномъ, Мжою и Западнымъ моремъ, уже не существуютъ на этомъ свѣтѣ. Живой души не осталось. Что-жъ, и мы пойдемъ вслѣдъ за ними?...

— Мы хотимъ жить! Жить!! Прочь! Уходите прочь!— кричала толпа.

— Прочь уходите изъ нашей земли!

— Убить насъ хотите?!

— У насъ нѣтъ оружія!—воскликнулъ Радзимъ.

Какъ-то старый поселянинъ внимательно оглядѣлъ священниковъ и сказалъ:

— А вѣдь правда! Пришли къ намъ безъ оружія.

— Это не нѣмцы! Вѣдь по-славянски съ нами говорятъ.

— Доброта виднѣется въ ихъ глазахъ.

— Выслушаемъ, узнаемъ, какова ихъ вѣра.

— Вѣдь это гости! Принять ихъ радушно—наша обязанность.

Богушъ сталъ объяснять имъ основы святой Вѣры, когда къ берегу пристала лодка, изъ которой

Digitized by Google

вышло болѣе десятка рыбаковъ. Побросали корзины наполненныя рыбами и бѣгутъ къ толпѣ.

— Что тутъ такое происходитъ? спросилъ рослый рыбакъ, держа въ рукѣ весло.

— Чужіе люди.

— Кто такіе?

— Христіане.

Широко раскрывъ глаза, взглянулъ рыбакъ на священниковъ; гнѣвъ отпечатался на его лицѣ.

— Христіане?!—воскликнулъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Отъ нѣмцевъ пришли, чтобы крестить насъ!

Схватилъ великанъ весло въ свои желѣзныя руки, бросается къ епископу Войтѣху... Тщетно заслоняетъ народъ своего гостя,—нападающій поражаетъ въ голову молящагося священника...

. . . .

Привели въ чувство благочестиваго епископа, перевязали раны, остановили кровь... Покинули проповѣдники эти мѣста, перешли черезъ протекающую вблизи рѣку и направились въ глубь страны. Солнце уже заходило, когда имъ встрѣтился какой-то богатый вождь, пригласилъ ихъ къ себѣ и радушно угостилъ ихъ въ своемъ домѣ. Вѣсть о томъ, что въ странѣ появились какіе-то чужіе люди распространилась по всѣмъ селеніямъ далеко вокругъ; на утро огромныя толпы народа окружили жилище владыки, желая увидѣть прибывшихъ незнакомцевъ.

Рано утромъ изъ дому вышелъ епископъ Войтѣхъ, встрѣченный ропотомъ и свистками толпы,

— Чего тебѣ отъ насъ надо?!-кричали они.—Кто ты такой?...

— Происхожу я изъ славянскаго народа, зовутъ меня Войтѣхомъ, я-монахъ-епископъ, въ настоящее время—вашъ епископъ. Прибылъ я сюда, имѣя въ виду ваше добро, изъ польской земли, которой правитъ Болеславъ. Я слуга Того, Который сотворилъ небо и землю, море и все живущее. Приношу я вамъ спасеніе, чтобы вы возродились во Христѣ, получили крещеніе грѣховъ и заслужили себѣ вѣчную жизнь.

Но толпа не хотѣла ничего слушать. Подстрекаемая своими жрецами, она набросилась на проповѣдниковъ. Войтѣхъ получилъ ударъ по головѣ, затѣмъ опьянненые кровью пруссаки отсѣкли ему голову.

Однако, нѣкоторымъ, болѣе благоразумнымъ удалось удержать убійцъ,—и спутниковъ Войтѣха не тронули. Только ихъ насильно посадили въ лодку и велѣли плыть обратно. За то разсерженные жрецы утолили свою злость, напустивъ народъ на тѣхъ гостепріимныхъ пруссовъ, которые принимали Войтѣха и его товарищей: ихъ убилм, жилища сожгли, а домашнихъ продали въ рабство.

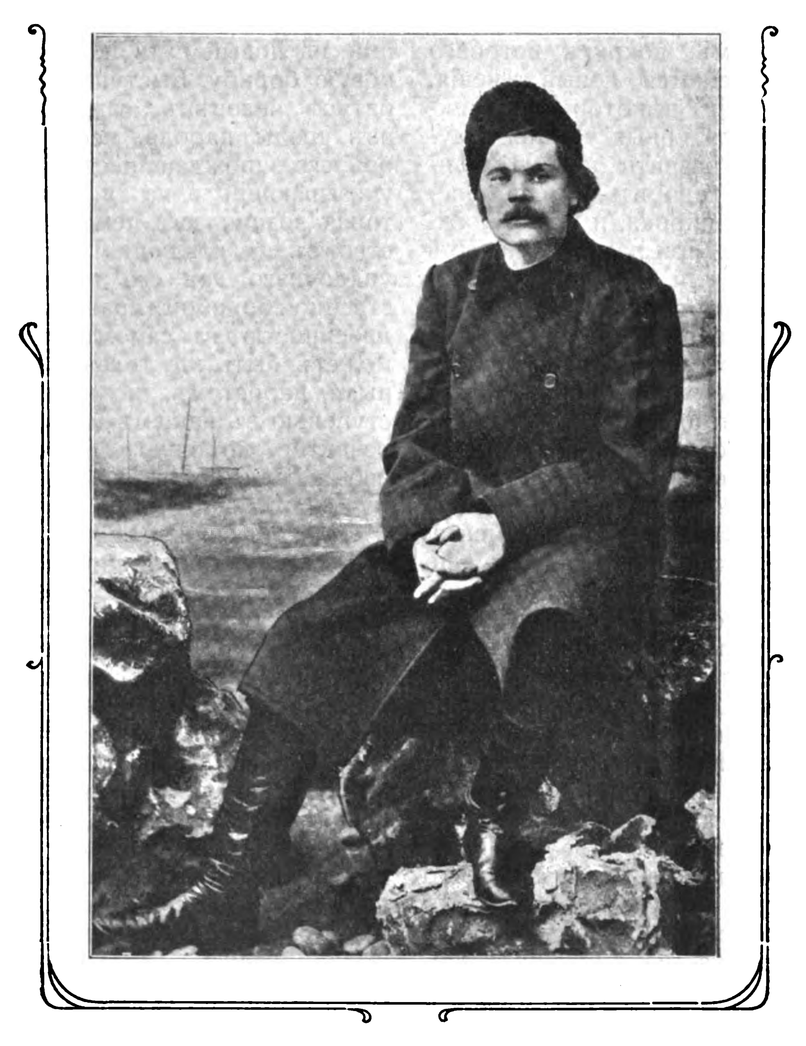
. . . .

Пришла къ Болеславу печальная вѣсть о смерти Войтѣха. Не хотѣлъ, однако, благочестивый польскій король — рыцарь кровью и огнемъ мстить язычникамъ, а просто выкупилъ тѣло мученика, затѣмъ положилъ его въ церковь въ Тржемешнѣ, на время, пока въ Гнѣзнѣ будетъ выстроена гробница. Много опытныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ занимались устройствомъ раки. Сдѣлали ее изъ золотыхъ пластинокъ; не жалѣлъ польскій король драгоцѣннаго металла, чтобы только произведеніе было достойно своего назначенія. Когда, наконецъ, рака была готова, епископы польскіе положили тѣло апостола въ золотой гробъ.

По всему свѣту стали скоро расходиться вѣсти, что въ церкви гнѣзненской хромые начинаютъ ходить, слѣпые видѣть... До Рима дошла эта вѣсть,—и папа Сильвестръ II причислилъ къ лику святыхъ славянскаго апостола.

(До слѣд. №-ра).

Digitized by Google

Писатели-индивидуалисты.

I.

(М. Горькій).

Т. Ганжулевичъ.

„Смогу-ли я преступить или не смогу?
Тварь-ли я дрожащая или право имѣю?
(Достоевскій).

Самый бѣглый обзоръ историческаго процесса нашего сознанія наталкиваетъ насъ на проблемы, которыя изъ вѣка въ вѣкъ возстаютъ предъ каждымъ поколѣніемъ и каждый разъ рѣшаются иначе. Такова и проблема отношеній личности и общества, этихъ двухъ „антиномій", какъ мѣтко называетъ ихъ г. Булгаковъ. Она, мнѣ кажется, является

Digitized by Google

тѣмъ центромъ, вокругъ котораго всегда зараждаются новыя теченія. Въ разъясненіи нѣкоторыхъ пунктовъ ея литературныя теченія получаютъ и свое развитіе, и свою оцѣнку. Нечего и говорить, что проблема эта очень широка, и что съ каждымъ вѣкомъ, при наплывѣ новыхъ условій и понятій, она все болѣе и болѣе расширяется. Вся борьба литературныхъ партій вращается большей частью около нея: все дѣло въ томъ, насколько признается зависимость личности отъ общества и какъ она понимается.

Съ этой точки зрѣнія и можно разсматривать наши литературныя эпохи, начиная съ того момента, когда проблема эта сознавалась еще слабо, когда личность и общество, слитыя въ одно гармоническое цѣлое, только что проникались началомъ раздвоенія, и кончая настоящимъ моментомъ, когда ницшеанство особенно рельефно выставило эту проблему и на рѣшеніе ея сознательно принесло всѣ свои силы. Мы остановимся на этомъ послѣднемъ моментѣ, какъ на наиболѣе близкомъ намъ, стоящемъ на грани какого-то новаго міра („намъ нужно что-то новое, ибо и мы въ жизни новость") говоритъ одинъ изъ „бывшихъ людей" М. Горькаго.

Новая задача обрисовывается намъ уже ясными штрихами, и къ ней направляемся мы, мятущіеся, ищущіе люди. Но раньше, чѣмъ подойти къ ней ближе, мы должны изслѣдовать свое „я", его глубины, его силы. Къ этому приводитъ насъ и опытъ прошлаго, неудавшееся въ своей реализаціи общественное теченіе 70-хъ годовъ, которое именно, быть можетъ, и произошло вслѣдствіе несоразмѣримости своихъ и чужихъ силъ. То разочарованіе, та скука жизни, которая послѣдовала вслѣдъ за этимъ, отразившись въ нашей литературѣ въ чеховскомъ житьѣ, не могли продолжаться долго, И вотъ, черезъ десятилѣтіе, раздается смѣлый голосъ, бодро зовущій на новый путь и, конечно, на новую борьбу. Выступаетъ въ литературѣ человѣкъ, самъ вышедшій изъ среды народа, несущій съ собой его зарождающіеся идеалы, но указывающій и на ту болѣзнь, которая возникла въ немъ, на босячество, съ его смѣшеніемъ здороваго и упадочнаго, съ его вѣчной общественной борьбой и нравственной раздвоенностю въ самомъ себѣ. Оно можетъ быть не только болѣзненнымъ наростомъ, но и переходною ступенью въ нашемъ историческомъ развитіи, которую мы стремимся избѣжать, но избѣжимъ-ли,—вопросъ будущаго.

Съ этой точки зрѣнія произведенія М. Горькаго сыграли свою роль въ развитіи общественнаго самосознанія, давъ яркіе образы того, что незамѣтно начало назрѣвать въ русской жизни. Внѣшняя, соціальная обособленность босяка вела за собою и нравственный разрывъ съ цѣлымъ, составною частью котораго она являлась. Его міръ мало-по-малу поневолѣ ограничивается своимъ „я", и „сынъ орла" уже не могъ ужиться въ узкихъ рамкахъ общественности: какъ оковы, давили онѣ его, заставляя бѣжать на безконечный просторъ индивидуализма, гдѣ личное „я" и судья, и властелинъ.

Это—та же ступень, которую переживала и наша интеллигенція, оторванная отъ народа, что она сознаетъ только теперь. Если Раскольниковъ задумывался надъ тѣмъ, все ли позволено, если Иванъ Карамазовъ требовалъ отъ жизни уясненія значенія своей личности, помимо унавоживанія почвы для будущей гармоніи, то Сергѣй Петровичъ Керженцевъ приходитъ уже къ горькому сознанію ничтожности своей личности, при существованіи „за дверью" великаго коллективнаго „я", въ которомъ она теряется.

И пока не найденъ выходъ къ этому „я", величіемъ и силой котораго можно было бы скрасить собственное существованіе, до тѣхъ

Digitized by Google

поръ положеніе останется страшно мучительнымъ.

Интеллигенція такимъ образомъ пережила уже періодъ исканія своего „я“; она ищетъ ему только мѣста въ жизни, въ то время, какъ народъ, идущій за нею, восходитъ на эту первую ступень. Оглянувшись на историческій путь своего развитія, интеллигенція должна столкнуться лицомъ къ лицу съ народной массой и, кто знаетъ, не во взаимной ли помощи заключается вершина индивидуализма и его сліянія съ гармоніей народной жизни въ ея высшей формѣ. А пока индивидуализмъ служитъ объединителемъ двухъ теченій, идущихъ сверху и снизу, въ ихъ основной чертѣ—заботѣ о личномъ я,—выдвигаетъ своихъ работниковъ мысли, своихъ художниковъ.

Ими является у насъ въ настоящее время два писателя, имена которыхъ будутъ тѣсно связаны съ этой ступенью общественнаго развитія, какъ бы кратковременна она ни была,—это М. Горькій и Л. Андреевъ. Изъ нихъ первый въ особенности является выразителемъ индивидуализма, зарождающагося въ народной массѣ со всѣми его особенностями и болѣзненными уклоненіями, второй, въ средѣ интеллигенціи и того класса, который уже вышелъ изъ народа.

Ницшеанская философія, присутствующая въ произведеніяхъ обоихъ авторовъ въ обрывкахъ, ничто иное, какъ туманная декорація, на фонѣ которой ярко обрисовывается художественный образъ, полный реальной правды. „Жизнь узка, а я широкъ“ —такъ просто резюмируетъ свой принципъ новый человѣкъ („Проходимецъ“, 200). Онъ не желаетъ быть „пятачкомъ“, „ходячей монетой“, вся разница которой отъ другой такой же—въ годахъ чеканки; онъ всѣ свои усилія употребляетъ на выработку своей особой физіономіи, не замѣчая, какъ, въ погонѣ за этимъ, теряется высшая цѣль, которая одна въ состояніи дать успокоеніе мятущейся душѣ, — теряется „смыслъ жизни“.

„Пріятно чувствовать себя свободнымъ отъ обязанностей, отъ разныхъ маленькихъ веревочекъ, связывающихъ твое существованіе среди людей“,—говоритъ „проходимецъ“, —„отъ всякихъ мелочишекъ, до того облѣпляющихъ твою жизнь, что она становится уже не удовольствіемъ, а скучной ношей... тяжелымъ лукошкомъ обязанностей“. (224).

Здѣсь мы видимъ, какъ смыслъ жизни переходитъ въ чисто идейную борьбу съ мелочами, которая, очищая „я“ отъ всего связывающаго, въ то же время ставитъ его слишкомъ высоко для того, чтобы оно не упало: оно является само цѣлью; человѣкъ путается съ нимъ въ безграничномъ пространствѣ разныхъ взаимоотношеній и понемногу начинаетъ ощущать ту пустоту душевную, которая такъ рельефно выставлена Горькимъ въ его Иванѣ Ивановичѣ. Какъ изъ сердца Ивана Ивановича вмѣстѣ съ чувствами, мѣшающими его совершенствованію, извлеклось и все душевное содержаніе,—настолько все хорошее было здѣсь перепутано съ дурнымъ,—такъ и личность, освобождаясь отъ пугъ общественности съ ихъ мелочностью, мѣшающей разумной, свободной жизни,—освободилась и отъ того, что давало смыслъ и радость жизни, привязывало къ ней.

Очевидно, мы вмѣстѣ съ другими порвали запутавшуюся среди нихъ ту нить, которая одна прикрѣпляла личность къ жизни, и теперь мучимся въ поискахъ ея конца. Потерявъ связь съ цѣлымъ, личность уже не можетъ понять его; индивидуально она переросла уже его, но, связанная кровными узами родства съ нимъ, чувствуетъ озлобленіе за эту свою зависимость, смѣшанную съ гордымъ презрѣніемъ и душевной болью; намъ тяжелъ разрывъ съ близкими, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшно остаться однимъ въ безвоздушномъ пространствѣ. („Всѣмъ

Digitized by Google

даже страшно стало, когда они поняли, на какое одиночество обрекалъ онъ себя",—говоритъ старуха Изергиль о „сынѣ орла, который захотѣлъ себя считать первымъ на землѣ). „На время позабудешь, что ты ихъ собственность", — говоритъ „проходимецъ",—этотъ типичный представитель личности, стремящійся къ полному освобожденію отъ всякихъ путъ,—„потомъ вспомнишь это и за то, что тебѣ было пріятно ихъ одобреніе,—чуть не бьешь себя по мордѣ".

Въ этихъ словахъ уже слышится злоба человѣка, изнемогающаго въ неравной борьбѣ.

Та же смѣсь инстинктивной любви къ коллективному цѣлому и сознательнаго презрѣнія звучитъ и въ аллегорическомъ разсказѣ о Данко („Старуха Изергиль"), зажигающемъ свое сердце для того, чтобы заставить итти впередъ презираемую, но любимую имъ толпу. Родственная связь съ нею, столь позорная для великаго „я", ищущаго свободы въ полномъ одиночествѣ, обособленности, предстоитъ на каждомъ шагу. Вотъ почему, быть можетъ, у этихъ одиночекъ сила облекается въ такой поэтическій образъ, возводится въ апоѳеозъ.

Это великое средство одиночекъ для достиженія великой цѣли — борьбы съ коллективнымъ и побѣды надъ нимъ. Но сила соединяется при этомъ и съ здоровьемъ душевнымъ: нравственная раздвоенность, столь присущая одиночкамъ изъ интеллигенціи, въ художественныхъ образахъ, взятыхъ непосредственно изъ народной среды,—отсутствуетъ, какъ отсутствуетъ и ея первая причина, рефлексія. Въ этомъ единственное спасеніе и возможность нѣкоторой устойчивости одиночекъ изъ народа.

Таковъ, напр., Артемъ, съ своей необыкновенной красотой, силой и какой-то дѣтской безпечностью и непосредственностью; такова Мальва, ни минуты не задумывающаяся надъ жизнью, вполнѣ отдавшаяся стихійной силѣ своихъ страстей; таковъ Лайко Забырь и Радда, оба сильные и красивые, съ своимъ дикимъ культомъ свободы, который (какъ и у Мальвы капризъ) становится ихъ фетишемъ и незамѣтно порабощаетъ ихъ; таковъ и Челкашъ, окутанный въ поэтическій ореолъ свободы и безкорыстія (хотя любовь къ свободѣ путается еще съ привязанностью къ землѣ). Весь этотъ апоѳеозъ силы и красоты заканчивается однимъ могучимъ и сильнымъ аккордомъ, одной, полной поэтической прелести картиной: сильный, красивый соколъ, высоко парящій надъ землею, разбитый падаетъ на скалу и съ нея, мечтая о небѣ, низвергается въ бездну; рядомъ съ нимъ лежитъ зафилософствовавшаяся при этомъ змѣя съ своей жалкой попыткой подняться также легко и свободно на воздухъ, тогда какъ ей суждено вѣчно ползать по землѣ...

Но если красота и сила окружаются ореоломъ, то рабство труду съ выжимаемой имъ „каплей пота", о которой говоритъ Макаръ Чудра, предстаетъ, какъ что-то унижающее человѣческую личность, какъ наиболѣе тяжелыя оковы, которые именно и надо избѣжать.

Въ этой ненависти къ труду, звучащей въ философіи босячества, мы, кромѣ неосмысленности самаго труда, видимъ борьбу съ стихійной силой, которая подчиняетъ себѣ человѣка, затушевываетъ его обособленность и сливаетъ съ великимъ цѣлымъ. Въ народѣ это стремленіе имѣетъ дѣло съ одной крупной силой — „властью земли". Это вдвойнѣ сильный врагъ не только по прочности вѣковой традиціи, вошедшей въ плоть и кровь народа, но и по тому элементу, который одинаково родственен и душѣ одиночки, и великому цѣлому, объединяющему ихъ и мѣшающему полному выдѣленію „я": поэтическая прелесть, которой полна земледѣльческая жизнь крестьянина, одинаково мила и затерявшейся въ толпѣ личности съ ея

Digitized by Google

любовью къ уютной жизни, и босяку съ его родственной стихіи душой. Та ширь родныхъ полей и луговъ, среди которыхъ проходитъ большая часть жизни крестьянина, тотъ клочекъ независимости, который дается ему любимымъ свободнымъ трудомъ, не извнѣ навязаннымъ, невольно привлекаетъ симпатіи босяка.

Не то представляетъ всякій другой трудъ для крестьянина, вышедшаго изъ своей среды на такъ называемый заработокъ: тамъ трудъ переходитъ въ деньги; это трудъ, не дающій непосредственно удовлетворенія, трудъ, превращающій личность въ орудіе чего-то бездушнаго, безсмысленнаго, обезцѣнивающій ее до механическихъ колесиковъ какой-то машины, вращающейся безъ участія воли и сознанія личности.

„Научился я мастерству... это вотъ зачѣмъ?—говоритъ Григорій Орловъ, —или, кромѣ меня, мало сапожниковъ? Ну, ладно, сапожникъ я, а дальше что? „Какое въ этомъ для меня удовольствіе?.. Сижу въ ямѣ и шью... потомъ помру“ (267).

Вотъ почему у босяка изъ народа нѣтъ-нѣтъ да и проскользнетъ эта глубоко затаенная симпатія къ землѣ.

„Главное въ крестьянской жизни,—говоритъ Челкашъ,—это, братъ, свобода: хозяинъ ты есть самъ себѣ. У тебя твой домъ,—грошъ ему цѣна,—да онъ твой. У тебя земля своя,—всего ея горсть, — да она твоя! Курица у тебя своя, яйцо свое, яблоко свое! Король ты на своей землѣ! И потомъ порядокъ: утромъ всталъ—работа... весной—одна, лѣтомъ другая; осенью, зимой—опять иная. Куда ни пойдешь, воротишься въ свой домъ. Тепло!.. Покой!..“ Онъ воодушевляется этими воспоминаніями, но какъ бы, прибавляетъ авторъ, „запамятовавъ объ обязанностяхъ“.

Однако, кромѣ естественной идеализаціи покинутаго, но милаго прошлаго, здѣсь сказывается чисто психологическая черта, объединяющая народъ съ выходцами изъ него и не дающая порвать связь до конца.

Вспомнимъ разсказъ „Дружки“, гдѣ два пріятеля идутъ въ деревню темной ночкой на добычу. Они встрѣчаютъ по дорогѣ лошадь, которую думаютъ утилизировать для своихъ цѣлей, но тутъ-же вспоминается одному изъ нихъ трудовая крестьянская жизнь съ ея радостью и горемъ; вспоминается „шабръ“ Михайла, у котораго украли лошадь, его отчаяніе при этомъ, все значеніе такой потери для бѣдной крестьянской семьи, — и вотъ, голодный нищій, оторванный уже отъ всего строя крестьянской жизни, не рѣшается поднять руку на это прошлое, не можетъ вырвать изъ сердца эту, все же ощущаемую имъ связь: онъ отказывается воспользоваться удобнымъ случаемъ, отпускаетъ на свободу пойманную уже лошадь и умираетъ тутъ-же одинокій, лишенный всякой связи съ крестьянскимъ міромъ, но съ глубокою внутреннею связью, которую не могутъ уничтожить никакія „обязанности“; она проявляется также активно и у Челкаша въ его пониманіи Гаврилы и помощи ему.

Впрочемъ, въ словахъ Челкаша звучитъ уже и презрѣніе вольнаго человѣка, порвавшаго ради свободы со всѣмъ близкимъ, дорогимъ, презрѣніе къ тѣмъ, кто, связанный трудомъ, является его рабомъ (любовь къ труду, вѣдь, также порабощаетъ человѣка, по мнѣнію босячества, хотя и не столь позорно, какъ погоня за матеріальной выгодой). „А жаденъ ты,—говоритъ онъ Гаврилѣ, мечтающему объ устройствѣ своего крестьянскаго быта, — „это не хорошо... Впрочемъ, что же?.. Крестьянинъ“.

Вмѣстѣ съ презрѣніемъ слышится здѣсь снисхожденіе, и мы чувствуемъ, что это дѣлается въ силу милаго ему прошлаго, непорванной связи съ нимъ. Въ этомъ есть что то трогательное у людей, все забывшихъ, со всѣмъ порвавшихъ, для которыхъ

Digitized by Google

въ своемъ „я“ олецетворяется весь міръ, все его значеніе.

Также трогательно, напр., возвращеніе къ землѣ человѣка *), покинувшаго ее ради широкаго простора моря и заработка на немъ, (и все это для того, чтобы удержать эту землю за собою, всадить въ нее, какъ говоритъ Василій, „уйму денегъ“). А у сына его, который уходитъ отъ тяжелаго земледѣльческаго труда при знакомствѣ съ болѣе легкой и веселой жизнью, все же при видѣ моря невольно вырывается восклицаніе: „Кабы это все земля была! Да черноземъ! Да распахать-бы! (71). Слова эти отдаются въ сердцѣ отца, будятъ уснувшую въ немъ „власть земли“, которая и притягиваетъ его къ себѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ не забываетъ отмѣтить, что эта невольно остающаяся въ душѣ связь съ цѣлымъ, изъ котораго личность стремится выйти, мучительно больно отзывается въ гордомъ сердцѣ одиночки, какъ что-то все таки ее связывающее, и пробуждаетъ любовь—ненависть, такъ понятную психологически, въ указаніи которой опять таки сказался художественно правдивый талантъ писателя. „Я, видишь-ли ты, всѣхъ мужиковъ не люблю,—говоритъ босякъ Сережка и далѣе поясняетъ,—они ноютъ да притворяются, но жить могутъ: у нихъ есть зацѣпка—земля, а я что противъ нихъ? **) (63).

Вмѣстѣ съ ненавистью здѣсь звучитъ и сознаніе безсилія оторванной отъ всего личности, вышедшей изъ обычнаго строя жизни и потерявшей устойчивость.

Одинокая личность, гордая тѣмъ, что сбросила съ себя оковы, все-таки чувствуетъ за собою силу, власть и значеніе которой признается ею по неволѣ.

Это сплоченность коллективныхъ „я“ для одиночекъ вообще, это крестьянскій міръ для босячества, хотя-бы и вышедшаго изъ разныхъ слоевъ, но чаще всего сталкивающагося именно съ такой формой коллективизма. „Мужикъ есть для всѣхъ людей матеріалъ питательный, сирѣчь, съѣдобное животное, напр., я: развѣ возможно было бы мнѣ пребываніе на землѣ безъ мужика?—говоритъ проходимецъ, — „для существованія человѣка“,—продолжаетъ онъ. — необходимы: солнце. вода, воздухъ, мужикъ“.

Пусть презрительный взглядъ паразита на свою добычу звучитъ въ этихъ словахъ, но тутъ же и сознаніе своей полной зависимости отъ презираемаго, и невольная дань уваженія къ нему, которое прямо уже проявляется въ дальнѣйшихъ словахъ того-же проходимца.—„Встрѣчалъ я людей, и по самой натурѣ своей хорошихъ, нерѣдко они встрѣчаются и почти только среди простыхъ людей, внѣ стѣнъ города“... (226).

Характерно и проскальзывающее тутъ же отношеніе самого автора къ этому вопросу: „Когда мужику заплатятъ чѣмъ-нибудь хорошимъ за то дурное, которымъ такъ щедро награждаютъ его?“ — спрашиваетъ авторъ самого себя, слушая издѣвательства „проходимца“. Характерна и та путаница понятій, отмѣченная М. Горькимъ, которая существуетъ среди людей, поднявшихся надъ народной массой и строящихъ свои теоріи для его жизни: „отъ насъ ускользалъ предметъ разговора — мужикъ,—говоритъ авторъ въ разсказѣ „Кирилка“, передавая эту путаницу, — „онъ сидѣлъ на пескѣ недалеко отъ насъ и молчалъ, и лицо его было безстрастно“.

Не такое ли положеніе занималъ онъ и во все время нашихъ продолжительныхъ и разноголосыхъ толковъ о немъ, нашего шатанія вокругъ да около переустройства его жизни? Не это-ли внушило намъ затаенное уваженіе къ нему и заставило считаться съ нимъ? Пусть онъ „жалокъ и низокъ“, какъ гово-

*) Мальва.

**) Проходимецъ (206).

Digitized by Google

ритъ Челкашъ, но онъ—сила въ своей совокупности и устойчивости, та сила, которую боготворитъ босякъ, и, что самое главное, онъ—первообразъ той гармоніи, къ которой тянется дума одинокаго человѣка и которую она и жаждетъ, повторяемъ, въ ея высшей формѣ.

Въ этихъ маленькихъ разсказахъ и цитатахъ мы видимъ ту роль, которую играетъ крестьянское царство въ босячествѣ, видимъ, какъ шатокъ здѣсь въ своихъ основаніяхъ крайній индивидуализмъ. Въ единичной, самодовлѣющей силѣ, предстающей въ нихъ, есть уже и залогъ разложенія; сознаніе непрочности существованія единичнаго, помимо общаго. Но есть здѣсь и много здороваго, хорошаго, что пріобрѣла и внесла личность въ долгой борьбѣ за уясненіе своего „я", за его независимость. Не принесется-ли это въ даръ великому цѣлому?

Въ указаніи этой, ярко выступающей, хотя, быть можетъ, и скоро пробѣгающей струи народной жизни—заслуга М. Горькаго. Она въ его произведеніяхъ слишкомъ блещетъ живостью и красками для того, чтобы пройти незамѣченной, и намъ важно было ее анализировать для общественнаго самосознанія.

Въ живой жизни мы теряемся среди массы впечатлѣній, часто не можемъ осмыслить ихъ, и яркіе художественные образы помогаютъ намъ въ этомъ, сосредоточивая на себѣ наше вниманіе и собирая въ себѣ, какъ въ фокусѣ, все существенное.

Въ этомъ заслуга беллетристики и вытекающая отсюда задача писателя: — уловить въ жизни то, что достойно вниманія, намѣтить тѣ явленія, въ которыхъ заложены живыя зерна, способныя къ дальнѣйшему развитію, могущія войти въ общій процессъ общественнаго самосознанія, какъ двигающій его элементъ.

Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ согласиться съ англійскимъ критикомъ Дилономъ, совѣтующимъ нашему писателю оставить свою демагогію ради тѣхъ широкихъ симпатій, деликатности и чувствительности къ человѣческому горю, которыми онъ надѣленъ, ради рѣдкаго дара истолковывать невыразимыя душевныя состоянія, производящія острое страданіе или тупое отчаяніе. Нѣтъ, нашему художнику трудно согласиться съ этими предписаніями англійскаго критика, обладающаго холоднымъ темпераментомъ, лишеннаго чутья чуждой ему нашей исторической задачи, а она захватываетъ всѣ наши лучшія силы, которыхъ у насъ такъ немного и захватываетъ по праву, по своей интенсивности, которая должна замѣнить прежнюю медлительность, чтобы пополнить пробѣлы прошлаго.

Много художественныхъ силъ у насъ ушло на борьбу за выясненіе жизненной идеи, жертвуя ей чистымъ искусствомъ, служить которому при рѣшеніи великой исторической задачи для цѣлаго народа—становилось какъ-то совѣстно.

Такъ погибъ художественный талантъ Салтыкова, Г. Успенскаго и др., въ самыхъ произведеніяхъ которыхъ мы можемъ замѣтить борьбу чистаго искусства съ такъ называемой тенденціей, т. е. служеніемъ жизни.

Въ произведеніяхъ М. Горькаго художникъ и человѣкъ стоятъ на одной ступени, требованія жизни и требованія искусства сплетаются, и мы рѣдко видимъ уступку первому. Дѣло идетъ только въ сосредоточиваніи вниманія на одномъ классѣ, на одномъ явленіи народной жизни. Но если отсутствіе широты взгляда можно было-бы, пожалуй, поставить въ упрекъ М. Горькому, то не надо забывать и того, что это отрицательное качество можетъ быть и положительнымъ: оно помогаетъ цѣльности впечатлѣнія и усиливаетъ его интенсивность.

Что-же касается задачи, намѣчаемой

Digitized by Google

Дилономъ, то она была уже выполнена у насъ Достоевскимъ.

При этомъ нельзя не замѣтить, одной особенности нашей литературы, которая какъ-то особенно ярко бросается въ глаза. У насъ всегда развитіе художественной мысли идетъ отъ синтеза къ анализу, а не наоборотъ. Такъ, въ самомъ началѣ нашей литературной эволюціи мы видимъ великій синтезъ въ лицѣ нашей гордости и славы Пушкина; отъ него уже идутъ развѣтвленія: глубина и богатство его поэтическаго дара являются тѣмъ наслѣдіемъ для русской литературы, которое она разрабатываетъ почти на протяженіи цѣлаго столѣтія. Гоголь, Тургеневъ, даже Л. Толстой,—всѣ они исходятъ изъ него въ основѣ своего творчества, пользуются уже добытыми имъ поэтическими дозами: чистотою слова, богатствомъ и звучностью рѣчи, живостью, реальностью изображенія и даже тяготѣніемъ къ народу, къ безыскусственности его творчества. (Вспомнимъ первыя произведенія Тургенева: забытую „Парашу“ и знаменитыя „Записки Охотника“, вспомнимъ народныя сказки Л. Толстого и полные поэтической прелести „Вечера на хуторѣ близь Диканьки“ Гоголя).

Достоевскій ушелъ отъ этого въ сторону психологическаго анализа, являясь самъ по себѣ синтезомъ для современныхъ писателей. Онъ захватилъ широкую область общечеловѣчсскаго чувствованія. (Вотъ почему, быть можетъ, онъ и нашелъ такой глубокой отзывъ даже внѣ родной земли, у нѣмца—Ницше). Выступившіе за нимъ маленькіе работники мысли, уступающіе ему въ силѣ таланта и въ глубинѣ его, воспользовались добытымъ имъ для проведенія его въ маленькіе закоулки жизни. Иными словами, то, что Достоевскій далъ въ общемъ, они разрабатываютъ въ частностяхъ. И напрасно, указывая на новую литературу, наши пессемисты пророчатъ ей печальное будущее — упадокъ. Правда, у насъ нѣтъ теперь великихъ силъ, но великія силы родятся вѣками, и для каждаго пророка нужны свои предтечи, чтобы онъ былъ принятъ. А кто знаетъ, не идетъ ли за нашими маленькими силами этотъ великій пророкъ, которому онѣ только расчищаютъ дорогу?

Перейдя опять къ творчеству М. Горькаго въ его уже общемъ значеніи, мы должны остановиться на индивидуализмѣ нашего писателя и основанномъ на немъ субъективизмѣ.

Личность, выступающая здѣсь и старающаяся осмыслить себя, оказалась не въ силахъ осмыслить жизнь, въ которой только связь съ цѣльнымъ давала ей право и мѣсто: благодаря этому особенно рѣзко обозначались противорѣчія жизни.

Такъ, въ разсказѣ „Осенью“, носящемъ въ себѣ, какъ поговаривали критики, автобіографическія черты, голодающій человѣкъ съ горечью иронизируетъ надъ своимъ положеніемъ: онъ, мечтающій о реорганизаціи соціальнаго строя, о политическихъ переворотахъ, читающій разныя мудреныя книги, глубина которыхъ, „навѣрное“, какъ говоритъ онъ „недосягаема для самыхъ авторовъ“, онъ долженъ заниматься тѣмъ, что вмѣстѣ съ своей случайной подругой по несчастью вытаскиваетъ изъ амбара хлѣбъ для утоленія голода. И потомъ мерзнетъ ночью подъ открытымъ небомъ. Въ этомъ много ироніи судьбы, и она становится все чаще, чѣмъ дальше вглубь уходитъ единичное самосознаніе, чѣмъ больше задумывается личность надъ вопросомъ о своемъ мѣстѣ въ жизни, о своемъ значеніи, обособляясь отъ великаго цѣлаго, которое до тѣхъ поръ поглощало ее. Понятно теперь то озлобленіе противъ коллективнаго, которое могло зародиться на этой почвѣ въ сердцѣ одинокой личности, „Нѣтъ законовъ иныхъ развѣ во мнѣ“, -говоритъ она, но тутъ же съ горечью замѣчаетъ — „Меня не жалѣютъ... Азъ есмь перекати поле, и всякій,

Digitized by Google

кому вѣтеръ бросаетъ меня подъ ноги,—пинаетъ меня въ сторону"... (212*). Очевидно, собственные законы нисколько этому не мѣшаютъ, а, наоборотъ, даже способствуютъ. Въ чемъ-же тогда сила и гордость личности, гдѣ санкція ея правъ? Не на этой ли почвѣ и зародилась нравственная раздвоенность личности, которая такъ часто встрѣчается въ жизни и имѣетъ такое яркое отраженіе въ литературѣ?

Возьмемъ для примѣра самихъ героевъ Горькаго, ушедшихъ далеко отъ народной среды. Такъ, въ разсказѣ „Тоска" прекрасно охарактеризованъ и самый процессъ раздвоенія. Тихонъ Павловичъ, богатый мельникъ, притѣсняющій мужичковъ, почувствовалъ вдругъ полосу раздумья, и „все перевернулось для него вверхъ тормашками", и ему казалось, говоритъ авторъ, что онъ какъ бы раздвоился: одна его половина, незамѣтно для другой, старается куда-то столкнуть ее, или какъ-бы онъ осторожно обходитъ самого себя, какъ обходилъ онъ разныхъ мужичковъ, вступавшихъ съ нимъ въ сдѣлки".

И дальше: „Во время разговора чувствуешь себя лучше, не замѣчаешь ничего внутри себя, если говоришь о томъ, что внѣ" (310).

Эту черту авторъ отмѣчаетъ у всѣхъ героевъ, способныхъ болѣе или менѣе къ рефлексіи, но особенно рельефно изображена она въ разсказѣ „Ошибка", гдѣ человѣкъ (сельскій учитель „не у дѣлъ") постепенно доходитъ до сумасшествія на почвѣ нравственной раздвоенности, попадая къ другому такому же сумасшедшему. Это—болѣзнь одиночества, стремящагося проникнуть вглубь самого себя, напряженіе, которое никогда не проходитъ даромъ. У Кирилла Ивановича („Ошибка") это выражается въ борьбѣ съ „нѣчто", (отъ котораго онъ хочетъ „скрыть" самого себя), живущимъ внутри его.

Цѣльныя натуры одиночки встрѣчаются рѣдко; это, какъ мы уже говорили, большей частью дѣти природы, выросшія и живущія на ея лонѣ, на которыхъ она и накладываетъ отпечатокъ своей гармоніи.

Таковъ Забаръ Лойко, Радда, таковъ Артемъ, Мальва, „засыпка" Кузьма въ „Тоскѣ".

При этомъ надо замѣтить, что авторъ пользуется пріемомъ пополнять впечатлѣніе, усиливая впечатлѣніе отъ внутренняго настроенія человѣка параллелью ихъ съ природой, и тѣмъ отзвукомъ, которое находитъ она въ его сердцѣ. (Обращеніе къ природѣ со стороны нравственно-раздвоенныхъ одиночекъ звучитъ уже стремленіемъ къ сліянію съ общимъ и частичной побѣды его надъ единичнымъ).

Такъ, описывая состояніе Тихона Павловича, полное душевной борьбы, страха одиночества, потери устойчивости, которое авторъ характеризуетъ однимъ словомъ „тоска", онъ говоритъ: „кое-гдѣ среди холмистой пустыни, ярко залитой солнцемъ, бросались въ глаза широкія черныя ленты вспаханной земли, одинокія въ богатой нивѣ, бѣдныя, унылыя. Съ нихъ на душу мельника вѣяло чѣмъ-то родственнымъ ей. А хлѣбъ, волнуемый вѣтромъ, тихо шумѣлъ, шепча синему небу надъ нимъ" (296). Или описаніе грозы рядомъ съ описаніемъ состоянія мятущейся души старика Архипа, получившаго въ тайнѣ ожидаемый, но незаслуженный ударъ отъ любимаго внука, который съ такою болью отзывается въ немъ, и безъ того уже измученномъ борьбою, кипѣвшею внутри его... Но, можно замѣтить, что описанія моря авторъ больше любитъ, чѣмъ описанія мирной стихіи, да оно и болѣе близко душѣ его героевъ, жаждущихъ простора и шири, полныхъ мятущейся тоски, прорывающейся вдругъ изъ подъ

*) Проходимецъ.

Digitized by Google

спокойнаго покрова внѣшняго самолюбованія и эгоизма.

Эти описанія природы вносятъ нѣсколько примиряющій аккордъ въ вѣчную борьбу страстей, развертывающихся передъ ними, крупицу объединенія въ одиночество, вѣющее на насъ такимъ страшнымъ холодомъ.

Здѣсь нельзя не замѣтить одной характерной черты въ произведеніяхъ М. Горькаго: останавливаясь на изображеніи одиночекъ, нашъ писатель никогда почти не берется за изображеніе толпы: ея психологія чужда и непонятна тому міру, который рисуется намъ подъ его перомъ. Въ этомъ проявляется и важное въ писателѣ сознаніе своей силы, правильная оцѣнка ея.

Вообще, разсматривая отношеніе самого автора къ собственному творчеству, мы видимъ въ немъ такую сознательность, какую рѣдко приходится встрѣчать даже у крупныхъ талантовъ; быть можетъ, это и уменьшило силу художественнаго таланта у М. Горькаго, такъ какъ мы знаемъ, что всякія рамки стѣсняютъ творчество, дѣлая его болѣе узкимъ, одностороннимъ, а при сознательномъ творчествѣ онѣ неизбѣжны.

Но живость художественнаго изображенія и психологическій анализъ, тѣсно сплетающіеся въ произведеніяхъ М. Горькаго, покрываютъ всегда ту тенденцію, которая часто незамѣтно въ нихъ присутствуетъ Его художественные образы какъ-бы выхвачены изъ жизни, и даже самая философія ихъ (философія дѣйствительной жизни) не кажется намъ странной въ устахъ простыхъ, едва грамотныхъ людей: настолько она тѣсно связана съ духовнымъ міромъ, настолько приспособлена къ нему; лишь порою поразитъ въ нихъ читателя слишкомъ литературное слово, слишкомъ ницшеанская мысль,— но это, послѣднее,—надо прибавить,— встрѣчается уже въ послѣднхъ произведеніяхъ М. Горькаго.

Психологическая мотировка строго обоснована во всѣхъ произведеніяхъ. Стремленіе къ свободѣ, гордость независимости, сладкое чувство, испытываемое въ нахожденіи самого себя и въ тоже время вся ненормальность подобнаго состоянія оторванности, стремленіе выйти изъ него,— все здѣсь обрисовывается яркими, брызжущими красками; предъ нами предстаетъ цѣльная исторія одиночки въ художественныхъ образахъ.

Будущему историку нашего общественнаго самосознанія, несомнѣно, придется считаться сь ней. Недаромъ общество возвело М. Горькаго на такой пьедесталъ: кумиръ толпы есть въ тоже время и характеристика ея, такъ какъ толпа возводитъ въ кумиры только тѣхъ, кто умѣетъ затронуть ея затаенныя струны: развитой индивидуализмъ— болѣзнь, разъѣдающая ее.

Сознаютъ это и сами одиночки, потерявшіе, какъ мы уже говорили, вмѣстѣ съ связью съ толпой и смыслъ жизни. „Вѣрю, что я для всѣхъ васъ—пустое мѣсто.. Есть я или нѣтъ меня, вамъ все равно—наплевать. Зачѣмъ вамъ душа моя? Живу я одинъ на свѣтѣ и всѣмъ людямъ, меня знающимъ, очень надоѣлъ“—говоритъ Гвоздевъ въ разсказѣ „Озорникъ“.

Прекрасно изображено это и въ разсказѣ „Тоска“, гдѣ мельникъ Тихонъ Павловичъ, задумываясь вдругъ надъ жизнью, чувствуетъ себя выброшеннымъ за бортъ ея, одинокимъ, непонятнымъ и непонимающимъ самого себя.

Онъ ѣдетъ по своей наивности за разъясненіемъ этого къ учителю, своему врагу, написавшему на него „въ газету“ и быть можетъ именно и давшему толчокъ этому раздумью. Но тотъ такой же одиночка, какъ и Т. П., не можетъ помочь ему, и только хуже подчеркиваетъ его отчужденность и нравственное одиночество, границу, стоящую между отдѣльными индивидуумами. Эта „стѣна“, отдѣляющая ихъ другъ отъ друга, начинаетъ уже мучить оди-

Digitized by Google

ночку. „И жаль тебѣ людей,—говоритъ Коноваловъ, подъ впечатлѣніемъ прочитанной книги,—хотя ты ихъ никогда не видишь, и они тебѣ совсѣмъ ничего. По улицѣ они такіе можетъ десятками живые ходятъ, и ты ихъ видишь, но не знаешь про нихъ ничего.. и тебѣ нѣтъ до нихъ дѣла... идутъ они и идутъ... А въ книгѣ ихъ нѣтъ. Однако, тебѣ ихъ жалко до того, что даже сердце щемитъ... Какъ это понимать"?—заканчиваетъ наивный философъ „(Коноваловъ)".

Не сквозитъ-ли и здѣсь тоска отъ своей оторванности? „Всѣмъ даже страшно стало, когда они поняли, на какое одиночество обрекаетъ онъ себя",—говоритъ старуха Изергиль о сынѣ орла, ставшемъ гордо и независимо отъ толпы, и тутъ же прибавляетъ, какое выбрали ему наказаніе: „оно въ немъ самомъ".

Очевидно, толпа, судившая „сына орла", обладала тонкимъ психологическимъ чутьемъ: худшее наказаніе трудно было придумать. И мы видимъ какъ выполняется оно надъ нашими одиночками: они или, какъ „сынъ орла", остаются „свободными и ищущими смерти", или, какъ Тихонъ Павловичъ, мучительно ищутъ сліянія съ общимъ и счастливы, если могутъ найти его.

При этомъ нельзя не отмѣтить одной особенности творчества М. Горькаго, сближающей его съ Достоевскимъ.

Одиночка въ самый большой моментъ своего развитія стремится уйти отъ самого себя въ толпу, которую раньше такъ гордо избѣгалъ. Такъ, Раскольниковъ, рѣшаясь на преступленіе, идетъ въ толпу, (въ трактиръ), какъ бы стараясь въ шумѣ ея избѣжать самого себя; такъ и Тихонъ П. въ „Тоскѣ" идетъ туда же искать забвенія, или какъ сказали бы мы, связи съ толпой, въ потерѣ которой заключается и потеря душевнаго равновѣсія (замѣчательно, что они подчиняются этому влеченію какъ бы невольно, въ минуты своей наибольшей пассивности). У Тихона П. это сближеніе съ общимъ происходитъ здѣсь подъ впечатлѣніемъ пѣсни, полной горечи, такихъ же выброшенныхъ за бортъ обычной жизни людей.

Авторъ такъ описываетъ переживаемое при этомъ: „было что-то жгучее и щиплющее во всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ; оно было въ каждомъ изъ нихъ и, соединяясь, образовало въ душѣ мельника странную, сладкую боль, точно большая, давившая его сердце льдина таяла, распадалась на куски, коловшіе его тамъ внутри (318).

И этотъ человѣкъ, не привыкшій къ рефлексіи, не умѣющій овладѣть ею, не можетъ объяснить себѣ то странное чувство какой-то восторженности, которое овладѣваетъ имъ при томъ: „чувствую себя теперь охъ какъ! Въ огонь бы полѣзъ", „на ножъ пойду"!—восклицаетъ онъ, комментируя, какъ можетъ, свое состояніе экстаза.

Но гармонія душевнаго состоянія и на низшей своей ступени не можетъ выноситься долго, какъ замѣтилъ это еще Достоевскій. Т. П. тоже недолго выноситъ ее, не смотря на свою загрубѣлость, и проситъ прекратить пѣсню, произведшую также впечатлѣніе: „Больше не могу"!—восклицаетъ онъ и затѣмъ „возобновился человѣкъ".

Вообще душевное состояніе Т. П. слишкомъ для него неожиданно, слишкомъ мучительно послѣ прежнлго спокойнаго прозябанія; это душевный переломъ, который, къ сожалѣнію, авторъ захватываетъ въ самомъ его сильномъ проявленіи, не намѣчая развитія.

Быть можетъ, въ этомъ сказалась опять-таки особенность таланта М. Горькаго, схватывающаго типъ въ наиболѣе яркомъ, характерномъ его проявленіи, не прослѣживая его развитія.

Въ этомъ сказывается интенсивность общаго процесса развитія нашей художественной мысли, отража-

Digitized by Google

ющей быстро бѣгущія струи народной жизни, за которыми ей трудно угнаться иначе. „Жизнь... колебаніе только одно... рябь. Поймешь здѣсь что, какъ же!“ говоритъ Т. П. въ заключеніе, уже почти примиренный съ собой.

Это стремленіе къ осмысливанію жизни, своего мѣста въ ней, проходитъ во всѣхъ произведеніяхъ М. Горькаго и особенно рельефно проявляется въ послѣднихъ вещахъ—„Мѣщане“ и „На днѣ“, гдѣ проскальзываетъ и мученіе писателя, ищущаго свой идеалъ.

Къ такому осмысливанію стремится Тетаревъ, Лука, и если первый не находитъ ничего, то второй несетъ уже съ собой надежду и имѣетъ для нея основанія въ любви къ людямъ, которой большей частью лишены одиночки.

Если-бы позволительно было дѣлать заключенія отъ характера произведеній, въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, къ характеру развитія художественной мысли ихъ творца, то мы могли-бы сказать, что М. Горькій стоитъ на порогѣ новой ступени въ своемъ творчествѣ. Лука, Нилъ,—все это уже намѣчающіеся штрихи новой задачи и, какъ первые, не совсѣмъ удачные. Нилъ, это копія Штольца; онъ чуждъ русской жизни, русской натурѣ. Только уставши въ погонѣ за положительнымъ типомъ, могъ создать его М. Горькій.

Въ нашей русской, разбросанной и безалаберной жизни, умѣренность и аккуратность, Штольцовская увѣренность въ себѣ и, прибавимъ, мѣщанское самодовольство не могутъ входить въ типъ русскаго человѣка; въ немъ, какъ и въ И. И. * перепутано все хорошее съ дурнымъ, и воплощеннаго идеала или воплощеннаго злодѣя у насъ труднѣе найти, чѣмъ гдѣ либо.

Всѣ подобныя попытки у нашихъ художниковъ беллетристовъ создать что-либо въ этомъ родѣ оканчивались неудачей и сводились въ результатѣ или къ Гончаровскому Штольцу, или къ Гоголевской Улинькѣ и благодѣтельному купцу. Но въ самыхъ этихъ типахъ, стремящихся къ чему-то положительному по самому характеру своего созданія, есть элементъ чего-то новаго, что до сихъ поръ, хотя и проскальзывало въ произведеніяхъ М. Горькаго (въ творчествѣ не бываетъ скачковъ), но проскальзывало довольно слабо. Мы замѣчаемъ уже переходъ къ мягкимъ нотамъ послѣ безпощадной реальной правды; вмѣстѣ съ тѣмъ художественность дѣлается утонченнѣе, анализъ глубже заглядываетъ въ душу, находя въ ней струны, не затронутыя при быстромъ вихрѣ, впервые вспыхнувшаго при столкновеніи съ правдою жизни, негодующаго чувства.

Это,—не примиреніе, а спокойный взглядъ испытаннаго бойца, эпическое спокойствіе, поддерживаемое требованіями драматическаго творчества, поддерживаетъ подобное настроеніе писателя. Такъ, много смягчающихъ нотокъ мы видимъ въ Лукѣ, въ Санькѣ, откликающихся на человѣческое горе, цѣнящихъ, наконецъ, и чужую жизнь, уважающихъ и ея нравственный міръ до боязни затронуть въ немъ больныя струны (Вспомнимъ отношеніе Луки къ вымыслу Насти, боязнь его оскорбить въ ней, хотя созданное фантастически, но все же хорошее чувство). Въ этомъ уже звучитъ аккордъ примиренія одинокой личности съ великимъ общимъ. И не здѣсь ли, въ безконечной любви и уваженіи къ человѣчеству, въ его частичномъ проявленіи, пополняющемъ прежнее самолюбіе и самоуваженіе, заключается примиряющій аккордъ не только творчества М. Горькаго, бросающагося въ глаза своимъ яркимъ проявленіемъ, но и другихъ современныхъ писателей индивидуалистовъ? „Жизнь хочетъ гармоничнаго человѣка, въ которомъ интеллектъ и инстинктъ сливались бы въ стройное цѣлое“,—говоритъ М. Горькій устами одного

Digitized by Google

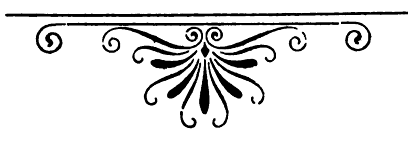
изъ своихъ героевъ, Шебуева. И не на созданіе ли, не на поиски ли его стремятся теперь наши лучшія силы и въ жизни, и въ литературѣ?

Но, пока продолжаются эти исканія, намъ необходимъ иногда бываетъ, какъ отдыхъ, „насъ возвышающій обманъ". Лука, какъ мы говорили раньше, признаетъ его во всей силѣ, но подобный принципъ, конечно, не можетъ выдерживать долго. (Въ „На днѣ", напр., по отношенію къ удавившемуся послѣ временнаго самообмана актеру). Это только одна изъ неизбѣжныхъ ошибокъ въ отысканіи правды, если не разумной и вѣчной, то, по крайней мѣрѣ, дающей временное удовлетвореніе, необходимое спокойствіе на пути нашего стремленія къ вѣчному идеалу. Всю мучительность этихъ поисковъ въ состояніи сгладить только любовь къ людямъ и жизни, проходящая красной нитью въ произведеніяхъ нашего писателя, взявшаго на себя защиту людей, находящихся *на днѣ* нашей соціальной жизни, сброшенныхъ ею туда безъ сожалѣнія и часто превращающихся ихъ въ унижающихъ и оскорбляющихъ, съ глубокими затаенными душевными ранами, которыя большей частью могутъ остаться въ жизни не замѣченными, подъ грубой корой ихъ озлобленности.

Заслуга М. Горькаго въ томъ, что, сохраняя правдивость внѣшняго изображенія, онъ съумѣлъ открыть намъ и тѣ родники, которые ведутъ въ глубину души босяковъ и показываютъ хранящіяся тамъ золотыя песчинки, могущія послужить для созиданія новой жизни. Въ словахъ Шебуева*), этого неудавшагося за давившей его тенденціей типа, намъ слышится и собственный голосъ М. Горькаго со всѣмъ, свойственнымъ ему жаромъ души: „Я есть правдивый голосъ жизни, грубый крикъ тѣхъ, которые остались тамъ, внизу, отпустивъ меня къ вамъ для свидѣтельства о страданіяхъ ихъ. Они тоже хотятъ наверхъ: къ самосознанію, къ свѣту, свободѣ!"

И хочется вѣрить, что свидѣтельство это долго еще будетъ звучать, что творчество М. Горькаго захватитъ еще шире этотъ „низъ" жизни.

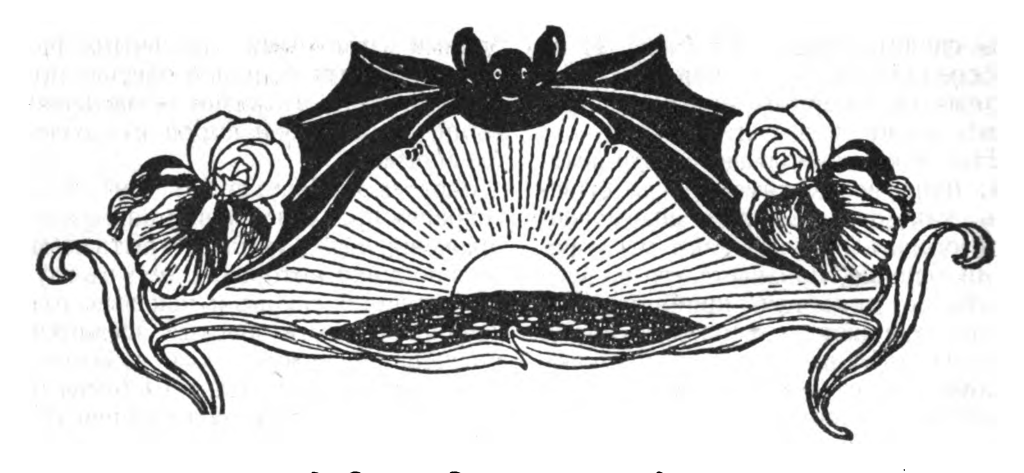
*) „Мужикъ".

Кто этотъ, сердцу тихо говорящій,
Безвѣстный другъ, безжалостный судья,
Что будитъ духъ, зеленой жизнью спящій,
И мысль зоветъ къ вершинамъ бытія?

Съ какою скорбью къ сердцу онъ взываетъ,
Когда, забывъ великія мечты,
Духъ, какъ дитя безпечное, играетъ
Надъ бездной житейской суеты?

Digitized by Google

Младотурки.

Б. ШТЕРНА.

(Окончаніе).

Эпоха Гамида.

Конституція 1876 г.

Наконецъ, Мидхатъ паша какъ будто оказался хозяиномъ положенія, но европейскія державы уже изверились въ обѣщанія Турціи и грозили созвать конференцію въ стѣнахъ самого Константинополя для рѣшенія турецкаго вопроса. Тогда Мидхатъ паша поторопилъ Абдулъ-Гамида, обязаннаго ему престоломъ, дать странѣ конституцію.

Въ Болгаріи въ то время поднялось чуть не поголовное возстаніе, а Герцеговина уже многіе годы кишѣла инсургентами. Словомъ, весь Балканскій полуостровъ стоялъ на краю гибели и разрушенія. Но Мидхатъ пуще всего не желалъ Европейскаго вмѣшательства; вѣрный основному принципу младотурокъ, что реформы Турціи должны вводиться Турками же, онъ старался самъ предупредить Европу и рѣшился ошеломить ее, провозгласивъ конституцію.

Это, по его мнѣнію, должно было успокоить Европу; такой фактъ являлся доказательствомъ жизнеспособности Турецкой націи и вмѣстѣ способности Турецкаго правительства самостоятельно справиться съ великимъ дѣломъ реформы.

Комиссія изъ 16 человѣкъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ Сервера паши, приступила къ составленію новаго государственнаго статута. На первомъ планѣ стояло, конечно, извѣстное ограниченіе власти падишаха, низводившее абсолютнаго тирана на степень констуціоннаго монарха. Затѣмъ слѣдовало образованіе парламента изъ выборныхъ представителей народа для обсужденія законовъ, установленія бюджета, податей и налоговъ; наконецъ, учрежденіе особаго собранія (сената) изъ лицъ, избранныхъ правительствомъ и утвержденныхъ Султаномъ.

Однако, все это не удовлетворило державы,—и на 23 декабря была назначена международная Конференція представителей Европейскихъ государствъ въ конакѣ Адмиралтейства въ Константинополѣ. Тогда

Digitized by Google

Мидхатъ, не теряя ни минуты, 20-го декабря заставилъ назначить себя Великимъ Визиремъ, а чрезъ три дня, т. е. въ самый день открытія Европейской конференціи, провозгласилъ Конституцію.

Основные пункты ея были слѣдующіе: 1) Нераздѣльность Турецкаго Государства и, 2) Неприкосновенность и неотвѣтственность Султана. Особа Султана, какъ главы Ислама и Падишаха, по прежнему оставалась священной для всѣхъ турецкихъ подданныхъ, безъ различія вѣроисповѣданія и народности. По прежнему Султанъ сохранялъ право назначать министровъ, распредѣлять должности, жаловать ордена и чины, чеканить монету, заключать договоры съ другими державами, объявлять войну и заключать миръ; попрежнему оставался главнымъ начальникомъ Арміи и Флота, сохранялъ право утверждать или отмѣнять приговоры суда, и созывать и распускать Парламентъ.

Но зато всѣмъ подданнымъ Султана обезпечивалась неприкосновенность ихъ личности и имущества; хотя Исламъ и оставался государственной религіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавалась полная свобода для всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій.

Провозглашалось равенство всѣхъ передъ закономъ и равноправіе по отношенію къ занятію общественныхъ должностей. Объявлялась свобода печати, отвѣтственность только предъ судомъ, равное распредѣленіе податей и налоговъ, сообразно состоянію каждаго; отмѣнялась конфискація имуществъ, запрещалось употребленіе пытокъ и всякихъ принудительныхъ мѣръ при допросахъ.

Далѣе, согласно конституціи, Султанъ назначалъ Великаго Визиря и Шейхъ-Уль-Ислама. Всѣ министры считались отвѣтственными предъ Парламентомъ, т. е. представителями народа.

Парламентъ состоялъ изъ двухъ палатъ, Верхней, или Сената, и Нижней, или палаты депутатовъ. Ежегодная сессія должна открываться тронною рѣчью Султана, гдѣ онъ излагаетъ положеніе дѣлъ Государства. Палата депутатовъ представляла всѣ проекты законовъ и бюджета на разсмотрѣніе Сената, а послѣдній на утвержденіе Султана.

Въ члены Нижней Палаты попадали выборные лица,—выбранныя закрытой баллотировкой, не моложе 30 лѣтъ,

Наконецъ, согласно Конституціи, ни одинъ изъ пунктовъ ея не могъ быть опущенъ или обойденъ, и даже измѣненіе его могло проходитъ не иначе, какъ съ согласія Палаты депутатовъ, а потомъ Сената.

Конституція эта не вполнѣ соотвѣствовала желаніямъ Мидхата паши, мечтавшаго о болѣе широкомъ самоуправленіи: онъ думалъ совершенно отдѣлить Султана отъ Калифа, иначе говоря чтобы Султанъ былъ только свѣтскимъ Государемъ, а не Калифомъ, и чтобы Турція не имѣла никакой государственной религіи, а всѣ религіи были бы равны. Этимъ реформаторъ мечталъ уничтожить власть улемовъ (богослововъ), сильную въ Турціи, но это не удалось.

Провозглашеніе Конституціи было встрѣчено народомъ съ большимъ энтузіазмомъ. Весь этотъ день и всю ночь народъ выражалъ радостными манифестаціями свое чувство благодарности и преданности Султану и свое довѣріе къ дѣлу близкаго возрожденія Турціи.

„Что на этотъ разъ осуществленіе будетъ слѣдовать за обѣщаніемъ, и дѣло—идти слѣдомъ за словомъ",—писалъ Савфетъ паша иностраннымъ уполномоченнымъ,—доказываетъ то, что, помимо торжественнаго обѣщанія Султана и помимо энергичной рѣшимости Великаго Визиря, весь народъ воодушевленъ тѣмъ же чувствомъ, а это можетъ служить наилучшей гарантіей".

Такъ писалъ Савфетъ Паша въ первые дни по провозглашеніи Кон-

Digitized by Google

ституціи и, вѣроятно, искренно вѣрилъ самъ тому, что писалъ. Но, увы! Вскорѣ все опять пошло постарому, а отъ прекраснаго, лучезарнаго, многообѣщающаго новаго едва осталась блѣдная тѣнь.

Статья 115-я Турецкой Конституціи, этой большой тетради въ зеленой обложкѣ, содержащей 119 статей, отпечатанной 7-го Сильдхидже 1293 г. въ Константинополѣ на французскомъ и турецкомъ языкахъ, украшенной собственноручной подписью Султана, гласитъ, что Султану присвоена исключительная власть изгонять изъ предѣловъ государства лицъ, признанныхъ вредными для государства, на основаніи „вѣскихъ доказательствъ департамента полиціи". На основаніи этой-то статьи иниціаторъ Конституціи и главный реформаторъ, Мидхатъ Паша, въ одинъ прекрасный день вскорѣ же былъ высланъ за предѣлы государства, какъ человѣкъ вредный и злонамѣренный.

А когда въ Парламентѣ какой-то депутатъ изъ Алеппо осмѣлился было поднять вопросъ о причинѣ изгнанія Великаго Визиря, Предсѣдатель Парламента, не задумываясь, отвѣтилъ: „Молчи, дуракъ!!" Вслѣдъ за тѣмъ этотъ смѣльчакъ былъ немедленно арестованъ, но ему удалось бѣжать въ Европу. Вскорѣ Палата Депутатовъ была распущена на томъ основаніи, что народъ будто бы еще не достаточно созрѣлъ, по выраженію Султана. Затѣмъ Мидхатъ паша хитростію былъ вызванъ изъ Европы, преданъ суду секретной комиссіи и обвиненъ въ государственной измѣнѣ: за сверженіе съ престола Султана Абдулъ-Азиса. Какъ и слѣдовало ожидать, судъ приговорилъ обвиняемаго къ смертной казни. Однако, Султанъ замѣнилъ казнь пожизненною ссылкой въ Таифу, ужасное мѣсто, расположенное не подалеку отъ Мекки и затерявшееся въ пустыни, словомъ, тотъ же Чертовъ Островъ, разобщенный съ цѣлымъ міромъ. Вскорѣ пришло извѣстіе, что Мидхатъ Паша внезапно умеръ отъ какого-то мѣстнаго заболѣванія.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1899 г. сынъ Мидхата паши бѣжалъ изъ Смирны, гдѣ онъ жилъ въ изгнаніи, сперва въ Аѳины, оттуда въ Каиръ и, наконецъ, въ Лондонъ, куда ему удалось увезти многія весьма важныя для исторіи его страны бумаги своего покойнаго отца.

Вслѣдъ за Мидхатомъ умерли одинъ за другимъ и остальные выдающіеся главари младотурецкой партіи, отъ той же „мѣстной болѣзни", которой нѣтъ точнаго названія.

Шейхъ-Уль Исламъ Хассанъ Каируллахъ Эфенди, способствовавшій своею фетвой воцаренію Султана Абдулъ-Гамида, также былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и сосланъ въ Таифу, но вскорѣ распространился слухъ, будто онъ издалъ новую фетву, въ которой заявлялъ, что Абдулъ Гамидъ узурпаторъ и вслѣдствіе этого не достоинъ быть Калифомъ, а потому, согласно турецкимъ законамъ, долженъ лишиться престола. На сколько въ этомъ слухѣ было правды, трудно оказать, но только немного спустя было опубликовано оффиціальное извѣстіе, что и Каируллахъ Эфенди скончался отъ той же мѣстной болѣзни. Такая исторія и таковъ конецъ турецкой Конституціи.

Реформы Абдулъ Гамида.

„Спѣшить — значитъ черту служить, а медлить—Богу угождать!"— говоритъ одна турецкая пословица, сдѣлавшаяся руководящей нитью въ исторіи реформъ времени Абдула-Гамида. Прежде былъ удаленъ Мидхатъ, который былъ и слишкомъ смѣлъ, и слишкомъ уменъ, и слишкомъ скоръ, затѣмъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, былъ уничтоженъ и самый актъ Конституціи, вмѣстѣ со всѣмъ Парламентомъ. Можно было думать, что благодаря

Digitized by Google

тѣмъ условіямъ, при какихъ онъ вступилъ на престолъ, Султанъ пойметъ, что единственное спасеніе Турціи—вступить на путь прогресса и реформъ; самъ онъ при случаѣ доказывалъ свое уваженіе къ наукамъ и любовь къ искуству; тѣмъ не менѣе онъ только по принужденію со стороны Европы дѣлалъ кое какія уступки. Онъ заперся въ своемъ дворцѣ, окруживъ себя фанатиками шейхами, въ которыхъ видитъ или надѣется найти поддержку своей власти. Увлекшись анахронической идеей панисламизма, онъ усилилъ значеніе евнуховъ и камарильи, которая ни въ чемъ не хочетъ подчиняться волѣ своего повелителя, и не противясь ей явно, фактически не придаетъ ей никакого значенія.

Такъ, желая поднять уровень образованія, Абдулъ Гамидъ основалъ болѣе тысячи школъ, но большинство его распоряженій остаются только на бумагѣ.

Послѣ послѣдней греко-турецкой войны всѣ полагали, что Турція воспользуется своимъ внѣшнимъ успѣхомъ для того, чтобы путемъ серьезныхъ внутреннихъ реформъ упрочить положеніе государства, о чемъ заявилъ вслухъ и самъ Мемдухъ Паша, турецкій министръ внутреннихъ дѣлъ. Вскорѣ появилась нота, заявлявшая, что въ шести анатолійскихъ вилайетахъ къ каждому магометанскому вали, или губернатору, приставлены по два муавина, или помощника, не магометанскаго вѣроисповѣданія, чтобы блюсти интересы не магометанскаго населенія этихъ провинцій. Кромѣ того, такой же муавинъ долженъ былъ приставленъ и къ каждому представителю правительственной власти въ каждомъ „санджакѣ", или уѣздѣ и въ каждой „каза", или волости. Для исправленія правосудія, должны были быть назначены равное число мусульманскихъ и иновѣрческихъ судей и судебныхъ слѣдователей. Что же касалось организаціи полиціи, то таковая была уже вполнѣ организована какъ въ главныхъ городахъ провинцій, такъ и во всѣхъ остальныхъ, при чемъ полицейскіе агенты избирались какъ изъ магометанскаго, такъ и изъ иновѣрческихъ вѣроисповѣданій, на что Великій Визирь долженъ былъ немедленно доставить необходимыя суммы. Точно также покончено было и съ организаціей корпуса жандармовъ, содержаніе котораго почти вдвое превышало содержаніе линейныхъ войскъ. Жандармовъ въ Турціи въ настоящее время болѣе 7534, изъ нихъ 1457 челов. должны быть не магометанскаго вѣроисповѣданія. Однако и по сіе время таковыхъ было зачислено только 711 человѣкъ. Далѣе, предполагалась перестройка и пересмотръ тюремъ. Но не такъ давно Султанъ принужденъ былъ самъ сознаться, что изъ всего, что должно было быть, почти ничего не сдѣлано.

Да такъ оно и будетъ до тѣхъ поръ, пока, какъ выразился Гладстонъ, по отношенію къ Турціи не перемѣнятъ тонъ. А почти еженедѣльныя аудіенціи посланниковъ и уполномоченныхъ иностранныхъ державъ у Султана ни къ чему не приведутъ.

Турецкій народъ проснулся отъ своей долголѣтней спячки; только Султанъ все еще не хочетъ раскрыть глазъ. Несомнѣнное нервное возбужденіе овладѣло всѣмъ турецкимъ народомъ; онъ сбросилъ съ себя свой восточный кэйфъ, свое безсознательное прозябаніе, это лѣнивое отупѣніе, въ какомъ жилъ до сихъ поръ. Вопреки болѣе, чѣмъ гдѣ либо, распространенному въ Турціи шпіонству, все же находятся люди, которыя отваживаются время отъ времени открыто высказывать свои надежды, желанія и опасенія относительно своей родной страны.

Между тѣмъ Турецкое Правительства, сознавая, что въ Европѣ никто уже его обѣщаніямъ не вѣритъ, придумало истинно геніальный прі-

Digitized by Google

емъ; оно приказало Вали немедленно извѣщать пребывающихъ въ данномъ вилайетѣ иностранныхъ консуловъ о каждомъ осуществленіи хотя бы самый ничтожной реформы. Такимъ образомъ, ставя свои реформы подъ контроль Европейскихъ державъ, Турція положила конецъ вѣчно висѣвшей надъ нею угрозѣ насильственнаго Европейскаго вмѣшательства въ дѣло турецкихъ реформъ.

„Относительно нашихъ финансовъ,— говоритъ одинъ турецкій дипломатъ, Европейскія державы больше безпокоятся, чѣмъ мы. Мы не желаемъ и не нуждаемся въ займѣ, а находимъ нужные намъ капиталы въ естественныхъ богатствахъ страны, Турція, ложно прослывшая раззоренной, быть можетъ, много богаче многихъ государствъ, гордящихся своими образцовыми финансовыми порядками. Въ Турціи именно бѣдныхъ мало, здѣсь всякій желающій работать находитъ себѣ-заработокъ, въ Европѣ же громадные фабричные центры скрываютъ страшную нищету; въ многихъ мѣстахъ жалуются на безработицу, и страшный соціалистическій призракъ Европы съ своими уродливыми наростами совершенно не знакомъ туркамъ. (Армянскіе анархисты ничто иное, какъ европейская контрабанда). Пусть только насъ оставятъ въ покоѣ и перестанутъ натравливать на насъ нашихъ же подданныхъ, — и мы собственными силами, хотя и медленно, но непремѣнно введемъ тѣ здравыя и осмысленныя реформы, въ которыхъ дѣйствительно нуждается Турція. Такихъ реформъ у насъ въ Турціи желаютъ всѣ; всѣ мы въ настоящее время сторонники реформъ въ хорошемъ значеніи этого слова,—и осуществленіе ихъ теперь является лишь вопросомъ времени. Многое старое, что уже отжило свой вѣкъ, распадается само-собою; многіе косные консерваторы начинаютъ протирать глаза и не то боязливо, не то радостно смотрятъ впередъ на брежжущій вдали разсвѣтъ.“

Изъ всего этого видно одно, что народъ уже пробудился; только Сераль еще упорно держится за старыя гнилыя традиціи и предразсудки, но неумолимая рука времени уже начинаетъ потрясать Ильдизъ-Кіоскъ.

Абдулъ Гамидъ и современный либерализмъ.

Вотъ уже прошло болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ все, что именовалось младотурками, истреблено въ Турціи. Но за эти 20 лѣтъ деспотическій образъ правленія успѣлъ уже вызвать новое младотурецкое движеніе. Приближенные Султана обманываютъ его, побуждая къ ложнымъ мѣрамъ спасенія и самохраненія, которыя, обогащая камарилью, только вредятъ Султану въ глазахъ его подданныхъ.

По ихъ наущенію, Абдулъ Гамидъ раскинулъ цѣлую сѣть шпіоновъ на все свое государство; на обязанности ихъ лежитъ подавлять всякій свободолюбивый порывъ, всякое искреннее патріотическое движеніе.

Но это, конечно, не помѣшаетъ въ концѣ концовъ торжеству современной младотурецкой партіи. Именно въ эти двадцать лѣтъ усиленнаго гнета и порабощенія прогрессъ пріобрѣлъ въ Турціи наибольшее число горячихъ сторонниковъ. И хотя видимыя проявленія либерализма постоянно подавляются, самый духъ его продолжаетъ жить и крѣпнуть.

Изъ желанія подавить всякое движеніе, Правительство постоянно преслѣдовало и виновныхъ, и безвинныхъ; особенно обрушилось оно на военную и военно - медицинскую академію. Правда, первая изъ нихъ играла не маловажную роль въ низложеніи Абдулъ - Азиса, и на этомъ основаніи придворная камарилья увѣрила Абдулъ-Гамида, что ему слѣдуетъ опасаться этого учрежденія. Вслѣдъ за удаленіемъ Мид-

Digitized by Google

хата Паши, Султанъ приказалъ расформировать всю тогдашнюю военную академію, и весь цвѣтъ этой учащейся молодежи исчезъ безслѣдно въ пустыняхъ Анатоліи, Аравіи и Африки. Да и новое поколѣніе, обучающееся въ настоящее время въ академіи, находится постоянно подъ строжайшимъ надзоромъ; подъ страхомъ смертной казни имъ воспрещено показываться вблизи Султанскаго дворца, а въ торжественный день Рамазана, когда Султанъ покидаетъ стѣны Ильдизъ-Кіоска, для торжественной церемоніи лобызанія плаща Пророка, воспитанники военной академіи подвергаются строжайшему аресту въ стѣнахъ самой академіи.

Въ іюлѣ 1895 г. Начальникъ придворныхъ шпіоновъ Султана, Кадри Бей, довелъ до свѣдѣнія Его Величества, что въ военной академіи имъ открытъ заговоръ. Въ сущности дѣло обстояло такъ: возмущенные пренебрежительнымъ къ нимъ отношеніемъ болѣе богатыхъ товарищей и несправедливыми требованіями своего начальства, болѣе бѣдные слушатели академіи сплотились въ одну общую группу и стали собирать свои сбереженія и то, что имъ жертвовали ихъ друзья и родственники, на побѣгъ во Францію, эту страну свободы и равенства, о которой всѣ они мечтали, чтобы тамъ продолжать свое образованіе. Во всей этой затѣѣ не было рѣшительно ничего анти-правительственнаго, или хоть сколько нибудь предосудительнаго,но открывшіе этотъ заговоръ умышленно раздули и исказили всю эту исторію, чтобы извлечь личныя выгоды изъ страха Султана.

Полъ года спустя произошло нѣчто подобное и съ военно-медицинской академіей. Здѣсь было найдено весьма распространенное въ рукописи стихотвореніе на Султана съ повторяющимся припѣвомъ:

Ты тѣло наше изъязвилъ, измучилъ,
Ты горе и нужду навлекъ на насъ.
Но смѣлый духъ въ насъ живъ
И будетъ жить онъ вѣчно,
И не страшитъ насъ мученическая смерть!

Въ другихъ, найденныхъ тутъ-же стихотвореніяхъ рѣзко порицалась система шпіоновъ. „Это такое зло,—говорилось тамъ,—которое хуже холеры: ее, приходящую къ намъ извнѣ, мы, какъ врачи, можемъ предотвратить, но подлое шпіонство—нашъ внутренній недугъ, и передъ нимъ мы всѣ безсильны“!

Большая часть студентовъ послѣ того была сослана, и на полъ года водворилась тишина и порядокъ. Но въ концѣ 1897 года между студентами и ихъ начальствомъ произошли недоразумѣнія, окончившіяся рукопашною схваткой. Академію оцѣпили войсками; десятки студентовъ были арестованы, двое убиты. Директоръ Академіи Авни Паша получилъ отъ одного студента публично звонкую пощечину. Зачинщики были отведены въ тюрьму Султана Османа, гдѣ оставались 24 часа безъ хлѣба и воды, а раненные изъ нихъ оставлены безъ медицинской помощи. Затѣмъ былъ созванъ судъ,—и 47 человѣкъ, признанныхъ виновными, сослали въ пожизненную ссылку въ Триполи, въ Африку.

Недавно одинъ изъ студентовъ военно-медицинской академіи писалъ своему родственнику въ Австрію: „За что насъ преслѣдуютъ? За что окружили насъ явными и тайными шпіонами? Половина нашихъ товарищей — переодѣтые шпіоны; ихъ поселяютъ съ нами, чтобы они могли слѣдить за каждымъ нашимъ словомъ и движеніемъ. Для того, чтобы быть подвергнутымъ суду, достаточно быть родственникомъ или даже знакомымъ кого либо изъ лицъ, находящихся подъ подозрѣніемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ 40 человѣкъ изъ нашихъ студентовъ были отправлены въ ссылку въ Феццанъ; ихъ отправили моремъ и, когда они высадились на берегу, то оказалось, что или правительство не

Digitized by Google

пожелало расходоваться на дальнѣйшую доставку ссыльныхъ къ мѣсту ихъ ссылки или тѣ добрые люди, которымъ было поручено доставить ихъ, безъ лишнихъ хлопотъ положили ассигнованныя на то суммы въ свои карманы, но только несчастнымъ пришлось сдѣлать пѣшкомъ страшный переходъ по пустынѣ, который даже верблюды съ трудомъ совершаютъ въ 30 сутокъ. Теперь мы присмирѣли, шпіоны уже ничего не могутъ заработать у насъ въ медицинской академіи; всѣ мы нѣмы, какъ рыбы; мы осторожны и благоразумны. Сознавая, что мы не въ силахъ спасти „Больного Человѣка", какъ говорятъ въ Европѣ, мы не хотимъ безполезно и напрасно жертвовать собой. Но наше начальство, получившее щедрое вознагражденіе за усмиреніе, разлакомилось на эти подачки, теперь прекратившіяся. Оно измыслило новый источникъ доходовъ, оно почти не кормитъ насъ, и даже въ самые холодные дни помѣщенія наши не отопляются, деньги же, отпускаемыя на это, поступаютъ въ его карманы, въ ожиданіи, что эти новыя мѣры вскорѣ вызовутъ возмущеніе и безпорядки со стороны студентовъ".

Что движеніе въ Турецкомъ обществѣ не ограничевается исключительно кругомъ студентовъ, видно изъ того, что въ послѣднее время ссылаются сотнями адвокаты, врачи, софты и офицеры, считающіеся неблагонадежными и подозрительными; въ числѣ ихъ находится и полковникъ Тефикъ Бей, адьютантъ и зять военнаго министра, бѣжавшій однако въ Европу вмѣстѣ съ другими младотурками, а также Обершталмейстеръ Султана Иззетъ Паша, прозванный "Гюзелль", т. е. красавецъ, внукъ великаго реформатора Фуада Паши; онъ вскорѣ получилъ помилованіе и былъ назначенъ посломъ въ Мадридѣ, но, не получая денегъ, принужденъ былъ оставить свой постъ, въ которомъ онъ рисковалъ умереть съ голода.

Одному изъ выдающихся современныхъ младотурокъ, Ахмеду Риза, удалось бѣжать въ Парижъ. — Это замѣчательнѣйшая и честнѣйшая личность, искренно преданная своему дѣлу. Между тѣмъ, какъ весьма многіе изъ главарей младотурецкой арміи поддавались обольщенію „помимщика революціонеровъ", Ахмеда Джель-аль-Еддина, льстились на всевозможныя почести, Ахмедъ-Риза оставался вѣренъ себѣ и продолжалъ утверждать, что при дворѣ Абдулъ Гамида не можетъ быть мѣста истинно либеральному человѣку, пока Султанъ будетъ окруженъ тѣми людьми и той обстановкой, какіе окружаютъ его до сихъ поръ. Турецкое правительство заочно приговорило его къ смертной казни, какъ одного изъ главарей младотурецкой партіи.

Другимъ столпомъ либеральной партіи въ Турціи былъ адвокатъ Иззетъ Эфэнди, отличавшійся большимъ даромъ слова и даже въ Константинополѣ не скрывавшій своихъ либеральныхъ взглядовъ. Въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ безслѣдно, по увѣренію однихъ, былъ отправленъ въ ссылку въ Африку, по словамъ другихъ, просто утопленъ по пути въ Триполи.

Въ августѣ 1897 г. одинъ просвѣщенный Турокъ, занимавшій высокое положеніе, высказывалъ въ письмѣ къ своему пріятелю слѣдующіе взгляды:

„Вслѣдствіе безконечныхъ арестовъ и ссылокъ, мы всѣ находимся въ постоянной тревогѣ и отчаяніи. Европа постоянно вмѣшивается въ наши дѣла, но она въ сущности не понимаетъ ихъ; она подымаетъ то Армянскій, то Критскій, то Македонскій вопросы, а нашихъ терзаній и мукъ, нашихъ стоновъ и вздоховъ не слышитъ и не видитъ, такъ какъ въ сущности каждая Европейская держава больше всего заботится о своихъ собственныхъ интересахъ и выгодахъ. Это — ложь, что Исламъ препятствуетъ прогрессу; я разумѣю

Digitized by Google

чистый Исламъ, подлинный Коранъ, изъ котораго теперь умышленно вычеркнуты всѣ мѣста, гдѣ трактуется объ обязанности Калифа по отношенію къ его народу. Самъ Абдулъ Гамидъ по природѣ человѣкъ не дурной; въ немъ есть, несомнѣнно, хорошія черты характера, не разъ проявлявшіяся въ его молодости и даже впослѣдствіи сказывавшіяся во многихъ благородныхъ поступкахъ. Но воспитаніе его было шаблонное; объ его развитіи никто не заботился; это было бездушное, безсердечное воспитаніе прежнихъ софтъ (учениковъ духовныхъ школъ). Онъ окружилъ свой колеблющійся тронъ цѣлымъ сонмомъ шпіоновъ и интригановъ, лишившихъ Султана всякой популярности. Даже послѣдняя побѣдоносная война вызвала въ народѣ только еще большее недовольство противъ правительства. Она доказала намъ, что мы могли-бы сдѣлать многое, если бы у насъ были хорошіе руководители, а у насъ ихъ нѣтъ. Нашимъ шпіонамъ нужны деньги, нужна нажива,—и вотъ они измышляютъ какой нибудь младотурецкій или армянскій заговоръ, а потомъ хватаютъ десятки и сотни людей, ссылаютъ, мучатъ и, быть можетъ, топятъ и убиваютъ ихъ, такъ какъ никто изъ арестованныхъ не возвращается назадъ къ своей семьѣ. Никогда ни Болгары, ни Греки, ни Армяне, ни Македонцы не страдали такъ, какъ молча и беззащитно страдаетъ турецкій народъ, этотъ народъ, способный къ цивилизаціи, подобно всякому другому Европейскому народу, народъ, трудящійся и свободолюбивый, но изнывающій подъ гнетомъ невыносимаго рабства. Хорошо живется только шпіонамъ и доносчикамъ, а потому даже высшіе чины государства не брезгаютъ здѣсь этимъ постыднымъ ремесломъ.

Въ числѣ другихъ жертвъ шпіоновъ оказался и благородный Недшибъ Паша, лично извѣстный султану и уважаемый имъ человѣкъ, Когда его обвинили въ либерализмѣ. Султанъ приказалъ призвать его къ себѣ и спросилъ: „Что ты имѣешь противъ меня? Говори прямо, скажи мнѣ всю правду, что обо мнѣ думаетъ и говоритъ народъ?

На это доблестный генералъ сказалъ: „Ты оказываешь мнѣ великую честь, Государь, приказывая говорить правду, я всегда былъ добрымъ солдатомъ и потому не буду кривить душою!—съ этими словами онъ вручилъ Султану записку, въ которой говорилось, что народъ страдаетъ отъ настоящаго образа правленія, что всѣ стоящіе у власти не думаютъ о своемъ дѣлѣ и обязанностяхъ, а только о доносахъ, клеветѣ и предательствѣ, зная, что только этимъ путемъ они заслужатъ милость Султана. Народъ упрекаетъ Падишаха въ томъ, что онъ допустилъ своихъ шпіоновъ отнять отъ него его законную власть, допустилъ ихъ отдалить его отъ народа, голосъ котораго не достигаетъ его слуха, народъ жалуется, что на шпіоновъ и сыщиковъ тратится теперь больше денегъ, чѣмъ при Абдулъ-Азисѣ на его фаворитовъ, что на основаніи 63 статьи конституціи, Султанъ не имѣлъ права уничтожить Палату Депутатовъ, а поступивъ такъ, нарушилъ свои обязательства по отношенію къ народу, который хочетъ и проситъ конституціи, видя въ ней единственное спасеніе и для страны и для себя, и для Государя. На основаніи этой записки, не Султаномъ, а его камарильей Недшибъ Паша былъ преданъ тайному суду и приговоренъ къ строжайшей карѣ, причемъ Султана увѣрили, что онъ составилъ противъ него заговоръ. Однако, не смотря на то, Абдулъ Гамидъ замѣнилъ это наказаніе пожизненнымъ изгнаніемъ изъ предѣловъ Государства, назначивъ Недшиба посланникомъ въ Мадридъ, гдѣ тотъ вскорѣ и умеръ.

Лучше Недшиба съумѣлъ устроиться его единомышленникъ Аарифъ Бей, подобно ему обвиненный въ либерализмѣ. Онъ заявилъ передъ

Digitized by Google

судомъ, что онъ отнюдь не революціонеръ, и при этомъ подалъ записку весьма сходнаго съ запиской Недшиба содержанія, оканчивавшуюся словами, что при подобныхъ условіяхъ онъ легко можетъ стать революціонеромъ. Его сослали за это въ Ислагаръ, въ Малую Азію, но онъ бѣжалъ обратно въ Константинополь, а оттуда въ Египетъ, гдѣ сталъ издавать революціонную газету, получившую быстрое распространеніе въ Турціи. Султанъ поспѣшилъ послать ему полную амнистію и забвеніе всѣхъ прежнихъ винъ, если только онъ вернется на родину. Тотъ послушался, но вскорѣ долженъ былъ опять бѣжать за границу и опять, по новому приглашенію Султана, вернулся. Теперь Аарифъ Бей состоитъ предсѣдателемъ суда въ Пэрѣ.

Лихоимецъ и Революціонеръ.

Тяжелое положеніе страны взывало къ сильнымъ людямъ, которые возстали-бы на защиту правъ народа. Одно время казалось, будто именно такимъ человѣкомъ являлся нѣкій Мурадъ-Бей, второй Мидхатъ, какъ думали о немъ нѣкоторое время. Много шуму надѣлало въ декабрѣ 1895 г. его бѣгство изъ Константинополя. Въ то время въ Константинополѣ онъ былъ уже лѣтъ десять извѣстенъ и занималъ высокое положеніе въ финансовомъ вѣдомствѣ съ содержаніемъ до 20,000 франковъ въ годъ. На самомъ дѣлѣ, это былъ просто мошенникъ, думавшій создать себѣ благосостояніе, пользуясь обстоятельствами. И дѣйствительно, онъ сошелся со многими младотурками и началъ издавать газету Мизанъ (Вѣсы), гдѣ ежедневно обрушивался на правительство. Наконецъ, сталъ мечтать уже быть полнымъ владыкою Турціи, проектируя учредить, съ согласія султана, тріумвиратъ для управленія страной. Тріумвиратъ предполагался изъ него, Кіамиль-Паши и Кучукъ Саида-Паши. Однако, какъ и слѣдовало ожидать, будущіе тріумвиры скоро принуждены были бѣжать изъ предѣловъ Турціи.

Мурадъ очутился въ Парижѣ и здѣсь быстро дошелъ до безвыходнаго положенія.

Тогда мошенникъ написалъ Султану покаянное письмо, а къ списку приложилъ цѣлый списокъ высокопоставленныхъ лицъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ и которыхъ выставлялъ теперь неблагонадежными. Это подѣйствовало. Султанъ не только простилъ его, но и щедро наградилъ. Вскорѣ послѣ этого бывшій революціонеръ избралъ прибыльную карьеру—сталъ придворнымъ шпіономъ.

Чтобы доказать свое усердіе въ новой должности, Мурадъ доставилъ султану списокъ тайныхъ подписчиковъ и сотрудниковъ одного революціоннаго органа, чѣмъ погубилъ десятки семействъ. Однако, даже оффиціальный органъ—Малюматъ—возмутился такою подлостью и назвалъ Мурада подлымъ льстецомъ. Когда по этому поводу редактора этой газеты, Тагиръ-бея, потребовали во дворецъ, онъ въ лицо Султану повторилъ ему свои обвиненія, убѣждая Его Величество помиловать тѣхъ несчастныхъ, которые были увлечены, а затѣмъ проданы Мурадомъ. И Султанъ доказалъ, что онъ не безпощадный деспотъ, какимъ его дѣлаютъ окружающіе, что и ему доступно чувство справедливости, разъ находятся люди, которые рѣшаются сказать ему правду: онъ издалъ указъ о помилованіи всѣхъ, кто былъ сосланъ или подвергнутъ наказанію на основаніи доноса Мурада.

Современная Либеральная Партія.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Султанскомъ дворцѣ ухудшалось съ каждымъ днемъ. Среди непосредственныхъ приближенныхъ султана, среди людей, являющихся его бли-

Digitized by Google

жайшими совѣтниками, черезъ которыхъ все доходитъ до свѣдѣнія властелина и которые являются прямыми исполнителями его воли, царитъ невообразимый разладъ. Всѣ воюютъ между собой, стараясь захватить въ свои руки власть.

Это не борьба двухъ фаворитовъ, а скорѣе борьба двухъ партій, за и противъ Султана.

Въ настоящее время въ Ильдизъ Кіоскѣ царитъ такой содомъ, что никто не можетъ сказать, на чьей сторонѣ теперь власть, и кто здѣсь хозяинъ. Изъ людей, окружающихъ Султана, лишь очень немногіе искренно и безкорыстно преданы ему; это—преимущественно слуги низшаго разряда, люди неразвитые и необразованные, которые не въ состояніи понять тяжелаго положенія монарха, ни помочь ему дѣльнымъ совѣтомъ. Тѣ-же, кто могъ бы это сдѣлать, не пользуются довѣріемъ Султана.

Султанъ, не рѣшающійся покидать своего дворца, очутился такимъ образомъ всецѣло въ рукахъ камарильи которая сдѣлала его своимъ плѣнникомъ и надъ которою онъ не имѣетъ никакой власти. Истинные патріоты сознаютъ всю опасность этого положенія и громко заявляютъ о ней.

Этихъ людей отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ мнимыми младотурками, которые, проживая за границей, обрушиваются на Султана и турецкое правительство, но при первыхъ звукахъ турецкихъ червонцевъ или обѣщаніи доходныхъ мѣстъ возвращаются на родину—воспѣвать раболѣпные гимны тому-же Султану и тѣмъ же существующимъ порядкамъ. Нѣтъ, истинные патріоты, не взирая ни на какую опасность, смѣло и громко говорятъ правду во всеуслышаніе, оставаясь въ Турціи или даже въ самой столицѣ, за что большинство изъ нихъ платится свободой, а иногда и жизнью. Эти люди называютъ себя просто либералами; къ ихъ числу принадлежатъ лучшіе, честнѣйшіе и образованнѣйшіе люди Турціи.

Большинство изъ нихъ не ожидаетъ ничего хорошаго отъ перемѣны государя; они желаютъ только перемѣны системы правленія, вѣря, что Абдулъ Гамидъ еще можетъ сдѣлать многое для своего государства, если только рѣшится разстаться съ деспотическимъ образомъ правленія и встать на сторону либераловъ. Они мечтаютъ, не устраняя Султана, водворить въ странѣ свободу и равноправіе, правосудіе и безпристрастіе.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1900 г. выдающіеся либералы и патріоты—Измаиль Кэмаль Бей и Вассилаки Бей, проживавшіе тогда въ Константинополѣ подъ надзоромъ полиціи, были оба государственными статсъ-секретарями и единомышленниками. Они говорили, что единственное средство спасти государство и Султана—либерализмъ. Если Болгарія достаточно созрѣла для конституціи, то и Турція не менѣе ея окажется созрѣвшей для новаго режима; деспотизмъ же не можетъ существовать далѣе, такъ какъ съ нимъ связана безконтрольность дѣйствій, губящая государство; онъ опирается только на такихъ людей, какіе окружаютъ въ настоящее время Султана и, преслѣдуя своекорыстныя цѣли, внушаютъ Султану страхъ передъ внѣшнимъ міромъ, отъ котораго они совершенно отрѣзали его, увѣривъ, что всѣ, кромѣ нихъ, революціонеры, посягающіе на священныя права государя.

На вопросъ, не грозитъ ли дѣйствительно Турціи революція, Вассилаки Бей заявилъ: „Мы, либералы, отнюдь не революціонеры; мы согласны съ знаменитымъ Маккіавелли, что „Государь, котораго мы имѣемъ. всегда бываетъ лучше того, котораго мы можемъ или могли бы имѣть Кромѣ того, революція можетъ навлечь иностранное вмѣшательство, а это было-бы гибелью государства".

Кто же собственно можетъ считаться въ настоящее время вождемъ либераловъ?-Измаель Кэмаль Бей?

Digitized by Google

Нѣтъ, утверждаютъ либералы, у нихъ нѣтъ никакого вождя или главы; ихъ общее желаніе видѣть своимъ главою Султана. Всего лучше было бы, несомнѣнно, если бы Султанъ самъ сталъ во главѣ этого движенія и „сдѣлалъ это теперь же, такъ какъ иначе онъ будетъ вынужденъ къ тому силою обстоятельствъ; рано или поздно онъ увидитъ себя въ столь затруднительномъ положеніи, что уже волей-неволей долженъ будетъ обратиться къ нимъ за помощью и искать въ немъ спасенія".

Таковы были взгляды либераловъ въ 1900 году. Въ концѣ же этого года Вассилаки Бей былъ арестованъ, а потомъ, хотя и выпущенъ на свободу, но подъ строгій полицейскій надзоръ.

Одновременно въ Измаэлъ-Кэмаль Бей и Вассилаки Бей, проживалъ въ Константинополѣ другой выдающійся патріотъ. Мехмедъ Убейдуллахъ Бей. Уроженецъ Смирны, въ ранней молодости переселившійся въ Стамбулъ, онъ обучался въ коллегіи при мечети Баязета и достигъ званія улема, затѣмъ посвятилъ три года изученію медицины и естественныхъ наукъ, послѣ чего отправился путешествовать по чужимъ краямъ и въ теченіе десяти лѣтъ объѣздилъ столько странъ Новаго и Стараго Свѣта, изучилъ столько языковъ, какъ ни одинъ турокъ до него. Обогащенный опытомъ и познаніями, вернулся онъ, наконецъ, на свою родину, но вскорѣ былъ принужденъ покинуть столицу, гдѣ его свободомысліе казалось крайне опаснымъ. Поселившись въ Филиппополѣ, онъ сталъ оттуда работать на пользу своего народа. Въ качествѣ выдающагося публициста, писавшаго на турецкомъ, персидскомъ, арабскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, онъ всячески старался убѣдить Султана въ необходимости либеральныхъ реформъ. Онъ говорилъ смѣло и безбоязненно, ясно и убѣдительно и вскорѣ сталъ казаться опаснымъ Султану, а еще болѣе—его приближеннымъ. Подъ предлогомъ послѣдовать его совѣтамъ, Султанъ вытребовалъ его въ Стамбулъ. Мехмедъ Убейдуллахъ прибылъ въ Ильдизъ-Кіоскъ и оказался плѣнникомъ дворцовой камарильи. Но это не смутило его: онъ ни отъ чего не отрекался и упорно стоялъ на своемъ. Султанъ приказалъ возвратить ему свободу, что и было сдѣлано, хотя и его взяли подъ стражайшій полицейскій надзоръ. Это, однако, не помѣшало ему пріобрѣсти многочисленныхъ сторонниковъ и распространять свои взгляды на современное положеніе дѣлъ.

Что-же предлагалъ онъ для того, чтобы помочь горю? Революцію? Сверженіе султана?—Отнюдь нѣтъ! „Чтобы улучшить это невозможное положеніе, — говорилъ онъ, — есть только одно средство, а именно, чтобы всѣ истинные патріоты коллективно обратились прямо къ султану и разъяснили ему положеніе страны и народа, предложивъ вмѣстѣ съ ними спасти государство. Кромѣ тѣхъ бандитовъ, которые находятъ свою выгоду въ настоящемъ положеніи вещей, нѣтъ ни одного человѣка въ цѣломъ государствѣ, который не желалъ-бы перемѣны существующаго режима. Но эти бандиты встали между Султаномъ и его народомъ и довели его до того, что Султанъ видитъ враговъ въ своемъ народѣ, а народъ видитъ въ немъ только жалкаго труса, прячущагося въ стѣнахъ своего дворца, безсильнаго и безвольнаго, не могущаго ничего сдѣлать для блага своего народа. Поэтому необходимо уничтожить, стереть съ лица земли этихъ бандитовъ для того, чтобы возстановить личность Султана въ глазахъ его народа, спасти его и избавить народъ отъ этой страшной язвы, въ которой начало и конецъ всего зла".

На вопросъ, не разсчитываетъ-ли Убейдуллахъ Бей, что новый Султанъ могъ бы поставить все дѣло иначе, ученый мужъ и истинный па-

Digitized by Google

тріотъ заявилъ, что никакой новый Султанъ не можетъ быть лучше настоящаго, что безумно мѣнять опредѣленную величину на неопредѣленную, тѣмъ болѣе, что дѣло вовсе не въ личности монарха, а въ системѣ, или образѣ правленія.

На вопросъ, настало ли время вновь потребовать отъ Султана Абулъ-Гамида нѣкогда данной имъ конституціи, онъ отвѣчалъ такъ:

„До послѣдняго времени я смотрѣлъ на конституцію иначе, чѣмъ теперь. Вначалѣ я не признавалъ необходимости въ парламентѣ, полагая, что можно будетъ удовольствоваться децентрализаціей правленія и сенатомъ, но теперь я убѣдился, что парламентъ является для Турціи первымъ условіемъ благополучія. Безъ парламента наше иновѣрческое населеніе никогда не убѣдится въ своемъ равноправіи. Прежняя конституція Мидхата и сейчасъ какъ нельзя болѣе пригодна, за исключеніемъ двухъ только пунктовъ, а именно: неотвѣтственности султана и святости и неприкосновенности его личности. Напротивъ, монархъ всѣхъ болѣе долженъ быть отвѣтственъ передъ народомъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства, личность же султана должна быть неприкосновенна настолько же, какъ и личность каждаго изъ его подданныхъ, но не болѣе. Парламентъ, кромѣ того, необходимъ еще для того, чтобы мы могли судить, какіе люди могутъ быть пригодны для государственной дѣятельности. Теперь люди возвышаются только по капризу Султана или благодаря протекціи фаворитовъ“.

На вопросъ, какъ относится армія къ этому новому либерализму, Мехмедъ Убейдуллахъ высказался такъ: „Наши офицеры, всѣ безъ исключенія, принадлежатъ къ образованному классу, а всѣ интеллигентные и образованные люди стоятъ за новый режимъ свободы, равноправія и справедливости“.

Однако, въ концѣ концовъ и Убейдуллаха постигла таже участь, какъ и большинство его единомышленниковъ; онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Аравію, точно также, какъ и ученый Саидъ Бей, и двое другихъ его единомышленниковъ— Зіа Бей и Ферди Бей, которые были заключены въ крѣпость Синлія и тамъ умерли отъ плохого питанія.

Эти аресты нагнали такую панику на всѣхъ мыслящихъ либерально или могущихъ быть заподозрѣнными въ либерализмѣ, что всѣ, кто только могъ, бѣжали изъ Константинополя, изъ Смирны, изъ Андріанополя, словомъ, отовсюду. Много шуму надѣлало бѣгство зятя Султана Махмудъ-Дамада Паши. Это являлось какъ бы доказательствомъ того, что даже семья Султана не считаетъ себя въ безопасности. Али Халдаръ Бей, сынъ великаго Мидхата, бѣжалъ изъ Смирны въ Египетъ, а оттуда въ Европу; Измаилъ Кэмаль Бей бѣжалъ въ Аѳины и тамъ организовалъ революціонное движеніе въ Албаніи. Многія лица, считавшіяся вѣрными и преданными слугами Султана, также искали спасенія отъ шпіоновъ въ бѣгствѣ. Османъ Паша, личный адъютантъ Султана, вдругъ скрылся изъ Ильдизъ-Кіоска и съ тѣхъ поръ странствуетъ по Европѣ. Этотъ самый Османъ, бѣжавъ изъ Константинополя, пытался вызвать возстаніе среди Курдовъ, въ Курдистанѣ, но былъ уговоренъ Султаномъ вернуться въ Стамбулъ, гдѣ ему предоставлено было высокое положеніе и большой почетъ. Какъ зять вліятельнаго Шейха Эбулъ-Худа, онъ могъ считать себя въ сравнительной безопасности, но, давъ волю гнѣву своему противъ родного своего брата, котораго онъ подозрѣвалъ въ шпіонствѣ и не безъ основанія, онъ, въ присутствіи самаго Султана, избилъ его, за что былъ арестованъ и сосланъ въ Монастырь, но въ сентябрѣ 1900 года бѣжалъ во Францію.

Digitized by Google

Либерализмъ въ арміи.

Однимъ изъ наиболѣе смѣлыхъ и отважныхъ представителей либерализма въ турецкой арміи былъ несомнѣнно, покойный Маршалъ Фуадъ Паша, любимецъ войска и народа. Онъ не жилъ заграницей, вдали всякой опасности, а въ самомъ Константинополѣ и открыто высказывалъ свои убѣжденія. Его называли Дели Фуадъ, т. е. сумасшедшій Фуадъ, какъ нѣкогда называли Мидхата—„Дели Мидхатъ“ Это былъ человѣкъ, безгранично преданный своей странѣ и своему Государю.

„Я никогда не скрывалъ и не скрываю, что я въ душѣ либералъ,—говорилъ онъ,—но я не желаю для насъ конституціи á la française или americain. Я убѣжденъ, что и при самодержавномъ образѣ правленія, Государство можетъ пользоваться полнымъ благополучіемъ и быть сильнымъ и могущественнымъ. Посмотрите на Россію!... Для Европейской конституціи, для парламента нашъ народъ еще не созрѣлъ: въ этомъ я убѣжденъ. Представьте себѣ, что нашъ парламентъ долженъ избираться изъ людей, едва грамотныхъ, имѣющихъ лишь самое смутное представленіе о взаимныхъ правахъ. Намъ такая конституція будетъ годна, быть можетъ, лѣтъ черезъ 50, не раньше, и ни одинъ Государь не можетъ подарить ее, какъ красное яичко своему народу; конституцію народъ долженъ взять себѣ самъ, долженъ потребовать ее, какъ административную необходимость, и смѣло взять ее силой, если нужно.

„Не Султанъ зло, а шпіонство и министерская система. Чтобы спасти страну, надо прежде всего уничтожить шпіонство и создать отвѣтственное министерство. До настоящаго времени наши министры были безвольные молюски, всѣ, начиная отъ великаго визиря и кончая послѣднимъ маленькимъ визиремъ, все это ничтожества... Я не политикъ, а солдатъ, вѣрный своей присягѣ и своему Государю; я люблю свою родину и ради ея блага готовъ на все; я вижу и сознаю, что они въ ужасномъ положеніи, что должностные воры грабятъ и раззоряютъ ее. Ихъ бездѣятельность, ихъ трусость, ихъ подкупность и безстыдное лихоимство этихъ высшихъ чиновъ Государства развращаютъ и низшихъ чиновъ,

„Попробуйте спросить у кого нибудь изъ этихъ визирей, отчего Государство гибнетъ, откуда исходятъ эти чудовищные распоряженія и указы, и вы увидите, что каждый изъ нихъ подъ строжайшемъ секретомъ сообщитъ, что всему виной Султанъ, что они ничего не могутъ, что Султанъ ни у кого совѣта не спрашиваетъ. Но Султанъ далъ имъ должности, чтобы они исправляли ихъ по чести и совѣсти. Почему-же онъ, этотъ Великій Визирь, не даетъ разумныхъ совѣтовъ Султану, не высказываетъ ему своего мнѣнія, наконецъ, почему онъ не подаетъ въ отставку, если Султанъ приказываетъ ему то, что противно законамъ и ведетъ не ко благу Государства?! На это визири отвѣтятъ, что они боятся гнѣва Султана. Но это ложь! Никто изъ нихъ не опасается за свою жизнь, ни за свою свободу. Не было примѣра, чтобы Султанъ казнилъ или лишалъ своей милости за то, что ему сказали правду!—Нѣтъ, эти люди дрожатъ только за свои прибыльныя мѣста и, чтобы сохранить свои доходы, умышленно скрываютъ отъ Султана настоящее положеніе дѣлъ, а сами потомъ взваливаютъ всю вину на Султана“.

„Что всего подлѣе, эти негодяи распускаютъ слухи, что всему виной Султанъ, что онъ одинъ—причина всѣхъ несчастій, что онъ прислушивается только къ голосу Иззетъ Бея и Лутфи Аги, что онъ слабоуменъ, непослѣдователенъ, нелогиченъ, что онъ одержимъ маніей преслѣдованія и совершенно въ рукахъ своихъ двухъ любимцевъ. Все это ложь! Виноваты во всемъ одни эти мини-

Digitized by Google

стры; они должны противиться непослѣдовательнымъ и нелогичнымъ рѣшеніямъ Султана, если его рѣшенія дѣйствительно таковы.—Великій Визирь утверждаетъ, что хочетъ смѣстить грабителя префекта Редвана Пашу, но что Султанъ этого не хочетъ. Но почему же, если это такъ, самъ Визирь не подаетъ въ отставку?—Потому, что онъ не хочетъ лишиться своего содержанія и своихъ доходовъ! Во всемъ виноватъ Султанъ, — говорятъ они, а между тѣмъ Султанъ поступаетъ во всемъ исключительно только по предложенію своего Великаго Визиря и министровъ, и если бы они были честными людьми и истинными патріотами, то Султанъ никогда ни въ чемъ не сталъ бы противодѣйствовать имъ. Они обманываютъ его и затѣмъ его же обвиняютъ во всемъ".

„Абдулъ Гамидъ Государь высоко интеллигентный, гуманный и благонамѣренный, но онъ человѣкъ, какъ и всѣ мы; онъ не всевидящъ и не вездѣсущъ, нуждается въ отдыхѣ и снѣ, а потому нуждается въ помощникахъ, которые помогли бы нести ему бремя государственныхъ заботъ. Но бездѣйствіе, безпечность и праздность его министровъ подавляютъ его непосильной работой. Единственными его помощниками поневолѣ являются его приближенные, эти любимцы, безотвѣтственные передъ народомъ и безсовѣстные совѣтники, преслѣдующіе во всемъ только свои цѣли и выгоды, эти Иззетъ Беи и Люфти Ага.

„Впрочемъ, какъ ни презрѣнны они, все же лучше министровъ, которые заискиваютъ предъ ними, кокетничаютъ.

„Сердце всякаго патріота разрывается на части, при видѣ, какъ его государство гибнетъ, какъ въ немъ недостаетъ всего, что необходимо для благополучія страны.

„Нѣтъ патріотизма въ правящихъ сферахъ, нѣтъ справедливости, нѣтъ безкорыстія; во всемъ полная безпринципность, отсутствіе преданности Султану и странѣ. Безъ сомнѣнія, въ Турціи могутъ найтись и честные, и способные люди, но пока еще не родился тотъ геній, который могъ-бы распознать ихъ и вручить въ ихъ руки власть.

„А султанъ не знаетъ, не можетъ разобраться въ томъ, что ему вредитъ и что могло-бы спасти его и Государство. Онъ не подозрѣваетъ, что вмѣсто министровъ, заботящихся о благѣ народа, у него толпа лихоимцевъ и тунеядцевъ; вмѣсто преданныхъ сподвижниковъ — презрѣнные льстецы. Еще не было примѣра, чтобы Великій Визирь въ чемъ нибудь возразилъ Султану или хотя бы подалъ ему разумный совѣтъ, чтобы турецкое министерство отстояло передъ Султаномъ какой нибудь вопросъ.

„Если-бы хоть два—три министра, одинъ за другимъ сами подали въ отставку изъ несогласія съ Султаномъ, послѣдній сразу понялъ-бы свое заблужденіе, понялъ-бы, чего отъ него ожидаетъ и требуетъ народъ. Понялъ-бы, какимъ благомъ должно явиться и для него, и для Государства отвѣтственное министерство, состоящее изъ честныхъ, благонамѣренныхъ людей, готовыхъ безкорыстно служить своему народу и стоять за его интересы. Да, только такое министерство могло-бы подавить камарилью, реформировать управленіе государствомъ, упорядочить юстицію и возбудить довѣріе Европы, изверившейся въ Турецкихъ обѣщаніяхъ, и, наконецъ, оградить Турцію отъ грозящей ей погибели".

Въ чемъ нуждается Турція.

„Для обсужденія вашихъ общественныхъ дѣлъ вы должны совѣщаться сообща"—гласитъ одинъ изъ стиховъ Корана. Не есть-ли это предписаніе контроля надъ дѣйствіями правительства, контроля народа? Контролированіе дѣйствій Султана, отвѣтственность министровъ передъ

Digitized by Google

народомъ было съ поконъ вѣковъ основною идеей всѣхъ Турецкихъ патріотовъ, всѣхъ магометанскихъ великихъ мыслителей и политиковъ, кончая Фуаданъ-Пашей.

Великій ученый Амру бенъ-аль Асъ высказывается такъ: „западные народы будутъ велики и могучи потому, что они обладаютъ четырьмя великими качествами: они великодушны въ бою, быстры въ возобновленіи боя послѣ отраженія, выносливы и настойчивы въ оборонѣ и сердобольны къ слабымъ, къ сиротамъ, старцамъ, вдовамъ и обиженнымъ“.

„Но ихъ высшее и лучшее качество это то, что они ненавидятъ диспотизмъ“!

Калифъ Али говоритъ: „Гдѣ нѣтъ совѣщанія, нѣтъ и мудрости.“

А одинъ Арабскій ученный поясняетъ это такъ. „Обязательство выслушивать и принимать совѣты есть основа закона и является общимъ правиломъ для всѣхъ безъ исключенія, начиная съ Пророка и кончая послѣднимъ гражданиномъ“.

„Самъ Пророкъ, дѣйствовавшій по внушенію Всевышняго, не гнушался ничьимъ совѣтомъ, напротивъ, искалъ совѣта у другихъ“. Эти и подобныя цитаты собраны въ записсахъ знаменитаго Таиреддина Паши, который дѣлалъ изъ нихъ слѣдующіе выводы: „Контроль общественной дѣятельности правительства является законнымъ и необходимымъ.

„Магометанскій законъ строго воспрещаетъ каждому поступать по своему произволу и повелѣваетъ уважать права каждаго человѣка, магометанина или иновѣрца, и противодѣйствовать всякому злу прежде, чѣмъ оно успѣетъ захватить доброе.

„Безъ контроля не можетъ быть разумнаго правительства. Существованіе правящей власти—безусловное условіе порядка въ человѣческомъ обществѣ, но если допустить, чтобы эта власть дѣйствовала по своему произволу и повелѣвала согласно своему капризу или прихоти, то оправдывающая существованіе этой власти соціальная необходимость утратила бы свой смыслъ, и основнымъ принципомъ такого общества сдѣлался-бы всеобщій безпорядокъ, ведущій къ гибели и паденію государства.

„Поэтому необходимо, чтобы глава государства былъ контролируемъ въ своихъ дѣйствіяхъ законами, какъ политическами, такъ и церковными; заставлять же его уважать эти законы и во всемъ сообразоваться съ ними—лежитъ на обязанности всѣхъ членовъ націи“.

Во всемъ этомъ, слѣдовательно, нѣтъ ничего новаго для Турціи. Это все старые законы и наставленія, которые слѣдуетъ только дополнить и вновь заставить дѣйствовать.

Сулейманъ Великій клятвенно обѣщалъ первый подать примѣръ уваженія законовъ страны и подвергъ управленіе Государствомъ контролю улемовъ и министровъ, предоставивъ имъ право указывать Султану на каждое его уклоненіе отъ законнаго пути, а въ случаѣ, „если-бы монархъ не принялъ во вниманіе сдѣланныя ему указанія, улемы, министры и предводители арміи, по общему согласію, должны были лишить его престола.“

Такъ говорилъ Таиреддинъ въ 1864 г. въ царствованіе Абдулъ Азиса, преемникъ котораго, Мурадъ, торжественно заявилъ: „Когда я взойду на тронъ, то освобожу и себя, и страну отъ деспотизма“! Но, — увы! — Мурадъ унаслѣдовалъ престолъ, уже будучи помѣшаннымъ; и съ тѣхъ поръ болѣе 25-ти лѣтъ томится въ заключеніи, какъ умалишенный. Кто же и когда осуществитъ его слова, его торжественное обѣщаніе народу?..

Digitized by Google

Скучно и грустно!...
По небу скользятъ, торопясь, обгоняя другъ друга,
Холодныя сѣрыя тучи.
Куда-то далеко
Несутся онѣ въ безпокойномъ стремленьи,
Бѣгутъ отъ кого-то, къ чему-то стремятся.
Шумятъ безпокойно и грустно
Полуобнаженныя липы,
Березы и клены.
Вотъ вѣтеръ повѣялъ,—и листья посыпались,
Шурша и мелькая,
Съ деревьевъ осеннихъ.
Скучно и грустно!...

* * *

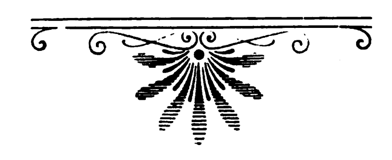
Давно ль мы здѣсь, веселые, блуждали?
Весенній лѣсъ шумѣлъ, и въ молодыхъ сердцахъ
Любви и ревности, веселья и печали,
Аккорды легкіе смѣнялись и звучали—
На золотыхъ струнахъ.
Гнѣвъ дѣтской ревности и милый взоръ прощенья.
Полурасцвѣтшихъ чувствъ весенній ароматъ,
Мелодіи любви, которымъ нѣтъ забвенья,
Нѣтъ мѣры, нѣтъ границъ, названья, выраженья,—
Съ небесъ онѣ звучатъ.

Digitized by Google

* * *

Лѣсъ шумѣлъ, и волны пѣли
Подъ дыханіемъ весны.
Рѣчи юностью звенѣли,
Взоры счастіемъ горѣли,
Свѣтомъ грезъ упоены.
Боже!—Нѣтъ, благоуханныхъ
Этихъ думъ мнѣ не забыть.
Юныхъ чувствъ,—глубокихъ, странныхъ,
И прекрасныхъ, и туманныхъ,
Темной жизни не убить.
Этотъ лѣсъ и берегъ дальный,
Эту юную весну,
Даже въ смерти часъ печальный
Съ благодарностью прощальной
Передъ Богомъ помяну.

С. Поварнинъ.

Digitized by Google

Старыя и новыя школы въ живописи.

Д. Пахомова.

(Окончаніе).

IV.

Рядомъ съ развитіемъ выше названныхъ школъ явились другія, которыя по своимъ задачамъ, повидимому, не могли имѣть рѣшительно ничего общаго съ первыми. Это — школы прерафаэлистовъ, символистовъ и мистиковъ. Однако, вглядѣвшись внимательнѣе, мы увидимъ, что новыя направленія вытекли изъ старыхъ или непосредственно, или въ силу контраста. Когда реализмъ достигъ уже сильнаго развитія и порой сталъ впадать въ натурализмъ, никогда не прельщавшій истинныхъ художниковъ, тогда же, въ видѣ реакціи, въ видѣ противодѣйствія побѣдоносному шествію реализма, стали вспыхивать все ярче и ярче таинственные огни мистицизма. Правда и нагая, и прикрытая далеко не всѣхъ могла удовлетворить; многіе чувствовали, что за этой внѣшней правдой есть еще другая, болѣе глубокая, таинственная, какъ трепещущій мракъ ночи, полная новыхъ образовъ, сказочныхъ формъ, невѣдомой прелести и гармоніи. Чудился совершенно новый міръ, который долженъ охватить всѣхъ своимъ обаяніемъ, вызвать отзвуки во всѣхъ сердцахъ, заставить вибрировать такія душевныя струны, которыя до сихъ поръ спали и безмолвствовали.

„Но это неправда, это ложь, это ошибки и обманъ разгоряченнаго воображенія“!—говорили реалисты восторженнымъ поклонникамъ мистическихъ школъ.

Digitized by Google

„Нѣтъ“,—возражали тѣ,—„это не обманъ. Вы, писавшіе и передававшіе природу лишь въ ея наружныхъ проявленіяхъ, касаясь внутренней сущности лишь по стольку, по скольку послѣдняя выражается во внѣшнихъ чертахъ,—забыли душу, забыли громадную область жизни человѣка, область психики Мечты, грезы, сказочные образы, символы, наивность вѣры, это не обманъ, это такая же реальная и важная часть человѣческой жизни, какъ критическій разумъ и здоровые мускулы. Это столь важная часть, что отсутствіе ея у человѣка свидѣтельствуетъ о ненормальности его“.

Однако, легко все это сказать, но трудно сдѣлать. Символы древни, какъ міръ, символами выражали свои идеи и индусы, и ассиріяне, и египтяне, а затѣмъ христіанство особенно широко и богато разработало языкъ символовъ, чтобы проще, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе и нагляднѣе пояснять мистическую глубину того, или другого догмата или преданія. Со временемъ христіанскій символизмъ выработалъ цѣлую, можно сказать, науку, отступать отъ которой было нельзя, такъ какъ она составляла часть религіи.

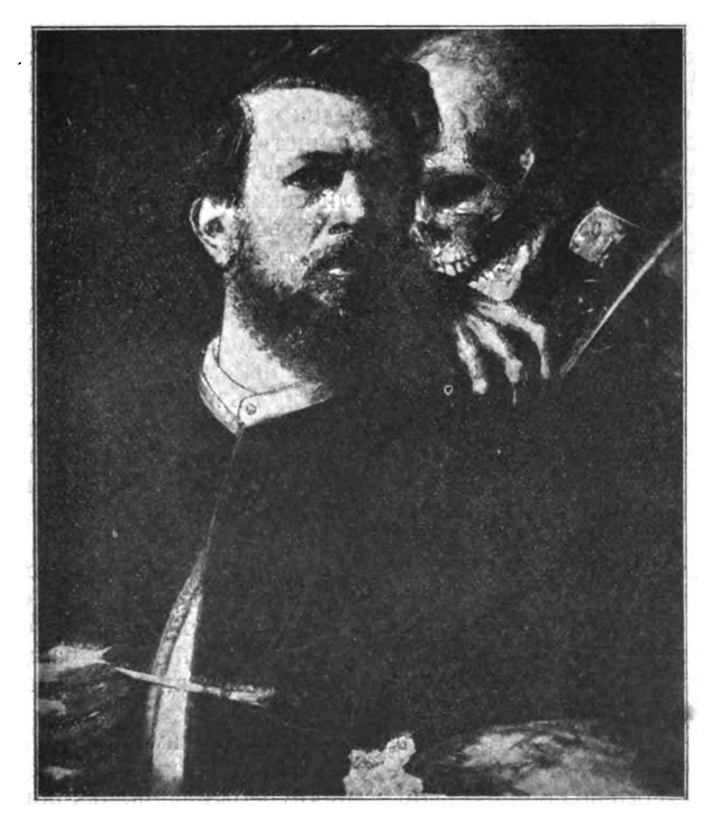

Уотсъ.—Умирающій воинъ.

Что же было дѣлать современнымъ художникамъ, если они хотѣли работать въ этомъ направленіи? Они обратились къ древнимъ образцамъ, къ фрескамъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ храмахъ и катакомбахъ Италіи, къ заставкамъ и иллюстраціямъ старинныхъ монастырскихъ рукописей и вообще къ тому наивному, младенческому искусству, ко-

Digitized by Google

торое сохранилось еще со временъ до-рафаэлевскихъ. Наивная, страстная вѣра, проглядывавшая всюду въ этихъ работахъ, дала пищу и новымъ художникамъ; они рѣшили отрѣшиться отъ внѣшняго міра и черпать свое вдохновеніе изъ внутренняго, который долженъ самъ вызвать въ нихъ и возбудить тѣ или другіе образы. Но отрѣшиться совершенно отъ всего современнаго современнаго творчества, богато вооруженнаго знаніями и опытомъ, дала основу оригинальному символизму и мистицизму. Въ работахъ современныхъ мистиковъ, не смотря на упрощеніе формъ, на обобщеніе тоновъ, на кажущуюся наивность композиціи, чувствуется мастеръ, художникъ, который пишетъ такъ, а не иначе, не потому, чтобы онъ не могъ бы иначе написать, а потому,

Беклинъ (автопортретъ).

было нельзя. Рука, въ силу выучки, привычки вела правильную линію, глаза подыскивали совершенно невольно правдивыя комбинаціи тоновъ,—и въ результатѣ въ работахъ прерафаэлистовъ очень мало похожаго на древнія фрески, взятыя ими за образцы, за то явилось нѣчто свое, нѣчто новое. Старая, неумѣлая наивность, пройдя черезъ горнило что онъ *хочетъ* такъ писать, потому что эта техника наиболѣе отвѣчаетъ его замысламъ и задачамъ. Знаменитый англійскій критикъ и художникъ Д. Рескинъ особенно дѣятельно поддерживалъ эту школу въ Англіи; въ другихъ странахъ она также нашла себѣ послѣдователей, но каждая національность разработала ее довольно своеобразно, благодаря тому,

Digitized by Google

что первоисточниками художники стали брать не старыхъ итальянцевъ, а своихъ собственныхъ, національныхъ, давно забытыхъ художниковъ—монаховъ.

Группа прерафаэлистовъ въ Англіи образовалась въ срединѣ XIX стол., но еще задолго до этого явились художники, посвятившіе себя мистицизму. Таковымъ явился Блэкъ (1757—1827). Нервный, странный, какъ въ своей частной жизни, такъ и въ произведеніяхъ художественныхъ и литературныхъ, онъ казалось на сто лѣтъ опередилъ свою эпоху. Это была натура съ тонкими, звенящими нервами; Блэкъ былъ духовидцемъ и образы, символы и аллегоріи черпалъ изъ своихъ видѣній и галлюцинацій: передъ нимъ являлись Мильтонъ, Сократъ, Моисей, Христосъ, онъ съ ними говорилъ и затѣмъ въ въ своихъ картинахъ создавалъ ихъ образы. За Блэкомъ ту же область грёзъ, сновидѣній и символовъ сталъ разрабатывать Давидъ Скоттъ и подготовилъ почву для цѣлой новой школы, сплотившейся въ лицѣ Россетти, Гента, Миллэза, Бернъ-Джонса и друг. въ прерафаэлитское братство въ 1848 г.

То, что Блэкъ дѣлалъ въ силу особенностей своей натуры, его послѣдователи возвели въ принципъ. Они сознательно и убѣжденно отринули все искусство, начиная отъ Рафаэля, и стали изучать фрески Фра-Джовани-Анжелико, Чимбауэ, Джотто и друг. На этой почвѣ Россетти создалъ рядъ воздушныхъ образовъ, проникнутыхъ мистическимъ настроеніемъ; его „Beata Beatrix", „Прозерпина", „Благовѣщеніе" и проч. всѣ носятъ отпечатокъ мистицизма: въ позахъ, въ колоритѣ, въ типахъ чувствуется какой-то отзвукъ наивной, дѣтской вѣры первыхъ временъ христіанства.

Бернъ-Джонсъ еще рѣзче, чѣмъ Россетти, показалъ свою связь съ старыми мастерами итальянскихъ монастырей. Въ его картинахъ является уже опредѣленно выраженная стилизація, упрощеніе формы и подражаніе наивнымъ примитивамъ. По характеру живописи и трактовкѣ сюжетовъ близко къ Бернъ-Джону подошелъ и Стедвикъ со своими „Вратами ада", „Десятью дѣвами" и проч., а также знаменнтый Уотсъ, который, впрочемъ, рѣдко прибѣгалъ къ стилизаціямъ: простой и широкой техникой воплощалъ онъ образы и грезы, которые занимали его.

Начавшись на религіозной почвѣ, мистицизмъ и символизмъ скоро перешли въ область обще-человѣческую и стали выражать отвлеченныя идеи и представленія. Техника большинства этихъ произведеній напоминала примитивы, но масса символическихъ вещей была написана въ духѣ всевозможныхъ другихъ школъ. И одновременно съ этимъ большинство прерафаэлистовъ, полюбивъ свою упрощенную, покойную технику, стало вносить ее не только въ картины мистическаго содержанія, но и въ картины съ обыденными мотивами. Мало по малу вводимая въ картины стилизація развилась до того, что образовалась масса художниковъ, занявшихся исключительно стилизаціей. Это нельзя назвать отдѣльной школой, ибо далеко не всѣ стилизаторы посвятили себя исключительно этой дѣятельности: весьма многіе изъ нихъ обращаются и къ другимъ техническимъ пріемамъ.

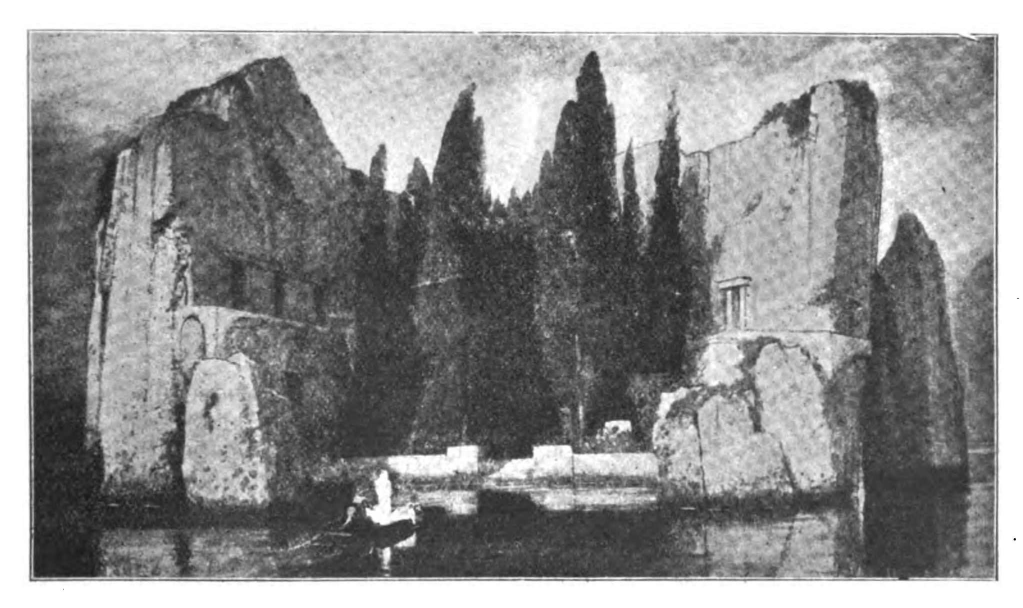
Стилизація вызвала подробное изученіе орнаментаціи, древней утвари, мебели, архитектуры,—и художники неожиданно нашли громадныя сокровищницы національнаго искусства, откуда стали черпать полными горстями. Пышно распустилась современная орнаментація на старыхъ основахъ, и также пышно расцвѣла новая орнаментація, потерявшая уже связь съ древними образцами и переработавшаяся сообразно съ настоящими требованіями.

Такъ, явился въ области прикладного искусства „декадентскій" стиль, правильнѣе называемый „style moderne", но о немъ, какъ не входя-

Digitized by Google

Беклинъ. Тритонъ и Нереида.

Беклинъ. Островъ мертвыхъ.

Digitized by Google

щемъ въ нашу программу, мы подробно говорить не будемъ.

Во всѣхъ государствахъ преемственность художественныхъ традицій шла въ томъ порядкѣ, какъ мы указали выше. Въ однихъ дольше дёржалось одно направленіе, въ другихъ другое; случалось иногда, что изъ одной страны въ другую переносилось что нибудь, уже выработанное и приведенное въ систему у сосѣдей и, если почва оказывалась подходящей, то перенесенное прививалось; если же почва еще не годилась, то новшество глохло и оживало лишь тогда, когда искусство естественной эволюціей достигало необходимыхъ границъ.

Ни одинъ самый талантливый художникъ не можетъ внести въ общество новыхъ взглядовъ, если нѣтъ подходящей почвы и, если часто говорятъ, что такой-то художникъ создалъ такую-то школу, то подъ этимъ надо понимать, что художникъ явился *выразителемъ*; создателями же являются сотни и тысячи мелкихъ, незамѣтныхъ художниковъ, въ которыхъ смутно бродятъ долгое время новыя идеи. Они-то и есть почва, на которой выростаютъ сначала скромные цвѣты, разрастающіеся всё пышнѣе и пышнѣе. Выразитель школы, столпъ и гордость ея, обыкновенно является не въ началѣ движенія, а въ концѣ и знаменуетъ собой не жизнь, а смерть: какъ только принципъ школы воплотился въ комъ нибудь со всѣми своими характернѣйшими чертами—значитъ, скоро конецъ этому направленію. Далѣе могучаго *выразителя* пойдутъ только болѣе слабые *подражатели*, и враги какого

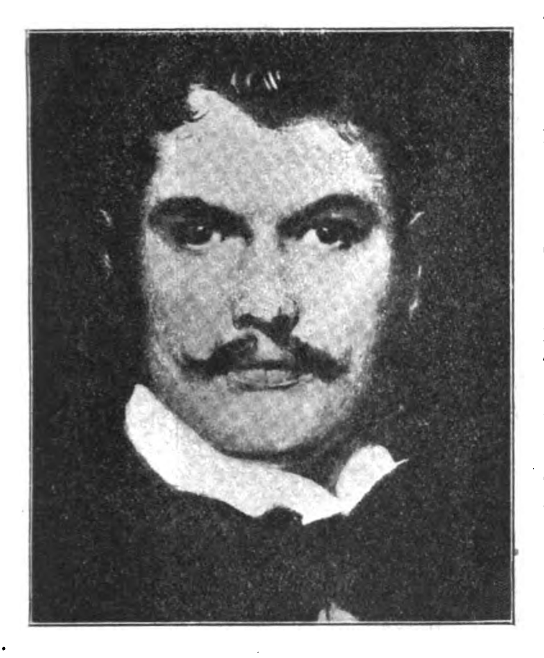
Беклинъ. Лѣсная тишь.

Digitized by Google

бы то ни было шаблона снова начнутъ искать что нибудь новое и неизвѣстное.

V.

Необходимо еще замѣтить, что мы часто встрѣчаемъ отдѣльныхъ художниковъ, которые стоятъ какъ бы особнякомъ. Они, не смотря на свою талантливость, не являются ни выразителями, ни создателями школъ. Прослѣдить, на какой почвѣ зародилось ихъ міросозерцаніе, не трудно,

Фр. Штуккъ (автопортретъ).

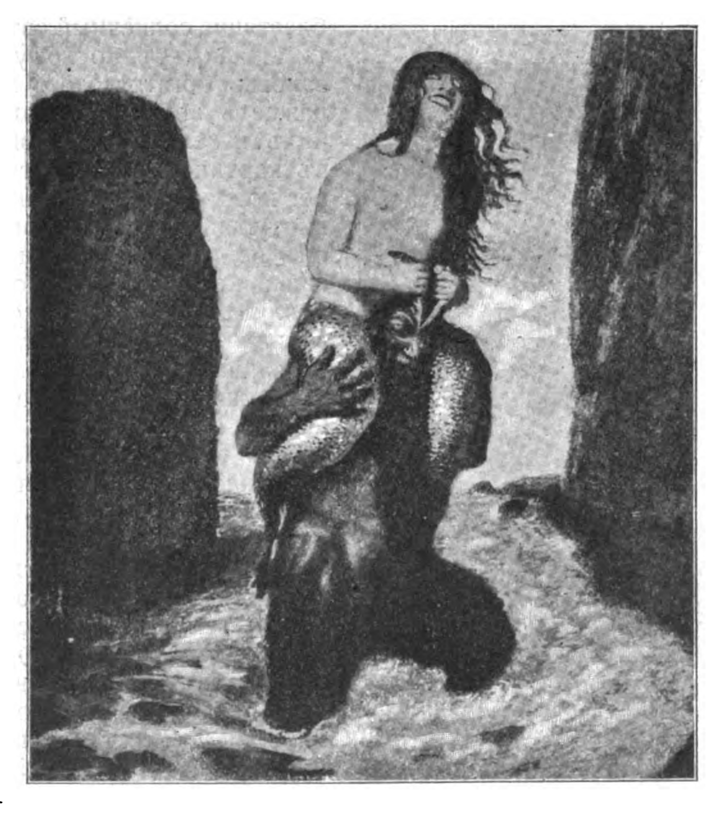
но все таки мы не найдемъ возможности причислить ихъ къ какой-нибудь опредѣленной группѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ таланты такъ оригинальны, что у нихъ не можетъ быть учениковъ, а могутъ быть лишь подражатели. Творчество этихъ художниковъ бываетъ иногда странно, непонятно, но всегда интересно: мы сталкиваемся здѣсь съ глубокими душевными порывами, передъ нами открывается глубина фантазіи художника, сказочные, неземные образы, родившіеся въ минуты экстаза и больше прочувствованные, нежели обдуманные.

Впереди всѣхъ такихъ художниковъ можно поставить могучую фигуру нѣмца Беклина. Онъ оригиналенъ ужъ тѣмъ, что, выражая свои фантастическіе образы, не пользуется, какъ другіе, упрощенной техникой, не вводитъ почти совсѣмъ стилизаціи и вообще не даетъ своимъ вещамъ „умышленно-сказочнаго стиля"; по рисунку и колориту Беклинъ чистѣйшій реалистъ: его краски ярки, блестящи, солнечный свѣтъ переданъ такъ, какъ рѣдко кому нибудь удавалось; богатство его палитры поражаетъ зрителя, нюансы его синихъ и зеленыхъ тоновъ, особенно въ картинахъ, гдѣ фигурируетъ море, которое Беклинъ любилъ, такъ виртуозны, такъ разнообразны, что онъ не даромъ заслужилъ имя „царя синей краски". По выбору мотивовъ Беклинъ идеалистъ и отчасти символистъ. Своихъ центавровъ, фавновъ, наядъ и проч, онъ передаетъ такъ живо и реально, точно онъ видѣлъ ихъ въ натурѣ. Его символическія картины поражаютъ глубиной настроенія. Идея смерти рисуется передъ нимъ въ видѣ таинственнаго, сумрачнаго острова, гдѣ все полно покоемъ и тишиной. Вѣчный мертвый сонъ охватилъ скалы, храмъ, темные кипарисы и гладкую какъ зеркало воду; лодка съ прозрачными тѣнями едва скользитъ, дополняя сумрачный покой мертваго царства. Въ тишинѣ лѣса Беклину чудятся фантастическія существа, живущія своеобразной жизнью; въ священной рощѣ его охватываетъ религіозный порывъ, и ему чудится рядъ жрецовъ, поклоняющихся невидимому божеству. Въ „Искателѣ приключеній" онъ воплотилъ идеалъ безпокойной души, ищущей постоянныхъ перемѣнъ; такой душѣ невыносима тихая гладь житейскаго моря,— и ее тянетъ куда-то въ даль, неизвѣстную, но чарующую именно этой неизвѣстностью; тамъ, вдали, можетъ быть, ждутъ подвиги, слава, а можетъ

Digitized by Google

быть и безславная смерть, но рыцарь смѣло вступаетъ на почву, покрытую костями своихъ своихъ предшественниковъ, и съ надеждой возноситъ тихую молитву.

Беклинъ—идеалистъ и реалистъ, подчинившій себѣ воздухъ и свѣтъ, но его задачи были не по плечу многимъ художникамъ. Многіе отдались болѣе чистому символизму, и среди этихъ послѣднихъ стоитъ знаменитый Францъ Штуккъ. Владѣя рисункомъ и колоритомъ почти въ той же мѣрѣ, какъ и Беклинъ, а иногда даже подражая ему, какъ, напр., въ „Сатирѣ и Наядѣ", онъ главнымъ образомъ старался въ своихъ вещахъ воплотить обще-человѣческія идеи. Въ то же, время, когда Беклинъ передаетъ только то, что его интересуетъ лично, Штуккъ пытается подчинить свою фантазію болѣе общимъ образамъ и воплотить въ своихъ картинахъ идеи въ такихъ формахъ, въ которыхъ онѣ представляются всѣмъ людямъ вообще. Его „Война"—не сколокъ фантазіи художника,—не его личный образъ, явившійся ему при мысли о войнѣ, а—воплощенный, ужасный кошмаръ, который безформенно давитъ каждаго человѣка при мысли объ этомъ бичѣ человѣчества. Стихійность движенія, тысячи жертвъ, павшихъ подъ ударами, неотвратимость послѣднихъ, все это даетъ каждому настроеніе безъисходнаго отчаянія, ужаса и омерзенія. Штуккъ далъ этимъ чувствамъ, форму и форму такую сильную, что, при взглядѣ на этого мрачнаго, равнодушнаго всадника, давящаго груды извивающихся тѣлъ, каждый чувствуетъ, что кошмаръ при мысли о войнѣ долженъ

Фр. Штуккъ.—Сатиръ и Наяда.

Digitized by Google

выразиться именно такъ, а не иначе.

Его „Грѣхъ" воплощаетъ идею перваго земного соблазна; лукавый змѣй блестящими кольцами обвилъ женщину и, положивъ голову на ея плечо, нашептываетъ ей о добрѣ и злѣ, и у женщины невольно разгораются глаза, и грѣхъ начинаетъ охватыватъ ее со всей своей силой и неудержимостью.

Символы Беклина, Штукка, Клингера, Шнейдера, Пювиса-де-Шаваня, Ришгросса, Моро, Россетти, Бернъ-Джонса, Стедвика, Крэна, Уотса и другихъ художниковъ, вполнѣ или частью посвятившихъ себя символизму, понятны и могутъ быть объяснены, но въ послѣднее время явилось много художниковъ, идеи которыхъ съ трудомъ можно понять, а иной разъ онѣ совершенно непонятны и не только зрителямъ, но и самому художнику.

Бываютъ минуты творчества, когда художника охватываетъ какой-то экстазъ, внушеніе не отъ міра сего; идеи тянутся вереницей, перебивая другъ друга; контрасты, ассоціаціи, уподобленія свиваются фантастическимъ клубкомъ, не находя опредѣленной формы для выраженія. Въ такія минуты изъ-подъ кисти художника выливаются образы странные, призрачные, больные. Иной разъ какъ будто въ основѣ такого произведенія лежитъ какая-то опредѣленная идея, но она плохо сознается и выражена въ такихъ формахъ и аккордахъ, что сама по себѣ не имѣетъ значенія. Такія картины интересны, какъ результатъ какой-то глубокой, неизслѣдованной еще работы человѣческой души. Большую часть такихъ художниковъ окрестили декадентами, но какъ бы ихъ не называли, больные ли они люди или нѣтъ, ихъ работы интересны, онѣ захватываютъ и заставляютъ вибрировать струны нашего сердца.

Изъ такихъ художниковъ можно

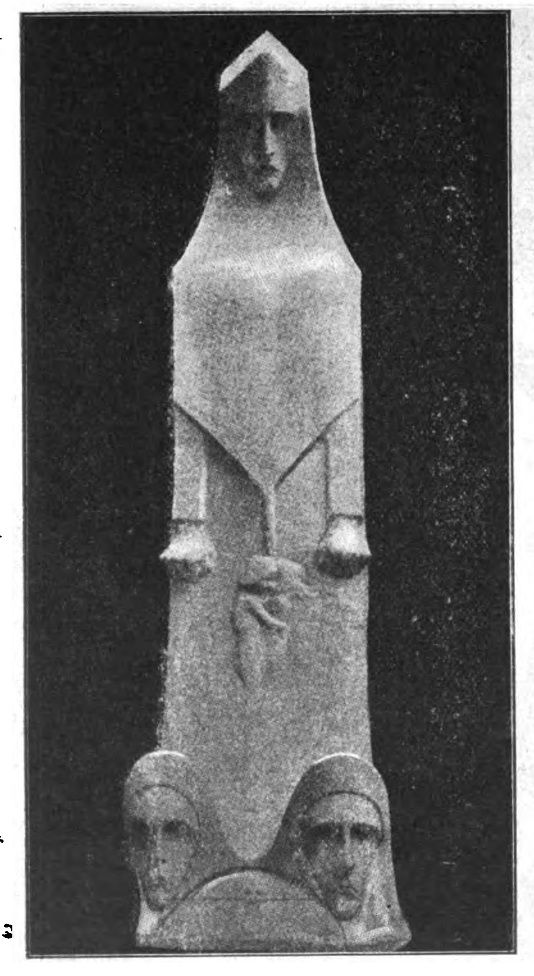

Фр. Штуккъ. Грѣхъ.

указать, напримѣръ, на Торопа съ его „Сфинксомъ", Леемпольса, картина котораго „Земной жребій и человѣчество" объѣхала всѣ большіе города Европы, возбуждая сенсацію или негодованіе. Къ разряду такихъ же произведеній слѣдуетъ отнести и

Digitized by Google

картины Кубина, но надо ему отдать справедливость: не смотря на его болѣе, чѣмъ странныя формы, идея у него всегда понятна и порой даже слишкомъ, какъ напримѣръ, въ картинахъ „Ужасъ“ и „Сумасшествіе“, что даетъ этимъ призведеніямъ характеръ подчеркнутости,

Бьегасъ. „Свято“.

анекдота, карикатуры. Одной изъ лучшихъ его вещей является безспорно „Симфонія“ гдѣ звуки символизируются фантастическимъ животнымъ допотопнаго вида, полу-плезіозавромъ, полу-человѣкомъ, плывущимъ по волнамъ.

Стремленія индивидуализма не могли, конечно, не отразиться и въ скульптурѣ, которая выдвинула въ недавнее время своеобразнаго и неподражаемаго скульптора Бьегаса. Его вещи стилизированы; въ нѣкоторыхъ форма упрощена до того, что человѣческая фигура обращается въ геометрически отесанный монолитъ какъ, напримѣръ. „Свято“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ его скульптурами „Вселенная“ и особенно „in hoc signo vinces“ нельзя оставаться равнодушнымъ: онѣ захватываютъ, увлекаютъ какимъ-то страннымъ обаяніемъ. Чѣмъ-то неземнымъ, мистическимъ вѣетъ отъ этихъ странныхъ образовъ, удивительныхъ еще тѣмъ, что родились они въ головѣ полуграмотнаго пастуха, хоть и отшлифовавшагося нѣсколько въ Парижѣ, но оставшагося тѣмъ же дикимъ сыномъ пустыни. Вѣроятно, еще съ дѣтства передъ нимъ витали тѣ образы, которые онъ воплотилъ, наконецъ, въ настоящее время.

Петербуржцы, вѣроятно, хорошо помнятъ произведенія Бьегаса, такъ какъ они были выставлены въ прошломъ году весной въ Пассажѣ, привлекая, впрочемъ, больше художниковъ, чѣмъ обыкновенную публику.

VI.

Въ исторіи русскаго искусства повторились почти тѣ же самые періоды, какъ и въ другихъ странахъ. Классицизмъ твердо еще держался на своемъ Олимпѣ, и Брюлловъ казался недостигаемымъ. Но вотъ сошелъ въ могилу Государь Николай Павловичъ, при которомъ вся жизнь нашего общества носила офиціальный характеръ. Недовольство, глухо бродившее въ сумеркахъ этой жизни, всё росло и росло и, наконецъ, получивъ возможность высказаться, рванулось со всей неудержимостью, со всѣмъ самоотверженіемъ и героизмомъ, свойственными славянской душѣ, и могучимъ потокомъ полилось, захватывая всѣ слои общества.

Digitized by Google

Бьегасъ. In hoc vinces.

Въ шестидесятыхъ годахъ одна только Академія Художествъ сидѣла неподвижно на своемъ Васильевскомъ островѣ. Безучастно съ купола смотрѣла грозная и молчаливая Минерва на двухъ сфинксовъ, сидѣвшихъ на набережной, съ загадочными лицами. Академическіе профессора, надѣясь на щитъ своей хранительницы, мирно почивали на лаврахъ и сквозь сонъ авторитетно указывали перстами своимъ ученикамъ въ глубь вѣковъ: „О, Эллада! о, Римъ“. Но тутъ же рядомъ тысячелѣтніе сфинксы насмѣшливо предлагали старую, неразрѣшимую загадку: „въ чемъ истина“?

И какъ только молодежь, подъ вліяніемъ пробужденія, сознала, что нѣтъ истины въ изреченіяхъ старыхъ профессоровъ, тотчасъ началось броженіе. Удары чаще и чаще стали раздаваться, и скоро академическія стѣны задрожали отъ молодыхъ, задорныхъ голосовъ. Жизнь съ ея треволненіями, съ кипучей жаждой знанія и стремленіемъ принести и свою лепту на алтарь отечества, ворвалась тогда въ мастерскія молодыхъ художниковъ. Я не буду повторять здѣсь всѣмъ извѣстную исторію выхода Крамского съ товарищами изъ Академіи, эту прекрасную исторію, читая которую нельзя не удивляться и не восхищаться смѣлостью горсти юношей, поправшихъ отжившія традиціи, отвергнувшихъ признанные авторитеты въ силу внутренняго чувства, говорившаго имъ: „да, вы правы“!

Такъ родился русскій plein-air, русскій реализмъ. Онъ прошелъ всѣ стадіи, но никогда не доходилъ до импрессіонизма въ такой формѣ, какъ это было въ Европѣ и особенно во Франціи. Явился на сцену идеализмъ и, наконецъ, индивидуализмъ.

Въ Россіи, собственно говоря, только и есть эти четыре школы, тен-

Бьегасъ. Смерть.

Digitized by Google

денціи которыхъ легко прослѣдить, потому что онѣ группируются въ четыре самостоятельныхъ общества, мало измѣнявшіяся въ послѣдніе годы и имѣющіе въ числѣ членовъ и экспонентовъ, изъ года въ годъ, почти однихъ и тѣхъ же художниковъ.

Катарбинскій. Поцѣлуй медузы.

Отдѣльно отъ другихъ стоитъ одинъ только Катарбинскій, который живетъ въ фантастическомъ мірѣ, рожденномъ его неисчерпаемой фантазіей. Его можно считать, пожалуй, единственнымъ русскимъ символистомъ, всецѣло посвятившимъ себя этой школѣ.

Во главѣ всѣхъ русскихъ художниковъ, какъ цари настоящаго, серьезно и чинно, съ сознаніемъ своего достоинства, правъ и обязанностей, съ полинявшимъ, за тридцать слишкомъ лѣтъ, знаменемъ, выдержавшимъ на своемъ вѣку не мало битвъ и перепалокъ, выступаетъ старая гвардія, передвижники — реалисты всѣхъ разрядовъ.

Здѣсь и Рѣпинъ со своими „Бурлаками", „Запорожцами" и десятками мастерскихъ портретовъ, и вдумчивый Суриковъ съ громадными историческими полотнами и много другихъ реалистовъ, безхитростно изображавшихъ современную жизнь, Кившенко съ охотничьими и батальными сценами, Маковскій, Ярошенко, Прянишниковъ и др.

Когда-то буйные, нетерпѣливые, стремившіеся перевернуть по своему весь міръ, завоевавшіе громадную область въ русскомъ искусствѣ и еще большую въ русскомъ самосознаніи, они остепенились. Серьезно пріобрѣтенные лавры успокоили ихъ мятежныя души и, они изъ бывшихъ отщепенцевъ обратились въ академическихъ владыкъ, увы, давящихъ новѣйшее поколѣніе. Они—власть, они—сила, и гордые клики молодежи, что и они уже отжили и пережили свое, вызываютъ лишь ироническія улыбки. Нѣтъ, они еще очень сильны, ихъ вещи замѣтны, о нихъ всѣ и постоянно говорятъ; въ собственномъ представленіи они всё, они соль земли. Ну, чтожъ, да здравствуетъ старая гвардія, съ ея вождемъ и выразителемъ Рѣпинымъ!

За этой старой, но еще бодрой и полной жизни гвардіей, медленно, колеблясь, но стараясь удержаться

Digitized by Google

на дрожащихъ ногахъ, пытаясь высоко держать посѣдѣвшія, полныя грустными мыслями головы, идутъ „с.-петербургскіе художники“. Какая иронія въ этомъ названіи: они по имени представители нашего художественнаго міра, но ихъ замѣчаютъ меньше всего; это живые покойники, которые разъ въ годъ собираются подъ одной крышей и разсказываютъ другъ другу длинныя исторіи изъ далекаго прошлаго, давно забытаго современной молодежью. Здѣсь среди собранія видевшихъ старую Академію и воскурявшихъ фиміамъ передъ ихъ былыми произведеніями. Да, они когда то царили; слова ихъ признавались авторитетными, ихъ картины идеальными, но грянулъ громъ,—и въ 1893 году новый уставъ Академіи вышибъ ихъ изъ обычной колеи, изъ насиженныхъ годами гнѣздъ, выбросивъ въ бурныя волны житейскаго моря.

Грустно смотрѣть на эту группу академиковъ и профессоровъ: они сдѣлали свое, принесли посильную пользу,—и не ихъ вина, что теперь

Рѣпинъ.--Письмо Султану.

таютъ тѣни великихъ академическихъ профессоровъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, съ ихъ культомъ ложно-классическаго стиля; здѣсь витаютъ старые, отжившіе идеалы академической красоты, здѣсь чтутся еще библейскія и миѳологическіе идеи, дававшія ратоборцамъ классицизма когда-то высокое наслажденіе. Каждая тѣнь разсказываетъ о своемъ быломъ величіи, о благоговѣйныхъ и почтительныхъ поклонникахъ, стекавшихся толпами въ не то время, что ихъ идеалы намъ кажутся наивными сказками, интересными лишь съ бытовой, исторической, а не съ чисто художественной точки зрѣнія. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ,—и отъ обломковъ классической Академіи окончательно ничего не останется, а салонныя, вылощенныя картинки Бакаловича, Бронникова и пр. и проч. сдѣлаются достояніемъ медленно прогрессирующей провинціи.

Вотъ передъ нами прошла старая

Digitized by Google

гвардія со знаменемъ „реализмъ, національизъ и натурализмъ“, прошла толпа петербуржцевъ съ „Римскими орлами“; теперь выростаетъ громадное полчище съ девизомъ „жизнь“, а за нимъ виднѣется отрядъ, надъ которымъ вьется блѣдно болотнаго цвѣта флагъ съ таинственной надписью „сверхъ-жизнь“.

Первое полчище дѣйствительно олицетвореніе жизни: шумъ, гвалтъ, пѣсни, пляски, смѣхъ, слезы, горе, радость, отчаяніе, мечты,—всё, чѣмъ богата наша жизнь, всё находитъ откликъ въ этой толпѣ. Въ ней нѣтъ системы, нѣтъ традицій, нѣтъ авторитетовъ, а есть молодость, талантъ и сила. Куда, къ какой школѣ ихъ отнести? Частью они идеалисты, частью индивидуалисты; они находятся въ послѣдней стадіи идеалистическаго реализма и часто попадаютъ въ лагерь чистыхъ индивидуалистовъ, съ которыми дружны.

Это представители весны во всѣхъ смыслахъ этого слова. Это участники „весеннихъ академическихъ выставокъ“. Всё это еще люди молодые, полные надеждъ на будущее: они недавно покинули школьную скамью и недавно выступили на художественную арену. Они любятъ свое искусство, любятъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, чутко относятся къ каждому явленію, каждому факту, проходящему мимо. Въ ихъ произведеніяхъ отражается вся жизнь съ хорошими и дурными сторонами. Не задаваясь никакими тенденціями, не собираясь никого ни учить, ни исправлять своими картинами, отдаваясь искуству со всѣмъ пыломъ молодости, они совершаютъ этимъ, быть можетъ, величайшую педагогическую миссію—даютъ художественное настроеніе, вызываютъ въ душахъ зрителей эстетическія эмоціи и тѣмъ самымъ расширяютъ міросозерцаніе многихъ сотенъ людей, съ виду равнодушно проходящихъ мимо картинъ. Ихъ картины, отголоски истины и природной красоты, невольно западаютъ въ сердце, подкупаютъ своей непосредственностью и отсутствіемъ фальши.

Суриковъ.—Меньшиковъ въ ссылкѣ.

Digitized by Google

Здѣсь вы не встрѣтите скорбныхъ гражданскихъ идей, напыщенности классическихъ композицій, а найдете живую мысль, бьющееся сердце, вибрирующіе нервы; найдете сумеречные, то радостныя, то тоскливыя настроенія, встрѣтитесь съ ликующимъ полднемъ, съ тихой, прозрачной ночью, съ отголосками былой родной старины, съ родными видами и типами. Здѣсь работаетъ дружное товарищество молодыхъ силъ; здѣсь нѣтъ направленія, школы въ узкомъ слыслѣ этого слова: отсутствіемъ выдающихся изъ ряда вещей, но онъ не можетъ остаться неудовлетвореннымъ, такъ какъ, не смотря на ошибки и увлеченія, столь свойственныя молодежи, онъ найдетъ здоровое отношеніе къ искусству и серьезное отношеніе къ своему дѣлу.

Большинство этихъ молодыхъ художниковъ ученики Куинджи, удивительнаго художника и еще болѣе удивительнаго руководителя. Со свойственной ему чуткостью онъ умѣетъ вести и направлять талантъ

Кившенко.—На охотѣ.

вы встрѣчаетесь и съ вещами, напоминающими того или другого изъ прославленныхъ профессоровъ, и съ картинами, созданными подъ впечатлѣніемъ заграничныхъ новаторовъ, съ попытками на импрессіонизмъ, пленеризмъ и прерафаэлизмъ, но безъ крайностей этихъ школъ. Но всетаки большая часть,—свое, не выдуманное, а глубоко прочувствованное и проштудированное по натурѣ. Быть можетъ, иной цѣнитель найдетъ ошибки, утрировки, огорчится сообразно съ его основными данными, не насилуя, не требуя подчиненія себѣ, но требуя единственно строгаго отношенія къ дѣлу. Самъ Куинджи явился однимъ изъ сильнѣйшихъ выразителей такъ называемаго пейзажа „съ настроеніемъ“, основу которому положили еще Васильевъ и Саврасовъ. Въ послѣдніе же время эта школа выдвинула такихъ мастеровъ, какъ А. Васнецовъ, Левитанъ, Рерихъ, Зарубинъ, Рущицъ, Рыловъ, Пурвитъ, Богаев-

Digitized by Google

скій и проч., но болѣе мелкія имена.

Большинство послѣднихъ люди настоящаго и ближайшаго будущаго. Многіе изъ нихъ не поднимутся надъ среднимъ уровнемъ, многіе, подъ давленіемъ житейскихъ заботъ, опустятся и погибнутъ, но единицы, подъ вліяніемъ своего таланта, воспитавшись на плодородной почвѣ, выростутъ высокими и могучими дубами, подъ тѣнью которыхъ пріютится будущее поколѣніе. Дай Богъ только имъ всю жизнь сохранить ту свѣжесть чувства, ту непосредственность, которая такъ подкупаетъ всѣхъ въ ихъ пользу, а не замерзнуть, не застыть на мѣстѣ, облекшись въ олимпійское самомнѣніе.

Но вотъ передъ нами послѣдняя, четвертая группа. „Какая смѣсь одеждъ и лицъ"! Скромность рядомъ съ гордостью, напыщенность и принужденность, неистовое ораніе и дивная мелодія. Это тѣ, которыхъ окрестили декадентами, это воспитанники журнала „Міръ искусства", это индивидуалисты, и девизъ ихъ „долой всё старое"; ихъ божество „я", ихъ путь „работать какъ подсказываетъ чувство, не заботясь ни о чемъ, ни о формѣ, ни объ идеѣ, ибо всё это само должно явиться въ силу вложеннаго въ душу священнаго огня".

На эту привлекательную приманку тянутся и старъ, и младъ; здѣсь никто ни отъ кого не требуетъ знаній, никто не смѣетъ отнестись къ той или другой картинѣ критически, никто не имѣетъ права указать на нарушеніе правилъ перспективы или анатоміи: „важно настроеніе, главное—сила чувства!". И надо отдать справедливость этой группѣ: среди дикихъ и унылыхъ звуковъ, среди декадентскихъ аккордовъ, смѣшныхъ и странныхъ, иногда вдругъ прозвучитъ дивная, неземная мелодія, которая, быть можетъ никогда бы не вылилась, если бы творецъ ея не былъ свободенъ отъ традицій и не отдался бы всецѣло культу чувства. Но эти мелодіи сравнительно рѣдки да и звучатъ онѣ только у большихъ мастеровъ, у которыхъ и обыкновенныя вещи очень хороши, и у которыхъ техника дѣла выработана на столько, что для нихъ этотъ процессъ почти механическій и потому они имѣютъ возможность отдаваться своему чувству, не думая о рамкахъ и границахъ; рамки и границы, инстинктивно, въ силу большой опытности и таланта сами, независимо, являются въ произведеніи, которое, повидимому, творится, какъ бы шутя. Этой кажущейся легкостью увлекаются бездарности и, отдаваясь своему неопытному и неразвитому чувству, мажутъ направо и налѣво въ надеждѣ, что „авось что нибудь да выдетъ", а если выходитъ нелѣпость, то не бѣда—сойдетъ подъ девизомъ „я такъ чувствовалъ". Между тѣмъ въ средѣ этихъ „декадентовъ" есть безусловно талантливые художники, и даже осмѣянный чуть-ли не всѣми Врубель личность крупная и замѣтная. Въ его „Демонѣ", не смотря на крупныя погрѣшности по рисунку, есть величіе падшаго ангела, а гармонія сѣрыхъ, лиловыхъ и розовыхъ тоновъ можетъ считаться единственной въ своемъ родѣ по тонкости цвѣтоощущенія. Болѣзненная душа Врубеля умѣла воплощать свои образы и волновать ими зрителя. Это не безсвязный бредъ сумасшедшаго, а сознательныя, убѣжденныя слова больного и крайне чуткаго человѣка.

Вообще въ работахъ всѣхъ русскихъ „декадентовъ" мы встрѣчаемся съ новымъ, неизвѣстнымъ, далекимъ отъ какого бы то ни было шаблона. Въ картинахъ, пано, предметахъ прикладного искусства они стараются выразить свои собственные идеалы, создавая то сказочный, то мистическій міръ. Коровинъ, Малютинъ, Рябушкинъ, Полѣновъ, Головинъ и проч., большею частью мос-

Digitized by Google

квичи, составляютъ центръ, поддерживаемый сочувствуюшими имъ большими мастерами—Сѣровымъ, Нестеровымъ и В. Васнецовымъ.

Эти три художника оригинальны, но далеки отъ крайностей; они сочувствуютъ болѣе молодымъ художникамъ, хоть и впадающимъ въ крайности и утрировки, но дѣлающимъ это, за нѣкоторыми, конечно, исключеніями, искренно и съ горячей вѣрой въ свою правоту. Въ работахъ же самихъ названныхъ трехъ художниковъ ново то, что они работаютъ вполнѣ самостоятельно, не подчиняясь никакимъ старымъ традиціямъ, но и избѣгая оригинальничанья. Самой крупной величиной среди нихъ является, конечно, В. Васнецовъ, создатель современной религіозной живописи. Это — индивидуалистъ мистикъ: онъ живетъ не современной жизнью, душа его витаетъ среди образовъ прошедшаго: каменный вѣкъ, былинная, сказочная Русь, первыя времена христианства, древнее славянство,—вотъ его область, изъ которой онъ, какъ изъ неисчерпаемой сокровищницы, черпаетъ мотивы для своихъ картинъ, фресокъ, образовъ и иллюстрирацій.

Вглядитесь въ его „Богатырей“, и передъ вами возстанетъ изъ глубины временъ, какъ живая, былинная Русь. Образы Ильи Муромца, Добрыни и Алеши Поповича такъ живы, такъ геніально задуманы и просто выполнены, что охватываютъ зрителя, помимо его воли, чѣмъ то чарующимъ. Какъ бы мы раньше не представляли этихъ богатырей,—взглянувъ на картину Васнецова, мы сразу согласимся съ художникомъ: „да, вотъ они, это именно тѣ самые—герои нашихъ былинъ“, и собственныя представленія отлетятъ отъ насъ, порабощенныя образами, созданными творчествомъ Васнецова.

Васнецовъ.—Богатыри.

На основаніи древне русскаго и византійскаго творчества, Васнецовъ создалъ новый, русскій, истинно-національный стиль. Идя къ этому путемъ длинныхъ изысканій, преодолѣвая большія трудности на пути, онъ узналъ на себѣ, какъ трудно иногда сказать новое правдивое

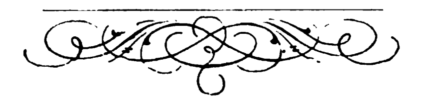
Digitized by Google

слово, когда кругомъ признаются лишь шаблонные, вѣками освященные догматы. Пройдя суровую школу, онъ сталъ въ ряды бойцовъ за новое, чтобы поддержать и ободрить молодыя начинанія, среди которыхъ могутъ быть вполнѣ жизнеспособныя,дающія надежду на обильный урожай.

Наша же публика, видя непонятныя ей вещи, громитъ всѣхъ художниковъ декадентами. Этой кличкой вообще въ послѣднее время стали злоупотреблять: въ прежнія времена, если зритель видѣлъ плохую картину, то онъ просто говорилъ: „мнѣ эта картина не нравится“ или „слабо написана“; теперь же передъ всякой непонравившейся картиной, къ какой бы школѣ она ни принадлежала, современный зритель язвительно пускаетъ въ ходъ слово „декаденство“ и начинаетъ барабанить набившими оскомину фразами: „искусство падаетъ, это бредъ, безуміе, патологическое творчество, куда мы идемъ“! и проч.

Успокойтесь, безпокойные критики, мы идемъ туда, куда слѣдуетъ идти; не люди дѣлаютъ исторію, а исторія—людей. Въ своемъ могучемъ движеніи естественная эволюція переработываетъ тѣ или другія явленія, изъ которыхъ каждая является слѣдствіемъ предыдущаго и причиной послѣдующаго. Причинная цѣпь растетъ логично и безостановочно; въ мірѣ нѣтъ регресса, а есть только прогрессъ.

Д. А. Пахомовъ.

На зарѣ.

Сегодня, проснувшись, я глянулъ въ окно...
На улицѣ было ненастно-темно,
Холодныя тучи, какъ призракъ, неслись,
И плакала горько свинцовая высь..

Но тамъ, на востокѣ, за рядомъ домовъ,
Гдѣ смутно чертились узоры холмовъ,
Уже разбѣгалась печальная тѣнь,
И свѣтлой полоской проблескивалъ день.

Сквозь дымку тумана струились ко мнѣ
Лучи золотые, твердя о веснѣ,
Объ ясной лазури, красивыхъ цвѣтахъ,
О счастьѣ, о волѣ, о чудныхъ мечтахъ.

И жадно слѣдилъ я за блескомъ лучей,
И пѣснь пробужденья звенѣла звончѣй,
И тьма расходилась, и день наступалъ...
. . . .
Тотъ счастливъ, кто въ эти минуты не спалъ...

С. Федоровичъ.

I.

Кое-что изъ недавней исторіи Японіи. Современное положеніе.

Было время, когда дайміосы (японскія феодальные бароны) пользовались грузомъ занесенныхъ бурею иностранныхъ кораблей, какъ желанною добычею. Ни одинъ маякъ не освѣщалъ негостепріимнаго берега. Между Америкой и Китаемъ поддерживалось живое сообщеніе, но американскіе корабли не находили пріюта у береговъ Японіи. Въ 1853 году президентъ Фильморъ рѣшилъ устроить тамъ гавани и тѣмъ принудить японцевъ стать на ряду съ цивилизованными націями. Уполномоченный, коммодоръ Матей Перри въ іюлѣ мѣсяцѣ 1853 г., имѣя въ распоряженіи 2 военныхъ и 2 коммерческихъ судна, высадился въ бухтѣ Урага, чтобы заключить съ японцами дружественный и торговый союзъ. Шогунъ*) Іеіоши испугался. Рекко, глава могущественнаго дома Токугава, посовѣтовалъ отклонить это предложеніе. Перри возвратился на этотъ разъ, ни съ чѣмъ, но въ 1854 г. онъ снова съ 8-ю кораблями прибылъ въ гавань Іокагаму. Іеіоши уже умеръ. Ему наслѣдовалъ его сынъ Іезада. Этотъ послѣдній заключилъ съ Перри договоръ, по которому долженъ былъ открыть гавани Химода и Хакодате для американскихъ судовъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и снабжать за извѣстную плату военныя суда углемъ и всѣмъ необходимымъ, торговыя же сношенія отклонилъ. Вскорѣ послѣ этого получили такія же уступки и Россія, Франція, Англія и Пруссія.

Страшное землетрясеніе и сильный пожаръ въ Іеддо, унесшіе по японскимъ сказаніямъ до 100000 человѣкъ, еще болѣе обезкуражили трусливыхъ японцевъ. Въ 1856 году Америка послала своего главнаго консула въ Шимода требовать разрѣшенія пристать къ берегу при Коногавѣ и Осако. Шогунъ Іезада обратился за совѣтомъ (первый разъ за 700 лѣтъ) къ микадо. Микадо, находившійся подъ вліяніемъ Наріакири, главы дома Мито, отвергъ

*) Шогунъ, или Сіогунъ,—свѣтскій правитель до-реформенной Японіи. Императоръ же (Микадо) былъ тогда только духовнымъ государемъ.

Digitized by Google

это требованіе. Тогда Іезада передалъ свои обязанности И—и Наосуке, опекуну (таиро) своего пріемнаго сына И-и моки. Наосуке, не обращая вниманія на распоряженіе микадо, завязалъ торговыя сношенія съ иностранцами и въ 1858 г. открылъ имъ доступъ въ гавани Коногава, Нагасаки и Хакодате, а въ 1859 г.—Ниигато. Хіого и Осака. Одновременно были допущены въ Іедо дипломатическіе представители, а во всѣ открытыя гавани—консулы; иностранные подданные подлежали суду своихъ консуловъ.

Дайміосы, давно уже отпавшіе отъ шогуна Токугавы и ставшіе на сторону микадо, возстали противъ Наосуке, но онъ удалилъ ихъ съ своего пути; многихъ обезглавилъ, другимъ велѣлъ распороть животъ, а остальныхъ засадилъ въ тюрьмы или изгналъ. Но и у Наосуке оказались сильные противники и враги: 18 самураевъ изъ дома Мито подстерегли его въ Іедо и убили въ 1860 г. Правительство не было въ силѣ воспрепятствовать этому, но чтобы хотя на нѣкоторое время освободиться отъ нежеланныхъ дайміосовъ, оно уничтожило законъ, повелѣвавшій имъ періодически жить въ столицѣ.

Самые могущественные изъ дайміосовъ, Шимацу изъ Сацума и Мори изъ Хожу, были на сторонѣ двора Кіото. Они добились, что микадо Комей потребовалъ отъ шогуна И-и Моки изгнанія всѣхъ иностранцевъ (числомъ 26) изъ Іокогамы.

Когда въ 1862 году свита Шимацу, посланника въ Іедо, возвращалась изъ Кіото, то не далеко отъ Коногавы встрѣтила англійскихъ всадниковъ (въ числѣ ихъ была и дама). По японскому обычаю встрѣтившіеся должны были сойти съ лошадей, но они этого не сдѣлали. Самураи, преисполненные ненависти къ иностранцамъ, бросились на нихъ съ мечами. Двое мужчинъ и дама спаслись, а Ричардсонъ изъ Шанхая, смертельно раненый, упалъ съ лошади и тутъ же умеръ. Англійское правительство требовало выдачи убійцъ и денежнаго удовлетворенія въ 400000 марокъ. Но японцы не соглашались. Тогда 15-го августа 1863 г. при Кагожимо, резиденціи Шимато, появилась англійская эскадра, состоящая изъ 7 военныхъ судовъ, подъ начальствомъ адмирала Купера. Укрѣпленіе было уничтожено, большая часть города сожжена. Только тайфунъ помѣшалъ англичанамъ довести дѣло до конца. Денежное же удовлетвореніе они получили, когда бросили якорь у береговъ Іедо.

Въ томъ же году И-и Моки съ большой свитой посѣтилъ микадо въ Кіото (со времени И-и Мицу ни одинъ шогунъ не считалъ нужнымъ это дѣлать), съ которымъ и постановили изгнать всѣхъ иностранцевъ. И-и Моки возвратился въ Іедо, чтобы увѣдомить объ этомъ посольство.

Дайміосъ Мори, изъ Хожу, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1863 г. изъ Шимоносеки обстрѣливалъ американскіе пароходы, французскіе и голландскіе корабли, при чемъ нѣсколько человѣкъ было убито. Представители этихъ державъ совмѣстно съ англичанами рѣшили бомбардировать Шимоносеки. Городъ былъ разрушенъ,—и величію Мори положенъ конецъ.

Между правителями Японіи царилъ всегда разладъ. Когда въ 1865 г. иностранныя державы требовали возобновленія существовавшаго когда-то договора, по которому Хіого (Кобе) должно было открыто для иностранныхъ торговыхъ судовъ, шогунъ И-и Моки доложилъ объ этомъ императору Комеи. Послѣдній отклонилъ это. Тогда И-и Моки подалъ въ отставку. Комеи не принялъ ея и въ 1866 году подписалъ договоръ. Вскорѣ И-и Моки умеръ, и шогуномъ сдѣлался Іошинобу, сынъ Нараякираса, родоначальникъ дома Хитоцубами. Въ 1867 г. умеръ и императоръ Комеи отъ оспы. Его 16-ти

Digitized by Google

лѣтній сынъ Муцухито вступилъ на престолъ. Іошинобу, которому никто не повиновался, понялъ, что при такихъ обстоятельствахъ ему не удержаться въ шогунатѣ и передалъ его молодому императору. Послѣдній сталъ требовать отреченія и отъ всѣхъ провинцій, принадлежавшихъ шогуну. Завязалась борьба, т. к. все семейство Токугава возстало противъ этого требованія, но побѣдила императорская партія.

Вездѣ разбитая партія Іошинобу излила свой гнѣвъ на иностранцевъ: въ Кіото напали на англійское посольство, при Осакѣ убили капитана и 10 матросовъ французскаго корабля. За это послѣднее злодѣяніе японское правительство должно было уплатить 600000 марокъ; кромѣ того, 11-ти убійцамъ вспороли животъ, остальныхъ 8 помиловали. Принцъ Торухито, главнокомандующій императорскаго войска съ фельдмаршаломъ Сайго Тикамори поселился во дворцѣ въ Іедо. Семейству Токугава подарили земли въ Муцу, Суруга и Тотами съ годовымъ доходомъ въ $1^1/_2$ мил. марокъ.

Іошинабу, спасшійся въ храмѣ Кваньейсе, долженъ былъ отправиться на родину, въ Мито. Приверженцы Токугава вторглись въ Кваньейскій храмъ и провозгласили императоромъ первосвященника Коценбо, происходившаго изъ царскаго дома.

Когда въ Іедо воцарилось, наконецъ, спокойствіе, императоръ Муцухито 6-го ноября 1868 г. поселился во дворцѣ, который до сихъ поръ занималъ наслѣдный принцъ Токугава. Въ 1873 г. этотъ дворецъ сгорѣлъ. Іедо сдѣлался столицею и, въ противоположность Большой столицѣ (Кіо или Кіото), сталъ называться восточной столицей (То--кіо). Въ слѣдующемъ году Муцухито отправился въ Кіото и женился тамъ на Хоруко, „дитя весны“ дочери придворнаго Ихихо-Тадаки.

Въ это время обнаружилось, что въ деревнѣ Урukами, при Нагасаки, находится около 3000 христіанъ-католиковъ. Возобновили эдиктъ Іисязуса, изданный въ 1637 г. и гласившій между прочимъ слѣдующее: „кто укажетъ мѣстопребываніе католическаго священника, получитъ вознагражденія 10000 мар. Каждый христіанинъ заключается въ тюрьму“. Приверженцы этого закона раздѣлили обнаруженныхъ католиковъ, какъ рабовъ, между дайміосами; особенно много было ихъ въ провинціи Кага, откуда имъ было позволено вернуться только въ 1873 году.

Дайміосы въ 1868 году по совѣту Окубо Тушомицу и по примѣру Мори и Шимацу отдали свои земли (отчасти добровольно, а отчасти по принужденію) правительству и получился за это пенсію. Самураи получали мѣста чиновниковъ, другіе занялись торговлею или ремесломъ какимъ-нибудь, но, не зная какъ взяться за дѣло, скоро обѣднѣли. Различіе между высшими сословіями Куге и Шоко было уничтожено. И тѣхъ, и другихъ считали сливками общества (квацоку), мелкое же дворянство называлось житцоку или самураи.

Новый составъ народонас. имѣлъ 95% крестьянъ и мѣщанъ и только 5% дворянъ.

Въ 1870 году къ Японіи начала прививаться европейская культура: французы были учителями военнаго дѣла, нѣмцы обучали медицинѣ, англичане строили желѣзныя дороги и машины, голландцы знакомили съ постройкой каналовъ, а въ Осаки чеканили монеты.

Европейскій костюмъ также вошелъ въ моду, замѣнивъ японскій; бумажные зонтики стали замѣнять зонтиками изъ хлопчатой и шелковой матеріи. Мужчины замѣнили деревянную обувь кожаною. Началось печатаніе газетъ на японскомъ языкѣ. Императоръ вмѣсто путешествій на джинрикшѣ сталъ выѣзжать на четверкѣ; императрица Хоруко—принимать женъ посланниковъ. Чиновниковъ и воиновъ стали награждать

Digitized by Google

орденами: хризантема на лентѣ, Священной сокровищницы и Восходящаго Солнца.

Новый годъ, по европейскому календарю, былъ перенесенъ на зиму, и былъ введенъ воскресный день. Вѣкъ Муцухито стали называть „Мейци" (мей—просвѣщенный, ци—время). Всеобщая воинская повинность была введена. По образцу нѣмецкаго войска стали различать три рода войскъ: постоянное, резервное и ополченцевъ. Изъ дворцовъ феодаловъ 55 перешло въ военное вѣдомство, а остальные были разрушены.

Въ 1872 году посѣтилъ Японію Великій князь Алексѣй Александровичъ, въ 1879 г. (когда холера похитила 100.000 японцевъ), принцъ Генрихъ Прусскій привезъ въ Токіо орденъ императору Муцухито. Посѣтилъ Японію также экспрезидентъ генералъ Грантъ. Въ маѣ 1878 года Окубо, японскій дѣятель, проводникъ европейской культуры, былъ убитъ фанатиками самураями, переодѣтыми въ крестьянское платье. Убійцы сами отдались въ руки правосудія.

Въ 1874 году фельдмаршалъ Сайго Такамори, всѣми очень уважаемый и любимый самурай ихъ Сацума, основалъ въ Кагошима частное военное училище, въ которое стремились поступить всѣ серьезные молодые люди. Занимались тамъ ежедневно по часу китайскимъ яз., а остальное время гимнастикой и фехтованіемъ.

Узнавъ отъ чиновниковъ, посѣщавшихъ Кагошимо, о заговорѣ противъ Сайго и о намѣреніи его убить, 15.000 самураевъ, во главѣ съ самимъ Сайго, объявили открытое возстаніе и овладѣли пороховыми складами и арсеналомъ въ Кагошимо, за что императоръ лишилъ Сайго всѣхъ его правъ и привиллегій. Тогда бунтовщикъ съ своей шайкой направился въ Шимоносеки. По дорогѣ они напали на хорошо укрѣпленный замокъ Кумамото (Хиго) и здѣсь потеряли много времени, чѣмъ воспользовалось императорское войско и настигло его.

Сайго отступилъ и расположился въ Набеока, но чрезъ нѣсколько дней и отсюда его вытѣснили, захвативъ 8000 челов. въ плѣнъ. Самъ же онъ съ 500 чел. бѣжалъ въ Кагошимо, гдѣ потерялъ еще 200 чел. и съ 300 продолжалъ сражаться, отступивъ за холмъ Широяма, въ сентябрѣ же 1877 г. остатки его шайки были уничтожены, а его самого не нашли. По найденному обезглавленному трупу въ крестьянской одеждѣ предполагаютъ, что Сайго добровольно покончилъ съ собой посредствомъ хара-кири. (Хара—животъ, кири—колоть). Такое самоубійство не считается унизительнымъ ни для совершающаго, ни для его семьи. Оно совершается всегда ночью или въ слабо освѣщенной комнатѣ, или подъ открытымъ небомъ, въ присутствіи экзекутора и друзей осужденнаго. Несчастный прокалываетъ себѣ животъ по самой срединѣ и направляетъ разрѣзъ въ лѣвую сторону; тотчасъ послѣ этого его лучшій другъ отсѣкаетъ ему голову острымъ мечомъ).

А такъ какъ съ найденнымъ трупомъ лежалъ и трупъ вассала Сайго, то и предполагаютъ, что этотъ вассалъ отсѣкъ ему голову, а затѣмъ и самъ лишилъ себя жизни. По другимъ же сказаніямъ Сайго не убитъ, а бѣжалъ въ Сибирь.

По японскому обычаю императоръ, спустя 13 лѣтъ со дня исчезновенія Сайго, возвелъ его снова въ фельдмаршалы и призналъ всѣ его заслуги, а въ Ухнопаркѣ поставленъ ему памятникъ. Все это возстаніе стоило Японіи 830 милліон. марокъ.

Вслѣдствіе всеобщаго неудовольствія, Императоръ еще въ 1881 году обѣщалъ конституцію, выработку которой поручилъ министру Ито. Послѣдній предпринялъ для этой цѣли путешествіе въ Европу въ 1882—83 год. Наконецъ 11-го фев-

Digitized by Google

раля 1889 г. микадо Муцухито далъ странѣ конституцію, причемъ введены отвѣтственное передъ императоромъ министерство, парламентъ изъ 2 палатъ и государствен. совѣтъ.—Мало по малу Японія стала пріобрѣтать военные корабли, ружья, пушки и т. д.

Когда парламентъ отказался дать средства на постройку военныхъ судовъ, Муцухито обложилъ всѣхъ чиновниковъ, начиная съ самого себя, 10% вычетомъ изъ жалованья до тѣхъ поръ, пока долгъ не былъ уплаченъ. Начали строить маяки, проложили одинъ кабель отъ Шимоносеки до Шанхая, а другой до Владивостока. Всѣ новѣйшія открытія, какъ—электрическое освѣщеніе, трамваи и желѣзн. дороги, стали извѣстны и въ Японіи. Японская желѣзнодорожная сѣть заключала въ себѣ въ 1902 г. 8487 километр. изъ кот. 2444 принадлежатъ государству, а 6043 км. 42-мъ частнымъ обществамъ съ капиталомъ въ 700 милліон. марокъ: пассажировъ ежегодно перевозится до 100 милліон. а товару 10 мил. тоннъ. Государство получаетъ 23 милліона валоваго доходу, и чистаго 10 милліон. Частныя общества—45 мил. валоваго и 20 мил. чистаго.

Въ 4500 почтовыхъ конторахъ, гдѣ работаетъ 39000 чиновниковъ, отправлено во 1901 году 157 милліон. внутренней корреспонденціи и 3 милліона заграничной, не считая открытыхъ писемъ, число которыхъ превышаетъ 330 милліон. Телеграфная сѣть простирается на 29500 км. конторъ 1800, отправляется ежегодно 14 милліоновъ внутреннихъ и 531 тысяча заграничныхъ телеграммъ; 3600 километр. телефонной линіи и 90 станцій съ 25000 приводовъ для внутрен. и внѣшняго сообщенія. Почта и телеграфъ работаютъ точно и дешево.

Почтальоны бѣгаютъ рысью послѣ каждаго поѣзда и въ иномъ домѣ бываютъ до 10 разъ въ день; сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ дешевы и удобны; особенно дешевъ проѣздъ въ 3-мъ классѣ (като), но содержатся вагоны оч. грязно. Пожарное депо въ образцовомъ порядкѣ. Завелись и банкирскія конторы, въ которые брали за ссуду 10—15 процентовъ. Казенныя зданія европейской архитектуры, придали улицамъ другой видъ.

Обязательное обученіе было также введено. Школы, какъ общественныя учрежденія, подчинены государству. Каждый ребенокъ между 6 и 14 год. долженъ посѣщать школу три года. Ученіе продолжается по меньшей мѣрѣ 32 недѣли въ году, ежедневно занимаются отъ 3 до 6 часовъ; послѣ каждаго урока 15 мин. отдыха. На каждаго учителя полагается не болѣе 60 учениковъ. Тѣлесныя наказанія запрещены. Въ 1900 г. было устроено 50 семинарій, по образцу французскихъ, для подготовки учителей. Жалованье получаютъ они небольшое: старшій учит. получаетъ въ настоящее время не болѣе 1000 марокъ въ годъ*), а младшій 264 марки. Предметы обученія тѣ же, что и у насъ; только законъ Бож. замѣняется уроками о нравственности или нравоученіемъ. Существуютъ гимназіи высшаго и низшаго типа. реальныя училища, техническія, морскія, музыкальныя школы, гдѣ изучаютъ, по желанію, европейскую и китайскую музыку. Всѣ эти заведенія даютъ солидныя познанія. Вмѣсто „школы для разбора варварскихъ письменъ", основанной въ 1851 году, въ 1881 году въ Токіо былъ открытъ университетъ по европейскому образцу. Профессорами были раньше европейцы, преимущественно нѣмцы, но впослѣдствіи замѣнили ихъ японцами, хотя нѣкоторые выдающіеся профессора, какъ Dr. L. Scriba и Dr. Bälz. и до сихъ поръ не забыты. Университетъ соединенъ съ большимъ домомъ—больницею, при кот. нахо-

*) Т. е. не болѣе 400 рублей на русскія деньги. *Прим. Ред.*

дится ботаническій садъ. Въ Кіото университетъ открытъ только въ 1897 г.

По свидѣтельству Мунцингера, въ 1882 году въ Японіи было 18 протестантскихъ обществъ, 13 американскихъ и 5 англійскихъ. Новый завѣтъ переведенъ на японскій яз. въ 1872—1880 гг. а Ветхій—1888. Нѣмецкіе проповѣдники въ Токіо принадлежатъ къ обществу протестантскихъ миссіонеровъ въ Веймарѣ. Католическіе миссіонеры были еще въ 1861 году. Они нашли въ Японіи около 7000 католиковъ, несмотря на строгое преслѣдованіе ихъ. Теперь число ихъ достигаетъ до 60000, протестантовъ до 40000.

Православная церковь въ Токіо освящена въ 1891 году и состоитъ подъ управленіемъ епископа Николая. Епархію его составляютъ 25000 чел.—По заявленію Мунцингера на 964 японца приходится одинъ христіанинъ. Многіе японцы принимаютъ христіанство ради полученія мѣста или пособія; такихъ обыкновенно называютъ „рисовыми христіанами".

Въ 1889 г. отношенія между Японіей и великими державами обострились, и японцы снова возстали противъ иностранцевъ: женщины снимали европейское платье и продавали его на толкучкѣ; туда же отправляли и нововведенную мебель; даже воспитывавшіеся въ Европѣ японцы стали опять садиться прямо на полъ; перестали печь хлѣбы и ѣли только рисъ. Иностранцевъ удаляли отъ должностей и замѣняли ихъ туземцами. Возстали также противъ христіанства и говорили, что оно подавляетъ патріотизмъ.

Народъ сталъ равнодушенъ къ религіи, а такъ называемая „армія спасенія", благодаря своей грубости и невѣжеству, еще болѣе усилила недовѣріе японцевъ къ христіанамъ.

Правительство же, несмотря на всѣ неудачи, шло впередъ въ введеніи новыхъ порядковъ и одѣяній: войско и полицейскіе получили европейскіе мундиры; чиновники, даже самые мелкіе, должны одѣваться по европейски; при дворѣ введенъ европейскій этикетъ; новые законы заимствованы у Европы (Франціи и Германіи); изъ Америки проникла женская эмансипація, но не привилась въ Японіи.

Жителей въ Японіи, включая Хокаидо и Курильскіе острова, въ 1902 г. было до 43,800,000. На остр. Формоза 2.800,000, но изъ нихъ только 16,000 японцевъ, а остальные—китайцы и туземцы.

Около 11590 иностранцевъ живутъ въ Японіи временно, а нѣкоторые и постоянно, а именно: 6,130 китайцевъ, 2.247 англичанъ, 1,165 американцевъ, 586 нѣмцевъ и 431 французъ. Въ 1900 году 70,800 японцевъ жили за границей, а именно: 34,500 ч. на Сандвичевыхъ островахъ, въ Гонолулу, 15000 въ Кореѣ, 9100 въ С.-Штатахъ, и 6100 въ англійскихъ колоніяхъ. Въ Европейской и Азіатской Россійской Имперіи проживаетъ ихъ около 3200 чел.

Въ Германіи раньше было ихъ также не мало, но въ настоящее время только 132 челов. Въ Японіи 8 городовъ, съ народонаселеніемъ свыше 100 тысячъ, а именно: Токіо—1.440121 д.; Осака—821 235 д.; Кіото—353.139 д.; Нагосса—244.145; Кобе—215.780 д.; Іокогама—193.762; Хирошимо--122. 306 д.; Нагасаки—107.422 д. Европейская древесная бумага фабрикуется въ Хокаидо; каучуковые товары—въ Токіо; пиво варится японскими рабочими, но подъ руководствомъ нѣмцевъ.

Всѣ 22 гавани открыты для иностранцевъ. Японцы имѣютъ 1400 пароходовъ и 4000 парусныхъ судовъ европейскаго образца до 1400—японскаго. Эти послѣдніе не велики и служатъ для береговой торговли. Въ 1900 г. въ японскихъ портахъ перебывало 4678 пароходовъ и 500 парус. суд. Ввозъ и вывозъ доставляетъ 900 милліоновъ марокъ, изъ которыхъ на долю англичанъ приходится 390 мил.; японцевъ—291 мил.;

Digitized by Google

нѣмцевъ—91 мил. француз. —59 мил. и американцевъ—32 мил. Предметы вывоза: шелкъ, хлопчатая бумага, рисъ и каменный уголь. а предметы ввоза: машины, ткани, табакъ и сахаръ. Золота больше получается, чѣмъ выдается, а серебра — наоборотъ.

Пошлинные доходы Японіи въ 1900 г. равнялись 30 мил. марокъ.

Японскій торговый флагъ бѣлый, съ краснымъ солнечнымъ кругомъ посрединѣ.

Въ 1900 г. въ Японіи было въ обращеніи денегъ золота 353 мил., серебра 463 мил. никеля 15 мил. и мѣди 23 мил., бумажныхъ кредитокъ до 400 мил. Государственнаго долгу въ 1902 г. было 900 мил. марокъ, Долгъ этотъ погашается полученною послѣ китайской войны контрибуціею и новыми займами.

Государственный ежегодный доходъ—375 мил. мар. а расходъ 323 мил. марокъ, изъ которыхъ 117 мил. на содержаніе войска, 117 мил. на флотъ, 86 милліоновъ на пути сообщенія, и на островъ Формозу 13 мил. мар.

Японцы не могутъ существовать безъ войны.—Манія величія заставляетъ ихъ думать, что Корея непремѣнно должна имъ принадлежать. Когда въ 1894 г. въ Кореѣ возгорѣлось возстаніе противъ иностранцевъ, корейское правительство не могло воспрепятствовать своему войску грабить японскихъ купцовъ (торговыя суда) и пригласило на помощь китайцевъ. Японцы же опередили ихъ и заняли Чемульпо. Китайцы прислали военный флотъ и значительное войско въ Корею. Ямагата, японскій командиръ, разбилъ ихъ при Пиншангѣ; японскій флотъ, подъ предводительствомъ адмирала Ито, овладѣлъ Желтымъ моремъ, Пичилійскимъ заливомъ и захватилъ 4 большихъ китайскихъ корабля.

4-го ноября 1894 г. японцы подъ предводительствомъ Ойама овладѣли Кіаску, 5-го заняли Таліенванъ, а 10-го Портъ-Артуръ. Въ январѣ 1895 г. они принудили островъ Линкунитао сдаться на капитуляцію: 4-го марта взяли Ньючвангъ, и такъ какъ суровая погода не дозволила имъ достигнуть Пекина, они остановились у острововъ Пескадоресъ. Китайскій уполномоченный Лихунгчанъ началъ переговоры о мирѣ, и 17-го апрѣля 1895 г. миръ былъ заключенъ въ Шимоносеки. По этому миру Корея признана независимой, а островъ Формоза уступленъ Японіи. Китай обязался уплатить Японіи въ 7-ми лѣтній срокъ 200 милліоновъ таэлей (400 мил. руб.) и открыть доступъ въ новые порты.

Вообще побѣда японцамъ далась легко и потерь было мало, т. к. китайскія бомбы оказались начиненными глиной: мандарины стоимость пороха удерживали въ своихъ карманахъ. Японцы имѣли наилучшія карты Кореи и вообще были хорошо освѣдомлены съ положеніемъ дѣла. Китайцы же, безсильные отъ плохаго питанія и дурно вооруженные, по большой части обращались въ бѣгство.

Японцы имѣли хорошій случай проявить свой воинственный духъ при возстаніи боксеровъ въ Китаѣ. Тамъ они вмѣстѣ съ 4000 русскихъ, 3000 англичанъ, 2200 американц. и 800 французовъ въ 3 дня взяли Пекинъ, причемъ сгорѣли университетъ и знаменитая библіотека.

Японцы гордятся своимъ войскомъ и флотомъ. Каждый здоровый мужчина ростомъ не менѣе 150 сантиметровъ послѣ 20 лѣтъ долженъ отслужить въ арміи 3 года или 4 года во флотѣ. Всеобщая воинская повинность продолжается съ 17 до 27 лѣтъ. Въ мирное время у нихъ войска 269.748 чел., въ военное же 600.000 чел.

Военный флотъ въ 1902 г. состоялъ изъ 74 судовъ и 160.46 человѣкъ: военный флагъ бѣлый съ краснымъ солнечнымъ кругомъ, отъ котораго расходятся красные лучи, такое же и полковое знамя только съ голубымъ кантомъ. Каждый япо-

Digitized by Google

нецъ можетъ быть призванъ на военную службу отъ 17 до 40 лѣтъ. Арсеналъ находится въ Токіо, а ружейная фабрика въ Осака. Японскія ружья изобрѣтены генераломъ Мурата.

II.

Физическія и нравственныя качества; образъ мыслей японцевъ; ихъ характеръ. Айну.

Самымъ большимъ авторитетомъ по изученію японской антропологіи пользуется профессоръ докторъ Е. Бельцъ въ Токіо. Въ 1884 г. въ III томѣ своихъ сообщеній нѣмецкому восточно-азіатскому обществу на стр. 330 онъ составилъ описаніе физическихъ качествъ японцевъ.

Чистая монгольская раса представляетъ слѣдующія особенности: средній ростъ, достигающій отъ 150—154 сантиметр., неуклюжій четырехъугольный станъ, при короткомъ и толстомъ затылкѣ, соединяется съ круглой головой, съ выдающеюся верхнею челюстью и небольшимъ лицевымъ угломъ (68—70°). Кавказская раса, къ которой принадлежатъ европейцы, достигаетъ въ ростѣ 180 сант.; станъ и затылокъ у нихъ стройны, голова чаще продолговата, верхняя челюсть не выдается, а лицевой уголъ кажется большимъ (76—82°). Лицо у монгольцевъ 4-хъ-угольное, плоское, а у кавказцевъ овальное съ закругленными чертами. Объемъ черепа у монгольцевъ 1,300 сант., а у кавказцевъ—1.400 сант. Волосы на головѣ очень черные, длинные, жесткіе, совершенно прямые и въ разрѣзѣ цилиндрической формы; на тѣлѣ же почти вовсе нѣтъ волосяной растительности. У монгольца бываетъ черная, прямая, щетинистая борода, „какъ у козла" (Бельцъ). На азіатскомъ материкѣ замѣчается склонность къ ожирѣнію, и полнота считается красотою, а худоба—уродствомъ, у японцевъ же наоборотъ. Низкій лобъ, болѣе покатый чѣмъ у европейцевъ, маленькіе, миндалевидные, косые глаза; вѣки кажутся очень искривленными къ носу, вслѣдствіе чего внутренніе углы ихъ еле открываются, брови черныя, прямыя и рѣдкія; широкій, приплюснутый носъ мало выдается надъ лицомъ, скулы же очень торчатъ; ротъ широкій, губы толстыя, зубы бѣлые, уши большія и отвислыя.

Въ общемъ монгольскій типъ производитъ впечатлѣніе чего-то дѣтскаго, открытаго, беззаботнаго и общительнаго. Всѣ эти черты еще болѣе замѣтны вслѣдствіе слабой растительности на бородѣ, что придаетъ мужчинамъ женоподобный видъ. Бакенбарды среди монгольской расы—что-то неслыханное. Тамъ, гдѣ носятъ широкое платье, трудно бываетъ отличить мужчинъ отъ женщинъ. Монгольскій типъ, подобно дѣтскому лицу, мало выражаетъ индивидуальности: одинъ похожъ на другого.

Разсудокъ преобладаетъ надъ фантазіей. Флегматичность въ основѣ этой расы. Нынѣшніе японцы, по свидѣтельству наилучшихъ авторитетовъ, происходятъ частью отъ племени айну, частью отъ одного чисто монгольскаго племени, перекочевавшаго изъ Кореи и переселившагося на юго-западѣ и, наконецъ, отъ болѣе изящнаго малайскаго племени, расположившагося раньше на Кіусіу, а оттуда постепенно распространившагося и на Японскіе острова. Это племя встрѣчается въ настоящее время въ Сатцумѣ; представителями его служатъ высшіе классы, хотя и въ народѣ число ихъ преобладающее.

Кожа у японцевъ свѣтложелтаго цвѣта, доходящаго въ различныхъ оттѣнкахъ до бѣлизны европейской. Впрочемъ. тутъ можно видѣть всѣ переходы отъ темно-желтаго цвѣта до свѣтло-коричневаго, а у людей, которые чаще ходятъ нагими, кожа бываетъ бронзоваго цвѣта, какъ у цейлонцевъ. Въ Италіи и Испаніи

Digitized by Google

многіе такъ же желты, какъ японцы. Краснощекіе рѣдки.

Проф. Бельцъ указываетъ на одно очень интересное явленіе пигментной окраски кожи, которое находятъ у маленькихъ японскихъ дѣтей на крестцѣ въ верхнемъ слоѣ кожи въ видѣ синяго пятна. Это единственный случай присутствія пигмента въ кожѣ человѣка. У европейцевъ губы красны, а у японцевъ онѣ кажутся синими, какъ у страдающихъ болѣзнью сердца. Такія же синія пятна бываютъ у нихъ и на небѣ, на деснахъ и на глазныхъ бѣлкахъ, что придаетъ лицу ихъ дикое выраженіе. Слезныя железки у переносицы часто бываютъ такъ темны, что ихъ принимаютъ за грязь, попавшую въ глазъ.

Ничтожная волосяная растительность японцевъ свидѣтельствуетъ о малой примѣси крови айну.

На головѣ у японцевъ волосы, какъ щетина, торчатъ кверху и отъ палящаго солнца становятся не черными, а коричневыми; длинные волосы, локоны, они признаютъ уродствомъ. По вычисленію проф. Бельца, на квадратномъ сантиметрѣ головной кожи находится 286 волосъ; они цилиндрической формы, какъ у монгольцевъ и коренныхъ американцевъ; скудная борода появляется поздно и только на подбородкѣ и верхней губѣ. Японцы сѣдѣютъ позже европейцевъ, но борода въ 60 лѣтъ часто бываетъ совсѣмъ бѣлая.

Блондины встрѣчаются рѣдко и считаются некрасивыми, какъ и люди съ вьющимися волосами. „У человѣка волосъ черенъ, а у скота и обезьянъ свѣтелъ“. Уши должны быть закрыты волосами. О глазахъ монгольцевъ проф. Бельцъ пишетъ: глазное яблоко не отличается отъ европейскаго; характерно только своеобразное положеніе складокъ кожи на верхнемъ вѣкѣ и отсутствіе углубленія между бровью и вѣкомъ, отчего это послѣднее кажется совершенно плоскимъ и нависшимъ на рѣсницы. Такое же строеніе глазъ у китайцевъ и корейцевъ. Когда японецъ смѣется, то глаза совсѣмъ исчезаютъ, и только темная линія да рѣсницы указываютъ, гдѣ они должны быть; глазныя же впадины у японцевъ не такъ глубоки, какъ у европейцевъ, а удлинненная складка придаетъ глазу болѣе продолговатую форму. Къ старости, конечно, и у японцевъ глаза проваливаются.

Японцы всѣ маленькаго роста. Когда они сидятъ рядомъ съ европейцами, то кажутся одинаковаго роста, но когда встанутъ, то европейцы оказываются на цѣлую голову выше. Мужчины выше женщинъ. Ростъ у японцевъ прекращается раньше, чѣмъ у европейцевъ: у мальчиковъ въ 16, а у дѣвочекъ въ 14 лѣтъ. Во времена Токугава лица женщинъ изображались на рисункахъ слишкомъ круглыми, а теперь ихъ рисуютъ слишкомъ длинными. У японцевъ та женщина считается красивой, у которой станъ, лицо и носъ, да и всѣ остальные члены тѣла длинны и тонки. Широкія бедра считаются неприличными. Японка никогда не ходитъ прямо, а всегда наклонивъ верхнюю часть туловища нѣсколько впередъ и изогнувъ колѣни. Походка очень некрасивая, въ особенности, когда онѣ въ деревянныхъ сандаліяхъ съ двумя поперечными дощечками вмѣсто каблуковъ. Этикетъ требуетъ, чтобы благовоспитанная японская женщина ходила маленькими шаркающими шажками и держала носки внутрь, а колѣна врозь. Я не замѣчалъ граціи японокъ (за исключеніемъ молоденькихъ), о которой такъ много разсказываютъ путешественники. По моему, это некрасивая порода.

Прическа у японокъ называется „атама“. По замѣчанію проф. Бельца, натягиваніе волосъ причиняетъ имъ головныя боли и даже опухоль затылка.

У маленькихъ дѣвочекъ волосы стягиваются въ одинъ пучокъ, который по праздникамъ украшается пе-

Digitized by Google

стрыми лентами, а сквозь этотъ пучокъ прокалываются наискось двѣ длинныя роговыя булавки, къ концамъ которыхъ тонкой проволокой прикрѣпляются искусственные цвѣты или насѣкомыя. У взрослыхъ дѣвушекъ это замѣняется длинной японской булавкой изъ желтой черепахи съ большимъ краснымъ коралловымъ шарикомъ на концѣ; въ волоса ввязываются красныя или голубыя шелковыя, а иногда и бумажныя ленты. Японки ходятъ съ непокрытой головой. Изъ косметикъ употребляютъ свинцовый порошокъ или муку изъ сѣмянъ „mirabilis jalapa". Онѣ натираютъ лицо и шею до бѣлизны американскихъ метисовъ и только на затылкѣ оставляютъ маленькій треугольникъ. Губы красятъ дикимъ шафраномъ, піономъ и больше въ цвѣтъ киновари, а не тѣлесный. Раскрашенныя дѣвушки мало походятъ на живыхъ существъ, а больше на куколъ. До 1872 года японцы, какъ мужчины, такъ и женщины послѣ замужества, красили зубы въ черный цвѣтъ, теперь же только старухи продѣлываютъ это со своими искусственными зубами.

Какъ отзываются французы о японкахъ, можно судить по сочиненію Пьера Лоти „Madame Chrysanthème", гдѣ между прочимъ сказано: „Вы, сударыня, забавны, благодаря вашимъ ручкамъ и ножкамъ,—но въ общемъ все же вы противны и малы до смѣшного! Ваши лица напоминаютъ статуэтокъ, обезьянъ или—самъ не знаю что!.."

Потомки японцевъ и европейцевъ называются по-англійски „Eurasians". Они очень красивы и отличаются большими глазами.

Въ прежнее время рабочій классъ японцевъ не носилъ никакой одежды, а замѣнялъ ее татуировкой. Теперь же и то, и другое запрещено, хотя изрѣдка все таки встрѣчается.

Чтобы судить объ умственномъ развитии японцевъ. обратимся къ Мунцингеру, какъ лучшему авторитету. Онъ говоритъ: „у японца острый умъ и ловкія руки. У него хорошая память, встрѣчаются таланты, но геніи—никогда. Дѣти японцевъ способнѣе европейскихъ къ ученію. По характеру японецъ очень скрытный: всѣ свои чувства онъ скрываетъ подъ неизмѣннымъ равнодушіемъ. Онъ ненавидитъ чужеземцевъ, хотя въ обращеніи съ ними очень вѣжливъ и ласковъ.

Японцы честны. Воруютъ рѣдко, но у чужестранцевъ берутъ въ займы очень охотно и рѣдко возвращаютъ; скряжничество они презираютъ. Честолюбіе у нихъ на первомъ планѣ. Съ давнихъ временъ они, вслѣдствіе своей изолированности, страдаютъ маніей величія. Японецъ жестокосердъ: онъ никогда не встанетъ, какъ бы ни было трудно дженерикшѣ (извощику) подниматься въ гору.

Патріотизмъ заглушаетъ всѣ остальныя чувства: ничто не воспрещается для пользы отечества. Фанатизмъ легко овладѣваетъ японцемъ. Главная добродѣтель японца—вѣжливость, которая считается выше всякой нравственности. Кто хорошо кланяется и почтителенъ въ рѣчахъ, тотъ и считается добрымъ человѣкомъ.

Когда я обучался въ Тошкванѣ, мнѣ бросилось въ глаза, что всѣ молодые люди носили золотыя очки, причемъ книгу держали у самыхъ глазъ. Я думалъ, что они близоруки, и полюбопытствовалъ узнать, какія у нихъ очки. Золото оказалось желтой мѣдью, а стеклышки—обыкновенное оконное стекло.

Образъ мыслей японцевъ выражается въ ихъ суевѣрныхъ взглядахъ и народныхъ пословицахъ.

Въ Китаѣ вѣрятъ, что лисицы принимаютъ образъ человѣка, роютъ могилы и кладутъ головы на мертвецовъ. Тѣ же лисицы могутъ обращаться и въ красивыхъ дѣвушекъ. Въ Японіи лисицы также считаются колдуньями, кошки—тоже. У послѣднихъ вся волшебная сила заключается въ хвостѣ, почему японцы

Digitized by Google

держатъ у себя только короткохвостыхъ кошекъ. Разсказываютъ, что въ 1889 г. одна лисица обратилась въ желѣзнодорожный поѣздъ и мчалась передъ настоящимъ. Въ истеричныхъ припадкахъ женщинъ также принимаетъ участіе лиса.

Пословицъ у японцевъ очень много; нѣкоторыя изъ нихъ заимствованы у китайцевъ. Вотъ нѣсколько изъ записанныхъ Кноблохомъ: „Неумѣнье много говоритъ". „Открытыя губы—холодные зубы". „Уродливой женщины и зеркало боится". „Жизнь—свѣчка на вѣтру". „Случается и обезьянѣ падать съ дерева". „Проповѣдь по слушателю". „Отпавшій цвѣтокъ не прикрѣпишь къ вѣткѣ". „И у дьявола бываютъ иногда слезы на глазахъ". „Если отдыхать, то только въ тѣни большихъ деревьевъ". „Семь разъ падай, а восемь разъ вставай". „Даже ко злу привыкаешь: черезъ три года и оно становится потребностью". „Иглу завернуть въ вату (скрыть дурное намѣреніе)". „Послушаешь—рай, а поглядишь—адъ". „Бѣдному не хватаетъ времени".

Остается еще сказать нѣсколько словъ о прежнихъ жителяхъ Японіи—айну. Они не принадлежатъ къ монгольской расѣ, а къ сѣвероазіатской или гиперборeской. Названіе айну значитъ „стрѣлокъ изъ лука" и не имѣетъ ничего общаго съ японскимъ именемъ „inu" (руки). Ближайшіе ихъ родственники суть жители Камчатки. Японцы постепенно отнимали ихъ земли и овладѣвали ими самими съ большою жестокостью. Они не называли ихъ айну, а „эмиши"—варвары. Родоначальникомъ этого племени былъ Окикуруми; жену его звали Туреле, а сына—Вариункуру. Онъ жилъ сначала на сѣверѣ, въ Пиратору, затѣмъ переселился въ Японію, откуда прогналъ коропокгурцевъ, жившихъ въ рудникахъ.

По словамъ Батчелори, миссіонера, жившаго много лѣтъ въ Горабетцу, на островѣ Іессо еще и теперь находится около 16,000 айну. Они выше и коренастѣе японцевъ, обросли густыми волосами и бородой. Характерные признаки этой расы: темно-каріе глаза безъ выраженія, выдающіяся скулы и лицевой уголъ въ 70°. Селенія Айну расположены больше по берегамъ рѣкъ и морей, такъ какъ большинство ихъ занимается рыбною ловлею. Доступнѣе всего деревни Горабецо и Шираои, къ сѣверо-востоку отъ Морано. Отъ Томакомаи не болѣе 52 километровъ до Пиратора, самаго большого селенія айну, гдѣ живетъ до 50 семействъ. Ихъ соломенныя хижины расположены по одной сторонѣ единственной улицы, а по другой—находятся ихъ амбары, построенные на четырехъ столбахъ. Всѣ селенія айну такого же устройства.

Плечевая кость и голень у айну подобны костямъ, найденнымъ въ европейскихъ пещерахъ. Женщины татуируютъ верхнюю губу. Племя это очень нечистоплотно: они никогда не купаются.

Религія айну первобытная: солнце, вѣтеръ и медвѣдь играютъ въ ней большую роль. Языкъ по своей конструкціи сходенъ съ японскимъ. Айну и японцы ненавидятъ другъ друга. Только теперь айну начинаютъ употреблять японскій матеріалъ для одежды, раньше же одѣвались въ рогожи изъ горнаго вяза (Ulmus montana), изъ котораго женщины ткали жесткую матерію. Носятъ они длинное платье съ такими же рукавами, перетянутое въ таліи кушакомъ. Зимою употребляютъ мѣховую одежду. Женщины украшаютъ себя серьгами и браслетами. Вся работа лежитъ на женщинѣ, а мужчины предаются пьянству.

Хижины айну устраиваются безъ камина. Кухонную утварь они покупаютъ у японцевъ; столовъ и стульевъ не употребляютъ. Пищу ихъ составляютъ: рыба, рѣпа, бобы, тыква и просо. Въ прежнее время они управлялись старѣйшинами; они

Digitized by Google

не знали смертной казни, а наказывали палками; у убійцъ же отрѣзали носъ и уши. Медвѣдь у нихъ считается божествомъ. Они его воспитываютъ, пока онъ молодъ и забавенъ, а когда онъ становится постарше и ворчливѣе, убиваютъ и употребляютъ въ пищу.

Айну очень невѣжественны. Храмовъ нѣтъ. Религія состоитъ въ обожаніи природы. Небо и адъ находятся подъ землею; млечный путь— это рѣки боговъ, а громъ—ихъ голосъ. Божества ихъ называются „камои"; богъ огня—„абекамой". Въ болѣзни они обращаются къ нему съ такою молитвою: „О, богъ огня, милостиво смотри на меня". Предъ ѣдой благодарятъ боговъ. Старшій въ родѣ исполняетъ роль жреца.

Вскипѣло вновь море грозою.
Шумитъ его горный потокъ.
И мчится волна за волною
На дальній, туманный востокъ.
Несутся валы-великаны,
Какъ рѣзвые кони степные.
Размоютъ далекія страны
Ихъ смѣлыя волны живыя...
Предъ ними и вопли, и стоны,
Ихъ воленъ подъ солнцемъ удѣлъ,
Ихъ воля не знаетъ препоны,
Ихъ силѣ невѣдомъ предѣлъ!..
Кипятъ и вздымаются волны,
И мчатся, и въ быстромъ бѣгу,
Поютъ онѣ, местію полны,
Заранѣе тризну врагу.

А. Мартаковъ.

Digitized by Google

Кошмаръ.

(этюдъ).

Николая Васильева.

Петръ Алексѣевичъ пилъ много и долго. Онъ промоталъ и свои собственныя, и чужія деньги, осрамилъ себя въ глазахъ и знакомыхъ, и родственниковъ. Сегодня утромъ, послѣ трехдневнаго пьянства по разнымъ злачнымъ мѣстамъ, онъ воротился домой безъ гроша денегъ въ карманѣ, съ больной головой и съ чувствомъ глубокаго презрѣнія къ самому себѣ. Его комнатка, всегда такая уютная, показалась ему и не уютной, и холодной, и постылой. Переступая порогъ своего убогаго угла, онъ чувствовалъ, что онъ здѣсь уже больше не хозяинъ, а совсѣмъ чужой человѣкъ, какой-то бездомный бродяга, которому, хотя и даютъ изъ жалости временный пріютъ, но къ которому относятся недоброжелательно и могутъ, по первому пришедшему въ голову подозрѣнію, вытолкать вонъ. На цыпочкахъ вошедши въ свою комнату и тихо затворивъ за собою дверь, чтобы его прихода не слыхала хозяйка, онъ робко, опасаясь даже кашлянуть и вообще произвести какой бы то ни было шумъ, опустился на постель. Казалось, стѣны, столъ, книги, однимъ словомъ, всѣ-всѣ предметы, какіе только бросались ему теперь въ глаза, какъ-бы были недовольны имъ и безмолвно упрекали его въ чемъ-то. Ему было и стыдно, и больно, и невыносимо тяжело. Онъ легъ на кровать и спряталъ лицо въ подушку. Дневной свѣтъ рѣзалъ ему глаза, а прохлада воздуха, даже комнатнаго, непріятно щекотала его разгоряченное лицо. Онъ жаждалъ покоя, онъ хотѣлъ-бы забыться, но разстроенные нервы не давали возможности заснуть. Его мучила безсонница, трясла лихорадка, его бросало то въ ознобъ, то въ жаръ; все тѣло ломило, голова была сжата, точно металлическими обручами. Онъ принималъ всевозможныя положенія: переворачивался съ боку на бокъ, ложился и на спину, и грудью внизъ, то обнималъ руками подушку, то складывалъ ихъ на груди, то вытягивался, то поджималъ подъ себя ноги; но все ему было и неловко, и неудобно, а желанный сонъ не приходилъ; мозгъ-же продолжалъ работать, работать усиленно, хотя несвязно и отрывочно.

Три дня Петръ Алексѣевичъ пилъ, но почти ничего не ѣлъ, желудокъ

Digitized by Google

требовалъ пищи, а между тѣмъ ѣсть нечего! Его положеніе было и смѣшно, и печально. У него не было ни чая, ни сахару, ни одной корки черного хлѣба, а получки денегъ придется ждать еще очень долго, хозяйка же требуетъ платы и грозится погнать съ квартиры черезъ полицію. Достать денегъ негдѣ, занять не у кого; всѣ его презираютъ, всѣ сторонятся отъ него, какъ отъ человѣка, способнаго на всѣ гадости, человѣка безъ всякой будущности, погибшаго... И безъотчетная досада овладѣвала Петромъ Алексѣевичемъ. Онъ съ нервной дрожью во всемъ тѣлѣ привскакивалъ на постели, стискивалъ до боли зубы, сжималъ кулаки, кому-то грозился, но черезъ минуту снова безсильно опускался на подушку съ чувствомъ полнаго отчаянія и безнадежности.

Да, онъ все потерялъ, онъ рѣшительно погибъ, и для него не можетъ быть никакого исхода... Никакого!...

И Петру Алексѣевичу становилось страшно, его охватывалъ какой-то невольный и необъяснимый ужасъ. Онъ чувствовалъ и вполнѣ сознавалъ, что такъ жить, какъ онъ жилъ и живетъ, невозможно, что онъ стоитъ на краю пропасти, что, наконецъ, переживаемые имъ теперь часы, безъ сомнѣнія, послѣдніе часы его жизни, что вотъ-вотъ еще одинъ шагъ, еще одинъ, два, три, нѣсколько моментовъ... и—онъ перейдетъ ту границу, за которой нѣтъ уже сознанія, а царствуетъ какое-то *нѣчто*, необъяснимое и не доступное пониманію. Онъ закрылъ глаза и старался объяснить себѣ, что-же такое это *нѣчто*, но умъ его не давалъ отвѣта; отъ напряженія мысли спутались, и ему показалось, что онъ сходитъ съума... Страхъ его увеличился, кровь хлынула къ головѣ; сердцебіеніе то усиливалось, то почти прекращалось, дыханіе задерживалось, словно на грудь легло что-то тяжелое и давило ее всею своею тяжестью. Онъ открылъ глаза и замеръ отъ ужаса. Блѣдное, страшно блѣдное лицо съ синими, холодными и въ упоръ смотрящими на него глазами наклонялось къ нему... Вотъ дунуло на него какъ-бы пронизывающимъ холодомъ ранняго морознаго утра!... Онъ силился что-то закричать, звать на помощь, но языкъ его не слушался и прилипъ къ гортани. Онъ хотѣлъ подняться, оттолкнуть это ужасное лицо, защищаться, но всѣ члены его тѣла онѣмѣли... Онъ судорожно заметался на постели и вдругъ издалъ какой-то дикій крикъ.

Послѣ двухъ — трехъ минутъ мучительнаго кошмара ему, наконецъ, удалось поднять голову съ подушки и сѣсть на постели. Съ какимъ облегченіемъ вздохнулъ онъ въ себя воздухъ! Страшное лицо исчезло, но сердце продолжало еще волноваться, въ ушахъ стоялъ шумъ, и чудилось Петру Алексѣевичу, что вокругъ него, со всѣхъ сторонъ, шепчутся какія-то загадочныя, невидимыя существа. Чтобы освѣжиться отъ этого тяжелаго, кошмарнаго настроенія, онъ всталъ съ постели и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Передъ его умственными очами пробѣгали картины за картинами, передъ нимъ длинной вереницей событій мчалась вся его жизнь во всѣхъ ея болѣе характерныхъ моментахъ. Какъ мало отраднаго! Ничего отраднаго... Начиная съ дѣтства и кончая настоящимъ днемъ... Кто-же виноватъ? Кто?

— Ну, конечно,—не безъ раздраженія старался оправдать себя Петръ Алексѣевичъ, — подлое воспитаніе, наше русское безалаберное воспитаніе, наша расшатанная во всѣхъ своихъ нравственныхъ основаніяхъ семья, наконецъ, среда, дурная обстановка жизни, случайно воспринятыя изъ окружающаго общества и незамѣтно для самого себя развившіяся тлетворныя привычки... Вотъ причина, губящая человѣка!

— Ну, а самъ-то? Развѣ самъ онъ не виноватъ?.. Ну, хотя-бы отча-

Digitized by Google

сти?—невольно задалъ онъ себѣ вопросъ.

Болѣе пятнадцати лѣтъ онъ сознаетъ и понимаетъ свои недостатки и что-же онъ сдѣлалъ для ихъ искорененія, какъ онъ боролся съ своими пагубными привычками? Наконецъ, вообще-то что онъ сдѣлалъ? Ничего, ровно ничего!... А, кажется, времени было-бы достаточно, ну, если не для *дѣла*, то, по крайней мѣрѣ, для хорошей подготовки къ практической дѣятельности.

— Тьфу! — почти крикнулъ Петръ Алексѣевичъ.

И ему показалось, что онъ ни на что не способенъ, что онъ ничего не знаетъ, положительно ничего, что онъ не имѣетъ самыхъ элементарныхъ познаній...

— Да вѣдь это чертъ знаетъ что!— прошепталъ онъ, хватаясь руками за голову и быстро и нервно шагая взадъ и впередъ по комнатѣ.

Зачѣмъ онъ жилъ? Къ чему онъ жилъ?... Позади тридцать лѣтъ жизни... Тридцать лѣтъ! А результатъ всего этого прошлаго—нуль, одинъ абсолютный нуль! Нѣтъ, самъ, самъ онъ во всемъ виноватъ, и никто больше... Нѣтъ и не можетъ быть оправданій!... Онъ—тряпка, жалкій человѣкъ!...

— Да неужели-же это правда, горькая правда?—ероша волосы и съ мучительной болью на сердцѣ думалъ Петръ Алексѣевичъ.

Онъ всегда искалъ чего-то хорошаго. онъ всегда жаждалъ всѣми фибрами своей души быть человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ хотѣлъ быть полезнымъ обществу, родинѣ... Мало того, всему человѣчеству!... Но кто-же этому повѣритъ, кромѣ его самого?

И Петръ Алексѣевичъ издалъ какой-то странный звукъ, похожій не столько на хохотъ, сколько на стонъ.

— Да и самъ-то вѣритъ-ли онъ этому? - мелькнула въ его головѣ мучительная мысль. — Не ложь-ли это передъ самимъ собою, не обманъ-ли это собственной совѣсти?...

— Иллюзія!... Плѣнной мысли раздраженье!—тихо и съ грустью сказалъ онъ, останавливаясь передъ окнами,

Смеркалось. На улицахъ зажигались фонари. Мелкія капли ненастнаго осенняго дождя съ едва слышнымъ монотоннымъ шумомъ опускались на стекла и стекали съ нихъ множествомъ маленькихъ ручейковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — вдругъ съ воодушевленіемъ воскликнулъ Петръ Алексѣевичъ.—Клянусь всѣмъ святымъ на свѣтѣ, въ чемъ другомъ, но въ этомъ отношеніи я никогда не лицемѣрилъ передъ своей совѣстью!...

И онъ вновь крупными шагами заходилъ по комнатѣ.

И дѣйствительно, это несомнѣнная правда: онъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія упрекать себя въ такомъ лицемѣріи, потому-что стремленія *поработать для общаго блага* были въ немъ почти врожденныя; онъ помнитъ ихъ въ себѣ съ ранней юности, наконецъ, они—просто потребность его души! Ему даже кажется, что если-бы этихъ стремленій у него не было, жизнь его не имѣла-бы никакого смысла, никакой цѣны... для него, конечно!... Да и чѣмъ-же онъ былъ-бы безъ этихъ святыхъ порывовъ? Пустопорожнимъ сосудомъ, непроизводительно занимающимъ мѣсто!...

И опять тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Петра Алексѣевича.

— Что бы тамъ не говорили, а онъ все таки скажетъ, что въ своей душѣ онъ постоянно лелѣялъ надежду когда-нибудь отрѣшиться отъ своихъ недостатковъ и возродиться для новой, *хорошей* жизни! Ему все мечтается. что вотъ-вотъ... и онъ совершитъ что-то такое... ну, особенное... большое... очень... очень полезное! А между тѣмъ... „суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано"!... Да, одни только порывы, однѣ мечты!... Мечты, которыя, при первомъ-же столкновеніи съ дѣйствительностію, разсыпаются

Digitized by Google

прахомъ!... Что-же это такое? Не состоятельность-ли порывовъ, или несостоятельность того субъекта, которому порывы эти даны?

Уставшій отъ продолжительнаго возбужденія мозгъ его напрягался, но оказывался безсильнымъ разрѣшить этотъ сложный вопросъ. Въ его головѣ плавали какіе-то несвязные обрывки не то какой-то невыяснившейся мысли, не то просто какія-то слова.

И Петръ Алексѣевичъ снова легъ на постель. Черезъ двѣ-три минуты онъ задремалъ.

. . . .

Тихое, скромное кладбище,—кладбище того губернскаго города, въ которомъ онъ провелъ свое дѣтство и дни ранней юности и въ которомъ похоронилъ свою первую, чистую любовь.....

Теплая, свѣтлая майская ночь охватила его своимъ ароматнымъ дыханіемъ. Красное полымя потухающей вечерней зари сливалось съ утренней зарей. Рѣдкія звѣздочки мигали только въ самомъ зенитѣ темносиняго неба. Издали, изъ какого-то обывательскаго сада неслись то рыдающія, то восторженныя трели соловьиной пѣсни.

Онъ былъ одинъ среди этого селенія мертвыхъ, одинъ съ своимъ горемъ, съ своей тоской.

Зачѣмъ онъ здѣсь? Какъ онъ попалъ сюда? А кто-же это знаетъ! Какъ давно онъ здѣсь не былъ! Кажется, болѣе десяти лѣтъ... Когда-то маленькія березки, разсаженныя между могилами, разрослись въ густую рощу. Какъ тихо и покойно здѣсь! Могилы, кресты, памятники и плиты... И ни одной живой души! А тамъ?...

И мысли Петра Алексѣевича перенеслись на мирно спящій теперь городъ, изъ котораго глухо доносились лишь тявканья собакъ да монотонные звуки колотушекъ ночныхъ караульщиковъ.

Тамъ кладбище мысли и всякой живой души, изнывающей подъ гнетомъ предразсудковъ и пошлости. Здѣсь—болѣе гармоніи и естественности, здѣсь права смерти, и они никогда не нарушаются, тамъ-же права жизни нарушаются ежечасно! Мертвецы мирно спятъ въ своихъ могилахъ. Правда, они пугаютъ иногда суевѣрныхъ людей, но это-же вѣдь вздоръ... Живые-же люди часто преслѣдуютъ то, что дано для жизни, что должно служить жизни! Нѣтъ, не здѣсь, гдѣ все уже кончено, а тамъ, гдѣ лицемѣрно говорятъ о братствѣ людей и живутъ по волчьи, истинный ужасъ!.., Да, господа мертвецы, вы честнѣе, правдивѣе своихъ живыхъ собратьевъ!... Впрочемъ, потому, что вы уже не живете, а слѣдовательно, не страдаете сами и не заставляете страдать другихъ, и только исключительная, неукротимая, не прощающая даже мертвымъ, злоба живого человѣка-звѣря иногда тревожитъ вашу память... Но вамъ, вѣдь, отъ этого ни тепло, ни холодно! Придетъ время,—и этотъ дышащій ненавистью звѣрь сдѣлается такимъ-же, какъ и вы, мирнымъ обывателемъ Божьей нивы....

„Здѣсь погребено тѣло"...—прочелъ Петръ Алексѣевичъ на жестяной дощечкѣ, прибитой къ большому, но ветхому и уже покривившемуся на бокъ, кресту.

Могила матери!... Матери, которую онъ такъ нѣжно любилъ ребенкомъ и которую потерялъ въ дни еще ранняго своего отрочества. Какъ давно, давно это было, но дорогой образъ ея живетъ въ его памяти! Она любила его больше всѣхъ своихъ дѣтей. Бѣдная! Говорятъ, когда она умирала, она просила показать ей ея Петрушу, этого тщедушнаго и больного мальчика. „Онъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ".—говорятъ, прошептала она, отдавая ему свой послѣдній поцѣлуй, — „милый мой мальчикъ, мы скоро свидимся съ тобою"....

— Матушка! Дорогая моя! Зачѣмъ-же не исполнилось твое пророчество?—рыдая, упалъ Петръ Алексѣ-

Digitized by Google

вичъ лицомъ на свѣжій дернъ могилы.—Матушка! Твой сынъ пришелъ къ тебѣ!... Неужели-же ты отвергнешь его!... Онъ униженъ, загаженъ, оскорбленъ, отвергнутъ... Но ты, матушка, ты, которая одна только любила его, неужели-же ты отвернешься отъ него?....

— Петруша! — послышался изъ глубины могилы глухой, но когда-то знакомый ему голосъ.—Слышу!

— Что такое? — тревожно спросилъ самъ себя Петръ Алексѣевичъ, отскакивая отъ могилы.

— Иду!—сказалъ тотъ-же самый голосъ уже болѣе явственно.

Могила заколебалась, заколебался и крестъ, послышался тяжелый вздохъ..... Петръ Алексѣевичъ почувствовалъ, какъ зашевелились волосы на его головѣ, всѣ члены его тѣла окаменѣли, а горло сжали судороги. Онъ проснулся и быстро поднялся на постели, трясясь какъ въ лихорадкѣ.

Въ хозяйкиной комнатѣ старинные часы глухо и зловѣще пробили три... Была глубокая, но свѣтлая ночь. Вечерняго ненастья какъ ни бывало. Въ окно врывался серебристый свѣтъ и заливалъ всю комнату, а въ полосѣ этого свѣта стояло что бѣлое....

Она!.... Пепельнаго цвѣта волосы ниспадали на ея бѣлое, воздушное, какъ-бы облачное одѣяніе; а темноголубые глаза глядѣли на него такъ нѣжно, такъ кротко.

Петръ Алексѣевичъ окаменѣлъ.

— Петруша! — сказалъ пріятный грудной голосъ его матери. — Ты звалъ меня, и вотъ я пришла. О, какъ тяжело мнѣ было это сдѣлать! Цѣлые милліарды верстъ раздѣляли насъ, но я упала предъ престоломъ Всемогущаго Бога, я просила Его хотя на одинъ мигъ возвратить меня въ міръ, въ которомъ я такъ страдала, но въ которомъ оставила своего несчастнаго сына.... „Любовь матери не имѣетъ границъ!“—сказалъ Всемогущій.—„Я понимаю тебя, женщина. Иди и возвратись съ своимъ сыномъ“.....—Милый!....

И изъ облачнаго одѣянія отдѣлились бѣлыя, какъ мраморъ руки, которыя обвили шею Петра Алексѣевича. Онъ почувствовалъ, что его охватилъ какъ-бы прохладный весенній вѣтерокъ, что къ нему прикоснулось что-то необыкновенное легкое, воздушное, но поцѣлуи, которые покрывали его щеки и губы, казались ему жгучими, какъ раскаленная сталь.

— Когда ты страдалъ и мучился, я также страдала и мучилась,—говорилъ ему нѣжный голосъ,—да, ты не жилецъ на этомъ свѣтѣ! Свѣтъ этотъ требуетъ не слабыхъ, а сильныхъ душъ. Ему, погрязшему во злѣ, нужны борцы, которые освѣщали-бы тотъ мракъ, въ которомъ онъ тонетъ вотъ уже цѣлыя тысячелѣтія и не находитъ никакого исхода. Тебѣ ли разсѣять этотъ мракъ, тебѣ-ли сказать людямъ новое слово? Ты немощенъ и нищъ, ты, мягкій, какъ воскъ, хотя и не пойдешь по стезѣ измѣны и человѣконенавистничества, но ты обреченъ на погибель, потому-что ты ничтоженъ.... Зачѣмъ-же тебѣ жить? Неужели-же только для того, чтобы мучить себя и мѣшать другимъ людямъ дѣлать свое дѣло? Идемъ! Пора кончить.... Воля Всемогущаго должна быть исполнена!

Одинъ мигъ,—и они уже неслись по воздушному океану. Широкой равниной распростерлась подъ ними земля съ ея городами, селеніями, лѣсами и горами. Наконецъ, они достигли такихъ высотъ, когда на черномъ небосклонѣ ослѣпительно-ярко засверкало солнце, а тамъ далеко-далеко внизу блѣдно мерцалъ громадный дискъ земли, на которомъ, какъ на географической картѣ, обрисовалось цѣлое полушаріе съ его материками и океанами. А вонъ тамъ, на сѣверѣ, примыкая къ льдамъ, горящимъ разноцвѣтной радугой, раскинулась длинной и широкой полосой та страна, которую называетъ она своей родиной.

Безпредѣльна—несчастная, но и беззавѣтно-любимая!

Не ей-ли онъ клялся въ своихъ юныхъ горячихъ мечтахъ въ той сильной и самоотверженной любви, въ которой отказывалъ даже страстно-любимой женщинѣ? Не ей-ли онъ думалъ посвятить всѣ свои силы, всѣ свои способности? А теперь.... онъ бѣжитъ отъ нея, какъ подлый трусъ! Онъ оставляетъ ее въ ту трудную годину, когда для нея цѣнна каждая, хотя и слабая, но благородная сила, каждое достойно-исполненное сердце, каждый честномыслящій умъ, каждая вѣрная и непродажная душа! О, какой-же онъ пустой болтунъ, вмѣсто десерта лакомящійся красивыми и хорошими словами, а самъ погрязшій въ лѣни, эгоизмѣ и всяческихъ порокахъ! Кисельная душа, растаявшая, лишь только попала въ болѣе теплое мѣсто! Вотъ онъ—тотъ конечный позоръ, до котораго довела его безумно-нелѣпая, пьяная и лѣнивая жизнь жалкаго нейрастеника и алкоголика! Онъ лишь мечталъ и говорилъ! Праздныя мечты и праздныя слова, а въ результатѣ—безцѣльное существованіе, втаптываніе въ грязь своихъ-же идеаловъ и черная неблагодарность... Но нѣтъ-же!... Онъ еще не настолько слабъ и низокъ... Онъ способенъ еще возродиться не только въ мечтахъ, но и на дѣлѣ... Онъ не хочетъ быть неблагодарнымъ передъ родиной, которая и вскормила, и воспитала его! Неблагодарность не преступленіе, но хуже преступленія!... Онъ не останется у ней въ долгу, онъ не промѣняетъ жизни, полной бурь, движенія, борьбы, страданія.... Да, непремѣнно страданія!... Не промѣняетъ на какое-то личное блаженство въ какомъ-то надоблачномъ, неизвѣстномъ ему мірѣ! Нѣтъ, никогда, ни за что!...

— Пусти!—закричалъ Петръ Алексѣевичъ, вырывая свою руку изъ руки матери.

— Безумецъ! Что ты? Куда? Неужели тебя опять соблазняетъ та жизнь, которая—одно только сплошное горе?...

— Пускай горе, но въ этомъ горѣ живутъ милліоны людей, для которыхъ и мой слабый трудъ, можетъ-быть, будетъ полезенъ... Я хочу жить, страдать, я хочу работать, я хочу трудомъ и страданіями искупить свои вольныя и невольныя ошибки и умереть не такъ позорно, какъ теперь, а на полѣ битвы съ жизнію! Слышишь-ли, мать моя! Пусти, земля зоветъ меня... Я слышу ея голосъ, онъ говоритъ мнѣ изъ глубины моего сердца... Ты дорога мнѣ, но ты—призракъ, мечта, отблескъ моей неугасшей еще памяти, она-же реальна и существуетъ, и она еще болѣе дорогая для меня мать, чѣмъ ты!

— Бѣдное дитя мое, чего ты хочешь, ты самъ не знаешь... Я не отдамъ тебя землѣ.... Я ревнива, какъ можетъ быть ревнива любящая мать, а любящая мать ревнивѣе всякой любящей женщины.... Я знаю, что если ты возвратишься на землю, то снова будешь страдать, а я этого не хочу! Я хочу, чтобы ты успокоился.... Я исцѣлю твою тревожную душу, я спасу тебя отъ твоихъ сомнѣній, я навѣю на тебя радужные сны, я вложу въ твой больной мозгъ золотыя грезы, я введу тебя въ такое царство, гдѣ одно только счастіе и блаженство!....

— Не мучь меня! Моя совѣсть шепчетъ мнѣ: „подлецъ"!—съ отчаяніемъ воскликнулъ Петръ Алексѣевичъ.

Но тѣнь еще крѣпче сжала его руку. — Несчастный! — гремѣлъ ея стальной голосъ.—Ты рвешься туда, гдѣ не встрѣчалъ ни искренней дружбы, ни искренной любви, гдѣ самые святѣйшіе твои порывы обливались холодомъ недовѣрія!... Нѣтъ, напрасны твои безумныя просьбы! Я не пущу тебя обратно въ этотъ омутъ, не пущу уже изъ одной только любви къ тебѣ!... Скажи, не я-ли одна только любила тебя? Скажи, не мои-ли ласки были для

Digitized by Google

тебя первыми и послѣдними?... Да, вѣдь я и не могла не любить тебя!... Вѣдь я выносила тебя подъ своимъ сердцемъ, я питала тебя своей плотью и кровью, я родила тебя въ ужасныхъ мукахъ... Я мучилась и не роптала... Можетъ-ли понять эти муки мужчина, который срываетъ только наслажденія, но не расплачивается такой дорогой цѣной, какъ женщина?... Когда ты родился, то не былъ для меня живымъ кускомъ мяса, можетъ-быть, отвратительнымъ для постороннихъ, но не для твоей матери... Я не питала и не могла питать къ тебѣ чувства гадливости... Мнѣ не рѣзалъ ухо, непріятный для другихъ, твой ребячій неугомонный крикъ.... Я проводила безсонные часы ночи, надъ твоей колыбелью, я чувствовала твое дыханіе, слѣдила за каждымъ твоимъ движеніемъ, потому-что безпредѣльно любила тебя, потому-что ты былъ моимъ ребенкомъ, частью моего тѣла, частью моей души!... Хотя во вниманіе къ этой любви моей, хотя во вниманіе къ тѣмъ мукамъ, которыя перенесла я, умоляю, послушайся меня!....

Глаза ея блестѣли, лицо было полно энергіи и страсти. Она была прекрасна въ своемъ воодушевленіи.

Смущенный Петръ Алексѣевичъ молчалъ, но острая боль сжимала его сердце.

— Мать моя!—наконецъ, глубоко скорбнымъ голосомъ сказалъ онъ.— Не смущай меня, не терзай моей души... Ничьи еще слова такъ не тревожили моей совѣсти!...

— Оглянись кругомъ, посмотри, гдѣ мы,—продолжала тѣнь,—и найди среди этихъ милліардовъ звѣздъ свою ничтожную землю.....

Петръ Алексѣевичъ оглянулся и пришелъ въ ужасъ. Въ пылу бесѣды онъ и не замѣтилъ, что распростертая подъ ними земля давно уже изчезла, изчезъ и ослѣпительный солнечный шаръ, постепенно обратившійся въ едва замѣтную звѣздочку, теперь также затерявшуюся въ милліардахъ свѣтилъ. Они были гдѣ-то тамъ, что умъ человѣческій не въ состояніи опредѣлить; гдѣ-то тамъ, гдѣ не было ни верха, ни низа, ни боковъ, ни начала, ни конца, а было какое-то темное, холодное пространство съ мерцающими со всѣхъ сторонъ безчисленными звѣздами. Вокругъ была лишь безпредѣльность и вѣчность, страшная своимъ подавляющимъ величіемъ.

— Не знаю!—съ дрожью въ голосѣ отвѣтилъ Петръ Алексѣевичъ.— Не знаю! Зачѣмъ и куда привела ты меня?

— Здѣсь холодно и мрачно, хотя и безгранично—велико. Здѣсь нѣтъ точки опоры, здѣсь какое-то безразличіе; здѣсь я чувствую себя болѣе слабымъ и ничтожнымъ, чѣмъ въ мірѣ, въ которомъ борются человѣческія страсти... Неужели это то царство счастія и блаженства, въ которое ты звала меня?

— Та тѣлесная оболочка, которую ты еще не сбросилъ съ себя, скрываетъ отъ твоихъ взоровъ это блаженное царство. Но слѣдуй за мной и ты просвѣтлѣешь. Я введу тебя въ такія отвлеченныя сферы, гдѣ ты не будешь страшиться этой безграничности, потому что передъ тобой откроются такія тайны, ты получишь такія знанія, до которыхъ живущее на землѣ человѣчество не достигнетъ даже наканунѣ гибели земного шара. Твоя мысль будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и исполненіемъ твоихъ желаній, и всякое пространство, какъ бы велико оно не было, будетъ для тебя ничтожнымъ... Ты будешь жить внѣ времени и пространства, будешь неизмѣненъ и вѣченъ, будешь абсолютно спокоенъ, абсолютно доволенъ, и въ этомъ будетъ заключаться твое блаженство и счастіе!

— Мать моя! Прости меня, но во мнѣ, можетъ быть, говоритъ та тѣлесная оболочка, которую ты такъ клянешь... Все сказанное тобою мало доступно моему мозгу и еще менѣе понятно моему сердцу... Зачѣмъ мнѣ

Digitized by Google

всѣ эти знанія, когда я не могу примѣнить ихъ? Зачѣмъ мнѣ это спокойствіе, обрекающее меня на вѣчное бездѣйствіе? Мой бѣдный умъ страшится тѣхъ тайнъ, открытіе которыхъ сулишь ты мнѣ, мое сердце не можетъ вынести того холоднаго безразличія, которое будто бы сдѣлаетъ меня счастливымъ, я не могу любить это все... все, которому нѣтъ ни начала, ни конца!.. Пока еще жизнь не угасла въ моемъ сердцѣ, я могу любить только то, что носитъ опредѣленный образъ, что можно видѣть, слышать, осязать, что имѣетъ со мною нѣчто общее и родственное... Любовь внѣ жизни! Счастіе въ личномъ довольствѣ и праздномъ созерцаніи! Нѣтъ, не надо мнѣ ни такого счастія, ни такого довольства! Отпусти меня!

— Ступай!—сказала тѣнь холоднымъ, стальнымъ голосомъ, выпуская изъ своей руки его руку.

Петръ Алексѣевичъ почувствовалъ, какъ его охватилъ страшный холодъ, какъ коченѣли члены его тѣла, какъ что-то сдавило его грудь и задерживало дыханіе. Онъ былъ безпомощенъ въ этой безконечной, мрачной пустынѣ, онъ не зналъ, гдѣ, въ какой сторонѣ, въ какой группѣ этихъ милліардовъ мерцающихъ свѣтилъ затерялась его маленькая родная земля.

— Всемогущій Боже!—съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ.—Возврати меня въ тотъ міръ, въ которомъ я такъ позорно жилъ и такъ много страдалъ, но который я люблю беззавѣтно! Ты—вѣчная Любовь и вѣчная Правда! Ты исполнишь мое желаніе! Не въ этихъ холодныхъ и великихъ пространствахъ, а только тамъ, на землѣ, среди страдающихъ, мятущихся и борющихся людей, я могу служить Тебѣ и творить волю Твою!

— Да будетъ!—пророкоталъ безстрастный голосъ, спокойный, увѣренный, не допускающій мысли, что не исполнится Его властное слово.

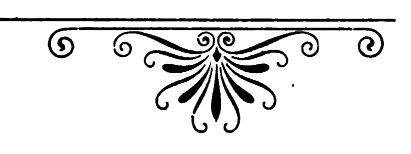
И видѣлъ Петръ Александровичъ, какъ исказилось свѣтлое и прекрасное лицо его матери, и двѣ крупныхъ, горящихъ, какъ брилліанты, слезинки выкатились изъ ея темноголубыхъ глазъ. Сердце его сжалось отъ боли, и онъ протянулъ къ ней руки, но его уже несла съ сверхъестественной быстротой какая-то вырвавшаяся изъ нѣдръ вселенной волна...

Въ головѣ его все смутилось, образовался какой-то безформенный хаосъ, а въ глазахъ завертѣлись разноцвѣтные круги.

. . . .

Петръ Алексѣевичъ проснулся, но не сразу могъ открыть свои глаза, ослѣпляемые какимъ-то яркимъ, рѣжущимъ свѣтомъ. Снопъ солнечныхъ лучей, весело врывавшихся въ окно, падалъ прямо ему въ лицо, какъ бы призывая его къ жизни и бодрости.

Николай Васильевъ.

Digitized by Google

Хименесъ.

Историческій романъ ЖАНА БЕРТЕРОЙ.

(Продолженіе).

Глава XII.

Присутствіе архіепископа въ Толедо было дѣйствительно крайне необходимо. Зная, что Хименесъ занятъ въ настоящее время дѣлами двора въ Мединѣ, толедское духовенство поспѣшило окончательно сбросить послѣдніе признаки дисциплины и стало открыто посѣщать ночныя собранія разныхъ тайныхъ обществъ, по мнѣнію однихъ—еретическихъ, по мнѣнію другихъ—занимающихся колдовствомъ, а по мнѣнію третьихъ, просто—всякаго рода развратомъ и отвратительными оргіями. Мало того, каждый изъ этихъ каноников держалъ при себѣ нѣсколькихъ женщинъ; большинство ихъ старалось отдѣлаться подъ разными предлогами отъ обязанности служить мессу, и всѣ безъ исключенія вели постыдную торговлю Святыми Дарами и требамы, грубо отказывая бѣдному населенію, которое не въ состояніи было платить имъ достаточно щедро.

На другой день по прибытіи въ Толедо Хименесъ собралъ у себя всѣхъ каноников своей епархіи и обратился къ нимъ съ рѣчью о томъ, что духовенство должно стоять на высотѣ своего призванія и подавать своею жизнью примѣръ паствѣ. Тѣхъ изъ каноников, которые уклонялись отъ своихъ обѣтовъ, онъ надѣялся вразумить кротостью, а если бы и это не помогло, грозилъ прибѣгнуть къ строжайшимъ мѣрамъ, хотя это и противно его характеру.

Окончивъ рѣчь, онъ окинулъ испытующимъ взглядомъ все собраніе- не смотря на почтительное молчаніе, въ воздухѣ царило что то враж; дебное: видимо, слова его не тронули ни одного изъ его слушателей, и всѣ они скрывали только одно озлобленіе въ своихъ сердцахъ.

— Чтобы избавить васъ отъ нареканія и приблизить образъ жизни каноников къ правиламъ святого Августина, которыхъ всегда придерживалось духовенство Толедской епархіи,—началъ снова Хименесъ—я желаю, чтобы вы снова соединились въ общежитіи вмѣсто того, чтобъ жить разбросанно по всѣмъ

приходамъ, какъ разбредшіяся овцы, не имѣющія пастыря. Тѣмъ, кто на очереди служитъ въ храмѣ, приличествуетъ оставаться безотлучно тамъ, чтобы внѣшній міръ не отвлекалъ ихъ отъ святого дѣла. Я уже озаботился приготовить помѣщенія для очередныхъ каноников при храмѣ и самъ убѣдился, что въ этомъ помѣщеніи вы, возлюбленные братья, найдете все для васъ необходимое и приличествующее вашему званію.

Затѣмъ архіепископъ всталъ и, преподавъ благословеніе, распустилъ собраніе.

Въ тотъ же вечеръ всѣ каноники собрались на тайное совѣщаніе. Невозмутимое и полное достоинства спокойствіе архіепископа еще болѣе озлобило противъ него этихъ людей, въ которыхъ клокотали буйныя страсти. На этомъ собраніи 30 канониковъ толедской епархіи было рѣшено, что Альборносъ, самый краснорѣчивый и предпріимчивый изъ нихъ, немедленно отправится въ Римъ, къ новому папѣ, Юлію II съ жалобой на чрезмѣрныя строгости и притѣсненія со стороны архіепископа, кардинала Сизнеросъ. Каково будетъ торжество духовенства епархіи, если Альборносъ возвратится съ выговоромъ и порицаніемъ со стороны папы образа дѣйствій архіепископа!

Но, увы!—эти люди не знали, какіе зоркіе глаза слѣдили за ними: ихъ проектъ былъ разстроенъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ осуществиться. Хименесъ стоялъ на молитвѣ, когда Пьеръ де Леонъ поспѣшно пришелъ предупредить его о замыслѣ канониковъ. Архіепископъ, дочитавъ свои молитвы, спокойно обратился къ своему казначею, блѣдному отъ волненія и нетерпѣнія.

— Вы, кажется, сказали, что противъ меня готовится заговоръ?

— Нельзя терять ни минуты, ваше высокопреосвященство,—горячо воскликнулъ пылкій казначей, — если вы желаете предотвратить ихъ заговоръ, надо дѣйствовать немедленно. Каноникъ Альборносъ долженъ покинуть Толедо сегодня ночью.

— А вамъ извѣстно, гдѣ онъ долженъ сѣсть на корабль?

— Вѣроятно, въ Грао, такъ какъ это ближайшій портовой городъ!

— Ну, и прекрасно, идите себѣ съ Богомъ и ложитесь спать!

— Но... развѣ не будетъ отъ Вашего Высокопреосвященства никакихъ распоряженій или приказаній?—съ недоумѣніемъ спросилъ Пьеръ де Леонъ.

— Объ этомъ будетъ время подумать завтра!—возразилъ Хименесъ.

— Завтра! Но Альборносъ уже успѣетъ уѣхать отсюда!

На это архіепископъ ничего не отвѣтилъ и, раскрывъ лежавшую передъ нимъ на столѣ библію, погрузился въ чтеніе ея.

На другое утро, отслуживъ раннюю обѣдню въ соборѣ, Хименесъ призвалъ къ себѣ своего казначея и сказалъ ему:

— Отправьтесь сейчасъ въ Валенсію въ сопровожденіи двухъ королевскихъ стрѣлковъ, которымъ вручите эту бумагу!—И Хименесъ передалъ Пьеру де Леонъ приказъ арестовать Альборноса, подписанный собственноручно королевой.

— Прибывъ въ Грао,—продолжалъ Хименесъ,—вы дождетесь Альборноса, который долженъ прибыть туда нѣсколько позже васъ, такъ какъ не можетъ располагать такими лошадьми, какъ вы, но не спѣшите захватить его прежде чѣмъ онъ не взойдетъ на палубу корабля, а сопровождающіе люди его удалятся. Надо сдѣлать все это безъ шума, чтобы никто объ этомъ не зналъ. Мало того, арестовавъ его, не возвращайтесь съ нимъ въ Толедо, а отвезите въ фортъ Бенифайо, гдѣ онъ долженъ будетъ остаться впредь до новаго распоряженія.

Такимъ образомъ это дѣло было улажено, но оно являлось одиночной манифестаціей того обширнаго заговора, который готовился противъ архіепископа.

Digitized by Google

Вскорѣ, по отъѣздѣ Пьера де Леонъ, къ Хименесу явился герцогъ Инфантадо, чтобы предостеречь его противъ новыхъ интригъ. Жилль Дельфинусъ, генералъ Ордена Францисканцевъ, съ первыхъ же дней рѣшительно воспротивившійся возстановленію строгаго монашескаго устава въ своемъ орденѣ, теперь готовъ былъ перевернуть весь свѣтъ вверхъ дномъ, чтобы добиться для всѣхъ монаховъ того, что онъ называлъ „священной свободой духа". Ему удалось склонить на свою сторону герцога Альбу, а вмѣстѣ съ нимъ и большую часть высшаго дворянства. Теперь вопросъ о монастырскихъ реформахъ перевернулъ всю страну и грозилъ лишить архіепископа того вліянія и того довѣрія, какими онъ до сего времени пользовался. На замѣчаніе герцога, что дѣло можетъ дойти до Рима, архіепископъ отвѣчалъ, что давно уже заручился посланіемъ папы, уполномочивавшаго его дѣйствовать по его усмотрѣнію въ дѣлѣ упорядоченія монастырскихъ порядковъ. „Если я не упоминалъ объ этомъ полномочіи до сего времени,—сказалъ Хименесъ,—то только потому, что считалъ свою собственную власть достаточной".

Герцогъ удалился въ раздумьи; эта спокойная увѣренность, эта несомнѣнная сила „слона" положительно тревожили его. „Ужъ хорошо ли онъ сдѣлалъ, связавъ свой славный родъ Мендоза съ этимъ смѣлымъ новаторомъ"?—думалъ онъ.

Между тѣмъ Хименесъ опубликовалъ папскую грамоту, въ которой папа Юлій II назначалъ его апостольскимъ коммисаромъ и вмѣстѣ съ папскимъ нунціемъ поручалъ ему возстановленіе дисциплины и строгихъ порядковъ среди монаховъ и братствъ различныхъ орденовъ. Послѣ этого водворилась зловѣщая тишина; всѣ какъ то присмирѣли, но въ тайнѣ противъ Хименеса продолжали злоумышлять.

Въ ближайшее воскресенье архіепископъ совершалъ торжественное служеніе въ каѳедральномъ соборѣ. Монахи въ огромномъ числѣ столпились вокругъ клироса, но отца Контрера не было среди нихъ.

Когда же Хименесъ въ полномъ архіепископскомъ облаченіи въ мантіи, подбитой горнастаями, и окруженный духовенствомъ, занялъ свое мѣсто на высокомъ сѣдалищѣ, собираясь слушать проповѣдь, маленькій кругленькій отецъ Контрера вдругъ вынырнулъ на мѣсто проповѣдника и, громовымъ голосомъ превозгласивъ стихъ изъ книги Іова о гордынѣ, началъ на эту тему проповѣдь.

Онъ упомянулъ о духѣ гордыни, обуявшемъ демона, который былъ за то низвергнутъ въ огонь вѣчный, что хотѣлъ стать выше другихъ ангеловъ; потомъ сталъ доказывать, что этотъ грѣхъ—величайшій изъ всѣхъ, болѣе всякаго другого грѣха оскорбляющій величіе Бога. Гордость погубила и прародителей, пожелавшихъ стать подобными Богу. Далѣе, проповѣдникъ упомянулъ, что Богъ прощалъ людямъ всякій грѣхъ: прелюбодѣяніе, гнѣвъ, смертоубійство даже, но всегда каралъ гордость, этотъ сатанинскій грѣхъ. Наконецъ, чтобы искупить этотъ грѣхъ и посрамить всѣхъ гордыхъ сердцемъ, Христосъ родился въ вертепѣ, жилъ въ бѣдности и умеръ на крестѣ между двумя разбойниками. Но теперь настали иныя времена,—кротость и смиреніе въ загонѣ, а гордость торжествуетъ и гнѣздится въ сердцахъ верховныхъ пастырей церкви! (при этомъ проповѣдникъ указалъ рукою по направленію архіепископа), заставляетъ ихъ забывать кротость и смиреніе, видѣть соринку въ глазѣ брата и не видѣть бревна въ своемъ. „Мы видимъ одного изъ послѣдователей блаженнаго отца нашего св. Франциска, покинувшаго скромную рясу монаха для того, чтобы облечься въ пурпуръ и горнастаи, и забывшаго милосердіе, кротость и смиреніе до того, что

Digitized by Google

воздвигъ гоненіе на святой орденъ, принявшій его въ число своей братіи"!—говорилъ монахъ.

Увлекаемый чувствомъ ненависти, говорившимъ въ немъ, проповѣдникъ забылся до того, что даже монахи, одобрявшіе вначалѣ его обличительную проповѣдь, начинали теперь съ тревогой и опасеніемъ поглядывать на архіепископа, сидѣвшаго неподвижно съ лицомъ, подобнымъ изваянію изъ мрамора. Контрера вдругъ почувствовалъ, что теряетъ почву подъ ногами, и, кое какъ скомкавъ конецъ своей проповѣди, поспѣшилъ сойти съ проповѣдальни, не смѣя поднять глазъ на толпу, среди которой слышался возмущенный шепотъ, сдержанные возгласы и даже подавленныя рыданія и всхлипыванія.

Хименесъ же, вернувшись къ алтарю, продолжалъ возносить свои молитвы, и его звучный, вдохновенный голосъ, его горячая, полная вѣры молитва, разносясь подъ сводами храма, наполняла сердца людей какимъ-то мистическимъ благоговеніемъ.

Глава XIII.

Вскорѣ послѣ недостойной проповѣди Контрера, какъ бы служа дополненіемъ къ ней, по всему королевству разошелся возмутительный памфлетъ на архіепископа Толедскаго, гдѣ онъ былъ представленъ недостойнымъ интриганомъ, человѣкомъ свирѣпымъ и себялюбивымъ, весьма сомнительной нравственности, съ безмѣрнымъ честолюбіемъ, для котораго всѣ средства хороши для достиженія своей цѣли. Всѣ эти клеветы искусно сплетались съ нѣкоторыми, всѣмъ извѣстными подробностями жизни архіепископа; къ дѣйствительнымъ фактамъ приплетались лживые и оскорбительные намеки; словомъ, все это было такъ составлено, чтобы ввести въ обманъ простодушныхъ людей нѣкоторымъ подобіемъ правдивости. Въ тотъ моментъ, когда появился этотъ памфлетъ, подлѣ Хименеса не было ни кого изъ искренно преданныхъ ему людей. Рюисъ былъ въ Индіи, а Пьеръ де Леонъ—въ Грао. Архіепископъ рѣшилъ прежде, чѣмъ предпринять что либо, дождаться возвращенія своего казначея. Авторъ этого низкаго памфлета, онъ это зналъ прекрасно,—былъ никто иной, какъ его братъ Бернардинъ, и это такъ сильно подѣйствовало на Хименеса, что онъ заболѣлъ и слегъ.

Когда Пьеръ де Леонъ, вернувшись, вошелъ къ нему негодующій и возмущенный, держа въ рукѣ экземпляръ памфлета, архіепископъ закрылъ глаза и отвернулся къ стѣнѣ: онъ не желалъ ни видѣть, ни слышать объ этомъ памфлетѣ. Когда же искренно преданный ему казначей сталъ просить у него разрѣшенія отыскать виновнаго и подвергнуть его законному наказанію, Архіепископъ только махнулъ рукой и предоставилъ ему дѣйствовать такъ, какъ тотъ найдетъ лучшимъ.

Съ свойственнымъ ему во всемъ рвеніемъ, Пьеръ де Леонъ принялся за слѣдствіе, а когда его розыски ни къ чему не привели, рѣшился произвести обыскъ въ самомъ архіепископскомъ дворцѣ. Когда судебные пристава вдругъ неожиданно явились производить обыскъ у Бернардина Сизнеросъ, послѣдній былъ до того взволнованъ, до того взбѣшенъ, что хотѣлъ силой сопротивляться обыску; однако, это ничуть не смутило судебныхъ приставовъ, которые, повинуясь указу своего начальства, продолжали свое дѣло. И вотъ въ рукахъ ихъ очутился ларецъ, вскрывъ крышку котораго, они нашли какъ рукопись самаго памфлета, такъ и цѣлую громадную пачку отпечатанныхъ экземпляровъ съ припиской аббата Мота, отпечатавшаго этотъ памфлетъ въ Гаидѣ и переславшаго его обратно автору. Рукопись была написана рукою Бернардина де Сизнеросъ, да онъ и не сталъ этого оспаривать. Не дождав-

Digitized by Google

шись ухода судебныхъ приставовъ, онъ выбѣжалъ изъ своей комнаты и, весь блѣдный отъ бѣшенства, спустился во дворъ; поспѣшно шагая, въ нѣсколько прыжковъ вбѣжалъ на лѣстницу, ведущую въ частное помѣщеніе архіепископа, и съ сильно бьющимся сердцемъ, съ дрожащими устами ворвался въ комнату больного брата. Увидѣвъ его, Хименесъ закрылъ глаза и оставался неподвиженъ на своемъ ложѣ. Чувство невольнаго страха охватило его при видѣ этого не помнящаго себя отъ бѣшенства человѣка, казавшагося ему какимъ то адскимъ видѣніемъ. Но Бернардинъ устремился къ постели брата, склонился надъ самымъ его лицомъ и, обдавая его своимъ дыханіемъ, порывистымъ и горячимъ, злобно прошипѣлъ:

— Лицемѣръ, фарисей, ты притворяешься спящимъ въ то время, какъ твои агенты грабятъ твоего брата, забираютъ то, что составляетъ мою собственность, роются въ моихъ бумагахъ! И всегда ты былъ таковъ, всегда прятался и укрывался за чьей нибудь спиной, а другихъ заставлялъ обдѣлывать твои дѣлишки!

Хименесъ раскрылъ глаза и увидѣлъ передъ собой искаженное злобой и ненавистью лицо брата.

— Бернардинъ!—началъ онъ было кротко и увѣщательно.

Но тотъ, словно обезумѣвъ отъ бѣшенства, принялся, словно разъяренный звѣрь, метаться по комнатѣ, задѣвая за предметы и опрокидывая ихъ.

— Бернардинъ! — передразнилъ онъ брата.—Ужъ не хочешь-ли увѣрить меня, что ты—бѣдный монахъ, а я—архіепископъ, у котораго сундуки ломятся отъ золота и которому, не исключая королевы, всѣ считаютъ долгомъ повиноваться... Я зналъ, что ты сразу угадаешь, кто авторъ памфлета. Но я не побоялся тебя... Ну, говори-же, говори, какое наказаніе готовишь ты мнѣ!—проскрежежалъ онъ, судорожно сжимая кулаки. Казалось, онъ хотѣлъ схватить неподвижно лежавшаго Хименеса и сдавить ему горло.—Ну, говори же, говори!

Хименесъ съ трудомъ приподнялся; болѣзнь замѣтно уменьшила его силы, а эта ужасная сцена подорвала ихъ.

— Я не готовлю тебѣ никакого наказанія! Бѣги, куда хочешь, я не прикажу преслѣдовать тебя. Но не показывайся мнѣ больше на глаза, я не хочу никогда болѣе видѣть тебя.

— А, хорошо, ты *никогда* больше не увидишь меня!—съ бѣшенствомъ крикнулъ Бернардинъ и, выхвативъ одну изъ подушекъ, онъ повалилъ брата и сталъ душить его. Такъ нѣсколько минутъ, бѣшенство его какъ будто утихло и, едва держась на ногахъ, какъ хмѣльной, вышелъ онъ шатаясь изъ комнаты и крадучись, какъ воръ, добрался до пустого подвала, гдѣ и забился въ уголъ.

Въ тотъ самый моментъ, когда Бернардинъ вышелъ изъ комнаты, братъ Зегри шелъ навѣстить Архіепископа и издали видѣлъ Бернардина, пробиравшагося вдоль стѣнъ. Точно предчувствуя несчастье, Зегри ускорилъ шагъ; въ смежной съ комнатою больного пріемной, противъ обыкновенія, не было ни души; дверь въ опочивальню архіепископа стояла полуотворенной. Какой то зловѣщій страхъ сжалъ сердце Мавра; не медля ни минуты, онъ кинулся къ постели Хименеса и, сдернувъ подушку съ его помертвѣвшаго лица, сразу угадалъ все.

Однако, братоубійство не было довершено; стараніями Зегри и подоспѣвшаго кстати Пьера де Леонъ, умирающій былъ приведенъ въ чувство; мало по малу жизнь возвратилась къ нему, но глубокая неизлѣчимая печаль омрачила его душу; онъ какъ то упалъ духомъ; все тяготило его и томило его душу. Онъ воспретилъ преслѣдованіе виновнаго и высказалъ желаніе, чтобы объ этомъ поступкѣ его брата ни-

Digitized by Google

когда не упоминали. Всѣ почести его сана стали ему до того въ тягость, что онъ начиналъ желать сложить себя этотъ санъ и вернуться въ пустынный скитъ, чтобъ снова стать скромнымъ беззвѣстнымъ монахомъ, какимъ онъ нѣкогда былъ, Быть можетъ, онъ осуществилъ бы эту мысль, если бы чрезвычайной важности вѣсть не помѣшала ему. Королева скончалась, назначивъ его своимъ душеприкащикомъ. Съ ея смертью въ королевствѣ ожидались большiя безпорядки, и король Фердинандъ, чтобы предупредить конфликтъ съ гражданами и дворянствомъ, публично сложилъ съ себя королевскiй санъ, повелѣвъ герцогу Альбѣ провозгласитъ королемъ зятя своего Эрцгерцога Филиппа и супругу его принцессу Iоанну.

Кромѣ того, въ Торо были созваны кортесы, и Фердинандъ умолялъ Хименеса прiѣхать къ нему туда же, чтобы помочь ему своимъ совѣтомъ и привести въ исполненiе завѣщанiе королевы.

КНИГА. II.

ГЛАВА I-я.

— Не говорите такъ громко, Алонзо,— говорила Нина,—насъ могутъ услышать!

— Не безпокойтесь, Нина, ни одна душа не приходитъ въ соборъ въ это время, а въ этотъ отдаленный, недоконченный предѣлъ никто никогда не заглядываетъ!

Такъ говорилъ Алонзо Беррюгете, продолжая работать надъ головой архангела, украшавшаго сводъ надъ той нишей, гдѣ стояла великолѣпная статуя мадонны его работы.

— Знаете-ли, Нина, вчера вечеромъ, закончивъ работу, я пошелъ пройтись за мостъ св. Мартэна! Ночь была такая чудная, тихая, звѣздная, въ воздухѣ чувствовалась какъ бы чья то нѣжная ласка... и я невольно подумалъ о васъ, Нина... Мнѣ казалось, что то счастье, которое я испытывалъ въ душѣ, вы бы также испытали, если бы были со мной... и я рѣшился сказать вамъ... я рѣшился попросить васъ, какъ...

— Вы хотите, чтобы я пошла съ вами... туда?.. да?.. какъ бы уловивъ на лету его мысль, спросила Нина,— но это невозможно! Это совершенно невозможно...

— Почему же? Вѣдь, вы столько разъ говорили мнѣ, что дѣлаете все, что хотите... кто же вамъ можетъ помѣшать?

— Да, конечно, но я никогда не хотѣла ничего столь неблагоразумнаго... Подумайте только, Алонзо, какъ могу я, точно какая нибудь гитана, уйти одна ночью, за городъ.

— Но вы не будете одна, а со мной...

— Донна Эльвира непремѣнно замѣтитъ мое отсутствiе.

— Развѣ она имѣетъ привычку заглядывать въ вашу спальню, послѣ того какъ вы уже легли?

— Ахъ, нѣтъ, она этого никогда не дѣлаетъ!—воскликнула дѣвушка.

— Слѣдовательно, единственное препятствiе заключается въ вашемъ нежеланiи исполнить мою просьбу,— сказалъ Алонзо, —я такъ и зналъ, что мнѣ не слѣдовало ни о чемъ васъ просить!

Нина улыбнулась и ничего не возразила. Въ этотъ моментъ одна изъ тяжелыхъ дверей собора медленно повернулась на своихъ петляхъ,—и дѣвушка поспѣшила скользнуть въ главный предѣлъ и опуститься на колѣни передъ изображенiемъ святого Ильдефонса, гдѣ ее и нашла донна Эльвира, пришедшая за нею, какъ было условлено. За послѣднее время чрезвычайная набожность ея юной воспитанницы начинала смущать донну Эльвиру. Дѣйствительно, Нина ежедневно отправлялась исповѣдаться въ соборъ, въ тѣ часы, когда донна Эльвира бывала занята посѣщенiемъ толедскихъ матронъ. Дѣло въ томъ, что очарованная необы-

Digitized by Google

чайной красотой лика мадонны дѣвушка старалась заходить въ ту отдаленную нишу, гдѣ работалъ молодой художникъ.

Сначала она вовсе не замѣчала скульптора, но однажды, придя по обыкновенію помолиться Мадоннѣ, она съ ужасомъ и скорбью увидѣла, что вмѣсто прекраснаго кроткаго лика, съ любовью смотрѣвшаго на нее, на плечахъ Мадонны былъ безформенный комъ. Невольно вскрикнувъ, она обратилась къ скульптору, упрекая его за то, что онъ сдѣлалъ: Какъ могли вы это уничтожить этотъ прекрасный ликъ Мадонны? Вѣдь, это была ваша работа?—Да,—отвѣчалъ молодой человѣкъ—сначала и я былъ ею доволенъ, но теперь задумалъ создать для Мадонны другой ликъ, несравненно болѣе прекрасный, и для того, чтобы я могъ осуществить задуманный мной образъ, мнѣ нужно будетъ ваше содѣйствіе. Надѣюсь, вы не откажетесь приходить сюда каждый день хоть на четверть часа, для того, чтобы ваше лицо напоминало мнѣ тѣ черты, которыя я хочу придать лику Мадонны?

Сначала дѣвушка возмутилась этимъ предложеніемъ; ей казалось святотатствомъ заимствовать черты для лица Пресвятой дѣвы отъ простой смертной дѣвушки, но затѣмъ Беррюгете уговорилъ ее, сказавъ, что это почти всегда такъ дѣлается, что даже для лика Спасителя позируютъ прекрасные юноши съ лицомъ кроткимъ и вдумчивымъ, что для нея это должно принести счастье, согласно существующему повѣрію, и что, вдохновляя его воображеніе, она станетъ участницей въ его благочестивой работѣ.

И вотъ Нина стала ежедневно приходить въ тотъ отдаленный притворъ собора, гдѣ работалъ Беррюгете, и между молодыми людьми незамѣтно завязалась сердечная близость, совершенно безсознательная со стороны дѣвушки и глубоко взволновавшая душу юноши. Послѣ, когда уже божественный ликъ Мадонны былъ совершенно законченъ, и въ сеансахъ не было никакой надобности, Нина по привычкѣ продолжала заходить въ отдаленный притворъ и сдержаннымъ шепотомъ бесѣдовать съ Алонзо о разныхъ божественныхъ видахъ.

Въ этихъ тихихъ бесѣдахъ она не видѣла ничего дурного. Всякій же разъ, когда молодой человѣкъ пытался заговаривать съ ней о чемъ либо другомъ, она неодобрительно качала головкой и прикладывала пальчикъ къ губамъ:

— Нѣтъ, нѣтъ; мы этимъ оскорбляемъ святость этаго мѣста, Алонзо! Пресвятая Мадонна прогнѣвается на насъ!

Но чувства юноши требовали исхода, и вотъ онъ рѣшился уговорить ее выйти съ нимъ за городъ—подышать тихимъ и теплымъ ночнымъ воздухомъ, просторомъ полей и луговъ.

Хотя Нина ничего не отвѣтила на просьбу Алонзо и хотя лики святыхъ, строго смотрѣвшіе на нее съ темныхъ стѣнъ собора, смущали ея юную душу, тѣмъ не менѣе, выйдя изъ-подъ сводовъ сумрачнаго храма и очутившись среди облитой солнцемъ улицы, подлѣ донны Эльвиры, она почувствовала какъ бы приливъ новыхъ молодыхъ силъ, и теперь ей ничто не было страшно, и въ мысляхъ она уже рѣшила, быть можетъ безсознательно, исполнить желаніе Алонзо.

Когда уже стемнѣло, въ одиннадцать часовъ, укутанная въ темную мантилью Нина неслышной поступью вышла изъ дома и съ сильно бьющимся отъ совершенно незнакомой ей, никогда еще не испытанной тревоги сердцемъ, быстро шагая вдоль домовъ, дошла до моста Св. Мартэна, подъ темнымъ сводомъ котораго ее ожидалъ Алонзъ Беррюгете.

Ночь была дивная, звѣздная. Тонкій серпъ луны вырисовывался изящнымъ силуетомъ на темномъ фонѣ небосклона; словно легкая дымка окутала весь городъ и окрестности.

Digitized by Google

Не проронивъ ни слова, Алонзо приблизился къ Нинѣ, когда та поровнялась съ нимъ, и молча пошелъ съ нею рядомъ.

Наконецъ, дѣвушка остановилась и не будучи въ силахъ далѣе сдерживать свое восхищеніе, сдержаннымъ шепотомъ воскликнула:

—Ахъ, какъ это прекрасно!

—Да, все кругомъ прекрасно,—отозвался Алонзо.—Но прекраснѣе всего въ этомъ Божьемъ мірѣ—вы, Нина!—и онъ осторожно взялъ ея руку, которую она не отняла у него.

Они шли теперь по узкой тропинкѣ, гдѣ, низко склонявшіяся къ землѣ вѣтви густыхъ старыхъ маслинъ задѣвали ихъ волоса и плечи. По близости не было ни души, какая то сладкая истома овладѣла молодыми людьми.

—Я васъ люблю Нина!—Какимъ то таинственнымъ шепотомъ, точно боясь нарушить царившую вокругъ тишину, вдругъ сказалъ Алонзо и остановился, точно самъ испугался этихъ словъ, вырвавшихся у него помимо его воли. Совсѣмъ не такъ хотѣлъ онъ открыть Нинѣ свое сердце; онъ приготовилъ въ умѣ длинную, нѣжную, прочувствованную рѣчь, и вдругъ, это совершилось какъ то само собой, и теперь изо всей своей рѣчи онъ не могъ припомнить ни одного слова.

А Нина, казалось, не уловила этого взволнованнаго шепота; она какъ будто не слышала его словъ, но почему то шаги ея еще болѣе замедлились, и чувство неизъяснимаго блаженства вдругъ наполнило ея душу.

Ея молчаніе смущало и томило Беррюгете.

—Нина, вы не сердитесь на меня, что я просилъ васъ придти сюда? спросилъ онъ.

—Ахъ, нѣтъ, нисколько!—чистосердечно воскликнула она,—мнѣ даже кажется, что я была бы рада идти на край свѣта!

Невольнымъ, инстинктивнымъ движеніемъ Алонзо привлекъ къ себѣ на грудь молодую дѣвушку и страстно, точно въ опьяненіи, припалъ къ ея устамъ.

Но Нина, порывисто откинувшись назадъ, вырвалась изъ его объятій.

—Вернемтесь! сказала она отрывисто и, не взглянувъ на него, быстро зашагала впередъ по направленію къ дому. Сильная тревога охватила молодыхъ людей.

Они уже не видѣли яркаго мерцанія звѣздъ, не ощущали чарующей прелести ночи; что то бурлило и клокотало у нихъ въ груди и въ мозгу. Подъ темнымъ сводомъ мостъ Св. Мартэна, гдѣ они молча встрѣтились часъ тому назадъ, они разстались теперь также молча, не обмѣнявшись ни взглядомъ, ни рукопожатіемъ. Алонзо Беррюгете еще долго стоялъ, глядя на стройный силуетъ дѣвушки, быстро удалявшейся отъ него, пока онъ, наконецъ, не скрылся вдали за поворотомъ улицы. Тогда онъ глубоко вздохнулъ и медленно словно нехотя, побрелъ домой.

ГЛАВА II-я.

Смерть Королевы Изабеллы впервые поставила архіепископа въ прямую оппозицію съ его врагами и недругами. Въ силу своего завѣщанія Королева оставляла управленіе государствомъ, въ отсутствіи Королевы Іоанны, Королю Фердинанду, совершенно отстраняя Филиппа. Это завѣщаніе, душеприкащикомъ котораго былъ назначенъ покойной королевой Хименесъ, вызвало цѣлую бурю политическихъ страстей, какъ въ Испаніи, такъ и во Фландріи. Кастильскій народъ ненавидѣлъ Фердинанда за то, что онъ былъ королемъ Арагона; Гранды и крупнѣйшіе вассалы не терпѣли его за то, что онъ постоянно старался унизить ихъ, умалить ихъ значеніе; и потому въ одинъ день всѣ отшатнулись отъ него и передались на сторону Филиппа, его зятя. Только Хименесъ оставался вѣренъ ему и рѣшилъ во что бы то ни стало

Digitized by Google

принудить Испанію исполнить послѣднюю волю Королевы Изабеллы. Когда объ этомъ стало извѣстно, и всѣ увидѣли что ловкій, хитрый Король и непреклонный всесильный архіепископъ заключили между собою союзъ, то задумали сразить ихъ обоихъ вмѣстѣ однимъ ударомъ. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ громадная и сильная партія дворянъ и грандовъ и недовольныхъ ополчилась противъ короля Фердинанда.

А Эрцгерцогъ Филиппъ, который отнюдь не желалъ допустить, чтобы его тесть заступилъ ему дорогу и продолжалъ держать его у себя въ повиновеніи, послалъ своихъ пословъ въ Испанію, чтобы они подготовили ему почву. Послами его, или вѣрнѣе, агентами явились Мануэль, Каноникъ Мота и двое фламандскихъ дворянъ, Андрэ део-Бургъ и Филибертъ де Веръ.

Они устроили свою главную квартиру въ Бургосѣ и съ самаго дня прибытія неутомимо работали, вербуя сторонниковъ дѣлу Филиппа.

Этимъ клевретамъ Эрцгерцога прекрасно были извѣстны и планы, и цѣли Фердинанда и то, къ чему стремился Хименесъ. Мануэль склонялъ дворянство признать права Эрцгерцога Филиппа; Мота собиралъ вокругъ себя наиболѣе вліятельное духовенство, которое Хименесъ своею строгостью и требовательностью успѣлъ вооружить противъ себя. Вскорѣ почти всѣ гранды и крупнѣйшіе вассалы оказались на сторонѣ Филиппа, только Герцогъ Инфантадо да герцогъ Альба воздерживались отъ участія въ лигѣ противъ Короля Фердинанда,

Мануэль и Мота собирались уже писать Филиппу, прглашая его прибыть въ Кастилію и вступить во управленіе королевствомъ, когда, какъ громъ на голову, упала вѣсть, принесенная Баракальде, что король Фердинандъ задумалъ заключить союзъ съ Франціей, а съ другой стороны собирался собрать войско и силой оружія защищать свои права. Эти вѣсти не предвѣщали ничего хорошаго для сторонниковъ Филиппа; Мануэль и Мота поняли, что при такомъ положеніи дѣлъ трудно будетъ быть увѣреннымъ въ побѣдѣ, такъ какъ уже сами по себѣ Фердинандъ и архіепископъ Толедскій были противниками, которыми нельзя было пренебрегать.

Конечно, все могло бы уладиться, если бы королева Іоанна рѣшилась принять на себя управленіе страной или же отказалась отъ своихъ правъ въ пользу отца. Фердинандъ нѣсколько разъ писалъ ей тайно объ этомъ, но Филиппъ, узнавъ объ этомъ, подвергъ свою супругу строжайшему наблюденію, такъ что письма отца, вѣроятно, и не дошли до нея.

—Берегитесь,— говорилъ Барракальде Мануэлю и Мотѣ прощаясь ними,—пока подлѣ короля арагонскаго будетъ стоять на стражѣ Хименесъ де Сизнеросъ, вамъ трудно будетъ добиться того, что вы хотите. На вашемъ мѣстѣ я занялся бы только „Слономъ“.

Дѣйствительно, свѣдѣнія, доставленныя Барракальде, были справедливы; спустя нѣсколько дней, словно громъ изъ тучи, разнеслась вѣсть о бракѣ короля Фердинанда съ принцессой Жермень де Фуа, любимой племянницей Людовика XII-го, приносившей ему въ приданое Неаполитанское королевство и тѣсный союзъ съ Франціей, а въ случаѣ, если бы отъ этого брака были дѣти, они должны были наслѣдовать, въ ущербъ Филиппу, всѣ земли Фердинанда.

Когда объ этомъ узнали въ Фландріи, Максимиліанъ подалъ совѣтъ сыну отказаться отъ претензій, которыя могли повлечь за собою только безчисленныя осложненія, и Филиппъ поспѣшилъ послать предписаніе Мануэлю отправиться къ Хименесу и войти съ нимъ въ соглашеніе.

Исполняя волю Филиппа, Мануэль немедленно отправился къ Химене-

Digitized by Google

су, который и выставилъ условія соглашенія; ихъ пришлось подписать Мануэлю. Условія эти были слѣдующія.

Фердинандъ согласился раздѣлить власть съ королевой Іоанной и зятемъ своимъ Филиппомъ, предоставить имъ двѣ трети государственныхъ доходовъ и позволить имъ, совмѣстно съ нимъ, ставить свою подпись на государственныхъ актахъ и другихъ бумагахъ.

Однако, это соглашеніе, собственно говоря, не удовлетворяло ни зятя, ни тестя: оба они мечтали безраздѣльно овладѣть властью. Фердинандъ думалъ воспользоваться отсутствіемъ зятя и править государствомъ по своему личному усмотрѣнію, Филиппъ-же рѣшилъ немедленно ѣхать въ Испанію и здѣсь на мѣстѣ организовать себѣ достаточно сильную партію, чтобы вырвать власть изъ рукъ тестя. Увѣдомленные о намѣреніяхъ Филиппа, Мануэль и Мота стали готовить своему покровителю торжественную встрѣчу.

Когда Фердинандъ узналъ о пріѣздѣ Филиппа, къ которому спѣшили на встрѣчу большинство грандовъ съ Пьеромъ Жиронъ во главѣ и нѣсколько епископовъ, онъ не задумываясь хотѣлъ взяться за оружіе, съ намѣреніемъ не допустить зятя въ предѣлы Испаніи, но Хименесъ во время успѣлъ удержать его отъ столь неразумнаго поступка, который уже самъ по себѣ погубилъ бы все, что они съ такимъ трудомъ достигли своей искуссной политикой. Надо было встрѣтить зятя съ распростертыми объятіями, какъ возлюбленнаго сына, явно выказывать радость по случаю его пріѣзда, раздать деньги монастырямъ и церквамъ, для совершенія молебствій объ его благополучномъ путешествіи, словомъ, обезоружить и самого эрцгерцога, и дворянство.

Убѣжденный доводами архіепископа Фердинандъ предоставилъ ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Не теряя ни минуты времени, архіепископъ поспѣшилъ на встрѣчу Филиппу, котораго онъ желалъ видѣть и съ которымъ хотѣлъ говорить раньше, чѣмъ гранды и придворные успѣютъ повліять въ извѣстномъ направленіи на молодого монарха.

О пріѣздѣ и желаніи Хименеса видѣть Филиппа долженъ былъ доложить молодому королю Мота, тотъ самый Мота, котораго Хименесъ вывелъ въ люди, сдѣлавъ его каноникомъ. Эта встрѣча съ архіепископомъ смутила Мота, но Хименесъ оставался совершенно невозмутимъ; онъ какъ будто забылъ о томъ, что когда-то знавалъ этого молодого монаха.

Филиппъ не заставилъ себя долго ждать. Войдя въ залу, гдѣ находился архіепископъ, онъ почтительно поклонился ему и подошелъ подъ его благословеніе.

По желанію Хименеса, онъ сдѣлалъ знакъ Мота, чтобы тотъ удалился, и затѣмъ заявилъ Архіепископу, что желаетъ откровенно съ нимъ объясниться, и тутъ же сказалъ, что прибылъ въ Испанію не съ тѣмъ, чтобы вызвать смуту, а только проявлять свою долю власти въ государствѣ, не вися на помочахъ у своего тестя.

На это Хименесъ сталъ отечественнымъ тономъ высказывать, на сколько прискорбно было бы видѣть молодого и неопытнаго еще въ дѣлахъ управленія государствомъ монарха, окруженнаго еще вдобавокъ дурными и себялюбивыми совѣтниками, преслѣдующими исключительно своекорыстные цѣли,—возстающаго противъ мудрой политики своего тестя, уже испытаннаго въ дѣлахъ.

Филиппъ слушалъ архіепископа со вниманіемъ, сознавая, что все, что тотъ говорилъ, было справедливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ, зная характеръ Фердинанда, не вполнѣ довѣрялъ ему, тѣмъ не менѣе, по настоянію Хименеса, онъ соглашался на публичное свиданіе со своимъ тестемъ, которое должно было успокоить умы населенія

Digitized by Google

относительно ихъ взаимныхъ отношеній.

Чтобы не дать Филиппу возможности измѣнить свое рѣшеніе относительно этого свиданія, Хименесъ пробылъ еще нѣсколько дней въ Орензе, гдѣ находился Филиппъ, повидался и поговорилъ со всѣми его приближенными и настоялъ на томъ, чтобы Мануэль, который оказался всѣхъ несговорчивѣе, принялъ лично на себя установленіе церемоніала для свиданія двухъ монарховъ.

Такимъ образомъ благодаря уму, краснорѣчію и неотразимому вліянію Хименеса состоялось свиданіе Фердинанда и Филиппа на большой дорогѣ ведущей въ Санабре. Филиппъ медленно подвигался впередъ, окруженный блестящею свитой дворянъ и грандовъ, которымъ предшествовалъ вооруженный отрядъ закованныхъ въ латы нѣмцевъ, когда вдали показался Фердинандъ со своей свитой въ обычномъ, не боевомъ нарядѣ и 2-мя стами человѣками стражи, ничѣмъ не вооруженной, кромѣ коротенькихъ шпагъ.

Завидѣвъ Филиппа, онъ громко произнесъ:

— Я встрѣчаю васъ, какъ любящій отецъ своихъ дорогихъ дѣтей, съ пальмовой вѣтвью въ рукахъ и любовью въ сердцѣ!

Въ отвѣтъ на это Филиппъ поспѣшилъ въ объятія своего тестя, и на глазахъ у всѣхъ произошла трогательная сцена видимаго примиренія. Но Хименесъ этимъ не довольствовался: на пути въ нѣскольких саженяхъ разстоянія стояла на опушкѣ лѣса часовня въ честь Св. Іакова. На порогѣ этой часовни, когда оба короля, ѣхавшіе рядомъ, поровнялись съ нею, Хименесъ, стоявшій на порогѣ часовни, пригласилъ ихъ войти и принять благословеніе покровителя Испаніи. Короли сошли съ коней и вошли въ часовню. Мануэль хотѣлъ было войти за ними, но Хименесъ загородилъ ему дорогу.

— Короли желаютъ быть одни,— сказалъ онъ,—пусть они поговорятъ безъ помѣхи, тѣмъ болѣе, что они не звали насъ. Я же на этомъ принялъ на себя обязанности стражи и останусь тутъ у дверей.

Затѣмъ, едва успѣлъ отойти Мануэль, Хименесъ перешагнулъ порогъ и заперъ за собою двери часовни. Проходили минуты, затѣмъ получасы. Оставшіеся на дорогѣ и расположившіеся на опушкѣ дворяне и гранды начинали терять терпѣніе; прошелъ часъ и полтора, наконецъ Герцогъ Нохора не вытерпѣлъ и вмѣстѣ со своей свитой ускакалъ, вслѣдъ за нимъ сдѣлалъ то же и Педро Жиронъ, остальные разбрелись по опушкѣ.

Наконецъ, спустя два часа времени Фирдинандъ и Филиппъ вышли изъ часовни, дружески бесѣдуя между собой; ихъ сопровождалъ Хименесъ. Всѣ снова сѣли на коней,—и поѣздъ тронулся дальше по направленію къ Санабреа.

ГЛАВА III.

Успокоившисъ относительно положенія дѣлъ въ Испаніи, Фердинандъ уѣхалъ въ Неаполь. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ Филиппъ управлялъ Государствомъ при содѣйствіи мнимаго министра Мануэля и дѣйствительнаго совѣтника и руководителя Хименеса.

Разъ въ недѣлю, по пятницамъ, собирался совѣтъ, на которомъ рѣшались гусударственныя дѣла, но по четвергамъ, т. е. наканунѣ, Филиппъ проводилъ цѣлый вечеръ въ интимной бесѣдѣ съ Хименесомъ, и всѣ вопросы уже заранѣе рѣшались тутъ. И Мануэль, и Мота, и Гранды чувствовали, что всѣ они въ рукахъ у архіепископа и, сознавая желѣзную силу этой руки, отказались отъ явной опозиціи, измышляя иныя средства, чтобы избавиться отъ „Слока".

Но вотъ всѣ ихъ планы и разсчеты рухнули разомъ: Филиппъ скоропостижно скончался, по словамъ однихъ, отъ острой простуды, по словамъ другихъ,—отъ отравы. Теперь всѣ взоры невольно обратились на коро-

Digitized by Google

леву Іоанну, которая по закону и по праву должна была принять въ свои руки бразды правленія.

Послѣ первыхъ дней скорби и отчаяній, когда тѣло усопшаго молодого Короля было перенесено на парадную постель и облечено въ мантію и др. королевскія регаліи, Герцогъ Альба явился къ Королевѣ и заявилъ, что Испанія ждетъ, чтобы она приняла управленіе дѣлами страны и была для нея кроткой и справедливой правительницей, по примѣру матери своей, королевы Изабеллы.

— Я способна теперь только молиться о душѣ Короля, моего супруга, чѣмъ управлять государствомъ!— отвѣтила Іоанна и тотчасъ же удалилась.

Она ни днемъ, ни ночью ни на минуту не отлучалась отъ тѣла мужа, забывая даже принимать пищу. Наконецъ, по прошествіи недѣли, слѣдовало приступить къ похоронамъ усопшаго. Въ монастырѣ Мирафлоресъ, на растояніи одной мили отъ Бургоса, былъ приготовленъ склепъ и часовня, въ которой должно было тѣло погребено молодого Короля въ ожиданіи когда можно будетъ перевезти его тѣло въ королевскую усыпальницу во Гренадѣ. Но Королева Іоанна упорно не позволяла вынести тѣло покойнаго изъ той комнаты, гдѣ онъ скончался. Она просиживала здѣсь цѣлые часы подлѣ покойника, не спуская съ него глазъ, называя его самыми нѣжными именами улыбаясь ему и нашептывая длинныя, пылкія рѣчи любви.

Наконецъ, Хименесъ написалъ ей, что она не имѣетъ права лишать прахъ своего мужа обще-христіанскаго погребенія а душу его—молитвъ христіанской церкви. На это письмо не послѣдовало никакого отвѣта, но спустя три дня королева услышала погребальное пѣніе на лѣстницѣ, ведущей къ ея опочивальнѣ, и сердце ея дрогнуло: она поняла, что прибыло, духовенство за тѣломъ ея супруга, и когда Герцоги Альба и Инфантадо, маркизъ Виляемъ и графъ Уреки вышли, чтобы перенести умершаго короля съ постели на катафалкъ, они застали королеву въ глубокомъ обморокѣ безъ малѣйшихъ признаковъ сознанія. Когда она пришла въ себя, то бросилась на опустѣвшее смертное ложе своего супруга, стала цѣловать слѣдъ, оставленный имъ; въ безумномъ припадкѣ отчаянія каталась на тѣхъ простыняхъ, на которыхъ лежалъ покойникъ и, наконецъ, совершенно обезсилѣвъ, впала въ какое-то отупѣніе.

Такъ продолжалось съ мѣсяцъ. Когда насталъ день всѣхъ святыхъ, королева впервые направилась въ монастырь Мирафлоресъ, гдѣ былъ погребенъ ея мужъ. При видѣ массивной бѣлой мраморной гробницы, она приказала сейчасъ же вскрыть ее и, не взирая на протесты пріора, потребовала, чтобы гробъ ея супруга былъ извлеченъ изъ склепа. Мало того, она пожелала еще убѣдиться, что въ этомъ гробу покоятся останки ея возлюбленнаго супруга, и велѣла раскрыть самый гробъ. Никакія возраженія не могли урезонить Іоанну.

Когда гробъ былъ открытъ, она кинулась страстно цѣловать покойника: ни холодъ трупа, ни торжественная печать вѣчнаго покоя и вѣчнаго безмолвія не смутили ее; снова посыпались съ ея устъ цѣлые потоки нѣжныхъ ласкательныхъ словъ; въ пламенныхъ выраженіяхъ говорила она усопшему о своей любви, о своей безграничной нѣжности къ нему. Затѣмъ, отстегнувъ отъ пояса мѣшечекъ съ драгоцѣнными камнями, она принялась убирать ими саванъ покойника, приговаривая;

—Ты такъ любилъ драгоцѣнные камни, возьми ихъ, дорогой мой... Къ чему мнѣ убираться ими, когда глаза твои сомкнулись, и ты не увидишь ихъ на мнѣ? Возьми ихъ, возьми все, все это для тебя,—будь спокоенъ, ненаглядный,—продолжала она въ полъ голоса, —мы теперь никогда не разстанемся съ тобой, я повезу тебя повсюду, куда сама пойду. Ты

Digitized by Google

не будешь больше одинъ въ этомъ холодномъ, мрачномъ подземельѣ, гдѣ сыро, темно и душно, я увезу тебя съ собой, я отогрѣю тебя своею любовью.!

И она снова принималась цѣловать мертвый ликъ и руки.

Наконецъ, она приказала закрыть гробъ, который теперь былъ поставленъ на великолѣпный катафалкъ, сама пошла пѣшкомъ по пыльной проѣзжей дорогѣ въ сопровожденіи длинной вереницы людей свиты и монаховъ, поющихъ молитвы и псалмы. Ночь за ночью шла она молча за гробомъ дорогого супруга, и только около полудня шествіе останавливалось и дѣлало привалъ до наступленія ночи. Но какъ только садилось солнце и спадала жара, погребальное шествіе сново трогалось въ путь. Жители тѣхъ деревень и селеній, черезъ которыя слѣдовало это шествіе, въ испугѣ пробуждаясь ночью, бросались къ окну и, при видѣ траурной колессницы и множества горящихъ факеловъ, думали сначала, что то рядъ видѣній, но затѣмъ вспоминали, что то королева Іоанна везетъ въ Гренаду тѣло покойнаго короля, своего супруга.

Глава IV-я

Въ это время въ Кордовѣ, на другомъ концѣ государства, произошло возмущеніе, грозившее серьезными послѣдствіями. Народъ, доведенный до послѣдней крайности ужасами инквизиціи, разнесъ инквизиціонныя тюрьмы и возвратилъ свободу всѣмъ заключеннымъ. Цѣлый градъ проклятій сыпался на голову инквизитора Люсеро, котораго грозили побить камнями. Этотъ насильственный актъ являлся такъ сказать предвѣстникомъ поголовнаго возмущенія противъ инквизиціи. Вся Испанія была встревожена и возмущена существованіемъ такого суда, въ которомъ обвинители оставались скрытыми, а свидѣтели не назывались и не приводились на очную ставку, гдѣ приговоръ считался безповоротнымъ, и благодаря которому, въ теченіе восьми лѣтъ его существованія свыше двухъ тысячъ жертвъ были приговорены къ сожженію на кострѣ и столько-же, а, быть можетъ, и вдвое больше томились въ тюрьмахъ инквизиціи, откуда никто никогда не возвращался.

Фердинанду стало извѣстно объ этомъ возмущеніи одновременно съ вѣстью о смерти Филиппа. Не теряя ни минуты, король написалъ Хименесу, что онъ везетъ ему изъ Рима повышеніе въ званіе Великаго Инквизитора для всей Испаніи, и просилъ его немедленно вступить въ исполненіе обязанностей таковаго.

Это званіе великаго инквизитора давало Хименесу право потребовать для пересмотра всѣ процессы, начатые или затѣянные провинціальными инквизиторами. Онъ являлся предсѣдателемъ Верховнаго Совѣта инквизиціи, и безъ его подписи приговоры не имѣли законной силы. Хименесъ принялъ это званіе съ великой радостью, такъ какъ столь важная власть въ чужихъ рукахъ сильно мѣшала его планамъ, тѣмъ болѣе, что враги его уже начинали пользоваться этой грозною силой, чтобы хотя не непосредственно, но косвенно разить его.

Одного за другимъ хватала инквизиція его преданнѣйшихъ людей и сторонниковъ. Антонъ де Либрайо и Вергара были уже арестованы по доносу тайной инквизиціи, а ясновидящая или юродивая Беата уже нѣсколько недѣль томилась въ заключеніи по приказанію Люсеро, за то, что она являлась какъ бы союзницей архіепископа, которому она помогала своими откровеніями и предостереженіями.

Оффиціально же ее обвиняли въ томъ, что она принадлежала къ сектѣ Alumbrados, или мнимыхъ мистиковъ, что она вводила народъ въ обманъ и соблазнъ своими мнимыми чудесами и явно объявляла

Digitized by Google

себя обручницей Христа и пророчила будущее.

Дѣйствительно, въ день въѣзда молодого короля Филиппа въ Толедо она, стоя въ толпѣ, громко произнесла: „бѣдный принцъ, не долго ты пробудешь съ нами и послѣ смерти своей ты больше будешь странствовать по Кастиліи, чѣмъ при жизни". Странное предсказаніе это сбылось. Особенно сильное впечатлѣніе производили на народъ ея припадки оцѣпененія и религіознаго экстаза, заслужившіе ей репутацію святой.

Послѣ того, какъ ее трижды подвергали допросу, не выяснившему рѣшительно ничего, Люсеро приказалъ подвергнуть ее пыткѣ. Едва только она вошла въ застѣнокъ, гдѣ производились пытки и, осѣнила себя широкимъ крестомъ, какъ впала въ полное оцѣпененіе, такъ что никакія пытки, не имѣли на нее никакого дѣйствія. Въ этомъ состояніи ее положили на кобылу, крѣпко привязали къ ней за руки и за ноги и, накрывъ лицо тонкой холщевой тряпочкой, стали по каплямъ капать ей на лицо воду, изъ особаго сосуда такимъ образомъ, чтобы наполнить ротъ и ноздри водою. Это была одна изъ ужаснѣйшихъ пытокъ, измышленныхъ инквизиціей.

Человѣкъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы вдохнуть въ себя воздухъ, но мокрый холстъ и вода преграждали доступъ воздуха въ легкія, и тогда у мученика начинались страшныя конвульсіи, вызывавшія неизбѣжно разрывъ кровяныхъ сосудовъ.

Но въ данномъ случаѣ эта пытка производилась надъ безчувственнымъ тѣломъ, и хотя Беата уже болѣе часа подвергалась ей, ни одинъ мускулъ ея не дрогнулъ; ни малѣйшаго признака страданія не отразилось на ея блѣдномъ спокойномъ лицѣ. Видя, что эта пытка вызываетъ смущеніе палачей и что, повидимому, всѣ старанія ихъ безполезны, Люсеро приказалъ отнести все еще безчувственную Беату обратно въ тюрьму.

Повторить еще разъ надъ ней подобную сцену уже было невозможно, такъ такъ законъ разрѣшалъ примѣнять пытку только однажды въ продолженіи всего хода процесса.

Спустя нѣсколько дней блаженная Беата быта препровождена для допроса въ Кордову, гдѣ засѣдалъ „Верховный Совѣтъ" инквизиціи съ Хименесомъ во главѣ.

Епископъ де Викъ, которому поручено было допросить ее въ присутствіи всего совѣта, началъ съ того, что пожелалъ узнать, какимъ образомъ она оставалась нечувствительна къ пыткѣ.

Блаженная улыбнулась и отвѣчала, что душа ея въ то время отсутствовала изъ ея тѣла и витала въ блаженныхъ краяхъ.

—Какимъ способомъ узнавала ты то будущее, которое нѣсколько разъ предсказывала за долго до его осуществленія?— продолжалъ спрашивать судья.

—Христосъ открывалъ мнѣ его во снѣ и въ видѣніяхъ!—отвѣчала подсудимая.

—Кромѣ того, тебя обвиняютъ еще, что ты черезъ общеніе съ нечистымъ можешь знать то, что сокрыто отъ другихъ людей, какъ въ настоящемъ такъ, и въ прошломъ. Правда это? Если да, то укажи намъ имена тѣхъ, кто обвинилъ тебя передъ Святой Инквизиціей.

—Правда, что многое сокрытое отъ другихъ людей мнѣ извѣстно, но не черезъ общеніе съ нечистымъ, а по волѣ Христа, и если вы хотите знать имена тѣхъ людей, я постараюсь назвать ихъ!

Съ этими словами Беата опустилась на колѣни и стала молиться въ полъ голоса Эпископъ де Викъ подошелъ и окропилъ ее святою водой, чтобы убѣдиться что она въ своей молитвѣ не призываетъ нечистаго.

Минуту спустя блаженная пришла

Digitized by Google

въ состоянiи экстаза; взглядъ ея сдѣлался неподвижнымъ, лицо покрыла странная, безжизненнаа блѣдность, и вдругъ она заговорила медленнымъ, монотоннымъ голосомъ:

—Имя ихъ легiонъ... не меня ради продали они меня, а ради того, кого Христосъ приказалъ мнѣ охранять, и я соблюдала его, чтобы онъ не преткнулся ногою своею о камни. Имя ихъ легiонъ, но оговорили меня трое: Бернарденъ, Мота и Барракальде.

—Это, дѣйствительно, имена, занесенныя въ протоколъ ея обвиненiя!—сказалъ секретарь инкизицiоннаго суда.

Едва блаженная выговорила эти имена, какъ на лицѣ ея отразился ужасъ, и легкiя конвульсiи стали поддергивать ея члены. Хименесъ, сойдя съ своего мѣста, осѣнилъ ее крестомъ, послѣ чего Беата встала, набожно перекрестилась и сѣла на указанное ей мѣсто.

Всѣ двѣна цать членовъ „Верховнаго совѣта"д единогласно рѣшили, что Беата не причастна къ сектѣ Alumbrado, а даръ ясновидѣнiя получаетъ отъ Бога, а не черезъ общенiе съ нечистымъ.

Послѣ того, какъ секретарь громко и отчетливо прочелъ актъ оправданiя, Хименесъ преподалъ ей прощенiе и благословенiе, а толпа, которая была теперь допущена въ залу суда, громкими криками радости привѣтствовала оправданiе Беаты.

Однако, этого единичнаго факта оправданiя невинно обвиненной инквизицiей женщины было, конечно, недостаточно для того, чтобы избѣжать впредь подобныхъ злоупотребленiй страшной инквизицiонной властью.

Антонъ Лебрайа и Вергара, обвиненные въ еретическомъ образѣ мыслей, еще томились въ тюрьмахъ инквизицiи въ ожиданiи своего процесса, какъ вдругъ Люсеро, въ довершенiе своихъ злодѣянiй, приказалъ схватить архiепископа Гренады, маститаго старца Талавера, и возбудилъ противъ него тайное слѣдствiе.

Подобная наглость и несправедливость превышали всякую мѣру. Не было человѣка въ цѣлой Испанiи, который не былъ-бы возмущенъ до глубины души этимъ поступкомъ Люсеро. Хименесъ первый негодовалъ на Люсеро, но не хотѣлъ дѣйствовать поспѣшно и самовольно, а созвалъ соборъ изъ 22 членовъ, которымъ поручилъ начать слѣдствiе по поводу дѣятельности инквизитора Люсеро. Прежде всего было доказано, что свидѣтели, вызываемые имъ для показанiй, были люди, не заслуживающiе довѣрiя, и что показанiя ихъ были противорѣчивы и неправдоподобны. Поэтому совѣтъ постановилъ возвратить свободу какъ почтенному старцу архiепископу, такъ и Либрайа и Вергера и возстановить ихъ честь, вычеркнувъ ихъ изъ списковъ инквизицiи.

И это было встрѣчено явными одобренiями со стороны народа. Но теперь еще оставалось воздать Люсеро по его заслугамъ. На основанiи всего выше сказаннаго, Хименесъ прежде всего лишилъ его званiя инквизитора, затѣмъ поручилъ графу Тендилла арестовать его. Однако, не смотря на старанiе губернатора Гренады исполнить желанiе архiепископа, Люсеро съумѣлъ разузнать во время о грозившемъ его арестѣ и бѣжалъ по дорогѣ въ Гуадиксъ. Но таково было озлобленiе населенiя противъ этого человѣка, что всѣ, кто только имѣлъ коня или мула, вооружившись, чѣмъ попало, старъ и младъ, женщины и дѣти, всѣ громадной толпой пустились вмѣстѣ съ алгвазилами преслѣдовать ненавистнаго „Тенебрео". Получилась настоящая травля. Послѣ нѣскольких часовъ бѣшеной скачки вдали появилась темная фигура всадника. То былъ Люсеро. Теперь погоня почерпнула новыя силы, видя его передъ собой. Но вскорѣ бывшiй инквизиторъ, почуявъ за собою погоню, удвоилъ быстроту бѣга сво-

Digitized by Google

его коня. Преслѣдователямъ едва ли бы удалось настичь его, если бы конь подъ нимъ вдругъ не споткнулся и не упалъ на камни на крутомъ подъемѣ горы. Паденіе коня погубило Люсеро. Онъ понялъ, что теперь его участь рѣшена. Дѣйствительно, черезъ минуту неистовствующая толпа настигла его и, не смотря на сопротивленіе алгвазиловъ, стала осыпать его бранью, руганью и проклятіями. Одинъ молодой человѣкъ, сестра котораго была сожжена на кострѣ по приказанію Люсеро, ударилъ бывшаго инквизитора кулакомъ въ лицо, такъ что у того изъ носа брызнула кровь. Этого было достаточно, чтобы разсвирѣпѣвшая толпа, какъ дикій звѣрь, бросилась на него и, если бы не алгвазилы, разорвала бы его въ клочки. Только послѣ долгихъ усилій полицейскихъ удалось отогнать толпу и избитаго, искалѣченнаго, истоптаннаго Люсеро. за мертво, безъ признаковъ сознанія, втащить на мула и препроводить въ тюрьму, какъ имъ было приказано.

Глава V-я.

Спустя недѣлю послѣ этого достопамятнаго событія, Фердинандъ, вернувшись изъ Италіи, привезъ Хименесу изъ Рима кардинальскую шляпу. Узнавъ объ этомъ, гранды и дворянство, передавшееся на сторону Филиппа, отлично зная, что король не проститъ имъ этого, и что „Слонъ“ поддержитъ его, пришли къ заключенію, что того и другого необходимо поставить въ невозможность вредить ихъ интересамъ и что единственнымъ исходомъ въ данномъ случаѣ является опять же вмѣшательство Фландріи.

Фердинандъ, прибывъ въ Испанію, поспѣшилъ положить конецъ погребальному странствованію тѣло Филиппа въ сопровожденіи Королевы Іоанны и, объявивъ послѣднюю не правоспособною, заключилъ ее въ замкѣ Тордессилласъ. Такимъ образомъ Фердинандъ управлялъ Кастиліей отъ имени внуковъ своихъ, инфантовъ Карла и Фердинанда. Но, вѣдь, и императоръ Максимильянъ, отецъ Короля Филиппа, былъ такой же дѣдъ инфантовъ и, слѣдовательно, имѣлъ равныя съ Фердинандомъ права опекать наслѣдіе своихъ внуковъ. Германскій же императоръ былъ бы, безъ сомнѣнія, несравненно удобнымъ для вассаловъ и грандовъ регентомъ, чѣмъ Фердинандъ, привыкшій держать все въ своей желѣзной рукѣ. Если Максимильянъ приметъ регентство, то король Фердинандъ принужденъ будетъ сидѣть въ своемъ Арагонѣ, а Архіепископъ Толедскій—въ своей епархіи, и такимъ образомъ оба они станутъ безвредными для кастильскихъ грандовъ. Чтобы побудить Императора согласиться принять регентство, рѣшено было отправить къ нему Мота съ увѣреніями, что всѣ гранды и дворянство готовы признать его права, точно также какъ признали права Филиппа, сына его.

Разсчитывая вскорѣ окончательно избавиться отъ Фердинанда и Хименеса, Гранды и дворянство вдругъ совершенно присмирѣли; мало того, они устроили королю торжественную встрѣчу и добровольно явились къ нему одинъ за другимъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Этотъ пріемъ и всѣ эти церемоніи настолько были пріятны престарѣлому королю, что онъ готовъ былъ повѣрить въ ихъ искренность, но Хименеса не такъ-то легко было провести.

Когда Мота, чуть не наканунѣ своего отъѣзда въ Фландрію, явился съ почтеніемъ къ Фердинанду, тотъ сказалъ ему не безъ нѣкоторой горечи:

— Кто бы подумалъ, Мота, что вы передадитесь на сторону Филиппа!—Какъ вы это сдѣлали?

— Ахъ, сиръ,—беззастѣнчиво отозвался Мота,—кто могъ подумать, что преклонный возрастомъ и удрученный бременемъ государственныхъ

Digitized by Google

работъ монархъ переживетъ молодого и полнаго силъ монарха! — И опасаясь дальнѣйшихъ объясненій, онъ поспѣшилъ удалиться.

— Ахъ, сиръ, вы дались въ обманъ, — сказалъ Хименсъ Фердинанду, какъ только они остались одни, — всѣ эти выраженія покорности и вѣрноподданническихъ чувствъ ничто иное, какъ отводъ глазъ. Противъ васъ готовится заговоръ; они желаютъ лишить васъ регентства.

— Лишить меня регентства! Да кого же они поставятъ на мое мѣсто? Развѣ только императора Максимильяна?

— Его самого, сиръ! — подтвердилъ Хименесъ. — Вы сдѣлали громадную ошибку, объявивъ королеву Іоанну неправоспособной. — Этимъ вы уничтожили единственную гарантію противъ претензій Максимильяна; теперь онъ имѣетъ на регентство — тѣ же права и даже большія, такъ какъ онъ опекунъ принца Карла, и этотъ послѣдній живетъ при немъ, а вассалы стоятъ за него.

— Но Максимильянъ робокъ, нерѣшителенъ, у него нѣтъ ни войскъ, ни денегъ, чтобы вести войну. Кастилія ему чужда, Какъ можетъ онъ управлять ею? Я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, чтобы не допустить ни одного Фламандца въ Испанію. Арагонъ мой, Гренада принадлежитъ мнѣ по праву оружія, кромѣ того, мнѣ принадлежитъ Неаполь, Сардинія и Сицилія... Я не хочу, чтобы маленькій клочекъ изъ всего этого перешелъ въ руки Фламандцевъ, не даромъ же я женился вторично, я надѣюсь, что жена подаритъ мнѣ наслѣдниковъ... Развѣ я слишкомъ старъ? — Хименесъ задумчиво покачивалъ головой, а теперь всталъ и собирался уйти. Но Фердинандъ удержалъ его.

— Господинъ кардиналъ, вы говорите, что противъ меня составленъ заговоръ. Если это такъ, то прошу вашего совѣта, вашего содѣйствія... Надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ нихъ! — Скажите, кто участники этого заговора?

— Всѣ тѣ, которые нѣкогда передались на сторону Филиппа, — отвѣчалъ кардиналъ, — каждый изъ нихъ въ отдѣльности написалъ отъ своего имени выраженіе своей преданности и клятвенную присягу вѣрности Максимильяну, а Мота взялся доставить эти письма Императору.

— Ахъ, этотъ Мота! Я прикажу сегодня же арестовать его!

— Не дѣлайте этого, сиръ, — это значило бы возстановить открыто противъ себя всѣхъ вашихъ враговъ!

— Но въ такомъ случаѣ что же дѣлать?

— Пусть Мота отправляется въ Фландрію, но письма, порученныя ему, останутся здѣсь. Я знаю человѣка, который, вкравшись въ его довѣріе подъ предлогомъ помочь ему въ сборахъ, похититъ у него эти письма и подмѣнитъ ихъ подробными отчетами о численности вашихъ войскъ, о моихъ и своихъ силахъ и вліяніи. Мота окажется одураченнымъ и вооружитъ противъ себя и Фламандцевъ, и нашихъ Грандовъ, которые не простятъ ему его оплошности. Вы же, сиръ, имѣя въ рукахъ всѣ эти письма вашихъ вассаловъ, будете вольны по желанію простить и карать ихъ измѣну.

Фердинандъ съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на Хименеса.

— Это средство хорошо, нѣтъ сомнѣнія, хотя и не совсѣмъ благородно!

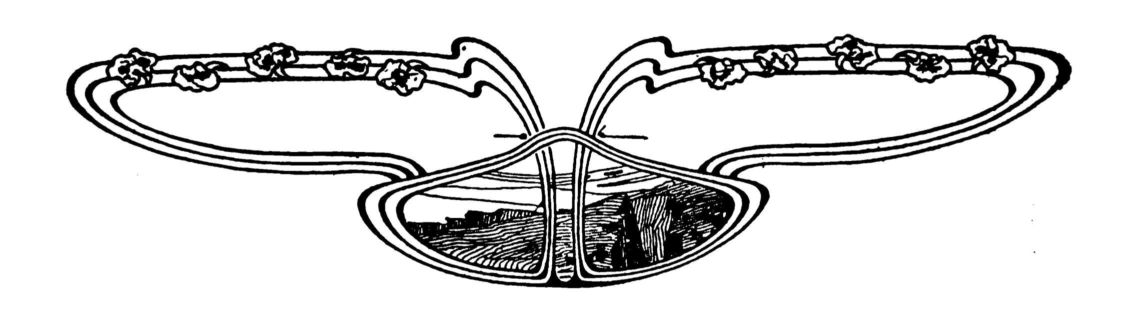
— „Всякій взявшійся за мечъ отъ меча погибнетъ", сказано въ писаніи, и всякій, дѣйствующій измѣной и предательствомъ, долженъ погибнуть отъ измѣны и предательства! Это не болѣе, какъ справедливое возмездіе.

Все случилось именно такъ какъ предрекалъ Хименесъ. Мота, прибывъ во Фландрію, не замѣтилъ той тайной хитрости, какой онъ подвергся, и только, когда Максимильянъ, потребовавъ его къ себѣ,

Digitized by Google

гнѣвно спросилъ его, что за мистификацію позволили себѣ по отношенію къ нему испанскіе гранды, онъ, наконецъ, узналъ, въ чемъ дѣло. Такимъ образомъ еще разъ благодаря „Слону“ положеніе Фердинанда было спасено. Вскорѣ гранды и вассалы одинъ за другимъ явились къ Фердинанду съ выраженіемъ покорности; вслѣдъ за тѣмъ, кортесы провозгласили его регентомъ Кастиліи за малолѣтнихъ инфантовъ Карла и Фердинанда.

(До слѣд. №-ра).

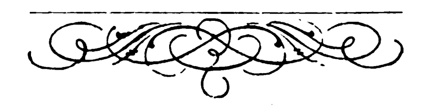

Война.

Мы слышимъ, что врагъ переправилъ дружины
На берегъ страны намъ чужой,
И скоро, на гладкомъ просторѣ равнины,
Сойдемся съ врагомъ мы на бой.
Война ужъ гремитъ, но лишь слабый предвѣстникъ
Въ ней видѣнъ грядущей дали,
И громъ этотъ—первый нерадостный вѣстникъ
Кроваво всходящей зари.
Но скоро сойдутся для страшнаго боя
Полки двухъ враждебныхъ племенъ,
Ударитъ картечь по рядамъ, дико воя,
Завидѣвъ десятки знаменъ.
Но мы не отступимъ, пусть вѣрятъ всѣ смѣло!
Со мрака сѣдой старины
По свѣту всегда наша слава гремѣла.
Нашъ строй неподвижной стѣны

Вездѣ былъ простымъ, и вездѣ неизмѣннымъ,
Нашъ русскій суровый солдатъ;
Онъ грозенъ врагу, но онъ милостивъ къ плѣн-
нымъ;
Ему чуждо слово „назадъ".
Преданья отцовъ, ихъ благіе примѣры
Онъ свято въ себѣ сохранилъ,
И грозно стоитъ, полный силы и вѣры,
Зарывши десятки могилъ.
Его не страшитъ славной смерти могила,
Суровая жизнь этотъ духъ породила.
Великъ ты, нашъ русскій народъ!
Идешь ты безстрашно впередъ!
Намъ много именъ сохранило преданье,
Великихъ и славныхъ именъ,
Ихъ память пусть служитъ намъ всѣмъ въ на-
зиданье,
Грозой для враждебныхъ племенъ.
И въ этихъ, ужъ близкихъ сраженьяхъ съ врагами
Въ бойцахъ прежній духъ пусть царитъ;
Пусть вспомнится вождь, его нѣтъ между нами,
Давно непробудно онъ спитъ,
Онъ—имя свое обезсмертившій геній,
И это великое имя хранитъ
Въ далекой странѣ мракъ глубокихъ ущелій
И кровью облитый гранитъ.
Онъ шелъ, и предъ нимъ трепетали народы,
Снимая оковы съ рабовъ,
Открылъ племенамъ путь закрытый свободы
Славянскою сталью штыковъ.

К. Калачевъ. *)

*) „Семирѣч. обл. Вѣд."

Digitized by Google

Современная критика Дарвинизма

проф. біологіи Ѳ. Г. Моргана.

Создавая свою теорію естественнаго подбора, Дарвинъ первоначально имѣлъ въ виду объяснить строеніе животныхъ и растеній и показать значеніе тѣхъ приспособленій, какія имъ полезны въ борьбѣ съ окружающей средой. И только уже потомъ этотъ изслѣдователь воспользовался своею теоріею для объясненія происхожденія видовъ.

Но при изложеніи своей теоріи онъ принимаетъ во вниманіе исключительно тѣ особенности и измѣненія, которыя представляются существенно важными для организма, а между тѣмъ извѣстно, что многія характерныя черты совершенно не нужны ихъ обладателямъ. Слѣдовательно, если бы удалось доказать, что нѣкоторыя важныя для организма особенности не могли развиться вслѣдствіе борьбы за существованіе, мы имѣли бы право спросить, составляютъ-ли и остальныя полезныя пріобрѣтенія результатъ этой борьбы.

Чтобы не было недоразумѣній въ главномъ, я сперва выясню вкратцѣ отношеніе теоріи Дарвина къ теоріи эволюціи и потомъ приведу тѣ доводы, на которыхъ основывается первая.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что теорія естественнаго подбора Дарвина много способствовала всеобщему признанію теоріи эволюціи. Подъ словомъ „эволюція" мы понимаемъ тотъ процессъ, посредствомъ котораго изъ старыхъ, ранѣе существовавшихъ формъ, произошли новыя разновидности. Надо предполагать, что каждый изъ старыхъ видовъ далъ начало какому-нибудь одному или нѣсколькимъ новымъ видамъ. То и другое объясненіе возможно и допускается эволюціонистами, но второе считается наиболѣе правильнымъ, такъ какъ съ его помощью объясняются сходства всѣхъ членовъ одной группы, и дается основа для классификаціи растеній и животныхъ. Этотъ послѣдній взглядъ предполагаетъ, что всѣ члены одной группы происходятъ отъ одного общаго родоначальника, и сходство, существующее между ними, объясняется наслѣдственностью. Такъ, напр., левъ, тигръ, леопардъ происходятъ, повидимому, отъ однихъ и тѣхъ же предковъ,

отъ которыхъ они и унаслѣдовали общія имъ всѣмъ черты. Поэтому ихъ причисляютъ къ одной группѣ кошекъ,—Felidae.

Теорія эволюціи существовала и до Дарвина, но, какъ уже было замѣчено выше, онъ много способствовалъ ея распространенію. Всякій, кто знакомъ съ работами Дарвина и господствовавшими тогда взглядами, ясно понимаетъ, что его главною цѣлью было именно добиться признанія теоріи эволюціи.

Здѣсь мы не будемъ обсуждать правильности этой теоріи. Достаточно сказать, что, не смотря на многочисленныя трудности, она достигла тоже всеобщаго признанія. Конечно, никто, знакомый съ исторіей развитія научныхъ теорій и ихъ значеніемъ, не станетъ утверждать, что теорія эволюціи принята разъ навсегда; но нельзя отрицать, что она оказалась одной изъ самыхъ плодотворныхъ философскихъ гипотезъ нашего времени. Лишь немногіе біологи задаются теперь вопросомъ объ ея правильности, и недавнія нападки одного извѣстнаго зоолога только еще разъ доказали всю слабость противниковъ. Мы можемъ поэтому признать, что теорія эволюціи близка къ истинѣ.

На теорію естественнаго подбора съ самаго начала обрушился цѣлый потокъ нападокъ, среди которыхъ встрѣчались и вѣскіе аргументы, Приведемъ въ нѣсколькихъ словахъ самую суть теоріи и посмотримъ, въ чемъ состояла критика. Какъ указалъ Дарвинъ, мы можемъ искусственно вызвать крупныя перемѣны въ нашихъ домашнихъ животныхъ и растеніяхъ, если будемъ строго отбирать тѣ экземпляры, которые выказываютъ какую-нибудь особенность строенія или характера. Напр., всѣ различныя породы домашнихъ голубей произошли отъ одного родоначальника, сизаго голубя, а между тѣмъ онѣ настолько же отличаются другъ отъ друга по внѣшнему виду, какъ отдѣльныя разновидности многихъ естественныхъ группъ. Если подборъ имѣлъ такое значеніе для домашнихъ животныхъ, то отчего же не допустить. что тотъ же процессъ происходитъ и при развитіи дикихъ разновидностей? И вотъ Дарвинъ пришелъ къ блестящему заключенію, что борьба за существованіе и стремленіе оставить послѣ себя лучше вооруженное потомство неизбѣжно ведетъ животныхъ и растенія къ процессу естественнаго подбора. Если допустить, что какая-нибудь черта, отличающая одного индивида отъ другихъ, способствуетъ его выживанію, она и передается его дѣтямъ и, переходя изъ рода въ родъ, будетъ выступать все ярче. А не значитъ-ли это, что въ природѣ происходитъ совершенно такой-же процессъ, какой мы искусственно вызывали среди домашнихъ животныхъ? Въ такой общей формѣ доводы эти кажутся неопровержимыми,—и неудивительно, что они были приняты какъ, одно изъ интереснѣйшихъ открытій того времени.

Но разсмотримъ внимательнѣе самую теорію.

Представимъ себѣ индивида, родившагося съ какой-нибудь полезной для него особенностью. Скрещиваясь съ другими особами своего вида, не обладающими, м. б., подобнымъ качествомъ, онъ произведетъ потомство, въ которомъ эта черта будетъ уже слабѣе выражена. При дальнѣйшихъ скрещиваніяхъ ослабленіе этой черты пойдетъ еще далѣе, и въ конечномъ результатѣ она можетъ совсѣмъ исчезнуть. Дарвинъ откровенно признавалъ всю основательность этого возраженія и въ позднѣйшихъ изданіяхъ „происхожденія видовъ" измѣнилъ соотвѣтственно свою теорію. Именно, онъ допустилъ, что происхожденіе новой формы возможно лишь въ томъ случаѣ, если огромное число, или, м. б., даже всѣ члены одного вида, будутъ измѣняться въ томъ же направленіи. Если вновь пріобрѣтенная черта будетъ полезна для

Digitized by Google

организма, она можетъ оказаться рѣшающей въ борьбѣ за существованіе съ другими видами или съ тѣми представителями своего вида, которые не унаслѣдовали этой особенности. На это Дарвину возражали, что если какая-либо перемѣна можетъ появиться въ большинствѣ членовъ одного вида безъ помощи подбора, то и дальнѣйшее ея развитіе и усиленіе не нуждаются въ немъ. Кромѣ того, развитіе какой-либо черты можетъ идти только до извѣстной степени. Такъ, мы не можемъ безъ конца увеличивать или уменьшать ростъ нашихъ домашнихъ собакъ или увеличивать быстроту рысистыхъ лошадей. Извѣстно, что не смотря на большое число разновидностей нашихъ домашнихъ животныхъ и растеній, намъ еще ни разу не удалось вывести что-нибудь вполнѣ новое въ сравненіи съ дикими породами.

Важныя открытія Гюго деВрисъ въ Амстердамѣ освѣщаютъ съ новой стороны вопросъ эволюціи. Всякій, кому удалось побывать въ его опытномъ саду, несомнѣнно былъ пораженъ тѣмъ, что здѣсь пришлось увидать: рядомъ со старыми формами на каждомъ шагу встрѣчаются новыя разновидности, которыя со всѣми своими отличительными признаками произошли отъ первыхъ какъ-бы внезапно, безъ промежуточныхъ стадій, и мирно уживаются съ ними.

Де Врисъ нашелъ въ Гильверсумѣ, въ окрестностяхъ Амстердама, нѣсколько экземпляровъ ночной примулы (Oenothera lamarckiana) Это растеніе, вывезенное изъ Америки, повидимому, совсѣмъ не культивированное, дало массу дикихъ разновидностей. Среди нихъ де Врисъ нашелъ два ярко - очерченныхъ новыхъ типа. Вмѣстѣ съ предполагаемымъ родоначальникомъ, O. Lamarckiana, онъ пересадилъ ихъ въ свой опытный садъ. Здѣсь растенія подверглись искусственному оплодотворенію собственной пыльцей, и полученныя сѣмена были посажены на слѣдующій годъ. Изъ большинства выросли растенія, схожія съ производителемъ, но рядомъ съ ними появилось нѣсколько новыхъ видовъ. Такъ, изъ сѣмянъ O. Lamarckiana вышло цѣлыхъ семь новыхъ формъ. Самыми интересными были опыты надъ этими послѣдними. Происшедшія отъ самооплодотворенія сѣмена произвели вновь такіе же точно виды (за исключеніемъ тѣхъ немногихъ сѣмянъ, изъ которыхъ опять вышли новыя разновидности). Правда, Врисъ предпочитаетъ называть ихъ не новыми видами (которые обыкновенно характеризуются болѣе рѣзкими отличительными признаками), а малыми разновидностями, но ботаники признаютъ идентичныя формы за виды. Самое главное тутъ, конечно, то, что они появились внезапно, какъ Минерва изъ головы Зевса.

Подобные же случаи извѣстны и у животныхъ. Павлинъ, напр., по мнѣнію Дарвина, почти не измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ сталъ домашней птицей. Однако, извѣстенъ странный фактъ, что иногда въ Англіи появляется разновидность павлиновъ „съ черными плечами“ или такъ называемыхъ „японскихъ“. По авторитетному опредѣленію Слетера, ихъ причисляютъ къ новому виду. Самцы у нихъ меньше обыкновенныхъ павлиновъ и „постоянно побиваются ими въ единоборствѣ“. Эти птицы появляются неожиданно среди обыкновенныхъ и въ точности передаютъ свои особенности потомству. Извѣстны два случая, гдѣ представители новаго вида, появившись среди стаи обыкновенныхъ павлиновъ, настолько размножились, что совсѣмъ вытѣснили первоначальную породу, не смотря на то, что они и меньше, и слабѣе, и остаются побѣжденными въ борьбѣ.

Появленіе такимъ путемъ новыхъ формъ въ природѣ можетъ послужить отвѣтомъ, почему мы въ данный моментъ не замѣчаемъ процесса эволюціи. Дарвинъ и его послѣдователи обошли этотъ вопросъ, предположивъ, что не только жизнь одного человѣка, но и цѣлыя поколѣнія

Digitized by Google

представляютъ слишкомъ короткій срокъ, чтобы уловить медленный ходъ эволюціи. Опыты де Вриса, наоборотъ, указываютъ, что мы не видимъ его, такъ какъ новыя формы не развиваются постепенно изъ старыхъ, а появляются уже вполнѣ готовыми. Это напоминаетъ калейдоскопъ: малѣйшее движеніе руки, —и передъ вами уже новая картина.

Мы видимъ, слѣдовательно, что процессъ эволюціи могъ совершаться и безъ естественнаго подбора. Но, возразятъ намъ, развѣ наиболѣе приспособленные изъ этихъ новыхъ видовъ не имѣютъ всѣ шансы одержать верхъ въ борьбѣ за существованіе и заглушить остальныя разновидности, и развѣ это не есть естественный подборъ? Конечно, этотъ процессъ можно такъ называть. Но мы знаемъ, что первоначально подъ этимъ именемъ подразумѣвалось медленное накопленіе индивидуальныхъ особенностей до тѣхъ поръ, пока вновь полученную форму можно было выдѣлить въ отдѣльный видъ. Слѣдовательно, отказываясь отъ теоріи Дарвина, мы имѣемъ, на что опереться и что отвѣтить на столь часто предлагаемый вопросъ „Если вы отвергнете теорію Дарвина, что вы дадите взамѣнъ?“

За последніе годы нѣкоторыя новыя наблюденія въ эмбріологіи тоже подрываютъ взглядъ, будто всѣ полезныя для организма черты и особенности строенія пріобрѣтаются естественнымъ подборомъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Развитіе большинства организмовъ начинается съ дѣленія клѣтки на двѣ равныя части. Если мы эти двѣ вновь образовавшіяся клѣтки отдѣлимъ одну отъ другой, то у большинства животныхъ каждая изъ нихъ произведетъ цѣльный зародышъ, вдвое меньшій по размѣру, чѣмъ обыкновенно. Такимъ образомъ каждая изъ двухъ клѣтокъ пріобрѣтаетъ совершенно новыя функціи, такъ какъ при нормальныхъ условіяхъ она произвела бы только половину зародыша. Невозможно предположить, что такая способность пріобрѣтается постепенно или передается по наслѣдству выжившими половинками клѣтокъ. Это невозможно, во-первыхъ, потому, что такое отдѣленіе двухъ клѣтокъ во многихъ случаяхъ очень трудно и не могло бы происходить въ природѣ, а, во-вторыхъ, потому, что такія клѣтки должны бы производить вполнѣ здоровыхъ зародышей, способныхъ выросги, размножаться и участвовать въ борьбѣ за существованіе.

Что касается человѣка, то пови димому, возможны случаи, когда первыя двѣ клѣтки яйца отдѣляются одна отъ другой, и изъ каждой происходитъ ребенокъ. Предполагаютъ, что именно такимъ путемъ образуются такъ называемые „идентичные близнецы“. Отъ обыкновенныхъ близнецовъ они отличаются своимъ поразительнымъ сходствомъ и еще тѣмъ, что всегда бываютъ одного пола. Обыкновенные близнецы могутъ такъ же мало походить другъ на друга, какъ и дѣти, рожденные въ разное время; они происходятъ повидимому, изъ двухъ отдѣльныхъ клѣтокъ, развивающихся одновременно.

Способность животныхъ возстановлять потерянныя части тѣла также показываетъ, что нѣкоторыя полезныя особенности не могли быть пріобрѣтены естественнымъ подборомъ. Правда, если допустить, что всѣ животныя одного поколѣнія подвергались тѣмъ же поврежденіямъ, то выживали-бы тѣ, у которыхъ лучше востановлялись поврежденные члены. Самъ Дарвинъ и нѣкоторые его послѣдователи, въ особенности Вейсманъ, думали, что именно такимъ путемъ развивалась способность къ регенераціи. Но не трудно доказать, что этого на самомъ дѣлѣ не можетъ быть. Во-первыхъ, нельзя предположить, чтобы всѣ индивиды одного поколѣнія подвергались одному и тому же поврежденію. Если даже допустить, что нѣкоторыя части тѣла

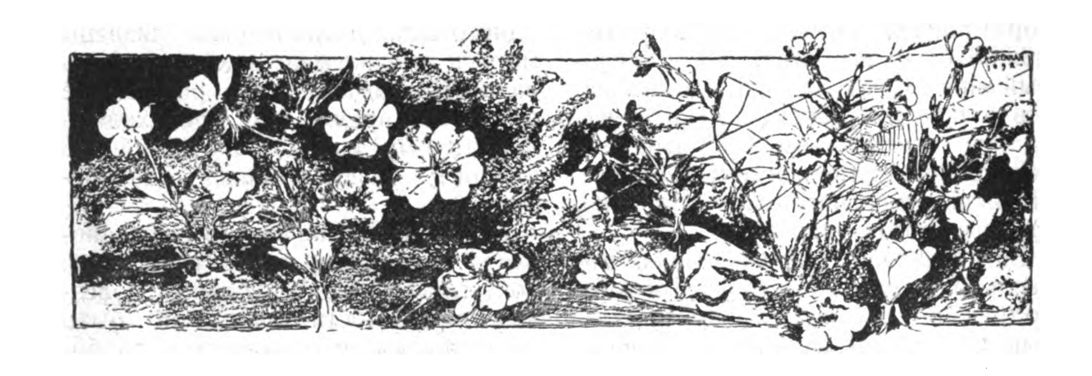
Digitized by Google

чаще страдаютъ, то все-таки это можетъ быть самое большее въ 10% всѣхъ случаевъ.

Кромѣ того, въ силу опять таки естественнаго подбора, всѣ поврежденные индивиды, какъ находящіеся въ худшихъ условіяхъ, должны бы погибнуть, а стало быть, некому было бы передавать слѣдующимъ поколѣніямъ способность регенераціи.

За послѣднее время зоологи обращали особенное вниманіе на возстановленіе глазного хрусталика у саламандры. Если сдѣлать надрѣзъ на роговицѣ саламандры, мы можемъ выдавить наружу христаликъ, не повреждая радужной оболочки. Черезъ нѣсколько недѣль начинается развиваться новый хрусталикъ, причемъ въ образованіи его участвуютъ не тѣ слои, которые образуютъ нормальный хрусталикъ, а края радужной оболочки. Слѣдовательно, здѣсь опять мы имѣемъ поразительный случай, который нельзя объяснить постепеннымъ развитіемъ, во-первыхъ, потому, что глазъ саламандры рѣдко подвергается такому поврежденію, а во-вторыхъ, переходныя стадіи въ пріобрѣтеніи такой способности врядъ-ли могли имѣть для нея какую-либо выгоду.

Такихъ случаевъ можно привести много. Всѣ они доказываютъ, что нѣкоторыя въ высшей степени полезныя качества животныхъ не могли быть пріобрѣтены съ помощью естественнаго подбора. Цѣльный зародышъ, происходящій изъ половины клѣтки, и хрусталикъ саламандры появляются такъ же внезапно, какъ и новыя разновидности растеній де Вриса.

Digitized by Google

У парома.

Разсказъ Г. СУРИНА.

I.

Вечерѣло. Солнце золотило вершины небольшихъ, пересохшихъ сосенъ. Сильно пахло боровымъ верескомъ. Коренастый мужикъ Кузьма, содержатель постоялаго двора у парома, стоялъ на лѣсной дорогѣ, прислушиваясь: по лѣсу раздавался звонкій женскій голосъ. За поворотомъ дороги показалась полная, босая дѣвка съ узелкомъ за плечами.

— Откуда идете, красавица? — спросилъ Кузьма заискивающимъ тономъ, едва та поровнялась съ нимъ.

— А тебѣ что за дѣло? — огрызнулась дѣвка, пролетая мимо.

— Ишь, козырь какой! Спѣсивая какая, скажи на милость! — бормоталъ Кузьма, стараясь поспѣть за ней? Ноги его не слушались, отяжелѣвъ отъ вина. Дѣвка значительно его опередила.

Постоялый дворъ Кузьмы стоялъ на глухомъ берегу рѣки противъ монастыря. Съ трехъ сторонъ его окружалъ соснякъ, и лѣсная дорога вела прямо къ крыльцу харчевни.

Кузьма съ крыльца побранилъ рабочихъ, медленно, съ разговорами нагружавшихъ паромъ, и вошелъ въ харчевню.

Народу было много, сильно шумѣли.

Кузьма прошелъ за стойку, нацѣпилъ очки въ стальной оправѣ и углубился въ счета за конторкой.

Минуту спустя онъ скосилъ глаза на мать, стоявшую съ нимъ рядомъ за стойкой.

— Что тутъ вдвоемъ будемъ околачиваться, дѣла другого нѣтъ, что-ли?—сказалъ онъ ей.

Сморщенное желтое лицо старухи стало сердитымъ, она ушла внутрь дома, хлопнувъ за собою дверью.

— А гдѣ Никифоръ? Никифоръ!—строго крикнулъ Кузьма.

Въ углу харчевни поднялся кудрявый парень.

— Здѣсь хозяинъ! Землячку встрѣтилъ, подчую водочкой!

Съ работникомъ сидѣла та самая спѣсивая дѣвка,

— Пьете тоже?—снисходительно спросилъ Кузьма.

— Въ Питерѣ служила, тамъ научатся.

Дѣвка что-то шепнула работнику и звонко разсмѣялась. Кузьма ухмыльнулся и принялся безъ всякой надобности переставлять тарелки на стойкѣ. Время отъ времени онъ поглядывалъ на работника и его землячку. Наконецъ, кивнулъ Никифору и вошелъ въ клѣтушку—родъ сѣней, съ лѣстницей въ верхнія комнаты. За нимъ слѣдомъ пошелъ работникъ.

— Вотъ ты слушай, Никифоръ, какъ надо дѣла дѣлать!—обратился къ нему Кузьма.—Былъ я сегодня въ Березовкѣ, поставилъ мужикамъ ведро водки, да у пьяныхъ и вы-

Digitized by Google

торговалъ за 30 р. сто деревъ, высохшихъ, вычищенныхъ, вывози только. Они для себя нарубили лѣсу, а строиться денегъ нѣтъ. Сгрохаю новый домъ, а этотъ—весь подъ постоялый.

— Важно!—замѣтилъ работникъ.

Помолчали.

— Какъ звать твою землячку-то? спросилъ Кузьма.

— Аграфена.

— Груша!... гм! Куда идетъ?

— Въ свою деревню; она служила въ Питерѣ.

— Вотъ что,—перебилъ его Кузьма,—спроси, не пойдетъ-ли въ работницы; дѣвка здоровая, должно быть работящая. Ступай, спроси!

Хозяинъ вернулся къ стойкѣ. Работникъ подсѣлъ къ землячкѣ.

Иногда она звонко смѣялась. Кузьма улыбался: ему нравилась ея веселость. Вотъ она хлопнула Никифора по плечу, и работникъ перешелъ шептаться къ хозяину.

II.

Въ бѣлыхъ стѣнахъ монастыря на противоположномъ берегу благовѣстили къ всенощной. Въ воздухѣ было тихо. По берегу съ пронзительнымъ свистомъ носились стрижи. Съ постоялаго на паромъ садились богомольцы изъ окрестныхъ деревень.

Кузьма стоялъ на берегу съ непокрытой головой, въ синей сатиновой рубахѣ съ бѣлой вышивкой, на груди блестѣла длинная серебряная цѣпь. Волоса, зачесанные на лысину, были жирно смазаны масломъ. Съ нимъ рядомъ стояла мать въ черномъ платкѣ.

Старуха гнѣвно говорила сыну:

— Тебѣ сорокъ пять, а все остепениться не можешь. Пьешь безъ просыпу. На такой праздникъ, на Петра и Павла, и то наточилъ носъ, винищемъ не дохнешь. А это что завелъ у себя подъ бокомъ, подъ видомъ работницы? Срамъ! Думаешь, я не вижу; какъ ни посмотришь, все вмѣстѣ, такъ и вертишься, какъ муха вокругъ меда, безстыдникъ!..

— И надоѣла же ты мнѣ съ воркотней, — досадливо прерывалъ ее Кузьма.—Ну, что ты, ребенка что-ли учишь? Человѣкъ потрудился, нажилъ деньги, можно хоть немного и пожить въ свое удовольствіе...

— Да ты какъ нажилъ-то деньги? Замаливалъ бы лучше грѣхи!

— Сгинь ты лучше! Не нравится у меня, живи гдѣ хочешь; деньги у тебя есть, я тебѣ своихъ дамъ, только не сверли ты мнѣ душу!

Кузьма съ злобной судорогой на лицѣ отошелъ отъ матери.

Старуха поспѣшно спустилась подъ кряжъ на плотъ. Паромъ отвалилъ и медленно поползъ на другой берегъ.

Кузьма постоялъ въ раздумьи и подошелъ къ крыльцу харчевни.

— Груша!—тихо позвалъ онъ. Отвѣта не было.

— Груша!—позвалъ онъ громче, и опять безъ результата.

Кузьма досадливо побарабанилъ по периламъ крыльца. Изъ харчевни донеслось плюханье мокрой мочалкой по полу. На порогѣ показались сначала голыя ноги съ веревками на икрахъ, затѣмъ на крыльцо вышла сама Аграфена. Въ одной рукѣ она держала мочалку, другой вытирала потъ со лба.

— Все Груша, да Груша,—начала она запыхавшись,—я маюсь, какъ каторжная, а онъ—Груша! При матери такъ не назовешь. Она барыней поѣхала въ церковь, а меня заставила полы мыть. Отдохнуть не дадутъ. Ну, васъ съ вашимъ жалованьемъ, уйду отъ васъ, вотъ что!

— Постой, постой, Груша!

— Чего постой, дай сказать! Старуха меня поѣдомъ ѣстъ, а ты не можешь вступиться, я не къ ней пошла служить!

— Она мнѣ мать.

— Ну, ну! Слышу, какъ самъ на нее покрикиваешь.

— Такъ я.. я—хозяинъ.

— А коли ты хозяинъ, такъ держи

Digitized by Google

себя степенно, не лѣзь къ работницѣ, страмникъ!

Кузьма быстро сошелъ на дорогу и поглаживая лысину, сталъ оглядываться по сторонамъ. Аграфена домывала крыльцо.

— Съ чего ты сердишься?—робко спросилъ Кузьма минуту спустя.

— Съ чего? Перво на перво, когда я полы мою, устала, ты..

— Брось!

— Не люблю бросать. Отъ работы не отказываюсь.

— Вотъ видишь!

— Ничего не вижу. Почтенный человѣкъ такъ приставать не станетъ, почтенный человѣкъ, если видитъ—дѣвка честная, то подойдетъ и скажетъ: не угодно-ли вамъ, Аграфена Ивановна, чайку выкушать, водочки!..

Она исподлобья взглянула на Кузьму и разсмѣялась. Кузьма расцвѣлъ.

— Никифоръ! — крикнулъ онъ громко.

Изъ комнаты выскочилъ парень.

— Готовъ ли самоваръ?—спросилъ его Кузьма.

— Готовъ, хозяинъ!

— Приходи, Груша! — крикнулъ Аграфенѣ Кузьма, скрываясь съ работникомъ въ калиткѣ.

На дворѣ подъ навѣсомъ накрытъ былъ столъ. На немъ—красивый вычищенный самоваръ, соленые грибы, огурцы и бутылка водки.

Кузьма усадилъ Никифора, разлилъ вино въ посуду и сталъ ждать.

Явилась Аграфена. На ней было розовое ситцевое платье, голова причесана, съ подвитой челкой, лицо разгорѣвшееся. Она сѣла на кончикѣ скамьи.

— Ко мнѣ поближе! — шепнулъ Кузьма.

— Мнѣ и здѣсь хорошо!—отвѣтила Аграфена.

Церемонно выпили и закусили.

— Отчего вы скучная?

Аграфена вздохнула.

— Нечему радоваться. Жизнь моя одинокая, горькая, вѣчно по людямъ, вѣчно тобой помыкаютъ.

— Будь ласковѣе съ хозяиномъ, никто помыкать не посмѣетъ!—вставилъ Никифоръ.

Къ концу первой бутылки Аграфена оживилась.

— А и страсть какъ хочется своимъ хозяйствомъ пожить, чтобы были свои коровы, огородъ, куры; соленья припасать, въ домѣ наблюдать чистоту. То есть все бы отдала за такую жисть!

— Да иди ты сюда, поближе!— сказалъ Кузьма и притянулъ ее къ себѣ за руку. Аграфена обвила его шею рукой, но сдѣлала опять плаксивую мину.

— Знаю все; думаешь, дѣвка простая, сирота, такъ ее легко обидѣть. Поиграешь и бросишь, а ты, сирота, будешь еще хуже, чѣмъ раньше была...

— Брось, выпей, развеселись!

— Напоить хочешь; знаю, все знаю... Ко мнѣ приставалъ въ Питерѣ генералъ, такъ я ему даже поворотъ отъ воротъ... Знаю, вотъ ты тоже хочешь напоить и обидѣть...

— Уважаю я тебя, вотъ что!— вскрикнулъ Кузьма, ударивъ себя въ грудь.

— Знаю, на одинъ день!

— Хозяйкой у меня будешь, распоряжайся всѣмъ... Куры, огороды, огурцы,—все твое будетъ. Никифоръ, слышишь, за хозяйку ее почитать!

— Слушаю, хозяинъ!

— Всѣмъ велю тебя почитать...

Кузьма захмѣлѣлъ. Аграфена ему подливала. Вдругъ она поднялась и быстро заговорила.

— Что я съ вами сижу, глупая, долго-ль себя осрамить и погубить? Бѣжать отъ васъ надо.. Пусти!— Она стала порываться выйти изъ за стола. Но Кузьма удержалъ ее.

— Не уходи, Груша! — говорилъ онъ плаксиво. — Не покидай меня, мнѣ будетъ тошно безъ тебя, младенцемъ стану!..

Онъ уткнулся къ ней въ колѣни и зарыдалъ. Никифоръ и Аграфена смѣясь переглянулись. Аграфена затянула визгливымъ голосомъ:

Digitized by Google

А Коля мальчикъ былъ хорошій,
Всегда ухаживалъ за мной...

Кузьма ухмыляясь посмотрѣлъ на Аграфену.

– Хозяйка!—шепнулъ Никифоръ. Въ калиткѣ стояла мать Кузьмы и гнѣвно смотрѣла подъ навѣсъ на пирующихъ. Аграфена вздрогнула, но тотчасъ же еще громче затянула:

Отецъ и мать Колю бранили...

Старуха подошла къ столу.

— На такой праздникъ, безстыдники!. А ты, подлая, ступай прочь сію минуту, прочь со двора!—крикнула она Аграфенѣ.

— Кто у тебя хозяйка, говори? кто хозяйка?—спрашивала Аграфена, тормоша Кузьму.

— Ты.. ты..,—бормоталъ Кузьма, поводя у нея съ колѣнъ мутнымъ взглядомъ.

— Слышишь, слышишь!

— Ступай прочь, подлая!—крикнула еще старуха. Аграфена вскочила; голова Кузьмы упала съ колѣнъ на лавку. Кузьма ударился и злой поднялся на ноги.

— Заступись, меня гонятъ, заступись!—визжала Аграфена.

— Кто тебя, кто смѣетъ?—какъ звѣрь зарычалъ Кузьма. Онъ увидѣлъ старуху.—Опять ты? Что ты мнѣ поперекъ горла становишься, сгинь! Уйди прочь! Уйди! Убью!..

Разыгрался настоящій скандалъ; проѣзжіе заглядывали въ ворота. Старуха поспѣшно скрылась. Никифоръ и Аграфена уговаривали бушевавшаго хозяина. Они отвели его наверхъ въ его комнату, изъ окна которой всю ночь свѣтилъ огонь, и вполголоса доносилась пѣсня Аграфены.

III

Кузьма проснулся поздно. Голова болѣла. Онъ залпомъ выпилъ полъ стакана водки, заботливо приготовленной на столѣ вмѣстѣ съ закуской.

Аграфена сидѣла у окна, съ алой лентой въ косѣ.

— Вотъ ночная выручка!—сказала она, передавая деньги въ носовомъ платкѣ.

— А гдѣ же мать?—спросилъ Кузьма, пряча деньги въ комодъ.

— Ушла!—Спокойно отвѣтила Аграфена.

— Куда?

— Туда.—Она указала рукой на дорогу.

— Зачѣмъ она пошла?

— Совсѣмъ ушла. Ты ее прогналъ. Она тебѣ ужасно согрубила.

Кузьма сталъ припоминать, почесывая въ затылкѣ.

— Страмъ какой былъ: много проѣзжихъ, а она при всѣхъ говоритъ, что ты кого-то ограбилъ.

— Говорила?!

— Спроси Никифора!

Кузьма задумчивый подсѣлъ къ окну. На лицѣ его изобразилась тревога.

На дорогѣ въ лѣсу послышались колокольцы. Кузьма высунулся изъ окна. Къ парому мчался сосѣдній помѣщикъ. Изъ окна виднѣлся монастырь и рѣка. Воздухъ былъ теплый прянный. Разливался благовѣстъ къ обѣднѣ. На спокойной рѣкѣ играла рыбешка.

Между тѣмъ Аграфена развалилась на кровати Кузьмы.

— Подежурь теперь ты, а я спать! —сказала она зѣвая.—Не спала всю ночь!

Кузьма посмотрѣлъ на нее; вѣки дѣвки были опущены, ротъ полуоткрытъ. Лицо его постепенно прояснилось. Онъ ухмыльнулся и пересѣлъ на кровать...

IV.

На постояломъ кипѣла работа. Аграфена, не покладая рукъ, работала по хозяйству. Никифоръ вывозилъ бревна изъ Березовскаго лѣса. Самъ Кузьма хлопоталъ по постройкѣ новаго дома.

Къ сентябрю былъ готовъ двухъэтажный срубъ. Затѣмъ стали настилать крышу и полы.

Кузьма справлялся стороной о матери. Она жила у дальней родни. Самъ онъ боялся къ ней заѣхать.

Digitized by Google

Безъ нея ему легче жилось; свободнѣе было бражничать, когда захочетъ. Аграфена раздобрѣла еще больше, словнобы помолодѣла. У нея появились шерстяныя платья, кашемировая душегрѣйка, серебрянный браслетъ съ камнемъ.

Молодая хозяйка была по душѣ Кузьмѣ; она оживляла монотоную жизнь постоялаго. Кузьма ей вполнѣ довѣрялъ. Въ первую же отлучку изъ дому онъ призвалъ ее и указалъ въ комодѣ узелокъ въ шелковомъ платкѣ.

— Коли несчастіе случится, напримѣръ пожаръ, спасай его первымъ долгомъ!—сказалъ онъ.

— Что тамъ?—поинтересовалась Аграфена,

— Деньги, процентныя бумаги, все мое состояніе!

— Много денегъ?

— Пятнадцать тысячъ.

Аграфена даже сѣла.

— Пятнадцать тысячъ!!—всплеснула она руками.

— Шш!..—остановилъ Кузьма.

— И ты дома держишь?! Въ казначейство бы свезъ!

— Покойнѣе дома; къ тому же, сама знаешь, какое у насъ мѣсто: случается, грабятъ на дорогѣ, даже убиваютъ; привезешь уйму денегъ, заподозрятъ еще...

V

Была глухая осень. Дожди распустили дороги. Кузьма ѣздилъ за припасами въ ближайшій городъ и стегалъ лошаденку, желая за-свѣтло поспѣть на паромъ. Распутица помѣшала ему. Онъ подъѣхалъ къ монастырю въ сумерки.

Дулъ сѣверный вѣтеръ. Рѣка вспѣнилась. Кузьма напрасно махалъ цвѣтнымъ шарфомъ: на постояломъ его не замѣчали.

— Глупая баба, трудно что ли прислать паромъ, на всякій случай, что-ли!—ворчалъ Кузьма. Сердце болѣзненно ныло и рвалось къ дому, словно чуя бѣду.

Въ воздухѣ показалась изморозь. Ненастье увеличивало тоску. Кузьма рѣшилъ оставить лошадь съ товаромъ въ монастырѣ и переправиться на челнѣ.

Стемнѣло. На постояломъ зажглись огни. Это придало Кузьмѣ бодрости. Онъ вскочилъ въ челнокъ и оттолкнулся отъ берега. Его подхватило вѣтромъ и теченіемъ; большихъ усилій стоило направлять носъ челна на огонь.

Между тѣмъ изморозь перешла въ мелкій частый дождь.

Монастырскій берегъ заволокло туманомъ. Вскорѣ скрылись огни постоялаго. Кузьма нервно налегалъ на весла. Прошло достаточно времени для того, чтобы достичь противоположнаго берега, между тѣмъ вокругъ челна плескались все тѣ-же однообразныя волны, его также бросало во всѣ стороны.

Кузьма пересталъ грести и тоскливо оглядѣлся. Ему вспомнилась вся его жизнь, недавняя ссора съ матерью,—и становилось еще страшнѣе. Зубы нервно стучали.

Вдругъ онъ замѣтилъ въ туманной мглѣ красноватую точку, медленно двигавшуюся, какъ будто кто шелъ съ фонаремъ. Кузьма снова схватился за весла. Челнъ ударился въ берегъ.

Кузьма выскочилъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и окаменѣлъ: по берегу шли Никифоръ и Аграфена. Завѣтный узелокъ Кузьмы въ шелковомъ платкѣ былъ у нея въ рукахъ Кузьма понялъ, что они несутъ деньги зарывать, упрятать въ лѣсу и, на ципочкахъ, боясь вздохнуть, боясь выдать себя, пошелъ за ними. Мѣсто, по которому они шли, онъ узналъ по плакучей ивѣ на берегу: его снесло на двѣ версты ниже постоялаго. Подойдя къ ивѣ, Никифоръ и Аграфена свернули въ лѣсъ.

— Здѣсь,—произнесъ Никифоръ и освѣтилъ бугоръ, закиданный хворостомъ. Кузьма притаился за деревомъ. Никифоръ расшвырялъ хворостъ и откинулъ дверь землянки.

Digitized by Google

Аграфена согнувшись вошла въ нее.

— Иди, голубчикъ, побудь со мной, теперь не скоро увидимся!—говорила Аграфена ласково Никифору.

— Нельзя, неровенъ часъ, самъ вернется; тогда не отвертишься; оба попадемся!

— Говорю тебѣ, не вернется; лошадь куда онъ денетъ?—Она втащила Никифора за рукавъ и обняла его. Двери землянки захлопнулись.

Кузьма остался въ темнотѣ. Онъ задыхался отъ бѣшенства.

— Бить ихъ, связать, топтать ногами!—стоналъ онъ, опрометью несясь къ дому.

VI.

Блѣдный, безъ шапки, съ нависшими на лицо мокрыми волосами вбѣжалъ онъ въ харчевню.

— Обманули, украли всѣ деньги!—закричалъ онъ, хватаясь за голову, упалъ на стойку и зарыдалъ. Его толкомъ распросили.

Постоялый всполошился. Кто схватилъ топоръ, кто захватилъ веревокъ, и по берегу двинулась ватага, человѣкъ въ десять. Впереди шелъ Кузьма, безцѣльно размахивая руками. По пути встрѣтился какой-то человѣкъ Его не окликнули; всѣ знали, что то былъ работникъ; его просто скрутили и оставили съ двумя человѣками. Остальные двинулись дальше.

Аграфену застали спящую. Кузьма бросился было на нее съ кулаками, но ему посовѣтовали лучше позаботиться о деньгахъ. Онъ схватилъ узелокъ и помчался къ дому.

На постояломъ уже былъ въ это время урядникъ: какой-то услужливый постоялецъ слеталъ на лошади въ станъ за четыре версты. Ждали пристава.

Тѣмъ временемъ привели Никифора и Аграфену.

Подкатилъ приставъ,—и начался допросъ.

Никифоръ былъ угрюмъ, говорилъ тихо, не поднимая глазъ.

—Спознался съ ней еще въ Питерѣ, когда торговалъ въ разносъ. Здѣсь встрѣтился ненарокомъ. Хозяинъ взялъ ее въ работницы, она подговорила обокрасть его.

— Деньги ты въ землянкѣ хотѣлъ зарыть?—спросилъ приставъ.

— Нѣтъ. Она въ ней сама прожила бы съ полъ мѣсяца, пока ее тутъ по близости искали бы.

Приставъ велѣлъ привести Аграфену.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ.

— Катериной Пономаревой, колпинская мѣщанка.

— Вретъ, вретъ,—запротестовалъ Кузьма,—ее Грушкой зовутъ, Аграфеной Ивановой.

— Для тебя только, лысый чортъ! — огрызнулась дѣвка. — Катерина Пономарева, ваше благородіе, колпинская мѣщанка; выслана изъ Петербурга, судилась три раза за кражи, въ Питерѣ гуляла.

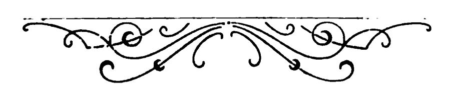
Она говорила быстро, желая скорѣе кончить допросъ; наканунѣ она съ Никифоромъ выпила, провела безсонную ночь, промокла; ее знобило, и хотѣлось спать. Она говорила откровенно. Кузьмѣ было стыдно людей. Онъ вышелъ.

VII.

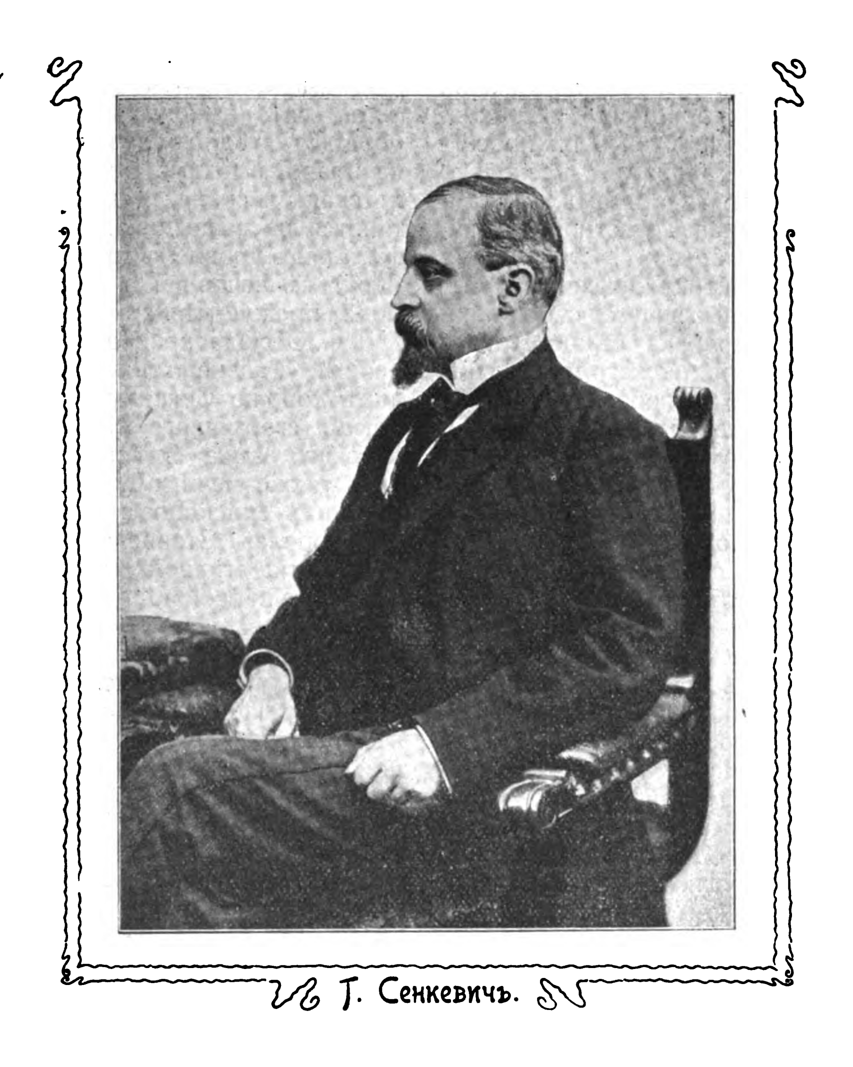
Свѣтало. По блѣдному небу неслись обрывки сѣрыхъ тучъ. Подморозило. Лужи затянуло ледкомъ. На подсохшей дорогѣ кружилась сѣнная труха.

Кузьма пристально смотрѣлъ на нее, сидя на крыльцѣ. Мысли его также безпорядочно кружились...

Г. Суринъ.

Digitized by Google

Г. Сенкевичъ.

Поѣздка въ Обленгорекъ.

Н. Ефимова.

Совершенно изъ ряда вонъ выдающійся подарокъ, который поднесло польское общество своему великому писателю Генриху Сенкевичу, а именно—купленное для него по подпискѣ обширное имѣніе, а также трогательная благодарственная рѣчь писателя, въ которой онъ такъ краснорѣчиво указалъ на національное и культурное значеніе этого „подарка писателю,—обратили на себя въ свое время общее вниманіе.

Въ виду популярности Сенкевича въ Россіи, мы полагаемъ, и для русскихъ читателей не безъинтересно будетъ узнать кое-какія подробности какъ объ этомъ имѣніи, такъ и о жизни въ немъ автора „Quo vadis'".

Обленгорекъ, — такъ называется помѣстье, подаренное Сенкевичу,— находится въ гминѣ Невахлевъ, Кѣлецкаго уѣзда.

Дорога изъ Кѣльцъ въ Обленго-

Digitized by Google

рекъ идетъ сперва на протяженіи 7 верстъ по хорошему петроковскому шоссе, затѣмъ—5 в. проселкомъ. За Кѣльцами, насколько можно окинуть взглядомъ, разстилается живописная мѣстность, окаймленная на горизонтѣ лѣсистыми отрогами свентокржижскихъ горъ, между коими выдѣляется своей красотой гора „Карчовка" съ костеломъ и зданіями бернардинскаго монастыря, составляющая излюбленное мѣсто прогулокъ кѣльчанъ, а также посѣщеній партій богомольцевъ, направляющихся чрезъ Кѣльцы въ Ченстоховъ.

Съ вершины горы, въ ясный день, видна расположенная въ 35 вер. Лысая гора съ костеломъ свентокржижскаго бенедиктинскаго монастыря. Правѣе—гора „Кадзельня" съ мощными залежами мрамора, пережигаемаго въ известь четырьмя гофмановскими и румфордскими печами. За Кадзельней—тамъ гдѣ до самыхъ Дыминскихъ горъ, къ очаровательной дачной горной мѣстности „Словикъ" тянется луговая равнина, перерѣзываемая линіей желѣзной дороги, прихотливо извивающейся рѣчкой Сельницей и бѣлой лентой хенцинскаго шоссе,—раскинулся фабричный поселокъ Бялоногъ, гдѣ въ 1817—1819 г.г. существовала плавильная печь „Александръ" (въ честь Императора Александра I) для выплавки изъ мѣди и олова серебра, изъ перваго слитка котораго, на варшавскомъ монетномъ дворѣ, выбито нѣсколько десятковъ медалей, нынѣ составляющихъ нумизматическую рѣдкость, въ діам. 2¼ вершка, съ рельефнымъ изображеніемъ на одной сторонѣ плавильной печи „Александръ" съ восходящимъ надъ нею солнцемъ и надписью по-польски сверху—„И для польскаго металла взошло солнце„, внизу „Печь Александра I въ Бялогѣ. 1817", а на оборотной сторонѣ-бюста Александра I съ надписью: „Творцу мира, воскресителю Польши".

На 6-ой верстѣ шоссе раскинулось амфитеатромъ деревня Невахлевъ, гдѣ нѣкогда существовали большія мѣдно-плавильныя печи, на право, на горѣ, бѣлѣетъ костомлотская часовня, а дальше шоссе тянется на возвышающуюся на 984 фута надъ уровнемъ моря „Медзяну-Гуру" съ часовней и копями мрамора, прежде-мѣди, открытыми въ XVI в. Отсюда краковскій епископъ Георгій Радзивиллъ прислалъ въ даръ королю Сигизмунду мѣдь для крыши сгорѣвшаго въ 1595 г. краковскаго замка; здѣсь приготовлялись также мечи и ружья. Отъ краковскихъ епископовъ копи перешли къ королю Станиславу Августу. Разработка мѣдной руды производилась до первой подпочвенной воды до 15 саж. глубины отъ поверхности земли; притокъ воды, не поддавшійся тогдашнимъ водочерпательнымъ машинамъ, помѣшалъ дальнѣйшей разработкѣ руды, оставленной въ 1824 г. На 8-ой верстѣ, съ шоссе надо свернуть влѣво, на проселочный неудобный путь, среди овраговъ, по песчаной и каменистой мѣстности, своими живописными видами восхищающей взоръ усталаго путника и тѣмъ самимъ вознаграждающей его за причиненные рытвинами и ухабами толчки. Вотъ, на право, словно стѣна, вытянулась характерная бронзоваго цвѣта Мѣдзяна-Гура, на лѣво—за лѣсомъ, на высокомъ холмѣ, господствующемъ надъ всею окрестностью, построенный въ XVI в. хелмскій костелъ-приходъ Сенкевича; тутъ дорога идетъ вблизи луга, съ соленымъ вкусомъ почвы и травы, заключающей по анализу до 15% соли (полагаютъ, что здѣсь находятся залежи соли; скотъ охотно ѣстъ хелмскую траву), а дальше, проѣхавъ небольшой сосновый лѣсокъ, въ низменности видишь деревню Бугай съ протекающей чрезъ нее быстрой рѣчкой того же имени.

Ѣдемъ подъ гору, проѣзжаемъ небольшій казенный лѣсокъ,—и взору нашему представляются: прекраснаа луговая долина, извивающаяся съ

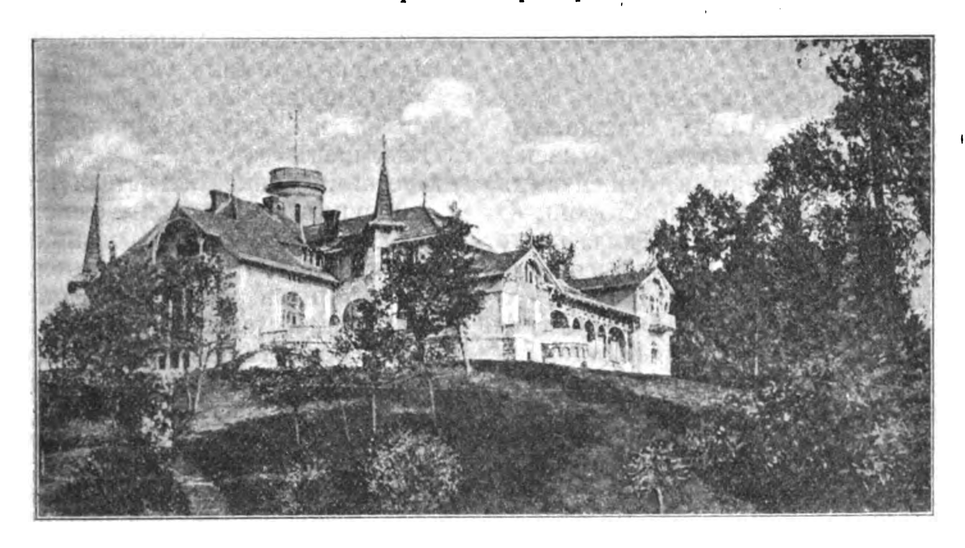

Digitized by Google

горы дорога, небольшая придорожная часовня, рѣчка и зелень густаго парка, а дальше—одинъ изъ кряжей обширной гряды свентокржижскихъ горъ, лѣсистая „Баранья-Гора“, а на склонѣ ея—цѣль нашей поѣздки, Обленгорекъ. Спускаемся въ оврагъ, по обѣ стороны котораго, утопая въ зелени садовъ, выстроились чистыя хаты деревни Обленгорекъ, тѣсно застроенной, насчитывающей до 40 дворовъ съ 500 жителей,—и мимо пруда въѣзжаемъ липовой аллеей въ имѣніе.

До 1885 г. оно входило въ составъ имѣнія Хелмце, и вмѣстѣ съ фольварками Бугай и другими принадлежало въ теченіе четырехъ вѣковъ роду графовъ Тарло, отъ коихъ въ 1883 г. пріобрѣтено кѣлецкимъ нотаріусомъ М. О. Галикомъ, очистившимъ его отъ сервитута отмежеваніемъ въ пользу обленгорскихъ крестьянъ 300 морговъ земли.

Задачей Сенкевичевскаго юбилейнаго комитета было выбрать изъ продававшихся тогда имѣній такое, чтобы оно удовлетворяло слѣдующимъ условіямъ: давало доходъ, не было бременемъ для Сенкевича и его наслѣдниковъ, отличалось красивымъ мѣстоположеніемъ и имѣло выгодное сообщеніе для писателя, его семьи и гостей. Осмотрѣвъ 16 имѣній въ разныхъ мѣстностяхъ края, комитетъ остановился на Обленгоркѣ и, по одобреніи Сенкевичемъ, пріобрѣлъ его за 45, 017 руб.

Имѣніе занимаетъ площадь въ 17 уволокъ или 515 морговъ, изъ нихъ 17 м. занимаютъ паркъ и фруктовый садъ, заключающій болѣе 1.000 свѣже—посаженныхъ фруктовыхъ деревьевъ, 150—пахотныя поля средняго качества, 240 — лѣса (въ томъ числѣ нѣсколько морговъ молодняка), 90—хорошіе луга, а прочее пространство занято зданіями для управителя имѣнія, конюшней и птичникомъ, Въ настоящее время общая стоимость юбилейнаго дара, съ пожертвованными картинами и инвентаремъ, превышаетъ 100 тыс. руб.

Вилла Сенкевича въ Обленгоркѣ.

Хотя Обленгорекъ, можетъ, быть и не дастъ Сенкевичу значительнаго дохода, за то, съ другой стороны, недостатокъ этотъ вполнѣ искупается прекраснымъ мѣстоположеніемъ имѣнія, будто созданнаго для человѣка, не имѣющаго возможности посвятить себя земледѣлію.

Какъ показываетъ само названіе, „Обленгорекъ“—значитъ „окруженный горами“, хотя, по народному

Digitized by Google

преданію, онъ получилъ свое названіе по слѣд. случаю. Въ очень отдаленное время, непріятель (надо полагать—шведы), занялъ окрестности г. Хенцинъ, грабилъ жителей, жегъ ихъ жилища, уводилъ въ плѣнъ женщинъ и дѣвушекъ. Люди уходили въ лѣса и дебри. Одна кучка ихъ со своимъ скотомъ скрылась въ густомъ лѣсу на горѣ. Непріятель окружилъ ихъ, чтобы отнять ихъ скотъ, но они защищались до тѣхъ поръ, пока не подоспѣлъ къ нимъ изъ хенцинскаго замка на помощь король, который и прогналъ непріятеля. Многіе изъ осажденныхъ, оставшись здѣсь, построили деревню, которую и назвали „Обленгоркомъ" (осажденная гора).

Варшавскимъ архитекторомъ Кудерой прежняя усадьба совершенно перестроена, расширена, украшена тремя разностилевыми башенками, а съ западной и южной стороны— роскошной верандой. Вилла построена на скатѣ горы, на высокомъ фундаментѣ, украшена рѣзьбой и, въ общемъ, производитъ впечатлѣніе легкой архитектурной постройки. Не смотря на то, что много строительнаго матеріала доставлено безвозмездно, а также безвозмездно исполнена часть работъ, постройка виллы и приведеніе имѣнія въ надлежащій видъ обошлись въ 36487 руб.

Изъ оконъ, балконовъ и галлерей виллы разстилаются чудеснѣйшіе и величественные виды на окрестные горы и лѣса, на окружающіе ее густолиственные садъ и паркъ, прорѣзанный рядами аллей и дорожекъ, полный зелени и декоративныхъ растеній. Однимъ изъ украшеній парка является прелестная лужайка съ бассейномъ ключевой воды, чистой какъ слеза, чрезвычайно вкусной и некогда не замерзающей зимой. Источникъ носитъ названіе одного изъ героевъ Сенкевича—„Урсусъ" и орошаетъ, при соотвѣтственномъ искусственномъ устройствѣ, цвѣтникъ; пара ручныхъ оленей пасется тутъ-же. Тишина и невозмутимый покой царятъ въ Обленгоркѣ, щедро одаренномъ природою и составляющемъ дѣйствительное убѣжище отъ житейскихъ тревогъ и суеты большихъ городовъ, а тихій шелестъ листьевъ высокихъ деревьевъ парка, будто говоръ старыхъ бардовъ, будитъ воспоминанія былыхъ лѣтъ и располагаетъ къ мечтательности и думамъ.

Панорама производитъ болѣе сильное впечатлѣніе съ балкона комнаты втораго этажа праваго флигеля,— тутъ можно сидѣть цѣлыми часами въ пріятномъ созерцаніи представляющихся видовъ. Вотъ на первомъ планѣ — террасы на склонѣ горы, ведущія къ тремъ рыбнымъ прудамъ; одна изъ нихъ украшена бюстомъ Сташица; на второмъ — деревни Стравчинскъ и Промникъ и с. Пѣкошевъ съ двумя высокими готическими башнями кастела и громадой руинъ замка, полнаго легендарныхъ исторій; за нимъ цѣпь хенцинскихъ горъ, на одной изъ вершинъ которыхъ рѣзко выдѣляются на горизонтѣ, словно маяки, три высокія, почернѣвшія башни замка короля Локетка; еще дальше—голубоватыя горы, покрытыя лѣсами, золотые отблески скалистыхъ ущелій и раскинувшаяся перспектива видовъ, то утопающихъ во мглѣ, то снова прозрачныхъ, чарующихъ взглядъ, складывающихся въ картину, полную выраженія и поэзіи.

Двадцать комнатъ составляютъ вполнѣ достаточное помѣщеніе даже для большой семьи, живущей на широкую ногу, не только для жены Сенкевича, его сына и дочери.

Прошлыя лѣто и осень первые, которые провелъ корифей польской литературы въ своемъ имѣніи, послѣ варшавскаго уличнаго шума, духоты и суеты, пользуясь пріятнымъ, укрѣпляющимъ нервы, отдыхомъ.

Свое жилище Сенкевичъ устроилъ съ большимъ вкусомъ. Его богатыя коллекціи отчасти облегчили эту задачу. Весь низъ виллы заполненъ

Digitized by Google

подарками почитателей его таланта —не только соотечественниковъ, но и чужеземцевъ обоихъ полушарій.

Сенкевичъ—отличный стрѣлокъ, и вестибюль его виллы вмѣщаетъ десятки трофеевъ африканскихъ и азіятскихъ его путешествій, чучелъ убитыхъ имъ крупныхъ звѣрей. И теперь, съ каждой охоты Сенкевичъ не возвращается съ пустыми руками.

Въ кабинетѣ его помѣщается часть его библіотеки и обширное собраніе переводовъ его сочиненій почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ и нѣсколькихъ азіятскихъ. Многіе изъ этихъ переводовъ вышли нѣсколькими изданіями и украшены иллюстраціями первоклассныхъ европейскихъ художниковъ. Особенной роскошью выдѣляются англійскія и испанскія изданія, отпечатанныя въ Сѣверной Америкѣ. Всѣ эти экземпляры съ посвященіями присланы автору иностранными издателями, напр., вышедшій въ Берлинѣ роскошный альбомъ съ иллюстраціями къ „Крестоносцамъ", почти въ квадратный метръ, подаренъ берлинскими издателями автору „въ знакъ признательности его таланту, выдающемуся изъ рамокъ обыкновенной литературной извѣстности".

Характерна та особенность, что изъ русскихъ издателей, выпустившихъ по нѣсколько изданій всѣхъ сочиненій Сенкевича, никто не прислалъ ему въ даръ ни по одному экземпляру его сочиненій.

На большомъ письменномъ столѣ посреди кабинета лежатъ ежедневно просматриваемыя Сенкевичемъ „Kurjer Warszavski", „Gazeta Polska", „Slovo", также „Gazeta Lwowska", „Gazeta Kielecka" и нѣсколько иллюстрированныхъ изданій мѣстныхъ и заграничныхъ. Ежедневно Сенкевичъ получаетъ десятки писемъ изъ разныхъ странъ свѣта, больше всего съ просьбами объ автографахъ и афоризмахъ. Англичане и американцы особенно надоѣдаютъ Сенкевичу такими просьбами. Онъ исполнилъ уже нѣсколько тысячъ такихъ просьбъ и теперь просто утомляется назойливостью американцевъ, французовъ и испанцевъ: слава имѣетъ терніи....

Къ кабинету примыкаетъ залъ, стѣны котораго украшаютъ два превосходныхъ портрета Похвальскаго и не менѣе любопытная картина знаменитаго, безвременно угасшаго художника, изображающая римскій костелъ „Quo vadis".

Вообще въ залѣ очень много изящныхъ, цѣнныхъ и памятныхъ вещей, подаренныхъ автору „Семьи Поланецкихъ" во время его юбилея.

Трогательны глубокое уваженіе и предупредительность, какими пользуется Сенкевичъ не только среди своихъ соотечественниковъ, но и чужеземцевъ: они учреждаютъ стипендіи его имени и, чѣмъ кто можетъ, украшаютъ его жилище. Юбилейный комитетъ по чествованію Сенкевича вручилъ ему альбомъ въ старинномъ стилѣ, съ автографами жертвователей и актъ дара, написанный на пергаментѣ „кунштовнымъ шрифтомъ" (средневѣковая каллиграфія) съ иллюстраціями д-ра Пешке. Поклонница Сенкевича, Юлія Бакъ подарила прекрасную картину Свѣжевскаго „Дунаецъ въ Піенинахъ", полагая, что взглядъ писателя съ удовольствіемъ будетъ останавливаться на видѣ любимой имъ мѣстности; съ такою же цѣлью ординатъ гр. Адамъ Красинскій пожертвовалъ великолѣпную „Элегію" Семирадскаго, а одна изъ польскихъ княгинь—бронзовый саркофагъ на четырехъ орлахъ, съ кусками одеждъ почивающихъ въ Вавелѣ королей; сверху саркофага изображено знамя и на немъ королевскія регаліи; кн. Сангушко подарилъ пару лошадей, стоимостью, какъ говорятъ, въ 3000 руб. Изъ Италіи, отъ администраціи театра „Manzani„, прислана, на память о представленіи „Quo vadis", красивая, вышиною 1/4 арш. статуэтка „Побѣды", подающей лавровый вѣнокъ, представляющая артистически ис-

Digitized by Google

полненную копію съ помпейской „Nike", (побѣды) въ неаполитанскомъ музеѣ; администрація театра въ Неаполѣ подарила Сенкевичу репродукцію извѣстной статуи „Фарнезійскаго быка" и т. д.

Сенкевичъ весь поглощенъ историческими работами, *) и съ особою любовью и знаніемъ работаетъ въ этомъ мірѣ прошлаго, оживляется, когда говорятъ о немъ, и съ удивительною ясностью комментируетъ каждый значительный фактъ.

Отличительная черта характера знаменитаго романиста — простота, искренность и прямодушіе, свободныя отъ педантизма и нервозности. Эта ровность характера, далекая отъ напыщенности и самомнѣнія, дѣлаетъ Сенкевича обаятельнымъ въ каждомъ обществѣ, выдѣляя его изъ плеяды литературныхъ корифеевъ, иногда просто не выносимыхъ изъ-за своей эксцентричности.

Всѣ мелкія работы по хозяйству въ имѣніи Сенкевичъ передалъ ближайшему своему сосѣду—владѣльцу Промника г. Поплавскому и теперь болѣе свободно можетъ отдаваться историческимъ изслѣдованіямъ, требующимъ не только муравьинаго труда, но и совершеннаго покоя.

На недостатокъ общества владѣлецъ Обленгорка пожаловаться не можетъ: не проходитъ недѣли, чтобы кто нибудь не пріѣхалъ къ нему, не гостилъ у него, напр., недавно у него гостили американскіе делегаты Крушка и Махану, адвокатъ изъ Буффало, ѣздившіе въ Римъ по дѣлу польскихъ епископовъ въ Сѣверной Америкѣ; гостилъ также переводчикъ его сочиненій на англійскій языкъ Куруинъ, отправившійся отсюда въ Познань, дабы ближе ознакомиться съ тамошними польско-нѣмецкими отношеніями.

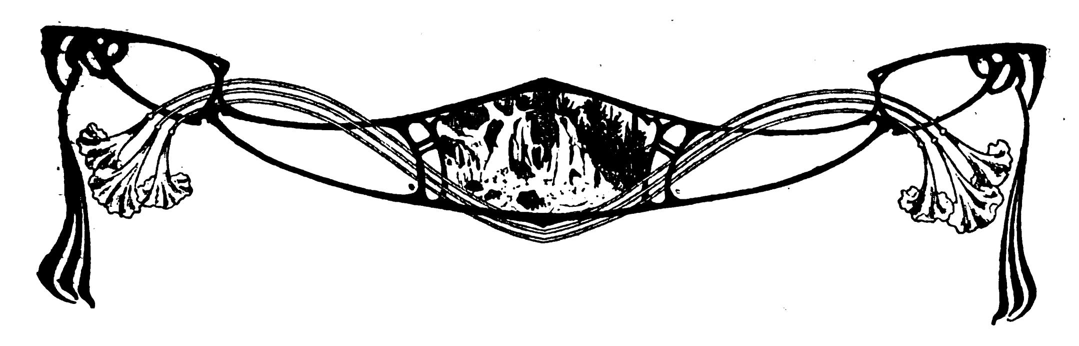
Ежедневно, послѣ нѣсколькихъ часовъ занятій въ кабинетѣ, Сенкевичъ спѣшитъ въ паркъ или лѣсъ, гдѣ среди дикой, но прекрасной природы, отдыхаетъ, черпая силы и вдохновеніе къ дальнѣйшимъ, столь плодотворнымъ и богатымъ трудамъ. Не сомнѣваемся, что въ Обленгоркѣ, подъ сѣнью этого заслуженнаго „пріюта", изъ-подъ пера знаменитаго писателя выльется еще не одно прекрасное произведеніе.

Н. Ефимовъ.

*) Недавно еще онъ обрабатывалъ историческую повѣсть „на полѣ битвѣ".

Digitized by Google

Съ какого времени слѣдуетъ начинать воспитаніе ребенка.

Профессора В. Груздева. (Казань).

Съ какого времени слѣдуетъ начинать воспитаніе ребенка? Если Вы зададите этотъ вопросъ даже интеллигентному человѣку, то въ лучшемъ случаѣ получите въ отвѣтъ, что воспитаніе ребенка слѣдуетъ начинать съ первыхъ же дней послѣ его появленія на свѣтъ. Между тѣмъ это далеко не такъ. Правда, моральное и интеллектуальное воспитаніе можетъ быть начинаемо лишь тогда, когда у дитяти появятся первые проблески сознанія, но физическое воспитаніе ребенка,— если понимать подъ этимъ словомъ сумму воздѣйствій, имѣющихъ цѣлью болѣе совершенное развитіе дѣтскаго организма,— должно быть начинаемо не тогда, когда ребенокъ уже вполнѣ созрѣетъ для внѣутробной жизни, а тогда, когда его организмъ только еще формируется, когда онъ еще живетъ, выражаясь научнымъ языкомъ, эмбріональной жизнью, когда онъ находится въ утробѣ матери.

Положеніе это, громадная важность котораго, къ сожалѣнію, далеко невсегда въ достаточной мѣрѣ сознается, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Его истинность понятна уже a priori. Въ самомъ дѣлѣ, ребенокъ ко времени своего рожденія вполнѣ получаетъ уже ту физическую организацію, которая сохраняется у него на всю жизнь. Начинать воспитательное воздѣйствіе на эту организацію уже послѣ роженія ребенка—не то-ли же самое, что пробовать прививать извѣстные нравственные принципы 20-лѣтнему юношѣ, которому ранѣе принципы эти были совершенно чужды? Положимъ, опытъ жизни показываетъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ возможно совершенно переродить нравственную природу даже взрослаго человѣка; но какъ рѣдко это случается, какихъ усилій и какого благопріятнаго стеченія обстоятельствъ требуетъ это перерожденіе! Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно физическаго воспитанія ребенка послѣ его рожденія. Правда, путемъ раціональныхъ мѣропріятій, гигіеническихъ и лѣчебныхъ, можно достигнуть того, что изъ ребенка, родившагося недоношеннымъ, въ концѣ концовъ сформируется вполнѣ здоровый человѣкъ, а изъ ребенка-рахитика выростетъ человѣкъ съ нормальнымъ скелетомъ. Но сколько для этого потребуется труда, времени и средствъ, и какъ часто,

Digitized by Google

несмотря на всѣ усилія воспитателей и врачей, указанная цѣль остается недостигнутой!

Говоря это, я отнюдь не имѣю въ виду умалить важности воспитательныхъ мѣръ, примѣняемыхъ къ ребенку уже послѣ его рожденія. Значеніе этихъ мѣръ общепризнано, и было-бы нелѣпостью отрицать его... Я хочу только сказать, что мѣры эти лишь тогда увѣнчиваются успѣхомъ, когда объектомъ ихъ примѣненія является ребенокъ, родившиеся здоровымъ и правильно развитымъ; иначе онѣ зачастую остаются безплодными...

Итакъ, повторяю, физическое воспитаніе ребенка,—воздѣйствіе, имѣющее цѣлью болѣе совершенное развитіе послѣдняго,—должно быть начинаемо тогда, когда ребенокъ живетъ еще жизнью зародыша. Но, спрашивается, возможно-ли подобное, такъ сказать, внутриутробное воспитаніе ребенка? Въ состояніи-ли мы оказать хоть какое-нибудь вліяніе на развитіе дѣтскаго организма еще въ то время, когда организмъ этотъ скрытъ въ нѣдрахъ организма матери?

Чтобы отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ ясенъ читателямъ, посмотримъ, какъ живетъ внутриутробный плодъ въ продолженіе тѣхъ 280 дней, изъ которыхъ состоитъ циклъ нормальной беременности.

Какъ ни продолжителенъ, относительно, этотъ періодъ, однако въ теченіе его организмъ плода переживаетъ цѣлый рядъ метаморфозъ: за эти 280 дней онъ, ступень за ступенью, проходитъ всю лѣстницу организмовъ и перешагиваетъ громадную пропасть, отдѣляющую „царя природы“ отъ какой-нибудь амебы. Соотвѣтственно измѣненіямъ организаціи зародыша измѣняются, понятно, и его жизненныя отправленія.

Я не буду подробно описывать всѣ эти метаморфозы: во-первыхъ, это завело-бы меня слишкомъ далеко,—я долженъ былъ-бы изложить курсъ цѣлой науки, эмбріологіи; а во-вторыхъ, подробное перечисленіе всѣхъ измѣненій въ строеніи зародыша и не нужно,—для нашей цѣли совершенно достаточно, если мы въ самыхъ общихъ чертахъ познакомимся съ условіями жизни плода въ два главныхъ періода его развитія,—періодъ доплацентарнаго и періодъ плацентарнаго существованія зародыша.

Первый періодъ сравнительно очень непродолжителенъ: изъ десяти лунныхъ, т. е. 28-дневныхъ, мѣсяцевъ нормальной беременности къ нему относятся лишь первые 2. Въ самомъ началѣ его будущій „царь природы“ представляетъ собою, подобно наиболѣе низшимъ существамъ органическаго міра, простую клѣточку, разглядѣть которую болѣе или менѣе ясно можно только съ помощью микроскопа (рис. 1). Клѣточка эта, вышедши изъ женской половой железы, или яичника, прежде всего попадаетъ въ яйцепроводъ, или Фаллопіеву трубу, по каналу которой и передвигается къ маткѣ. Во время этого странствованія по яйцепроводу она оплодотворяется и быстро начинаетъ размножаться („сегментиро-

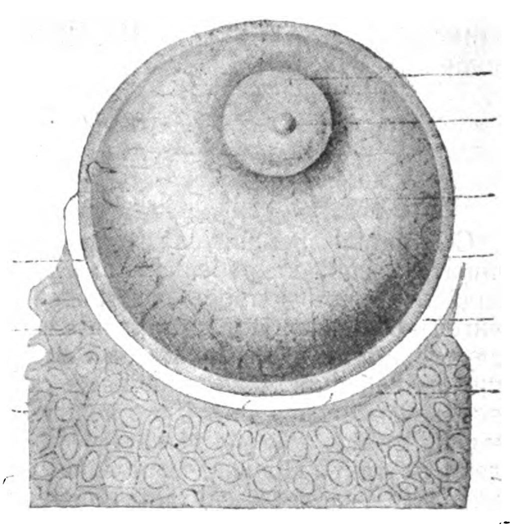

Рис. 1. Зрѣлое яйцо изъ яичника женщины по *Kollmann*'у. Яйцо снаружи окружено прозрачной оболочкой—*zona pellucida*; внутри его лежитъ круглое ядро („зародышевый пузырекъ“) съ ядрышкомъ („зародышевое пятно“). Линейное увелич. въ 25 разъ.

Digitized by Google

ваться"), такъ что черезъ самое короткое время, измѣряемое даже не днями, а часами, превращается въ шарикъ, состоящій изъ массы соединенныхъ между собою дочернихъ клѣтокъ (рис. 2.) Затѣмъ этотъ ша-

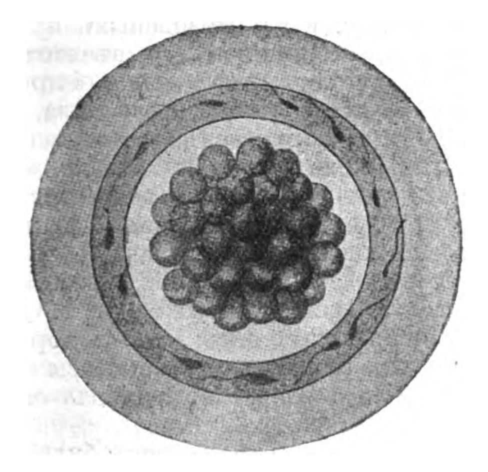

Рис. 2. Сегментація яйца по *Bischoff*'у.

рикъ, путемъ распаденія центральныхъ клѣтокъ, превращается въ наполненный жидкостью пузырекъ, на оболочкѣ котораго въ одномъ мѣстѣ замѣчается небольшое пятнышко,—будущее тѣло зародыша (рис. 3). Въ

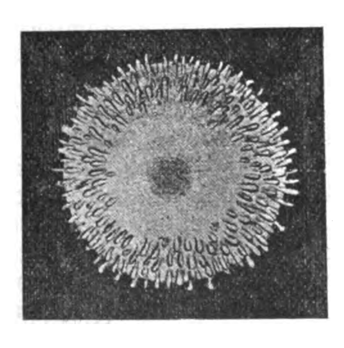

Рис. 3. Человѣческое яйцо въ стадіи зародышеваго пузыря, по *Reichert*'у. Круглое пятнышко въ серединѣ—будущее тѣло зародыша. Лин. ув. въ 6 разъ.

такомъ видѣ яйцо изъ Фаллопіевой трубы достигаетъ полости матки и здѣсь прививается на стѣнкѣ послѣдней, причемъ слизистая оболочка матки тѣсно обростаетъ его со всѣхъ сторонъ, образуя для яйца какъ-бы наружный футляръ.

Проходитъ съ этого момента около 4 недѣль. Яйцо изъ микроскопическаго образованія превращается въ образованіе, съ грецкій орѣхъ величиною. Кромѣ наружнаго футляра изъ видоизмѣненной слизистой оболочки матки, у него формируется тѣсно связанный съ первымъ внутренній футляръ, состоящій изъ двухъ оболочекъ—наружной ворсистой и внутренней водной. Внутри

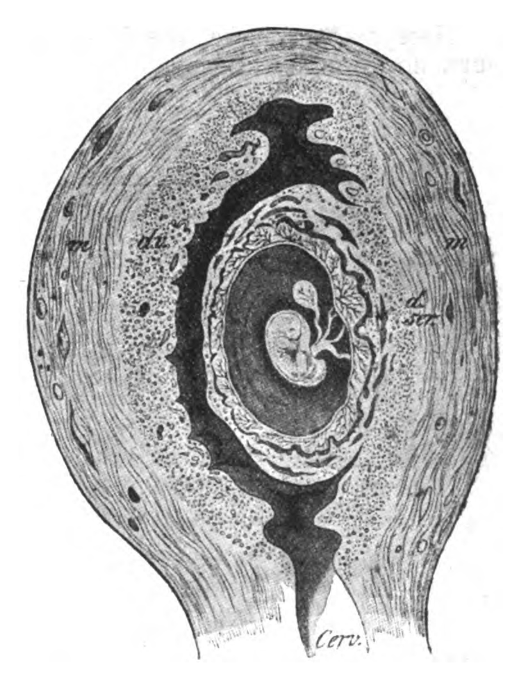

Рис. 4. Разрѣзъ чрезъ беременную матку съ яйцомъ на 5-й недѣлѣ развитія, по *Dickinson*'у.

этого футляра находится жидкость, въ которой и плаваетъ зародышъ, перемѣстившійся съ периферіи яйца въ центръ его. Самый видъ зародыша къ этому времени рѣзко мѣняется: вмѣсто крошечнаго пятнышка мы имѣемъ теперь предъ собою своеобразное существо, въ которомъ, однако, на первый взглядъ нѣтъ ничего, похожаго на фигуру человѣка; незнакомый съ тайнами науки скорѣе скажетъ, что это существо походитъ на личинку или червячка; длина его

Digitized by Google

не превышаетъ 7—7½ миллиметровъ (рис. 4).

Еще 4 недѣли,—и нашъ „червячекъ“ превращается въ существо, въ которомъ, при внимательномъ осмотрѣ, уже не трудно узнать будущаго человѣка. У него можно различить несоразмѣрно большую голову, туловище, руки, ноги (рис. 5). Длина его возрастаетъ до 3—4 сантиметровъ. Состоящій изъ оболочекъ футляръ, служащій ему мѣстопребываніэмъ, увеличивается до объема куринаго яйца.

Наступаетъ, далѣе, третій и вмѣстѣ послѣдній мѣсяцъ доплацентарнаго періода зародышевой жизни будущаго человѣка. Плодъ выростаетъ къ этому времени до 7—9 сант. въ длину. На его рукахъ и ногахъ начинаютъ различаться пальцы, и вообще внѣшнія формы его тѣла получаютъ окончательное сходство съ формами человѣческаго тѣла. Относительно внутреннихъ органовъ слѣдуетъ сказать то же самое. Яйцо, внутри котораго помѣщается зародышъ, становится больше гусинаго, и на одномъ изъ участковъ его периферіи окончательно формируется дѣтское мѣсто, или плацента,—спеціальный органъ, играющій чрезвычайно важную роль во всей дальнѣйшей жизни плода. Какое строеніе имѣетъ этотъ органъ, и какова его физіологическая роль,— объ этомъ, впрочемъ, я не буду говорить теперь, а закончу обзоръ жизни плода въ первый, доплацентарный періодъ его развитія.

Рис. 5. Человѣческій зародышъ 7½-недѣльнаго развитія по *His'* 4. Увеличено. (Дѣйствительная высота—1,8 сант.).

Главнѣйшій изъ жизненныхъ процессовъ, имѣющій мѣсто въ этотъ періодъ, въ организмѣ плода,— процессъ роста и развитія его тѣла,— мною уже обрисованъ, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ. Но, кромѣ этого процесса, жизнь всякаго организма слагается еще изъ цѣлаго ряда другихъ физіологическихъ процессовъ, каковы: питаніе, дыханіе, кровообращеніе, движеніе и т. п. Спрашивается теперь: какимъ образомъ совершаются эти процессы у зародыша въ первый періодъ его существованія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ кратокъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ физіологическихъ процессовъ, имѣющихъ мѣсто въ организмѣ развитаго человѣка,—въ данный періодъ жизни зародыша совершенно отсутствуютъ, по той простой причинѣ, что у него не имѣется еще для нихъ соотвѣтственныхъ органовъ, а нѣкоторые другіе процессы у зародыша до сихъ поръ еще слишкомъ мало изучены. Въ общемъ можно сказать, что человѣческій зародышъ, въ разбираемый періодъ своего существованія, живетъ скорѣе жизнью растенія, чѣмъ животнаго. Какъ растеніе всасываетъ питательные соки изъ почвы своими корнями, такъ и человѣческое яйцо, въ данный періодъ развитія, всасываетъ необходимыя для постройки тѣла зародыша питательныя вещества изъ окружающей его слизистой оболочки матки, всею своею поверхностью. Особенно важную роль при этомъ играетъ ворсистая оболочка яйца; послѣдняя потому и называется ворсистой, что снабжена на всей своей поверхности множествомъ похожихъ на корешки отростковъ, такъ называемыхъ ворсинокъ. При помощи этихъ-то от-

Digitized by Google

ростковъ, внѣдряющихся въ слизистую оболочку матки, яйцо и укрѣпляется на маточной стѣнкѣ, какъ растеніе своими корнями—въ почвѣ; ими же оно всасываетъ и необходимые для зародыша питательные соки. Очевидно, стало быть что въ данный періодъ своего существованія зародышъ находится въ такой же непосредственной связи и зависимости отъ слизистой оболочки матки, въ какой растеніе находится въ зависимости отъ почвы. Этою фразою, мнѣ кажется, условія жизни человѣческаго зародыша въ ранній періодъ его развитія характеризуются лучше, чѣмъ всякими длинными разсужденіями, а потому, не вдаваясь въ нихъ, я прямо перейду ко второму періоду внутриутробнаго существованія ребенка.

Достаточно бросить хотя-бы бѣглый взглядъ на анатомическое строеніе плоднаго яйца, чтобы замѣтить, что въ этотъ періодъ условія жизни плода существенно отличаются отъ предыдущаго періода. Раньше, какъ мы видѣли, плодное яйцо вмѣстѣ съ зародышемъ было всею своею массой тѣсно связано съ материнской почвой, со стѣнкой матки; оно представляло собою какъ-бы наростъ на этой стѣнкѣ, какъ-бы часть ея. Теперь и самъ плодъ, и его жилище, плодное яйцо, въ значительной степени обособляются отъ организма матери. Ворсинки, которыми прежде яйцо укрѣплялось въ маткѣ, на большей части его окружности исчезаютъ, и периферія яйца начинаетъ большею своею частью просто прилегать къ маточной стѣнкѣ, не сростаясь съ ней. Такимъ образомъ съ одной стороны, яйцевой футляръ, служащій мѣстопребываніемъ плода, обособляется отъ матки; съ другой стороны, самый плодъ обособляется отъ своего жилища,—онъ остается соединеннымъ съ нимъ лишь при помощи шнурка пуповины, достигающаго въ концѣ беременности длины около 50 сант. Одновременно съ этимъ онъ получаетъ организацію, приспособленную для болѣе самостоятельной жизни, чѣмъ прежде.

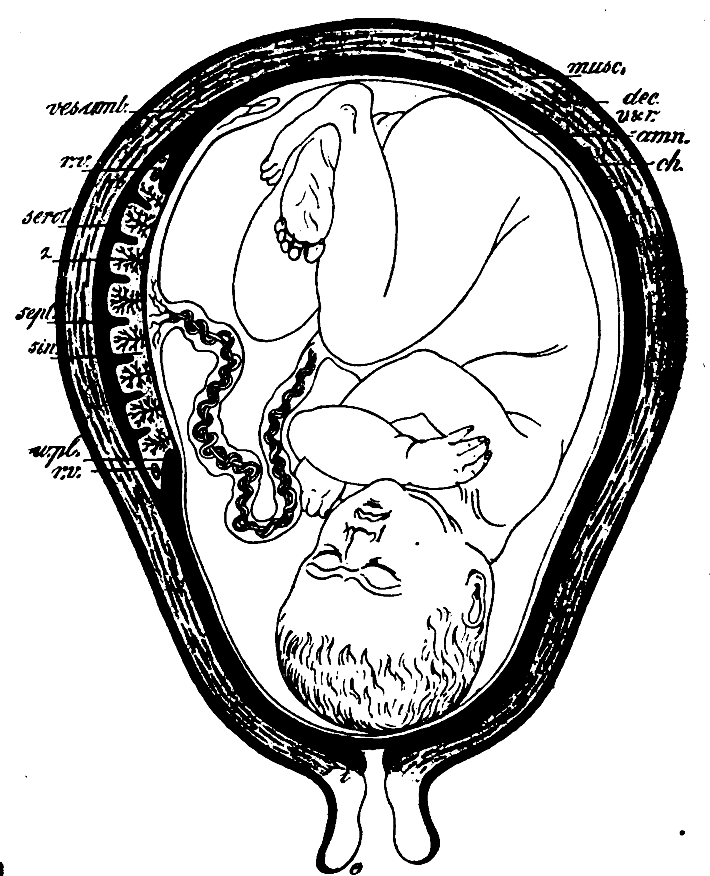

Рис. 6. Схематическое изображеніе матки съ ея содержимымъ въ концѣ беременности по *Ahlfeld*'у. *musc.*—мышечная стѣнка матки; *dec.*—материнская оболочка яйца; *ch*—ворсистая оболочка; *amn.*—водная оболочка; *rv.*, *scrot.*, *sin.* и пр.—плацента.

Digitized by Google

Теперь это—уже настоящій маленькій человѣкъ, у котораго есть и легкія, способныя дышать, и пищеварительный аппаратъ, способный воспринимать и переваривать пищу, и мышцы, способныя приводить его тѣло въ движеніе, и всѣ другіе органы, которыми обладаемъ и мы, взрослые люди. О внѣшнемъ видѣ плода нечего и говорить,—теперь это по внѣшности, повторяю, настоящій человѣкъ (рис. 6).

Въ соотвѣтствіи съ измѣнившейся организаціей плода измѣняется и его физіологическая жизнь: во второмъ періодѣ зародышевой жизни у плода появляются многія физіологическія отправленія, независимыя отъ функцій организма матери. Ребенокъ начинаетъ, напр., производить самостоятельныя движенія ручками и ножками, причемъ эти движенія, вначалѣ очень слабыя, около половины беременности становятся настолько сильны, что начинаютъ ощущаться матерью. Ребенокъ начинаетъ дѣлать глотательныя движенія и глотаетъ окружающую его околоплодную жидкость. Очень вѣроятно, что въ концѣ беременности ребенокъ мочится, причемъ его моча попадаетъ въ ту же околоплодную жидкость. Его печень начинаетъ отдѣлять желчь, скопляющуюся въ кишечникѣ въ видѣ меконія, или первороднаго кала, а сальныя железы кожи отдѣляютъ значительное количество сала, вслѣдствіе чего ребенокъ обыкновенно и появляется на свѣтъ обильно покрытымъ этимъ саломъ,—такъ называемою сыровидною смазкою.

Однако, далеко не вся физіологическая жизнь плода, даже близкаго къ полной зрѣлости, является самостоятельною, независимою отъ жизни матери. Главнѣйшія жизненныя отправленія плода,—его кровеобращеніе, дыханіе и питаніе,—до самаго рожденія продолжаютъ оставаться въ непосредственной связи и зависимости отъ соотвѣтственныхъ функцій организма матери, причемъ анатомическимъ орудіемъ этой связи является плацента. Органъ этотъ играетъ такую первостепенную роль во внутриутробной жизни плода, что, дабы понять ее, мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться на его строеніи.

Итакъ, что такое плацента?

О микроскопическомъ видѣ ея читатели могутъ составить себѣ представленіе по прилагаемымъ рисункамъ (рис. 6 и 7). Какъ видно изъ этихъ рисунковъ, плацента, или дѣтское мѣсто, представляетъ собою лепешкообразное тѣло, соединенное

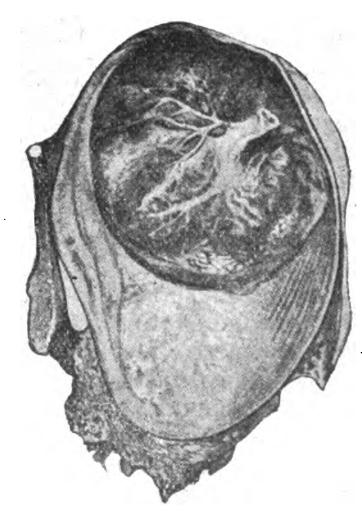

Рис. 7. Плацента въ концѣ беременности по *Küstner*'у (пуповина отрѣзана).

съ тѣломъ плода при помощи пуповины, или пупочнаго канатика. Въ концѣ беременности тѣло это имѣетъ около 16 сант. въ поперечникѣ, при 3 сантиметрахъ толщины, и вѣситъ приблизительно 500 грм., т. е. $1^1/_4$ фун. Одною своею поверхностью плацента плотно прилежитъ къ стѣнкѣ матки, другою, къ которой прикрѣпляется пуповина, обращена въ полость плоднаго пузыря.

Генетически, т. е. по своему происхожденію, плацента представляетъ собою ничто иное, какъ часть ворсистой оболочки плоднаго яйца плюсъ соотвѣтственный участокъ измѣнившейся подъ вліяніемъ бере-

Digitized by Google

менности слизистой оболочки матки. Выше я уже замѣтилъ, что ворсистая оболочка, составляющая наружную оболочку плоднаго яйца, въ доплацентарный періодъ существованія зародыша бываетъ на всемъ своемъ протяженіи покрыта ворсинками. Я говорилъ далѣе, что, когда приближается второй періодъ внутриутробной жизни плода, то на большей части окружности яйца ворсинки эти исчезаютъ; на одномъ участкѣ, одна-

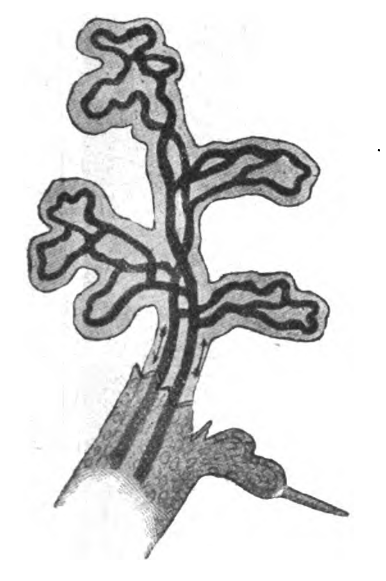

Рис. 8. Схематическое строеніе плацентарной ворсинки, по *Kollmann*'у.

ко, онѣ не только не исчезаютъ, а напротивъ, сильно разростаются. Эти то разросшіяся ворсинки образуютъ главную часть плаценты, такъ называемую плодовую ея часть, тогда какъ вторую часть плаценты, материнскую, образуетъ, повторяю, часть видоизмѣненной слизистой оболочки матки.

Посмотримъ теперь въ отдѣльности, что представляетъ собою каждая ворсинка плаценты. Изъ рис. 8-го, представляющаго окончаніе одной ворсинки въ сильно увеличенномъ видѣ, можно замѣтить, что каждая ворсинка представляетъ собою нѣчто въ родѣ деревца съ нѣсколькими вѣточками. Снаружи и стволъ деревца, и вѣточки одѣты чрезвычайной тонкой оболочкой (которая на рисункѣ съ верхушки ворсинки удалена, чтобы показать, что находится внутри этой оболочки). Внутри этой оболочки расположена такъ называемая строма или скелетъ ворсинки, состоящій, конечно, не изъ кожи, а изъ мягкой т. наз. соединительной ткани. Наконецъ, въ ткани этой лежатъ тончайшіе, такъ называемые волосяные сосуды, или капилляры. Каждый капилляръ представляетъ собою тончайшую трубочку, несущую въ себѣ кровь. Какъ видно изъ рисунка, въ каждомъ развѣтвленіи ворсинки имѣются 2 капилляра,— одинъ приноситъ кровь въ окончаніе ворсинки, другой уноситъ ее обратно. Въ концѣ каждаго развѣтвленія ворсинки приносящій кровь капилляръ непосредственно переходитъ въ капилляръ, отводящій ее обратно.

Откуда же, спрашивается, берутся эти капилляры? Если прослѣдить ихъ ходъ, то мы увидимъ, что они представляютъ собою конечныя развѣтвленія сосудовъ пуповины. Я уже говорилъ, что плодъ бываетъ связанъ съ обращенной къ нему поверхностью дѣтскаго мѣста при помощи довольно длиннаго шнурка— пуповины. Шнурокъ этотъ содержитъ внутри три крупныхъ сосуда,— 2 артеріальныхъ и одинъ венозный, 2 пупочныхъ артеріи и одну пупочную вену (рис. 6). По артеріямъ кровь идетъ изъ тѣла плода въ плаценту, по венѣ уносится обратно изъ плаценты въ тѣло плода. Вступая изъ пуповины въ плаценту, всѣ эти сосуды дѣлятся на ея обращенной къ плоду поверхности на радіально расходящіяся крупныя вѣтви, эти послѣднія—на болѣе мелкія и т. д., причемъ, по мѣрѣ развѣтвленія, вѣтви пуповичныхъ сосудовъ все глубже внѣдряются въ толщу плаценты. Въ концѣ концовъ самыя мелкія вѣтви дѣлятся на капилляры, которые и проникаютъ описаннымъ

Digitized by Google

уже образомъ въ ворсинку. При этомъ въ каждую ворсинку проникаютъ непремѣнно 2 капилляра—одинъ венозный, другой—артеріальный.

Чтобы закончить обзоръ строенія плаценты, намъ надобно еще познакомится съ другою ея частью, съ материнскою. Для этой цѣли намъ будетъ служить рисунокъ 9, представляющій схематическій разрѣзъ черезъ всю толщу плаценты съ прилежащею къ ней частью маточной стѣнки. Здѣсь читетели увидятъ вверху нѣсколько ворсинокъ, между которыми располагаются промежутки, такъ называемыя межворсинчатыя пространства, а ниже лежитъ слизистая оболочка матки, прилежащая къ самому нижнему слою мышечной стѣнки матки.

Эта часть слизистой оболочки матки, видоизмѣненной подъ вліяніемъ беременности, и составляетъ, какъ я уже упоминалъ, материнскую часть плаценты. Для насъ въ высшей степени важно знать, что она очень богата кровеносными сосудами, представляющими собою развѣтвленія сосудовъ матки, при чемъ эти сосуды, какъ можно видѣть на рисункѣ, непосредственно открываются въ межворсинчатыя пространства. Послѣднія являются такимъ образомъ наполненными материнскою кровью, непосредственно омывающею всѣ развѣтвленія ворсинокъ. Кровь эта разумѣется, не остается безъ движенія, а постепенно циркулируетъ: одни сосуды, артеріальные, постепенно приносятъ новыя ея порціи, а другіе, венозные, уносятъ обратно изъ межворсинчатыхъ пространствъ.

Теперь, когда мы подробно познакомились съ строеніемъ плаценты, намъ легко будетъ понять, какимъ образомъ происходятъ процессы кровеобращенія и дыханія у утробнаго плода. У человѣка, живущаго внѣутробной жизнью, эти отправленія, какъ извѣстно, совершаются слѣдующимъ образомъ: лѣвый отдѣлъ сердца посылаетъ артеріальную, богатую кислородомъ кровь, сначала чрезъ аорту, а потомъ чрезъ ея развѣтвленія до самыхъ мелкихъ,—артеріальныхъ капилляровъ,—включительно, во всѣ участки нашего тѣла. Проходя по системѣ аорты, кровь отдаетъ тканямъ тѣла необхо-

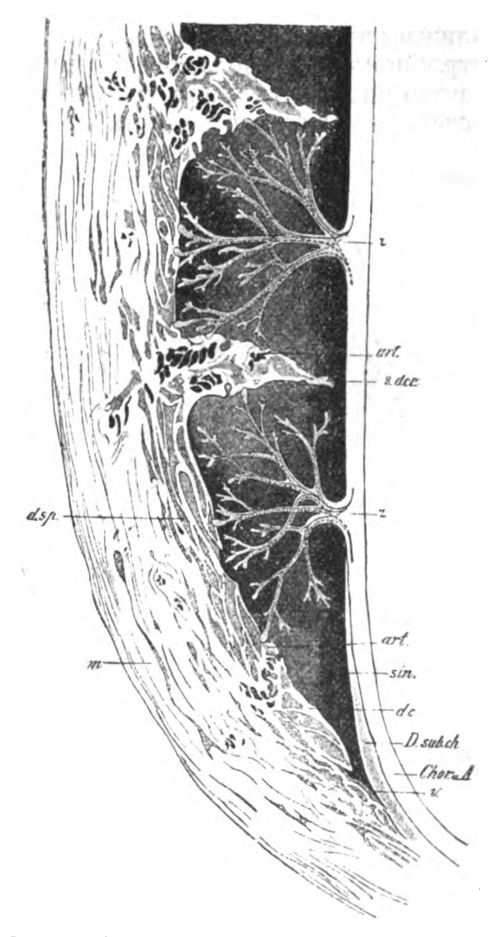

Рис. 9. Схематическій разрѣзъ черезъ плаценту вмѣстѣ съ маточной стѣнкой по *Bumm*'у. *zz*—ворсинки; *sin* — межворсинчатыя пространства; *d. sp.*—измѣненная подъ вліяніемъ беременности слизистая оболочки матки; *m*—мышечная стѣнка матки; *art*—артеріи маточной стѣнки, открывающіяся непосредственно въ межворсинчатыя пространства; *v* — вена, уносящая кровь изъ межворсинчатыхъ пространствъ.

димый для нихъ кислородъ, а взамѣнъ беретъ выдѣляемую тканями углекислоту. Такимъ образомъ изъ богатой кислородомъ, артеріальной кровь дѣлается богатой углекислотой, ве-

Digitized by Google

нозной. Венозная кровь по венозной системѣ собирается въ правый отдѣлъ сердца, откуда затѣмъ по легочной артеріи и ея развѣтвленіямъ идетъ въ легкія. Легкія при каждомъ вдыханіи вбираютъ въ себя богатый кислородомъ воздухъ. Часть этого кислорода переходитъ въ кровь, которая взамѣнъ того отдаетъ содержащуюся въ ней углекислоту, удаляемую изъ организма съ выдыхаемымъ воздухомъ. Такимъ образомъ кровь въ легкихъ изъ венозной дѣлается артеріальною и въ такомъ видѣ идетъ въ лѣвую часть сердца, откуда опять расходится по всему тѣлу и т. д.

У плода, живущаго утробною жизнью, легкія существуютъ, но не функціонируютъ, — по той простой причинѣ, что въ маткѣ воздуха нѣтъ, и дышать плоду нечѣмъ. Между тѣмъ кислородъ ему также нуженъ, какъ и взрослому человѣку. И вотъ плодъ заимствуетъ нужный ему кислородъ изъ крови матери, а взамѣнъ отдаетъ ей ненужную, мало того, вредную для него углекислоту. Происходитъ это такимъ образомъ, что насыщенная углекислотой кровь плода стремится по пупочнымъ артеріямъ въ плаценту и здѣсь попадаетъ въ артеріальные капилляры ворсинокъ. Ворсинки, какъ мы уже видѣли, непосредственно омываются материнскою кровью, которая, только что поступивъ въ межворсинчатыя пространства изъ развѣтвленій маточныхъ артерій, бываетъ богата кислородомъ. Такимъ образомъ обильная углекислотой кровь плода и артеріальная кровь матери являются отдѣленными другъ отъ друга лишь тонкою оболочкою ворсинокъ и тонкою же стѣнкою капилляровъ. При этихъ условіяхъ непремѣнно должно имѣть и дѣйствительно имѣетъ мѣсто явленіе диффузіи газовъ.

Большинству читателей, вѣроятно, извѣстно, въ чемъ состоитъ это явленіе. Для незнакомыхъ съ нимъ поясню, что подъ названіемъ диффузіи въ физикѣ извѣстно явленіе, образецъ котораго можно наблюдать въ слѣдующемъ простомъ опытѣ: возьмите хоть ламповое стекло, плотно обвяжите его конецъ пергаментной бумагой или пузыремъ, налейте внутрь раствора поваренной соли и опустите конецъ въ стаканъ съ чистой водой. Если черезъ нѣкоторое время Вы попробуете воду въ стаканѣ,—она окажется слегка соленой, тогда какъ растворъ соли въ стеклѣ окажется менѣе крѣпкимъ, чѣмъ раньше: очевидно, соляной растворъ перешелъ частью черезъ пергаментную перепонку или пузырь, диффундировалъ изъ стекла въ стаканъ, а вода изъ стакана въ свою очередь диффундировала внутрь стекла. Подобною способностью обладаютъ не только жидкости, но еще въ гораздо большею степени и газы. Такое-то явленіе имѣетъ мѣсто и въ плацентѣ: углекислота изъ крови плода переходитъ, черезъ тонкую оболочку ворсинокъ и стѣнку капилляровъ, въ материнскую кровь, а кислородъ изъ послѣдней, наоборотъ, изъ материнской крови—въ плодовую. Въ результатѣ материнская кровь въ межворсинчатыхъ пространствахъ становится венозной и въ этомъ видѣ уносится изъ плаценты венами матки, а протекающая по капиллярамъ ворсинокъ кровь плода изъ венозной превращается въ артеріальную и въ этомъ видѣ стремится по пупочной венѣ въ организмъ плода. Здѣсь она собирается въ правомъ отдѣлѣ сердца, изъ котораго, однако, не посылается въ легкія, какъ это бываетъ, напр., у взрослаго человѣка, а. помимо ихъ, переходитъ въ систему аорты, чтобы разнести живительный газъ по всему организму плода.

Изъ только что сказаннаго понятно, что плацента вполнѣ замѣняетъ плоду легкія, и что материнская и плодовая кровь, не смѣшиваясь между собою, поддерживаютъ, однако, другъ съ другомъ постоянный взаимообмѣнъ газами. Понятно отсюда и то, въ какой тѣсной зависимости находится газовый составъ

Digitized by Google

крови плода отъ содержанія газовъ въ крови матери. Если послѣдняя богата кислородомъ, — организмъ плода получаетъ достаточныя количества этого газа, столь необходимаго для всякой жизни; если, наоборотъ, кровь матери сама бѣдна кислородомъ и богата углекислотой, то кровь плода уходитъ изъ плаценты обратно въ тѣло послѣдняго, не успѣвъ захватить достаточное количество перваго газа и освободиться отъ второго. А это въ концѣ концовъ ведетъ къ хроническому отравленію ребенка углекислотой, къ его задушенію, асфиксіи.

Имѣющій мѣсто въ плацентѣ взаимообмѣнъ между материнской и плодовой кровью не ограничивается, однако, лишь газами... Но здѣсь мы подходимъ къ вопросу о третьемъ, столь же важномъ, какъ кровеобращеніе и дыханіе, жизненномъ процессѣ у плода,— къ вопросу о питаніи послѣдняго.

Въ виду своего быстраго роста плодъ нуждается въ относительно огромномъ количествѣ питательныхъ матеріаловъ. Откуда же и какъ, спрашивается, онъ получаетъ ихъ? Было время, когда нѣкоторые изслѣдователи думали, что плодъ питается околоплодною жидкостью. И дѣйствительно, какъ я уже упоминалъ, фактъ глотанія плодомъ околоплодной жидкости не подлежитъ сомнѣнію. Но чтобы жидкость эта составляла единственный питательный матеріалъ для плода,—предположить это немыслимо: химическій анализъ показываетъ, что она содержитъ въ себѣ лишь ничтожныя количества веществъ, которыя могутъ служить для питанія плода. Очевидно, значитъ, послѣдній главную массу необходимыхъ ему питательныхъ веществъ получаетъ изъ какого-то другого источника. Изъ какого же? И чисто теоретическія заключенія, и прямыя наблюденія свидѣтельствуютъ, что этимъ источникомъ служитъ кровь матери: плодовая кровь, проходя по плацентѣ, захватываетъ изъ материнской не только кислородъ, но и растворенныя въ материнской крови питательныя вещества,—бѣлки, углеводы и соли. Одни изъ этихъ веществъ диффундируютъ черезъ оболочку ворсинокъ и стѣнку капилляровъ, другія, можетъ быть, переносятся изъ межворсинчатыхъ пространствъ въ капилляры ворсинокъ бѣлыми кровяными шариками, для которыхъ оболочка ворсинокъ и стѣнки волосныхъ сосудовъ не составляютъ препятствія.

И не только питательныя, но и всякія вообще вещества, растворенныя въ сывороткѣ материнской крови, черезъ посредство плаценты переходятъ и въ кровь плода. Прямыя наблюденія свидѣтельствуютъ, что спиртъ, медикаменты, какъ салициловая кислота, хининъ, іодистый калій и пр., яды, какъ морфій, стрихнинъ и т. п., будучи приняты матерью, уже очень скоро появляются и въ организмѣ внутриутробнаго ребенка.

Мало этого,—отъ матери къ плоду могутъ переходить, черезъ плаценту, и цѣлые организмы. Какъ извѣстно, въ настоящее время доказано, что причиною многихъ болѣзней,—такъ наз. инфекціонныхъ болѣзней,— является проникновеніе въ организмъ человѣка микроскопическихъ болѣзнетворныхъ существъ, т. наз. микробовъ. Микробы эти, наводняя организмъ, выработываютъ въ своемъ тѣлѣ ядовитыя вещества, т. наз. токсины, отравленіе которыми и проявляется въ формѣ различныхъ болѣзненныхъ припадковъ. И вотъ, изслѣдованія новѣйшаго времени не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ болѣзнетворные микробы, такъ и выработываемые ими токсины могутъ переходить черезъ плаценту отъ матери къ плоду, вызывая у послѣдняго ту же болѣзнь, какою страдаетъ и мать. Если беременная заболѣетъ оспой,—ребенокъ въ ея утробѣ можетъ также заболѣть оспой; то же самое доказано

Digitized by Google

относительно бугорчатки, тифа, гнилокровія, крупознаго воспаленія легкихъ и др. инфекціонныхъ болѣзней. Правда, плацента задерживаетъ при этомъ часть микробовъ и выработываемыхъ или токсиновъ, служитъ для нихъ какъ-бы фильтромъ, но совершенно помѣшать переходу болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ отъ матери къ плоду она не въ состояніи.

Такимъ образомъ, всѣ данныя, которыя я до сихъ поръ сообщилъ, несомнѣнно доказываютъ, что, хотя во второй періодъ своего внутриутробнаго существованія плодъ и представляется болѣе самостоятельнымъ, болѣе независимымъ отъ матери, однако de facto жизнь его продолжаетъ оставаться въ теснѣйшей связи и зависимости отъ жизненныхъ отправленій материнскаго организма. До самаго конца беременности онъ продолжаетъ получать отъ организма матери все, что необходимо для его существованія, и то или иное состояніе организма беременной немедленно же отражается и на организмѣ носимаго ею ребенка. Съ этой точки зрѣнія между плодомъ и матерью существуетъ такое же взаимное отношеніе, какое существуетъ между организмомъ взрослаго человѣка и внѣшнимъ міромъ; материнскій организмъ замѣняетъ для внутриутробнаго плода весь внѣшній міръ, и, какъ мы съ Вами не могли-бы существовать безъ окружающей насъ атмосферы, воды и пр., такъ и внутриутробный плодъ не можетъ жить, оставаясь внутри утробы матери,—если жизнь послѣдней угаснетъ. Чрезвычайно поучительные результаты въ этомъ отношеніи даетъ операція кесарскаго сѣченія на мертвыхъ. Какъ извѣстно, еще въ древнемъ Римѣ существовалъ законъ, предписывавшій, въ случаѣ смерти беременной женщины, разсѣкать ей животъ и матку съ цѣлью спасти находящагося въ ея утробѣ ребенка. Операція эта практикуется и въ настоящее время, причемъ опытъ ея показываетъ, что, дабы извлечь ребенка въ подобныхъ случаяхъ съ признаками жизни, необходимо немедленное ея выполненіе: если съ момента смерти матери прошло больше 10, maximum 15-ти минутъ,—ребенокъ обыкновенно оказывается уже мертвымъ.

Изложенныя мною данныя позволяютъ отвѣтить и на тотъ вопросъ, который былъ поставленъ въ началѣ нашей бесѣды, а именно, возможно-ли воздѣйствовать на ребенка, съ цѣлью болѣе совершеннаго развитія его организма, еще въ то время, когда онъ находится въ утробѣ матери? Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ главнѣйшія отправленія утробнаго плода находятся въ тѣсной зависимости отъ функцій материнскаго организма, если то или иное состояніе послѣдняго немедленно же отражается на состояніи организма плода, то, очевидно, это воздѣйствіе вполнѣ возможно, но воздѣйствіе не-непосредственное, а чрезъ посредство организма матери: ставя послѣдній въ тѣ или иныя условія, мы тѣмъ самымъ въ состояніи оказывать существенное вліяніе и на жизнь плода, на его развитіе. Посмотримъ же теперь, какія мѣры должна примѣнять беременная, чтобы развитіе носимаго ею ребенка шло правильно, и чтобы онъ увидѣлъ свѣтъ вполнѣ здоровымъ и развитымъ.

На первомъ планѣ здѣсь могутъ быть поставлены какъ предохранительныя, профилактическія, такъ и чисто-лѣчебныя мѣры противъ различныхъ болѣзней. Относительно инфекціонныхъ болѣзней мы уже видѣли, что многія изъ нихъ могутъ передаваться отъ матери къ плоду, вызывая заболѣваніе послѣдняго, а иногда и смерть вслѣдствіе пораженія организма ребенка микробами и выработываемыми ими ядовитыми веществами, токсинами. Помимо прямой передачи, инфекціонныя болѣзни беременныхъ зачастую явля-

Digitized by Google

ются вредными, даже гибельными для плода и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, весьма многія изъ нихъ сопровождаются значительнымъ повышеніемъ t^0, принадлежатъ къ числу т. наз. острыхъ лихорадочныхъ болѣзней. Уже одно это повышеніе t^0 можетъ гибельно подѣйствовать на утробнаго ребенка, t^0 котораго и при нормальныхъ условіяхъ бываетъ нѣсколько выше t^0 тѣла матери. Что это такъ,—въ томъ легко убѣдиться, выслушивая сердцебіеніе плода у лихорадящей беременной: оказывается, число сердцебіеній плода, при нормальныхъ условіяхъ равняющееся 120-160 ударовъ въ минуту, при повышеніи t^0 у матери учащается соотвѣтственно степени повышенія; при значительной лихорадкѣ оно становится настолько частымъ, что его нельзя сосчитать, а очень высокая лихорадка сопровождается обыкновенно смертью плода. Наконецъ, заразныя болѣзни сплошь и рядомъ ведутъ за собою преждевременное прерываніе беременности,— выкидышъ и преждевременные роды.

И не однѣ заразныя болѣзни, но и весьма многія другія заболѣванія беременныхъ, особенно общія, вредно, даже гибельно отзываются на жизни и здоровьѣ плода. Если у беременной существуетъ, напр, малокровіе, то материнская кровь, бѣдная вообще въ этомъ случаѣ кислородомъ, приноситъ лишь недостаточныя количества этого газа въ плаценту, а отсюда и плодъ не получаетъ нужнаго ему количества кислорода, что не можетъ не отзываться на его благосостояніи. Если беременная страдаетъ порокомъ сердца, — нормальная циркуляція крови у ней нарушается; нарушается и кровеобращеніе въ маткѣ, а слѣдовательно, и въ плацентѣ,— артеріальная кровь не успѣваетъ въ достаточномъ количествѣ притекать въ межворсинчатыя пространства плаценты, а венозная—съ достаточной скоростью уноситься отсюда: въ результатѣ получается опять-таки недостаточное снабженіе плода кислородомъ и освобожденіе его крови отъ вредной углекислоты. Если у беременной существуютъ заболѣванія легкихъ, то венозная кровь ея недостаточно окисляется въ легочныхъ сосудахъ, приноситъ во всѣ органы, въ томъ числѣ и въ матку съ плацентой, недостаточныя количества кислорода, а это ведетъ для плода къ тѣмъ же неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, какъ и только что указанныя. Если беременная страдаетъ болѣзнями почекъ, то послѣднія не въ состояніи бываютъ своевременно особождать ея организмъ отъ вредныхъ продуктовъ обмѣна веществъ, обычно выводимыхъ съ мочею; продукты эти, накопляясь въ организмѣ беременной, производятъ на него отравляющее дѣйствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, передаваясь плоду, производятъ вредное дѣйствіе и на его организмъ. Однимъ словомъ, нѣтъ такой общей болѣзни матери, отъ которой-бы не страдалъ въ значительной мѣрѣ и носимый ею въ утробѣ ребенокъ.

Изъ мѣстныхъ болѣзней особенно вредное вліяніе на развитіе плода оказываютъ, разумѣется, т. наз. женскія болѣзни, т. е. болѣзни половыхъ частей, особенно матки. Въ чемъ лежитъ причина такого вліянія, —это, я думаю, не нуждается въ поясненіяхъ: какъ на дурной почвѣ растенія выростаютъ чахлыми, слабыми, такъ и въ маткѣ, пораженной, напр., хроническимъ воспаленіемъ слизистой оболочки, плодное яйцо и зародышъ развиваются ненормально, а зачастую и вовсе не въ состояніи бываютъ развиваться.

Такимъ образомъ огромное большинство болѣзней крайне вредно вліяетъ на здоровье и жизнь внутриутробнаго плода. Если же это такъ, то первой заботой беременной, въ интересахъ носимаго ею ребенка, должно-быть остерегаться всякихъ заболѣваній. Лучше всего эта цѣль

Digitized by Google

достигается выполненіемъ тѣхъ профилактическихъ мѣропріятій, которыя рекомендуются врачебной наукой. Такъ, чтобы избѣгнуть инфекціонныхъ заболѣваній, беременная должна остерегаться всякихъ источниковъ зараженія,—держать себя подальше отъ заразныхъ больныхъ, избѣгать зараженныхъ помѣщеній и пр. Если же женщина, несмотря на всѣ предосторожности, получитъ все таки, во время беременности, какую нибудь болѣзнь, или забеременѣетъ. будучи уже больною,—она должна искать разумной врачебной помощи, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше и для нея, и для носимаго ею ребенка. Значительное большинство лѣчебныхъ методовъ, будутъ-ли то методы лѣкарственнаго лѣченія, или какіе-либо другіе, могутъ быть примѣняемы у беременныхъ не только безъ вреда для плода, а, напротивъ, —съ прямою пользою для него. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что существуетъ за то много и такихъ способовъ лѣченія, которые безусловно не могутъ быть примѣняемы во время беременности, въ виду опасности, которою они грозятъ плоду; укажу, напр., на массажъ матки, на электризацію ея, на примѣненіе влагалищныхъ спринцеваній слишкомъ высокой t^0, въ нѣкоторыхъ случаяхъ —на примѣненіе большихъ дозъ хинина и пр. Разобрать, какіе способы лѣченія могутъ быть примѣнены у беременной и какіе—нѣтъ, въ состояніи лишь научно образованный врачъ. Отсюда—беременная женщина должна особенно остерегаться искать врачебной помощи у лицъ, не владѣющихъ медицинскимъ образованіемъ, у разныхъ самозванныхъ цѣлителей, лѣченіе которыхъ во время беременности особенно легко можетъ причинить непоправимый вредъ.

Но не только больныя женщины, а и вполнѣ здоровыя во время беременности должны принимать извѣстныя мѣры, если желаютъ, чтобы ихъ дѣти родились крѣпкими, вполнѣ развитыми; всякая беременная, въ интересахъ носимаго ею ребенка, должна соблюдать извѣстный режимъ, несоблюденіе котораго можетъ вести къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Въ чемъ же, спрашивается, долженъ состоять этотъ режимъ?

Прежде всего беременная должна избѣгать всякихъ чрезмѣрныхъ напряженій, какъ умственныхъ, такъ и особенно физическимъ,—тяжелыхъ работъ, поднятія и ношенія тяжестей, продолжительной ѣзды въ тряскихъ экипажахъ, верховой ѣзды, танцевъ и пр. Французскіе акушеры недавно опубликовали рядъ чрезвычайно поучительныхъ, въ этомъ отношеніи, данныхъ, касающихся работницъ на Парижскихъ фабрикахъ. Оказалось, что у работницъ, которыя до конца беременности не прерывали своихъ занятій на фабрикахъ, беременность прерывалась родами раньше, чѣмъ у тѣхъ, которыя въ послѣдніе мѣсяцы беременности пользовались отдыхомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ средній вѣсъ новорожденныхъ у первыхъ оказался гораздо меньше, чѣмъ у вторыхъ. Фактъ этотъ, установленный на огромномъ матеріалѣ, не нуждается, я думаю, ни въ какихъ комментаріяхъ.

Требуя, чтобы беременная въ интересахъ плода воздерживалась отъ тяжелыхъ работъ, усиленныхъ движеній и т. п., я отнюдь не хочу сказать. что она должна вести совершенно бездѣятельный образъ жизни, постоянно сидѣть или лежать въ комнатахъ, избѣгать всякаго движенія на открытомъ воздухѣ и пр. Напротивъ, умѣренная работа беременной и ежедневное движеніе на открытомъ воздухѣ не только не вредны, а прямо полезны для носимаго ею плода. почему и должны входить въ обязательный режимъ беременныхъ. Всякому извѣстно, какое благодѣтельное вліяніе оказываетъ моціонъ на открытомъ воздухѣ на правильную циркуляцію и окисленіе крови,

Digitized by Google

а правильная циркуляція материнской крови, достаточное снабженіе ея кислородомъ и быстрое освобожденіе отъ углекислоты составляютъ, какъ мы уже видѣли, необходимыя условія для правильнаго кровообращенія и газообмѣна и у плода. По этой же причинѣ беременная должна избѣгать пребыванія въ помѣщеніяхъ съ испорченнымъ, спертымъ воздухомъ, какими зачастую являются мѣста нашихъ общественныхъ собраній,—театры, танцевальныя залы и пр,—должна спать въ хорошо провѣтриваемой спальнѣ и т. п. Наконецъ, по этой же причинѣ беременная должна избѣгать въ своей одеждѣ всего, что стѣсняетъ свободное дыханіе, препятствуетъ свободнымъ размахамъ грудной клѣтки и грудобрюшной преграды, каковы корсеты, тугіе лифы, тугія завязки и пр.

Стѣсняя свободное дыханіе, послѣдніе вредны еще въ томъ отношеніи, что они препятствуютъ свободному оттоку венозной крови изъ нижней части туловища въ грудную клѣтку, гдѣ лежитъ сердце; вслѣдствіе этого венозная кровь, обильная углекислотой, застаивается въ органахъ живота, въ томъ числѣ и въ маткѣ, а это сейчасъ же отражается на правильномъ газообмѣнѣ у плода. Вообще одежда у беременныхъ, будучи достаточно теплою, должна быть по возможности свободною и просторною, чтобы она не стѣсняла ни дыханія матери, ни кровообращенія, ни движенія плода. Впрочемъ, и чрезмѣрная подвижность плода, имѣющая иногда мѣсто въ концѣ беременности, когда растянутые брюшные покровы не даютъ достаточной поддержки для матки,—имѣетъ свои невыгодныя стороны: плодъ, передвигаясь, можетъ принять неправильное положеніе, можетъ запутаться въ пуповинѣ своею шейкой, можетъ проскользнуть въ петлю пуповины, такъ что послѣдняя образуетъ настоящій узелъ и пр. Во избѣжаніе этого, беременнымъ рекомендуется въ послѣдніе мѣсяцы беременности непремѣнно носить на животѣ бинтъ, лучше всего вязанный.

Заговоривъ объ одеждѣ беременныхъ, я долженъ упомянуть еще объ одномъ важномъ условіи, которому она должна удовлетворять: необходимо, чтобы одежда, давая достаточную защиту тѣла отъ холода, въ то же время не мѣшала функціямъ кожи, кожной испаринѣ. Дѣло въ томъ, что путемъ кожной испарины удаляются многія вещества, которыя, скопляясь въ организмѣ, производятъ на него ядовитое, отравляющее дѣйствіе. Наша кожа, въ этомъ отношеніи, дѣйствуетъ, какъ почки. У беременной вещества эти, накопляясь въ крови, дѣйствуютъ вредно не только на организмъ матери, но и на организмъ плода, въ кровь котораго они переходятъ въ плацентѣ. Отсюда-то беременная, въ интересахъ не только своихъ, но и своего ребенка, должна тщательно заботиться о правильномъ функціонированіи своей кожи. Кромѣ выбора соотвѣтственной одежды, она должна слѣдить, чтобы ея кожа была всегда чиста, чтобы поры послѣдней не закупоривались грязью, отдѣлимымъ кожныхъ железъ и т. п. Лучшимъ средствомъ поддерживать чистоту кожи являются теплыя,—въ 28°,—ванны, которыя беременная и должна регулярно брать 1—2 раза въ недѣлю. Ванны эти полезны еще въ томъ отношеніи, что оказываютъ превосходное вліяніе на кровеобращеніе въ организмѣ матери, а слѣдовательно—и плода.

Мнѣ остается еще сказать о питаніи беременныхъ. Излишне доказывать, что беременная женщина нуждается въ большихъ количествахъ питательнаго матеріала, чѣмъ небеременная, такъ какъ они нужны не только ей, но и зародышу. Отсюда пища беременной должна быть достаточна по количеству. Но этого мало,—она должна быть, да-

Digitized by Google

лѣе, питательной, удобосваримой и удобоусвояемой. Непитательная, т. е, содержащая мало бѣлковъ, пища даетъ слишкомъ мало матеріала, необходимаго для постройки тѣла зародыша и для поддержанія жизненныхъ процессовъ въ его организмѣ на достаточной высотѣ. Неудобоваримая пища проходитъ черезъ желудочно-кишечный каналъ беременной, давая массу не всасывающихся остатковъ. Остатки эти, скопившись въ толстыхъ кишкахъ беременной, подъ вліяніемъ находящихся здѣсь микробовъ подвергаются процессамъ, аналогичнымъ гніенію и броженію. Результатомъ этихъ процессовъ является образованіе въ кишечникѣ значительнаго количества веществъ, которыя, попадая изъ кишекъ въ кровь, производятъ отравляющее дѣйствіе на организмъ какъ матери, такъ и плода. Во избѣжаніе этого, — скажу здѣсь кстати,—одна изъ главныхъ заботъ беременной должна быть направлена на регулярное опорожненіе ея кишечника... Наконецъ, пища беременныхъ должна быть такова, чтобы содержащіяся въ ней питательныя начала, всосавшись въ кровь и соединяясь здѣсь съ кислородомъ, окислялись или сгорали по возможности совершенно, ибо продукты неполнаго сгоранія, неполнаго окисленія питательныхъ веществъ опять-таки являются вредными для организма матери, обусловливая его самоотравленіе, а затѣмъ—и отравленіе плода. Всѣмъ указаннымъ требованіямъ лучше всего удовлетворяетъ молочная пища, которая и является наилучшею для беременныхъ, въ виду ея питательности, удобоваримости и удобоусвояемости.

Говоря о питаніи беременныхъ, съ точки зрѣнія интересовъ внутриутробнаго плода, не могу не упомянуть объ одномъ веществѣ, несправедливо пользующемся славою поддерживающаго питаніе,—я разумѣю алкоголь. Разрушительное дѣйствіе этого яда на организмъ извѣстно всѣмъ и каждому. Но особенно должны избѣгать злоупотребленія имъ беременныя. Недавнія изслѣдованія *Nicloux* показали, что алкоголь, будучи введенъ въ организмъ беременной, переходитъ, не измѣняясь, и въ организмъ плода. Такимъ образомъ, если мать злоупотребляетъ алкоголемъ,—ея ребенокъ еще до рожденія дѣлается уже алкоголикомъ, злоупотребленіе беременной алкоголемъ влечетъ для плода всѣ тѣ вредныя послѣдствія, какія неизбѣжно ведетъ за собою хроническое отравленіе этимъ ядомъ. То же самое весьма вѣроятно по отношенію къ табаку, морфію и др. наркотикамъ.

На этомъ я оканчиваю свою статью. Прошу читателей и читательницъ не сѣтовать, что я сообщилъ въ ней, быть можетъ, слишкомъ мало данныхъ, имѣющихъ практическое значеніе: не слѣдуетъ забывать, что вопросъ, затронутый нами, только еще началъ разработываться научно. При всемъ томъ, во Франціи, гдѣ незначительный % прироста населенія давно уже тревожитъ умы патріотовъ, этотъ вопросъ, едва народившись, успѣлъ привлечь къ себѣ такое вниманіе, что и въ печати, и въ обществѣ дамъ, все громче и громче раздаются голоса, требующіе спеціальныхъ законовъ, которые-бы ограждали беременныхъ женщинъ въ интересахъ ихъ потомства, давали-бы возможность каждой беременной безъ помѣхи выполнять режимъ, необходимый для правильнаго плода. Нельзя не пожелать, чтобы и мы скорѣе дожили до чего-либо подобнаго, такъ какъ вопросъ, о которомъ я говорилъ, имѣетъ не личное только и не семейное значеніе,— это вопросъ первостепенной государственной важности; отъ рѣшенія его въ значительной мѣрѣ зависитъ жизнь и здоровье будущихъ гражданъ нашей родины.

Digitized by Google

Кн. М. Волконская. Записки.—Paul Born. Compendium der Anatomie.—Ж. Дари. Электричество во всѣхъ его примѣненіяхъ.

Кн. М. Н. Волконская. Записки, съ предисловіемъ и приложеніями князя М. С. Волконскаго СПБ. 1904 г. Ц. 4 р.

Записки Княгини Маріи Николаевны Волконской являются существеннымъ дополненіемъ къ ранѣе вышедшимъ запискамъ ея мужа, князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго. Великолѣпно изданный томъ заключаетъ въ себѣ немногословный, но замѣчательный по своей простотѣ и выразительности разсказъ о тѣхъ невзгодахъ и печаляхъ, которыя пришлось пережить автору „записокъ“.

Дочь боевого генерала, М. Н. Раевскаго, девятнадцатилѣтней дѣвушкой вышла замужъ за кн. Сергѣя Григорьевича Волконскаго, скорѣе послушная волѣ отца, чѣмъ по влеченію собственнаго сердца. Съ мужемъ она до свадьбы была очень мало знакома: нѣсколько бѣглыхъ встрѣчъ, помолвка и—свадьба. Все произошло быстро. Правда, о князѣ С. Г. она слышала много; блестящій офицеръ, онъ игралъ видную роль среди аристократическаго общества; у него были всѣ данныя для блестящей карьеры—знатность происхожденія, богатство, личныя достоинства и боевая слава. Но судьба судила иначе.

Едва повѣнчавшись, С. Г. отвезъ молодую жену въ Умань, гдѣ стоялъ его полкъ.

Прошло всего три мѣсяца послѣ свадьбы, когда княгиня узнала и причину постоянной озабоченности мужа, и тѣ роковыя думы, которыя были постоянно неразлучны съ нимъ.

Въ декабрьскомъ переворотѣ князь Сергѣй Григорьевичъ игралъ одну не изъ послѣднихъ ролей. Заговоръ былъ открытъ, и въ числѣ прочихъ членовъ южнаго общества арестованъ и князь Волконскій.

Наступаютъ для молодой княгини минуты тяжелой неизвѣстности, дни и мѣсяцы ожиданія суда. Судъ, сибирь и каторга...

Арестанты были отправлены въ Нерчинскій заводъ; почти слѣдомъ за ними устремляются двѣ русскія женщины, мужья которыхъ были осуждены. Обѣ онѣ хорошо извѣстны русскому обществу какъ героини Некрасовскихъ поэмъ. То были княгини Трубецкая и Волконская.

Покинувъ домъ и семью, Трубецкая отправилась въ Сибирь, презирая всѣ опасности долгаго и тяжелаго пути. Слѣдомъ за ней послѣдовала и Волконская. Отрекшись отъ всѣхъ благъ міра, не останавливаясь ни предъ запугиваніемъ, ни предъ увѣщаніями и угрозами, вплоть до потери правъ состоянія, она ѣдетъ въ Сибирь, чтобы облегчить участь мужа, вмѣстѣ со своей подругою по несчастью. Обѣ эти замѣчательныя женщины являются, по выраженію поэта де-

Digitized by Google

кабриста князя А. И. Одоевскаго, „ангелами хранителями и утѣшителями заключенныхъ“.

Краткій разсказъ княгини развертываетъ предъ нами настоящую трагедію. Въ мрачной норѣ, среди суровой обстановки сибирской, она застала мужа и его родныхъ. Пріѣздъ молодыхъ женщинъ принесъ имъ ту бодрость душевную, которая была такъ необходима узникамъ. Лишенные всякой возможности переписываться, живые духомъ, но вычеркнутые судьбою изъ списка живыхъ, онѣ стоически переносили суровую обстановку нищеты, лишенія и всякого рода нравственныхъ оскорбленій.

Нужда была крайняя; она нерѣдко доходила до того, что скудный обѣдъ изъ супа и каши считался уже роскошью.—Ужинъ, за недостаткомъ средствъ, былъ отмѣненъ. Кусокъ чернаго хлѣба и квасъ составляли обычное меню избалованныхъ роскошью дѣвичьей жизни обѣихъ княгинь. Но обѣ онѣ, вѣрныя долгу любви, не унывали.

— „Я,—говоритъ въ запискахъ княгиня,—мела полы, прибирала комнату и причесывала Катюшу *) и, увѣряю васъ, что дѣло въ нашемъ хозяйствѣ шло лучше“. Вспоминая тяжелые дни, проведенные въ изгнаніи, княгиня пишетъ: „Нашимъ любимымъ препровожденіемъ времени было сидѣть на камнѣ противъ тюрьмы; я оттуда разговаривала съ мужемъ и довольно громко, такъ какъ разстояніе было значительное“.—Живя раздѣльно отъ мужей и видясь съ ними лишь только урывками, обѣ княгини не могли похвастаться особымъ любезнымъ обращеніемъ тюремнаго начальства. „Однажды одинъ изъ солдатъ горнаго вѣдомства, пишетъ княгиня, счелъ своимъ долгомъ закричать на насъ и, не довольствуясь этимъ, ударилъ Катюшу кулакомъ“.

Вся эта подобная кошмару тяжелая жизнь переносилась узниками и ихъ женами стоически. Ни тѣни упрека, ни малодушныхъ сожалѣній читатель не найдетъ въ запискахъ княгини; только глубоко христіанское смиреніе, положившее печать скорби на страницы ея поучительныхъ записокъ.

Избавленіе мужа и его друзей отъ каторжнаго режима привѣтствуется ею въ „запискахъ просто такою отмѣткой: „Господь былъ милостивъ къ намъ и дозволилъ, чтобы насъ поселили въ окрестностяхъ Иркутска, въ столицѣ восточной Сибири, въ Урикѣ, селѣ довольно уныломъ, но со сноснымъ климатомъ. Конечно, все казалось хорошо, лишь-бы имѣть для дѣтей медицинскую помощь на случай надобности“.

Здѣсь Волконскіе поселились въ простой крестьянской избѣ, которую дружески раздѣлилъ съ ними товарищъ по несчастью декабристъ В. П. Боджіо, характеристикѣ котораго была посвящена одна изъ лучшихъ статей покойнаго доктора Бѣлоголоваго.

Такъ тянулись дни изгнанья, вплоть до того момента, когда новое, освободительное царствованіе принесло забвеніе прошлому, и тяжелая кара, понесенная декабристами, смѣнилась полнымъ прощеніемъ. Въ своихъ „Запискахъ“ княгиня Волконская даетъ стильную и рельефную характеристику окружающимъ ея лицамъ, и страницы прошлаго оживаютъ подъ перомъ русской женщины, писавшей свои повѣствованія не для печати. (Записки написаны для сына, по возвращеніи Волконскихъ изъ Сибири, въ концѣ 50 годовъ).

„Записки“ велись по французски и теперь на языкѣ оргинала онѣ появляются въ свѣтъ; но при этомъ сынъ Маріи Николаевны, князь М. С. Волконскій, явившійся издателемъ ихъ, приложилъ къ книгѣ прекрасный переводъ и цѣнные комментаріи. Изъ этихъ коментаріевъ впервые узнаемъ съ точностью, о чемъ глухо говорилъ въ примѣчаніи къ своей поэмѣ Некрасовъ. Узнается именно то обстоятельство, что поэтъ непосредственно пользовался записками княгини, которыя ему любезно переводилъ ея сынъ и нынѣшній ихъ издатель. Черта, очень цѣнная для литературной характеристики Некрасова и его творчества, которое до сихъ поръ, къ нашему стыду, такъ мало еще изучено. Знаменитый поэтъ до сихъ поръ еще ждетъ своего біографа, который бы освѣтилъ его духовную личность и собралъ разнообразные скудные факты для его біографіи, которая въ тоже самое время явилась бы цѣнной страницей въ исторіи нашей общественности и литературы.

Время для такой исторіи, если еще не настало, то уже настаетъ.

Ник. Н—въ.

*) Княгиня Екатерина Сергѣевна Трубецкая, урожденная графиня Лаваль.

Digitized by Google

Paul Born. Compendium der Anatomie. Ein Repetitorium der Anatomie, Histologie und Entwicklungsgeschichte. 1903 f. Leipzig. Preis 5 mark.

Въ нашей литературѣ есть нѣсколько обширныхъ руководствъ по Анатоміи, есть также нѣсколько, не выдерживающихъ критики конспектовъ, составленныхъ по тѣмъ же руководствамъ, и совершенно нѣтъ удовлетворительныхъ „репетиторовъ", т. е. такихъ краткихъ курсовъ, которые содержали бы въ сжатомъ видѣ правильныя свѣдѣнія по анатоміи. Для владѣющихъ сколько нибудь нѣмецкимъ языкомъ можно смѣло рекомендовать репетиторіумъ Born'а, составленный весьма аккуратно по лучшимъ учебникамъ Анатоміи, Гистологіи и Эмбріологіи. Для каждаго студента, имѣющаго хорошій Анатомическій атласъ, эта книжка можетъ замѣнить обширное руководство. Въ немъ сообщены достаточныя свѣдѣнія изъ Эмбріологіи и общей Гистологіи, кромѣ, того при изложеніи спеціальной анатоміи постоянно дѣлаются сровнительно-анатомическія указанія, выясняющія филогенетическое и онтогенетическое развитіе органа. Для естественника, довольствующагося въ настоящее время анатоміей Бурцева, предлагаемый Repetitorium является книгой гораздо болѣе полезной, какъ по обширности матеріала, такъ по научномъ, такъ сказать философскомъ, изложеніи его. Книга издана хорошо, имѣетъ 364 стр. въ 8-ю долю листа и стоитъ около 2 р. 50 коп. Господамъ издателямъ, заваливающимъ рынокъ всякимъ вздоромъ, можно было бы порекомендовать ознакомиться и издать эту книгу.

К. Яцута.

Ж. Дари. Электричество во всѣхъ его примѣненіяхъ.

Съ многоч. иллюстр. Пер. и дополнилъ *К. И. Дебу.* Цѣна 2 р. 50 к. 1903 г. Среди множества общедоступныхъ книгъ и книжекъ, изданныхъ въ послѣднее время по электротехникѣ, настоящій трудъ невольно обращаетъ вниманіе дѣйствительно удобопонятнымъ изложеніемъ, обширностью матеріала, обстоятельностью, многочисленными пояснительными рисунками и, наконецъ, полнотою. Въ книгѣ читатель найдетъ описаніе самыхъ послѣднихъ изобрѣтеній въ области электротехники. Подробно разработаны главы о генераторахъ электричества, его примѣненіи въ телефонахъ и телеграфахъ, указаны новѣйшія системы послѣднихъ, описаны системы электрическаго освѣщенія и электролиза. Словомъ, болѣе или менѣе подробно и, во всякомъ отношеніи интересно, охвачены всѣ обширныя отрасли электротехники, включая примѣненіе электричества въ медицинѣ, промышленности и сельскомъ хозяйствѣ, наконецъ, даже въ военно-морскомъ дѣлѣ (мины, подводныя лодки и пр.). При этомъ, при сличеніи съ оригиналомъ, нельзя не отмѣтить добросовѣстности переводчика, значительно передѣлавшаго книгу и снабдившаго ее многими, лишними противъ оригинала рисунками: въ оригиналѣ ихъ—370, а въ переводѣ 570.

Далѣе, нѣкоторыя главы, напр., I и XX, написаны совершенно наново, другія—переработаны. Въ виду современности, выдѣленъ въ отдѣльную главу „Безпроволочный телеграфъ" (написанный также наново). Наконецъ, у Дари вездѣ—только внѣшнее описаніе приборовъ и примѣненій электричества, онъ нигдѣ не касается принциповъ и научной стороны дѣла,—переводчикъ же вездѣ ставилъ на видъ именно послѣднее, не входя, однако, въ излишнія дебри науки и не стараясь, напр., выяснять сущности электрическаго тока, современныхъ воззрѣній на электричество и пр., такъ какъ достаточно популярно изложить эти сбивчивыя и непрочно еще установившіяся понятія нѣтъ возможности. Однако, вездѣ, гдѣ можно, тотъ же переводчикъ, для лучшаго уясненія дѣла, старался вводить аналогію съ гидростатическими явленіями, чтобы посредствомъ такихъ аналогій выяснить такія понятія, какъ—разность потенціаловъ, самоиндукція и пр.

Значительно развита противъ оригинала и историческая часть разсматриваемаго труда; для телеграфа, телефона, электрическаго освѣщенія дается подробная исторія развитія, причемъ особенное вниманіе оказывается русскимъ работамъ.

Въ общемъ, въ переводѣ г. Дебу, трудъ Дари является, безспорно, интереснымъ и весьма полезнымъ для самобразованія. Съ внѣшней стороны изданъ онъ прекрасно. Цѣна, принимая во вниманіе объемъ (430 стр. убористаго шрифта), не дорогая.

Г—въ.

Digitized by Google

Физика.

Радіоактивность почвы. Еще въ прошломъ году работами нѣмецкихъ ученыхъ Эльстера и Гейбеля доказано было, что воздухъ, выдѣляющійся во многихъ мѣстахъ изъ почвы, отличается явственно замѣтной радіоактивностью. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что радіоактивность почвы находится въ зависимости отъ ея состава. Такъ, напримѣръ, глинистая почва на возвышенностяхъ Гарца, образовавшаяся черезъ вывѣтриваніе глинистыхъ сланцевъ, обладаетъ сильною радіоактивностью въ то время, какъ сами сланцы не обнаруживаютъ этого свойства. Отсюда нѣмецкіе изслѣдователи выводятъ, что радіоактивная эманація, находящаяся въ сланцахъ, освобождается и поступаетъ въ воздухъ лишь при вывѣтриваніи этой породы. Первоначальнымъ же источникомъ эманаціи Эльстеръ и Гейбель считаютъ радій, содержащійся въ большемъ или меньшемъ количествѣ во всякой почвѣ. „Твердая кора земного шара,—пишутъ упомянутые ученые,—является источникомъ радіоактивной эманаціи, распространенной повсюду. Изъ почвы эманація безпрерывно переходитъ въ атмосферу, особенно при низкомъ барометрическомъ давленіи; кромѣ того, она растворяется въ почвенныхъ водахъ, подземныхъ источникахъ, колодцахъ. Для возникновенія эманаціи достаточно допустить присутствіе въ почвѣ самыхъ незначительныхъ слѣдовъ радія; особенно вѣроятно присутствіе его въ глинистыхъ почвахъ. Нѣкоторые факты, какъ, напримѣръ, нахожденіе эманаціи въ теплыхъ источникахъ, указываютъ, повидимому на то, что содержаніе радія возрастаетъ съ углубленіемъ въ почву“. Упомянемъ еще, что проф. Пель, занимавшійся подобными же изслѣдованіями, открылъ сильную радіоактивность почвы Царскаго Села.

Астрономія и Метеорологія.

Новыя измѣренія „солнечной постоянной“. Подъ „солнечной постоянной“, какъ извѣстно разумѣютъ въ метеорологіи то количество тепла, которое солнце въ видѣ лучистой энергіи посылаетъ на землю; его разсчитываютъ обыкновенно на 1 квадр. сантиметръ въ 1 минуту. Точное опредѣленіе этой величины является для метеорологіи чрезвычайно важнымъ, такъ какъ лучистая энергія солнца представляетъ собой первый и единственный источникъ всѣхъ атмосферныхъ явленій. Однако, до настоящаго времени, несмотря на самыя тщательныя изслѣдованія не удавалось получить данныхъ, вполнѣ сво-

Digitized by Google

бодныхъ отъ погрѣшностей: различные изслѣдователи приходили къ результатамъ, не совсѣмъ согласнымъ между собой. Пулье оцѣнивалъ „солнечную постоянную“ въ 1,7 малыхъ калорій (на кв. сант. въ минуту), Крова—2,3, Віоль—2,5, Савельевъ 2,6, Форбсъ—2,8, Ланглей—3—3½. Данныя Ланглея до самаго послѣдняго времени считались наиболѣе близкими къ истинѣ, такъ какъ этотъ изслѣдователь принялъ въ расчетъ такія погрѣшности, отъ которыхъ несвободны были работы его предшественниковъ. Надавно Ланглей вновь приступилъ къ опредѣленію солнечной постоянной и послѣ продолжительныхъ, тщательнымъ образомъ проведенныхъ изслѣдованій получилъ новую цифру—2,54, на цѣлую калорію отличающуюся отъ прежнихъ данныхъ, принятыхъ всѣми метеорологами. Чтобы дать представленіе о трудностяхъ, связанныхъ съ подобными работами, скажемъ лишь, что по мнѣнію Ланглея для опредѣленія солнечной постоянной слѣдовало бы соорудить спеціальную обсерваторію и посвятить цѣлые годы самымъ тщательнымъ наблюденіямъ.

Пыль и бактеріи въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Довольно обстоятельныя свѣдѣнія по этому предмету собралъ мюнхенскій проф. Карлъ Гарцъ во время одного изъ своихъ поднятій на воздушномъ шарѣ. Въ общемъ, собранныя имъ данныя сводятся къ слѣдующему. Для того чтобы попасть въ верхніе слои атмосферы, бактеріи нуждаются въ какомъ-нибудь носителѣ, къ которому онѣ прикрѣпляются; сами же подыматься вверхъ онѣ не могутъ. Такимъ носителемъ служитъ обыкновенно пыль, встрѣчающаяся, какъ извѣстно, еще на довольно большой высотѣ надъ поверхностью земли. Пыль эта можетъ быть минеральнаго или органическаго происхожденія; въ послѣднемъ случаѣ она состоитъ изъ живыхъ или мертвыхъ микроорганизмовъ или ихъ частей. Количество и форма, въ которой пыль эта находится въ атмосферѣ, крайне разнообразны; нерѣдко она разсѣяна въ видѣ такъ наз. сухого тумана или облакоподобныхъ массъ. Огромныя массы пыли вносятся въ атмосферу вулканическими изверженіями (Кракатау), степными пожарами южной Россіи (слѣды этой пыли открыты были въ Швеціи и даже еще сѣвернѣе), хвойными лѣсами въ эпоху цвѣтѣнія и т. д. Распредѣленіе пыли также весьма различно въ разныхъ пунктахъ и на разныхъ высотахъ. Воздухъ на Риги, напримѣръ, содержитъ въ 1 кб. сантиметрѣ отъ 500 до 6000 пылинокъ; въ большихъ городахъ содержаніе пыли въ такомъ же объемѣ воздуха доходитъ до 200000 и даже до нѣсколькихъ милліоновъ; каждый каменщикъ вдыхаетъ ежегодно до 335 граммовъ (почти ¾ фунта) пыли. Главными источниками бактерій, плавающихъ въ воздухѣ, служатъ населенныя мѣста, болота, кладбища и всякаго рода водные бассейны. Города, расположенные у рѣкъ, занимаютъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто: въ одномъ миллиграммѣ воздуха въ Фецѣ было найдено болѣе 18-ти милліоновъ бактерій. Здѣсь интересно указать на то, какимъ могучимъ факторомъ является самоочищеніе текучихъ водъ: Сена у Парижа содержитъ въ куб. сантиметрѣ 26 милліоновъ бактерій, а немного ниже по теченію—вода уже совершенно чиста. Во время поднятія проф. Гарцъ взялъ 5 пробъ воздуха на высотахъ отъ 1500 до 2300 метровъ, и пробы эти подвергнуты были тщательному изслѣдованію. Въ 1 литрѣ (кб. дециметрѣ) воздуха найдено было отъ 1400 до 2000 бактерій, изъ которыхъ многія оказались спорами обыкновенныхъ плѣсневыхъ грибовъ.

Digitized by Google

Письмо въ Редакцію.

М. Г. Г. Редакторъ.

Выражая полную признательность за подробный и очень добросовѣстный разборъ моей книги „Царь Іоаннъ Грозный“, помѣщенный въ февральской-мартовской книжкѣ Вашего журнала, позволю себѣ представить автору отзыва маленькія оговорки, конечно, исключительно фактическаго характера.

Упрекая меня въ томъ, что я въ романѣ не особенно „считался съ достовѣрностью приводимыхъ мною фактовъ“,—почтенный составитель отзыва, Д. Ол-чъ, не указалъ, какіе это именно факты изъ числа „недостовѣрныхъ“--приведены въ книгѣ. Очень интересно, хотя-бы уже потому, что факты я бралъ у очень авторитетныхъ лицъ, или прямо изъ первоисточниковъ.

Если у меня на страницахъ— 72, 184 и 234—говорится о разныхъ качествахъ Іоанна, а въ описаніи осады Казани—упоминается о минутной трусости юнаго царя, такъ виноватъ не я, а исторія Грознаго, факты изъ его жизни, показывающіе намъ этого человѣка то отважнымъ покорителемъ Ливоніи, то трусливымъ, жестокимъ деспотомъ. Что дѣлать? Такова жизнь! Одинъ и тотъ же человѣкъ, особенно на протяженіи десятка лѣтъ жизни, становится порой совсѣмъ неузнаваемъ.. Прежде, правда, писали романтическихъ героевъ одной розовой или черной краской. Но критики,—увы!—и тогда оставались недовольны.

Я, покоряясь духу времени, голосу истины и своему призванію, начертилъ Іоанна такимъ, какимъ создала его судьба, его вѣкъ и среда: разностороннимъ, неровнымъ, писалъ свѣтотѣнью.

Моему критику это не нравится? Что же я подѣлаю?.. Мой Грозный —настоящій, живой, измѣнчивый и прихотливый деспотъ XVI вѣка, а не герой романа. Если-же мнѣ „не удалось спаять воедино, точно изъ глыбы мрамора“,—этотъ причудливый образъ, такъ я и не старался объ этомъ. Какимъ его создала жизнь, пусть такимъ и выходитъ онъ въ моемъ писаніи. Искусство возсозданія людей не должно переходить въ искусственность при пересозданіи ихъ по извѣстному, узенькому трафарету.

Интриги въ романѣ у меня нѣтъ ни одной. А если я описывалъ кой-какія интриги бояръ, то дѣлалъ это также безпристрастно, тѣмъ же краткимъ языкомъ, какъ лѣтописецъ, составитель „Царственной Книги“, откуда почерпнулъ я почти весь матеріалъ моей хроники.

Вопросъ: кто былъ правъ;—Иванъ или бояре,—я не только пытаюсь рѣшить, но прямо рѣшаю: обѣ стороны неправы.

Но Иванъ одолѣлъ потому, что за него стоялъ народъ, помнившій и понимавшій, что бояре—насильники и издавніе враги народа... А Иванъ, если и дѣлалъ промахи, то можетъ одуматься и послужить на благо народу и Руси.

Что догадка о „страшилахъ“, ко-

Digitized by Google

ими запугали Ивана Сильвестръ и Адашевъ,— чтобы взять юношу въ свои руки,—не относятся къ области вымысловъ, â la Габоріо, укажу на другой, исторически-установленный, совершенно сходный съ этимъ случай.

Хитрая придворная клика, желая овладѣть волей Фридриха-Вильгельма IV-го, при помощи оптическихъ зеркалъ показывала ему покойниковъ и т. д. Планъ этотъ, осуществленный въ началѣ XVII в., подтверждаетъ, что и сто лѣтъ тому назадъ умные люди, желая исправитъ юнаго Ивана, могли прибѣгнуть къ знакомой имъ хитрой выдумкѣ, къ волшебному фонарю. Контекстъ, на основаніи котораго я дѣлаю свой выводъ, приложенъ къ хроникѣ, въ примѣчаніи.

Свидѣтели, бывшіе по сосѣдству во время убіенія царевича Грознымъ, —пишутъ (иностранцы и русскіе): „Царь засталъ сноху въ одной сорочкѣ, даже безъ пояса. Царевичъ, прибѣжавшій на крикъ жены, укорялъ отца, поминая, что уже „двухъ женъ *отнялъ* онъ у сына“.

А исторія съ Ириной, происходившая спустя много лѣтъ, чуть ли не за два дня до смерти Ивана Грознаго, исторія, всѣми признаваемая, —даетъ право угадать поводъ и причину ссоры отца съ сыномъ, и во время вышеупомянутой встрѣчи царя съ его молодой, красивой, полураздѣтой снохою.

Теперь —послѣднее. Критикъ, замѣчаетъ: „г. Жданову неизвѣстны даже изслѣдованія Лихачева, вышедшіе въ 1903 г.“

А вотъ критикъ мой не знаетъ, очевидно, трудовъ популярнаго историка, К. Валишевскаго, изданныхъ подъ заглавіемъ „Ivan le Terrible.“

Вся эта книга, въ 40 печ. листов.ъ очень хорошо принятая русской серьезной критикой, отчетливо потверждаетъ именно тѣ мои взляды на Ивана, какіе показались особенно-неосновательными Д. Ол-чу

На страницахъ моей хроники (стр. 60, 68, 72, 75, 90, 92, 93, 130, 164, 178, 179, 187, 54, 69, 194, 206, 234, 91, 58, 63, 65, 91, 244, 35, 36, 37, 42, 242, и 243) говорится о попыткахъ Ивана создать „новую Русь“, близкую по духу къ нынѣшней, при чемъ опричнина, и тогда бывшая неудачнымъ институтомъ, возродилась въ неменѣе вредномъ бюрократизмѣ. Говорится о Петрѣ, какъ прямомъ преемникѣ завѣтовъ Ивана. Объясняется наростаніе жестокости въ Иванѣ и его вѣчная связь съ народомъ, съ землей, несмотря, даже вопреки жестокостямъ царя.

Иванъ казнилъ строптивыхъ бояръ и новгородцевъ, но *не всю землю*. И это спасло ему тронъ, спасло его память въ устахъ народа. Два земскихъ собора — два вѣчныхъ памятника Грозному.

Дальше, Валишевскій, какъ и я, указываетъ на государственную мудрость Ивана, на то, что его недостатки—были въ „духѣ времени“. Приводитъ тѣхъ-же западныхъ „деспотовъ“, творцовъ монархіи, каковы Людовикъ XI и др.

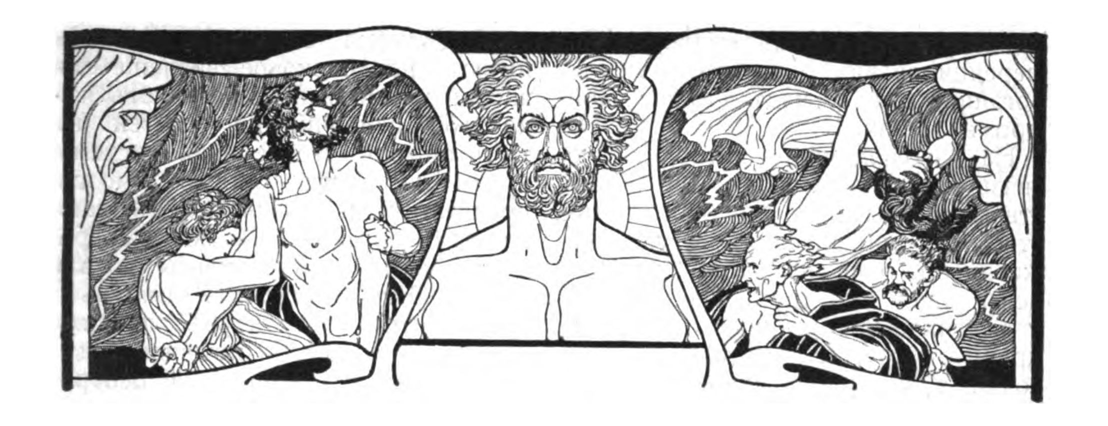
Словомъ, серьезная исторія и моя хроника,— совершенно сходны не только по приводимымъ фактамъ, но и по выводамъ. Разница—только въ манерѣ выражаться, въ языкѣ, въ пріемахъ изображенія. Я рисую, Валишевскій анатомируетъ и потомъ чертитъ схемы.

Примите и прочее

Левъ Ждановъ.

Digitized by Google

БІОЛОГИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ РАЗВИТІЯ КУЛЬТУРЫ.

Людвига Вольтмана.

1. Органическое начало соціальной жизни.

Человѣкъ—созданіе органическаго міра. Поэтому и въ соціальной, и интеллектуальной исторіи его должны проявляться основные физіологическіе законы универсальныхъ жизненныхъ процессовъ. Органическій человѣкъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы познаемъ его изъ естественно-научныхъ изслѣдованій его физической и психической структуры и дѣеспособности, въ процессѣ сотрудничества съ ему подобными существами и внѣшней природой, является носителемъ и творцомъ всѣхъ актовъ общественнаго и интеллектуальнаго характера, ибо *„всеміpная исторія есть только часть органической исторіи развитія“* *).

Уже давно философское умозрѣніе, догадываясь о связи между органическимъ и духовнымъ міромъ, начало сравнивать общественную и политическую жизнь со *строеніемъ и развитіемъ органическихъ формъ.* Платонъ сравнивалъ государство съ душою и пытался изъ внутреннихъ законовъ личности и составляющихъ ее силъ вывести сущность и составъ государства. Новѣйшая, такъ называемая „органическая“ соціологія, въ соотвѣтствіи съ болѣе реалистическимъ направленіемъ своимъ, для сравненія беретъ уже ростъ и отправленія тѣлеснаго организма. Эта теорія, безъ сомнѣнія, имѣетъ нѣкоторый raison d'être, такъ какъ общество дѣйствительно есть организмъ, но въ то же время оно есть болѣе, чѣмъ организмъ: какъ реальная жизненная единица, оно есть своеобразная надъ-органическая форма. Общество можно уподобить организму постольку, по скольку люди-организмы подчиняются тѣмъ же законамъ, какъ и клѣтки въ организмѣ, и если мы прослѣдимъ всю совокупность общественной жизни вплоть до ея первоисточниковъ, то обнаружится, что и животное, и человѣческое общежитіе въ послѣднемъ счетѣ есть физіологическій продуктъ организ-

*) E. Haeckel, Ziele und Wege der heutigen Entvickelungslehre 1875 S. 87.

Digitized by Google

ма по росту и размноженію, дифференцировавшійся въ типъ межъ-органической и надъ-органической формы жизни.

На эволюціонно - историческую связь между организмомъ и обществомъ указываетъ то обстоятельство, что на низшихъ ступеняхъ жизни оба еще не рѣзко ограничены другъ отъ друга. Напримѣръ, у жгутиковыхъ органически связаны другъ съ другомъ отдѣльныя клѣточки, а у трубчатниковъ—многочисленные самостоятельные индивиды. Они составляютъ въ одно и то же время и общество, и организмъ. Такая жизненная форма повторяется временно и высшими животными въ зародышевомъ состояніи и въ продолженіи эмбріональнаго существованія. На болѣе высокой ступени развитія животный организмъ состоитъ изъ очень сложнаго комплекса клѣтокъ, или элементарныхъ организмовъ. Онъ происходитъ отъ оплодотворенной зародышевой клѣтки, которая, путемъ безпрерывнаго дѣленія, размножается до тѣхъ поръ, въ массовомъ количествѣ, пока организмъ не приметъ своей развитой формы и не станетъ, въ періодѣ зрѣлости и размноженія, отдѣлять изъ себя группы клѣтокъ новаго организма. Между клѣтками наблюдается извѣстное, количественное и качественное дѣленіе труда, такъ что нѣкоторое количество однородно - дифференцированныхъ клѣтокъ исполняетъ одну и ту же функцію. Отдѣльныя клѣтки образуютъ ассоціацію, въ которой существуетъ извѣстное взаимное соотношеніе частей. Нервные органы въ отношеніи правильнаго отправленія функцій зависятъ отъ кишечныхъ органовъ, а послѣдніе, въ свою очередь, отъ первыхъ. Измѣненія, происходящія въ одной системѣ органовъ, обыкновенно вызываютъ измѣненія въ другой. Совершенствованіе одной части нерѣдко бываетъ связано съ регрессомъ другой.

Отдѣльныя системы органовъ имѣютъ неодинаковое значеніе для жизни организма. Существуетъ нѣкоторое соподчиненіе частей въ томъ смыслѣ, что нервная система, и въ частности головной мозгъ, представляется важнѣйшимъ жизненнымъ органомъ. Въ мозгу сосредоточиваются всѣ импульсы и цѣли жизни. Отсюда исходитъ импульсъ къ развитію и структурѣ другихъ органовъ. Но ростъ организма, дѣленіе труда, соотношеніе и централизація отправленій происходятъ не такъ, какъ въ хорошо промасленной машинѣ; напротивъ, наблюдается своеобразная „борьба частей въ организмѣ“, по выраженію В. Ру, борьба химическихъ формъ сродства, борьба клѣтокъ, тканей и органовъ, между которыми совершается такой же естественный отборъ, какъ и между самими организмами. Всѣ эти отношенія въ свою очередь опредѣляются доминирующимъ предназначеніемъ цѣлаго, которое и сообщаетъ организму его характеристическій отпечатокъ, въ отличіе отъ формъ неорганическихъ.

Генетическая аналогія между организмомъ и обществомъ, „соціальнымъ организмомъ“, въ которомъ дѣйствуютъ такіе же біологическіе законы какъ и въ организмѣ, существуетъ въ дѣйствительности.

Ростъ общества беретъ свое начало отъ нѣкоторой пары человѣческихъ особей, образующей вмѣстѣ съ дѣтьми, внуками, родными и потомками уже самостоятельную соціальную единицу. Увеличиваясь, она начинаетъ выдѣлять изъ себя новыя отдѣльныя группы, которыя въ другомъ мѣстѣ порождаютъ подобную же соціальную форму. Образованіе братственныхъ племенъ, колоній, есть выраженіе такого разростанія общества. Въ самомъ примитивномъ человѣческомъ обществѣ наблюдается дѣленіе труда между мужчиной и женщиной, между родителями и дѣтьми, между сильными и слабыми, умными и глупыми,

Digitized by Google

на почвѣ естественнаго различія дарованій и дѣеспособности. Дѣленіе труда, въ болѣе развитыхъ обществахъ приводящее къ образованію кастъ и сословій, весьма благопріятствуетъ образованію и развитію разновидностей и вслѣдствіе того становится орудіемъ соціальнаго и интеллектуальнаго прогресса. Между отдѣльными частями общества существуетъ нѣкоторое взаимодѣйствіе въ томъ смыслѣ, что одна группа не можетъ обходиться безъ другой,—существуетъ нѣкоторый обмѣнъ услугами, которыя полезны обоюдно. Устанавливается и нѣкоторая іерархія группъ и лицъ, гегемонія отца въ семействѣ, военачальника въ ордѣ, аристократіи въ феодальномъ государствѣ.

Соціальная дифференціація занятій приводитъ къ антагонизму потребностей и интересовъ. Возникаетъ внутренняя соціальная борьба, которая явно или тайно принимаетъ форму войны, экономической или идейной, борьба за жилище, за пищу, за женщину, за должность, за власть, за славу и—истину. Но несмотря на внутреннія разногласія и усобицы, общество представляется извнѣ какъ замкнутое и солидарное въ себѣ цѣлое, которое въ антагонистическомъ или гармоническомъ взаимодѣйствіи съ другими соціальными формами соединяетъ всѣ свои разрозненныя силы и части въ цѣляхъ самосохраненія.

Но далѣе такой универсально-біологической закономѣрности не должна заходить аналогія между органической и соціальной жизнью, чтобы не обратиться въ абсурдъ. Нѣкоторые представители органической соціологіи, напр. Шеффле, Лиліенфельдъ и Р. Вормсъ, развили аналогію до мельчайшихъ деталей, такъ что нерѣдко доходятъ до смѣшного и комическаго и благодаря этому жестоко скомпрометировали совершенно законные и необходимые элементы этой теоріи. Нелѣпа, напр., попытка Шеффле провести аналогію между волосами, ногтями и шипами, покрывающими тѣло въ видахъ защиты, и между стѣнами, палисадами и другими сооруженіями крѣпостей; нелѣпа и попытка Вормса сравнить движеніе кровяныхъ шариковъ въ потокѣ крови съ функціями торговцовъ, разносящихъ пищевыя средства въ составѣ общества, или уподобить проселочныя дороги и рельсовые пути кровеноснымъ сосудамъ.

Универсальный принципъ, одинаково подчиняющій себѣ и организмъ, и общество, есть принципъ организаціи, сущность которой заключается въ указанныхъ выше основныхъ законахъ. Общество нельзя именовать прямо организмомъ, но можно характеризовать физіологически, отмѣчая, что оно организовано. Отдѣльно взятый человѣкъ, правда, есть органическій элементъ общества и въ этомъ смыслѣ можетъ быть сравненъ съ клѣткой организма, но въ то же время онъ есть болѣе, чѣмъ клѣтка, и нѣчто отличное отъ клѣтки въ томъ смыслѣ, что между индивидами существуютъ своеобразныя соотношенія, которыхъ не наблюдаемъ между клѣтками организма, и которыя возникаютъ изъ *взаимодѣйствія многихъ организмовъ*.

Физіологическая основа соціальной жизни, состоящая въ специфическомъ соотношеніи многихъ организмовъ, есть ни что иное, какъ раса. Лишь этимъ понятіемъ вполнѣ уясняется и постановка, и разрѣшеніе проблемы, смутно носившейся передъ духовными очами изслѣдователей, которые искали реальнаго сходства между организмомъ и обществомъ.

„Органическая“ соціологія не удовлетворяетъ насъ. Напротивъ, соціологія должна быть біологической, другими словами, она должна объяснять общественныя явленія и перемѣны тѣми законами, которые результируютъ изъ физіологическаго сожитія многихъ организмовъ во времени и пространствѣ; она

Digitized by Google

должна мыслить расу и общество въ ихъ закономѣрной взаимной связи и понимать „расовый“ процессъ, какъ естественную основу „соціальнаго“ процесса, такъ что измѣненія, приспособленіе, отборъ, происходящіе въ обществѣ, можно было бы свести къ тождественнымъ физіологическимъ процессамъ, совершающимся въ расѣ. Но поскольку общество есть жизненный феноменъ, свойственный въ равной мѣрѣ многимъ расамъ и животнымъ, надо принимать въ разсчетъ и тѣ антропологическіе законы и причины, которые результируютъ изъ специфической природы человѣка, если хотимъ научно и всесторонне освѣтить жизнь и исторію общественныхъ формъ человѣка.

2. Градаціи въ общежитіи животныхъ.

Если структура и планъ человѣческаго тѣла будутъ намъ понятны лишь въ томъ случаѣ, если начнемъ слѣдить за ходомъ развитія его отъ самыхъ первыхъ зачатковъ организма, то и общественную структуру мы поймемъ лишь тогда, если вскроемъ самыя первичныя зародышевыя проявленія соціальныхъ отношеній въ ихъ развитіи, вплоть до сложнѣйшихъ формъ. Древнѣйшая исторія соціальныхъ связей и инстинктовъ обнимаетъ собою и наиболѣе отдаленныя примитивныя стадіи органической жизни.

На самой низкой изъ извѣстныхъ ступеней развитія органическихъ видовъ мы находимъ одноклѣточные организмы съ болѣе или менѣе дифференцированнымъ строеніемъ. Они живутъ изолированно или образуютъ общежитіе, которое можно принять за простѣйшую форму органическаго обобществленія. Нѣкоторые жгутиковыя образуютъ небольшой животный „стебелекъ“, или же нѣсколько животныхъ особей располагаются сообща на одномъ стволѣ. Такое соединеніе элементарныхъ клѣтокъ находимъ мы также у нѣкоторыхъ водорослей, напр., у volvocineae, которыя образуютъ клѣточныя колоніи и полые шары вслѣдствіе того, что при многократномъ дѣленіи онѣ не отдѣляются одна отъ другой, а остаются другъ возлѣ друга. Благодаря же тому, что въ этихъ „клѣточныхъ ордахъ“, какъ называетъ ихъ Геккель, возникаетъ дифференціація и дѣленіе труда между отдѣльными клѣтками,—появляются и болѣе развитые организмы полиповъ и губокъ. Трубчатники образуютъ колоніи, которыя состоятъ изъ отдѣльныхъ животныхъ, установившихъ въ своей средѣ обширное дѣленіе труда. На одномъ общемъ стволѣ находимъ мы и плавающихъ колокольчатыхъ полиповъ, и полиповъ—кормильцевъ, и ловцовъ, и осязательныя нити, и полиповъ,—размножителей, такъ что у нѣкоторыхъ видовъ отдѣльныя животныя почти совершенно утратили свой морфологическій характеръ.—и вся колонія производитъ впечатлѣніе единаго компактнаго организма.

Въ другихъ классахъ животнаго царства, у червей и моллюсковъ, встрѣчаемъ уже меньше примѣровъ обобществленія, тогда какъ у членистоногихъ находимъ высоко развитое общежитіе. Въ то время, какъ въ колоніяхъ сохраняется прямое органическое единеніе, такъ какъ особи при размноженіи не отдѣляются другъ отъ друга, у членистоногихъ сожительство регулируется психическими моментами, порою весьма сложнаго характера. У пчелъ, муравьевъ и осъ существуетъ высоко-дифференцированное общежитіе, которое регулируется не только инстинктомъ, но до извѣстной степени также и разумомъ, хотя и чувственно-ограниченныхъ, и въ которомъ господствуетъ многообразное расчлененіе и дѣленіе труда. У рыбъ образуются стаи, которыя дѣлаются особенно замѣтными въ періоды пробужденія половой жизни и кочеваній. Нѣкоторые виды образуютъ

Digitized by Google

странствующія общины въ формѣ клиньевъ; у другихъ обособляются самцы и самки, причемъ одни плывутъ въ верхнихъ слояхъ воды, а другіе въ нижнихъ, наконецъ, у третьихъ „икряныя„ особи (самки) плывутъ впереди „молочныхъ“ (самцовъ). Земноводныя объединяются лишь подъ вліяніемъ однообразной мѣстности, а не въ силу к. л. взаимной склонности болѣе или менѣе длительнаго характера; удовлетворивъ половую потребность, они перестаютъ интересоваться другъ другомъ. По Брэму, пресмыкающіяся не вступаютъ въ дружественныя сношенія ни съ представителями собственнаго класса, ни съ другими животными вообще; въ лучшемъ случаѣ удается лишь добиться того, что они перестаютъ пугаться другихъ существъ или начинаютъ относиться къ нимъ равнодушно.

Многіе виды птицъ, закончивъ процессъ насиживанія яицъ, начинаютъ кочевать, собираясь для этого въ большія стаи и колонны; другія живутъ попарно въ супружескомъ общеніи, не разставаясь съ подрастающими дѣтенышами птенцами; наконецъ, третьи вступаютъ другъ съ другомъ въ общеніе ради самозащиты. Многія воробьиныя принадлежатъ къ числу весьма общительныхъ животныхъ, одиночки встрѣчаются рѣдко, а отдѣльными парами онѣ живутъ лишь въ періоды насиживанія, но въ другіе мѣсяцы года ихъ пары и семейства соединяются въ отряды, отряды—въ стаи, а стаи нерѣдко выростаютъ въ настоящія полчища. Умнѣйшая изъ птицъ печется о благосостояніи всей стаи; ея приказанія исполняются прочими членами стаи, и ея примѣру подражаютъ остальныя. *) Краснокрылые гуси (фламинго) всегда живутъ большими стаями; при отыскиваніи корма многіе изъ болѣе старыхъ птицъ стоятъ на часахъ и предупреждаютъ стаю о приближающейся опасности *). Ластоногія помогаютъ другъ другу при ловлѣ рыбы, но не защищаются сообща отъ непріятелей подобно дельфинамъ, у которыхъ наблюдается единодушіе и солидарность въ попеченіи объ отдѣльныхъ членахъ стаи **).

*) Brehm s' Thierleben, 3. Aufl, IV, S. 38.

Млекопитающія вообще отличаются большою общительностью. „Во многихъ крупныхъ общежитіяхъ“,—пишетъ Брэмъ,—„наиболѣе даровитый членъ пріобрѣтаетъ главенство и, наконецъ, добивается безусловнаго послушанія. Между жвачными такого почетнаго положенія достигаютъ обыкновенно старыя самки, особенно бездѣтныя. У другихъ общительныхъ животныхъ, напр., у обезьянъ, вождями становятся самцы, притомъ лишь послѣ упорной борьбы съ соперниками, изъ которой они выходятъ побѣдителями, страшными для всѣхъ; здѣсь дѣло рѣшаетъ грубая сила, а тамъ—опытность и добрая воля. Вождь, ставшій имъ по избранію или по общему признанію, печется объ охранѣ и безопасности всего стада и защищаетъ слабыхъ членовъ его, нерѣдко съ большимъ самоотверженіемъ; менѣе умные и сильные присоединяются къ болѣе умнымъ и подчиняются всѣмъ распоряженіямъ ихъ по охранѣ ***).

Наибольшій интересъ представляетъ общежитіе обезьянъ. Здѣсь тоже становится вождемъ и проводникомъ кто-нибудь изъ сильныхъ или старыхъ, а потому и болѣе даровитыхъ самцовъ стада. Но этого ранга онъ достигаетъ лишь послѣ упорной борьбы и поединка съ другими соперниками - претендентами, т. е. со всѣми остальными старыми самцами. Дѣло рѣшаютъ длинныя зубы и сильныя руки. Обезьяна—предводитель требуетъ себѣ безусловнаго послушанія во всѣхъ отношеніяхъ, и его слушаются. Зато онъ въ свою очередь очень чутокъ

*) Brehm VI, S. 548.

**) Brehm VI, S. 549).

***) Brehm, I, S. 26.

Digitized by Google

ко всякой опасности и защищаетъ свое стадо съ большимъ мужествомъ и рвеніемъ *).

Изъ приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ можно бы значительно увеличить по сочиненіямъ Брэма, Эспинаса, Дарвина и Бюхнера, можно отчетливо увидѣть, что законы роста, дѣленіе труда, взаимодѣйствіе, іерархія и пр. на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни животныхъ проявляются то въ той, то въ другой формѣ. На низшихъ ступеняхъ животнаго общежитія объединеніе имѣетъ чисто органическій характеръ, какъ и въ собственно животномъ тѣлѣ, причемъ особи остаются въ непосредственной тѣлесной связи другъ съ другомъ и имѣютъ общую пищеварительную и нервную систему. У членистоногихъ и млекопитающихъ отдѣльныя животныя особи объединяются инстинктивными движеніями симпатіи и интересовъ, но многія дѣйствія обусловливаются и разумомъ. Только въ человѣческой сферѣ общежитіе обращается въ союзъ разумныхъ существъ, регулируемый и возникающій духовно, хотя и здѣсь ни органическія, ни инстинктивныя узы не исчезаютъ совершенно.

Сила и степень дифференцированія общежитія, вообще говоря, зависятъ отъ духовныхъ способностей, слѣдовательно, отъ развитія нервной системы животнаго клана, такъ что разумныя, осмысленныя животныя въ большинствѣ случаевъ являются и самыми общительными. Но гдѣ и разумъ, и общительность одновременно развиты высоко, тамъ мы имѣемъ и наибольшую гарантію тому, что раса сохранится и будетъ совершенствоваться въ борьбѣ за существованіе.

Гдѣ между особями общества не существуетъ длительной тѣлесной связи, тамъ развиваются соціальные инстинкты, которые первоначально сохраняютъ связь съ чисто органическими функціями и проявляются какъ стремленіе *половое*, стремленіе къ *насыщенію*, и стремленіе къ *господству*.

Что касается связи особей при половомъ размноженіи, то Э. Циглеръ различаетъ отношенія троякаго рода: отношенія, не сопровождающіяся спариваніемъ и случкой; отношенія, сопровождающіяся спариваніемъ и случкой, и отношенія, сопровождающіяся длительнымъ спариваніемъ. Связь перваго рода встрѣчается у губокъ, кишечно-полостныхъ, иглокожихъ и раковинъ, у которыхъ клѣтки спермы и яйца извергаются въ воду, гдѣ и совершается оплодотвореніе безъ всякаго дальнѣйшаго участія со стороны родителей. Спариваніе для случки бываетъ тогда, когда двѣ особи сближаются въ цѣляхъ рожденія дѣтенышей, и вскорѣ затѣмъ опять расходятся, какъ это бываетъ у многихъ червей, членистоногихъ, моллюсковъ, рыбъ и земноводныхъ.

Длительное спариваніе находимъ у птицъ и млекопитающихъ, и продолжается оно либо въ теченіе одного періода размноженія, обнимающаго иногда нѣсколько періодовъ выращиванія, либо въ теченіе нѣсколькихъ періодовъ размноженіи, либо, наконецъ, въ теченіе всей жизни *).

При спариваніи для случки, особи сближаются посредствомъ возбуждающихъ прикосновеній, запаховъ, красокъ и звуковъ, т. е. благодаря чувственному возбужденію осязанія, обонянія и слуха; но о длительномъ *семейственномъ* побужденіи, покоющемся на половомъ чувствѣ, можно говорить лишь относительно высшихъ животныхъ, притомъ такихъ, которыя вступаютъ въ моногамныя половыя отношенія на всю жизнь. Въ такомъ кругу отношеній возникаютъ инстинкты симпатіи и антипатіи, страсти и ревности, любовь къ дѣтямъ, забота о потомствѣ, страсть къ играмъ и кочеваніямъ. „Каждая

*) Brehm I, S. 46

*) E. Ziegler, Die Naturwissenschaft und die socialdem. Theorie 1894, S. 74—77,

самка у млекопитающихъ", — говоритъ Брэмъ, — „любитъ своихъ дѣтенышей и защищаетъ ихъ, рискуя собственной жизнью, отъ всякихъ враговъ, не исключая и родителя-самца. Она кормитъ и наставляетъ, наказываетъ и охраняетъ дѣтенышей своихъ, словомъ—воспитываетъ ихъ". Материнская любовь—такая же естественная сила, какъ всякая другая сила природы, сохраняющая или разрушающая жизнь въ борьбѣ за существованіе.

У низшихъ животныхъ каждая особь выходитъ на поиски за кормомъ одиноко. У животныхъ колоній, напр., у кишечно-полостныхъ, мы находимъ общій желудокъ, который наполняется стараніями полиповъ - кормильцевъ. У высшихъ животныхъ потребность въ пищѣ заставляетъ дѣйствовать сообща, въ ассоціаціи. У многихъ имѣются общія кладовыя, пастбища, районы для охоты. Волки и нѣкоторые другіе хищники охотятся стаями, помогая другъ другу при нападеніи на добычу. Павіаны hamadryas переворачиваютъ камни при отыскиваніи насѣкомыхъ и т. п., и когда встрѣчаются большіе камни, то за переворачиваніе ихъ принимаются всѣ, кто можетъ приступиться, а потомъ, исполнивъ дѣло это сообща, дѣлятъ между собою добычу. Соціальныя животныя защищаютъ себя сообща. Бизоны — самцы въ Сѣв. Америкѣ во время опасности сгоняютъ самокъ и телятъ въ средину стада, а сами становятся снаружи для защиты стада. Также и волки, сбиваясь зимою въ большія стаи, выполняютъ всѣ свои предпріятія сообща, помогаютъ другъ другу и въ случаѣ опасности призываютъ на помощь товарищей воемъ (Дарвинъ).

Коллективная дѣятельность въ стадѣ животныхъ предполагаетъ своего рода правительство, или *власть*, отъ которой исходятъ указанія, приказы и предостереженія. Солидарная борьба съ внѣшнимъ міромъ необходимо приводитъ къ организаціи власти внутри общины, которая путемъ дѣленія труда, установленія дисциплины и гармоническаго сотрудничества повышаетъ и силу нападенія, и сопротивленія стада. Такая регуляція отношеній происходитъ или при участіи прирожденнаго механизма инстинктовъ, какъ у многихъ членистоногихъ, или путемъ борьбы за соціальное положеніе, въ которой право сильнѣйшаго, старѣйшаго и опытнѣйшаго даруетъ власть и вліяніе и въ то же время требуетъ послушанія, довѣрія и почтительности. Такъ, напр., разсказываютъ о дикихъ лошадяхъ, что въ ихъ табунахъ сильнѣйшій жеребецъ является неограниченнымъ повелителемъ, руководителемъ и вождемъ: онъ выступаетъ во главѣ табуна, подаетъ сигналы къ отдыху и продолженію похода, къ борьбѣ и бѣгству, и не выноситъ никакихъ соперниковъ и противниковъ *).

Владычество отдѣльныхъ особей и группъ есть первичный естественный фактъ, который для стадныхъ животныхъ въ борьбѣ ихъ за существованіе столь же полезенъ и необходимъ, какъ прочіе инстинкты и дѣянія. Импульсъ къ перемѣнѣ дѣйствій можетъ исходить лишь *отъ отдѣльныхъ единичныхъ особей и группъ*. Это доказывается, напр., тѣмъ обстоятельствомъ, что у муравьевъ каждое выступленіе и измѣненіе пути и каждая перемѣна рѣшеній во время кочеванія всякій разъ предрѣшается небольшою центральною группою участниковъ, которые предварительно сговариваются другъ съ другомъ, трогая одинъ другого сяжками, и ужъ потомъ ведутъ за собою остальныхъ, менѣе рѣшительныхъ товарищей (Бюхнеръ). Организованная власть проявляетъ себя не только въ предводительствѣ и руководствѣ, а также и въ эксплоатаціи. Животныя — вожди претендуютъ на большее количество корма,

*) L. Büchner, Liebe und Liebesleben in der Thierwelt, S. 346.

Digitized by Google

на нѣкоторыя преимущества въ половомъ актѣ, на безусловное послушаніе,—таковы біологическіе зачатки даней и публичныхъ податей. Въ общежитіи обезьянъ наблюдается настоящая деспотія, настоящая градація классовъ на почвѣ естественныхъ различій.

Господство и подданство—вполнѣ естественные факты въ мірѣ. „Въ природѣ“,—говоритъ Гексли,—„совпадаютъ фактъ и его правомѣрность, другими словами, совпадаютъ *право и сила*. Существовать и имѣть естественное право на существованіе; обладать способностью и пользоваться естественнымъ правомъ осуществлять ее, это—одно и тоже“ *).

Въ животныхъ общинахъ откровенно и безъ всякихъ прикрасъ воплощается та истина, что всѣ соціальныя учрежденія и расчлененія покоятся на силѣ и служатъ силѣ. Лишь тамъ, гдѣ проявляется начальственная и руководящая сила личности, можетъ осуществляться и соціальное развитіе, и эта естественная правда отражается какъ на человѣческомъ обществѣ, возникшемъ изъ животныхъ общежитій, такъ и на организаціи семьи, сословій и государствъ.

3. Соціальная наслѣдственность и интеллектуальныя изобрѣтенія.

Не только развитіе органовъ, но и развитіе инстинктовъ и осмысленности необходимо нужно для того, чтобы сохранилась и совершенствовалась раса. Подъ инстинктомъ разумѣютъ прирожденное, непреодолимое внутреннее побужденіе, не зависящее отъ опыта и воспитанія, дѣйствующее внѣ сознанія опредѣленной цѣли и тѣмъ не менѣе цѣлесообразно.

Въ противоположность инстинкту, подъ разумомъ понимаютъ такую духовную функцію, которая заимствуется отъ другихъ путемъ опыта и упражненія. Съ точки зрѣнія исторіи развитія, инстинктъ и разумъ не отдѣлимы другъ отъ друга, и случается, что инстинктъ можетъ ошибаться и подвергаться индивидуальнымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ упражненія и наученія.

Ламаркъ и Дарвинъ видѣли въ инстинктахъ унаслѣдованныя привычки и способности. Но, съ точки зрѣнія современной эволюціонной теоріи, въ инстинктахъ слѣдуетъ видѣть варіаціи зародыша, усиленныя и закрѣпленныя отборомъ соотвѣтствующихъ особей и расъ. Инстинкты врождены и самопроизвольно побуждаютъ къ ихъ удовлетворенію. Правда, они не всегда приводятъ съ безусловной точностью къ цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ; случается, напримѣръ, что молодыя птицы строятъ гнѣздо хуже старыхъ. Точно такъ же врожденное стремленіе ходить, плавать, распознавать врага требуетъ извѣстнаго навыка, хотя бы и кратковременнаго.

По словамъ А. Фореля, муравьевъ разныхъ видовъ можно въ дѣтствѣ пріучить къ совмѣстному сожительству, такъ что въ данномъ случаѣ можно устранить ту инстинктивную вражду къ чужимъ животнымъ, которая въ нихъ замѣчается обычно. Поэтому Уоллэсъ и утверждаетъ, что и инстинкты до нѣкоторой степени подчинены закону подражанія, запоминанія и приспособленія. Того же мнѣнія и Васманъ, который подъ инстинктомъ разумѣетъ не одни лишь такъ называемые „слѣпые“ импульсы, прирожденные животному, а также и способность исполнять такіе цѣлесообразные акты, которые совершаются на основаніи опыта, воспоминаній и ассоціаціи чувственныхъ представленій. „Такіе акты“,—говоритъ онъ,—„нельзя считать разумными, ибо они покоятся лишь на сочетаніи чувственныхъ представленій“. Разумъ, по Васману, проявляется лишь тамъ, гдѣ мы имѣемъ общія идеи, т. е. лишь тамъ, гдѣ есть въ наличности способность аб-

*) Th. H. Huxley, Sociale Essays 1897, S. 50.

Digitized by Google

страгировать. „Абстрагировать же способенъ только человѣкъ“ *).

Противоположность между инстинктомъ и разумомъ не безусловна. Существуетъ градація инстинктовъ, начиная со „слѣпыхъ“, однако, вѣрно и точно направленныхъ органическихъ побужденій, и кончая такими стремленіями, которыя имѣютъ связь съ опытомъ, упражненіемъ и чувственно-ограниченной осмысленностью. Вообще говоря, „чистый“ разумъ существуетъ лишь въ философской теоріи; даже самыя возвышенныя и отвлеченныя умозрѣнія бываютъ проникнуты стремленіями и чувствами, а въ жизни людей стремленія и чувства обыкновенно играютъ гораздо большую роль, чѣмъ интеллектъ.

Въ природѣ встрѣчаются лишь постепенныя градаціи психическихъ отправленій. Причины, обусловливающія различіе между животной и человѣческой духовной жизнью, въ послѣднемъ счетѣ слѣдуетъ искать въ двухъ обстоятельствахъ: появленіи *рѣчи* и появленіи *орудій*, имѣвшихъ принципіальное значеніе для развитія умозрительной способности и соціальныхъ представленій человѣка.

Дарвинъ указывалъ на то, что данная тѣлесная структура человѣка могла создаться лишь благодаря техническимъ орудіямъ. Наличность такихъ внѣшнихъ органовъ защиты, какъ рога, когти, колючки, копыта, зубы, имѣетъ важное значеніе для животныхъ въ ихъ борьбѣ за существованіе. Человѣкоподобныя обезьяны при случаѣ вооружаются вѣтками деревьевъ и каменьями, а для этой цѣли переднія конечности у нихъ приспособлены гораздо лучше, чѣмъ у другихъ животныхъ. Однако, только продолжительное и постоянное употребленіе грубыхъ камней могло привести къ совершенному развитію органической структуры человѣка и его мозга.

*) Biolog. Centralblatt 1893, S. 151.

Работа рукъ уменьшилась съ тѣхъ поръ, какъ многія отправленія ихъ стали выполняться искусственными снарядами и орудіями. Тогда развилась длительно-прямая осанка съ приподнятой вверхъ головой и свободной подвижностью головы и конечностей. Руки и глаза, грудь и глотка получили свободу, и вслѣдствіе этого создалась физіологическая почва для развитія духовной жизни, мышленія и рѣчи. Орудія создали разумную организацію человѣка, т. е. создали организмъ, въ которомъ разумъ могъ развиваться съ полной свободой и который такимъ образомъ есть лишь отраженіе его.

Кромѣ орудій, животнымъ недостаетъ еще и рѣчи. Правда, онѣ имѣютъ голосъ и способность мимики (жестикуляціи), и при помощи различныхъ звуковъ онѣ выражаютъ нѣкоторыя ощущенія, намѣренія и воспоминанія. Животныя издаютъ чувственно-осязательные звуки и шумы, однократные или многократно слѣдующіе одинъ за другимъ, но настоящихъ словъ, которыя, по мѣткому опредѣленію Іегера, представляютъ собой „членораздѣльное сочетаніе тоновъ и шумовъ, совершаемое въ извѣстномъ порядкѣ и согласно опредѣленнымъ законамъ“, мы не замѣчаемъ у нихъ. Настроеніе и желаніе выражаютъ они звуками, напримѣръ, воемъ, лаемъ, пискомъ, ворчаньемъ.

Но если простая мимика и голосъ уже являются цѣлесообразными средствами для поддержанія соціальнаго общенія и связи, то членораздѣльная рѣчь, какъ объективное средство сообщенія, гораздо болѣе пригодна для того, чтобы стать факторомъ духовной жизни: послѣдняя пріобрѣтаетъ въ ней матеріальное орудіе для передачи ощущеній и мыслей не только живущимъ современникамъ, но и грядущимъ поколѣніямъ потомковъ.

Для отвлеченно-мыслительной способности необходимымъ орудіемъ

Digitized by Google

развитія является не только рѣчь, но также орудіе, инструментъ. Л. Гейгеръ говоритъ:

„Какъ бы искусны ни были снаряды и орудія, сдѣланы изъ камня или желѣза, но потому они и представляются твореніемъ человѣческимъ, что носятъ на себѣ слѣды мыслительной работы".

Животное ощущаетъ и реагируетъ при помощи своихъ органовъ; оно, слѣдовательно, имѣетъ лишь чувственно-ограниченное и инстинктивное представленіе о причинѣ и эффектѣ. Что руки у обезьяны въ высокой степени способствовали развитію въ ней разума, это подмѣтилъ уже Эспинасъ; руки даютъ ей о предметахъ болѣе опредѣленное и точное представленіе, чѣмъ то, которое получаетъ жвачное животное благодаря своимъ губамъ и копытамъ *).

Рука есть и органъ движенія, и важный органъ чувства. Но въ то время, когда рука, вооруженная инструментомъ, заставляетъ тутъ же на глазахъ воздѣйствовать одну вещь на другую, зарождается и нѣкоторое свободное и объективное, самими вещами создаваемое представленіе о причинѣ и эффектѣ. Внѣшнимъ образомъ опущенная связь между причиной и эффектомъ переносится потомъ изъ области прямо-осязаемаго въ болѣе возвышенную и свободную область видимаго и тѣмъ самымъ поступаетъ на гораздо болѣе спокойную фактическую оцѣнку, свободную отъ субъективныхъ ощущеній и настроеній. „Человѣкъ дѣлался могущественнѣе, по мѣрѣ того, какъ повышалась въ немъ способность пользоваться окружающими предметами въ собственномъ интересѣ. Но отчего повышалась въ немъ эта способность? Только оттого, что въ немъ росла способность наблюдать предметы, а эта способность равносильна разуму; человѣка сдѣлала великимъ теоретичность его натуры" *).

*) Die thierischen Gesellschaften 1879, S. 481.

Соотношеніе между причиной и слѣдствіемъ теперь ощущается уже не непосредственно, а косвенно, иначе сказать—оно мыслится предметно, и этимъ полагается начало основному понятію абстрактной мысли. Благодаря ему, индивидъ начинаетъ сознавать себя субъектомъ волевымъ, создающимъ и причину, и эффектъ, и пріобрѣтаетъ способность подмѣчать подобные же импульсы и волевые акты также и въ другихъ членахъ общежитія. Но представленіе причинности лежитъ въ основѣ соціальныхъ представленій *долга*, *отвѣтственности* и *виновности*.

Такимъ образомъ возникаетъ нравственность, и человѣческая особь изъ душной сферы инстинктивнаго зоологическаго общежитія эволюціонно переходитъ къ истинно-человѣческому обществу, организованному интеллектуально-политически.

Способность рѣчи, вѣроятно, развивалась единовременно съ употребленіемъ орудій, при чемъ работа инструментомъ подготовляла преобразованіе организма для развитія способности рѣчи, а затѣмъ, какъ показали Нуаре и Бюхеръ, создавала и сама тѣ звуки, которые вошли въ составъ членораздѣльныхъ словъ. Первыя по времени слова не были подражаніемъ естественнымъ звукамъ; они возникали отъ сопутствующаго подражанія звукамъ, которые производила работа — инструментальная обработка матеріала. Объективный звукъ, производимый технической работой и обусловленный наличностью и обработкой внѣшняго матеріальнаго предмета, представляетъ собою зачатокъ членораздѣльныхъ словъ предметнаго значенія.

Рѣчь и орудіе связаны другъ съ другомъ неразрывно; это—тотъ спе-

*) (L. Geiger Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit 1878, I. 44).

Digitized by Google

цифическій фундаментъ, на которомъ человѣческое общежитіе развивается въ интеллектуальную экономическую общину и на которомъ культурный міръ обособляется отъ міра животнаго.

Съ появленіемъ орудій и рѣчи развиваются интеллектуальныя функціи *изобрѣтенія, подражанія* и *преданій*, которыя въ рѣзко выраженной формѣ наблюдаемъ лишь въ человѣческомъ обществѣ.

Измѣненія въ организмахъ возникаютъ путемъ зародышевыхъ варіацій и суммированія ихъ естественнымъ отборомъ въ борьбѣ за существованіе. Эти измѣненія проявляются или въ тѣлесныхъ отправленіяхъ, или въ инстинктахъ, или въ способностяхъ духовныхъ. Мозговыя варіаціи проявляются духовно въ актахъ изобрѣтеній и открытій. Изобрѣтенія и открытія, техническія и политическія, научныя и художественныя, въ соціальной исторіи человѣчества все болѣе и болѣе заступаютъ мѣсто измѣненій въ тѣлесныхъ отправленіяхъ и инстинктахъ. Всякій импульсъ или чувство, всякая потребность и нужда должны принять форму *мысли*, чтобы стать предметомъ подражанія или соціальнымъ факторомъ господства. Размышленіе индивидовъ, въ связи съ варіаціей и приспособленіемъ мыслительной дѣятельности, сообщаетъ человѣческому общежитію его своеобразный духовный обликъ. У высшихъ животныхъ тоже наблюдаются зачатки психическихъ варіацій—въ способности наблюдать, вниманіи и лукавствѣ, но одно лишь независимое интеллектуальное мышленіе приводитъ къ изобрѣтеніямъ, или къ познанію причинной и телеологической связи между предметами данными или воображаемыми. И не подлежитъ сомнѣнію, что въ борьбѣ за существованіе скорѣе устоитъ такое общество, раса котораго породитъ сравнительно болѣе изобрѣтателей и изобрѣтеній, и въ которомъ отборъ совершается сравнительно строго. Однако, духовныя варіаціи обнимаютъ не только интеллектуальныя изобрѣтенія, но и появленіе *этическихъ личностей* и *религіозныхъ геніевъ*, обнимаетъ новшества въ обычаяхъ и религіозныхъ представленіяхъ. Здѣсь на развитіе соціальной и интеллектуальной жизни благопріятнымъ образомъ вліяетъ духовный образъ личностей, ихъ честность, мужество и самоувѣренность. Мы бываемъ склонны преувеличивать моральную силу расы въ ея борьбѣ за существованіе и въ большинствѣ случаевъ слишкомъ преуменьшаемъ вліяніе религіознаго чувства.

Но кто знакомъ съ антропологическимъ началомъ всякой религіи и кто позналь глубокую генетическую связь между религіей и политикой, тотъ обязательно признаетъ, что ободряюшее вліяніе вѣры въ божество, въ тѣ удачи и успѣхи, которые предопредѣлены отъ Провидѣнія, является могущественнымъ психологическимъ факторомъ въ жизненной борьбѣ расъ и обществъ.

Изобрѣтеніе и образецъ познаются прочими членами общежитія интеллектуально и вызываютъ подражаніе. Стремленіе подражать есть очень энергическій инстинктъ приспособленія, прирожденный человѣку и наглядно проявляющійся даже у животныхъ. У суставчатоногихъ и другихъ мы находимъ мимикрію и умѣнье измѣнять внѣшность, при чѣмъ животное копируетъ особенности другихъ видовъ или окружающей среды. Очень развитое стремленіе подражать наблюдается у высшихъ обезьянъ, смышленость которыхъ въ значительной степени объясняется именно этой способностью ихъ.

У низшихъ человѣческихъ расъ мы тоже находимъ сильно развитое стремленіе подражать. Онѣ даже обнаруживаютъ склонность быстро воспринимать всѣ привычки и обычаи высшей культуры внѣшнимъ образомъ, но, разумѣется, не способ-

Digitized by Google

ны ни понимать ея глубокаго смысла, ни плодотворно примѣнять ее. Чтобы интеллектуальныя изобрѣтенія и подражаніе сохранялись въ обществѣ, и новымъ поколѣніямъ не нужно было начинать сызнова, духовное пріобрѣтеніе расы должно передаваться слѣдующему поколѣнію путемъ *соціальнаго наслѣдованія*. Соціальное наслѣдованіе обусловливается способностью молодого поколѣнія учиться и предполагаетъ естественное умѣнье воспринимать и ассимилировать традицію. По традиціи же передаются интеллектуальныя изобрѣтенія—или изустно отъ лица къ лицу, или же въ формѣ письменъ, или же въ видѣ орудій и ихъ продукта. Поэтому какъ письмена, такъ и произведенія техническія, хозяйственныя или художественныя, являются необходимымъ матеріальнымъ условіемъ объективной преемственности въ интеллектуальномъ развитіи.

Поскольку у высшихъ животныхъ наблюдается осмысленность, постольку мы находимъ у нихъ и зачатки преданія, традиціи. Молодое животное перенимаетъ у своихъ родителей такіе навыки и привычки, которые присущи данному зоологическому роду. Такъ, напр., всѣ птицы имѣютъ врожденное инстинктивное стремленіе пѣть, но полное развитіе модуляціи обусловлено примѣромъ родителей и подражаніемъ другимъ искуснымъ пѣвчимъ птицамъ. „Голосъ и способность пѣть прирождены; однако, и мелодіи, и темпу, и интонаціи надо научиться, и необученная птица будетъ всегда пѣвцомъ бездарнымъ“ *).

Точно также и другимъ животнымъ знакомо дѣло воспитанія и обученія дѣтенышей. Напр., молодые бобры покидаютъ нору родителей лишь послѣ трехъ-лѣтняго обученія искусству строить логовища.

*) L. Büchner, Liebe und Liebesleben in der Thierwelt 1879, T. 28).

Зачатки соціальнаго наслѣдованія, традиціи и наученія существуютъ и у высшихъ животныхъ, но здѣсь они отмѣчены характеромъ органичности, и, кромѣ того, мы не находимъ здѣсь ни эстетическихъ, ни техническихъ орудій, которыя у человѣка передаются отъ поколѣнія въ поколѣніе. Между тѣмъ процессъ развитія становится процессомъ *историческимъ* лишь въ томъ случаѣ, если органическое и соціальное наслѣдованіе идутъ параллельно, и если физическое наслѣдованіе, опредѣленное рожденіемъ и происхожденіемъ, стремится сохранить физіологическое предрасположеніе къ такимъ же самымъ отправленіямъ, инстинктамъ и дѣйствіямъ, какія наблюдались въ поколѣніи предшествующемъ. Если же между физическимъ наслѣдованіемъ и общественной традиціей замѣчается различіе, такъ что способности и зачатки человѣка уже не соотвѣтствуютъ традиціонно-унаслѣдованному запасу культурныхъ благъ, и человѣкъ не въ силахъ ни воспринять, ни далѣе развить ихъ, то этимъ признакомъ мы можемъ характеризовать расу вырождающуюся и культуру, явно клонящуюся къ упадку.

Подчеркиваніе соціальнаго наслѣдованія уясняетъ многія проблемы интеллектуальнаго развитія человѣчества, которыя „дарвинизмъ“ рѣшалъ неудовлетворительно или не рѣшалъ совсѣмъ.

Теоріи Дарвина нерѣдко ставилось въ укоръ то, что началомъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе не объясняется духовное развитіе человѣчества, и что сама теорія не въ силахъ объяснить возникновеніе *музыкальныхъ*, *научныхъ* и *религіозныхъ* дарованій. Однако, между духовными способностями высшихъ животныхъ и человѣка не существуетъ принципіальнаго, коренного различія; высшіе виды животныхъ обладаютъ тѣми же органами чувствъ, тѣми же формами разумѣнія и тѣми же душев-

Digitized by Google

ными движеніями: они ощущаютъ удивленіе и любопытство, они обладаютъ способностью вниманія и подражанія и, до извѣстной степени, способностью размышлять и принуждать, и Гердеръ, который вообще не признавалъ родства между человѣкомъ и обезьяной, былъ принужденъ сознаться, что нѣтъ такой человѣческой добродѣтели, которая не нашлась бы и у животныхъ, хотя въ зачаточномъ состояніи.

Интеллектуальной традиціи и соціальной наслѣдственности мы обязаны прежде всего тѣмъ, что изъ зоологическихъ зачатковъ развились высокія духовныя способности человѣка, его изобрѣтенія и созданія культуры. Бюхнеръ и Вейсманъ первые указали на традицію, какъ на такой моментъ, „который радикальнымъ образомъ отличаетъ человѣка отъ животныхъ“. Однако, и въ этомъ пунктѣ, какъ было показано выше, не наблюдается принципіальнаго различія, ибо и высшимъ животнымъ не совершенно чужды зачатки соціальной наслѣдственности. При наличности соотвѣтствующихъ развивающихъ импульсовъ, — примѣра, орудія, образовательнаго учрежденія, органическіе зачатки могутъ развиваться въ большей или меньшей степени. Здѣсь мы встрѣчаемся съ другимъ факторомъ духовнаго развитія, съ различными формами естественнаго и полового подбора, которыя могутъ и способствовать, и мѣшать развитію интеллектуальныхъ задатковъ и продуктовъ.

Уоллесъ и Вейсманъ отрицаютъ возможность переживанія и наслѣдованія интеллектуальныхъ способностей путемъ естественнаго отбора. Они возбуждаютъ вопросъ о томъ вліяніи, какое оказывали отдѣльныя фазы совершенствованія, напр., математическихъ задатковъ, на жизнь и смерть особей, ими обладавшихъ, равно и на борьбу племенъ, или на конечное выживаніе одной расы и гибель другой. „Ясно,— говоритъ Уоллесъ,—что при борьбѣ дикарей со стихіями и дикими животными или другъ съ другомъ, математическіе задатки и способности никакого вліянія оказать не могли“. Столь же трудно установить и связь между обладаніемъ музыкальнымъ дарованіемъ и выживаніемъ въ борьбѣ за существованіе. Поэтому Уоллесъ находитъ, что интеллектуальные, эстетическіе и моральные задатки и дѣянія суть „проявленія высшей природы, которыя не обусловливаются борьбой за существованіе“ *).

Вейсманъ отрицаетъ зависимость духовныхъ задатковъ отъ процесса отбора по слѣдующимъ основаніямъ: „Въ борьбѣ за существованіе эти дары духа, быть можетъ, и бывали иногда полезны и важны, но въ большинствѣ случаевъ они таковыми не бываютъ, и, вѣроятно, никто не станетъ утверждать, что обладаніе поэтическимъ или музыкальнымъ даромъ является существенно важнымъ моментомъ въ дѣлѣ учрежденія семьи; въ наше время это, пожалуй, даже болѣе допустимо, чѣмъ во времена Шиллера, Гейне или Моцарта или въ эпохи, еще болѣе отдаленныя; однако, и въ наше время человѣкъ практическій, разсудочный имѣетъ гораздо болѣе шансовъ на матеріальное преуспѣяніе, чѣмъ человѣкъ, богато одаренный въ идеальномъ отношеніи“ **).

Уоллесъ и Вейсманъ, очевидно, исходятъ отъ одностороннихъ біологическихъ предпосылокъ. Они понимаютъ борьбу за существованіе слишкомъ узко, въ смыслѣ борьбы за матеріальное существованіе особей и видовъ. Кромѣ того, зоологическая психологія показываетъ, что всѣ духовные задатки человѣка, не исключая эстетическихъ и моральныхъ, имѣются въ зачаточномъ видѣ и у высшихъ животныхъ.

Психологическіе факторы и „иде-

*) A. R. Wallace. Der Darwinismus 1895, T. 719.

**) A. Weissmann, Aufsätze über Vererbung und verwandte biolog. Fragen 1892, T. 592.

Digitized by Google

альные" мотивы играютъ у всѣхъ высшихъ, общественно живущихъ и осмысленныхъ животныхъ очень значительную роль въ дѣлѣ сохраненія и развитія расы, а потому важны и въ дѣлѣ естественнаго подбора. Поэтому нетрудно и генетически произвести моральныя свойства человѣка изъ соціальныхъ и сочувственныхъ инстинктовъ животныхъ. Уже въ животномъ стадѣ наблюдается борьба за соціальное положеніе, за предводительство и первенство, и эта борьба не есть борьба чисто-физическая, ибо въ ней, очевидно, выражается соперничество за честь и достоинство, слѣдовательно, за извѣстный моральный мотивъ, который и можетъ доводить особь до высокихъ актовъ самопожертвованія и даже до смерти. Художественный мотивъ—имманентная самоцѣль природы. Онъ существуетъ и у животныхъ, онъ составляетъ элементъ душевной организаціи всѣхъ людей, а родъ и степень его измѣненій сообразуются съ расой и семействомъ.

Высокодаровитые варіанты сохраняются, если художественный инстинктъ и художественная потребность общества отражаются на духовномъ отборѣ, и даровитость развивается въ геніальность, если счастливые задатки, имѣющіеся въ семьѣ, будутъ развиваться далѣе при цѣлесообразныхъ воспитательныхъ условіяхъ.

Художественныя произведенія представляютъ очень важный моментъ для оцѣнки духовныхъ задатковъ природы, и Шиллеръ обнаружилъ большое глубокомысліе, когда предлагалъ смотрѣть на эстетическое дарованіе, какъ на отличительный признакъ расъ. Въ эстетическомъ вкусѣ и стилѣ проявляется творческая сила и „человѣчно-прекрасная" форма расы. Поэтому весьма неправильно предположеніе, что художественные геніи и ихъ произведенія опредѣляются физической борьбой за существованіе индивидовъ и расъ. Напротивъ, самыя возвышенныя произведенія искусства появляются въ эпохи мира, когда развивается соперничество талантовъ изъ-за идеальныхъ знаковъ отличія. Во внѣшней же борьбѣ рѣшающее значеніе имѣютъ акты экономическаго и военнаго характера. Впрочемъ, нельзя не согласиться, что соперничество націй за духовную, интеллектуальную гегемонію тоже оказываетъ сильное вліяніе на развитіе эстетическихъ задатковъ.

(До слѣд. №-ра).

Digitized by Google

На полѣ брани.

Историческая повѣсть изъ временъ Яна Собѣсскаго.

Г. Сенкевича.

(Продолженіе).

— Ты, милость твоя, защищалъ меня, когда тѣ всѣ разомъ на меня накинулись. Къ чему же намъ драться?—отвѣчалъ Яцекъ Ципріановичу.

—Должны и будемъ драться!—холодно произнесъ тотъ.—Панъ меня оскорбилъ, и теперь дѣло идетъ о моей репутаціи. --Понимаешь? И хотя бы мнѣ пришлось жизнью поплатиться, хотя бы мой послѣдній часъ насталъ,—мы должны драться!

—Ну, пусть будетъ такъ. Но это противъ моей воли и желанія!— отвѣтилъ Яцекъ.

И поединокъ начался. Ципріановичъ, менѣе сильный, чѣмъ Букоемскіе, обладалъ зато большей ловкостью. Чувствовалось сейчасъ, что его обучали лучшіе фехтовальщики, и что напрактиковался онъ не по однимъ только ярмаркамъ и корчмамъ. Онъ нападалъ быстрѣе, отбивался сильнѣе и съ большимъ знаніемъ. Тачевскій, въ сердцѣ котораго уже не оставалось ни малѣйшей злобы, и который предпочелъ бы ограничиться урокомъ, даннымъ имъ паномъ Букоемскимъ, сталъ его хвалить.

—Вотъ съ вашей милостью такъ дѣло иного рода,—говорилъ онъ,—видишь сейчасъ, что не первый встрѣчный обучалъ пана пріемамъ.

—Жалѣю, что не ваша милость!—отвѣтилъ Ципріановичъ.

И вдвойнѣ порадовался: во первыхъ, похвалѣ, во вторыхъ, тому, что могъ отвѣтить, такъ какъ разговаривать во время поединка рѣшались только самые искусные рубаки, а вѣжливый разговоръ считался высшей степенью учтивости и любезности. Все это вмѣстѣ взятое возвышало Ципріановича въ его собственныхъ глазахъ, и онъ сталъ нападать съ новымъ мужествомъ. Но все же ему пришлось послѣ нѣсколькихъ сшибокъ признать въ душѣ превосходство противника.

Тачевскій отражалъ удары какъ бы нехотя, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ большою легкостью, и вообще дер-

Digitized by Google

жалъ себя такъ, какъ будто это былъ не поединокъ, а простое упражненіе въ фехтованіи. Повидимому, онъ хотѣлъ только убѣдиться въ степени познанія Ципріановича въ фехтовальномъ искусствѣ, и насколько онъ въ этомъ отношеніи искуснѣе Букоемскихъ. Теперь же, уяснивъ себѣ это вполнѣ, онъ былъ уже совершенно увѣренъ въ своей побѣдѣ.

Понялъ это и панъ Станиславъ, а потому и радость его пропала, и сталъ онъ нападать съ меньшей осторожностью, болѣе азартно. А Тачевскій, сдѣлавъ гримасу, какъ бы говорившую безъ словъ, что ему уже прискучила вся эта забава, отбилъ ударъ, называемый „ложнымъ", самъ напалъ и черезъ минуту отскочилъ въ сторону.

— Тронулъ вашу милость!—проговорилъ онъ.

Ципріановичъ дѣйствительно почувствовалъ какой то холодъ въ плечѣ, тѣмъ не менѣе отвѣтилъ:

— Ничего не чувствую, продолжаемъ!

И сталъ опять рубиться. Но въ это время конецъ сабли Тачевскаго раскроилъ ему нижнюю губу и оцарапалъ кожу на подбородкѣ. Панъ Яцекъ вторично отскочилъ въ сторону.

— Окровавилъ пана! — крикнулъ онъ.

— Это не важно!

—Если не важно, такъ слава Богу,— возразилъ Тачевскій,—но съ меня довольно, и я первый протягиваю руку вашей милости. Вы дрались, какъ истый кавалеръ!

Ципріановичъ, хотя и въ очень угнетенномъ состояніи духа, но нѣсколько утѣшенный словами Яцека, стоялъ минуту въ нерѣшительности, какъ бы не зная, что дѣлать - приняться ли опять за нападеніе или прекратить поединокъ, наконецъ, вложилъ саблю въ ножны и протянулъ руку.

— Пусть будетъ по вашему. Да какъ погляжу, я и вправду порядкомъ окровавленъ!

Говоря это, онъ дотронулся лѣвой рукой до подбородка и поглядѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на кровь, обильно покрывавшую его ладонь и пальцы.

—Приложи снѣгу къ ранѣ,—крикнулъ Яцекъ,—а то губа распухнетъ, и пойдемъ къ санямъ!

Съ этими словами онъ взялъ его подъ руку и повелъ къ Букоемскимъ, которые поглядѣли на него нѣсколько удивленными и порядкомъ таки осовѣвшими глазами. Панъ Яцекъ возбуждалъ въ нихъ теперь чувство дѣйствительнаго уваженія къ себѣ, и не только тѣмъ, что оказался мастеромъ рубиться на сабляхъ, но и какъ кавалеръ, обладающій „высшими манерами", т. е. именно такими, какихъ имъ недоставало. Затѣмъ Матвѣй повернулся къ Ципріановичу и спросилъ:

—Ну, какъ ты себя чувствуешь, Стахъ?

—Хорошо, могъ бы отправиться и пѣшкомъ, но предпочитаю ѣхать въ саняхъ, это будетъ скорѣе!

Тачевскій примостился сбоку на ободкѣ саней и приказалъ возницѣ:

— Трогай въ Выромбки!

-- Куда?—спросилъ Ципріановичъ.

— Ко мнѣ. Вашимъ милостямъ не будетъ тамъ особенно удобно. Но что дѣлать? Въ Белчонкѣ вашъ видъ перепугалъ бы всѣхъ женщинъ, а у меня находится ксендзъ Войновскій, онъ осмотритъ раны вашихъ милостей, такъ какъ прекрасно знается на этомъ дѣлѣ. За лошадями вашихъ милостей можно будетъ послать, а тамъ дальше вы поступите, какъ сами захотите. Ксендза я тоже попрошу поѣхать въ Белчонку и сообщить осторожно о всемъ случившемся.

Сказалъ это, панъ Яцекъ на минуту задумался, а затѣмъ добавилъ:

— Ой, не прежде была бѣда, а вотъ теперь наступитъ бѣда. Богъ васъ люби, милости ваши,—зачѣмъ вы

Digitized by Google

такъ упорно добивались этого поединка?

— Правда, добивались мы его сами,—отвѣтилъ Ципріановичъ,—и я это готовъ подтвердить, да и паны Букоемскіе не откажутся засвидѣтельствовать.

— Да, засвидѣтельствуемъ, хотя плечо страшно ноетъ у меня!—отозвался со стономъ Маркъ.—Ой, и угостилъ же ты насъ, панъ, порази тебя пуля...

До Выромбковъ было рукой подать. Скоро въѣхали въ ограду и встрѣтили бредущаго по снѣгу ксендза Воиновскаго, который, сильно безпокоясь о томъ, какъ сойдетъ поединокъ, не могъ дольше ждать и вышелъ имъ навстрѣчу.

Тачевскій при видѣ его соскочилъ съ саней, а ксендзъ быстро зашагалъ къ нему, и видя, что тотъ цѣлъ и невредимъ, крикнулъ:

— Ну, что, какъ тамъ?

— А вотъ везу ихъ милостей!—отвѣтилъ Яцекъ.

Лицо старца мгновенно прояснилось, но тотчасъ же стало опять серьезнымъ, какъ только онъ увидалъ измазанныхъ кровью Букоемскихъ. Отъ изумленія онъ даже всплеснулъ руками.

— Какъ? Всѣхъ пятерыхъ?—воскликнулъ онъ.

— Да, всѣхъ пятерыхъ.

— Страсти Господни!—и, обращаясь къ раненымъ, ксендзъ спросилъ:—Ну, какъ вы себя чувствуете, милости ваши?

Они поклонились ему, снявъ шапки, кромѣ Марка, у котораго была перебита ключица, и онъ не могъ пошевельнуть не только правой, но даже лѣвой рукой. Поэтому онъ только сказалъ со стономъ:

— Да, нечего сказать, порядкомъ таки раскровянилъ онъ насъ.

— Это пустяки! — отозвались остальные.

— На одного Бога надежда, что пустяки!—замѣтилъ старый ксендзъ.—А теперь домой, какъ можно скорѣе домой. Тамъ сейчасъ же осмотрю васъ всѣхъ.

И приказалъ санямъ трогать, а самъ пошелъ за ними съ Тачевскимъ, такъ скоро, какъ только могъ. Впрочемъ, онъ на одну минуту остановился; радость вновь появилась на его лицѣ, онъ стремительно обнялъ Тачевскаго за шею и произнесъ:

— Яцусь, дай обнять тебя. Вѣдь полныя сани набилъ ими, точно снопами!..

Тачевскій поцѣловалъ его руку и отвѣтилъ:

— Сами того хотѣли, добродзѣю!

А ксендзъ положилъ ему на голову руку, какъ бы собираясь благословить его, но спохватившись, что подобная радость чужой бѣдѣ не подходитъ къ его священнической одеждѣ, принялъ сейчасъ же суровый видъ и сказалъ:

— Не воображай только, что я хвалю тебя. Твое счастье, что они сами этого хотѣли, но все же это есть грѣхъ.

Они вошли во дворъ. Яцекъ сейчасъ же подскочилъ къ санямъ, чтобы вмѣстѣ съ возницей, единственнымъ его челядникомъ, помочь раненымъ выйти. Но тѣ уже всѣ вышли, безъ всякой помощи, за исключеніемъ Марка, которому надо было поддерживать руку, и черезъ минуту всѣ очутились въ комнатѣ. Тамъ была уже приготовлена на полу солома и даже постель Тачевскаго, покрытая бѣлой, слегка вытертой конской шкурой и съ войлокомъ на изголовьи.

На столѣ у окна лежалъ хлѣбный мякишъ, размятый съ паутиной,—безподобное, какъ извѣстно, средство для остановки крови,—и тамъ же стояли чудесные бальзамы ксендза Воиновскаго для „заживленія“ ранъ.

Старый ксендзъ, сбросивъ сутану, сейчасъ же принялся за освидѣтельствованіе ранъ съ опытностью стараго вояки, который видѣлъ ихъ тысячи на своемъ вѣку и который,

Digitized by Google

благодаря долголѣтней практикѣ, зналъ въ нихъ толкъ больше, чѣмъ иные доктора. Осмотръ и перевязка шли очень быстро, такъ какъ, за исключеніемъ Марка, всѣ были только слегка поцарапаны. Ключица Марка потребовала болѣе продолжительной работы, но наконецъ, когда и онъ былъ перевязанъ, ксендзъ вздохнулъ съ облегченіемъ и вытеръ окровавленныя руки.

— Ну, благодаря Бога,—сказалъ онъ,—все окончилось довольно благополучно, и ваши милости, навѣрно, чувствуютъ себя теперь гораздо лучше!

— Пить хочется!—отвѣтилъ Матвѣй Букоемскій.

— Что-жъ, не повредитъ! Прикажи, Яцекъ, принести воды.

Но Матвѣй даже приподнялся на соломѣ.

— Какъ воды?!—спросилъ онъ какимъ то надорваннымъ голосомъ.

А Маркъ, лежавшій навзничь на постели Тачевскаго и слегка стонущій, неожиданно отозвался:

—Ксендзъ добродзѣй вѣрно хочетъ вымыть руки!

Услышавъ это, Яцекъ съ отчаяніемъ взглянулъ на ксендза, а тотъ началъ смѣяться и сказалъ:

— Вотъ истые-то солдаты! Можно тоже и вина, только не много!

Но Тачевскій потянулъ его за рукавъ и отвелъ въ сторону.

—Добродзѣю,—прошепталъ онъ,—что я стану дѣлать?—Въ кладовой пусто, въ погребѣ пусто, и я самъ что ни день, то все больше стягиваю свой поясъ. Что же я имъ дамъ?

— Есть, есть, что дать,—отвѣтилъ также шепотомъ старый ксенздъ.—Ѣдучи сюда, я распорядился, и уже привезли, а если не хватитъ, то попрошу у пивоваровъ въ Едльнѣ, какъ будто для себя, да, для себя. Вели-ка имъ дать по стаканчику, пусть ихъ немного утѣшатся послѣ такой неудачи.

Услыхавъ это, Яцекъ поспѣшно распорядился, и вскорѣ паны Букоемскіе могли взаимно утѣшать другъ друга. И съ каждой минутой, съ каждымъ глоткомъ расло ихъ дружеское расположеніе къ Яцеку.

— Рубились мы, потому что съ кѣмъ этого не бываетъ,—началъ Матвѣй,—но я сейчасъ же подумалъ, что твоя милость вполнѣ достойна и настоящій кавалеръ.

— Вотъ и неправда, я первый подумалъ это!—отозвался Лука.

— Ты подумалъ? Да развѣ ты способенъ что либо думать!

— А вотъ и теперь думаю и думаю, что ты дуракъ, но у меня болитъ ротъ.

И они начали опять ссориться, но какъ разъ въ это время передъ окномъ мелькнулъ силуэтъ всадника.

— Кто-то пріѣхалъ! — сказалъ ксендзъ.

Яцекъ пошелъ поглядѣть и черезъ минуту вернулся, сильно озабоченный.

— Панъ Понговскій прислалъ своего челядника. Онъ велѣлъ сказать, что ждетъ съ обѣдомъ.

— Ну, такъ пусть онъ самъ его и съѣстъ!—отозвался Янъ.

— Что ему сказать?—спросилъ Яцекъ, обращаясь къ ксендзу.

—Самое лучшее—сказать правду,—отвѣтилъ старецъ.—Но будетъ лучше, если я самъ пойду и скажу.

И онъ, выйдя къ челяднику, сказалъ:

— Отправляйся обратно и доложи пану Понговскому, что ни панъ Ципріановичъ, ни паны Букоемскіе къ обѣду не пріѣдутъ, такъ какъ они всѣ ранены на поединкѣ, на который сами вызвали пана Тачевскаго. Но только смотри, не позабудь сказать, что всѣ ранены. Ну, трогай!

Челядникъ сейчасъ же поскакалъ обратно, а ксендзъ вернулся въ комнату и принялся успокаивать Яцека, страшно разстроеннаго и встревоженнаго. Онъ, не побоявшійся принять вызовъ пяти противниковъ, теперь страшно боялся пана

Digitized by Google

Понговскаго, а еще больше того, что подумаетъ и что скажетъ панна Сьенинская. А ксендзъ между тѣмъ говорилъ ему:

— Вѣдь и такъ слѣдовало дать знать объ этомъ, такъ ужъ пусть скорѣе узнаетъ, что не твоя въ этомъ вина.

— Ваши милости не откажутся засвидѣтельствовать это?— спросилъ Яцекъ, обращаясь къ раненымъ.

— Пить хочется, а все же засвидѣтельствуемъ!—отвѣтилъ Матвѣй Букоемскій.

Но какъ бы то ни было, а тревога Яцка все расла, когда же сани съ паномъ Понговскимъ и со старостой Гротусомъ остановились передъ его подъѣздомъ, у него сердце и совсѣмъ замерло. Но все же онъ выскочилъ на подъѣздъ встрѣтить пріѣзжихъ и поклонился почти до земли передъ паномъ Понговскимъ, который, даже не взглянувъ на него, какъ бы совсѣмъ не видя, вошелъ въ комнату съ угрюмымъ и суровымъ лицомъ.

Войдя въ комнату, панъ Понговскій поклонился ксендзу почтительно, но издали. Съ того дня, какъ старикъ ксендзъ съ амвона сдѣлалъ ему строгій выговоръ за его слишкомъ суровое обращеніе съ челядью, гордый и надменный шляхтичъ не могъ простить ему этого, и теперь послѣ холоднаго поклона онъ тотчасъ же повернулся къ раненымъ, молча съ минуту поглядѣлъ на нихъ, затѣмъ сказалъ:

— Милостивые государи, послѣ того, что случилось, я воистину никогда бы не переступилъ порога этого дома, еслибъ не желаніе выразить вашимъ милостямъ, до чего меня огорчила сдѣланная вамъ несправедливость. Вотъ во что вамъ обошлось мое гостепріимство! Вотъ та награда, которая въ моемъ собственномъ домѣ выпала на долю моихъ избавителей! Одно только могу сказать вамъ—тотъ, кто оскорбилъ васъ, оскорбилъ и меня; тотъ, кто пролилъ вашу кровь, виновнѣе, чѣмъ если бы пролилъ мою собственную, потому что онъ опозорилъ меня! Тотъ, кто подъ моей кровлею вызвалъ васъ...

Но тутъ его неожиданно прервалъ Матвѣй Букоемскій.

— Мы его вызвали, а не онъ насъ!

— Совершенно вѣрно, милость ваша, пане добродзѣю,—добавилъ Ципріановичъ,—во всемъ, что случилось, этотъ кавалеръ нисколько не виноватъ. Вся вина съ нашей стороны, за что и просимъ покорнѣйше извиненія у вашей милости.

— Судьѣ пристало бы также прежде, чѣмъ произносить приговоръ, допросить свидѣтелей!—произнесъ степенно ксендзъ Воиновскій.

Лука хотѣлъ также подтвердить, но такъ какъ у него была прорублена щека, даже и десна, то онъ почувствовалъ страшную боль, какъ только пошевелилъ губами, а потому, прикрывъ ладонью мазь, которая было стала уже присыхать, крикнулъ съ полузакрытымъ ртомъ:

— А чтобы черти побрали всѣ приговоры и мою челюсть вмѣстѣ съ ними!

Оторопѣвъ отъ всѣхъ этихъ возгласовъ, панъ Понговскій все же не сдался. Напротивъ, онъ еще грознѣе посмотрѣлъ на всѣхъ своими суровыми очами, какъ бы желая этимъ способомъ выразить порицаніе защитникамъ Яцека, и затѣмъ продолжалъ:

— Не мнѣ прощать что либо моимъ избавителямъ. Тутъ нѣтъ вины вашихъ милостей, напротивъ того, я все хорошо понимаю и знаю, потому что самъ прекрасно видѣлъ, какъ васъ преднамѣренно задѣвали и оскорбляли. Воистину та самая зависть, которая не смогла на околѣвшемъ конѣ догнать живыхъ волковъ, та самая зависть пробудила потомъ страшное желаніе отмстить вамъ. Не одинъ я замѣтилъ, какъ этотъ „кавалеръ“, котораго вы такъ великодушно берете подъ свою защиту, съ перваго же момента встрѣчи постоянно искалъ случая и дѣ-

Digitized by Google

лалъ все, что только могъ, чтобы вызвать и довести вашихъ милостей до такого поступка. Скорѣе моя это вина, что я щадилъ его и не сказалъ ему—пусть-ка онъ пойдетъ поискать на ярмаркахъ или въ корчмахъ болѣе подходящую для себя компанію...

Тачевскій, услыхавъ это, побѣлѣлъ какъ полотно, у ксендза же Воиновскаго, напротивъ, вся кровь ударила въ голову.

— Вызванному ими что ему оставалось дѣлать?—крикнулъ онъ. — Стыдись, милость твоя!

Но панъ Понговскій только свысока поглядѣлъ на него и продолжалъ:

— Мірскія это дѣла, въ которыхъ святые люди, а также и духовные,— и эти послѣдніе еще менѣе первыхъ, мало свѣдущи. Но я на это отвѣчу, дабы меня никто не могъ заподозрить въ несправедливости.—Что ему оставалось дѣлать?—Какъ младшій старшему, какъ гость хозяину, какъ человѣкъ, который часто ѣлъ мой хлѣбъ, за неимѣніемъ своего собственнаго, онъ долженъ былъ прежде всего обо всемъ извѣстить меня, и я бы уже своей учтивостью и властью хозяина примирилъ бы всѣхъ и не допустилъ, чтобы мои избавители тутъ, въ этой хатѣ, точно въ хлѣву, лежали бы на соломѣ, плавая въ собственной крови...

— Сдѣлай я это, милость твоя подумала бы, что мной овладѣла трусость! — воскликнулъ, заламывая руки и дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Тачевскій.

Панъ Гедеонъ не отвѣтилъ ему ни слова, все продолжая дѣлать видъ, что не замѣчаетъ его. Онъ повернулся къ Ципріановичу, говоря:

— Панъ кавалеръ, мы прямо съ мѣста ѣдемъ съ паномъ Гротусомъ къ вашему отцу въ Едлинку, дабы выразить ему наши соболѣзнованія. Не сомнѣваюсь, что онъ согласится принять мое гостепріимство въ Белчончкѣ, а поэтому прошу вашу милость вмѣстѣ съ товарищами вернуться обратно ко мнѣ. Напоминаю вамъ также, что вы находитесь здѣсь только случайно, а въ дѣйствительности вы—мои гости, которымъ я отъ всего сердца желаю выказать мою благодарность. Отецъ твоей милости, пане Ципріановичъ, не можетъ же пріѣхать въ домъ виновника твоихъ ранъ, да и вамъ будетъ удобнѣе подъ моей кровлей, съ голоду не помрете вы у меня, что могло бы очень легко съ вами здѣсь случиться.

Ципріановичъ страшно растерялся и колебался, не зная, что ему отвѣтить: съ одной стороны, ему было жаль Тачевскаго, съ другой,— онъ какъ красивый молодой человѣкъ, очень заботился о своей наружности, и его смущало то, что теперь его губа и подбородокъ уже порядкомъ опухли подъ пластыремъ и очень безобразили его.

— Голода и жажды намъ бы не пришлось и здѣсь терпѣть,—сказалъ онъ,—это мы уже на опытѣ испытали, но мы дѣйствительно гости вашей милости, да и отецъ мой, не зная всей правды, не захочетъ, чего добраго, сюда заѣхать. Но какъ можемъ мы предстать предъ глаза родственницѣ вашей милости съ такими обезображенными лицами, которыя могутъ вызвать одно только отвращеніе?

Сказавъ это, онъ сморщился, такъ какъ отъ продолжительнаго разговора губа его сильно заболѣла, и при этомъ онъ былъ дѣйствительно не особенно красивъ. Но панъ Понговскій возразилъ:

— Объ этомъ ты ужъ не безпокойся и не печалься. Правда, чувствуютъ мои родственницы отвращеніе, но только не къ ранамъ вашихъ милостей, которыя скоро заживутъ, и тогда вернется прежняя красота. Сейчасъ сюда пріѣдутъ трое саней съ челядниками, и дома все уже приготовлено для вашего пріема. А тѣмъ временемъ будьте здоровы,

Digitized by Google

намъ съ паномъ Гротусомъ пора отправиться въ Едлинку. Бью челомъ!

И сдѣлавъ общій поклонъ, онъ поклонился отдѣльно ксендзу, только одному Яцку не кивнулъ даже головой. Когда онъ былъ уже у порога, къ нему подошелъ ксендзъ и сказалъ:

— У милости вашей слишкомъ мало милосердія и справедливости!

Панъ Понговскій отвѣтилъ:

— Въ грѣхахъ своихъ исповѣдуюсь только на исповѣди!

Онъ вышелъ, за нимъ послѣдовалъ панъ Гротусъ. Яцекъ все время испытывалъ самую жестокую пытку. Выраженіе его лица постоянно мѣнялось, и онъ самъ не зналъ, поклониться ли ему въ ноги пану Понговскому и просить прощенія или же схватить его за горло и отомстить за всѣ оскорбленія, которыя ему пришлось выслушать. Но онъ помнилъ, что все происходитъ подъ его кровомъ, и что передъ нимъ стоитъ опекунъ панны. Поэтому, когда они вышли, и онъ пошелъ за ними, не отдавая себѣ отчета, что дѣлаетъ, а просто въ силу привычки и обычая, который требовалъ, чтобы гостямъ была оказана вѣжливость, а можетъ быть и въ силу какой то смутной надежды, что передъ самымъ отъѣздомъ гордый панъ Понговскій кивнетъ ему хоть головой. Но и эта надежда обманула его; только панъ Гротусъ, повидимому, человѣкъ очень добрый и разумный, пожалъ ему руку на крыльцѣ, шепнувъ:

— Не отчаивайся, сударь: первый гнѣвъ пройдетъ, и все опять обойдется!

Но Яцекъ въ этомъ сомнѣвался. Онъ былъ бы даже совершенно увѣренъ въ томъ, что все пропало, знай онъ, что панъ Понговскій, хотя и довольно искренне разгнѣванный и негодующій, старался преднамѣренно выразить это свое негодованіе еще сильнѣе, чѣмъ испытывалъ его дѣйствительности.

Ципріановичъ и Букоемскіе были, правда, его избавителями, такъ вѣдь Тачевскій ихъ не убилъ, а поединокъ самъ по себѣ былъ до того обыденнымъ поступкомъ, что не могъ возбудить столь сильнаго негодованія. Но панъ Понговскій съ того момента, когда панъ Гротусъ сказалъ, что и старые люди зачастую женятся и даже иногда у нихъ появляется и потомство, сталъ глядѣть иными глазами на панну Сьенинскую. То, о чемъ онъ никогда и не думалъ, казалось ему теперь возможнымъ и естественнымъ. При мысли о красотѣ прелестной, какъ цвѣтокъ розы, дѣвушки, воспламенилась его душа, и еще сильнѣе возгорѣлась его шляхетская гордость. Вѣдь тогда родословное дерево Понговскихъ можетъ опять зазеленѣть и зацвѣсти, да кромѣ того новые побѣги пойдутъ отъ такой знатной патриціанки, какой была панна Сьенинская, находившаяся не только въ родствѣ со всѣми знатными домами Рѣчи Посполитой, но и бывшая послѣднимъ отпрыскомъ того славнаго рода, изъ котораго вышли и по благосклонности фортуны выдвинулись такія имена, какъ Жолкіевскіе, Даниловичи, Собѣсскіе и и многія другія.

Отъ одной этой мысли у пана Понговскаго даже голова закружилась, и ему вдругъ представилось, что не только для него, но и для всей Рѣчи Посполитой должно имѣть огромное значеніе появленіе именно, „такихъ“ Понговскихъ, и вотъ съ этой мыслью явилось опасеніе, какъ бы весь этотъ планъ не разстроился тѣмъ, что панна могла полюбить кого нибудь и этому кому нибудь отдать свою руку. Правда, онъ не видѣлъ во всемъ округѣ болѣе достойнаго, чѣмъ онъ самъ, но за то многіе были моложе его.

Но кто? Ципріановичъ?—Да этотъ былъ молодъ, красивъ и богатъ, но только въ третьемъ поколѣніи возведенный въ шляхетство— изъ

Digitized by Google

армянъ шляхтичъ. Предположеніе что такой homo novus можетъ дѣйствительно присвататься къ паннѣ Сенинской, не могло никоимъ образомъ вмѣститься въ головѣ пана Понговскаго. О Букоемскихъ же, хотя и хорошаго шляхетскаго рода и состоящихъ, по ихъ увѣреніямъ, въ родствѣ даже съ самимъ святымъ Петромъ, смѣшно было бы и подумать.

Такимъ образомъ оставался только Тачевскій — правда, настоящій Лазарь, голъ, какъ мышь церковная, но изъ очень древняго рода знатныхъ рыцарей изъ Тачева, герба Повалы, изъ которыхъ одинъ— настоящій великанъ и участникъ страшнаго избіенія нѣмцевъ подъ Грюнвальдомъ — прославился не только по всей Рѣчи Посполитой, но имя его стало извѣстно по всѣмъ заграничнымъ дворамъ. Только Тачевскій могъ быть ровней Сенинскимъ, и притомъ онъ былъ молодой, отважный, красивый, грустный, а это часто трогаетъ сердца дѣвицъ, свой человѣкъ въ Белчончкѣ, считался другомъ дѣтства или чѣмъ то въ родѣ брата панны. И панъ Понговскій сталъ теперь припоминать многое: то какіе-то нелады и ссоры молодыхъ людей, то миръ и пылкая дружба, странные взляды и слова, грусть, безпредметная печаль, общія радости и веселье—однимъ словомъ все, на что онъ прежде и вниманія не обращалъ, теперь показалось ему вдругъ подозрительнымъ. Да, опасность угрожала только съ этой строны. Старый шляхтичъ сейчасъ же сообразилъ, что панна Сенинская, чего добраго, была отчасти причиной и этого поединка, и въ его душу закрался страхъ. И вотъ въ предупреженіе чувствуемой имъ опасности онъ позаботился прежде всего о томъ, чтобы выставить передъ панной въ самомъ дурномъ свѣтѣ весь поступокъ Яцка и особенно подчеркнуть всю будто бы безчестность этого поступка и тѣмъ возбудить въ ней весьма понятное негодованіе; а затѣмъ, желая, такъ сказать, сжечь мостъ между Белчонкой и Выромбками, порѣшилъ выказать больше гнѣва и негодованія, чѣмъ испытывалъ на самомъ дѣлѣ, и чѣмъ самъ поступокъ того заслуживалъ, и оскорбить и унизить Яцка и тѣмъ самымъ закрыть ему дверь своего дома.

И онъ достигъ своей цѣли. Яцекъ, проводивъ его, вернулся въ комнату, сѣлъ къ столу, запустилъ всѣ пальцы въ волосы, подперъ голову локтями и молчалъ, точно горе лишило его языка.

Ксендзъ Воиновскій не вытерпѣлъ, подошелъ къ нему, положилъ ему на голову руку и сказалъ:

— Яцусь, то, что ты долженъ перетерпѣть, перетерпи, но пусть нога твоя никогда не переступитъ порога этого дома!

— Такъ оно и будетъ!—отвѣтилъ глухо Тачевскій.

— Но не дай и горю овладѣть тобой. Подумай, кто есть...

Яцекъ еще крѣпче стиснулъ зубы.

— Помню, и это-то еще больнѣе жжетъ меня.

— Никто не похвалитъ за это пана Понговскаго!—отозвался Ципріановичъ,—потому что иное дѣло высказать порицаніе, а иное --топтать чужую честь!

Букоемскіе также запротестовали, а Матвѣй, рана котораго не мѣшала ему говорить, воскликнулъ:

— Въ собственномъ домѣ я ему ничего не скажу, но когда я выздоровѣю и встрѣчусь съ нимъ на дорогѣ или у сосѣда, сейчасъ же выпалю ему, чтобы онъ поцѣловалъ пса въ носъ.

— Ой, ой!—добавилъ Маркъ,—такого достойнаго кавалера и такъ унизить!.. Но наступитъ такой часъ, когда я ему это припомню и не подарю.

Тѣмъ временемъ подъѣхало трое саней, устланныхъ коврами, съ тремя челядниками, кромѣ кучеровъ, которые должны были перенести раненыхъ.

Digitized by Google

Тачевскій не рѣшился ихъ удерживать, въ виду ожидаемаго пріѣзда стараго Ципріановича, да притомъ же они дѣйствительно были гостями пана Понговского. Сами же раненые не остались бы у него, потому что, узнавъ о его страшной бѣдности, боялись быть ему въ тягость. Прощаясь съ нимъ, они такъ искренно благодарили его за гостепріимство, какъ, будто никогда ничего непріятнаго и не происходило между ними.

Но когда Ципріановичъ собирался сѣсть послѣднимъ въ сани, Яцекъ вдругъ сорвался съ мѣста, говоря.

— Ѣду съ вашей милостью. Не выдержу такъ, нѣтъ, не выдержу! Пока Понговскій не вернется, я долженъ... да, въ послѣдній разъ долженъ...

Хотя ксендзъ Воиновскій, прекрасно зная Яцка, и былъ увѣренъ въ безплодности всякихъ убѣжденій, все же отвелъ его въ сторону и началъ усовѣщевать.

— Яцку, Яцку, опять mulier (женщина)! Смотри, какъ бы на тебя тамъ не нагрянуло еще большее горе и большая несправедливость? — Вспомни, Яцекъ, что говоритъ экклезіастъ: „Virum de mille unum reperi, mulierem ex omnibus non inveni!“ Помни и самъ себя пожалѣй!..

Но это было все равно, что кидать о стѣну горохъ. Не прошло и минуты, какъ Тачевскій сидѣлъ въ саняхъ рядомъ съ Ципріановичемъ, и весь поѣздъ тронулся.

Тѣмъ временемъ поднявшійся вѣтеръ разогналъ туманъ и прогналъ его далеко за пущу, а съ голубого яснаго неба взглянуло и засіяло яркое солнце.

Панъ Понговскій не сочинялъ, когда говорилъ о томъ, „негодованіи“, которое чувствовали противъ побѣдителя обѣ женщины въ Белчонкѣ. Яцекъ съ перваго же взгляда убѣдился въ истинѣ его словъ. Пани Винницкая вышла къ нимъ навстрѣчу съ недовольнымъ видомъ и отдернула отъ него руку, когда онъ, здороваясь, наклонился съ намѣреніемъ поцѣловать ее; панну Сьенинскую также не тронуло ни его смущеніе, ни отчаяніе, такъ ясно выражавшееся на его лицѣ. Она не отвѣтила на его поклонъ и занялась только исключительно Ципріановичемъ. И тутъ она не только не скупилась на взгляды, полные нѣжной заботливости и сочувствія, но дошла въ своемъ состраданіи къ нему до того, что когда Ципріановичъ, сидѣвшій въ креслѣ въ столовой, поднялся съ мѣста, намѣреваясь пройти въ назначенную для него комнату, она взяла его подъ руку и, несмотря на всѣ его протесты, довела до самыхъ дверей. „Да, ужъ тутъ ничего нѣтъ для тебя, все пропало“, громко кричали въ сердцѣ Яцка отчаяніе и зависть.

Страданіе его еще усилилось отъ того, что онъ теперь видѣлъ, такъ какъ до этого времени онъ даже не представлялъ себѣ, до чего эта дѣвушка, такая съ нимъ измѣнчивая и капризная, говорившая ему вслѣдъ за однимъ ласковымъ словомъ десять совершенно равнодушныхъ или даже просто злыхъ, могла быть ласковой, нѣжной, почти ангельски доброй съ тѣмъ человѣкомъ, котораго любила.

Что панна Сьенинская любитъ Ципріановича, онъ теперь уже и не сомнѣвался. А вѣдь онъ бы не только вынесъ такую рану, какъ у Ципріановича, но съ радостью отдалъ бы кровь свою до послѣдней капли, если бы она хоть разъ въ жизни съ нимъ заговорила, такимъ голосомъ, или посмотрѣла бы на него такими глазами. И кромѣ отчаянія, его охватило такое горе, при которомъ, кажется, слезы готовы потокомъ хлынуть изъ очей, и если ихъ сдерживать и не дать имъ вылиться наружу, онѣ зальютъ все сердце, всю душу человѣка. Вотъ такое горе ощущалъ теперь Яцекъ и къ довершенію всего еще никогда не казалась ему панна Сье-

Digitized by Google

нинская въ такой степени красивой, какъ теперь, съ поблѣднѣвшимъ личикомъ, съ цѣлой короной пушистыхъ золотистыхъ волосъ, слегка растрепавшихся отъ волненія. „Точно настоящій ангелъ, говорило въ немъ это горе,—но не для тебя чудное созданье: оно достанется другому“.

И хотѣлось ему упасть къ ея ногамъ и высказать ей и свою любовь, и свои муки, но въ то же время онъ чувствовалъ, что особенно теперь, послѣ того, что произошло, этого не слѣдуетъ дѣлать, и что если онъ самъ не опомнится и силою воли не заглушитъ своего душевнаго волненія, онъ ей скажетъ совсѣмъ не то, что хочетъ и только окончательно погубитъ себя въ ея глазахъ.

Тѣмъ временемъ панни Винницкая, какъ особа пожилая и знающая толкъ въ лекарствахъ, пошла вслѣдъ за Ципріановичемъ, а панна осталась, и Яцекъ, сознавая, что ему слѣдуетъ пользоваться случаемъ, подошелъ къ ней.

—Хотѣлось бы сказать милостивой паннѣ словечко!—стараясь владѣть собою, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Она взглянула на него съ удивленіемъ.

— Чего панъ отъ меня желаетъ?

На лицѣ Яцка появилась улыбка до того страдальческая, что ее можно было назвать просто таки мученической.

— То, что я желаю, никогда не исполнится, хотя бы я ради этого пожертвовалъ спасеніемъ моей души,—отвѣтилъ онъ, наклоняя голову,—но я только объ одномъ хочу просить милостивую панну—не винить меня и не гнѣваться на меня, а имѣть ко мнѣ хоть каплю состраданія и милосердія, потому, что я вѣдь не изъ дерева или желѣза.

— Мнѣ нечего сказать пану, да и не время теперь.

— О, сказать доброе слово человѣку, которому тяжело живется на свѣтѣ, всегда время.

— Ужъ не за то ли мнѣ сказать, что панъ ранилъ моихъ избавителей?

— Богъ на сторонѣ невиннаго. Челядникъ, пріѣзжавшій въ Выромбки за этими кавалерами, долженъ былъ сказать то, что ему приказалъ ксендзъ Воиновскій: не я ихъ первый вызвалъ. Развѣ милостивая панна не знала объ этомъ?

— Знала. Челядникъ, какъ человѣкъ простой, правда не передалъ такъ подробно то, что ему было приказано: онъ, пріѣхавъ домой, просто крикнулъ: „Молодой панъ изъ Выромбковъ зарубилъ всѣхъ!“

Но за то панъ Понговскій, возвращаясь изъ Выромбковъ, по дорогѣ заѣхалъ домой и разсказалъ, какъ все произошло. Онъ просто таки опасался, какъ бы не дошелъ до панны слухъ о томъ, что Яцекъ былъ вызванъ другими, и какъ бы это не охладило ея гнѣва и негодованія; поэтому онъ предпочелъ самъ все разсказать, при чемъ не преминулъ добавить, что Тачевскій всякими правдами и неправдами принудилъ ихъ вызвать себя. Онъ кромѣ того надѣялся, что панна Сьенинская чисто по-женски будетъ всегда на сторонѣ пострадавшихъ.

Но Яцку вдругъ показалось, что любимые глаза посмотрѣли на него менѣе сурово, и поэтому онъ повторилъ вопросъ:

— Развѣ милостивая панна не знала объ этомъ?

— Знала,—отвѣтила она,—но въ то же время я помнила то, чего и панъ не долженъ былъ забывать, будь онъ хоть немного расположенъ ко мнѣ, а именно: что я обязана жизнью этимъ кавалерамъ. Слышала я также отъ моего опекуна, что они принуждены были вызвать пана.

— Какъ! Я не расположенъ къ милостивой паннѣ? Ну, такъ пусть насъ судитъ Богъ, читающій въ сердцахъ людей!..

Глаза дѣвушки быстро заморгали, и она съ такой поспѣшностью тряхнула головой, что коса свалилась у нея на плечо, и произнесла:

Digitized by Google

— Вотъ какъ!

А онъ продолжалъ взволнованнымъ и печальнымъ голосомъ:

— Но правда, я долженъ былъ бы позволить зарубить себя, чтобы только не огорчить милостивую панну!.. Тогда бы не текла та кровь, которая тебѣ такъ дорога. Но что дѣлать! Этому уже не пособить, да вообще ничему уже пособить нельзя! Опекунъ говорилъ милостивой паннѣ, что я ихъ принудилъ къ вызову? Ну, что же, и это я отдаю на Божій судъ. А разсказывалъ ли онъ о томъ, какъ онъ подъ моей собственной кровлей безъ всякаго милосердія и безъ всякой мѣры меня оскорблялъ? Пріѣхалъ я еще разъ сюда, потому что зналъ, что не застану его здѣсь. Пріѣхалъ я затѣмъ, чтобы мои глаза въ послѣдній разъ насытились видомъ милостивой панны. Знаю, что это тебѣ все равно, но думалъ, что хоть...

Тутъ Яцекъ замолчалъ, чувствуя, что слезы подступили къ горлу и сдавили его. Губы панны Сенинской также начали дрожать и принимали все больше и больше видъ подковки, и только дѣвичья гордость и стыдливость боролись въ ней съ чувствомъ и не позволяли показать, до чего она тронута словами Яцка.

Но она поспѣшила овладѣть собой, быть можетъ, въ надеждѣ, что страданія заставятъ Яцка выразить еще сильнѣе свои чувства, а можетъ быть и потому, что не вѣрила въ возможность того, чтобы онъ дѣйствительно ушелъ, да еще навсегда. Не разъ вѣдь случались между ними недоразумѣнія, не разъ и панъ Понговскій дѣлалъ ему непріятности, и, однако, послѣ вспышекъ гнѣва происходили молчаливыя или громкія извиненія, а затѣмъ все оставалось попрежнему. „Такъ будетъ и теперь“, — думала она.—Но такъ какъ ей было пріятно слушать его и видѣть то сильное чувство любви, которое, хотя онъ и не рѣшался его высказать болѣе ясными словами, такъ и выливалось наружу, то она желала, чтобы онъ какъ можно дольше говорилъ своимъ чуднымъ голосомъ о своей любви и повергъ бы къ ея ногамъ свое молодое, влюбленное и такъ сильно уязвленное теперь сердце.

Онъ же, неопытный въ дѣлахъ любви и слѣпой, какъ всѣ влюбленные, не замѣчалъ и не понималъ того, что съ ней происходитъ. Молчаніе ея приписалъ онъ полнѣйшему равнодушію, и горькое чувство обиды стало постепенно наполнять его душу. То спокойствіе, съ которымъ онъ началъ говорить, покинуло его, глаза загорѣлись инымъ блескомъ, и капли холоднаго пота выступили у него на лбу. Казалось, что-то рвется и ломается въ его душѣ. Имъ овладѣло то отчаяніе, когда человѣкъ ничего больше не соображаетъ и готовъ собственными руками копаться въ своихъ сердечныхъ ранахъ.

Все еще сохраняя наружное спокойствіе, онъ заговорилъ уже инымъ, болѣе жесткимъ и рѣзкимъ голосомъ.

— Итакъ, ни одного слова?!

Панна Сенинская только пожала плечами.

— Да, правду сказалъ ксендзъ Воиновскій,—продолжалъ онъ,—что меня здѣсь ожидаетъ еще большая несправедливость.

— Въ чемъ же панъ видитъ несправедливость съ моей стороны?— спросила она, непріятно пораженная неожиданной перемѣной, происшедшей въ немъ.

Но онъ уже не могъ сдерживать себя.

— Еслибъ я не видѣлъ, какой ты только что была съ Ципріановичемъ, то думалъ бы, что у тебя въ груди нѣтъ сердца. Но у тебя есть сердце, только для него, а не для меня. Ему стоило только взглянуть на тебя и конецъ...

И вдругъ, схвативъ себя за волосы, онъ еще рѣзче крикнулъ:

— Лучше бы я зарубилъ его на смерть!..

Digitized by Google

Передъ глазами панны Сенинской какъ бы мелькнуло пламя. Щеки ея раскраснѣлись, въ глазахъ заискрился гнѣвъ противъ Яцка, а также и противъ себя самой, за то, что она минуту тому назадъ готова была плакать о немъ. Сильная и внезапная обида охватила ея сердце.

— Панъ съ ума сошелъ!—громко произнесла она, гордо поднявъ голову и откидывая назадъ косу.

Она повернулась, чтобы уйти, но именно это движенiе довело Яцка до полной потери самообладанiя. Онъ схватилъ ее за руки и удержалъ.

— Нѣтъ, не ты уйдешь, а я уйду!—сказалъ онъ,—и я тебѣ еще вотъ что скажу: несмотря на то, что я тебя много лѣтъ любилъ больше жизни, больше собственной души, я уйду и никогда не вернусь. Буду кусать пальцы отъ муки и горя, но не вернусь, и да поможетъ мнѣ въ этомъ Богъ!

И позабывъ о брошенной на полу старой, совсѣмъ вытертой шапченкѣ, онъ побѣжалъ къ двери, затѣмъ промелькнулъ мимо оконъ, повернувъ въ садъ, чтобы ближе пройти въ Выромбки, и исчезъ изъ виду.

А панна Сенинская стояла нѣкоторое время, какъ бы пораженная молнiей. Мысли ея точно птицы разлетѣлись во всѣ стороны, и она никакъ не могла сообразить, что случилось; когда же къ ней вернулось сознанiе, ея гнѣвъ пропалъ и пропала безслѣдно вся обида, и въ ушахъ ея только звучали слова Яцка: „любилъ я тебя больше жизни, больше собственной души“ и „никогда не вернусь“. Теперь она чувствовала, что онъ дѣйствительно не вернется, и потому именно, что такъ сильно любилъ ее. Зачѣмъ она ему не сказала хотя бы одно доброе слово, о которомъ онъ, прежде чѣмъ имъ овладѣло безумiе, молилъ, какъ бѣднякъ о милостынѣ, какъ голодный о кускѣ хлѣба!

Ее охватило чувство безмѣрной жалости и страха за него. Убѣжалъ въ сильномъ горѣ, точно безумный, можетъ упасть гдѣ-нибудь по дорогѣ, можетъ причинить себѣ вредъ, и Богъ знаетъ, до чего дурного можетъ довести его отчаянiе. А между тѣмъ одно сердечное слово могло все смягчить и загладить. Пусть бы онъ хоть ея голосъ услышалъ... Она должна побѣжать туда за садъ, черезъ лугъ къ ручью—тамъ онъ ее еще услышитъ! И она быстро выбѣжала въ садъ. Глубокiй снѣгъ лежалъ на средней дорожкѣ, но на ней виднѣлись слѣды Яцка, и она побѣжала по ней, мѣстами проваливаясь въ снѣгъ до колѣнъ, теряя по дорогѣ четки, платокъ, мѣшечекъ съ нитками, и запыхавшаяся отъ бѣга, достигла калитки сада.

— Пане Яцку!

Но на лугу за калиткой никого не было, при томъ же вѣтеръ, прогнавшiй утреннiй туманъ, шумѣлъ теперь между голыми вѣтвями грушъ и яблонь, и ея слабый голосъ затерялся среди этого шума. Тогда она, не обращая вниманiя на холодъ и на то, что была въ одномъ платьѣ, опустилась на скамью у калитки и начала плакать. Крупныя, какъ жемчугъ, слезы катились по ея розовымъ щечкамъ, и она, не имѣя чѣмъ ихъ отереть, вытирала ихъ косой.

— Нѣтъ, не вернется!

А вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе шумѣлъ, сбрасывая мокрый и рыхлый снѣгъ съ обнаженныхъ вѣтвей.

Когда Тачевскiй влетѣлъ, какъ вихрь, безъ шапки, съ растрепанной гривой волосъ, на крыльцо своего домика въ Выромбкахъ, ксендзъ Воиновскiй тотчасъ же понялъ, что произошло, и сказалъ:

— Praedixi! Богъ да поможетъ тебѣ, Яцекъ! Но я не стану разспрашивать до тѣхъ поръ, пока ты не опомнишься и не успокоишься.

— Кончено, все кончено!—отвѣтилъ Тачевскiй.

И онъ началъ быстро ходить по комнатѣ, точно дикiй звѣрь по клѣткѣ. Ксендзъ сидѣлъ безмолвно,

Digitized by Google

не желая мѣшать ему. Такъ прошло довольно много времени. Наконецъ ксендзъ всталъ, обнялъ Яцка, поцѣловалъ его въ голову и затѣмъ, взявъ его за руку, повелъ его въ альковъ, гдѣ стояла его кровать. И тамъ, передъ распятіемъ, висѣвшимъ надъ изголовьемъ, старый ксендзъ опустился на колѣни, когда же и Яцекъ послѣдовалъ его примѣру, онъ началъ громко молиться.

— Господи, Ты знаешь, что значатъ страданія, такъ какъ Самъ на крестѣ страдалъ за грѣхи людей... И вотъ я приношу къ Тебѣ мое окровавленное сердце и, стоя у ногъ Твоихъ, пробитыхъ гвоздями, молю Тебя — смилуйся надо мной... Не прошу Тебя — возьми мои страданія, а прошу—дай мнѣ силы вынести ихъ, потому что я солдатъ Твоего войска и хотѣлъ бы послужить Тебѣ и моей родинѣ, Рѣчи Посполитой. Но какъ могу я это сдѣлать, когда сердце мое обмираетъ, и правая рука моя ослабѣваетъ. Поэтому молю Тебя—сдѣлай такъ, чтобы я забылъ самого себя и помнилъ только о Твоемъ прославленіи и объ избавленіи моей родины, ибо эти дѣла важнѣе, чѣмъ страданія такого жалкаго червяка, какъ я. И укрѣпи меня, Господи, въ сѣдлѣ моемъ, дабы я могъ доѣхать до поля брани, до славной смерти, до вратъ небесныхъ. Вѣнцомъ Твоимъ терновымъ молю Тебя—услышь меня. Раной, прободенной въ Твоемъ бедрѣ, молю Тебя, услышь меня. Руками, ногами Твоими, пригвожденными къ кресту, молю Тебя, услышь меня!

Затѣмъ они продолжали нѣкоторое время стоять на колѣняхъ, но еще во время молитвы нестерпимая боль охватила сердце Яцка, онъ поспѣшно закрылъ лицо руками и громко зарыдалъ. Когда же они поднялись съ колѣнъ и вышли изъ алькова, ксендзъ Воиновскій глубоко вздохнулъ и обратился къ Яцку со слѣдующими словами:

— Яцекъ мой, много горя перенесъ я за время моей солдатской жизни, и посильнѣе твоихъ бывали страданія мои. Но не хочу я распространяться о нихъ, скажу тебѣ только, что въ минуту самой сильной боли душевной сложилъ я вотъ эту самую молитву, и ей обязанъ моимъ спасеніемъ. И съ тѣхъ поръ я при каждомъ горѣ, при каждомъ несчастіи повторялъ ее, и всегда молитва эта облегчала меня. Вотъ поэтому то я ее и теперь произнесъ. Ну, и что же, неужели не стало легче, скажи-ка?

— Еще грустнѣе стало мнѣ, но боль ужъ не такая жгучая,—отвѣтилъ Яцекъ.

— Ну, вотъ видишь! Выпей-ка вина, а я тебѣ что то скажу или вѣрнѣе покажу, что должно придать тебѣ надежду и упованіе. Смотри.

И, наклонивъ свою сѣдую голову, онъ показалъ среди густыхъ еще волосъ глубокій шрамъ, идущій черезъ весь черепъ, и продолжалъ:

— Чуть было не умеръ я отъ этого. Рана страшно болѣла, ну, а вотъ рубецъ не болитъ. Всегда такъ бываетъ, Яцекъ. Рана твоя перестанетъ болѣть, когда время ее затянетъ, и останется только рубецъ, а тотъ болѣть не будетъ. Ну, а теперь разсказывай, что тамъ произошло.

Яцекъ началъ разсказывать, но ему это плохо удавалось: не въ его характерѣ было что либо выдумывать, прикрашивать или добавлять, а поэтому онъ и самъ дивился, до чего въ разсказѣ все то, что причинило ему такую боль, казалось блѣднымъ и далеко не такимъ ужаснымъ. Но ксендзъ Воиновскій, человѣкъ бывалый, опытный и прекрасно знавшій свѣтъ, выслушалъ до конца разсказъ Яцка и затѣмъ сказалъ:

— Понимаю, что трудно передать словами взгляды или жесты, которые могутъ быть такими высокомѣрными и оскорбительными. Вѣдь, не даромъ же бывало достаточно

Digitized by Google

иногда одного взгляда, одного взмаха руки, чтобы довести до поединка, до кровопролитія. Но во всемъ твоемъ разсказѣ самое главное то, что ты сказалъ этой пани, что ты туда никогда не вернешься. Молодость бываетъ легкомысленна и непостоянна, когда же ею овладѣваетъ тоска, она измѣняется, точно мѣсяцъ на небѣ, и любовь можно именно сравнить съ луной mendax. Ну, а какъ будетъ дальше? Имѣешь ли ты дѣйствительно твердое намѣреніе сдержать то, что сказалъ ей?

— Я вѣдь сказалъ „да поможетъ мнѣ въ этомъ Богъ", и если хотите, отецъ, то повторю свою клятву вотъ на этомъ самомъ распятіи.

— А что ты теперь намѣренъ дѣлать съ собой?

— Пуститься въ свѣтъ.

— Я ждалъ этого, такъ какъ давно совѣтовалъ тебѣ такъ поступить. Зналъ я также хорошо, что тебя здѣсь держитъ, но теперь, когда послѣднія узы порвались, говорю тебѣ: „иди въ свѣтъ, въ жизнь"! Ты здѣсь ничего не дождешься, ничего хорошаго у тебя здѣсь не было и не будетъ. Эта жизнь здѣсь была губительной для тебя. Еще счастье твое, что я былъ тутъ близко, и что я могъ хоть немного просвѣтить тебя въ латинскомъ языкѣ и въ умѣньѣ держать саблю, а то бы ты здѣсь сталъ совсѣмъ мужикомъ. Не благодари меня, Яцекъ, я дѣлалъ это изъ искренняго чувства къ тебѣ. И грустно мнѣ будетъ одному безъ тебя, но вѣдь дѣло тутъ не во мнѣ. Ты хочешь отправиться въ свѣтъ, а это, какъ я понимаю, значитъ—ты хочешь завербоваться въ войско. Эта самая прямая и самая достойная дорога, тѣмъ болѣе теперь, когда начинается война съ нехристями. Перо и канцелярщина, говорятъ, болѣе вѣрная служба и болѣе успѣшная, чѣмъ военное дѣло, но подобная служба менѣе подходитъ и менѣе пристойна такой славной крови, какъ твоя.

— Я никогда и не думалъ о какой бы то ни было другой службѣ,— отвѣтилъ Тачевскій,—но не хочу поступать въ пѣхоту, а въ конныя хоругви мнѣ не попасть, потому что я бобыль и голякъ...

— Шляхтичъ, у котораго на языкѣ латынь, а въ длани сабля, сумѣетъ вездѣ постоять за себя—прервалъ его ксендзъ, — но какъ бы то ни было, а все же ты долженъ имѣть хорошій выѣздъ. Надо объ этомъ потолковать и поразмыслить. А пока скажу тебѣ то, что до сихъ поръ хранилъ про себя: у меня спрятаны для тебя десять червонцовъ, которые мнѣ передала твоя мать покойница вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ просила меня, чтобы я ихъ не давалъ тебѣ зря, а только въ минуту крайней необходимости, когда тебѣ будетъ, так сказать, ножъ къ горлу приставленъ. Ну вотъ, теперь такое время и подошло. У тебя была достойная, святая, но и очень несчастная мать. Когда она, бѣдная, умерла, нужда въ домѣ была уже великая и, можно сказать, что тѣ деньги, которыя она мнѣ передала, отняла она у себя прямо ото рта...

— Вѣчный покой даруй ей, Господи!—отвѣтилъ Яцекъ.—Такъ пусть же эти червонцы пойдутъ на поминъ ея души, на заупокойныя обѣдни. а я продамъ Выромбки, хотя бы за гроши.

Услыхавъ это, старый ксендзъ такъ расчувствовался, что слезы заблестѣли на его старыхъ глазахъ, и онъ опять обнялъ Яцка.

— Достойная и въ тебѣ кровь!— сказалъ онъ, — но ты не имѣешь права отказываться отъ дара матери, хотя бы ради такой высокой цѣли. И заупокойныхъ молитвъ она тоже не будетъ лишена, можешь быть въ этомъ увѣренъ, хотя она сама-то не особенно въ нихъ нуждается, но онѣ пригодятся другимъ душамъ, находящимся въ чистилищѣ. Что же касается до Выромбковъ, то было бы лучше ихъ зало-

Digitized by Google

жить, потому что къ шляхтичу, владѣй онъ хотя бы самымъ маленькимъ клочкомъ земли, совсѣмъ иначе относятся, такъ какъ онъ тогда все же есть possesionatus.

— Да, но мнѣ то спѣшно нужно. Хотѣлось бы сегодня уѣхать.

— Сегодня не уѣдешь, хотя чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но я долженъ сначала изготовить тебѣ письма къ моимъ товарищамъ и пріятелямъ. Надо будетъ также поговорить съ пивоварами изъ Едлны, у которыхъ и денежные мѣшки туго набиты, да и кони такіе, что у иного панцырнаго ратника лучшихъ не найдется. И у меня въ моемъ домѣ найдется кое какое старое рыцарское вооруженіе, да и нѣсколько сабель, не столь, быть можетъ, дорогихъ по украшеніямъ и не особенно красивыхъ по виду, но зато хорошо испробованныхъ на шведскихъ и турецкихъ головахъ.

Сказавъ это, ксендзъ взглянулъ въ окно и прибавилъ:

— Но вотъ и сани готовы, и кому надо въ путь, тому и время.

— На лицѣ Яцка опять промелькнуло выраженіе сильнаго страданія. Онъ поцѣловалъ руку старика и робко произнесъ:

— Есть у меня еще одна просьба, отецъ и благодѣтель мой, — позвольте мнѣ съ вами поѣхать и остаться у васъ до моего отъѣзда. Оттуда видны только однѣ крыши, а здѣсь... а тутъ ужъ слишкомъ близко...

— Да какъ же... конечно. Самъ хотѣлъ я это тебѣ предложить. Ты прямо у меня изо рта слова-то эти вынулъ. Нечего тебѣ тутъ дѣлать, а я отъ всей души буду радъ тебѣ. Эй, Яцекъ, ободрись! Не кончается свѣтъ Белчончкой, а напротивъ того онъ широко теперь открывается передъ тобой. Разъ сядешь ты на коня, Богъ знаетъ, куда заѣдешь. Война ждетъ тебя, слава ждетъ тебя, а сегодняшняя болячка... такъ вѣдь она присохнетъ. Нѣтъ раны, которая бы не затянулась. Вижу уже, какъ у тебя за плечами крылья выростаютъ. Лети же, Божій птенецъ, на то ты сотворенъ и таковъ твой удѣлъ.

И радость, точно лучъ солнца, освѣтила почтенное лицо старца. Онъ ударилъ себя по солдатской привычкѣ ладонью по ляшкѣ и крикнулъ:

— А теперь бери шапку и ѣдемъ!

Но мелочи часто становятся поперекъ дороги великимъ дѣламъ, и смѣшныя вещи граничатъ и часто смѣшиваются съ грустными.

Яцекъ оглядѣлся по всей комнатѣ, потомъ взглянулъ съ озабоченнымъ видомъ на ксендза.

— Шапка...

— Ну, а то какъ же, не поѣдешь же ты съ непокрытой головой?!

— Да, но...

— Что но?

— Она осталась въ Белчончкѣ.

— Вотъ тебѣ и разъ! Что теперь дѣлать?

— Что дѣлать... взять у челядника шапку? Да, но не могу же я ѣхать въ хлопской шапкѣ.

— Въ хлопской не можешь ѣхать, — подтвердилъ ксендзъ, — такъ пошли хлопа въ Белчончку за твоей.

— Ни за что на свѣтѣ!—крикнулъ Яцекъ.

Но терпѣніе стараго ксендза стало истощаться.

— А, нелегкая побери! Война, слава, обширный міръ — все это прекрасно, но вѣдь и шапка нужна!

— На днѣ стараго сундука лежитъ у меня старая шляпа, снялъ ее отецъ въ битвѣ со шведскаго офицера...

— Ну, такъ возьми ее и ѣдемъ наконецъ.

Яцекъ скрылся въ альковѣ и черезъ минуту явился въ желтой рейтарской шляпѣ. Она была слишкомъ велика для его головы и придавала ему очень смѣшной видъ. Это развеселило ксендза, который схватился за лѣвый бокъ, какъ бы ища тамъ рукоятку сабли и сказалъ:

Digitized by Google

— Хорошо еще, что это шведская шляпа, а не турецкая чалма, да и то похоже, какъ будто теперь карнавалъ, и ты замаскировался.

Яцекъ улыбнулся, говоря:

— На пряжкѣ какіе-то камушки, можетъ быть они чего нибудь да стоятъ.

Затѣмъ они сѣли въ сани и поѣхали. Сейчасъ же за оградой сквозь оголенныя вѣтки ольховника виднѣлась какъ на ладони вся Белчончка и весь дворъ передъ домомъ. Поэтому ксендзъ съ тревогой посматривалъ на Яцка, но тотъ сидѣлъ, нахлобучивъ на глаза слишкомъ большую для его головы шведскую шляпу, и даже не взглянулъ туда, хотя оставилъ тамъ не одну только шапку.

V.

— Не вернется, все кончено!— говорила себѣ въ первую минуту панна Сенинская.

И странная вещь! въ домѣ находились пять кавалеровъ, изъ которыхъ одинъ былъ красивый, молодой, да еще кромѣ пана старосты Гротуса, долженъ былъ пріѣхать старшій Ципріановичъ, словомъ, рѣдко когда бывало въ Белчончкѣ столько гостей, какъ теперь, а между тѣмъ паннѣ казалось, что вокругъ нея все опустѣло, что не достаетъ чего то особенно важнаго, что домъ опустѣлъ, садъ опустѣлъ, и она сама такъ одинока, какъ еслибъ находилась въ безлюдной степи, и что такъ будетъ продолжаться вѣчно.

Сердце ея сжалось отъ боли, какъ будто она только что утратила самаго близкаго человѣка. Она была увѣрена, что Яцекъ не вернется, тѣмъ болѣе, что опекунъ смертельно оскорбилъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могла себѣ представить, какъ это будетъ безъ него, безъ его лица, словъ, улыбки, взглядовъ, какъ будетъ завтра, послѣ завтра, черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, и зачѣмъ она должна каждое утро подниматься съ кровати, зачѣмъ заплетать косы, для кого одѣваться, завиваться—зачѣмъ жить?

И ей стало казаться, что ея сердце было свѣчей, на которую кто-то внезапно дунулъ и погасилъ.

Когда же она вернулась въ комнату и увидала на полу шапку Яцка всѣ эти неясныя и смѣшанныя чувства уступили мѣсто простой, но сильной тоскѣ по немъ. Все, что въ сердцѣ своемъ чувствовала она къ нему, все это и проснулось и стало призывать его. И одновременно какой-то лучъ надежды блеснулъ въ въ ея душѣ. Она подняла шапку и какъ бы нечаянно прижала ее къ груди, а затѣмъ спрятала ее въ рукавъ и начала размышлять.

— Онъ не станетъ бывать попрежнему каждый день въ Белчончкѣ, но пока изъ Едлинки успѣютъ пріѣхать панъ Гротусъ и старый Ципріановичъ, онъ долженъ же вернуться за шапкой, и тогда я увижу его и скажу ему, что онъ былъ слишкомъ рѣзокъ и несправедливъ—и что ему не слѣдовало такъ поступать.

Но она была въ данномъ случаѣ неискренна даже сама съ собой, такъ какъ хотѣла ему сказать совсѣмъ иное, хотѣла найти такое теплое сердечное слово, которое бы вновь связало порвавшіяся между ними нити. Если случится то, чего она такъ страстно желаетъ, то они могли бы видѣться въ костелѣ и изрѣдка у сосѣдей—ну, а въ будущемъ нашелся бы способъ устроить все къ лучшему. Но какой же долженъ быть „способъ" и что такое было это „лучшее", надъ этимъ панна Сенинская не задумывалась, потому что ее теперь больше всего занимала мысль какъ можно скорѣе повидать Яцка.

Въ это время изъ комнаты, въ которой лежали раненые, вышла пани Винницкая и увидавъ взволнованное лицо и покраснѣвшіе глаза молодой дѣвушки, принялись ее успокаивать: „не бойся, ничего съ ними не станется. Только у одного изъ

Digitized by Google

Букоемскихъ болѣе тяжелыя поранѣнія, но и тутъ нѣтъ никакой опасности. А у другихъ и совсѣмъ пустяки. Да при томъ же ксендзъ Воиновскій прекрасно перевязалъ ихъ, такъ что ничего не пришлось передѣлывать. Они въ отличномъ состояніи духа и веселы.“

— Слава Богу!

— А Тачевскій уѣхалъ? Что ему здѣсь нужно было?

— Привезъ раненыхъ.

— Да кто бы могъ ожидать чего нибудь подобнаго отъ него!

— Они сами вызвали его!

— Они и не отпираются отъ того. Но что онъ ихъ всѣхъ поранилъ, всѣхъ пятерыхъ,—вотъ что удивительно, можно было бы подумать, что онъ и воды не замутитъ, всегда и во всемъ всѣмъ уступитъ, даже согласится насѣдку отъ цыплятъ отнять, чтобы уступить другому.

— Тетечка плохо знаетъ его. Да не таковъ онъ! — отвѣтила съ гордостью панна Сенинская.

Но и въ голосѣ панны Винницкой было больше удивленія, чѣмъ порицанія, такъ какъ она, рожденная и выросшая въ странѣ, вѣчно подвергавшейся татарскимъ набѣгамъ, съ колыбели научилась смотрѣть на отвагу и умѣнье владѣть саблей, какъ на главную и самую лучшую добродѣтель мужчины, и теперь когда первый страхъ за гостей прошелъ, она совсѣмъ иначе относилась къ этому поединку.

— Я все же должна признать,— продолжала она,—что и они всѣ достойные кавалеры, потому что они не только не питаютъ къ нему злобы, но даже хвалятъ его, особенно этотъ Ципріановичъ. Это же— говоритъ онъ—врожденный солдатъ. И сердятся они всѣ на его милость который, какъ они говорятъ переступилъ всякую мѣру и границу въ Выромбкахъ.

— Тетечка тоже не лучше приняла пана Яцка.

— Потому что онъ заслуживалъ этого. А ты то сама небось хорошо приняла его?

— Я?..

— Да, ты! Видѣла я прекрасно, какъ ты на него надулась!

— Тетечка моя!..

И молодая дѣвушка остановилась, чувствуя, что вотъ-вотъ расплачется. Но послѣдствіемъ этого разговора было то, что Яцекъ еще больше выросъ въ ея глазахъ. Одинъ противъ такихъ ловкихъ и опытныхъ мужей и всѣхъ поранилъ, всѣхъ побѣдилъ. Разсказывалъ онъ правда, не разъ, что выходилъ противъ дикаго кабана съ однимъ только копьемъ, но вѣдь хлопы, осѣвшіе на землѣ по краямъ пущи, выходятъ на нихъ просто съ дубинами, поэтому никому не было въ диковину то, какъ охотится Яцекъ. Ну, а тутъ вѣдь совсѣмъ иное дѣло—побѣдить пять шляхтичей-рыцарей могъ только еще болѣе сильный и ловкій рыцарь, чѣмъ они.

Паннѣ Сенинской казалось просто чудомъ, что человѣкъ, у котораго были такіе грустные и нѣжные глаза, могъ быть такимъ жестокимъ и отважнымъ на полѣ чести. Значитъ онъ только ей такъ поддавался, только отъ нея переносилъ онъ все, и только для нея былъ онъ такимъ нѣжнымъ и уступчивымъ. Но почему же? потому что любилъ ее больше жизни, больше счастья, больше самого себя.

Часъ тому назадъ онъ самъ ей въ этомъ признался.

И вновь тоска по немъ точно огромная волна нахлынула на ея сердце. Чувствовала она также, что и между ними что-то произошло, измѣнилось, и что если она его теперь увидитъ и затѣмъ будетъ съ нимъ часто встрѣчаться, то она уже не позволитъ себѣ играть имъ какъ бывало, то погружая его въ печаль, то слегка утѣшая и давая вздохнуть, то отталкивая, чтобы опять привлечь,—да, она чувствовала, что теперь она невольно будетъ относиться къ нему съ большимъ ува-

Digitized by Google

женіемъ, будетъ болѣе осторожной и покорной.

Минутами еще какъ бы звучалъ въ ней голосъ, говорившій ей, что Яцекъ обошелся съ ней слишкомъ запальчиво, наговорилъ ей болѣе горькихъ, оскорбительныхъ словъ, чѣмъ сдѣлала это она, но голосъ этотъ звучалъ все слабѣе и слабѣе, а желаніе видѣть его, примириться съ нимъ становилось все сильнѣе и сильнѣе.

Только бы онъ вернулся пока тѣ еще не пріѣхали изъ Едлинки.

Но тѣмъ временемъ прошелъ часъ другой, третій, а онъ все еще не возвращался. И тогда ей пришла мысль, что ужъ теперь поздно, что онъ самъ не придетъ, а пришлетъ кого нибудь за шапкой.

Поэтому она рѣшила отослать шапку вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ хотѣла высказать все, что тяготило ея сердце. А такъ какъ посланный Яцка могъ каждую минуту явиться, то она желая все приготовить заблаговременно, заперлась въ своей дѣвичьей комнаткѣ и принялась за письмо.

„Да проститъ вамъ Богъ ту печаль и то горе, которое вы мнѣ причинили. Я увѣрена, что загляни вы въ мое сердце, вы не поступили бы такъ со мной. Вотъ почему я не только отсылаю вамъ вашу шапку, но и присоединяю доброе пожеланіе, чтобы вы были счастливы и позабыли“...

Но тутъ она замѣтила, что пишетъ совсѣмъ не то, что думаетъ, и что желаетъ; она совсѣмъ не желала, чтобы онъ позабылъ, а поэтому, отбросивъ этотъ листокъ, принялась писать другое письмо, болѣе трогательное и грустное.

— „Посылаю милости вашей шапку, такъ какъ знаю, что никогда больше не увижу пана въ Белчончкѣ, и что панъ тутъ ни о комъ, а тѣмъ болѣе обо мнѣ, бѣдной сиротѣ, не будетъ плакать, чего и я, благодаря панской несправедливости, и хотя бы мнѣ и не вѣсть какъ жаль было, не стану дѣлать“...

Но чувство ея сейчасъ же возстало противъ этихъ словъ, и крупныя слезы закапали на письмо. Зачѣмъ приводить ему такіе доводы, если онъ совсѣмъ изгналъ ее изъ своего сердца? Черезъ минуту ей пришло въ голову, что лучше быть можетъ совсѣмъ не упоминать о несправедливости и запальчивости, а то это только вызоветъ въ немъ, чего добраго, еще большее раздраженіе. Раздумывая объ этомъ, она стала искать третій листокъ бумаги, но его не оказалось. Это обстоятельство выбило ее совсѣмъ изъ колеи, такъ какъ обратись она къ пани Винницкой съ просьбой одолжить ей бумаги, она бы не избѣгла всевозможныхъ вопросовъ и разспросовъ, на которые не знала бы какъ отвѣтить. Притомъ же она чувствовала, что совсѣмъ теряетъ голову, и что она ни въ какомъ случаѣ не сможетъ написать то, что бы ей хотѣлось написать; сильно опечаленная всѣмъ этимъ она прибѣгла къ обычному дѣвичьему способу облегченія горя—къ слезамъ.

Тѣмъ временемъ стемнѣло, передъ крыльцомъ зазвенѣли колокольчики саней, и панъ Понговскій вернулся съ гостями. Слуги повсюду въ комнатахъ зажгли огни, такъ какъ стало совсѣмъ темно. Молодая дѣвушка вытерла слезы и вошла въ пріемную комнату съ нѣкоторымъ страхомъ, какъ бы не замѣтили, что она плакала, и тогда Богъ вѣсть что могутъ подумать или же начнутъ приставать къ ней съ вопросами. Но въ комнатѣ находились только панъ Понговскій и панъ Гротусъ безъ пана Ципріановича, о которомъ она, желая отвлечь отъ себя вниманіе, принялась распрашивать.

— Онъ пошелъ къ сыну и къ Букоемскимъ,—отвѣтилъ панъ Понговскій,—но я уже дорогой успокоилъ его, сказавъ, что нѣтъ ни малѣйшей опасности.

Digitized by Google

Затѣмъ онъ внимательно и пристально поглядѣлъ на нее, и на его обычно мрачномъ лицѣ и въ суровыхъ сѣрыхъ глазахъ показалась какая то необычайная доброта. Онъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ и, положивъ руку на ея золотистые волосы, сказалъ:

— Да и ты совсѣмъ напрасно тревожишься. Пройдетъ нѣсколько дней, и они будутъ совершенно здоровы. Ну, да будетъ объ этомъ. Мы имъ кое чѣмъ обязаны, это правда, и поэтому-то я вступился за нихъ, но собственно говоря это чужіе намъ люди и довольно таки низкаго положенія.

— Низкаго положенія?—повторила она точно эхо, чтобы только сказать что нибудь.

— Ну, да, вѣдь, Букоемскіе голыши, а Ципріановичъ . . . А въ сущности, что мнѣ за дѣло до этого? Уѣдутъ, и будетъ попрежнему у насъ все спокойно.

Панна Сенинская подумала, что будетъ даже слишкомъ спокойно, когда они останутся втроемъ въ Белчончкѣ, но не высказала вслухъ этой мысли.

— Пойду,—сказала она,—похлопотать объ ужинѣ.

— Иди, хозяечка, иди, — отвѣтилъ Понговскій.—Ты въ домѣ приносишь и радость, и пользу.

А затѣмъ онъ добавилъ:

— Тарелки вели подать серебряныя, дабы показать пану Ципріановичу, что приличная посуда найдется не у одного только возведеннаго въ шляхетство армянина.

Панна Сенинская поспѣшила въ людскую, но такъ какъ хотѣла до ужина покончить съ дѣломъ большей для нея важности, чѣмъ этотъ ужинъ, то позвала прислуживающаго въ комнатахъ мальчика и сказала ему:

— Слушай, Войтекъ, сбѣгай-ка въ Выромбки и скажи пану Тачевскому, что паненка очень ему кланяется и посылаетъ ему его шапку. А вотъ это возьми себѣ за услугу. Теперь повтори, что я сказала.

— Паненка кланяется и посылаетъ шапку!

— Не кланяется, а очень кланяется—понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, такъ бѣги, только возьми съ собой кожухъ, а то къ ночи опять сильнѣе морозитъ. Пусть и собаки пойдутъ съ тобой.

— Очень кланяется, смотри, не забудь же и сейчасъ же бѣги назадъ, если только панъ не захочетъ послать отвѣта.

Покончивъ съ своимъ дѣломъ, она отправилась на кухню, чтобы позаботиться объ ужинѣ, который оказался почти готовымъ, такъ какъ вся прислуга знала, что панъ вернется съ гостями. А потомъ она переодѣлась, пригладила волосы и вышла въ столовую.

Старый Ципріановичъ дружески привѣтствовалъ ее, потому что ея молодость и красота тронули его сердце еще тогда въ Едлинкѣ. А такъ какъ онъ теперь былъ спокоенъ за сына, то, когда всѣ сѣли за ужинъ, онъ продолжалъ весело болтать съ ней, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ при помощи шутокъ разогнать облако печали, лежавшее на ея челѣ и причину котораго онъ приписывалъ всему, что произошло.

Но ужину не суждено бызо окончиться благополучно для молодой дѣвушки, такъ какъ послѣ второго блюда дверь раскрылась, и на порогѣ показался Войтекъ. Дуя на свои раскраснѣвшиеся отъ мороза пальцы, онъ крикнулъ:

— Прошу Паненки, я оставилъ тамъ шапку, но пана Тачевскаго не засталъ въ Выромбкахъ, онъ уѣхалъ съ ксендзомъ Воиновскимъ.

Слыша это панъ Понговскій принялъ высокомѣрный видъ, сурово сморщилъ брови, уставилъ свои сѣрые, словно стальные глаза на мальчика и спросилъ:

— Въ чемъ дѣло? Какая шапка? Кто тебя посылалъ въ Выромбки?

Digitized by Google

— Паненка! —отвѣтилъ со страхомъ мальчикъ.

— Я!—подтвердила панна Сьенинская.

И, замѣтивъ вопросительно на нее обращенные глаза всѣхъ присутствующихъ, она сильно смутилась. Но смущеніе это продолжалось недолго: дѣвичья увертливость и остроуміе помогли ей вывернуться изъ щекотливаго положенія.

— Панъ Тачевскій,—сказала она,—привезъ сюда раненыхъ, но такъ какъ мы съ тетечкой очень дурно приняли его, то онъ на насъ разсердился и безъ шапки убѣжалъ домой, а я отослала обратно его шапку.

— Правда, что мы его не особенно любезно приняли!—отозвалась и пани Винницкая.

Панъ Понговскій вздохнулъ съ облегченіемъ, и лицо его приняло менѣе строгое выраженіе.

— Хорошо сдѣлали, — сказалъ онъ,—а шапку бы я ему самъ отвезъ, такъ у него навѣрное нѣтъ другой.

Но тутъ почтенный и благоразумный панъ Ципріановичъ вступился за Тачевскаго.

— Мой сынъ,—сказалъ онъ,—не чувствуетъ къ нему ни малѣйшей обиды. Сами они принудили его къ поединку, а онъ же потомъ отвезъ ихъ къ себѣ, перевязалъ ихъ и угостилъ. Букоемскіе говорятъ то же самое, но прибавляютъ, что это такой мастеръ драться на сабляхъ, который, еслибъ захотѣлъ, могъ бы ихъ иначе изувѣчить. Да, хотѣли проучить его, а между тѣмъ сами въ немъ нашли учителя. Если это правда, что его величество король собирается войной на турокъ, то тамъ на войнѣ такой Тачевскій очень пригодится.

Па́нъ Понговскій выслушалъ эти слова съ видимымъ неудовольствіемъ и затѣмъ возразилъ:

— Вѣдь, всѣмъ этимъ штукамъ выучилъ его ксендзъ Воиновскій.

— Ксендза Воиновскаго я видѣлъ всего только разъ, на богомольѣ,—сказалъ Ципріановичъ, — но много слышалъ о немъ въ пору моей бытности въ войскѣ. На богомольѣ другіе ксендзы посмѣивались надъ нимъ, говоря, что его приходской домъ—точно ковчегъ, и что онъ точно Ной, набралъ туда всякихъ тварей и заботится о нихъ. Знаю и то, что онъ былъ когда-то славный рубака, а теперь великой добродѣтели человѣкъ, и если онъ передалъ Тачевскому и свои познанія въ военномъ дѣлѣ, и свою добродѣтель, то я бы желалъ, чтобы мой сынъ, когда поправится, не искалъ бы иного друга, чѣмъ Тачевскаго.

— Поговариваютъ о томъ, что сеймъ прежде всего займется вопросомъ о войнѣ!—сказалъ панъ Понговскій, желая перемѣнить непріятный для него разговоръ.

— Оно такъ и есть, и уже всѣ заняты этимъ вопросомъ,—подтвердилъ староста Гротусъ.

И затѣмъ продолжали говорить только о войнѣ,

Послѣ ужина панна Сьенинская, улучивъ удобную минуту, подошла къ Ципріановичу и, поднявъ на него свои умные глазки, сказала:

— Милостивый панъ очень добрый, да, очень добрый!

— Какъ такъ, почему?

— Потому что панъ заступился за пана Яцка.

— За кого?—спросилъ Ципріановичъ.

— За пана Тачевскаго—его имя Яцекъ!.

— Вотъ какъ! А вѣдь милостивая панна сама его такъ обидѣла,—зачѣмъ же было дѣлать это?

— Еще хуже оскорбилъ его опекунъ. Но сознаюсь милостивому пану, что мы несправедливо поступили, и думаю, что ему слѣдуетъ какая нибудь награда за это.

— Онъ навѣрно съ радостью приметъ изъ рукъ милостивой панны.

Но молодая дѣвушка покачала въ знакъ отрицанія своей златокудрой головкой.

Digitized by Google

— О нѣтъ, — отвѣтила она съ грустной улыбкой,—онъ вѣдь разсорился съ нами на вѣки.

Ципріановичъ поглядѣлъ на нее добрымъ, почти отеческимъ взоромъ.

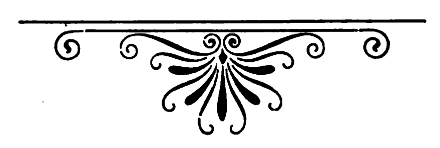
— Кто сумѣлъ бы, прелестный цвѣтокъ, разсориться съ тобой навѣки?—спросилъ онъ.

— О, онъ-то сумѣетъ... Что же касается до награды, то для него ничего не могло бы быть пріятнѣе, какъ то, если милостивый панъ самъ скажетъ ему, что не питаетъ къ нему злобы и видитъ его невинность. Тогда и опекунъ долженъ былъ бы оказать ему справедливость и любезность, а это непремѣнно слѣдуетъ сдѣлать.

— Я вижу, милостивая панна вѣрно не такъ ужъ грозно приняла его, если теперь съ такимъ сердечнымъ жаромъ заступается за него.

— Потому что я чувствую угрызѣнія совѣсти и вообще не желаю никому причинить да и потому еще, что онъ одинъ на цѣломъ свѣтѣ и бѣденъ, страшно бѣденъ!

(До слѣд. №-ра).

Мысли.

Я часто о комъ-то, о чемъ-то мечтаю...
Какія-то мысли, какъ змѣи, ползутъ...
Я слышу ихъ шорохъ, я вижу ихъ стаю,
Онѣ—то вернутся, то снова уйдутъ.
Какъ молній зигзаги—онѣ непонятны...
Понять ихъ, извѣдать душѣ не дано.
Какъ пѣсни прибоя—тѣ мысли невнятны
И съ ними мнѣ также пустынно, темно.
Я тщетно ловлю ихъ капризныя краски:
Онѣ только дразнятъ и мучатъ меня,
Улыбкой привѣта, напѣвами сказки
Куда-то, къ кому-то, зачѣмъ-то маня.
Но я полюбилъ ихъ... Печальныя тѣни
Для сердца дороже огнистыхъ лучей,
Въ нихъ счастье желаній, надеждъ, вдохновеній,
Въ нихъ вѣчности голосъ и тайны ночей...

С. Ѳедоренко.

Digitized by Google

Весь въ папу.

(Будничныя картинки).

Очеркъ В. СЫСОЕВА.

Звонокъ дребезжалъ до тѣхъ поръ, пока изъ мастерской не выбѣжалъ чумазый мальчикъ и не прихлопнулъ босой ногой дверь магазина; въ одной рукѣ у него была велосипедная рама, а въ другой клещи.

— Васъ, чертей, не дозовешься! крикнулъ раздраженно хозяинъ,— нѣтъ на васъ погибели! Сима!.. А ты, скажи пожалуйста, не можешь оставить ребенка хоть на полчаса? Вѣдь видишь-же, каждую минуту покупатели!.. Брось его на постель, пусть оретъ, сколько хочетъ. Не могу-же я за всѣмъ услѣдить, обѣ руки заняты—разорваться я что-ли долженъ?.. Это каторга, а не жизнь! Наказалъ меня Господь этакой женой...

Онъ почесалъ затылокъ, вздохнулъ и произнесъ вдругъ совершенно спокойнымъ тономъ:

— Достань въ черномъ шкафу наверху трехвольтовыя лампочки.

Серафима Григорьевна полѣзла на лѣсенку, продолжая держать на лѣвой рукѣ полненькаго, здороваго мальчугана лѣтъ двухъ. Положивъ въ ротъ пальчикъ, а другою ручонкой вцѣпившись въ черные волосы матери, онъ живыми карими глазенками смотрѣлъ на большой, блестящій привѣшенный къ потолку колоколъ. Опять задребезжалъ звонокъ, отворилась дверь, шли покупатели...

Такъ проходилъ день. Покупателей бывало много, въ магазинѣ шла кипучая, безостановочная дѣятельность и часто поднимался шумный споръ. Маленькій Кока привыкъ къ этому гаму и плакалъ рѣдко, развѣ только тогда, когда его оставляли совсѣмъ одного. Зато родители постоянно находили поводъ сердиться на сына и бранить его самыми скверными словами. Вѣчно онъ имъ мѣшалъ, хотя и покойный, хотя и безсловесный. Особенно-же Александръ Петровичъ, смуглый брюнетъ съ эспаньолкой и кругленькими щеками, вспыльчивый и деспотичный—(его вся мастерская боялась, какъ огня)—часто обрушивался на своего единственнаго крошечнаго сына настоящими проклятіями только потому, что тотъ не во время протягивалъ къ нему свою пухлую ручонку, когда отецъ бывалъ занятъ какими-нибудь коммерческими соображеніями. У Коки былъ счастливый характеръ,—и онъ улыбался, глядя на безпричинный гнѣвъ отца.

Digitized by Google

Когда магазинъ запирали, и приводилась въ извѣстность дневная выручка, настроеніе мѣнялось. Мягкій звонъ золота и серебра успокаивающе дѣйствовалъ на Александра Петровича. Шумѣлъ огромный самоваръ, никкелированный въ собственной мастерской, и чумазымъ мальчикамъ, живущимъ у хозяина, выдавались порціи черствой темносѣрой булки, такъ-какъ мягкой они могли съѣдать вдвое больше, и это было-бы невыгодно. Кромѣ того хозяинъ находилъ, что черствый хлѣбъ полезнѣе для желудка, и онъ любилъ объ этомъ распространяться, хотя какъ-будто невполнѣ умѣстна была забота о желудкахъ тѣхъ самыхъ мальчиковъ, зубы и уши которыхъ постоянно страдали отъ хозяйскихъ рукъ. Таинственно блестѣли въ глубинѣ магазина отдѣльныя части лампъ, звонковъ и машинъ. Наружная дверь запиралась, черезъ квартиру со двора впускались уже не покупатели, а гости.

Въ такія минуты Кока оказывался необыкновеннымъ ребенкомъ. Въ немъ души не чаяли, или попросту онъ становился самой любимой, забавной игрушкой. Его передавали изъ рукъ въ руки, дамы цѣловали его, мужчины дотрагивались пальцемъ до его носа и пухлыхъ щекъ и пичкали его всѣмъ, что находилось на столѣ. Кока ни отъ чего не отказывался, несмотря на свои совсѣмъ уже молодые годы, и этимъ вызывалъ восхищеніе всѣхъ. Но особенно усердно угощали маленькаго Коку водкой, которая неизмѣнно появлялась за чайнымъ столомъ электротехника. Сначала маленькими глотками, потомъ все увеличивая этотъ пріемъ, мальчика заставили постепенно привыкнуть къ такому угощенію, отъ котораго онъ никогда не отказывался, какъ и отъ всякаго другого.

— Напрасно спаиваете ребенка! нерѣшительно замѣчалъ кто-либо изъ гостей.

— Да вы посмотрите только, какъ пьетъ!—восторгался Александръ Петровичъ,—и не поморщится. Это съ меня беретъ примѣръ!

— Лучше спать будетъ, довольно ему здѣсь болтаться!—добавляла Серафима Григорьевна, маленькая, смуглая женщина, исхудавшая и замученная отъ этой жизни въ подвалѣ, безъ свѣта и воздуха, въ постоянной работѣ въ кухнѣ и магазинѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, выпивая порядочныхъ размѣровъ рюмку, ребенокъ скоро начиналъ смѣяться и шалить, послѣ чего неизбѣжно наступалъ тяжелый сонъ. Величина рюмки относилась къ мальчику совершенно такъ-же, какъ къ взрослому человѣку относится чайный стаканъ. Рѣдкій, очень рѣдкій день Кока оставался безъ своей губительной порціи, и такъ-какъ родители замѣчали, что въ такіе дни Кока плохо спалъ, бывалъ капризенъ и плаксивъ, то не задумываясь приписали алкоголю цѣлебную силу. Александръ Петровичъ все больше и больше замѣчалъ сходства съ собой у своего сына и говорилъ:

— Какой здоровый ребенокъ! Будетъ электротехникомъ.

Александръ Петровичъ гордился своей физической силой, примѣняемой имъ въ мастерской только для цѣлей назидательныхъ. Достаточно ему было сдѣлать какое-нибудь рѣзкое движеніе, чтобы вблизи стоявшіе подмастерья шарахнулись въ сторону: такъ привыкли къ непріятнымъ неожиданностямъ съ его стороны.

Мальчикъ росъ быстро и, такъ-какъ онъ былъ постоянно на глазахъ, то никто изъ домашнихъ не замѣчалъ съ нимъ никакой перемѣны. Между тѣмъ онъ росъ подобно растенію, лишенному солнца и воздуха, хотя и щедро пользующемуся какимъ-нибудь ненужнымъ удобреніемъ. Гулять его пускали рѣдко. боясь простудить или потому, что не было прислуги. Никакая прислуга не жила долго у электротехника: къ

Digitized by Google

каждой онъ изъ-за пустяка придирался и зачастую избивалъ до полусмерти, такъ что финалъ расчитыванья разыгрывался даже въ участкѣ или у городского судьи. Въ серединѣ мая Коку закутывали ватнымъ пальто и шарфомъ; онъ изнемогалъ подъ этимъ бременемъ до того, что каждая прогулка обращалась для него въ мученье... Уже черезъ годъ мальчуганъ сталъ неузнаваемъ: онъ потерялъ всю ту прелесть, какая бываетъ присуща только дѣтямъ; кожа его стала блѣдной и дряблой, какъ кожа малокровнаго взрослаго человѣка. Если онъ казался больнымъ, родители заботливо говорили:

— Ахъ, Боже мой! не простудился-ли онъ? Надо дать ему чаю съ ромомъ, да побольше рому. Выпей-ка рюмочку, Кока!.. Ну, разомъ... Вотъ такъ! вотъ молодецъ!.. Все пройдетъ, не надо плакать...

Тутъ не признавали другихъ болѣзней, кромѣ простудныхъ, а въ видѣ противоядія давали новую дозу яду. Непониманіе этихъ простыхъ и страшныхъ вещей было поразительно; еще поразительнѣе было то, что отецъ на себѣ самомъ испытывалъ губительное дѣйствіе алкоголя и не видѣлъ этого почему-то на своемъ сынѣ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ отъ водки притупляются самыя лучшія человѣческія чувства. Съ утра работа безъ устали, поводы выходить изъ себя на каждомъ шагу, потомъ одурманиваніе себя, физически усталаго, на сонъ грядущій, хорошо еще, если не до потери сознанія— гдѣ ужъ было тутъ думать о долгѣ отца и человѣка!

* * *

Тихо въ спальной, которая какъ всѣ спальни неразумныхъ, тщеславныхъ людей устроена не въ просторной, свѣтлой комнатѣ, понадобившейся для гостинной, то есть, комнатѣ, гдѣ никто не живетъ— а въ тѣсной каморкѣ, лишенной воздуха и свѣта... Александръ Петровичъ уже давно имѣетъ нѣсколько отдѣленій своей фирмы и занимаетъ прекрасную квартиру, въ которой всѣ комнаты, гдѣ бываютъ только на короткій срокъ, устроены для жилья множества людей. Въ маленькой спальной тихо, потому что сюда теперь рѣдко притекаетъ шумная жизнь.

Кокѣ исполнилось шесть лѣтъ; это крайне болѣзненный и нервноразвинченный ребенокъ; всѣ его богатыя способности, его природный умъ и любознательность, его незлобивость и жизнерадостность— все это придавлено гнетомъ искалѣченнаго дѣтства. Въ большихъ сѣрыхъ глазахъ его на блѣдномъ личикѣ часто свѣтится грустное выраженіе. Онъ ходитъ неровной походкой, немного сгорбившись; онъ нервно заикается и каждую рѣчь свою начинаетъ неровнымъ звукомъ: „и... и... и...“—причемъ самъ этого стыдится. Часто онъ бываетъ такимъ-же раздражительнымъ, какъ папа. Но докторъ запретилъ давать ему спиртные напитки; ему уже не даютъ водки, къ которой онъ испытываетъ отвращеніе. Иногда для подкрѣпленія силъ ему назначается рюмка портвейна за обѣдомъ, и онъ, хмурясь, лѣниво выпиваетъ ее всю.

Кока рано ложится спать и долго не спитъ въ своей постелькѣ. Разные вопросы являются его неокрѣпшему уму, и онъ боится останавливаться на нихъ. Теперь онъ рѣдко видитъ маму, и ему дѣлается немного страшно, когда онъ заслышитъ шорохъ ея шелковаго платья. Она такъ занята и такъ быстро цѣлуетъ его, чтобы поскорѣй уйти!..

* * *

— Не болтай ногами! Не можешь пяти минутъ посидѣть безъ шалостей!—говоритъ Александръ Петровичъ.

— Какой злой мальчикъ!—замѣчаетъ Серафима Григорьевна.

Digitized by Google

Кока знаетъ, что онъ вовсе не злой, и увѣренъ, что всѣ объ этомъ знаютъ, но зачѣмъ же постоянно смѣются надъ нимъ и дразнятъ его передъ чужими, какъ собаченку?.. Гости смѣются, а отъ ихъ смѣха у него щекочетъ въ горлѣ отъ слезъ, и ему хочется сдѣлать всѣмъ имъ что-нибудь гадкое.

— Слышишь? Тебѣ говорятъ! — опять раздается сердитый голосъ папы.

— Подвинь мнѣ графинъ! — спокойно говоритъ мама, какъ будто ничего особеннаго не произошло.

Онъ не виноватъ, что у него болтаются ноги. Онѣ сами болтаются, онъ ихъ не трогаетъ. И сердце у него такъ же болтается, и онъ не можетъ его остановить... Вдругъ папа ударилъ ладонью по столу; вся посуда запрыгала, вилки и ножи полетѣли на полъ. Гости перестали смѣяться.

— И... и... и... что я тебѣ сдѣлалъ? — спрашиваетъ Кока, и слезы, злыя слезы обиды катятся по его щекамъ, въ то время какъ рученка его прикасается къ холодному стеклу графина.

— И! и!.. — бѣшено кричитъ папа, сверкая на него страшными глазами, — вотъ я тебя поикаю! Скотина!.. Не смѣть у меня болтать ногами, сказано русскимъ языкомъ!.. Пошелъ вонъ изъ-за стола, иначе я тебя вздую! Маршъ!

До сихъ поръ Кокѣ было страшно обидно и больно, а теперь ему неожиданно хотѣлось одного: сильно ударить папу, такъ сильно, какъ тотъ билъ мальчишекъ въ мастерской, горничныхъ, маму и его, маленькаго слабаго Коку... Желаніе это было такъ неудержимо, что отъ него помутилось сознаніе, и его крошечная рученка сверхъестественно крѣпко сжала горлышко небольшого графина, полнаго воды. Можетъ быть, въ это мгновеніе проснулся тотъ демонъ, котораго съ малыхъ лѣтъ вспоили и выростили въ дѣтскомъ сердечкѣ... Поднявшись на стулѣ, Кока оперся лѣвой рукой на столъ, а правой размахнулся и со всей силы запустилъ графиномъ въ голову отца.

Ударъ не оказался-бы такимъ жестокимъ, если-бы Александръ Петровичъ не предугадалъ желанія сына: не раздумывая, онъ ринулся къ нему въ ту же минуту и тѣмъ самымъ удвоилъ силу удара. Графинъ не треснулъ, зато черепъ не устоялъ: кровь полилась ручьемъ. Серафима Григорьевна пронзительно крикнула, а всѣ гости бросились къ раненому, который вырывался отъ сдерживающихъ его рукъ и хрипѣлъ отъ злобы и боли:

— Подайте мнѣ этого мерзавца! Я его убью!.. Убью!..

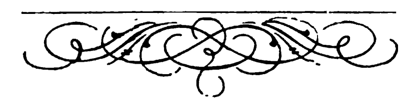
Но Кока лежалъ безъ чувствъ и ничего не слышалъ.

* * *

Черезъ недѣлю Александръ Петровичъ умеръ отъ нагноенія мозговой оболочки. Серафима Григорьевна продала дѣло и скоро переѣхала въ другой городъ, причемъ совершенно отказалась отъ сына. Его помѣстили въ пріютъ для преступныхъ дѣтей, и онъ угрюмо знакомится съ такими-же больными, испорченными мальчиками. Онъ сознаетъ все и не ждетъ никакой другой, лучшей жизни... Онъ никого не любитъ и такъ страшно кашляетъ, надрывая свою слабую грудь...

Что ожидаетъ его — больница или тюрьма?

В. Сысоевъ.

Digitized by Google

Поцѣлуй Сказки.

М. ОЛЕНИНОЙ.

„Сказка, поцѣлуй меня“.

Потонувшій колоколъ.

Гасли послѣдніе лучи заходящаго солнца. Догоралъ день, унося съ собою отъ однихъ радости, забавы, отъ другихъ—горе, печаль, непосильный трудъ...

Медленной, усталой походкой приближается къ лѣсу молодая дѣвушка. Ея некрасивое лицо искажено тоской; безнадежно тусклы глаза: тамъ, въ лѣсу, обѣщалъ ее ждать ея милый, желанный, но онъ не прійдетъ.

„Уродъ, уродъ“, шепчутъ ея блѣдныя губы, повторяя чужія обидныя слова: „уродовъ любятъ только въ сказкѣ“... Но что это? Какое-то облачко коснулось ея горячаго лба, зазвенѣла въ ушахъ тихая чарующая музыка,—и въ вѣнцѣ изъ далекихъ, алмазныхъ звѣздъ, окутанная дымкой-плащемъ, со снопомъ невиданныхъ неземныхъ цвѣтовъ въ рукахъ, вся трепещущая, вся прозрачная, легкая и неуловимая, словно пронизанная свѣтомъ, предстала передъ дѣвушкой Сказка.

Распахнулся дымка-плащъ, нѣжные, какъ лепестки лиліи, быстрые пальчики сказки стали вплетать въ волосы дѣвушки лучшіе цвѣты изъ снопа, тихо коснулись ея щекъ алой розой,—и заигралъ на нихъ нѣжный, дѣвственный румянецъ, волшебной незабудкой оживили лазурныя очи, короной изъ свѣтляковъ сдѣлали изъ дѣвушки царицу. Трепетный поцѣлуй раскрылъ губки дѣвушки, блаженный поцѣлуй сказки, которому нѣтъ равнаго на землѣ. „Люби и будь любима, шепнула сказка“ и, завернувшись дымкой—плащомъ, полетѣла дальше.

Все чаще, все темнѣе лѣсъ. Душно стало Сказкѣ, стала она взвиваться выше, поближе къ загорающимся яркимъ звѣздамъ, да послышался ей человѣческій стонъ. Снова спустилась она; видитъ полянку и на ней убогую хижину. Плачутъ въ ней голодныя дѣти, ссорится съ мужемъ измученная нуждою жена. Темно, холодно, скорбно... Широко взмахнула плащомъ своимъ Сказка, освѣтила вѣнцомъ изъ звѣздъ убогій шалашъ, согрѣла нѣжнымъ взглядомъ окоченѣлыя сердца, коснулась озлобленныхъ лицъ своими душистыми цвѣтами,—и стали они прекрасны, нѣжны, ласковы и засвѣтились взаимной любовью, теплой надеждой. Кротко склонилась къ малюткамъ царственная Сказка, осушила ихъ невинныя слезы поцѣлуемъ и стала убаюкивать пѣсней

Digitized by Google

о чудесахъ, о подвигахъ, любви и славѣ. И расцвѣтали личики дѣтей, и хорошо съ ними было Сказкѣ, хотѣлось ей остаться съ ними дольше, да снова вопль тоски коснулся ея чуткаго слуха,—и полетѣла она дальше. Мало цвѣтовъ осталось въ ея душистомъ снопѣ, но она склонилась къ нему съ поцѣлуемъ на яркихъ устахъ,—и зацвѣли они снова, лазоревые, рубиновые, янтарные, блѣдные, яркіе, всѣхъ цвѣтовъ неба и земли, и моря, и радуги. Только черныхъ цвѣтовъ не было въ ея снопѣ, не было цвѣтовъ мрака, несчастья, зависти, вражды и клеветы, потому что только мечты, любовь и счастье несла людямъ Сказка, только сладкій нектаръ пили они изъ ея поцѣлуевъ.

Быстро летѣла Сказка на встрѣчу къ тоскующему стону наболѣвшаго властнаго сердца. Вотъ уже близко отъ нея пышный дворецъ. Ярко горятъ огнями высокія залы, гирляндами вьются прекрасныя танцовщицы, сыплются къ ногамъ царя ароматныя, алыя розы, подобострастно шепчутъ льстивыя рѣчи важнѣйшіе сановники, съ заискивающей улыбкой глядятъ первыя красавицы царства, изощряются шуты въ новыхъ забавахъ, сверкаетъ подавляющая роскошь. Но ничто не можетъ вызвать улыбки царя; словно тайный недугъ гложетъ его, словно черная измѣна видится ему въ глубинѣ каждой пары глазъ. Тяжело вздыхаетъ царь, тяжело ступаетъ по направленію къ своимъ покоямъ. Все мрачнѣе дѣлается его взоръ, безнадежнѣе становится на душѣ. Давно уже потерялъ покой, давно уже сонъ бѣжитъ отъ его глазъ. Подозрительно глядитъ царь по угламъ своей опочивальни, быстро подходитъ къ роскошному ложу и вдругъ видитъ легкое сѣрое облачко. Это дымка-плащъ Сказки. И ласкаетъ мягкій цвѣтъ ея плаща усталые взоры царя и тихо смыкаются воспаленныя вѣжды, и наступаетъ цѣлительный, освѣжаюшій сонъ. И грезится царю, какъ онъ въ объятіяхъ сказки летитъ невидимкою по своему обширному царству, какъ всюду несутъ счастье и радость, какъ отъ поцѣлуевъ его спутницы яснѣетъ въ его душѣ, а отъ ея яркихъ цвѣтовъ всюду разливается блаженство. Нѣтъ нигдѣ ни зла, ни преступленій, ни злодѣевъ, ни преступниковъ, и царь, еще не стряхнувъ дымки-плаща Сказки, приказываетъ разорвать всѣ смертные приговоры и раскрыть всѣ темницы.

А Сказка летаетъ по міру, разсыпая всѣмъ цвѣты и поцѣлуи... Но пусто у нея въ душѣ... Иногда ей такъ холодно, одиноко... Не знаетъ Сказка, что съ нею, не знаетъ у кого спросить отвѣта и летитъ къ Жизни.

— О чемъ грустить тебѣ, прелестное дитя?—спрашиваетъ Жизнь.

— А ты отчего такъ уныла?

— Я устала отъ борьбы, отъ вѣчной безпрестанной борьбы со Смертью. Она сильнѣе меня такъ безжалостна, неумолима...

— Слушай, Сказка, если мало тебѣ, что ты даришь счастьемъ другихъ, если ты и сама захотѣла его извѣдать и не нашла на землѣ, лети въ далекое царство Вѣчнаго Холода. Тамъ лежитъ окоченѣвшій отъ поцѣлуя Смерти Идеалъ, но не думай, что онъ мертвъ. Сама Смерть пощадила его и навѣяла лишь на него ледяной сонъ. Пробуди его своими цвѣтами, отогрѣй поцѣлуями и ты постигнешь неслыханное счастье, и лучи его согрѣютъ весь міръ.

Въ колесницѣ изъ лунныхъ лучей, на крыльяхъ бѣлыхъ бабочекъ и райскихъ птицъ неслась Сказка въ объятіяхъ Идеала на встрѣчу неслыханному, невиданному блаженству. Ихъ окружала вся поэзія, вся красота, вся гармонія міра, поцѣлуи ихъ пробуждали море страсти во всей вселенной; нѣга и трепетъ заливали небеса и землю, звучали въ прибоѣ волнъ и въ блескѣ звѣздъ, и въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ, и въ каждой былин-

Digitized by Google

кѣ, и въ каждомъ ручейкѣ. Изъ открытыхъ чашечекъ цвѣтовъ поднимались къ нимъ на встрѣчу облака благоуханій; замирающая трель соловья сливалась съ легкихъ звономъ лилій, ландышей и колокольчиковъ, а они неслись все дальше, дальше, прекраснѣе, чѣмъ грезы поэта, чище, чѣмъ царственная лилія, блаженнѣе, чѣмъ боги на Олимпѣ.

Чуть слышно долетѣвшій съ земли призывъ прервалъ ихъ ласки.

— Ты слышишь, Сказка, насъ зовутъ, зовутъ тебя и меня!—прошепталъ Идеалъ.

— Да, зовутъ люди, бѣдные, смертные дѣти земли. Они стремятся къ тебѣ, потому что ты—побѣда надъ смертью, надъ ихъ самымъ страшнымъ, всесильнымъ врагомъ, а отъ меня они ждутъ поцѣлуевъ, приносящихъ имъ забвенье, блаженство и грезы.

— Полетимъ-же скорѣе къ нимъ, подѣлимся съ ними нашимъ счастьемъ!

— О нѣтъ, Жизнь сказала, что люди безжалостны и жестоки, что они могутъ убить тебя.

— Сказка, моя чудная Сказка, ты сама говоришь, что я—побѣда надъ смертью, я не боюсь ея, я самъ—безсмертье; летимъ же скорѣе, сжалься надъ ихъ стонами.

Но Сказка боялась, что люди погубятъ ея чудный Идеалъ, и она скрыла его отъ нихъ дымкой своего плаща.

И полетѣли они на страстные призывы жалкихъ, тоскующихъ людей, и стала Сказка дарить имъ поцѣлуи и только что распустившіеся отъ ея ласкъ цвѣты, а сквозь легкую дымку ея плаща сквозилъ небесный образъ Идеала. Поэты, художники, пѣвцы, ваятели создавали чудныя произведенія искусства; на землѣ насталъ золотой вѣкъ гармоніи, любви и красоты.

Тихо дремала Сказка, упоенная молодою любовью.

Вдругъ налетѣла буря, скалы застонали, волны съ ужасомъ ударились о крутые берега, вѣковыя деревья склонились гордыми вершинами къ самой землѣ, небеса потемнѣли, птицы перестали пѣть, вся природа замерла, только зловѣщій стонъ пронесся по землѣ.

„Умеръ идеалъ, умеръ!
Убили люди идеалъ!
Горе, горе убійцамъ“!

Обезумѣла Сказка, не повѣрила. Взмахнула крыльями и полетѣла къ людямъ. Весело у нихъ, радостно! Не слышно ни скорби, ни жалобъ. Весело сбираются на площадяхъ, весело шумятъ словно празднуютъ побѣду. И слышитъ Сказка: „Давно пора было убить этотъ скучный идеалъ и создать новый, красивый, нарядный, изъ золота и самоцвѣтныхъ камней. Не надо намъ ни сладкихъ грезъ, ни упоительныхъ обмановъ, ни поцѣлуевъ Сказки. Мы прогонимъ и ее или оставимъ ее дѣтямъ: пусть ихъ забавляетъ своими пѣснями и цвѣтами, цѣлуетъ и баюкаетъ, сколько хочетъ“.

Хотѣла Сказка ихъ проклясть, да не сумѣла.

А убитый Идеалъ лежалъ въ грязи, осмѣянный, затоптанный, поруганный.

Упала Сказка на прекрасный трупъ,—и въ первый разъ жгучія слезы струей полились изъ вѣчно сіявшихъ ея очей.

Вспомнила Сказка, какъ пробуждала она отъ ледяного сна прекраснаго друга, стала цѣловать его въ мертвыя очи, въ поблѣднѣвшія уста, стала брызгать росой съ душистыхъ своихъ цвѣтовъ, а ручьи ея слезъ смывали съ мертваго лица грязь, кинутую жалкими, жестокими людьми.

Но не оживалъ Идеалъ.

Тогда Сказка завернула его въ свой плащъ-дымку и быстрѣе мысли понесла его къ Жизни.

Горестно взглянула Жизнь на трупъ Идеала, на помертвѣвшую отъ отчаянья Сказку, но не въ силахъ была бороться съ неумолимой Смертью.

Digitized by Google

Еще быстрѣе полетѣла Сказка и положила мертваго друга у престола царственной, всесильной Смерти.

— Пощады, пощады!—взмолилась она, но не дрогнуло желѣзное лицо Смерти.

—Такъ убей-же и меня! Зачѣмъ я жива, когда онъ убитъ!—молила Сказка.

Но Смерть была неумолима.

Тогда Сказка рѣшила навѣки остаться въ царствѣ Смерти, чтобы держать въ объятіяхъ тѣло прекраснаго друга. Рѣкой лились изъ ея глазъ слезы, и каждый цвѣтокъ изъ пышнаго снопа, на который падала жгучая слеза Сказки. становился *чернымъ*.

Не долго прожили люди безъ Сказки. Снова стали они звать ее, и ихъ жалобные крики доносились до Царства Смерти.

Но Сказка не шла къ нимъ.

Тогда Жизнь, сжалившись надъ дѣтьми земли, прилетѣла за ней сама и стала звать съ собой въ свое царство.

Но Сказка не шла. Она обливала слезами трупъ Идеала и старалась согрѣть его поцѣлуями. Тогда Жизнь взяла сама душистый снопъ изъ рукъ Сказки и понесла его въ утѣшеніе людямъ.

Но всѣ цвѣты стали черными, роса на нихъ дрожала слезами, ихъ ароматъ будилъ страшныя мысли, гнетущіе кошмары, кровавые сны.

И снова Жизнь прилетѣла за Сказкой. Люди звали ее, молили вернуться, жаждали ея поцѣлуевъ, ея цвѣтовъ, они снова ее *любили*.

Но Сказка только тѣснѣе прижалась къ трупу, еще горячѣе стали ея слезы, съ новой мольбой поднялись къ престолу Смерти прекрасные глаза.

И совершилось чудо.

Дрогнуло каменное сердце Смерти: впервые увидала она такую тоску, такую любовь.

И сказала Смерть: „я отдамъ его Жизни и тебѣ, если люди захотятъ, чтобы онъ снова вернулся къ нимъ. Знай, что каждый страстный призывъ съ земли къ Идеалу будетъ отогрѣвать его сердце, но каждое донесшееся проклятіе снова будетъ возвращать его ко мнѣ!

Загорѣлся надеждой лучистый взглядъ Сказки, и она полетѣла на землю. Снова расцвѣлъ въ ея рукахъ радужный снопъ цвѣтовъ, снова стала разсыпать она алыя розы и снѣговыя дѣвственныя лиліи и дарить людямъ свои поцѣлуи, а сама трепетно слушала, слушала... И всякій разъ, какъ до ея чуткаго слуха доносилось проклятіе Идеалу, тяжелыя жгучія слезы падали изъ ея скорбныхъ очей на пышный, радужный снопъ, и распускались у нея въ рукахъ *черные* цвѣты, цвѣты разочарованія, тоски, ужаса, преступленій...

И всякій разъ, какъ чудотворный поцѣлуй Сказки, проникнувъ въ сердце чуткаго избранника, заставлялъ его взывать къ Идеалу и манить за собою толпу на служеніе ему,--чудные яркіе цвѣты оживляли пышный снопъ въ рукахъ Сказки, и теплая струя жизни вливалась въ холодный трупъ убитаго людьми Идеала.

М. Оленина.

Digitized by Google

Близкая осень.

Иду я полями... Пустынно вокругъ...
Угрюмо щетинятся сжатыя нивы,
Печаленъ безжизненный, скошенный лугъ
Невеселы струекъ рѣчныхъ переливы.

Въ листвѣ, потускнѣвшей отъ знойныхъ лучей.
Все чаще встрѣчаю пурпурные блики...
Я чувствую холодъ дождливыхъ ночей,
Я слышу пернатыхъ прощальные крики.

Свинцовыя тучи по небу скользятъ,
Пророчатъ мнѣ горе, пророчатъ ненастье...
Минувшіе дни не вернутся назадъ,
Назадъ не вернется прошедшее счастье.

И въ сердцѣ невольно родится тоска,
Туманя о прошломъ завѣтныя грезы...
Мнѣ скучно и холодно: осень близка,
О ней мнѣ твердятъ, умирая, березы.

С. Ѳедоренко.

Digitized by Google

Хименесъ.

Историческій романъ ЖАНА БЕРТЕРОЙ.

(Продолженіе).

Глава VI.

Избавившись на время отъ своихъ многосложныхъ государственныхъ работъ, Хименесъ рѣшилъ осуществить задуманный имъ для большаго прославленія Испаніи и ея короля африканскій походъ. При этомъ онъ совсѣмъ не разсчитывалъ на признательность и благодарность Фердинанда: характеръ того былъ уже хорошо знакомъ ему, кромѣ того, у него были предъ глазами ужасные примѣры Колумба, только что окончившаго жизнь въ бѣдности и забвеніи, и великаго Сида Ганзальве де Карду, заподозрѣннаго въ измѣнѣ, не смотря на его безграничную преданность королевскому дому, смѣщеннаго изъ вицекоролей Неаполя и содержащагося теперь подъ строжайшимъ надзоромъ въ жестокой опалѣ. Не смотря на это, пылкій патріотъ-проповѣдникъ рѣшилъ немедленно приступить къ походу на Африканское прибрежье. Даже мысль стать во главѣ войска не пугала его: вѣдь, и самъ Папа Юлій II подавалъ примѣръ воинскихъ доблестей, лично стоя во главѣ войскъ Италіи.

Однако, одному нельзя было управиться со всѣмъ; необходимо было подыскать опытныхъ, свѣдующихъ въ морскомъ дѣлѣ помощниковъ. Одинъ такой помощникъ былъ подъ руками Хименеса. Это — Жеромъ Віанелли, хорошо знакомый съ Африканскимъ побережьемъ и его мусульманскимъ населеніемъ. По взаимному соглашенію съ нимъ было рѣшено начать военныя дѣйствія съ взятія города Орана, этой новой Гренады, воздвигнутой изгнанными маврами въ прекраснѣйшей мѣстности на возвышенности. Этимъ городомъ было легко завладѣть, если предварительно овладѣть его большимъ торговымъ портомъ, Меръ-эль-Кэбиръ, отстоявшимъ всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Орана. Въ этомъ-то портѣ и рѣшено было высадиться.

Но какъ ни искусенъ и опытенъ въ военномъ дѣлѣ былъ Віанелли, все-же одного его было мало; да и кастильская гордость солдатъ крайне бы оскорбилась, если бы они уви-

Digitized by Google

дѣли во главѣ ихъ *чужого* (Віанелли былъ венеціанецъ).

Нужно было подыскать еще другого,—и Хименесъ, послѣ нѣкотораго размышленія, остановился на нѣкоемъ Пьерѣ Наварре. Это былъ человѣкъ непреклонной воли и беззавѣтной храбрости, отважный и спокойный, умѣвшій повелѣвать и собою и другими. Онъ раньше былъ корсаромъ, потомъ служилъ въ королевскихъ войскахъ.

Хименесъ пригласилъ его къ себѣ и съ первыхъ же словъ рѣшилъ сдѣлать своей правой рукой, довѣривъ ему командованіе арміей, какъ только она высадится на берегъ, когда Віанелли введетъ военный флотъ Испаніи въ портъ Меръ-эль-Кэбиръ.

Не довольствуясь этими помощниками, Хименесъ заручился еще содѣйствіемъ своего пламеннаго приверженца Зегри. Послѣдній смотрѣлъ на задуманную кардиналомъ экспедицію, какъ на своего рода Крестовый походъ и, желая доставить своимъ собратьямъ, даже цѣною ихъ собственной жизни, вѣчное блаженство рая, готовъ былъ тѣломъ и душой содѣйствовать своему другу. Черезъ его посредство Хименесъ завязалъ сношенія съ двумя изъ крупнѣйшихъ гражданъ города Орана—мусульманиномъ Ахметомъ Аканиксъ и евреемъ Каторръ, которымъ было обѣщано, что во время разграбленія города ихъ дома останутся нетронутыми; кромѣ того, оба они получатъ крупное вознагражденіе за свое содѣйствіе при взятіи города.

Обезпечивши такимъ образомъ насколько возможно успѣхъ своего предпріятія, Хименесу оставалось только заручиться согласіемъ короля Фердинанда, которое онъ, наконецъ, вырвалъ у него подъ условіемъ, что онъ, кардиналъ Хименесъ, доставитъ средства на военные расходы и, только въ случаѣ удачнаго окончанія войны, всѣ затраты будутъ возвращены ему королемъ. Откуда же у самого Хименеса очутились средства? За всѣ эти годы онъ почти не трогалъ своихъ громадныхъ доходовъ, и всѣ они цѣликомъ накоплялись въ церковныхъ хранилищахъ. Эти деньги онъ теперь не задумываясь отдавалъ на нужды войны. Кромѣ того онъ издалъ воззваніе ко всѣмъ церквамъ и приходамъ Испаніи, ко всѣмъ городамъ, которые любили его за то, что онъ всегда отстаивалъ ихъ права. И всѣ откликнулись, такъ что вскорѣ архіепископъ Толедскій былъ въ состояніи располагать даже большими средствами, чѣмъ самъ король. Съ другой стороны, молодое дворянство, еще не зараженное партійнымъ духомъ, съ готовностью вступило въ ряды арміи, изъ врожденной у испанцевъ жажды славы и подвиговъ. Шестнадцать тысячъ добровольцевъ явились сами на призывъ Хименеса, и во главѣ ихъ встали Хуанъ Спиноза и графъ Альтамира.

Общій порывъ патріотизма охватилъ всѣхъ, и впервые дворяне, мѣщане или горожане и простой народъ шли рука объ руку къ одной общей цѣли. Въ числѣ добровольцевъ оказался и молодой Гонзалесъ, обрученный женихъ Нины.

Глава VII.

Хименесъ со всѣмъ войскомъ прибылъ въ Картагену, но еще съ полъпути отпустилъ Віанелли и Наварре впередъ въ Малагу, чтобы привести оттуда флотъ въ Картагену. Онъ разсчитывалъ, что такимъ образомъ можно будетъ, не теряя времени, сѣсть на суда. Но вотъ уже прошло двѣнадцать дней, а флотъ все еще не прибывалъ. Чтобы не дать солдатамъ расхолаживаться отъ бездѣйствія, Хименесъ вдругъ объявилъ, что самъ, не дожидаясь Новарре, сдѣлаетъ смотръ войскамъ, и приказалъ графу Альтамира и Спинозѣ собрать войска для смотра на слѣдующій день къ полудню.

Digitized by Google

Въ назначенный день и часъ архіепископъ на породистомъ конѣ объѣхалъ войска и затѣмъ пропустилъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ мимо себя. И внѣшнимъ видомъ, и настроеніемъ въ войскахъ онъ остался совершенно доволенъ. Какою грозной все же силой являлось это гордое испанское дворянство; оно сражалось, не получая за то никакого вознагражденія, просто изъ-за чести, но при этомъ, конечно, не стѣснялось устраиваться такъ, чтобы и имъ, и ихъ мелкимъ вассаламъ воевать было и прибыльно, и почетно.

Между тѣмъ судовъ все еще не было видно. Спиноза, подозрѣвая какую-нибудь измѣну, отправился въ Малагу, чтобы разузнать причину замедленія. Здѣсь онъ узналъ, что Наварре вмѣсто того, чтобы идти съ флотомъ въ Картагену, пользовался судами для разбойничанія въ Гибралтарѣ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до кардинала, онъ немедленно отправилъ приказаніе Спинозѣ, не теряя ни минуты, привести флотъ въ Картагену, не смотря на сопротивленіе Віанелли и Наварре. Такъ какъ флотъ этотъ былъ снаряженъ на личныя средства кардинала, то онъ имѣлъ полное право распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію.

Спиноза былъ человѣкъ энергичный и спустя недѣлю привелъ весь флотъ въ составѣ восьмидесяти транспортовъ и десяти громадныхъ боевыхъ судовъ, не считая мелкихъ галеръ и шлюпокъ, въ Картагенскую гавань. Теперь, казалось, ничто болѣе не препятствовало благополучному отправленію арміи, но на слѣдующій день въ войскахъ вдругъ обнаружилось недовольство, быстро перешедшее въ открытый бунтъ. Значительная часть арміи отказывалась сѣсть на суда прежде, чѣмъ не получитъ обѣщаннаго содержанія изъ рукъ своихъ начальниковъ. Всѣ наемники, а также значительная часть милиціи удалились на высокій холмъ и, потрясая въ воздухѣ своими пиками и мушкетами, громкими криками и неистовымъ шумомъ выражали свое недовольство.

— Пусть онъ намъ заплатитъ, этотъ монахъ! Мы знаемъ, что онъ достаточно богатъ, чтобы заплатить даже вдвое больше!

Услышавъ это, Хименесъ понялъ, что этотъ внезапный бунтъ являлся слѣдствіемъ какихъ-то новыхъ козней, предательства и измѣны, что солдаты бунтовали не сами по себѣ, а подстрекаемые кѣмъ либо изъ старшихъ. Поэтому, призвавъ Спинозу, онъ поручилъ ему вступить въ переговоры съ бунтовщиками и развѣдать, кто заронилъ среди нихъ первую искру возмущенія.

Оказалось, что агитаторами были агенты тѣхъ же враговъ Хименеса, герцога Альбы и другихъ. Нужно было дѣйствовать немедленно, иначе бунтъ грозилъ разрушить всѣ планы.

Но тутъ-то и сказался великій умъ Хименеса и его способности повелѣвать людьми. Наварре и Віанелли онъ сумѣлъ пристыдить, такъ что тѣ съ клятвою обѣщали ему полное повиновеніе, а солдатъ успокоилъ горячею, энергичною рѣчью.

— Солдаты,—говорилъ онъ,—существуютъ не для того, чтобы предписывать законы, а чтобы исполнять предписанія. Васъ созвали, чтобы сражаться, а не для того, чтобы бунтовать. Съ вами будутъ поступать по справедливости, но отнюдь не по вашему желанію!

Всѣ слушали въ глубокомъ молчаніи, невольно сознавая, что этотъ тощій монахъ умѣлъ повелѣвать людьми, и что на его справедливость можно положиться, но никакихъ уступокъ ожидать отъ него нельзя.

Вдругъ изъ толпы раздался слабый крикливый голосокъ, нагло воскликнувшій:

— Мы требуемъ не рѣчей, а денегъ! На что намъ эти рѣчи?!

Digitized by Google

Хименесъ зоркимъ взглядомъ окинулъ тѣсные ряды солдатъ, и въ глаза ему бросилась тщедушная фигурка знакомаго ему портного изъ Алькала де Хенаресъ, которому всегда покровительствовалъ Бернардэнъ.

Обратившись къ стоявшему позади его Спинозѣ, Хименесъ произнесъ спокойно:

— Повѣсить его сейчасъ!

Двое солдатъ немедленно схватили портного и вздернули —тутъ же на одиноко стоявшемъ посреди долины деревѣ, на глазахъ у всѣхъ.

Не обративъ на это никакого вниманія, кардиналъ продолжалъ свою рѣчь недрогнувшимъ голосомъ, а закончивъ ее, спокойно объѣхалъ ряды войскъ въ сопровожденіи Спинозы и графа Альтамира.

Затрещали барабаны,—и показалось человѣкъ 40 въ ливреѣ кардинала, съ тяжелыми мѣшками, увитыми зелеными гирляндами, направляясь къ пристани. Спиноза, выѣхавъ передъ фронтомъ, объявилъ войскамъ, что въ этихъ мѣшкахъ содержатся деньги, предназначенныя для раздачи имъ, какъ только суда выйдутъ изъ гавани въ открытое море. Услышавъ это, не дожидаясь команды, солдаты кинулись къ судамъ съ радостными криками, заявляя, что всѣ они вѣрятъ кардиналу и пойдутъ за нимъ, куда онъ прикажетъ.

Послѣ всѣхъ сѣлъ на свой корабль Хименесъ.

Изъ всѣхъ, кто бунтовалъ по утру, отказываясь садиться на суда и слѣдовать за кардиналомъ, теперь въ долинѣ не оставалось ни одного, кромѣ задорнаго маленькаго портного, безпомощно болтавшагося на суку.

Благодаря попутному вѣтру и благопріятной погодѣ испанскій флотъ ровно черезъ сутки, т. е. на другой день вечеромъ былъ уже ввиду Меръ-эль-Кэбира. Такое быстрое и благополучное плаваніе произвело самое благопріятное впечатлѣніе на армію. Суевѣрные до крайности испанскіе солдаты видѣли въ этомъ счастливое предзнаменованіе, и среди нихъ распространился слухъ, что „кардиналъ держитъ вѣтры въ своемъ рукавѣ“, и съ такимъ вождемъ имъ нечего опасаться.

Ночь надвигалась темная, и между Віанелли и Наварре завязался горячій споръ относительно того, слѣдуетъ-ли теперь же войти въ портъ и высадить войска или же отложить то и другое до завтра.

Мавры замѣтили приближеніе испанскаго флота, и на вершинахъ всѣхъ высотъ задымились громадные костры. Эти костры предупреждали мавровъ объ опасности и призывали ихъ къ оружію.

Віанелли утверждалъ, что въ такую темную ночь высадка является безуміемъ, такъ какъ входъ въ гавань загражденъ множествомъ скалъ и утесовъ, на которые легко можетъ наскочить судно; кромѣ того, такое множество судовъ, стѣснившись въ тѣсномъ проходѣ, рисковали разбиться одно объ другое. Наварре же настаивалъ на томъ, что испанцы необходимо должны опередить мавровъ, что весь успѣхъ похода зависитъ отъ поспѣшности ихъ высадки, которая должна совершиться раньше, чѣмъ мавры успѣютъ занять побережье и воспрепятствовать ихъ высадкѣ.

Спиноза, слышавшій ихъ споръ, поспѣшилъ предупредить Хименеса. Призвавъ на совѣтъ Зегри, своего самаго довѣреннаго друга, Кардиналъ, вмѣстѣ съ нимъ и Спинозой направился къ спорящимъ и, не давъ имъ времени представить свои основанія, прямо заявилъ:

— Наши суда войдутъ сегодня въ портъ, и отвѣтственность за это распоряженіе я принимаю всецѣло на себя! Лучше рисковать тѣмъ, что пострадаетъ или потонетъ пара галіонъ, чѣмъ подвергнуть себя риску неудачъ на первыхъ же порахъ.

И, не теряя ни минуты, онъ при-

Digitized by Google

казалъ поднять сигналъ на своемъ кораблѣ.

Какъ бы благопріятствуя его желанію, луна вдругъ выглянула изъ-за тучъ и освѣтила мягкимъ ровнымъ свѣтомъ всю бухту и входъ въ гавань. И это чисто случайное совпаденіе были принято суевѣрными испанцами за явное благоволеніе неба къ начинаніямъ Кардинала и за доброе предзнаменованіе.

Первыми высадались графъ Альтамира и Наварре, которые тутъ же стали выстраивать своихъ людей батальонъ за батальономъ и, эскадронъ за эскадрономъ по мѣрѣ того, какъ тѣ сходили на берегъ.

Артиллерія также была свезена на берегъ, а на судахъ оставалась только та часть тяжелой артиллеріи, которая предназначалась для бомбардировки города Орана со стороны моря, когда испанскія войска будутъ аттаковать его съ суши.

Послѣдній галіонъ скрывался уже за мысомъ, когда первые лучи восхода озолотили востокъ, и испанцы увидѣли Мавровъ. Ихъ было очень много и всѣ они направлялись къ берегу, увѣренные въ томъ, что еще успѣютъ помѣшать высадиться испанцамъ и не допуская мысли, чтобъ тѣ рѣшились войти въ гавань ночью.

Когда же имъ предстало громадное море штыковъ и копій, они остановились и нѣкоторое время совѣщались; ихъ вожди, адалиды, озадаченные въ первую минуту такимъ внезапнымъ появленіемъ испанцевъ, быстро измѣнили свой планъ дѣйствій. Не прошло получаса, какъ бѣлыя покрывала мавровъ затопили высоты Джебель-Мурджаджо. Это была великолѣпная позиція; теперь испанцамъ оставалось или штурмомъ взять ее или же подъ градомъ непріятельскихъ пуль прослѣдовать низомъ долиной мимо нея.

Хименесъ, зная духъ испанскаго солдата, приказалъ идти въ аттаку. Торжественно благословивъ войска, онъ сказалъ краткую рѣчь, сильно воодушивившую солдатъ, закончивъ ее увѣреніемъ, что самъ Господь обѣщаетъ имъ побѣды, такъ какъ это борьба изъ-за торжества Креста надъ невѣрными.

Со свойственной испанскому характеру смѣлостью и неустрашимостью грозная пѣхота Наварре пошла на приступъ и вскорѣ достигла вершины высотъ Джебель-Мурджаджо, не смотря на безпрерывный огонь мавровъ. Сопротивленіе послѣднихъ было сломлено. Тѣмъ временемъ Испанскій флотъ бомбардировалъ ихъ цитадель Алькасбу, къ удивленію оттуда никто не отвѣчалъ на эти непріятельскіе выстрѣлы. Дѣло въ томъ, что Ахметъ Аканиксъ и Каторръ, подкупленные кардиналомъ, успѣли въ свою очередь подкупить Седріуса, коменданта цитадели. Послѣдній давно уже былъ тайнымъ католикомъ и считалъ даже насильственное обращеніе своихъ согражданъ за величайшее для нихъ благо, а потому не видѣлъ грѣха въ своемъ предательствѣ.

Долго длилась мучительная неизвѣстность относительно исхода битвы на высотахъ Джебеля. Но вотъ внизу въ долинѣ показался отрядъ, несущійся во весь опоръ къ воротамъ города. То были испанцы. Каторръ встрѣтилъ ихъ у воротъ и вручилъ графу Альтамира ключи отъ города.

— Городъ не можетъ защищаться, —заявилъ графъ своимъ эскадронамъ,—грабьте, сколько хотите, только три дома, отмѣченные бѣлымъ крестомъ, должны остаться не прикосновенны, и всякій, кто тронетъ хоть пальцемъ что либо въ этихъ домахъ, будетъ преданъ мести самого кардинала!

Затѣмъ, обратившись къ Каторру, Альтамира презрительно крикнулъ ему:

— Убирайся отсюда, собака жидъ, и не попадайся мнѣ на глаза: Альтамира не терпятъ предателей и измѣнниковъ!—съ этими словами онъ галопомъ въѣхалъ въ городъ,

Digitized by Google

вызызая безумную панику въ жителяхъ города.

Вскорѣ христіанскія знамена стали развѣваться на стѣнахъ города и цитадели, а побѣдители, опьяненные своимъ легкимъ успѣхомъ, безъ разбора кололи, рѣзали и убивали все живое, что имъ попадалось на глаза. Рѣки крови текли вдоль улицъ, груды труповъ преграждали дорогу. Вскорѣ подоспѣла и пѣхота, уничтожившая защитниковъ города на Джебелѣ, и приняла участіе въ той же кровавой потѣхѣ.

Наварре и Спиноза тоже не теряли времени: всю ночь грабили они дома богачей, и только съ разсвѣтомъ Спиноза выѣхалъ на встрѣчу Хименеса, оставшагося на своемъ суднѣ и прибывшаго теперь изъ Меръ-эль-Кибира, чтобы вступить въ покоренный городъ. Зная, что Хименесъ мечталъ обратить жителей въ христіанство, Наварре опасался теперь, что, допустивъ почти поголовное избіеніе всего населенія города, онъ этимъ возбудитъ противъ себя гнѣвъ кардинала; поэтому отдалъ приказаніе прибрать тѣла и согнать ручьи крови, чтобы представить Хименесу городъ мирно пробуждающимся отъ сна, прибраннымъ и чистымъ.

ГЛАВА VIII.

Но въ то время, когда кардиналъ Хименесъ открывалъ для Испаніи обширное поле завоеваній, его враги въ Испаніи не дремали: слава Хименеса не давала спать Педро Жирону,—и онъ измыслилъ, наконецъ, средство посрамить стараго кардинала. Черезъ бракъ Нины съ герцогомъ Мендоза Хименесъ втирался въ семью высшаго дворянства Испаніи. Но если-бы удалось разстроить этотъ бракъ, разстроить съ шумомъ и скандаломъ, то послѣдняя связь кардинала съ дворянствомъ была бы порвана навсегда. ОтсутствіеХименеса бл агопріятствовало коварнымъ замысламъ стараго интригана, который для того, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, избралъ себѣ въ союзники ловкаго, хитраго и коварнаго Барракальде, постоянно являвшагося главнымъ пособникомъ во всякаго рода интригахъ.

Оказалось, что Дедро-Жиронъ не ошибся въ своемъ выборѣ, и едва успѣлъ онъ намекнуть Барракальде о своемъ подозрѣніи относительно безусловной вѣрности Нины молодому Гонзалесу, какъ тотъ сообщилъ за достовѣрное, что племянница Хименесъ любитъ молодого художника Беррюгете. Разсказалъ, какъ молодые люди видѣлись ежедневно въ соборѣ, гдѣ Барракальде постоянно слѣдилъ за ними съ хоръ,—какъ однажды они назначили другъ другу свиданіе у моста Св. Матэна, но съ тѣхъ поръ, какъ Нина попрощалась со своимъ нарѣченнымъ, молодые влюбленные перестали видѣться; Нина заперлась съ своей комнатѣ и не выходитъ никуда. Беррюгете томится, бродитъ по улицамъ Толеды и простаиваетъ по цѣлымъ часамъ у моста Св. Мартэна, въ надеждѣ увидѣть Нину, но все напрасно! Очевидно, скульптору неизвѣстно, ни кто та дѣвушка, которая завладѣла его сердцемъ, ни гдѣ она живетъ. Сама же Нина цѣлые дни просиживаетъ у окна своей комнаты, склонивъ головку надъ книгой или рукодѣльемъ.

— Но какъ вы можете знать всѣ эти мельчайшія подробности жизни молодой дѣвушки?—спросилъ Педро Жиронъ, выслушавъ до конца разсказъ своего собесѣдника.

— Это весьма не трудно!—отвѣчалъ послѣдній, и подойдя къ широму французскому окну своей комнаты, онъ отдернулъ красную шелковую занавѣсъ и указалъ рукой на ту сторону улицы.

— А-а!—воскликнулъ его гость,— теперь я понимаю!

Тамъ, какъ разъ окна противъ оконъ, въ голубой комнатѣ, уставленной цвѣтами, сидѣла Нина, склонясь надъ рукодѣльемъ. Улица въ этомъ мѣстѣ была такъ узка,

Digitized by Google

что, кажется, можно было бы протянуть другъ другу руку изъ окна одного дома въ другой. Все, что происходило въ голубой комнатѣ, было видно здѣсь, какъ на ладони!

Педро Жиронъ сейчасъ же сообразилъ, насколько важно для его цѣлей это открытіе.

Чтобы вызвать скандалъ, нужно было свести молодыхъ людей, а чтобы свести ихъ, достаточно изъ окна показать молодому художнику его возлюбленную.

Сказано — сдѣлано. Берракальде, подъ предлогомъ работъ въ церкви, вызвалъ въ комнату Беррюгете и здѣсь какъ бы случайно заставилъ его подойти къ окну.

Планъ удался. Истомившійся юноша немедленно бросился къ жилищу возлюбленной и съ этого дня сталъ ежедневно являться туда, очевидно, добиваясь свиданія съ ней, Но въ теченіе цѣлой недѣли всѣ его старанія были напрасны. Но вотъ однажды молодой скульпторъ, за которымъ неотступно слѣдилъ Барракальде, дольше обыкновеннаго задержался въ „patio“ (внутренній дворъ) стариннаго дома и, наконецъ, вышелъ на улицу, сжимая въ рукѣ запечатанный конвертъ.

— Ну, на этотъ разъ вы мнѣ попались!—воскликнулъ Барракальде, увѣренный, что Нина назначила скульптору свиданіе на этотъ вечеръ, у моста Св. Мартэна.

Надо было тотчасъ-же предупредить Педро - Жиронъ и заранѣе приготовить свидѣтелей, которые могли-бы оффиціально подтвердить непристойность поведенія Нины и вынудить герцога Инфайтадо рѣзко порвать всякія сношенія съ Хименесомъ.

Барракальде вышелъ изъ дому, чтобы направиться ко дворцу Педро-Жиронъ, когда слухъ его поразилъ торжественный звонъ колоколовъ, оглашавшій воздухъ своими величественными звуками. Эти колокола встревожили Барракальде; такой звонъ возвѣщалъ въѣздъ въ городъ или самого короля, или же Архіепископа Толедскаго. Но, вѣдь, послѣдній находился въ Африкѣ. Барракальде поспѣшно направился къ Архіепископскому дворцу; весь дворъ былъ полонъ собравшимися монахами; дѣйствительно, Его Высокопреосвященство ожидали съ минуты на минуту.

Барракальде кинулся теперь къ Педро де Жиронъ, но не засталъ его дома, такъ какъ тотъ, согласно искони установленному обычаю, долженъ былъ сѣсть на боевого коня и выѣхать навстрѣчу Архіепископу, какъ всякій дворянинъ, находящійся въ данный моментъ на территоріи Его Высокопреосвященства. Тогда и самъ Барракальде поспѣшилъ навстрѣчу торжественнаго шествія, разсчитывая изъ разговоровъ и толковъ въ толпѣ узнать причины столь внезапнаго возвращенія Хименеса. Но толпа была до того возбуждена и такъ громко ликовала, радуясь возвращенію Архіепископа, что никто не имѣлъ охоты вступать въ разговоры съ любопытнымъ Барракальде. Военные трофеи, привезенные Хименесомъ съ театра войны, и особенно красное знамя мавровъ, украшенное золотымъ полумѣсяцемъ, возбуждали неистовый восторгъ толпы, громко привѣтствовавшей своего Архіепископа на всемъ, протяженіи его пути.

На другой день послѣ пріѣзда своего въ Толедо Хименесъ пожелалъ видѣть свою племянницу, чтобы сообщить ей, что, съ благопріятнымъ окончаніемъ похода, настаетъ спокойное время,—и можно подумать о свадьбѣ.

Къ удивленію, дѣвушка съ плачемъ повисла у него на шеѣ, заявивъ, что не не любитъ жениха, а любитъ другого. Хименесу не стоило большого труда вызвать ее на откровенность и узнать полную правду.

Успокоивъ племянницу, кардиналъ, хотя и глубоко огорченный разстройствомъ своихъ плановъ, сѣлъ къ столу и тутъ же написалъ

Digitized by Google

письмо Гонзалесу, въ которомъ заявлялъ ему со всевозможной бережностью, что по нѣкоторымъ причинамъ, которыя не считаетъ возможнымъ назвать, онъ вынужденъ отказаться отъ чести породниться съ родовитой фамиліей Мендоза и проситъ сообщить о томъ Герцогу Инфантадо, котораго считаетъ однимъ изъ главнѣйшихъ столповъ Толедской церкви и всякаго праваго дѣла.

Затѣмъ Хименесъ написалъ и Беррюгете, увѣдомляя его, что дѣвушка, сердцемъ которой онъ такъ упорно старался овладѣть, никто иная, какъ его племянница, и что поступокъ его заслуживаетъ, конечно, строжайшаго наказанія, но снисходя къ его несомнѣнному таланту, который онъ можетъ посвятить прославленію Бога, ему предписывается немедленно вернуться въ Италію и оставаться тамъ, пока онъ снова не будетъ призванъ въ Толедо для окончанія начатыхъ имъ въ Соборѣ работъ.

Не прошло часа времени послѣ отправленія этихъ писемъ, какъ во дворъ Архіепископскаго дома съ шумомъ и грохотомъ въѣхалъ экипажъ герцога Инфантадо.

На требованія герцога представить объясненія, почему Архіепископъ бралъ назадъ данное слово, Хименесъ отвѣчалъ, что другихъ объясненій, кромѣ тѣхъ, которыя изложены въ его письмѣ, онъ не можетъ представить!

— А, понимаю,—вскричалъ разгнѣванный герцогъ.— Вы отказываетесь, такъ какъ *это теперь* не входитъ въ ваши планы. Понимаю! Теперь я прозрѣлъ. Была минута, когда я думалъ, что солнце вашего могущества готово было затмить блескъ нашихъ славныхъ гербовъ, и мечталъ сочетать судьбу „parvenu“ съ многовѣковой славой громкаго имени Мендоза. Я отдѣлился отъ своихъ и отказался участвовать во всѣхъ ихъ замыслахъ противъ васъ. Теперь я снова возвращаюсь къ нимъ, такъ какъ никто изъ нихъ никогда не нарушилъ даннаго слова. А король Фердинандъ и кардиналъ Хименесъ не могутъ сказать о себѣ того-же!

Съ этими словами герцогъ Инфантадо вышелъ отъ Архіепископа.

Глава IX-я.

Никто въ Испаніи не зналъ настоящей причины, побудившей Архіепископа Толедскаго вернуться такъ внезапно изъ дѣйствующей арміи. Въ сущности, его побудилъ къ этомъ слѣдующій случай: зная, что оставляетъ за собой множество недруговъ и недоброжелателей, зная по опыту, что противъ него всегда были готовы пустить въ дѣло самыя подлыя предательскія мѣры. Хименесъ отдалъ приказаніе съ самаго начала кампаніи препровождать всѣ письма, направленныя въ дѣйствующую армію, лично ему. Такимъ образомъ въ его руки попало и письмо короля Фердинанда къ Наварре. Старый король, допустившій Колумба умереть въ бѣдности и забвеніи и томившій строжайшею опалой добластнаго Сида Гонзальве, теперь писалъ Наваррэ:

„Задержите старика тамъ, въ Оранѣ, и постарайтесь не допустить его вернуться вскорѣ въ Испанію. Надо использовать и его личное вліяніе, и его капиталы, какъ можно лучше. Позабавьте его чѣмъ-нибудь въ Оранѣ, а въ крайнемъ случаѣ придумайте какой нибудь новый походъ или завоеванія!“

Это собственноручное письмо короля Фердинанда побудило архіепископа немедленно вернуться въ Толедо, предварительно устроивъ все во вновь завоеванной имъ странѣ.

Тотчасъ по возвращеніи онъ призвалъ своего казначея Діего-Лопесъ Ахала и приказалъ ему составить подробные счета всего, что было потрачено заимообразно кардиналомъ на Африканскую войну. Счета эти, оказалось, были уже го-

Digitized by Google

товы, такъ какъ Діего-Лопецъ съ самаго начала кампаніи тщательно заносилъ въ книги каждый потраченный на войну грошъ. Общая сумма расходовъ достигала 160,000 дукатовъ. Всѣ эти счета Хименесъ отправилъ къ королю съ просьбой вернуть ему эти деньги, какъ это было ему обѣщано въ случаѣ успѣха. Успѣхъ былъ полный,—и никакихъ законныхъ отговорокъ у короля не было.

Въ это время король со своей молодой женой Жерменой де Фуа пребывалъ въ Сарагоссѣ, столицѣ Арагона, гдѣ молодая королева устраивала рядъ празднествъ à la française, а старый король любезно присутствовалъ на этихъ торжествахъ. Требованіе Хименеса застало короля въ самый разгаръ веселыхъ празднествъ и было встрѣчено негодующимъ протестомъ со стороны молодой королевы; ей поддакнули услужливые царедворцы. Король охотно примкнулъ къ протестующимъ:—вѣдь Хименесъ велъ всю эту войну на свой собственный страхъ; онъ самовольно смѣнялъ и назначалъ военачальниковъ; устанавливалъ свои порядки въ завоеванномъ краѣ и, наконецъ, обогатился военною добычей. Какая-же можетъ быть послѣ того рѣчь о возвращеніи ему расходовъ на эту войну?! Посовѣтовавшись для вида со своими казначеями, Фердинандъ приказалъ отвѣтить кардиналу, что въ настоящее время состояніе государственныхъ финансовъ не позволяетъ уплатить ему требуемыхъ денегъ. Однако, отъ Хименеса не такъ легко было отдѣлаться. Онъ предложилъ королю, если тотъ не въ состояніи уплатить суммы затраченной на войну изъ капиталовъ его епархіи, уступить ему и его преемникамъ, архіепископамъ Толедскимъ, городъ Оранъ и всю вновь завоеванную страну, и тѣмъ покончить всякіе разсчеты.

Но это предложеніе Хименеса вызвало еще больше толковъ и волненій. На него-то Фердинандъ уже никакимъ образомъ не могъ согласиться.

Волей-неволей Фердинанду пришлось уступить. Однако, старый король хотѣлъ поживиться хоть чѣмъ нибудь отъ послѣдняго похода. Войска, учавствовавшія въ этой компаніи, возвращались теперь въ Испанію,—и Фердинандъ приказалъ, чтобы нарочно приставленные для того люди заставляли каждаго солдата выкладывать всю свою долю грабежа—и складывать все это въ кучи, изъ которыхъ одна пятая отбиралась въ казну.

Къ этому побуждала Фердинанда мысль о новомъ завоеваніи: дѣло въ томъ, что въ его теперь обширномъ и съ такимъ трудомъ объединенномъ государствѣ оставалось, словно постороннее тѣло, словно заноза, королевство Наварра, которымъ владѣла его внучатная племянница, принцесса Катерина, и мужъ ея, принцъ Жанъ Д'Альбрэ. Старый король давно выжидалъ случая прибрать къ своимъ рукамъ Наварру,—и вотъ теперь этотъ случай представился. Папа Юлій II разсорился съ королемъ Франціи Людовикомъ XII и желалъ теперь во что бы то ни стало изгнать французовъ изъ Италіи. Но это было не легко, и даже созданная имъ священная лига, въ которую вступили Венеція, Англія и Испанія, не оправдала его надеждъ. При Равеннѣ союзная армія была разбита на голову французами. Тогда грозный папа поразилъ короля и всю Францію отлученіемъ отъ церкви и послалъ пламенное воззваніе къ королю Фердинанду.

Изъ всѣхъ вассаловъ и приверженцевъ Людовика XII ему остался вѣренъ только одинъ король Наваррскій, и Фердинандъ вздумалъ воспользоваться этимъ для своихъ личныхъ цѣлей. Обѣщавъ англійскому королю соединиться съ его флотомъ, онъ наскоро собралъ войско и сталъ настаивать, чтобы король Наварскій разрѣшилъ испан-

Digitized by Google

цамъ пройти черезъ его землю, пропустивъ ихъ, вступить на французскую территорію. Жанъ Д'Альбрэ увѣдомилъ о томъ представителей своего государства, а, пока они обсуждали этотъ вопросъ, слалъ гонца за гонцомъ къ королю Франціи. Но Фердинандъ, не дожидаясь его отвѣта, безъ всякаго предупрежденія вторгнулся въ предѣлы Наварры, и Герцогъ Альба осадилъ Пампелуну. Такой измѣннический образъ дѣйствія старый король оправдывалъ яко-бы попавшимъ въ его руки тайнымъ договоромъ короля Наваррскаго съ королемъ Франціи, въ силу котораго первый обязался нападать на Испанію каждый разъ, когда того потребуютъ интересы Франціи, а Людовикъ XII, съ своей стороны, обѣщалъ уплачивать ему за то извѣстную годовую ренту.

Однако, никто изъ дворянъ не желалъ послѣдовать примѣру Герцога Альба, и всѣ отказались на отрѣзъ завоевывать Наварру. Между тѣмъ Жанъ д'Альбрэ наскоро собралъ войска и со дня на день ждалъ обѣщаннаго подкрѣпленія изъ Франціи съ знаменитымъ Палиси во главѣ. Теперь ужъ Герцогъ Альба начиналъ опасаться и также требовалъ подкрѣпленія, но дворяне упорно отказывались помочь королю въ томъ, что они считали безчестнымъ.

Фердинанду оставалось одно—еще разъ обратиться за помощью и содѣйствіемъ къ Хименесу, вліяніе котораго на все католическое населеніе страны все же было громадно. Хотя со времени завоеванія Орана архіепископъ упорно сторонился отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, но старый король все же рѣшился, наконецъ, написать ему, что проситъ его своимъ словомъ санкціонировать войну, которая казалась нѣкоторымъ изъ его подданныхъ предосудительной.

Дальновидный Хименесъ ничего не отвѣтилъ, а опять прислалъ шута, разодѣтаго въ воинскіе доспѣхи, какъ бы готоваго идти въ одиночку на войну. И опять маневръ подѣйствовалъ: пристыженные гранды рѣшили помочь королю и отправились на театръ военныхъ дѣйствій. А спустя недѣлю пришло извѣстіе, что Пампелуна сдалась, а Жанъ д'Альбрэ бѣжалъ за Пиринеи, оставивъ свое королевство во власти Испанцевъ.

Глава X.

Но послѣднее завоеваніе стараго короля не принесло ему счастья. Достигнувъ апогея своего честолюбія, покоривъ себѣ королевства Гренады, Неаполя и Наварры, онъ съ грустью видѣлъ приближеніе смерти, и мысль, что у него нѣтъ сына, которому онъ могъ-бы завѣщать свои владѣнія, ужасно мучила его. Въ дѣтяхъ своихъ онъ не былъ счастливъ; отъ перваго брака его съ Изабеллой принцъ Донъ Хуанъ умеръ въ 15-лѣтнемъ возрастѣ вслѣдствіе паденія съ лошади; изъ его четырехъ дочерей въ живыхъ оставались двѣ: одна, инфента Катерина, супруга короля Генриха VIII англійскаго, страдала отъ деспотическаго нрава своего мужа, а принцесса Жанна, слывшая по справедливости или же ложно безумной, томилась въ заключеніи въ замкѣ Тордезилласъ. Такимъ образомъ дѣти этой злосчастной женщины являлись единственными законными наслѣдниками Фердинанда.

Женясь на Жермэнѣ де Фуа, старый король надѣялся, что она дастъ ему наслѣдника престола, но по странной случайности сынъ, рожденный ею въ первый же годъ брака, умеръ спустя нѣсколько часовъ по рожденіи. Теперь королю было уже 62 года, и износившійся, истощенный безчисленными кутежами и дебошами организмъ его не позволялъ уже ему надѣяться стать еще разъ отцомъ. Вскорѣ онъ сильно занемогъ.

Доктора утверждали, что онъ можетъ протянуть еще нѣкоторое время.

Digitized by Google

Но самъ король отлично сознавалъ свое положенiе, и его безпокойство и тревога относительно вопроса престолонаслѣдiя возрастали теперь съ каждымъ днемъ.

Эрцгерцогъ Карлъ, старшiй изъ двухъ его внуковъ, родился во Фландрiи и походилъ на покойнаго своего отца, Филиппа; быть можетъ, онъ вздумаетъ разрушить все, что было создано съ такимъ трудомъ королемъ Фердинандомъ,— и эта мысль пугала умирающаго монарха. Инфантъ же Фердинандъ, младшiй, родился въ Испанiи и никогда не покидалъ этой страны; кромѣ того, онъ носилъ имя своего дѣда съ материнской стороны и отличался всѣми чертами характера послѣдняго, за что и былъ любимцемъ Фердинанда. Не смотря на то, что Инфантъ Фердинандъ былъ почти ребенокъ, у него была уже сильная партiя въ Испанiи. Затѣмъ, на долю Карла приходилось и безъ того очень много земель: онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ императора Максимилiана въ Австрiи и въ Фрашъ-Контэ, поэтому справедливость требовала, что если одинъ изъ братьевъ наслѣдовалъ все послѣ дѣда съ отцовской стороны, то другой долженъ былъ наслѣдовать отъ дѣда съ материнской стороны. И Фердинандъ сдѣлалъ завѣщанiе въ пользу инфанта Фердинанда.

Король замѣтно слабѣлъ съ каждымъ днемъ. Дворяне и гранды, а также и фламандцы съ нетерпѣнiемъ ожидали, чтобы онъ высказался въ пользу того или другого внука. Но старый король умышленно хранилъ свое рѣшенiе въ тайнѣ, желая объявить его лишь тогда, когда уже будетъ поздно измѣнить его. Имъ овладѣло какое-то странное безпокойство; онъ все время приказывалъ перевозить себя изъ города въ городъ, какъ будто нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Но вотъ въ дорогѣ, въ деревнѣ Мадрилейхо, съ нимъ вдругъ сдѣлалось такъ плохо, что онъ поспѣшилъ созвать своихъ совѣтниковъ и приказалъ прочесть имъ свое завѣщанiе Хименесъ, котораго онъ тоже послалъ просить къ себѣ, явился тотчасъ же; онъ уже давно готовился къ этому прощальному свиданiю и рѣшилъ твердо еще разъ восторжествовать надъ волей умирающаго монарха и одержать надъ нимъ еще одну рѣшительную побѣду.

Для Хименеса, всегда мечтавшаго создать могущественную абсолютную монархiю, ничто не улыбалось такъ, какъ эта мысль соединить столько коронъ на головѣ одного монарха. Для этого необходимо было, чтобы Эрцгерцогъ Карлъ унаслѣдовалъ отъ короля Фердинанда всѣ его владѣнiя, точно также какъ и отъ императора Максимилiана, чтобы со временемъ ему достались и Нидерланды, и Франшъ-Контэ, и Австрiя, и Стирiя, Тироль и Швабiя, Арагонъ и Валенса, Кастилiя и Наварра, Гренада и Неаполь, Сардинiя и обѣ Сицилiи, кусокъ Африканскаго побережья и всѣ колонiи Новаго Свѣта. Это было необходимо для того, чтобы Испанiя сдѣлалась центромъ католицизма и безспорной повелительницей народовъ.

Тотчасъ по прибытiи своемъ Хименесъ занялъ мѣсто у изголовья умирающаго короля и, оставшись съ нимъ наединѣ, сталъ бесѣдовать съ нимъ въ теченiе нѣсколькихъ часовъ. Затѣмъ онъ вышелъ и, собравъ государственныхъ совѣтниковъ, также долго бесѣдовалъ и съ ними, послѣ чего вмѣстѣ съ ними вернулся въ опочивальню короля. Они застали Фердинанда сидящимъ на постели; подлѣ него по обѣ его стороны стояли его государственные секретари. Когда государственные совѣтники расположились полукругомъ и среди нихъ кардиналъ Хименесъ, король потребовалъ, чтобы ему подали его завѣщанiе, и на глазахъ у всѣхъ разорвалъ его пополамъ въ длину, а части его подалъ Дону Армазанъ для сожженiя тутъ же въ присутствiи всѣхъ. Затѣмъ голосомъ

Digitized by Google

слабымъ, но отчетливымъ и яснымъ, онъ продиктовалъ новое завѣщаніе, въ силу котораго оставлялъ все, всѣ свои земли и владѣнія, всѣ свои титулы и прерогативы старшему своему внуку, эрцгерцогу Карлу.

Кончивъ, король глубоко вздохнулъ и закрылъ глаза.

— Бѣдный инфантъ Фердинандъ, онъ будетъ слишкомъ обездоленъ! Все одному и ничего другому!—съ сожалѣніемъ, какъ бы про себя прошепталъ умирающій.

— Этого требуетъ цѣлость и будущее величіе вашего государства,—сказалъ кардиналъ Хименесъ,—вы завѣщаете ему, сиръ, ежегодный доходъ въ 50,000 дукатовъ, богатыя помѣстія въ Калабріи и любовь его старшаго брата!

Король съ трудомъ переводилъ духъ. Но Хименесъ стоялъ надъ нимъ и смотрѣлъ на него въ упоръ, какъ бы ожидая еще чего то. Умирающій какъ бы черезъ силу раскрылъ глаза и произнесъ.

— Я поручаю регентство кардиналу Хименесъ де Сизнеросъ, который будетъ управлять государствомъ въ отсутствіи эрцгерцога Карла отъ его имени!

И эти послѣднія слова короля были точно записаны сономъ Пересъ Армазанъ; затѣмъ къ новому завѣщанію была приложена королевская печать.

Дверь распахнулась, и въ комнату умирающаго вошла королева Жермэна съ духовникомъ короля,—но Фердинандъ былъ уже безъ сознанія.

Вскорѣ загудѣли колокола, возвѣщая народу о кончинѣ короля. Народъ сталъ стекаться на площадь, и какой-то старый погонщикъ муловъ разсказывалъ, что много лѣтъ тому назадъ одна колдунья предсказала королю Фердинанду смерть въ Мадрилейхо; такъ и случилось!

(Окончаніе въ слѣд. №-рѣ).

Болеславъ Храбрый.

Историческая повѣсть *Людвига Стасяка*.

(Окончаніе VIII главы).

Вырвала Гелигунда обѣщаніе у Вислава—не видѣться съ нимъ, да не стерпѣло ея сердце, и забыла молодая женщина свои обѣщанія, забыла и свой страхъ предъ мужемъ. Сдѣлалась снова весела и счастлива. Забилось ея сердце, какъ жаворонокъ, который заливается въ синевѣ поднебесной, трепеща крылышками. Страхъ передъ местью мужа и черныя мысли какъ будто ушли куда-то въ даль. Любовь для сердца человѣческаго—то же, что полный расцвѣтъ для розы. Зачѣмъ же тревожить эти прекрасныя весеннія мгновенія черными мыслями?! И такъ у каждаго будетъ осень жизни, когда душа потеряетъ всѣ надежды, какъ дерево листья.

Каждый день Гелигунда вскакиваетъ на коня и мчится въ лѣсъ, гдѣ ждетъ ее милый.

Раздалась пѣсня... Задушевная пѣсня влюбленнаго; тоска въ ней слышится. Лучше соловьиной звучитъ пѣсня милаго. Какъ голубь бьется сердце, молотомъ стучитъ оно...

— Онъ... Онъ.

Виславъ увидѣлъ Гелигунду, бросилъ гусли и упалъ къ ея ногамъ.

— Возлюбленная!!

— Ты тосковалъ по мнѣ?

— Грустно мнѣ. Грусть, безконечная грусть томитъ мое сердце! Смотри! Вотъ завязь яблони. Плодъ еще зеленый, молодой, какъ моя юная душа, а уже червь его точитъ... Тоска, отчаяніе.

— Отчаяніе?!

— Счастье безграничное и уныніе при мысли, что онъ вырветъ тебя у меня, что ты—не моя...

— Забудь объ этомъ.

— Взгляни на этотъ цвѣтокъ. Сегодня прекрасенъ, полонъ свѣжести, а завтра его уже не будетъ, онъ отцвѣтетъ и превратится въ гниль. Тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ ему цвѣсти...

Цвѣтокъ не знаетъ о существованіи осени и смерти! Вѣдь, я—твоя!

— Ты моя?! Моя!!.,. О, дай мнѣ упиться твоими ласками, освѣти блескомъ очей твоихъ непроглядную ночь будущности!— и Виславъ упалъ въ ея объятія.

Вдругъ гдѣ-то поблизости хрустнула вѣтка. Гелигунда бросила тревожный взглядъ въ чащу лѣса.

— Насъ подслушиваютъ.

Digitized by Google

— Тебѣ кажется, дорогая!

— Пойди посмотри... Если насъ увидятъ...

Виславъ послушно осмотрѣлъ ближайшіе кусты, но, ничего не найдя, снова вернулся къ возлюбленной, обвилъ ея станъ, и горячій поцѣлуй соединилъ ихъ уста...

— А Вальгиръ?!! раздался мрачный, глухой голосъ.

Виславъ поблѣднѣлъ... Изъ-за буковыхъ вѣтвей виднѣется голова, длинные, сѣдые волосы ниспадаютъ на плечи. Остановившійся взглядъ полонъ ужаса... Изъ глазъ текутъ слезы, бѣгутъ по морщинамъ, и падаютъ какъ жемчужныя зерна...

— А Вальгиръ?!

— Собѣхъ!—крикнула Гелигунда...

А старый Собѣхъ смотритъ и плачетъ. Безутѣшно плачетъ... Виславъ и Гелигунда, при видѣ стараго солдата, какъ-бы обезумѣли. Гелигунда въ страхѣ вскочила на коня и помчалась въ замокъ. За нею мчится и Виславъ, но настигнуть ее не можетъ: взмыленный конь устаетъ...

Виславъ сталъ...

— Долженъ его увидѣть...

Задумался на мгновеніе, въ глазахъ ужасная мысль свѣтилась...

— Онъ умолкнетъ...

Повернулъ коня...

— Да, я заставлю его стихнуть!

Виславъ мчится назадъ на поляну, къ тому мѣсту...

Ни живой души!

Объѣхалъ весь лѣсъ, но Собѣха и слѣдъ простылъ.

Въ душѣ Гелигунды переполохъ и ужасъ. „Собѣхъ видѣлъ... онъ знаетъ... онъ все скажетъ Вальгиру. А потомъ месть... смерть“—проносится у ней ужасная мыслъ. Гелигунда мѣста себѣ въ замкѣ не находитъ, изъ комнаты въ комнату бѣжитъ—вдругъ остановилась и мгновеніе спустя бросилась въ комнаты челяди...

— Гдѣ Собѣхъ?

— Нѣтъ! Ушелъ неизвѣстно куда. Вотъ уже нѣсколько дней какъ онъ точно обезумѣлъ! Рано утромъ оставляетъ замокъ и бродитъ по лѣсамъ, до Кракова доходитъ!

— Зачѣмъ?

— Кто его знаетъ, разсудокъ должно быть потерялъ. На разсвѣтѣ встанетъ, наточитъ ножъ...

Гелигунда вернулась въ свои покои. Новая мысль мелькнула у нея. Усмѣхнулась она, — глаза широко открылись и остановились, точно она вглядывалась въ свою мысль „Есть выходъ“!—гвоздемъ засѣло у нея.

— Собѣхъ стихнетъ... Умолкнетъ, какъ могила...

Рано утромъ Гелигунда наткнулась на Собѣха. Она хотѣла бѣжать отъ него, не изъ страха передъ нимъ, а изъ-за угрызеній совѣсти, но Собѣхъ остановилъ ее.

— Графиня, я ему не скажу. Не скажу, чтобы не отравлять его счастья! произнесъ съ усмѣшкою старый слуга.

— Ты лжешь!—воскликнула Гелигунда.

— Правду говорю. Не скажу. Не сдѣлаю несчастнымъ мое любимое дитя. О Боже, Боже! Пусть будетъ въ любви счастливъ, пусть онъ думаетъ, что ты—слава и украшеніе его дома.

— Перестань, замолчи!..

— Не хочешь меня слушать, такъ будь здорова, я ухожу.

— Куда идешь ты съ топоромъ?

— На звѣря иду. На крупнаго звѣря. Найду его!

Его кровь обагритъ землю! О комъ ты говоришь?

— О комъ? О злодѣѣ, укравшемъ счастье Вальгира, о гадинѣ, которая вползла въ его домъ.

. . . .

„Онъ хочетъ убить Вислава. Едва ли найдетъ его, а если и найдетъ, то тѣмъ лучше: Виславъ убьетъ этого сумасшедшаго. Онъ долженъ умереть, иначе все будетъ извѣстно Вальгиру. Пока Собѣхъ помнитъ еще себя, на него можно надѣяться, но какъ только потеряетъ разумъ,

Digitized by Google

то невольно проговорится, — и мы погибли“.

. . . .

Гелигунда искала Собѣха и, наконецъ, измученная, разбитая застала его дома.

— Я тебя, Собѣхъ, два дня искала и еле нашла. Не отлучайся такъ часто изъ замка. Помощь твоя мнѣ бываетъ нужна. Вотъ и теперь я пришла къ тебѣ за совѣтомъ.

— До сихъ поръ ты обходилась безъ моихъ совѣтовъ!

— И очень дурно поступила, сознаюсь! Если бы ты, мой другъ зналъ, что, происходитъ въ моей душѣ, какой я строгій, неумолимый судья для самой себя! О, если бы ты только зналъ...

Собѣхъ исподлобья взглянулъ на Гелигунду, и въ глазахъ его сверкнулъ огонекъ.

— Не смотри такъ на меня, сжалься надо мною. Я такъ жажду искупленія моей вины! Вѣрь мнѣ, Собѣхъ... Хотѣлъ бы вѣрить... Охъ, какъ хотѣлъ бы... Трудно только! Человѣку, котораго обуяетъ страсть, вѣрить нельзя, онъ не можетъ за себя поручиться.

— Вѣрь! Съ этого дня я рѣшила не выходить никуда изъ дому, а быть всегда при тебѣ, мой дорогой старикъ... Не оставляй меня, ни на минуту, не отходи ни на шагъ, пока Вальгиръ не пріѣдетъ...

Собѣхъ долго пристально смотрѣлъ на молодую женщину, и лицо его озарила счастливая улыбка...

— А, можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ ошибаюсь, можетъ быть мнѣ мерещится! — прошепталъ Собѣхъ.

Старикъ сурово сдвинулъ брови, вперилъ въ Гелигунду сѣрыя пронизывающія очи и промолвилъ:

— Ты правду говоришь, что его бросишь?!

— Кого?

— Вора чужой собственности! Разбойника! Того, который завладѣлъ собственностью Вальгира! Отнялъ его честь!...

Гелигунда гордо выпрямилась и, поднявъ руку къ небу, торжественно произнесла:

— Клянусь, что мои очи не узрятъ его больше...

И столько было откровенности, рѣшимости въ ея словахъ, столько правдивости свѣтилось въ глазахъ ея, что старикъ съ глазами, полными слезъ, упалъ къ ногамъ красавицы...

— Исполни то, что обѣщала, исполни... Люби Вальгира!...

— Встань, Собѣхъ!... Неприлично тебѣ, старику, стоять передо мною на колѣняхъ. Я должна бы лежать у твоихъ ногъ, вымаливая у тебя прощеніе за свою сумасбродную мысль. Встань, съ этого дня мы неразлучно будемъ съ тобою проводить время въ разговорахъ о дорогомъ Вальгирѣ. А теперь, старина, выпьемъ вина за его здоровье и счастье.

Собѣхъ радостный поднялся съ колѣнъ и пошелъ въ погребъ за виномъ; тѣмъ временемъ Гелигунда приготовила кубки.

Старикъ наполнилъ кубки и, взявъ одинъ изъ нихъ, поднесъ его къ губамъ со словами:

— Гелигунда... Дочь моя... за здоровье и счастье Вальгира!

Вдругъ внезапная мысль, какъ молнія, мелькнула у него въ головѣ, и онъ оттолкнувъ руку отъ кубка.

— Почему ты не пьешь? Пей же! — приглашала его графиня.

Старикъ съ горящими, какъ уголья, глазами, схватилъ оба кубка и перемѣнилъ ихъ...

— Теперь я выпью... но и ты пей!..,

Гелигунда не прикоснулась къ своему кубку.

— Ты не хочешь пить?!... Отравить меня хотѣла...

Гелигунда, мрачно глядя на Собѣха, взяла въ руки кубокъ и осушила его до дна.

— Будешь теперь вѣрить мнѣ?!. — промолвила Гелигунда ласковымъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы.

Digitized by Google

— Жизнь за тебя положу!!

Цѣлыми днями Гелигунда и Собѣхъ бывали вмѣстѣ.

Какъ-то вечеромъ за стаканомъ вина Собѣхъ объявилъ Гелигундѣ, что онъ на слѣдующій день уходитъ на поиски Вислава, чтобы убить его.

Рано утромъ Гелигунда попросила Собѣха взять и ее на охоту, такъ какъ она не хотѣла разставаться со старикомъ.

— Хорошо, пойдемъ, дочь моя, быть можетъ встрѣтимъ звѣря!— отвѣчалъ тотъ.

Ни живой души въ лѣсу. Изрѣдка только глухарь сорвется съ вѣтки, либо серна пробѣжитъ. Исходилъ старикъ весь лѣсъ вдаль и поперекъ, взбирался на скалы, спускался въ долины, въ болота, перебирался черезъ рвы и пропасти, но нигдѣ никого не находилъ.

— Пойдемъ, Собѣхъ, домой!—стала звать Гелигунда.

— Нѣтъ, я долженъ идти на берегъ Вислы! Пойдемъ со мною, пойдемъ!—приглашалъ старикъ.

Вотъ они оба стоятъ на крутомъ холмѣ, у подножья котораго бурлитъ водоворотъ. Взглянула Гелигунда внизъ. Тамъ Висла клокочетъ, кипитъ; волны пѣнятся; дна не видать; отъ глубины вода, какъ изумрудъ...

Страннымъ огнемъ загорѣлись глаза Гелигунды...

— Смерть... Рѣшено...

Хочетъ позвать Собѣха и не можетъ, голосъ ей измѣнилъ... Но вотъ она поборола свое волненіе, немного успокоилась и шепотомъ зоветъ Собѣха...

— Иди сюда, Собѣхъ! Онъ здѣсь, здѣсь!...

Старикъ торопливо взбирается на скалу, съ мечомъ въ рукѣ.

— Онъ?! Гдѣ графиня?!

— Да вотъ, берегомъ Вислы идетъ... Къ намъ приближается!

— Покажи, гдѣ!. Глаза отъ старости плохо видятъ.

— Всмотрись. Стань вотъ сюда!...

Собѣхъ сталъ надъ пропастью и пристально смотритъ въ даль.

— Гдѣ же онъ?

— Тамъ!!!— крикнула Гелигунда, столкнувъ его со страшной силой въ пропасть...

Мечъ только зацѣпился за вѣтку можжевельника, Собѣхъ упалъ въ воду съ крикомъ, но плескъ воды заглушилъ его голосъ.

Борется человѣкъ со смертью, вотъ онъ всплылъ на поверхности воды, волна его подхватываетъ, онъ борется съ волной, стараясь достичь берега...

Вотъ онъ у берега, рука цѣпляется за скалу...

— Негодная! Богъ тебя покараетъ...

Ужасъ охватилъ Гелигунду, старикъ ухватилъ рукой вѣтку березы... Помощь нашелъ себѣ.

Внезапно ей бросился въ глаза мечъ на можжевельникѣ.

Съ ловкостью разъяренной львицы прыгнула она на выступъ, повисла надъ пропастью, рискуя упасть въ нее, и схватила клинокъ оружія...

— Не уйдешь теперь!!

Съ страшной силой она размахнулась и ударила мечемъ въ березу...два скрюченныхъ пальца остались на вѣткѣ...

— Богъ покараетъ тебя!...

Старикъ еще пытается бороться, напрягаетъ свои послѣднія силы. Вотъ онъ плыветъ подъ ногами Гелигунды. Но мечъ, брошенный съ размаха, упалъ и разсѣкъ голову старику. Словно камень, пошло ко дну тѣло, втянутое въ глубину омутомъ. Набѣжала волна, другая,— и кровавая окраска воды исчезла... Ни слѣда отъ Собѣха, ни капли крови... Мечъ пошелъ ко дну... Грудь Гелигунды волнуется... не отъ страха уже... Наступилъ отдыхъ послѣ ужасной тревоги... Губы смѣются... Прислонясь къ скалѣ, какъ бѣлая статуя стоитъ она... Потускнѣвшіе глаза заблестѣли снова...

— Утихъ, навѣки!...

. . . .

Теплая, душистая, лѣтняя ночь

Digitized by Google

окутала землю; трава покрылась росой; въ прудахъ квакаютъ лягушки; съ луговъ и нивъ доносится крикъ дергачей и перепелокъ.

Гелигунда стала у окна и залюбовалась красотой ночи; ухо чутко прислушивалось къ каждому звуку.

Зашелестѣла листва бука, вѣтка ежевики качнулась, что то затрещало подъ ногами человѣка, который потихоньку пробирался къ окну Гелигунды... Неожиданно увидѣлъ ее и остановился, любуясь ея красотой... Гелигунда внимательно прислушивалась къ шуму... Послышались звуки пѣсни подъ акомпаниментъ лютни:

— Цвѣткомъ хотѣлъ бы быть...

— Это ты мой дорогой?! Иди, не бойся, Собѣхъ умолкъ, заснулъ!...

— Можетъ проснуться!

— Ты думаешь?!— усмѣхнулась она.—Успокойся!

— Что такое?

— Собѣхъ умолкъ!..

— Умеръ?!...

— Не спрашивай!. Выпей вина и говори о чемъ нибудь иномъ!

— Хорошо, мы будемъ говорить о любви, моя дорогая!

. . . .

Осенью вечеромъ неожиданно раздался звукъ рога и затѣмъ топотъ копытъ по деревянному мосту.

— Кто это?—Быть можетъ онъ?!..

Виславъ выбѣжалъ на дворъ и моментально вернулся блѣдный, какъ полотно.

— Боже! Вальгиръ!

— Бѣги!

Виславъ не задумываясь выпрыгнулъ изъ окна и искалѣченный бросился въ лѣсную чащу.

Ворота уже настежь, дворъ наполнился всадниками. Вальгиръ, бросивъ товарищей спѣшитъ въ покои!

— Гелигунда, дорогая!!

— Вальгиръ...

— Хвала Богу, мое скитаніе по бѣлому свѣту окончено съ пользой для меня, а главное—для короля и Рѣчи Посполитой... и я опять съ тобою! Тосковала по мнѣ?

— Ты спрашиваешь? Отъ радости словъ не нахожу... Вотъ и вино, уже три мѣсяца, какъ я каждый вечеръ приготовляю два кубка въ надеждѣ, что ты подъѣдешь... Теперь ты не уѣдешь? Не бросай меня, мнѣ такъ страшно одной безъ тебя!

— Не уѣду теперь, любимая!— воскликнулъ Вальгиръ, прижимая Гелигунду къ своей груди.—У меня есть для тебя радостная вѣсть.

— Какая?...

— Король Болеславъ далъ мнѣ воеводство Вислицкое!

— Пріятная вѣсть!

— Старикъ князь Вислицкій за переговоры съ маркграфами противъ своей родины былъ изгнанъ изъ страны. Мы переѣдемъ въ Вислицу, какъ только Оттонъ III прибудетъ въ Гнѣзно!

— Что ты говоришь? Оттонъ...

— Молодой государь, услышавъ о могуществѣ нашего властелина, рѣшилъ нарочно пріѣхать въ Польшу, поклониться мощамъ Св. Войтѣха, пожать руку Болеславу и заключить съ нимъ союзъ. Когда Оттонъ будетъ въѣзжать въ Польшу, я стану во главѣ рыцарства и встрѣчу его. Такъ повелѣлъ Болеславъ. Какъ онъ добръ и милостивъ, ты увидишь сама изъ его словъ, съ которыми онъ обратился ко мнѣ при моемъ отъѣздѣ изъ Познани. Спрашивая о тебѣ, о моемъ хозяйствѣ, о моей родинѣ, онъ вспомнилъ и Собѣха: „какъ поживаетъ мой старый солдатъ, Собѣхъ? Хорошій солдатъ и вѣрный товарищъ. Неустрашимымъ рыцаремъ былъ въ битвахъ"!

Гелигунда поблѣднѣла, взоръ устремился въ землю, губы дрожали, какъ отъ холода...

— О Собѣхѣ спрашивалъ король?

— Да. Болеславъ знаетъ каждаго крестьянина, который бился въ его рядахъ. Припомнилъ старика и говоритъ мнѣ:—„Когда пріѣдетъ им-

Digitized by Google

ператоръ, то привези стараго вояку въ Гнѣзно"!

— Не поѣдетъ; онъ уже тамъ!— произнесла тихо печальнымъ голосомъ жена Вальгира.

— Не поѣдетъ? Почему?!

— Собѣхъ умеръ!...

Замолкъ Вальгиръ, опустилъ свою голову на грудь богатырскую и зарыдалъ безутѣшно.

— Успокойся Вальгиръ. Не плачь! Смерть слуги тебя такъ огорчаетъ?

— Боже, Боже! Выняньчилъ меня, выростилъ... Это не слуга, а братъ, отецъ...

Гелигунда молчала и ждала, пока Вальгиръ не успокаивался.

— Грустно, что ты, возвратясь ко мнѣ, не улыбкой счастья привѣтствуешь меня, а слезами...

Вальгиръ поднялъ очи, взглянулъ на красавицу жену,—и на его загорѣломъ лицѣ появилась улыбка радости и счастья.

— Какая ты красивая!

— Мила тебѣ, супругъ?

Обнялъ Вальгиръ свою жену, прижалъ ее къ себѣ и промолвилъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Одна ты у меня осталась, моя дорогая, моя прекрасная, чистая!

Счастливый влюбленный крѣпко поцѣловалъ ее въ губы. Уста ея были, какъ ягоды красныя, а онъ, какъ дитя, которое прельстилось волчьими ягодами только потому, что онѣ красивы на видъ. Дитя не подозрѣваетъ, что эти ягоды ядовиты, что онѣ приносятъ смерть.

Глава IX.

Воспитанный подъ наблюденіемъ женщинъ, Оттонъ III былъ мечтательнымъ ребенкомъ, въ головѣ котораго роились самые фантастическіе замыслы. Его юношеская фантазія была несчастіемъ для народовъ, подвластныхъ ему: дитя достигло власти и по-дѣтски хотѣло привести въ исполненіе свои мечты.

Прекрасно владѣя тремя языками, что было рѣдкостью въ тѣ времена, онъ черпалъ свои взгляды на жизнь изъ сочиненій древнихъ римскихъ писателей; онъ мыслилъ такъ, какъ мыслили люди, жившіе въ Римѣ тысячу лѣтъ тому назадъ. Его завѣтнымъ желаніемъ было быть такимъ великимъ, какимъ былъ Августъ, Траянъ и Титъ.

По-римски Оттонъ III думаетъ по латыни и гречески говоритъ, римскія или греческія одѣянія носитъ. Нѣмцевъ и все нѣмецкое ненавидитъ, своихъ единоземцевъ считаетъ дикими варварами и мечтаетъ Римъ сдѣлать столицей своего могущественнаго государства. Нелюбовь къ нѣмцамъ ему внушила его мать Теофанія, которая питала такую сильную ненависть къ нѣмцамъ, что искренно радовалась пораженію войскъ ея мужа Оттона II подъ Базантелло: Греческую княжну радовало, что греки разбили на голову мужа ея нѣмца и всѣхъ ея подданныхъ нѣмцевъ.

Огромное вліяніе на шестнадцатилѣтняго императора Оттона III имѣли два ученыхъ мужа, и оба не были нѣмцами. Одинъ, Гербертъ Аурильянъ,—французъ, а другой, епископъ Войтѣхъ Славникъ, славянинъ. Императоръ вѣрилъ имъ во всемъ и безконечно любилъ ихъ. Жаль, что они не всегда находились возлѣ Оттона III, и ихъ не было, когда въ душѣ Оттона возникли нехристіанскія чувства, когда его уста произносили приговоры, достойные злодѣя, или безумца... Тогда его юная душа шла ужаснымъ путемъ: даже добрыя намѣренія его могли превратиться въ злодѣянія, даже церковныя постановленія о соблюденіи постовъ онъ издавалъ въ формѣ приказовъ, въ силу которыхъ солдатъ, уличенный въ несоблюденіи поста въ пятницу, подвергался слѣдующему наказанію: ему выбивали всѣ зубы и выламывали желѣзомъ челюсти.

Изъ разодранныхъ на куски десенъ струей текла кровь, нечеловѣскіе стоны вырывались изъ груди солдата...

Digitized by Google

Въ такія минуты въ душѣ Оттона, вылощенной римской и греческой культурой, просыпался нѣмецъ варваръ, подобный тѣмъ, которые поработали Римъ, разрушили Акрополь, уничтожили цивилизацію Эллады; въ немъ проглядывалъ тогда такой-же злодѣй, какимъ былъ начальникъ „легіона разбойниковъ", король Генрихъ Птицеловъ.

По смерти папы Іоанна XV на папскій престолъ, при содѣйствіи Оттона III, вступилъ его родственникъ и ровестникъ Григорій V. Въ первый разъ намѣстникъ Христа былъ нѣмецъ. Двадцатилѣтній папа увѣнчалъ императорской короной Оттона III, шестнадцатилѣтняго юношу въ то время.

. . . .

Когда императоръ покинулъ Италію, будучи вызванъ въ Германію по дѣламъ государства, въ Римѣ поднялся мятежъ среди народа, глубоко ненавидѣвшаго нѣмцевъ, и возмущеннаго назначеніемъ нѣмца на престолъ главы католической церкви. Во главѣ мятежа всталъ сенаторъ Кресценцій. Григорій V былъ свергнутъ съ престола, а на его мѣсто вступилъ Іоаннъ XVI. Тогда бывшій папа написалъ императору доносъ о бунтѣ. И тотъ поспѣшилъ въ Римъ съ войсками.

Древняя столица римской имперіи напоминала тогда своимъ видомъ кладбище: кое-гдѣ виднѣлись хижины, развалины покрывали огромное пространство. А когда-то здѣсь жизнь кипѣла, были здѣсь люди, были пышныя зданія, роскошныя виллы, величественные храмы...

. . . .

Пустынная площадь ожила сегодня. Слышенъ стукъ топоровъ, визгъ пилъ. Свезенъ лѣсъ, и плотники нѣмецкіе работаютъ на форумѣ.

— Эй, вы! Углубить яму.

— Молотокъ ударяетъ по каменной глыбѣ.

— Что тамъ такое?

— Мраморъ!

— Выкопать его. Быть можетъ, тамъ зарыты сокровища!

Нѣсколько человѣкъ бросилось исполнять приказаніе старшаго, углубили яму, окопали камень и вытащили наверхъ.

— Что это?

— Человѣкъ изъ камня!.

— Рукъ и плечъ не хватаетъ!

— Безстыдная женщина, нагая стоитъ.

— Молода и красива, потому и нахальна.

— Я знаю, кто это. Это языческая богиня.

— Пусть своимъ видомъ не оскорбляетъ очей человѣческихъ.—Прочь ее! Бей желѣзомъ!

Молотки застучали по мрамору; статуя дала трещину, лопнула и разсыпалась на куски.

Раздался звукъ, похожій на человѣческій стонъ, какъ будто художественное произведеніе искусства рыдало, погибая подъ ударами нѣмецкаго варвара. Отбитая голова покатилась, какъ ядро...

— Возьми эту голову!

— Собери куски.

— Этими обломками мы подопремъ столбы висѣлицъ...

Тринадцать столбовъ вбито въ землю, тринадцать конопляныхъ петель развѣваются по вѣтру, тринадцать висѣлицъ приказалъ поставить на форумѣ императоръ Оттонъ III.

Одна висѣлица, стоящая какъ разъ въ серединѣ, выдѣляется своей высотой изъ всего этого омерзительнаго ряда... Стропила ея упираются въ храмъ Веспасіана. Кто-то изъ воиновъ, смѣясь, говоритъ:

— Это почетная висѣлица.

— Кресценцій и на висѣлицѣ долженъ отличиться мужествомъ, какимъ онъ выдѣлялся при возмущеніи римскаго народа!

— Рядомъ съ нимъ будутъ повѣшены двѣнадцать предводителей мятежа!

— Справедливо!

— Нашего свергли съ престола!

— Короновали его противника!

— Не хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ сегодня!

— Молчать!!!— крикнулъ начальникъ, бросаясь съ кнутомъ въ толпу работниковъ.—Черезъ часъ сюда прибудетъ императоръ. Работать проворнѣе!

— Тронъ строить!

— Стропила уже вбиты.

— Въ одно мгновеніе поставимъ.

Съ поспѣшностью плотники принялись за скрѣпленіе бревенъ желѣзными крюками. Скоро вся постройка была покрыта и красиво задрапирована краснымъ сукномъ. Надъ пурпуровымъ балдахиномъ развѣваются знамена имперіи, ступеньки лѣстницы устланы яркокраснымъ сукномъ, на возвышеніи поставленъ тронъ...

Скоро на форумѣ появилась толпа вооруженныхъ воиновъ. Восторженные крики въ честь императора, ругательства, проклятія для поношенія узурпатора разносятся по воздуху.

Во главѣ шествія идетъ, закованный въ кандалы, предводитель римскаго народа Кресценцій. На шеѣ у него веревка, сотникъ держитъ конецъ ея, его ведутъ, какъ собаку. За нимъ, окруженный вооруженнымъ сбродомъ, ѣдетъ тотъ, который захватилъ силой престолъ, тотъ, который посмѣлъ присвоить себѣ власть и силу. Узурпаторъ связанъ веревками, которыя врѣзаются въ его тѣло; ѣдетъ онъ на ослѣ, спиной къ головѣ животнаго. Муки и боль выражаетъ его лицо, страхъ свѣтится въ его лживыхъ глазахъ.

За нимъ идутъ двѣнадцать остальныхъ. Руки въ колодки закованы, падающаго отъ тяжести преступника солдатъ бьетъ бичомъ. Ежеминутно въ воздухѣ раздается свистъ кнута, щелкающаго по голымъ плечамъ истязуемаго. На мѣстѣ удара вздувается синяя полоса, затѣмъ она краснѣетъ и покрывается кровью, которая каплями стекаетъ и падаетъ на землю...

На всемъ пути кровяные слѣды виднѣются.

Въ концѣ кортежа ѣдетъ побѣдитель Рима, императоръ Оттонъ III. Его окружаетъ блестящая свита, но въ рядахъ ея нѣтъ Войтѣха Славника, который указывалъ тирану на принципы христіанскаго ученія, запрещавшіе месть... Мученикъ погибъ за вѣру Христа, и нѣтъ теперь при Оттонѣ руки, которая остановила бы омерзительную месть, которая бы обуздала желанія его дикой озвѣрѣлой души...

Императоръ сѣлъ на тронѣ; вокругъ размѣстилась его свита. Оттонъ махнулъ рукой,—и палачи какъ звѣри бросились на своихъ жертвъ. Прежде всѣхъ притащили узурпатора и повалили его у подножья трона, чтобы онъ видѣлъ, какая кара постигнетъ его сторонниковъ. Лежитъ онъ измученный, закованный и съ ужасомъ смотритъ на рядъ висѣлицъ...

Что ни минута, то раздается крикъ, стонъ или плачъ человѣка, котораго ведутъ на казнь. Вытаращенными отъ ужаса глазами смотритъ онъ на орудіе мукъ: смерть черезъ повѣшеніе слишкомъ легка, слишкомъ быстро наступаетъ смерть, слишкомъ незначительна боль; по приказу императора петлю надѣваютъ не на шею, а на ноги, чтобы преступникъ, вися головою внизъ, муками заплатилъ за свою вину, чтобы онъ медленно-медленно умиралъ...

Вотъ ведутъ какого-то гиганта на висѣлицу. Увидѣлъ онъ рядъ столбовъ,—и ужасъ охватилъ его. Съ отчаянной силой рванулся, сорвалъ съ себя путы, солдата, который его велъ, ударилъ такъ сильно, что тотъ упалъ замертво. Въ смятеніи чернь уступаетъ ему дорогу; великанъ летитъ прямо на императора, руки вытянуты впередъ, пальцы согнуты, какъ орлиные когти... Сейчасъ достигнетъ трона...

— Убійца!!!—кричитъ Оттону.—Разбойникъ!!

Digitized by Google

Поблѣднѣли тѣлохранители и бросились бѣжать; спереди путь къ трону открытъ; сейчасъ онъ достигнетъ Оттона, убьетъ владыку міра... Но нѣтъ, за нимъ бѣгутъ солдаты, хватаютъ его за волосы, за плечи.

Подставилъ одинъ солдатъ ногу гиганту,—и тотъ рухнулъ на земь. Въ одно мгновеніе наскочили на него воины, распяли его руки, загнули ихъ назадъ и связали ремнями. Скрутили его, какъ ребенка, такъ что онъ не можетъ шевельнуться и все таки продолжаетъ поносить Оттона:

— Оттонъ, кровожадный нѣмецъ!! Убійца!!

Какъ колоду, перевернули его и поставили внизъ головой, петля обхватила по ноги; люди отскочили, исполинъ повисъ...

— Нѣмецъ!! Кровопійца!! Мерзкій!!

— Ты—разбойникъ, запятнанный человѣческой кровью! —воскликнула жена Кресценція, оттащенная солдатами за волосы отъ трона императора.

— Разбойникъ!!—взываетъ обезсиленный человѣкъ.

Прислужники бросились къ богохульнику, заткнули ему ротъ мхомъ, законопатили совсѣмъ и завязали платкомъ. Жертва молчитъ и качается... Ужасно качается...

Двѣнадцать жертвъ уже виситъ; по серединѣ мучится глава и начальникъ бунта, Кресценцій.

Ни одинъ мускулъ не дрогнетъ на лицѣ императора; спокойно смотритъ онъ на мученія и истязанія людей.

Узурпаторъ лежитъ безъ сознанія и не видитъ ужасающей мести Оттона.

Воинъ, который сторожитъ его, замѣтилъ смертельный сонъ и, чтобы привести въ сознаніе, хлестнулъ со всей силы по обнаженнымъ плечамъ и крикнулъ:

— Смотри...

Изданъ приказъ. чтобы онъ смотрѣлъ.

— Всмотрись! Это — все твои друзья!...

— Вотъ какъ умираютъ мятежники...

— Такъ умрутъ всѣ, кто воспротивится волѣ императора.

— Глаза закрылъ.

— Разбудить его! Разбудить!

Опять ударъ бича, еще ударъ; одинъ за другимъ сыплются удары до тѣхъ поръ, пока не откроются полныя ужаса очи...

. . . .

Нѣсколько стариковъ не выдержали мученій и скончались уже. Молодые еще мучатся, судороги сводятъ ихъ члены, мускулы дрожатъ, на лицѣ видны страданія, у рта пѣна. Императоръ смотритъ...

Къ трону приблизился палачъ и сказалъ:

— Кресценцій умеръ, государь!

— Умеръ другъ узурпатора, теперь пусть и онъ умретъ. Отдай его палачамъ!

— Эй! Слуги!! Разложить огонь! Клещи приготовить! Приговоръ императора выполнить до конца!...

Началась ужасная, мучительная картина...

Когда узурпаторъ кончался, на форумѣ появилось нѣсколько иностранцевъ. Впереди идутъ почтенные мужи, замыкаютъ шествіе закованные въ латы рыцари.

— Посольство!

— Знаю ихъ. Это отъ короля польскаго Болеслава.

Кортежъ направляется къ императору; во главѣ идетъ ксендзъ Здѣшко; около него какой-то красивый шляхтичъ. Это дипломатъ Болеслава Стоигнѣвъ, прославившійся своимъ умомъ и ловкостью въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Онъ такъ хорошо изучилъ всѣ хитрости нѣмцевъ, такъ ловко умѣетъ отвѣчать на ложь ложью, что далеко оставилъ за собой своихъ учителей въ этомъ направленіи.

Приблизился аббатъ Тынецкій къ колоннамъ святилища Веспасіана и—вдругъ увидѣлъ рядъ висѣлицъ

Digitized by Google

съ повѣшенными на нихъ людьми... Кровь отхлынула отъ лица пастыря...

— Боже!— простоналъ онъ,—милосердый Боже!.

Въ глазахъ аббата горитъ смертельный страхъ, душа человѣка возмущается, протестуетъ, всѣ нервы напряжены. Стоитъ Здѣшко слѣпой и онѣмѣлый, голосъ потерялъ, разумъ потерялъ...

Даже румянное и счастливое лицо Стоигнѣва поблѣднѣло и затуманилось слегка грустью; быстрые, смѣющіеся глаза остановились, въ расширенныхъ зрачкахъ ужасъ свѣтится...

— Здравствуй, милый братъ!— воскликнулъ императоръ, обращаясь къ Здѣшко.

Священникъ не слышитъ словъ императора: глухой, нѣмой, точно прикованный къ землѣ стоитъ онъ, потерявъ голову, разумъ.

Но зато Стоигнѣвъ думаетъ, тотъ не потерялъ голову.

— Бью челомъ твоему величеству!— произнесъ шляхтичъ, опускаясь на колѣни у трона.

— Что случилось съ аббатомъ?

— Видъ этотъ, монархъ...

— Видъ!?—проговорилъ смѣясь Оттонъ! Гм? А что? Красивый видъ! Такъ кончаютъ жизнь бунтовщики!

Дипломатъ польскій сообразилъ, что, говоря правду въ эту минуту, ничего не выгадаешь.

— Такъ имъ и надо!— крикнулъ онъ.

— Какія вѣсти принесъ ты мнѣ, Стоигнѣвъ?

— Ты прислалъ, великій и прекрасный государь, своихъ пословъ королю Болеславу, чтобы заявить о своемъ намѣреніи посѣтить польскую землю.

— Радъ былъ этой вѣсти братъ мой Болеславъ?

— Безмѣрно!

— Вы пришли, чтобы...

— Именемъ польскаго владыки просить тебя, великій государь, быть желаннымъ гостемъ.

Стоигнѣвъ всталъ, выпрямился, въ глазахъ горѣлъ огонекъ, въ голосѣ звучала увѣренность и языкомъ римлянъ торжественно молвилъ онъ:

— Императоръ Оттонъ, ты властелинъ всего міра, ты слава всѣхъ имперій и королевствъ. Орлиныя крылья имѣетъ твоя слава, народы съ удивленіемъ и уваженіемъ привѣтствуютъ мысль, которая зародилась въ мощной душѣ твоей. Говорятъ, что хочешь ты подъ своимъ скипетромъ воскресить прежнюю римскую имперію, что хочешь быть великимъ, какъ Титъ и Августъ. Толпы народа не знаютъ того, что я знаю, что ты уже теперь славнѣе Тита и Августа. Видѣлъ я статую этого императора, гдѣ ему ровняться съ тобой. Онъ —блѣдная звѣзда, а ты—ясное солнце. Знаю, что намѣреваешься соединить подъ своею властью Грецію, Римъ, Византію, Африку и Палестину, гдѣ царствовалъ Давидъ передъ уходомъ въ Вавилонъ. Да сбудутся твои желанія, да погибнутъ твои враги, какъ Кресценцій, котораго не вино, а кровь залила. Ты, солнце, взойди свѣтлымъ лучомъ на нашу землю! Именемъ господина моего Болеслава взываю къ тебѣ: Прибывай къ намъ!

Слова Стоигнѣва доставили огромную радость императору. Посолъ Болеслава прекрасно зналъ, что говоря о всеміpной римской имперіи, онъ задѣваетъ слабую струну души императора.

Юный властелинъ не подозрѣвалъ, что Стоигнѣвъ лгалъ по обыкновенію...

ГЛАВА X-я.

Стоигнѣвъ дѣйствительно лгалъ. Вѣсть о путешествіи Оттона въ Гнѣзно для поклоненія святымъ мощамъ не была великой радостью для королевскаго двора, какъ сказалъ посолъ. При дворѣ Болеслава образовалось нѣсколько партій. Самая многочисленная находила, что дружба польскаго короля съ

Digitized by Google

германскимъ императоромъ — великое несчастіе.

Дружественныя отношенія между Оттономъ и Болеславомъ отодвигали войну съ германцами на неопредѣленный срокъ, а этой войны жаждали всѣ поляки. Собѣбора, Бориса и Незамысла поразила эта вѣсть до глубины души: рухнули всѣ мечты, погибли всѣ планы. Ненависть кипѣла вь сердцахъ славянъ.

. . . .

Великая мысль объединенія всѣхъ славянъ въ одно государство, которое могло бы воспрепятствовать кровопролитнымъ походамъ германцевъ, зародилась въ геніальной головѣ Болеслава, но ему удалось только отчасти выполнить свой великій замыселъ; по смерти же его великій планъ снова распался. Погибъ для славянъ край между Одеромъ и Лабой; надъ Лабой и Дунаемъ, надъ Адріатическимъ, надъ Чернымъ и Сѣвернымъ морями пролилось море крови славянъ, цѣлые народы погибли.

И теперь дружбѣ съ нѣмцами не сочувствовали тѣ, кто не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ Западомъ, кто во всемъ, что дѣлалъ римскій императоръ, видѣлъ зло и несчастье.

Тридцать лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ Мѣшко I принялъ христіанство, тѣмъ не менѣе большая часть народа оставалась вѣрной прежнимъ богамъ, и труды Болеслава и его миссіонеровъ оставались безуспѣшными. Противники христіанства особенно враждебно смотрѣли на Западъ, который въ лѣвой рукѣ имѣлъ крестъ, а въ правой мечъ, покрытый человѣческой кровью... Съ другой стороны, нѣмцы вооружили противъ себя и христіанъ: тѣ просили Римъ разрѣшить имъ имѣть польскій костелъ, независимо отъ нѣмцевъ, и богослуженіе на польскомъ языкѣ. Письмо маркграфини Матильды къ сыну Болеслава, Мѣшко II, ясно указываетъ на существованіе польскаго богослуженія наряду съ латинскимъ. Лѣтописи говорятъ о томъ, что христіанство пришло въ Польшу не отъ итальянцевъ и нѣмцевъ, а отъ славянъ Кирилла и Меѳодія, которые окрестили Мѣшко I и его народъ. Однако, нѣмцы сумѣли своимъ латинскимъ обрядомъ произвести раздоръ между славянами и тѣмъ ослабили ихъ.

Вотъ почему Болеславъ, ратовавшій за объединеніе славянъ, настойчиво требовалъ прежде всего введенія національнаго языка въ богослуженіе. Къ сожалѣнію, провидя его замыслы, нѣмцы всячески противодѣйствовали ему въ Римѣ.

Интриговали нѣмцы и съ другой стороны, осыпая милостями высшее сословіе славянскихъ племенъ, напр., лютиковъ и гавелянъ, онѣмечивая его и этимъ отдѣляя отъ остального народа. Съ послѣднимъ, лишеннымъ опоры высшихъ сословій, нѣмцамъ уже легко было справляться...

Словомъ, въ рукахъ нѣмцевъ хороши были всѣ средства. И это хорошо знали всѣ, кому дорого было славянское имя. Вотъ почему всѣ такъ опечалились, услышавъ что Болеславъ Храбрый, вмѣсто войны готовится встрѣтить владыку нѣмцевъ, какъ дорогого гостя.

— Врагъ ненавистный нашей крови!—жаловались королю Болеславу Собѣборъ и Незамыслъ.

— Оставьте меня! Теперь за тобой дѣло, Собѣборъ. Ты долженъ приготовить страну къ встрѣчѣ царственнаго гостя!

— Встрѣтимъ его...

— Такъ, какъ отцы наши принимали гостя у себя въ домѣ. Помни: гость въ домъ,—Богъ въ домъ!...

Болеславъ прекрасно понималъ. зачѣмъ Оттонъ ѣдетъ въ Польшу. Желаніе поклониться святымъ мощамъ были важной причиной, но не самой главной.

Оттонъ мечталъ воскресить блескъ временъ цезарей и сдѣлаться великимъ императоромъ, какимъ былъ

Digitized by Google

Августъ. Для выполненія этихъ мечтаній нужно было, чтобы на сѣверѣ было спокойно и чтобы сосѣди не предпринимали походовъ. Дружба съ Болеславомъ была необходима, такъ какъ тогда прекратятся нашествія короля на нѣмецкую землю и, кромѣ того, можно будетъ разсчитывать на помощь его въ случаѣ надобности защищать Священно- Римскую Имперію... Что это не была поѣздка на богомолье, доказывала пышность этого путешествія. Оттонъ везъ съ собою огромную свиту блестящихъ рыцарей и духовенства. По словамъ Титмара, ни одинъ римскій императоръ не выѣзжалъ съ такимъ блескомъ изъ Рима.

„Иду туда, гдѣ не ступала никогда нога древняго римлянина", сказалъ Оттонъ въ своей рѣчи къ римлянамъ.

Весь путь Оттона былъ великимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Несмотря на суровую зиму, во всѣхъ придорожныхъ городахъ происходили блестящія встрѣчи и празднества; со всѣхъ сторонъ съѣхались первѣйшіе люди государства къ государю на поклонъ... Болеславъ храбрый выѣхалъ на встрѣчу гостю,—и тамъ, гдѣ сливаются Черная рѣка съ Бобромъ, встрѣтились два властелина, дружелюбно протянувъ руку другъ другу.

Затѣмъ пышный кортежъ двинулся по направленію столицы Польши Гнѣзно.

Когда показались вдали дома этого города, когда сверкнулъ своей позолотой куполъ костела, Оттонъ сошелъ съ коня, снялъ обувь и босой шелъ до города.

На встрѣчу императору вышелъ епископъ въ богатомъ облаченіи, далъ ему приложиться къ образу Спасителя и ввелъ во храмъ. Оттона поразила пышность и блескъ костела: вездѣ блестѣло золото, драгоцѣнные камни, вездѣ виднѣлись образа. Мраморныя колонны поддерживали сводъ; тысячи свѣчей разливали мягкій свѣтъ; воздухъ былъ наполненъ благовоніями. Словомъ, вся обстановка располагагагала къ молитвѣ.

Оттонъ упалъ на колѣни передъ гробницей велико-мученика и погрузился въ горячую, чистосердечную молитву.

Вслѣдъ затѣмъ начался рядъ празднествъ и забавъ рыцарскихъ.

„Какъ Болеславъ чествовалъ императора, описать нельзя, да никто бы не былъ въ состояніи представить себѣ то, что было, если бы этотъ праздникъ поддался описанію. Воочію убѣдившись въ могуществѣ Болеслава и въ богатствѣ его земли, Оттонъ не могъ придти въ себя отъ удивленія. Собравъ своихъ совѣтниковъ Оттонъ сказалъ: „Не пригоже намъ такого великаго человѣка именовать вождемъ или графомъ: онъ долженъ носить королевскую діадему"! и, снявъ съ головы корону, Оттонъ возложилъ ее на голову Болеслава въ знакъ дружбы и уваженія. И еще далъ ему гвоздь, которымъ Христосъ былъ пригвожденъ, за что Болеславъ вручилъ плечо Св. Войтѣха". Такъ пишетъ нѣмецкій историкъ (Титмаръ).

Между пирами перетолкоали и о дѣлѣ. Ксендзъ Здѣшко добивался освобожденія польскаго костела изъ-подъ вліянія императора. До сихъ поръ Магдебурскій архіепископъ былъ главой всѣхъ римскихъ церквей въ Сѣверной Славоніи; польскіе епископы также должны были подчиняться нѣмецкой митрополіи. Болеславъ же энергично настаивалъ на полномъ раздѣленіи, и послѣ продолжительнаго упорства ему удалось добиться желательнаго результата. Оттонъ передалъ всѣ права, какія раньше имѣлъ на польскую церковь, Болеславу не въ одной только Польшѣ, но и во всѣхъ странахъ, которыя король завоюетъ.

Порѣшивъ дѣла, рыцарство опять принялось за пиры.

Digitized by Google

Императора окружили людьми науки, и въ бесѣдахъ съ ними пріятно проходило время. Оттонъ не могъ надивиться мудрости Здѣшко; онъ не подозрѣвалъ, что здѣсь, гдѣ никогда не ступала нога римлянина, были люди, такъ хорошо изучившіе и Тацита, и Цицерона. Съ изумленіемъ слышалъ онъ, что римская литература—ничто иное, какъ слабое отраженіе греческой. Съ величайшимъ интересомъ слушалъ отрывки изъ произведеній греческихъ писателей, которые ему переводилъ на латинскій языкъ аббатъ Здѣшко.

День за днемъ проходилъ въ бесѣдахъ. Дворецъ весь былъ убранъ восточными тканями, вездѣ виднѣлась дорогая утварь. Все, что приглянется императору, Болеславъ сейчасъ же приказывалъ отнести въ сокровищницу Оттона. Свита послѣдняго тоже получила драгоцѣнные дары.

Наступилъ, наконецъ, часъ отъѣзда.

Любезно распростился Болеславъ со своимъ гостемъ,--и тотъ направился въ Аахенъ, гдѣ приказалъ открыть гробницу Карла Великаго и вмѣстѣ съ графомъ Люмелло вошелъ въ подземелье.

Мрачно, темно было въ склепѣ; своды заткала паутина, камни покрылись плѣсенью. По серединѣ пещеры, на тронѣ въ полномъ облаченіи, съ короной изъ драгоцѣнныхъ камней на головѣ, возсѣдалъ великій владыка франковъ. Въ рукѣ у него на пергаментѣ написанное Евангеліе.

Императоръ взялъ Евангеліе въ сокровищницу государства, приказалъ вынести императорское кресло, чтобы его отправить Болеславу, а себѣ на память вынулъ изъ десны великаго короля коренной зубъ.

. . . .

Потерявъ расположеніе своихъ соотечественниковъ нѣмцевъ, не пріобрѣтя и дружбы любимыхъ имъ римлянъ, вернулся потомъ Оттонъ въ Италію, гдѣ судьба жестоко покарала его.

Безсердечный императоръ воспылалъ могучей страстью къ римской патриціанкѣ. Прекрасная дочь Италіи казалась ему живой статуей греческой богини, сошедшей съ жертвенника, на которомъ Эллада приносила ей жертвы, богиней, достойной опять вступить на алтарь.

Оттонъ мѣста себѣ не находилъ, разспрашивая о заинтересовавшей его дамѣ.

— Кто она? Какъ зовутъ ее?

— Вдова Кресценція, котораго ты, государь, покаралъ справедливою смертью.

— Его жена!..

Трепетъ охватилъ Оттона!: какъ же онъ взглянетъ въ глаза той, которая видѣла мучительную, жестокую кончину мужа? Но одно мгновеніе,—и страсть разбила всѣ упреки совѣсти.

Одинъ за другимъ идутъ къ ней послы государя, но встрѣчаютъ только ненависть и презрѣніе... Однако, Оттонъ не теряетъ надежды.

— Не наложницей, а супругой короля ты будешь! Жену свою броситъ, отъ престола отречется, у твоихъ ногъ сложитъ свое могущество! — говорятъ непреклонной послы императора, но и на этотъ разъ римлянка проклятіями проводила пословъ. Императоръ былъ въ отчаяніи. Вдругъ ему приносятъ радостную вѣсть: „Больше жизни любитъ тебя“....

Дѣйствительно, упала красавица въ объятія императора, счастьемъ дышетъ молодое лицо, глаза, черные, какъ уголь, горятъ страстью; полуоткрытыя уста жаждутъ поцѣлуя...

— Сжалься надо мной, прекрасная! Выслушай мою просьбу.

— Нѣтъ, дорогой, не здѣсь. Тутъ, въ Римѣ, полонъ дворецъ людей... Ненавижу людей, когда я съ тобой....

— Въ Патерно ѣдемъ....

Безъ вѣдома рыцарей и свиты уѣхалъ молодой монархъ изъ Рима.

— Ты мнѣ простила?

— О чемъ ты говоришь?

Digitized by Google

— О казни твоего мужа.
— Не вспоминай!
— Боишься страшныхъ воспоминаній?
— Нѣтъ,—для меня эти воспоминанія не страшны!
— Что значатъ твои слова?
— Я потеряла мужа, но за то получила тебя!
— Дорогая моя, счастье мое, радость моя, молю тебя, выслушай мою просьбу!..

На свѣтлое чело молодой женщины вдругъ набѣжала тучка.

— О чемъ призадумалась милая?
— Боюсь... Ты всегда будешь меня любить, не измѣнишь мнѣ?
— Разсѣй свои думы! Будь увѣрена въ моей любви! Налей мнѣ вина!
— Вина хочешь? Сейчасъ...

Она выбѣжала изъ комнаты и черезъ минуту вернулась, неся жбанъ вина и двѣ золотыя чарки. Взяла одну чарку, поставила передъ Оттономъ и наполнила ее виномъ. Все это она сдѣлала съ полнымъ внѣшнимъ спокойствіемъ; только губы побѣлѣли, да рука вздрогнула слегка, пока она лила вино въ кубокъ...

— Пей, возлюбленный!—шепчетъ она.

Осушилъ императоръ кубокъ до дна и минуту спустя почувствовалъ ужасную боль, въ глазахъ потемнѣло, мысли помутились, лицо покрылось синими пятнами...

— Что со мной? Все болитъ внутри...
— Ничего, это пустяки!
— Помогите!!
— Жди помощи!
— Иди ко мнѣ. Помоги мнѣ, обними меня!

Оттонъ упалъ съ кресла. Женщина, видя это, поняла, что послѣдняя минута не далеко.

— Помощи хочешь?—со смѣхомъ спросила она.—Быть можетъ, моей любви?!
— Спасенія!!!

Волочится императоръ къ ней, обнять ее хочетъ...

Какъ тигрица отскочила она отъ него, глаза ненавистью горятъ, у рта пѣна, руки судорожно сжимаются... Вдругъ она быстро подскочила къ Оттону и съ нечеловѣческой силой ударила его по лицу. Императоръ ползаетъ у ногъ римлянки; а та разъяренная проклинаетъ его, бьетъ ногами, топчетъ...

— Отъ моей руки погибаешь, подлый убійца!!

. . . .

Оттонъ погибъ на двадцать второмъ году своей жизни. Проклятіями проводили его тѣло римляне. Толпы итальянцевъ встрѣчали траурный поѣздъ, чтобы проводить останки тирана проклятіями. Изъ Вероны солдаты вынуждены были бѣжать ночью, чтобы спасти тѣло покойника отъ посрамленія. Какъ разбойники, крадучись по ночамъ, двигались слуги съ останками своего господина.

Наконецъ, они перешли Альпы и добрались до Аахена, гдѣ и похоронили Оттона рядомъ съ Карломъ Великимъ. По смерти Оттона въ Германіи поднялись смуты.

Ближайшимъ родственникомъ и первымъ кандидатомъ на престолъ былъ Генрихъ Хромой, князь баварскій. Претендентами явились: князь швабскій, Германъ и приближенный Болеслава Храбраго Эккигардтъ. На соборѣ въ Майнцѣ баварцы, франконцы и лотаринги избрали императора Генриха. Приверженцевъ же Эккигардта новый императоръ сумѣлъ привлечь на свою сторону; самъ же маркграфъ бѣжалъ въ Познань, ища защиты у Болеслава Храбраго. Генрихъ II, по прозванію Хромой, былъ человѣкъ очень болѣзненный и подверженный, кромѣ того, наслѣдственному недугу.

ГЛАВА XI.

Несчастнымъ былъ тотъ день, когда чехи призвали на Вышеградскій престолъ родного брата Болеслава Храбраго, сына Мѣшко и Добравы,

Digitized by Google

Владыбоя. Не принесъ польскій князь счастья чехамъ. На камнѣ не взойдетъ, не зацвѣтетъ роза, въ зломъ сердцѣ не зародится доброе намѣреніе.

Король польскій прекрасно зналъ, что дѣлалъ, когда отстранилъ отъ управленія страной Владыбоя и остальныхъ братьевъ. Ему предстояло выбрать одно изъ двухъ золъ; или, уважая волю отца, подѣлиться землей съ братьями и тѣмъ нанести вредъ отчизнѣ, или, пренебрегая волею отца, спасти родину, лишивъ Владыбоя престола... Выродился этотъ человѣкъ, не достоинъ того дома, изъ котораго вышелъ...

Безпокойство охватило Болеслава, когда въ Познань явилось посольство просить Владыбоя принять управленіе надъ чехами. Если бы польскій король меньше любилъ этотъ народъ, то онъ бы даже порадовался, что внутренній его врагъ, родной братъ, лишенный имъ наслѣдства, покидаетъ родину, но, питая къ чехамъ самыя дружелюбныя чувства, онъ болѣлъ за нихъ душою, такъ какъ предвидѣлъ тѣ несчастья, которыя обрушатся на ихъ головы.

— Не радость намъ, а горе...

— Иди же ты, король, и займи Прагу!—говорилъ Собѣборъ.

— Чехами долженъ управлять Чехъ.

— Ты самъ видишь, что у меня на родинѣ происходитъ. Болеславъ Рыжій выгналъ изъ страны родную мать, народъ истязуетъ... Его злодѣянія перешли границу. Народъ возмутился, и вспыхнуло всеобщее возстаніе. Тирана прогнали и рѣшили предложить престолъ польскому королю. Иди же, Болеславъ!

— Народъ не меня, а моего брата Владыбоя зоветъ. Владыбой выбранъ единогласно чешскимъ княземъ.

— Знаю, знаю!—съ горечью произнесъ Собѣборъ. Не выдержали чехи гнета Болеслава Рыжаго и изъ двухъ золъ выбрали меньшее... Вмѣсто тирана выбрали...

— Не говори мнѣ о немъ! Замолчи!..

— Образумится, быть можетъ еще!—утѣшалъ Болеслава Вдалый Вальгиръ...

— Святое мѵропомазаніе дастъ ему разумъ для управленія народомъ.

— Дай то, Боже!—произнесъ Болеславъ Храбрый.

Не могъ успокоиться огорченный Собѣборъ и все продолжалъ соблазнять Храбраго...

Но тотъ былъ неумолимъ.

— Каждый народъ долженъ управляться своими законами и самъ долженъ рѣшать свою судьбу!—говорилъ онъ.—Нехороши его законы, быть можетъ?! Но это все-таки его законы! Нельзя намъ навязывать свою волю другимъ. Горе тому, кто протянетъ руку за чужою собственностью, кто посягнетъ на чужой заработокъ. Собственные законы, это величайшій даръ Всемогущаго. Кто отнимаетъ у народа его естественныя права, того постигнетъ кара Божья...

Такъ говорилъ король. Въ душѣ же его таились сомнѣнія и страхъ, ужасный страхъ...

Его опасенія были основательны Болеславъ предвидѣлъ слѣдующій день исторіи чешскаго народа...

. . . .

Въ голубой Велтавѣ Вышеградъ на себя любуется. Надъ крутымъ обрывомъ виситъ старая крѣпость. Сто оконъ въ замкѣ, всѣ окна залиты свѣтомъ, весь замокъ огнями блеститъ, сотни огней отражаясь, въ волнахъ рѣки колышатся въ нихъ. Громко раздается музыка; крики въ замкѣ слышны, какъ улей пчелинный гудитъ княжій дворецъ. То пируетъ Владыбой, новый чешскій князь... Толпа рыцарей его окружаетъ, толпа пьяныхъ веселится. Со всѣхъ сторонъ собраны сюда красивѣйшія дѣвушки; забыли онѣ заповѣди Бога, забыли наставленія родителей, стыдъ дѣвичій потеряли... Забыли рыцари, что они христіане, въ оргіяхъ время проводятъ, языческія забавы возобновляютъ, наглыя пѣсни

Digitized by Google

поютъ, языческимъ богинямъ дань уваженія отдаютъ. Не боятся чехи кары Божьей; съ единокровными родственницами, какъ съ женами живутъ, каждый мужъ имѣетъ столько женъ, сколько хочетъ; развратъ— одно ихъ желаніе, единственная цѣль ихъ жизни. Сотни инструментовъ оглашаютъ своими звуками замокъ, рѣки вина льются; въ винѣ и въ поцѣлуяхъ красавицъ рыцари разумъ теряютъ...

Больше всѣхъ безумствуетъ Владыбой, его окружаетъ толпа блудницъ; чарку за чаркой дѣвицы подносятъ къ устамъ его. Нетрезвой улыбкой благодаритъ князь за напитокъ, въ уста пьяныхъ женщинъ цѣлуетъ. По нѣсколько мѣсяцевъ сряду безчинствуетъ князь и остановиться не можетъ...

Ужасныя вѣсти изъ Чехіи въ Польшу летятъ. Стыдъ за брата и жалость къ народу терзаютъ сердце Болеслава, но все это еще терпитъ онъ.

Когда же къ нему пришли съ извѣстіемъ, что Владыбой, для того, чтобы спокойно безчинствовать, отдалъ свою землю въ подданство Генриху II, гнѣвъ обуялъ Болеслава, не въ силахъ онъ дольше выносить.

— Позоръ! Ужасный позоръ!— воскликнулъ онъ.—Съ нашими врагами дружбу заводитъ!

— Свергнуть его!!

— Лишить власти, которую онъ опозорилъ!

— Ступай, король, въ Прагу!— взывалъ къ Болеславу архіепископъ гнѣзненскій, Радзимъ.—Возьми подъ свое покровительство наслѣдство твоего брата!

— Пускай Чехія и Польша образуютъ одно государство.

— Владѣй нами, Болеславъ!—говорилъ чехъ Собѣборъ.

— И ты мнѣ совѣтуешь? Не понимаю тебя, точно ты добровольно вводишь иностранныя войска въ свой край.

— Иностранныя?!—крикнулъ Собѣборъ.

Собѣборъ удивленно взглянулъ на Болеслава.

— Въ первый разъ слышу такія рѣчи изъ устъ твоихъ. Не думалъ я, что ты врагъ мнѣ и моему народу, что для насъ ты—иноземецъ....

Свѣтлая улыбка озарила лицо Болеслава.

Собѣборъ съ сверкающими очами обратился къ толпѣ:

— Слушайте, братья, кого Болеславъ, съ соизволенія Папы, гнѣзненскимъ архіепископомъ назначилъ?

— Чеха! Радзима!

— А что, Великополяне, ксендзъ Радзимъ для васъ иноземецъ?!

— Нѣтъ, нѣтъ!! Онъ братъ нашъ кровный... Да здравствуетъ архіепископъ! Да здравствуетъ ксендзъ нашъ Славникъ!!!

— Да здравствуютъ Чехи!

Собѣборъ обернулся къ королю и говоритъ:

— Ты господинъ, могъ предполагать, что будешь для насъ чужеземцемъ?

— Нѣтъ, не думалъ я этого!— возразилъ Болеславъ, обрадованный дружбой двухъ родственныхъ народовъ.

— Да здравствуетъ Собѣборъ!— воскликнулъ Вальгиръ.

— Братья, вы знаете, что съ лютиками дѣлается?

— Гибнутъ на висѣлицахъ, мрутъ въ неволѣ!

— Вѣдаете судьбу нашихъ братьевъ, что надъ моремъ голубымъ живутъ?

— Какъ скотъ на рынкахъ продаютъ ихъ!

— Въ чемъ спасеніе наше?

— Въ дружбѣ, въ объединеніи насъ, въ соединеніи всѣхъ нашихъ силъ....

— Кто же можетъ насъ соединить, отъ неволи избавить и раздавить нашихъ мучителей?

— Болеславъ Храбрый!!!

— Слышишь, государь! Вотъ почему я прошу тебя править, чехами— обратившись къ Болеславу, молвилъ Собѣборъ.

Digitized by Google

— Чехами правитъ братъ мой!

— Погибшій онъ человѣкъ! Выродокъ изъ вашего дома...

Внезапно вбѣгаетъ гонецъ изъ Праги, услышавъ слова Собѣбора говоритъ:

— Не намъ надъ нимъ приговоръ произносить. Богъ теперь ему судья!

— Что хочешь ты этимъ сказать?

— Владыбой умеръ!

— Возможно ли? Недѣлю тому назадъ онъ былъ здоровъ.

— Въ честь нѣмецкихъ пословъ пиръ онъ устроилъ. За столъ рыцари сѣли, дѣвушки окружили ихъ, отъ смѣха и пѣсенъ голоса охрипли; въ питьѣ мѣру потеряли, глаза отъ вина потускнѣли. Схватилъ Владыбой огромный кубокъ, притихли всѣ, поднесъ къ губамъ кубокъ и молвилъ: „Да здравствуетъ мой господинъ и покровитель, императоръ нѣмецкій Генрихъ"! Прильнулъ губами къ чашѣ и черезъ мгновенье рухнулъ на землю мертвый, губы только открылись какъ бы стараясь втянуть воздухъ.

— Какова жизнь, такова и смерть!— произнесъ Здѣшко.

—Да проститъ ему Господь прегрѣшенія его!—воскликнулъ Стоигнѣвъ.

— Теперь въ дорогу.

— Куда?

— Въ Прагу. Ты, король, вступишь на престолъ Чешскій.

— Нѣтъ!—съ силой воскликнулъ Болеславъ..

Наступила мертвая тишина. Всѣ въ ожиданіи чего то ужаснаго обратили къ нему свой взоръ.

— Чехами пусть владѣетъ Чехъ!!!

Какъ громъ раздались слова Болеслава, никто противиться его волѣ не смѣетъ, хотя въ душѣ съ нимъ никто не согласенъ. Въ глазахъ всѣхъ вопросъ стоитъ, откуда то доносится ропотъ.

— Ты хочешь, государь, чтобы Яромиръ чехами правилъ! — осмѣлился, наконецъ, произнести Стоигнѣвъ.

— Прочь его!—крикнулъ Собѣборъ.

— Кто же будетъ владѣть Прагой?

— Кто?!— спросилъ король.—Законный наслѣдникъ престола!

— Какъ? Болеславъ Рыжій?!

— Онъ!!!

— Это не можетъ быть!

— Моя воля будетъ исполнена!— твердо и рѣшительно произнесъ Болеславъ.

Не теряя времени, польскій король послалъ гонца во Францію къ графу Гецила, съ которымъ его связывали давнишняя и продолжительная дружба и тайныя государственныя дѣла. Тамъ, въ крѣпости графа, въ высокой башнѣ былъ заключенъ чешскій князь Болеславъ. Посолъ Храбраго бесѣдовалъ съ узникомъ, предложилъ ему условія своего короля и, когда Болеславъ послѣ нѣкотораго раздумья, согласился исполнять всѣ требованія, то посолъ, именемъ польскаго владыки, приказалъ освободить князя. Сняли кандалы съ его рукъ, выпустили на свободу и тотчасъ же поспѣшили обратно въ Польшу, гдѣ король съ нетерпѣніемъ ожидалъ своихъ пословъ.

. . . .

Въ часовнѣ познаньскаго замка передъ Распятіемъ Христа горятъ свѣчи. Два Болеслава ведутъ продолжительную бесѣду. Всѣ двери заперты, во всѣхъ башняхъ засовы задвинуты.

— Даешь ли клятву? — спросилъ Чеха Болеславъ Храбрый.

— Отцомъ моего народа буду, слезы угнетенныхъ осушу, всѣ неправыя дѣла мои заглажу, для сиротъ, которыя потеряли отца по моей винѣ, благодѣтелемъ буду.

— Слушай, братъ мой! Ты знаешь, что чехи возвели моего брата на престолъ, что тебя лишили власти и вручили ее моему брату?

— Изъ твоихъ рукъ получу ее теперь!

— Не иначе. Но помни, что тѣ, кто тебя лишилъ власти,—мои друзья, и что они всегда съ радостью

Digitized by Google

возведутъ на престолъ польскаго короля. Обѣщай, что не будешь имъ мстить, что простишь имъ прошлое?!

— Прощу!

— Поклянись передъ образомъ Спасителя.

Болеславъ Рыжій, поднявъ руку къ небу, торжественно произнесъ:

— Клянусь!!

— Братъ, твои слова слышалъ Богъ!

. . . .

По полю, покрытому бѣлой пеленой, двадцать тысячъ всадниковъ ѣдутъ. Лютый январскій морозъ щиплетъ и жжетъ имъ лицо. На востокѣ голубая мгла окутала подножье трона, на который восходитъ царь свѣта, золотисто - багряное солнце. Высокія сосны бросаютъ синеватыя тѣни; на западномъ склонѣ царствуетъ мракъ, а вершины горъ, которыя первыя узрѣли уже лучи солнца, покрываются багрянцемъ. Равнина полна жизни; кони фыркаютъ, дружинники затянули пѣсню, а рыцарство шутками и веселымъ смѣхомъ привѣтствуетъ наступающій день.

Во главѣ многочисленной конницы старѣйшины ѣдутъ; вѣтеръ развѣваетъ знамена; передъ знаменами два владыки гарцуютъ. Мужество свѣтится въ глазахъ Болеслава Храбраго, свѣтлая улыбка озаряетъ лицо, на устахъ рѣчь ласковая. Болеславъ чешскій на словахъ поддакиваетъ Храброму, а въ душѣ совсѣмъ иныя мысли кроетъ. На совѣты Храбраго простить своихъ враговъ уста его говорятъ: „да, да“! а ехидная усмѣшка перечитъ лживымъ словамъ и говоритъ: „нѣтъ, нѣтъ“! Войско все двигается впередъ. Отъ Познани до Силезіи прошли уже и, наконецъ, въ чешскую землю вступаютъ.

. . . .

Въ Чехіи нѣмцы правятъ уже. Отъ имени Генриха II Прагу заняли два брата Болеслава Рыжаго, Яромиръ и Ольдригъ. Нѣмецъ утвердилъ ихъ на престолѣ; нѣмецкіе рыцари заняли чешскіе гарнизоны. Моравскіе и польскіе полки ѣдутъ, чтобы прогнать нѣмецкихъ вассаловъ изъ родной страны. Удивительная война происходитъ, нѣтъ надобности даже вынимать мечъ, одинъ только видъ несмѣтнаго войска Болеслава Храбраго наводитъ такой ужасъ, что нѣмцы бѣгутъ изъ всѣхъ городовъ и крѣпостей. Яромиръ и Ольдригъ, появившіеся въ Чехіи какъ молнія, теперь исчезли такъ же стремительно. Они убѣжали къ нѣмецкому императору, оставивъ открытыми ворота Праги. Войска Болеслава прошли всю страну, оставляя во всѣхъ городахъ часть своихъ силъ.

Тишина и спокойствіе водворились въ Прагѣ; съ довѣріемъ смотрѣли на будущее враги Болеслава. Онъ до неузнаваемости перемѣнился: ласками и добротой окружилъ своихъ враговъ, въ нуждѣ послѣднюю рубашку отдаетъ ближнему. Тѣ, кто возставалъ противъ него когда-то, искренно каются теперь въ этомъ, глядя на его безпорочную и доблестную жизнь.

Исчезли опасенія, утихли страхи. Весело празднуетъ Прага масляницу, во всѣхъ домахъ гремитъ музыка, раздается веселый смѣхъ молодежи, „народъ предается безобразнымъ забавамъ этого міра“. Одинъ за другимъ слѣдуютъ пиры. Вспомнили воеводы, какъ пировалъ князь Владыбой; на пирахъ музыка гремитъ, рѣкою вино льется, дѣвицы красныя тѣшатъ пирующихъ своими пѣснями и смѣхомъ...

Въ послѣдній день масляницы князь Болеславъ позвалъ на пиръ всѣхъ своихъ бывшихъ враговъ. Со всѣхъ концовъ королевства съѣхались воеводы въ Прагу.

Приказалъ Болеславъ позвать родную дочь свою.

— Сторонишься меня, дочь моя?

— Исполняю волю мужа!

— Онъ ненавидитъ меня...

— Тебя, отецъ? Нѣтъ. Онъ ненавидитъ твои безчинства!

Digitized by Google

— Ложь! Вржовцы и Славники давно были моими врагами и теперь соединились, чтобы возстановить народъ противъ меня, чтобы отнять у меня наслѣдство моихъ отцовъ. Ваши очи на Польшу смотрятъ, вы свое тѣло и душу полякамъ продали.

— Ошибаешься, отецъ! Всею душою любимъ мы родную землю.

— Владыбоя вы призвали?

— Да!

— Твой мужъ сталъ во главѣ возстанія, которое свергло меня и отдало полякамъ чешскую землю.

— Развѣ онъ виноватъ въ томъ?

— Кто же еще?

— Твои поступки!

— Ты говоришь, мои поступки? Пусть такъ! Если въ самомъ дѣлѣ вы боролись не противъ меня, а противъ моихъ дѣлъ, то теперь, когда эта причина умерла...

Королевна воскликнула:

— Дай Богъ, чтобы это была правда.

— Ты плачешь! Не вѣришь!

— Я молю Бога улучшить мою долю.

— Развѣ ты несчастлива?

— И ты, отецъ, спрашиваешь?! Развѣ я могу быть счастлива, когда мое сердце разрывается на двѣ части, когда сердце кровью обливается... Вѣдь, я и тебя, и мужа люблю, а ты смотришь на мужа, какъ на врага, не хочешь простить его...

Болеславъ бросился къ задыхающейся отъ слезъ дочери, обнялъ ее и крѣпко прижалъ къ себѣ.

— Прости меня, мое дитя! Прости мои слова.

— Пусть Господь Богъ тебя проститъ!

— Призвалъ я тебя не для того, чтобы твое сердце терзать и бередить твою рану... Я хочу дружбы твоей и твоего мужа. Прошу его простить меня. Хочу его прижать къ моей груди, хочу его имѣть сыномъ моимъ!

Оцѣпенѣла отъ счастья дочь Болеслава, вся притихла и вдругъ со слезами радости бросилась отцу въ объятія...

— Дожила до счастья... Боже мой!

— Ты видишь, дитя, какъ сильно я измѣнилъ свою жизнь... Если я всѣхъ простилъ и если я добился любви всѣхъ, то долженъ снискать и вашу дружбу. Забудь о прошломъ. Пусть оно исчезнетъ, какъ снѣгъ.

— Весна! Весна теперь идетъ!

— Приведи ко мнѣ твоего мужа. Пусть онъ придетъ на мой пиръ.

. . . .

Пышный пиръ во дворцѣ. Давно такого веселья не видала Прага, давно не звучала такая музыка въ стѣнахъ замка. Смертельные враги нѣкогда, желанные гости сегодня, собрались въ стѣнахъ Вышеграда; гулъ голосовъ, звонъ чаръ, пѣніе разносятся по всѣмъ палатамъ дворца. Всѣ собрались уже и за столы сѣли, только князя Болеслава нѣтъ еще. Но вотъ и онъ явился.

Въ сверкающемъ каменьями одѣяніи, съ короной на головѣ, съ мечемъ въ золотыхъ чеканныхъ ножнахъ у пояса, въ пурпуровой мантіи вступилъ владыка въ палату и остановился. На встрѣчу ему поднялись всѣ гости. Съ улыбкой на лицѣ, съ лаской въ очахъ привѣтствовалъ онъ всѣхъ собравшихся. Простирая къ нимъ руки, какъ бы желая всѣхъ заключить въ свои объятія, приблизился князь къ столу:

— Для меня вы всѣ дороже жизни...

Сѣлъ князь за столъ,—и пиръ начался. Въ изобиліи заставлены столы яствами, рѣки вина льются, а любезный хозяинъ все подчуетъ гостей дорогихъ...

— Пейте, братья дорогіе!!!

— До твоего прихода тысячу чаръ за твое здоровье осушили!

— За ваше здоровье!

— Много лѣтъ тебѣ здравствовать, владыка!

— Пейте и ѣшьте. Послѣдняя ми-

Digitized by Google

нута, послѣдній часъ. Сегодня послѣдній день масляницы, а потомъ раздастся великопостный звонъ и конецъ веселью. Эй! музыканты, или ваши пальцы больше не владѣютъ?

Зазвучали струны, веселыми звуками наполнилась палата. Болеславъ съ прежними врагами за ихъ здоровье пьетъ, ласковыя рѣчи имъ говоритъ, лицо его пылаетъ, глаза блестятъ, самъ онъ слегка уже покачивается... Одинъ за другимъ кубки осушаетъ, на минуту пріостановился и обвелъ всѣхъ глазами, точно сосчитать ихъ хотѣлъ...

— Скоро полночь, скоро звонъ раздастся, а пока пейте всѣ! За мною!

Схватилъ князь ковшъ и поднесъ его къ губамъ, за нимъ подняли свои кубки...

Раздалось гудѣніе колокола...

— Прочь музыканты! Пришелъ часъ покаянія и печали! Головы пепломъ посыплемъ!

— Съ тобой, владыка, молиться будемъ!!!

— Молись, брате. Тебѣ нужна молитва!

— Что значитъ это?

— Поймешь сейчасъ, другъ сердечный. Ты ѣздилъ въ Познань, чтобы передать мое наслѣдіе сыну Мѣшко, Владыбою?

— Я, властелинъ!

— И я! И я!

— Ты насъ простилъ за это, государь?

— Всею душою люблю васъ, братья.

— Ты простилъ намъ наши прегрѣшенія? Ты забылъ о нихъ!

— Забылъ!? Но этотъ звонъ мнѣ напомнилъ! Слышите, какъ онъ плачетъ и стонетъ, такъ плакала и стонала моя душа, когда я долженъ былъ покинуть землю родную. Какъ гудитъ этотъ звонъ! Точно онъ плачетъ надъ судьбою земныхъ существъ.

— Что говоришь ты, князь?!— воскликнули пораженные гости.

— Говорю, что сегодня день проклятія! Смерть гласитъ этотъ звонъ!

— О смерти говоритъ!

— Мстить быть можетъ хочетъ?

— Бѣжимъ, пока время еще не ушло!!!

— Бѣжать хотите?! Бросить меня? Нѣтъ, вы не выйдете отсюда. Мой гостепріимный домъ не пуститъ васъ...

— Такъ то ты насъ простилъ?! Мы довѣрились тебѣ, безоружные вошли въ твой домъ.

Внезапно омрачилось лицо князя, въ глазахъ скорбь и раскаяніе. Растроганный, пьяный Болеславъ вдругъ зарыдалъ.

— Плачетъ... Ошиблись мы!

Бросились къ нему его гости, упали передъ нимъ на колѣни и наклонили головы къ его стопамъ, какъ цвѣты клонятся къ ногамъ косца...

— Ко мнѣ, мои дѣти! Всѣхъ васъ къ своему сердцу хотѣлъ бы прижать.

— До гроба—твои слуги!

— Подойди ко мнѣ, дочь моя.

Къ ногамъ Болеслава упали зять его и дочь.

— Отецъ нашъ, любимый!

— Встань, сынъ мой, говорить съ тобой хочу. Раньше ты стоялъ во главѣ возстанія!

— Не береди, отецъ, ранъ моихъ. Ихъ заживитъ время!

Болеславъ молча взялъ кубокъ въ одну руку—огромный жбанъ въ другую и изо всей силы ударяетъ кубкомъ по жбану. Рѣзкій металлическій звукъ раздался и разнесся далеко.

— Ты говорилъ, зять, что раны время заживитъ!?

— Богъ исцѣлитъ.

— А я тебѣ говорю,—громовымъ голосомъ крикнулъ Болеславъ,—что ихъ кровь исцѣлитъ!

— Что хочешь ты сказать?

— Смотри!—крикнулъ онъ, показывая на двери,—видишь?

Страшный шумъ слышенъ кругомъ, со стукомъ отворяются двери, и въ нихъ показываются воины,

Digitized by Google

вооруженные съ ногъ до головы и закованные въ латы.

— Боже!

— Всѣ двери заграждены войскомъ!

– Ты, зять мой, возвелъ на престолъ Владыбоя Пяста?

— Я...—прошепталъ онъ.

Какъ молнія сверкнулъ мечъ Болеслава и со страшной силой вонзился въ грудь Вжовца; свистя хлынула струя крови.

— Твоя кровь исцѣлитъ мои раны!! — демоническимъ смѣхомъ захохоталъ Болеславъ, глядя на рухнувшаго, истекающаго кровью человѣка.

Толпа, окружавшая князя, въ ужасѣ отшатнулась отъ него. Съ отчаяннымъ воплемъ дочь Болеслава упала на трупъ мужа...

— Злодѣй! Душегубецъ!!

Какъ дикій звѣрь кинулся Болеславъ на женщину, схватилъ ее за волосы и безъ милосердія оттаскиваетъ отъ тѣла убитаго мужа...

— Выродокъ...

Не могъ Болеславъ справиться съ дочерью, въ бѣшенствѣ припалъ къ метающейся женщинѣ...

— Крови его хочешь?! Она тебѣ ближе моей! Кровь мужа дороже крови отца?! Хорошо!!

Схватилъ руками шею дочери, направилъ ея голову къ груди убитаго и со страшной силой прижалъ ее губами къ ранѣ...

— Пей! Пей кровь!.. Его кровь! Пей...

Захлебнулась кровью мужа своего дочь Болеслава..

. . . .

Въ оцѣпенѣніи, безъ мысли въ головѣ, остановившимися отъ страха глазами смотрятъ собесѣдники короля; нѣкоторые попробовали пробиться сквозь рядъ солдатъ у двери, но, проколотые мечами, тутъ же упали замертво...

Три Вжовца бросились къ убійцѣ, желая оттащить его отъ дочери, но только прикоснулись до князя, какъ на нихъ съ рычаніемъ накинулись псы. Десять огромныхъ животныхъ рвутъ и терзаютъ беззащитныхъ людей. Вотъ одинъ схватилъ за горло Славника и душитъ его...

Поднявъ голову, Болеславъ окинулъ взоромъ всю палату и приказалъ прислужникамъ:

— На жатву!..

Нѣсколько сотъ людей бросилось въ палату,—и началась рѣзня. Одинъ за другимъ падаютъ гости дорогіе... Всталъ Болеславъ съ трупа зятя, подошелъ къ столу, взялъ тяжелый ковшъ и размозжилъ имъ голову своей дочери... Оглянулся вокругъ.

— Всѣ! — шепчетъ онъ,—всѣ теперь!.. Сердца для Польши бились... Утихъ горный потокъ, солнце выпило изъ него всю влагу...

Съ сатанинской улыбкой обводитъ онъ глазами палату, воздухъ которой пахнетъ теплой кровью... Обернулся къ палачамъ:

— Идите прочь! Откройте погреба, выкупайтесь въ винѣ.

— Идемъ, господинъ!

— Стойте... Музыкантовъ позовите!

— Попелецъ *), владыко... Звонъ гудитъ... Часъ печали и покаянія...

Злая усмѣшка искривила губы пьяницы...

— Мой постъ и моя печаль были до сихъ поръ. Пепломъ лжи посыпалъ я свое лицо до этого дня! Я былъ, какъ гробъ, который прикрываетъ благовонными цвѣтами разложившееся содержимое. Сегодня моя масляница началась...

— Твои враги пали...

— Нѣтъ ихъ больше!! Вина! Вина!! Музыкантовъ!!!...

Дрожащей рукой музыканты въ струны ударяютъ, ихъ струны стонутъ и плачутъ; звонъ колокола рѣзко разносится по воздуху; псы, лежа у подножья трона, отчаянно воютъ... Болеславъ въ раздумьи слу-

---

*) Среда на первой недѣлѣ великаго поста называется попелецъ у католиковъ. Въ знакъ скорби и печали въ этотъ день посыпаютъ головы пепломъ. *Прим. перев.*

Digitized by Google

шаетъ эту адскую музыку и тихо повторяетъ:

— Моя масляница!.. Мой праздникъ...

Вотъ онъ всталъ, взялъ кубокъ, хочетъ ко рту поднести его, но рука ему измѣнила... пошатнулся князь, упалъ на тронъ и въ безсиліи свалился съ него на ступени...

Вѣрный песъ подскочилъ къ Болеславу...

Звонъ умолкъ.

(До слѣд. №-ра).

Мой путь.

Въ ненастный день я вышелъ на дорогу...
Повсюду грязь... Невесело идти...
И отдохнуть нѣтъ мѣста на пути,
Но я иду... тихонько... понемногу...
Одѣлъ туманъ безмолвныя поля,
Слегка колеблемый вѣтрами,
И тучи движутся горами,
И стонетъ тощая земля...
Но вѣрю я: за синей полосою
Меня ждетъ лугъ зеленый, весь въ цвѣтахъ,
Облитыхъ утренней росою,
И солнце въ ясныхъ небесахъ.
Туда мой путь... И копитъ сердце силы,
Тамъ отдохну въ душистомъ я саду,
Тамъ прозвенитъ мнѣ снова голосъ милый...
Дойду ли только?...
О, дойду!...

С. Федоренко.

III.

Японскій языкъ.—Нравы.—Положеніе женщины.—Семья.—Религія.—Праздники.—Нѣкоторые обряды.

Японскій языкъ сроденъ съ манджурскимъ и принадлежитъ къ алтайской группѣ. Никто изъ восточноазіатскихъ народовъ не говоритъ на томъ языкѣ, на которомъ онъ пишетъ, и японская разговорная рѣчь отличается отъ книжной настолько, насколько русскій яз. отличается отъ древнеболгарскаго. Книжный языкъ труднѣе разговорнаго.

Каждое прилагательное употребляется трояко: съ окончаніемъ „Кі" оно бываетъ опредѣленіемъ, съ „shi"—сказуемымъ, а съ „Ku" употребляется тогда, когда слѣдуетъ другое предложеніе. Напр.: *takaki yama,* большая гора; *yama takashi,* гора высока; *yama takaku, kiku samuku,* гора высока, климатъ суровъ.

Въ японскомъ языкѣ нѣтъ члена, рода и множ. числа, а въ прилагательныхъ, кромѣ того, и степеней сравненія. Для выраженія одного и того-же личнаго мѣстоименія служатъ нѣсколько словъ, что зависитъ оттого, съ кѣмъ говорятъ. Напр., „я" въ разговорѣ съ лицомъ, которому желаютъ выразить уваженіе, обозначается словомъ watakshi, а когда говорятъ съ близкимъ знакомымъ—washi и, наконецъ, со слугою или товарищемъ — boku; въ интимномъ же кружкѣ—ore, а рабочіе между собою говорятъ oira или ora.

Какъ австралійцы умѣютъ считать только до пяти, такъ и древніе японцы ограничивались счетомъ до 10 (числомъ пальцевъ на рукахъ). Названія этихъ чиселъ слѣдующ.: 1-hitots, 2-ftats, 3-mits, 4-yots, 5-itsuts, 6-muts, 7-nanats, 8-yats, 9-kokonots, 10-to. Они ставятся послѣ существительн. и не употребляются въ рѣчи о лицахъ. Со многими японскими словами они сливаются въ одно и теряютъ тогда окончаніе *ts.* Такъ hitotabi значитъ разъ, hitotsuki одинъ мѣсяцъ. Японское слово *Ka* значитъ день, ftska—два дня, mikka три дня, nanuka—семь дней. Теперешняя же япон. нумерація заимствована у китайцевъ и читается такъ: 1—ichi, 2—ni, 3—san. 4—shi, 5—do, 6—roku, 7—shichi, 8—hachi,

Digitized by Google

9—ku, 10—ju, 11—juichi, 100—hyaku, 101—hyaku ichi и т. д.

Глаголъ не выражаетъ лица, и единственное число одинаково съ множественнымъ. Все это угадывается по смыслу. Отрицаніе *не* не употребляется, а глаголы имѣютъ особую отрицательную форму. Союзовъ очень много. Въ предложеніи второстепенные члены предшествуютъ главнымъ, а глаголъ ставится всегда въ концѣ. Олицетворенія не знаютъ; такъ, не говорятъ; „холодъ его убилъ", а „ставъ холоднымъ, онъ умеръ". Изъ согласныхъ не употребляютъ звука Л, замѣняя звукомъ *р*.

И теперь еще, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ, японское письмо состоитъ изъ идеограммъ, къ которымъ присоединены китайскіе значки (Katakana), называемые японцами просто Kana.

Были попытки нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ замѣнить идеограммы простѣйшими знаками катакана или хирагана или даже обыкновенной латинской азбукой, но все это было безуспѣшно. „Популярная книга, офиціальная бумага, объявленіе, письма—пишутся смѣшаннымъ шрифтомъ" (Чемберленъ). Изученіе японскаго языка стало доступнымъ европейцамъ только тогда, когда они стали записывать японскую рѣчь латинскими буквами. Надъ этимъ не мало потрудились англійскіе филологи В. Г. Астонъ Э. Сатовъ и Базиль Галь Чемберленъ.

Японцы подписываютъ раньше фамилію, а затѣмъ уже имя. Напр., Танака Муніо; первое слово—корень средневѣковой фамиліи и обозначаетъ мѣстожительство ея въ то время „между рисовыми полями". Муніо личное имя (nanori) или, какъ у насъ говорятъ, имя, данное при крещеніи, и обозначаетъ „несравненный король". Лица знатнаго происхожденія добавляютъ еще названіе дома, изъ котораго происходятъ, такъ: Fujiwara no Tanaka Munio. Zokumjo—имя, которое дается при жизни въ противоположность тому, которое получается послѣ погребенія, когда люди, по ихъ мнѣнію, обоготворяются и получаютъ соотвѣтственныя имена. Дѣвушекъ называютъ: Астра, Цвѣтокъ, Тростникъ, Снѣгъ и т. д.

Возрастъ въ Японіи всегда считается отъ 1-го числа того года, въ которомъ человѣкъ родился, такъ что родившіеся въ декабрѣ бываютъ на годъ моложе, чѣмъ ихъ считаютъ Дѣвушки празднуютъ день своего рожденія 3-го марта, а юноши 5-го мая.

Новорожденные получаютъ имя на 7-ой день, а по истеченіи мѣсяца бреютъ имъ головы и уже 4-хъ мѣсячныхъ одѣваютъ въ костюмы старшихъ (en miniature), такъ что они получаютъ видъ куколъ. Въ 11-тый день 11-го мѣсяца начинаютъ оставлять на головѣ ребенка пучки волосъ.

Мальчики очень рано поступаютъ въ мастерскія, а позже уже отбываютъ свои три года въ школѣ. Они въ ручномъ трудѣ гораздо ловче нашихъ дѣтей. Однажды 8-ми лѣтній мальчикъ такъ скоро и аккуратно отшлифовалъ мнѣ стекло въ золотыя очки, какъ того не сдѣлалъ бы и мастеръ въ оптическомъ магазинѣ на одной изъ лучшихъ улицъ Токіо.

Восточно-азіаты считаются вѣжливымъ народомъ. Японки при посѣщеніи взаимно привѣтствуютъ другъ друга, ставъ на колѣна, наклонясь впередъ и опершись на ладони; въ такомъ положеніи онѣ остаются цѣлую минуту.

Дѣвушки не изучаютъ идеограммъ, а только „Кана". Онѣ учатся играть на трехструнной гитарѣ (samiseng) или на 13-тиструнной цитрѣ. Повиновеніе—ихъ главная обязанность: онѣ слѣпо исполняютъ родительскую волю.

Вообще японскія дѣвушки ведутъ замкнутый и нравственный образъ жизни.

Весьма несправедливо поступаютъ наши иностранцы, позволяя себѣ

Digitized by Google

въ японскихъ гостиницахъ невѣжливое и презрительное обращенiе съ женской прислугой; ошибочно предположенiе, что наивныя и непринужденныя японки допускаютъ легкомысленную игру съ ними: молодыя японки не хуже своихъ европейскихъ сестеръ. У японцевъ прислуга—членъ семьи.

„Кто рано женится, тотъ не раскаивается“, сказано въ законѣ Iеiазу, по которому каждый 16-ти-лѣтнiй японецъ долженъ находить себѣ свата и при его содѣйствiи вступать въ бракъ, что выполняется и до сихъ поръ.

Бракъ по любви не признается. Главное вниманiе обращаютъ, чтобы семья была подходящей, а супружество должно уживаться. Дочери не получаютъ никакого приданаго, такъ какъ наслѣдникомъ всего имущества признается старшiй сынъ. Сватъ, Nакодо, довѣренное лицо, не получаетъ никакого вознагражденiя. Его обязанность отправиться къ семьѣ дѣвушки и ознакомиться съ ея взглядами на жениха. Только послѣ этого отецъ молодого человѣка идетъ къ мужу невѣсты и ведетъ съ нимъ переговоры. Если свиданiе это приводитъ къ соглашенiю, то послѣ него дозволяется молодымъ людямъ свидѣться (Мiаi) или въ домѣ невѣсты, или на какомъ нибудь мосту или въ театрѣ. При встрѣчѣ дѣвушка молчитъ. Оба низко кланяются. Никакого ухаживанiя, поцѣлуевъ въ Японiи не существуетъ; послѣднему много мѣшаютъ, вѣроятно, бѣлила, окрашенныя губы и взбитыя прически. Послѣ свиданiя спрашиваютъ у молодыхъ людей согласiя на бракъ. Они говорятъ „да“. Тогда обмѣниваются подарками и назначаютъ день свадьбы.

Въ высшихъ слояхъ общества подарки состоятъ изъ бѣлаго шелковаго платья, вышитаго золотомъ кушака, куска шелковой матерiи, нѣсколькихъ боченковъ „sake“ и 7 сортовъ засахаренныхъ фруктовъ. Бѣдные посылаютъ, конечно, меньше.

Въ день свадьбы женихъ съ невѣстой сидятъ въ одной изъ лучшихъ комнатъ въ домѣ жениха, украшенной цвѣтами и зеленью, и выпиваютъ три рюмки рисоваго вина, послѣ чего бракъ считается заключеннымъ, и молодые люди вписываются въ книгу, какъ супруги.

Жена должна повиноваться мужу, а еще болѣе его родителямъ. Случается, что жена, отправившись на 3-й или 7-ой день въ гости къ своимъ родителямъ, уже больше не возврашается къ мужу.

Разводъ у японцевъ получается легко. Какая-нибудь сплетня, а еще болѣе неповиновенiе жены — служатъ достаточнымъ основанiемъ для этого. Въ такихъ случаяхъ семья мужа пишетъ разводное письмо въ три съ половиной строки, и изъ брачной записи вычеркивается имя жены. Четвертая часть браковъ, по меньшей мѣрѣ, въ Японiи расторгается. Мужъ—единственный повелитель въ дому, а жена—его раба, мѣсто которой только въ кухнѣ и въ дѣтской. Вдовы же обязаны повиноваться своимъ старшимъ сыновьямъ.

Бездѣтные супруги усыновляютъ мальчика. Въ дѣлѣ воспитанiя главное вниманiе обращается на внушенiе дѣтямъ полнѣйшаго самоотверженiя для родителей. Существуетъ книга съ 24 разсказами о подобномъ самоотверженiи. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: „Мальчикъ, желающiй достать для мачехи рыбы, ложится на замерзшую рѣку, чтобы своей теплотой растопить ледъ, или: „Мальчикъ спитъ ночью непокрытымъ, чтобы отвлечь насѣкомыхъ отъ родителей и т. д.

Твердыхъ религiозныхъ убѣжденiй у этого народа не существуетъ. Какъ пишетъ Мунцингеръ, они одинаково поклоняются и буддiйскому hotoke, и древне-японскому Ками; ходятъ и въ буддiйскiе храмы (Tera), и въ древне-японскiе Мija. Въ буд-

Digitized by Google

дійскихъ храмахъ царитъ великолѣпіе: золото, шелкъ, вышивки, рѣзьба, фарфоръ и бронза—самой изящной работы виднѣются повсюду. Нѣкоторые храмы вовсе и не похожи на мѣста, предназначенныя для молитвы, такъ напримѣръ храмъ Сивы и храмъ Іеіазу въ Тошогу при Никко. Опредѣленнаго времени для молитвы или воскреснаго дня для церковной службы у буддистовъ нѣтъ. Въ Кіото есть храмы, подобные европейскимъ, въ видѣ корабля со многими колонами, но служба въ опредѣленное время и въ нихъ не совершается. Въ ясные воскресные дни или въ храмовые праздники народъ разгуливаетъ передъ храмомъ взадъ и впередъ, какъ у насъ на ярмаркахъ. Тутъ же устроены лавки, гдѣ продаютъ дѣтскія игрушки, сладости и разнаго рода товары.

При входѣ въ храмъ вѣрующіе моютъ руки и ротъ въ устроенномъ передъ храмомъ водовмѣстилищѣ, за что приносятъ небольшую жертву: покупаютъ немного пищи для ручныхъ голубей, свободно разгуливающихъ тутъ же передъ храмомъ, сознавая свою неприкосновенность. Послѣ этого вѣрующій входитъ въ притворъ храма, отдѣленный отъ главной части (святая святыхъ) рѣшеткой; онъ становится на колѣни, складываетъ руки и кланяется, касаясь лбомъ пола, шепчетъ какое-нибудь изреченіе (смотря къ какой сектѣ принадлежитъ) и смотритъ съ благоговѣніемъ на идоловъ, выставленныхъ въ глубинѣ храма, гдѣ жрецы, сидя на полу, читаютъ молитвы. Чрезъ 3—5 минутъ молящіеся снова встаютъ, бросаютъ мелкую мѣдную монету (рѣдко больше 2 коп.) въ большой деревянный ящикъ, прикрытый деревянною же рѣшеткою, хлопаютъ въ ладони, чтобы обратить на себя вниманіе идоловъ, и удаляются.

Жрецы не заботятся о душахъ паствы. Приходовъ никакихъ не существуетъ. Въ духовенствѣ не нуждаются ни при крещеніи, ни при бракѣ, а только при приближеніи смерти. Тутъ только ихъ призываютъ для прочтенія молитвъ изъ священныхъ книгъ. Самое же погребеніе производится по буддистскому обряду... Священники нѣкоторыхъ сектъ проповѣдуютъ, но имѣютъ очень мало слушателей. „Немного чести быть буддистскимъ священникомъ", говоритъ Мунцингеръ: „даже крестьянинъ не охотно отдаетъ ему своего сына въ обученіе".—Тѣмъ не менѣе въ Японіи 10 буддистскихъ сектъ и болѣе 72000 храмовъ.

Жрецы, которымъ служба доставляетъ ихъ хлѣбъ-рисъ, совершаютъ иногда особый родъ безсмысленной службы: старшій изъ жрецовъ продѣлываетъ молча какія-то тѣлодвиженія, младшіе сидятъ тутъ же на полу, а народъ смотритъ извнѣ. Что выражаютъ выставленные при этомъ въ глубинѣ храма „Хошутама" (буддистскіе орнаменты), никто не знаетъ.

Шинтоизмъ, возведенный теперь въ государственную религію и исповѣдуемый въ 56500 храмахъ, имѣетъ такъ же мало практическаго смысла. Церемоніи и разныя процессіи съ древне-китайской музыкой, выражающія почитаніе императорскихъ предковъ, танецъ-кагура и прочтеніе служебнаго ритуала—составляетъ у нихъ всю церковную службу. Между буддистами есть много фанатиковъ, которые ходятъ на богомолье въ отдаленныя мѣстности и притомъ непремѣнно босые и съ непокрытой головой, постятся, въ холодное время года стоятъ по цѣлымъ часамъ въ рѣкѣ или подъ струей падающей воды.

Игра въ шахматы и въ „цвѣтныя карты" составляютъ домашнее развлеченіе японцевъ. Картъ этихъ 48 и называются онѣ главными цвѣтами мѣсяца: на каждый мѣсяцъ приходится по четыре карты. Одна изъ послѣднихъ съ нарисованной бабочкой считается самой важной картой.

Digitized by Google

Японцы любятъ также домашнее пѣніе и музыку. Почти всѣ дѣвушки учатся у матери пѣть и играть нъ гитарѣ и лирѣ. Мальчики играютъ на бамбуковыхъ флейтахъ,

Есть также и профессіональныя пѣвицы (гейши) и танцовщицы (гейко), которыхъ нанимаютъ у антрепренера по часамъ, а нѣкоторыя изъ этихъ гейшъ и гейко живутъ вполнѣ самостоятельно. Мужского японскаго хора не существуетъ, хорошей народной пѣсни тоже нѣтъ.

Въ прежнее время въ Европѣ слышали настоящее японское пѣніе только тогда, когда пріѣзжали японки на гастроли, теперь же граммофонъ воспроизводитъ японское пѣніе повсюду. Пѣніе это похоже на пѣніе мексиканцевъ и перуанцевъ. Музыка ихъ (своеобразнаго тембра и трудно подражаемой вибраціи) передается у насъ только приблизительно вѣрно: наша нотная система не можетъ правильно передать восточно-азіатскіе 5 тоновъ. У нихъ интервалы больше нашихъ. Японцы находятъ нашу музыку не гармоничной. Своеобразный тембръ и трудно подражаемая вибрація голоса характеризуютъ японскую пѣсню, которая всегда сопровождается аккомпаниментомъ гитары.

Кромѣ пѣнія и музыки занимаются также и чтеніемъ. Въ Японіи каждый умѣетъ читать, и большая часть книгъ для народа печатаются шрифтомъ Кана, который легче читается... Въ высшихъ слояхъ общества въ большомъ ходу древнія и новѣйшія стихотворенія, напоминающія оды Горація. Профессоръ Ланге перевелъ нѣкоторыя стихотворенія. Вотъ одно изъ нихъ:„ Когда завянутъ цвѣты, самое сильное желаніе не возвратитъ ихъ къ жизни. Если хочешь сорвать—рви сегодня, а то будетъ поздно".

Сказки и разсказы о феяхъ составляютъ отдѣльную отрасль литературы. Сказки обыкновенно бываютъ очень длинныя и похожи на сказки Андерсена. Онѣ продаются недѣльными иллюстрированными брошюрками и охотно раскупаются и родителями и дѣтьми. Отецъ читаетъ ихъ дѣтямъ, а мать разсказываетъ. Есть и басни, напр., о молодой четѣ котятъ, повѣнчанныхъ по японскому обряду.

Когда надоѣстъ домашняя обстановка, японцы идутъ въ театръ, гдѣ представленіе длится цѣлый день, такъ что туда идутъ, захвативъ съ собою чего-нибудь для подкрѣпленія. Убійства и кулачныя расправы на сценѣ больше всего привлекаютъ публики, состоящей преимущественно изъ простого народа, такъ какъ тотъ, кто себя считаетъ поважнѣе, не показывается въ театрѣ. Много развлеченій доставляютъ японцамъ праздники; главнѣйшіе изъ нихъ: 1) Новый годъ, праздновавшійся раньше въ мартѣ мѣсяцѣ и называвшійся „Bisshun" или пробужденіе природы. Въ этотъ день всѣ дома украшаютъ цвѣтами, выходятъ встрѣчать восходящее солнце и тутъ же привѣтствуютъ другъ друга. 2) Праздникъ куколъ, 3-го января всѣ дѣвушки въ праздничныхъ нарядахъ выносятъ своихъ куколъ (и древнихъ-фамильныхъ и новѣйшихъ) на улицу. Куклы эти, конечно, напоминаютъ японскихъ дѣтей съ прямыми, черными, какъ смола, волосами и косыми глазами. 3) Праздникъ знаменъ. Его празднуютъ мальчики 5-го мая. 4) Праздникъ Танабата 7-го іюля въ честь звѣзды Тцумс (Вега въ созвѣздіи лиры). 5) Праздники цвѣтенія празднуются и старыми и малыми. Въ февралѣ цвѣтутъ сливы; въ мартѣ—персики; въ апрѣлѣ дикія вишни; въ маѣ азаліи и лиліи; въ іюнѣ—лотосъ (священное растеніе); въ октябрѣ—хризантемы. Затѣмъ еще, когда осенью краснѣютъ листья клена, то всѣ японцы, отъ мала до велика, собираются вокругъ этихъ деревьевъ и любуются ими, какъ самыми лучшими цвѣтами. Относительно праздниковъ и воскреснаго дня нѣтъ никакого обязательнаго постановле-

Digitized by Google

нія: кто желаетъ праздновать—празднуетъ, а не желающіе работаютъ.

Присутственныя мѣста закрываются 1, 3 и 5 января по случаю Новаго года; 30-го января—день смерти послѣдняго императора; 11-го февраля—день восшествія на престолъ (Iimmu tennos); 20-го марта—день весенняго равноденствія; 3-го апрѣля—день смерти (!) Iimmu tennos; 23-го сентября—осеннее равноденствіе; 17-го октября—благодарятъ боговъ за урожай; 3-го ноября—день рожденія императора и 23-го ноября—второй сборъ урожая. Бываютъ кромѣ того мѣстные праздники. Такъ, въ Токіо, въ половинѣ іюля празднуютъ открытіе рѣки Сумида и устраиваютъ въ этотъ день катанье на лодкахъ, иллюминованныхъ бумажными фонариками.

Японцы очень любятъ спортъ. Уженьемъ рыбы занимаются съ древнихъ временъ; форель ловится у сѣверо-восточныхъ береговъ Японіи и Хокаидо. Дичи также много повсюду.

Ловля рыбы при помощи кормorановъ (баклановъ) практикуется во всей Восточной Азіи.

Цѣлыя стаи этихъ птицъ можно видѣть при храмѣ Даиганьи въ Хиба (къ востоку отъ Токіо) ловятъ ихъ при помощи птичьяго клея еще молодыми и затѣмъ дрессируютъ ихъ. Рыбаки очень цѣнятъ и берегутъ этихъ птицъ, такъ какъ онѣ очень умны, послушны и живутъ около 20 лѣтъ. Выученная птица точно знаетъ свой номеръ и рядъ, въ которомъ она должна летѣть на добычу; въ часъ она вылавливаетъ до 150 рыбъ и работаетъ цѣлыхъ 3 часа. На рѣкѣ Тамагава при Хино ловятъ такимъ же образомъ и форель, причемъ рыбаки стоятъ въ рѣкѣ, отнимаютъ у птицъ добычу и бросаютъ ее въ лодку.

Японцы очень любятъ купаться, что видно изъ того, что въ Токіо есть 1100 общественныхъ купаленъ. Воду они употребляютъ на столько горячую, что иные купаясь падаютъ въ обморокъ и даже умираютъ. Въ одной и той же водѣ купается нѣсколько человѣкъ, какъ это дѣлаютъ и въ Новой Зеландіи въ Роторуа. Хотя законъ воспрещаетъ совмѣстное купанье мужчинъ и женщинъ, но въ Японіи и это практикуется, какъ и въ Роторуа. Горячая ванна въ 49° Цельсія, говоритъ Бельцъ, въ пять минутъ повышаетъ температуру тѣла до 39°, даже 40° Ц. Кожа краснѣетъ, выступаетъ пріятная испарина, а черезъ $^3/_4$ часа тѣло принимаетъ нормальную температуру.

Да, японцы моются часто, но недостатокъ чистаго бѣлья очень замѣчается, въ особенности лѣтомъ. Слишкомъ рѣдко мѣняютъ они платье; толстые халаты на подкладкѣ употребляются вмѣсто постельнаго бѣлья и никогда не моются.

Возлѣ каждаго клозета вы видите воду и полотенце, которымъ всѣ вытираются; въ гостиницахъ также одинъ общій умывальникъ и одно полотенце для всѣхъ, даже щетка для чистки зубовъ одна.

Европейская культура не привилась въ Японіи, да врядъ ли и привьется, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда японцы воспитываются въ Европѣ. Вотъ что разсказываютъ о японскихъ манерахъ: въ вагонахъ нѣкоторые сидятъ на корточкахъ, другіе лежатъ растянувшись и уцѣпившись руками или ногами за ближайшій предметъ. Они не находятъ неприличнымъ громко зѣвать, плевать во всѣ стороны, чистить пальцами носъ и т. д. Одинъ аптекарь въ Токіо ходилъ взадъ и впередъ передъ своей аптекой и чистилъ въ это время зубы, не обращая никакого вниманія на то, что изъ угловъ рта текла окровавленная слюна.—Люди, которые только что привѣтствовали другъ друга глубокими поклонами, начинаютъ немилосердно и грубо толкать другъ друга при входѣ въ вагонъ или у желѣзно-дорожной кассы.

Digitized by Google

Въ Германіи въ Шварцвальдѣ наслѣдникомъ считается самый младшій сынъ, и родители остаются хозяевами въ своихъ помѣстьяхъ до 60—70 лѣтъ, а затѣмъ уже переходятъ на попеченіе дѣтей, которые, кстати сказать, дурно обходятся со „стариками". У японцевъ же наслѣдникъ—старшій сынъ. Родители съ 50 лѣтъ удаляются на покой и, какъ говоритъ Мунцингеръ, ихъ носятъ на рукахъ, старики не терпятъ никакихъ лишеній. Кромѣ того, новый владѣлецъ заботится также и о всѣхъ остальныхъ братьяхъ и сестрахъ.

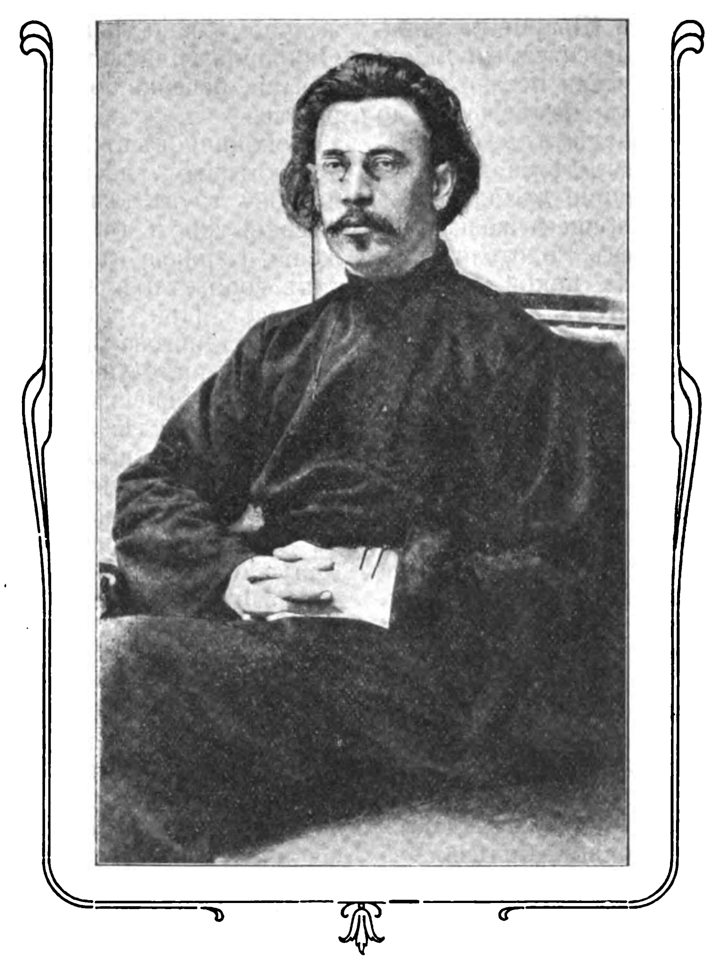
Теперь нѣсколько словъ о гигіеническихъ условіяхъ въ Японіи.

Проказа встрѣчается еще изрѣдка; послѣдніе годы въ приморскихъ городахъ свирѣпствовала чума. Она занесена въ Японію крысами на корабляхъ изъ Гонконга. Боролись съ этимъ зломъ, насколько могли, и цѣлый годъ не было заразы, но въ 1901 г. она снова появилась въ Кобе. Въ этомъ же году въ Токіо было нѣсколько холерныхъ заболѣваній. Страдаютъ въ Японіи еще одной болѣзнью—„берибери", которая выражается омертвѣніемъ конечностей, сонливостью, водяной и перерожденіемъ нервной системы. Болѣзнь эта продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ оканчивается смертію. Причины ея возникновенія и частаго повторенія находятъ въ чрезмѣрномъ употребленіи въ пищу рыбы. Профес. Бельцъ открылъ еще печеночнаго дистома—червей 10-ти мелиметровъ длины и 4-хъ ширины—находящихся цѣлыми сотнями въ желчномъ каналѣ и въ самой желчи. Они производятъ хроническія заболѣванія печенки, отчего многіе умираютъ.

Покойниковъ въ Японіи сжигаютъ, а нѣкоторыхъ погребаютъ. У буддистовъ трупъ кладутъ въ короткій высокій гробъ въ сидячемъ положеніи, головою къ сѣверу, а у шинтовъ гробы такія же длинные, какъ и у насъ. При погребальномъ шествіи буддистовъ идетъ и священникъ, котораго узнаютъ по бритой головѣ; несущіе гробъ—всѣ въ темно-синей одеждѣ. А жрецы шинто—въ особенныхъ шляпахъ безъ полей, носильщики же въ бѣлыхъ одеждахъ. Умершему кладутъ въ гробъ съ глубокими поклонами вѣтку „eurya ochnacea".—Во время траура, который для родителей продолжается 50 дней, всѣ дѣла и занятія прекращаются; кромѣ того въ это время не стригутъ волосъ, не пьютъ „саки" и не ѣдятъ никакого мяса. Въ теченіе 7 недѣль разъ въ недѣлю посѣщаютъ могилу. Въ 100-й день ставятъ надгробный камень, на которомъ обозначается день рожденія и смерти усопшаго, а также вѣчныя имена, присужденныя ему, и какое-нибудь изреченіе. Кругомъ ставятъ каменные или бамбуковые сосуды со свѣжими цвѣтами и вѣтвями „curya" и бадьяна. На памятникахъ бываютъ такого рода надписи: „Только въ этомъ экипажѣ переѣдешь на ту сторону". „Нѣсть числа жителямъ могилъ". „Жизнь—свѣча при вѣтрѣ". „Кто желаетъ насладиться небеснымъ сіяніемъ, тотъ исполняй законъ Будды".

(До слѣдующаго №-ра).

Писатели-индивидуалисты.

II.

Г. Петровъ (Скиталецъ).

„Но для тѣхъ, въ чью страну я заброшенъ судьбой,
Я не сдѣлался близкимъ и другомъ".

(Скиталецъ).

„И не найдете во мнѣ вы брата:
Я между вами, какъ врагъ блуждаю".

(Онъ-же).

Сила таланта всегда говоритъ сама за себя. Такъ оправдалъ себя и талантъ М. Горькаго, вызвавъ за собой рядъ послѣдователей и подражателей. Мы нарочно раздѣляемъ эти двѣ категоріи, такъ какъ вторая изъ нихъ, т. е. подражатели, несмотря на выдающееся, часто внѣшнее сходство въ своихъ произведеніяхъ съ писателемъ, къ направленію котораго они хотѣли-бы подойти по духу, остается чуждой ему.

Digitized by Google

Тоже случилось и съ подражателями М. Горькаго. Въ общемъ М. Горькій является какъ-бы центральнымъ пунктомъ крайняго индивидуализма, отъ котораго идутъ дальнѣйшія развѣтвленія, направляясь въ разныя области изобразительнаго творчества. И въ этой фазѣ развитія русской литературы онъ сыгралъ уже свою роль.

Если онъ дастъ еще что-нибудь большее и новое,—хвала и честь ему; если нѣтъ,—за нимъ останется заслуга прошлаго. Какъ каждый талантъ, блеснувшій вдругъ и ярко, онъ имѣетъ свою тайну творчества, на которую мы уже указывали въ предыдущей статьѣ: эта тайна—въ той любви къ людямъ, которая, проглядывая въ его произведеніяхъ, мягкимъ свѣтомъ ложится на слова бурнаго протеста и жестокой борьбы съ неправдою жизни, сглаживая ихъ рѣзкость.

Эта-то именно тайна и не была разгадана подражателями М. Горькаго, обратившими вниманіе лишь на внѣшнюю сторону произведеній даннаго писателя. И если мы можемъ отнести къ послѣдователямъ М. Горькаго по праву В. Вересаева и Л. Андреева, то къ подражателямъ его нельзя не причислить г. Петровъ (Скитальца). Рамки, конечно, въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, могутъ быть шатки: и подражатели могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приближаться къ послѣдователямъ и даже превосходить ихъ. Особенно это надо брать во вниманіе при взглядахъ на произведенія такого молодого автора, какъ г. Скиталецъ, сочиненія котораго вышли пока въ одномъ томѣ. Но въ немъ г. Скиталецъ, окутывающій босяка романтической тоской, показалъ себя только младшимъ ученикомъ своего учителя, заучивающимъ буквально его слова, не вникая въ смыслъ.

Какъ-то ужъ очень наивно и по ученически звучатъ, напр., его словѣ въ разсказѣ: „*За тюремной стѣной*“: „старики, женщины, подростки и дѣти—и въ этомъ сбродѣ вдругъ *гордая фигура благороднаго босяка*“! — Это, конечно, мелочь, но мелочь довольно характерная, на которой нельзя не остановиться.

Писатель-художникъ, М. Горькій, съ нѣсколько философскимъ оттѣнкомъ мысли, вложилъ въ уста босяка поэтическую, своеобразную философскую систему, но одухотворилъ ее духомъ босяка, подвелъ подъ нее его жизненные принципы, сдѣлавъ такимъ образомъ этого отщепенца отъ общества ближе, понятнѣй интеллигентнымъ, образованнымъ людямъ. Онъ очеловѣчилъ этотъ, казавшійся звѣрскимъ образъ, ввелъ его жизнь въ нашу, связавъ тѣсными узами нравственнаго міропониманія. Это не было идеализированіе босяка, какъ говорятъ другіе. Реальная правда внутренней и внѣшней жизни его предстала передъ нами здѣсь во всей своей яркости; только вниманіе наше остановлено было на томъ, на чемъ мы не привыкли до сихъ поръ останавливаться. Для подражателя же именно эта сторона и оказалась капканомъ; отсюда у него уже прямо получается „гордая фигура благороднаго босяка“.

По самому складу своего дарованія Скиталецъ не представляетъ изъ себя писателя-мыслителя; онъ могъ бы быть хорошимъ художникомъ, не лишеннымъ чисто поэтической искорки, но его не хватаетъ на рѣшеніе общественныхъ проблемъ, къ которымъ смѣло подходитъ талантъ М. Горькаго.

Взявшись за нихъ, Скиталецъ не разсчиталъ своихъ силъ: направленныя въ несвойственную ихъ характеру сторону, онѣ ослабли въ борьбѣ за свое выраженіе, благодаря чему получается въ результатѣ рядъ блѣдныхъ, однообразныхъ очерковъ, съ проблесками чего-то, теряющагося въ общей массѣ подавленнаго ею. Борьба переходитъ здѣсь въ озлобленіе, безъ логической послѣдовательности: озлобленіе это чувствуется

Digitized by Google

уже готовое, вложенное самимъ авторомъ, а не вытекающее изъ столкновенія съ жизнью героевъ.

Вообще у г. Скитальца тенденція не поглощается художественностью изображенія, какъ это мы видимъ у М. Горькаго, а стоитъ внѣ ея и сильно мѣшаетъ ей.

Самымъ слабымъ и со стороны художественнаго изображенія, и со стороны психологической обосновки, является его произведеніе „*Сквозь строй*". Неумѣніе владѣть формой выдаетъ здѣсь еще перо новичка—писателя и сказывается въ вялости разсказа, постоянно переходящаго въ простой пересказъ событій, вмѣсто ихъ живого изображенія. Лишь порой пробиваются проблески художественнаго дарованія, но они очень рѣдки и теряются за общими недостатками этого произведенія. Что касается психологической стороны, то она, какъ мы уже говорили, очень слаба: типъ Гаврилы Петровича, отца того лица, отъ имени котораго ведется разсказъ, совершенно не выдержанъ. Чувствуется, что авторъ вложилъ всю душу въ то, чтобы его герой вышелъ художественнымъ, поэтическимъ образомъ, но это чрезмѣрное стараніе и портитъ все дѣло: оно мѣшаетъ автору слѣдить за правильнымъ развитіемъ характера героя, отмѣчать въ немъ основныя черты, ихъ переходъ въ другія.

Такъ, совершенно логически-непонятнымъ является тотъ фактъ, что Гаврила Петровичъ съ его свободной душой, какъ хочетъ изобразить это авторъ, основавшись въ кабакѣ, чувствуетъ себя привольно и счастливо, а босяки Горькаго сами пьютъ, затопляя горе своей мятежной души въ винѣ, но трезвыми глазами они едва-ли долго могли бы созерцать картину пьянства, и народнаго раззоренія. (Не отъ этихъ ли картинъ отчасти и бѣгутъ они, странствуя по свѣту?). Наигрывая на своихъ гусляхъ чудодѣйственныя пѣсни, онъ привлекалъ этимъ въ трактиръ бѣдный забитый, изстрадавшійся людъ, гдѣ и спаивалъ ихъ. Страннымъ кажется послѣ этого, когда онъ вдругъ, при подсчетѣ съ хозяиномъ, требуетъ „скостить долгъ съ мужиковъ въ виду того, что кобылка хлѣбъ поѣла", и „взбѣсившись" на не согласившагося на это хозяина, оставляетъ кабакъ.

Такая постановка дѣла кажется намъ совершенно неправильной. Одно изъ двухъ: или онъ, зная горе крестьянъ, не привлекалъ-бы ихъ своими гуслями въ трактиръ, гдѣ они пропивали свое послѣднее хозяйское добро, и во всякомъ случаѣ чувствовалъ-бы тяжесть на совѣсти, видя, какъ входятъ при его помощи крестьянскіе трудовые гроши въ хозяйскую кружку,—или, оставаясь къ этому равнодушнымъ, позабылъ-бы о „кобылкѣ" при подсчетѣ.

Вообще лица на подобной должности, если не убѣгутъ отъ нея въ началѣ, закаляются и озлобляются, дѣлаются нечувствительными къ крестьянскому горю. Свободная же душа Гаврилы Петровича и его любовь къ природѣ какъ-то особенно не клеится съ этимъ сидѣніемъ въ душномъ кабакѣ, обстановка котораго, кстати сказать, даже поэтизируется авторомъ.

Оставивъ кабакъ и пространствовавъ нѣкоторое время съ своими гуслями, Гаврила Петровичъ возвращается затѣмъ опять къ осѣдлой жизни и, здѣсь совершенно непонятно и неожиданно, превращается въ безкорыстнаго ходатая по крестьянскимъ дѣламъ, высказываетъ замѣчательное знаніе свода законовъ, причемъ не упоминается даже, гдѣ могъ онъ почерпнуть его.

Также странно и превращеніе Г. П. въ философа жизни, а его учителей семинаристовъ—въ учениковъ. „Переоцѣнка цѣнностей", приписываемая ему,—вещь ужъ слишкомъ необычайная для человѣка, едва познакомившагося съ книжками.

Обыкновенно для такихъ людей

Digitized by Google

долго „печатный каждый стихъ быть кажется святымъ“, и если Некрасовъ могъ сказать, обращаясь къ интеллигентной, болѣе или менѣе образованной публикѣ слова: „что ему книжка послѣдняя скажетъ, то ему сверху на душу и ляжетъ“, то о Г. П. нечего и говорить: сознательность чтенія, при которой только и можетъ наступить переоцѣнка, пріобрѣтается не такъ скоро. А у Скитальца это все получается какъ то очень ужъ вдругъ.

Слишкомъ не народенъ и языкъ, которымъ авторъ заставляетъ здѣсь говорить человѣка изъ народа. Это вѣрнѣе поддѣлка подъ него; такъ говоритъ только баринъ съ мужикомъ, стараясь быть имъ понятымъ: на этомъ утесѣ“,—разсказываетъ, „Напр., своему сыну Г. П.,—„былъ сложенъ изъ камней стулъ, на стулѣ сидѣлъ Разинъ и судилъ ослушниковъ, и бросали ихъ тутъ-же съ горы да въ Волгу... Очень просто“ (26). Очевидно, что самому автору тонъ и манера разсказа кажутся неестественными, когда онъ считаетъ нужнымъ вложить въ уста своего героя послѣднія слова. Разсказчикъ изъ народа никогда не скажетъ вамъ, что это все „очень просто“, его тонъ и манера будутъ сами говорить за себя. Или въ другомъ мѣстѣ: „Ни кола, ни двора“, говоритъ тотъ-же герой, разсказывая о себѣ,—полетай, куда знаешь,—это значитъ *пролетарій* называется по книжному. Слово „рыло“, употребляемое здѣсь-же, очевидно, для того, чтобы придать рѣчи народную складку, мало помогаетъ: дѣло не въ словѣ, а въ его духѣ, который отсутствуетъ въ народной рѣчи г. Скитальца.

Характерны съ этой стороны и благословенія отца сыну при его отъѣздѣ и вступленіи въ самостоятельную жизнь:

„Благословляю тебя, сынъ мой, въ жизнь“!— говорилъ онъ задушевнымъ голосомъ.—„Иди прямой дорогой, надѣйся только на самого себя, а не на другихъ, никогда не трусь... Знай, что путь бѣдняка тяжелъ, и будь готовъ ко всякимъ испытаніямъ. Не увлекайся богатствомъ и сладкою жизнью; помни о насъ, о твоихъ братьяхъ и сестрахъ и о простомъ народѣ, который страдаетъ. Можетъ быть, вернешься назадъ ученымъ человѣкомъ, то набирайся больше того ученія, которое нужно народу, а не воротишься, такъ разскажи хорошенько тамъ, въ городѣ, счастливымъ и богатымъ людямъ о страданіяхъ народа! Помни о немъ всегда“, и. т. д. (85).—

Пожалуй, чтеніе Некрасова, Никитина, „Отечественныхъ записокъ“ могло внушить мысль о страданіяхъ народа, объ обязанности всѣхъ счастливыхъ выходцевъ изъ него отдать на служеніе ему свои силы, но если эта мысль и могла появиться у Г. П. при прощаніи съ сыномъ, то во всякомъ случаѣ она высказалась-бы болѣе просто и задушевно, а не тѣми книжными рацеями, которыми заставляетъ своего горя говорить Скиталецъ.

Иногда, дѣйствительно, желаніе порисоваться, такъ свойственное людямъ, схватившимъ кой-какія верхушки знанія, заставляетъ и людей изъ народа говорить книжнымъ языкомъ, но онъ получаетъ у нихъ тотъ своеобразный отпечатокъ, который такъ прекрасно передается въ разговорной рѣчи М. Горькаго и совершенно отсутствуетъ у г. Скитальца. Конечно, недостатокъ даннаго произведенія есть частью недостатокъ опытности, отсутствіе, такъ сказать, извѣстной литературной техники у молодого автора, но, къ сожалѣнію,— г. Скиталецъ почти не освобождается отъ нихъ на протяженіи всего тома своихъ произведеній.

Правда, въ дальнѣйшихъ разсказахъ—больше живости, литературная форма выдержаннѣе, психологія героевъ—тоже, но авторъ и въ нихъ не освобождается отъ нѣкоторыхъ логическихъ скачковъ. Таковъ, напр., Томашевскій („Октава“), произнося-

Digitized by Google

щій рѣчи вродѣ горьковскаго Тетерева въ „Мѣщанахъ,“ который говоритъ въ трактирѣ полупьянымъ пѣвчимъ о „страданіи непонятныхъ сердецъ, о томъ, что они, артисты, должны идти къ погибели, такъ какъ у нихъ еще не умерла душа“ и. т. п. Все это слова, необычныя для того полуграмотнаго люда, изъ котораго состоитъ большей частью пѣвческая среда и который окружаетъ и Томашевскаго, несчитая старичка-профессора, выводимаго съ своими рѣчами для потѣхи хора. А между тѣмъ авторъ выясняетъ личность Томашевскаго только въ концѣ разсказа, гдѣ оказывается, что онъ бывшій студентъ, вращавшійся нѣкогда въ высшихъ кругахъ и попавшій сюда по какой-то сердечной исторіи. Намъ кажется, что автору слѣдовало сказать это раньше и дать такимъ образомъ возможность читателю слѣдить самому за развертываніемъ психологическаго склада героя, что возможно только при знаніи основы.

Въ общемъ все-таки „Октава“— лучшее произведеніе Скитальца; особенно живо и реально обрисовывается здѣсь фигура Захарыча. Въ изображеніи этого типа авторъ близко подходитъ къ дѣйствительному народному міросозерцанію. Характерны, напр., слова одного плотника по поводу ухода Захарыча въ пѣвчіе, въ которыхъ отражается взглядъ народа на знаменитое „отрываніе отъ почвы:“

„Вросло, скажемъ, дерево въ землю,—говорилъ высокій и худой старикъ,— „а пересади-ка его на другое мѣсто, такъ оно, пожалуй, и пропадетъ: и человѣкъ тоже, что дерево: пошто отрывать его отъ корня“? (177). Въ этихъ словахъ такъ и звучитъ та народная мудрость, которая вдругъ иногда прорывается такими блестками изъ-подъ вѣковой тьмы его невѣжества, указывая, какой богатый, неразработанный психическій матеріалъ таится въ немъ, и какъ чутокъ народъ ко всякаго рода урокамъ жизни.

Народъ уже видѣлъ неудачное пересаживаніе, кой-что и испыталъ отъ него,—вотъ почему такъ недовѣрчиво относится онъ ко всякимъ попыткамъ подобнаго рода: онъ знаетъ свою психологію лучше „пересаживателей“, знаетъ свою любовь къ „корню“ и невозможность жить безъ него: въ немъ, вѣдь, его единственный крѣпкій устой. „Молъ надо, чтобы значитъ, въ самый корень. А то... кому же вѣрить“? (219) —говоритъ Захарычъ на сбивчивыя слова Петра Ивановича, подтверждаемыя единственнымъ аргументомъ—„долженъ вѣрить“!

Въ умѣньи выхватить изъ массы другихъ и ярко изобразить эту основную черту народной психики сказалось уже дарованіе Скитальца и, кто знаетъ, не пойдетъ-ли онъ въ этомъ отношеніи и дальше? Самое возвращеніе Захарыча къ прежней жизни, его послѣднее пѣніе въ церкви въ синей поддевкѣ,— все это реально, правдиво, все звучитъ властью крестьянскаго міра, притягивающей къ себѣ тѣхъ, кто еще не ушелъ далеко отъ него; даетъ имъ устой, въ поискахъ котораго теряются всѣ выходцы изъ народа. Это тоже „власть земли“ въ своемъ широкомъ смыслѣ. Здѣсь, дѣйствительно, авторъ близко подходитъ къ народу, къ его міропониманію. Но общій колоритъ разсказа и въ „Октавѣ“ все таки блѣденъ: не достаетъ экспрессіи, умѣнья свести художественныя детали къ одному цѣлому, къ общей картинѣ, усиливая ихъ красками основной ея фонъ и рельефно выдвигая изображаемый образъ или его идею.

Оттого теряется и сила впечатлѣнія, получаемая отъ чтенія разсказа. Это опять-таки общій недостатокъ всѣхъ произведеній Скитальца.

Другой недостатокъ заключается въ нѣкоторой однотонности всѣхъ его разсказовъ, свидѣтельствующей

Digitized by Google

объ отсутствіи широты въ сферѣ наблюденій молодого автора: предъ нами въ его произведеніяхъ постоянно развертывается только міръ пѣвцовъ-босяковъ (исключеніе представляетъ лишь разсказъ „Любовь декоратора“). Скиталецъ какъ-бы огораживается этой стѣной отъ М. Горькаго съ его босяками, но нельзя не сказать, что эта сфера слишкомъ узка для того, чтобы въ ней могло развернуться художественное дарованіе.

Скиталецъ хотѣлъ превратиться въ писателя звуковъ, но это еще груднѣе, чѣмъ быть ихъ пѣвцомъ. Его разсказы настолько пересыпаны пѣснями, что къ нимъ, для живости впечатлѣнія, не мѣшало-бы еще приложить и ноты, иначе не достигается результатъ, навѣрное желаемый авторомъ: пѣсни, а народныя въ особенности, передаютъ свой характеръ болѣе мотивами, чѣмъ словами, которыя въ нихъ слишкомъ просты для передачи всѣхъ сложныхъ ощущеній, волнующихъ душу. Цитируемыя Скитальцемъ пѣсни придаютъ только больше однотонности его произведеніямъ, хотя любовь къ звукамъ достигаетъ здѣсь своей поэтичности, а, нерѣдко, и силы. Въ причинѣ-же ея, быть можетъ, сказывается та черта творчества Скитальца, которая роднитъ его съ представителемъ индивидуализма въ нашей художественной литературѣ и подводитъ подъ общую категорію писателей-индивидуалистовъ; въ ней ярко проглядываетъ мятущійся духъ человѣка, оторваннаго отъ общаго и ищущаго какихъ-либо точекъ соприкосновенія съ нимъ.

Внѣшняя и внутренняя оторванность отъ общаго заставляетъ одинокаго человѣка углубляться въ тонкости, чтобы какимъ-нибудь образомъ извлечь ту затаенную струну, которая одна можетъ вызвать созвучіе, а разъ она найдена, разъ отыскана тайна ея, явится цѣлый рядъ созвучій,—и связь будетъ найдена...

Кто знаетъ, не въ погоню-ли за этой струной пошли и наши декаденты? Ихъ стремленіе переложить музыку въ слова, нѣжное рокотаніе словъ—въ говоръ рѣчи, чувствуется на всемъ протяженіи ихъ твореній, придавая имъ какую-то страшную напряженность, доходящую до полной неестественности, дѣланности и даже окончательной изломанности.

„Малиновый“ звукъ Скитальца сильно напоминаетъ подобнаго рода попытки, но горьковскій реализмъ не даетъ ему, къ счастью, уйти далеко въ этомъ направленіи.

„Онъ заигралъ печальную, задушевную пѣсню... Рѣзкимъ диссонансомъ прозвучала она въ этомъ грязномъ городскомъ трактирѣ, среди безшабашнаго веселья и нечистыхъ пѣсенъ. Невинныя гусельныя трели какъ-бы случайно залетѣли сюда, словно пойманныя полевыя птички. Отъ нихъ вѣяло чистымъ воздухомъ полей, онѣ какъ будто грустили, одиноко порхая въ нездоровомъ воздухѣ огромнаго, возбужденнаго города. А у насъ обоихъ, у отца и у меня, на сердцѣ была печаль по оставленной деревнѣ и страхъ передъ городомъ“... (38). Здѣсь такъ и слышится уже заглушенный вопль одиночества, оторванности, стремленіе слиться съ окружающей толпой, потонуть въ ней.

Индивидуализмъ, цѣнящій все, что родственно ему, что представляетъ изъ себя понятное ему обособленное „я“, особенно рѣзко высказывается въ словахъ разсказчика-мальчика. „Вѣчный духъ безпокойства, мученіямъ котораго никогда не бываетъ конца,—вотъ что было въ насъ. Намъ была по душѣ дерзость Разина (отецъ разсказывалъ ему о немъ), намъ, оторваннымъ отъ всего уклада жизни, отрицаемымъ ею, одинокимъ, чуждымъ всѣмъ“ (28).

Отсюда понятна и любовь къ героямъ, непокорнымъ и одинокимъ, сильнымъ и воинственнымъ, иска-

Digitized by Google

ніе на „ярмаркѣ жизни“ памятника. Минину и Пожарскому и т. п.

Но особенно характерны съ этой стороны разсказы *„Любовь декоратсра“* и *„Октава“*, гдѣ болѣзнь индивидуализма отражается еще рельефнѣе.

Въ первой изъ нихъ встрѣчается и отсутствующее въ другихъ произведеніяхъ Скитальца умѣнье подобрать детали, ярче оттѣняющія общій фонъ разсказа. Картина, которую пишетъ декораторъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ душевному складу одинокаго, замкнутаго въ себѣ человѣка: это—степь съ безконечной далью, поросшая высокимъ бурьяномъ и репейникомъ, съ могильными курганами и косматыми, зловѣщими тучами. „Отъ всей картины,“— говоритъ авторъ,— вѣяло мрачнымъ настроеніемъ. Оно давило душу. Казалось, что вотъ-вотъ произойдетъ здѣсь что-нибудь страшное, что могилы и тучи имѣютъ какое-то символическое значеніе, что онѣ какъ будто живыя...“ Слѣдующая, требуемая для декоратора картина—морское дно—пишется тоже подъ вліяніемъ душевнаго настроенія, вспыхнувшаго въ декораторѣ глубокаго чувства; она пишется для той, которая будетъ плыть по этому дну; для нея приготовляется и весь эффектъ картины. Но послѣ представленія Юлія уѣзжаетъ съ однимъ изъ сидящихъ въ креслахъ І-го ряда. Оскорбленное самолюбіе и муки ревности заговорили въ Костовскомъ; онъ идетъ къ Юліи и здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, получаетъ холодный отпоръ. Но не это отталкиваетъ его окончательно отъ Юліи, а „любознательность естество-испытателя,“ которую онъ замѣчаетъ въ глазахъ Юліи во время его пламенной тирады. „Его словно молніей озарило,“ говоритъ авторъ,—онъ понялъ, что—она существо совсѣмъ другого міра, чѣмъ онъ... что онъ чуждъ ей,“ и Костовскій бѣжалъ отъ нея, полный жгучаго страданія и тоски одиночества.

Здѣсь предъ нами не только попранное чувство и боль его (тогда-бы онъ убѣжалъ отъ Юліи вначалѣ); здѣсь тоска человѣка передъ непониманіемъ его душевнаго міра, того нравственнаго одиночества, отъ котораго на душѣ такъ пусто и холодно...

Въ „Октавѣ“ мы видимъ такихъ же одинокихъ людей. Среди нихъ особенно выдѣляется замѣченная уже нами раньше фигура Захарыча, оторваннаго отъ корня и потерявшаго связь съ нимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ „смыселъ жизни,“ котораго онъ ищетъ со слезами. Жалокъ этотъ одинокій человѣкъ въ толпѣ такихъ же одинокихъ, но свыкшихся съ этимъ людей.— Сильная натура Захарыча, жаждавшая крѣпкаго устоя, не въ состояніи вынести то, что выносятъ эти маленькіе хрупкіе люди, съ „маленькой душой,“ могущіе гнуться въ разныя стороны. Онъ уходитъ отъ нихъ туда, гдѣ видитъ устой, возвращается съ полдороги къ себѣ домой, гдѣ все „просто и ясно, непоколебимо“, гдѣ его октава свободно льется, не смущаемая „смыселомъ“ жизни, „планидой“, „Васькой Гдѣ-Гаммой“ и анафемой сомнѣвающимся, отъ которыхъ онъ теперь отошелъ. Его „я“ замыкается въ свои обычныя рамки, сливается съ толпой товарищей—плотниковъ и не требуетъ несвойственнаго его языку выраженія, какъ это было во время пѣвческой жизни Захарыча, когда оно вдругъ потребовало своего выясненія и выдѣленія: „языкъ говорилъ“,—разсказываетъ о немъ авторъ,— „не тѣ слова, какія надо было говорить, и получался совершенно безсмысленный наборъ несуразныхъ, самого его удивлявшихъ словъ. Онъ помогалъ своей рѣчи тѣлодвиженіями, прижималъ руки къ груди, размахивалъ ими въ воздухѣ, но ничто не помогало: мысли Захарыча оставались въ немъ, какъ въ крѣпкой тюрьмѣ, и освободить ихъ изъ заключенія онъ былъ не въ силахъ. И Захарычъ сердился“ (216).

Digitized by Google

Понятно послѣ этого, что на заманчивые разсказы о пережитой уже ими пѣвческой жизни, при которой онъ могъ получить впятеро больше, чѣмъ при плотничьей работѣ, Захарычъ отвѣтилъ: „А наплевать мнѣ на ваше „впятеро"! Ты посмотри только отсюда на Волгу, на горы! Здѣсь душа отъ всей вашей скверны покой находитъ, а тамъ она мятется попусту".

Характерно въ этихъ словахъ и обращеніе къ природѣ, къ которой, какъ къ средству успокоенія, прибѣгаютъ и одиночки М. Горькаго: „Я пою Богови моему"!—заключаетъ свое обращеніе Захарычъ, чувствуя, что нашелъ устой, при которомъ отлетѣли тоска и исканіе.

Такую-же цѣльную натуру представляетъ изъ себя и Быковъ въ разсказѣ „*За тюремной стѣной*", въ которомъ, по выраженію автора, находили себѣ опору твердое и ясное міросозерцаніе. Сила этихъ людей—въ связи съ общимъ, тайна которой неразгадана или отвергнута индивидуализмомъ, идущимъ къ ней иными путями.

Какъ писатель - индивидуалистъ, Скиталецъ сказалъ свое слово, и его дарованіе, не яркое и не глубокое, но сильное своимъ убѣжденіемъ, внесло кое-что въ это теченіе. Въ данномъ случаѣ важны не только силы, важно и количество ихъ. Вспомнимъ слова Некрасова: „братья писатели, въ нашей судьбѣ что-то лежитъ роковое: если бы всѣ мы, не вѣря себѣ, взялись за дѣло другое,—не было-бъ точно, согласенъ и я, жалкихъ писакъ и педантовъ, но и не было-бы такъ-же, друзья, Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ".

Что касается нѣкотораго успѣха сочиненій Скитальца среди читающей публики, то его надо отнести къ тѣмъ проблескамъ дарованія, которыя вспыхиваютъ, порою съ силой, среди общей однотонности и сѣроватости колорита. Эти проблески публика научилась цѣнить очень недавно, избалованная такими талантами, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, гдѣ каждое произведеніе представляло собою перлъ, вошедшій въ общую сокровищницу всеміркой литературы. Это можно отнести къ нѣкоторой утонченности ея чутья, напрягавшагося въ теченіе двухъ десятилѣтій къ уловленію чего-либо достойнаго вниманія среди того измельчанія литературы, которое предстало вслѣдъ за исчезновеніемъ славной плеяды.

Проблески дарованія Скитальца мѣстами, дѣйствительно, сильно подкупаютъ въ его пользу. Таковы, напр., описанія пѣвческаго быта въ „Октавѣ;" эта смѣсь различныхъ „племенъ и лицъ," оторванныхъ отъ всего людей, своего рода тоже нравственныхъ босяковъ, потерявшихъ жизненные устои... „Эхъ, мужичище!—вдругъ обратился къ Захарычу Петръ Ивановичъ.—А зачѣмъ ты деревню бросилъ и въ городъ приперъ? Тоже своихъ бросилъ? Ты къ нашимъ, а мы къ вашимъ! (192)—говоритъ, напр., авторъ въ „Октавѣ," изображая въ этихъ словахъ шатаніе данной среды, раздвоенность въ ея внутреннемъ укладѣ. Тутъ-же авторъ пародируетъ и М. Горькаго—въ рѣчи Томашевскаго; (193) говоримъ—пародируетъ, потому-что иначе нельзя назвать этотъ сколокъ съ горьковскихъ рѣчей, который какъ-то не вяжется со всѣмъ остальнымъ, принимая во вниманіе, что личность Томашевскаго до того времени совершенно не выдѣляется авторомъ изъ массы обыденныхъ пѣвцовъ.

Въ одномъ только мѣстѣ автору удается подойти близко къ самому духу горьковскихъ произведеній. „Ты думаешь", —говоритъ Петръ Ивановичъ въ „Октавѣ,"—„такъ ужъ онъ весь насквозь мерзавецъ. А онъ на другой день возьметъ да иройскій подвигъ и совершитъ. Стало-быть, нѣтъ ни плохихъ людей, ни хорошихъ, а есть просто человѣкъ, въ которомъ все перепутано: и добро, и зло". (192). Но все это те-

Digitized by Google

ряется въ общей массѣ различныхъ, не объединенныхъ въ одно деталей.

Проглядываетъ у Скитальца и умѣнье обрисовывать цѣльный образъ нѣсколькими штрихами, свидѣтельствующее о неразработанности еще самимъ писателемъ нѣкоторыхъ сторонъ его дарованія. Это умѣнье дается въ удѣлъ немногимъ,— и Скитальцу остается только оцѣнить его и воспользоваться имъ. Таково, напр., описаніе Захарыча послѣ внутренняго переворота въ немъ, когда онъ, пространствовавши по разнымъ пѣвческимъ труппамъ, возвращается на старое мѣсто ,чтобы пропѣть тамъ въ послѣдній разъ и затѣмъ возвратиться къ прежней жизни простого плотника:

„Его узнали всѣ",—говоритъ авторъ,—„и народъ, и архіерей, и пѣвчіе. Пѣвчіе привѣтствовали его радостными улыбками, но въ Захарычѣ было нѣчто строгое и внушительное. Похудѣвшее и поблѣднѣвшее лицо его пріобрѣло болѣе твердыя и опредѣленныя черты: оно казалось одухотвореннымъ какой-то вдумчивостью и носило отпечатокъ той рѣдкой и странной симпатичности, которая бываетъ или у людей очень образованныхъ, или очень много страдавшихъ".(234).

Въ дарованіи начинающаго писателя такія богатые и широкіе штрихи должны быть дороги; значитъ, есть на что ему опереться; надо только поработать, „выносить" свои произведенія, а не бросать въ печать въ небрежной формѣ, какъ дѣлаетъ это Скиталецъ.

Вспомнимъ, что нашъ лучшій стилистъ Гоголь по нѣсколько разъ отдѣлывалъ и передѣлывалъ свои произведенія и совѣтовалъ поступать такъ всѣмъ молодымъ писателямъ. Въ этомъ сказывается и уваженіе къ литературѣ, и уваженіе къ себѣ, какъ писателю. Работа эта, конечно, не легкая, она нерѣдко похожа на жестокую борьбу со словомъ, которое часто долго и упорно не поддается формѣ, облекающей его*), борьбу съ самой формой, которая расплывается въ необозначившейся еще индивидуальности начинающаго писателя, и вообще борьбу съ этой массой деталей, которой необходимо научиться владѣть хорошему писателю-художнику, чтобы быть хозяиномъ въ своей области.

Справится-ли Скиталецъ съ этимъ— покажетъ будущее. Мы пока можемъ сказать только, что на лицо имѣются элементы дарованія, еще неразработаннаго, стѣсненнаго узостью рамокъ.

Отсутствіе широты взгляда сказывается и въ томъ озлобленіи, съ какимъ мы часто встрѣчаемся въ произведеніяхъ Скитальца, особенно въ его стихотвореніяхъ.

Въ противоположность бурному горьковскому протесту, борьбѣ съ неправдой жизни, исходящей изъ любви къ этой жизни и людямъ, Скиталецъ, не захватившій волною своего чувства такой широкой области, бьется въ рамкахъ крайняго индивидуализма. Въ немъ все сливается въ слово „проклинаю", которое, хотя и восхищаетъ своею силою почтеннаго критика „Міра Божія" (А. Б.), но не можетъ возбудить общечеловѣческаго сочувствія, какъ вызываетъ его горьковскій протестъ и даже порой его озлобленіе, тутъ-же несущее съ собою и примиряющій звукъ. И это, опять повторяемъ, потому, что Горькій захватилъ болѣе широкую область: онъ касается всего человѣческаго страданія, вытекающаго изъ общей „неправды жизни", а не того, о которомъ поетъ Скиталецъ; послѣднее, быть можетъ, и очень искренно, но слишкомъ субъективно.

„Изъ грязи выходецъ, я жилъ въ болотной тинѣ, я въ мукахъ возмужалъ. Суровый рокъ меня отъ

*) По этому вопросу у насъ имѣется спеціальная работа проф. Батюшкова; сюда-же можно отнести и „Муки творчества" г. Горнфельда.

Digitized by Google

юныхъ дней донынѣ давилъ и унижалъ"!—говоритъ поэтъ.

И вотъ, именно это „я", кажется, и портитъ все дѣло, этого „я" мы не видимъ почти у М. Горькаго, сильнѣе выдвигающаго зато общій индивидуализмъ. Въ этомъ и тайна болѣе широкаго сочувствія, вызываемаго имъ. Какимъ холодомъ, напр., вѣетъ отъ словъ Скитальца, такъ красивыхъ по формѣ: „Ночи мои, ночи!.. Какъ вы молчаливы!.. Темная,—какъ вы-же,—ночь въ душѣ моей. Мысли, словно звѣзды, блещутъ горделиво, золотымъ узоромъ загораясь въ ней. Спитъ, какъ звѣрь усталый, этотъ міръ проклятый, вѣчно мнѣ враждебный... Чуждъ я для него. Въ комнатѣ унылой, тишиной объятой, я и мои мысли—больше никого"! (142). Или какой отталкивающій паѳосъ и непозволительное для небольшаго таланта самолюбованіе звучитъ въ словахъ: „Но для тѣхъ, въ чью страну я заброшенъ судьбой, я не сдѣлался близкимъ и другомъ: я ихъ проклялъ проклятіемъ злобы святой"... и далѣе: „Сытой пошлости я покориться не могъ и ушелъ, унося свою муку... И тому, кто отверженъ, какъ я, одинокъ, подаю мою сильную руку" (240). Въ такомъ же родѣ и другое стихотвореніе: „Нѣтъ, я не съ вами" и т. д.

Какъ-то не вяжутся съ ними такія стихотворенія того-же автора, напр., „Каждый вечеръ" или „Ну, товарищи". Особенно полно поэзіи и задушевности прекрасное стихотвореніе Скитальца „Колокольчики-бубенчики звенятъ, простодушную разсказываютъ быль" и т. д. (116).

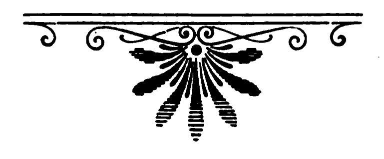
Въ общемъ, мягкомъ, ласкающемъ тонѣ ихъ смягчается даже рѣзкость прорвавшихся строфъ: „Эй, вы, шире сторонитесь, раздавлю! Безконечно, жадно хочется мнѣ жить! Я дороги никому не уступлю"... и т. п. Въ данномъ случаѣ это только полнѣе передаетъ впечатлѣніе рвущейся жизнерадостности, дѣлаетъ только шире размахъ.

Индивидуалистъ остается вѣренъ себѣ до конца; обоготворенное „я" жаждетъ только своей личной жизни, стремится забыться въ ея вихрѣ и мятется при замедленіи хода въ чувствѣ ужасающей тоски.

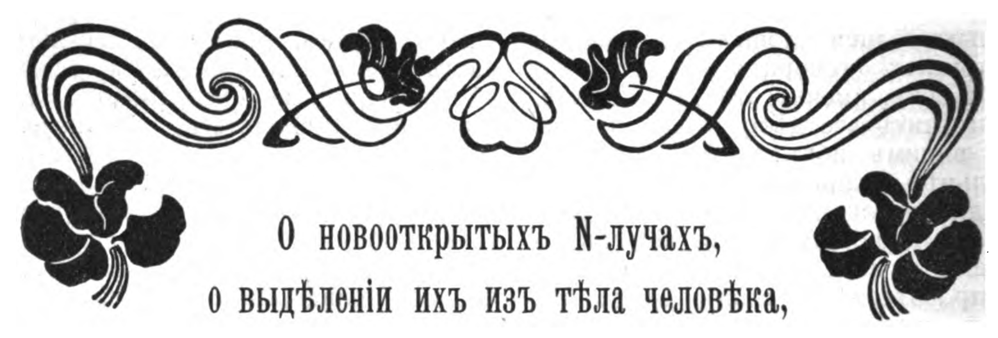
Вообще стихотворная форма, ставящая извѣстныя рамки, сразу легче удается автору; въ ней полнѣе и ярче обрисовывается субъективность его дарованія; звучатъ и проблески возможности болѣе широкаго развитія его.

Остается только собрать и развить болѣе цѣнное, выдѣливъ его изъ шелухи. Въ этомъ задача каждаго писательскаго дарованія. Особенно это важно въ наше время, когда заканчивается періодъ извѣстныхъ теченій, а на мѣсто ихъ зарождаются новыя, когда взоры всѣхъ съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдятъ за входящими въ литературу новыми работниками съ жаднымъ вопросомъ, не несутъ-ли они съ собой нѣчто такое, что могло-бы послужить основой будущему, и когда такъ легко запутаться въ общемъ водоворотѣ исканій его.

Т. Ганжулевичъ.

Digitized by Google

О новооткрытыхъ N-лучахъ, о выдѣленіи ихъ изъ тѣла человѣка, животныхъ и растеній и о дѣйствіи ихъ на нашъ организмъ *).

Вл. Тюрина.

Въ настоящей статьѣ намъ не придется говорить о какомъ нибудь законченномъ или хотя бы *въ нѣкоторой степени* законченномъ—изслѣдованіи, которое бы обогатило науку извѣстнымъ числомъ *приведенныхъ въ порядокъ* истинъ и, сообщая новые факты, указало бы ихъ соотношеніе другъ съ другомъ и ихъ отношеніе къ тому, что мы знали раньше...

Интересная область, которую намъ раскрываютъ труды изѣстнаго французскаго ученаго R. Blondlot и его послѣдователей—A. Charpentier и другихъ, „велика и обильна“, но порядка въ ней пока еще мало; ея богатства надо будетъ еще разобрать и разсортировать, и на это потребуется и много труда, и, вѣроятно, много времени.

Между тѣмъ новые лучи представляютъ большой интересъ, и по своимъ загадочнымъ и страннымъ свойствамъ, и по той пользѣ, которую они обѣщаютъ принести естествоиспытателямъ, — представляя имъ средства удобно изучать дѣятельность нашихъ нервовъ и нашего мозга и давая возможность очень значительно—*въ десятки разъ*—возвысить увеличительную силу микроскоповъ.

Впрочемъ, можно думать, что дальнѣйшія изслѣдованія внесутъ, навѣрное, разныя дополненія и, по всей вѣроятности, нѣкоторыя *поправки* къ тому, что мы узнали объ N-лучахъ по настоящее время.

Лучи эти открыты Blondlot и названы имъ *N-лучами* по начальной буквѣ слова *Nancy*,—названіе города, гдѣ онъ производилъ свои изслѣдованія.

Излагать шагъ за шагомъ послѣдовательныя работы Блондло мы не станемъ, отмѣтимъ только, что во время этихъ работъ ему нѣсколько разъ приходилось ошибаться и сбиваться на ложный путь, но потомъ снова выходить на вѣрную дорогу и идти по ней съ удвоенной быстротой...

Въ настоящее время по вопросу объ N-лучахъ выяснено въ главныхъ чертахъ слѣдующее. Самые разнообразные предметы, столь различные между собой, какъ-то —нагрѣтая до красна мѣдная или серебряная пластинка, холодная палочка закаленной стали, солнце, „горящая“

---

*) Въ виду интереса, представляемаго лучами N, мы помѣщаемъ настоящую статью, хотя въ № 2-3 была уже объ этомъ предметѣ статья г. Н. А. Впрочемъ, настоящая статья, принадлежащая къ тому же перу извѣстнаго въ области элетротехники писателя В. А. Тюрина, имѣетъ очень мало общаго съ прежде помѣщенной статьей. *Ред.*

Digitized by Google

электрическая лампа системы Нернста, та же лампа, потушенная нѣсколько часовъ тому назадъ, кусокъ кирпича, выставленный на нѣкоторое время подъ дѣйствіе солнечныхъ лучей, наши мускулы, между прочимъ мускулы сердца, наши нервы, различные участки нашего мозга, мускулы и нервы кролика и лягушки, цвѣты и листья растеній, и т. д., и т. д.—всѣ эти предметы, до такой степени разнородные, что самое перечисленіе ихъ по своей безсвязности, быть можетъ, производитъ впечатлѣніе какого-то бреда, вообще испускаютъ *особенные лучи*, которые, правда, *невидимы* (хотя они и дѣйствуютъ на нашъ глазъ и на наше зрѣніе,—нѣсколько ниже мы разъяснимъ это кажущееся противорѣчіе), и не производятъ также никакого впечатлѣнія на фотографическую пластинку, но обладаютъ слѣдующимъ интереснымъ свойствомъ — и оно-то и даетъ намъ возможность обнаруживать и изучать ихъ. Когда эти лучи—N-лучи—падаютъ на синеватое, почти несвѣтящее газовое пламя, которое получается, когда горитъ свѣтильный газъ, вытекающій изъ длинной и узкой трубки, то это пламя *бѣлѣетъ* и становится *значительно свѣтлѣе*... Точно также и многіе другіе *слабые* свѣтовые источники подъ дѣйствіемъ „N-лучей" замѣтно *усиливаются*. Такъ, картонный, или т. п. листъ, обмазанный двойной ціанистой солью платины и барія, который подъ дѣйствіемъ лучей *радія* издаетъ *слабый* свѣтъ, когда на него дѣйствуютъ, одновременно съ лучами радія, еще N-лучи,—начинаетъ свѣтить *гораздо ярче*... Само собой разумѣется, что подобные опыты должно производить въ темной комнатѣ...

Точно также усиливается подъ дѣйствіемъ N-лучей *фосфоресценція* сѣрнистой соли кальція (или, проще, сѣрнистаго кальція), т. е. тотъ слабый сравнительно, свѣтъ, который эта соль издаетъ *сама*, послѣ того какъ ее подвергли дѣйствію солнечнаго свѣта, свѣта горящаго магнія, вольтовой дуги, и пр. Какъ извѣстно, фосфоресценція вообще усиливается и *при нагрѣваніи* фосфоресцирующаго вещества; поэтому на первый взглядъ могло бы явиться подозрѣніе, что дѣйствіе N-лучей на сѣрнистый кальцій и на другія фосфоресцирующія вещества обусловлено тѣмъ, что N-лучи ихъ нагрѣваютъ. Однако, опыты съ очень чувствительными термометрическими приборами показали несостоятельность этого объясненія...

Кромѣ того, надо отмѣтить еще слѣдующее: какъ мы упоминали раньше, организмъ лягушки испускаетъ N-лучи, такъ что если мы поднесемъ ее въ темной комнатѣ къ фосфоресцирующему сѣрнистому кальцію, то свѣченіе этой соли усиливается... Это усиленіе будетъ имѣть мѣсто и въ томъ случаѣ, если мы нашу лягушку предварительно *охладимъ до* O^0; хотя отъ сосѣдства съ ней фосфоресцирующее вещество ужъ навѣрное не только не нагрѣется, а еще и само очень охладится *).

Свѣтъ слабой электрической искры становится также значительно ярче подъ дѣйствіемъ N-лучей...

N-лучи свободно пронизываютъ стекло, горный хрусталь, *соленую* воду—но не *чистую воду!*—черную бумагу, дюймовыя дубовыя доски, листки алюминія, цинка и нѣкоторыхъ другихъ металловъ, причемъ надо, однако, замѣтить, что N-лучи бываютъ разныхъ сортовъ—*разныхъ „цвѣтовъ"*, если угодно—и что данный металлъ, хорошо прозрачный для одного сорта N-лучей, окажется очень плохо прозрачнымъ для дру-

*) Болѣе позднія изслѣдованія Блондло показали, впрочемъ, что подъ дѣйствіемъ N-лучей экранъ, обмазанный фосфоресцирующимъ веществомъ, усиливаетъ свой свѣтъ только по направленіямъ, мало отклоняющимся отъ перпендикуляра къ экрану; а въ бокъ, въ стороны, свѣтитъ не только не сильнѣе, а даже еще слабѣе, чѣмъ безъ N-лучей...

Digitized by Google

гого сорта ихъ... Свинецъ, покрывшійся на воздухѣ окисью и углекислой окисью, вообще непрозраченъ для N-лучей, но чистый свинецъ для нѣкоторыхъ сортовъ ихъ прозраченъ...

Чтобы изучать N-лучи, испускаемые, напр., ножомъ изъ закаленной стали, сдавленнымъ въ тискахъ кускомъ дерева и другими не свѣтящими тѣлами, надо только помѣститься въ темной комнатѣ и наблюдать, какъ измѣняется, напр., свѣтъ слабой электрической искорки, въ зависимости отъ того, попадаютъ ли на нее N-лучи, или не попадаютъ, перехваченные, напр., свинцовымъ листомъ, стекляннымъ сосудомъ, наполненнымъ чистой (не соленой!) водой, или отклоненные со своего пути алюминіевой призмой, въ которой они преломляются; чтобъ обезпечить себя отъ всякаго самообмана, можно *фотографировать* одновременно: электрическія искры, на которыя падаютъ, и электрическія искры, на которыя не падаютъ N-лучи... Въ статьяхъ Блондло есть нѣсколько копій съ такихъ *сравнительныхъ* фотографическихъ снимковъ, не оставляющихъ никакой возможности заподозривать самообманъ, самовнушеніе, и т. п...

Но чтобъ изучать N-лучи, выдѣляемые, напр., „горящей“ электрической Нернстовой лампой (очень богатымъ источникомъ ихъ), или раскаленнымъ „чулкомъ“ Ауэровой газовой горѣлки, или солнцемъ, вообще какимъ нибудь *свѣтящимъ* тѣломъ, требуется, такъ сказать, *отцѣдить*, *отфильтровать* ихъ отъ свѣтовыхъ лучей...

Въ самомъ дѣлѣ, какъ могли бы мы подмѣтить, что чрезвычайно слабое свѣченіе нашей искорки *усиливается*, когда и самая эта искорка будетъ незамѣтна, такъ сказать, заглушенная солнечнымъ и т. п. свѣтомъ? Въ подобныхъ случаяхъ пользуются, въ качествѣ фильтра, пластинками алюминія, листками черной бумаги и деревянными досками, которыя, какъ мы уже отмѣчали, обладаютъ свойствомъ пропускать N-лучи и задерживать свѣтовые лучи. Такъ, въ одномъ изъ своихъ опытовъ Блондло помѣщалъ Ауэрову газовую горѣлку внутри желѣзной камеры, въ которой было продѣлано окно, затянутое алюминіемъ. Сквозь это окно выходили одни чистые N-лучи, которые затѣмъ уже было удобно изучать, пользуясь опять таки ихъ дѣйствіемъ на электрическія искорки, или на фосфоресцирующіе—послѣ предварительнаго освѣщенія горящимъ магніемъ — экраны, покрытые сѣрнистымъ кальціемъ, и т. д.

Но усиленіе свѣта слабо-свѣтящихъ тѣлъ не единственное дѣйствіе, которымъ N-лучи проявляютъ свое присутствіе; они обладаютъ еще слѣдующимъ свойствомъ, напоминающимъ старинныя повѣрія о различныхъ симпатическихъ цѣлебныхъ мазяхъ и т. п.—для прикладыванія не къ ранѣ, а къ тому оружію, которымъ она нанесена. Оказывается, что если всматриваться въ какой нибудь *очень* скудно освѣщенный предметъ, на которомъ, именно вслѣдствіи скуднаго освѣщенія, нельзя разобрать никакихъ подробностей (напр., въ циферблатѣ часовъ, на которомъ нельзя прочитать цифръ) и если въ это время бросить снопъ N-лучей *на глаза*, то, хотя бы онъ вовсе и не попадалъ на предметъ,—неясныя передъ этимъ подробности послѣдняго выступятъ вполнѣ отчетливо! Это происходитъ и въ томъ случаѣ, если N-лучи дѣйствуютъ на глазъ *сквозь високъ*.

Также и обонятельныя ощущенія явственно усиливаются, когда N-лучи падаютъ на носъ, или на надпереносіе...

При дѣйствіи N-лучей на нѣкоторые участки мозга — сквозь кожу и кости—*зрачекъ расширяется*.

Мы уже отмѣчали многіе изъ источниковъ N-лучей. Къ числу самыхъ интересныхъ изъ нихъ относятся, безспорно, наши *нервы* и

Digitized by Google

нервы животныхъ, которые тоже испускаютъ сквозь кожу и пр., N-лучи, и по дѣйствію послѣднихъ на экранъ съ фосфоресцирующимъ сѣрнистымъ кальціемъ можно даже *прослѣдить* путь нѣкоторыхъ изъ нервовъ...

Мозговой участокъ, завѣдующій (какъ полагаютъ, по крайней мѣрѣ) *членораздѣльною рѣчью* („центръ Брока“) тоже испускаетъ, черезъ черепныя кости, N-лучи и притомъ особенно сильно именно „при отправленіи своей обязанности“, т. е. тогда, когда человѣкъ *говоритъ*.

А. Шарпантье нашелъ даже, что и при *безмолвномъ умственномъ трудѣ* нашъ мозгъ усиленно испускаетъ N-лучи. Опыты свои онъ производилъ такъ; помѣщалъ передъ лбомъ кого нибудь экранъ съ фосфоресцирующимъ сѣрнистымъ кальціемъ и просилъ этого человѣка, *не зная*, занятъ ли онъ умственнымъ трудомъ, или нѣтъ, „перейти съ труда на отдыхъ, или съ отдыха на трудъ“. Такую просьбу онъ повторялъ нѣсколько разъ, черезъ извѣстные промежутки времени, и замѣчалъ, что свѣченіе экрана, попеременно, то усиливалось, то ослабѣвало. *Потомъ* оказывалось, что усиленіе соотвѣтствовало переходу съ „отдыха“ на „трудъ“, а ослабленіе — переходу съ „труда“ на „отдыхъ“...

Тоже надо сказать о *мускулахъ* человѣка и животныхъ и о различныхъ *частяхъ растеній*... Замѣчательно, что при нѣкоторыхъ болѣзняхъ парализованные мускулы одной стороны тѣла издаютъ меньше N-лучей, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ *здоровые* мускулы другой стороны. Слѣдуетъ также отмѣтить, что хлороформированіе *растеній* вліяетъ на силу выдѣляемыхъ ими N-лучей...

Мы упоминали уже, что куски *закаленной* стали испускаютъ N-лучи; это испусканіе можетъ, повидимому, продолжаться *десятокъ* и больше *вѣковъ*; по крайней мѣрѣ Блондло упоминаетъ объ одномъ старинномъ мечѣ, *отрытомъ изъ очень древней могилы,* который обильно выдѣлялъ и, вѣроятно, не *началъ* выдѣлять, а *продолжалъ* выдѣлять — N-лучи.

Также испускаютъ N-лучи и „батавскія слезки“—кусочки стекла, которые были раскалены и вдругъ брошены въ воду, вообще очень многія тѣла, находящіяся въ напруженномъ—я бы даже хотѣлъ сказать—въ нѣсколько *исковерканномъ* состояніи... Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ, выражаясь языкомъ физиковъ, *энергія N-лучей получается* на счетъ той энергіи, которая освобождается при постепенномъ, очень медленномъ, правда, но непрерывномъ возвращеніи тѣла изъ его напруженнаго, исковерканнаго состоянія въ болѣе „естественное“...

Воздухъ, когда онъ *волнуется*, передавая звукъ, тоже выдѣляетъ N-лучи, сильно дѣйствующіе, и на фосфоресцирующій сѣрнистый кальцій, и на глазъ.

Отмѣтимъ еще, что многія тѣла, напр., кирпичъ, водный растворъ сѣрноватистокислой соли натрія и др. обладаютъ слѣдующимъ свойствомъ: *послѣ дѣйствія на нихъ N-лучей они начинаютъ сами издавать ихъ,* подобно тому, какъ фосфоресцирующія вещества издаютъ сами свѣтовые лучи, послѣ того, какъ ихъ подвергнуть дѣйствію свѣта...

Какова же природа N-лучей? — На этотъ вопросъ, кажется, можно уже и теперь дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Оказывается, что эти лучи такъ же, какъ и свѣтовые, отражаются—„правильно“ отъ гладкихъ поверхностей (зеркалъ) и „неправильно“, т. е. разбрасываясь во всѣ стороны, отъ шероховатыхъ... По тѣмъ же законамъ, что и свѣтовые, они преломляются въ прозрачныхъ для нихъ тѣлахъ, напр., въ призмахъ и въ чечевицахъ изъ горнаго хрусталя, или алюминія... Такъ же, какъ свѣтовые лучи, и N-лучи способны „*поляризоваться*“,

Digitized by Google

причемъ напомнимъ, что „поляризованнымъ лучомъ“ называется такой лучъ, который представляетъ различныя свойства въ различныхъ плоскостяхъ, проходящихъ черезъ него, напр., вертикальный лучъ, имѣющій не одинаковыя свойства въ плоскости *югъ-сѣверъ* и въ плоскости *востокъ-западъ* и способный, напр., отражаться отъ наклоннаго зеркала, когда послѣднее повернуто такимъ образомъ, что отбрасываетъ его къ сѣверу или къ югу, но *неспособный* отражаться отъ того же зеркала, наклоненнаго подъ тѣмъ же угломъ къ горизонту, но повернутаго такъ, чтобъ отбрасывать лучъ къ востоку или къ западу.

Подобно свѣтовымъ лучамъ, и N-лучи способны въ извѣстныхъ случаяхъ *огибать* различныя „препятствія“ (давать явленія „*диффракціи*“ — какъ выражаются физики) и т. д. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, *природа N-лучей* тождественна съ *природой свѣтовыхъ лучей* и если, какъ въ этомъ въ настоящее время нельзя сомнѣваться, въ свѣтовомъ лучѣ мы имѣемъ очень быстрое распространеніе въ пространствѣ *нѣкоторыхъ колебаній, происходящихъ не вдоль луча, а поперекъ*,—то тоже самое имѣемъ и въ N-лучѣ...

Изслѣдуя явленія диффракціи N-лучей, мы въ состояніи будемъ (подобно тому, какъ это дѣлается для свѣтовыхъ лучей) опредѣлить такъ называемую „*длину волны*“ ихъ— то разстояніе, на которое успѣетъ распространиться колебательный процессъ (т. е. въ случаѣ свѣтовыхъ лучей то разстояніе, которое успѣетъ пробѣжать „свѣтъ“) *за время одного колебанія*. Хотя скорость распространенія свѣта—огромная (онъ, какъ извѣстно, пробѣгаетъ 300000 километровъ въ секунду), но благодаря тому, что колебанія въ свѣтовомъ лучѣ *очень часты* (для *желтаго* луча, напр., 500 билліоновъ разъ въ секунду— въ круглыхъ цифрахъ) — длина волны свѣтовыхъ лучей *очень мала*; для желтыхъ лучей она близка къ 600 (точнѣе 589) милліонныхъ долей миллиметра, для крайнихъ, еще хорошо видимыхъ, фіолетовыхъ лучей—около 400 милліонныхъ и для крайнихъ *зафіолетовыхъ* лучей, изслѣдованныхъ В. Шуманомъ, не видимыхъ, но дѣйствующихъ на особеннымъ образомъ изготовленныя фотографическія пластинки—около 100 милліонныхъ миллиметра.

Но длина волны N-лучей, какъ оказывается, *еще много меньше* и равна для различныхъ сортовъ ихъ— для N-лучей различныхъ „*цвѣтовъ*“ — отъ 8 до 17 милліонныхъ миллиметра, т. е. волна N-лучей въ 35—75 разъ короче, чѣмъ волна желтыхъ свѣтовыхъ лучей, въ 24—50 разъ короче, чѣмъ волна фіолетовыхъ, и еще въ 6—12 разъ короче, чѣмъ волна Шумановыхъ зафіолетовыхъ лучей.

Благодаря столь короткой волнѣ N-лучи обѣщаютъ пріобрѣсти очень большое значеніе для практики и дать намъ возможность во *многоразъ усилить полезное увеличеніе нашихъ микроскоповъ*.

Дѣло вотъ въ чемъ. На первый взглядъ можетъ показаться (прежде такъ и думали), что вполнѣ возможно было бы построить микроскопъ, который бы увеличивалъ, хоть въ милліоны и милліоны разъ. Стоитъ только, такъ разсуждали, данную инфузорію или т. п. помѣстить подъ увеличительнымъ стекломъ, которое бы отбрасывало увеличенное, скажемъ въ 60 разъ, изображеніе ея хоть на матовое стекло, а то и прямо на воздухъ. За этимъ изображеніемъ помѣстимъ второе увеличительное стекло, которое бы давало увеличенное въ 60 разъ *изображеніе этого изображенія*, т. е., значитъ, увеличенное въ 3600 разъ изображеніе нашей инфузоріи. За этимъ, вторымъ, изображеніемъ помѣстимъ третье увеличительное стекло, и т. д. Правда, постройка

Digitized by Google

подобнаго прибора представляла бы извѣстныя техническія трудности; инфузорію, о которой рѣчь, приходилось бы освѣщать чудовищно-сильно, и пр. Но вѣдь это все— препятствія устранимыя и преодолимыя.

Разсужденія, которыя мы приводимъ здѣсь, если угодно совершенно правильны; увеличенія въ милліоны разъ дѣйствительно можно достигнуть, но только *пользы отъ этого не будетъ*, *въ сущности*, *никакой* такъ какъ части нашей инфузоріи, размѣры которыхъ меньше, чѣмъ 1/2—1/3 волны того свѣта, съ которымъ мы работаемъ (предполагая этотъ свѣтъ „одноцвѣтнымъ") *все равно пропадутъ* въ изображеніи, о которомъ рѣчь, хотя бы оно и было увеличено въ милліоны разъ *).

Но „освѣтимъ" нашу инфузорію N-лучами и будемъ послѣдовательно увеличивать ея изображеніе (при чемъ, если угодно, можно употреблять *алюминіевыя* чечевицы) и отбросимъ послѣднее, очень сильно увеличенное изображеніе на экранъ, покрытый фосфоресцирующимъ веществомъ. Въ мѣстахъ, гдѣ на такой экранъ, передъ тѣмъ освѣщенный, скажемъ, одну секунду, напр., свѣтомъ горящаго магнія,— лягутъ *густыя тѣни* изображенія, тамъ свѣченіе фосфоресцирующаго вещества *не усилится;* гдѣ лягутъ легкія тѣни, тамъ свѣченіе *слегка* усилится, и т. д.; такимъ образомъ мы *увидимъ* изображеніе, образованное N-лучами, и можемъ, если угодно, и фотографировать его...

При этомъ, такъ какъ N-лучи имѣютъ волны гораздо болѣе короткія, чѣмъ свѣтовыя, то на изображеніи, о которомъ рѣчь, еще появятся детали *во много разъ меньшія, чѣмъ тѣ, которыя только-только* что доступны намъ въ настоящее время.

Если мы возьмемъ N-лучи съ длиной волны, равной 8 милліоннымъ милиметра, то получимъ возможность разсматривать частицы, органы инфузорій и пр., въ 75 разъ меньшія, чѣмъ при употребленіи желтыхъ лучей, въ 50 разъ меньшія, чѣмъ при употребленіи фіолетовыхъ лучей и еще въ 12 разъ меньшія, чѣмъ при употребленіи Шумановыхъ зафіолетовыхъ лучей.

Конечно, высказать идею, о которой рѣчь, гораздо легче, чѣмъ осуществить ее, такъ какъ для этого потребовалось бы довести „освѣщеніе" данной инфузоріи N-лучами до огромной силы; сверхъ того, надо было бы преодолѣть и еще кое какія крупныя техническія трудности; но во всякомъ случаѣ, въ настоящее время, съ открытіемъ N-лучей, вопросъ о повышеніи полезной увеличительной силы нашихъ микроскоповъ въ десятки разъ— вопросъ, который до сихъ поръ упирался *въ принципіальную невозможность*, теперь имѣетъ передъ собой однѣ только *чисто техническія* трудности...

Передъ тѣмъ, какъ разстаться съ N-лучами, укажемъ на роль, которую они, *можетъ быть*, играютъ въ загадочномъ и важномъ *вопросѣ о передачѣ*—если не *мысли*, то по крайней мѣрѣ *зрительныхъ ощущеній*.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду изысканія Кіевскаго ученаго, г. Жука, состоявшія въ существенныхъ чертахъ въ слѣдующемъ.

Одинъ экспериментаторъ смотрѣлъ на какой нибудь рисунокъ и усиленно думалъ о немъ; другой же рисовалъ, что ему приходило въ голову, но стараясь *угадать* рисунокъ, о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія!

---

*) Въ послѣднее время, правда, нѣмецкіе ученые Siedentopf и Zsigmondy выработали особый способъ, позволяющій видѣть разныя пылинки, бактеріи и пр., размѣры которыхъ *въ сотни разъ* меньше, чѣмъ размѣры свѣтовыхъ волнъ; однако, способъ этотъ не позволяетъ *разсматривать* эти бактеріи и т. п. и *опредѣлять ихъ форму* и т. д.—а только, и единственно, *показываетъ ихъ присутствіе*.

Digitized by Google

И оказалось, что, примѣрно въ 50 случаяхъ изъ 100, „внушенный рисунокъ“ и рисунокъ-оригиналъ представляли вполнѣ несомнѣнное и неоспоримое сходство, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ фотографическихъ снимковъ, приложенныхъ къ статьѣ г. Жука, напечатанной въ извѣстіяхъ Кіевскаго Университета.

Конечно, на первый взглядъ могло бы показаться, что такъ какъ неудачныхъ рисунковъ было столько же, сколько и удачныхъ, то всѣ удачи являлись просто дѣломъ случая и никакой передачи впечатлѣній совсѣмъ и не происходило. Однако, нѣсколько болѣе вдумчивое отношеніе къ вопросу убѣждаетъ насъ, что такое мнѣніе было бы совершенно неосновательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если кто нибудь вынимаетъ карты изъ колоды, а я угадываю ихъ *цвѣтъ*, и если на каждые 100 „испытаній“ я угадываю около 50 разъ—то, конечно, заподозривать, что мнѣ что нибудь *помогаетъ* угадывать—нѣтъ никакого повода. Вѣдь, каждая карта непремѣнно или красная, или черная и *число красныхъ картъ въ колодѣ ровно числу черныхъ;* поэтому называя одинъ изъ двухъ цвѣтовъ, я имѣю столько же шансовъ угадать, сколько — ошибиться, а въ этихъ условіяхъ—какъ это отчасти ясно и само по себѣ и какъ это строго доказывается въ той части математики, которая называется „теоріей вѣроятностей,—и надо ожидать, что процентъ вѣрныхъ отвѣтовъ при большомъ числѣ „испытаній“ будетъ близокъ къ 50... Но если я угадываю, не *цвѣтъ,* а *масть* картъ, и имѣю, значитъ, при каждомъ „испытаніи“ на одинъ шансъ угадать *три* шанса ошибиться, то въ этомъ случаѣ—если ничто не помогаетъ (и не мѣшаетъ) мнѣ угадывать—надо ожидать, что при большомъ числѣ испытаній процентъ вѣрныхъ отвѣтовъ будетъ близокъ къ 25%, а если онъ оказывается значительно больше, то надо заключить, что мнѣ что-то помогаетъ угадывать, и такое заключеніе будетъ тѣмъ достовѣрнѣе, *чѣмъ больше процентъ лишнихъ удачныхъ отвѣтовъ*, какъ это само собой разумѣется; кромѣ того (хотя это не такъ очевидно), *чѣмъ больше было число испытаній*... При *огромномъ* же числѣ испытаній даже *небольшой* лишній процентъ вѣрныхъ отвѣтовъ, даже только 1% ихъ (26% вмѣсто 25%) уже даетъ большую увѣренность въ томъ, что мнѣ что-то помогаетъ угадывать; *что именно*—это уже другой вопросъ, который можетъ быть разъясненъ только правильнымъ разслѣдованіемъ...

Если же мы отгадываемъ не цвѣтъ и не масть, а *самыя карты,* при чемъ, при каждомъ отдѣльномъ испытаніи, имѣемъ одинъ шансъ угадать и 51 шансъ ошибиться, и при *этихъ* условіяхъ дали изъ 20 отвѣтовъ 10 вѣрныхъ, а тѣмъ болѣе, если изъ 100 отвѣтовъ дали 50 вѣрныхъ, то тутъ ужъ можно быть—математически-строго говоря, *почти* увѣреннымъ, а практически говоря *вполнѣ* увѣреннымъ въ томъ, что намъ *что-то очень помогаетъ угадывать.*

Какъ же велика должна быть подобная увѣреннность, когда получаются 50% вѣрныхъ отвѣтовъ въ такихъ опытахъ, какъ опыты г. Жука, въ которыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ я имѣю одинъ шансъ угадать и *безконечное число* шансовъ ошибиться?!.. *Вполнѣ безконечное,* потому что число различныхъ предметовъ, которое мы можемъ нарисовать „на удачу“ именно безконечно, а на рисункѣ-оригиналъ изображенъ, вѣдь, какой нибудь *одинъ* предметъ!

Какимъ именно образомъ передаются зрительныя впечатлѣнія отъ одного человѣка къ другому черезъ раздѣляющее ихъ пространство, мы не знаемъ, но едва ли можно допустить настоящій *переносъ впечатлѣній* въ истинномъ, прямомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ допускать

Digitized by Google

вылетанiе впечатлѣнiй изъ моей головы, полетъ ихъ къ головѣ моего товарища и пребыванiе ихъ хотя бы и самое кратковременное, въ пространствѣ между нами обоими, т. е., другими словами, допускать существованiе, (хотя бы и самое непродолжительное) впечатлѣнiй, *отдѣленныхъ отъ человѣка*, было бы по моему прямо логической несообразностiю.

И мнѣ кажется несомнѣннымъ, что въ опытахъ г. Жука не переносятся впечатлѣнiя, *какъ таковыя,* а различные химическiе и физическiе процессы, происходящiе въ мозгу того человѣка, который смотритъ на рисунокъ, *возбуждаютъ въ мозгу его товарища подобные же процессы—процессы, которые послѣднiй испытывалъ бы, если бы самъ смотрѣлъ на рисунокъ...*

Мы знаемъ очень много явленiй, болѣе или менѣе похожихъ на то, о которомъ говорили. Достаточно будетъ напомнить, что когда въ одну проволочную катушку пропускаютъ перемѣнный электрическiй токъ, то въ другой проволочной катушкѣ, отстоящей хотя бы очень далеко отъ первой, при извѣстныхъ условiяхъ, возникаетъ тоже перемѣнный же электрическiй токъ; что когда мы зажжемъ, скажемъ, ленту магнiя, то водный растворъ сѣрнокислаго хинина, расположенный на нѣкоторомъ разстоянiи—начнетъ тоже свѣтиться; и т. д., и т. д.

Мы знаемъ, что мозгъ, особенно *работающiй* мозгъ, и нервы испускаютъ N-лучи, знаемъ также, что—съ другой стороны—N-лучи дѣйствуютъ на мозгъ и нервы; по этому довольно естественно предположить, что въ опытахъ г. Жука мозговые процессы передаются, быть можетъ, именно черезъ посредство N-лучей. Однако, само собой разумѣется, что такое предположенiе можетъ очень легко оказаться и совершенно невѣрнымъ... Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнiю, было бы очень важно изслѣдовать, какiя вещества мѣшаютъ и какiя не мѣшаютъ передачѣ зрительныхъ впечатлѣнiй; будетъ ли эта передача происходить и въ томъ случаѣ, если одинъ изъ двухъ изслѣдователей помѣщенъ въ камерѣ изъ картона, изъ свинца, изъ мѣди, и т. д., и т. д.

Будемъ надѣяться, что дальнѣйшiя работы разъяснятъ намъ сущность тѣхъ таинственныхъ явленiй, благодаря которымъ *одинъ человѣкъ можетъ* срисовывать *то, чего онъ самъ не видитъ, но что видитъ другой...*

Вл. Тюринъ.

Digitized by Google

Крахъ „пѣгаго полубога".

П. ПИЛЬСКАГО.

„Слово человѣчество—препротивное; оно не „выражаетъ ничего опредѣленнаго, а только къ „смутности всѣхъ остальныхъ понятій подба- „вляетъ еще какого-то пѣгаго полубога"...

А. Герценъ.

„Все въ человѣкѣ, все для человѣка. Суще- „ствуетъ только человѣкъ, все же остальное— „дѣло его рукъ и его мозга".

М. Горькій.

(У Горькаго)... „скачокъ... къ прежнему ари- „стократическому идеалу романтизма..."

М. де-Вогюэ.

I.

Никогда еще, быть можетъ, вопросы о нравственномъ долгѣ, о самоусовершенствованіи и о высшихъ идеалахъ не разрабатывались такъ дружно и такъ страстно, какъ сейчасъ.

Происходитъ какое то общее напряженное исканіе выходовъ изъ печальной дѣйствительности, и если верхи и интеллегенція жаждутъ обрѣтенія философской вѣры, какъ источника, который позволилъ бы жить безъ самоосужденія, даровалъ бы надежды и освѣтилъ путь многовѣтвистой дороги жизни, то низы поютъ объ исканіи иныхъ правъ и иныхъ источникахъ бытія.

Получается какая-то странно-величественная пѣсня, въ которой свѣтлые аккорды неба и дикіе—земли,—идеаловъ и правъ, воспоминаній о вѣчности и заботъ о каждомъ днѣ,—изъ нея истекающемъ,—слились въ стройный хоръ, твердящій то побѣдно и грозно, то скорбно-печально объ одномъ высшемъ правѣ: о правѣ человѣка и его великой личности, о его самоцѣльномъ бытіи и беззапретномъ счастьѣ. Все яснѣя, какъ солнце сквозь тучи, проходитъ въ общее сознаніе современныхъ народовъ одна аксіома а, быть можетъ, постулатъ: „все въ человѣкѣ, все для человѣка".

Лучшіе пѣвцы времени какъ бы убѣждаютъ насъ въ томъ, что всѣ высоты жизни созданы и пріуготовлены для того, кто носитъ „великолѣпное" и „гордое званіе", и если онъ, этотъ царь и избранникъ, оказывается иногда на жизненныхъ низинахъ, то это показываетъ только то, что выше самихъ высотъ—онъ, человѣкъ, и даже самыя горнія точки

Digitized by Google

умѣетъ онъ презирать и обходить, не дорожа ими, во имя личной свободы и собственнаго достоинства.

И эти мечты о волѣ и счастьѣ, эти порывы къ небу и совершенству, эти протянутыя руки въ чистую даль далекихъ достиганій находятъ (и не могутъ не находить) себѣ изображеніе и свои отраженія въ томъ мірѣ, гдѣ резонансъ особенно просторенъ, гдѣ раздольнѣй и шире увеличивается и интенсируется обычный голосъ человѣческій, подъятый и окрѣпленный фантазіей творческаго духа,—въ современномъ искусствѣ, въ литературѣ молодого вѣка.

Послѣ будничныхъ и сѣрыхъ картинъ слѣпой и жалкой повседневности, послѣ унынія, тоски и линялыхъ красокъ—родились и зашумѣли, какъ весенніе ручьи, разсказывающіе серебряную сагу, новыя бурливыя направленія, жаждущія красивыхъ и величественныхъ настроеній.

Героемъ этихъ мотивовъ, ихъ сюжетомъ и фокусомъ сталъ томящійся духъ человѣка, ищущій и терзающійся въ пыткахъ достиженія, рвущій завѣсы неизвѣстнаго и скрытаго, пришедшій со словами строгаго допроса, обращеннаго къ жизни и вѣчности: отчета требуетъ онъ у первой и отвѣтовъ на сомнѣнія у второй.

Мало-по-малу сходитъ со сцены мода на литературную точность описательныхъ пріемовъ, теряетъ свой престижъ принципъ типичности, и его мѣсто занимаютъ требованія красивой образности, вдохновенныхъ словъ и новой художественной правды, [1]—не той правды видимостей и ариѳметическихъ измѣреній, которая жила и погибла въ натуралистическомъ романѣ, а иной,—высшей, лучшей правды, правды несуществующей въ дѣйствительности, живущей въ мечтахъ и общихъ настроеніяхъ, великой и лучезарной,—я сказалъ бы,—прекрасно лгущей правды.

Это правда мечтателей и избранниковъ, героевъ и боговъ, жрецовъ и поэтовъ, — абсолютная и субъективная правда въ одно и тоже время.

Возрождаются и реставрируются права красоты и силы изображенія, ея экспрессія, ея узоры и самодовлѣющее значеніе.

Идеалистическія и романтическія теченія искусства необходимы эпохамъ, когда очищаются понятія, когда проясняются и ширятся соціальные идеалы, когда крѣпнутъ долго накоплявшіяся силы и ищутъ выхода. Вмѣстѣ съ ростомъ смѣлаго соціальнаго самосознанія классовъ должно рости побѣждающее и героическое направленіе въ искусствѣ.

Эпохѣ исканій должно соотвѣтствовать искусство благородныхъ формъ и аристократическихъ образовъ, ибо само исканіе благородно и аристократично.

Въ исканіи много прелести и много чуда, и ни одной еще мысли не создало человѣчество безъ мукъ самоиспытаній на огнѣ жгучаго сомнѣнія и длинной цѣпи колебаній. Въ немъ—красота силы, постигающей, но не постигшей, и отъ того такъ заманчиво оно и такъ дразняще-привлекательно. Въ немъ много вѣры въ смыслъ жизни, въ побѣду человѣка и его духа, и потому-то такъ идеалистично оно и полно благородства. Много человѣчности и много смѣлости заключено въ безстрашіи исканья, и за то все оно—гуманистично-доблестно.

И ищущей, и терзающейся, въ пыткахъ протестански-настроенной, пытливо-обостренной мысли, эпохѣ нашей стало нужно искусство романтическое; ей понадобились художни-

---

[1]) Невольно вспоминаются слова писателя прошлой эпохи, но вѣчно остающагося вдохновеннымъ цѣнителемъ красоты и искусства: „вотъ чѣмъ хороша поэзія: она говоритъ намъ то, *чего нѣтъ*, и что не только лучше того, что есть, но даже *больше похоже на правду*. *(„Первая любовь" Тургенева)*.

ки съ бурными и непокорными душами; ей стали близки и дороги образы трагическихъ героевъ, протестующихъ, мучащихся, съ аристократически-утонченной нервной организацiей. Словомъ, искусство — Прометей, величественный, божественный, демократическiй по цѣлямъ борецъ, аристократъ духа, самоотверженный и непостыдно-смѣлый,—вотъ что стало идеаломъ современнаго творчества. На какихъ бы разныхъ точкахъ зрѣнiя не стоять современному философу,—будетъ ли онъ въ лагерѣ неоидеалистовъ, во вкусѣ г. Бердяева, или станетъ заодно со сторонниками „реалистическаго мiровоззрѣнiя"— одинаково признаетъ онъ наступленiе новой эры въ искусствѣ, одинаково прочтетъ онъ равнодушнымъ голосомъ отходную старому художеству, утилитаристическому реализму, утвержденному и любовно взлелѣянному буржуазiей угаснувшаго вѣка, художеству трусливому, безъ порывовъ, безъ смѣлыхъ кликовъ сердца, безъ побѣдныхъ призывовъ, безъ вымысла, безъ глубинъ, безъ загадокъ,—узкому, какъ его прославившiй общественный классъ; убогому, какъ то безобразiе вѣка, которое онъ такъ пунктуально-старательно и непогрѣшимо-скучно изображалъ при помощи циркуля и аршина, безъ полетовъ фантазiи, безъ огня, безъ искръ, безъ вольнолюбиваго размаха истиннаго вдохновенiя.

Пѣсенка реалистическаго искусства спѣта, и теперь о немъ поютъ— даже безъ злорадства—лишь заупокойные стихи, печальные, но холодные: смерть была неизбѣжна, и покойникъ опущенъ безъ вздоховъ при спокойномъ вниманiи одинаково „идеалистовъ", какъ и „реалистовъ".

Утилитаристическое значенiе искусства отметено разъ навсегда, какъ философская предпосылка, оправдывающая его существованiе.

Если прежде эстетика была принята въ философскомъ—соцiологическомъ—обществѣ, то только потому, что у нея была знатная и почетная родня: она считалась родной сестрой этики и ближайшимъ другомъ публицистики. Теперь она отворяетъ сама двери: протекцiя и родство ей надоѣли и въ выросшемъ изъ тѣснаго костюма предразсудковъ обществѣ она должна быть принята, какъ знать сама по себѣ.

Произошло коронованiе красоты, и въ этой церемонiи участвуютъ люди разныхъ и даже прямо противоположныхъ лагерей.

„Въ искусствѣ начинаетъ возрождаться идеализмъ и романтизмъ, какъ реакцiя противъ реализма, дошедшаго до самаго пошлаго, самаго мелочнаго натурализма. Искусство стремится къ новой красотѣ и *новой постановкѣ вѣчныхъ вопросовъ*, выражая болѣе утонченную и сложную психику, необыкновенно тонкiя настроенiя.

Современное искусство „дѣлаетъ въ принципѣ *прогрессивныя попытки* сказать новое слово и подготовить новаго человѣка съ болѣе красивой душой, полной индивидуальныхъ настроенiй и красокъ, безконечно цѣнныхъ для интимной жизни человѣческой личности. Такимъ образомъ искусство способствуетъ рѣшенiю великой проблемы нашего времени: *созданiю прекрасной человѣческой индивидуальности*".

... *Человѣкъ будущаго долженъ быть прекрасенъ*". *Въ новую культуру необходимо внести струю „трагической красоты*" (курсивъ вездѣ мой. П. П.) [2]).

Можетъ ли быть гимнъ пламеннѣй, манифестъ—точнѣй?

— Но что-же тутъ удивительнаго и въ этой пламенности, и въ этомъ вѣщательномъ тонѣ?—спроситъ читатель. Слова эти принадлежатъ такому яркому и ярому исповѣднику неоидеализма, что было бы неожи-

---

[2]) *Николай Бердяевъ. „Борьба за идеализмъ"*.

данностью теперь слышать изъ его устъ что-нибудь другое!..

Да! *Теперь* слышать изъ прогрессивной партіи такой голосъ перестало уже быть неожиданностью. *Теперь* говорящіе не причисляются къ лику еретиковъ и бунтовщиковъ, ихъ не называютъ уже ни мракобѣсами, ни ретроградами, ублюдками крѣпостнической Руси. *Теперь* стало дозволительно о красотѣ бесѣдовать не однѣмъ только „сентиментальнымъ барышнямъ", какъ это нѣкогда предлагалось въ одной изъ блестящихъ статей одного изъ лучшихъ русскихъ критиковъ.

Это—разъ.

Во-вторыхъ, не одинъ только Ник. Бердяевъ говоритъ такъ, и не одни идеалисты, поскольку они выражены въ своихъ „*Проблемахъ Идеализма*".

Вотъ передо мной недавно вышедшая въ свѣтъ объемистая, въ сорокъ слишкомъ печатныхъ листовъ, книга,—„*Очерки реалистическаго міровоззрѣнія*" [3]).

Собранныя здѣсь—въ одинъ томъ статьи, выпущенныя подъ одной общей обложкой,—онѣ выходятъ какъ бы сомкнутымъ строемъ, чтобъ броситься въ дружной атакѣ на полемическій бой съ тѣми направленіями, выраженіемъ которыхъ явились „Проблемы".

Борьба въ „очеркахъ" ведется на нѣсколько фронтовъ. Тутъ и оборона противъ гг. Пѣшехонова [4]) и Громана [5]), нападки на Невѣдомскаго [6]) и Бердяева [7]), обходныя движенія противъ Булгакова [8]) и Туганъ-Барановскаго, и залпы по Южакову [9]).

Намъ здѣсь, однако, важно только одно: авторы статей сборника одинаково далеки отъ всѣхъ этихъ лицъ, и не примыкая къ однимъ, совершенно также чужды и другимъ, и во всякомъ случаѣ, ни коимъ образомъ сопричислены къ кадру идеалистовъ быть не могутъ. И если „Проблемы" однимъ изъ краеугольныхъ принциповъ считаютъ не только свободу, но и провозглашеніе человѣка и его личности—„самоцѣлью",—а своей точкой зрѣнія считаютъ „синтезъ идеи богочеловѣка и человѣкобога",— то „Очерки" эту самоцѣльную человѣческую личность готовы также горячо отрицать.

По мнѣнію одного изъ наиболѣе яркихъ и наиболѣе горячихъ авторовъ, помѣстившагося въ „Очеркахъ", формула „человѣкъ-самоцѣль" или не имѣетъ вовсе никакого слысла, или только слѣдующій.

Никто не смѣетъ оспаривать нравственнаго характера той цѣли, которую автономно санкціонировало моральное сознаніе даннаго человѣка; мало того, сталкиваясь съ даннымъ человѣкомъ въ практической дѣятельности, я не имѣю нравственнаго права поступать съ нимъ, какъ съ орудіемъ для достиженія *моей*, хотя бы и нравственной, цѣли, я обязанъ видѣть въ немъ „самоцѣль", т. е. направлять мои поступки, поскольку

---

3) *Очерки реалистическаго міровоззрѣнія.* Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1904. ц. 2 р. 50 к.

4) *Н. Добролюбовъ „Что такое обломовщина".*

5) *А. Пѣшехоновъ*—сотрудникъ „Русскаго Богатства", одинъ изъ хорошихъ и послѣдовательныхъ народниковъ. *Ред.*

6) *Г. Громанъ*—марксистъ. Рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ объ его полемической статьѣ противъ книги *г. Маслова „Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи".* Статья г. Громана напечатана въ „Сарат. Земс. Недѣлѣ". *Ред.*

7) *Г. Невѣдомскій*—сторонникъ индивидуалистической точки зрѣнія, горячій поклонникъ современныхъ молодыхъ теченій въ искусствѣ и литературѣ. См., напримѣръ, его статью „*О современномъ художествѣ*" (Міръ Божій. 1903. № 4). *Ред.*

8) *Гг. Бердяевъ и Булгаковъ*—представители неоидеализма. См. ихъ статьи въ „Проблемахъ Идеализма"; а у г. Булгакова книгу „*Отъ марксизма къ идеализму*",—о ней тоже въ слѣдующемъ №-рѣ. Въ „Очеркахъ" нападаютъ на г. Булгакова такъ же, какъ и на извѣстнаго экономиста-марксиста г. Туганъ-Барановскаго за ихъ теорію рынковъ. *Ред.*

9) Сотрудникъ „*Рус. Бог.*", народникъ,—его статья „*Вопр. экономич. развитія Россіи*" и вызвала здѣсь споръ г. *Финна. Ред.*

Digitized by Google

они его касаются, не къ тому, что я считаю нравственнымъ, а къ тому, что *онъ* признаетъ таковымъ...

„Автономная моральная личность, „человѣкъ-самоцѣль", — совершенно пустая, безсодержательная формула: ни какой практической максимы выжать изъ нея нельзя"...

Въ третьемъ мѣстѣ тоже: „Идея автономности „я" въ корнѣ подрываетъ самые устои моральнаго сознанія". Еще дальше читаемъ: „Удивительная, въ самомъ дѣлѣ, вещь. Изъ-за того, что въ цѣляхъ зоологической и нѣкоторыхъ другихъ классификацій даннаго индивидуума и меня удобно обозначить однимъ общимъ терминомъ „человѣкъ", изъ-за одного только этого, „человѣкъ", какъ таковой, долженъ стать высшей задачей моей жизни" [10]. и т. д. и т. д. и т. д.

Словомъ, разница огромная, различіе точекъ зрѣнія идеализма и реализма достигаетъ иногда діаметрально-противоположныхъ полюсовъ. Въ томъ и другомъ сборникѣ мы имѣемъ два различныхъ міросозерцанія, двѣ совершенно непохожія между собой системы убѣжденій. Тѣмъ убѣдительнѣй, неоспоримѣй и несомнѣннѣй для насъ станутъ пункты и вопросы, по поводу которыхъ двумъ враждебнымъ лагерямъ пришлось сговориться и придти къ согласію. Надо замѣтить при этомъ, что интересующій насъ здѣсь вопросъ—о новой эстетикѣ—никакъ не можетъ быть отнесенъ къ категоріи нейтральныхъ, ибо одинаково близокъ онъ, и одинаково волнуетъ и съ одинаковой серіозностью обсуждается какъ тѣми, такъ и другими. Вспомнимъ нашъ взглядъ на старое и новое въ искусствѣ и посмотримъ, не согласны ли съ нами и сами „реалисты".

Вотъ какъ формулируетъ свою точку зрѣнія на „художественный реализмъ" самый даровитый сотрудникъ „Очерковъ", г. Луначарскій: „Основой его является по преимуществу *типичность* и его значеніе, главнымъ образомъ, познавательное: онъ даетъ узнать окружающую дѣйствительность, или пережитыя историческія эпохи. Если въ немъ нѣтъ чертъ романтическаго отрицанія дѣйствительности, то онъ характеризуетъ собой *застой*, самодовольство, свойственные такимъ принципіально ограниченнымъ классамъ, какъ практическая буржуазія" [11]).

Будто сговорившись, и идеалистъ Бердяевъ, и реалистъ Луначарскій, почти въ тѣхъ же словахъ оба въ одинъ голосъ утверждаютъ, что отжилъ реализмъ, взрощенный на каменистой и грубой, безплодной и гніющей почвѣ буржуазіи.

Эта солидарность для насъ здѣсь въ высшей степени цѣнна, какъ подтвержденіе тѣхъ общихъ точекъ зрѣнія, которыми мы должны быть вооружены при разсмотрѣніи и опредѣленіи главной и наиболѣе чистой струи современной русской литературы.

Искусству должно принадлежать такое же самостоятельное мѣсто въ ряду остальныхъ соціальныхъ факторовъ, какъ экономическому, религіозному и всякому другому.

Не должно быть софизма: литература—только производное, только функція жизни, ибо сама она бываетъ мѣстомъ зарожденія новыхъ жизней и колыбелью новыхъ идей. И то, что въ реалистическихъ берегахъ, скованная, стѣсненная и обмелѣвшая, она стала сѣрымъ протоколомъ жизни, который обстоятельно и подробно прочитывался,—одобрялся, или порицался въ критическомъ участкѣ, не должно служить правиломъ и возводиться на степень закона.

Искусство самостоятельно, само-

---

[10]) *В. Базаровъ. Авторитарная метафизика и автономная личность.* („Очерки". См. стр. 257, 259, 264, 268, 269 и 908 стр.).

[11]) *А. Луначарскій „Основы позитивной эстетики".* („Очерки". См. стр. 170 и дальше).

Digitized by Google

довлѣюще, независимо ни отъ жизни, ни отъ ея политическихъ формъ; оно находитъ всецѣло свое объясненіе въ личностяхъ его творцовъ, которые могутъ смотрѣть поверхъ и дальше вѣка, жить и вдохновляться мечтами отдаленнѣйшихъ временъ, такъ же, какъ искать краски, образы, обороты и пріемы въ давнопрошедшихъ эпохахъ и давно угаснувшихъ цивилизаціяхъ.

Иные изъ нихъ могутъ явиться истолкователями мечтаній и чаяній своего народа, или своего вѣка, какъ могутъ быть и оставаться воплотителями вѣчнаго томленія человѣческаго духа, его вѣчныхъ алканій, исканій общечеловѣческаго непреходящаго характера. Все зависитъ только отъ природы самого художника.

И если романтизмъ есть стремленіе къ вѣчному, то лучшіе изъ творцовъ въ искусствѣ необходимо должны быть романтиками.

Они должны звать, окрылять, зажигать мечту, будить силы и взоръ. Огненнымъ столбомъ идутъ они передъ толпами обыкновенныхъ людей, обыкновенно занятыхъ обыкновенными дѣлами. Съ гимнами бурѣ, съ призывами къ натиску должны они вести человѣчество къ далекому идеалу, поддерживать вѣру въ великую собственную мощь въ бойцахъ, не допускать до унынія, предостерегать отъ постыднаго квіэтическаго покоя.

Великій романтическій вождь, ведущій къ освобожденію,—вотъ что такое творецъ-художникъ.

Побѣдный гимнъ силѣ и славѣ человѣка—вотъ что такое искусство.

Чрезъ трагическія ужасающія бездны мукъ, зла и горя, чрезъ отвращеніе къ смерти и безмятежію, подыметъ великій художникъ будущаго толпы и народы и поведетъ ихъ въ великой и скрытой истинѣ предвѣчнаго идеала.

Всѣми силами, чего бы ни стоило, и какъ бы ни было трудно, нужно спасать искусство отъ вульгаризаціи, красоту отъ поруганія, творчество отъ тисковъ, форму—отъ рутины, содержаніе—отъ злободневности и темъ временныхъ.

Вѣчнымъ и свободнымъ должно быть искусство, ибо въ немъ одинъ изъ великихъ исходовъ: оно одно еще въ состояніи спасти отъ лѣни и равнодушія, дать силы стать выше дѣйствительности и не допустить до удовлетворенной реабилитаціи настоящаго.

Таящее въ себѣ самомъ великую силу обновленія, никогда не изнемогающую мощь творчества, само раскрывая предъ собой безконечныя дали, и идя путями, которымъ нѣтъ конца, нетеряющимися и незаростающимися,—искусство становится великимъ двигателемъ исторій, морали и философіи. Не заимствованнымъ оно свѣтитъ свѣтомъ, а само родитъ его и бросаетъ горящіе снопы, освѣщая ближайшее, озаряя заповѣдныя дали грядущаго...

II.

Большой натяжкой было бы назвать современную русскую литературу, въ лицѣ ея главныхъ, по крайней мѣрѣ, дѣятелей — общеромантической. Несомнѣнно, ясно отражаетъ она тѣ боли, которыми болѣетъ ея время, его мечтанья, надежды, желанья и стремленья. По крайней мѣрѣ, можно сказать, что она является выразительницей идеаловъ русской интеллигенціи, какъ она ихъ сознала въ своей лучшей части.

Таковы именно произведенія Леонида Андреева и Максима Горькаго.

Здѣсь, гдѣ рѣчь пойдетъ о нихъ [12]), позволительно подробнѣй, или хотя бы точнѣй опредѣлить то романтическое вѣяніе, которое явно чувствуется въ ихъ произведеніяхъ; ко-

[12]) По поводу только что выпущеннаго изданія „*Знанія*": „*Сборникъ. I. книга первая*", гдѣ напечатаны весьма знаменательные съ нашей точки зрѣнія: „*Человѣкъ*" *М. Горькаго* и „*Жизнь Василія Ѳивейскаго*" *Л. Андреева.*

Digitized by Google

торое въ значительной степени совпадаетъ у Горькаго съ воззрѣніями неоидеализма; у Андреева какъ бы оправдываетъ неоидеалистическое „внесеніе въ новую культуру струи трагической красоты“,—у обоихъ вмѣстѣ представляетъ собой возвышенный романтизмъ Sturm und Drang'а, идя навстрѣчу героическимъ стремленіямъ вѣка и вдохновляя ими *возрождающуюся* человѣческую личность. И въ этомъ отношеніи творчество и того, и другого становится дѣломъ глубоко общественнымъ.

Въ тѣхъ же самыхъ „Очеркахъ“, гдѣ пріютилась—временами кажется, что по простому недоразумѣнію—надменная и легковѣсная, хотя и обычно для ея автора претенціозная статья г. Шулятикова [13]), обрушивающагося на современную литературу, въ томъ числѣ на Андреева и Горькаго,—находимъ очень красивое, скорѣе описательное, чѣмъ точное, опредѣленіе такого романтизма: „... Изображеніе стремящагося человѣка, этой „стрѣлы, направленной къ другому берегу“, этого „моста къ совершенству“, со всей его внутренней раздвоенностью, порывами, муками творчества, плодотворнымъ смятеніемъ души, постигшей добро и зло, увидѣвшей свѣтъ впереди и мракъ и грязь вокругъ; и затѣмъ изображеніе этого мрака и этой грязи, чтобы заставить брата-человѣка рвануться отъ нихъ къ свѣту, могутъ быть названы *романтизмомъ бури и натиска*. Всѣ эпохи *возрожденія* полны и такими людьми, и рисующими ихъ произведеніями“ [14]). („Очерки“. стр. 175).

Эти состоянія человѣческой души изображаются и Л. Андреевымъ, и М. Горькимъ нерѣдко; для ихъ героевъ такія настроенія—характерны; для всей нашей эпохи такая общая окраска—типична. Самъ терминъ „романтизмъ“ какъ нельзя лучше обрисовываетъ направленіе ихъ творчества, и вся характеристика находитъ себѣ достаточное оправданіе и въ самомъ времени, которое мы переживаемъ въ настоящую минуту. Время это во многомъ близко и родственно знаменитой эпохѣ такъ называемаго Возрожденія: то же преобладаніе въ обществѣ гордо поднявшаго голову индивидуализма, тотъ же высокій культъ человѣческой личности. Тамъ—та же трудная, часто болѣзненная, работа личности на пути къ полному самосознанію, присущая большинству гуманистовъ, которые отовсюду умѣютъ выносить обостренное сознаніе „я“, своего умственнаго и нравственнаго преуспѣянія, своего благородства, не унаслѣдованнаго, а пріобрѣтеннаго подвигомъ мысли. Идея личности находитъ и въ ту эпоху всеобщее признаніе, ибо она отвѣчаетъ запросамъ времени. Гуманисты — ея идеологи; они пропагандируютъ ее въ своихъ произведеніяхъ; она подхватывается итальянской литературой и исподволь дѣлается неотъемлемымъ достояніемъ общества. Культъ личности—вотъ смыслъ и содержаніе гуманистическаго направленія.

У насъ теперь то же самое, или, по крайней мѣрѣ, рѣшительно нѣтъ существенно типичныхъ различій современности отъ этой далекой эпохи гуманизма и индивидуализма, навсегда усвоившей себѣ прекрасно-торжественное имя „Возрожденія“.

И если тамъ личность отряхнулась отъ среднѣвѣковаго сна и выросла, то есть и намъ отъ чего про-

---

[13]) *В. Шулятиковъ. Возстановленіе разрушенной эстетики (о современныхъ идеалистическихъ теченіяхъ въ русской литературѣ.).* („Очерки“. Стр. 585—655) Къ этой статьѣ намъ придется еще вернуться.

[14]) Здѣсь еще разъ хочется обратить вниманіе читателя на ту благожелательную даже лиричность тона, съ которой „реалистъ“ даетъ опредѣленіе романтическаго Sturm und Drang'а, не осуждая его вслѣдъ за идеалистическимъ признаніемъ:

солидарность всѣхъ — въ правдѣ — справедливости.

Digitized by Google

буждаться въ эти минуты, и у насъ была глубокая спячка, которую стряхиваемъ мы теперь [15]).

Вездѣ тамъ, гдѣ идетъ пробужденіе живыхъ общественныхъ силъ, когда послѣ тяжкой холодной и мертвой зимы гремятъ проснувшіяся подземныя воды, наступаетъ царство поэтическаго обожествленія силы и признаніе мечты.

Романтизмъ—поэзія молодости и ищущихъ выхода силъ. И въ этомъ смыслѣ авторы „Челкаша“, и „Темной дали“—романтики, какъ романтики они и въ своихъ пріемахъ творчества, и въ выборѣ красокъ, и въ томъ преобладаніи вымысла надъ фотографіей, которое одно даетъ право на званіе художника и знаменуетъ истинное искусство.

„*Человѣкъ*“—такъ называется новая вещь М. Горькаго. Это знаменательно.

„Все въ человѣкѣ, все для человѣка“, „человѣкъ“—звучитъ гордо“,—мы это уже слышали. Но это была только еще запѣвка, къ тому же вложенная въ уста героя пьесы, за мысли и слова котораго авторъ можетъ быть неотвѣтственъ. Теперь настоящая пѣсня, цѣлый гимнъ величію и генію человѣка:

„Въ часы усталости духа,—когда память оживляетъ тѣни прошлаго, и отъ нихъ на сердце вѣетъ холодомъ,—когда мысль, какъ безстрастное солнце осени, освѣщаетъ грозный хаосъ настоящаго и зловѣще кружится на одномъ мѣстѣ, безсильная подняться выше, летѣть впередъ; въ тяжелые часы усталости духа, силою моего воображенія, я вызываю предъ собою величественный образъ Человѣка!

„Человѣкъ! Точно солнце рождается въ груди моей, и въ яркомъ свѣтѣ его, необъятный, какъ міръ, медленно шествуетъ—впередъ! и—выше! трагическій, прекрасный Человѣкъ!

„Я вижу его гордое чело и смѣлые, глубокіе глаза; а въ нихъ—лучи безстрашной, мощной Мысли, той Мысли, что постигла чудесную гармонію вселенной, той величавой силы, которая въ моменты утомленья—творитъ боговъ, въ эпохи бодрости—ихъ низвергаетъ.

„Затерянный среди пустынь вселенной, одинъ на маленькомъ кускѣ земли, несущемся съ неуловимой быстротою куда-то въ глубь безмѣрнаго пространства, терзаемый мучительнымъ вопросомъ—„зачѣмъ онъ существуетъ?“ — онъ мужественно движется—впередъ! и—выше! по пути къ побѣдамъ надъ всѣми тайнами земли и неба. Идетъ онъ, орошая кровью сердца свой трудный, одинокій, гордый путь, и создаетъ изъ этой жгучей крови—поэзіи нетлѣнные цвѣты; тоскливый крикъ души своей мятежной онъ въ музыку искусно претворяетъ, изъ опыта—науки создаетъ и, каждымъ шагомъ украшая жизнь, какъ солнце землю щедрыми лучами,—онъ движется все выше!—и впередъ! звѣздою путеводной для земли“!..

Таково начало этого славословія человѣческой личности, гимна въ своихъ частяхъ уже не новаго для читателей Горькаго.

Слышали мы его въ пьесѣ „На днѣ“, въ монологѣ Сатина; читали его нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Гордѣевѣ“:

„Я не знаю ни одной книжной истины, какая для меня была бы дороже человѣка. Человѣкъ есть вселенная, и да здравствуетъ во вѣки онъ, носящій въ себѣ весь міръ“. (IV, 351).

„Дороже человѣка ничего нѣтъ, такъ и знай“ (ibid. 284).

Говорить о формѣ, о достоинствахъ „Человѣка“—излишне: онъ, если не всѣми прочтенъ сейчасъ уже, то всѣми будетъ прочтенъ рано или поздно.

Но вотъ о чемъ необходимо сказать. Въ послѣднее время, какъ-то особенно часто послѣ появленія „На

[15]) Объ этомъ сближеніи двухъ эпохъ подробнѣй см. у *А. Дживилегова*. *„Изъ исторіи индивидуализма“*. „Правда“. 904, 2.

Digitized by Google

днѣ", приходится слышать о какомъ-то отказѣ М. Горькаго отъ своего прежняго міросозерцанія, объ исповѣданіи имъ новой вѣры, или, по крайней мѣрѣ, объ его исканіяхъ ея. Разговоръ, однимъ словомъ, идетъ о душевныхъ колебаніяхъ писателя, находящагося среди двухъ идеаловъ, на перепутьи двухъ дорогъ. Говорятъ, что со времени былого глашатайства романтическихъ образовъ „сверхчеловѣка въ рубищѣ", „много измѣнилось и въ образѣ жизни, и въ условіяхъ творчества, и во взглядахъ писателя прежде (sic) пролетаріата" [16]).

По мнѣнію проницательнаго критика, Горькій разочаровался въ индивидуалистическихъ воззрѣніяхъ и готовъ перейти въ лагерь общественниковъ, какъ готовъ открыто исповѣдывать и свое новое христіанство. Но такъ какъ доказать что бы то ни было гораздо труднѣе, чѣмъ сказать или пророчествовать, то г. Жураковскій дальше разъясняетъ свое положеніе въ томъ смыслѣ, что, если этого и нѣтъ сейчасъ, то будетъ впослѣдствіи.

Что будетъ—намъ неизвѣстно, но утверждать, что такой переломъ въ міросозерцаніи Горькаго уже произошелъ, значитъ абсолютно не понимать всей горьковской идеологіи. Слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что у художника мы можемъ только приблизительно намѣчать идейныя вѣхи, только въ общихъ чертахъ обрисовывать его міровоззрѣніе, характеризовать его идейныя симпатіи и антипатіи только въ ихъ главныхъ выраженіяхъ. Ни одна художественная дѣятельность не даетъ права формулировать въ подробностяхъ всѣ развѣтвляющіяся частности общей системы убѣжденій даннаго автора. Но тотъ богъ, что живетъ въ душѣ всякаго творца, каждаго мыслящаго и страдающаго художника, богъ этотъ всегда ясенъ и опредѣляемъ.

Врагъ авторитарнаго мышленія, гнѣвный повстанецъ противъ авторитарныхъ формъ труда, страстный сторонникъ автономности личности, требовательный искатель независимости въ мысли и самостоятельно—самобытныхъ дорогъ жизни, любящій восторженнымъ чувствомъ человѣка и скептически настроенный по отношенію къ угрюмымъ судьбамъ жалко бредущаго человѣчества, осуждающій со всей глубиной протестантскаго гнѣва его стадность, его мѣщанство, безсиліе и покорность, чьими совокупными силами задавлены индивидуальность и великій духъ „человѣкабога" въ его чистомъ и *идеальномъ* значеніи,—вотъ кто такой Горькій.

..Человѣкъ *можетъ* быть великъ и свободенъ,—но отъ этого далеко еще до признанія, что онъ *уже* и великъ, и свободенъ. На каждомъ шагу жизнь и ея опыты показываютъ какъ разъ обратное,—не только цѣпи неволи, задушенность, робость, приниженность, но и мѣлочность, и дикость, и глупость, и грубость человѣческую. Горькій и самъ не закрываетъ глазъ на все это. Знаетъ онъ, что всѣ „мы засыпали наши души хламомъ повседневныхъ заботъ и привыкли жить безъ души, до того привыкли, что и не замѣчаемъ, какіе всѣ мы стали деревянные, безчувственные, мертвые", что „ужасно мало на свѣтѣ интересныхъ людей", что „счастливый человѣкъ—всѣмъ людямъ врагъ", что всѣ мельчаютъ:—„раньше желѣзный былъ народъ, а теперь резина".

Но и при всемъ томъ—идеальное значеніе и назначеніе человѣка—высоко, и если мелокъ и затертъ онъ, сейчасъ, приневоленъ и малъ,—ничего;—онъ *долженъ* быть великимъ и свободнымъ, *долженъ* быть. Жизнь зла, тупа и безпощадна, какъ все слѣпое, но именно поэтому—то ее и нужно побѣждать. Нужно вдо-

---

[16]) Неграмотная фраза эта, какъ и вся цитата, принадлежитъ г. Жураковскому. См. его: „*Симптомы литературной эволюціи*. М. 1903 ц 1 р. 25. Стр. 5.

Digitized by Google

хнуть въ людей силу ненависти и дать терпѣніе и мощь въ борьбѣ съ ней. Человѣкъ долженъ вѣрить въ себя и свое торжество, и чѣмъ ниже, жалче онъ сейчасъ, тѣмъ больше нуждается онъ въ томъ, чтобъ его окрылили и подвигнули на геройство и бой.

„Мнѣ нуженъ учитель, потому что я человѣкъ, я заплутался во мракѣ жизни и ищу выхода, къ свѣту, къ истинѣ, красотѣ, къ новой жизни",— говоритъ „читатель"—„укажи мнѣ пути! Я человѣкъ.—Ненавидь меня, бей, но извлекай изъ тины моего равнодушія къ жизни! Я хочу быть лучшимъ, чѣмъ есть. Какъ это сдѣлать? Учи!"...

Такое требованіе со стороны читателя теперь—вполнѣ естественно и вполнѣ же законно. Онъ утомился прежней жизнью, ровной, какъ плоскость, сѣрой, какъ осень, тяжелой и темной, какъ ночь. И литературой этой сѣрой жизни онъ тоже утомился. Онъ пресыщенъ ею, она ему не дала ничего, кромѣ вздоховъ безсилія и безпомощнаго пожатія плечъ, не исторгнула она у него ни слезъ, ни восторговъ, не разбудила ни энергіи, ни порывовъ, не зажгла его души ни ужасомъ, ни жаждой подвига. Восьмидесятые и почти цѣликомъ 90-е годы прошли надъ русской жизнью и ея литературой больнымъ кошмаромъ, ничего не прибавивъ и многое отнявъ. Всѣмъ политически — общественнымъ укладомъ личность русскаго человѣка была осуждена на забвеніе, на „стыдъ собственнаго существованія" (какъ выразился въ одной изъ своихъ статей - о русскомъ „самозванствѣ"—Короленко), ее игнорировали. Передовая публицистика и литература бросала человѣку укоръ въ лѣности и неподвижности и повелительно призывала на жертвы во имя общества и „пѣгаго полубога". О ней самой — объ этой личности, — рѣчи не заходило совсѣмъ. Личность русскаго человѣка затерялась, замерла, сошла съ горизонта общихъ надеждъ и разговоровъ, стыдливо стушевалась. Собственныя свои силы она начала умалять сама. Къ великому и высокому, къ божественному и героическому она стала въ недовѣрчивыя отношенія обманутаго раба. Возникла проповѣдь маленькихъ дѣлъ. Были воспѣты незамѣтные герои, распространилась „Недѣля".

И вотъ явился „суровый и любящій человѣкъ съ пламеннымъ сердцемъ и великимъ, всеобъемлющимъ умомъ",—во всякомъ случаѣ очень смѣлымъ и сильнымъ умомъ—и затрубилъ возстаніе личности. И чеховскіе герои, съ усталыми душами и лѣнивыми головами (какъ у Иванова), то безцѣльно жегшіе свои силы въ ненужныхъ метаніяхъ изъ стороны въ сторону (какъ Лихаревъ), то спускающіеся съ насиженныхъ буржуазныхъ насѣстовъ въ пучину рабочей жизни (герой „Моей жизни"), пораженные, останавливаются предъ новыми звуками новыхъ пѣсенъ молодой весны. Съ дерзко-справедливыми укорами, съ искренне-страшнымъ паѳосомъ пропѣлъ пришедшій со дна истрепанной и несправедливой, голодной жизни писатель свою пѣснь о вольнолюбивомъ Соколѣ и бросилъ тяжкіе, но заслуженные укоры тѣмъ, кто мнилъ себя, въ своемъ самодовольствѣ, интеллигенціей. Будто окончательно разочаровавшись въ ея возрожденіи, бросился онъ къ толпамъ и низамъ и, выхвативъ оттуда, со дна, гордо-величавыхъ независимыхъ людей, показалъ ей, что „человѣкъ—выше сытости". Въ сущности, Сатинъ выразилъ въ этихъ словахъ только то, что давно уже сказалъ самъ Горькій всѣмъ образомъ Челкаша.

И общество заслушалось страннаго Саванароллу, и одно только нашли сказать въ отвѣтный укоръ пристыженные, — они сказали: такихъ Челкашей, и Коноваловыхъ, и Сатиныхъ не бываетъ...

„Не бываетъ",—или „бываетъ",— вотъ эстетика и ея мѣрка для роб-

Digitized by Google

кихъ и безкрылыхъ душъ, никогда, даже въ мечтѣ своей, не поднимавшихся выше того, что есть ихъ кургузая и закорсеченная дѣйствительность! Литературу и искусство они хотѣли бы потопить въ этой дѣйствительности такъ, какъ утопаютъ въ ней сами! И такъ смѣлъ былъ взмахъ крыльевъ таланта, и такъ высокъ и стремителенъ былъ романтическій полетъ его творческой фантазіи, что теперь ужъ нѣтъ журнала, гдѣ бы вы не встрѣтили это имя — „Горькій“.

Но слава Горькаго и его вліяніе — еще не въ зенитѣ. Кульминаціонный пунктъ ихъ—впереди. Не все общество разбужено еще, не всѣ умѣютъ провидѣть, не всѣмъ даны дары предчувствія и предугаданія. Но кто умѣетъ прозрѣвать дали будущаго, тому ясно все значеніе и весь велико-знаменательный смыслъ гимна „человѣку“. Въ этомъ прославленіи Горькій уже повторяется, но въ этомъ нужно повторяться еще и еще. Вѣка авторитарнаго мышленія и авторитарной, сплошь скованной жизни не проходятъ безслѣдно.

Для будущихъ завоеваній человѣка нужно многое, но наипаче всего его вѣра въ себя и свое великое провиденціальное, почти божеское назначеніе на землѣ,—для жизни, для мысли, для всей исторіи...

Чрезъ произведенія Горькаго застой смѣняется Drang'омъ, затишье Sturm'омъ, унынье — ликованьемъ, сонъ—бодрой работой: стрѣлой, летящей къ лучшему берегу, къ счастью и волѣ становится человѣкъ,— изъ обывателя выростаетъ въ героя...

Возрождается личность...

III.

„Когда человѣкъ сидитъ неподвижно,—пишетъ въ одномъ мѣстѣ Леонидъ Андреевъ,—ему всегда кажется, что онъ можетъ летать, и только двинувшись въ путь, убѣждается онъ въ медлительности доступнаго ему движенія“.

Мечты легче жизни, эмоціи сладостнѣй и удобнѣй, чѣмъ борьба за свои права, которыя приходится завоевывать. Культура дала огромную жажду, но не увеличила боевой силы ни интеллигенціи, ни трудящихся массъ. Она „улучшаетъ частичныя формы жизни, но въ цѣломъ оставляетъ какой-то диссонансъ, какое-то пустое и темное мѣсто, которое всѣ чувствуютъ, но не умѣютъ назвать“.

Повышенныя требованія дала она и возвышенные идеалы воздвигла предъ человѣчествомъ, но ни на волосъ не повысила силъ и средствъ для ихъ достиженія. Въ своемъ развитіи разобщила она людей и заперла души ихъ въ кельи одиночества, отняла простую вѣру, усложнила ясную дѣтскую любовь дикаря и ничѣмъ не возмѣстила причиненныхъ убытковъ.

Здѣсь ищите драмы интеллигентныхъ одиночекъ, здѣсь разгадка трагическаго конца Сергѣя Петровича, сумасшествія и преступленія доктора Керженцова, здѣсь ужасъ пошлости, въ тискахъ которой живутъ партнеры „Большаго шлема“. Для капиталиста полезенъ, какъ родникъ для его богатства, для писателя, какъ ступенька къ памятнику, для ученаго, какъ величина, приближающая его къ познанію истины, для читателя, какъ объектъ для упражненій въ хорошихъ чувствахъ,—вотъ полезность, которую нашелъ въ себѣ Сергѣй Петровичъ. И всю его душу охватилъ гнѣвъ...

...—„Я не хочу быть нѣмымъ матеріаломъ для счастья другихъ: я самъ хочу быть счастливымъ, сильнымъ и свободнымъ и имѣю на это право,—выговаривалъ Сергѣй Петровичъ затаенную мысль, которая бродитъ во многихъ головахъ и много головъ дѣлаетъ несчастными, но выговаривается такъ рѣдко и съ такимъ трудомъ“.

День ото дня все неудобоносимѣй, непосильнѣй становится тягота жиз-

Digitized by Google

ни, и чѣмъ выше и лучезарнѣй мечта и идеалъ, тѣмъ страшнѣй и непобѣдимѣй кажутся цѣпи дѣйствительности.

„Разъ нельзя побѣдить, нужно умереть",—говоритъ Л. Андреевъ.

Раскрываются трагическія бездны, наступаетъ тріумфъ смерти.

Характерными чертами писательскаго отношенія къ жизни у Леонида Андреева слѣдуетъ признать его несомнѣнную пессимистичность, — хотя и бодрую, —и исканіе трагизма. Его художественное вниманіе всегда привлекается тѣмъ, что прямо или косвенно сочетано съ смертью и гибелью. Ужасъ предъ безчувственной, нѣмой и *стихійной* струей текущей, нервнонапряженной жизни нашей, загадочной и не знающей ни пощады, ни милости—вотъ Leit'motiv, красной нитью проходящій черезъ всѣ произведенія нашего автора. Этотъ ужасъ и трагизмъ смерти тѣмъ больше занимаютъ его воображеніе и владѣютъ его мыслью, чѣмъ неожиданнѣй и случайнѣй ихъ роковые приходы: ничего нѣтъ безсмысленнѣй и жестче, а потому и драматичнѣй, чѣмъ гибель силы, споткнувшейся о мелочь, и ничего нѣтъ досаднѣй и обиднѣй, какъ та глубокая и злая иронія, по которой великое священнодѣйствіе акта смерти должно происходить въ обстановкѣ мизерной и пошлой. Тяжело смотрѣть на умершаго за картами человѣка и грустно, что его маленькой мечтѣ о большомъ шлемѣ суждено сбыться, когда его самого уже не стало. Среди пошлой обстановки зеленаго стола, съѣвшей всю душу этихъ четырехъ людей, умираетъ Николай Дмитріевичъ, имѣя на рукахъ всѣ шансы, чтобъ выиграть наконецъ большой шлемъ. Но вся загадка этой неожиданной, поражающей смерти разрѣшается для другихъ трехъ лишь вопросомъ:

— А гдѣ же мы возьмемъ теперь четвертаго?

И ужасъ имъ внушаетъ не сама смерть.

„Одно соображеніе, ужасное въ своей простотѣ, потрясло худенькое тѣло Якова Ивановича, и заставило его вскочить съ кресла. Оглядываясь по сторонамъ, какъ будто мысль не сама пришла къ нему, а кто-то шепнулъ ее на ухо, Яковъ Ивановичъ громко сказалъ:

—Но вѣдь никогда онъ не узнаетъ, что въ прикупѣ былъ тузъ, и что на рукахъ у него былъ вѣрный большой шлемъ. Никогда!—И Якову Ивановичу показалось, что онъ до сихъ поръ не понималъ, что такое смерть. Но теперь онъ понялъ, и то, что онъ ясно увидѣлъ, было до такой степени безсмысленно, ужасно, непоправимо. Никогда не узнаетъ!" И Яковъ Ивановичъ разыгралъ за покойнаго Николая Дмитріевича большой шлемъ и взялъ всѣ тринадцать взятокъ, затѣмъ „высморкался, спряталъ платокъ въ карманъ наваченнаго сюртука и сказалъ, вопросительно поднимая брови надъ покраснѣвшими глазами:

— А гдѣ же мы возьмемъ теперь четвертаго?

Тяжело слѣдить за уступками, которыя дѣлаетъ здоровое тѣло сильнаго купца незримой смерти, и грустно слушать дѣтски-умилительныя рѣчи неунывающаго дьякона, поющаго наканунѣ прощанья съ жизнью гимнъ всепресвѣтлѣйшей Богородицѣ и вздыхающаго объ яблокѣ „бѣлый наливъ". О чемъ иномъ мечтать ему, скромному „объекту чужихъ упражненій" и кому еще могъ бы молиться онъ?

Кончая съ собой, умираетъ студентъ, — поклонникъ Ницше, — для котораго было закрыто все, что дѣлаетъ жизнь счастливою, или горькою, но глубоко человѣческой! Религія и мораль, наука и искусство существовали не для него. Вмѣсто горячей и дѣятельной вѣры,—той, что двигаетъ горами, онъ ощущалъ въ себѣ безобразный комокъ, въ которомъ привычка къ обязанности переплеталась съ дешевыми суевѣріями. Онъ не былъ на-

Digitized by Google

столько смѣлъ, чтобы отрицать Бога, ни настолько силенъ, чтобы вѣрить въ него; не было у него и нравственнаго чувства и связанныхъ съ нимъ иллюзій.

Умираетъ жизнь въ домѣ священника, схоронившаго самоубійцу дочь.

Умираетъ мечта въ „Ангелочкѣ".

Гибнетъ чистое чувство идеальной любви, сгубленное грязью и животностью въ „Безднѣ". Затѣмъ гибель разума у Керженцева, знаменательное „замучили" въ „Туманѣ", смерть великимъ упованіямъ на будущее и лучшій міръ въ „Стѣнѣ". Словомъ, вездѣ у Андреева—смерть и скорбь, ужасъ ненужности и страхъ безсилія, *мощь стихійныхъ силъ и безпомощность разумныхъ, побѣда зла и рабства и неволя чистаго и свѣтлаго начала.*

Счастья нѣтъ на землѣ. Окутанная мракомъ, полная неизвѣстности, кишащая случайностями, какъ змѣями, жизнь — величайшая изъ міровыхъ трагедій. Онѣ вездѣ. Разница въ томъ, что однѣ протекаютъ, или разрѣшаются катастрофами видимыми, другія—невидимыми и скрытыми. Однѣ выражаются во внѣ слезами, стономъ, или смертью, другія—таятся и „молчатъ".

Человѣкъ имѣетъ право пытать вѣчность и къ ея молчанію приступать съ требованіями отвѣтовъ и отчетовъ. Онъ хочетъ и долженъ знать правду о будущемъ и истину о самомъ себѣ. Его божественный духъ не можетъ удовлетвориться одними только процессами и сомнѣнія личности — сами по себѣ уже трагедія. Но вѣчность безотвѣтна. Какъ могила, хоронитъ она въ себѣ свою тайну и путей къ разгадкѣ нѣтъ. Кругомъ—стѣна, и что за этой стѣной съ достовѣрностью,—даже только приблизительной,—не сказалъ никто. Конца ея, „гребня стѣны не видно; она поднимается прямая и гладкая". Но знать надо, ибо нѣтъ безъ знанья ни жизни, ни счастья, даже покоя нѣтъ.

—„Попробуемъ перелѣзть, — сказалъ мнѣ прокаженный, и голосъ его былъ гнусавый и зловонный, такой же какъ у меня. И онъ подставилъ спину, а я сталъ на нее, но стѣна была все такъ же высока. Какъ и небо, разсѣкала она землю, лежала на ней какъ толстая змѣя, спадала въ пропасть, поднималась на горы, а голову и хвостъ прятала за горизонтомъ.

— Ну, тогда сломаемъ ее!—предложилъ прокаженный.

— Сломаемъ!—согласился я.

Мы ударились грудями о стѣну, и она окрасилась кровью нашихъ ранъ, но осталась глухой и неподвижной. И мы впали въ отчаяніе.

— Убейте насъ! Убейте насъ!—стонали мы и ползли, но всѣ лица съ гадливостью отворачивались отъ насъ".

Прокаженные издѣваются надъ голодными, грызутъ другъ друга танцующіе въ дикой пляскѣ жизни и снова пробуютъ сломить высокую и крѣпкую стѣну. Но предъ „нами опять была стѣна, а около нея двое сидѣли на корточкахъ. Одинъ черезъ извѣстные промежутки времени ударялъ о стѣну лбомъ и падалъ, потерявъ сознаніе, а другой серьезно смотрѣлъ на него, и щупалъ рукой его голову, а потомъ стѣну, и когда тотъ приходилъ въ сознаніе, говорилъ:

— Нужно еще; теперь немного осталось.

— Это дураки,—сказалъ прокаженный, весело надувая щеки. — *Это дураки. Они думаютъ, что тамъ свѣтло. А тамъ тоже темно* и тоже ползаютъ прокаженные и просятъ: убейте насъ".

Надежда на одно—въ умилостивительную жертву принести собственную свою кровь и жизнь: чего бы ни стоило лишь бы добраться до истины, узнать застѣнную жизнь.

И тогда я сталъ просить:

—„Пусть стоитъ она, но развѣ каждый трупъ не есть ступень къ вершинѣ? Насъ много и жизнь наша

Digitized by Google

тягостна. *Устелемъ трупами землю*; на трупы набросимъ новые трупы и такъ дойдемъ до вершины! *И если останется только одинъ,—онъ увидитъ новый міръ*!

И съ веселой надеждой оглянулся я—и однѣ спины увидѣлъ, равнодушныя, жирныя, усталыя...

— Братья!—просилъ я. Братья!

Но голосъ мой былъ гнусавъ, и дыханіе смрадно, и никто не хотѣлъ слушать меня, прокаженнаго.

— Горе!.. Горе!.. Горе!..“—

...И человѣчество устилаетъ своими трупами землю, но ни на одну пядь земли не становится оно ближе къ истинѣ. Но человѣкъ растетъ. Чрезъ науку и мысль становится онъ все болѣе и болѣе чуткимъ, и сознательнѣй дѣлается его личное „я“. Это сознаніе приводитъ къ жаждѣ освобожденія, къ стремленію стать внѣ зависимости и власти земныхъ идоловъ и земныхъ темныхъ силъ. Судьбы не должно быть: есть и будетъ воля человѣка и ея реализація. Творчеству его нельзя ставить ни границъ, ни препятствій. Мысли и душѣ его да будутъ отверзты всѣ глубины міра и открытъ просторъ полета до предѣловъ самой вѣчности.

— Жизнь не будетъ имѣть для меня никакого положительнаго значенія и никакой абсолютной цѣнности,—какъ бы говоритъ все время Андреевъ,—если знанію моему не дано видѣть, что ожидаетъ человѣка за гранями этой жизни.

Но предѣлы положены. И въ безрезультатныхъ попыткахъ побѣдить ихъ, человѣкъ сжигаетъ свою силу и, измученный, въ гнѣвѣ на себя, носитъ трагедію, какъ зарядъ, до перваго приближенія огня. Затѣмъ слѣдуетъ взрывъ, — и предъ нами убійца, самоубійца или сумасшествіе.

Трагическія бездны, открывающіяся предъ нами въ произведеніяхъ Андреева, не пріемъ и не средство произвести опредѣленный эффектъ. Онѣ стоятъ, какъ цѣпь загадокъ, созданныхъ самимъ авторомъ, помимо, быть можетъ, собственной его воли.

Эти бездны рождены, отрыты и открыты великими сомнѣніями художника и оттого онѣ такъ красивы, правдивы и глубоки. Вопросы, которыми полны сочиненія автора „Мысли“, суть вопросы жизни и смерти,—самые коренные вопросы всякаго міропониманія.

Не всѣ ими болѣютъ такъ интенсивно, какъ они этого заслуживаютъ, но важность и серьезность ихъ отъ этого не уменьшается.

Я думаю, что *стихійно—все то, что не является актомъ личной сознательной воли того самаго человѣка, который становится его субъектомъ, стихіенъ всякій актъ, навязанный человѣку, или его обязывающій. Поэтому стихійна загадка вѣчности, терзающая пытливый умъ; стихійна смерть, но такъ же, какъ рокъ, стихійно всякое незнаніе и, значитъ, вообще всякое безсиліе, всякая болѣзнь, всякая обида.*

Нестихійны только акты собственной разумной воли.

Съ этой точки зрѣнія, *всѣ трагедіи Андреева могутъ быть опредѣлены, какъ гибель разума и личности отъ силъ стихійнаго произвола;* борьба съ нимъ невозможна безъ подготовки.

Подготовка же эта должна идти путемъ мысли и средствъ ея развитія, во-первыхъ. И, во-вторыхъ, путемъ *поднятія цѣнности всякой человѣческой жизни,* т. е. путемъ наростанія въ массахъ *чувства собственнаго достоинства* и *общаго самосознанія.*

Въ этомъ огромное значеніе творчества Л. Андреева, *психологически-общечеловѣческое* и *широко-соціальное.*

IV.

„Надъ всей жизнью Василія Ѳивейскаго *тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ.* Точно проклятый *невѣдомымъ проклятіемъ,* онъ съ юно-

Digitized by Google

сти несъ тяжелое *бремя печали, болѣзней и горя,* и никогда не заживали въ сердцѣ его кровоточащія раны". Грозное, но безсмысленное стихійное начало подкрадывается къ нему не сразу. Будто дѣйствуя цѣлесообразно, и по заранѣе составленному плану, вначалѣ оно даетъ основанія для надеждъ, но тѣмъ жесточе будутъ муки ихъ похоронъ, и къ тяжелымъ фактамъ, самимъ по себѣ, прибавится боль обманутыхъ ожиданій и сознаніе безсилія даже самой вѣры.

Священникомъ станетъ Василій Ѳивейскій, судьба дозволитъ ему жениться на хорошей дѣвушкѣ и дастъ счастье сдѣлаться отцомъ двухъ дѣтей,—дочери и сына. Чтобъ Василій Ѳивейскій почувствовалъ особенную остроту горя и мрака жизни, судьбѣ нужно, чтобъ человѣкъ освоился со своимъ счастьемъ и семь лѣтъ, торжественно и просто благословляя Бога, о. Василій проживетъ безмятежно и покойно. Но на седьмой годъ его благополучія развязался главный узелъ поповскаго счастья: „пошли деревенскіе ребята купаться и съ ними сынъ о. Василія, тоже Василій, и такой же, какъ онъ, черненькій и тихонькій. И утонулъ Василій".

На всю жизнь послѣ этого попадья почувствовала страхъ къ яркимъ солнечнымъ днямъ, одинъ изъ которыхъ укралъ у нея сына, и послѣ, „много времени спустя, когда Васю похоронили и трава выросла на его могилкѣ, попадья все еще твердила молитву всѣхъ несчастныхъ матерей: „Господи, возьми мою жизнь, но отдай мнѣ мое дитя!"

Всегда больной, страхъ и у попадьи вызрѣлъ въ недугъ: когда солнце поднималось къ зениту, попадья наглухо закрывала ставни въ своей комнатѣ и въ темнотѣ напивалась пьяная, въ каждой рюмкѣ черпая острую тоску и жгучее воспоминаніе о погибшемъ сынѣ.

Пораженный и выбитый изъ колеи благополучія, будто рѣшившись на вѣкъ замолкнуть объ этомъ, въ сознаніи непоправимости происшедшаго, къ кому было обратиться ему, тихонькому священнику? Въ далекомъ полѣ, поднявъ глаза къ небу, произнесъ онъ громкія, отчетливыя слова:

— Я вѣрю.

„Безъ отзвука потерялся въ пустынѣ неба и частыхъ колосьевъ этотъ молитвенный вопль, такъ безумно похожій на вызовъ. И точно кому-то возражая, кого-то страстно убѣждая и предостерегая, онъ снова повторилъ:

— Я вѣрю".

Тоскуя и виномъ лѣча никогда незаживающую рану, попадья создала мечту свою: родить новаго сына, и въ немъ воскреснетъ безвременно погибшій. И мечта стала фактомъ: она забеременѣла, на свѣтъ явился мальчикъ, и имя ему дали тоже Василій. Три года провели попъ и попадья въ страхѣ, сомнѣніяхъ и надеждѣ, и чрезъ три года стало ясно, что новый Вася—идіотъ. „Среди людей, ихъ дѣлъ и разговоровъ о. Василій былъ такъ видимо обособленъ, такъ непостижимо чуждъ всему, какъ если бы онъ не былъ человѣкомъ, а только движущейся оболочкой его... И кто бы ни видѣлъ его, всякій спрашивалъ себя: о чемъ думаетъ этотъ человѣкъ?— Такъ явственно была начертана глубокая дума на всѣхъ его движеніяхъ". Теперь подолгу и помногу сталъ онъ думать „о Богѣ, и о людяхъ, и о таинственныхъ судьбахъ человѣческой жизни", и впервые въ эти дни, однажды на исповѣди, понялъ онъ то великое, что только кажется всѣмъ людямъ давно понятнымъ: что кромѣ него есть на землѣ другіе люди, подобныя ему существа, и у нихъ своя жизнь, свое горе,—своя судьба. То страшное и отвѣтственное и невыполнимое требованіе, что предписываетъ людямъ исповѣдь, и что называется полной и искренней правдой, открыло священнику истину; сами не знаютъ

Digitized by Google

правды о своей жизни тѣ, которые говорятъ ему одну правду, какъ самому Богу,—хотя всѣ чувствовали её и всѣ ждали, но никто не умѣлъ назвать её человѣческимъ словомъ. И теперь и „умъ, и сердце его уже плавились на огнѣ непознаваемой правды, и новая жизнь входила въ старое тѣло“.

Внимательнымъ—по особенному, какъ у всѣхъ несчастныхъ и страдающихъ,—взглядомъ сталъ всматриваться Василій въ окружающее и понялъ жестокую и очерствѣвшую душу подростка-дочери и то, что за уродливой внѣшностью идіота жила иная душа, — всезнающая и скорбная; и поразился, какъ шутовски-нелѣпо вяжется въ простыхъ сердцахъ его деревенскихъ исповѣдниковъ „маленькій грѣхъ и большое страданіе, крѣпкая стихійная воля къ такому же стихійному, могучему творчеству и прозябаніе гдѣ-то на границѣ между жизнью и смертью“. На всѣ жалобы ихъ и на всѣ слезы одно могъ отвѣтить Василій:

— „Не смѣй плакать... Его проси. Ну, проси. Тебѣ говорю“.

„У каждаго страданій и горя было столько, что хватило бы на десятокъ человѣческихъ жизней“ — и отецъ Василій, когда-то искавшій правды, „теперь захлебывался ею, этой безпощадной правдой страданія, и въ мучительномъ сознаніи безсилія ему хотѣлось бѣжать на край свѣта, умереть, чтобы не видѣть, не слышать, не знать“.

Прошелъ постъ, на пятой недѣлѣ, въ томъ же опьяненіи чуть не повѣсилась попадья, но её спасли, и весь измученный и истерзанный непосильной ношей рясы, бѣдъ и неудачъ, Василій рѣшилъ снять съ себя санъ и уѣхать, и такъ было это ново, что даже помолодѣла попадья и три мѣсяца отдыхала душа ихъ. Но и тутъ отдыхъ и покой послѣ пережитыхъ страданій „неумолимый рокъ“ далъ на время, и для того, чтобы поразить этихъ людей какъ громомъ, новой бѣдой: въ концѣ іюля, кагда самъ Василій возилъ съ работникомъ снопы, сгорѣлъ его домъ, а въ немъ попадья и во всю короткую лѣтнюю ночь оставался съ ней, умирающей, одинъ Василій. „Онъ плакалъ о ней, молодой и красивой“, „о ней, безумной и жалкой“ и жалѣлъ „ея тѣло, необласканное и нѣжное тѣло“. „И молился, безъ словъ, безъ мыслей молитвой своего смертнаго тѣла въ огнѣ и смерти познавшаго неизъяснимую близость Бога“: ужасы сомнѣній и пытующей мысли, страстный гнѣвъ и смѣлые крики возмущенной гордости человѣка,- все было повергнуто во прахъ вмѣстѣ съ поверженнымъ тѣломъ; и одинъ духъ, разорвавшій тѣсныя оковы своего „я“, жилъ таинственной жизнью созерцанія“. И такъ сильна и глубока стала вѣра его, что еслибы подъ ногами его разверзлась земля— „онъ не повѣритъ самому аду“: онъ избранъ и вѣритъ въ чудо. Въ тайны чуда и его разгадку „не смѣла заглянуть его все еще человѣческая, слишкомъ человѣческая мысль. Тамъ была граница мысли“. Ночами, въ глубокомъ молчащемъ безлюдьи, сталъ теперь молиться одинъ въ темной церкви отецъ Василій, и такимъ же одинокимъ былъ онъ дома: Настю отвезли въ городъ, около него своей странной жизнью жилъ только идіотъ и сливался съ ней по новому вѣрующій священникъ, ждавшій чуда.

И случай скоро представился: подъ Троицу крестьянина задавила песчаная стѣна, у которой онъ работалъ, и его отпѣвали. И вдругъ „мощное чувство окрылило“ Василія, „и дрогнулъ онъ, не видя, какъ слѣпой, но прозрѣвая“: „Это оно! Оно, могучее, все разрѣшающее чувство, повелѣвающее надъ жизнью и смертью, приказывающее горамъ: сойдите съ мѣста!—и сходятъ съ мѣста старыя, сердитыя горы. „Радость! Радость“!

Свершилось то безумное и великое, чего съ такимъ ужасомъ жда-

Digitized by Google

ли всѣ: Василій подошелъ къ гробу, остановился, поднялъ руку и торопливо сказалъ: „Тебѣ говорю, встань“.

Но чуда не было, только въ паникѣ бросилась къ дверямъ и наружу толпа и, теряя послѣднюю надежду, какъ послѣднюю соломинку утопающій, въ гнѣвѣ трясъ Василій черный тяжелый гробъ и кричалъ: „Да говори же ты, проклятое мясо“! Рушилась послѣдняя подпорка жизни, потухла вѣра и погасъ разумъ. „Съ дикимъ ревомъ онъ бѣжитъ къ дверямъ“, оттуда на улицу. „О. Василій упалъ въ трехъ верстахъ отъ села, посрединѣ широкой и торной дороги, „и въ своей позѣ сохранилъ всю стремительность бѣга“...

Такъ прошла „Жизнь Василія Ѳивейскаго“.

Скажутъ тоже, что и о Горькомъ: „Не бываетъ такихъ священниковъ, да еще сельскихъ“. Да, не бываетъ! Но развѣ же важно, художественно и исполнено истиннаго духа творчества только то, что часто и всегда бываетъ? Пусть Андреевъ написалъ намъ въ „Жизни Ѳивейскаго“ „настоящаго“ попа,—что имѣли бы мы? Лишній бытовой разсказъ, который былъ бы прочтенъ не безъ удовольствія, одинъ изъ тысячи маленькихъ варіантовъ на благодушную тему о тихой, улыбающейся и смѣшноватой жизни.

Ничего больше. Ничего новаго. О достоинствахъ „Жизни“ можно спорить. Легко найдутся такіе, которые укажутъ на громоздкость сюжета, на обиліе трагическихъ эпизодовъ, безъ которыхъ могла бы обойтись повѣсть, но никто не можетъ отринуть ни грандіозности основного замысла, ни смѣлой попытки изобразить исканія духа, наростанія вѣры, жажду чуда, глубину разочарованія.

Незримо и неназванно въ „Жизни“ все тотъ же главный герой, что и во всѣхъ другихъ произведеніяхъ Леонида Андреева. *Имя ему—стихійное зло, безсмысленное, но могучее.* Все та же незнаемая правда, къ которой такъ упорно и такъ тщетно стремятся люди, скрывается за каменной „стѣной“ и безмолвствуетъ. Къ единственной опорѣ темной жизни, къ вѣрѣ, стремится человѣкъ, но и къ ней пути проложены чрезъ муки и пытки, чрезъ горе и слезы, будто только измученные достойны почувствовать близость Бога!

Но въ исканіи правды есть одна особенно страшная сторона: отсутствіе знанія самихъ себя. Каждый знаетъ только того, который ѣстъ, пьетъ, лжетъ, ссорится или мирится, спитъ и родитъ. *Глубинъ духа, скрытыхъ силъ, размѣры мощи, предѣлы пытанья—все скрыто, ничто не дано, какъ вѣсъ и мѣра.*

Отсюда жажда чуда.

Пусть тайными путями, властью величайшихъ силъ, хотѣніемъ Бога откроется во мнѣ всемогущее и повелѣвающее „я“,—вотъ искренняя и самая интимная молитва каждаго изъ людей.

Вмѣстѣ съ ростомъ личности все распространеннѣй и жарче будетъ становиться она, ибо въ ней—моленіе объ освобожденіи, о независимости отъ чуждой стихійной воли. *Пусть безмолвствуютъ тайны вѣчности сейчасъ, но человѣку должна быть дана власть надъ стихійнымъ началомъ жизни, надъ ея незаконнымъ произволомъ и одинъ онъ, человѣкъ, долженъ строить и создавать условія и рисунокъ собственнаго счастья.*

Таковы глубоко, какъ золотая руда, скрытыя основныя идеи андреевскаго творчества. Въ нихъ онъ не одинокъ, какъ мы видѣли выше, но тѣ художественныя средства, которыми пользуется онъ, отведены ему, какъ индивидуально-принадлежащія рѣдкотрагическому и многовдумчивому таланту [17]).

---

[17]) Объ эстетикѣ Л. Андреева, его художественныхъ пріемахъ, какъ и о статьѣ

Digitized by Google

Но „человѣчество“, какъ собирательное понятіе, ради котораго стоило бы умирать и терзаться, жертвовать и мучиться, перестаетъ интересовать художественное творчество.

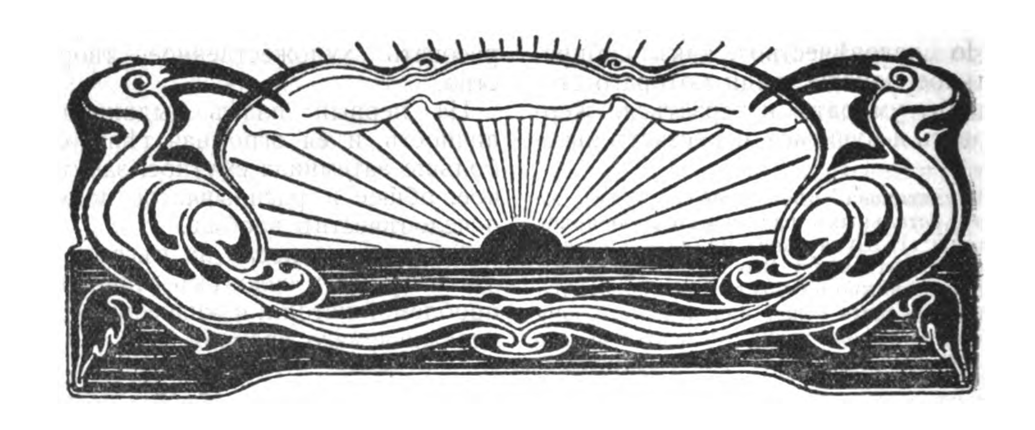
На первый планъ выдвинулась личность, и ея огромная тѣнь еще больше затемнила смутное, запутанное, общее и расплывчатое понятіе о человѣчествѣ вообще.

Такъ изъ волоса „на пѣгомъ челѣ полубога“ человѣкъ становится проблемой исторіи и жизнесмысломъ переживаемаго времени.

П. Пильскій.

г. Шулятикова, рѣчь впереди. Тамъ же и объ остальныхъ разсказахъ „Сборника„ „Знанія“: г. Шулятиковъ нападаетъ на всю молодую литературу. Вообще въ этой статьѣ мнѣ было важно намѣтить мои общія точки зрѣнія, указать общее направленіе, общія черты моего отношенія къ искусству, къ новымъ теченіямъ современной литературы.

Происхожденіе современной Россіи.

Иванъ Грозный.

Историческій очеркъ К. ВАЛИШЕВСКАГО *).

Предисловіе.

Извѣстно, что преобразованіе Руси по типу западно-европейскихъ государствъ было, по преимуществу, дѣломъ Петра I. Однако, самъ великій преобразователь Россіи сознавалъ, что онъ только продолжаетъ идти впередъ уже по намѣченному пути, осуществляя предначертанія прежнихъ Государей.

Кто же были предшественники Петра?—является естественный вопросъ. Мы знаемъ, что первые Романовы стояли совершенно въ сторонѣ отъ всякаго соприкосновенія съ Европой. А до нихъ было „смутное время", т. е. хаосъ, неурядицы, анархія и безпросвѣтный мракъ. Между тѣмъ, внезапно озарившій Россію въ XVIII-мъ вѣкѣ въ лицѣ Петра Великаго яркій, лучезарный свѣтъ не былъ зарей, или же первымъ лучемъ разсвѣта. Нѣтъ, для только что народившагося, восходящаго свѣтила этотъ ослѣпительный свѣтъ былъ слишкомъ ярокъ, слишкомъ силенъ!

Петръ зналъ и чувствовалъ, что безпросвѣтный мракъ, изъ котораго возсталъ его могучій геній, былъ только мракъ временнаго затменія.

Очевидно, процессъ внутренняго и внѣшняго роста и развитія Русскаго государства совершается не постепенно, а, такъ сказать, „лавинами".

Съ XVI-го и до XVIII-го столѣтія Россія жила внѣ всякаго общенія съ Европой и европейской цивили-

*) Настоящій очеркъ, переданный въ извлеченіи А. Энквистъ, представляетъ собою послѣднее произведеніе извѣстнаго польскаго историка, только что появившееся за границей. По добросовѣстности и полному безпристрастію проводимыхъ взглядовъ, по основательности выводовъ это произведеніе Валишевскаго заслуживалъ самаго серьезнаго вниманія со стороны русской публики, интересующейся вопросомъ „о происхожденіи современной Россіи". *Ред.*

Digitized by Google

заціей и была ей совершенно чужда. Но ранѣе этого ею была уже сдѣлана попытка стать въ нѣкоторой степени на уровень европейскихъ государствъ и войти въ ихъ семью. Да, обширное полу-азіатское, „варварское“, какъ говорили въ Европѣ, государство Московское хотѣло сблизиться съ своими Западными сосѣдями, но тогда Польша и Швеція преградили ей дорогу и на то, чтобы устранить съ своего пути эту помѣху, потребовалось цѣлое столѣтіе. Не будь Баторія, это сліяніе Россіи съ Европой совершилось-бы на сто лѣтъ раньше. Все то, что совершили Петръ Великій и Екатерина II, все это было задумано, предначертано и отчасти даже осуществлено въ пору того перваго разсвѣта, вслѣдъ за которымъ,—увы!—слишкомъ скоро настала долгая темная ночь!

Но кто же былъ тотъ, кто вызвалъ этотъ первый разсвѣтъ, кто всколыхнулъ эти сонныя воды?!—Это былъ Иванъ *Грозный*.

Между тѣмъ самое это слово „Грозный“ въ томъ смыслѣ, какъ мы его привыкли понимать, противорѣчитъ истинному значенію этого слова. Нѣмцы долгое время затруднялись, какъ перевести это, укоренившееся за Иваномъ IV прозвище, „*Der zhcreckliche*“. т. е. страшный, ужасный, или „*Der graûsame*“ т. е. жестокій. Но и то, и другое одинаково не соотвѣтствуетъ настоящему смыслу и значенію слова „грозный“. Никогда Московскіе люди его времени не считали его ни ужаснымъ, ни жестокимъ; они прозвали его „Грознымъ“, но въ ихъ устахъ это слово имѣло совершенно иной смыслъ.

Потвержденіе вышесказаннаго мы находимъ въ разъясненіи самого Грознаго, встрѣчающемся въ его полемической перепискѣ съ Баторіемъ. Послѣдній укоряетъ Ивана въ томъ, что тотъ постоянно появляется въ сопровожденіи рындъ, даже и передъ посланными короля, на что Грозный отвѣчалъ ему: „Это чинъ государскій да и „гроза“, т. е. того требуетъ мой санъ Государя и то уваженіе, какое я долженъ внушать.“

Изъ этого мы видимъ, что слово „гроза“ въ устахъ старыхъ московскихъ людей означало „уваженіе“. „Грозенъ Богъ, да и милостивъ“, говорили они; значитъ, грозный и милостивый въ ихъ понятіяхъ не противорѣчили другъ другу. Въ Домостроѣ, въ той главѣ, гдѣ говорится объ обязанностяхъ главы семьи, сказано, что онъ долженъ быть „грозенъ“, т. е. долженъ внушать къ себѣ уваженіе и требовать отъ всѣхъ уваженія къ себѣ. И такъ, слово „грозный“ означало внушающій уваженіе“, „уважаемый“ если хотите, „строгій“, но отнюдь не ужасный и не жестокій.

Что же въ такомъ случаѣ означаютъ всѣ эти казни, пытки, эти груды замученныхъ тѣлъ, о которыхъ говорятъ всѣ хроники того времени?—Это дѣло особое. Укажите мнѣ такую страницу въ исторіи XVI-го вѣка любой изъ странъ Европы, которая походила бы хоть сколько нибудь на идиллію! Не всюду-ли льется кровь, не всюду ли слышатся стоны и вопли? А между тѣмъ представьте себѣ ту громадную площадь, на которой приходилось создаваться и вырабатываться русскому народу, все это обширное пространство отъ Карпатовъ до Урала, отъ Бѣлаго моря до Чернаго; все это была земля, не сплоченная и цѣльная, а разрозненная, съ трудомъ и насиліемъ собранная, но не сросшаяся еще, не слившаяся въ одно нераздѣльное государство. Стоитъ только представить себѣ это, чтобы понять, что не кротостью и увѣщаніями можно было сплотить въ одно цѣлое эти десятки различныхъ народностей, часто даже враждебныхъ другъ другу, десятки племенъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ питавшихъ другъ къ другу чувство

Digitized by Google

розни. Вполнѣ возможно, что задавшись этой непомѣрно трудной, гигантской задачей, Иванъ IV-й проявлялъ иногда чрезмѣрную жестокость, вообще присущую, впрочемъ, нравамъ того времени, но преданіе или, вѣрнѣе легенда, а вслѣдъ за нею и историческая критика превратили прозвище *„грозный“* въ синонимъ безпричинной, звѣрской жестокости, не имѣющей никакого оправданія и доходящей въ своихъ проявленіяхъ до какого-то дикаго неистовства.

И все это произошло оттого, что ложно понятое и истолкованное слово наложило свое клеймо на человѣка.

Правда, съ именемъ Грознаго неразрывно связанъ цѣлый рядъ кровавыхъ воспоминаній, полныхъ ужаса, но не смотря на то, нельзя не видѣть въ его личности того восходящаго свѣтила, которое мы называемъ „яснымъ краснымъ солнышкомъ“. Пусть даже идеалъ, къ которому стремился и котораго достигъ Иванъ IV, не изъ привлекательныхъ въ исторіи человѣчества, все же это своего рода идеалъ. Въ этомъ послѣднемъ изъ Рюриковичей, царствовавшихъ на Руси,—такъ какъ царь Θеодоръ былъ только тѣнью монарха,—Кавелинъ призналъ центральную фигуру въ Исторіи своей страны, а вслѣдъ за нимъ и другіе пытались обѣлить и реабилитировать личность Грознаго, создавъ ему посмертный апоθеозъ, причемъ эти попытки иногда приводили къ обратной крайности. Я же постараюсь изъ этихъ противорѣчивыхъ взглядовъ извлечь и выяснить ту долю истины, которая, по искренному моему убѣжденію, заключается въ нихъ.

ЧАСТЬ. I.

РОССІЯ ВЪ XVI ВѢКѢ.

I.—Древняя и Новая Русь.— Территорія. — Сословія. — Политическая и соціальная организація.—Происхожденіе самодержавія.—Крестьяне.—Рабы.—Горожане.—Церковь.

„Многокрылый орелъ со львиными когтями налетѣлъ на меня. Онъ похитилъ у меня три кедра Ливанскихъ: мою красоту, мои богатства и моихъ дѣтей. Наша земля опустошена, нашъ городъ раззоренъ, наши рынки и базары уничтожены. Братьевъ нашихъ увели туда, гдѣ никогда не жили ни наши отцы, ни наши дѣды, ни наши предки“....

Такъ оплакиваетъ, устами одного изъ своихъ лѣтописцевъ, Псковъ, этотъ вольный городъ и республика, присоединенный въ 1510 г. къ царству Московскому, — свою утраченную независимость, свои права и привиллегіи и своихъ вольныхъ сыновъ, выселенныхъ на чужбину. Отецъ Ивана Грознаго, Василій Ивановичъ объявилъ, что „вѣчу больше не быть“, выселилъ сотни семействъ коренныхъ Псковитянъ; на мѣсто ихъ явились люди московскіе, и сталъ вольный Псковъ покорнымъ слугою Москвы. Такъ совершалось присоединеніе многихъ земель и городовъ къ Царству Московскому.

Въ то время изъ края съ край на всемъ Европейскомъ материкѣ была пора великихъ объединеній и политическихъ формацій, сопровождавшихся повсюду тѣми-же мучительными и тяжелыми явленіями. Но на Руси эта задача „собирателей земли русской“ была особенно трудной, такъ какъ здѣсь дѣло шло не о присоединеніи отдѣльныхъ провинцій, уже соединенныхъ между собой общностью интересовъ и традицій, — не

Digitized by Google

о сліяніи родственныхъ между собой и состоящихъ въ постоянныхъ тѣсныхъ сношеніяхъ сосѣдей, а о покореніи новыхъ самобытныхъ и обособленныхъ земель, часто враждебныхъ другъ другу. Кіевской Руси уже не существовало; изъ всего, что нѣкогда составляло княжества Владимира и Ярослава, Московскіе государи не имѣли ни одной пяди земли. Хотя они именовали себя великими князьями „всея Руси“, но, въ сущности, титулъ этотъ былъ ничто иное, какъ пустой звукъ. Кіевская Русь входила теперь въ составъ польскихъ владѣній; Могилевъ принадлежалъ Литвѣ; Червонная Русь, Бѣлоруссія и Малороссія,—все это принадлежало сосѣдямъ. Москва же являлась въ ту пору просто русской колоніей или поселеніемъ въ совершенно чужой странѣ, въ странѣ финновъ.

Между одиннадцатымъ и тринадцатымъ вѣками Кіевская Русь совершенно распалась вслѣдствіе безконечныхъ междуусобныхъ войнъ сыновей и внуковъ Мономаха; затѣмъ послѣдовало татарское нашествіе и тяжелое татарское иго, а тамъ польско-литовское завоеваніе, такъ что отъ всего, нѣкогда столь славнаго Великаго Княжества Кіевскаго не осталось ничего. И вотъ тогда-то одинъ изъ потомковъ Мономаха, князь Юрій Долгорукій, ставъ во главѣ горсти предпріимчивыхъ и отважныхъ, какъ онъ, людей, отправился искать себѣ новыхъ земель и угодій. Онъ подвигался все къ сѣверо-западу, покоряя по пути различныя финскія племена и, наконецъ, въ 1147 г. основалъ Москву. Но едва успѣлъ онъ основаться среди этой покоренной и завоеванной страны, какъ татарскій погромъ раззорилъ ея новый городъ, навязалъ ей свои законы и нравы и согнулъ гордую выю князей Московскихъ. Цѣлыхъ два вѣка тяготѣло надъ юной Москвой и всей землей русской это безобразное монгольское иго, и лишь въ концѣ XV вѣка Московскіе князья, воспользовавшись постепеннымъ упадкомъ монгольской имперіи, почувствовали въ себѣ достаточно силы, чтобы свергнуть это ненавистное иго. Около того же времени они успѣли присоединить къ Москвѣ нѣкоторыя другія русскія поселенія и кое-какіе остатки былой Руси. Такимъ образомъ создалось новое государство, и Москва стала центромъ его. Новгородъ, Тверь, Ростовъ и Ярославль входили уже въ составъ этого государства, а Иванъ III, справедливо прозванный Великимъ, присоединилъ къ нимъ еще другія земли, отодвинувъ границы своего государства на сѣверѣ до Финляндіи, Бѣлаго моря и Ледовитаго Океана, на востокѣ—до Урала. Сынъ его Василій Ивановичъ присоединилъ еще Рязань и Новгородъ Сѣверскій. Но все это, взятое вмѣстѣ, могло-ли назваться государствомъ, въ историческомъ значеніи этого слова?—Нѣтъ!

Хотя Иванъ IV, при своемъ восшествіи на престолъ, унаслѣдовалъ отъ отца уже обширное царство, но послѣднему не доставало ни политическаго, ни даже географическаго единства: вокругъ центральнаго ядра, Москвы, группировались земли, которыя нельзя было назвать даже провинціями; самыми важнѣйшими изъ нихъ являлись позднѣйшія завоеванія—Новгородъ и Псковъ, представлявшіе собою промышленные и торговые центры, которыми съ экономической точки зрѣнія существовало новое государство, хотя, съ утратой своей независимости, и Новгородъ, и Псковъ замѣтно начали утрачивать свое прежнее значеніе. Каково было тогда вести торговлю и поставлять товары съ Балтійскаго побережья внутрь страны и наоборотъ, видно уже изъ того, что на протяженіи 282,127 кв. верстъ насчитывалось всего четырнадцать городовъ, и то въ сущности были скорѣе небольшія крѣпостцы, „острожки“, какъ тогда называли ихъ. Въ пятинахъ-же Бѣжецкой и Олонецкой, на пространствѣ 171,119 кв. верстъ не было ни одного города или

Digitized by Google

городка, а только села и поселки, въ которыхъ бывали ярмарки и базары.

Вплоть до второй половины XVI столѣтія Новгородъ со своими 5,300 жилыхъ домовъ превосходилъ въ этомъ отношенiи всѣ остальные города, исключая одну Москву; въ Псковѣ насчитывали 3,100 лавокъ и складовъ въ оградѣ города, не считая слободъ. Но здѣсь и въ Новгородѣ, и повсюду замѣчается въ это время, благодаря Москвѣ, быстрое исчезновенiе гражданскаго элемента, т. е. кореннаго населенiя этихъ городовъ. Массовые захваты, конфискацiя, выселенiя мѣстныхъ жителей и наплывъ людей московскихъ въ короткое время совершенно измѣнилъ первоначальный характеръ страны вплоть до соцiальныхъ условiй ея. Дѣло въ томъ, что всѣ эти московскiе люди были здѣсь люди пришлые и люди ратные, такъ какъ Москва все еще сохранила свой первоначальный характеръ постояннаго военнаго лагеря въ чужеземной странѣ, съ неустановившимися еще границами, которыя, насколько возможно, охранялись крѣпостями. Смоленскъ, завоеванный въ 1514 г., остается номинально въ зависимости отъ Польши и Литвы, Великiя Луки вскорѣ переходятъ къ Баторiю, побережье Бѣлаго моря и берега Онеги, Сѣверной Двины, вплоть до Урала,—словомъ, Поморье охраняется монастырями, которые въ сущности скорѣе стратегическiе пункты, чѣмъ духовныя учрежденiя.

Посреди этого кольца крѣпостей и укрѣпленiй собственно сама Москва остается почти не укрѣпленнымъ городомъ, доступнымъ со всѣхъ сторонъ, и сохраняетъ видъ временнаго лагеря. Правда, у нея есть свой Кремль, съ зубчатою стѣной и башнями, но кромѣ государевыхъ палатъ, да палатъ нѣсколькихъ бояръ, кромѣ нѣсколькихъ церквей и монастырей, въ этой тѣсной оградѣ ничего не было. Самый городъ со своими деревянными домами, базарами, площадями, торговыми рядами и Гостиннымъ дворомъ раскидывался въ просторныхъ слободахъ и пригородахъ, гдѣ пестрѣли воздѣланныя поля, огороды и сады, рощи, монастыри и церкви, представляя собою не то городъ, не то деревню.

Москва была въ ту пору столицей царства Московскаго, въ которой новая, сѣверо-восточная Русь нашла себя второй Кiевъ. Кругомъ все было пустынно, только Владимiръ еще сохранялъ слѣды прежняго величiя; остальные же города представляли груды жалкихъ развалинъ или превратились въ тѣ же крѣпости и острожки. Въ деревняхъ-же еще осталось привязанное къ своей землѣ сельское населенiе, но города совершенно опустѣли и обезлюдѣли; всюду оставались только люди ратные, московскiе. Тверь, Ржевъ, Зубцовъ, Старица стали стратегическими пунктами. Серпуховъ, Кашира и Коломна служили той же цѣли, а тамъ дальше начиналось уже „дикое поле“.

Относительно цифры населенiя этого государства Московскаго мы не имѣемъ никакихъ, даже приблизительныхъ данныхъ; даже числа жителей самой Москвы нельзя опредѣлить съ достовѣрностью. Въ 1520 г. насчитывалось 41,500 жилыхъ домовъ, что позволяетъ предполагать населенiе въ 100,000 душъ, по меньшей мѣрѣ, но шесть лѣтъ спустя наиболѣе вѣроятною цифрой населенiя является 30,000 душъ. Правда, за это время Москва испытала татарскiй погромъ, раззорившiй ее до тла.

Съ этнографической точки зрѣнiя, $^{9}/_{10}$ этой страны заключали въ себѣ лишь очень незначительную долю русскаго населенiя; все это финны или татары, но политической розни почти не замѣчается; московская гегемонiя подавила всякое сопротивленiе, и въ соцiальномъ отношенiи различiе происхожденiя ничѣмъ не проявлялось. Мало того, въ тогдашнемъ Московскомъ государствѣ не существовало даже опредѣленныхъ классовъ общества. Кромѣ того, въ отличiе отъ другихъ Европейскихъ госу-

Digitized by Google

дарствъ, тогдашняя Москва не имѣла ни феодальной организаціи, ни рыцарства, ни церкви, облеченной мірскою властью и пользующейся ею для борьбы противъ государевой власти, т. е., короче сказать, въ Московскомъ государствѣ не было сословій. Конечно, и здѣсь были и богатые, и бѣдные, и землепашцы, и торговцы, и горожане, и крестьяне, т. е. различные соціальные элементы, но эти элементы не представляли собою строго обособленныхъ классовъ.

Знать, бояре, представляли собою своего рода аристократію, но наряду съ ними, существовала еще другая высшая аристократія; то были потомки удѣльныхъ князей, частью Рюриковичи, частію Гедиминовичи, т. е. потомки Гедимина, перваго князя Литовскаго. Всѣ они сидѣли еще на своей землѣ, хотя и присоединенной къ Москвѣ, и считали себя вправѣ претендовать на извѣстныя права и привиллегіи, за которыя они крѣпко стояли.

Но стоитъ только заглянуть въ Судебникъ 1497 г., чтобы убѣдиться, что въ немъ о всѣхъ этихъ правахъ и преимуществахъ и помина нѣтъ. Выдѣливъ духовенство, Судебникъ все остальное населеніе государства подраздѣлялъ на двѣ строго опредѣленныхъ категоріи: на людей „служилыхъ“ и „неслужилыхъ“, т. е., иначе говоря, передъ закономъ не существовало никакого историческаго прошлаго; новое государство властной рукой похерило все и, представляя собою въ сущности ничто иное, какъ рать собирателей земли Русской, видѣло въ людяхъ только или ратниковъ или работниковъ, служащихъ для продовольствія ихъ. Ни въ чемъ не видно ни малѣйшаго намека на извѣстную общественную іерархію. Въ первой категоріи, т. е. въ числѣ служилыхъ людей, наряду съ князьями и боярами, стояли простые ратники, кузнецы и т. п. Купцы, земледѣльцы и люди всякихъ иныхъ профессій, составлявшіе „неслужилое сословіе“, также были равны между собой передъ закономъ и повинностями.

Люди служилые высшаго разряда пользовались извѣстными преимуществами: они занимали высшія должности въ государствѣ, владѣли землей, показаніе ихъ на судѣ имѣло большую цѣну, и за обиду они имѣли право взыскать со своего обидчика втрое строже, чѣмъ за обиду простого дьяка. Но и эта оцѣнка чести находилась въ зависимости отъ чина и званія и скорѣе соотвѣтствовала занимаемому лицомъ положенію, чѣмъ сословной іерархіи.

По сіе время еще вопросъ о происхожденіи слова „бояринъ“ остается спорнымъ; одни производятъ его отъ слова „бой“, другіе отъ „болій, „большій“. Первоначально это наименованіе было присвоено „дружинникамъ князя“, его боевымъ товарищамъ и соратникамъ, т. е. тѣмъ, чѣмъ были у Англо-Саксовъ „таны“ („Thanes“). Но только на Руси отношеніе дружины къ князю было совершенно независимое; когда самъ князь отправлялся добывать себѣ княжество, дружина слѣдовала за нимъ или же отказывалась за нимъ слѣдовать, смотря по своему желанію. Никакихъ обязательствъ у нея не было. Князь могъ во всякое время распустить свою дружину, а та, съ своей стороны, могла во всякое время уйти отъ него, что она нерѣдко и дѣлала. Впослѣдствіи, когда Русь распалась на множество удѣловъ, бояре или дружина переходили отъ одного князя къ другому,—и это не считалось тогда измѣной или чѣмъ либо постыднымъ; перешедшіе къ другому князю бояре сохраняли за собой свои вотчины, земли и даже передавали ихъ подъ начало своего новаго, свободно избраннаго князя.

Потому, когда Москва выяснила себѣ свою историческую роль, она не преминула воспользоваться этимъ обычаемъ, какъ нельзя болѣе благопріятнымъ для ея политики объединенія. Постепенно обезсиливая сосѣднія государства, она укрѣпля-

Digitized by Google

лась на ихъ счетъ. Игра у нея была вѣрная. Всѣ льнули къ ней, и никто не помышлялъ покидать ее. Такимъ образомъ мало по малу, прибирая къ рукамъ осколки мелкихъ планетъ, которыя она поглощала одну за другой, Москва создала такой безформенный пластичный элементъ, который она, какъ мягкій воскъ, могла влить въ любыя формы.

Теперь у московскаго государя явились другіе близкіе люди; это уже не были княжьи соратники, дѣлившіе со своимъ вождемъ опасности и побѣды, а люди, побѣжденные, оторванные отъ почвы или добровольно приставшіе къ нему, хотя онъ и не звалъ ихъ, люди, зависящіе только отъ его милости. Вся эта новая аристократія была безпочвенна; на западѣ, при феодальномъ строѣ, отношенія между вассаломъ и государемъ имѣли противовѣсъ въ отношеніяхъ вассала и его рабовъ, здѣсь же подобнаго противовѣса совершенно не было, такъ какъ вольное земледѣльческое населеніе доставляло крупнымъ владѣльцамъ земель только рабочія руки, которыя тѣ съ большимъ трудомъ принуждены были оспаривать у вольной общины.

Изъ всего этого видно, что Москва должна была обладать великой внутренней силой, чтобы распорядиться по своему желанію всѣми этими бродячими элементами и втиснуть ихъ въ извѣстныя устойчивыя рамки.

Мнѣ кажется, что наибольшее значеніе имѣлъ въ этомъ отношеніи военный духъ Московскаго государства; то обстоятельство, что Московскій князь долгое время былъ, собственно говоря, предводителемъ войска и, въ качествѣ таковаго, полновластно распоряжался служилыми людьми—приучило людей московскихъ признавать его авторитетъ, тѣмъ болѣе, что остальные соціальные элементы находились въ періодѣ броженія и, не имѣя опредѣленной физіономіи, своимъ безсиліемъ усиливали власть Князя.

Какъ это ни странно, но даже самое вліяніе цивилизаціи, проникшей извнѣ въ московское государство, благопріятствовало здѣсь развитію абсолютизма, давъ самовластью такое оружіе, котораго оно иначе не могло бы имѣть. Иванъ IV былъ человѣкъ великаго ума, поэтому-то изъ него и выработался такой опасный деспотъ; онъ сгибалъ подъ своей желѣзной дланью не только спины, но и души людей; въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ послѣ него эти спины не могли разогнуться.

Когда Москва переманила на свою сторону достаточное число бояръ и дружинниковъ, и въ ея распоряженіи оказалось больше, чѣмъ надо, служилыхъ и другихъ людей, то она поспѣшила положить конецъ этой свободѣ перехода бояръ отъ одного князя къ другому, которою она въ свое время такъ хорошо воспользовалась. Впрочемъ, сосѣди сами облегчили ей эту задачу, введя извѣстныя стѣсненія и ограниченія этой свободы. Но самый рѣшительный въ этомъ отношеніи шагъ сдѣлалъ либеральный, демократическій Новгородъ, постановившій въ 1368 г., что каждый гражданинъ республики, покидающій ея территорію, лишается права на какую-либо собственность, имѣвшуюся у него въ республикѣ. Москвѣ оставалось только послѣдовать этому примѣру: Иванъ III издалъ указъ, согласно которому всякаго „служилаго", заподозрѣннаго въ намѣреніи уйти, сажали въ тюрьму и выпускали только тогда, когда онъ не только отказывался отъ своихъ правъ, но еще обязался не пользоваться, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ былъ еще сверхъ того представить поручителей. Иванъ же IV пошелъ еше дальше, учредивъ нѣчто вродѣ взаимной поруки противъ измѣны своихъ служилыхъ.

Несмотря на это, князья и бояре сохраняли еще за собою извѣстную политическую и соціальную автоно-

Digitized by Google

мію, основанную на ихъ происхожденіи и владѣніи прежними удѣлами, вотчинами, землями, на которыхъ они являлись своего рода полновластными государями, что не совсѣмъ-то нравилось Москвѣ. Не долго думая, князь московскій поставилъ во главѣ новой военной іерархіи не прямыхъ потомковъ Рюрика и Гедемина, природныхъ пэровъ, а своихъ дружинниковъ, хотя-бы предки ихъ были простые стремянные или конюхи. Отсутствіе всякой корпоративности или кастовой обособленности въ этомъ зародышѣ новой аристократіи было большимъ удобствомъ для самовластья Московскаго государя.

Усиленная система конфискацій, введенная Московскимъ государемъ, предоставила въ его распоряженіе множество земель, которыя онъ раздавалъ своимъ служилымъ, но уже на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, на какихъ ими владѣли ихъ прежніе владѣльцы. Это уже были не удѣлы и не вотчины, а просто „помѣстья“, являвшіяся какъ бы оплатою за службу.

Они являлись пожизненными или наслѣдственными, въ зависимости отъ того, былъ ли сынъ способенъ наслѣдовать отцу въ его должности. Эти помѣстья, также какъ и вотчины, были свободны отъ налоговъ, но влекли за собою обязательство службы.

Какъ по образу жизни, такъ и по одеждѣ, пищѣ и всему домашнему обиходу, большинство служилыхъ людей почти ничѣмъ не отличалось отъ простого народа. Жилища знатныхъ людей, или бояръ, занимавшихъ важныя должности, конечно, отличались болѣе затѣйливою архитектурой, строились выше простыхъ избъ, имѣли множество флигелей и пристроекъ, узорчатые ставни, высокія крыльца, наружныя лѣстницы, съ крытыми галлереями свѣтелками и т. д. Но все таки, даже между боярами и простолюдинами различіе въ образѣ жизни было не велико, если не считать количества слугъ, которыми бояринъ считалъ нужнымъ окружать себя. Повара, пекаря, портные, садовники, огородники, конюха, псари, всякаго рода рабочій и мастеровой людъ составляли дворню боярина, кромѣ того у каждаго былъ еще ключникъ и застольники, сопровождавшіе повсюду своего покровителя, домоправитель, дѣлившіе его досуги и забавы, бражничавшіе ипировавшіе вмѣстѣ съ нимъ.

Кромѣ этого, между служилыми и не служилыми людьми не существовало никакого разграниченія; одинъ братъ могъ записаться въ служилые, другой—оставаться простымъ поселяниномъ. Въ высшемъ классѣ также не существовало никакой солидарности,—и любой изъ представителей этой новой аристократіи, созданной волею государя, по его же капризу могъ ежеминутно упасть съ высшихъ ступеней созданной имъ іерархической лѣстницы на нижнюю или же изъ какихъ нибудь псарей быть возведенъ въ высшую должность. Даже Рюриковичи и Гедеминовичи, не имѣвшіе ни какой связи съ этими новыми боярами, постоянно возвышающимися и вновь разжалованными, мало по малу, если не утратили своей родовой гордости, то перестали придавать цѣну своему положенію среди такихъ сотоварищей и дорожить почестями, которыя имъ приходилось раздѣлять съ ними.

Приблизительно та же эволюція замѣчается и въ остальныхъ слояхъ населенія, особенно въ крестьянствѣ.

Исторія русскаго крестьянства отнюдь не походитъ на исторію сельскаго населенія другихъ странъ. Когда въ 1861 г. былъ изданъ манифестъ объ уничтоженіи крѣпостного права, то всѣ считали его великимъ дѣломъ справедливости и запоздалой политической необходимости; въ сущности же это былъ

Digitized by Google

далеко не запоздалый, а скорѣе ранній и поспѣшный, великодушный и благородный порывъ. Я говорю „ранній и поспѣшный" потому, что то положеніе вещей, которому этотъ манифестъ положилъ конецъ, существовало въ Россіи всего только два съ половиною вѣка. Въ противоположность тому, что было во всѣхъ другихъ странахъ Европы, здѣсь крѣпостное право являлось отнюдь не тяжелымъ наслѣдіемъ варварскихъ временъ, а вновь народившимся явленіемъ, совпавшимъ съ вступленіемъ страны на путь прогресса и Европейской цивилизаціи, какъ это ни странно.

Вплоть до конца XVI-го ст. сельское населеніе государства московскаго было вольнымъ; самое соціальное положеніе этого класса населенія даже нѣсколько улучшилось противъ прежняго. Раньше они носили обидное названіе „смердовъ", теперь-же стали называться „крестьянами" отъ слова „христіане", безъ различія состоянія или рода занятій; независимо отъ того, жили-ли они въ селахъ или городахъ, всѣ простолюдины назывались крестьянами. Всѣ они были вольны располагать своею личностью и своимъ трудомъ, по своему усмотрѣнію, лишь-бы исправно платили свои налоги государству или той общинѣ, къ которой принадлежали. Земли въ то время были „бѣлыя", или освобожденныя отъ налога, и „черныя", обложенныя извѣстнымъ налогомъ; первыя были земли вотчинныя или помѣстья, послѣднія крестьянскія или государственныя. Церковныя же земли, приписанныя къ церквамъ и монастырямъ, были освобождены отъ налоговъ, но благопріобрѣтенныя ими облагались налогомъ, Крестьяне, не имѣвшіе своей земли, снимали ее у другихъ на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, обыкновенно довольно выгодныхъ для нанимателя. Сверхъ платы установился обычай подносить владѣльцу на Рождество, Пасху и другіе большіе праздники дары, которые тогда назывались *„барщиной"*, или же *„боярскимъ дѣломъ"*.

Плата за наемъ земли не всегда производилась деньгами: во многихъ случаяхъ наниматель предпочиталъ отработать хозяину за землю, обязуясь вспахать и сжать вмѣсто платы, одну или полторы десятины хозяйской земли. Уплативъ должное хозяину, т. е. владѣльцу земли, крестьянинъ во всякое время былъ воленъ уйти, куда ему угодно.

Привычка къ передвиженію съ мѣста на мѣста, присущая вообще русскому народу, дѣлала эти постоянныя переселенія или переходы крестьянъ съ земли одного владѣльца на землю другого— довольно частыми. Владѣлецъ же съ своей стороны былъ воленъ, по истеченіи условнаго срока, отказать крестьянину, и такъ какъ иногда случалось, что владѣлецъ прекращалъ свое обязательство во время жатвы уборки то Иванъ III, въ огражденіе правъ той и другой стороны, установилъ двухнедѣльный срокъ, послѣ Юрьева дня, 24-го ноября, для всякихъ поземельныхъ сдѣлокъ. Такимъ образомъ переходы съ одной земли на другую и отъ одного владѣльца къ другому были теперь разрѣшены только въ это время года, т. е. по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ.

Такъ какъ рабочія руки были рѣдки, то помѣщики и землевладѣльцы не только сманивали другъ у друга крестьянъ, но даже силою увозили ихъ съ чужой земли на свою, что называлось „свозомъ" Несмотря на то, работа давала не много, и крестьяне были бѣдны, но вольны и по правамъ своимъ равны съ боярами, купцами и духовенствомъ, и передъ судомъ, и передъ закономъ.

Кромѣ того, они пользовались своего рода административной автономіей въ своихъ сельскихъ или городскихъ общинахъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что не всѣ

Digitized by Google

крестьяне занимались хлѣбопашествомъ; этимъ объясняется, что въ древнихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ наименованіе „пахотные крестьяне“ и „деревенскіе“. Деревенскими крестьянами назывались тѣ, которые занимались какимъ либо ремесломъ, но они не имѣли особой корпоративной организаціи и не назывались ремесленниками, а считались такими же крестьянами, какъ и хлѣбопашцы.

Съ другой стороны, въ городахъ жило также не мало хлѣбопашцевъ, такъ какъ въ каждомъ городѣ между площадями и домами встрѣчались пахотныя поля. Въ селахъ же встрѣчалось не мало „бобылей“, т. е. безземельныхъ крестьянъ, которые тоже иногда занимались земледѣліемъ, но по найму, чаще-же занимались какимъ нибудь ремесломъ или же бродяжничали, побирались или разбойничали.

Ничего, однако, не заставляло этихъ „бобылей“ оставаться „бобылями“,—и каждый изъ нихъ могъ, если хотѣлъ, стать „тяглымъ“, т. е. податнымъ крестьяниномъ, какъ только находилъ возможность выбиться изъ нищеты или, приписавшись къ селу или общинѣ, заняться ремесломъ и „сѣсть на тягло“, т. е. уплачивать обычный крестьянскій налогъ. На монастырскихъ земляхъ всего меньше бывало бобылей, въ селахъ же ихъ насчитывалось мѣстами до 40%, особенно-же увеличилось ихъ число послѣ смерти Грознаго, въ эпоху смутнаго времени, когда только монастыри имѣли въ своемъ распоряженіи достаточное число рабочихъ рукъ, благодаря тому, что ухитрились поселять этихъ бобылей на своихъ земляхъ, но и эти пригрѣтые или бобыли оставались вольными, а не крѣпостными.

Откуда же взялись на Руси крѣпостные, откуда взялось это „рабство“, удержавшееся у насъ тогда, когда повсюду въ Европѣ о немъ успѣли даже забыть?

Рабы, или „подневольные“, были у насъ еще и въ XVI в. и даже раньше, но въ такомъ незначительномъ числѣ, что среди вольнаго населенія страны были едва замѣтны, представляя собою исключительное явленіе. Такъ, напр., военно-плѣнные уводились въ рабство, или въ неволю, кромѣ того, бракъ съ рабомъ дѣлалъ вольную дѣвушку рабыней; родившійся отъ раба и рабыни рождался рабомъ; несостоятельность должника, и извѣстныя, считавшіяся унизительными домашнія обязанности также превращали человѣка въ раба, а также и добровольное отреченіе отъ свободы. Вплоть до XVII-го вѣка несостоятельный должникъ становился рабомъ своего кредитора до тѣхъ поръ, пока не уплатитъ ему всего своего долга.

Въ XVI-мъ вѣкѣ появился новый видъ рабства, такъ назыв. „кабала“. Первоначально это было ничто иное, какъ обязательство должника уплатить заимодавцу не деньгами, а отработать свой долгъ, причемъ, разсчитававшись съ нимъ, онъ снова становился свободнымъ или вольнымъ. Но такой кабальный почти никогда не бывалъ въ состояніи раздѣлаться со своимъ долгомъ, а такъ и оставался кабальнымъ на всю жизнь.

Въ началѣ XVI-го в. было четыре вида рабовъ: полные, исконные, кабальные и докладные, ставшіе рабами вслѣдствіе „доклада“, добровольнаго взаимнаго условія. Иванъ IV, какъ мудрый законодатель, озаботился ограничить права надъ рабами и обусловилъ самое принятіе въ рабы столь стѣснительными мѣрами, что можно было ожидать въ близкомъ будущемъ совершеннаго уничтоженія этого унизительнаго для человѣческаго достоинства положенія рабства.

И это чуть не наканунѣ того момента, когда цѣлый народъ былъ разомъ обращенъ въ рабовъ! Какъ же могло это случиться?

Кавелинъ объясняетъ этотъ фактъ

Digitized by Google

естественной, логической необходимостью, вытекающей изъ самой организаціи страны, организаціи, основанной на принципѣ домашняго авторитета. Онъ утверждаетъ, что въ Россіи крѣпостное право являлось скорѣе благодѣяніемъ, чѣмъ насиліемъ, такъ какъ было какъ бы своего рода опекой, основанной не на силѣ опекуна, а вытекающей изъ слабости и безсилія опекаемаго, который самъ по себѣ принужденъ былъ искать покровительства опеки и руководителя, безъ которыхъ не могъ обойтись.

Но, судя по историческимъ даннымъ, истинное положеніе дѣла мнѣ предоставляется нѣсколько инымъ. Уже начиная съ XVI-го вѣка, замѣчается съ одной стороны быстрое исчезновеніе крестьянъ—собственниковъ и вообще общее обѣднѣніе всѣхъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого множество людей хлѣбопашцевъ или рабочаго люда, не имѣя возможности прокормить себя, добровольно отказывались отъ свободы и шли въ кабалу; точно также арендаторы, арендовавшіе землю у помѣщиковъ, у монастырей или казенную, не имѣя возможности уплатить въ срокъ, лишались возможности уйти съ этихъ земель и, такъ сказать, насильственно прикрѣплялись къ ней за неплатежъ, или же у нихъ отнимали эту землю, кормившую ихъ, лишали ихъ пропитанія дѣлая тѣхъ и другихъ подневольными, кабальными или докладными.

Такимъ образомъ въ концѣ XVI-го хотя крестьяне и все населеніе страны считалось вольнымъ, на дѣлѣ оставалось лишь небольшое число наиболѣе состоятельныхъ людей дѣйствительно вольными.

Причиной этого всеобщаго обѣднѣнія земледѣльческаго населенія страны были войны. Москва постоянно содержала большое войско, стоившее ей громадныхъ денегъ, а единственнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ являлась земля. Землю раздавали служилымъ людямъ, вмѣсто платы за службу, и съ нихъ же брали громадную поземельную подать для оплаты расходовъ по вооруженію войска и на иныя государственныя нужды, а помѣщики въ свою очередь приналегали на своихъ арендаторовъ и крестьянъ.

Съ давнихъ временъ земля никогда не считалась здѣсь чьей либо неотъемлемой собственностью, даже вотчинная земля всегда считалась государственной прежде всего и, хотя могла становиться частною собственностью, но лишь на извѣстныхъ условіяхъ, такъ что, на сколько крестьяне, заселявшіе земли владѣльцевъ, зависѣли отъ нихъ, настолько владѣльцы были въ рукахъ государя. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ жить становилось все труднѣе и труднѣе, служилые люди и крестьяне, которымъ не въ моготу было терпѣть, стали искать спасенія въ „бѣгахъ“, т. е. бѣжали въ сосѣднюю Литву или Польшу.

Такимъ образомъ въ первой половинѣ XVI-го ст. это выселеніе земледѣльческаго населенія стало принимать настолько общій характеръ, что грозило серьезной гибелью государству; сотни десятинъ земли лежали заброшенными, цѣлыя села пустовали. Тогда государство, теряя главный источникъ своихъ доходовъ, спохватилось и приняло цѣлый рядъ административныхъ и юридическихъ мѣръ, чтобы положить конецъ этому переселенію. Прикрѣпивъ оброчныхъ крестьянъ на „черныхъ земляхъ“, принадлежащихъ казнѣ, къ „тяглу“, хотя съ предоставленіемъ имъ права переходить съ одного тягла на другое такое-же или высшее; прикрѣпили, и къ „бѣлымъ землямъ“, принадлежащимъ служилымъ людямъ, давъ помѣщику право удерживать у себя насильно крестьянина и даже возвращать его на прежнее мѣсто, если тотъ бѣжалъ, такъ какъ, уходя съ своей земли, крестьяне раззо-

Digitized by Google

ряли помѣщика, а раззоренному помѣщику нечѣмъ было платить государству. Такимъ образомъ мало по малу подготовлялось „крѣпостное право“. А отъ крестьянъ ничѣмъ не отличалось и городское населенiе, если не приналежало къ служилому сословiю и духовенству.

На западѣ городское населенiе, образовавъ особую сплоченную корпорацiю, стало достаточно сильно, чтобы противостоять феодализму и создало себѣ родъ общинной автономiи; въ Россiи же не существовало сословiя купеческаго, хотя и были купцы и гости, которые при случаѣ занимались и другимъ дѣломъ, точно также и люди служилые и крестьяне при случаѣ занимались торговлей. Самые города тоже не представляли собою торговыхъ и промышленныхъ центровъ, какъ это было на западѣ: это скорѣе были укрѣпленныя мѣста, воздвигнутыя на случай нападенiя врага; самое слово „городъ“ происходитъ отъ ограды, огороженнаго мѣста. Въ Москвѣ торговая и промышленная жизнь сосредоточивалась не въ стѣнахъ города, а въ посадахъ и слабодахъ, гдѣ торговый людъ сливался съ хлѣбопашцами, портными, кузнецами и др. слободскимъ населенiемъ.

Послѣ же паденiя Новгорода и Пскова торговые люди лишились окончательно послѣдняго убѣжища, гдѣ они могли бы сплотиться и образовать независимое сословiе.

Оставалась только церковь. Она, безъ сомнѣнiя, представляла собою силу, съ которой приходилось считаться Московскому самодержавiю, уже потому, что она была единственною носительницей просвѣщенiя и имѣла власть „разрѣшать и вязать“; и въ эпархiяхъ церковь являлась полновластной госпожей и управляла безконтрольно. Все это, конечно, имѣло громадное значенiе, но вмѣсто того, чтобы противопоставлять свою власть власти Государственной, какъ мы видимъ это на западѣ, здѣсь власть церкви мало по малу сливалась съ властью государя. Между тѣмъ у Церкви было все, чтобы отстоять свою самостоятельность, такъ какъ права Церкви были равны съ правами самого Государя, при томъ въ ея рукахъ сосредоточивались большiя богатства; церкви и монастыри, митрополитъ и архiепископы пользовались громадными доходами; приходское же духовенство не могло похвастать такимъ сытымъ житьемъ. Земли у нихъ было не много, а руга, т. е. добавочное пособiе, получаемое приходскимъ духовенствомъ, была также не велика, съ прихожанъ доходъ былъ не великъ, такъ какъ вся прибыль выпадала на долю чернаго духовенства.

Отъ одного Ивана IV-го Троице-Сергiевскiй Монастырь менѣе, чѣмъ въ тридцать лѣтъ получилъ около миллiона рублей; Кирилло-Бѣлозерскiй монастырь за это же время 18,493 руб., не считая даровъ и подношенiй натурой, напр., 100 пудовъ меду, десять отборныхъ лошадей, иконы, драгоцѣнныя ризы, въ томъ числѣ церковныя одежды, оцѣненныя въ 6,000 руб.

Владѣя громадными землями и имѣя право прiобрѣтать новыя, монастыри, благодаря всякаго рода льготамъ, которыми пользовались крестьяне на ихъ землѣ, никогда не имѣли недостатка въ рабочихъ рукахъ, и земля ихъ приносила втрое больше, чѣмъ остальныя земли въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ или даже казенныя. Наряду съ земледѣлiемъ, монастыри мало по малу захватили въ свои руки и всякiе другiе промыслы и производства; такъ, въ ихъ рукахъ сосредоточивались самые крупные капиталы, которые они умѣло пускали въ оборотъ. Въ концѣ XVI-го в. Троице-Сергiевскiй Монастырь имѣлъ 106,600 душъ крестьянъ и до 100,000 руб. годового дохода,—что на наши деньги составляетъ 2.400,000 руб. Такого рода громадныя богатства отнюдь не соотвѣтствовали общему

Digitized by Google

уровню благосостоянія страны, тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, что духовенство какъ черное, такъ и бѣлое, пользовалось своимъ достаткомъ и нравственнымъ вліяніемъ только для своихъ выгодъ. Здѣсь только, т. е. у духовенства, народъ находилъ себѣ всегда и нравственную, и матеріальную поддержку; оно одно было единственнымъ источникомъ просвѣщенія, и власть Митрополита и высшаго духовенства долгое время служила противовѣсомъ самовластью Московскихъ Государей. Это самое духовенство было, можно сказать, первымъ и усерднымъ создателемъ національнаго объединенія.

У первыхъ „собирателей земли русской“ объединеніе являлось смутной, почти безсознательной мыслью, они руководствовались совершенно иными побужденіями: пріобрѣтая селеніе за селеніемъ, скупая и отбирая земли, скопляя въ сундукахъ своихъ богатства: золото, серебро и драгоцѣнные камни, обманывая своего татарскаго властелина, обсчитывая его данью, грабя и раззоряя своихъ царственныхъ собратьевъ, они мечтали только о томъ, что когда нибудь придетъ время, „когда Богъ избавитъ насъ отъ власти Орды“. Въ этой завѣтной мечтѣ слышится прежде всего желаніе свободы, возможности не гнуть спины передъ татарскимъ ханомъ, желаніе выйти изъ этого унизительнаго состоянія. Но все это лишь для того, чтобы захватить еще лишній клокъ земли, чтобы набить еще одинъ сундукъ золотомъ и камнями,—вотъ и все. Но затѣмъ мысль о народномъ единствѣ мало по малу начинаетъ проникать въ ихъ умы.

Но еще задолго до того, когда Московскому Государю пришло на умъ сдѣлаться представителемъ объединенной Руси, митрополитъ Московскій былъ уже ея духовнымъ представителемъ. Весь славянскій Востокъ представлялъ собою одну обширную эпархію, во главѣ которой стоялъ митрополитъ, поставленный патріархомъ Константинопольскимъ. Долгое время митрополичій престолъ не имѣлъ опредѣленнаго центра и пребывалъ то въ Кіевѣ, то въ одномъ изъ другихъ стольныхъ городовъ. Но вотъ митрополитъ Петръ, современникъ Калиты, присвоилъ себѣ титулъ „Митрополита всея Руси“, и тогда среди Князей, оспаривавшихъ другъ у друга право первенства, князей Московскаго, Рязанскаго Суздальскаго и Тверскаго, завязалось соревнованіе—сманить къ себѣ митрополита и тѣмъ самымъ утвердить за собой первенствующую роль въ государствѣ. Сначала это удалось Михаилу Ярославичу Тверскому, который также сталъ первый именоваться Великимъ Княземъ Всея Руси, но вскорѣ Калита восторжествовалъ, и съ того времени было положено основаніе Московской гегемоніи, за полтораста лѣтъ до Ивана III-го.

Монастыри, такъ сказать, прокладывали дорогу завоеваніямъ Московскихъ Государей, служили для нихъ стратегическими пунктами и вообще являлись важными факторами народной жизни. Въ годовые праздники подъ стѣнами, а иногда даже въ самой оградѣ монастыря бывали ярмарки, на которыхъ шла оживленная торговля, такъ какъ сюда стекались сотни людей со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, какъ для молитвы, такъ и для дѣла: у монаховъ можно было получать ссуду изъ монастырскихъ капиталовъ, обыкновенно за 100 годовыхъ. Но эти монастырскіе капиталы являлись вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы общественнымъ достояніемъ въ тяжелыя годины народныхъ бѣдствій, а въ обычное время монастырь никогда никому не отказывалъ въ кровѣ и пріютѣ, правда, временномъ, въ работѣ и помощи нуждающимся. Даже князья и бояре пользовались монастырскимъ гостепріимствомъ и запасались здѣсь благословеніемъ и всякими припасами на дорогу. Бѣд-

Digitized by Google

нота же смотрѣла на монастырь, какъ на свое законное убѣжище въ голодный годъ. Волоколамскій монастырь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежедневно раздавалъ хлѣбъ и кормилъ отъ 400 до 500 человѣкъ, а въ одинъ праздничный день роздалъ хлѣба 7,000 душъ.

При царѣ Василіи Ивановичѣ, отцѣ Грознаго, игуменъ Іосифъ продалъ весь скотъ и даже одежду монастырской братіи, чтобы прокормить голодающихъ окрестныхъ крестьянъ. Съ этого времени при каждомъ монастырѣ стали строиться постоянныя гостиницы и больницы, гдѣ нуждающіеся во всякое время находили помощь.

Одного только не доставало этимъ монахамъ, чтобы стать просвѣтителями своей родной страны, образованія. Вплоть до татарскаго погрома изъ 23 митрополитовъ, находившихся въ Россіи, 17 были греки, да и послѣ того еще долго греческій и болгарскій элементъ преобладалъ въ русскомъ духовенствѣ. Кромѣ того, значительный наплывъ греческихъ монаховъ, являвшихся для сборовъ пожертвованій въ Россію, и паломничество ко святымъ мѣстамъ, на Аѳонъ, поддерживали долгое время постоянныя сношенія между русской и греческой церковью. Далѣе упомянемъ о томъ, какого рода просвѣщеніе и моральныя поученія могла извлечь русская церковь изъ этого общенія; теперь же скажемъ только, что результатомъ этихъ частыхъ паломничествъ явилось обиліе монастырей на Руси. Съ 1420 по 1500 г. основано было 150 монастырей, а съ 1500 по 1588 и еще 65. Не даромъ Флетчеръ, извѣстный англійскій путешественникъ того времени, назвалъ Россію „Страной монастырей".

Основателями всѣхъ этихъ монастырей являлись благочестивые монахи, люди строгой жизни, часто подвижники, но всѣ они кончали свою жизнь гдѣ-нибудь въ скиту или въ ссылкѣ, вдали отъ основаннаго ими монастыря, а громадное большинство братіи пожинало плоды ихъ трудовъ и, прикрываясь ихъ святостью, вело въ стѣнахъ святой обители жизнь праздную, сытую и часто разгульную, соблюдая только внѣшнюю обрядность устава. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи и монахини жили бокъ о бокъ, и ни тѣ, ни другіе не могли похвалиться высокой нравственностью. Впрочемъ, и въ западныхъ монастыряхъ въ XVI вѣкѣ наблюдалось тоже самое, пока ихъ не коснулось реформаціонное вліяніе. Здѣсь же, въ Россіи, монастырская реформа не привела ни къ чему, и авторитетъ духовенства сильно пошатнулся, этому еще не мало способствовало и то, что наше духовенство утратило свою независимость. Подъ вліяніемъ татарскаго ига, митрополитъ Кириллъ счелъ за лучшее стать подъ покровительство всесильнаго хана и перенесъ свой митрополичій престолъ ко двору Менгу Тимура, который, польщенный этимъ, милостивою хартіей обѣщалъ митрополиту и его преемникамъ свое покровительство и сталъ щедро раздавать ярлыки православному духовенству. Но эти милости и благоволеніе хана стоили полнаго отреченія отъ прежней независимости, и, когда Москва приняла наслѣдіе азіатскихъ деспотовъ, а ея указы замѣнили для духовенства ханскіе ярлыки, она стала требовать къ себѣ той-же покорности и того-же подчиненія.

Какъ верховный покровитель Православія, послѣ паденія Константинополя, Московскій Государь съ конца XV-го вѣка созывалъ соборы, на которыхъ, наряду съ дѣлами церковными, нерѣдко обсуждались и дѣла государственные, точно также въ Совѣтѣ Государевомъ, или Думѣ засѣдали всѣ высшіе чины духовенства, которые приглашались принимать участіе въ обсужденіи вопросовъ государственныхъ. Отсюда не далеко было уже до приравненія духовенства къ высшему служилому

Digitized by Google

сословію. Бѣлое духовенство, равно какъ и черное, засѣдало въ думѣ, и нерѣдки были примѣры, когда монахи или приходское духовенство прибѣгали къ государевой власти въ своихъ недовольствахъ на свою духовную власть.

Еще при Иванѣ III высшіе чины бѣлаго духовенства осмѣливались возставать противъ Государевой власти. Вслѣдствіе распри Митрополита Московскаго съ Великимъ Княземъ, Митрополитъ покинулъ Москву, отказался рукополагать духовенство и принудилъ Государя „бить ему челомъ". Но когда, при пріемникахъ Ивана III-го, еще не вполнѣ освоившагося съ ролью Самодержца, для того, чтобы противостоять торжествующему деспотизму Московскихъ царей, понадобилось не только чувство оскорбленнаго достоинства, но еще и упорная воля и непоколебимая рѣшимость, какую выказалъ митрополитъ Филиппъ, поплатившійся за это мученической кончиной; эта твердая воля и рѣшимость не встрѣтили поддержки въ духовенствѣ, и примѣръ его не породилъ послѣдователей, такъ какъ и духовенство, какъ и все остальное, склонилось подъ гнетомъ самовластія и безмолвно слилось съ остальнымъ обезличеннымъ населеніемъ страны, съ какой то тупой, рабской покорностью покорившимся волѣ судебъ.

II.

Центральная власть. – Мѣстничество—Община. — Законодательное и Юридическое устройство страны. - Экономическія условія.—Финансы.

При вступленіи на престолъ Ивана Грознаго механизмъ управленія страной былъ уже довольно сложный. Всѣ дѣла вѣдали различные „приказы"; „разрядный приказъ" соотвѣтствовалъ по своимъ функціямъ военному Министерству и былъ одинъ на все Государство, точно также какъ и „посольскій приказъ", или Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Кромѣ того, были особые, можно сказать, провинціальные приказы, вѣдавшіе управленіемъ извѣстной провинціи, какъ-то Московскій, Владимірскій, Рязанскій приказъ.

Повсюду царилъ безпорядокъ и страшная неурядица. Главная же центральная власть должна была бы сосредоточена въ рукахъ Государя, но, повидимому было иначе; во главѣ всѣхъ этихъ приказовъ стояла Боярская дума. Московскій Князь, какъ предводитель войска, естественно собиралъ въ военное время совѣтъ изъ своихъ военачальниковъ, дружинниковъ или бояръ для обсужденія болѣе важныхъ дѣлъ, а затѣмъ, съ теченіемъ времени и надъ вліяніемъ измѣнившихся условій, этотъ совѣтъ включилъ въ свою компетенцію всѣ дѣла внутренней и внѣшней политики, а составъ пріобрѣлъ своего рода аристократическій характеръ.

Въ XVI вѣкѣ, 70 родовъ, изъ которыхъ 40 княжескихъ, повидимому, пріобрѣли и закрѣпили за собою право засѣдать въ Боярской Думѣ, но въ сущности это не было правомъ, а только шансомъ на право, такъ какъ быть призваннымъ въ думу зависѣло прежде всего отъ воли Государя. И здѣсь опять таки сказалось отсутствіе корпоративности среди думныхъ бояръ, помѣшавшее имъ стать независимыми членами Парламента или Государственнаго Совѣта.

Правда, въ Думѣ засѣдало много родовитыхъ бояръ и князей, но, наряду съ ними, по капризу Государя, засѣдали въ неменьшемъ числѣ и всякого рода люди, не бояре и не князья, а просто „окольничіе" (отъ слова около, т. е. находящіеся около Государя), и дворяне, т. е. люди дворовые, люди Государева двора, даже простые дьяки.

Изъ этого ясно, что не достаточно было принадлежать къ знатному боярскому или княжескому роду,

Digitized by Google

чтобы быть призваннымъ засѣдать въ Думѣ. Такъ, въ спискахъ думскихъ бояръ за 1527 г. мы не видимъ ни Голициныхъ, ни Куракиныхъ, ни Воротынскихъ, ни Пронскихъ, ни Хованскихъ, ни Прозоровскихъ, ни Рѣпниныхъ, ни Салтыковыхъ, а все это лучшіе роды того времени. Какъ чины, такъ и призваніе въ Думу зависили всецѣло отъ воли Государя. Компетенція Думы была велика, можно сказать, неограничена; Дума облечена была всѣми полномочіями, какими пользовался самъ Государь, и, такъ сказать, правила Государствомъ совмѣстно съ Государемъ. „Государь указалъ, а Дума приговорила",—такъ начинались обыкновенно журналы думскихъ засѣданій.

Для обсужденія и рѣшенія всѣхъ дѣлъ, входившихъ въ кругъ компетенціи Думы, вѣроятно, не хватило бы и двухъ засѣданій въ сутки, о которыхъ упоминаютъ хроники того времени. Но на дѣлѣ большую часть времени Дума бездѣйствовала, а, начиная съ XVI-го вѣка, боярская Дума, въ принципѣ соправительница, равная по своей власти любому парламенту, превратилась въ пустую декорацію и стала какой-то фикціей правительствующей власти. Рѣшенія правительства, принятыя Государемъ помимо Думы или разрѣшеніе вопросовъ Думою въ отсутствіи Государя, фиктивно считались принятыми совмѣстно Государемъ и боярскою Думой.

Отсутствующій на совѣщаніи Думы Государь считался всегда присутствующимъ, и, дѣйствуя самолично, всегда какъ бы дѣйствовалъ совмѣстно съ Думой. Это мистическое общеніе Государя съ Думой пережило даже самую Думу и проявилось вновь въ отношеніяхъ Петра Великаго къ своему Сенату.

Въ сущности же, начиная съ XVI-го вѣка, государствомъ управляла по своему произволу абсолютная и неограниченная власть Государя съ тѣсной группой близкихъ къ нему лицъ, ограниченное число и совершенно уже произвольный выборъ которыхъ не могъ стѣснять абсолютизма. Изъ этихъ-то лицъ самаго разнороднаго происхожденія составился своего рода интимный Совѣтъ, собиравшійся въ большинствѣ случаевъ въ опочивальнѣ Государя, Совѣтъ, всецѣло подчиненный волѣ и прихоти властелина. Кромѣ того, въ извѣстныхъ сферахъ Государь являлся въ XVI вѣкѣ полновластнымъ властелиномъ такъ, напр., въ дѣлѣ судебныхъ рѣшеній. Каждый изъ его подданныхъ имѣлъ право обращаться лично къ нему и обжаловать передъ нимъ рѣшеніе суда; съ теченіемъ времени такихъ „челобитныхъ" (т. е. прошеній и жалобъ) стало такъ много, что понадобилось основать особый челобитный приказъ, — зародышъ будущей Тайной Канцеляріи.

Въ дѣйствительности Государь являлся единоличнымъ правителемъ государства, а всѣ эти „служилые люди" были не болѣе, какъ тѣ же солдаты, безпрекословно исполнявшіе его команду, или пѣшки, которыми онъ игралъ по своему желанію. Въ провинціи все находилось въ зависимости отъ земли; обладаніе землею возлагало на крестьянина обязанность платить подать, а на владѣльца вотчины или помѣстья,—обязанности, службы. Независимо отъ того, занималъ-ли онъ какую либо гражданскую должность, или нѣтъ, всякій владѣлецъ вотчины или помѣстья обязанъ былъ по первому требованію Государя встать въ ряды войскъ; въ мирное же время онъ воленъ управлять своими помѣстьями или сидѣть въ приказѣ. Каждый служилый долженъ былъ съ 15-ти лѣтъ нести службу; въ этомъ возрастѣ онъ получалъ извѣстную часть отцовскаго надѣла; если же семья очень велика, то новый надѣлъ, точно также и дочери получали надѣлы, но только пожизненно или до момента вступленія въ бракъ. Что же касается вотчинъ,

Digitized by Google

то государство не вмѣшивалось въ права наслѣдства и дѣлежа ихъ, но требовало только опредѣленнаго числа служилыхъ людей.

Естественно, что Государство, создавшее „помѣщиковъ, держало ихъ больше въ своихъ рукахъ, чѣмъ родовитыхъ вотченниковъ, а потому внутренняя политика Москвы упорно стремилась къ уничтоженію вотчинъ и созданію новыхъ помѣстій на земляхъ, завоеванныхъ силой оружія; это не было трудно: большинство земель и вотчинъ конфисковалось и раздавалось по преимуществу людямъ низшаго происхожденія. Особенно часто мы встрѣчаемъ въ качествѣ новыхъ служилыхъ людей и помѣщиковъ, въ XVI вѣкѣ, сыновей и внуковъ писарей прежнихъ удѣльныхъ князей, людей, у которыхъ рабская покорность была въ крови. Тамъ-же, гдѣ объединеніе совершилось мирнымъ путемъ, гдѣ большинство земель были вотчинныя, и ладить съ ихъ владѣльцами Москвѣ было много труднѣе; поэтому то и возсталъ противъ нихъ Грозный со всей своей неутомимой энергіей, создавшей ему репутацію кровопійцы и изверга.

Недостаточное количество свободныхъ земель вынуждало Московское правительство къ недостаточнымъ надѣламъ помѣстьями, вслѣдствіе чего получился въ скоромъ времени помѣщичій или земельный пролетаріатъ. Одинъ помѣщикъ жаловался на то, что ему не на что купить коня для службы царской, другой не имѣлъ достатка даже для того, чтобы снарядиться пѣшимъ ратникомъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, государство всегда имѣло на лицо въ готовности войско, которое ему ни гроша не стоило. Точно также не стоило ему ни гроша и управленіе; оно стоило только управляемымъ; а управлять въ то время значило главнымъ образомъ чинить судъ и расправу, и тотъ, кто принималъ на себя эту обязанность, кормился этимъ.

Обыкновенно, въ силу старинныхъ правъ вотчинниковъ, и монастыри и помѣщики сами судили и рядили на своихъ земляхъ; тамъ же, гдѣ, какъ, напр., въ городахъ или слободахъ, не было прямого хозяина, чинили судъ и расправу намѣстникъ или воевода, поставленные отъ правительства, также кормившіеся этимъ, почему управленіе городомъ или областью называлось также „кормленіемъ". Никакого контроля надъ этими безплатными управителями или вѣрнѣе надъ ихъ управленіемъ не существовало, и потому въ дѣлахъ тяжебныхъ да и во всѣхъ остальныхъ взятка играла главную роль, и это взяточничество, превратившееся въ разъѣдающую страну язву, никого не возмущало и не удивляло.

Выборъ намѣстника или воеводы, кормленщика или волостели, всецѣло зависилъ отъ воли Государя. Московская политика стремилась къ тому, чтобы надѣлять этими почетными должностями людей всякихъ, преимущественно низшихъ слоевъ общества, при случаѣ, даже взятыхъ изъ самыхъ подонковъ общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ намѣстника требовалась извѣстная представительность, внушительность, которыя не легко было встрѣтить у бывшихъ писарей или дьяковъ. Поэтому приходилось волей неволей искать подходящихъ людей среди родовитыхъ бояръ и аристократіи. Но вслѣдствіе того, что эти Государевы слуги брались отовсюду, народилось на Руси то зло, которое незнакомо почти ни одному изъ Государствъ Европы, именно „мѣстничество".

Въ сущности этого права не существовало ни въ одномъ уложеніи, но зато обычай признавалъ его за каждымъ служилымъ; это было право не принимать мѣста ниже того, какое служилый занималъ раньше или какое занималъ его отецъ или дѣдъ, при совмѣстной службѣ съ другимъ служилымъ низшаго происхожденія или ниже его стоящимъ

Digitized by Google

по служебной іерархіи своей или своихъ предковъ. И этого рода соревнованіе или амбицiя проникла постепенно во всѣ отрасли служебныхъ должностей. Первые признаки мѣстничества проявились съ появленіемъ первыхъ генеологическихъ книгъ „родословныхъ книгъ" на Руси. Эти книги способствовали утвержденію династіи на Московскомъ престолѣ и потому, преслѣдуя въ тоже время преобладаніе служебной іерархіи надъ родовою, Московскіе Государи поддерживали и поощряли и родовую гордость истинной аристократіи, вслѣдствіе чего и получилось мѣстничество.

Вначалѣ, когда эти распри не нарушали общественной жизни и порядка, правительство видѣло въ нихъ лишь поддержку своей системы, такъ какъ мѣстничество укрѣпляло идею прерогативъ служебныхъ въ ущербъ прерогативъ рода и происхожденія. Начавшись среди бояръ и боярскихъ женъ, оно постепенно проникло и въ духовенство, въ монастыри, даже въ купечество.

Но вотъ сраженіе при Оршѣ въ 1514 г. было проиграно благодаря мѣстничеству двухъ воеводъ, и тогда стало ясно, что ему надо положить конецъ. Однако, сдѣлать это разомъ круто было опасно: обычай слишкомъ успѣлъ укорениться; и вотъ сначала рѣшили отмѣнять мѣстничество на опредѣленное время, на время военныхъ дѣйствій; кромѣ того, за неправое мѣстничество даже и въ мирное время было установлено строжайшее наказаніе.

Первое время, пока люди низшихъ слоевъ общества не могли доставлять достаточнаго числа крупныхъ должностныхъ лицъ по недостаточности развитія, высшія должности естественно оставались за людьми родовитыми. Но когда стали находиться кандидаты изъ низшихъ служилыхъ людей, то мѣстничество оказалось безсильнымъ противъ всеобщей нивеллировки, которая, собственно говоря, вполнѣ согласовалась съ принципомъ мѣстничества, ставившимъ служебныя заслуги выше родовыхъ.

Это, конечно, имѣло и свою хорошую сторону, выдвигая личныя качества каждаго человѣка на первый планъ. Но для аристократіи это было окончательною погибелью. Гоняясь за должностями, представители ея совершенно простились со своей родовою гордостью и утратили свое родовое значеніе.

Другою политическою и соціальною силой противъ самовластья могла-бы, казалось, быть община, съ ея административной автономіей и коллективной, т. е. общественной, собственностью. Но, увы!—эта община являлась не отголоскомъ патріархальной общности интересовъ и имущества, а скорѣе результатомъ коллективной отвѣтственности за исправный платежъ податей, чѣмъ-то совершенно чуждымъ свободному крестьянству и навязаннымъ ему законами крѣпостничества, продуктомъ внутренней политики эпохи Ивана Грознаго.

Каждый крестьянинъ непремѣнно принадлежалъ къ какой нибудь общинѣ; только бродяги составляли исключеніе изъ этого правила. Общины пользовались извѣстнаго рода автономіей: на ихъ сходкахъ или собраніяхъ принимали участіе съ правомъ голоса всѣ старики; нѣсколько такихъ общинъ составляли „волость", отнюдь не похожую на то, что теперь называется „волостью".

Прежняя волость являлась чѣмъ то вродѣ Швейцарскаго кантона; ея сходки пользовались правомъ свободнаго выбора головы и старостъ, правомъ издавать постановленія, распредѣлять налоги, установленные правительствомъ, назначать изъ членовъ общины лицъ на разныя должности и черезъ своихъ выборныхъ отстаивать интересы общины передъ властями.

Русская община получила сильное развитіе между XV и XVI-мъ

Digitized by Google

вѣкомъ. Но въ это время она отнюдь не носила патріархальнаго характера. Во всякомъ случаѣ, славянофилы весьма склонны объяснять существованіе этихъ общинъ особенной склонностью національнаго характера къ общительности и всякаго рода ассоціаціямъ. Этой склонности русскаго человѣка къ общинной жизни, конечно, отрицать нельзя, она проявляется въ „артеляхъ", „мірскихъ приговорахъ" и многомъ другомъ. Но что русская община XV-го вѣка отнюдь не носила семейнаго характера, видно уже изъ того, что вступить въ нее могъ каждый крестьянинъ, соглашавшійся принять на себя свою долю общихъ повинностей и тяготъ общины. Если что либо придаетъ ей нѣкоторое сходство съ первобытноіі, патріархальной русской общиной, то только та извѣстная доля автономіи, какою она пользовалась.

Въ настоящее время трудно рѣшить, имѣла-ли община XV-го вѣка какое либо право голоса въ судебныхъ и тяжебныхъ дѣлахъ. Но при системѣ „кормленія" трудно предположить, чтобы служилые люди, которымъ дозволено было „кормиться" отъ этихъ дѣлъ, согласились уступить кому-бы то ни было часть своей безконтрольной власти чинить судъ и расправу, что являлось для нихъ единственнымъ источникомъ дохода.

Вскорѣ, однако, все это измѣнилось: права общинъ сильно раздвинулись, и общины были близки къ тому, чтобы присвоить себѣ всѣ административныя функціи и сосредоточить въ своихъ рукахъ всю соотвѣтственную имъ власть.

Произошло это вслѣдствіе того, что служилые люди, облеченные этою властью, погрѣшили передъ правительствомъ, раззоривъ своими поборами подвластное имъ населеніе и тѣмъ повредивъ не только частнымъ интересамъ, о которыхъ правительство нисколько не заботилось, но и интересамъ самаго правительства. И вотъ оно, не задумываясь, само рушило то, что было вызвано имъ къ жизни, но не оправдало возложенныхъ на него надеждъ, лишивъ служилыхъ людей данной имъ власти и передавъ ее общинамъ, къ которымъ оно до того времени относилось недовѣрчиво и даже недоброжелательно. Въ силу щедро издаваемыхъ указовъ представители общинъ — старосты и цѣловальники облекались такими правами и полномочіями, которыя сильно умаляли, а впослѣдствіи и совершенно стирали власть намѣстниковъ, воеводъ и другихъ служилыхъ людей.

Но, дѣйствуя такимъ образомъ, правительство отнюдь не упускало изъ виду своей основной программы, своего упорнаго стремленія къ абсолютизму и деспотизму. Эти представители общины, эти выборные, вмѣстѣ съ расширеніемъ власти, обращались въ тѣхъ же государственныхъ чиновниковъ, и самая община стала государственнымъ учрежденіемъ, какъ мы это увидимъ дальше.

Вплоть до половины XVI-го столѣтія правосудіе являлось лишь источникомъ доходовъ; чинить судъ и расправу значило налагать пени, карать преступленіе было также главнымъ образомъ источникомъ дохода для казны; такъ какъ важныя дѣла, вродѣ разбоя и убійствъ, влекущія за собой строжайшія кары, были несравненно доходнѣе, то правительство оставляло ихъ вездѣ за собой.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что съ 955 или 962 года т. е. со времени первой редакціи „Русской Правды", до Судебника 1497 г. судебное законодательство не претерпѣло почти никакихъ измѣненій. Въ судебникѣ же уголовныя преступленія занимали главное мѣсто, гражданское же право какъ бы вовсе не существовало; во всѣхъ случаяхъ этого рода предписывалось придерживаться обычая. О семейныхъ отношеніяхъ или взаимныхъ отношеніяхъ

Digitized by Google

лицъ, связанныхъ договоромъ, упоминалось только вскользь, о всякихъ же иныхъ юридическихъ вопросахъ совершенно умалчивалось. О государственномъ правѣ не было даже рѣчи. Есть только какое-то смутное представленіе объ извѣстнаго рода опекѣ государства надъ низшимъ классомъ населенія, выразившееся въ воспрещеніи лишать человѣка свободы безъ разрѣшенія Государя. Всего болѣе законодатель заботился о правосудіи, что въ его представленіи значило— распредѣленіе и постановленіе размѣра пеней и взысковъ за каждую данную провинность.

Такимъ образомъ „Судебникъ" 1497 г. ничто иное, какъ уложеніе о наказаніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Книга доходовъ.

Въ этомъ Судебникѣ, несомнѣнно, сказалось татарское вліяніе, такъ какъ коренное русское законодательство, изложенное въ Русской Правдѣ, несравненно милостивѣе, снисходительнѣе и либеральнѣе, въ новомъ же Судебникѣ на каждой строкѣ встрѣчаются слова: „бить въ кнуты" или „бить батоги нещадно". Не смотря на то, что въ самомъ законодательствѣ идея равенства и демократическихъ тенденцій проходитъ яркою нитью, на дѣлѣ, т. е. въ примѣненіи, въ силу обычая, проводилось какъ разъ противоположное: за то, за что вѣшали крестьянъ, только били или бросали въ тюрьму боярина. Это объясняется отчасти вліяніемъ церкви и византійскими вѣяніями. Это отголоски греческаго законодательсва, законовъ Константина Великаго, Юстиніана, Льва Философа, Эклогъ Льва Исаврянина и Константина Копронима, не говоря уже о примѣненіи пытокъ, что было вообще дѣломъ обычнымъ въ XVI вѣкѣ не только въ Россіи, но и повсемѣстно.

Кромѣ того, вплоть до XVII-го столѣтія это законодательство удержало судебные поединки, вошедшіе въ употребленіе въ силу обычая. Въ Новгородѣ допускались такіе поединки даже между женщинами; во Псковѣ-же женщинамъ и монахамъ предоставлено было право выставлять за себя другое лицо, равно какъ старикамъ или людямъ немощнымъ. Но до Ивана Грознаго эти поединки не были въ чести и считались слабымъ, неубѣдительнымъ доказательствомъ правоты; поэтому, помимо поединка, прибѣгали къ клятвенному показанію или тянули жребій; въ нихъ не признавали ни малѣйшаго божественнаго вмѣшательства, а скорѣе смотрѣли на нихъ, какъ на средство для удовлетворенія тяжущихся сторонъ. При Иванѣ же Грозномъ эти поединки получили характеръ своего рода Божьяго Суда.

До этого времени церковь всячески стремилась искоренить обычай поединковъ, являвшійся остаткомъ варварскихъ временъ, когда люди рѣшали всѣ распри самоуправствомъ, причемъ всегда бывалъ правъ сильный и виноватъ слабый. Но такого рода рѣшеніе не было по душѣ правительству въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ оно было матеріально заинтересовано, и потому оно изобрѣло иное средство доискиваться истины. Это былъ „повальный обыскъ", въ которомъ принимало участіе возможно большее число свидѣтелей, подъ видомъ того, что „гласъ народа—гласъ Божій". Ложные свидѣтели строго наказывались; ихъ били „батогами нещадно". Особенно привился этотъ судебный пріемъ въ царствованіи Ивана Грознаго.

Въ дѣлахъ гражданскихъ, по отношенію къ несостоятельному должнику примѣнялся приговоръ „выдать головой", иначе говоря, сдѣлать должника рабомъ, вещью его кредитора до тѣхъ поръ, пока онъ не уплатитъ ему всего своего долга. Состоятельнаго-же должника, не соглашавшагося почему-либо уплатить должное, „ставили на правежъ" т. е. приводили къ крыльцу его кредитора и стегали по голымъ икрамъ съ утра до ночи. Въ примѣ-

Digitized by Google

неніи-же правежъ иному проходилъ почти даромъ, другого-же положительно калѣчили,—это зависѣло отъ взятокъ и подачекъ исполнителямъ приговора. Срокъ такого правежа первоначально не былъ означенъ, но между 1555 и 1628 г. былъ опредѣленъ на мѣсяцъ за сумму въ 100 рублей: по истеченіи же этого срока неисправнаго должника выдавали головой его кредитору. Впрочемъ, люди привиллегированнаго сословія всегда избѣгали правежа или ставя кого либо другого за себя, или-же скрываясь на время.

Чрезвычайная подкупность судей давала поводъ ко всякаго рода злоупотребленіямъ и постоянно нарушала правосудіе, обычай же относился къ этой подкупности крайне снисходительно, считая ее чѣмъ то неизбѣжнымъ. Взятки и посулы, конечно, строго воспрещались въ принципѣ и въ законѣ, но обычай требовалъ, чтобы тяжущіяся стороны, являясь къ судьѣ, приносили свои дары подъ образа, на свѣчи. На праздникъ-же Пасхи каждое должностное лицо имѣло право принимать „красныя яички", сопровождаемыя червонцами.

Отецъ Грознаго, узнавъ, что одинъ судья, получивъ извѣстную сумму денегъ отъ одной стороны, затѣмъ нѣсколько меньшую отъ другой,--присудилъ дѣло въ пользу той стороны, которая дала ему больше,—потребовалъ къ себѣ этого судью и учинилъ ему самолично допросъ, на которомъ тотъ, подтвердивъ все сказанное, добавилъ: „Я никогда не затрудняюсь въ выборѣ между человѣкомъ богатымъ и бѣднымъ, и всегда вѣрю больше первому, такъ какъ ему меньше разсчета меня обманывать".

Таковы были взгляды того времени, а между тѣмъ экономическія условія страны были самыя незавидныя. За исключеніемъ нѣсколькихъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, Россія XVI-го вѣка была по преимуществу, какъ и современная Россія, страна земледѣльческая. Но все, что она производила, шло на внутреннее потребленіе, незначительный экспортъ производился лишь черезъ Нарву, а позднѣе черезъ Архангельскъ да еще сухимъ путемъ въ Польшу. Но эта торговля не могла принять болѣе значительныхъ размѣровъ, потому что въ то время спросъ на хлѣбъ въ Европѣ былъ не тотъ, что теперь, кромѣ того, государство парализовало и эту, какъ всякую другую торговлю, монополизируя ее.

Монетною единицей того времени былъ, какъ и теперь, рубль, содержащій сто копѣекъ. Вѣсъ его равнялся первоначально 16 золотникамъ чистаго серебра, и стоилъ онъ на англійскія деньги 16 шиллинговъ и 8 пенсовъ, но уже въ XV-омъ вѣкѣ цѣна его значительно упала, и тотъ же рубль сталъ ходить 2 шиллинга съ небольшимъ. Копѣйки первоначально назывались „деньгами", пока на нихъ, въ половинѣ XVI вѣка не стало появляться изображеніе воина съ копьемъ, вслѣдствіи чего и самая монета стала называться „копѣйкой". Когда, во время малолѣтства Ивана IV, московскій рубль упалъ почти до половины первоначальной стоимости, Новгородскій рубль, сохранившій свой прежній вѣсъ, стоилъ вдвое дороже, что чрезвычайно затрудняло всякіе разсчеты. Кромѣ рублей и копѣекъ, были еще алтыны, гривны, полтины и полушки, т. е. полу-копѣйки.

Стоимость рабочихъ рукъ находилась въ зависимости отъ цѣнъ хлѣба, а послѣднія мѣнялись постоянно, точно также часто мѣнялось и количество налога. Въ 1555 г. каждый крестьянинъ на „черной" землѣ обязанъ былъ уплачивать отъ 75 к. до 1 руб. подати; годовой же доходъ его обыкновенно равнялся, за вычетомъ прокорма его и его семьи,— 3-мъ рублямъ. Изъ этихъ денегъ надо было уплатить подать и одѣться самому и семьѣ. На „бѣлыхъ" земляхъ владѣлецъ ссужалъ впередъ сво-

Digitized by Google

его крестьянина, который впослѣдствіи почти всегда не могъ выпутаться изъ долга и волей не волей закабалялъ себя. Положеніе крестьянъ было сравнительно лучше на общинныхъ или на монастырскихъ земляхъ, но и здѣсь крестьяне должны были, помимо платы за землю, исполнять для монаховъ извѣстныя работы, которыя назывались „страдой", изъ чего видно, что страда, производное отъ слова *страданіе*, была дѣломъ не легкимъ.

Промышленность также находилась въ не лучшихъ условіяхъ: ея развитію прежде всего мѣшало то обстоятельство, что главный потребитель, бояринъ или иной богатѣй, имѣлъ въ своемъ дворѣ цѣлый рядъ всякаго рода мастеровыхъ, занимавшихся спеціально для него производствомъ всего потребнаго въ его обиходѣ, такъ что самостоятельное производство становилось ненужнымъ.

Между тѣмъ то, что мы теперь называемъ кустарнымъ производствомъ, существовало на Руси издавна. Козмодемьянскъ славился своими ларцами, также и Холмогоры, Вязьма—санями, а Калуга—расписными деревянными ложками. Но все это было весьма не доходно, такъ какъ 100 ложекъ можно было купить за 90 алтынъ, а за полтину можно было пріобрѣсти Вяземскія сани.

Въ отношеніи вывоза, т. е. экспорта, чуть-ли не первое мѣсто занимали мѣха,—и вообще только сырые продукты; издѣлія-же почти вовсе не шли за границу. Послѣ мѣховъ второе мѣсто въ экспортной торговлѣ принадлежало воску, затѣмъ шли: сало, медъ, оленьи шкуры, тюленій жиръ и, наконецъ, рыба и икра, которыя хотя и потреблялись дома въ громадномъ количествѣ, но также находили всегда большой сбытъ и за границу. Кромѣ того на чужеземные рынки шли наши ленъ и пенька, наша соль и деготь, а также слюда, сѣра и селитра.

Весь ввозимый товаръ, какъ изъ Европы, такъ и изъ Азіи, долженъ былъ прежде всего быть направленъ въ Москву и только послѣ того, какъ государь изволитъ отобрать для себя то, что ему заблагоразсудится, купцу предоставлялось право продавать остальное.

Однимъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ для внѣшней торговли являлся Холопій Городокъ при сліяніи Волги и Мологи. Здѣсь происходила ярмарка, длившаяся цѣлыхъ четыре мѣсяца, причемъ обмѣнъ товарами производился въ большинствѣ случаевъ не на деньги, а натурой, такъ какъ деньги въ то время на Руси были рѣдки и въ оборотѣ ихъ было очень мало.

Въ общемъ мѣновая торговля съ иностранцами давала самые плачевные результаты, такъ какъ всѣ мѣстные продукты шли за безцѣнокъ, а всѣ иностранные обходились чрезвычайно дорого.

Червонцы также считались товаромъ и за нихъ платили право ввоза, какъ за всякій другой товаръ.

Русскихъ купцовъ иностранцы весьма цѣнили за ихъ смѣтливый, живой умъ, обходительный нравъ и предпріимчивость, но, съ другой стороны, они пользовались весьма дурной репутаціей, какъ люди лукавые и недобросовѣстные, всегда готовые на обманъ; исключеніемъ въ этомъ отношеніи являлись Псковскіе и Новгородскіе гости и купцы. Но съ теченіемъ времени и иностранные купцы переняли неблаговидные пріемы русскихъ торговыхъ людей, которыми они вначалѣ возмущались, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже перещеголяли ихъ. Поставленные государствомъ въ самыя неблагопріятныя условія, русскіе купцы привыкли смотрѣть на торговлю, какъ на войну, въ которой всѣ средства дозволены. Злополучному русскому торговцу приходилось платить столько поборовъ, что нужда заставляла его хитрить и лукавить, чтобы выжать отъ покупателя лишній грошъ. При переправѣ

Digitized by Google

черезъ каждую рѣку ему приходилось платить „мытную пошлину“, у заставы каждаго города — „заставные“, если городъ стоялъ на рѣкѣ и товаръ шелъ водой, то приходилось платить за стоянку судна и на всѣхъ пристаняхъ. Кромѣ того, если въ городѣ имѣлся „гостинный дворъ“, то всякій купецъ обязанъ былъ снять въ немъ ларь или мѣсто и уплатить за него установленную плату. Затѣмъ, съ каждаго проданнаго предмета взималась извѣстная сумма въ пользу казны или государства.

Впрочемъ, все это отнюдь не исключительно русскія условія торговли; такъ было и во Франціи и почти повсюду въ другихъ странахъ въ то время. Вездѣ и всюду существовали пограничныя пошлины, а во Франціи каждый городъ съ окрестными деревнями считалъ себя отдѣльнымъ государствомъ.

Торговля въ Россіи также не мало затруднялась отвратительнымъ состояніемъ дорогъ и частыми пожарами, которые истребляли цѣлые города. Въ въ 1541 г. пожаръ истребилъ въ Новгородѣ 908 жилыхъ домовъ, не считая надворныхъ строеній и построекъ, а въ 1554 еще 1500 домовъ. Никакихъ предохранительныхъ мѣръ противъ пожаровъ не предпринималось; лишь 1570 году вышло распоряженіе держать во дворахъ домовъ чаны съ водой, не топить бань лѣтомъ и печь хлѣба не въ дому, а на вольномъ воздухѣ, въ особо устроенныхъ печахъ.

Кромѣ плохихъ дорогъ, почти непроходимыхъ въ распутицу, другой серьезной помѣхой являлась еще почти повсемѣстная въ Россіи небезопасность дорогъ отъ разбоевъ и грабежей, вслѣдствіе чего торговые люди пускались въ путь не иначе, какъ обозами, не рѣдко въ 700 и 800 саней. Рѣчные пути также были не безопасны: удалые разбойники хозяйничали на Волгѣ, какъ у себя дома.

Но наряду со всѣми этими неурядицами, иностранцевъ поражало превосходное устройство почтоваго сообщенія: такъ, напримѣръ, въ зимнее время, когда дороги хороши, 542 версты отъ Новгорода до Москвы можно было доѣхать въ 72 часа, т. е. въ трое сутокъ, за ничтожную плату по 6 коп. съ лошади за каждый прогонъ въ 20 верстъ, находя повсюду готовыя подставы, т. е. свѣжихъ лошадей, а все потому, что почта въ Россіи была „служба Царева“. Правда, въ лѣтнее время лошадей было не такъ легко найти, ихъ или угоняли въ поле пастись или-же на нихъ работали, и тогда приходилось ждать лошадей по нѣсколько часовъ на станціяхъ, но зато лѣтомъ можно было пользоваться воднымъ сообщеніемъ и находить повсюду готовыя лодки и гребцовъ во всякое время, такъ какъ и это была „Царева служба“. И это въ варварской Россіи, тогда какъ во Франціи регулярное почтовое сообщеніе было установлено лишь 1464 г. эдиктомъ Людовика XI.

Наряду съ пожарами, русскіе города страдали еще также періодически отъ чумы, опустошавшей цѣлые города и ихъ окрестности.

Безсмѣнно, можно сказать, свирѣпствовалъ въ странѣ и голодъ.

Таково было положеніе страны въ XVI вѣкѣ. Кромѣ монастырей, крупными состояніями обладали лишь одни только Строгановы. Англійскій путешественникъ Флетчеръ приписываетъ имъ капиталы въ 300,000 рублей чистыми деньгами, не считая ихъ громадныхъ земель и полей, тянувшихся отъ береговъ Вычегды до границы Сибири, и не считая ихъ промышленныхъ учрежденій, дававшихъ работу 10,000 вольнонаемныхъ рабочихъ, кромѣ 5,000 человѣкъ кабальныхъ (или крѣпостныхъ). Строгановы уплачивали государству ежегодно 23,000 руб. налоговъ, но тому и это казалось мало, и оно требовало съ каждымъ годомъ все больше и больше.

Государство и Церковь поглощали все, всѣ народныя богатства, всѣ силы, всѣ доходы, даже самую сво-

Digitized by Google

боду и жизнь людей. Нищета и раззореніе были общіе на всемъ протяженіи Московскаго государства; уже самое отсутствіе достаточнаго количества звонкой монеты является признакомъ всеобщаго объдненія страны; вплоть до конца XVI столѣтія „бѣлки“, т. е. бѣличьи шкурки служили ходячей монетой, хотя чеканка монетъ была разрѣшена кому угодно, а нѣкоторымъ мастерамъ разрѣшено было даже выбивать свое имя на монетахъ. Серебро въ слиткахъ также ходило въ большомъ количествѣ и считалось такимъ-же товаромъ, какъ и всякій другой.

Къ сожалѣнію, и серебра, и золота было мало въ странѣ. Не то, чтобы въ Россіи не было этихъ металловъ въ числѣ естественныхъ богатствъ страны, а потому, что ихъ не умѣли разрабатывать; хотя Иванъ III въ 1482 г. и выписалъ нѣсколькихъ инженеровъ, все же доходность этихъ пріисковъ оставалась весьма незначительной.

Что же касается золота, то въ обращеніи оно было лишь въ монетахъ иностраннаго чекана, — червонцы, дукаты, эфимки и стерлинги; но и ихъ было такъ мало, что всякое маломальски требующее денегъ обстоятельство мгновенно вызывало повышеніе ихъ стоимости чуть не вдвое; такими обстоятельствами являлись бракъ или крестины въ царской семьѣ, когда бояре, приказные и посольскіе люди, согласно обычаю, носили Государю дары въ видѣ подчервонцевъ, или же снаряженіе посольства къ иноземному двору, гдѣ послы должны были не нуждаться въ золотѣ, чтобы не уронить своего достоинства.

Правда, самъ царь всегда имѣлъ цѣлыя кубышки въ своихъ царскихъ погребахъ, но они считались его частною собственностью. Онъ былъ богатый властелинъ голоднаго и нищаго народа; онъ ослѣплялъ своимъ блескомъ и роскошью иностранныхъ государей, даже восточныхъ, но никто не могъ съ точностью сказать, откуда у него взялись всѣ эти несмѣтныя богатства.

Вплоть до конца XVI столѣтія мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о бюджетѣ Московскаго Государства. По словамъ Флетчера, при сынѣ Ивана IV-го государственный доходъ равнялся 1,400,000 руб., которыя получались отъ 400,000 р. прямыхъ и 800,000 рубл. косвенныхъ налоговъ, но такъ какъ рубль того времени равнялся 16-ти шиллингамъ, то выходитъ, что англійскій король Генрихъ VIII, имѣвшій всего на всего 140,000 кронъ годового дохода, требовалъ съ своего народа лишь четвертую долю того, что требовалъ Грозный отъ своего. Въ сущности же Московскій Государь выжималъ еще больше; раздавая земли служилымъ людямъ, Государь не платилъ имъ жалованія, и доходъ оставался въ казнѣ. Затѣмъ, для содержанія своего двора Государь имѣлъ, кромѣ того, свои вотчины, которыя приносили ему большой доходъ, тридцать шесть городовъ съ принадлежащими къ нимъ или приписанными къ нимъ селами и деревнями не только давали ему извѣстный денежный оброкъ, но еще обязаны были поставлять: хлѣбъ, скотъ рыбу, медъ, фуражъ, т. е. овесъ, сѣно и солому, словомъ, все потребное для продовольствія двора и не только въ потребномъ для двора количествѣ, но въ такомъ, что Иванъ IV выручалъ отъ продажи излишка 60,000 р. годъ побочнаго дохода; преемникъ же его, болѣе бережливый и экономный, выколачивалъ цѣлыхъ 230,000 рублей отъ этой продажи.

Тотъ же порядокъ вещей, съ нѣкоторыми маловажными измѣненіями, сохранился почти до нашего времени, и русскій народъ былъ настолько покоренъ, что смирился съ этимъ порядкомъ. Остается только выяснить причины этой покорности, а это возможно только тогда, когда мы вникнемъ въ самый духъ этого народа, сумѣвшаго совершить великія дѣла даже при такихъ условіяхъ.

(До слѣд. №-ра).

Digitized by Google

Медицина.

Деформація черепа. Подъ именемъ деформаціи черепа понимаютъ искусственное или естественное измѣненіе формы черепа. Въ Америкѣ обычай деформированія черепа существуетъ съ древнѣйшихъ временъ. Въ известковыхъ горахъ Минасъ-Жераеса были найдены черепа такой странной формы, что ихъ принимали сначала за остовы исчезнувшаго племени. Этотъ варварскій обычай существуетъ еще и теперь въ Перу, въ Мексикѣ, по берегамъ Амазонки и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣверной Америки. Въ прежнія времена право измѣнять форму головы составляло привиллегію свободныхъ и благородныхъ. Еще Гиппократъ и Плиній разсказываютъ о народахъ, которые уродовали головы дѣтямъ благородныхъ. Народы эти обитали по берегамъ Чернаго моря. Дѣйствительно, въ серединѣ XIX столѣтія русскій ученый академикъ К. Э. Фонъ-Бэръ нашелъ въ гробницахъ Крыма искусственно измѣненные черепа подобные описаннымъ у Плинія. Впослѣдствіи такіе черепа были найдены и въ другихъ мѣстахъ Европы, особенно въ южной Германіи, Венгріи и далѣе въ Англіи. Для измѣненія формы головы примѣняются обыкновенно различнаго рода повязки, косынки, бинты и дощечки. Подобныя механическія приспособленія примѣняются и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, въ особенности въ Нормандіи, въ Тулузѣ и въ Бретани; даже въ Парижѣ встрѣчаются измѣненныя формы череповъ.

Помимо искусственной деформаціи существуетъ также случайная и естественная деформація. Случайная деформація происходитъ вслѣдствіе того, что ребенка, еще не окрѣпшаго, заставляютъ, напримѣръ, лежать долго на спинѣ, почему затылокъ его дѣлается плоскимъ. Отъ ношенія дѣтьми тяжестей на головѣ (мальчики изъ лавочекъ) темя ихъ можетъ значительно уплощаться. Особенно къ этому предрасполагаетъ рахитизмъ, при которомъ кость долгое время сохраняетъ необычайную мягкость. У бродячихъ народовъ (Киргизовъ и Индѣйцевъ дикарей), мать часто носитъ ребенка за спиной привязаннымъ бинтами къ доскѣ, вслѣдствіе чего черепъ его пріобрѣтаетъ концеобразную форму, а затылокъ дѣлается плоскимъ.

Естественная деформація происходитъ помимо воли и случайности и независимо отъ внѣшнихъ, механическихъ дѣйствій. О причинахъ ея мнѣнія различныхъ ученыхъ расходятся. Вирховъ придаетъ огромное значеніе въ дѣлѣ конфигураціи черепа состоянію черепныхъ швовъ. Извѣстно, что черепъ растетъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что

Digitized by Google

на мѣстѣ швовъ, соединяющихъ черепныя кости, происходитъ отложеніе новаго костнаго вещества. Когда же швы заростаютъ, т. е. края двухъ соприкасающихся между собой костей сливаются, то вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и ростъ костей черепа. Обыкновенно это бываетъ къ старости, и швы заростаютъ симметрично и въ извѣстномъ порядкѣ. Если же произойдетъ частичное заростаніе какого нибудь шва и притомъ въ молодомъ возрастѣ, то будетъ остановка въ ростѣ только въ этомъ мѣстѣ, въ другихъ же мѣстахъ черепъ будетъ рости и, слѣдовательно, измѣняться въ формѣ. Деформація въ этомъ случаѣ происходитъ по извѣстнымъ законамъ: черепъ съуживается въ направленіи, перпендикулярномъ къ заросшему шву, и вытянется въ направленіи параллельномъ къ нему.

Кромѣ состоянія швовъ, по мнѣнію Вирхова механизмъ образованія черепа, а, слѣдовательно, и деформація его, зависитъ и отъ развитія мозга. Такъ, при недостаточномъ развитіи одной половины мозга деформируется и черепъ, а при полномъ отсутствіи мозга, что представляетъ рѣдкое уродство, имѣется на лицо и остановка въ развитіи черепа.

По мнѣнію Энчеля черепъ растетъ и формируется независимо отъ мозга, подвергаясь только вліянію механическихъ силъ, дѣйствующихъ на него снаружи или снутри. Механическія силы, дѣйствующія на черепъ снаружи—сокращеніе мышцъ головы и различнаго рода внѣшнія насилія: повязки, бинты и т. п., внутри же дѣйствуетъ главнымъ образомъ мозгъ силой своей тяжести. При водянкѣ головного мозга, накопившаяся въ черепѣ жидкость оказываетъ такое давленіе на стѣнки черепа, что швы расходятся, и голова можетъ достигать чудовищныхъ размѣровъ.

Русскій врачъ В. П. Всеволожскій изслѣдовалъ 120 деформныхъ русскихъ череповъ, принадлежащихъ музею В.-Медицинской Академіи, и нашелъ, что главной причиной измѣненія въ формѣ череповъ, покрайней мѣрѣ въ разсмотрѣнной коллекціи, слѣдуетъ признать заростаніе черепныхъ швовъ цѣльностью или частично.

Помимо прижизненнаго измѣненія формы черепа, деформація его возможна и послѣ смерти. Дэвисъ наблюдалъ посмертную деформацію преимущественно на такихъ черепахъ, которые похоронены въ сырой почвѣ. Вода выщелачиваетъ часть известковыхъ солей, а мягкая органическая основа костей подъ давленіемъ вышележащихъ слоевъ измѣняетъ свою форму.

Защитительныя силы организма. Въ физіологіи давно уже прочно установленъ фактъ, что печень, помимо своей пищеварительной дѣятельности, желчеотдѣленія, обладаетъ также способностью задерживать ядовитыя вещества, развивающіяся въ кишечникѣ. Послѣднія по брыжичнымъ венамъ поступаютъ съ кровью въ воротную вену, а отсюда въ печень. Здѣсь воротная вена разсыпается на массу мельчайшихъ сосудовъ, которые приводятъ въ соприкосновеніе кровь съ клѣтками печени. Послѣднія задерживаютъ и уничтожаютъ неизвѣстнымъ еще намъ способомъ имѣющіяся въ крови ядовитыя вещества, а освободившаяся отъ нихъ кровь поступаетъ въ другую систему сосудовъ, печеночныя вены, которыя впадаютъ въ нижнюю полую вену. Послѣдняя несетъ кровь уже въ сердце, именно въ правое предсердіе. Д-ръ *Эккъ* продѣлалъ замѣчательный опытъ, доказавшій правильность вышеизложеннаго ученія: онъ вшивалъ стѣнку воротной вены въ стѣну нижней полой и такимъ образомъ исключалъ печень изъ кровообращенія. Тогда кровь кишечника не фильтровалась печенью, а прямо несла въ сердце всѣ имѣвшіяся въ ней ядовитыя вещества. Послѣднія разно-

Digitized by Google

сились артеріальными сосудами по всему тѣлу и отравляли животное, которое скоро погибало.

Прошло довольно много времени, и въ литературѣ стали появляться указанія на то, что и другіе органы обладаютъ способностью обезвреживать ядовитыя для организма вещества. Такъ, *Roger* въ 1893 г. нашелъ, что большой сальникъ оказываетъ задерживающее вліяніе на стафилококковъ, особый родъ бактерій, обусловливающій гніеніе. Кролики, у которыхъ *Roger* вырѣзывалъ сальникъ, погибали значительно раньше послѣ впрыскиванія имъ въ брюшную полость разводки стафилококковъ, чѣмъ тѣ, у которыхъ сальникъ не былъ вырѣзанъ.

Еще раньше *Ру* въ 1893 г. показалъ, что у животныхъ, иммунизированныхъ противъ столбняка, (т. е. у такихъ, которымъ былъ привитъ столбнякъ, какъ людямъ прививаютъ оспу) ядъ столбняка разрушается не только печенью, но и селезенкой, а также железами—зобной, поджелудочной, надпочечной и слюнными.

Наконецъ, былъ поставленъ на очередь вопросъ—обладаютъ-ли легкія способностью обезвреживать ядовитыя вещества? Для выясненія этого вопроса *Roger* впрыскивалъ кроликамъ въ различные отдѣлы кровеносной системы разводки стрептококковъ, бактерій, вызывающихъ воспалительные и гнойные процессы. При этомъ оказалось, что если впрыскиваніе производилось въ воротную вену, несущую кровь въ печень, то животное погибало раньше всего; если-же черезъ поверхностныя вены, несущія кровь въ сердце, а затѣмъ въ легкія, — то животное всего дольше противостояло вліянію яда.

Слѣдовательно, печень не обладаетъ способностью обезвреживать стрептококковое зараженіе, а легкія обладаютъ этой способностью. Продолжая свои наблюденія, авторъ нашелъ, что по отношенію къ однимъ микробамъ легкія обладаютъ способностью задерживать ихъ развитіе, а по отношенію къ другимъ не обладаютъ. Такъ, легкія оказываютъ задерживающее вліяніе на ростъ стрептококка и кишечной палочки, гораздо слабѣе—на ростъ стафилококка и палочки молочницы и совершенно не оказываютъ никакого вліянія на бациллы сибирской язвы. Тотъ же авторъ изслѣдовалъ способность легкаго обезвреживанія дѣйствіе стрихнина и никотина, и нашелъ, что, пройдя черезъ легкія, стрихнинъ становится въ 2—4 раза, а никотинъ въ 2 раза слабѣе.

Недавно появилась диссертація д-ра *Е. Конскаго* (изъ Военно - Медицинской Академіи)—„Къ чтенію о защитномъ значеніи легкихъ“. Авторъ, производя опыты надъ кроликами и морскими свинками, изслѣдовалъ обеззараживающее вліяніе здоровыхъ и больныхъ легкихъ на никотинъ, стрихнинъ и пилокарпинъ. Авторъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: здоровыя легкія обладаютъ способностью обезвреживать никотинъ, но только въ томъ случаѣ, если онъ вводится въ растворѣ не больше 1 на 5000 воды; стрихнинъ, проходя черезъ легкія, утрачиваетъ до извѣстной степени свою ядовитость, но и здѣсь степень ослабленія ядовитости зависитъ отъ концентраціи раствора. Между никотиномъ и стрихниномъ существуетъ та разница, что первый въ легкихъ подвергается въ 3 раза большему обезвреживанію, чѣмъ стрихнинъ.

Обезвреживанію ядовъ въ легкихъ способствуетъ, по всей вѣроятности, благопріятное дѣйствіе вдыхаемаго кислорода и замедленное теченіе крови въ мельчайшихъ легочныхъ сосудахъ (капиллярахъ).

Д-ръ К. Яцута.

Digitized by Google

Обзоръ русскихъ журналовъ.

Взаимныя отношенія Тургенева и Боткина. — Шуточныя басни Крылова. — Русскія женщины Некрасова въ новомъ освѣщеніи. — „Омутъ“ Погорѣлова. — „Искусники“ В. К-ва. — „Обыватели“ Лучинской.

Послѣднія книжки нашихъ журналовъ изобилуютъ историко-литературными матеріалами, имѣющими общій интересъ, такъ какъ касаются любимѣйшихъ русскою публикою писателей.

На первомъ мѣстѣ изъ такихъ матеріаловъ мы ставимъ напечатанную въ третьемъ нумерѣ *„Русской Старины“* статью *Н. Гутьяра „И. С. Тургеневъ и В. П. Боткинъ“*, статью хотя и компилятивную, составленную на основаніи воспоминаній и переписокъ разныхъ писателей, но, во всякомъ случаѣ, очень цѣнную, такъ какъ она даетъ достаточный запасъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно придти къ опредѣленнымъ заключеніямъ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ выдающихся людей сороковыхъ годовъ.

Личныя отношенія между Тургеневымъ и Боткинымъ завязались въ кружкѣ Бѣлинскаго, память о которомъ была одинаково священна для нихъ обоихъ, и быстро приняли дружескій характеръ. Въ теченіе этого періода друзья-писатели очень часто живутъ вмѣстѣ: весь май 1855 г. Боткинъ проводитъ въ с. Спасскомъ, цѣлую зиму 1857 и 58 гг. они живутъ неразлучно въ Италіи, а зиму 1861 и 62 гг. въ Парижѣ. Судя по воспоминаніямъ Щербаня („Русскій Вѣстникъ“ 1890 г.), Боткинъ относился къ малопрактичному Тургеневу совсѣмъ какъ нянюшка, простирая заботы свои о немъ до мелочей. Самъ Иванъ Сергѣевичъ не разъ подтверждалъ это въ своихъ письмахъ Такъ, 22-го мая 1860 г. онъ писалъ, напр., Анненкову: „Боткинъ, зайдя ко мнѣ, чуть не прибилъ моего портного за то, что онъ хочетъ мнѣ сдѣлать пиджакъ съ таліею; портной трепетно извинялся, а Василій Петровичъ with a wittering smile (съ надменной улыбкой): Mais c'est une infamie, monsieur (вѣдь это низость, государь мой)“. А немного ранѣе Тургеневъ разсказывалъ такой эпизодъ: „Сошлись мы съ нимъ (Боткинымъ) за обѣдомъ въ большомъ берлинскомъ отелѣ (1858 г.). Заговорившн съ сидѣвшимъ противъ меня гостемъ, я упомянулъ о необычайномъ приростѣ городского населенія и замѣтилъ, что давно-ли мы учили по географіи, что въ Берлинѣ 400.000, а вотъ ихъ уже 700 тысячъ. Это нѣсколько преувеличено, — сказалъ мой собесѣдникъ, — такъ какъ ихъ всего неполныхъ 600.000. При этомъ возражающій ссылался на то, что ему, какъ здѣшнему жителю, это должно быть хорошо извѣстно. Я не уступалъ, и завязалось пари на два золотыхъ, которое нѣмецъ взялся немедля разрѣшить, сходивши въ свой номеръ за гидомъ. Когда онъ вышелъ изъ-за-стола, Боткинъ, сидѣвшій рядомъ со мною, излилъ на меня всю желчь, вѣроятно, возбужденную въ немъ необычнымъ эпизодомъ во время методическаго трапезованія.

Digitized by Google

— Вотъ это чисто русское, растрепанное многознайство! Вотъ такъ-то мы по всему свѣту развозимъ свое невѣжество! Мнѣ стыдно подлѣ тебя сидѣть.—Нашелъ, съ кѣмъ спорить! Съ туземцемъ! Я очень радъ, что онъ тебя оштрафуетъ за твое позорное русское хвастовство.

Я уткнулся носомъ въ тарелку и замеръ подъ его безпощадными упреками. Вдругъ чувствую руку на своемъ правомъ плечѣ, и споривший со мною нѣмецъ, шепнувши мнѣ на ухо: „извините, я проигралъ“, положилъ около моей тарелки два наполеона.

— Кельнеръ,—сказаль я,—бутылку шампанскаго!

Надо было видѣть сладчайшій медъ, которымъ засіяло лицо Боткина.

— Молодецъ, молодецъ!—воскликнулъ онъ, гладя меня по правому рукаву“.

Добродушный Тургеневъ на непрошенную опеку Боткина нисколько не сердился и лишь, когда тотъ слишкомъ начиналъ выказывать свою заботливость, говаривалъ ему: „что ты мнѣ за дядька дался“; надъ сибаритствомъ же и раздражительностью своего пріятеля онъ только подшучивалъ, величая его то „дономъ Базиліемъ“, то „старцемъ Василіемъ“, или „новоявленнымъ исповѣдникомъ“. Впослѣдствіи же, когда эпикуреизмъ Боткина развился до крайностй, между пріятелями наступило замѣтное охлажденіе, и шутливыя замѣчанія Тургенева постепенно вытѣснились другими—рѣзкими уже. Такъ, въ 1857 г. онъ писалъ Анненкову (изъ Рима): „Боткинъ здоровъ, я съ нимъ ежедневно вижусь, но я не живу съ нимъ. Въ его характерѣ есть какая-то старческая раздражительность,—эпикуреецъ въ въ немъ то и дѣло пищитъ и кнснетъ; очень ужъ онъ заразился художествомъ“. А черезъ 4 года тому же лицу онъ сообщаетъ (изъ Парижа): „Боткину немного лучше, и есть надежда на окончательное выздоровленіе. Но если бы вы знали, какъ безобразно грубо выступилъ въ немъ эгоистъ, это даже поразительно! Охъ, Павелъ Васильевичъ, въ каждомъ человѣкѣ сидитъ звѣрь, укрощаемый одною только любовью“. А еще позже онъ же пишетъ: „Коли Боткина не будетъ въ Петербургѣ, я на его квартирѣ остановлюсь, а то ужъ въ прошломъ году отзывало отъ него трупомъ, да еще ядовитымъ“.

Въ общемъ же Тургеневъ относился къ Боткину очень снисходительно и старался видѣть въ немъ неудачника, горемыку, и этотъ взглядъ свой высказалъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Анненкову изъ Бадена (въ 1864 г.). „Боткинъ—писалъ онъ—здѣсь замиралъ и таялъ отъ нѣги, что не помѣшало ему съ остервенѣніемъ и скрежетомъ зубовъ отправиться къ Фету, у котораго онъ выстроилъ флигель, стоившій ему 1.500 рублей сер.! Вотъ человѣкъ—осудилъ себя на добровольное мученичество! А впрочемъ, я думаю, его тоска гложетъ и гонитъ съ мѣста на мѣсто“.

По случаю смерти Боткина Тургеневъ въ письмѣ все къ тому-же Анненкову произноситъ такой суровый отзывъ о своемъ другѣ: „Давно не исчезало съ житейской сцены человѣка, столь способнаго наслаждаться жизнью, это былъ своего рода талантъ; но неумолимая судьба не щадитъ и талантовъ. Товарищемъ меньше! Съ братьями своими и пр. онъ поступилъ хорошо, но наше бѣдное общество (литературный фондъ) осталось въ его глазахъ недостойнымъ козлищемъ. Удивительно ретроградные инстинкты и предубѣжденія сидѣли въ этомъ московскомъ купеческомъ сынѣ. Не хуже любого прусскаго junker'а или николаевскаго генерала... Литература для него все-таки отзывалась чѣмъ-то въ родѣ бунта“! Письмомъ же къ Фету Иванъ Сергѣевичъ смягчаетъ свой отзывъ: „Итакъ, Василія Петровича не стало. Жалко его не какъ человѣка, а какъ товарища... Себялюбивое сожалѣніе! Умница былъ, а хоть и говорятъ, что „l'esprit court les rues“, но только не у насъ въ Россіи... Да, у насъ и улицъ мало“.

Заслуживаютъ вниманія и отзывы Боткина о произведеніяхъ Тургенева. Въ статьѣ г. Гутьяра всѣ они сконцентрированы воедино, что даетъ возможность сразу же въ нихъ разобраться. Въ этихъ отзывахъ сказался „тонкій и вѣрный вкусъ“ Боткина, который, чуть-ли не одинъ изъ всѣхъ друзей Тургенева, сумѣлъ сдѣлать надлежащую и разностороннюю оцѣнку его наиболѣе крупныхъ произведеній. Онъ стоялъ выше современниковъ и отнесся безъ предвзятыхъ взглядовъ къ его боевымъ романамъ, несмотря на то, что судилъ ихъ прежде всего съ эстетической точки зрѣнія. Вотъ какъ охарактеризовалъ Боткинъ Тургенева:

Digitized by Google

„Какая прелесть „Записки Охотника“,— писалъ онъ Анненкову въ 1847 году,— „Пѣночкинъ“ (т. е. разсказъ „Бурмистръ“) и „Контора“, помѣщенныя въ 10-мъ нумерѣ „Современника“. Какой артистъ Тургеневъ! Я читалъ ихъ съ такимъ же наслажденіемъ съ какимъ, бывало, разсматривалъ золотыя работы Челлини“ (итальянскаго золотыхъ дѣлъ мастера эпохи возрожденія). Въ февралѣ слѣдующаго года онъ писалъ тому-же Анненкову: „Записки охотника“ Тургенева доставили мнѣ истинное наслажденіе, и въ этомъ отношеніи я совершенно расхожусь съ мнѣніемъ Бѣлинскаго. Каждый изъ разсказовъ прекрасенъ по своему, и я въ затрудненіи, которому изъ нихъ отдать преимущество. Больше всего восхищаетъ меня въ нихъ артистичность рисунка, поэтическое чувство природы и, что важно, русской природы и тонкая наблюдательность“. О драматическихъ произведеніяхъ Тургенева Боткинъ отзывается сдержаннѣе: „Нахлѣбникъ“ Тургенева очень хорошъ, хотя основной мотивъ и не совсѣмъ идетъ къ русской жизни. На сценѣ эта пьеса произвела бы фуроръ, и Щепкинъ былъ бы превосходенъ“,—писалъ онъ 10-го марта 1849 г. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ самому Тургеневу (1852 г.) онъ, сообщивъ Ивану Сергѣевичу слова Гоголя, высказанныя за два мѣсяца до смерти послѣдняго, что „во всей теперешней литературѣ больше всѣхъ таланта у Тургенева“, прибавляетъ: „меня этотъ отзывъ такъ обрадовалъ, что я не могу тотчасъ же не сообщить его тебѣ. Я совершенно согласенъ съ этимъ. Только ты больно лѣнивъ и неусидчивъ у меня—вотъ что плохо. Я знаю, что „Свои люди“ Островскаго великолѣпная вещь, а все-таки сочности и таланта, поэтическаго таланта, въ тебѣ больше. Только, можетъ быть, не для театра“. Черезъ годъ, также въ письмѣ къ самому писателю онъ, между прочимъ, такъ характеризуетъ манеру его творчества: ея „отличительную черту составляетъ тонкій артистическій юморъ, который безпрестанно задѣваетъ читателя то оригинальною метафорой, то неожиданнымъ сравненіемъ, то поэтическимъ, быстро мелькающимъ взглядомъ (и тѣмъ оно дороже!) но постоянно держитъ умъ его en éveil“.

О „Наканунѣ“ Боткинъ отозвался въ письмѣ къ Фету отъ 20-го марта 1860 года такъ: „Несмотря на всѣ недоразумѣнія, „Наканунѣ“ я прочелъ съ наслажденіемъ. Я не знаю есть-ли въ какой повѣсти Тургенева столько поэтическихъ подробностей, сколько ихъ разсыпано въ этой. Словно онъ самъ чувствовалъ небрежность основныхъ линій зданія и, чтобы, скрыть эту небрежность, а можетъ быть и неопредѣленность фундаментальныхъ линій, онъ обогатилъ ихъ превосходнѣйшими деталями, какъ иногда дѣлали строители готическихъ церквей. Для меня эти поэтическія, истинно художественныя подробности заставляютъ забывать о неясности цѣлаго. Какіе озаряющіе предметы эпитеты, да, солнечные эпитеты, неожиданные, вдругъ раскрывающіе внутреннія перспективы предметовъ. Правда, что несчастный болгаръ рѣшительно не удался; всепоглощающая любовь его къ родинѣ такъ слабо очерчена, что не возбуждаетъ ни малѣйшаго участія, а вслѣдствіе этого и любовь къ нему Елены болѣе удивляетъ, нежели трогаетъ. Успѣха въ публикѣ эта повѣсть имѣть не можетъ, ибо публика вообще читаетъ по-утинному и любитъ глотать цѣликомъ. Но я думаю, едва-ли найдется хоть одинъ человѣкъ съ поэтическимъ чувствомъ, который не проститъ повѣсти всѣ ея математическіе недостатки, за тѣ сладкія ощущенія, которыя пробудятъ въ душѣ его ея нѣжныя, тонкія и граціозныя детали. Да, я заранѣе согласенъ со всѣмъ, что можно сказать о недостаткахъ этой повѣсти, и, все-таки, я считаю ее прелестною. Правда, что она не тронетъ, не заставитъ задуматься, но она повѣетъ ароматомъ лучшихъ цвѣтовъ жизни“.

Послѣднее крупное произведеніе Тургенева, появившееся при жизни Боткина,— „Дымъ“—вызвало такой его отзывъ: „Иванъ Сергѣевичъ читалъ мнѣ свою новую повѣсть. Тутъ нѣтъ и тѣни похожаго на „Призраки“ или „Собаку“. Это настоящая сочная повѣсть съ его извѣстными достоинствами и съ меньшими противъ прежняго недостатками“ (письмо къ Фету отъ 14-го марта 1867 г.).

Отъ „Отцовъ и дѣтей“ Боткинъ, по словамъ г. Щербаня („Русскій Вѣстникъ“ 1890 г.), былъ въ положительномъ восхищеніи. Самъ Тургеневъ писалъ К. К. Случевскому 14-26-го апрѣля 1862 года: „До сихъ поръ Базарова совершенно поняли,

Digitized by Google

то-есть поняли мои намѣренія, только два лица: Достоевскій и Боткинъ". Послѣдній боялся лишь одного, слѣдя за окончательной отдѣлкой „Отцовъ и дѣтей"—излишней какъ бы придирчивости Тургенева къ частностямъ романа, выражавшейся въ безконечныхъ, по его мнѣнію, поправкахъ.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, матеріалъ, опубликованный г. Гутьяромъ; безъ сомнѣнія онъ поможетъ хоть немного разсѣять тѣ неправильные выводы и невѣрныя ссылки, которые дѣлались почти каждый разъ при обсужденіи взаимныхъ отношеній знаменитаго романиста-художника и тонкаго цѣнителя всего изящнаго.

На страницахъ той же книжки „*Русской Старины*" пріютились три неизданныя до сего времени басни знаменитаго Крылова. Басни эти названы шуточными и извлечены г. Ильинскимъ изъ поступившихъ въ 1901 г. въ императорскую публичную библіотеку автографовъ Ивана Андреевича, принадлежавшихъ нѣкогда семейству Олениныхъ. Басни эти, по удостовѣренію г. Ильинскаго, были написаны въ мызѣ Олениныхъ, близъ Петербурга, „Пріютинѣ", гдѣ часто бывалъ Крыловъ и гдѣ собирался, такъ называемый, Оленинскій кружокъ. Изъ забавъ пріютинскаго общества была очень въ ходу игра въ шарады, и, по разсказамъ очевидцевъ (см. ст. П. М. Устимовича въ „Русс. Старинѣ" 1890 г., VIII, стр. 389), особенно уморителенъ былъ въ этой игрѣ Крыловъ, когда онъ изображалъ различныхъ героевъ своихъ басенъ. Г. Ильинскій естественно предполагаетъ, что, по всей вѣроятности, для одной изъ такихъ игръ и, можетъ быть, во время одной изъ такихъ игръ и были написаны шуточныя басни.

Рукопись съ баснями состоитъ изъ трехъ небольшихъ, in 4°, листовъ синей бумаги, перешитыхъ черными шелковыми нитками. На верху перваго листа рукою В. А. Олениной написано: „Шуточныя басни И. А. Крылова въ Пріютинѣ". Басни эти, безусловно, представляютъ интересъ, а потому мы ихъ и перепечатываемъ;

I. Паукъ и громъ.

Передъ окномъ
Былъ домъ.
Ударилъ громъ,
И со стѣны паукъ
Вдругъ стукъ,
Упалъ, лежитъ,
Разинулъ ротъ, оскалилъ зубы,
И шопотомъ сквозь губы
Вотъ что кричитъ:
„Когда-бъ осломъ
Я созданъ былъ Зевесомъ,
Ходилъ бы лѣсомъ:
Меня бы громъ,—
Тряся окномъ
И домъ,—
Съ стѣны не могъ стряхнуть".

Насъ чаще съ высоты стараются спихнуть.

II. Оселъ и заяцъ.

Оселъ не птица,—
Онъ не горазд летать;
Однако жъ для него не въ первый разъ хвастать,
Мычать
И родъ звѣрей всѣхъ увѣрять,
Что молодецъ и онъ летать,
Что онъ подъ облака взовьется, какъ синица
Или царица—
Орлица.
А заяцъ тутъ: „ну, ну-тка! Полети"!
— „Ахъ ты, косой трусиха!"—
Оселъ рычитъ:—„летаю, какъ орлиха,
Но не хочу"!—„Пожалуй, захоти"!—
Такъ мудро заяцъ отвѣчаетъ.
Оселъ бѣжитъ, скакаетъ,
И въ яму хлопъ.

Не суйся въ ризы, коль не попъ!

III. Комаръ и волкъ.

Комаръ
Жилъ у татаръ
Иль у казаръ.
Вдругъ волкъ
Къ нимъ въ двери толкъ,
Давай кричать
И комара кусать.
Комаръ испугался,
На печку забрался.
Тутъ волкъ ему:
„Съ печи тебя стяну"!
А тотъ: „нѣтъ, не достанешь.
Устанешь,
Отстанешь"!
А волкъ
Вдругъ скокъ
Къ нему тутъ на полати,

Digitized by Google

Да вотъ его и проглотилъ.
А самъ таковъ и былъ.

И мнѣ пришло сказать тутъ кстати,
Что сильный слабаго не дивно погубилъ.

Огромнѣйшій интересъ для всякаго читателя представляетъ напечатанная въ апрѣльской книжкѣ *„Русскаго Богатства“* статья г. *Горнфельда „Русскія женщины Некрасова въ новомъ освѣщеніи“*. Статья эта написана талантливымъ изслѣдователемъ литературы по поводу появившихся недавно въ печати, „Записокъ княг. М Н. Волконской“, безусловно имѣющихъ большое общественное значеніе и историко-литературную цѣнность.

Для критики Некрасова „Записки Волконской“, по мнѣнію г. Горнфельда, чрезвычайно важны, —это тѣ самые мемуары, которые въ поэтическомъ воспроизведеніи всѣмъ извѣстны чуть-ли не съ самаго дѣтства по „Русскимъ женщинамъ“; они даютъ новые и драгоцѣнные матеріалы для исправленія ряда критическихъ ошибокъ, для разрушенія многихъ предразсудковъ, связанныхъ съ „Русскими женщинами“ и, какъ лучшій результатъ всего этого, для выясненія творческой и нравственной личности знаменитаго поэта.

Среди критики утвердилось предположеніе, будто Некрасовъ, познакомившись по доступнымъ ему источникамъ съ жизнью княгини Волконской, сочинилъ ея воспоминанія, подставляя ей свои впечатлѣнія, опираясь на свои поэтическія—и политическія—соображенія, а больше всего на свою выдумку. Держась такого предположенія критика вполнѣ законно, конечно, обсуждала и оцѣнивала съ точки зрѣнія внутренней цѣлесообразности самые факты, излагаемые поэтомъ, и въ случаѣ нужды просто подвергала ихъ сомнѣнію, доказывала при посредствѣ логическихъ и психологическихъ соображеній, что тотъ или иной эпизодъ въ поэмѣ неестественъ, не реаленъ, не могъ имѣть мѣста въ жизни и т. д.

Путемъ сличенія появившихся „Записокъ Волконской“ съ „Русскими женщинами“ г. Горнфельдъ пришелъ къ заключенію, что Некрасовъ былъ знакомъ съ этими записками и по нимъ писалъ вторую часть извѣстной поэмы. О томъ же есть ссылка и въ самыхъ мемуарахъ, въ предисловіи издателя ихъ князя М. С. Волконскаго. „Съ Некрасовымъ—разсказываетъ онъ—я былъ знакомъ долгіе годы. Насъ сблизила любовь моя къ поэзіи и частыя зимнія охоты, во время которыхъ мы много бесѣдовали, причемъ я, однако же, обходилъ разговоры о сосланныхъ въ Сибирь, не желая, чтобъ они проникнули несвоевременно въ печать... Разъ онъ, пріѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что пишетъ о моей матери, и просилъ меня дать ему ея „Записки“, о существованіи которыхъ ему было извѣстно; отъ этого я отказался наотрѣзъ, такъ какъ не сообщалъ до тѣхъ поръ этихъ „Записокъ“ никому, даже людямъ, мнѣ наиболѣе близкимъ.

„Ну, такъ прочтите мнѣ ихъ,—сказалъ онъ мнѣ. Я отказался и отъ этого. Тогда онъ сталъ меня убѣждать, говоря, что данныхъ о княгинѣ Волконской у него гораздо меньше, чѣмъ о княгинѣ Трубецкой, что образъ ея выйдетъ искаженнымъ, невѣрными явятся и факты, и что мнѣ первому это будетъ непріятно и тяжело, а опроверженіе будетъ для меня затруднительно. При этомъ онъ давалъ мнѣ слово принять всѣ мои замѣчанія и не выпускать поэмы безъ моего согласія на всѣ ея подробности. Я просилъ дать мнѣ нѣсколько дней на размышленіе, еще разъ перечелъ „Записки“ моей матери, въ концѣ концовъ, согласился не смотря на то, что мнѣ была крайне непріятна мысль о появленіи поэмы весьма интимнаго характера и основанной на разсказѣ, который въ то время я не предполагалъ предавать печати. Некрасовъ по-французски не зналъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы понимать текстъ при чтеніи, и я долженъ былъ читать, переводя по русски, причемъ онъ дѣлалъ замѣтки карандашемъ въ принесенной имъ тетради“.

Изъ этого отрывка уже ясно видно, что общіе контуры поэмы опредѣлились для поэта „Записками“, и что подъ ихъ вліяніемъ онъ избралъ форму воспоминаній. Г. Горнфельдъ цѣлымъ рядомъ сопоставленій поэмы съ записками наглядно доказываетъ, какъ бережно поэтъ отнесся къ своему драгоцѣнному оригиналу и какъ внимательно онъ слѣдилъ за нимъ. Тѣми же сопоставленіями онъ опровергаетъ и цитируемыя

Digitized by Google

имъ въ изобиліи указанія критики на промахи, пробѣлы, психологическія невѣроятности и логическія несообразности, которыя „неискренній, тенденціозный поэтъ внесъ въ свое произведеніе, то подъ вліяніемъ агитаціонныхъ соображеній, то по глубокому прозаизму своего сочинительства, то просто по невѣжеству“.

Мы не будемъ перепечатывать дѣлаемыхъ г. Горнфельдомъ сравненій нѣкоторыхъ мѣстъ поэмы съ подлинникомъ ея и ограничимся лишь заключительными словами его: ...„теперь мы видимъ, что творчество въ извѣстной степени заключалось въ выборѣ болѣе цѣнныхъ для характеристики и настроенія эпизодовъ, что оттѣнки, которыя представлялись намъ правдой поэзіи, были также правдой дѣйствительности. Когда мы дождемся, наконецъ, научно комментированнаго изданія произведеній Некрасова, въ примѣчанія къ „Русскимъ женщинамъ“ придется перенести чуть не цѣликомъ „Записки“ княгини М. Н. Волконской, вплоть до того момента, гдѣ разстался съ нею ея поэтъ. И тогда хулители Некрасова, вмѣсто того, чтобы говорить, какъ они говорили до сихъ поръ: „какая это поэзія,—это все выдумки!“—станутъ говорить: „какая это поэзія, —здѣсь нѣтъ выдумки!“ Неправы они, въ обоихъ случаяхъ: на то они и хулители, чтобы быть неправыми. Но все же изъ двухъ крайностей вторая ближе къ истинѣ; и сличеніе мелочей съ особенною ясностью показываетъ, какъ мало вымысла въ поэмѣ Некрасова“.

Самой крупной беллетристическою вещью въ послѣднихъ книжкахъ журналовъ нужно считать повѣсть г. *Погорѣлова „Омутъ“*, напечатанную въ мартовскомъ и апрѣльскомъ нумерахъ *„Русскаго Богатства“*.

Вещь эта съ перваго впечатлѣнія кажется и немножко тяжеловѣсной, и длинноватоскучноватой, но это только съ перваго раза. Въ дѣйствительности же она интересна и по своему сюжету, и по своей тонкой обрисовкѣ различныхъ классовъ современнаго общества и, слѣдовательно, по выведеннымъ типамъ.

Центральная фигура повѣсти—Бутылинъ—вырисованъ г. Погорѣловымъ размашистою и сочною кистью. Когда-то герой этотъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ мелкихъ золотоискателей, которые, не вылѣзая изъ долговъ, годами бьются, какъ рыба объ ледъ, порой доходя до совершенной нищеты, но никогда не теряя надежды на слѣпое счастье, которое вдругъ, въ одну минуту можетъ вывести изъ темныхъ дебрей на широкій просторъ и вознаградить сторицею за годы труда и лишеній. Дѣла его были совсѣмъ плохи, когда онъ случайно встрѣтился съ другомъ своего дѣтства, такимъ же золотоискателемъ, какъ и самъ, Ваней Сальниковымъ, съ которымъ не видался около десяти лѣтъ. Сальниковъ только-что напалъ на „золотишко“ и поэтому случаю находился въ восторженно ликующемъ настроеніи. Онъ обрадовался старому пріятелю и съ первыхъ же словъ сталъ звать его въ компаніоны. Бутылинъ, конечно, согласился, тотчасъ же перебрался на пріискъ товарища и круто принялся за работу. На пріискѣ сразу почувствовалось, что предпріятіе перешло въ умѣлыя и крѣпкія руки. Дѣла пошли шибко въ гору, и черезъ пять лѣтъ товарищи были уже богачами, имѣли нѣсколько богатыхъ пріисковъ, десятки служащихъ и тысячи рабочихъ... Но въ это то самое время разразилась ужасная катастрофа. По мѣрѣ того, какъ самъ Сальниковъ постепенно устранялся отъ всякихъ дѣлъ, положившись во всемъ на компаніона, и ставъ все больше и больше запивать, Бутылинъ съ большою настойчивостью и осторожностью, шагъ за шагомъ переводилъ имущество и капиталы на себя, заставляя безпечнаго и довѣрчиваго друга подписывать всякія обязательства, бумаги и векселя. Въ результатѣ Сальниковъ раззорился, у него продали съ молотка все имущество, онъ умеръ отъ паралича сердца, семья пошла по міру... А Бутылинъ? Онъ быстро пошелъ въ гору и черезъ короткое время считался уже въ милліонахъ.

Онъ занялъ видное мѣсто въ промышленномъ мірѣ и сталъ крупной общественной силой.

Въ семейной жизни онъ, впрочемъ, не былъ счастливъ. Его жена, неграмотная и недалекая женщина, разжирѣвшая отъ хорошаго житья, съ нѣкотораго времени находилась въ состояніи полнаго отупѣнія, близкаго къ идіотизму, много ѣла, почти не двигалась и все ждала какой-то бѣды. Сынъ Петръ, на котораго отецъ возлагалъ

Digitized by Google

большія надежды, за какую-то исторію былъ исключенъ изъ горнаго института, сбился съ пути, сталъ пить и женился на артисткѣ. Бутылинъ послалъ ему заочное проклятіе и не велѣлъ показываться на глаза. Черезъ годъ, однако, Петръ пріѣхалъ съ женой, испитой, голодный и нищій. Произошла ужасная семейная сцена, отецъ еще разъ проклялъ сына и выгналъ его изъ дому. Петръ запилъ мертвую, жена отъ него вскорѣ ушла, и онъ какъ-то чрезвычайно быстро превратился въ форменнаго золоторотца. Иногда украдкой, съ чернаго крыльца, онъ приходилъ къ матери, и та, какъ нищаго, принимала его въ кухнѣ, плакала, кормила объѣдками, снабжала старыми вещами и провизіей, но денегъ никогда не давала. Отецъ никогда о немъ не справлялся, даже запретилъ говорить о немъ въ своемъ присутствіи.

Дочь, горбатая и кривобокая, съ лицомъ, испорченнымъ оспой, была безобразна; Бутылинъ стыдился показывать ее въ люди и вмѣстѣ съ женой держалъ въ заточеніи.

Была у Бутылина мать, восьмидесятилѣтняя старуха, которая, осудивъ его за „мірское прельщеніе“, ушла отъ него и поселилась въ скитахъ, въ лѣсныхъ дебряхъ Корчевской заводской дачи. Она пользовалась большимъ почетомъ со стороны окрестнаго населенія за свою строгую жизнь и, вмѣстѣ съ другими скитскими отшельницами, питалась приношеніями добрыхъ людей.

Вотъ каковъ типъ героя повѣсти „Омутъ“. Г. Погорѣловъ сумѣлъ вывести его съ замѣчательной тщательностью. Особенно же удалось ему изображеніе душевныхъ мукъ и угрызеній совѣсти Бутылина при всякихъ напоминаніяхъ о Ванѣ Сальниковѣ, томъ, самомъ, котораго онъ до ниточки обобралъ и за счетъ котораго возвеличился до виднаго общественнаго положенія. Ваня Сальниковъ положительно не даетъ шагу ступить Бутылину, онъ всюду воскресаетъ у него въ памяти и въ результатѣ доводитъ его до галлюцинацій. Бутылинъ, повторяемъ, очень удался г. Погорѣлову и въ немъ авторъ вполнѣ обнаружилъ свою способность къ наблюдательности психологическихъ явленій.

Артистически же обрисована авторомъ и вся окружающая героя обстановка. Бутылинъ, какъ видѣлъ читатель, крупный золотопромышленникъ, и кромѣ того большой дѣлецъ въ области благотворительности. Слѣдовательно, ему приходится вращаться среди очень разнообразныхъ слоевъ общества. И этимъ обстоятельствомъ авторъ повѣсти возпользовался во всю ширь. Въ „Омутѣ“ передъ вами проходитъ нескончаемая шеренга разнообразнѣйшихъ типовъ. Бутылину вздумалось снять въ аренду обширный казенный горный заводъ, и г. Погорѣловъ изображаетъ цѣлый кадръ чиновниковъ, и старыхъ и младыхъ, инженеровъ со слишкомъ большими аппетитами изъ учрежденія, вѣдающаго разрѣшенія подобныхъ дѣлъ, останавливаясь попутно и на порядкахъ, царящихъ въ немъ, Въ другой разъ заблагоразсудилось своенравному милліонеру поблаготворить, и у г. Погорѣлова опять готовъ длиннѣйшій рядъ картинъ. Передъ вами встаютъ и дамскіе филантропическіе комитеты, и благотворительные базары и маскарадные вечера; и дѣтскіе пріюты, устраиваемые различными патронессами прежде всего ради флирта либо съ вліятельными предсѣдателями, либо съ ихъ молодыми, подающими надежды, секретарями.

Вырисовываетъ свои этюды г. Погорѣловъ поразительно детально и тонко, Перелистывая страницу за страницей „Омута“, испещренныя самыми разнохарактернѣйшими повѣствованіями, прямо поражаешься умѣлости автора оріентироваться въ такой массѣ матеріала. Правда, иногда подъ вліяніемъ этихъ повѣствованій забываешь и героя повѣсти, но это только на время; онъ тотчасъ же встаетъ опять и начинаетъ вновь овладѣвать вашимъ вниманіемъ.

Дѣйствуетъ Бутылинъ въ повѣсти и въ качествѣ отца неудавшагося сына. Конечно, онъ болѣе склоненъ къ деспотизму, но все же у него сказываются и добрые порывы. Когда онъ встрѣчаетъ случайно своего спившагося сына, превратившагося въ „бывшаго человѣка“, онъ негодуетъ, отвертывается и открещивается отъ него; но потомъ идетъ самъ на встрѣчу ему, отыскиваетъ его въ какомъ-то притонѣ и стремится устроить ему покой у себя на барской квартирѣ. Семейная обстановка милліонера, разумѣется, скоро надоѣдаетъ босяку, и тотъ вновь вырывается на свободу изъ подъ родительскаго крова.

Заканчивается повѣсть г. Погорѣлова

Digitized by Google

печально: на торжественномъ обѣдѣ, устроенномъ городомъ въ честь мѣстнаго дѣятеля, Бутылина поражаетъ апоплексическій ударъ, отъ котораго онъ и умираетъ.

Языкъ повѣсти очень выдержанъ, гладокъ, что обнаруживаетъ въ г. Погорѣловѣ образцоваго стилиста и дѣлаетъ чтеніе его повѣсти, не смотря на ея обширность, вовсе не утомительнымъ.

На страницахъ той же апрѣльской книжки *„Русскаго Богатства“* помѣщенъ небольшой симпатичный очеркъ *В. К-ва*, носящій заголовокъ *„Искусники“* и представляющій изъ себя отрывокъ изъ воспоминаній врача о Карійской каторгѣ. Подъ „искусниками“ въ очеркѣ разумѣются тѣ арестанты, которые искусны въ разныхъ ремеслахъ.

По приходѣ партіи арестантовъ на Кару, при первой же провѣркѣ одежды, обуви и т. д. особой коммиссіей, послѣдняя обращала вниманіе на выборъ мастеровыхъ для тюремныхъ мастерскихъ, которыя сосредоточивались на Нижней Карѣ и Усть-Карѣ. Нижняя пересыльная тюрьма, гдѣ обыкновенно производился пріемъ и осмотръ партій, бывала почти сплошь набита мастеровыми всякаго рода. Въ нее приходили ювелиры, рѣзчики, повара, модистки, шляпочницы и тому подобный мастеровой людъ, повидимому, совершенно непригодный для мастерскихъ каторги, но и этотъ особый видъ мастеровыхъ оставлялся на Нижнемъ промыслѣ: „на всякій случай, можетъ встрѣтиться надобность, оно и готово“.

И нужда въ такой надобности у обывателей карійскихъ ощущалась очень часто, тѣмъ паче, что они были очень охочи до даровопго труда, который и позволялъ мѣстнымъ чиновникамъ-администраторамъ большой и малой руки имѣть превосходной работы экипажи, сбрую, роскошныя золотыя вещи и разные предметы для услады своей жизни, а также устраивать при содѣйствіи ходячихъ поваровъ-арестантовъ лукуловскіе обѣды, а женамъ ихъ—наряжаться въ шляпки, кофты, платья ранѣе невиданныхъ фасоновъ.

Очеркъ г. *К-ва* полонъ типичныхъ картинокъ изъ жизни арестантскихъ тружениковъ, въ среду которыхъ часто попадали, конечно, и тунеядцы, лѣнтяи и мошенники. Изъ всѣхъ же изображенныхъ авторомъ фигуръ наибольшій интересъ представляетъ фигура шестидесяти-пятилѣтняго повара Горячаго, пришедшаго на каторгу за убійство трехъ человѣкъ помѣщичьей семьи. Этотъ полупомѣшанный старикъ вызываетъ одно лишь сожалѣніе. Горько и тяжело слышать изъ устъ его слѣдующую характерную тираду о каторжной жизни и воспоминаніяхъ о своемъ преступленіи: — „Наше житье“?.. Наше житье—встаешь да за вытье... Что въ томъ, что я поваръ? За двадцать лѣтъ каторги — пирога хорошаго не пришлось сдѣлать,—шиломъ работать приходится. Ха, ха, ха! повару Горячему шиломъ?! Понимаешь ты? повару шиломъ... а? Тьфу! Поваръ его сіятельства графа Гремучаго пропадаетъ ни за копѣйку. Нѣтъ, ты скажи: зачѣмъ тиранствовалъ? Зачѣмъ Марьюшку мою изнахрапилъ... а? По какому такому праву? Думалъ такъ пройдетъ? вре-е-е-шь! Не грѣши черезъ край!.. Не насильствуй, не озорничай!.. Господь все видитъ: Горячаго проститъ! Проститъ Онъ, всемилосердный, у Него, братъ, плетей, тюремъ не положено, всякъ отвѣтитъ... Онъ разберетъ!.. Горячій убилъ, а его-то какъ били? Въ три раза уб-и-и-ва-а-ли... Д-д а-а!.. Марью мою забили до смерти-за что... о-о? что она сдѣлала?! Я убивалъ; я—поваръ Горячій, я и въ отвѣтѣ... А Марьюшку-то? За-б-и-и-л-и! Женой Горячаго хотѣла быть; барину понравилась... Н-ѣ-ѣ-тъ, вр-е-е-шь! Не все можно дѣлать, ваше сіятельство... Каторга?! что каторга? Тьфу!.. Умремъ всѣ, братцы мои, всѣ тамъ будемъ, а поддаваться,—вр-е-е-шь!“

На грустныя мысли наводятъ такія разсужденія, а ими переполненъ очеркъ г. К-ва, что, однако, нисколько не отталкиваетъ отъ него читателя, а, наоборотъ, притягиваетъ, благодаря правдивости и естественности тона, съ которымъ ведетъ свой разсказъ авторъ.

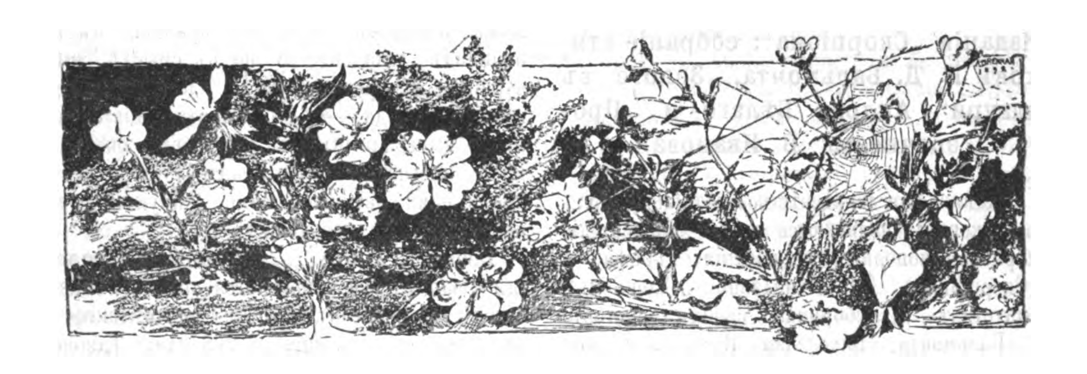
Пошлъ и цинично грубъ другой очеркъ, напечатанный въ томъ же самомъ *„Русскомъ Богатствѣ“*, подъ заглавіемъ *„Обыватели“*, принадлежащій перу г. *Лучинской*. Очеркъ этой дамы всецѣло посвященъ разсказу о томъ, какъ дѣвушка Устиньюшка, живущая „въ услуженіи“ у старика, повидимому, отставнаго чиновника,

Digitized by Google

и состоящая въ полномъ его обладаніи, захотѣла избавиться отъ предстоящихъ родовъ. „Добрые люди“ посовѣтовали обратиться ей къ банщицѣ Суслихѣ, знающей очень тонко дѣло своей спеціальности. „Дѣвонька“, конечно, послушалась друзей, и Суслиха, подъ разсказъ о важныхъ барыняхъ, обращающихся къ ней также часто за совѣтами, воспроизвела всю надлежащую операцію. И это все довольно подробно разсказывается въ „Обывателяхъ“. Не знаемъ, быть можетъ, кого-либо изъ читателей подобная тема и займетъ, но насъ, говоря чистосердечно, отъ такого разсказа претитъ. Правда, г. Лучинская, не ограничивается исключительно эпизодомъ съ Устиньюшкой, ею введены въ очеркъ и другія дѣйствующія лица—братъ покровителя героини разсказа и его содержанка, командующая все время надъ Устиньюшкой. Братья, ранѣе спорившіе о политикѣ разныхъ иностранныхъ кабинетовъ, о сраженіяхъ и возстаніяхъ въ Испаніи, предвкушая рожденіе ребенка и заранѣе уже опредѣляя его мужской полъ, переносятъ тему спора съ политики на воспитаніе и образованіе дѣтей, и въ немъ проводятъ всѣ дни. Содержанки же этихъ братьевъ ежечасно ругаются, причемъ старшая, управительница всего дома (братья живутъ вмѣстѣ), является болѣе сильной и часто задаетъ изрядныя потасовки младшей, Устиньюшкѣ.

Думается, что очеркъ г. Лучинской долженъ только отвращать отъ себя всякаго читателя, имѣющаго хоть чуточку эстетическаго чутья.

Б. Г-цкій.

Изданія „Скорпіона": собраніе стиховъ К. Д. Бальмонта, „Золото въ лазури" Андрея Бѣлаго и „Прозрачность" В. Иванова.—Генрихъ Дюмоляръ.—Японія въ политическомъ и соціальномъ отношеніи.—Monuel Zoologique. A consulter pendant les cours et les travaux pratiques.—Международная Библіографія по физико-математическимъ наукамъ и естествознанію.—П. М. Майковъ. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ біографіи.—П. М. Бецкой. Другъ человѣчества. Краткій биографич. очеркъ.

Изданія „Скорпіона": собраніе стиховъ К. Д. Бальмонта, „Золото въ лазури" Андрея Бѣлаго и „Прозрачность" В. Иванова.

Осмѣиваемое декадентство все-таки пускаетъ свои корни: появляются новые декадентскіе журналы, пополняются изданія „Грифа" и „Скорпіона". Такъ, недавно „Скорпіонъ" выпустилъ 3 сборника своихъ поэтовъ: К. Бальмонта, Вячеслава Иванова и Андрея Бѣлаго.

Признавая декадентство, какъ нѣчто изломанное и больное, — результатъ больного вѣка и нашей нравственной неуравновѣшанности,—мы не можемъ, однако, не видѣть въ немъ, среди его изступленности и аффектацій, и глубокотаящихся, затерянныхъ здоровыхъ ростковъ, которые въ данный моментъ являются залогомъ будущаго возрожденія или, вѣрнѣе, выздоровленія. Они одни даютъ декадентству право на жизнь.

Въ декадентской поэзіи эти здоровые ростки съ особенной силой проглядываютъ у г. Бальмонта, сохранившаго тѣсную преемственность съ здоровымъ началомъ нашей литературы—Пушкинымъ. И намъ кажется, что если-бы г. Бальмонтъ забылъ свое причисленіе къ декадентамъ и вытекающую отсюда обязанность быть „внезапнымъ изломомъ" или, по крайней мѣрѣ, понималъ декадентство не въ смыслѣ вычурности и оригинальности, доходящей до какого-то бреда,—то его стихотворенія очень много выиграли-бы отъ этого: гдѣ онъ на мигъ забываетъ свое декадентство, тамъ предъ нами звучный стихъ, чарующій непосредственной поэтичностью.

Таковъ, напр. „*Лѣсной пожаръ*", гдѣ декадентство выражается только въ переходѣ отъ впечатлѣнія къ впечатлѣнію и въ передачѣ ихъ живыми красками. Таковы и небольшія стихотворенія, полныя вдумчивости, напр.:

Можно жить съ закрытыми глазами,
Не желая въ мірѣ ничего,
И навѣкъ проститься съ небесами,
И понять, что все кругомъ мертво.
Можно жить, безмолвно холодѣя,
Не считая гаснущихъ минутъ,
Какъ живетъ осенній лѣсъ, рѣдѣя,
Какъ мечты поблекшія живутъ.
Можно все завѣтное покинуть,
Можно все безслѣдно разлюбить,
Но нельзя къ минувшему остынуть,
Но нельзя о прошломъ позабыть!

или стихотвореніе „*Къ дальнему*" („*Замкнуться, какъ въ тюрьму, въ одну идею*" и т. д.), гдѣ поэтъ поднимается до высоты пушкинскаго стиха съ его звучностью, объективнымъ спокойствіемъ цѣльной натуры и мягкостью истинно поэтическихъ красокъ.

Digitized by Google

Самая возможность подняться до нея, при общей изломанности того направленія, къ которому примкнулъ г. Бальмонтъ,—свидѣтельствуетъ о силѣ его поэтическаго дара, который, развиваясь свободно, безъ натяжекъ со стороны теоретическихъ взглядовъ своего владѣльца, быть можетъ, дѣйствительно могъ-бы дать перлы поэзіи. Такое-же, полное элегической прелести стихотвореніе *„Затонъ“*, *„Если грустно тебѣ“*. Мило по своей простотѣ и звучности и стихотвореніе *„Глушь“*. Молодой энергіей и полнымъ жизни задоромъ вѣетъ отъ стихотворенія *„Гармонія словъ“*, гдѣ поэтъ говоритъ:

„Почему въ языкѣ отошедшихъ людей
Были громы пѣвучихъ страстей?
И намеки на звонъ всѣхъ временъ и пировъ,
И гармонія красочныхъ словъ?
Почему въ языкѣ современныхъ людей
Стукъ ссыпаемыхъ въ яму костей?
Подражательность словъ, точно эхо молвы,
Точно ропотъ болотной травы?
Потому, что, когда, молода и горда,
Между скалъ возникала вода,
Не боялась она прорываться впередъ.
Если станешь предъ ней,—такъ убьетъ.
И убьетъ, и зальетъ, и прозрачно бѣжитъ,
Только волей своей дорожитъ.
Такъ рождается звонъ для грядущихъ временъ,
Для теперешнихъ блѣдныхъ племенъ.

Но бѣда только въ томъ, что г. Бальмонтъ не даетъ воли своему поэтическому дару и самъ создаетъ себѣ злого генія, который мучитъ его:

„Какъ страшно радостный и близкій мнѣ примѣръ,
Ты все мнѣ чудишься, о царственный Бодлеръ,
Любовникъ ужасовъ, обрывовъ и химеръ“,

говоритъ поэтъ и мчится за этими послѣдними.

Насколько чуждъ подобный элементъ природному поэтическому дару г. Бальмонта, объ этомъ яснѣе всего говоритъ количество чисто декадентскихъ стихотвореній, составляющихъ 7-ю часть всей книги и помѣщенныхъ въ концѣ ея, какъ высшій цвѣтъ, не доставшійся автору свободно, вродѣ предыдущихъ, а вымученныхъ имъ. Порою и здѣсь, среди мучительныхъ натяжекъ, прорвется вдругъ ясный поэтическій стихъ и утонетъ въ безднѣ вымышленныхъ образовъ и сравненій, не сведенныхъ въ одно цѣлое и отъ того еще болѣе теряющихъ всякій смыслъ.

Таковъ, напр., *„Вечерній часъ“*, гдѣ поэтъ, вообразивъ себя почему-то судьбою другихъ, говоритъ: *„Теперь толпою властвуя послушной, я для нея—палачъ и божество, картинность думъ—въ ихъ смѣнѣ равнодушной. Но не всегда для сердца моего былъ такъ отвратенъ образъ человѣка, не вѣчно сердце было такъ мертво“*, и т. д. Здѣсь, благодаря нѣсколькимъ чисто поэтическимъ строфамъ въ серединѣ, вычурность и натяжка остальныхъ особенно бросается въ глаза и рѣжетъ слухъ. Слова вродѣ „отвратенъ“ образъ человѣка—прямо непростительны г. Бальмонту, который, если захочетъ, можетъ владѣть такою звучностью стиха. Завѣтъ Тургенева—беречь въ чистотѣ нашъ природный, богатый русскій языкъ—не мѣшало бы помнить, по крайней мѣрѣ, лучшимъ представителямъ каждаго новаго направленія, чтобы идти впередъ, а не назадъ и не дѣлать работу въ литературномъ стилѣ работою Данаидъ.

Конечно, къ вычурности и въ образахъ, и въ рѣчи ведетъ поэта его желаніе: *„Быть свободнымъ, несвязаннымъ, какъ движенье мечты, никогда не разсказаннымъ до послѣдней черты“* (228). Въ этомъ проскальзываетъ старая идея нашихъ поэтовъ: боязнь толпы, боязнь опошлиться черезъ соприкосновеніе съ ней.

Но г. Бальмонтъ и всѣ декаденты не считаются въ данномъ случаѣ съ историческимъ моментомъ. Пушкинъ еще могъ обращаться къ черни съ презрительнымъ окрикомъ: онъ былъ цѣлою головою выше не только этой черни, которой и не могло еще быть дѣла до поэта, но выше и избранныхъ ею. Чернь эта была далеко внизу; теперь же она поднялась понемногу, разрослась и въ глубь, и въ ширь и, если избранники судьбы не захотятъ считаться съ нею, они очутятся въ безвоздушномъ пространствѣ, потому что живой, непосредственный матеріалъ представляетъ теперь именно эта толпа, развернувшаяся и покрывшая собою все, и пока этотъ матеріалъ не разработанъ, до тѣхъ поръ всѣ наши порывы вверхъ будутъ безсильны, безпочвенны, безрезультатны.

Протестъ декадентства противъ опошленія и мѣщанства самъ по себѣ, конечно, важенъ, но сила и смыслъ этого протеста

Digitized by Google

только въ его умѣренности, не вызывающей реакціи. Это должны-бы сознавать сами декаденты, видя, какъ, благодаря крайностямъ, сводится къ нулю цѣлое теченіе, съ которымъ, несомнѣнно, надо считаться.

Стоитъ, напр., нѣкоторымъ лицамъ открыть сборникъ г. Бальмонта и наткнуться на такія стихотворенія, напр., „*Хочу*“, „*Шабашъ*“, „*Мститель*“ и т. п., чтобы подтвердить рецензіи, принимающія балаганный тонъ, какъ только рѣчь зайдетъ о декадентствѣ, и не читать его дальше, не вдумываться въ прочитанное.

Зачѣмъ г. Бальмонту понадобились эти „изломы“, къ которымъ прибѣгаютъ г. Ивановы и т. п.—прямо непонятно.

Къ чему также самомнѣніе, которымъ полонъ г. Бальмонтъ? Посмотрите, напр., съ какимъ презрѣніемъ онъ говоритъ „своимъ врагамъ“.

О, да, ихъ имена суть многи,
Чужда имъ музыка мечты.
И такъ они сѣро-убоги,
Что имъ не нужно красоты...
  Подслѣповатыми глазами
  Они косятся на цвѣты,
  Они питаются червями,
  О, косолапые кроты!..
Но мнѣ до нихъ какое дѣло,
Я въ облакахъ моей мечты
Съ недостижимаго предѣла
Роняю любящимъ цвѣты.
  Свѣчу и жгу лучомъ горячимъ,
  И всѣмъ красивымъ шлю привѣтъ.
  И я ничто—звѣрямъ незрячимъ,
  Но зрѣнью свѣтлыхъ—я расцвѣтъ!

Такъ заканчиваетъ самомнительный поэтъ. Это куда гордѣливѣй Пушкинскаго: „я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный“...

Считая всѣхъ, не понимающихъ „декаденщины“ слѣпцами, г. Бальмонтъ, говоритъ имъ („Ароматъ Солнца“):

Не узрѣть вамъ райскихъ вратъ.
Есть у солнца ароматъ,
Сладко внятный только намъ,
Зримый птицамъ и цвѣтамъ.

Между тѣмъ, этотъ расцвѣтъ для зрѣнья зрячихъ,—какъ горделиво называетъ себя г. Бальмонтъ, замѣчательно безпринципенъ, подобно большинству своихъ собратій—декадентовъ, къ добру и злу. Эта безпринципность проскальзываетъ вездѣ въ поэзіи Бальмонта.

Для иллюстраціи ея приводятся самые яркіе примѣры: „*что безчестное? честное? что горитъ? что темно? я иду въ неизвѣстное, и душѣ все равно*“, говоритъ поэтъ, и далѣе: „*Но люблю безотчетное, и восторгъ, и позоръ*“ и т. п. Но такъ какъ эта безпринципность не можетъ быть искренна, то является выкрикиваніе ея, что, конечно, только еще болѣе портитъ дѣло и принимается прямо за болѣзненный бредъ. Здѣсь уже совершенно теряется принципъ нравственной уравновѣшенности, и начинается шатаніе изъ стороны въ сторону.

Тѣмъ болѣе непонятно повтореніе Бальмонтомъ общаго бреда декадентовъ, что онъ владѣетъ порой такими тонкими переходами отъ здороваго творчества къ болѣзненной чуткости декадентства, которые могутъ подкупить даже завзятыхъ враговъ его. Таково, напр., стихотвореніе „*Ароматъ солнца*“ и т. п. Можно напомнить здѣсь г. Бальмонту его-же собственный стихъ: *Тончайшія краски не въ яркихъ созвучьяхъ, а въ еле замѣтныхъ дрожаніяхъ струнъ*“ (249). Между тѣмъ это забывается г. Бальмонтомъ, особенно въ тѣхъ стихахъ, гдѣ, оставляя символическую или философскую идею, онъ обращается къ самой дѣйствительности и стремится придать ей общій характеръ чего-то яркаго.

Въ результатѣ получается сильнѣйшая реализація, недопустимая не только въ стихахъ, но и въ прозѣ, грубо бьющая по первымъ. Таковы стихотворенія „*Въ глухіе дни*, гдѣ „На улицахъ изсохшіе скелеты щипали жадно чахлую траву“, „*Опричники*“ и т. п.

Притомъ, остается на воздухѣ главное основоположеніе, намѣченное г. Бальмонтомъ въ эпиграфѣ сборника: „*Міръ долженъ бышь оправданъ весь, чтобъ можно было жить*“; но къ этому оправданію—слѣдовъ мало въ поэзіи г. Бальмонта, скорѣе наоборотъ.

За г. Бальмонтомъ слѣдуютъ сборники меньшихъ силъ декадентства, или, вѣрнѣе, мы сказали-бы,—ступеньки внизъ къ настоящей „поэзіи вырожденія“. У г. Бѣлаго не смотря на претензіи, порою мелькаетъ совершенное отсутствіе поэзіи, а вычурность, за неимѣніемъ поэтичности, доходитъ до смѣшного:

„Все тотъ-же раскинулся сводъ
Надъ нами лазурно-безмірный,

Digitized by Google

И тотъ-же на сердцѣ растетъ
Восторгъ одиночества мирный",

говоритъ, напр., г. Бѣлый, или далѣе: „*Бѣлоснѣжный кусокъ кисеи* (т. е. небесный сводъ) *загорѣлся мечтой виннокрасной*", или, напр., такія поэтическія строфы:

ВЪ ПОЛЯХЪ.

Солнца контуръ старинный,
Золотой, огневой,
Апельсинный и винный
Надъ червонной рѣкой.
Отъ воздушнаго пьянства
Онѣмѣла земля,
Золотыя пространства,
Золотыя поля.
. . . .
Жаръ въ безвременье мчится
Пересохшимъ ключемъ;
Все земное намъ снится
Утомительнымъ сномъ.

Или какъ вамъ нравится такое поэтическое стихотвореніе—„отставной военный"?

Вотъ къ дому, катя по аллеямъ,
Съ нахмуреннымъ Яшкой лакеемъ,
Подъѣхалъ старикъ, отставной
Генералъ съ деревяшкой.
Семейство, чтя русскій
Обычай, вело генерала
Для виннаго дѣйства
Къ закускѣ.
. . . .
Взирая на дѣвку блондинку,
На хлѣбъ полагая сардинку,
Кричалъ генералъ"...

и такъ далѣе, въ томъ же духѣ.

Впрочемъ, въ первомъ стихотвореніи („*Въ поляхъ*") мелькаетъ два три чисто-поэтическихъ стиха, проскользнувшихъ какъ-бы случайно.

Въ общемъ-же, поэзіи въ произведеніяхъ г. Бѣлаго очень мало, и его стихотворенія скорѣе всего можно было-бы назвать прозою въ стихахъ, что само собою теряетъ всякій смыслъ.

Возьмемъ еще стихотвореніе „Весна".

Все подсохло. И почки ужъ есть.
Зацвѣтутъ скоро ландыши, кашки.
Вотъ плывутъ облачка, какъ барашки.
Громче, громче весенняя вѣсть.
Я встревоженъ назойливымъ пискомъ:
Подоткнувшись, ворчливая Ѳекла,
Нависая надъ улицей съ рискомъ,
Протираетъ оконныя стекла.
Тутъ известку счищаютъ ножомъ.
Тутъ стаканчики съ ядомъ... Тутъ вата...
Грудь апрѣльскимъ восторгомъ объята.
Вѣтеръ пылью крутитъ за окномъ...

Какъ не похожи эти „вирши" на извѣстное, звучное стихотвореніе:

„Весна, выставляется первая рама,
И въ комнату шумъ ворвался"...

Въ томъ же духѣ и стих. „На окраинѣ города".

Былъ праздникъ: изъ мглы
Неслись крики пьяницъ.
Домовъ огибая углы,
Безшумно скользилъ оборванецъ,
Зловѣщій и черный.
Таская короткую лѣсенку,
Забѣгалъ фонарщикъ проворный,
Мурлыча веселую пѣсенку.

Обращаясь часто къ изображенію будничной дѣйствительности, г. Бѣлый не умѣетъ придать ей того поэтическаго колорита, который заставляетъ насъ залюбоваться самой обыденной картинкой и только потому дѣлаетъ ее допустимой въ поэзіи. Тайной этой превосходно владѣли Пушкинъ и Гоголь; этой тайной, какъ художникъ-реалистъ, владѣлъ и Л. Толстой. Въ ней кроются тѣ тонкія струны, которыя дѣлаютъ писателю или поэту подвластнымъ міръ дѣйствительности и даютъ имъ власть управлять сердцами въ каждый данный моментъ.

Какъ далекъ отъ владѣнія этой тайной г. Бѣлый, о томъ достаточно свидѣтельствуютъ всѣ тѣ его стихотворенія, гдѣ онъ обращается къ реальному и силится вплести его въ декадентскій вѣнокъ. Возьмемъ напр., другое стихотв. „Весна", гдѣ встрѣчаются такого рода поэтическія строфы: „*Окна настежъ—и крикъ, разговоры, и цвѣточный качается стебель, и выходятъ на дворъ полотеры босикомъ выколачивать мебель*". [1]) (95).

Кромѣ того, встрѣчается и полная невыдержанность стиха, приличная только поэтамъ, попадающимъ въ редакціонную корзину, какъ, напр., въ „*Кошмаръ среди бѣлаго дня*":

„Солнце жжетъ. Вдоль тротуара
Подъ эскортомъ пепиньерокъ
Вотъ идетъ за парой пара
Блѣдныхъ, хмурыхъ пансіонерокъ".

и т. п.

Нѣсколько похожи на обычную поэзію только такія, стихотворенія, напр., „*Не страшно*".

---

[1]) Г. Бѣлый дѣлаетъ нѣкоторое нововведеніе, начиная каждый новый стихъ съ маленькой буквы.

Digitized by Google

Боль сердечныхъ ранъ
И тоска растетъ.
На поляхъ туманъ
Скоро ночь сойдетъ.
Ты уйдешь, а я
Буду вновь одинъ...
И пройдетъ, грозя,
Межъ лѣсныхъ вершинъ
Великанъ сѣдой:
Закачаетъ лѣсъ,
Склонъ ночныхъ небесъ
Затѣнитъ бѣдой.
Страшенъ мракъ ночной,
Коли нѣтъ огня...
Посиди со мной,
Не оставь меня!..
Буйный вѣтеръ спитъ.
Ночь летитъ на насъ...

Или—*„Битва Кентавровъ“*.

Холодная буря шумитъ.
Проносится ревомъ побѣднымъ.
Зарница беззвучно дрожитъ
Мерцаньемъ серебряно-блѣднымъ.
И вижу, въ молчаньи нѣмомъ
Сквозь зелень лепечущихъ лавровъ
На выступѣ мшистомъ, крутомъ
Нѣмой поединокъ кентавровъ.
Одинъ у обрыва упалъ,
Въ крови весь на грунтѣ изрытомъ.
Надъ нимъ побѣдитель заржалъ
И бьетъ его мощнымъ копытомъ.
и т. д.

Что касается нововведеній въ языкѣ, то г. Бѣлый слишкомъ ужъ злоупотребляетъ этимъ, вслѣдъ за прочими декадентами. Вообще, нововведенія въ языкѣ позволительны только генію, обладающему творчествомъ и тонкимъ чутьемъ, помогающимъ ему проникнуть въ духъ языка, въ его корень. Иначе создаются такого рода рифмы и обороты, какъ напр.: *„У вечерняго окна янтарѣлъ мечтатель, прижавшій руку къ сердцу“* (*„Аргонавты“*—200) или *„Старикъ, прижавшій ликъ къ иссушеннымъ колѣнямъ, проливалъ серебро сѣдинъ на закорузлыя, озаренныя углями ноги“* (192) и т. п. или такія фразы, какъ *„бездумный“*, *„Вселикій“*, которыя имѣютъ нѣчто родственное по своему характеру съ изобрѣтеніями Шишкова, замѣнявшаго, напр., иностранное слово „калоши“ словомъ „мокроступы“ и т. п. хотя руководящія идеи здѣсь разныя.

Останавливаясь, вслѣдъ за прочими декадентами, передъ безднами таинственности и ужаса, чтобы поразить воображеніе, ударить по нервамъ, придать болѣе яркости и оригинальности своимъ образамъ, г. Бѣлый спускается въ древній міръ, вызывая оттуда кентавровъ и фавновъ, которые, попадая въ современную обстановку, чувствуютъ какъ-то не по себѣ. Г. Бѣлый, по крайней мѣрѣ, не можетъ съ ними справиться и, выводя ихъ, начинаетъ заговариваться, чувствуя что-то неладное. „Лирическіе отрывки въ прозѣ“, какъ озаглавилъ ихъ авторъ, гдѣ этотъ міръ изобилуетъ, особенно блещутъ натяжками и неподходящею къ заглавію прозаичностью, благодаря, конечно, тому, что авторъ не можетъ воодушевиться этимъ, чуждымъ теперь намъ элементомъ, да и самъ, быть можетъ, хорошенько не уясняетъ себѣ, зачѣмъ онъ ему понадобился.

Вообще поэзіи у г. Бѣлаго въ его *„Золото въ лазури“* (названіе сборника) мало.

Почти единственной дѣйствительной блесткой является здѣсь стихотвореніе *„Жизнь“*, особенно III-я его часть, которую мы и приводимъ:

„Я глухо промолвилъ: „Наполнимъ-же чаши...
Пусть сердце забьется опять...
Не мы, такъ другіе, такъ правнуки наши
Зарю будемъ съ пѣсней встрѣчать..
Пускай-же охватитъ насъ тьмы
Безконечность сжимается сердце твое!
Не бойся: засвѣтитъ суровая вѣчность
Полярное пламя свое!
Знакомую пѣсню вдали затянули.
Снѣжинки мелькали кругомъ...
Другъ другу въ глаза мы съ улыбкой взглянули
Наполнили чашу виномъ“. (168)

Что касается сборника г. Иванова *„Прозрачность“*, то это—еще низшая ступень въ царство декаденства. Можно сказать одно: если будущій историкъ литературныхъ теченій, для изслѣдованія декаденства, заглянетъ прежде въ книгу г. Иванова, то онъ, несомнѣнно, откажется признать его значеніе и смыслъ. Не говоря о такихъ невозможныхъ оборотахъ рѣчи, какъ „седмизрачность“, свѣтозрачность“, „никлые“, мы встрѣчаемъ тавтологію въ стихѣ и, наконецъ, полную потерю его смысла. Таково, напр., стихотвореніе въ началѣ сборника, озаглавленное *„Прозрачность“*. Взять хотя-бы первыя строфы:

„Прозрачность купелью кристальной
Ты твердь улегчила,—и тонетъ

Луна въ среброзарности сизой.
Прозрачность, ты лунною ризой
Скользнула на влажныя лона,
Плѣнила дыханія мая
И звукъ отдаленнаго лая
И призраки тихаго звона". (4)

Хотя для рифмы слову „мая" съ формальной стороны и подходитъ слово „лая", но все таки непонятно, какъ поэта могла плѣнить прозрачность.

Не угодно-ли понять и такія строфы у г. Иванова въ стих. „Изумрудъ"?

Земли божественная злачность,
Ея рождающее Да.
О просвѣтленный свѣтозрачность,
Ты будешь намъ всегда, всегда!

Здѣсь нѣтъ даже правильной этимологіи: *просвѣтленный и свѣтозрачность*.

Чѣмъ-то сверхъ-обычнымъ, вѣрнѣе, сверхъерундистымъ, вѣетъ и отъ стих. „*Искушеніе прозрачности*". Вотъ оно все:

Когда насъ окрылитъ прозрачность,
Всѣхъ безднъ зіяющая мрачность
Обниметъ радужную кручь—
И, къ нимъ склоняясь, Седмизрачность
Возжаждетъ слиться въ бѣлый лучъ.
Но ты удержишь духомъ сильныхъ,
О высей яркая среда,
Гдѣ слѣпнетъ власть очей могильныхъ
И въ преломленіяхъ умильныхъ
Поетъ всерадостное Да!

Совершенно недопустимы не только въ стихахъ, но и въ прозѣ, и такія сопоставленія подъ рядъ двухъ словъ, какъ: „свершается свершитель", „дѣлается дѣлатель".

Стихотворенія „Ганимедъ", „Геліады" и „Орфей", задуманныя, по словамъ автора, въ духѣ античныхъ дифирамбовъ, тоже не блистаютъ поэтичностью: чувствуется натяжка, отсутствуетъ живое воодушевленіе поэта, которое одно способно перенести насъ въ изображаемый міръ.

Вообще, во всей книгѣ г. Иванова мы не находимъ ни одного поэтическаго стихотворенія, за исключеніемъ стихотворенія „*Ясность*". Все это, говоря словами г. Бальмонта, болѣзненный „изломъ", приближающій поэзію декаденства, если она не поднимется надъ этимъ, къ настоящей поэзіи вырожденія.

Т. Т.

Генрихъ Дюмоляръ—Японія въ политическомъ и соціальномъ отношеніи. Изданіе Пантелѣева Спб. 1904 г. ц. 1 р. 50 к.

Книга Генриха Дюмоляра, бывшаго профессора Токійскаго университета, въ сжатомъ, почти конспективномъ изложеніи знакомитъ читателя съ положеніемъ современной Японіи. Авторъ прожилъ въ Японіи долгое время и хорошо изучилъ своеобразный укладъ быта загадочной страны; онъ писалъ свою книгу, исходя изъ той мысли, что, вмѣсто всякихъ восторженныхъ похвалъ или ѣдкихъ осужденій японцевъ, имъ самимъ нужна правда. „Ихъ слишкомъ много хвалили въ Европѣ, вотъ почему полезнѣе, даже въ ихъ собственныхъ интересахъ, сказать имъ то, что очень многіе думаютъ объ ихъ способѣ постигать прогрессъ", — говоритъ онъ.

Въ двѣнадцати главахъ книги, посвященныхъ современному политическому, экономическому и соціальнымъ вопросамъ, Генрихъ Демоляръ шагъ за шагомъ выясняетъ предъ читателемъ „способъ" постиженія прогресса со стороны Японіи. Историческимъ даннымъ Дюмоляръ отводитъ всего лишь нѣсколько страницъ въ введеніи, сосредоточивая весь интересъ своего труда исключительно на вопросахъ современности. Предполагая исторію Японіи извѣстнюй, онъ лишь даетъ хронологическую канву и подробно останавливается на началахъ реформъ, послѣдовавшихъ въ Японіи. Съ 1868 года возстановленіе абсолютной власти Микадо и паденіе Сіогуната были началомъ укорененія европейской цивилизаціи въ странѣ. Въ 1870 году Императорская столица переносится въ Кіото; древній Кіото переименовывается въ Токіо, и предпринимается цѣлый рядъ реформъ, которыя подробно и разсматриваются въ трудѣ Дюмоляра.

На первомъ планѣ въ ряду этихъ реформъ стоитъ конституція, заимствованная японцами съ запада. Конституція была обѣщана императорской властью тотъ часъ же вслѣдъ за уничтоженіемъ сіогуната и возстановленіемъ единой императорской власти.

Въ 1868 году Императоръ принесъ торжественную присягу народу и далъ обѣщаніе, что вскорѣ древній режимъ *абсолютной*

Digitized by Google

власти будетъ замѣненъ новыми порядками, „болѣе согласными съ современными идеями“.

Въ 1875 году дѣлается большой шагъ къ осуществленію обѣщаннаго: создается сенатъ. Сенаторами *избираются* наиболѣе заслуженные люди въ странѣ, сенату предоставляется нѣкоторая законодательная власть.

Нарождаются политическія партіи. Агитація въ пользу реформы растетъ съ каждымъ годомъ, и правительство уступаетъ давленію массы.

Императорскимъ рескриптомъ 1881 года объявляется, что вскорѣ будетъ составленъ особый комитетъ для выработки началъ конституціи, дѣйствіе которой обѣщано было на 1890 годъ. Однако, японская конституція получила осуществленіе 11 февраля 1889 г., а въ слѣдующемъ году уже состоялось торжественное открытіе засѣданія Сейма.

Что же такое Японская конституція?—продуктъ небольшой группы освѣдомленныхъ людей. Она представляетъ добросовѣстную компиляцію работъ нашихъ западныхъ странъ, болѣе или менѣе приспособленныхъ къ традиціямъ, взглядамъ и нравамъ японскаго народа. Она представляетъ довольно искусно сдѣланное наслоеніе принциповъ, заимствованныхъ изъ европейскихъ конституцій и особенно изъ конституціи прусской монархіи. Будучи добровольной уступкой государя, она не явилась ограниченіемъ правъ Микадо со стороны какихъ либо общественныхъ органовъ; верховная власть всецѣло осталась въ рукахъ Императора, который лишь пріобщилъ къ ней нѣсколько общественныхъ органовъ для выполненія своей верховной воли.

Императоръ царствуетъ и управляетъ Японіей. „Императору и только одному императору,—говоритъ Дюмоляръ, — принадлежитъ полнота верховной власти, и этой властью онъ обладаетъ въ силу божественнаго права“. Это право нисколько не нарушено. Императоръ подписываетъ всѣ законы; императоръ распускаетъ народную палату. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые параграфы конституціи все же ограничиваютъ верховную власть; однимъ изъ атрибутовъ императорской власти является императорскій Секатъ, которому присвоено: право принятія петицій, право представленія адресовъ императору, право предлагать вопросы правительству и право контроля надъ финансами.

Секатъ состоитъ изъ двухъ палатъ — Палаты Перовъ и Палаты Депутатовъ. Въ палату Перовъ назначаются Императоромъ лица членовъ императорской фамиліи и дворянъ. Въ палату депутатовъ избираются самимъ населеніемъ лица, удовлетворяющія слѣдующимъ требованіямъ: избранный долженъ быть непремѣнно японцемъ, имѣть не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду и уплачивать прямыхъ налоговъ не менѣе 15 іенъ въ годъ. *)

Избирателями могутъ быть всѣ японцы, въ возрастѣ не менѣе 25 лѣтъ, платящіе прямыхъ налоговъ менѣе 15 іенъ въ годъ и прожившіе не менѣе года въ избирательномъ округѣ. Число депутатовъ въ настоящее время опредѣляется цифрою 369.

Сессію каждаго Секата, открываетъ тронная рѣчь Императора.

Слѣдующими органами верховной власти являются министры, которые, по статьѣ 55 конституціи, должны давать совѣты Императору и быть отвѣтственными за это только предъ Микадо. Избранные Императорской властью министры не отвѣтственны предъ палатами и не обязаны согласоваться съ ея мнѣніями. Только одинъ Императоръ имѣетъ право ставить и замѣщать министровъ.

Японія имѣетъ 10 министровъ. Министры получаютъ скромное жалованіе—„шесть тысячъ іенъ“.

Какъ же привилась реформа въ странѣ, которая сразу послѣ феодальнаго строя взела у себя конституціонный образъ Правленія?

Японская конституція—растеніе, смѣло пересаженное съ чужой почвы и еще нуждающееся въ заботливомъ за собою уходѣ. Она возникла и дала ростки въ то время, когда политическія партіи въ странѣ были еще въ зародышѣ, а политическая жизнь народа едва-едва пробуждалась. Въ первое время во главѣ управленія страной встали люди, облеченные властью и довѣріемъ государя. Они управляли не совершенно, опираясь на парламентъ. Они вносили проекты, палата принимала ихъ. Но въ одинъ прекрасный день, при введеніи обширной финансовой реформы, палата единогласно отвергла проектъ кабинета. Палата отвергла, кабинетъ настаивалъ, примиренія не послѣдовало. Императорскій декретъ возвѣстилъ о распущеніи палаты.

*) Іена—96 коп.

Digitized by Google

Политическія партіи въ палатѣ—либералы и прогрессисты—рѣшили соединиться вмѣстѣ и не уступать.

Во дворцѣ подъ предсѣдательствомъ самого Императора собрался совѣтъ. Совѣтъ рѣшилъ въ свою очередь тоже не уступать. Было предложено даже друзьями старины уничтожить конституцію и возвратиться къ прежней абсолютной власти.

Дюмоляръ отмѣчаетъ анархію, царящую среди партій и отсутствіе истинныхъ вождей; до сихъ поръ могущественно и хорошо дисциплинирована олигархія, стоящая во главѣ управленія, и плохо организована демократія.

Европейскіе нравы, перенесенные на почву Японіи, не проникли глубоко въ духъ народа, а принялись только на поверхности.

Подкупы и взятки—не рѣдкость въ средѣ самихъ депутатовъ народа. Всѣ симпатіи автора лежатъ на сторонѣ старыхъ государственныхъ людей—людей эпохи Меджи, истинныхъ создателей Японской конституціи. Они стояли до 1890 года во главѣ управленія страной.

Страна сдѣлала огромные успѣхи.

Авторъ подробно останавливается на Японской администраціи и приходитъ къ очень нерадостному заключенію. „Японское чиновничество, говоритъ онъ, насквозь пропитано сознаніемъ своей важности; въ особенности если чиновникъ побывалъ заграницею“.

Чиновничество подкуплено, продажно, а правительственная машина неповоротлива, расточительна и подкупна. Реформы съ одной стороны, съ другой, какъ отраженіе сѣдой старины тысячью глазъ отовсюду смотритъ угасающая, но еще не угасшая старая Японія съ ея феодализмомъ и кастовыми интересами.

Старая Японія вовсе не имѣла періодической печати; она была ей совершенно не нужна. Въ 1863 году была сдѣлана первая попытка издавать нѣчто въ родѣ газеты; попытка не имѣла никакого успѣха: у газеты не было читателей и подписчиковъ.

А въ 1871 году страна быстро покрывается цѣлымъ рядомъ изданій; съ каждымъ годомъ нарождаются новые органы печати. Послѣ Японско-Китайской войны происходитъ нѣчто небывалое: выходившія въ сотняхъ и тысячахъ экземплярахъ газеты выходятъ теперь въ десяткахъ тысячахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже имѣютъ болѣе ста тысячъ подписчиковъ. Десять лѣтъ тому назадъ журналистъ, имѣвшій заработокъ въ полутораста іенъ, считался на особомъ положеніи счастливца, и о немъ говорили, какъ объ особомъ избранникѣ его товарищи по профессіи.

Въ настоящее время въ Японіи насчитывается до 150 тысячъ различныхъ періодическихъ изданій, и среди нихъ до двухъ сотъ ежедневныхъ газетъ.

Не слѣдуетъ забывать, что Японскій письменный языкъ и по синтаксису, и по употребленію словъ сильно, отличается отъ простого разговорнаго языка. Онъ далеко не понятенъ массѣ, и потому Японская печать обречена на обособленность и не можетъ быть доступной толпѣ читателей. За то печать свободна почти отъ всякихъ стѣсненій и годъ отъ года завоевываетъ себѣ болѣе и болѣе прочное положеніе и дѣлается неотъемлимой принадлежностью Японскаго общества. Развитіе ея есть вѣрный показатель культурнаго роста послѣдней.

Финансовыя средства страны далеко не такъ утѣшительны. Расходы на администрацію, расходы на армію и флотъ растутъ съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ ними растутъ проценты по долгамъ, которые приходится выплачивать странѣ.

Страна исключительно земледѣльческая. Японія, главнымъ образомъ, воздѣлываетъ рисъ, ячмень, рожь, пшеницу. Воздѣлывается лишь одна двѣнадцатая часть земли и, благодаря мелкой раздробленности частныхъ владѣній, земля обрабатывается тщательно и производительно. Большія землевладѣнія въ странѣ рѣдкость.

Японскій крестьянинъ живетъ бѣдно; рисъ—изысканное блюдо его стола. Рисъ главнымъ образомъ идетъ прямо съ деревенскихъ полей въ города, которые, какъ вездѣ, кормятся деревней.

Экономическое развитіе Японіи можетъ быть расматриваемо, какъ всякая вещь, съ двухъ сторонъ: съ одной стороны предъ нами блестящая лицевая сторона, съ другой обратная сторона медали. И здѣсь прогрессъ Японіи сказался крайне ярко, но и здѣсь старая Японія до сихъ поръ тормозитъ новые ростки.

Въ тридцать лѣтъ страна, не имѣвшая стальной колеи, покрылась цѣлой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, общимъ протяженіемъ въ 34 тысячи миль, обслуживаемой 42 же-

Digitized by Google

лѣзнодорожными компаніями. Компаніи эти очень небольшія; изъ нихъ только пять владѣютъ болѣе, чѣмъ ста милями желѣзнодорожнаго пути.

Развитіе коммерческаго Японскаго флота идетъ съ такой же быстротой. До 94 года общая грузоспособность не превышала 150 тысячъ тоннъ, въ настоящее время она достигаетъ уже 500 тысячъ тоннъ. Правительство не щадило капиталовъ и всячески поддерживало и поощряло частную иниціативу.

За то нигдѣ въ мірѣ, на желѣзныхъ дорогахъ нѣтъ такого огромнаго процента несчастій и крушеній, какъ въ Японіи.

Японскіе капитаны кораблей набраны съ бору и сосенки, проявляютъ очень мало и умѣнія и заботливости въ перевозкѣ товаровъ. Японскіе купцы, въ сношеніяхъ съ иностранными, пользуются далеко не завидной репутаціей. У Японцевъ совершенно нѣтъ кредита въ Европѣ, и непосредственное сношеніе съ японскими фирмами вещь совершенно невозможная. Посредничество Европы и Америки необходимо и до сихъ поръ.

Японская промышленность дала такія же блестящія цифры въ короткій промежутокъ времени. Японцы создали крупную промышленность. Техника сильно возросла; но до сихъ поръ еще отношенія между рабочими и хозяевами рѣдко хорошія. Наступленіе эры крупной промышленности рисуетъ блестящее будущее, если судить по цифровымъ результатамъ. Число промышленныхъ компаній растетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ большинство возникающихъ компаній является плодомъ спекулятивной горячки, существуя лишь только на бумагѣ. Недостатокъ капиталовъ ясно ощущается въ странѣ. Банковые проценты огромны. Сами банки за срочные вклады платятъ отъ семи восьми годовыхъ, взимая за ссуды 10—18%. Благодаря дорогому кредиту большинство предпріятій сводится съ дефицитомъ.

Въ самой Японіи не находится капиталовъ для поддержки предпріятій. Японское же законодательство ставитъ препятствія для свободнаго полученія такихъ капиталовъ на западѣ. „Японія для японцевъ", этотъ, принципъ, проводимый во всей Японской политикѣ, является помѣхой и для привлеченія иностранныхъ капиталовъ. Не надо забывать, что иностранецъ не можетъ пріобрѣтать въ собственность землю въ Японіи. Какимъ же образомъ иностранный капиталистъ начнетъ строить фабрики на землѣ, собственникомъ которой онъ считаться не можетъ?

Рабочія руки въ странѣ дешевы, хотя съ каждымъ годомъ поденный заработокъ рабочихъ повышается; тѣмъ не менѣе плохое качество Японскаго рабочаго—не сильнаго и не работящаго—остается дѣйствительнымъ фактомъ. Если въ Европѣ трудъ оплачивается въ три раза дороже, то тамъ и работаютъ въ десять разъ больше. Плохое качество рабочихъ рукъ, съ одной стороны, съ другой недостатокъ въ капиталахъ задерживаетъ ростъ Японской промышленности. Положеніе Японскаго рабочаго очень тяжело. Одинъ американецъ, посѣтившій въ Токіо тюрьмы и нѣкоторыя фабрики, заявилъ, что онъ находитъ устройство первыхъ гораздо лучшимъ, чѣмъ устройство жилищъ для рабочихъ.

Бѣдственное положеніе низшихъ классовъ населенія безпримѣрно. Въ Токіо цѣлые кварталы покрыты трущобами, въ которыхъ царствуетъ нищета и холодъ. Дюмоляръ рисуетъ ужасную картину; „представьте себѣ 400—500 полуразрушенныхъ, колеблющихся, невообразимо грязныхъ домовъ, окруженныхъ липкой, вонючей водой, сочащейся отовсюду; дохлыя крысы, гніющія въ углахъ; и среди всего этого блуждаютъ истощенныя фигуры несчастныхъ, единственнымъ убѣжищемъ которыхъ являются эти трущобы. Нѣсколько квадратныхъ футовъ черной, полусгнившей цыновки, на которой валяются маленькія дѣти,—вотъ часто все пространство, отведенное семьѣ! Вмѣсто печи hibatchi, въ которой тлѣютъ нѣсколько жалкихъ кусочковъ древеснаго угля, а тамъ у потолка лачуги, надъ дверью boutsouqan, маленькій буддійскій алтарь, къ которому въ наиболѣе трудныя минуты жизни устремляются взоры этихъ несчастныхъ. Всѣ дома въ этомъ кварталѣ принадлежатъ капиталистамъ, которые умѣютъ получать и съ нихъ хорошіе доходы. Прежде всего ни одинъ кусочекъ пространства не пропадаетъ даромъ; переулки такъ узки, что вдвоемъ трудно разойтись, затѣмъ квартирная плата никогда не пропадаетъ, потому что съ мудрой предусмотрительностью ее взыскиваютъ ежедневно и впередъ. Плата за помѣщеніе для семьи варьируетъ отъ 4 до 1½ сэнъ *) въ день!"

*) Сэна=1/100 іены.

Digitized by Google

На ряду съ этими очагами нищеты и бѣдности, съ этими бродящими, какъ мухи, людьми, раскинули свои паутины пауки ввидѣ ростовщиковъ и содержателей тайныхъ ссудныхъ кассъ. Непокрытая бѣдность несетъ сюда все, до матрацовъ и кухонной посуды включительно. „Въ моменты острой нужды бѣдняки не останавливаются даже предъ закладомъ деревянныхъ дощечекъ, на которыхъ написаны имена умершихъ предковъ. Въ закладъ принимаются вообще всякіе предметы, цѣнность которыхъ не менѣе 10 сэнъ. По закону можно брать $2^1/_2$ сэна съ каждаго іена въ мѣсяцъ, но на самомъ дѣлѣ совершенно не считаются съ этимъ, и размѣръ процентовъ всегда выше 100 въ годъ. Зимой, во время сильныхъ холодовъ, благорасположеніемъ публики пользуются торговцы, дающіе на прокатъ одежду и одѣяла".

Народное образованіе всегда было широко распространено въ Японіи. Его благами пользовались не только высшіе классы, но и большинство народа. Съ 1871 года первоначальное образованіе стало общимъ; даже въ самыхъ маленькихъ деревенькахъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ центровъ, заведены школы. Цѣлая сѣть нормальныхъ школъ раскинулась по странѣ. Спеціальныя школы существуютъ во всѣхъ крупныхъ городахъ. Два университета въ Токіо и Кіото стоятъ на верхней лѣстницѣ просвѣщенія страны. Но тутъ опять досадное но: когда то, въ пылу увлеченія иностранцами, которые нужны были Японцамъ, какъ учителя и первые наставники, Японскій университетъ широко раскрылъ свои двери для западныхъ профессоровъ. Западная наука въ лицѣ ихъ пріобрѣтала авторитетность. Не обошлось дѣло и безъ курьезовъ, хорошо знакомыхъ въ Россіи при первыхъ шагахъ воспріятія западной культуры. Такъ, напримѣръ, одинъ мясникъ изъ Іокогамы былъ назначенъ профессоромъ университета, а нѣмецъ цирульникъ изъ Ньюорка,— главнымъ хирургомъ въ войскахъ, посланныхъ для наказанія дикарей на о. Формоза. Но реакціонное движеніе противъ иностранцевъ сказалось быстро; возведенные на степень полубоговъ они были низвергнуты.

Новое настроеніе умовъ, выраженное въ консерватизмѣ, заставило покинуть свои кафедры иностранныхъ профессоровъ. Японцы въ лицѣ своихъ академиковъ уже громко возвѣщаютъ съ кафедры, что только одни Японцы имѣютъ право на титулъ человѣческихъ существъ. „Другіе народы, если не животныя, то по крайней мѣрѣ дикари".

Выросло новое поколѣніе туземныхъ ученыхъ, воспитанныхъ подъ вліяніемъ иностранныхъ профессоровъ. И въ этомъ ученомъ мірѣ Дюмоляръ отмѣчаетъ одну характерную черту, дѣлающую изъ ученаго какого-то глупаго педанта и узкаго формалиста. Эта черта—отсутствіе научной любознательности у Японцевъ, отсутствіе всякаго научнаго исканія истины. Японцы профессора, побывавъ за границею и воспріявъ премудрость иностранной науки, гордятся не своимъ знаніемъ, а тѣми дипломами на ученую степень, которыя разсчищаютъ имъ путь къ кафедрѣ. Получивъ дипломъ, Японскій ученый успокаивается. Онъ только лишь эксплоатируетъ свой ученый капиталъ и читаетъ по кафедрѣ своимъ юнымъ слушателямъ изъ года въ годъ одни и тѣже записки, плодъ чужой учености, вынесенный отъ иностраннаго профессора. Сами студенты хорошо характеризуютъ подобное отношеніе своихъ профессоровъ, говоря, что они ограничиваются лишь тѣмъ, что „продаютъ кафедру иностранныхъ ученыхъ, разрѣзывая ее на кусочки".

Очень мало утѣшительнаго сообщаетъ Дюмоляръ о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ относительно Японскаго студента. Отличіями его авторъ выставляетъ безпорядочную спесь и легкую память. Спесь мѣшаетъ ему обратиться за разъясненіями къ профессору; легкая память даетъ возможность быстро, но безъ всякаго пониманія, долбить лекціи и, выдолбивъ, такъ-же легко ихъ забывать. Идеаломъ Японскаго студента, какъ и его наставника, главнымъ образомъ, служитъ дипломъ. Ради него онъ идетъ въ университетъ, ради него—учится.

Трудность Японскаго языка, его неприспособленность для передачи научныхъ терминовъ, все это дѣлаетъ то, что языкъ служитъ лишь жалкимъ орудіемъ для науки. Курсы ученія по европейскимъ пріемамъ начинаютъ проникать въ Японію, но здѣсь выступаетъ на сцену иная трудность: радикальное различіе умственныхъ способностей японцевъ отъ европейцевъ. Если у всѣхъ западныхъ націй есть общій идейный фонъ, то мозгъ японца выработался подъ вліяніемъ совершенно другаго цикла идей. То, что западные народы безъ труда понимаютъ оди-

Digitized by Google

наково, то для японца нуждается въ обширныхъ коментаріяхъ.

Слѣдующія главы труда Дюмоляра посвящены религіи, феминизму и искусству.

Мы не будемъ подробно останавливаться на нихъ потому, что онѣ не вносятъ ничего характернаго. Отмѣтимъ только взглядъ Дюмоляра на современное японское искусство въ странѣ. Авторъ констатируетъ фактъ полнаго упадка искусства въ Японіи. Это вполнѣ понятно, такъ какъ для поддержки своего существованія японскіе художники, принужденные обратиться къ иностраннымъ рынкамъ и отвѣчать на потребности западнаго вкуса, въ тоже время теряютъ прежнюю самобытную красоту и хуложественную тонкость.

Положеніе женщины Японіи до сихъ поръ находится въ первобытныхъ условіяхъ. Здѣсь въ особенности рѣзко сказывается несоотвѣтствіе между существующими въ обществѣ понятіями и искусно произведенными реформами. Заимствуя законы и учрежденія съ запада, японцы совершенно игнорировали тѣ европейскія моральныя понятія, для которыхъ законъ и учрежденіе являются лишь санкціей правленія.

Женщина до сихъ поръ еще въ рабскомъ положеніи, и моногамія еще борется съ полигаміей. Законъ не признаетъ больше наложницъ, но общественное мнѣніе еще признаетъ ихъ вполнѣ. Одинъ изъ ученыхъ журналистовъ говоритъ, что японцы очень непріязненно относятся къ развитію идей и новыхъ взглядовъ относительно женщины.

Они понимаютъ, что эмансипація женщины все болѣе и болѣе развиваетъ ее вполнѣ и тѣмъ самымъ открываетъ ей глаза на ея приниженное положеніе. Ясно, что женщина, сровнявшись съ развитіемъ мужчины, не захочетъ оставаться въ прежнемъ рабскомъ положеніи, въ прежней зависимости отъ мужа.

Н. Н—овъ.

Международная Библіографія по физико-математическимъ наукамъ и естествознанію. Въ настоящее время русское общество, находясь подъ свѣжими впечатлѣніями прискорбныхъ событій, происходящихъ на Дальнемъ Востокѣ и подчиняясь внушенію ежедневной прессы, указывающей на Англію, какъ на виновницу русско-японской войны, видитъ лишь Англію Джемсоновъ, Чемберленовъ и имъ подобныхъ, забывая объ Англіи Шекспира, Байрона, В. Томсона, Гладстона и другихъ, трудамъ которыхъ цивилизація обязана очень многими весьма существенными успѣхами какъ въ наукѣ, такъ и техникѣ. Англія, всегда стоявшая въ числѣ передовыхъ націй, какова бы ея роль ни была въ разныхъ общественныхъ вопросахъ и политическихъ событіяхъ, на почвѣ научной оказалась піонеромъ въ осуществленіи интереснаго огромной важности предпріятія, которымъ ознаменовалось начало двадцатаго столѣтія.

Въ настоящей замѣткѣ я и хочу отмѣтить это новое заслуживающее всякаго сочувствія международное предпріятіе, инииціатива котораго всецѣло принадлежитъ англійскимъ ученымъ. По предложенію существующаго въ Лондонѣ знаменитаго ученаго учрежденія „Королевскаго Общества“ (Royal Society), заслуженно пользующагося высокимъ авторитетомъ въ ученомъ мірѣ, было задумано изданіе „Международной Библіографіи по физико-математическимъ наукамъ и естествознанію“, имѣющее большое практическое значеніе для всякаго, кто занимается какой либо наукой этой области знанія, не только какъ спеціалистъ, но даже просто какъ любознательный читатель. Трудъ, предпринятый по мысли „Королевскаго Общества“ настолько грандіозенъ, что не могъ оказаться по силамъ никакому ученому обществу, какими бы солидными матеріальными средствами оно ни обладало. Поэтому было рѣшено привлечь къ участію въ задуманномъ изданіи всѣ образованныя націи стараго и новаго свѣта. Съ этой цѣлью было разослано въ 1894 г. до 200 циркулярныхъ воззваній къ различнымъ академіямъ и ученымъ обществамъ съ просьбой дать отвѣтъ на два вопроса: 1) считается ли изданіе „Международной Библіографіи“ при участіи всѣхъ образованныхъ націй предпріятіемъ желательнымъ и возможнымъ и 2) согласно ли спрашиваемое учрежденіе принять участіе въ этомъ изданіи какъ своими трудами, такъ и денежными средствами. Въ слѣдующемъ 1895 г. были разосланы Лондонскимъ „Королевскимъ Обществомъ“ всѣмъ правительствамъ, давшимъ на поставленные вопросы утвердительные отвѣты, приглашенія о назначеніи своихъ представителей для участія въ

Digitized by Google

съѣздѣ, созываемомъ по этому дѣлу въ Лондонѣ въ 1896 году. На этомъ съѣздѣ было выработано нѣсколько наиболѣе важныхъ положеній, касающихся характера „Международной Библіографіи“ и намѣчено такъ много серьезныхъ вопросовъ, что для рѣшенія ихъ былъ созванъ 2-й съѣздъ въ Лондонѣ осенью 1898 года. На этотъ разъ между прочими постановленіями, относящимися къ вопросу объ организаціи работы, были приняты также и нижеслѣдующія. 1) Въ каждой странѣ, принимающей участіе въ предпріятіи, учреждается „Мѣстное Бюро“, обязанность котораго состоитъ въ собираніи и классификаціи научныхъ работъ по отдѣльнымъ отраслямъ знанія въ районѣ даннаго бюро по системѣ особыхъ карточекъ. 2) Въ Лондонѣ учреждается „Центральное Бюро“, ревизующее карточки, доставляемыя „Мѣстными Бюро“. 3) „Международный Конгрессъ“ долженъ собраться въ 1905 и 1910 годахъ, а затѣмъ черезъ каждые 10 лѣтъ, для обсужденія измѣненій въ постановкѣ предпріятія, вызываемыхъ интересами дѣла. 4) „Международный Совѣтъ“, на которомъ лежитъ обязанность завѣдыванія всѣмъ предпріятіемъ въ предѣлахъ инструкцій, утверждаемыхъ „Международнымъ Конгрессомъ“, составляется изъ лицъ, выбранныхъ по одному отъ каждаго „Мѣстнаго Бюро“ и собирается черезъ каждые три года въ Лондонѣ. Наконецъ 5) „Международный Комитетъ“, состоящій изъ ученыхъ спеціалистовъ, имѣетъ задачей обсужденіе вопросовъ по классификаціи научныхъ работъ. Впервые „Международный Комитетъ“ собрался въ августѣ 1899 года. Представителемъ отъ Россіи былъ библіотекарь Императорской Публичной библіотеки Федоръ Петровичъ Кеппенъ.

На этихъ засѣданіяхъ „Международнаго Комитета“ было рѣшено всѣ науки, вошедшія въ „Международную Библіографію“, отмѣчать одной изъ буквъ латинской азбуки. Такъ были введены слѣдующія обозначенія: A. Математика, B. Механика, C. Физика, D. Химія, E. Астрономія, F. Метеорологія (со включеніемъ земного магнитизма), G. Минералогія (со включеніемъ петрографіи и кристаллографіи), H. Геологія, I. Географія (математическая и физическая), K. Палеонтологія, L. Біологія, M. Ботаника, N. Зоологія, O. Анатомія человѣка, P. Физическая астрономія, Q. Физіологія (со включеніемъ фармакологіи и экспериментальной патологіи), R. Бактеріологія.

Окончательное же рѣшеніе всѣхъ вопросовъ по „Международной Библіографіи“ состоялось на третьей конференціи въ 1900 году, на которой—делегаты, участвовавшіе въ ней, пришли къ соглашенію по всѣмъ вопросамъ путемъ взаимныхъ уступокъ. Такимъ образомъ въ 1900 году закончилась организація всего дѣла по изданію „Международной Библіографіи“. „Международный Совѣтъ“ въ первый разъ собрался въ декабрѣ 1900 года. Въ составъ его вошли слѣдующія лица:

Отъ Россіи—Д-ръ Кеппенъ,
„ Франціи—Prof. Poincaré,
„ Германіи—Dr. Uhlworm,
„ Австріи—Prof. Weiss,
„ Греціи—Mons Metaxas,
„ Соединенныхъ Штатовъ—Prof. Langley и Prof. Armstrong,
„ Даніи—Dr. Knudsen.
„ Голландіи—Prof. Korteweg,
„ Венгріи —Prof. Heller,
„ Швейцаріи—Prof. Graf,
„ Австраліи—Prof. Lamb,
„ Швеціи—Dr. Dahlgren,
„ Норвегіи—Dr. Brunhorst,
„ Мексики—Prof. Del Paso y Troncoso,
„ Индіи—Dr. Blanford,
„ Викторіи—Prof. Gregory,
„ Капской колоніи—Triemen Esq.,
„ Японіи—Prof. Sakurai.

„Международнымъ Совѣтомъ“ было постановлено приступить къ изданію „Международной Библіографіи“ 1-го января 1910 года. Имъ же былъ выбранъ „исполнительный комитетъ“, состоящій изъ представителей Германіи, Франціи, Италіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Директоромъ его былъ назначенъ Dr. Forster Morley.

Для выясненія вопроса объ участіи Россіи въ изданіи „Международной Библіографіи“ была образована при Петербургской Академіи Наукъ особая коммиссія, состоявшая изъ выдающихся русскихъ ученыхъ и академиковъ. Результатомъ работъ этой коммиссіи было подробное выясненіе всѣхъ вопросовъ касательно участія Россіи и составленіе „Мѣстнаго Бюро“ подъ предсѣдательствомъ академика А. С. Фаминцына, товарищемъ котораго былъ избранъ проф. Н. А.

Digitized by Google

Меншуткинъ. Этими двумя лицами были приглашены сотрудники и назначенъ секретаремъ Бюро ученый секретарь главной физической обсерваторіи Е. А. Гейнцъ. Въ настоящее время сотрудниками Петербургскаго Бюро числятся слѣдующія лица:

По Математикѣ и Механикѣ—профессоръ университета Селивановъ,
„ Физикѣ—проф. университета Боргманъ,
„ Химіи—проф. Михайловской артиллерійской академіи Ипатьевъ,
„ Астрономіи—старшій астрономъ Пулковской обсерваторіи Костинскій,
„ Метеорологіи—ученый секретарь главной физической обсерваторіи Гейнцъ,
„ Геологіи и Минералогіи—секретарь и библіотекарь геологическаго комитета Погребовъ,
„ Палеонтологіи—проф. университета Полѣновъ,
„ Географіи—вице-предсѣдатель отдѣленія физической географіи географическаго общества Шокальскій,
„ Біологіи и Ботаникѣ—академикъ Бородинъ,
„ Зоологіи—библіотекарь зоологическаго музея Шмидтъ,
„ Анатоміи—проф. женскаго медицинскаго института Тонковъ,
„ Антропологіи—проф. университета Коробчевскій (за смертью его, будетъ назначенъ, вѣроятно, другой),
„ Физіологіи и Бактеріологіи—д-ръ медицины Новосельскій.

На расходы по участію Россіи въ изданіи „Международной Библіографіи“ было ассигновано Министромъ Финансовъ на 1901 годъ четыре тысячи и 10 тысячъ на каждый слѣдующій годъ. Въ счетъ этой суммы Россія получаетъ соотвѣтственное число экземпляровъ „Международной Библіографіи“. Каждая книга изданія „Международной Библіографіи“ носитъ названіе „International Catalogue of Scientific Literature“. Цѣна каждаго экземпляра опредѣляется приблизительно въ 180 р., т. е. по одиннадцати рублей за томъ по каждой наукѣ. Въ настоящее время уже напечатаны и получены въ Россіи полутомы: два по физикѣ (С) въ 445 страницъ, два по химіи (Д) въ 1113 страницъ и ботаникѣ (М) въ 378 страницъ.

Къ каждому изъ этихъ полутомовъ приложено на англійскомъ языкѣ введеніе, изложена схема классификаціи науки на четырехъ языкахъ англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ и даются указанія, какъ пользоваться каталогами „Международной Библіографіи“ какъ авторскимъ, такъ и предметнымъ, изъ которыхъ очевидно послѣдній имѣетъ большее практическое значеніе, чѣмъ первый. Въ цѣляхъ содѣйствія частнымъ лицамъ и обществамъ въ дѣлѣ выписки изъ Лондона (London, Harisson and Son's 45, St. Martins Lane) изданій „Международной Библіографіи“ Петербургское Бюро охотно предлагаетъ роль посредника. Все изданіе можно выписать какъ цѣликомъ, такъ и отдѣльными томами по каждой наукѣ. Желающіе могутъ адресовать свои заказы на имя ученаго секретаря главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ Евгенія Адольфовича Гейнца съ приложеніемъ суммы, соотвѣтствующей заказу.

Такимъ образомъ на почвѣ космополитической науки, интересы которой дороги всѣмъ націямъ, все цивилизованное человѣчество объединяется для дальнѣйшаго движенія по пути точнаго знанія и прогресса.

А. Н.

Monuel Zoologique. A consulter pendant les cours et les travaux pratiques. Par. E. Selenka. Traduit de l'allemand par E. de Rouville. P. I—Invertébrés, P. II—Vertèbrés. Prix. 6 fr.

Настоящее руководство имѣетъ цѣлью помогать изучающимъ зоологію въ теченіе прохожденія ими теоретическаго и практическаго курса. Для достиженія этого авторъ далъ 800 рисунковъ, изъ которыхъ около 100 оригинальныхъ, и написалъ краткій текстъ, содержащій самую элементарную классификацію и анатомію животныхъ. Какъ то, такъ и другое настолько кратко что книга совершенно не годится для изученія по ней зоологіи, но можетъ быть полезнымъ руководствомъ при практическихъ занятіяхъ, такъ какъ центръ тяжести ея—масса рисунковъ, частью схематическихъ, снабженныхъ необ-

Digitized by Google

ходимыми объясненіями. Кромѣ практическихъ занятій, настоящее руководство безусловно можетъ оказать существенную пользу при повтореніи пройденнаго уже курса зоологіи, напримѣръ, для экзаменовъ или для освѣженія въ памяти.

Въ этомъ отношеніи оно удобопримѣнимо и у насъ, такъ какъ во многихъ русскихъ высшихъ заведеніяхъ зоологію изучаютъ по учебнику Гертвига, а подъ вліяніемъ послѣдняго составлена и книга E. Selenka. Что касается пригодности послѣдней для самообразованія, то она не можетъ замѣнить подробнаго учебника, но можетъ оказать ему значительную помощь, такъ какъ не въ одномъ изъ нихъ не будетъ такой массы рисунковъ.

Прежде чѣмъ приступить къ спеціальной части, авторъ даетъ краткую систематику животныхъ въ предѣлахъ раздѣленія ихъ на типы, затѣмъ—таблицу геологическаго размѣщенія животныхъ и главу о географіи животныхъ. Спеціальная часть начинается съ простѣйшихъ, затѣмъ слѣдуетъ общій очеркъ много клѣточныхъ животныхъ съ таблицей различнаго типа развитія яйца, далѣе излагаются кишечно-полостныя, черви, иглокожія, моллюски и суставчатоногія. Это служитъ содержаніемъ I части, занимающей 105 страницъ и 500 рисунковъ. II часть (119 стр. и 300 рис.) посвящена почти исключительно позвоночнымъ. Эта часть особенно хорошо разработана и обширна; многіе рисунки ея появляются въ печати впервые. Изложенію отдѣльныхъ классовъ позвоночныхъ предпосланъ общій сравнительно-анатомическій обзоръ всѣхъ органовъ. Передъ позвоночными отведено нѣсколько страницъ оболочникамъ. Въ этой части особенно хороши рисунки, изображающіе развитіе позвоночныхъ, напримѣръ, таблица на стр. 6, изображающая дробленіе яйца и развитіе рыбки Amphioxus. Въ сравнительно-анатомическомъ обзорѣ скелета хорошо подобраны рисунки череповъ и конечностей, выясняющіе эволюцію скелета. Такъ же хороши рисунки кровеносной и мочевой системы и мозга.

К. Яцута.

П. М. Майковъ. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ біографіи. СПБ. 1904. Ц. 4 р.

П. М. Бецкой. Другъ человѣчества. Краткій біографическій очеркъ. Ц. 1 р.

Столѣтіе со дня кончины, Ивана Ивановича Бецкаго, исполнившееся 3 февраля настоящаго года, вызвало появленіе въ свѣтъ этихъ двухъ изданій.

Первое изъ нихъ представляетъ изъ себя усидчивый и кропотливый трудъ, составленный на основаніи архивныхъ матеріаловъ и удостоенный Академіей Наукъ уваровской преміей. Второе изданіе краткая брошюра, не претендующая ни на какую состоятельность появленіе ея въ свѣтъ вызвано единственно лишь желаніемъ составителей и издателей почтить память крупнаго человѣка.

Доходъ съ этого изданія всецѣло предназначенъ на обновленіе пришедшаго въ ветхость памятника на могилѣ Бецкаго и, на доброе дѣло его имени. Осуществленіе того и другаго, равно какъ и самое изданіе взялъ на себя „Распорядительный комитетъ общества для пособія бывшимъ воспитанникамъ С.-Петербургскаго Коммерческаго училища и ихъ семьямъ“.

С.-Петербургское комерческое училище тѣсно связано съ именемъ Бецкаго, который явился его создателемъ и почетнымъ опекуномъ. Великолѣпно изданная брошюра, снабжена рядомъ не дурныхъ снимковъ и портретовъ.

Совершенно иной характеръ носитъ серьезная работа П. М. Майкова, названная авторомъ „опытомъ біографіи“. Названіе это нѣсколько неправильно: Опытъ біографіи на самомъ дѣлѣ или является неудачнымъ „опытомъ“ или сырымъ матеріаломъ для будущаго біографа, который по канвѣ, данной П. Майковымъ, сумѣетъ представить выпуклую фигуру покойнаго „друга человѣчества“. Для этого, кромѣ знанія, нуженъ еще талантъ, дарованье.

Детальное, кропотливое изученіе архивныхъ источниковъ не спасаетъ труда г. Майкова отъ равнодушія и не дѣлаетъ его доступнымъ большинству читающей публики. Огромный томъ, состоящій почти изъ 500 стра-

Digitized by Google

ницъ текста и 300 страницъ примѣчаній, отличается всѣми качествами и недостатками ученыхъ работъ, которыя пишутся патентованными жрецами науки, „патентованными", но не талантливыми. Протокольная сухость изложенія, отсутствіе какой-либо стройной системы и всякихъ намековъ на стильное изложеніе—обычные спутники подобныхъ трудовъ. Трудъ г. Майкова обреченъ на очень узкій кругъ читателей. Его прочтутъ спеціалисты-историки, но совершенно не справится съ нимъ рядовой читатель; онъ буквально будетъ утомленъ массою повтореній и отступленій, и для него останется совершенно блѣдною фигура самого Бецкаго.

Наше общество о Бецкомъ забыло и забыло совершенно основательно, хотя и безъ всякихъ основаній. Врядъ ли среди дѣятелей блестящаго Екатерининскаго царствованія найдется другая личность, памяти которой должно было бы остаться болѣе вѣрно признательное потомство. „Что заслужилъ въ своихъ полезныхъ дняхъ, да будетъ памятникъ и въ позднихъ то вѣкахъ", гласитъ надпись, высѣченная на мраморѣ надгробнаго памятника Бецкаго. Самъ памятникъ подался и осѣлъ отъ разрушительнаго вліянія временъ; но фигура Бецкаго, общественнаго дѣятеля, до сихъ поръ должна напоминать потомству объ одномъ изъ выдающихся сѣятелей просвѣщенія XVIII вѣка.

Личная жизнь Бецкаго представляетъ не много интереса. Жилъ учился и служилъ. Жилъ своею особенною жизнью въ одну изъ пышныхъ эпохъ, когда другія, болѣе эффектныя, болѣе импозантныя фигуры затмѣвали его скромный и простой обликъ. Учился въ ту пору, когда на Руси вообще учились „понемногу, „чему-нибудь и какъ-нибудь", когда образованіе не составляло неотъемлемой принадлежности русскаго человѣка.

Служилъ,—и эта служба можетъ назваться дѣйствительно службой на пользу русскаго просвѣщенія.

Біографы Бецкаго, повѣствуя о первыхъ дняхъ его жизни, наталкиваются на непреодолимую трудность, такъ какъ въ точности не установлены ни мѣсто рожденія, ни годъ появленія его на свѣтъ, только болѣе или менѣе вѣрное предположеніе подтверждаетъ дату 3 февраля 1704 года и указываетъ на происхожденіе Бецкаго отъ князя Никиты Трубецкаго и той неизвѣстной женщины, которую одни біографы называютъ Фрезе, другіе— Спаре!..

Прекрасно образованный для своего времени въ семьѣ князя Трубецкаго, онъ много путешествовалъ по Европѣ. Здѣсь онъ познакомился съ матерью Императрицы Екатерины II, и это знакомство имѣло громадное значеніе на всю его дальнѣйшую жизнь.

Служебная карьера началась рано. Россіи нужны были образованные люди, и вниманіе Петра остановилось на Бецкомъ. Тогда, начинается его дипломатическая карьера, оборвавшаяся въ 1730 году и вновь начавшаяся послѣ восшествія на престолъ Елизаветы. Но самъ Бецкій уже хлопочетъ объ отставкѣ и, гонимый жаждою знанія и любознательностью, отправляется снова въ вояжъ по Европейскимъ странамъ; передвигаясь изъ страны въ страну, онъ ведетъ кочевую жизнь, больше всего времени проживая въ Парижѣ.

Уже умудренный опытомъ и обогащенный знаніями, почти 60 лѣтнимъ старикомъ, онъ является въ Россію по вызову Петра III и получаетъ здѣсь должность главнаго директора въ канцеляріи строеній. Вмѣстѣ съ воцареніемъ Екатерины II для дѣятельности Бецкаго открывается новая эпоха. Вдали отъ толпы фаворитовъ онъ остается въ полутѣни, какъ государственный дѣятель, но въ это-же самое время выдвигается изъ тѣни его имя на новомъ поприщѣ, вообще новомъ для Россіи. Бецкій встаетъ во главѣ Академіи Художествъ. Онъ разрабатываетъ планъ учрежденія въ Россіи воспитательныхъ домовъ; управляетъ московскимъ воспитательнымъ домомъ. Не проходитъ года, и живая мысль Бецкаго чертитъ новый планъ устройства въ Россіи перваго разсадника женскаго образованія. Таковымъ явилось въ Петербургѣ „Воспитательное" общество благородныхъ дѣвицъ. Онъ мечтаетъ о правильномъ образованіи для русскихъ дѣвушекъ. Онъ, отдавая дань вѣку и вѣря въ спасительность сословныхъ переспросить тѣмъ не менѣе подчеркиваетъ ту мысль, что образованіе должно быть доступно для всѣхъ: для дѣтей дворянъ и для дѣтей мѣщанъ.

Благотворя и заботясь о разсадникахъ образованія на Руси, онъ работаетъ, не покладая рукъ, и въ 1773 году особой наградой Бецкому была именная золотая ме-

Digitized by Google

даль „за любовь къ отечеству, отъ сената".

Простой и скромный одинокій, старый холостякъ, Бецкій представлялъ разительный контрастъ съ великолѣпными Екатерининскими вельможами. Все состояніе, накопленное при жизни сбереженіями долгихъ лѣтъ, онъ завѣщалъ своимъ друзьямъ, въ числѣ которыхъ были созданныя имъ учрежденія. „Лучъ милости былъ Бецкій ты",—характеризовалъ его Державинъ въ своемъ извѣстномъ посланіи. И этотъ тихій, скромный лучъ до сихъ поръ свѣтитъ намъ изъ сумрака временъ и свѣтитъ даже въ то время, когда давно уже затмилось и зашло блестящее солнце Екатерининской эпохи. Въ настоящее время духовный обликъ Бецкаго выступаетъ на фонѣ историческаго прошлаго еще ярче и смѣлѣе. Такъ тускнѣетъ съ годами лигатура, а чистое золото высокаго ума и души, очищенное отъ всѣхъ заблужденій, вѣка ярко свѣтитъ потомству.

„Что заслужилъ въ своихъ полезныхъ дняхъ, да будетъ памятникъ и въ позднихъ то вѣкахъ"!

Н—овъ.

Digitized by Google

На каждый вопросъ нужно прилагать по 2 семикопѣечныхъ марки, для справокъ. Оборотныя стороны письма просимъ оставлять чистыми.

Отв. г. Мак.... вой.—Рисунки діафрагмъ найдете въ № IV „Наука и Жизнь". Детальныхъ же чертежей трудно найти, такъ какъ они составляютъ фабричный секретъ.

Отв. Свящ. Коссаковскому. — За пожеланіе благодаримъ. О картахъ сами подумывали, но едва ли удастся осуществить это намѣреніе: и безъ того изданіе несетъ громадные расходы, пока не оправдываемые, приходомъ. Указанныя вами книги примемъ во вниманіе при составленіи приложеній на будущій годъ. Спасибо за отзывчивость.

Подписчику А. И.—Вы пишете совершенно справедливо. О недобросовѣстности нѣкоторыхъ граммофонныхъ торговцевъ давно уже извѣстно. Что дѣлать? Единственное средство бороться съ этимъ зломъ—брать товаръ у болѣе солидныхъ фирмъ. Объ аппаратѣ Паульсона (не Пульсена) мы сами хотѣли помѣстить статью.

Отв. г. Д. (Сиб. ж. д.)—Экзаменъ на техника-строителя держатъ при Институтѣ Гражд. Инженеровъ въ СПБ. весною и осенью. Весенніе экзамены уже отошли. На осенніе принимаются прошенія въ Техническомъ Отд. М-ва Вн. Дѣлъ.

Отв. г. смотрителю.—Прежде всего просимъ на будущее время спрашивать о такихъ щекотливыхъ вещахъ закрытыми письмами. Мы не отказываемся давать отвѣты и по такимъ вопросамъ, разъ они входятъ въ программу журнала, но надо же щадить стыдливость лицъ, въ руки которыхъ попадало, до редакціи, ваше письмо.—О вліяніи матери на плодъ вы узнаете изъ помѣщенной въ V нумерѣ журнала статьи проф. В. Груздева „Съ чего нужно начинать воспитаніе ребенка". Изъ нея же увидите, что разъ отецъ передаетъ свою болѣзнь матери, то она передается и плоду. Бываетъ и такъ, что болѣзнь отца (половая или легочная, напр.), передается плоду, мать же остается здоровой, при рожденіи ребенка (хотя никто не можетъ гарантировать ее, что она не заболѣетъ потомъ).—Что касается второго вашего вопроса, то онъ разрѣшается одинаково не только у человѣка, но и у животныхъ: первый мужъ имѣетъ громадное вліяніе на женщину, и даже, послѣ смерти его, дѣти отъ второго брака весьма часто походятъ на умершаго мужа. —Наконецъ, относительно развитія плода. Женское яичко оплодотворяется однимъ только живчикомъ; и, разъ оно оплодотворено, никакіе

Digitized by Google

другіе живчики въ него уже не могутъ проникнуть, слѣд., и не могутъ повлiять на него. Такъ обстоитъ дѣло и въ растительномъ, и въ животномъ мірѣ.

Подп. И. К. (Съ Воткинскаго завода). — Графофонные валики, особенно усовершенствованные, твердые, не даютъ такого шума, какъ граммофонныя пластинки, и играютъ не хуже послѣднихъ. Но, во 1-хъ, валики хрупче пластинокъ, да и хранить ихъ неудобно, во 2-хъ, граммофонъ производитъ болѣе сильные звуки, въ 3-хъ, выборъ пьесъ для граммофона гораздо обширнѣе. Въ общемъ, все же выгоднѣе и лучше покупать граммофоны, нежели графофоны. (Послѣдніе можно пріобрѣтать у тѣхъ же граммофонныхъ торговцевъ или у спеціалистовъ, напр. въ магазинѣ Голицына, въ СПБ. на Троицкой улицѣ).

Отв. г. Шмелеву.—Открытіе Эдисона пока заключается въ изобрѣтеніи особаго аккумулятора, но его еще не появлялось въ продажѣ въ Россіи. Что касается прессованной бумажной массы „крѣпче стали“, то это также—пока чисто американское изобрѣтеніе, еще не проникшее въ Россію, поэтому и руководствъ по изготовленію его нѣтъ.

Отв. К-ну (изъ Казилъ—Арвата). Повидимому, вы—не крестьянинъ—общественникъ, и потому чрезъ Крестьянскій Банкъ, выдающій ссуды подъ взаимною порукою сельскихъ обществъ, вамъ пріобрѣсти имѣнія нельзя. Лучше пріобрѣсти к. л. заложенное въ Дворянскомъ Банкѣ имѣніе, съ принятіемъ на себя долга владѣльца; это и будетъ вамъ служить ссудою. Долгъ вы погашаете въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (для дворянъ погашеніе разсрачивается на болѣе долгій срокъ, для не-дворянъ—на болѣе короткій).

Почти на такихъ же основаніяхъ можно пріобрѣсти имѣнія, заложенныя и въ любомъ земельномъ Банкѣ. Выберите себѣ имѣніе, на основаніи свѣдѣній, публикуемыхъ въ газетахъ, напр., въ Правит. В., СПБ. Вѣд. и др., или на основаніи личныхъ справокъ, поѣзжайте на аукціонъ,—и вы сдѣлаетесь владѣльцемъ, внеся извѣстную сумму. Разсказать все это въ нѣсколькихъ словахъ трудно; поговорите съ к. л. бывалымъ человѣкомъ. Можно и такъ: пріобрѣтите имѣніе и сейчасъ же заложите его въ к. л. Банкѣ. Во всякомъ случаѣ, около четверти всей стоимости имѣнія должно быть выплачено чистыми деньгами.

Редакторъ-издатель **Ф. С. Груздевъ.**

Дозволено цензурою, Спб. 19 Іюня 1904 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина Екатерин. кан., 71—6.

Годъ 1-й. | Съ 1-го Іюня 1904 года издается въ г. Житомірѣ ежедневная газета (кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней) | Цѣна 5 р.

„ВОЛЫНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Программа газеты:

1. Правительственныя распоряженія общія и мѣстныя изъ оффиціальныхъ источниковъ.
2. Телеграммы Россійскихъ телеграфныхъ агентствъ.
3. Новости изъ мѣстной, религіозной, общественной и частной жизни, въ извлеченіяхъ изъ подцензурныхъ газетъ и журналовъ.
4. Научная гигіена, сельское хозяйство и другія знанія.
5. Беллетристика: повѣсти, стихотворенія, очерки и разсказы, преимущественно оригинальные.
6. Библіографическія и частныя объявленія.

Подписная цѣна на годовое изданіе „Волынскаго Вѣстника“ съ доставкою въ городѣ Житомірѣ и пересылкою во всѣ города Россіи 5 рублей; за границу 8 рублей. Принимается также подписка въ разсрочку. На 7 мѣсяцевъ—3 руб., на 6 мѣсяцевъ—2 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца – 1 руб. 30 коп., на 2 мѣсяца—90 коп., на 1 мѣсяцъ—50 коп.

Для учебныхъ заведеній, волостныхъ правленій и почтовыхъ учрежд. 4 р. 50 к. въ годъ.

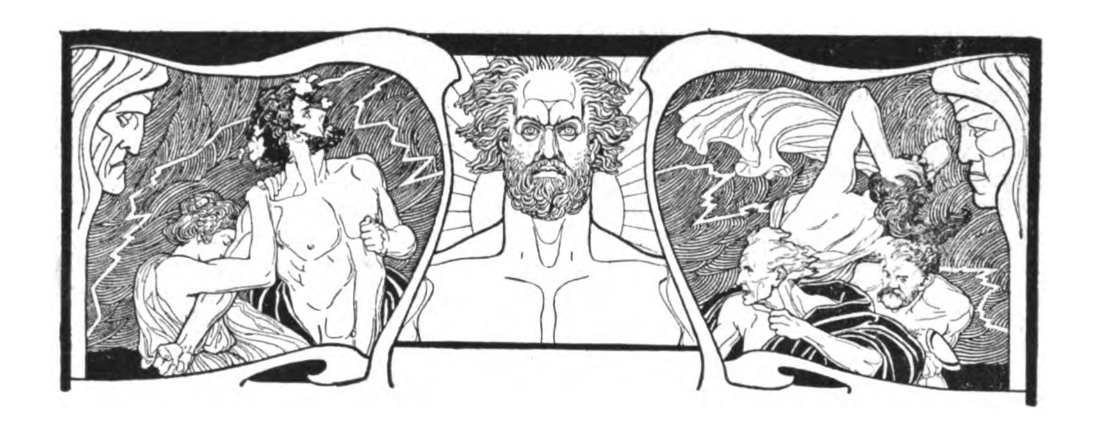
Редакція считаетъ своимъ долгомъ заявить, что она приложитъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы ея органъ вѣрно и безпристрастно освѣщалъ и толковалъ всѣ явленія текущей областной и мѣстной жизни и содѣйствовалъ общенародной культурѣ Волынянъ.

„Волынскій Вѣстникъ“ имѣетъ собственныхъ корресподентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Россіи.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи „Волынскій Вѣстникъ“ въ г. Житомірѣ, уголъ Кіевской и Петербургской ул., д. Варварова.

Отвѣтственный Редакторъ М. П. Лобановская.

Издатель Ѳ. И. Досинчукъ.

БІОЛОГИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ РАЗВИТІЯ КУЛЬТУРЫ.

Людвига Вольтмана.

(Окончаніе).

4. Формы человѣческаго отбора.

Развитіе органическихъ видовъ обусловливается быстрымъ размноженіемъ и жестокой взаимной борьбой за пищу, за самокъ и господство, причемъ вслѣдствіе строгаго отбора, особи и зародыши лучше организованные сохраняются, а другіе, какъ болѣе слабые, погибаютъ. Этотъ законъ развитія дѣйствуетъ какъ въ отношеніи растеній и животныхъ, такъ и въ отношеніи человѣческихъ расъ, съ тою лишь разницей, что каждый органическій видъ подчиняется своему собственному закону воспроизведенія, который бываетъ различенъ смотря по степени организаціи и по характеру внѣшнихъ условій жизни. Растенія и низшія животныя, которыя скорѣе рискуютъ погибнуть отъ разрушительныхъ силъ природы и которыя служатъ пищей для другихъ животныхъ, отличаются огромной плодовитостью. Однако и медленно размножающіяся животныя могутъ произвести на свѣтъ въ теченіе достаточно продолжительнаго періода времени, весьма большое количество потомковъ.

По вычисленію Дарвина, слонъ, который плодится медленнѣе всѣхъ другихъ, извѣстныхъ намъ животныхъ, можетъ въ продолженіе 740—750 лѣтъ произвести на свѣтъ отъ одной только самки 19 милл. потомковъ. *)

Къ числу организмовъ, размножающихся медленно, принадлежитъ и человѣкъ. Изъ того факта, что въ Соединенныхъ Штатахъ количество бѣлаго населенія въ періодъ 1790—1820 г. возросло съ 3 милл. до $7^1/_2$ милл., Мальтусъ заключилъ, что народонаселеніе, свободное отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, удваивается черезъ 25 лѣтъ, и слѣдовательно возрастаетъ въ геометрической прогрессіи. Но такое физіологически-возможное размноженіе достигается

*) H. Schmidt, Die Fruchtbarkeit in der Tierwelt. въ Zeitschrift fur Socialwiss. 5—Bed.

Digitized by Google

лишь при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Въ среднемъ, фактическое возрастаніе народонаселенія отстаетъ отъ естественной тенденціи, ибо у человѣка, какъ у всѣхъ другихъ живыхъ существъ, размноженіе ограничивается, по необходимости, наличнымъ запасомъ средствъ существованія. Въ Германской имперіи народонаселеніе за періодъ 1850—1880 г., т. е. за тридцать лѣтъ, возросло съ 35 милл. до 45 милліоновъ, въ Великобританіи съ Ирландіей съ 27 до 35 милл.; во Франціи съ 34,9 милл. до 36,6 милл. человѣкъ. Эти народы далеко отстали отъ физіологически-возможной нормы размноженія, хотя и въ различной степени.

Причины гибели всего излишка живыхъ существъ сводятся къ прямому недостатку пищи, войнамъ, повальнымъ болѣзнямъ, порокамъ и нравственному воздержанію. На различныхъ ступеняхъ человѣческой культуры перевѣшиваютъ то однѣ изъ этихъ причинъ, то другія. У примитивныхъ народовъ по преимуществу вліяютъ голодовки вслѣдствіе бездождія, затѣмъ постоянныя войны и обычай умерщвлять дѣтей. У народовъ, стоящихъ на болѣе высокой степени культуры и обладающихъ большими городами, фабриками, тѣсными жилищами и узкими улицами, населеніе временами сильно уменьшается отъ повальныхъ болѣзней и дѣтской смертности. Наконецъ, на самыхъ высшихъ ступеняхъ культуры, характеризующихся пресыщеніемъ и роскошью, народонаселеніе уменьшается отъ безбрачія, отъ заключенія браковъ между родственниками (Inzucht), деморализаціи, алькоголизма, отъ нервныхъ и половыхъ болѣзней, что особенно замѣтно въ высшихъ сословіяхъ, гдѣ всѣ темныя стороны культуры обнаруживаются рѣзче и скорѣе. По причинамъ чисто физіологическимъ приростъ уменьшается у такихъ народовъ, у которыхъ интенсивно перемѣшались расы антропологически-несходныя и тѣмъ понизили и плодовитость.

Во всѣ историческія эпохи общества совершалось приспособленіе количества населенія къ наличному количеству средствъ продовольствія. Но такое соціальное приспособленіе въ различныя времена совершалось при неодинаковыхъ условіяхъ. На рубежѣ возможной и дѣйствительной численности населенія происходитъ борьба за чисто физическое существованіе, причемъ безчисленныя жертвы гибнутъ на бранномъ полѣ соціальной конкурренціи отъ недостатка пищи и ухода, отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ и самоубійства, а низшіе слои общества вынуждаются ограничивать свои потребности самымъ крайнимъ минимумомъ.

Относительное перенаселеніе тоже наблюдалось въ теченіе исторической жизни человѣка. Вопросъ о томъ, можетъ ли и при какихъ именно условіяхъ можетъ наступить абсолютное перенаселеніе при раціональной и интенсивной обрабокѣ земли, есть вопросъ праздный и неразрѣшимый. Здѣсь надо принимать въ соображеніе и настоящее положеніе вещей, и ближайшее будущее въ нѣсколько столѣтій, но и въ будущемъ, надо полагать, слишкомъ избыточное размноженіе будетъ регулироваться тѣми-же репрессіями, какъ и теперь.

Теоретики соціализма осуждаютъ не естественную тенденцію перенаселенія, а соціальную организацію, и утверждаютъ, что это она порождаетъ нищету и болѣзни и преждевременно губитъ множество существованій. Но въ своемъ оптимистическомъ реализмѣ они не замѣчаютъ, что соціальная организація есть не произвольный фактъ, а совершенно такая же натура, какъ и тенденція размноженія; они не замѣчаютъ, что естественное отношеніе человѣка къ продукту земли есть не общественное только отношеніе, а принудительное, которое нельзя

Digitized by Google

ни упразднить, ни измѣнить правительственнымъ распоряженіемъ или нравоучительной проповѣдью, и въ которомъ получаетъ выраженіе центръ тяжести естественныхъ инстинктовъ и силъ. Оппенгеймеръ доказываетъ, что приходящееся на душу среднее количество жизненныхъ средствъ увеличилось, и что теорія Мальтуса такимъ образомъ опровергается. Но рѣчь идетъ здѣсь не о средней величинѣ: соціальная борьба ведется изъ-за лучшей и обильной пищи, изъ-за вопроса о плюсѣ и минусѣ, о благосостояніи и бѣдности, о болѣе обильныхъ рессурсахъ продовольствія, а такое общественное отношеніе коренится въ человѣческой натурѣ столь же прочно, какъ честолюбіе и властолюбіе.

Чрезмѣрное размноженіе и вызываемая имъ борьба за существованіе принимаетъ въ человѣческомъ обществѣ весьма своеобразный характеръ. Соціальное развитіе и соціальный отборъ часто дѣйствуютъ иными средствами и приводятъ нерѣдко къ инымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которые мы знаемъ изъ разсмотрѣнія животныхъ и растеній. Поэтому является вопросъ: въ какой мѣрѣ можно естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе считать факторомъ прогресса въ политической и интеллектуальной исторіи культуры?

Относительно всѣхъ животныхъ, живущихъ одиноко, изолированно, можно говорить лишь о физическомъ отборѣ. Соціальный отборъ совершается у высшихъ животныхъ, соединенныхъ въ общежитія, и тутъ онъ совершается двояко: съ одной стороны происходитъ отборъ особей въ борьбѣ за выдающееся соціальное положеніе, а съ другой—стада животныхъ, какъ замкнутыя въ себѣ общины, тоже производятъ отборъ, въ борьбѣ съ прочими видами. Формы соціальной организаціи подчиняются отбору въ такой же мѣрѣ, какъ и любые органическіе и инстинктивные задатки расы.—Отъ животнаго стада произошла человѣческая орда, которая диффенцировала условія отбора, подготовленныя первымъ, и тѣмъ положила начало политической и интеллектуальной исторіи, причемъ стали дѣйствовать экономическія, моральныя и интеллектуальныя силы и тенденціи отбора, соперничество.

Техническое и хозяйственное вооруженіе человѣка получило начало во внѣшней борьбѣ съ соперниками—инородцами, но развилось оно въ болѣе дифференцированныя формы лишь послѣ того, какъ появилось нѣсколько человѣческихъ расъ, и эти расы вступили между собою въ борьбу. Экономическое снаряженіе первоначально служило физическому отбору, но когда возникли различія имущественныя, покоившіяся не на естественныхъ индивидуальныхъ талантахъ, а на привиллегіяхъ и внѣшнихъ моментахъ фамильнаго наслѣдованія, тогда и первоначальный параллелизмъ между соціальнымъ положеніемъ и естественнымъ отборомъ могъ при извѣстныхъ условіяхъ нарушиться.

Ростъ интеллекта тоже не мало способствовалъ измѣненію органическаго отбора, становясь все болѣе и болѣе отборомъ мозговымъ и умаляя значеніе другихъ органовъ въ дѣлѣ отбора.

Какъ юридическое наслѣдованіе технико-экономическаго имущества, такъ и духовное наслѣдованіе не стоитъ въ прямой и необходимой связи съ наслѣдованіемъ органически обусловленныхъ свойствъ. Оба вида соціальнаго наслѣдованія естественно зависятъ отъ формъ соціальной организаціи, а изъ нихъ наибольшій шансъ на успѣхъ въ борьбѣ за существованіе имѣютъ тѣ, при которыхъ наслѣдованіе хозяйственныхъ благъ совершается по возможности параллельно органическому наслѣдованію.

Третье существенно важное различіе между органическимъ и соці-

Digitized by Google

альнымъ отборомъ создается моральными чувствами и представленіями, въ силу которыхъ поддерживается существованіе индивидовъ слабыхъ, болѣзненныхъ, умственно неразвитыхъ и порочныхъ, путемъ предоставленія имъ помощи, тогда какъ въ общежитіи животныхъ путемъ строгаго естественнаго отбора всѣ малосильные элементы удаляются. Для расы подобная соціальная охрана слабыхъ особей становится особенно опасной въ томъ случаѣ, когда несовершенная организація передается по наслѣдству: этимъ ускоряется процессъ вырожденія.

Резюмируемъ теперь признаки, которыми отличается органическій отборъ особей отъ соціальнаго:

1. Отборъ у животныхъ относится къ органическимъ средствамъ борьбы за существованіе, тогда какъ у человѣка къ отбору присоединяются еще техническія орудія, интеллектуальныя идеи и моральныя побужденія, которыя не необходимо стоятъ въ связи съ личными задатками индивидовъ.

2. Наслѣдственность у животныхъ имѣетъ характеръ органическій, такъ что и результатъ отбора, переживаніе наиболѣе приспособленныхъ видовъ, въ такомъ же органическомъ составѣ переходитъ и къ потомству. У человѣка же наблюдается еще и соціальное наслѣдованіе внѣличныхъ хозяйственыхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ благъ, которое не необходимо параллельно органическому наслѣдованію.

3. У животныхъ борьба за существованіе есть борьба за сохраненіе вида путемъ органическаго производства и воспроизведенія, тогда какъ въ человѣческомъ обществѣ совершается еще особая борьба за владѣніе, наслажденіе, положеніе. за моральные акты и интеллектуальныя идеи, которая отнюдь не всегда стоитъ въ связи съ органическимъ сохраненіемъ расы и даже можетъ противодѣйствовать ему.

Дифференціація и наслѣдованіе хозяйственнаго и духовнаго продукта можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, нарушить естественную солидарность индивидуальнаго и расоваго самосохраненія. На такой дифференціаціи органическаго и соціальнаго отбора покоится, съ одной стороны, возможность высшаго культурнаго развитія; съ другой же стороны—причина гибели расы. Всякое общество состоитъ изъ живыхъ конкретныхъ индивидовъ съ различными природными задатками, и крайне важно, чтобы создавались возможно болѣе благопріятныя условія отбора въ правовыхъ, хозяйственныхъ и интеллектуальныхъ учрежденіяхъ, и чтобы онѣ способствовали отбору наилучшихъ видовъ, ихъ сохраненію и размноженію.

Болѣе или менѣе подробное изслѣдованіе культурныхъ формъ соціальнаго отбора показываетъ, что соотношеніе между индивидуальнымъ самосохраненіемъ и сохраненіемъ расы весьма различно, смотря по степени экономическаго и интеллектуальнаго развитія. Отборъ касается или расы, или же сословій, семействъ и индивидовъ, и зависитъ съ одной стороны отъ антропологической структуры, а съ другой—отъ преобладающихъ селекціонныхъ цѣнностей въ хозяйственномъ производствѣ, а также отъ моральныхъ и интеллектуальныхъ взглядовъ, господствующихъ въ данномъ обществѣ.

Культурная исторія стоитъ въ тѣсной связи съ *борьбою расъ*, въ которой развиваются естественныя способности отдѣльныхъ человѣческихъ группъ. Расы вытѣсняютъ, подчиняютъ или уничтожаютъ одна другую, но не встрѣчается примѣра, чтобы раса физически породила болѣе высоко-развитую расу, которая затѣмъ и оставалась бы единственной носительницей прогресса. Физіологическое преемство поддерживается не одною только расой,

Digitized by Google

не однимъ только народомъ или племенемъ; однѣ расы и племена смѣняются другими, и на болѣе высокую ступень культуры наслѣдственно возводятся не болѣе даровитыя поколѣнія, а ихъ техническія и интеллектуальныя произведенія. Они передаютъ своимъ кровнородственнымъ преемникамъ не болѣе облагороженную натуру, а моральный прообразъ, соціальныя учрежденія и духовную традицію, и лишь тогда, когда явившаяся на смѣну раса сама приноситъ равноцѣнные природные задатки и способности, можетъ она воспринять и дальше развивать культурныя блага, полученныя ею по традиціи.

Созданіе культуры есть актъ біологическій, исчерпывающій собою физіологически всю производительную силу расы. Когда же культура создаетъ продукты внѣ-тѣлесные. совершенствующій отборъ уже не совпадаетъ съ органическимъ размноженіемъ и наслѣдованіемъ расъ и недѣлимыхъ. Появленіе и наслѣдованіе талантовъ и геніальныхъ дарованій есть явленіе органическое, зависящее отъ счастливыхъ комбинацій, которыя по исчисленію теоріи вѣроятностей наблюдаются все рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ повышается даровитость. Вымираніе даровитыхъ личностей и угасаніе выдающихся по таланту семействъ есть невознаградимая физіологическая утрата для расы. Возникновеніе духовныхъ формъ культуры знаменуетъ гибель органическихъ естественныхъ формъ, и этотъ контрастъ обнаруживается тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе дифференцированы учрежденія и условія отбора.

У первобытныхъ народовъ, у которыхъ и задатки, и дѣйствія довольно однородны, индивидъ и его потомство выдвигаются впередъ вслѣдствіе физическихъ преимуществъ тѣлесной силы, быстроты, ловкости и остроты чувствъ, а потомъ вслѣдствіе большей хитрости, коварства и умѣнья убѣждать.

Въ обществѣ же съ развитымъ дѣленіемъ труда и профессій могутъ выживать и другіе варіанты тѣлеснаго, духовнаго и моральнаго типа, которые при болѣе простыхъ и однородныхъ соціальныхъ порядкахъ погибали бы неминуемо. Развитіе городовъ и ихъ противоположеніе деревенской культурѣ, индивидуализація собственности, накопленіе хозяйственныхъ благъ въ отдѣльныхъ семьяхъ, необузданная конкурренція всѣхъ со всѣми— становятся новыми рычагами соціальнаго отбора и сохраненія интеллектуально-варьирующихъ и болѣе совершенныхъ индивидовъ.

Элементарнымъ условіемъ существованіе расы является ея физическое здоровье, а оно гарантируется лишь постояннымъ гигіеническимъ отборомъ. Повальныя болѣзни и дѣтская смертность выдѣляются своей тенденціей удалять изъ расоваго процесса индивидовъ слабыхъ и болѣзненныхъ.—По наблюденію Г. Іегера, больныхъ животныхъ инстинктивно избѣгаютъ ихъ здоровые собраты за издаваемое ими зловоніе, и часто они изгоняютъ ихъ изъ своей среды насильственно, что наблюдается, напримѣръ, у куръ и дикихъ козъ. Муравьи имѣютъ обыкновеніе бросать и вовсе удалять изъ гнѣзда животныхъ труднобольныхъ. Обезьяны не обнаруживаютъ ни малѣйшей жалости къ животнымъ слабымъ и больнымъ; напротивъ, онѣ съ чисто-звѣрской жестокостью изощряются въ замучиваніи больныхъ и истощенныхъ членовъ даже собственнаго стада *).

Стадныя животныя производятъ гигіеническій отборъ своимъ сородичамъ, и, подчиняясь инстинкту самоохраненія, предупреждаютъ распространеніе и наслѣдованіе болѣзней въ своей расѣ.

Съ другой стороны, смертность дѣтей такъ велика, что слабосиль-

*) Th. Knottnems Meyer, Allerlei Beobachtungen aus dem affenhause, Zoolog. Garten 1901 S, 12.

Digitized by Google

ныя, уродливыя и болѣзненныя особи легко погибаютъ. Правда, уже у стадныхъ животныхъ наблюдаются инстинкты, которые смягчаютъ борьбу за существованіе внутри ихъ собственной группы. Сочувствіе, взаимопомощь, солидарность — всѣ эти добродѣтели небезызвѣстны и у нихъ. Однако, строгій естественный подборъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы симпатическіе инстинкты не слишкомъ развивались въ ущербъ расѣ.

У первобытныхъ народовъ состраданіе и соціальное призрѣніе служатъ скорѣе сильнымъ и здоровымъ особямъ, чѣмъ слабымъ и болѣзненнымъ: жестокая борьба за существованіе противъ внѣшнихъ силъ природы постоянно вноситъ ту или иную поправку. Напримѣръ, о чукчахъ и якутахъ сообщаютъ, что взрослые представители племени почти никогда не хвораютъ. Путешественники сплошь и рядомъ заявляютъ, что среди „естественныхъ" племенъ не наблюдается уродовъ и калѣкъ.

Забрасываніе и умерщвленіе дѣтей, практикуемое всѣми дикими и варварскими народами и практиковавшееся часто въ древности, служитъ цѣлямъ естественнаго подбора, поскольку этому забрасыванію подвергаются особи слабосильныя и уродливыя. Относительно нѣкоторыхъ племенъ Южной Америки Мальтусъ сообщаетъ, что тамъ такой же участи подвергаются и дѣти нетрудоспособныхъ женщинъ, ибо опасаются, что у подобныхъ матерей потомство будетъ тоже слабосильно. При инфекціонныхъ болѣзняхъ и противъ обще-опасныхъ сумасшедшихъ дикари практикуютъ изоляцію, и при этомъ часто случается, что лицъ, исключенныхъ изъ общины и поселившихся одиноко въ лѣсу, пожираютъ дикіе хищные звѣри. У племени Wadoe существуетъ обычай чтобы женщину, у которой мужъ померъ отъ проказы, никто болѣе не бралъ въ замужество. Эта мѣра очевидно принимается затѣмъ, чтобы содѣйствовать естественному подбору и поддерживать силу въ расѣ. У цивилизованныхъ народовъ, которые развивали свои соціальныя чувства и идеи подъ интеллектуальнымъ воздѣйствіемъ Христіанской морали и гуманитарныхъ взглядовъ, наблюдаются такіе мотивы индивидуальныхъ и публичныхъ актовъ, которые могутъ стѣснить и даже вовсе парализовать гигіеническій отборъ. Филантропическія чувства могутъ здѣсь пріобрѣсти такую власть надъ душами, что состраданіе къ слабому, больному и малоприспособленному индивиду въ подобныхъ обществахъ будетъ возведено на степень высшей добродѣтели. У „естественныхъ" племенъ, которымъ охота и война служатъ исключительнымъ источникомъ средствъ къ жизни, сохраняются такіе индивиды, которые обладаютъ большой тѣлесной и духовной силой. Между тѣмъ въ обществѣ, покоющемся на дѣленіи труда и дифференціаціи профессій и развивающемъ „искусство мирнаго сожитія", личныя способности односторонняго, спеціализированнаго характера пріобрѣтаютъ значеніе публичное, поскольку данный индивидъ оказывается полезнымъ и дѣеспособнымъ въ отношеніи общины. Индивиды, тѣлесно слабосильные и болѣзненные, но представляющіе извѣстную селекціонную цѣнность благодаря выдающемуся размѣру или особенному характеру своихъ умственныхъ задатковъ и техническихъ познаній, остаются въ живыхъ, могутъ занимать хорошо обставленное въ экономическомъ смыслѣ положеніе, основывать семью и размножаться, причемъ они, конечно, могутъ передавать потомству также и свои наслѣдственные недостатки и болѣзни. Съ этой точки зрѣнія гигіеническія и санитарныя мѣропріятія цивилизованныхъ государствъ получаютъ совершенно своеобразное освѣщеніе.

Digitized by Google

Гайкрафтъ первымъ обратилъ вниманіе на то, что при искусственномъ подавленіи острыхъ инфекціонныхъ болѣзней увеличиваются заболѣванія конституціональныя и заболѣванія органовъ, такъ какъ при эпидеміяхъ по преимуществу удаляются особи, которыя страдаютъ этими болѣзнями. Но еще болѣе можетъ ухудшить расу пониженіе дѣтской смертности.

Кольбрюгге сообщаетъ въ своихъ „Антропологическихъ наблюденіяхъ на Малайскомъ архипелагѣ“ (Verhandl. der Berlin. Gesellsch. f. anthropologie 1900, 3. 397), что тамъ великаны и карлики такая же рѣдкость, какъ калѣки. „Отношенія роста очень равномѣрны: благодаря огромной смертности дѣтей, удаляются всѣ анормальныя особи“. Точно также дѣтей, плохо развитыхъ тѣлесно и интеллектуально не встрѣчается у Европейцевъ Остъ-Индіи; причиной этого явленія выставляется большая смертность дѣтей.*) Весьма поучительный примѣръ того вліянія, какое оказываетъ отрицательный гигіеническій отборъ, представляетъ собою еврейская раса. Евреи повсемѣстно обнаруживаютъ болѣе высокую среднюю продолжительность жизни, чѣмъ остальное населеніе. При поверхностномъ взглядѣ на явленіе можно подумать, что евреи обладаютъ большею жизненной энергіей. Въ дѣйствительности же наблюдается лишь меньшая цифра смертности, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, и способность противостоять острымъ инфекціоннымъ болѣзнямъ, которая объясняется хорошимъ уходомъ за дѣтьми и строгимъ соблюденіемъ гигіеническихъ предписаній**).

Въ результатѣ же получается тотъ фактъ, что число заболѣваній органовъ, а также болѣзней конституціональныхъ и нервныхъ сильно возрастаетъ, что можно объяснить недостаточностью естественнаго отбора и заключеніемъ браковъ между близкими родственниками. — Д. Эдемсъ.*) уже прежде Дарвина указывалъ на проявленіе наслѣдственнаго вырожденія, обусловленнаго недостаточнымъ отборомъ, и на физіологическую опасность, которая создается для расы филантропіей и законами о бѣдныхъ, поскольку ими тормазится самоочищеніе расы путемъ естественнаго отбора и поощряется наслѣдственное вырожденіе. А. Плэцъ ставилъ тоже самое въ укоръ тому началу охраненія слабосильныхъ, которое господствуетъ въ современной соціальной политикѣ **).

Дѣйствительно, во всѣхъ случаяхъ, когда органъ замѣняется техническимъ орудіемъ, а физіологическое отправленіе — функціей искусственной, и когда общественная помощь вытѣсняетъ индивидуальную дѣеспособность и отвѣтственность, начинаетъ проявляться и панмиксія, т. е. соотвѣтственные органы и функціи начинаютъ ускользать изъ подъ суроваго контроля естественнаго отбора. Поэтому частичныя ухудшенія расы по необходимости присущи осложненнымъ отношеніямъ культуры. Если онѣ — побочный лишь продуктъ культуры и, слѣдов. немногочисленны, или когда пріостанавливается наслѣдственное вырожденіе вслѣдствіе ограниченія размноженія, то онѣ не могутъ повредить всей расѣ и органическимъ устоямъ общества. Но если онѣ распространились на большинство населенія или на антропологически-важнѣйшую часть его, то панмиксія дѣйствуетъ разрушительно на *плазматическую*, зародышевую исторію расы и становится одною изъ важнѣйшихъ причинъ органическаго, политическаго и интеллектуальнаго

*) Zeitschr. f. Ethnologie 1901 г. S 395.
**) Indisches Wolksblatt 1902, № 50.

*) Philosophicel treatese ow hereditary peculiariltes of the human race 1814 и Г. Спенсеръ (Social statics 1868)
**) Ploetz, die Fuchtigkeit unsrer Rasse und der Schutz der Schwachen 1898.

Digitized by Google

упадка народовъ. Поэтому важнѣйшая задача антропологической теоріи исторіи и общественности состоитъ въ изслѣдованіи того, въ какой мѣрѣ всѣ экономическія, политическія и интеллектуальныя учрежденія и обычаи способствуютъ *физіологическому* росту расы или *культурному* развитію, а также въ указаніи тѣхъ спеціальныхъ причинъ, которыми обусловливается роковое противорѣчіе между обѣими задачами развитія народовъ.

5. Борьба за существованіе и борьба за право.

Въ человѣческомъ общежитіи, проникнутомъ духовными интересами, своеобразныя соціальныя отношенія въ общественномъ сознаніи выражаются *правовыми формами*, которыя образуютъ общій масштабъ для сужденій, импульсовъ и дѣяній, имѣющихъ отношеніе къ общественнымъ интересамъ.—Уже въ животномъ стадѣ существуетъ что-то вродѣ публично-правовой организаціи, которая покоится на раздѣленіи труда, на солидарности и централизаціи власти.

Инстинктивные импульсы и чувственно-ограниченныя представленія вотъ тѣ психологическія силы, которыя указываютъ каждому члену стада принадлежащее ему мѣсто. Изъ между-соціальной борьбы за привиллегированное положеніе, за первенство, побѣдителемъ выходитъ индивидъ сильнѣйшій и умнѣйшій. Первенствующій членъ стада, вождь его, пользуется соціальной привиллегіей въ сферѣ питанія, половыхъ наслажденій и почестей, но зато на немъ лежатъ и соціальныя обязанности: направлять стадо по вѣрному пути и защищать его въ опасности.

Внутреннее расчлененіе стада опредѣляется,—во первыхъ—способомъ добыванія пищи и способомъ нападенія и защиты, и во вторыхъ—характеромъ половыхъ отношеній. Встрѣчаются животныя стада, состоящія изъ одного самца и многихъ самокъ, съ которыми самецъ поддерживаетъ компанію. Другія состоятъ изъ стаи отдѣльныхъ паръ и семей; третьи живутъ одиночными семьями, которыя состоятъ изъ самца, самки и дѣтенышей, и лишь случайно соединяются съ другими семьями. Въ то время, какъ у животныхъ соціальныя расчлененія, покоющіяся на половомъ стремленіи, на отыскиваніи корма и стремленіи къ первенству, стоятъ въ тѣсной связи съ инстинктами и импульсами, тѣ же соціальныя отношенія, съ развитіемъ рѣчи, разума и традиціи, получаютъ болѣе осмысленную, *интеллектуальную* форму, вслѣдствіе того, что съ ними начинаютъ связывать опредѣленныя представленія о правѣ и обязанности. Для первобытной человѣческой орды мы должны допустить устройство, аналогичное животному укладу. Чѣмъ примитивнѣе общежитіе, тѣмъ болѣе общественная жизнь регулируется представленіями и актами, возникающими изъ привычки и подражанія. Надъ всѣми господствуетъ обычай и традиція. Правовые институты, формулируемые въ законѣ и въ качествѣ общепонятнаго писаннаго законоположенія обязательные для всѣхъ, появляются лишь на сравнительно высокой ступени соціальной культуры.

Политическая конституція и правомѣрное законодательство есть интеллектуально-возникающее приспособленіе расы къ условіямъ ея существованія и развитія. Онѣ возникаютъ изъ борьбы расы противъ внѣшняго врага, или же изъ тѣхъ конфликтовъ и столкновеній, которые возникаютъ въ ея собственной средѣ между отдѣльными индивидами или группами.

Борьба за существованіе обращается въ борьбу за соціальное вліяніе. Поэтому борьба за право по своему происхожденію и общему значенію есть *борьба за право силь-*

Digitized by Google

нѣйшаго. Право сильнѣйшаго есть въ то же время *право свободы*, и общественная свобода отдѣльныхъ лицъ или сословій и классовъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ ихъ могущество. Пріобрѣтеніе привиллегированнаго соціальнаго положенія, которое связано съ хозяйственнымъ преобладаніемъ и освобождаетъ отъ низшихъ заботъ и обязанностей существованія, даетъ *толчокъ развитію высшей культуры*, начало которой всегда полагали отдѣльныя лица или группа лицъ.

Прирожденныхъ правъ человѣка въ томъ смыслѣ, какъ они провозглашались философами и политиками высокоцивилизованныхъ націй,— въ смыслѣ неотъемлемаго права существовать достойнымъ человѣка образомъ, на чемъ покоится и требованіе политическаго и правового равенства всѣхъ индивидовъ одной расы или даже всего человѣческаго рода,—такихъ правъ не существуетъ въ естественныхъ первичныхъ отношеніяхъ жизни.

По мнѣнію К. Маркса, всякое право по содержанію своему есть право неравенства, покоющееся на естественныхъ привиллегіяхъ неодинаковаго дарованія и дѣеспособности. „Правоне можетъ перерасти соотвѣтствующую экономическую организацію и обусловленное ею культурное развитіе общества.*)

Но при всемъ томъ, невѣрно и предположеніе, дѣлаемое нѣкоторыми соціологами—дарвинистами, что борьба за существованіе въ природѣ есть будто бы лишь грубое уничтоженіе однихъ другими. Нельзя забывать, что семейная и общественная защита, оказываемая отдѣльнымъ индивидамъ, есть столь же могучая естественная сила, какъ и соперничество. Затѣмъ, неправильно и то предположеніе, что въ естественныхъ отношеніяхъ жизни сила всегда будто бы является синонимомъ насилія, эксплуатаціи и убійства. Напротивъ, сильная власть вождя нерѣдко бываетъ обставлена многими заботами и тяжкими обязанностями, имѣющими цѣлью сохраненіе и развитіе расы.

Право, по выраженію Іеринга, есть „политика силы“, но подъ силою надо разумѣть не грубое насиліе, а проявленіе правительственной мощи. Справедливость есть ни что иное, какъ соціальное равновѣсіе правъ, сообразованное съ индивидуальными силами, проявляемое публично и пользующееся всеобщимъ признаніемъ.

Право сильнѣйшаго можетъ и не быть правомъ совершеннѣйшаго, ибо и приспособленіе далеко не всегда знаменуетъ совершенствованіе въ мірѣ органическомъ и соціальномъ. Лишь при этической оцѣнкѣ права можно требовать, чтобы оно доказало свое совершенство. Поэтому не правъ и Аристотель, который полагаетъ, что сила всегда бываетъ сродна добродѣтели и доблести. Всемірная исторія лишь въ очень условномъ смыслѣ есть всемірный трибуналъ, напротивъ, она, какъ замѣчаетъ Фр. Ролле, „представляетъ собою текущій балансъ фактическихъ успѣховъ, достигнутыхъ различными борющимися партіями, причемъ добро преодолѣваетъ зло постольку, поскольку оно выгодно“.

Развитіе правовыхъ учрежденій опредѣляется антагонизмомъ естественныхъ инстинктовъ вражды, превосходства и солидарности. Въ одномъ случаѣ перевѣшиваетъ одинъ моментъ, въ другомъ—другой, а иногда всѣ эти силы приходятъ въ равновѣсіе. Измѣненія въ правовыхъ отношеніяхъ, будь то обычай или писанный законъ,—всегда представляются интеллектуальнымъ эффектомъ общественныхъ перемѣщеній силы; послѣднія же сводятся къ физіологическимъ измѣненіямъ въ органахъ, инстинктахъ и задаткахъ расы или многихъ расъ, составляющихъ въ совокупности единую пра-

*) Die Neue Zeit 1890—1891, S. 567.

Digitized by Google

вомѣрно организованную общину. Біологическія и антропологическія основы политическихъ и правовыхъ учрежденій измѣняются, въ ряду поколѣній, вслѣдствіе роста населенія, эмиграціи и иммиграціи группъ людей со своеобразными задатками, а также вслѣдствіе измѣненій техники и потребностей хозяйственнаго быта.

Появляются все новыя и новыя формы соціальнаго и полового отбора, причемъ однѣ человѣческія группы пріобрѣтаютъ руководящее господствующее положеніе, а другія приходятъ въ упадокъ или вовсе погибаютъ. Физіологическія метаморфозы приводятъ, въ общественной жизни, къ постояннымъ измѣненіямъ „борьбы за право", причемъ измѣнившееся органическое и экономическое сочетаніе силъ требуетъ себѣ закономѣрнаго признанія то въ видѣ насильственной революціи и гражданской смуты, то въ видѣ хозяйственной, парламентской борьбы, публичныхъ преній, и въ иныхъ, аналогичныхъ цивилизованныхъ формахъ.

Политическія и правовыя учрежденія суть соціальныя формы, возникшія при участіи интеллекта; онѣ, подобно литературнымъ и техническимъ произведеніямъ, подчиняются сравнительно - самостоятельному своеобразному развитію, физіологически обособившемуся отъ особей и группъ особей. Въ сферѣ соціальныхъ организацій тоже совершается біологическій отборъ наилучше- приспособленныхъ формъ жизни, которыя, подобно формамъ органическимъ, развились изъ простѣйшихъ формъ до уровня формъ усложненныхъ. Развитіе семьи и брака, хозяйственныя учрежденія и право собственности, расчлененіе сословій и профессій, политическія учрежденія и органы управленія, словомъ— всѣ законы, правовыя опредѣленія и публично-дѣйствующіе обычаи и привычки, въ качествѣ соціальныхъ формъ, подлежатъ варіаціи и отбору, приспособленію и наслѣдственности, совершенствованію и регрессивному развитію, причемъ ихъ селекціонная цѣнность измѣряется значеніемъ, какое они имѣютъ для органическаго, политическаго и духовнаго развитія расы.

Въ исторіи расъ и обществъ, антропологическихъ силъ и политическихъ учрежденій постоянно наблюдается взаимодѣйствіе противоположеній и компенсаціи. Хотя соціальныя формы и являются продуктомъ органической структуры расы, однако, онѣ могутъ обращаться въ относительно-самосостоятельную психическую силу и воздѣйствовать на творцовъ и носителей организаціи въ качествѣ условій отбора и реализаціи. Въ зоологическихъ общежитіяхъ такая компенсація совершается путемъ непрерывнаго и строго-дѣйствующаго контроля естественнаго вырожденія. Иное наблюдается у человѣка: тутъ, вслѣдствіе соціальной наслѣдственности и дифференціаціи, могутъ легко возникнуть противорѣчія между органической структурой и соціально-интеллектуальной надстройкой народа, и эти естественныя противорѣчія компенсируются въ жестокой борьбѣ, а иногда и въ крупныхъ потрясеніяхъ, которыя историкъ именуетъ политической революціей, а если напряженность слишкомъ велика, то онѣ начинаютъ угрожать самому существованію народа. Масштабомъ развитія и взаимодѣйствія расъ и правовыхъ формъ можетъ быть лишь тотъ масштабъ, который установленъ Дарвиномъ для естественной исторіи органическихъ видовъ вообще и человѣка въ частности: естественный отборъ въ борьбѣ за существованіе

6. Задатки расы и пересадка культуры.

Соціальныя учрежденія, какъ и формы интеллектуальныя и техническія, могутъ передаваться отъ

Digitized by Google

одной расы къ другой или въ неизмѣнномъ видѣ, или же съ примѣсью тенденцій, свойственныхъ чужой расѣ. Въ сферѣ политическихъ и правовыхъ идей тоже можно говорить, хотя и въ переносномъ смыслѣ, о развитіи путемъ интеллектуальнаго скрещиванія и смѣшенія.

Такъ, римское право было реципировано и отчасти преобразовано германскими племенами; такъ, могутъ народы говорить на языкѣ и исповѣдовать религію, которыя создала раса, сама уже давно вымершая или давно сама отказавшаяся отъ своей религіи и языка. Въ этомъ отношеніи достойны замѣчанія тѣ психологическія превращенія, которыя испытала христіанская религія при переходѣ отъ Евреевъ къ Грекамъ и Римлянамъ, у Германскихъ и потомъ у „дикихъ" расъ. Поэтому не всѣ интеллектуальные, политическіе и техническіе продукты общества можно считать оригинальными произведеніями данной расы. Даже на до историческихъ находкахъ и на художественныхъ произведеніяхъ нынѣ существующихъ примитивныхъ племенъ часто замѣчается своеобразная помѣсь стилей. Что въ основаніи этихъ эстетическихъ смѣшеній лежитъ помѣсь антропологическая, это показываетъ, напримѣръ, стиль Египетскихъ художественныхъ произведеній въ періодъ послѣ Александра Великаго, или стиль римскихъ произведеній послѣ проникновенія ихъ элементами восточныхъ расъ.

Но подобная же помѣсь формъ замѣчается и въ исторіи развитія языковъ. Хотя отдѣльныя слова и обороты рѣчи могутъ прививаться и черезъ простое соприкосновеніе племенъ, однако, болѣе крупныя превращенія и измѣненія въ формахъ языка становятся возможными лишь въ случаѣ смѣшенія крови. Гобино указывалъ на то, что такъ именно романскіе языки образовались изъ латинскаго языка, причемъ физіологическое своеобразіе въ орудіяхъ языка чуждой расы произвело и самое преобразованіе. Нѣчто подобное наблюдается у Негровъ Сѣверной Америки. — „Языкъ легко переходитъ къ другой расѣ, но передаются лишь отдѣльныя слова, а не произношеніе ихъ, зависящее отъ физіологическихъ условій, и не грамматика, не геній языка. Сѣверо-Американскіе Негры говорятъ по англійски, но выражаются по африкански: I done went, I done eat, и опускаютъ звукъ Y, который неудобно произносить при африканскомъ небѣ".*)
Способность плодотворно копировать и воспринимать элементы чужой культуры, будь то соціальныя учрежденія, интеллектуальныя идеи или техническія произведенія, необходимо предполагаетъ естественные задатки и дарованія, особенно тогда, если ей приходится внутренно перерабатывать чужія идеи и облекать ихъ въ новыя, болѣе сродныя формы. Интеллектуальное заимствованіе можетъ тогда ускорить развитіе расы безъ внутренняго ущерба для нея, и довести до такого цвѣтущаго состоянія, до котораго она сама по себѣ и собственными усиліями не дошла бы вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій и своего историческаго положенія.

Особенно благопріятно дѣйствуетъ психологическое скрещиваніе тогда, когда передаваемыя идеи, творенія и учрежденія созданы были расой родственной. Быстро и самодѣятельно восприняли Германскія племена культуру Римлянъ и Грековъ, а культуру Евреевъ они усвоили себѣ лишь въ видоизмѣненной Греческой формѣ, да и теперь еще нерѣдко обнаруживается антипатія Германцевъ противъ семитическаго духа, проникающаго Ветхій Завѣтъ. Негритянскіе народы уже въ древнѣй-

*) A. Wirth, Volkstum und Weltmacht in der Geschicht 1901, S. 7.

Digitized by Google

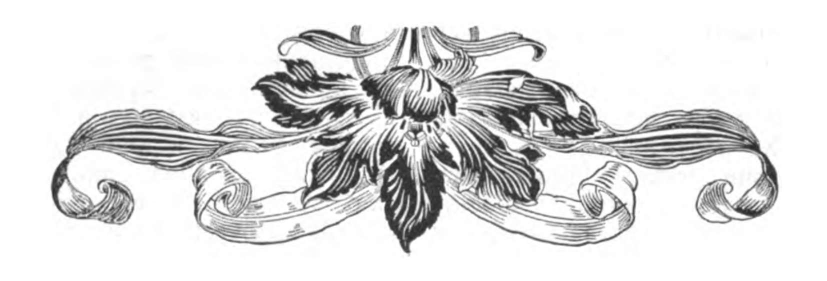
шую эпоху Египетской исторіи соприкасались съ цивилизаціей народовъ средиземноморскаго побережья, но не восприняли ни высшихъ формъ культуры, ни импульса для собственнаго развитія. Многія племена Негровъ, которымъ обычаи и привычки цивилизованныхъ Европейцевъ были навязаны искусственно и быстро, совсѣмъ опускались нравственно и даже вырождались физически.

Клемъ и Гобино высказали ту мысль, что пересадить высшую цивилизацію въ низшія расы возможно только путемъ кровосмѣшенія, причемъ элементы болѣе даровитой расы ассимилируются расѣ низшей.

Простого экономическаго и психологическаго соприкосновенія недостаточно, чтобы произвести длительныя интеллектуальныя превращенія. *Сила идей разбивается объ органическую ограниченность естественныхъ задатковъ.* Внѣшнее экономическое соприкосновеніе и психологическая передача цивилизаціи можетъ у менѣе даровитыхъ расъ прикрыть ихъ варварскую грубость лишь слегка, такъ что обычаи и идеи цивилизованныхъ народовъ у низшихъ расъ въ большинствѣ случаевъ превращаются въ каррикатуру.

Весьма ошибочно предположеніе, въ силу котораго иные говорятъ о „развитіи человѣческаго рода“, давая этимъ выраженіемъ понять, что весь родъ человѣческій въ совокупности будто бы прогрессируетъ солидарно и идетъ навстрѣчу общимъ культурнымъ цѣлямъ.

Напротивъ, существуютъ многіе и разные очаги и виды культуры, которые сообразно расовымъ задаткамъ и внѣшнимъ обстоятельствамъ проходятъ циклъ своего развитія подъ особыми, своеобразными формами. Развивается не культура, *развивается сама раса*, и развивается то изолированно, одиноко, то въ тѣсномъ общеніи съ другими расами. Культура человѣческаго рода развивается не въ направленіи прямой и не въ возрастающей прогрессіи; скорѣе можно уподобить ее сильно вѣтвящемуся дереву, на вершинѣ котораго располагаются наиболѣе даровитыя расы съ ихъ высокою культурою. Нельзя также установлять и прямолинейные ряды развитія, предполагая, что соціальныя учрежденія, формы семьи, сословій и государствъ, въ которыхъ отдѣльныя расы развиваютъ свои культурные задатки, проходили у всѣхъ расъ одинаковыя ступени эволюціи, хотя многія соціальныя формы, разумѣется, и развивались параллельно, благодаря общему сходству человѣческой натуры и условій внѣшней среды.

Digitized by Google

ТОЧКА ОПОРЫ.

РАЗСКАЗЪ.

М. К. Первухина.

О. Веніаминъ Маргаритовъ праздновалъ семейно важное событіе въ своей жизни,—полученіе камилавки. Это была давно жданная, давно заслуженная награда, но назначеніе ея все почему-то задерживалось. Родные и домочадцы, особенно старшій сынъ отца Веніамина, окончившій весною семинарію и ждавшій священническаго мѣста, Пименъ, объясняли это тѣмъ, что о. Веніаминъ — „гордячка непроходимая". Самъ о. Веніаминъ объяснялъ немилость начальства иначе: онъ былъ кладбищенскимъ священникомъ; кладбище было близко къ переполненію, не сегодня, такъ завтра оно подлежало закрытію, о чемъ въ городской думѣ уже шелъ разговоръ. И горожане предпочитали хоронить своихъ покойниковъ на другихъ „нивахъ Божіихъ", гдѣ былъ еще просторъ, и имѣлось такъ много блестѣвшихъ свѣжестью полировки памятниковъ. А старое кладбище оказывалось забытымъ, заброшеннымъ. Вмѣстѣ съ нимъ оказывался полузабытымъ, полузаброшеннымъ и причтъ его изветшавшей церкви, съ настоятелемъ о. Веніаминомъ Маргаритовымъ во главѣ. Если бы не богатый „причтовый капиталъ", драгоцѣнное наслѣдіе эры кладбища, причту пришлось бы питаться одними молитвами.

Полученіе камилавки праздновалось семейно, исключительно въ своей средѣ, и въ числѣ гостей не было никого, кромѣ членовъ кладбищенскаго причта. Почетное мѣсто за столомъ занимали—совсѣмъ молоденькій, но уже овдовѣвшій второй священникъ кладбища, о. Смарагдъ Филаретовъ, дьяконъ, „козлитонъ" Іоаннъ Марковъ, дьяконица, псаломщикъ Андрюша Кукса, „ветхій денми" дьячекъ Вавилоновъ, просвирня тетка Иринушка, вдова умершаго когда то дьякона Тріолетова,—вотъ и всѣ гости о. Веніамина. А остальную компанію сидѣвшихъ за праздничнымъ столомъ трапезующихъ составляли „чада и домочадцы" отца Веніамина, начиная съ полуразбитой параличемъ матушки Агафьи Ивановны, переходя къ дѣтямъ четы Маргаритовыхъ въ количествѣ шести человѣкъ, и заканчи-

Digitized by Google

вая прижившеюся въ ихъ домѣ „тетею Мотею“, какой-то отдаленною родственницею, которая когда то пріѣхала въ городъ искать мѣста, пріютилась у радушныхъ Маргаритовыхъ, жившихъ „по старинкѣ“ да такъ и прижилась у нихъ.

Обѣдъ подходилъ къ концу,— простой, но обильный и сытный обѣдъ, изготовленный наполовину собственноручно матушкою Агафьею Ивановною, большою мастерицею по части изготовленія яствъ и питій по какимъ-то стариннымъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе переходящимъ „рецептикамъ“ и „записочкамъ“,—и за столомъ становилось все шумнѣе и шумнѣе. На одномъ концѣ, гдѣ сидѣла дѣтвора, шелъ споръ, кто старше, соборный протоіерей Беневоленскій, генералъ, пріѣзжавшій недавно на кладбище служить панихиду на могилѣ жены, или виновникъ сегодняшняго торжества, глава семьи.

— Кто старше, тетя Мотя?—допытывалась картавая Лиза, пятилѣтняя дочь Маргаритовыхъ, ихъ „послѣдышъ“.

— А, ну, тебя... Послушать не дашь!—отмахивалась добродушно тетя Мотя своею маленькою сухою блѣдною ручкою, почему-то напоминающею гусиную лапку,—ну, тебя, Лизокъ! Тутъ такое интересное... Пима разошелся... Такъ и сычитъ на папашу, такъ и сычитъ... А ты пристаешь съ ерундою. Ѣшь киселя лучше... Не хочешь? Такъ помолчи, дай послушать... Ну, и Пима! Зудитъ, зудитъ! Отца разстраиваетъ только! Хоть бы не за обѣдомъ! Поѣсть спокойно не даетъ!

Въ самомъ дѣлѣ, за „старшимъ концомъ“ стола тоже шелъ разговоръ, который интересовалъ рѣшительно всѣхъ присутствовавшихъ, за исключеніемъ развѣ малышей.

— Папаша... Да поймите же,— отъ чистаго сердца... Понимаете? Не отъ непочтительности моей... Нѣту этой непочтительности! Выдумка она! Фикція, такъ сказать!— говорилъ бѣлокурый и худощавый, щеголевато одѣтый Пима, ища сочувствія своимъ рѣчамъ у окружающихъ. Говоря, онъ поминутно поглаживалъ себя пальцами по щекамъ, покрытымъ еще скудною юношескою растительностью, и оправлялъ манжеты, упорно уходившія въ рукава.

— Молодъ ты! Знать бы тебѣ этого не слѣдовало!—видимо, начиная сердиться, парировалъ нападки сына о. Веніаминъ, дѣлая видъ, что его больше спора интересуютъ достоинства немудраго дессерта — клюквеннаго киселя.

— Мать! Сахарку бы хорошо... Хоть ложечку!—добавилъ онъ, обращаясь къ матушкѣ Агафьѣ Ивановнѣ и протянулъ къ ней свою тарелку. Это движеніе выдало его: тарелка замѣтно дрожала въ его рукѣ,— почти ходуномъ ходила.

— Позвольте, папаша!—говорилъ Пима,—это—не доказательство. Молодъ я,—совершенно вѣрно. Но, во-первыхъ, это—недостатокъ, который проходитъ съ годами... А во-вторыхъ—это несовременно... Что значитъ молодость? Можно прожить до сѣдыхъ волосъ и остаться младенцемъ... Позвольте, папаша, я не на вашъ счетъ. Я понимаю долгъ сына. Отлично понимаю! Но, скажемъ, возьмемъ для примѣра нашу сосѣдку Алевтину Игнатьевну. Ей 64 года. Кажется, года—достаточные?

— Меня не убѣдишь... Напрасно стараешься...

— Позвольте. Вы только выслушайте, папаша. Удастся ли мнѣ васъ убѣдить или не удастся, это дѣло будущаго. Будущее себя покажетъ. Но выслушать-то меня можно? Вѣдь можно?

— Audiatur et altera pars!— вставилъ хриплымъ, придушеннымъ теноркомъ о. Смарагдъ. Дьяконъ и дьячекъ вопросительно переглянулись: бурсацкая премудрость была ими уже очень основательно забыта, и полузнакомое выраженіе о. Смарагда какъ-то тревожило ихъ. А

Digitized by Google

вдругъ отъ нихъ понадобится высказать, согласны ли они съ о. Смарагдомъ?

— Вѣрно! вѣрно!—мотнулъ головою Іоаннъ Марковъ, рѣшаясь рискнуть:—аудиторъ... какъ это дальше? Альтера... Такъ, такъ.

— Я и говорю: камилавка. Отлично, великолѣпно. Но... Но почему теперь только камилавка, я васъ спрашиваю?—продолжалъ свою рѣчь Пима.—Отецъ Смарагдъ! Я васъ уважаю. И вы, отецъ Іоаннъ. Ну, мы люди свои... Скажите: почему теперь? Почему не пять, не десять лѣтъ назадъ? Почему отецъ Праховъ шесть лѣтъ съ камилавкою. Отецъ Сидонскій семь лѣтъ. И такъ далѣе. А отецъ Маргаритовъ—теперь? А? Почему?

— Аще начертано въ книгѣ судебъ... — промолвилъ „Козлитонъ", теребя свою худосочную рыженькую бородку клинушкомъ.

— Оставьте! Оставьте книгу судебъ! Довольно нераціонально!—почти закричалъ Пименъ Веніаминовичъ на дьякона.

— Книга судебъ? Живетъ она гдѣ? По Бурсацкому спуску, въ домѣ вдовы цехового Гранитова. А фамилія ей, этой книгѣ судебъ,—Спасскій. А зовутъ ее—Иванъ Николаевичъ. И занимаетъ она въ семъ мірѣ тепленькое мѣсто—секретаря духовной консисторіи. А занятія ея—держаетъ за ниточки...

— Пименъ! Это еще что?

— Ничего особаго, папаша. Только правда! Вы же на нее обижаться отнюдь не имѣете права, ибо вы постоянно твердите: правда—выше и прежде всего. Такъ что же вы меня-то останавливаете? Я одну правду, голую, такъ сказать истину...

— In vino veritas!—выпалилъ дьяконъ и потянулся къ сосѣду съ полупустою рюмкою, говоря,—Дьяче! Друже! Давай чокнемся, давай чокнемся-почеломкаемся...

Пименъ Веніаминовичъ, раскраснѣвшійся во время спора и чувствовавшій себя въ ударѣ, не унимался.

— Что же? Я преосвященнаго Паисія не виню. Нѣтъ его вины: конечно, старый человѣкъ, на покой пора. Ручки-ножки болятъ...

— Пименъ, замолчи. Запрещаю... издѣвательства!

— Будьте покойны, папенька. Никакихъ издѣвательствъ. Я только голые факты отмѣчаю: все въ рукахъ Ивана Николаевича Спасскаго. Угодно ему—отецъ Сидонскій получитъ наперсный крестъ. Неугодно—отецъ Сидонскій съ доходнаго мѣста турманомъ вылетитъ въ какую-нибудь Безлюдовку,—по благовиднѣйшей причинѣ, для пользы церкви. Угодно—отецъ Маргаритовъ получаетъ камилавку въ молодости. Неугодно—получитъ въ семьдесятъ лѣтъ. И такъ далѣе. А какъ сдѣлать, чтобы ему угодно было...

— Ему же честь—честь. Ему же дань — дань! — отозвался „Козлитонъ".

— То-то—дань. Захочетъ Пименъ Маргаритовъ внести „ему же дань" въ размѣрѣ, скажемъ, трехсотъ рублей, получитъ Пименъ Маргаритовъ приходъ, если не въ городѣ, то по близости онаго. Анъ, Пименъ Маргаритовъ не платитъ,—и ждетъ Пименъ Маргаритовъ скоро годъ мѣста... Такъ-то!

— Окончательно воспрещаю!—категорически остановилъ продолженіе дебатовъ отецъ Веніаминъ, отодвигая тарелку съ остатками киселя:—слышишь? Воспрещаю. Если ты не уймешься на сей разъ, то я...

— Папаша! Развѣ я съ цѣлью обиды?

— Если не уймешься, я уйду изъ за стола. Занимай тогда гостей самъ. Не подобаетъ говорить то, что ты—такъ громогласно... Слышишь? Не желаю!

Матушка Агафья Ивановна, тетка Ирина и тетя Мотя испуганно глянули на Пимена Веніаминовича, безмолвно укоряя его за нарушеніе общаго спокойствія и взорами умоляя не прекословить отцу. Пименъ Веніаминовичъ, все еще возбужден-

Digitized by Google

ный споромъ и не истративш҇й всѣхъ своихъ доводовъ въ обличеніе непрактичности отца, оглянулся вокругъ, ища сочувствія и поддержки, но прочитать что-либо на лицахъ присутствующихъ было трудно: быстро надвинувшіяся зимнія сумерки наполнили уютную столовую полумглою. При невѣрномъ свѣтѣ догорающей зорьки какъ то странно измѣнились, стали незнакомыми, чуждыми лица сидящихъ.

Въ это время донесся звукъ дребезжащаго звонка у парадной двери, и этотъ звукъ разогналъ начинавшее дѣлаться для всѣхъ тягостнымъ молчаніе.

— Сонюша. Сбѣгай, дѣтка, посмотри! Ежели по дѣлу—проси въ гостиную!—скомандовала матушка.

Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка „епархіалка" стремительно, козочкою, выскочила изъ за стола и въ припрыжку понеслась въ прихожую, откуда слѣдомъ донесся визгъ отпираемаго замка, шарканье ногъ и чей то рокочущій басъ, прерываемый визгливыми нотками радостнаго голоса дѣвочки.

— Богъ милости послалъ!—сказалъ, поднимаясь изъ-за стола навстрѣчу идущимъ изъ прихожей о. Веніаминъ,—очевидно, гость пожаловалъ... Матушка! Ты бы распорядилась—самоварчикъ! Къ обѣду опоздалъ, такъ пусть чай застанетъ...

Гость шелъ къ столовой твердою, увѣренною, массивною походкою. Подъ его солидно обутыми ногами скрипѣли и трещали половицы обветшалаго церковнаго дома. Даже на столѣ въ столовой эти шаги отзывались: какой-то графинчикъ или стаканъ, сталкиваясь съ сосѣдомъ, неумолчно позванивалъ робкимъ и мелодическимъ серебристымъ звономъ...

— Судя по шагамъ,—началъ вдовый о. Смарагдъ,—судя по шагамъ шествующаго, —это долженъ быть никто иной...

— Дядя Бисмаркъ пріѣхалъ!—взвизгнула, распахивая передъ гостемъ двери Соня, и на порогѣ появилась весьма видная и представительная фигура отца Петра Успенскаго, сановитаго священника лѣтъ пятидесяти, двоюроднаго брата о. Веніамина.

— Миръ дому сему!—возгласилъ гость благодушнымъ баскомъ съ бархатистыми нотками и направился къ матушкѣ Агафьѣ Ивановнѣ. Поздоровавшись съ нею, онъ попалъ въ объятья отца Веніамина, съ которымъ троекратно облобызался, прижимая его къ своей широкой груди.

За отцомъ Веніаминомъ къ гостю приблизились — по старшинству — о. Смарагдъ, потомъ дьяконъ, потомъ Пименъ Веніаминовичъ, а за ними, уже безъ всякой субординаціи, дѣтвора, облѣпившая тучнаго и сановитаго гостя, цѣплявшаяся за рясу, толкавшая и безъ всякихъ церемоній виснувшая на шеѣ у „дяди Бисмарка".

— Ѣду я изъ Покотиловки!—заявилъ гость, усаживаясь рядомъ съ хозяиномъ въ придвинутое кѣмъ то изъ дѣтишекъ кресло,—ѣду, думаю, дай-кося зайду къ братику Веніамину. Давно что-то не заглядывалъ...

— И то давно!—подтвердила матушка, качая головою,—да мы привыкли! Знаемъ, что служба такая: все по разъѣздамъ, по разъѣздамъ... Дома въ кои вѣки...

— Ѣду, думаю, заѣду къ братику!—продолжалъ, отирая усы и расправляя роскошную бороду гость.—Кстати, думаю, поздравлю отца Веніамина съ наградкою, хотя бы и запоздавшею, да распрошу, какъ съ будущимъ іереемъ дѣла. А кстати и еще, подѣлюсь своимъ... не то горемъ, не то волненіемъ. Горя, въ сущности, нѣтъ: не мое дѣло. А отъ волненія никакъ отрѣшиться не могу. Говорю про дѣло покотиловскаго отца Стефана...

— Терновскаго? Съ похоронами?—встрепенулся о. Веніаминъ и всѣмъ корпусомъ повернулся къ разсказчику,—таки правда? Похоронили

Digitized by Google

безъ священника? Ахъ, грѣха-то, грѣха сколько?!.

— Да, исторія... Пренепріятная исторія. Въ газеты попало. Пошло гулять... Не иначе, какъ отъ Святѣйшаго Синода запросъ будетъ... Преосвященный совсѣмъ разстроенъ. Посылаетъ меня. Ты, говоритъ, отличаешься умѣніемъ всякія щекотливыя недоразумѣнія улаживать миромъ. Не даромъ тебя по епархіи „Бисмаркомъ" или „Талейраномъ"—точію не помню,—прозвали. Докажи, что сіе прозвище—не даромъ. Попытайся это дѣло утихомирить. Не ради, говоритъ, Стефана Терновскаго, ибо онъ, по всѣмъ видимостямъ, тяжко виноватъ, но ради всего сословія: тѣнь падаетъ... И сіе, говоритъ, въ наши дни, когда идетъ общее шатаніе мысли...

— Вскую шаташася!—изрекъ, мотнувъ лохматою головою, дьяконъ.

— При крайней нежелательности давать пищу нареканіямъ со стороны свѣтскихъ элементовъ, сіе создаетъ столь тяжкую коллизію, изъ которой и выйти съ честію болѣе чѣмъ затруднительно... Но попытаться все же необходимо... Поѣзжай"! Послѣ толико прелюбезной бесѣды, консисторія, разумѣется, сейчасъ же мнѣ—„дѣло" и „указъ"—немедленно произвести тщательное и строжайшее разслѣдованіе. Ну, я и поѣхалъ, облеченный полномочіями епархіальнаго слѣдователя... И убѣдился въ весьма печальной истинѣ. Исторія проста и несложна. Грѣхъ попуталъ отца Стефана. Молодъ онъ, горячъ не въ мѣру, и, долженъ правду сказать, — не на мѣстѣ. Въ свѣтской службѣ, быть можетъ, онъ былъ бы полноправнымъ членомъ сословія. Въ нашемъ дѣлѣ такъ нельзя. Такъ озлобилъ противъ себя людей, такъ озлобилъ... Я только что пріѣхалъ—самовольно незаконный сходъ сбили. Писаря не слушаютъ, старшинѣ чуть бороду не выщипали... Галдятъ, орутъ, налѣзаютъ... Положимъ, ко мнѣ—съ полнымъ почтеніемъ...

— Еще бы!—вырвалось у о. Веніамина.

— Приговоръ постановили: просить власти назначить другое лицо. А самъ отецъ Стефанъ—непримиримъ. Одно твердитъ: въ своемъ правѣ былъ. Жить надо. Жизнь дорожаетъ. Матушка молодая,—привыкла къ городской жизни... Умеръ старикъ этотъ. Семья—считается богатеями. Назначилъ о. Стефанъ за похороны десять рублей. Предлагаютъ, словно въ насмѣшку, рубль, да еще дерзятъ. Ну, онъ на своемъ, тѣ на своемъ. А тамъ народъ дерзкій. Кои на Донщинѣ побывали,—съ штундистами и баптистами знакомство и связи имѣютъ. Кои въ Москвѣ, въ Кіевѣ бываютъ. Словомъ,—вѣянія современности коснулись... Продержали трупъ три дня въ избѣ,—приходятъ къ отцу Стефану: хоронишь, батька, за полтора цѣлковыхъ? Нѣтъ! А, нѣтъ? Такъ хорошо же... Собрались, не говоря худого слова, всѣмъ почти селомъ, на кладбище отправились. Идутъ по деревнѣ, псалмы распѣваютъ. Донесли до могилы, старикъ тамъ одинъ есть, начетчикъ. Собственно, есть подозрѣніе, какъ будто тайно исповѣдующій расколъ. Ну, такъ онъ—съ молитвенникомъ. Я, говоритъ, на Шипкѣ былъ и подъ Плевною былъ, такъ мы, говоритъ, всѣхъ убитыхъ христолюбивыхъ воиновъ завсегда такъ. Потому гдѣ же ждать попа? Мы, говоритъ, даже татарву точно также. Потому, говоритъ, Богъ одинъ. Померъ на войнѣ — свой братъ солдатъ. А тамъ, говоритъ, на небѣ-то, разберутъ...

— Ахъ онъ—шутъ гороховый! Татаръ? Ну, скажите пожалуйста?!—вставилъ о. Іоаннъ Марковъ.

— Кладбищенскій сторожъ не пускалъ процессію, такъ его... того...

— Въ корреспонденціи сказано—покойника палкою ударилъ!—раздумчиво молвилъ о. Веніаминъ, барабаня пальцами по столу.

— Ну, это преувеличеніе. А что

Digitized by Google

загораживалъ, такъ это такъ. Ну, его немного и помяли.

— А самъ отецъ Стефанъ?

— Отецъ Стефанъ сначала вздумалъ шумѣть. Но благоразуміе взяло верхъ. Видитъ,—толпа такъ настроена, что лучше оставить... Не ровенъ часъ... Потому, Богъ ихъ знаетъ... И я сіе благоразуміе одобряю. Могло дѣло разыграться до весьма и весьма непріятныхъ размѣровъ..

— А я бы такъ не оставилъ!— вдругъ зазвенѣлъ нервный, озлобленный голосъ Пимена Веніаминовича: я бы такъ не оставилъ... Нѣ-этъ, шалишь! Нѣ-этъ, врешь! Я бы такъ не оставилъ...

— То-есть?—дипломатически осторожнымъ тономъ освѣдомился о. слѣдователь.

— Я бы... я... не знаю, на мѣстѣ видно было бы... А только это же какъ? Такое самовольство... Что же это? Мужики, хамы... Позвольте, вѣдь, это же бунтъ? На какомъ основаніи? По какому праву?

— Пименъ, замолчи!—отозвался о. Веніаминъ.

— Ни за что не замолчу, папаша. Потому, по какому праву? Что такое? Развѣ это порядокъ? Такъ развѣ возможно! А земскій на что? А „холодная" на что?

Гость пристально посмотрѣлъ на тонущее въ тѣни быстро сгущающихся сумерокъ лицо Пимена Веніаминовича и кивнулъ отцу Веніамину:

— Горячъ? А? И откуда это у него? Въ тебя, братикъ? Такъ нѣтъ, ты человѣкъ весьма уравновѣшенный... Опять же, въ матушку Агафью Ивановну? И та, на сколько освѣдомленъ я, такою горячностью отнюдь не обладаетъ... Ахъ, молодость, молодость!..

— Позвольте, позвольте, дядя! Такъ нельзя!—горячился опять Пименъ.— Я говорю: что же это? Я знаю, папаша на сторонѣ хамья этого. На сторонѣ мужичья. Почему? Говорятъ, я молодъ. Да! Но, позвольте. Почему за вывѣску маляръ запросить пять рублей—не грѣхъ. За требу запросилъ священникъ пять рублей — преступленіе? Положимъ, я попалъ въ эту самую Покотиловку. Женатъ. Потребности культурнаго человѣка, то, се... Ну-съ? А мнѣ—полтора рубля за похороны!.. Имѣю я право возмутиться? По рукамъ, по ногамъ человѣкъ связанъ. Того нельзя, этого не смѣй! Жизнь — окургуженная. Запрягли въ ярмо, со всѣхъ сторонъ стѣна, и еще такія исторіи! Нѣтъ, я за отца Стефана! Правъ, тысячу разъ правъ! Хоть какое-нибудь вознагражденіе... Должно же вознаграждаться! За что страдать? Я знаю, папенька другихъ взглядовъ. Потому, стараго поколѣнія. Античныхъ взглядовъ! У нихъ въ семинаріи Богъ знаетъ что творилось. Потому, такая эпоха... Шестидесятники, такъ сказать. Служеніе народу. Меньшой братъ. И такъ далѣе. Что же? Я не препятствую... Тѣмъ болѣе, въ сущности, единичное явленіе. Уникумъ, такъ сказать. Кажись одни папаши изъ цѣлаго выпуска этихъ ирраціональныхъ взглядовъ придерживаются. Прочіе практичнѣе. Точку опоры отыскали: преуспѣваютъ. Иные далеко шагнули. До нихъ теперь не дотянешься. А мы—на кладбищѣ. Да и то на подлежащемъ упраздненію... Что же? Я не препятствую...

— Но осуждаешь?

— Папенька! Смѣю ли я осуждать?

— Вслухъ? Вслухъ не рѣшаешься прямо. А про себя...

— Папенька! Допустите, что осуждаю. Да, вѣдь, правъ я. Потому,— трезво разсуждающему человѣку,— я говорю про современность,—иначе и отнестись нельзя... Идеализмъ отжилъ свой вѣкъ. Его наука похоронила. Нужна точка опоры, а не мифы. Тотъ же Милль.

— Ну, Милль намъ, іереямъ Божіимъ, не указъ. Наконецъ, онъ и самъ-то совѣсть въ своихъ трудахъ всю свелъ къ нулю. Читалъ я. Утонченный эгоизмъ—все его совѣсть.

Digitized by Google

— Позвольте, папаша! Что такое, наконецъ, совѣсть? Жизнь по совѣсти? Напримѣръ: прикармливать встрѣчнаго-поперечнаго — это по совѣсти, а накопить хоть малую толику для семьи? Не по совѣсти? Да? Заботиться о чужихъ,—по совѣсти. А позаботиться о томъ, чтобы у дѣтей была точка опоры—это не по совѣсти? Аскетизмъ? Отлично, если онъ въ третьемъ, четвертомъ вѣкѣ христіанской эры! Современенъ ли аскетизмъ въ наши дни? Такъ сказать, представляетъ ли онъ рыночную цѣнность?

— Храмъ Божій—не торжище!

— Да! Но у васъ, папаша, многочисленная семья. Простите, папаша, не въ судъ и не въ осужденіе. И не про себя: ибо не сегодня, такъ завтра, я буду имѣть точку опоры, создамъ себѣ опредѣленное положеніе. Но объ остальныхъ членахъ семьи! Предположимъ,—Кай человѣкъ. Люди смертны. Ergo—Кай смертенъ...

— Ты это къ чему?

— Къ тому же: при чемъ семья? Въ какомъ положеніи семья? На мостовой? Есть у нея, въ случаѣ чего, точка опоры?

— Оставь!

— Не могу оставить, папаша. Сердце болитъ. Вы сейчасъ: стяжатель! И такъ далѣе. А я, просто на просто, только ясно вижу вещи. И душа не мирится.

— Ну, о душѣ можно было бы умолчать...

— Напрасно обижаете. Я просто по благоразумію. Скажемъ, ваша церковная школа...

— Школа тебѣ помѣшала?—негодуя, спросилъ о. Веніаминъ.

— Мнѣ лично — нисколько. Но семьѣ, папаша, простите, очень... Потому, какъ школа стоитъ минимумъ триста, четыреста рублей въ годъ. Безъ всякой пользы, безъ всякой цѣли и смысла!.. На собственный счетъ школу содержите, а наблюдатель награды получаетъ. Какъ же иначе? Онъ, видите ли, располагаетъ духовенство тратить послѣдніе гроши на школы...

— И ты въ школѣ смысла не видишь? Гм!

— Вы иронизируете, папаша! Что же? Воля ваша. Но согласиться съ вашими воззрѣніями отнюдь не могу. Какъ хотите! Въ шестидесятыхъ, семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія,—ну, тогда, говорятъ, такія вѣянія... И даже раціонально было, быть можетъ, не спорю...

— Ну, довольно. Прекратимъ объясненія. Тѣмъ болѣе, у насъ гости, а мы въ препирательства пустились... Не гоже это. Мать! А что на счетъ самоварчика? Ромокъ есть еще? Мы съ братикомъ Петромъ и съ отцомъ Смарагдомъ вспомнимъ семинарскіе стихи:

Въ вечеръ майскій,
Въ чай китайскій
Ромъ ямайскій
Любо подливать...

— Дѣти! Помогите тетѣ Мотѣ убирать. Да не пора ли дѣтворѣ за уроки браться? Соня! Слышишь? Ты, егоза...

* * *

Подали самоваръ, огромный, пузатый, сердито фыркающій и выпускающій клубы паровъ. Половина гостей—просвирня, молчаливый дьяконъ съ дьяконицею исчезли, наскоро попрощавшись съ хозяевами. Псаломщикъ Кукса остался по просьбѣ матушки Агафьи Ивановны, предложившей ему спѣть что нибудь.

— Отъ божественнаго? Могу!— отвѣтилъ псаломщикъ, и, не ожидая подтвержденія, сталъ прочищать горло, массируя его снаружи двумя пальцами у кадыка, покрытаго рѣдкими рыжими волосами, и пробуя голосъ.

— До... ре... ми... фа... соль... ля... си...

— Нѣтъ, не изъ духовнаго. Нельзя ли что-нибудь свѣтское? Романсы, напримѣръ. „Пара гнѣдыхъ“, скажемъ, чудесный романсъ. Знаете, исторія такая трогательная... Или

Digitized by Google

„Ее въ грязи онъ подобралъ“!— просила Куксу матушка.

Когда-то въ дни молодости, она сама обладала чудеснымъ голосомъ,—за ея пѣсни и полюбилъ ее, въ сущности, отецъ Веніаминъ, за ея пѣсни и взялъ ее,—наименѣе выгодную изъ всѣхъ предложенныхъ ему невѣстъ. Съ годами голосъ пропалъ, но любовь къ пѣнью осталась, и матушка и теперь цѣлые часы готова была слушать пѣніе, но не изъ духовнаго репертуара. Предпочитала же она заунывныя малороссійскія „думки“ или тѣ изъ быстро устарѣвающихъ теперь романсовъ, въ которыхъ доминируетъ элементъ сантиментальности.

Пара гнѣдыхъ, запряженныхъ зарею...

Началъ пѣть Кукса.

У него былъ плохо обработанный и невѣрно поставленный, но отъ природы несомнѣнно богатый голосъ обширнаго діапазона, съ бархатистымъ тембромъ. При полной безыскуственности фразировки, онъ влагалъ въ пѣніе много чувства, и голосъ его въ небольшихъ низенькихъ комнатахъ звучалъ великолѣпно.

Только вѣрны ей остались понынѣ
Пара гнѣдыхъ... Пара гнѣдыхъ...

Пѣлъ Кукса, и окружающіе, упиваясь звуками, молчали...

Полчаса спустя въ маленькомъ кабинетѣ хозяина между отцомъ Веніаминомъ и гостемъ, отцомъ Петромъ, шелъ разговоръ. Сказанное отцомъ Веніаминомъ такъ поразило отца Петра, что онъ долго не могъ прійти въ себя, и, при всемъ своемъ умѣніи владѣть собою, при выработанномъ опытомъ долгихъ лѣтъ хладнокровіи, онъ потерялъ тонъ увѣреннаго и равнодушнаго дипломата, тотъ тонъ, благодаря которому въ епархіи онъ пріобрѣлъ имя отца Петра Бисмарка.

— Ты... ужъ слишкомъ! Вѣдь, плоть отъ плоти твоей, отецъ Веніаминъ! — смущенно и съ робкою укоризною говорилъ онъ хозяину.

— Да. Но не духъ отъ духа, братикъ. Вотъ что меня смущаетъ. Ты свой человѣкъ. Я могу съ тобой говорить откровенно. Я самъ не знаю, что дѣлать и какъ быть. Вѣдь, не мальчикъ же я? Шестьдесятъ почти лѣтъ прожилъ. Скоро сорокъ лѣтъ служу церкви и... и людямъ. И вотъ, когда приходится рѣшать столь важный вопросъ, какъ карьеру сына, — я обуянъ сомнѣніемъ. Ты присутствовалъ при недолговременномъ спорѣ, братикъ. Но эти споры идутъ со дня окончанія выпускныхъ экзаменовъ. Пойми: скоро годъ! И чѣмъ дальше я всматриваюсь, тѣмъ, пойми, страшнѣе мнѣ дѣлается и смутнѣе на душѣ. Потому, что же это? Послушай. Мы одни. Никто не услышитъ. Прожили мы много. Много видѣли, еще большее слышали. Помнишь Феофилактова? Естественными науками занимался, и такъ далѣе. Въ сущности, вѣдь, изъ отрицателей... Раціоналистъ... Онъ со мною откровененъ былъ: иду, говоритъ нести свѣтъ культуры. Попробую, совмѣстимо ли съ служеніемъ сану служеніе народу, передъ которымъ мы въ неоплатномъ долгу... Я, сказать правду, все же осуждалъ его. Разъ у тебя есть въ душѣ сомнѣнія,—лучше не становись іереемъ. Выйди изъ сословія. Но онъ, пойми, хоть до нѣкоторой ступени искупаетъ свои сомнѣнія, свои шатанія въ области религіозной — своими убѣжденіями. И что же? Вѣдь, погибъ на посту, какъ воинъ Бога Всевышняго, когда голодовка была... Да мнѣ что напоминать? Самъ знаешь... И если бы мой сынъ *такъ* шелъ на службу, — у меня не хватило бы силы духа сказать: „не иди. Воспрещаю. Силою отцовскаго авторитета—воспрещаю“...

Понимаю такъ: некуда сунуться. Дѣдъ, прадѣдъ — священнослужители. Ну, и самъ съ дѣтства дышалъ этимъ воздухомъ. Ни любви, ни пламенной вѣры,—но традиція есть. И идетъ, и... служитъ. Не хуже дѣда и отца. А при случаѣ, смотришь, свою

солидарность съ массою окажетъ. Идетъ стяжатель. Возьмемъ отца Горѣлова. Знаю, недостатки... Но..! Но онъ—горячо вѣрующій человѣкъ. Наконецъ, знаемъ мы съ тобою другихъ. Nomina odiosa sunt. Тотъ грѣшенъ тѣмъ, тотъ другимъ. Но, въ общемъ они—родные той массѣ, въ которую они идутъ. Они сознаютъ связь съ нею. Они—свои, и масса имъ проститъ. А проститъ ли масса моему сыну, который теперь, со школьной скамьи, вотъ что говоритъ,—когда онъ будетъ іереемъ? Господи! Да развѣ мнѣ, отцу, не тяжело, не безконечно тяжело говорить это? Я—отецъ. У меня душа болитъ. У меня сердце ноетъ. Откуда это все? Почему? За что?..

— Не преувеличиваешь ли ты, братикъ? Въ своемъ дѣлѣ судьею крайне затруднительно быть...

— Преувеличиваю? Я боюсь, что преуменьшаю. Ты всего не знаешь, братикъ, да мнѣ тяжело говорить: все же, сынъ... Э, да все равно. Ты—свой. Я, въ сущности, хотѣлъ даже въ городъ съѣздить, посовѣтоваться... Хотя какой совѣтъ мыслимъ? Ты знаешь, въ какомъ положеніи дѣло его женитьбы? Нѣтъ?

— Говорили, что ладится дѣло съ сиротой Геѳсиманскою...

— Да, говорили... Если бы такъ! Согласенъ. Невѣста со „взятіемъ". Приходъ — бѣдный. Мнѣ пришлось бы самому помогать. Такъ. Но... Охъ, говорить ли? Послушай. Рудометова знаешь?

— Желѣзняка?

— Его самаго. Онъ... Понимаешь, какъ брату, тебѣ говорю... Дѣвушка одна была. Семья не изъ твердыхъ. Мать тамъ... Но это пустое. Но горе такое! Сама дѣвица... гуляла. Купецъ содержалъ, — Рудометовъ. Теперь женится, хочетъ отвязаться. Она грозитъ: сѣрною кислотою оболью... Цѣлая исторія. У него товарищъ былъ... Тотъ посредникомъ... Сторговались, говорятъ — двадцать тысячъ отступного...

— Какое же отношеніе твой сынъ къ этому?

— Не понимаешь?

И отецъ Веніаминъ посмотрѣлъ прямо въ глаза двоюродному брату. Отецъ Петръ потупился и вздохнулъ глубоко.

— Да, — промолвилъ онъ грустно:—если такъ, конечно... Ахъ, дѣти, дѣти...

— Согласуется съ исповѣдуемыми имъ взглядами... Двадцать тысячъ... Точка опоры... И еще... знаешь, братикъ, фигуральный оборотъ рѣчи одинъ у него. Какъ-то при мнѣ прорвался. Это изъ-за тети Моти,— не признаетъ, что она даже полезна намъ, нужный человѣкъ. Протестуетъ: паразитизму, говоритъ, покровительство. Это, говоритъ, остатки мамонтоваго вѣка. Понимаешь?

— Не уясняю вполнѣ.

— То есть, видишь ли, въ его глазахъ—все это—только пережитки. Старая рухлядь. Даже такая вещь, какъ наша сословная солидарность. Не разберу, знаешь ли. Смутное что-то...

* * *

Приближалось Рождество. Какъ-то Пименъ Веніаминовичъ, по цѣлымъ днямъ пропадавшій „въ городѣ", вскользь заявилъ, что въ консисторіи ему обѣщали „подвинуть" его прошеніе о назначеніи его на священническое мѣсто сейчасъ же послѣ праздниковъ. Владыка утвердилъ докладъ консисторіи „о бытіи". Мѣсто было такое, которое только по какому-либо исключительному случаю могло достаться молодому священнику, да еще только семинаристу, а не академику.

Полученіе мѣста означало необходимость поторопиться съ рѣшеніемъ семейнаго вопроса: надо было кончить, надо было остановить свой выборъ и повѣнчаться.

И чѣмъ ближе подходило это время, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ глубже становился разладъ между отцомъ и сыномъ.

Digitized by Google

— Женишься?—спрашивалъ какъ-то зимнимъ вечеромъ о. Веніаминъ сына, зашедшаго въ его убогій кабинетикъ.

— Приходится жениться, папаша!—почтительнымъ, но твердымъ тономъ отвѣчалъ Пименъ, скашивая глаза въ сторону.

— На комъ же твой выборъ остановился?

— Вы знаете. Что же толковать! Извѣстно ужъ...

— А прошлое?

— Никакого прошлаго нѣтъ, папаша! Одна болтовня. Злые люди болтаютъ. И съ этимъ преосвященный согласенъ...

— Съ чѣмъ?

— Съ моимъ выборомъ, Я докладывалъ ему. Подробно изложилъ. Доказательства представилъ... (Черезъ отца ректора. Онъ все знаетъ...).

— И что же?

— Естественно: одобреніе. Да иначе и быть не могло. Ибо Маврушенька — жертва злой клеветы людской. Она сирота, а люди рады. И дѣло кончено. Имѣю консисторскій билетъ на вступленіе въ бракъ.

— Продался? За сколько?

— Напрасно вы это говорите, папенька. Вовсе не продался. Одни слова съ вашей стороны. И даже не логичныя...

— А если... я... къ преосвященному пойду?

— Совершенно напрасно будетъ. Только себя осрамите...

— А если я, какъ отецъ... Какъ отецъ, говорю... Запрещу?

— Жениться?

— Да, жениться!

— Воля ваша. Я изъ вашей воли— ни на шагъ, папаша. Вы совершенно напрасно меня такимъ непокорнымъ сыномъ считаете. А только я уже докладывалъ его преосвященству обстоятельства дѣла и имѣю его одобреніе... Такъ что неловко будетъ...

— Ну, хорошо. А если я... тебѣ... посвящаться... запрещу?

— Посвящаться запретите? Ахъ, папаша!.. Да что вы? Да развѣ это возможно?.. Ушамъ своимъ не вѣрю... Отецъ—самъ духовнаго званія, представитель духовнаго сословія, и вдругъ хочетъ, чтобы сынъ его, плоть отъ плоти и кровь отъ крови, такъ сказать,—былъ изверженъ изъ своего сословія?!.. Ахъ, папаша... Зачѣмъ такія слова?

О. Веніаминъ чувствовалъ, что сынъ глумится надъ нимъ, — глумится, хотя выражается глубоко почтительнымъ тономъ и на его лицѣ написана сугубая почтительность, въ его глазахъ горятъ искорки почти рабской преданности.

О. Веніаминъ поглядѣлъ на худое лицо сына и тяжко вздохнулъ. Пименъ Веніаминовичъ, понуривъ голову, на ципочкахъ вышелъ изъ кабинета.

Разговоръ этотъ возобновлялся не разъ, но къ ощутительнымъ результатамъ не приводилъ. Пименъ Веніаминовичъ, ища точку опоры, строя зданіе своего благополучія, не останавливался ни передъ чѣмъ. Не говоря уже о томъ, что его сторону приняла почти вся семья, начиная съ матери, добродушной и слабохарактерной матушки Агафьи Ивановны, на его же сторонѣ теперь оказался какимъ-то чудомъ и „дядя Бисмаркъ“, отецъ Петръ, и вдовый о. Смарагдъ, и дьяконъ „Козлитонъ“.

Какъ-то о. Веніамину пришлось узнать случайно, что матушка уже познакомилась „случайно“ съ нареченною невѣстою Пимена и въ восторгѣ отъ нея, какъ отъ премилой дѣвицы. Потомъ узналъ о. Веніаминъ, что и дѣти его, начиная съ вострушки Сони и кончая Лизунькою, уже знакомы съ невѣстою, бывали у нея, очарованы ею, гордятся ею. Потомъ узналъ и то, что, дѣйствительно, самъ преосвященный къ предполагаемому браку Пимена относится вполнѣ благопріятно, имѣвъ случай узнать невѣсту лично и при этомъ найдя, что дѣвушка, про которую по городу ходила сплетня, на самомъ дѣлѣ отличалась смирен-

Digitized by Google

номудріемъ, благовоспитанностью, почтеніемъ къ старшимъ и т. д.

Словомъ, о. Веніаминъ видѣлъ, что его сынъ за эти полгода сумѣлъ поставить дѣло такъ, что сопротивляться ему дольше не было ни смысла, ни цѣли. Оставалось только покориться судьбѣ и примириться съ нею.

Но это-то примиреніе давалось съ величайшимъ трудомъ: о. Веніаминъ думалъ и передумывалъ цѣлыми часами, безсонными ночами, что дѣлать ему съ сыномъ, какъ измѣнить его. Измѣнить — переродить... Но это оказывалось сверхъ силъ,

По временамъ о. Веніамину казалось, что весь разладъ съ сыномъ— кошмаръ, сонъ. Сонъ пройдетъ,— все исчезнетъ. Пименъ окажется такимъ же, какъ многіе и многіе изъ его однокашниковъ. Не лучше, но и не хуже... Вонъ Сергій Фиваидскій... Несомнѣнный стяжатель. Ежемѣсячно привозитъ въ городской банкъ вкладъ, торопясь нажить „малую толику". И тотъ же Сергій Фиваидскій сроднился съ мужикомъ, знаетъ его, понимаетъ его нужды, при случаѣ умѣло отстаиваетъ его интересы. И мужики его цѣнятъ.

— Ничего, крѣпкій попъ!—говорятъ о немъ. И имъ — даже довольны.

Отецъ Арефій Волоховъ пьетъ. Умерла у него жена, запилъ. И какъ пьетъ?! А сельская „громада" бережетъ его. Были доносы, было слѣдствіе,— громада отстояла его, своего немудраго попика... За то, что онъ безсребренникъ. За то, что онъ — свой братъ.

Какъ же будетъ жить съ „міромъ," съ сельскою „громадою" Пименъ? Вонъ его взгляды: точка опоры, бараній рогъ... Онъ чуждъ крестьянской массѣ, онъ презираетъ ее...

Вѣрующій ли онъ? Нѣтъ, въ немъ нѣтъ и проблеска вѣры. Пусть бы вѣра была немудрая, безъ провѣрки, безъ этической основы... Но въ немъ нѣтъ и этой вѣры. Онъ идетъ въ священники, какъ пошелъ бы въ акцизные контролеры или судебные слѣдователи... Идетъ только потому, что думаетъ найти пресловутую „точку опоры".

Было бы выгоднѣе стать управляющимъ, онъ пошелъ бы въ управляющіе. Если бы разсчиталъ, что можно хорошо пристроиться въ качествѣ педагога, сталъ бы педагогомъ. И тутъ, и тамъ, и вездѣ безъ любви къ дѣлу, безъ вѣры въ него, съ холодной почтительностью къ тѣмъ, у кого сила, и съ нескрываемымъ или плохо скрываемымъ пренебреженьемъ къ тѣмъ, кто ниже. Съ уваженіемъ ко всему преуспѣвающему и подвигающемуся впередъ, съ презрѣніемъ къ тому, что слабо...

— Ахъ, Господи! — взывалъ наединѣ, тяжко вздыхая, о. Веніаминъ, и добавлялъ:

— Вѣры нѣтъ... Совсѣмъ, ни во что, ни для чего—вѣры нѣтъ. Такъ, чиновникъ...

* * *

Тѣмъ временемъ въ домѣ шли дѣятельныя приготовленія къ свадьбѣ Пимена Веніаминовича. Пришлось отцу подумать, съ чѣмъ онъ отпускаетъ изъ дому сына, чѣмъ онъ благословитъ его на новую жизнь.

Особыхъ капиталовъ въ домѣ не было, вся многочисленная семья жила изо дня въ день, питаясь тѣмъ, что получалось самимъ отцомъ Веніаминомъ. Но за много лѣтъ жизни на одномъ мѣстѣ въ распоряженіи отца Веніамина все же скопилось не мало разнаго рода имущества. Подумавъ и взвѣсивъ, что можно выдѣлить изъ хозяйства на обзаведеніе сыну, матушка Агафья Ивановна принялась за кропотливую, но безуспѣшную работу выдѣленія посуды, мебели, столоваго и постельнаго бѣлья, предметовъ обстановки и т. д. Однажды о. Веніаминъ позвалъ сына въ свой кабинетъ и предложилъ ему выбрать

Digitized by Google

одинъ изъ трехъ выигрышныхъ билетовъ, пріобрѣтенныхъ на приданое матушки Агафьи Ивановны чуть ли не тридцать лѣтъ назадъ.

— Зачѣмъ же выбирать, папенька?—почтительно отозвался Пименъ, но, по настояніямъ отца, зажмурясь, протянулъ руку наугадъ и вынулъ одинъ билетъ.

— Только ставлю завѣтъ: продавать не долженъ! Слышишь? Если особо круто придется,—верни мнѣ. Я выплачу, сколько стоитъ по курсу. Но чтобы изъ рода онъ не выходилъ!—заявилъ о. Веніаминъ.

Пименъ изъявилъ согласіе. Тогда отецъ взялъ остальные два билета и вручилъ сыну.

— Тиражъ близокъ. Второго января, что ли? Застраховать надо. Ты въ городѣ чаще бываешь, потрудись ужъ... Вотъ тебѣ деньги. Кажется, достаточно будетъ? Постой. Ты какой номеръ взялъ? Дай, я запишу. Хоть карандашикомъ. Номеръ... Серія... Вотъ, такъ. На чернильницѣ, здѣсь. А то записную книжку куда-то засунулъ. Ну, съ Богомъ. Сегодня и застрахуй, а то промедлишь, а тамъ еще выйдетъ въ тиражъ... Обидно будетъ.

Послѣ новаго года, когда въ мѣстной газеткѣ появился списокъ выигрышныхъ билетовъ, о данныхъ Пимену билетахъ какъ-то не вспомнили. Билеты у Пимена, онъ ихъ застраховалъ, чего же больше?

Кстати, по городу пошли слухи, что бракъ Пимена съ намѣченною невѣстою разстраивается. Слухи были настолько настойчивы, что даже о. Веніаминъ счелъ необходимымъ спросить сына:

— Правда ли? Говорятъ, что ты измѣнилъ свое рѣшеніе относительно брака?

— Да, папаша! — отвѣчалъ, опуская глаза внизъ, Пименъ.

— Не объяснишь ли, почему?

— Раскаялся, папаша. Простите, не сразу сообразилъ... Погорячился, папаша. Потомъ взвѣсилъ, вижу, вы правы... Думаю, — опытъ родительскій ясно указуетъ пути...

— А рукоположеніе?

— И рукоположенія не будетъ. По крайней мѣрѣ, — теперь! — все тѣмъ же почтительнымъ тономъ отвѣчалъ Пименъ, и добавилъ: — даже на мою вакансію уже назначеніе состоялось: отца Сербинова сына, академика, преосвященный назначилъ...

— А ты же какъ? Будешь ждать другую вакансію?

— Нѣ-этъ, папенька... Не ищу.

— Да что же ты думаешь дѣлать?

— Я? Въ университетъ задумалъ.

— Въ университетъ? Это же почему?

— Не чувствую призванія къ священству, папенька.

Это столь неожиданное рѣшеніе и поразило, и обрадовало о. Веніамина: на душѣ у него стало какъ-то легче, словно свѣтлѣе. Его сынъ уходилъ изъ сословія,—но это было лучше, потому что въ противномъ случаѣ вся его послѣдующая жизнь была бы сплошною ложью, издѣвательствомъ.

О. Веніаминъ подошелъ вплотную къ сыну, обнялъ его, заглядывая ему въ глаза, крѣпко поцѣловалъ...

— Кстати, папенька, вотъ билеты...

— Какіе билеты, Пима?

— Тѣ, ваши... Которые вы застраховать поручали.

— Въ табличкѣ смотрѣлъ?

— Смотрѣлъ, папенька.

— Ну, и что же?

— Да ничего. Не выигралъ ни одинъ, и не попали въ тиражъ.

Удовлетворившись словами сына, о. Веніаминъ положилъ билеты не глядя въ ящикъ письменнаго стола.

Послѣ праздниковъ Пименъ Веніаминовичъ уѣхалъ. Сначала онъ поѣхалъ въ Москву, потомъ въ Петербургъ. Изъ Петербурга онъ прислалъ коротенькое письмецо семьѣ гдѣ говорилъ въ туманныхъ выраженіяхъ, что обстоятельства заста-

Digitized by Google

вляютъ его на нѣкоторое время куда-то уѣхать, что онъ не будетъ имѣть времени скоро написать о себѣ.

Подивились домашніе, матушка Агафья Ивановна нѣсколько разъ тяжко всплакнула. А потомъ все вошло въ колею.

Какъ-то о. Веніамину понадобились экстренно деньги. Рѣшено было заложить одинъ изъ оставшихся билетовъ. Доставъ ихъ изъ стола, о. Веніаминъ сталъ записывать ихъ номера и пришелъ въ недоумѣніе:

— Что за притча? Кажись Пимена билетъ остался? Гдѣ это записанъ былъ? Въ книжкѣ? Нѣтъ, не въ книжкѣ. А, вспомнилъ—на чернильничкѣ. Здѣсь. Такъ, вотъ... Подъ скляночкою... Опять что-то не понятно: стерта запись. Кому понадобилось? Чудеса чудесъ...

Заложить билеты о. Веніаминъ повезъ въ ту же контору, въ которой всегда страховалъ ихъ. Тамъ его встрѣтили съ непривычнымъ для него почетомъ и услужливостью. Къ нему вышелъ самъ шефъ конторы, его пригласили въ особый кабинетъ.

— Заложить билеты? — удивился шефъ и даже нѣсколько растерялся.

— Да. А что же такого? Бываетъ, нуждаешься...

— Съ сорока тысячами, батюшка?

— Съ какими?

— Хе, хе. Отъ насъ скрываете? У насъ же вашъ сынокъ учитывалъ, и отъ насъ скрываете!? Грѣхъ, батюшка!..

О. Веніаминъ ничего не понималъ и съ трудомъ добился разъясненія. Оказалось, что на одинъ изъ застрахованныхъ въ конторѣ билетовъ палъ выигрышъ въ январьскій тиражъ въ суммѣ сорока тысячъ. Всѣ билеты были записаны на имя Пимена Веніаминовича, и контора безъ всякихъ препятствій согласилась уплатить ему, съ извѣстнымъ, понятно, дисконтомъ, выигрышъ.

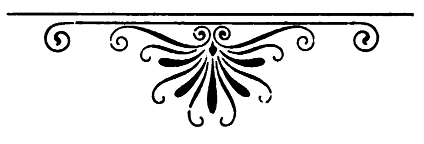
Возвратившись домой, о. Веніаминъ перерылъ старыя записныя книжки и доискался записи номера выигрышнаго билета. У него не осталось никакихъ сомнѣній въ томъ, что выигралъ не тотъ билетъ, который былъ подаренъ имъ сыну, а одинъ изъ тѣхъ, которые были достояніемъ семьи...

Весь остатокъ дня о. Веніаминъ провелъ безвыходно въ своей комнатѣ. Нѣсколько разъ къ дверямъ ея подходила матушка Агафья Ивановна, пытаясь робко и нерѣшительно вызвать изъ кабинета мужа, но о. Веніаминъ отвѣчалъ:

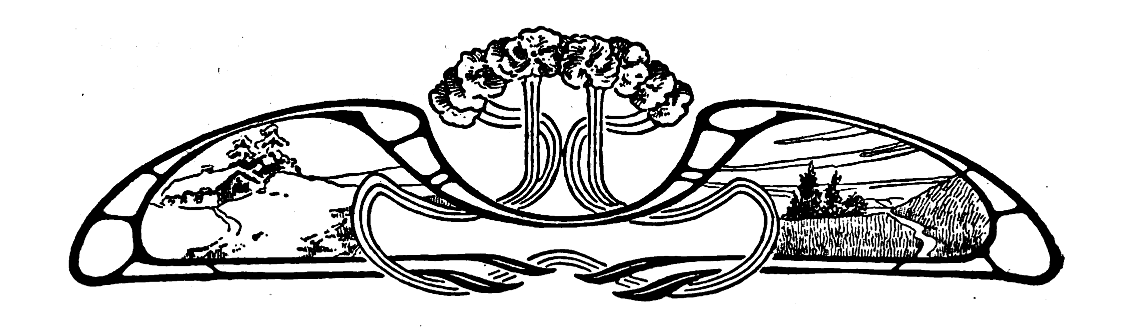
— Не мѣшай. Я молюсь...

Подъ вечеръ о. Веніаминъ вышелъ въ столовую и усѣлся на своемъ обычномъ мѣстѣ. Теперь на его лицѣ лежала тѣнь какой-то затаенной печали, и... вмѣстѣ словно отблескъ радости: онъ зналъ, что Пименъ священникомъ не будетъ, никогда не будетъ. У него, у Пимена, есть та пресловутая „точка опоры“, о которой онъ такъ страстно, такъ настойчиво мечталъ... Въ священничествѣ больше нѣтъ никакой нужды...

М. Первухинъ.

Digitized by Google

Плачъ ночи.

На долины, потоками крови залитыя, осторожно спустилась печальная ночь...

Она траурный флеръ по землѣ разостлала, груды тѣлъ бездыханныхъ подъ нимъ погребая...

Она мрачными тучами мѣсяцъ закрыла...

Она чернымъ крыломъ привидѣнья спугнула...

И надъ скорбной долиной, надъ полемъ страданья, изнывая тоской, замерла...

Плачь, о, ночь!

Разорви свои черныя тучи, моремъ слезъ смой кровавыя пятна долины...

Плачь, о, ночь!

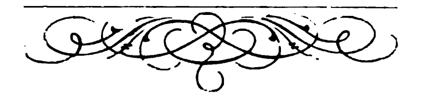
Плачь! приникни съ любовью къ страдальцамъ, облегчи своей лаской предсмертныя муки...

Плачь о юности, плачь о надеждахъ, плачь о дѣлѣ кровавомъ и жертвахъ его...

. . . .

Плачь, о ночь!

О. Снѣгина.

Digitized by Google

ПѢСНЯ.

(Изъ воспоминаній).

Е. Кривцова.

I.

Жаркій августовскій день 1900 г. Маленькій пограничный городокъ на берегу Амура кишитъ войсками. Каждый день безконечно длинные воинскіе поѣзда выбрасываютъ на платформу вокзала сотни и тысячи солдатъ, и каждый день другія сотни и тысячи уходятъ изъ города съ пѣснями и музыкой въ невѣдомую даль на смерть и страданія...

Клонившееся уже къ западу солнце заливало лучами небольшую комнату одного изъ деревянныхъ домишекъ на краю города. Оба окна ея были раскрыты настежъ, и въ одно изъ нихъ виднѣлся заваленный всякимъ хламомъ дворъ съ стоящей въ углу его зеленой двуколкой и привязанной къ ней верховой лошадью, съ курами, бродящими вокругъ навозной кучи, и развѣшаннымъ на веревкѣ бѣльемъ. Передъ другимъ тянулась пыльная, мягкая дорога, за ней разстилался зеленѣющій лугъ съ бѣлѣющими на немъ далеко палатками бивака, а еще дальше замкнули вѣнцомъ равнину горы, подернутыя туманно-голубой дымкой.

Посреди комнаты за простымъ некрашенымъ столомъ, покрытымъ грязной и засаленной скатертью, си-

Digitized by Google

дѣло четыре офицера. Они только что кончили обѣдать, о чемъ свидѣтельствовали крошки хлѣба и объѣдки кушанья, обильно усыпавшіе столъ. Низенькій блондинъ, штабсъ-капитанъ, называемый собесѣдниками Сергѣемъ Петровичемъ, усердно пилъ и поилъ пивомъ своего сосѣда, худого и лысаго, пожилого, призваннаго изъ запаса, прапорщика Ромѣева. Растущая на столѣ батарея была обязана своимъ появленіемъ исключительно имъ, и чуть не каждые полчаса денщикъ, по знаку Сергѣя Петровича, ставилъ передъ ними новыя полныя бутылки. Лица обоихъ были красны, кителя растегнуты, а послѣобѣденный разговоръ носилъ очевидно пикантный характеръ, такъ какъ въ немъ поминутно упоминалось о какой-то „кумѣ".

— Понимаешь,—говорилъ штабсъ-капитанъ, наливая Ромѣеву стаканъ пива и расплескивая пѣну на скатерть,—пять лѣтъ назадъ была самая обыкновенная... Ну, пигалица... Просто плюгавая бабенка. Мужъ со мной въ Березовскомъ полку служилъ. Прохвостъ тоже...

— И ты что же? Тогда уже съ ней... тово?—хихикалъ прапорщикъ.

— Всякое бывало и тово, и разтово... Да пей ты, лысая башка. Пьетъ, какъ пѣшка въ носу ковыряетъ. Чего хохочешь-то? Ну, а теперь, братъ... Шикъ одинъ... У инженера Захарьина на содержаніи... Одѣвается, чортъ возьми... Француженка совсѣмъ... Пополнѣла, похорошѣла. Грандъ-дама, Ромейка!

— Узнала?

— Обрадовалась страшно. Инженеръ ея въ командировкѣ, такъ она теперь здѣсь и направо, и налѣво... Въ „Дальній Востокъ" покатили, ужинали. Что она, братъ, въ кабинетѣ выдѣлывала! Жаль, что выступаемъ завтра, а то бы я тебя съ ней познакомилъ. Прелесть! Гузка!—заоралъ онъ вдругъ въ окно, выходящее на дворъ. У окна выросъ денщикъ, громадный бородатый солдатъ.

— Чего, подлецъ, зѣваешь? Видишь,—пустыя. Еще полъ-дюжины. Живо!

— Не много-ли будетъ? — замѣтилъ прапорщикъ.

— Ничего не много. Пить такъ ужь пить. Завтра уйдемъ, такъ когда его и увидишь, пиво-то? Михайлычъ съ капитаномъ поддержатъ. Михайлычъ! Чего не пьешь?—крикнулъ онъ сидѣвшему на другомъ концѣ стола худощавому брюнету, поручику Курайцеву.

— Опять въ мерихлюндіи?

— Не хочется!—отозвался Курайцевъ, вздрогнувъ отъ неожиданнаго оклика.

— Ну, не хочешь, чортъ съ тобой.

Четвертый изъ присутствовавшихъ, сѣдой и низенькій капитанъ Филимоновъ суетливо бѣгалъ по комнатѣ, кипятился и забрасывалъ безсвязными фразами неподвижно стоявшаго у двери браваго, рыжеусаго фельдфебеля.

— Въ шею, въ шею, безъ всякихъ объясненій. Пусть жалуются кому угодно, хоть чорту. Они, эти мерзавцы, хуже китайцевъ. Изволители видѣть, дрова у нихъ украли солдаты. Да что-же, солдатъ скотина, а не человѣкъ? Я бы ихъ самихъ поморозилъ ночью въ палаткѣ!

— Такъ что ваше высокоблагородіе, полковой адъютантъ приказали, чтобы вещи, значитъ, поручика Закатальскаго къ намъ въ двуколки.

— Нѣтъ мѣста въ двуколкахъ, тысячу разъ говорилъ, нѣтъ мѣста. Своимъ офицерамъ тѣсно. Мало своихъ штабныхъ, по двадцати пудовъ они что-ли берутъ? Докладывалъ, что нѣтъ мѣста?

— Такъ точно. Ругаются шибко. Должно, говорятъ быть.

— Должно, должно... На моей спинѣ, должно быть, есть мѣсто.

Курайцевъ, задумавшись, повернулся къ окну, выходящему въ поле... Всего три мѣсяца назадъ, какъ толь-

Digitized by Google

ко была объявлена мобилизація, онъ вернулся въ свой полкъ изъ Петербурга, гдѣ былъ въ академіи. Его за этотъ шагъ чуть дуракомъ въ глаза не называли и родные, и знакомые. Даже полковые товарищи удивлялись этому „геройству“. „Изъза чего портить себѣ карьеру, подставлять лобъ свой подъ пули. Вѣдь тебя не требуютъ туда“—наслушался онъ фразъ. Но онъ не могъ тогда спокойно оставаться въ безопасности, видя, какъ провожаемые слезами близкихъ ѣхали умирать другіе... „Война великое народное горе“, думалъ онъ, „и мой долгъ передъ народомъ, раздѣлить съ нимъ это горе, претерпѣть съ нимъ и труды, и лишенія, и страданія“... Но такъ казалось тамъ на родинѣ, а что онъ видитъ здѣсь до сихъ поръ: пьянство, карты, развратъ, разнузданная и безсмысленная жизнь тыла арміи. Завтра они выступятъ въ походъ, и начнется то серьезное, о чемъ онъ думалъ. Рѣчи побѣдителей рѣдко правдивы, и всевыносящая солдатская масса дорогой цѣной купила эти побѣды. Позади,—разоренныя семьи, впереди голодъ, холодъ и вѣчный спутникъ войны—тифъ. Что толку, что „сравнительно“ немного погибнетъ и погибло отъ непріятельскихъ пуль?

Рѣзкій, непріятный звукъ заставилъ его обернуться внутрь комнаты. Это скрипнула табуретка подъ Ромѣевымъ. Сергѣй Петровичъ продолжалъ пѣть панегирикъ кумѣ, а на лицѣ прапорщика играла плотоядная улыбка.

— Сегодня вечеромъ опять къ ней. Шикарнѣйшая женщина! Собственно говоря, она мнѣ такая-же кума, какъ ты китайскій мандаринъ, но все-таки старая знакомая. Лихо провели эти дни. А ты все съ японочками.

— Гейши...

— Какого чорта, гейши!

— Ступай,—говоритъ Филимоновъ фельдфебелю.—Коновалова и Заковыку на первой дневкѣ подъ ружье, а другимъ передай, что если какой нибудь прохвостъ попадется на походѣ въ кражѣ,—подамъ рапортъ о переводѣ въ штрафованные. Понялъ?

— Такъ точно.

— А за вещами поручика Закатальскаго пошли сегодня-же. Завтра не успѣемъ.

— Слушаю-съ.

— Ну, можешь идти.

— Постой, постой! — кричитъ штабсъ-капитанъ и дѣлаетъ глазами знакъ Филимонову.

Тотъ киваетъ головой.

Сергѣй Петровичъ наливаетъ стаканъ пива и протягиваетъ фельдфебелю.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе!

II.

И вдругъ въ этотъ самый моментъ, на улицѣ, за которой разстилалось поле, прорѣзалъ воздухъ странный и необычный звукъ. Зазвенѣла струна арфы, и въ отвѣтъ ей мягко пропѣла скрипка. И едва головы бывшихъ въ комнатѣ повернулись туда, какъ навстрѣчу имъ грянули вступительные аккорды марша,—веселаго, торжественнаго и пошлаго.

Тамъ, у окна, на пыльной дорогѣ стояли два уличныхъ музыканта: дѣвушка съ арфой и мальчикъ скрипачъ. На видъ каждому изъ нихъ было не болѣе шестнадцати лѣтъ, а сходство въ чертахъ лица заставляло предполагать ихъ братомъ и сестрою. Ей только блѣдность мѣшала назваться хорошенькой. Тонкія черты лица, большіе голубые глаза, оттѣненные черными загнутыми вверхъ рѣсницами, хрупкая, несложившаяся, но дѣтски-прелестная фигурка,—невольно приковывала вниманіе. Юноша — контрастъ сестрѣ блондинки — черноглазый и загорѣлый брюнетъ, походилъ на итальянца или цыганенка. Не Сибирью, а болѣе теплымъ, красивымъ и даровитымъ краемъ вѣяло отъ ихъ лицъ, и въ самой игрѣ ихъ,—игрѣ давно знакомой банальной пьесы билась

Digitized by Google

артистическая жилка. Такъ играютъ на улицѣ только дѣти-южане и блудные сыновья юга—евреи.

Офицеры собрались у окна, и восемь любопытныхъ глазъ смотрѣло на музыкантовъ. Фельдфебель на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты и занялъ первое мѣсто на улицѣ у воротъ въ другой кучкѣ слушателей, состоявшей изъ трехъ денщиковъ, двухъ бабъ, дѣтей и торговца-китайца съ тюкомъ черезъ плечо.

— Недурна дѣвочка, а?—шепнулъ Ромѣеву Сергѣй Петровичъ.

Что-то теплое пробѣжало по сердцу Курайцева.—Бѣдная дѣвочка! Для кого ты человѣкъ, а не живой товаръ, захватанный грязными руками? За что вы гибнете, цвѣты улицы?

Маршъ оборвался на высокой нотѣ, и мальчикъ, снявъ порыжѣлую широкополую шляпу, подошелъ къ окну. Курайцевъ вынулъ кошелекъ.— „Дамъ первое, что попадется въ руки",—загадалъ онъ и бросилъ въ шляпу серебрянный полтинникъ. Сергѣй Петровичъ и Ромѣевъ дали по гривеннику. Филимоновъ поднесъ портмонэ къ своимъ близорукимъ глазамъ, долго рылся въ немъ и, наконецъ, положилъ двугривенный. И у воротъ посыпались въ шляпу мѣдныя монеты.

Мальчикъ положилъ деньги въ карманъ, надѣлъ шляпу и, вернувшись къ сестрѣ, бросилъ ей въ полголоса нѣсколько словъ, на что та кивнула головой и взялась за арфу. Ея тонкіе пальцы забѣгали по струнамъ, и она запѣла свѣжимъ и чистымъ, слегка вибрирующимъ голосомъ. Она пѣла по заказу, ради куска хлѣба,—но вдохновилъ-ли ее смыслъ пѣсни и мелодія ея, сумѣла ли она съ искусствомъ артистки вложить силу и чувство въ давно изученную ей пѣсню въ благодарность за щедрую милостыню,—звучали поэзіей и задушевностью чудныя слова пѣсни въ устахъ этой блѣдной дѣвушки.

„Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана
„Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я".

Она пѣла о войнѣ, о смерти, о ранахъ... Все это ждало впереди ея слушателей, да и ее ждала такая-же война, если не болѣе ужасная,—безпощадная, кровавая битва жизни.

Конченъ куплетъ. Нервно зазвенѣла арфа и залилась скрипка, быстро повторяя мелодію второй половины куплета. Снова звучитъ чистый и ясный голосъ, и подъ гибкими пальцами поютъ и плачутъ струны.

„Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
„Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
„И солнце жгло ихъ желтыя вершины
„И жгло меня, но спалъ я мертвымъ сномъ".

И надъ ними, и надъ ней, павшими въ борьбѣ, также спокойно будетъ сіять небо, равнодушное и къ Каину, и къ Авелю, и къ побѣдителю, и къ побѣжденному.

Если-бы она взглянула теперь на лица своихъ слушателей, то не увидѣла-бы на нихъ ни празднаго любопытства, ни насмѣшки, ни плотояднаго взгляда звѣря на самку. Все человѣческое, что умышленно или безсознательно заглушалось въ душѣ каждаго изъ нихъ пьянствомъ, развратомъ, чувствомъ грубаго животнаго эгоизма, всплыло наверхъ, и странное чувство охватило ихъ. Въ немъ было и сознаніе величія наступающихъ дней, риска жизнью, и любовь къ этой жизни, сознаніе невозможности вернуться назадъ и сладкая грусть о томъ, что осталось назади. Точно мрачный и величавый призракъ смерти глянулъ имъ въ лицо, и люди, съ веселымъ смѣхомъ идущіе убивать своихъ братьевъ, смутились передъ его неумолимо холоднымъ взглядомъ...

„И снился мнѣ, сіяющій огнями,
„Знакомый пиръ въ родимой сторонѣ".

Родина, далекая родина! Память о тебѣ, — сплошной горькій упрекъ за безумно и безтолково растрачен-

ную жизнь. А тамъ, за десять тысячъ верстъ, плачутъ о тебѣ, лелѣютъ надежду на новую счастливую жизнь по возвращенiи, молятся, томятся и страдаютъ изъ-за запоздавшаго письма или газетной телеграммы. Тамъ дорогiя лица любимыхъ женщинъ, милыя головки дѣтей... Лицо Курайцева дергаетъ нервная судорога. Сергѣй Петровичъ отошелъ къ столу и сѣлъ, склонивъ голову на руки. Дрогнула-ли случайно рука или умышленно, — но опрокинулся его стаканъ, и желтыя капли пива падаютъ на грязный полъ.

Филимоновъ, хмурясь, кусаетъ усы. Хитрые узкiе глазки прапорщика безпокойно бѣгаютъ по сторонамъ. И на лица солдатъ легла дума. Только ничего не понимающiй китаецъ глупо улыбается.

А голосъ все растетъ и крѣпнетъ. Пѣвица побѣдила публику. Одну минуту она жалкое дитя улицы, ребенокъ безъ имени и рода царитъ надъ этой толпой полновластно и безраздѣльно, почти не сознавая своего успѣха.

Замираютъ въ воздухѣ послѣднiе звуки пѣсни...

— Браво, браво!—искренно восхищенный апплодируетъ Курайцевъ. Дѣвушка вскидываетъ на него глаза, и жалкая, застѣнчивая улыбка озаряетъ ея лицо. А онъ съ болью въ сердцѣ смотритъ, какъ братъ и сестра, поклонившись публикѣ, удаляются по пыльной дорогѣ. Онъ чувствуетъ, что въ эту минуту она дорога ему, какъ сестра. „Молодость, красота, голосъ", мелькаетъ въ головѣ его, „зачѣмъ дала тебѣ ихъ природа? Чтобы имѣть орошенный слезами и купленный позоромъ кусокъ хлѣба".

— Что призадумался? — трогаетъ Ромѣевъ за плечо Сергѣя Петровича. Тотъ подымаетъ голову.

— А? что? Ничего.

— Пива хочешь? Ишь стаканъ свой кувырнулъ!

Филимоновъ зачѣмъ-то открываетъ свой чемоданъ и, порывшись въ немъ, уходитъ въ другую комнату. За окномъ на улицѣ толпа солдатъ окружила китайца и потѣшается надъ нимъ: слышны хохотъ и брань. Курайцевъ прощается и уходитъ.

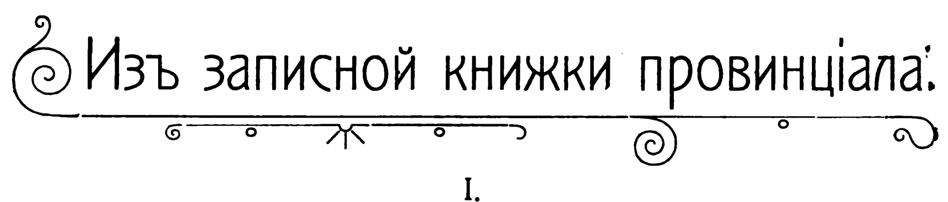
А прапорщикъ и Сергѣй Петровичъ еще долго сидятъ за столомъ. Ромѣевъ, сильно жестикулируя, разсказываетъ какую-то пикантную исторiю, случившуюся съ нимъ, когда онъ еще былъ становымъ приставомъ, а Сергѣй Петровичъ слушая его, (а можетъ быть и не слушая) пьетъ, пьетъ и пьетъ...

Е. Кривцовъ.

Digitized by Google

Изъ записной книжки провинціала.

I.

Литераторъ и обыватель.

Смарагда Горностаева.

Я—смиренный Смарагдъ Горностаевъ, корреспондентъ, фельетонистъ, хроникеръ, рецензентъ, критикъ, обозрѣватель и прочая, и прочая, однимъ словомъ, провинціальный литераторъ, по особливымъ условіямъ провинціальной печати, не имѣвшій возможности специализироваться по тому или иному отдѣлу газетной работы, а посему писавшій все и обо всемъ. Почти четверть вѣка колесилъ я по безграничному приволью русской земли „отъ хладныхъ невскихъ береговъ до пламенной Колхиды“, съ одной стороны, а съ другой—„до стѣнъ недвижнаго Китая“. По мѣрѣ силъ и возможности придерживаясь лучшихъ традицій отечественной печати, я всю жизнь призывалъ и откликался, но за всѣ эти призывы и отклики получалъ лишь щелчки, — впрочемъ, болѣе отвлеченнаго, такъ сказать, моральнаго характера... Много прожито, но еще болѣе пережито! Во многихъ захолустьяхъ меня совсѣмъ не терпѣли и отравляли мою жизнь со всей обывательской мелочностью и жестокостью. Меня сторонились, какъ прокаженнаго, мнѣ не сдавали квартиры, меня не пускали, а если и пускали, то неоднократно и удаляли изъ засѣданій общественныхъ собраній, при отсутствіи „благородныхъ свидѣтелей“ дѣлали попытки помять мнѣ бока, въ меня изъ-за забора или изъ за угла „лукали“ кирпичами... Въ другихъ захолустьяхъ меня какъ будто-бы и терпѣли и даже заискивали предо мною, по большей части, однако, имѣя заднюю цѣль воспользоваться моимъ „перомъ“, какъ орудіемъ обывательскаго мщенія и злости. Меня, случалось, сажали на скамью подсудимыхъ, но возводимыя на меня обвиненія, пройдя нерѣдко всѣ инстанціи, по какому то особому ко мнѣ благоволенію судебъ, оканчивались оправданіемъ или ничтожнымъ денежнымъ штрафомъ. Мнѣ и за глаза, а иногда и въ глаза бросали оскорбительные эпитеты, мнѣ писали открытыя письма, преимущественно анонимныя, въ которыхъ величали „подлымъ писакой“, клеветникомъ,

Digitized by Google

а случалось, и залѣзали въ мою частную жизнь, касаясь самыхъ больныхъ, интимныхъ струнъ сердца. Въ городѣ О. въ моей квартирѣ вышибли оконную раму 3-фунтовымъ булыжникомъ съ привязанной къ нему запиской—„цѣпному псу“... Всего не перечтешь, какъ много вкусилъ я обывательской „любезности“, свидѣтельствующей, что нашъ обывательскій міръ, не смотря даже на нѣкоторые слабые проблески въ немъ общественной мысли за послѣднее десятилѣтіе, все еще дремучій лѣсъ со всѣми ужасами, кошмарами и привидѣніями глухой полночи! Даже такъ называемая интеллигенція, за исключеніемъ незначительныхъ кружковъ истинно-интеллигентныхъ людей въ каждомъ городѣ, больше живетъ туманной мечтой, играетъ красивыми словами, а на самомъ дѣлѣ отъ всего серьезнаго отлыниваетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, ссылаясь или на „недосугъ“, или на скверныя условія общественной жизни. „Недосугъ“, а между тѣмъ дѣла, и служебныя, и общественныя, и даже узколичныя, ведутся спустя рукава, тогда какъ находится время, слишкомъ много времени, и на выпивку, и на адюльтеръ, и на карты, и на сплетни, и даже на скандальныя похожденія...

Впрочемъ, опять повторяю, наша провинція теперь дѣлаетъ серьезныя попытки стряхнуть съ себя вѣковую дрему и шевельнуть застоявшимися и занавоженными мозгами. Конечно, это обстоятельство даетъ нѣкоторую надежду на большую продуктивность дѣятельности провинціальнаго литератора, хотя „пока что“ и не исключаетъ возможности довольно дикаго къ нему отношенія, какъ къ человѣческой личности...

Приступаю, однако, къ моимъ воспоминаніямъ, причемъ предупреждаю, что они взяты изъ моей „записной книжки“ весьма недавняго прошлаго, когда провинціальная печать пріобрѣла уже нѣкоторое значеніе въ глазахъ обывателя.

„Дулъ вѣтеръ и дождикъ мочилъ“, когда я, смиренный бытописатель, въѣзжалъ на стогны нѣкоего града центральной Россіи. Вполнѣ естественно, что не было привѣтственныхъ кликовъ, но, благодареніе судьбѣ, не было и угрожающихъ жестовъ. Конечно, для туземцевъ я былъ въ то время „пока что“ невиннымъ младенцемъ, обижать и сквернословить котораго еще было не за что. Впрочемъ, по отечественнымъ нравамъ, невинность еще не гарантія отъ сквернословія и прочихъ проявленій обывательскаго нерасположенія. Мнѣ припоминается одинъ купецъ, возвращавшійся съ нижегородской ярмарки и встрѣтившійся со мною въ вагонѣ желѣзной дороги. Хорошо расторговавшись, онъ въ концѣ ярмарки цѣлую недѣлю пилъ горькую и допился сначала до чертиковъ, потомъ до зеленаго змія и, наконецъ, до бѣлаго слона. Когда я съ нимъ встрѣтился, онъ уже нѣсколько „отошелъ“ и, сидя въ вагонѣ, пилъ лишь сельтерскую, икалъ, крестился и вздыхалъ. Не помню уже по какому поводу возникъ среди пассажировъ вопросъ о виновности и невинности, въ разрѣшеніи котораго принялъ участіе и его степенство.

— Ну, положимъ, ты—не виноватъ,—разсуждалъ сей „столпъ отечества“.—Прекрасно! Ну, а скажи, любезный, а я-то виноватъ? Нѣтъ? Хорррошо!... Слѣдственно, и ты и я—оба мы не виноваты? Почему, по какой причинѣ, гдѣ сей статьѣ разумъ есть? И можетъ-ли это быть, чтобы оба мы не виноваты? Не можетъ и не должно такого конфуза быть! И вотъ я тебѣ примѣрно въ зубы!.. Кто виноватъ? Я? Пущай я!.. Ну, а ты-то, любезный, такъ-таки и не виноватъ? Нѣтъ, шалишь! И ты виноватъ!.. Зачѣмъ мнѣ подъ руку попался!..

Такая логика не чужда и всякой обывательской головы, даже тогда,

Digitized by Google

когда она не обременена винными парами. Слѣдовательно, въѣзжая на стогны нѣкоего россійскаго города, я былъ въ своемъ родѣ счастливцемъ, который никому еще подъ „горячую руку“ не попадался...

Въ первый-же день своего прибытія я имѣлъ честь представиться мѣстной предержащей власти, въ лицѣ господина городоваго, къ которому обратился съ просьбою указать необходимый мнѣ адресъ. Ничего, принялъ милостиво... За шиворотъ не взялъ и „подъ шары“ для удостовѣренія личности не отправилъ, хотя, прежде чѣмъ отвѣтить на мой вопросъ, счелъ нужнымъ освѣдомиться, изъ какихъ я буду, не пріѣзжій-ли и, если пріѣзжій, то по какой надобности пріѣхалъ. На первый вопросъ отвѣтить я затруднился, на второй отвѣтилъ вполнѣ опредѣленно, а на третій сказалъ, что молъ „такъ“, по своей собственной надобности...

— Откуда?—послѣдовалъ вопросъ.

— Изъ Петербурга.

— Изъ Санктъ-Петербурга!—поспѣшило поправить „начальство“, причемъ на его „служебномъ“ лицѣ произошла едва замѣтная и не поддающаяся описанію перемѣна. — Питерскіе будете?

— Нѣтъ, только живалъ иногда въ Петербургѣ.

— А!—протянулъ господинъ городовой, но потомъ совсѣмъ уже мягкимъ тономъ замѣтилъ.—Ну, чтожъ... Это ничего!..

И только послѣ этого допроса онъ далъ мнѣ необходимыя свѣдѣнія.

Въ тотъ же день я былъ въ одномъ изъ мѣстныхъ „номеровъ“. „Номеръ“ — ничего себѣ, не такъ чтобъ очень дорогъ и не такъ, чтобъ очень дешевъ,—большой, съ сиротливымъ видомъ необитаемаго сарая, съ обстановкой постоялаго двора, грязь и пыль лишь „въ плепорцію“, клопы и блохи въ ограниченномъ количествѣ и безъ жестокости, по ночамъ покусывали не безъ пріятности, деликатно и умѣренно, сосѣди по номерамъ — люди нрава сравнительно мягкаго и елейнаго, больше лица духовнаго сана, пріѣхавшіе изъ уѣздовъ въ „губернію“ съ „лепортами“ къ владыкѣ и нерѣдко сопровождаемыя „матушками“ съ многочисленными птенцами обоего пола и всѣхъ возрастовъ,— все будущіе іереи и матушки, діаконы и діаконницы... Положимъ, какъ исключеніе, были сосѣди и другихъ профессій, преимущественно деревенская буржуазія, промышляющая по разнымъ отраслямъ торговли и коммиссіонерства. Люди, эти мнящіе себя „столпами отечества“, возвышали иногда голоса, но все же до протокола дѣло не доходило...

Въ городѣ, оказалось, люди живутъ безъ благодѣтельной „прописки“, и дѣйствительно, по этой части меня сначала не безпокоили. Но когда распространился слухъ, что я пріѣхалъ по приглашенію мѣстной газеты на амплуа, между прочимъ, злободневнаго фельетониста и когда меня стали посѣщать „газетные люди“, уже достаточно извѣстные туземцамъ, ко мнѣ пожаловалъ хозяинъ „нумеровъ“, мужчина весьма, впрочемъ, обходительный, и въ вѣжливой, даже почтительной формѣ попросилъ „документикъ“.

— Она у насъ не принята... прописка-то эта самая,—заявилъ онъ, какъ-то ласкаючись, посмотрѣвъ мнѣ прямо въ глаза,—да господинъ частный приставъ очень любопытствуютъ...

Конечно, я тотчасъ же представилъ ему „документикъ“, который самымъ предательскимъ образомъ и подтвердилъ мою принадлежность къ „сочинительскому сословію“. Дѣло въ томъ, что въ моей паспортной книжкѣ была масса „иллюстрацій“, изъ красныхъ и цвѣтныхъ марокъ съ петербургскими „прописками“, а въ послѣднихъ красовалась такая реплика: „домъ № такой-то, на такой-то улицѣ записанъ *литераторъ*“... Конечно, „документикъ“

Digitized by Google

мнѣ былъ возвращенъ въ полной сохранности безъ всякихъ прописочныхъ надписей, но съ тѣхъ поръ, какъ на него полюбопытствовалъ посмотрѣть господинъ частный приставъ, я сдѣлался предметомъ любопытства не только своихъ сосѣдей по „нумерамъ", но и въ бакалейной лавочкѣ подъ „нумерами", въ которой покупалъ табакъ, и въ ближайшемъ ресторанѣ, гдѣ обѣдалъ, и городовой на ближайшемъ перекресткѣ сталъ на меня какъ-то загадочно посматривать и провожать глазами до слѣдующаго угла, наконецъ, даже извощики, во множествѣ торчащіе у „нумеровъ" съ своими одрами и ветхозавѣтными провинціальными „пролетками" и которыхъ я почти никогда не нанималъ, предпочитая ходить пѣшкомъ, такъ какъ до редакціи даже по провинціальному, какъ говорится, рукой подать,—и тѣ, провѣдавъ о моей принадлежности къ „газетной части", начали постоянно обращаться ко мнѣ съ слѣдующими предложеніями:

— Подавать прикажете-съ? До редакціи „Вѣстникъ"-съ? Пожалуйте-съ!.. Двугривенничекъ безъ лишняго...

Впрочемъ, на первыхъ порахъ это любопытство, хотя непріятное и надоѣдливое, нерѣдко съ далеко не двусмысленными замѣчаніями, какъ говорится, „въ сторону", мало приносило мнѣ огорченій, и „пока что" туземецъ не дѣлалъ попытокъ штурмовать моей частной жизни. Но настала и эта пора. Однажды, когда мое перо въ бѣшенной скачкѣ неслось по бумагѣ, подготовляя спѣшный фельетонъ, дверь моего „нумера" неожиданно отворилась, и за моей спиной раздался не лишенный пріятности, густой баритонный голосъ:

— А ну-ка, погляжу я, что онъ тутъ подѣлываетъ!

Съ ужасомъ оглядываюсь, ожидая увидѣть какого-нибудь нетерпимаго къ „скоропандентамъ" туземца. Однако, вижу благообразнаго мужчину съ простодушнымъ лицомъ, одѣтаго „по домашнему"—въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ резиновыхъ галошахъ на босу ногу и въ полукафтаньѣ „въ накидку"... Онъ подходитъ ко мнѣ и покровительственно хлопаетъ по плечу.

— Что, испугался!—говоритъ онъ и продолжаетъ трепать мое плечо своей „могутной" рукой.—А ты не бойся!.. Не съѣмъ!.. Я вѣдь такъ... Сидѣлъ, сидѣлъ въ нумеру-то, ну и скушно стало... „Пойду-кось — думаю, — къ сосѣду - сочинителю, погляжу, что онъ тамъ дѣлаетъ"...

— Однако, странно! — говорю. — Какъ это вы не спросясь, позволяете себѣ входить въ чужой номеръ!

— Фу ты, ну ты! — восклицаетъ благообразный мужчина.—А отчего же мнѣ и не войти? Чай сосѣди, въ однихъ нумерахъ стоимъ!.. Ну-ка, что ты тутъ пишешь?.. Прохватываешь, чай, кого, али такъ какую-нибудь антимонію разводишь?..

И онъ наклоняется къ исписанному мною листу бумаги, который я подъ его носомъ переворачиваю другой стороной.

— Ишь чужбина какая!—говоритъ онъ и опускается на диванъ.

— Однако, позвольте, — замѣчаю я,—чѣмъ я обязанъ вашему посѣщенію?

— Ха! ха! хо! хо! — разражается хохотомъ благообразный мужчина.—Чѣмъ обязанъ!.. Ничѣмъ не обязанъ, не привязанъ и не обвязанъ!.. Ха! Ха! Ха! Эка, подумаешь, графъ какой! Сочинитель, борзописецъ, писака!.. Живемъ рядомъ, въ однихъ нумерахъ, а являйся къ нему еще въ парадѣ и по докладу!.. Говорю, скушно, ну, и зашелъ...

— Извините, я занятъ.

— А ты не стѣсняйся! Жарь, строчи! Я человѣкъ деревенскій, простой... Не осужу!

— Я прошу васъ оставить меня въ покоѣ!..

— А ты полно, юла!.. Не горя

чись!—успокаиваетъ благообразный мужчина.

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ „ты“!—нервно кричу я и тотчасъ же чувствую, что дѣлаю безтактность.

Благообразный мужчина поднимается съ дивана, хватается за животъ и начинаетъ неистово „грохотать“;

— Ха! Ха! Ха! Хо! Хо! Хо! Ваше сіятельство! Ваше презосходительство! Простите милостиво, не извольте гнѣваться! Ему не говори еще: „ты“! Да какъ же прикажете величать вашу сочинительскую милость? Вотъ что я тебѣ скажу,—продолжаетъ онъ уже совершенно спокойнымъ и наставительнымъ тономъ,—ты оставь всѣ эти глупости! Самому Господу, Вседержителю небу и земли, я благоговѣйно говорю „Ты, Господи“! А ужъ тебѣ-то и подавно!.. Что мы съ тобой въ сей жизни? Тлѣнъ, прахъ, трава! А потому перестань и смирись! Грѣшно на людей изъ-за пустяковъ звѣремъ накидываться!..

Не зная, какъ отдѣлаться отъ своего навязчиваго и непрошеннаго гостя, я нервно и съ недовольнымъ видомъ начинаю ходить взадъ и впередъ по номеру. Но это нисколько не трогаетъ благообразнаго мужчину.

— Бѣсноватый! Ей Богу, бѣсноватый!—со смѣхомъ говоритъ онъ и начинаетъ дуть по моему направленію.—Изыди, окаянный, изъ человѣка сего и обратися во псовъ смердящихъ, рыскающихъ по бойнямъ и торжищамъ!..

— Вонъ! Сію же минуту вонъ!—бѣшено кричу я, останавливаясь съ вызывающимъ видомъ противъ своего мучителя и въ то же время внутренно испытывая глубокое недовольство самимъ собою, что еще больше нервнуетъ меня.

Благообразный мужчина нѣкототорое время съ изумленіемъ смотритъ на меня, потомъ, махнувъ рукой, направляется къ двери.

— Ну, нечего съ тобой дѣлать! Ну, иду! Иду! Изволь! — говоритъ, но передъ дверями останавливается и обращается ко мнѣ съ самой добродушной улыбкой.—Вотъ что! Когда дурь-то съ тебя сойдетъ, заходи ко мнѣ... Я тутъ рядомъ... Скушно одному-то въ такую погоду.., Вишь, какъ дождь-то жаритъ! А меня прости, потому я вѣдь тебя же жалѣючи...

Когда, наконецъ, благообразный мужчина скрылся за дверями, я не зналъ, смѣяться ли мнѣ или негодовать, но, во всякомъ случаѣ чувствовалъ, что сыгралъ очень глупую роль, такъ какъ, занятый спѣшною работою и захваченный врасплохъ, не сумѣлъ принять надлежащій тонъ въ этомъ странномъ объясненіи.

Черезъ нѣсколько минутъ въ стѣну изъ сосѣдняго номера раздался сильный стукъ и послышался голосъ моего недавняго гостя:

— Эй, сердитый графъ! Ваше сочинительское сіятельство! Иди штоли ко мнѣ, полно дурака-то валять! Выпьемъ и закусимъ!.. Настойка-то домашняя, да и закуска-то своя, деревенская... Обильная, братъ... Не по городски живемъ!.. Идешь, што ли?..

Я хранилъ глубокое молчаніе.

— Ну, Богъ съ тобой, чудакъ!—опять послышался изъ-за стѣны голосъ благообразнаго мужчины. — Была бы честь предложена... А все же лучше бы зашелъ... И выпилъ бы, и закусилъ задарма... Вѣдь знаемъ мы васъ, писакъ-стрекулистовъ!.. На перо-то бойки, а тамъ чтобы на счетъ хлѣбнаго, такъ по три дня не жрамши сидите... Брось гордыню-то,—продолжалъ онъ философствовать, — она тебѣ, голодному человѣку, не къ лицу... Будь мудрый, какъ змій, и кротокъ, какъ голубь... Ну, и пища тебѣ, и снисхожденіе, и прочее по общежитію...

Но далѣе я уже его не слушалъ, такъ какъ увлекся своей работой.

Представленіе о „писакахъ“ и „скоропандентахъ“, какъ о людяхъ, сидящихъ по три дня „не жрамши“

Digitized by Google

въ провинціи довольно распространенное, хотя въ послѣднее время и начинаетъ уже мало по малу испаряться. Впрочемъ, сравнительно еще недавно большинство провинціальныхъ литераторовъ, „людей не служащихъ", дѣйствительно было довольно основательно ознакомлено съ пищей св. Антонія, но теперь эта возвышенная, но совсѣмъ уже непитательная пища все болѣе и болѣе дѣлается чуждою желудку провинціальнаго пишущаго человѣка и отходитъ въ область преданія... И это вполнѣ понятно такъ какъ современная провинціальная печать, несмотря на всѣ неблагопріятныя для ея существованія условія, сильно выросла какъ въ качественномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ.

И тѣмъ не менѣе среди обывателей, особенно малокультурныхъ, до до сихъ поръ сохраняется представленіе о „скоропандентѣ", какъ о человѣкѣ, уже въ силу своей „пустяшной" профессіи обреченномъ на акриды и дикій медъ. А отсюда, слѣдуя своей излюбленной пословицѣ: „какая ужъ тутъ честь, когда нечего ѣсть", обыватель выводитъ заключеніе, что „скоропандента" не трудно „закормить", „задарить", „отблагодарить" и т. д. Несомнѣнно, что „благодарность" — результатъ нашей вѣковой своеобразной культуры, но странно, какъ она можетъ укладываться въ обывательскихъ мозгахъ съ воззрѣніемъ на провинціальную печать, вся исторія которой для сочетанія пишущаго человѣка съ „благодарностью" давала вообще очень ограниченный матерьялъ. Еще не далеко то прошлое, когда провинціальный литераторъ по премуществу былъ безсребренникъ и подвижникъ въ полномъ смыслѣ этого слова,—и это по крайней мѣрѣ, въ душѣ или въ откровенной бесѣдѣ съ пріятелемъ признавалъ и самъ обыватель, даже наиболѣе враждебно настроенный противъ печати и пострадавшій отъ ея обличеній. Впрочемъ, съ недавняго времени, съ появленіемъ въ провинціи литератора, исключительно получающаго средства къ существованію отъ печати, хотя какъ и весьма еще пока рѣдкое растеніе, стали кое-гдѣ процвѣтать и душиТряпичкинъ, и господинъ Подхалимовъ, не только способные принять благодарность, но и назойливо на нее напрашивающіеся.

Въ томъ же самомъ городѣ, о своемъ пріѣздѣ въ который я только что повѣствовалъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ дѣйствительно подвизался душа-Тряпичкинъ, и, можетъ-быть, этому-то предшественнику я и былъ обязанъ тѣмъ, что мѣстное купечество сдѣлало было попытку „приручить" меня... Дѣло въ томъ, что въ городѣ существуютъ „торговые ряды", санитарное состояніе которыхъ было возмутительно, но еще болѣе возмутительно было отношеніе „рядскихъ" къ общественной собственности, общественнымъ интересамъ, къ своимъ домочадцамъ и „молодцамъ" и даже покупателямъ. Конечно, какъ злободневный фельетонистъ мѣстной газеты, я не могъ хранить молчанія объ этихъ „рядскихъ" прелестяхъ и подвигахъ, тѣмъ болѣе, что о нихъ чуть не каждый день вопіяли цѣлые ворохи обывательскихъ „писемъ въ редакцію". Такъ какъ мои писанія вливали въ купеческія сердца не цѣлительный бальзамъ, а одну лишь отраву огорченій, то „рядами" единогласно была принята резолюція: „насыпать писакѣ"... Но, къ еще большему огорченію „рядскихъ", для такой операціи у нихъ оказались „руки коротки", и вотъ, потерявши надежду облегчить свои огорченныя сердца столь обычными въ ихъ средѣ пріемами, они, послѣ продолжительныхъ совѣщаній, додумались до болѣе „деликатнаго" и, по ихъ мнѣнію, осуществимаго способа „успокоить" неспокойнаго „писаку".

— Коли псу „насыпать" не при-

ходится,—рѣшили они,—такъ бросить ему кусокъ пирога съ начинкою.,. Налопается и перестанетъ брехать!..

— Хоша оно какъ-то и для амбиціи обидно, и словно бы и не по чину, — оправдывали они свое ко мнѣ „снисхожденіе“,—а „успокоить“ его какъ никакъ слѣдоваетъ!..

И вотъ въ одинъ прекрасный, а можетъ быть, — и непрекрасный день, - это уже смотря по вкусу,— не въ редакцію, а на квартиру, ко мнѣ явился для переговоровъ „делегатъ“. Мужчина ничего себѣ, „тѣлосложенія“ довольно внушительнаго, и длани тоже ничего себѣ, основательныя и для „насыпанія“ вполнѣ удовлетворительныя. Но, несмотря на столь „рядскую“ внѣшность, „делегатъ“ оказался человѣкомъ до приторности вѣжливымъ, не лишеннымъ своеобразнаго, „молодцовскаго“ шика обращенія.

— Чѣмъ служить могу? — спрашиваю.

— А вотъ, примѣрно сказать... Не въ обиду будь вамъ сказано!... Насчетъ рядовъ-съ!..

— Рядовъ?..

— Совершенно вѣрно-съ!.. Потому, какъ вы на ряды гнѣваться изволите, такъ вотъ, значитъ, съ покорнѣйшей просьбой о прекращеніи военныхъ дѣйствій... Насчетъ, значитъ, для обѣихъ сторонъ почетнаго перемирія-съ!..

— Какихъ военныхъ дѣйствій? Какого перемирія?—удивляюсь.—Да я ни съ кѣмъ въ „рядахъ“ и не воевалъ...

— Помилуйте-съ!—не безъ волненія, хотя и въ высшей степени сдержанно восклицаетъ „делегатъ“. — Какже-съ это не военныя дѣйствія? Прямо, можно сказать, южно-африканская-съ война!.. Что не фельэтонъ, все ряды, да ряды-съ!.. И при томъ такое невыносимое прокатываніе... Совсѣмъ, не въ обиду вамъ сказать, по англичански-съ!...

— Такъ что-же вамъ собственно нужно?—спрашиваю.—Развѣ то, что я писалъ про рядскіе нравы—не вѣрно!..

— Если по душѣ, по правдѣ-истинѣ, сказать, то все вѣрно-съ!—тихо и наклоняясь ко мнѣ, говоритъ „делегатъ“.—Что ряды наши болото, такъ точно-съ... истинное болото!.. Что мы дубинами воспитывались... и это правда-съ!.. Лихо теперича и Сыромятникова пропечатали... Съ пескомъ и дресвой, можно сказать, бока ему промыли-съ!.. Насчетъ газетнаго баловства мы тоже были не охотники, а теперича какъ увидимъ вашего стрекулиста-газетчика, сичасъ и кричимъ: „Жарь, малый, сюда“!.. Соберемся партіей и на цѣлый пятакъ чтенія имѣемъ... И смѣхъто насъ беретъ, и не поймемъ многаго... Иной разъ вы, господинъ Смарагдъ, больно ужъ мудреныя словечки откалываете... не по нашимъ зубамъ!.. Все понятно и хлестко, а потомъ какъ пустите по серьезному, все по высшему образованію значитъ, ну, мы рты и разинемъ!.. А все-жъ читаемъ... Понимать-не понимаемъ, а чувствуемъ, что больно здорово!.. И ужъ не только насъ, рядскихъ, а всю именитую рассейскую коммерцію отжариваете!.. Вотъ такъ-то мы ваши писанія компанейски и почитываемъ, даже, знаете, иной разъ пользу нѣкую извлекаемъ: „Смотри-ка, молъ, Смарагдъто наши лавки лачугами назвалъ“... Ну и пошли у насъ о семъ предметѣ разговоры... „А что какъ не лачуги“!.. „Надо“,—кричатъ иные,— „подавать прошеніе въ управу, чтобы, значитъ, сложили съ насъ арендную плату за эти лачуги“... И польза, значитъ, и прочее другое, а все, какъ будто-бы и обидно!.. Вотъ я и пришелъ къ вамъ, чтобы съ вами поговорить, нельзя-ли, значитъ, какъ на мировую пойти...

— Интересно знать,—говорю,— что вы подъ этой „мировой“ разумѣете?

— А вотъ что, господинъ,—еще тише прежняго говоритъ „делегатъ“,—у насъ ужъ такой старин-

Digitized by Google

ный обычай... Отъ отцовъ и дѣдовъ ведется... Коли тамъ какія недоразумѣнія, или что другое, такъ мы возьмемъ да и подмажемъ... Глядишь, опять дѣло-то и пошло, какъ по маслу, по прежнему,—и всѣ эти недоразумѣнія какъ рукой сниметъ...

— Такъ это вы меня „подмазать“ хотите?—смѣюсь.

— Не то, чтобы...—нерѣшительно отвѣчаетъ „делегатъ“,—а такъ какъ будто-бы въ родѣ этого... примѣрно, по благородному... въ видѣ, какъ-бы уваженія и благодарности... Вотъ теперь Сыромятниковъ къ вамъ собирается. „Отвезу“,—говоритъ,—„я ему пару лака, да двѣ бутылки водки“...

— Лака?.. Это еще что такое?..

— Лаковые сапоги, значитъ... Кто чѣмъ торгуетъ!—поясняетъ „делегатъ“.—Ну, такъ вотъ каждый отъ своей коммерціи уваженіе и хочетъ предоставить...

— Ну, а чего этимъ „лакомъ“ и прочимъ уваженіемъ,—спрашиваю,—думаетъ достичь господинъ Сыромятниковъ и всѣ ему подобные?

— А ужъ, конечно, чего!—улыбаясь говоритъ „делегатъ“.—Они вамъ лаку, они вамъ готовый костюмчикъ по модѣ; они вамъ мучки и прочаго продукта, они вамъ всякаго угощенія, если пожаловать изволите-съ... Ну, а вы ужъ, само собой, извольте гнѣвъ на милость переложить...

— Покорно благодарю!—отвѣчаю.

– Помилуйте-съ за что-же... Не обезсудьте, чѣмъ можемъ! привстаетъ съ поклономъ „делегатъ“ и далѣе продолжаетъ развивать свои „мирныя условія“.—Коли что въ нашихъ „рядахъ“ не по вашему благородному характеру придется, такъ вы сами собственной персоной къ такому аспиду пріѣзжайте, да келейно, съ глазу на глазъ, его крѣпкимъ словомъ и поучите, а онъ вамъ сичасъ и водочки, и балычка, и осетринки, и ветчинки на закусочку-то... Вы, значитъ, его учите уму-разуму и благороднымъ поступкамъ, а сами, знай, кушаете на доброе здоровье!.. И ему поучительно, и вамъ пользительно!..—А то на-ка въ газету!.. Мораль, критика на весь честной народъ!—вдругъ нѣсколько раздражается „делегатъ“.—Вѣдь тоже кому это пріятно, чтобы надъ нимъ всякіе балбесы ржали!..

— Браво! — говорю. — Сейчасъ видно, что вы, господа „рядскіе“, народъ въ своемъ родѣ „съ толкомъ“!..—А скажите пожалуйста,—спрашиваю,—это вы съ такой миссіей ко мнѣ явились отъ „обиженныхъ“ мною господъ Сыромятниковыхъ, Костиковыхъ, отъ всѣхъ „рядовъ“, или-же только отъ собственной персоны?..

— Я-съ собственно не то, чтобы отъ „рядовъ“, или кого тамъ прочаго другого... — поясняетъ „делегатъ“,—а такъ, примѣрно... изъ патріотическихъ чувствъ къ отечеству...

— Патріотическихъ чувствъ къ отечеству?!

— Совершенно вѣрно-съ!—продолжаетъ онъ не безъ одушевленія.—Потому какъ чести и коммерціи нашей ущербъ, то долженъ-же я, какъ гражданинъ своего отечества и членъ собственнаго общества!.. Вѣдь какже по другимъ-то соображеніямъ!.. Прежде всего общество, ну, примѣрно, и посильная служба отечеству! Сами-же, господинъ Смарагдъ, вы намъ это проповѣдуете!.. Такъ ужъ не осудите, что обезпокоилъ васъ...

— Ну, такъ вотъ что, любезный, я вамъ скажу,—твердо и рѣшительно заявляю я „делегату“,—вашихъ „мирныхъ условій“ я не приму и принять не могу!..

— Почему же-съ? — удивленно спрашиваетъ онъ.

— А потому, что обратились вы съ своими предложеніями не по тому адресу. Вотъ вы сами говорите, что читаете иногда мои писанія, а до сихъ поръ не поняли, съ кѣмъ имѣете дѣло!

„Делегатъ“ нѣсколько теряется.

— Да, помилуйте-съ! почти по-

Digitized by Google

дѣтски лепечетъ этотъ крупный дѣтина, способный кулакомъ быка сшибить.—Да нѣшто же вамъ этого мало... Кажется, чего же больше-съ! Полное удовлетвореніе и честь превеликая-съ!..

— Безтолковый и дикій вы человѣкъ!- говорю.—Да неужели же вы не понимаете, что это не честь а позоръ! Неужели же вы никогда не слыхали, что есть люди, которыхъ ничѣмъ не подкупишь!

-- Угодники Божіе... это, конечно-съ!--возражаетъ „делегатъ".—А всѣ люди, всѣ человѣки... всѣ грѣшные-съ. Не въ обиду опять же будь вамъ сказано, всѣ ряды теперича говорятъ: „для того",--говорятъ,—„они, эти борзописцы, и пишутъ, чтобы только сорвать"!

— И напрасно они такъ говорятъ!--уже кричу я.

-- Ахъ, господинъ!—съ ироніей замѣчаетъ „делегатъ". — Напрасно изволите гнѣваться. Да нѣшто мы не знаемъ эту братію, писакъ-то!..

— Знаете? Такъ потрудитесь назвать хотя-бы одну фамилію!..

— Да что называть-то!..

— Фамилію!—возвышаю я голосъ.

— Да всѣ говорятъ...

— А, „говорятъ"! Вотъ то-то, что только „говорятъ"!

— Слушайте же, любезный,—обращаюсь я къ „делегату" съ рѣшительнымъ и „послѣднимъ словомъ",--да слушайте хорошенько! Судя по нѣкоторымъ даннымъ, вы человѣкъ не глупый, хотя и воспитанный въ средѣ, въ которой все разцѣнивается на цѣлковые...

— А безъ цѣлковенькихъ-то, господинъ, тоже не манерное-съ житіе! перебиваетъ меня „делегатъ".—Они-то, деньги, ежели не Богъ, такъ полбога-то будутъ... Это вѣрно-съ!.. А впрочемъ, мы люди въ темнотѣ жизни пребываемъ, безъ всякой образованности и прочихъ цивилизаціевъ...

— Позвольте!—рѣзко останавливаю я его.—Повторяю, вы человѣкъ не глупый, и надѣюсь, постараетесь понять меня. Вы явились къ представителю печати, а всѣ органы печати,—газеты и журналы,—разрѣшаются закономъ и правительствомъ въ интересахъ общества. Это--разъ, а вотъ и два: газеты служатъ гласности. Онѣ не только имѣютъ право, но и обязаны указывать на все ненормальное, больное и скверное въ жизни, онѣ должны бороться со зломъ, какимъ-бы красивымъ лицемѣріемъ это зло не прикрывалось, онѣ должны бороться съ властвующей въ жизни неправдой, съ несправедливостью!.. Это ихъ святѣйшій долгъ передъ обществомъ и родиной, передъ людьми и Богомъ! Они, какъ и всѣ люди, могутъ ошибаться, но за ошибки они платятся! Для этого существуетъ судъ! Да, наконецъ, всякій напрасно обиженный газетою можетъ оправдаться черезъ ту-же газету. Ступайте и передайте это своимъ „рядскимъ". Если они считаютъ себя обиженными, пусть опровергаютъ или обращаются въ судъ! Скажите имъ также, что въ семьѣ не безъ урода, и я прекрасно понимаю, что подъ борзописцами, которые пишутъ, чтобы только „сорвать", вы разумѣли одного изъ моихъ предшественниковъ по здѣшней газетѣ... Тяжело, больно мнѣ это признать, но долженъ признать, потому-что это правда! Но помните, однако, что такіе гады среди представителей многострадальной и отзывчивой русской печати настолько-же рѣдки, насколько рѣдки, благодаря невѣжеству и особымъ условіямъ того быта, въ которомъ вы вращаетесь, человѣчные къ своимъ служащимъ хозяева и добросовѣстные по отношенію къ покупателямъ торговцы среди высшихъ „рядскихъ". Въ большинствѣ случаевъ перо русскихъ литераторовъ, и тѣмъ болѣе провинціальныхъ, не подкупно. Не боится честный русскій пишущій человѣкъ также ни угрозъ, ни судовъ, ни оскорбленій, ни бросаемыхъ въ него изъ за угла камней, никакихъ

Digitized by Google

подпольныхъ и тайныхъ козней и подвоховъ, боится-же онъ исключительно лишь своихъ вольныхъ или невольныхъ поступковъ, противорѣчащихъ его убѣжденіямъ и совѣсти. И я вѣрю въ это также твердо, какъ и въ то, что великъ Богъ земли русской!...

— Такъ, значитъ, кромѣ этого нравоученія ничего не будетъ? — спрашиваетъ меня „делегатъ", со вниманіемъ, однако, выслушавшій мою рѣчь.

— И этого достаточно!

— Въ такомъ случаѣ прощенія просимъ!—говоритъ онъ, кланяясь.— Не обезсудьте, что обезпокоилъ... Не ради чего, а ради общества-съ...

— А позвольте, господинъ Смарагдъ, вамъ еще два слова сказать!—вдругъ задумчиво останавливается онъ въ дверяхъ.—Вѣдь и то сказать... теперича, это къ какому дѣлу приставленъ... не долженъ-ли онъ это дѣло честно, по Божьей правдѣ, блюсти? Хошь-бы сочинители... ежели на ихъ обязанности всякую нечисть людскую показывать... да нѣшто можно ихъ за то осуждать! Они вѣдь свою тоже линію ведутъ!.. А вотъ нашему брату точно стыдно и грѣшно!.. Замѣсто тамъ всякаго лаку, водки, кульковъ, да судовъ не лучше-ли безъ всякой досады и злобы самому себѣ въ душу поглядѣть... Это, примѣрно, когда тебѣ твою нечисть-то покажутъ!... Поглядишь разъ — призадумаешься, поглядишь два — испугаешься своего-же окаянства, а тамъ глядишь, и совсѣмъ другой человѣкъ сталъ... И тебѣ легко, и людямъ не больно, и Богу пріятно!... А что великъ Богъ земли русской — правильнѣе слова во всей Россіи нѣтъ!.. Пусть-же онъ, царь небесный, спасетъ насъ и помилуетъ, вразумитъ насъ и своей правдѣ научитъ!...

— Именно такъ, именно такъ! — радостно говорю я и крѣпко жму руку своего посѣтителя. — Я былъ увѣренъ, что вы поймете меня!..

На томъ мы съ нимъ и покончили.

И ранѣе, и послѣ этого объясненія съ представителемъ „рядовъ" мнѣ неоднократно приходилось вести бесѣды съ обывателемъ, которыя нерѣдко кончались именно въ томъ же духѣ, какъ и въ данномъ случаѣ. Наконецъ, множество обывательскихъ писемъ получалъ я за свою многолѣтнюю литературную дѣятельность, было среди нихъ немало глупыхъ и оскорбительныхъ, но все-же, особенно за послѣдніе годы, было больше такихъ, въ которыхъ, несмотря иногда на ихъ изумительную безграмотность, поражали вдумчивость, серьезность, своеобразный русскій анализъ нравственныхъ и общественныхъ явленій и въ которыхъ постоянно звучалъ одинъ и тотъ-же мощный аккордъ: „знанія, свѣта, правды и жизни въ Богѣ и по человѣчеству"!..

Просыпается все болѣе и болѣе умственная мощь русской провинціи... Да, великъ ты, Богъ земли русской!

Какое впечатлѣніе произвела на „рядскихъ" моя отповѣдь, которую, безъ сомнѣнія, передалъ имъ ихъ „делегатъ", мнѣ неизвѣстно, но вотъ та жанровая сценка, которая произошла спустя нѣсколько дней, когда я опять принужденъ былъ „отмѣтить" кое-какіе штрихи изъ „рядскихъ нравовъ" и сущность которой такъ обязательно сообщилъ мнѣ нашъ уличный репортеръ.

Близъ „рядовъ" встрѣчаются два солидныхъ „рядскихъ" коммерсанта, оба съ здоровой „мухой".

— Слышалъ!—спрашиваетъ одинъ.

— Слышалъ... какъ не слыхать! На два мѣсяца кума-то моего шарахнули... А я еще какъ ему говорилъ: бери, кумъ, поменьше проценту, все, глядишь, на томъ свѣтѣ какая ни на есть скостка будетъ...

— Да я не про это!

— А кумъ-отъ мнѣ и говоритъ: „Эхъ",—говоритъ,—„кумъ, да я рази Бога-то не помню"!... „Всего",— говоритъ, — „я беру-то по рублю на цѣлковый"...

Digitized by Google

— Тьфу, ты пропасть! Да не про это я тебѣ говорю!.. Ну, на два, такъ на два мѣсяца!.. Допустимъ!.. Ну что-жъ такое? Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ... А вотъ какъ насъ Смарагдъ-то пропечатывалъ!

— То есть какъ это, въ какихъ то есть смыслахъ.

— Все въ этакихъ-же! „Они", — говоритъ, — то есть я-то съ тобой... И пошелъ, значитъ, и пошелъ Смарагдъ насъ съ тобою утюжить!.. Да такъ, голубь ты мой, насъ по порядку расписалъ, ровно онъ, дьяволъ, при нашемъ разговорѣ рядышкомъ съ нами сидѣлъ!

— Такъ все и выложилъ?

— Какъ по стрилябіи!

— Это про насъ-то? Это про меня-то, да про тебя-то?

— А ты какъ думалъ! Нонича, братъ, все этакъ... И повыше кто— пропечатываютъ, не токмо что про насъ... Велика, къ слову сказать, ты штука!

— Да оно, положимъ, и ты матерія-то не дорогая!

— Да вѣдь я, надо полагать, по гривеннику за рубль не платилъ!

— Да вѣдь, коли признаться, и я, ежели опять сказать, въ хозяйскую выручку воровской рукой не лазалъ!

— Да вѣдь, по чести говоря, мой отецъ у дегтя не стоялъ!..

— Да вѣдь вотъ что, другъ любезный, и мой отецъ церковныхъ кружекъ не взламывалъ!..

— Получи безъ росписки!..

Бацъ!!!..

— Самъ кушай на здоровье!...

Трррахъ!!!..

Бацъ!!!...

Трррахъ!!!..

— Карррaулъ!!!..

— Горррoдовой!!!..

— А позвольте, господа купцы! опять-же шума производить на улицѣ отъ начальства не положено! — унимаетъ ратоборствующихъ стоящій на посту у „рядовъ" городовой.—Извольте мирнымъ порядкомъ по домамъ разойтись!.. Мы люди свои, при „рядахъ" приставлены — уважимъ, то есть ни звука, а вотъ коли Смарагдъ провѣдаетъ, онъ васъ за милую душу прохвати тъ!..

— Эвона! — догадывается одинъ изъ ратоборствующихъ.—Ну, теперь, братъ, я знаю, гдѣ на тебя управу найти!.. Извощикъ, подавай... Къ Смарагду!.. Знаешь, гдѣ?..

— Такъ точно!.. Пожалуйте!..

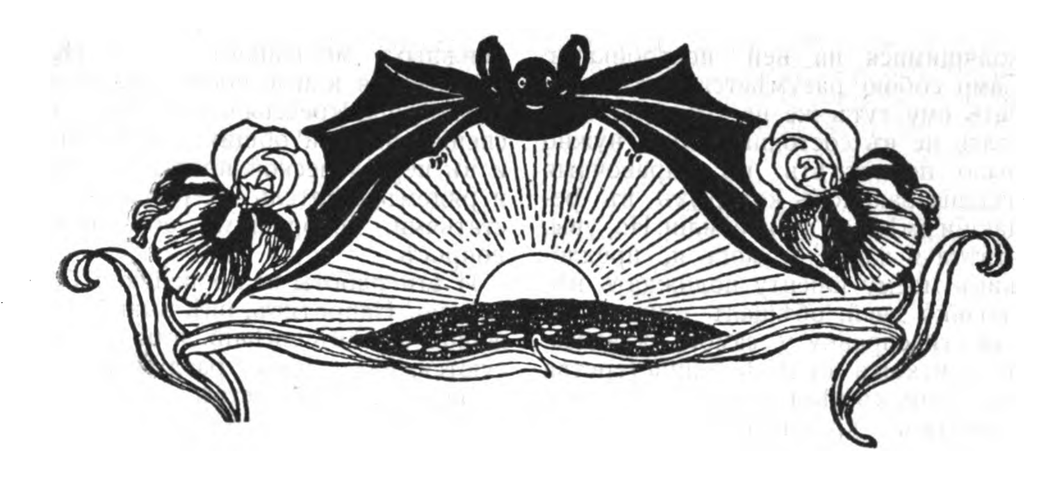
— Ну, вѣдь и я, другъ любезный, тоже не лыкомъ шитъ!.. Путь-то дорогу найду! — возражаетъ другой изъ ратоборствующихъ.—Извощикъ, подавай... Къ Смарагду!..

Впрочемъ, ни одинъ изъ ратоборствующихъ ко мнѣ не являлся. Несомнѣнно, что оба „борца", послѣ бѣшеной скачки въ перегонку, дорогой „малость" освѣжились и пришли хотя и къ безмолвному, но единодушному заключенію, что, молъ, зачѣмъ-же на смѣхъ всему городу соръ-то изъ избы выносить, а затѣмъ, сразу остановивъ своихъ возницъ у подъѣзда „заведенія", вступили подъ его гостепріимный кровъ... Ну, а тамъ, разумѣется, послѣдовало примиреніе!

Смарагдъ Горностаевъ.

Digitized by Google

Изъ общественной жизни.

С. Плевако.

I.

Реформа законодательства о крестьянахъ.

I.

Въ текущемъ году были опубликованы результаты работъ редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, и въ ряду событій нашей юридической жизни эти опубликованные результаты заняли одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по выдающемуся интересу, какой сами по себѣ они представляютъ, такъ и по остротѣ затрагиваемаго ими вопроса и значенію ихъ для всего правопорядка русской жизни.

Мы позволимъ себѣ подробно остановиться на этомъ важномъ и любопытномъ документѣ и думаемъ, что наше намѣреніе совпадетъ съ желаніями читателей, которымъ не могутъ быть далеки интересы той обширной группы русскаго населенія, какую представляетъ крестьянство.

Мало того, мы убѣждены, что на этихъ результатахъ мы должны остановиться. Какъ это ни странно, но для большинства до сихъ поръ очень немного и поверхностно извѣстны тѣ условія, въ какихъ влачитъ свое существованіе русскій крестьянинъ. Мы плохо освѣдомлены въ его правовомъ и экономическомъ строѣ, и если еще послѣдній, подъ вліяніемъ бьющихъ въ глаза фактовъ, начинаетъ вырисовываться отдѣльными своими сторонами, то первый остается terra incognita даже для лицъ, по профессіи своей какъ будто обязанныхъ быть въ курсѣ дѣла.

Характерное подтвержденіе этого факта даетъ извѣстный нашъ юристъ І. Гессенъ въ статьѣ своей „Юридическая помощь населенію“, напечатанной въ январьской книжкѣ „Образованія“.

„Швейцаръ дома,—разсказываетъ, онъ,—въ которомъ я жилъ, обратился ко мнѣ, какъ къ юристу, считающему себя призваннымъ давать совѣты, обратился съ просьбой объяснить ему, какъ оформить обмѣнъ между нимъ и односельцемъ его—усадебной землей съ на-

Digitized by Google

ходящимися на ней постройками. Само собою разумѣется, что отвѣтить ему тутъ же на ходу я оказался не въ состоянiи; мнѣ нужно было посмотрѣть въ справочныя изданiя законовъ, которыхъ въ редакцiи имѣлось въ изобилiи. Но, увы, отвѣта я найти не могъ и, предложивъ моему клiенту подождать нѣсколько дней, обѣщалъ ему за то навести справку у самого кладезя, въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, вѣдающемъ, какъ извѣстно, крестьянскiя дѣла. Въ земскомъ отдѣлѣ для разрѣшенiя вопроса, который, казалось бы, долженъ чуть не ежедневно возникать въ крестьянскомъ обиходѣ, пришлось созвать консультацiю; она въ концѣ концовъ отказалась дать опредѣленный отвѣтъ, и я долженъ былъ признаться передъ швейцаромъ, что не могу указать ему форму, которая бы вполнѣ гарантировала ему прочность предпринимаемой имъ сдѣлки". (стр. 96).

Если такъ обстоитъ дѣло въ средѣ спецiалистовъ права—въ составъ котораго крестьянское право входитъ лишь, какъ частное,—то что слѣдуетъ сказать о большой публикѣ, которая и общiе то законы знаетъ лишь по наслышкѣ? Правовой строй крестьянства для этой публики является совершенно невѣдомымъ, и даже она не въ состоянiи уяснить себѣ его, если бы и хотѣла, благодаря необыкновенной сложности, туманности, и запутанности нашего крестьянскаго законодательства.

А между тѣмъ существуетъ несомнѣнный интересъ въ обществѣ пробить китайскую стѣну невѣдѣнiя истиннаго положенiя крестьянства, проникнуть въ то таинственное „табу", гдѣ десятки миллiоновъ нашихъ согражданъ проходятъ свой жизненный путь, и своими глазами увидать и оцѣнить тѣ условiя, въ которыхъ эти сограждане наши живутъ, борются, работаютъ и умираютъ.

Наличность этого интереса сказывается во многомъ. Въ витринахъ книжныхъ магазиновъ то и дѣло попадаются книги, посвященныя изслѣдованiю крестьянскаго быта, въ спецiальныхъ и общихъ журналахъ и въ перiодической прессѣ сплошь и рядомъ читатель встрѣчается со статьями, говорящими объ этомъ вопросѣ.

И эти работы не пропадаютъ безслѣдно. Напротивъ, онѣ вызываютъ живой обмѣнъ мнѣнiй, ими интересуются, надъ ними раздумываютъ.

Видимо, въ обществѣ съ каждымъ днемъ растетъ и крѣпнетъ сознанiе преступности равнодушнаго отношенiя къ крестьянской жизни, и оно, скорбя о томъ пренебреженiи, какимъ встрѣчало крестьянское горе въ недавнiе годы всеобщаго застоя и безразличiя, спѣшитъ наверстать пропущенное и жадно прислушивается ко всякому голосу, говорящему о деревнѣ, о ея нуждахъ.

По этому поводу мнѣ припоминается такой случай: передъ Рождествомъ прошлаго года одинъ московскiй журналъ обратился къ читателю съ просьбой сообщить, какiя приложенiя желательны имъ въ предстоящемъ году. Изъ массы отвѣтовъ, послѣдовавшихъ на это приглашенiе, редакцiя имѣла возможность убѣдиться, что очень многiе читатели чрезвычайно интересуются крестьянскимъ законодательствомъ и желали бы ознакомиться съ нимъ.

Идти на встрѣчу сказавшемуся теченiю—прямой долгъ каждаго юриста.

II.

Крестьянское законодательство вступаетъ въ новую фазу своего развитiя. Правительство давно уже сознавало недочеты въ крестьянскомъ правовомъ строѣ и необходимость его коренной переработки. Какъ говоритъ отчетъ о работахъ редакцiонной комиссiи, „цѣлостное и планомѣрное усовершенствованiе и развитiе сего законодательства имѣлось въ виду со времени осводительной

Digitized by Google

реформы". Неоднократно приступали къ осуществленію этой задачи, но важнымъ препятствіемъ къ разрѣшенію ея служило отсутствіе матеріала, касавшагося даннаго вопроса, невозможность составить „вполнѣ опредѣленное представленіе о крестьянскихъ нуждахъ".

Съ 1889 года получилась возможность добыть нужный матеріалъ, и немедленно было приступлено къ пересмотру крестьянскаго законодательства. Въ 1893 году была составлена комиссія, имѣвшая своею цѣлью, собственно, разсмотрѣніе проекта о неотчуждаемости надѣльныхъ земель, но она не ограничилась узкими рамками своего назначенія и признала необходимымъ „подвергнуть пересмотру всѣ вообще узаконенія объ отведенныхъ въ надѣлъ крестьянамъ земляхъ". Государственный же Совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго перешло это предложеніе, высказался еще за большее расширеніе намѣченной работы и заявилъ, что „трудъ сей долженъ былъ бы обнять *всѣ* стороны сельскаго быта".

Дальнѣйшая исторія крестьянскаго вопроса записала на свои страницы слѣдующее предложеніе, объявленное во всеобщее свѣдѣніе 14 января 1902 года; „необходимо" задачей предстоящей законодательной работы поставить измѣненіе... „лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ положеній 19-го февраля 1861 г".

Для исполненія этой работы была организована въ іюнѣ 1902 г. комиссія, занятія которой продолжались до октября 1903 г.

За этотъ промежутокъ времени комиссіей и были выполнены тѣ работы, отчетъ о которыхъ является основной темой нашей статьи.

Эти работы привлекаютъ къ себѣ чуткое вниманіе. Проекты комиссіи обнимаютъ всѣ стороны юридическаго быта крестьянъ. Они касаются и организаціи крестьянскаго управленія, и устройства волостного суда, и надѣльныхъ земель и, наконецъ, заключаютъ въ себѣ особые кодексы уголовный и гражданскій.

„Вся пестрая, регулируемая до селѣ обычаемъ,—говорилъ обозрѣватель „Вѣстника Права" въ майской книгѣ журнала,—гражданско-правовая жизнь огромнаго большинства населенія страны кристаллизуется такимъ образомъ въ небольшомъ числѣ статей гражданскаго кодекса".

Взглядъ юриста съ уваженіемъ и благоговѣніемъ останавливается на томахъ трудовъ комиссіи. Нелегкое дѣло выпало на долю ея, а если принять во вниманіе еще то, что комиссіи пришлось кодифицировать обычное право, на что не отваживались даже цѣлыя поколѣнія юристовъ, то становится яснымъ весь тотъ колоссальный трудъ, какой былъ въ годъ слишкомъ выполненъ комиссіей.

Правда, одновременно съ уваженіемъ, вызываемымъ этими проектами, порождается и сомнѣніе: не было ли принесено въ жертву количеству и скорости труда его качество.

Но мы пока не будемъ давать этому сомнѣнію пищи для развитія. Остановимся на послѣднемъ (пока) шагѣ, предпринятомъ для осуществленія цѣли реформы крестьянскаго правопорядка.

Этимъ шагомъ была передача проектовъ комиссіи на разсмотрѣніе особыхъ губернскихъ совѣщаній. Именнымъ Высочайшимъ Указомъ отъ 8 января 1904 года были учреждены совѣщанія, состоящія изъ начальниковъ мѣстныхъ управленій гражданскаго вѣдомства, предсѣдателя окружнаго суда, непремѣннаго члена губернскаго присутствія и др., въ томъ числѣ и членовъ отъ дворянства и земства, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, которые и должны были подробно разсмотрѣть

Digitized by Google

работы комиссіи и дать о нихъ свои заключенія.

Работы этихъ совѣщаній представляютъ громадный самостоятельный интересъ. Участіе въ нихъ мѣстныхъ силъ придало имъ особенно продуктивный и цѣлесообразный характеръ. Но дѣятельность ихъ еще не закончилась. Намъ не придется поэтому сейчасъ остановится на ней и, оставляя за собою право вернуться къ дѣятельности совѣщаній въ будущемъ, мы ограничимъ рамки настоящей статьи обозрѣніемъ тѣхъ принциповъ, какіе были положены редакціонной комиссіей въ основу проектируемаго ею законодательства о крестьянахъ.

III.

На первый планъ мы поставимъ вопросъ о сословномъ строѣ крестьянства и ознакомимся съ тѣми мотивами, какіе привели редакціонную комиссію къ заключенію о необходимости сохраненія и впредь обособленности крестьянскаго населенія.

„Обратившись къ подробному обсужденію началъ, лежащихъ въ Положеніи 19 февраля 1861 г.,— говоритъ отчетъ комиссіи,—относительно сословной обособленности крестьянъ и особливаго порядка управленія ими, – комиссія приняла во вниманіе, что со временъ незапамятныхъ и доселѣ земля и земледѣльческій промыселъ составляли и составляютъ для русскаго крестьянина почти исключительный и во всякомъ случаѣ важнѣйшій предметъ его жизненной дѣятельности, сосредоточеніе всѣхъ его заботъ и попеченій, основу его матеріальнаго достатка. Постоянная близость къ землѣ, въ связи съ особенностями сельскохозяйственнаго труда и быта, наложила неизгладимый отпечатокъ на самую личность русскаго крестьянина, отразилась на всемъ его нравственномъ и правовомъ міросозерцаніи и создала весь внутренній складъ крестьянскихъ общественныхъ союзовъ. Воспитанные въ неустанномъ упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне болѣе, чѣмъ представители какой либо другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій.

Въ этихъ рамкахъ сложилось и своеобразное, не лишенное мѣстныхъ особенностей, правосознаніе крестьянъ, вылившееся въ обычно правовыхъ нормахъ. Составители крестьянскихъ положеній 1861 года, въ справедливомъ опасеніи нарушить самобытно сложившіяся отношенія и взгляды, искусственной нормировкой положительнаго закона насильственно отвлечь народную правовую жизнь отъ ея естественнаго обычнаго русла, предоставили весь имущественный оборотъ крестьянъ руководительству ихъ мѣстныхъ обычаевъ. Принимая во вниманіе, что непосредственное внесеніе нормъ нашего общаго гражданскаго права, разсчитанныхъ на опредѣленіе правоотношеній, возникающихъ на иной почвѣ и въ иной средѣ, въ своеобразную среду имущественныхъ отношеній крестьянства, не могло отвѣчать правовымъ нуждамъ деревни, остается лишь оцѣнить ея благоразуміе и цѣлесообразность примѣненнаго составителями крестьянскихъ положеній пріема.

Между тѣмъ, само само собою разумѣется, что пока указанный источникъ самобытнаго крестьянскаго права не уступитъ мѣста какимъ либо опредѣленнымъ общегосудар-

Digitized by Google

ственнымъ нормамъ права писаннаго, до тѣхъ поръ отпаденіе сословныхъ граней крестьянства совершенно немыслимо. Своеобразіе крестьянскаго правового порядка устраняетъ возможность расширенія круга его дѣйствія за предѣлы сельскаго состоянія и предполагаетъ для своего примѣненія наличность сословнаго суда.

Но не этимъ однимъ вызывается необходимость сохраненія и впредь обособленнаго крестьянскаго общественнаго управленія и суда и спеціальныхъ, вѣдающихъ всѣми крестьянскими интересами, учрежденій. Право государства на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу, подчиненную ближайшему надзору особыхъ правительственныхъ органовъ, является логическимъ послѣдствіемъ понесенныхъ государствомъ весьма серьезныхъ жертвъ для обезпеченія крестьянскаго быта. Надѣленіе крестьянъ землею за счетъ иного сословія обязываетъ правительство къ бдительному надзору за тѣмъ, чтобы этотъ земельный фондъ дѣйствительно удовлетворялъ той потребности, для коей онъ предназначенъ,— а именно обезпечивалъ существованіе крестьянства, взятаго какъ сословіе, т. е. въ преобладающей его массѣ, а не только единичныхъ его представителей. Ни законъ, ни правительство, очевидно, не могутъ имѣть въ виду стѣснять предпріимчивость отдѣльныхъ крестьянъ, сдерживать ихъ пріобрѣтательную способность. Но тотъ же законъ и тоже Правительство могутъ и обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы эти предпріимчивость и способность не развивались за счетъ такого источника, который имѣетъ особое, болѣе обширное, общегосударственное значеніе служить основой существованія для народныхъ массъ".

Наряду съ приведенными соображеніями, комиссія не могла не принять во вниманіе, что простымъ изданіемъ закона нѣтъ возможности сгладить тѣ органическія особенности, которыя рѣзко отличаютъ крестьянство отъ остальныхъ классовъ населенія, а при такихъ условіяхъ подчиненіе крестьянства однимъ, общимъ съ прочимъ населеніемъ государства, узаконеніемъ будетъ лишь наружнымъ, кажущимся. Полагать, что распространяя однородные пріемы управленія, примѣняя однообразныя мѣропріятія къ различнымъ по сему духовному и правительственному облику группамъ населенія, возможно эти группы духовно сблизить и матеріально объединить, по мнѣнію комиссіи болѣе, чѣмъ ошибочно.

Это было бы равносильно примѣненію тѣхъ же растеній на различныхъ по ихъ химическому составу и физическому строенію почвахъ. Очевидно, что приведя эти почвы къ одной формулѣ, возможно ихъ однообразно использовать и ожидать отъ того одинаковыхъ послѣдствій. Словомъ, по мнѣнію комиссіи для полнаго внутренняго объединенія крестьянства со всѣми остальными сословными группами Имперіи, необходимо сохранить особые пріемы въ порядкѣ его общественнаго управленія, суда и общественнаго надзора".

IV.

Мы позволили себѣ привести эту довольно длинную выписку изъ отчета редакціонной комиссіи въ виду ея большого интереса и важности для уясненія причинъ, почему комиссія, разсматривая кардинальный вопросъ крестьянской жизни относительно сохраненія сословной обособленности крестьянъ, пришла къ заключенію о необходимости удержать эту обособленность.

Крестьянская обособленность давно стала больнымъ мѣстомъ русской жизни. Очевидный вредъ ея давно вызвалъ въ русской юридической наукѣ голоса за ея искорененіе и поставилъ въ полную зависимость отъ нея матеріальное и духовное развитіе крестьянства.

Digitized by Google

Какъ указываетъ и Страховскій въ своей книгѣ „Крестьянскія права и учрежденія“ — эта обособленность „привела къ духовному и матеріальному захуданію крестьянской массы,“ и дѣятели освобожденія крестьянъ не скрывали отъ себя и другихъ возможныхъ послѣдствій обособленнаго устройства крестьянства. Даже предсѣдатель комиссіи, графъ Панинъ и тотъ говорилъ о волостномъ правленіи, которое бы заключало въ себѣ „представительство отъ всѣхъ сословій,“ и эта всесословная волость не была осуществлена въ годъ реформы отнюдь не по принципіальнымъ соображеніямъ. Мысль о ней была только отложена, но не оставлена. И можно съ увѣренностью сказать, что въ ту эпоху никто не видѣлъ въ сословной организаціи крестьянъ такихъ положительныхъ сторонъ, какія въ наше время усматриваетъ редакціонная комиссія.

Очевидно, что во мнѣніяхъ и взглядахъ произошелъ рѣзкій и важный переворотъ. Тому, чему комиссіи 60-хъ годовъ придавали лишь случайное и преходящее значеніе, нынѣ придается принципіальный и рѣшающій характеръ. На что смотрѣли, какъ на мѣру временную, теперь смотрятъ, какъ на главное условіе благоденствія крестьянскаго населенія.

Какіе-же стимулы породили этотъ переворотъ, что заставило наше законодательство измѣнить столь радикально свое прежнее русло?

Опредѣленію этихъ причинъ, а также выясненію значенія проектированнаго комиссіей принципа посвящена статья г. В. Вороновскаго, напечатанная въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Права“ (№ 23, отъ 30 мая с. г.). Ввиду важности трактуемаго этою статьею вопроса мы приведемъ основныя положенія ея автора.

Разбирая вопросъ о крестьянской обособленности и аргументацію ея, данную цитированнымъ отчетомъ, г. Вороновскій приходитъ къ слѣдущимъ выводамъ:

„Нельзя признать, чтобы приведенныя соображенія имѣли какую-нибудь доказательную силу. Если безспорно, что крестьяне изстари и съ большими трудами занимаются земледѣліемъ, то такъ-же безспорно, что фактъ этотъ не слѣдуетъ утилизировать для всякихъ предвзятыхъ выводовъ“ (стр. 1197).

„ ... Если даже принять его на вѣру, то и въ такомъ случаѣ онъ не можетъ достигнуть цѣли, ради которой приводится, не можетъ подтвердить необходимости сословнаго обособленія крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая надобность, какой разсчетъ можетъ побудить держать подъ спудомъ сословной замкнутости наше крестьянство, если оно дѣйствительно представляетъ такой органически сложившійся и вполнѣ окрѣпшій охранительный элементъ въ жизни русскаго государства“.

„Казалось-бы,—заключаетъ г. Вороновскій свой анализъ перваго тезиса комиссіи, — въ такомъ случаѣ всякое взаимодѣйствіе съ нимъ другихъ сословій... можетъ имѣть лишь самое благотворное значеніе, содѣйствуя развитію и укрѣпленію идей исторической преемственности и соціальной устойчивости“.

Равнымъ образомъ несостоятельно, — по мнѣнію названнаго автора, и то положеніе комиссіи, какое она выводитъ изъ факта „своеобразнаго правосознанія крестьянъ, 'вылившагося въ обычно-правовыя нормы“. Прежде всего это обычное право, по словамъ г. Вороновскаго, является „какимъ-то таинственнымъ призракомъ“.

Особенности правоотношеній, наблюдавшіяся въ народной жизни представляли устойчивое явленіе, пока крестьянская семья была „только рабочей, тяглой силой, подавляющей своей хозяйственной общностью отдѣльныя личности своихъ членовъ“. Но со времени реформы 19 февраля, подорвавшей старую

Digitized by Google

семью и превращающей ее въ „живой личный союзъ“, съ пробужденіемъ въ крестьянинѣ человѣческой личности и выступленіемъ крестьянской семьи на просторъ обще-гражданскихъ идей и интересовъ русской жизни,— эти особенности „постепенно, но неуклонно“ сглаживаются. Въ настоящее время,—продолжаетъ г. В., — слѣды обычнаго права представляютъ любопытный матеріалъ болѣе для изученія историческаго развитія юридическаго быта русскаго народа, чѣмъ для какихъ-либо дѣйствующихъ нормъ обычно-правового порядка. И комиссія, провозглашая въ числѣ своихъ принципіальныхъ положеній своеобразіе и устойчивость народнаго правосознанія—сама, при ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса, даетъ весьма убѣдительныя доказательства неправильности такого принципа.

Третій доводъ комиссіи, выдвигаемый ею въ защиту сохраненія обособленности крестьянскаго сословія, заключается въ правѣ государства на ближайшій надзоръ за крестьянами въ виду понесенныхъ государствомъ весьма серьезныхъ жертвъ для обезпеченія ихъ быта, выразившихся въ надѣленіи крестьянъ землею.

Г. Вороновскій не согласенъ и съ этимъ аргументомъ. По его мнѣнію „надѣленіе крестьянъ землею было со стороны государства не жертвой, а величайшей государственной мудростью, которая устранила огромную государственную опасность“.

„Само правительство, говоритъ онъ, такъ и понимало этотъ фактъ, разъяснивъ, что надѣленіе крестьянъ землею производится „въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи“. Притомъ, выкупная операція и для финансоваго вѣдомства была далеко не убыточною мѣрою.

Ссылки комиссіи на необходимость заботъ со стороны государства о неприкосновенности надѣльнаго земельнаго фонда и на современную попечительную дѣятельность государства о благосостояніи „землемѣльческаго люда“ также не оправдываютъ,—по взгляду г. В.,—желанія комиссіи сохранить крестьянскую обособленность.

Первый мотивъ, достаточный для объясненія необходимости сословнаго начала въ организаціи крестьянскихъ земельныхъ союзовъ, въ этой области и теряетъ свою силу, нисколько не распространяясь на организацію союзовъ, предназначенныхъ для достиженія задачъ управленія и общественныхъ цѣлей, имѣющихъ неизбѣжно общесословный характеръ такъ же въ сельскихъ мѣстностяхъ, какъ и въ городахъ.

По той же причинѣ несостоятельно и второе положеніе комиссіи. „Въ основѣ попечительной, — корректируетъ г. В.—какъ и всякой другой дѣятельности государства, всегда должны лежать общегосударственныя задачи, направленіе которыхъ не могутъ измѣнять интересы одного сословія въ ущербъ другому“.

Послѣднимъ изъ высказываемыхъ комиссіей соображеній является предположеніе, что „полагать, что распространяя однородные пріемы управленія, примѣняя однообразныя мѣропріятія къ различнымъ по сему духовному и нравственному облику группамъ населенія, возможно эти группы духовно сблизить и матеріально объединить... болѣе, чѣмъ ошибочно. Это было-бы равносильно примѣненію тѣхъ-же растеній на различныхъ, по ихъ химическому составу и физическому строенію, почвахъ“.

И противъ него возражаетъ г. Вороновскій: „такое заключеніе, говоритъ онъ, не можетъ не вызвать самыхъ серьезныхъ недоумѣній... Если въ глазахъ разсчетливаго хозяина способъ обработки и родъ посѣвовъ видоизмѣняется согласно разнообразнымъ почвеннымъ условіямъ, то самый прозорливый взглядъ истинно-государственнаго дѣятеля

Digitized by Google

не можетъ уловить въ крайне подвижныхъ сословныхъ особенностяхъ достаточно принципіальныхъ основаній для соотвѣтственныхъ варіацій въ системахъ и способахъ общественныхъ организацій отдѣльныхъ сословій...

Комиссія полагаетъ сохранять крестьянскую обособленность до полнаго „внутренняго объединенія ихъ съ другими сословіями". Но такого объединенія произойти не можетъ, замѣчаетъ г. В.,—ибо крестьяне, по проекту комиссіи, тщательно удерживаются въ своей замкнутой обособленности отъ всякаго взаимодѣйствія со всѣми другими сословіями, а потому какъ бы обрекаются на вѣчную сословную обособленность".

Заканчивая свою статью г. Вороновскій пишетъ: „нельзя не замѣтить, что комиссія въ проведеніи начала сословности въ трудахъ своихъ далеко вышла за предѣлы, обозначенные Высочайшимъ указомъ отъ 8 января 1904 г. согласно которому признало необходимымъ „сохранить за крестьянами сословный строй и неотчуждаемость отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель". Между тѣмъ, комиссія не ограничилась сохраненіемъ началъ сословности въ болѣе правильной организаціи крестьянскихъ земельныхъ союзовъ, призванныхъ осуществлять крестьянское надѣльное землевладѣніе. Она выводитъ сословную обособленность крестьянъ изъ самыхъ основаній освободительной реформы и широко развиваетъ ее въ цѣлую систему далеко даже за предѣлы существующихъ ея размѣровъ. Сословность не сохраняется комиссіей только какъ историческое явленіе въ указанныхъ размѣрахъ, она широко развивается въ качествѣ коренной современной потребности русской жизни".

V.

Хроника не представляетъ удобнаго мѣста для критики, анализа и просто возраженій. Обязанность хроникера лишь отмѣчать выдающіеся моменты той отрасли жизни, которой онъ посвящаетъ свою работу и освѣщать ихъ постольку, поскольку это представляется возможнымъ въ узкихъ рамкахъ хроники. Полемизировать не цѣль хроникера и потому мы не будемъ подвергать обстоятельному разсмотрѣнію всѣхъ тезисовъ г. Вороновскаго, а ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями, касающимися затронутаго нами вопроса.

Нельзя не признать вѣрнымъ, что на нашемъ крестьянствѣ лежитъ „особый отпечатокъ". Но согласиться съ утвержденіемъ, что этотъ отпечатокъ имѣетъ своимъ происхожденіемъ зависимость отъ физическихъ началъ крестьянскаго труда, мы не можемъ. Земледѣліе свойственно не только русскому народу. Между тѣмъ обособленность отъ другихъ сословій является особою принадлежностью только русскаго крестьянина. Нигдѣ на западѣ нельзя увидѣть, чтобы „зависимость отъ началъ высшаго порядка" ставила земледѣльца въ особое правовое отношеніе къ другимъ сословіямъ. И нигдѣ не замѣчается неудобствъ отъ такого порядка.

Въ интереснѣйшей статьѣ г. Мижуева „Крестьянское царство", напечатанной въ первыхъ номерахъ „Образованія" за текущій годъ мы видимъ, напротивъ, что благосостояніе канадскихъ крестьянъ обусловливается всецѣло распространеніемъ на нихъ общихъ законовъ и отсутствіемъ всякой обособленности. А между тѣмъ для созданія такой обособленности въ Канадѣ представлялось гораздо больше основаній, ибо это „царство" состоитъ, главнымъ образомъ, изъ элемента пришлаго, эмигрантовъ.

Да вообще, куда-бы не глянули, едва-ли гдѣ въ культурныхъ государствахъ мы найдемъ примѣръ, подобный тому, какой наблюдаемъ у себя. И оттого, что тамъ кре-

Digitized by Google

стьянство слито съ другими сословіями—оно только выигрываетъ духовно и матеріально, тогда какъ обособленность русскаго крестьянина приноситъ массѣ только вредъ, вырывая изъ ея среды всякую личность, обладающую возможностью внести въ семью своихъ родныхъ свѣтъ науки и знанія. (Какъ, можетъ быть, извѣстно нашимъ читателямъ, напр., поступленіе въ высшее учебное заведеніе влечетъ для крестьянина отписку отъ крестьянства; такимъ образомъ, крестьянство закономъ лишается своихъ лучшихъ и энергичнѣйшихъ сочленовъ).

Совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Вороновскій, что неосновательно надѣяться на самодовлѣющее сліяніе крестьянъ съ другими сословіями. Какъ ручей только тогда можетъ влиться въ море, когда ему будетъ данъ для этого выходъ, такъ искусственныя загражденія не откроютъ выхода крестьянству къ средѣ прочихъ сословій.

Что комиссія не имѣла въ виду создавать для крестьянства вѣчнаго состоянія обособленности — это не подлежитъ сомнѣнію. Но она слишкомъ увѣрена въ томъ, что „созидающее время остальное довершитъ". Безусловно, что настоящій порядокъ со временемъ измѣнится. Но вопросъ: не обойдется-ли слишкомъ дорого это предоставленіе крестьянства самому себѣ, отказъ ему во всякомъ содѣйствіи къ превращенію изъ темной, невѣжественной массы въ культурное, прогрессирующее сообщество? Мы знаемъ, какъ тяжело ложится на крестьянина его современное положеніе, зачѣмъ же мѣшать его естественному стремленію пріобщиться къ выгодамъ культурной жизни, къ выгодамъ совмѣстнаго дружнаго труда во имя блага всей родины и человѣчества?

Какъ сообщили газеты, одною изъ новозеландскихъ сотрудницъ международнаго женскаго конгресса, работающаго въ настоящее время въ Берлинѣ, было доложено конгрессу о петиціи новозеландскихъ женщинъ, содержаніе которой сводится къ требованію, чтобы внѣбрачные дѣти получали имя отца.

Важность выставленнаго новозеландскими женщинами требованія заставляетъ насъ, для заключенія хроники, сказать нѣсколько словъ о немъ.

Принципъ этотъ, чуждый пока русскому законодательству, да и вообще большинству законодательствъ, однако, все чаще и съ большею настойчивостью повторяется повсемѣстно, и одинаково становятся его защитниками какъ люди науки, такъ и общественные дѣятели.

Несправедливость отрицательнаго отношенія къ внѣбрачнымъ дѣтямъ давно уже сознана и жизнью, и закономъ. И въ то время, какъ жизнь настойчиво требовала искорененія тѣхъ жестокихъ предразсудковъ, въ силу которыхъ внѣбрачные дѣти даже за людей не признавались, законъ старался поставить охрану интересовъ внѣбрачныхъ дѣтей на такую-же твердую почву, на какой стояли интересы законныхъ дѣтей.

Слѣдуя этому гуманному стремленію, русское законодательство издало законъ 3 іюня 1902 года, въ значительной степени облегчившій участь внѣбрачнаго ребенка, по прежнему законодательству являвшагося совершенно безправнымъ.

Были отмѣнены нѣкоторыя стѣснительныя правила, касавшіяся незаконныхъ дѣтей, и въ тоже время созданы нормы, обезпечивавшія внѣбрачнымъ извѣстныя имущественныя и семейственныя права.

Но рѣшительнаго шага законодательство о внѣбрачныхъ дѣтяхъ все-же не сдѣлало. Этотъ шагъ — право отысканія отца, право на его имя и на его имущество до сихъ поръ остается pia desideria внѣбрачныхъ дѣтей, лишь съ установленіемъ которыхъ совершится актъ соціальной

Digitized by Google

справедливости, давно уже признанный жизнью.

Что онъ когда нибудь совершится, не можетъ подлежать сомнѣнію. И вотъ усилія общества направляются на скорѣйшее осуществленіе его. Петиція новозеландскихъ женщинъ есть выраженіе этихъ усилій. Зная условія жизни Новозеландіи, легко предположить, что эта петиція получитъ тамъ свою санкцію. И намъ остается только желать, чтобы примѣръ Новозеландіи не остался одинокимъ. Остается желать, чтобы и другія законодательства, въ томъ числѣ и русское, прониклись сознаніемъ необходимости этой мѣры, а, проникшись, не откладывали бы надолго приданія этому сознанію характера обязательной законодательной нормы.

Государство, строющее свое основаніе на началахъ христіанства, не можетъ отрицать неизбѣжность этого акта. Тогда зачѣмъ же ждать? Зачѣмъ лишать тысячи дѣтей ихъ законнаго права и отсутствіемъ его поощрять общество къ безнаказанному злоупотребленію чувственными инстинктами? Не счесть, сколько слезъ уже пролито на землѣ изъ за этой мягкости законодателя, и уже камни вопіютъ о невозможности дольше терпѣть существующій порядокъ. Внѣбрачныхъ дѣтей не должно быть... Всѣ дѣти должны быть одинаковыми и, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи личныхъ и имущественныхъ правъ между дѣтьми не должно быть никакого различія.

На томъ же женскомъ конгрессѣ предсѣдательница лиги мира, г-жа Л. Моргенштернъ, сказала, что вѣчнаго мира человѣчество достигнетъ лишь тогда, когда на знамени его будетъ написано только одно слово—„гуманность".

Гуманность же должна быть вездѣ и всегда. И внѣбрачные дѣти имѣютъ на нее не меньшее право, чѣмъ всѣ остальные. И проявленіемъ ея по отношенію къ этимъ дѣтямъ законодательно принесло бы не жертву, и даже не милость; нѣтъ, оно только исполнило бы свой прямой долгъ, и долгъ тѣмъ болѣе настоятельный, что неисполненіе его падаетъ камнемъ на головы совершенно неповинныхъ и безъ этого камня уже несчастныхъ людей...

Сергѣй Плевако.

Digitized by Google

Съ невѣстами это бываетъ...

РАЗСКАЗЪ

М. Джіанелли.

— Ну, ей Богу, кажется, что все это вчера было—и несчастный Котошихинъ, изъ-за котораго половина класса шестерокъ нахватала, и „Рыжебородый Торъ"—нашъ красавецъ словесникъ,... и луна только намъ свѣтила, только для насъ міръ былъ такъ прекрасенъ, такъ дивно пахла сирень, а по ночамъ въ ея кустахъ соловей разливался...

— А Леночка-то, Леночка, смотритъ на насъ, и ей, навѣрное, смѣшно: „охъ"—думаетъ барышня,—и расходилась-же старушка". Вѣдь, правда, Леночка, смѣшно вамъ?

Леночка молча улыбалась, и ей, дѣйствительно, было странно и немножко смѣшно, не хотѣлось вѣрить, чтобы ея мамочка съ блѣднымъ, милымъ и усталымъ лицомъ и тоненькими, какъ царапинки, морщинками и эта полная, напудренная дама когда-то зубрили „несчастнаго" Котошихина, были юными дѣвочками, которыя боялись „шестерокъ" и слушали соловья, въ которыхъ влюблялись гимназисты.

Но Варвара Петровна такъ горячо и убѣжденно говорила объ этомъ, мама слушала ее съ такимъ взволнованно-умиленнымъ лицомъ, что, должно быть, это такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Варвара Петровна придвинула къ себѣ хрустальную вазочку, положила на блюдечко малиноваго варенья и продолжала.

— Я такъ рада, такъ рада нашей

Digitized by Google

встрѣчѣ, что и сказать тебѣ не могу. Двадцать лѣтъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ!

Наталья Александровна сидѣла за самоваромъ и взволнованными, помолодѣвшими глазами смотрѣла въ оживленные, блестящіе глаза подруги; ея узкое, худенькое лице поблѣднѣло, тонкіе нервные пальцы безсознательно мяли шитое чайное полотенце.

Варвара Петровна отодвинула блюдечко съ вареньемъ и посмотрѣла на Наталью Александровну.

— Боярова помнишь? Тогда онъ былъ на второмъ курсѣ! Застрѣлился—деньги казенныя растратилъ. Семья большая осталась—нищіе!

Брови Натальи Александровны болѣзненно дрогнули.

— Ну, вотъ, ну, вотъ, — восторженно вскрикнула Варвара Петровна,—вотъ сейчасъ я прежнюю свою Наталку увидѣла, ей Богу! Толстая коса по спинѣ, глаза этакіе большіе — большіе, прозрачные, „русалочьи“ какъ говорила Лида Коржина,.. а бровки нѣтъ-нѣтъ, да и дрогнутъ, вотъ какъ сейчасъ!..

Помнишь Омельчука? Хохолъ, восьмиклассникъ, ну, черный, кудластый такой, еще влюбленъ былъ въ тебя? Наталкой-Полтавкой какъ-то назвалъ, а ты этакъ бровью дрогнешь: „какъ вы смѣете!“

Варвара Петровна безъумолку говорила, вспоминала; глаза ея блестѣли, пудра осыпалась, даже пышная, искусная прическа стала разрушаться отъ порывистыхъ движеній и жестовъ экспансивной дамы.

А Наталья Александровна, изрѣдка подавая реплики взволнованнымъ голосомъ, все также жадно слушала ее и только все больше блѣднѣла, и чаще вздрагивали тонкія брови.

Григорій Ивановичъ, хозяинъ дома, мужъ Натальи Александровны, свѣжій, удивительно хорошо сохранившійся блондинъ, съ круглой русой бородкой, помѣшивалъ въ стаканѣ и, выпуская голубоватые клубы дыма, снисходительно посмѣиваясь, переводилъ взглядъ съ жены на гостью. Леночка давно окончила свой чай; она разсѣянно собирала крошки на скатерти, и ей хотѣлось встать и уйти въ гостинную, чтобы по обыкновенію поиграть въ четыре руки съ сидѣвшимъ рядомъ съ ней женихомъ,—стройнымъ молодымъ офицеромъ, но она не знала, ловко-ли это будетъ при гостьѣ, и потому, разсѣянно собирая по скатерти крошки, томилась и старалась поймать взглядъ матери.

Григорій Ивановичъ первый замѣтилъ ея волненіе.

— Ну, что-же вы сидите и молчите?! Подите, поиграйте, а мы послушаемъ!

Леночка быстро поднялась, краснѣя и благодарно улыбаясь отцу, поцѣловала его въ високъ, гдѣ у него чуть-чуть рѣдѣли волосы; мамочкѣ поцѣловала руку робко, словно извиняясь, улыбнулась Варварѣ Петровнѣ и прошла въ гостинную; за ней тотчасъ-же поднялся и женихъ ея.

Леночка подошла къ піанино; Борисъ Дмитріевичъ открылъ крышку и зажегъ свѣчи.

Большая и высокая гостинная съ низкой будуарной мебелью краснаго плюша вся тонула въ полумракѣ; только у піанино, отражаясь въ его полированной черной поверхности, ровнымъ свѣтомъ горѣли двѣ свѣчи въ бронзовыхъ подсвѣчникахъ.

Они играли, и пальцы ихъ касались; краешкомъ глаза Леночка, не смотря, видѣла рядомъ съ собой часть смуглой щеки, съ темнымъ пушкомъ ниже уха, уголокъ румяныхъ губъ, и ей казалось, что красивые звуки Гугенотовъ наполнили все вокругъ: и эту гостинную, и весь міръ чувствомъ необъятнаго, небывалаго счастья, въ которомъ тонуло и пропадало все, что не касалось ея, Леночкиной любви...

Когда пробило одиннадцать часовъ, Борисъ Дмитріевичъ сталъ прощаться.

Онъ ушелъ, и Леночка, извинив-

Digitized by Google

шись предъ гостьей и, поцѣловавъ мамочкѣ руку и глаза, ушла къ себѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Леночка — невѣста, ей не позволяютъ ложиться позже одиннадцати: надо было набираться силъ для новой жизни.

Леночка быстро раздѣлась, легла и скоро уснула.

Была глубокая ночь, когда она вдругъ проснулась; это часто случалось съ ней теперь, и очень ей нравилось.

Къ этому часу домъ уже всегда затихалъ. Всѣ спали. Было такъ тихо: въ углу теплилась лампадка, озаряя розовымъ свѣтомъ иконы и бросая двигающійся и вздрагивающій кругъ на потолокъ.

Въ мягкомъ полусвѣтѣ такъ хорошо выступали знакомые предметы; нарядный письменный столикъ, больше похожій на игрушку, чѣмъ на рабочій столъ; мягкое креслице, въ формѣ розовой раковины; туалетъ подъ бѣлой кисеей, а на немъ слабо поблескивало зеркало съ хрустальными пуговками по угламъ. Все было знакомо, мило, привычно.

И Леночка любила, проснувшись, лежать неподвижно, прислушиваясь къ тому глубокому счастью, что наполняло ее.

Жизнь прошлая, съ нѣжными ласками матери, веселыми играми, дѣвичьими грезами, и жизнь будущая, гдѣ все было наполнено этими сбывшимися мечтами, воплотившимися въ милый образъ, была однимъ золотымъ лучемъ счастья.

И въ прошломъ—было, и въ будущемъ—будетъ все—ясно, радостно и безмятежно.

И Леночка, вся отдаваясь свѣтлому ощущенію счастья, любила проснувшись ночью, лежать такъ неподвижно, пока рѣсницы не слипались и незамѣтно налеталъ здоровый, молодой сонъ.

И сегодня Леночка проснулась съ тѣмъ-же ощущеніемъ. Розовый свѣтъ лампадки мягко освѣщалъ комнату; было такъ мирно, хорошо, спокойно.

Леночка слегка повозилась, удобнѣе укладываясь, съ безсознательной улыбкой счастливаго ребенка.

Изъ-подъ дверей спальни Натальи Александровны, которая была рядомъ съ комнатой Леночки, шла тонкая полоска яркаго свѣта: очевидно, тамъ горѣла лампа.

Леночка удивилась немного, подумала „мамочка не спитъ еще“ и, повернувшись на бокъ, подложила руку подъ горячую щечку.

За дверью вдругъ заговорилъ какой-то незнакомый женскій голосъ и, вслушавшись, Леночка вдругъ вспомнила Варвару Петровну, мамочкину подругу, о которой совсѣмъ было позабыла.

„Ночевать осталась“, подумала Леночка и перевела глаза на розовое стекло лампады; ей казалось, что глаза Богоматери ласково улыбаются ей, и чувство счастія росло и ширилось въ груди.

За бѣлой дверью кто-то прерывисто вздохнулъ.—„Всего было... Но, конечно, горя больше, гораздо больше“!

Отъ этихъ словъ, отъ тона, какимъ они были произнесены, отъ прерывистаго вздоха, Леночкѣ стало вдругъ непривычно скучно, какъ-то не по себѣ; она опустила глаза и недовольно, точно сердясь на кого-то, кто ей причинилъ вдругъ непріятность, завозилась на кровати.

А тотъ-же голосъ, въ которомъ Леночка сейчасъ-же узнала голосъ мамочки, продолжалъ.

— Никто, никто, кромѣ матери, не можетъ представить себѣ ужаса— хоронить дѣтей, даже самыхъ крошечныхъ дѣтей... Для всѣхъ это только кусокъ мяса, а для тебя... Вѣдь ты уже чувствовала, знала его, когда онъ былъ еще тамъ, въ тебѣ; для тебя онъ уже былъ живымъ, самостоятельнымъ существомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ составлялъ часть тебя самой... Кто пойметъ это кромѣ матери? Ты перенесла страшныя нечеловѣческія муки, чтобы дать ему жизнь, ты услышала голосъ,

Digitized by Google

его голосъ и ты сразу вознаграждена за всѣ твои страданія... И вдругъ... ты видишь это маленькое тѣльце, тяжесть котораго ты еще недавно ощущала въ себѣ, бархатную теплоту котораго вчера еще чувствовала подъ своими руками, мертвое, холодное, неподвижное“.—Голосъ сразу оборвался.—Это ужасно, ужасно“!—тихо прошепталъ голосъ мамочки, и, всхлипнувъ, она замолчала.

Та тишина, которая настала послѣ этихъ словъ, была совсѣмъ не такая, какую любила, къ какой привыкла Леночка.

Она повернулась на спину и старалась не смотрѣть на бѣлую дверь.

Свѣтлые, веселые, образы, наполнявшіе ее, испуганные этимъ голосомъ, страшными, тяжелыми словами, пугливо блѣднѣли и таяли. Леночка вздохнула; ей хотѣлось, мучительно хотѣлось не слышать больше печальнаго голоса, хотѣлось, чтобы кругомъ опять стало мирно — радостно, какъ было всегда, когда просыпалась Леночка.

— Да, — произнесъ голосъ Варвары Петровны,—это, должно, быть тяжело!

— Ты не хоронила?

— Нѣтъ, у меня не было дѣтей!

Леночка повернулась къ стѣнкѣ и закрыла глаза; ей хотѣлось поскорѣй уснуть; хотѣлось уйти въ свѣтлый миръ грезъ, уйти отъ этого страннаго безпокойства,что овладѣвало ею.

— Да, — повторила послѣ короткой паузы Варвара Петровна, — дѣтей у меня не было, да и мужа словно вовсе не было!

Она весело засмѣялась и продолжала.

— Увидѣла я своего Парфентія Петровича и словно одурѣла: брови его понравились мнѣ. Не могу смотрѣть на нихъ равнодушно, да и только. Прямо ошалѣла дѣвка, день и ночь о бровяхъ его думаю! Ну, конечно, „улыбочкой и глазками“, все какъ слѣдуетъ, — и въ концѣ концовъ, „позвольте вамъ предложить руку и сердце“. Я, разумѣется, въ восторгѣ, думаю: „ахъ, какъ я счастлива, онъ—мой!“ Ну, женились, а черезъ мѣсяцъ, ей Богу, я забыла, что это мнѣ, собственно, въ немъ понравилось и какъ и почему это я вдругъ стала вмѣсто Вареньки Трефиловой—madame Кондратьевой. Ну, да, думаю; все равно замужъ выходить надо-же какъ нибудь.

Только скучно мнѣ стало ужасно. Мужъ утромъ на службѣ, послѣ обѣда спитъ, вечеромъ въ клубѣ. А я прямо дурѣю отъ скуки.

„Пококетничать что-ли“ — думаю, да кавалеры все какіе-то олухи; нѣтъ у меня къ нимъ, какъ-бы это сказать, ну, вкуса, что-ли, а такъ я не могу, знаешь, безъ увлеченія!

Но вотъ какъ-то въ одномъ домѣ, представляютъ мнѣ недавно пріѣхавшаго въ нашъ городъ. — Секретарь судейскій; мѣсяца два какъ женился; влюбленъ въ жену безумно, а тутъ назначеніе получилъ, надо было ѣхать одному устраиваться; пришлось съ женой разстаться. Ходитъ чертомъ, ни съ кѣмъ ни слова, волкомъ на всѣхъ смотритъ. Я и думаю: „а вѣдь это занимательно“. И самъ, знаешь, молоденькій, черненькій такой, понравился мнѣ.

Я къ нему: „а, вѣдь, это должно, быть, ужасно, разстаться съ женой такъ скоро послѣ свадьбы“!

Онъ сверкнулъ на меня глазами, промычалъ что-то и въ сторону.

Ну, думаю, ничего, конецъ вѣнчаетъ дѣло. Говорю какъ-то ему такъ просто, словно мимоходомъ.

„Приходите завтра, чаю дамъ! Что такъ-то?! Скучно вѣдь!

Пришелъ, ничего, чай пилъ, только все больше отмалчивался.

Потомъ еще пришелъ; ужъ самъ сталъ жаловаться на скуку, а я говорю: „мнѣ тоже не весело“. И стали мы по вечерамъ гулять вмѣстѣ. А тутъ ночи душныя, іюньскія, безлунныя; липы цвѣтутъ, прямо чертъ знаетъ, что такое. Надѣваю я кисейную кофточку, онъ въ чечунчѣ, идемъ по аллеѣ, близко такъ, близко,

Google

я вдругъ вздрогну да прижмусь къ нему.

„Что вы"? — спрашиваетъ, и голосъ срывается, а я все вздрагиваю возлѣ его плеча, „летучая мышь, кажется, пролетѣла", — шепчу. Ну, мужъ только послѣ двухъ изъ клуба возвращался, а ночи все душнѣй становились; сидѣли мы разъ въ бесѣдкѣ — была у насъ такая въ концѣ сада. У меня была открытая шея, широкіе рукава; темень хоть глазъ выколи. „Да я васъ не вижу совсѣмъ"—смѣется мой Іосифъ прекрасный этакимъ коротенькимъ нервнымъ смѣшкомъ и за руку хватаетъ... Ну, и ночь, и любовь, только луны не было!

Варвара Петровна тихонько засмѣялась и сейчасъ-же заговорила снова.

— Это у нихъ называется „физіологія", — ничего не подѣлаешь. Цѣлый мѣсяцъ жены не видѣлъ, а тутъ липы цвѣтутъ, и дамочка съ открытой шеей...

Леночкѣ стало вдругъ душно; она порывисто скинула одѣяло, сѣла на постели и, тяжело дыша, съ ужасомъ смотрѣла на бѣлую дверь мамочкиной спальни; и ей казалось, что за этой знакомой дверью совершается что-то страшное и отвратительное, послѣ чего она уже никогда, никогда не будетъ прежней Леночкой.

Варвара Петровна вдругъ встала и заходила по комнатѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ не было ковра, ея французскіе каблучки задорно постукивали, и этотъ звукъ пугалъ Леночку и отдавался въ вискахъ.

Варвара Петровна остановилась и сказала.

— У меня знакомая одна была, такъ она говорила: „я"—говоритъ,— милочка, эти мимолетныя увлеченія и измѣной не считаю. Это все равно, если вашъ мужъ, которому вы обязаны по долгу супруги, ежедневно готовить супы и котлеты, пообѣдаетъ съ аппетитомъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и вернется къ вамъ сытымъ... и только".

Варвара Петровна разсмѣялась какъ-то странно, немного въ носъ. У Леночки пробѣжала по спинѣ тонкая струйка остраго холода, и она невольно повела узкими плечиками. А мамочка все молчала.

Варвара Петровна опять сѣла, и низкое креслице чуть-чуть скрипнуло подъ ея массивной фигурой.

— Ну, а ты какъ, какъ твоя замужняя жизнь сложилась? Вѣдь, я еще ничего не знаю!

Лена надвинула одѣяло, и ей стало страшно и болѣзненно-мучительно хотѣлось слышать отвѣтъ мамочки.

— Моя... я давно жена... только по имени!..

— Что такъ?

— Ты видѣла его? Еще и теперь— свѣжій, здоровый мужчина, а я давно, послѣ моего Пети, уже семь лѣтъ, инвалидъ, неспособный къ супружеской жизни.

Наталья Александровна остановилась. Очевидно, ей тяжело было говорить объ этомъ.

— Ну, ну!—нетерпѣливо подгоняла Варвара Петровна.

Наталья Александровна тихо вздохнула и покорно продолжала усталымъ голосомъ.

— Я такъ любила его... и не только за брови его полюбила, а и за душу, которая казалась мнѣ такой родной и близкой! Первые мѣсяцы брачной жизни, первые дѣти—это было счастіе; потомъ вдругъ неожиданно... намъ вѣдь, всегда все, что случается съ нами, кажется неожиданнымъ, — эти тяжелые роды, моя болѣзнь. Конечно, мнѣ и въ голову не приходило, чтобы это могло что нибудь измѣнить въ нашей жизни. Онъ былъ всегда также ласковъ, внимателенъ! Вѣдь, я же знала, что будь я здорова, а боленъ онъ, — развѣ бы это измѣнило что-нибудь въ нашихъ отношеніяхъ, — внесло-бы, пожалуй больше ласки, нѣжности и заботливости! И вдругъ съ такими понятіями, съ такимъ убѣжденіемъ, увидѣть то, что я увидѣла!—голосъ Натальи Александ-

Digitized by Google

ровны дрожалъ, и въ немъ слышался тотъ ужасъ, который пережила она въ то время, о которомъ разсказывала теперь...

— Была у насъ горничная Анюта,— продолжала Наталья Александровна, съ трудомъ подавляя волненіе, — молодая, здоровая съ крѣпкимъ упругимъ тѣломъ, румяными щеками... Ну, я ихъ застала... въ ея комнатѣ... Онъ плакалъ и говорилъ, что душа его, любовь и уваженіе. все остается мнѣ, но я больна, а онъ здоровъ и силенъ...

Онъ многое говорилъ, а мнѣ было такъ страшно, и стыдно, точно не онъ, а я совершила какую-то непоправимую гадость. Все во мнѣ было такъ грубо, такъ неожиданно смято, брошено въ грязь...

— Физіологія, матушка моя, ничего не подѣлаешь! — улыбнулась Варвара Петровна.

— Я простила, и мы словно сговорились молчать объ этомъ. По наружному наша жизнь все та-же, но ужъ порвано что-то, чего не свяжешь, нѣтъ и не можетъ быть прежней теплоты, свѣтлой довѣрчивости, — и теперь эта сторона его жизни мнѣ совсѣмъ не извѣстна.

— Нѣтъ-ли семьи на сторонѣ? — дѣловито спросила Варвара Петровна и добавила. — Это вотъ неудобно!

— Не знаю, не знаю! — отвѣтила Наталья Александровна своимъ тихимъ усталымъ голосомъ.

Леночка такъ прижалась къ подушкѣ, точно хотѣла уйти въ нее. У нея была одна мысль, одно желаніе поглощало ее, чтобы ничѣмъ не выдать своего бодрствованія; никто, никто не долженъ былъ знать, что она слышала, что она узнала.

Она все глубже уходила въ подушку, но зубы ея начинали стучать, и, мало по малу, всю охватывала холодная, непріятная дрожь, и ей казалось что-то страшное, отвратительное и ужасное, что на всегда убило прежнюю Леночку.

Тихонько, боясь дышать, она смотрѣла вокругъ испуганными глазами, какъ-бы желая найти успокоеніе въ созерцаніи знакомыхъ, милыхъ предметовъ, но и они не успокаивали, и они словно въ ожиданіи страшнаго горя какъ-то жутко прятались.

Рой ощущеній, мыслей незнакомыхъ, мучительныхъ, гнетущихъ обступалъ Леночку со всѣхъ сторонъ; принималъ видъ какихъ-то мрачныхъ фигуръ съ зловѣщими глазами, съ цѣпкими, отвратительными, тянувшимися къ ней руками. Ничего опредѣленнаго не было въ этихъ мысляхъ и ощущеніяхъ, но оттого еще страшнѣе былъ ростущій ужасъ неотвратимаго, надвигающагося несчастья!

Леночка поднялась и, стуча зубами, вся дрожа, вскрикнула громкимъ истерическимъ голосомъ: „мамочка"!

Изъ-за двери виднѣлся слабый свѣтъ ночника, и было тихо.

Но ужасъ Леночки, послѣ того, какъ въ тихихъ стѣнахъ ея дѣвичьей комнатки прозвучалъ ея голосъ, котораго она сама не узнала, возросъ до того, что она уже не могла оставаться одна.

Леночка вскочила съ кровати и, прерывисто дыша и дрожа мелкой дрожью, бросилась къ бѣлой двери, за которой свершилось ея несчастье.

Она толкнула дверь и крикнула опять, испугавшись своего голоса.

— Мамочка!

Мгновеніе все было тихо. Потомъ вдругъ съ подушки быстро поднялась голова Натальи Александровны и сонными непонимающими глазами посмотрѣла на бѣлую фигуру въ дверяхъ.

Еще мгновеніе,—и Наталья Александровна была возлѣ Леночки, испуганными растерянными глазами смотрѣла въ ея блѣдное лицо. въ широко-раскрытые глаза.

Проснулась Варвара Петровна, и вдвоемъ, почти на рукахъ, онѣ унесли и уложили Леночку въ ея постель.

Digitized by Google

Леночка все дрожала, стучала зубами, безпомощно хваталась за руки и плечи мамочки, и испуганными, широкими глазами заглядывала въ ея глаза.

Наталья Александровна безпомощно топталась и не знала, что дѣлать.

Варвара Петровна, толстая съ жирнымъ животомъ, который теперь, безъ корсета и обтянутый узкой нижней юбкой, казался огромнымъ; въ чепцѣ на жиденькой, причесанной на ночь косичкѣ, смѣнившей ея искусную дивную прическу, зажигала лампу, наливала воды въ стаканъ и говорила успокоительнымъ голосомъ.

— Ничего, ничего, это бываетъ съ невѣстами! Завтра будетъ совсѣмъ здорова! — и протягивала Леночкѣ стаканъ съ водой.

А Леночку при видѣ этой полной полуобнаженной руки, охватилъ такой ужасъ, что она вдругъ вся затрепетала, выбивая изъ руки Варвары Петровны стаканъ. Вода расплескалась по подушкѣ и одѣялу; стаканъ скатился на коврикъ и, подкатившись къ ножкѣ письменнаго столика, тихонько зазвенѣвъ, остановился тамъ.

— Господи, да что-же это такое!— шептала Наталья Александровна, блѣднѣя и быстро, быстро крестясь маленькими, торопливыми крестиками.

— Ужъ не разбудить-ли Григорія Ивановича?

— Не надо, не надо!—вскрикнула Леночка въ порывѣ новаго ужаса, и вся забилась и припала къ матери.

Наталья Александровна чувствовала, какъ у нея дрожатъ и слабѣютъ ноги и холодѣетъ въ лѣвомъ боку.

Она безсильно опустилась на край кровати, не выпуская изъ объятій холоднаго, дрожащаго тѣла дочери.

Рубашка сползла съ худенькаго бѣлаго плечика Леночки; пряди мягкихъ волосъ выбивались изъ косы, большіе, темные глаза съ тоской смотрѣли въ глаза матери, ища у ней защиты и спасенья.

— Дѣвочка моя, ангелъ ты мой, что-же это съ тобой?! Господи Милостивый, спаси насъ и помилуй! — шептала Наталья Александровна, прижимая къ себѣ вздрагивающую въ ея объятіяхъ Леночку.

И вдругъ въ мучительный хаосъ чувствъ Леночки ворвалась острая рвущая сердце жалость... къ мамочкѣ-ли, къ себѣ-ли, Леночка не знала, быть можетъ къ цѣлому сонму такихъ мамочекъ и Леночекъ.

Она быстро подняла голову, взглянула въ испуганные, растерянные глаза Натальи Александровны, порывисто охватила худенькую шею матери и словно замерла на ея груди.

— Мамочка, мамочка зачѣмъ?..

Леночка быстро, тяжело дышала, и вдругъ крупныя слезы одна за другой безостановочно побѣжали изъ тоскующихъ глазъ по блѣднымъ щекамъ. Слезы падали на худенькую дѣвичью грудь, на тонкое кружево рубашки; онѣ лились безостановочно, неудержимо.

Наталья Александровна, блѣдная, испуганная, шептала молитву, крестила и гладила дрожащей рукой темноволосую головку Леночки, смачивала ей лобъ и виски туалетнымъ уксусомъ; а Варвара Петровна, которой хотѣлось спать и было холодно въ засвѣжевшей за ночь комнатѣ, сдержанно зѣвала и говорила соннымъ, успокоительнымъ голосомъ: „ничего, ничего, пройдетъ, это бываетъ съ невѣстами“...

М. Джіанелли.

Digitized by Google

На полѣ брани.

Историческая повѣсть изъ временъ Яна Собѣсскаго.

Г. Сенкевича.

(Продолженіе).

— Я скажу милостивой паннѣ то, что я уже рѣшилъ въ душѣ: опекунъ милостивой панны, какъ гостепріимный сосѣдъ, объявилъ мнѣ, что не отпуститъ меня домой, пока сынъ не поправится, но и моего Стаха, и Букоемскихъ можно хоть завтра домой увезти. Передъ отъѣздомъ же я намѣренъ побывать и у пана Тачевскаго и у ксендза Воиновскаго, и это не въ силу какой бы то ни было доброты съ моей стороны, а потому, что прекрасно понимаю, что они въ правѣ ожидать этого отъ меня. Я не говорю, что я злой, но если тутъ есть кто нибудь дѣйствительно добрый, то ужъ никакъ не я, а милостивая панна. И не вздумай прекословить мнѣ!

Но она принялась оспаривать это, такъ какъ чувствовала, что тутъ дѣло не въ одной справедливости, а еще замѣшано кое-что другое, о чемъ не могъ знать непосвященный въ ея дѣвичьи мечты Ципріановичъ.

Сердце ея, однако, наполнилось чувствомъ благодарности къ нему и, желая ему спокойной ночи, она поцѣловала ему руку и тѣмъ очень разсердила пана Понговскаго.

— Вѣдь, это же только третье поколѣніе шляхетское, а передъ тѣмъ были только купцами!—сказалъ онъ ей.—Помни всегда, кто ты сама.

Два дня спустя Яцекъ съ двадцатью червонцами въ карманѣ уѣхалъ въ Радомъ, чтобы пріодѣться поприличнѣе передъ дальней дорогой, а ксендзъ Воиновскій остался одинъ въ своемъ церковномъ домикѣ и все размышлялъ, откуда бы добыть денегъ на всю прочую экипировку: на повозку, коней, свиту и челядниковъ. Все это долженъ былъ имѣть дружинникъ, записывающійся въ какую нибудь хоругвь, если онъ любилъ почетъ и уваженіе и если не хотѣлъ, чтобы его сочли за бобыля безъ роду и племени. Въ особенности же необходимъ былъ такой

Digitized by Google

выѣздъ именно Тачевскому, носившему знатное и славное имя, которое уже начинали забывать въ Рѣчи Посполитой.

И вотъ въ одинъ прекрасный день ксендзъ Воиновскій сѣлъ къ столу, нахмурилъ брови, наморщилъ лобъ и принялся считать и высчитывать, сколько на все и про все понадобится денегъ.

„Animalia“, т. е. собака Филюсь, ручная лисичка и барсукъ, кувыркались и выкидывали всевозможныя штуки, играя у его ногъ, но онъ не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, до такой степени былъ занятъ и взволнованъ; вѣдь всѣ его разсчеты ни къ чему не приводили— не хватало не только на второстепенныя мелочи, — но и на самое главное. И старый ксендзъ все чаще и сильнѣе потиралъ лобъ и въ заключеніе громко заговорилъ самъ съ собой:

— Взялъ съ собой десять—хорошо. Навѣрно, ничего не останется. Будемъ считать дальше: отъ пивовара Кондрата въ долгъ возьму пять и отъ Слоники—три, будетъ восемь. Отъ Дуды получимъ прусскихъ талеровъ шесть и лошаденку въ долгъ. Уплатится затѣмъ ячменемъ, если будетъ урожай. Все вмѣстѣ составитъ восемь червонцевъ и шесть талеровъ, да двадцать моихъ червонцевъ. Мало! Отдай я ему даже моего мерина подъ челядника, то, считая съ той лошаденкой, составитъ всего два коня. А къ повозкѣ надо еще двухъ, да для Яцека подъ сѣдло— по крайней мѣрѣ еще двухъ. Да, меньше нельзя. Если одинъ падетъ, то нужно имѣть другого на смѣну. А ливреи для челяди, а запасы въ повозку, а котлы, а ковры, а чехлы, а погребецъ?! Тьфу! Нѣтъ, съ такими деньгами только въ драгуны поступать!

Затѣмъ онъ обратился къ животнымъ, которыя страшно расшумѣлись и развозились.

— Тише вы тамъ, измѣнники, а то шкуры ваши жидамъ продамъ!

И опять сталъ дальше громко разсуждать и разсчитывать! „Яцекъ правъ: Выромбки слѣдуетъ продать. Только вѣдь вотъ бѣда—когда потомъ спросятъ: „Откуда ты?“ Что отвѣчать?—Изъ Вѣтрова. „Изъ какого такого Вѣтрова?—Да, вотъ съ того самаго, что по полю гуляетъ. И всѣ то его тогда будутъ ни во что ставить. Лучше бы заложить, если бы нашелся охотникъ. Понговскому было бы сподручнѣе всего. Но вѣдь Яцекъ объ этомъ и слышать не захочетъ, да и я самъ не заведу съ нимъ такихъ переговоровъ... Боже мой! Вотъ ужъ совсѣмъ не вѣрно говорятъ люди: бѣденъ, какъ мышь костельная. Нѣтъ, человѣкъ куда бѣднѣе бываетъ. Костельная мышь послѣ святаго Щепана*) роскошно живетъ, да и воску у ней каждый день бываетъ вдосталь. Пане Іисусе, Ты, Который умножилъ хлѣбы и рыбу—умножь же и этотъ десятокъ червонцевъ и эти нѣсколько талеровъ, потому что у Тебя, милосердый Панъ, отъ этого не убудетъ, а послѣднему изъ рода Тачевскихъ поможешь этимъ“.

Тутъ ему пришло въ голову, что прусскіе талеры, какъ происходящіе изъ страны Лютера, могутъ возбудить на небѣ только негодованіе. Что же касается до червонцевъ, то онъ колебался, не положить ли ихъ на ночь къ ногамъ Христа—и какъ знать—не найдетъ ли онъ ихъ завтра умноженными? Но онъ не чувствовалъ себя достойнымъ подобнаго чуда и даже ударилъ себя нѣсколько разъ въ грудь въ знакъ сокрушенія и покаянія за такую дерзкую мысль. Ему, впрочемъ, не пришлось продолжать своихъ разсчетовъ, такъ какъ въ это время кто то подъѣхалъ къ церковному дому.

Спустя минуту дверь отворили, и въ комнату вошелъ высокій сѣдой мужчина съ черными умными гла-

*) Въ день св. Щепана прихожане закидывали ксендза, стоящаго у алтаря, всевозможными зернами въ память избіенія камнями этого святого.

Digitized by Google

зами, въ которыхъ выражалось много доброты. Вошедшій, стоя у порога, поклонился и сказалъ:

— Я—Ципріановичъ изъ Едлинки.

— А какже, какже, видѣлъ вашу милость на богомольѣ въ Пшитыку. Правда только издали, потому что съѣздъ былъ огромный! — воскликнулъ ксендзъ, быстро подходя къ гостю.—Привѣтствую съ радостью вашу милость въ моемъ убогомъ жилищѣ.

— А я съ радостью вхожу сюда!— —отвѣтилъ Ципріановичъ.—Пріятный и почетный долгъ поклониться такому знаменитому рыцарю и такому святому священнику.

Съ этимъ словами Ципріановичъ поцѣловалъ стараго ксендза въ плечо а затѣмъ и руку, хотя тотъ старался воспротивиться этому, говоря:

— Ахъ, что тамъ за святость! Можетъ быть, вотъ у этихъ животныхъ больше заслугъ передъ Богомъ, чѣмъ у меня!

Но Ципріановичъ говорилъ съ такой искренностью и простотой, что сразу покорилъ этимъ сердце ксендза Воиновскаго, и они принялись говорить другъ другу дружескія слова, идущія прямо отъ сердца.

— Узналъ я и сына вашей милости,—сказалъ ксендзъ,—достойный онъ кавалеръ, съ прекрасными манерами и обхожденіемъ. Тѣ, Букоемскіе, въ сравненіи съ нимъ точно его дворовые. И скажу я вашей милости, что Яцекъ Тачевскій такъ сразу полюбилъ его, что все только восхваляетъ его на разные лады.

— И мой Стахъ,—то же самое. Бываетъ вѣдь часто, что люди сначала подерутся, а затѣмъ полюбятъ другъ друга. Никто изъ нихъ не только не питаетъ ни малѣйшей обиды или непріятнаго чувства къ пану Тачевскому, но всѣ мы желали бы съ нимъ подружиться. Былъ я у него въ Выромбкахъ, а теперь сюда пріѣхалъ, полагая, что застану его здѣсь, и хотѣлъ просить пріѣхать въ Едлинку васъ, панъ ксендзъ добродѣю, и его!

— Яцекъ теперь находится въ Радомѣ, но скоро вернется и навѣрно охотно приметъ ваше приглашеніе. Ну, вотъ и подите же, ваша милость, какъ съ нимъ тамъ въ Бычонкѣ обошлись.

— Сами ужъ они тамъ спохватились!—отвѣтилъ панъ Ципріановичъ и жалѣютъ объ этомъ—не панъ Понговскій, а женщины.

— Панъ Понговскій — человѣкъ заносчивый, какъ рѣдко другого найдешь, и придется ему когда нибудь за это отвѣтить передъ Богомъ. Ну, а что касается до женщинъ,— такъ Богъ съ ними. Чего тутъ скрывать—вѣдь, и весь поединокъ изъза одной изъ нихъ произошелъ!

— Я самъ объ этомъ догадался, еще раньше, чѣмъ сынъ подтвердилъ. Но она совсѣмъ невинна въ этомъ!

— Всѣ онѣ невинныя... А знаетъ ли ваша милость, что говорится въ Экклезіастѣ о женщинахъ?

Панъ Ципріановичъ не зналъ поэтому ксендзъ Воиновскій снялъ съ полки древне-латинскій переводъ Библіи и прочелъ выдержку изъ Экклезіаста, а затѣмъ сказалъ:

— Ну, что?

— Бываютъ и такія! — отвѣтилъ панъ Ципріановичъ.

— Яцекъ главнымъ образомъ по этой то причинѣ и отправляется въ свѣтъ, и я его не отговаривалъ, напротивъ.

— Какъ такъ? Сейчасъ уѣзжаетъ?— Да, вѣдь, война только лѣтомъ начнется!

— Ваша милость знаетъ это навѣрно?

— Знаю! Я выспрашиваю у всѣхъ, а дѣлаю я это, такъ какъ знаю, что не удержу сына!

— На то онъ и шляхтичъ. Яцекъ сейчасъ же отправляется, потому что, по правдѣ говоря, ему тутъ очень горестно оставаться.

— Понимаю, все понимаю, поспѣшность въ такихъ случаяхъ иногда бываетъ самымъ лучшимъ лекарствомъ.

— Да онъ только и останется

Digitized by Google

здѣсь столько времени, сколько понадобится, чтобы продать или заложить Выромбки. Небольшое это имѣньишко, а все же совѣтую Яцку, чтобы онъ лучше заложилъ, чѣмъ продалъ. Хотя бы онъ никогда и не вернулся сюда, все же лучше, если будетъ имѣть право писаться: Тачевскій изъ Выромбковъ. Это болѣе прилично для человѣка его рода и имени.

— Развѣ онъ долженъ непремѣнно продать или заложить?

— Непремѣнно долженъ: онъ человѣкъ совсѣмъ бѣдный. Ваша милость знаетъ, что стоитъ военная экипировка, а ему нельзя служить въ первомъ попавшемся драгунскомъ полку.

Панъ Ципріановичъ подумалъ съ минуту, затѣмъ произнесъ:

— А знаете, добродѣю, я дамъ денегъ подъ Выромбки.

Ксендзъ Воиновскій покраснѣлъ, точно молодая дѣвушка, неожиданно услыхавъ отъ юноши признаніе, которое давно жаждала услышать. Но румянецъ такъ же быстро исчезъ на лицѣ его, какъ лѣтняя зарница быстро проносится по вечернему небу, а затѣмъ онъ строго посмотрѣлъ на Ципріановича и спросилъ:

— А на что это нужно вашей милости?

Но тотъ отвѣтилъ съ полной искренностью благородной души.

— На что это мнѣ? А просто хочу достойному юношѣ оказать безъ всякой потери для себя услугу, за которую еще отдѣльно заслужу отъ него благодарность. Не бойтесь, отецъ добродзѣю, у меня при этомъ есть еще и свой разсчетъ: я тоже отправлю своего единственнаго сына въ ту самую хоругвь, въ которой будетъ служить панъ Тачевскій, и чувствую заранѣе, что мой Стахъ найдетъ въ немъ достойнаго товарища и друга. Вы знаете, что значитъ хорошее товарищество и что значитъ имѣть подлѣ себя вѣрнаго друга въ лагерѣ, гдѣ такъ легко завязываются ссоры и несогласія, да и на войнѣ, гдѣ еще легче быть убитымъ. Богъ меня не обидѣлъ богатствомъ, а сына далъ только одного. Панъ Тачевскій—мужественный, не гуляка, мастеръ рубиться на сабляхъ и добродѣтельный, потому что вы его воспитывали. Пусть же онъ будетъ со Стахомъ, какъ Орестъ и Пиладъ. Вотъ мой разсчетъ.

Ксендзъ Воиновскій раскрылъ ему свои объятія.

— Богъ да заплатитъ вашей милости! За Яцека я ручаюсь, какъ за самого себя. Золотой это мальчикъ, и сердце у него такое благодарное, какъ хорошо удобренная земля. Самъ Богъ послалъ вашу милость. Теперь можетъ мой мальчуганъ показаться въ свѣтъ такъ достойно, какъ это пристало знатному роду Тачевскихъ и, что главнѣе всего, можетъ быть, повидавъ обширный свѣтъ, онъ позабудетъ объ этой дѣвушкѣ, ради которой потерялъ столько лѣтъ и вынесъ столько мукъ.

— Развѣ ужъ онъ такъ давно ее любитъ?

— По правдѣ сказать,—съ самаго ранняго дѣтства. Да вотъ и теперь ничего не говоритъ, только зубы стискиваетъ, да извивается какъ угорь на сковородѣ... Ахъ, ужъ пусть лучше скорѣе уѣзжаетъ, все равно, изъ этого ничего не могло-бы выйти.

Наступила молчаливая пауза.

— Надо однако же точнѣе поговорить объ этихъ дѣлахъ,—заговорилъ опять ксендзъ.—Сколько можетъ ваша милость дать подъ Выромбки?—Вѣдь это убогій клочокъ.

— А хотя бы сто дукатовъ!

— Побойтесь Бога, милость ваша!

— Почему же? Если панъ Тачевскій заплатитъ мнѣ когда нибудь, то не все-ли равно, сколько я дамъ? Если-же не уплатитъ, то я все равно не прогадаю, такъ какъ тутъ въ округѣ всѣ земли плохи, а у него тамъ есть новина, гдѣ выкорчеванъ лѣсъ—и это хорошій клочокъ. Я сегодня же забираю Стаха и Букоемскихъ и возвращаюсь въ Едлинку, а вашихъ милостей прошу пожало-

Digitized by Google

вать, какъ только панъ Тачевскій вернется изъ Радома—деньги будутъ готовы.

— Должно быть, прямо съ неба свалилась ваша милость со своимъ богатствомъ и золотымъ сердцемъ—отвѣтилъ ксендзъ Воиновскій.

Онъ приказалъ принести меду, самъ наполнилъ кубки, и они принялись пить охотно, какъ пьютъ люди, у которыхъ радостно на сердцѣ. Послѣ третьяго кубка лицо ксендза приняло серьезное выраженіе, и онъ сказалъ:

— Пусть же я хоть добрымъ совѣтомъ отплачу за помощь, за доброе слово, за привѣтливость вашей милости.

— Слушаю.

— Пусть ваша милость не поселяетъ сына въ Выромбкахъ—дѣвушка красива и увертлива на удивленье. Она можетъ быть при этомъ сама по себѣ и очень достойная, не спорю, но она — Сенинская и хотя сама и не гордится особенно этимъ, но за нее чванится панъ Понговскій, и еслибъ за ней посватался даже не знаю кто, ну, хотя бы даже самъ нашъ королевичъ, то и этотъ, пожалуй, не показался бы старику достаточно знатнымъ. Пусть ваша милость побережетъ сына и не допуститъ, чтобы онъ поцарапалъ свое молодое сердце объ это чванство и кичливость, а быть можетъ и смертельно поранилъ, какъ мой Яцекъ. Говорю это вашей милости по искренней преданной дружбѣ, желая отплатить добромъ за добро.

Панъ Ципріановичъ въ раздумьи потеръ лобъ и отвѣтилъ:

— Упали они къ намъ въ Едлинку, точно съ облаковъ изъ за этого дорожнаго приключенія. Я когда-то былъ въ домѣ пана Понговскаго, желая познакомиться съ нимъ, какъ съ сосѣдомъ, но онъ не отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же, и, понявъ изъ этого всю его чванность и кичливость, я не сталъ больше искать ни его знакомства, ни его дружбы. Теперь же это какъ то само собой вышло. Сына, однако, не поселю въ Выромбкахъ, да и не допущу обивать пороги въ Белчончкѣ. Не такая мы старая шляхта, какъ Сенинскіе, даже, быть можетъ, не такая, какъ Понговскіе, но все же шляхта, которая вышла съ поля брани, съ войны, т. е. „того, что больше всего причиняетъ страданія", какъ говаривалъ панъ Чарницкій. Достоинство наше мы сумѣемъ сохранить, и мой сынъ не менѣе меня самого чутокъ къ этому. Отъ стрѣлъ купидона трудно уберечься молодому, но повторю вамъ, добродзѣю, то, что мнѣ сказалъ Стахъ, когда я его теперь въ Белчончкѣ разспрашивалъ о дѣвушкѣ: „Предпочитаю,—сказалъ онъ,—яблоко не сорвать, чѣмъ слишкомъ высоко подскакивать, потому что если не допрыгну, то будетъ срамъ".

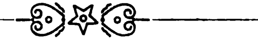
— Ого, хорошая у него голова, мудрыя слова!—воскликнулъ ксендзъ.

— Такой ужъ онъ былъ съ дѣтства,—отвѣтилъ съ извѣстной гордостью Ципріановичъ. — При томъже сынъ еще сказалъ, что теперь, когда онъ узналъ, чѣмъ была эта дѣвушка для Тачевскаго, и что тотъ ради нея перенесъ, онъ не хотѣлъ-бы ни за что на свѣтѣ стать поперекъ дороги такому достойному кавалеру. Нѣтъ, милость ваша добродзѣю, не затѣмъ беру я въ закладъ Выромбки, чтобы сыну моему было близко до Белчончки. Нѣтъ, пусть Господь Богъ хранитъ моего мальчика и обережетъ отъ всякаго зла.

И Ципріановичъ весело разсмѣялся, допилъ свой кубокъ, попрощался и уѣхалъ. А ксендзъ Воиновскій отправился въ костелъ благодарить Бога за неожиданную помощь и затѣмъ еще съ большимъ нетерпѣніемъ сталъ ожидать Тачевскаго.

(До слѣд. №-ра).

Пер. Е. Кившенко.

Digitized by Google

Болеславъ Храбрый.

Историческая повѣсть *Людвига Стасяка*.

(Продолженіе).

XII.

Днемъ и ночью идутъ польскія войска подъ начальствомъ Вдалаго Вальгира, направляясь изъ Познани въ Чехію.

Съ трудомъ пробираясь черезъ дремучіе лѣса и поля, занесенныя снѣгомъ, добралось, наконецъ, войско до русла Одры, и по льду рѣки двинулось дальше, прошло мимо Вроцлава, и, достигнувъ чешской границы, дальше опять пошло черезъ лѣса и поля.

Польскія войска шли на зовъ чешскаго народа, который просилъ защиты у Болеслава Храбраго отъ лютости своего повелителя, Болеслава Рыжаго. Рѣшено было хитростью захватить его въ свои руки, заключить на всю жизнь въ темницу и тѣмъ самымъ лишить его возможности совершать новыя преступленія.

Въ одномъ изъ пограничныхъ чешскихъ городовъ остановились войска, и къ чешскому князю отправились послы съ приглашеніемъ пожаловать на пиръ, задаваемый въ его честь. Не подозрѣвая засады, Болеславъ Рыжій немедленно прибылъ въ замокъ,—и начался веселый пиръ до поздней ночи.

Позднею ночью, когда пирующіе едва стояли на ногахъ, вдругъ растворились двери, и оттуда высыпали воины; толпой бросились они къ Болеславу Рыжему, и не успѣлъ онъ схватиться за мечъ, какъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ.

Въ это время въ замокъ ворвалась толпа черни и, не смотря на сопротивленіе польскихъ воиновъ, накинулась на бывшаго своего князя. Долго издѣвалась она надъ бывшимъ властелиномъ, затѣмъ въ ярости вырвала у него глаза...

. . . .

Епископъ марсебургскій Титмаръ былъ другомъ и совѣтникомъ императора Генриха, въ особенности во всемъ, что касалось Польши, такъ какъ Титмаръ зналъ польскій языкъ. Хоть и боленъ Генрихъ, но все таки приказалъ позвать къ себѣ епископа въ виду важности послѣднихъ извѣстій о взятіи Болеславомъ Храбрымъ Праги, и объ отправленіи польскимъ королемъ посольства къ папѣ съ просьбой о коронѣ. Сильно раздражало Генриха, какъ это Болеславъ осмѣлился совершить все

Digitized by Google

это, не испрашивая на то разрѣшенія германскаго императора.

Вскорѣ къ императору явился еще Бернардъ Саксонскій, подтвердившій, что Болеславъ послалъ папѣ, деньги и письма чрезъ учениковъ Ромуальда, скрывшихся пока въ такъ наз. Казиміровой рощѣ.

Рѣшено было силой отнять то и другое у монаховъ, хотя бы всѣхъ перебивъ ихъ. Дѣйствительно, рыцари напали на пустынниковъ и частью перебили, частью измучили пытками, допытываясь писемъ и денегъ. Однако, монахи не выдали тайны. Такъ нѣмцы и ушли, не получивъ ничего.

Тѣмъ временемъ черезъ ту же Казимірову пущу, по берегу потока, быстро шелъ вооруженный рыцарь, направляясь къ пещерѣ. Войдя въ чащу ольхъ, растущихъ у самого жилища пустынниковъ, онъ готовъ былъ пройти на площадку передъ пещерой, какъ вдругъ остановился, прислушиваясь, наконецъ, взглянувъ черезъ вѣтви, увидѣлъ ужасное зрѣлище...

— О, Боже!..

— Стоигнѣвъ!...—послышался около него какой то тихій голосъ. Путникъ обернулся и невдалекѣ увидѣлъ одного изъ пустынниковъ Варнавву.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Стоигнѣвъ.

— Разбойники... нѣмцы!..

— Отняли письма?

— Нѣтъ!

— Ну, такъ бѣги скорѣй!

— Не могу! Я связанъ!

Стоигнѣвъ подошелъ къ монаху и перерѣзалъ связывающія его веревки. Вставъ на ноги, Варнавва сталъ осторожно пробираться къ пещерѣ.

Тѣмъ временемъ, рыцарь не долго думая выбѣжалъ изъ чащи и съ обнаженнымъ мечемъ бросился на разбойниковъ. Не успѣли тѣ опомниться, какъ нѣсколько изъ нихъ уже лежали на землѣ съ раскроенными черепами...

Стоигнѣвъ-же, видя, что со всѣми ему никакъ не справиться, бросился затѣмъ въ пещеру, кромѣ того, надо было какъ можно дольше задержать нападающихъ, чтобы дать возможность Варнаввѣ уйти съ письмомъ какъ можно дальше. Нѣмцы же, придя въ себя, схватились за оружіе и устремились къ пещерѣ, но вслѣдствіе узкаго входа иначе какъ по одному пробраться внутрь было невозможно.

Долго продолжалась эта неравная борьба одного человѣка противъ цѣлой толпы, пока, наконецъ, камень, удачно пущенный изъ пращи однимъ изъ нѣмцевъ, не попалъ въ лобъ Стоигнѣву. Зашатался воинъ, оружіе выпало изъ рукъ... Пользуясь этимъ, подбѣжали солдаты и ударами меча добили рыцаря...

Поздно спохватились нѣмцы, что Варнавва успѣлъ скрыться вмѣстѣ съ письмами и сокровищами. Бросились въ лѣсъ... Но всѣ поиски были тщетны. Варнавва пропалъ безслѣдно, такъ что пришлось послать извѣстіе императору, что монахъ ускользнулъ изъ ихъ рукъ и теперь спѣшитъ въ Римъ.

Тогда Генрихъ приказалъ всюду на границѣ разставить стражу, а въ Альпахъ расположить цѣлый рядъ постовъ, чтобы перехватить Варнавву по дорогѣ въ Италію,—и бѣдный монахъ все-таки не миновалъ засады. Письма и деньги у него отняли, а самого препроводили къ императору, который велѣлъ его отправить въ заточеніе.

. . . .

Мудро сдѣлалъ Генрихъ, что „терпѣливо снесъ вѣсть о покореніи Праги, приписавъ всѣ неудачи, которыя происходили въ его государствѣ, своимъ грѣхамъ. Онъ рѣшилъ, что самое разумное будетъ— отправить къ Болеславу посольство съ предложеніемъ принять Чешскую землю, какъ милость императора, и быть его вѣрнымъ слугой. Въ случаѣ несогласія Болеслава исполнить требованія Генриха, императоръ съ

Digitized by Google

оружіемъ въ рукахъ будетъ противиться захватамъ Болеслава“ *).

— Идите и убѣдите его оставить свой смѣлый замыселъ и подчиниться мнѣ!—обратился Генрихъ къ посламъ, отправляя ихъ въ Прагу.

— А что, владыко, если Болеславъ знаетъ объ избіеніи ксендзовъ въ казиміровой пущѣ?..

— Будьте спокойны, всѣ монахи спятъ непробуднымъ сномъ, а самъ посолъ въ темницѣ, некому доносить Болеславу о происшедшемъ...

Однако, печальная вѣсть опередила посольство. Уныніе и скорбь охватили Болеслава; гнѣвъ обуялъ рыцарство. Гнѣвно встрѣтилъ Болеславъ нѣмецкихъ пословъ и рѣшилъ отвѣтить войной за оскорбленіе.

XIII.

Война давно уже носилась въ воздухѣ, подобно грозовой тучѣ на небѣ въ жаркій, лѣтній день. Война, какъ пожаръ, сразу вспыхнула въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Болеславъ, какъ мудрый стратегъ, заранѣе обдумалъ планъ войны, и еще до начала открытія военныхъ дѣйствій, его сокровища разсыпались по Германіи; не было въ государствѣ человѣка, который не былъ бы подкупленъ польскими сокровищами. Подкуплены были всѣ приближенные императора, имѣвшие значеніе.

Какъ будто по приказу изъ Праги, половина имперіи возстала противъ императора. Возсталъ маркграфъ Гецилъ, вѣрный союзникъ короля, за нимъ маркграфъ австрійскій Эрнестъ, братъ императора Бруно; вездѣ Болеславовы деньги сѣяли раздоръ и войну. Императоръ со своими родичами воевалъ на югѣ, а въ Австріи и Баваріи разгорался бунтъ, гибли города и люди; на сѣверъ же по руслу Лабы спѣшилъ Болеславъ въ императорскія владѣнія. Перебрался онъ черезъ горы чешскія, потомъ черезъ плодоносную землю лужичанъ.

*) Титмаръ, V 19.

Всю ночь переправлялось войско Болеслава черезъ Лабу. По наступленіи утра король раздѣлилъ его на четыре части и разослалъ въ четыре разныя стороны, наказавъ вечеромъ собраться подъ Цириномъ.

Между тѣмъ и Генрихъ не дремалъ; прежде чѣмъ ударить на Болеслава, онъ рѣшилъ подавить въ странѣ возстаніе и съ огромнымъ войскомъ двинулся на бунтовщиковъ. Въ началѣ августа онъ вступилъ въ землю Гецила и такъ ее опустошилъ, что не осталось даже и кровли, подъ которую могъ бы укрыться маркграфъ. Цесаревичъ и Гецилъ успѣли бѣжать къ Болеславу. Эрнестъ австрійскій не могъ укрыться и былъ преданъ военному суду за союзъ съ „безумнымъ наглецомъ“. Судъ приговорилъ къ смерти.

— Умрешь!! — крикнули судьи.

— Или заплатишь!! — прибавилъ Генрихъ, питавшій сильную слабость къ деньгамъ, несмотря на свою богобоязненность.

Благодаря вмѣшательству архіепископа Вилигица Эрнестъ остался живъ, вручивъ хромому государю большую часть своихъ „преходящихъ благъ“.

Пораженіе союзниковъ и первая неудача взволновали Болеслава, вспыхнула жажда возмездія, — и король съ огромнымъ войскомъ пошелъ въ глубь Баваріи, уничтожая по дорогѣ все встрѣчное и забирая людей въ плѣнъ.

Скоро баварскіе города зачернѣли своими обгорѣлыми развалинами; люди были уведены въ плѣнъ, къ счастливому побѣдителю присоединялось все больше славянскихъ племенъ. Пожаръ грозилъ охватить всю германскую имперію. Нѣмцы дрожали за свою жизнь и свою будущность, такъ какъ соединеніе славянъ грозило полною гибелью ихъ господству.

Нѣмцы поняли, что единственное средство остановить несшуюся къ

Digitized by Google

нимъ грозу—приняться за старое и посѣять между славянами раздоръ.

Легче всего удалось императору привести свой планъ въ исполненіе у лютиковъ и вильковъ. Издавна здѣсь, благодаря наплыву нѣмцевъ, исчезли патріархальные, старинные права и обычаи, ихъ смѣнили новые порядки; равные нѣкогда передъ Богомъ и закономъ, поселяне считались теперь подъ ярмомъ у высшаго сословія. Послѣднее-то и удалось нѣмцамъ привлечь на свою сторону, угрозою, что иначе чернь, боготворившая Болеслава, одержитъ верхъ и лишитъ ихъ привиллегій, дарованныхъ имъ нѣмцами; своекорыстная знать и продала свободу и честь родного племени, не смотря на уговоры Бориса и Незамысла.

Возмутилъ Генрихъ и чеховъ, изъ тѣхъ, кому нравились своеволіе и безобразія; посылалъ даже въ Кіевъ, къ князю Владиміру, чтобы и того поднять противъ Болеслава, но мудрый князь твердо отвѣтилъ:

— Въ мирѣ я живу съ Болеславомъ, а теперь и породнюсь съ нимъ. Сынъ мой Святополкъ на дочери Болеслава женится... И ты, нѣмецъ, не искушай меня напрасно!

Такъ и ушли нѣмцы ни съ чѣмъ.

Часть II.

I.

Въ огромномъ вислицкомъ замкѣ все какъ-бы вымерло. Пусто въ темныхъ, сырыхъ залахъ. Всякій, кто только былъ молодъ и здоровъ, ушелъ на войну. Опустѣли горницы, въ которыхъ еще такъ недавно задавались шумные пиры, опустѣли и помѣщенія для слугъ, гдѣ прежде находились цѣлыя толпы прислужниковъ и воиновъ.

Но, видно, не всѣ жители покинули замокъ. Въ одномъ изъ коридоровъ вдругъ послышался скрипъ отворявшейся желѣзной двери, и изъ комнаты вышелъ какой-то старикъ, неся въ одной рукѣ небольшой хлѣбецъ, а въ другой мѣдный ковшъ. Выйдя изъ замка на дворъ, онъ направился къ колодцу, зачерпнувъ тамъ съ помощью ведра воды, наполнилъ ею ковшъ, затѣмъ снова пошелъ къ замку.

Подойдя къ двери, ведущей въ подземелья, онъ затѣмъ спустился по лѣстницѣ въ нижнюю залу замка и, приподнялъ одну изъ желѣзныхъ плитъ, лежащую посерединѣ комнаты, всталъ на колѣни около открывшагося отверстія, нагнулъ голову книзу и сталъ всматриваться внутрь подземелья...

— Гей! откликнись!! — крикнулъ старикъ, пристально вглядываясь въ глубь подземелья.

Но никто не отвѣчалъ ему.

— Хлѣбъ не тронутъ! — прошепталъ, наконецъ, старикъ. — Видно, не ѣлъ ничего!—еще разъ пристально вглядѣвшись внутрь казомата, онъ замѣтилъ тамъ человѣческое тѣло, распростертое на землѣ.

— Умеръ!!

Вскочивъ на ноги слуга, быстро побѣжалъ въ верхнія залы замка, гдѣ жила Гелигунда, и, войдя къ ней, сказалъ:

— Болеславъ Рыжій скончался!..

. . . .

Тѣло несчастнаго чешскаго князя было вытащено изъ подземелья и похоронено на одномъ изъ склоновъ горы.

Кромѣ жителей замка, на похоронахъ присутствовали еще какіе-то неизвѣстные люди. Кто они такіе, и откуда, зналъ только одинъ князь Вислицкій, который, радостно пожимая имъ руки, какъ старымъ знакомымъ, говорилъ:

— Для васъ открыты двери вислицкаго замка.

— Мы очень рады тебя видѣть, но всетаки боимся, какъ-бы...

— Будьте покойны! Я ручаюсь за вашу безопасность. Болеславъ вѣдь занятъ войной, при немъ и полководцы его!

— Въ дорогѣ мы слышали, что намъ навстрѣчу направляется къ Кіеву Вдалый Вальгиръ!

Digitized by Google

— Откуда вы это знаете?—спросилъ,. вдругъ поблѣднѣвъ, князь Вислицкій.

-- Знаемъ достовѣрно! Но почему это ты такъ блѣденъ сталъ сразу?

— Я? Нѣтъ! Это вамъ только показалось. Однако, пойдемте въ замокъ и тамъ за чашей вина побесѣдуемъ...

. . . .

Расположившись въ отдѣльной залѣ, они плотно заперли всѣ двери, послѣ чего князь Вислицкій приступилъ къ разспросамъ.

— Возвращаетесь изъ Кіева?

— Да. Ходили къ князю Владиміру, отъ имени нѣмецкаго императора!

— Вы шли черезъ Польшу?

— Да. Это самый короткій путь. Сначала мы шли черезъ Венгрію, но узнавъ, что король венгерскій обѣщалъ Болеславу поймать насъ и выдать ему, принуждены были скрываться все время. Шли лѣсами, преимущественно ночью. Вотъ въ Польшѣ насъ не ищутъ и здѣсь легче намъ будетъ проскользнуть; къ тому же и войска всѣ ушли...

— Я понимаю ваши опасенія. Хорошо, что я васъ случайно встрѣтилъ въ лѣсу во время охоты. Вѣдь я васъ зналъ еще во Франконіи и въ Германіи.

— Да. Всегда ты былъ вѣрнымъ слугою Оттона и нѣмецкаго государства!

— Разскажите теперь, съ какими вѣстями возвращаетесь вы изъ Кіева?

— Князь принялъ насъ очень дружелюбно, но идти противъ Болеслава съ оружіемъ въ рукахъ отказался. Кстати, тамъ теперь идетъ борьба между Ярославомъ и наслѣдникомъ престола, и въ настоящее время Святополкъ и польская королевна въ большомъ почетѣ.

— А зачѣмъ Вдалый Вальгиръ ѣдетъ туда?

— Чтобы еще болѣе склонить на свою сторону князя Владиміра!

— Однако плохо придется вамъ, если онъ поймаетъ васъ здѣсь... Перевѣшаетъ всѣхъ до единаго!

— Не лучше ли бѣжать намъ отсюда, пока есть время?

— Только трусъ и глупецъ бѣжитъ тогда, когда ему представляется удобный случай одержать блестящую побѣду.

-— О чемъ ты говоришь?

— Вы спрашиваете, о чемъ? А какъ-бы васъ принялъ императоръ, если-бы вы привели къ нему плѣннаго Вальгира?

— Что? Да, вѣдь, это невозможно! Вѣдь, это его замокъ, и здѣсь находится его жена...

— Жена?! Она-то и поможетъ намъ привести въ исполненіе наши планы!

. . . .

Уже нѣсколько недѣль, какъ нѣмецкіе рыцари живутъ въ вислицкомъ замкѣ. У воротъ днемъ и ночью сторожитъ воинъ, чтобы въ случаѣ пріѣзда Вальгира предупредить нѣмцевъ и тѣмъ самымъ дать имъ возможность приготовиться къ нападенію. Но Вальгиръ все не появляется, и рыцари стали высказывать предположеніе, что, можетъ быть, онъ и совсѣмъ не заѣдетъ въ свой замокъ, но Виславъ ихъ увѣрялъ, что Вальгиръ непремѣнно воспользуется возможностью повидаться со своей женой; Гелигунда же, зная, какъ сильно ее любитъ мужъ, подтверждала слова князя Вислицкаго.

. . . .

Было еще темно, когда съ глухой лѣсной тропинки, въ недалекомъ разстояніи отъ Вислицкаго замка, вышли на равнину три какихъ-то человѣка.

— Вислица!

— Твои владѣнія.

Быстро подошли путники къ воротамъ; увидя же спящаго около входа воина, Вдалый Вальгиръ сказалъ своимъ товарищамъ:

— Не будите его! Пусть никто не знаетъ, что я здѣсь.

— Хорошо!

Digitized by Google

— Здѣсь моя жена. Вотъ обрадую ее своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ!

Всѣ трое прошли ворота, дворъ и, наконецъ, вошли въ замокъ. Вдалый Вальгиръ, быстро побѣжалъ по каменнымъ ступенькамъ на верхъ...

— Но что это?

Сквозь замочную скважину въ двери, ведящей въ комнату Гелилунды, пробивается лучъ свѣта. Радостная улыбка появилась на лицѣ Вальгира...

— Не спитъ еще, дорогая!..

Сильной рукой онъ открылъ дверь, вошелъ и вдругъ всталъ, какъ окаменѣлый, не вѣря глазамъ.

— Жена?!! Что я вижу!.. Или я съ ума сошелъ...

Пьяная Гелигунда въ отвѣтъ громко разсмѣялась.

— Ха! Ха! Ха! Ты видѣлъ, какъ я цѣловала своего возлюбленнаго! А кто запретитъ мнѣ это дѣлать?!

Сорвался съ мѣста Вальгиръ и бросился на испуганнаго князя Вислицкаго. Гелигунда, замѣтивъ это, быстрымъ движеніемъ выхватила вдругъ у мужа мечъ, висѣвшій у пояса. и бросила его въ открытое окно.

Рыцарь схватилъ Вислава въ свои медвѣжьи объятія, Гелигунда же, зная, что въ случаѣ, если ея мужъ одержитъ побѣду, ее ожидаютъ самыя ужасныя мученія, подкралась сзади къ Вальгиру и впилась своими пальцами ему въ шею...

Въ это время изъ сосѣдней комнаты, услыхавъ этотъ шумъ, выбѣжалъ одинъ изъ нѣмцевъ, чтобы узнать, что такое здѣсь происходитъ.

— Вальгиръ! Вальгиръ!!

Быстро помчался рыцарь обратно и, схвативъ оружіе, вмѣстѣ со своими товарищами, бросился въ комнату Гелигунды.

Набросились толпой на Вальгира, повалили, наконецъ, на землю и черезъ минуту, тотъ уже лежалъ неподвижно, крѣпко связанный по рукамъ и ногамъ...

Опьяненные легкой побѣдой, нѣмцы хотѣли тутъ же прикончить Вальгира, но Гелигунда воспротивилась этому: мстительной женщинѣ хотѣлось прежде отомстить за полученную обиду. Когда передъ этимъ она подошла къ связанному мужу, то онъ, немного приподнявшись, вдругъ плюнулъ ей прямо въ лицо, сказавъ при этомъ:

— Сука!!

Она должна отомстить... Жестоко отомстить, и потому не выдастъ его нѣмецкимъ рыцарямъ.

— Можете уходить!—обратилась она къ нимъ.—Будьте покойны, въ моихъ рукахъ онъ будетъ для васъ безопасенъ!

Месть ея была самая утонченная. Она велѣла приковать мужа къ стѣнѣ въ одномъ изъ подземелій, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него поставить богато убранный столъ и диваны, и каждый день вмѣстѣ съ Виславомъ они спускались внизъ и пировали вдвоемъ, цѣлуя и обнимая другъ друга на глазахъ почти обезумѣвшаго отъ горя и боли Вальгира...

II.

Императоръ Германскій пришелъ къ убѣжденію, что теперь настало время ополчиться противъ своего смертельнаго врага, отомстить ему за всѣ обиды, отнять захваченную тѣмъ лужицкую землю и взять занятый польскими войсками Будишинъ и Стреле. Въ Мышнахъ уже Болеславъ тоже хозяинъ, Эльстера—граница его владѣній. Возмездія требуютъ сожженные нѣмецкіе города и взятые въ неволю тысячи нѣмецкаго народа. Пора наказать противника, который мало того, что забралъ себѣ всѣ славянскія земли, еще и при дворѣ императора вербуетъ себѣ сторонниковъ.

Осенью двинулся императоръ Генрихъ въ Польшу и, несомнѣнно завоевалъ бы тогда всю Польшу, если бы не ужасныя, почти непроходимыя дороги, затруднявшія пе-

Digitized by Google

редвиженіе нѣмцевъ, благодаря чему, Болеславъ успѣлъ послать въ городъ Будишинъ значительное подкрѣпленіе. Когда, наконецъ, Генрихъ добрался до этого города, то убѣдился, что прежде, чѣмъ идти въ Польшу, необходимо покорить укрѣпленный Будишинъ.

Главное начальство надъ своими войсками императоръ поручилъ двумъ славнымъ рыцарямъ. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстный во всей Германіи своими рыцарскими доблестями Гемуза, другой же непобѣдимый Томмо, великій воинъ и страстный охотникъ.

Лучшія нѣмецкія войска, словно желѣзнымъ кольцомъ, со всѣхъ сторонъ окружили Будишинъ. Около города нѣмцы построили огромныя башни, съ вершины которыхъ пращники осыпали осажденный городъ цѣлымъ градомъ камней. Были установлены также огромныя метательныя машины, бросавшія громадныя глыбы на далекое разстояніе. На валахъ же города лужицкіе сорабы, будишинскіе мѣщане насмѣхались надъ нѣмцами, а болеславовы стрѣлки пускали цѣлыя тучи стрѣлъ на нѣмецкія войска. Самъ императоръ подъѣхалъ однажды къ стѣнамъ города, ободряя и поощряя своихъ воиновъ къ бою. Но одинъ польскій лучникъ, узнавъ императора по блестящему шлему и украшенной золотомъ одеждѣ, тщательно прицѣлившись, спустилъ стрѣлу... Съ визгомъ пролетѣла стрѣла около самаго уха императора, попала прямо въ грудь вблизи стоявшему графу и, пробивъ одежду, глубоко вонзилась въ грудь.

Испуганный Генрихъ поспѣшилъ какъ можно скорѣе отъѣхать въ болѣе безопасное мѣсто, куда бы не достигали ни стрѣлы, ни камни.

Еще такъ недавно начали нѣмцы осаду Будишина, а уже цѣлыя груды труповъ ихъ окружали городъ. Гемуза, видя, какъ гибли массами его воины, и слыша насмѣшки съ валовъ осажденнаго города, рѣшилъ во что бы то ни стало взять крѣпость и въ отместку вырѣзать затѣмъ всѣхъ жителей до единого.

Высмотрѣвъ мѣсто, гдѣ по его мнѣнію, меньше всего было защитниковъ, и гдѣ частоколы и стѣны были ниже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, темной ночью онъ самъ повелъ туда войско. Вотъ уже они подошли почти къ самому частоколу и стали взбираться на валъ...

Въ это время съ вершины вала, по наклонной плоскости, съ огромной скоростью скатился громадный жерновъ и врѣзался въ самую середину войска, давя на смерть цѣлые десятки людей. Несчастный Гемуза погибъ однимъ изъ первыхъ.

Пользуясь смятеніемъ, происшедшимъ вслѣдствіе смерти вождя, лужичане выскочили изъ крѣпости и напали на нѣмцевъ; не успѣли тѣ и опомниться, какъ польскіе воины опять спрятались за валы, перебивъ не мало людей и захвативъ съ собой тѣло Гемузы.

Въ тѣ времена самымъ большимъ несчастіемъ считалось быть похороненнымъ въ чужой землѣ, а потому императоръ послалъ посольство съ просьбой выдать тѣло убитаго полководца, обѣщая богатый выкупъ. Будишане выдали нѣмцамъ тѣло Гемузы, которое затѣмъ было отвезено въ Германію.

Нѣмцы крайне огорчились неудачей. Въ императорскомъ шатрѣ собрались знатнѣйшіе рыцари, чтобы обсудить способъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Пора уже было во что бы то ни стало покончить съ осаждаемымъ городомъ, такъ какъ иначе нѣмецкой арміи грозилъ голодъ. Ближайшія селенія и города уже давно были разграблены, и за хлѣбомъ приходилось посылать къ самому Липску. Небольшіе же отряды, высылаемые за провіантомъ, истреблялъ лужицкій народъ, и вмѣсто припасовъ посланные приносили съ собою убитыхъ товарищей... На совѣтѣ одни утверждали, что лучше всего взять городъ си-

Digitized by Google

лою, другіе совѣтовали отступить, а третьи употребить въ этомъ дѣлѣ хитрость и подкупъ. Наконецъ, всталъ Томмо и рѣшительнымъ голосомъ произнесъ:

— Я возьму крѣпость!

Во всей Германіи славился Томмо своей отвагой и силою; вѣдь онъ одинъ на одинъ ходилъ на медвѣдя, вооруженный только короткимъ охотничьимъ ножемъ, схватывалъ за рога зубра и валилъ на землю...

Выбравъ себѣ двѣнадцать человѣкъ, по силѣ почти не уступавшихъ ему, темной ночью отправился Томмо въ походъ. Они должны были потихоньку пробраться въ Будишинъ, открыть ворота, затѣмъ, по данному ими знаку, нѣмецкія войска должны ворваться въ открытыя ворота.

По берегу Спревы подвигается, небольшой отрядъ къ городу, ползкомъ добрались до самыхъ стѣнъ, впереди всѣхъ самъ Томмо. Остановились...

— Рѣкою можно пробраться въ городъ!

— У рѣки съ обѣихъ сторонъ поставлена стража!

— Съ лѣвой стороны спитъ воинъ!

— Надо его убить! Это я беру на себя, а вы справьтесь съ другимъ. Но только, если онъ успѣетъ крикнуть,—мы погибли!

Три воина тихо спустились въ воду и, прячась подъ прибрежными вербами, стали красться къ часовому, ходившему по берегу рѣки, не подозрѣвая грозящей ему опасности. Вотъ онъ подошелъ къ самому берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ спрятались нѣмцы, и только повернулся, чтобы идти обратно, какъ двое людей быстро выскочили изъ воды и схватили его за горло, чтобы тотъ не могъ крикнуть, а третій въ это время пронзилъ мечемъ его грудь... Одинъ часовой уже лежалъ мертвымъ.

На другой сторонѣ рѣки ко второму часовому крадется самъ Томмо; осторожно подползъ сзади, затѣмъ быстрымъ движеніемъ вонзилъ свой мечъ спящему воину въ спину; не успѣлъ тотъ даже крикнуть...

Отрядъ двинулся дальше. Прибрежныя заросли рѣдѣли, показались недалеко избушки жителей и раскинутые войска.

— Шевелятся что-то кусты! — замѣтилъ кто-то изъ нѣмцевъ.—Какъ будто человѣкъ тамъ!

— Нѣтъ, живой души не видно! Идемъ дальше! Это вамъ отъ страху мерещится!—ободрялъ своихъ воиновъ Томмо. — Пока все благополучно! Какъ пройдемъ валы, то всѣмъ надо устремиться къ однимъ воротамъ и, перебивъ стоящую около нихъ стражу, поскорѣе открыть, а затѣмъ дать знакъ трубою своимъ, чтобы тѣ спѣшили къ намъ.

Солдаты, точно кроты, поползли дальше... Валы уже остались позади, еще десятокъ шаговъ,—и они у цѣли.

— Весь городъ какъ бы вымеръ.

— Безпокоитъ насъ эта тишина!

— Спятъ всѣ, оттого и тихо такъ! — съ этими словами Томмо оглянулся назадъ, и вдругъ пустынная прежде рѣка какъ бы ожила: на поверхности ея показались какія-то черныя пятна.

— Это люди!

— Толпа загородила намъ отступленіе.

— Насъ давно замѣтили и нарочно заманили такъ далеко.

— Надо дать сигналъ трубой, чтобы войска спѣшили намъ на помощь!

Воины столпились около своего вождя, рѣшивъ по крайней мѣрѣ дорого продать свою жизнь. Огромная толпа поселянъ, вооруженная цѣпами, набросилась на нихъ. Отбиваясь мечами, Томмо понемногу сталъ отступать къ рѣкѣ, стараясь уйти той же дорогой, которой пришли они. Наконецъ, они добрались до рѣки, и битва продолжалась уже въ водѣ. Хотя цѣпъ и не слишкомъ страшное оружіе для вооруженнаго мечемъ рыцаря, но всетаки трудно

Digitized by Google

одному устоять противъ цѣлаго десятка нападающихъ...

— Впередъ!—кричитъ Томмо, поражая своими ужасными ударами поселянъ...

Но отрядъ его дѣлается все меньше и меньше; таетъ какъ снѣжный комъ подъ лучами солнца.

Замѣтивъ большой камень, возвышающійся надъ водою, Томмо вскочилъ на него, чтобы было удобнѣе съ высоты поражать враговъ, но поскользнулся и упалъ въ воду. Цѣлый градъ ударовъ посыпался на упавшаго рыцаря. Кровью окрасились чистыя воды рѣки...

Изъ всего отряда ни одному воину не удалось добраться живымъ обратно въ лагерь.

. . . .

Перебивъ весь отрядъ Томмо, лужичане бросились къ главнымъ воротамъ города и дали сигналъ трубой.

Нѣмцы же, думая, что это Томмо оповѣщаетъ ихъ объ удачномъ исходѣ своего предпріятія, бросились къ городу, предполагая найти ворота раскрытыми, но польскія войска встрѣтили ихъ цѣлымъ градомъ камней и стрѣлъ, и тѣ съ большимъ урономъ должны были уйти, причемъ одинъ камень, пущенный изъ пращи, попалъ въ ногу императору, такъ что его пришлось нести обратно въ лагерь.

Императоръ снова созвалъ своихъ рыцарей на совѣтъ.

— Я ни минуты не остаюсь дольше здѣсь!—категорически заявилъ онъ присутствующимъ.

— Да, лучше уйти!—подтвердилъ Титмаръ.—А то наступитъ дождливая пора, и дороги сдѣлаются совсѣмъ непроходимыми.

— Итакъ мы возвращаемся въ Германію.

Въ это время вошелъ воинъ съ докладомъ, что пришло посольство изъ крѣпости и желаетъ видѣть императора.

— Пускай войдутъ! — приказалъ Генрихъ.

Въ шатеръ вошло нѣсколько польскихъ рыцарей.

— Чего вы хотите? — спросилъ ихъ императоръ.

— Король нашъ Болеславъ добровольно уступаетъ тебѣ Будишинъ *).

Всѣ вдругъ замолчали и, широко раскрывъ глаза отъ удивленія, вопросительно стали смотрѣть на пословъ. Тѣ же говорили дальше:

— Но съ условіемъ, государь, чтобы всѣ войска и всѣ его жители безпрепятственно могли уйти оттуда съ оружіемъ въ рукахъ.

— Что это означаетъ?—спросилъ императоръ, обращаясь къ окружающимъ.

— Должно быть, хитрость какая-нибудь!—утверждалъ одинъ.

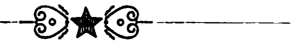
— Нѣтъ! Мнѣ кажется, что Болеславъ понялъ, наконецъ, съ кѣмъ онъ хочетъ бороться, и во время образумился!—возражалъ другой.

Въ концѣ концовъ всѣ пришли къ рѣшенію — принять условія Болеслава, т. е. выпустить польскія и сербскія войска и затѣмъ забрать себѣ крѣпость. Оставивъ въ Будишинѣ гарнизонъ, императоръ затѣмъ вернулся въ Германію вмѣстѣ съ остальнымъ войскомъ.

Такъ кончился первый походъ Генриха въ Польшу; возвратившись же домой, императоръ отдалъ строгій приказъ саксонскимъ графамъ: „бдительно охранять границы государства отъ набѣговъ Болеслава, а самимъ какъ можно чаще производить вторженія въ польскія земли.

*) Относительно этого факта существуетъ нѣсколько мнѣній. Одни (Палацкій) допускаютъ, что въ это время во владѣніяхъ Болеслава вспыхнуло возстаніе, и онъ долженъ былъ стянуть туда свои войска, другія же (Шайнохъ) утверждаютъ, что это была уловка Болеслава, чтобы заманить Императора въ глубь Польши и тамъ сразиться съ нимъ уже съ большей надеждою на успѣхъ.

(До слѣдующаго №-ра).

Digitized by Google

Хименесъ.

Историческій романъ ЖАНА БЕРТЕРОЙ.

(Окончапіе).

КНИГА III-я.

Глава I.

Въ 1516 году Мадридъ, нынѣшняя столица Испаніи, представлялъ изъ себя селеніе въ 900 дворовъ, но Хименесъ, взглянувъ на карту, указалъ пальцемъ на Мадридъ и сказалъ: „это будетъ столица величайшей изъ монархій".

Что же заставило мудраго кардинала остановить свой выборъ на этомъ селеніи? Неужели въ Испаніи не было другихъ укрѣпленныхъ городовъ, славныхъ своими традиціями, богатствомъ и красотой мѣстоположенія, такихъ, какъ, напр., Толедо, Севилья или Бургосъ? За Мадридъ говорило его положеніе въ самомъ сердцѣ страны; кромѣ того, онъ находился въ центрѣ его архіепископскихъ земель, что являлось для Хименеса весьма важнымъ условіемъ въ дѣлѣ регентства. Здѣсь онъ былъ полновластный господинъ; нигдѣ по близости не было ни одного феодальнаго замка, который бы могъ угрожать ему; ни одного непокорнаго, надменнаго сосѣда, кто бы могъ поднять свой голосъ здѣсь, въ собственныхъ владѣніяхъ Архіепископа. Изъ этой новой столицы Королевства Хименесъ могъ сдѣлать все, что ему было угодно, и приготовить ее для молодого монарха, недоступнаго для власти грандовъ и дворянства. Между тѣмъ юный монархъ начиналъ уже проявлять кое въ чемъ свою волю и прежде всего настоялъ на томъ, чтобы во главѣ управленія государствомъ стояли не одни испанцы, но и Фламандцы, въ томъ числѣ его воспитатель Шіевръ и Адріанъ Утрехтскій. Послѣднему онъ приказалъ отправиться къ кардиналу Хименесу и предложить ему раздѣлять съ нимъ регентство. Хименесъ согласился на это, зная, что Адріанъ Утрехтскій будетъ лишь номинальнымъ сорегентомъ, а править страною будетъ по прежнему онъ, кардиналъ, одинъ, и что вскорѣ молодой монархъ обратится за содѣйствіемъ къ нему, а не къ его сотоварищу.

Digitized by Google

Дѣйствительно, Эрцгерцогъ Карлъ вскорѣ обратился къ нему съ просьбой провозгласить его королемъ Испаніи, такъ какъ Императоръ Максимиліанъ, его дѣдъ, Папа Юлій II и всѣ послы и монархи именовали его Королемъ, а испанцы упорно продолжали называть его Эрцгерцогомъ.

Эта просьба порадовала Хименеса; очевидно, юный монархъ былъ гордъ и властолюбивъ, т. е. именно таковъ, какимъ онъ желалъ видѣть будущаго обладателя полвселенной; но вмѣстѣ съ тѣмъ Хименесъ зналъ, что исполнить его просьбу будетъ не легко. Прежде всего Архіепископъ заручился сочувствіемъ важнѣйшихъ государственныхъ совѣтниковъ, и важнѣйшихъ духовныхъ сановниковъ, затѣмъ созвалъ ихъ всѣхъ въ Мадридъ, равно какъ и представителей городовъ и дворянства. Объявивъ собранію о волѣ молодого монарха, Хименесъ предоставилъ Карвахалю, какъ первому юрисъ-консульту государства, обратиться съ рѣчью къ собранію. Пламенная и убѣдительная рѣчь Карвахаля склонила почти всѣхъ въ пользу желанія Эрцгерцога; только одинъ герцогъ Альба выразилъ протестъ.

— Я клялся въ вѣрности королевѣ Іоаннѣ,—сказалъ онъ, —и знаю, что она не безумная, не смотря на-то. что всѣхъ стараются въ томъ увѣрить. Самъ Эрцгерцогъ Карлъ прекрасно знаетъ это. Я не нарушу никогда своей клятвы, признавъ при ея жизни другого монарха.

— Прекрасно! Вы сказали то, что желали сказать, и мы васъ выслушали,—спокойно произнесъ Архіепископъ, поднявшись съ своего мѣста,—теперь вамъ остается только доказать свою покорность, присоединившись къ мнѣнію большинства. Карлъ будетъ провозглашенъ королемъ сегодня-же въ Мадридѣ и во всѣхъ остальныхъ городахъ Испаніи!—Съ этими словами Архіепископъ распустилъ собраніе.

Глава II.

Оскорбленный обращеніемъ Хименеса, герцогъ Альба не могъ снести этой обиды и, затаивъ въ душѣ непримиримую злобу противъ Архіепископа, вернулся въ свое помѣстье Гвадалахара, гдѣ, подъ предлогомъ цѣлаго ряда великолѣпныхъ празднествъ, на которыхъ увеселялись его друзья и единомышленники, собралъ вокругъ себя всѣхъ, кто питалъ почему либо враждебныя чувства къ Хименесу; а такихъ среди грандовъ и дворянъ Испаніи было не мало. Всѣ эти люди мечтали только о томъ, какъ бы избавиться отъ ненавистнаго Архіепископа, заклятаго врага всего феодальнаго дворянства, который, ставъ регентомъ, давилъ ихъ всѣхъ своей желѣзною рукой. Но свергнуть или замѣстить такого человѣка было не такъ-то легко. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній рѣшено было возбудить вопросъ о законности завѣщанія короля Фердинанда; имѣлъ ли послѣдній право назначить себѣ наслѣдника при жизни королевы Іоанны? Чтобы поднять эти вопросы, рѣшено было, что трое старѣйшихъ грандовъ отправятся къ Хименесу и отъ имени всего дворянства потребуютъ, чтобы онъ сообщилъ имъ, въ силу какихъ полномочій онъ управляетъ страною, точно самодержавный государь.

Старѣйшими изъ всѣхъ оказались: Альмирантэ-де-Кастилья, который былъ уже въ рядахъ воиновъ, когда родился покойный король Фердинандъ, затѣмъ графъ Беневентъ, получившій въ даръ отъ султанши Фатьмы серебрянный филиграновый браслетъ, 50 лѣтъ тому назадъ, когда онъ въ числѣ первыхъ ворвался въ городъ при взятіи Гренады, и, наконецъ, герцогъ Инфантадо.

Какъ ни тайно подготовлялся этотъ заговоръ противъ Хименеса, все же преданные ему люди успѣ-

Digitized by Google

ли предупредить его о немъ. Спиноза, являвшійся всегда сторонникомъ крутыхъ мѣръ, настаивалъ, чтобы Архіепископъ приказалъ герцогу Альба прекратить свои празднества на основаніи государственнаго закона, воспрещающаго подозрительныя сборища. Но Хименесъ снисходительно улыбался и говорилъ: „Пусть ихъ жалуются другъ другу на свои невзгоды, это единственное утѣшеніе, которое еще осталось имъ“.

Вскорѣ Альмирантэ-де-Кастилья, герцогъ Инфантадо и графъ Беневентъ прибыли въ Мадридъ и были приняты весьма благосклонно кардиналомъ Хименесомъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, на вопросъ кардинала, что привело его высокихъ гостей въ Мадридъ, старикъ Альмирантэ, прокашлявшись и гордо выпрямясь, началъ такъ:

— Со времени смерти короля Фердинанда вы, господинъ кардиналъ, захватили въ свои руки верховную власть въ королевствѣ, и, не совѣтуясь ни въ чемъ съ важнѣйшими феодальными дворянами, искони пользовавшимися совѣщательнымъ правомъ въ дѣлахъ государственныхъ, управляете страною съ такимъ деспотизмомъ, на какой не отваживался до сихъ поръ ни одинъ изъ законныхъ королей Испаніи. Дивясь такой смѣлости, гранды и дворяне Испаніи поручили намъ спросить васъ, въ силу какой особой власти вы присвоили себѣ право дѣйствовать такъ!

Старый Альмирантэ смолкъ и съ почтительнымъ поклономъ отошелъ нѣсколько въ сторону въ ожиданіи отвѣта кардинала. Хименесъ выслушалъ его молча, повидимому, ничуть не оскорбившись дерзостью его рѣчи, только, когда тотъ кончилъ, окинулъ испытующимъ взглядомъ всѣхъ трехъ уполномоченныхъ дворянъ и спокойно отвѣчалъ:

— Вы желаете услышать мой отвѣтъ? Сейчасъ вы его получите, потрудитесь слѣдовать за мной!

Онъ всталъ и, идя впереди нихъ, повелъ ихъ вверхъ по узкой каменной лѣстницѣ, ведущей на одну изъ боевыхъ стѣнныхъ башенъ Архіепископскаго дворца.

Молча слѣдуя въ нѣсколькихъ шагахъ за Хименесомъ, герцогъ Инфантадо, старикъ Альмирантэ и графъ Беневентъ невольно вспомнили объ участи, постигшей нѣкогда ихъ предковъ по волѣ Короля-Монаха, Донъ Рамиро, противъ котораго тѣ вздумали возмутиться и громко осуждать его образъ дѣйствій. Донъ Рамиро покинулъ монастырь, чтобы взойти на тронъ Арагона; узнавъ о непокорности и ропотѣ грандовъ и дворянъ, онъ созвалъ ихъ къ себѣ подъ предлогомъ заставить ихъ послушать звонъ новаго громаднаго колокола, вылитаго по его приказанію; колокола такихъ размѣровъ, что звукъ его долженъ былъ быть слышенъ въ цѣломъ королевствѣ. Каждый изъ непокорныхъ дворянъ былъ приглашенъ отдѣльно въ большую залу, гдѣ находился колоколъ. Здѣсь его ожидалъ духовникъ и палачъ. Пятнадцать головъ отлетали одна за другой, и палачъ разставлялъ ихъ кольцомъ по порядку. Наконецъ, пришла очередь и графа Ордазъ, самаго непокорнаго изъ всѣхъ, самаго надменнаго и дерзкаго. Когда онъ былъ введенъ въ залу, въ другую дверь вошелъ король-монахъ и, указавъ ему на висѣвшій подъ сводомъ залы огромный колоколъ, сказалъ, что голова его будетъ подвѣшена въ этомъ колоколѣ вмѣсто языка.

Это преданіе невольно пришло теперь на память тремъ знатнымъ грандамъ Испаніи, безмолвно слѣдовавшимъ за кардиналомъ, строгая величавая фигура котораго въ скромной одеждѣ францисканскаго монаха мѣрнымъ шагомъ, словно неутомимый рокъ, шагала передъ ними, подымаясь все выше и выше по узкой полутемной лѣстницѣ. Наконецъ, они очутились на верхней пло-

Digitized by Google

щадкѣ башни. Передъ ними открывался обширный кругозоръ; вдали рисовались синѣющею цѣпью горы, кругомъ разстилались поля, а на первомъ планѣ на большой песчаной равнинѣ маневрировали войска Архіепископа въ полномъ боевомъ порядкѣ, съ грозною артиллеріей и лихой кавалеріей.

Кардиналъ указалъ рукою на эту военную силу и сказалъ:

— Теперь вы своими глазами видѣли, на основаніи какой власти я правлю Испаніей! Никакихъ другихъ авторитетовъ мнѣ не нужно до тѣхъ поръ, пока нашъ король, вашъ господинъ и мой, не пожелаетъ принять отъ меня управленіе своимъ королевствомъ!

Въ это время громкій залпъ изъ орудій, точно заключительный аккордъ рѣчи кардинала, пронесся въ воздухѣ и потрясъ самыя остованія старой башни.

Хименесъ выразительно взглянулъ на своихъ посѣтителей и, не добавивъ ни слова, сталъ спускаться внизъ. Гранды слѣдовали за нимъ. Теперь имъ было ясно, что кардиналъ предлагалъ имъ открытую войну и что другого средства свергнуть регента не было. Но возможно-ли было это?

Раздосадованные и раздраженные до послѣдней степени Альмирантэ, герцогъ Инфантадо и графъ Бенeвентъ покинули Мадридъ и вернулись въ Гвадалахару, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали результатовъ ихъ посольства.

Между тѣмъ, пока Хименесъ принималъ грандовъ, его приближенные Вергара, Спиноза и Зегри, бесѣдовали съ блаженной Беатой. Эта странная ясновидящая пришла изъ Авилея пѣшкомъ, питаясь по пути одними плодами и кореньями, желудями и травами, чтобы уберечь Хименеса отъ грозящей ему опасности.

— Зависть ходитъ по пятамъ за величіемъ, говорила она,—она слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь, идетъ за тѣломъ! Оберегайте Архіепископа: божественный супругъ сказалъ мнѣ, что пройдетъ не много времени и люди ненавидящіе Архіепископа, покусятся на его жизнь.

На вопросъ Зегри, кого-же именно слѣдуетъ остерегаться, ясновидящая отвѣчала:

„Остерегаться надо многихъ и тѣхъ, кто здѣсь близко и тѣхъ, кто далеко, потому что зло распространяется невидимо повсюду, и злыя намѣренія зрѣютъ неслышно“!—Съ этими словами она повернулась и пошла изъ комнаты, бормоча про себя какія то молитвы.

Съ этого времени за личностью Хименеса слѣдили неотступно. Спиноза распорядился удвоить число его почетной стражи и охраны, Вергера не допускалъ никого безъ своего вѣдома, лично осматривалъ его ложе и каждый уголъ его кельи, а Зегри, хорошо знакомый съ ядами, лично пробовалъ каждое блюдо и питье, подносимыя Архіепископу, даже свидѣтельствовалъ воду, которою тотъ умывался.

Глава III-я.

Отецъ Рюисъ вернулся изъ новой Испаніи, знойный климатъ которой вредно дѣйствовалъ на его здоровье. Вѣсти, привезенныя имъ, были далеко не утѣшительны. Діего Колумбъ, назначенный губернаторомъ острововъ, открытыхъ отцомъ, отличался чисто звѣрской жестокостью, вслѣдствіе чего повсемѣстно разгорались возстанія, которыя усмирялись массовой рѣзней туземцевъ. Этихъ злополучныхъ индѣйцевъ испанцы даже не признавали за людей, и во многихъ мѣстахъ послѣдніе препятствовали даже миссіонерамъ проповѣдывать туземцамъ христіанское ученіе, которое заключало въ себѣ принципы равенства, братолюбія и милосердія къ ближнему, а потому шло въ разрѣзъ ихъ образамъ дѣйствій. Каждый испанецъ, прибывавшій въ новую Испанію, получалъ отъ правительства въ даръ

Digitized by Google

нѣсколько сотъ туземцевъ, которые считались его рабами, его собственностью наравнѣ, съ участкомъ земли. Одинъ изъ такихъ испанскихъ офицеровъ получивъ 300 человѣкъ туземцевъ, уже по прошествіи двухъ недѣль лишился половины; а къ концу мѣсяца у него осталось только 30 человѣкъ; всѣ остальные перемерли отъ жестокаго обращенія и непосильной работы.

Отецъ Рюисъ едва рѣшался вспомнить объ этихъ ужасахъ, но вмѣстѣ съ нимъ прибылъ изъ новой Испаніи другой миссіонеръ, Варфоломей Ласъ-Казасъ. Этотъ энергичный молодой проповѣдникъ рѣшилъ добиться аудіенціи у короля Фердинанда и просить его заступничества для несчастныхъ индѣйцевъ. Но, узнавъ, что король Фердинандъ умеръ, хотѣлъ отправиться въ Гандо къ молодому королю Карлу. Узнавъ объ этомъ, Хименесъ пригласилъ его въ Мадридъ и предложилъ ему сообщить о всемъ ему, какъ регенту. Ласъ-Казасъ представилъ архіепископу подробный мемуаръ, написанный пылкимъ и убѣдительнымъ языкомъ, очевидца. Прежде всего онъ требовалъ уничтоженія repartimentos, т. е. раздачи туземцовъ въ качествѣ рабовъ испанскимъ колонизаторамъ, и требовалъ для туземцевъ полной личной свободы и уничтоженія принудительнаго труда. Хименесъ взвѣсивъ и, обсудивъ все, обратился къ Ласъ-Казасъ съ вопросомъ, какъ же воздѣлывать землю и добывать естественныя сокровища этихъ острововъ, если уничтожить принудительныя работы? На это молодой миссіонеръ предложилъ замѣнить слабосильныхъ и непривычныхъ къ тяжелой работѣ индѣйцевъ привозными чернокожими, неграми съ береговъ Африки. Эта торговля черными рабами существовала съ давнихъ поръ, и даже сами короли не брезгали принимать участіе въ этой выгодной торговлѣ въ виду увеличенія своихъ доходовъ.

На предложеніе Ласъ-Казаса Хименесъ возразилъ, что порабощеніе чернокожихъ не менѣе преступно, чѣмъ порабощеніе краснокожихъ, кромѣ того, наплывъ этой сильной выносливой расы въ страну, гдѣ населеніе склонно возстать ежеминутно противъ своихъ завоевателей, весьма опасенъ для интересовъ Испаніи, такъ какъ тѣ и другіе соединившись легко могли общими силами совершенно изгнать испанцевъ и изъ рабовъ стать повелителями. Чтобы избѣжать этого и вмѣстѣ съ тѣмъ положить конецъ жестокостямъ побѣдителей, кардиналъ Хименесъ обѣщалъ отправить въ Новую Испанію Алонзо Суазъ, главнаго юрисконсульта государства, человѣка гуманнаго и просвѣщеннаго, прославившагося своей высокой справедливостью и безпристрастіемъ. Донъ Алонзо Суазъ долженъ былъ учредить тамъ судъ, передъ которымъ испанцы должны были отвѣтствовать за свои жестокости и за всякую попытку порабощенія туземцевъ; кромѣ того, repartimentos совершенно уничтожались, и каждый индѣецъ являлся впредь свободнымъ гражданиномъ, которому наниматель обязанъ былъ уплачивать за его труды, при чемъ каждый поденщикъ, нанимаемый на поденную работу, долженъ былъ получать достаточное количество пищи и имѣлъ право на три часа отдыха.

Таковы были мѣры Хименеса для улучшенія быта туземцевъ; результаты этихъ мѣръ вскорѣ доказали всю ихъ цѣлесообразность и мудрость.

Глава IV.

Несмотря на эти богатыя новыя завоеванія Испаніи, финансы страны находились въ ужасномъ положеніи. Молодой король предъявлялъ неумѣренныя требованія къ государственной казнѣ, и Хименесъ предвидѣлъ, что вскорѣ молодому монарху потребуются еще несравненно большія суммы, такъ какъ съ пустою

Digitized by Google

казной онъ не будетъ въ состояніи предпринять ничего важнаго для своего государства. Но народъ былъ бѣденъ, и обременять его новыми налогами значило разорять страну; дворянство же обогатилось непомѣрно на счетъ государства, и потому Хименесъ рѣшилъ теперь отобрать у нихъ то, что они хитростью или своевольно присвоили себѣ изъ лучшихъ земель, а также и тѣ громадныя ренты, которыя они потребовали отъ короля за свои услуги во время войнъ. Всѣ эти громадныя богатства дворянства были нестолько родовыя, сколько пріобрѣтенныя лестью и интригами, но при всемъ томъ отобрать ихъ было далеко не легко. Хименесъ зналъ, что это его рѣшеніе вызоветъ настоящее возстаніе въ странѣ. Но это не пугало его и онъ незадумываясь продиктовалъ Вергара эдиктъ, въ силу котораго всѣ земли, дарованныя Фердинандомъ, далѣе, пенсіи и ренты, которыми онъ наградилъ своихъ вассаловъ, отбирались отъ нихъ и поступали снова въ государственную казну. Даже сама вдовствующая королева Жермень должна была подвергнуться нѣкоторому сокращенію доходовъ, оставленныхъ ей покойнымъ супругомъ. Кромѣ тридцати тысячъ годового дохода съ королевства неаполитанскаго, королева Жермэнь по завѣщанію получила еще въ самомъ сердцѣ Испаніи четыре города, громадное значеніе которыхъ для страны было всѣмъ хорошо извѣстно. То были: Аревало, Сельмедо, Мадригалъ и Санта-Марія де ла Ніева. Сложилась даже пословица, что кто владѣетъ Аревало и Ольмедо, тотъ владѣетъ всею Кастилліей; потому кардиналъ, знавшій честолюбивый и безпокойный нравъ молодой королевы, рѣшилъ отобрать у нее эти два важныхъ укрѣпленныхъ города, предоставивъ ей довольствоваться двумя остальными. Уже ходили слухи, что эта молодая женщина тайно поддерживала сношеніе съ грандами и лицами, приближенными къ Инфанту Фердинанду, съ цѣлью возвести этого послѣдняго на тронъ Испаніи. Хименесъ съ самаго начала зорко слѣдилъ за инфантомъ, даже перевелъ его изъ Гвадалупы въ Мадридъ, для того, чтобы онъ постоянно былъ у него на глазахъ.

Въ силу особыхъ хартій, дарованныхъ нѣсколькими королями Аревало и Ольмедо, эти города не могли быть отведены въ удѣлы или вотчины кому бы то ни было, и Фердинандъ IV подтвердилъ это постановленіе; на основаніи этихъ-то документовъ и разсчитывалъ Химеменесъ отобрать ихъ у вдовствующей королевы.

Получивъ отъ Карла самыя широкія полномочія и полное одобреніе всѣхъ своихъ намѣреній, Хименесъ не медля приступилъ къ осуществленію своихъ плановъ и, предвидя всеобщее возмущеніе, уже заранѣе принялъ необходимыя мѣры, т. е. держалъ наготовѣ прекрасно обученныя войска и сильную артиллерію. Но все казалось спокойно. Однако, Хименесъ не довѣрялъ этому мнимому спокойствію, и дѣйствительно, вскорѣ ему доложили, что Озоріо, старшій воспитатель Инфанта, внезапно покинулъ Маддридъ и направился въ Гвадалахару, куда также должна была прибыть въ самомъ непродолжительномъ времени королева Жермэнь.

Это было для Хименеса какъ бы предвѣстьемъ той бури, которая теперь неминуемо должна была разразиться съ минуты на минуту, и онъ дѣйствительно не ошибся.

Глава V.

Вальядолидъ, Бургосъ, Леонъ, Медина-дель-Камно были въ полномъ возстаніи: корреджидоры, которымъ было поручено отобрать дарованныя земли и уничтожить документы на полученіе рентъ и пенсій, были съ позоромъ выгнаны изъ этихъ городовъ, и сыновья дворянъ кнутами гнали ихъ по боль-

Digitized by Google

шимъ дорогамъ, отославъ ихъ осмѣянныхъ, въ изодранныхъ одеждахъ къ кардиналу съ угрозой, что если они еще разъ посмѣютъ явиться, то будутъ повѣшены. Вмѣсто отвѣта Хименесъ послалъ противъ непокорныхъ войска; но дворяне съ своей стороны тоже не дремали; они подняли не только всѣ свои дружины, но даже и вассаловъ своихъ вассаловъ и достигли того, что первые въ исторіи Испаніи общины встали на сторону дворянъ противъ правительства. Милиціямъ отдано было приказаніе одержать побѣду во чтобы то ни стало; кромѣ того регентомъ былъ командированъ особый корпусъ для поимки молодыхъ дворянъ, позволившихъ себѣ надругаться надъ корреджидорами, и для заключенія ихъ въ государственныя тюрьмы за сопротивленіе законной власти. Узнавъ объ этомъ, молодые дворяне бѣжали изъ Вальядолида въ крѣпость и замокъ Виллафратэ, феодальное владѣніе Педро-Жирона. Здѣсь они могли смѣло разсчитывать отбить всякую осаду, если бы Спиноза, командовавшій этимъ корпусомъ епископской гвардіи, даже и рѣшился аттаковать ихъ. Но Спиноза не сразу напалъ на ихъ слѣдъ, и молодые люди страшно скучали въ этомъ укрѣпленномъ замкѣ, томясь своимъ бездѣйствіемъ и полнымъ отсутствіемъ женскаго общества.

И вотъ, чтобы разогнать скуку молодой владѣлецъ замка, одинъ изъ числа виновныхъ въ изгнаніи и поруганіи кореджидоровъ, предложилъ устроить для крестьянъ окрестныхъ селеній, живущихъ на землѣ его отца, веселый праздникъ и народное гулянье. Въ назначенный день все населеніе Виллафратэ въ праздничныхъ одеждахъ столпилось вблизи замка; молодые сеньоры переряженные, въ сопровожденіи переряженныхъ слугъ, выйдя изъ замка, устроили потѣшное шествіе. Нѣкоторые изъ молодыхъ рыцарей перерядились чертями и гонялись за дѣвушками, которыя съ крикомъ убѣгали отъ нихъ. Вдругъ настоящая паника охватила всѣхъ: въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди показалась толпа людей, среди которыхъ всѣ увидѣли рослую, величавую фигуру кардинала, Хименеса въ полномъ архіепископскомъ облаченіи съ митрой на головѣ и золотымъ посохомъ въ лѣвой рукѣ. Вскорѣ крестьяне успокоились, убѣдившись, что то былъ не самъ Кардиналъ, а только его подобіе, восковая фигура въ натуральную величину, которую поддерживали сзади двое слугъ. Передъ фигурой Хименеса выступалъ Хуанъ де Урена, сынъ Педро-Жирона, выряженный шутомъ, и напѣвалъ какой-то пасквиль на Кардинала, упрекая его въ зависти къ дворянству, такъ какъ самъ онъ былъ низкаго происхожденія, — въ жадности и непомѣрномъ честолюбіи, въ силу котораго онъ хотѣлъ теперь раззорить грандовъ и дворянъ и обременить налогами народъ. Все это было изложено въ юмористической формѣ, съ шутками и прибаутками, вызывавшими смѣхъ и веселіе толпы. Вдругъ лошадь подъ однимъ изъ слѣдовавшихъ за шествіемъ молодыхъ рыцарей, испугавшись чего-то, поднялась на дыбы и стала бѣситься; толпа шарахнулась въ сторону, и слуги, поддерживавшія подобіе Хименеса, выпустили фигуру изъ рукъ, спасаясь отъ опасности. Когда же все снова пришло въ порядокъ, и люди хотѣли поднять восковое изображеніе, лежавшее въ пыли на землѣ, молодой донъ Педро д' Альваръ и Пимэнтель воспрепятствовали этому.

Продѣвъ петлею на шею фигуры длинный шелковый шарфъ, они стали волочить ее за собою по землѣ, глумиться и издѣваться надъ архіепископомъ въ самыхъ грубыхъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ... Народъ, невольно заражаясь ихъ тонамъ, вторилъ имъ время отъ времени, подхватывая ихъ остроты и непристойныя выходки.

Digitized by Google

Обойдя такимъ образомъ дважды вокругъ стѣнъ замка, шествіе, наконецъ, остановилось; — восковая фигура, истерзанная, запыленная производила теперь впечатлѣніе дѣйствительнаго трупа мученика, и заходящее солнце какъ то особенно ярко горѣло на золотомъ архіепископскомъ посохѣ, въ крѣпко зажатой рукѣ восковой фигуры. Теперь нѣкоторые изъ молодыхъ рыцарей подходя давали пощечины или наносили удары хлыста фигурѣ Хименеса, а Діего Толедскій, въ довершеніе издѣвательства и глумленія, какъ бы желая переполнить всякую мѣру поруганія и оскорбить всѣмъ извѣстную чистоту нравовъ кардинала, заставилъ одну изъ молодыхъ дѣвушекъ лечь на восковую фигуру Хименеса и цѣловать ее.

Вдругъ въ этотъ самый моментъ раздался тревожный голосъ одного изъ молодыхъ рыцарей:

— Берегитесь! Спасайтесь! Бѣда!

Дѣйствительно, на глумящуюся толпу со всѣхъ сторонъ словно рой пчелъ налетали воины Спинозы. Толпа разсѣялась по всѣмъ направленіямъ; захваченные врасплохъ молодые рыцари искали спасенія въ стѣнахъ замка. Но благодаря ихъ маскараднымъ нарядамъ ихъ трудно было распознать отъ другихъ, а разряженныхъ слугъ ихъ солдаты Спинозы принимали за нихъ, они-же успѣли бѣжать. Крестьянъ солдаты подхватали почти всѣхъ, не смотря на ихъ сопротивленіе. Тогда Спиноза заявилъ, что всѣ, кто оказывали сопротивленіе, будутъ выпороты, и какъ и всѣ остальные, изгнаны изъ своихъ жилищъ, а самый городъ и всѣ окрестности его преданы пламени въ наказаніе за то поруганіе, какое происходило здѣсь, поруганіе, позорящее ихъ и прогнѣвляющее Бога.

Стоны и вопли были отвѣтомъ на этотъ приговоръ, но Спиноза былъ неумолимъ: стѣны города были разрушены бомбардировкой его орудій; селенія и слободы сожжены поля и лѣса выжжены до тла и засыпаны солью, чтобы сдѣлать почву навѣкъ безплодной и предать всю эту мѣстность запустѣнію.

Глава VI-я.

Спиноза провелъ еще нѣсколько дней въ замкѣ Виллафратэ, желая разузнать, въ какомъ направленіи успѣли бѣжать главные виновники происходившаго здѣсь безобразія,— молодые рыцари, поимка которыхъ была его главной задачей.

Узнавъ, что вблизи Малаги начались сильные безпорядки, онъ хотѣлъ было направиться туда съ своимъ войскомъ, полагая, что рыцари бѣжали туда и тамъ возмутили населеніе. Но гонецъ отъ Хименеса извѣстилъ, что молодые люди укрылись въ Консуэгрѣ, ленномъ владѣніи Діего де Толедо, сына герцога Альбы. Консуэгра былъ въ сущности монастырской землей и, на основаніи древнихъ хартій и документовъ, Хименесъ рѣшилъ присоединить это помѣстье къ государственнымъ землямъ, но Діего де Толедо съ своей стороны твердо рѣшился не уступать своего лена до самой послѣдней крайности.

Тогда Спиноза двинулся ко Консуегра, куда герцогъ Альба также направилъ въ помощь сыну значительныя подкрѣпленія и громадный обозъ съ провіантомъ и боевыми припасами. Хименесъ, узнавъ объ этомъ, сообщилъ о дѣйствіяхъ герцога Альбы Спинозѣ, который идя форсированнымъ маршемъ, настигъ обозъ и подкрѣпленіе прежде, чѣмъ они успѣли подойти къ Консуегра, и послѣ кровопролитнаго сраженія уничтожилъ все подкрѣпленіе и захватилъ весь обозъ, послѣ чего приступилъ къ правильной осадѣ Консуегра, пославъ Діего де Толедо предложеніе сдаться. На это предложеніе не послѣдовало рѣшительно никакого отвѣта, и все точно вымерло въ замкѣ и во стѣнахъ Консуегра. На огонь осаждаю-

Digitized by Google

щей артиллеріи первое время отвѣчали изъ крѣпости дружнымъ огнемъ, затѣмъ, по прошествіи трехъ дней, крѣпостной огонь сталъ замѣтно слабѣть; очевидно, недостатокъ въ снарядахъ начиналъ давать себя знать. Прошло еще двое сутокъ, и изъ Консуегры уже совершенно перестали отвѣчать на бомбардировку осаждающихъ, а когда стемнѣло, свѣже выбѣленныя стѣны замка стали украшаться какими-то темными продолговатыми предметами, которые были сначала приняты осаждающими за орудія. Когда же разцвѣло, то оказалось, что это были черные гроба, число которыхъ соотвѣтствовало числу молодыхъ рыцарей, находившихся въ стѣнахъ замка. Это означало, что всѣ они рѣшили скорѣе умереть, чѣмъ сдаться.

На шестыя сутки осады, когда осажденные уже начинали испытывать муки ужаснаго голода, по дорогѣ изъ Толедо прискакали два гонца; одинъ съ письмомъ къ Спинозѣ, другой отъ герцога Альба къ сыну, Діего де Толедо. Старый герцогъ, видя неизбѣжную гибель сына и съ нимъ всего цвѣта испанской молодежи, поспѣшилъ къ Хименесу и со слезами молилъ его о пощадѣ, причемъ торжественно поручился за сына, что Консуегра будетъ сдана Спинозѣ, если молодымъ рыцарямъ будетъ дарована жизнь. Хименесъ смиловался и согласился на эти условія. Когда прибыли гонцы, рыцари уже лежали на землѣ, завернувшись въ свои знамена, готовые умереть.

Глава VII-я.

Какъ ни унизительно было это пораженіе, оно ничуть не умѣрило гордости грандовъ, а только обострило ихъ ненависть къ кардиналу. Эта борьба ихъ противъ всесильнаго Хименеса только раззорила ихъ, скомпрометировала ихъ въ глазахъ короля и умалила ихъ значеніе въ мнѣніи народа. Что теперь было дѣлать? Оставалось только послѣдовать совѣту Мота и соединиться съ фламандцами противъ кардинала, противъ котораго до сего времени возмущалась гордость грандовъ. Шіевръ и другіе приближенные короля съ завистью смотрѣли на быстро возростающее вліяніе Хименеса на молодого короля и ненавидѣли регента за то, что онъ лишалъ ихъ возможности запускать руки въ государственные финансы Испаніи и, приводя все въ странѣ къ восшествію на престолъ, Карла въ образцовый порядокъ лишалъ ихъ даже въ будущемъ надежды половить рыбу въ мутной водѣ. Потому всякое недовольство и жалобы на кардинала встрѣчались ими благосклонно, и они никогда не упускали случая передать ихъ королю. Но тотъ не придавалъ ни этимъ жалобамъ, ни этимъ доносамъ никакого значенія.

Но если бы чуть не всѣ гранды Испаніи обратились къ нему съ прямою жалобой на Хименеса, Карлу конечно, нельзя было бы оставить это безъ вниманія.

Такъ уговаривалъ Мота герцога Альбу, Инфантадо, Педро Жирона и другихъ, и на этотъ разъ увѣщанія его оказались не напрасными. Всѣ они поручили ему составить коллективный протестъ противъ самовластья кардинала, и три герцога, двѣнадцать маркизовъ, двадцать графовъ и сорокъ бароновъ подписали эту бумагу.

Но если у Шіевра были свои агенты въ Испаніи, то и Хименесъ съ своей стороны также имѣлъ преданныхъ ему людей во Фландріи. Діего Лопецъ, отправленный имъ къ Карлу для донесенія о состояніи финансовъ въ государствѣ, получилъ отъ Хименеса приказаніе оставаться въ Брюсселѣ до тѣхъ поръ, пока тамъ будетъ находиться король.

Черезъ этого Діего Лопеца—кардиналъ узналъ, что, въ угоду грандамъ и своему двору, король соби-

Digitized by Google

рался отправить въ Испанію еще двухъ другихъ уполномоченныхъ министровъ для раздѣленія съ нимъ государственной власти. Это были люди, хитрые, ловкіе, властолюбивые, и самолюбивые, судя по слухамъ, графъ Ла Шоо и баронъ Амерсгорфъ. Но Хименеса и это не смутило: онъ принялъ ихъ со всѣмъ надлежащимъ почетомъ и весьма благосклонно.

Между тѣмъ гранды не дремали и, въ ожиданіи благихъ результатовъ отъ пріѣзда этихъ двухъ соправителей Хименеса, сплетали новыя интриги, создавая все новыя и новыя затрудненія кардиналу.

Со времени завоеванія Наварры, бывшій король ея Жанъ д' Альбрэ, поселившись въ Беарнѣ, выжидалъ только удобнаго момента, чтобы вновь вернуться въ свое королевство. Однако, несмотря на обѣщаніе Франциска I-го, онъ не рѣшался на этотъ шагъ, выжидая поддержки въ самой Испаніи. И вотъ враги Хименеса высказали готовность поддержать его, народъ же былъ готовъ во всякое время принять его.

Но какъ ни ухищрялись злонамѣренные люди создавать все новыя и новыя затрудненія кардиналу, все же онъ всегда умѣлъ выходить побѣжденнымъ изъ всѣхъ затрудненій. Такъ и на этотъ разъ: узнавъ, что все уже было подготовлено для возвращенія Жана Д' Альбрэ въ Наварру, онъ собралъ всѣ милиціи и расположилъ ихъ такъ, чтобы онѣ въ каждый моментъ могли войти въ Наварру съ разныхъ сторонъ. Но теперь возбуждался вопросъ о назначеніи вождя этимъ войскамъ.

Обыкновенно главнокомандующіе назначались изъ знатныхъ дворянъ, а Хименесъ не считалъ возможнымъ положиться въ данномъ случаѣ ни на одного изъ нихъ, такъ какъ всѣ они были противъ него. Наконецъ, онъ призвалъ къ себѣ статсъ секретаря Перецъ-Армазона, который явился къ нему блѣдный, растерянный и развернулъ передъ нимъ пергаментъ съ государственной печатью. Это былъ декретъ, которымъ герцогъ Нахаре назначался главнокомандующимъ арміею, декретъ этотъ былъ подписанъ соправителями кардинала, а для подписи послѣдняго было оставлено свободное мѣсто.

Хименесъ взглянулъ на этотъ пергаментъ и, помолчавъ немного, приказалъ Армазону разорвать его и приготовить другой, подобный же декретъ, которымъ кардиналъ, помимо своихъ соправителей, за своей единоличной подписью назначалъ доблестнаго боеваго офицера, человѣка безъ всякихъ средствъ и связей, Фернанда Вилланьева на постъ главнокомандующаго. Во избѣжаніе какихъ бы то ни было пререканій, Хименесъ приказалъ послѣднему немедленно отправиться въ Пиринеи и охранять ущелье Ронсерваль. Когда Жанъ д' Альбрэ съ небольшой кучкой своихъ приверженцевъ вступилъ въ Наварру, то вмѣсто обѣщанныхъ ему Испанскимъ дворянствомъ 20,000 партизановъ, его встрѣтили 15,000 солдатъ подъ начальствомъ Вилланьева.

Эта новая побѣда доставила новый тріумфъ кардиналу, но, тѣмъ не менѣе Наваррѣ ежеминутно грозило новое нашествіе, она оставалось вѣчно открытою раной въ боку Испаніи и, чтобы избавиться отъ этого дамоклова меча, Хименесъ рѣшилъ разрушить всѣ крѣпости и укрѣпленные замки, которыми изобиловала Наварра, за исключеніемъ одной только Пампелуны, которую Хименесъ укрѣпилъ еще больше прежняго и занялъ сильнымъ испанскимъ гарнизономъ. И все это сдѣлалъ, не совѣтуясь ни съ Ла-Шоо, ни съ Амерсторфомъ, которые, обиженные этимъ пренебреженіемъ, послали молодому жалобу за жалобой. Въ концѣ концовъ эти постоянныя жалобы до того надоѣли Карлу, что онъ однажды сказалъ Шіевру: „Въ сущности мнѣ кажется, что

Digitized by Google

будетъ всего лучше, если мы предоставимъ ему управлять одному.

На это Шіевръ ничего не отвѣтилъ, но изъ словъ короля понялъ, что пока кардиналъ будетъ живъ ни его вліяніе, ни вліяніе Фламандской партіи никогда не возсторжествуютъ надъ Карломъ, и, затаивъ на сердцѣ злобу, послалъ Мота новыя указанія и предначертанія.

Глава VIII-я.

То волненіе, какое вызвало раззореніе крѣпости и замковъ Наварры, въ Испаніи было какъ нельзя болѣе на руку сторонникамъ молодого Инфанта Фердинанда, которые рѣшили тайно увезти его въ Арагонъ, гдѣ дворяне и гранды готовы были принять его и провозгласить своимъ королемъ. Озоріо и королева Жермэнь составили настоящій заговоръ, осуществленію котораго мѣшала только Изабелла Карвахаль, гувернантка Инфанта, прозванная заговорщиками „шпіонкой кардинала", и потому они, не спросивъ регента, удалили ее изъ дворца Фердинанда подъ предлогомъ, что инфантъ уже вышелъ изъ того возраста, когда онъ нуждался въ уходѣ женщины, такъ какъ ему уже шелъ 15-й годъ.

Но Хименесъ не дремалъ и, какъ только королева Жермэнь отправилась въ Саррагоссу, увѣдомилъ Карла о готовящемся заговорѣ, а Діего Лопецъ, по порученію кардинала, разъяснилъ ему, какъ важно было немедленно перемѣнить персоналъ лицъ, окружающихъ инфанта.

Ла Шоо и Амерстофъ съ своей стороны извѣщали молодого короля о томъ, что дѣлалось въ Испаніи; подъ вліяніемъ этихъ вѣстей и письма Хименеса Карлъ рѣшился, наконецъ, начать дѣйствовать со всей свойственной ему энергіей и политическимъ тактомъ. Онъ написалъ Хименесу длинное оффиціальное письмо, обращенное для формы также и къ Адріану Утрехтскому, въ которомъ приказывалъ немедленно удалить отъ Инфанта лицъ, внушающихъ ему враждебныя чувства къ брату королю; великому Командору ордена Колатравы Карлъ повелѣвалъ вернуться въ свой орденъ, архіепископу Асторга возвратиться въ свое архіепископство, а Гонзалесу де Гусманъ покинуть дворъ Инфанта. Далѣе, король поручалъ Хименесу лично разъяснить Инфанту благія намѣренія его брата—короля, желающаго прежде всего его же блага и ввиду этого вынужденнаго удалить отъ него его приближенныхъ и замѣнить ихъ благонамѣренными лицами, а гувернантку Инфанта дону Изабеллу де Карвахаль, удаленную безъ согласія короля или кардинала регента, водворить на прежнее ея мѣсто. Все это Карлъ приказывалъ держать до поры до времени въ строжайшемъ секретѣ и затѣмъ привести немедленно въ исполненіе.

Затѣмъ король просилъ Хименеса немедленно увѣдомить его, что онъ сдѣлаетъ и какъ приметъ Инфантъ его распоряженіе, чтобы Ла Шоо могъ вручить ему письмо архіепископа въ тотъ моментъ, когда онъ высадится въ Испанію, куда онъ намѣревался прибыть въ самомъ непродолжительномъ времени,

Кромѣ того, Карлъ написалъ другое письмо къ брату, предупреждая его объ усмотрѣнной имъ, королемъ, необходимости смѣнить его приближенныхъ, пытавшихся склонить Инфанта къ возмущенію и безпорядку.

Хименесъ находился въ Алькалѣ, когда прибылъ курьеръ съ письмами короля въ Мандридъ, и начальникъ курьеровъ вручилъ ихъ Адріану Утрехтскому. Этотъ послѣдній, не принимавшій никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ и считавшійся лишь для вида сорегентомъ, въ отсутствіи Хименеса вскрылъ пакетъ короля и прежде всего поспѣшилъ отправить Инфанту письмо, адресованное на его имя. Такимъ образомъ всѣ мѣры предосторож-

Digitized by Google

ности относительно того, чтобы распоряженія короля не разгласились раньше времени, теряли теперь всякое значеніе.

Когда же, прочитавъ письмо Карла къ обоимъ регентамъ, Адріанъ увидалъ, что сдѣлалъ большую оплошность, онъ, какъ провинившійся школьникъ, поспѣшилъ къ Хименесу и смиренно повинился передъ нимъ. Почти одновременно съ нимъ прибылъ въ Алькалу и Инфантъ Фердинадъ. Видя, что все дѣло было уже испорчено Адріаномъ, Хименесъ, не теряя ни минуты, послалъ пригласить къ себѣ Инфанта и приказалъ, чтобы его оставили съ нимъ наединѣ.

Инфантъ началъ съ того, что расплакался, какъ ребенокъ: эта смѣна его приближенныхъ, съ которыми онъ сродился съ младенческихъ лѣтъ, оскорбляла его самолюбіе и чувства привязанности. Все это онъ сквозь слезы высказалъ кардиналу и молилъ его заступничества передъ Карлемъ, молилъ его не исполнять воли короля.

Но Хименесъ сталъ уговаривать Инфанта подчиниться требованіямъ короля и тѣмъ заслужить его довѣріе и расположеніе, всякое-же сопротивленіе волѣ монарха или неповиновеніе ему — государственная измѣна, а потому не только онъ самъ, кардиналъ, не сдѣлаетъ никогда ничего подобнаго, но и его Инфанта, приглашаетъ не слѣдовать совѣтамъ и нарушеніямъ недоброжелательныхъ людей, каковы его приближенные, замышляющіе измѣну, смуту и безпорядки въ странѣ.

Тогда Инфантъ вдругъ вскипѣлъ гнѣвомъ и воскликнулъ:

— Озоріо не разъ говорилъ мнѣ, что это вы внушили королю злую мысль лишить меня моихъ друзей и близкихъ мнѣ людей, но я не хотѣлъ этому вѣрить, теперь-же я вижу, что онъ былъ правъ. Вы почему-то считаете теперь себя въ правѣ унижать меня, а между тѣмъ вы знаете, что если-бы не было несправедливости, то вы теперь были-бы обязаны повиноваться мнѣ, какъ вашему законному государю! Но знайте, что я самъ съумѣю найти средства защитить себя отъ несправедливости!

— Ищите ихъ, ваше высочество, гдѣ знаете, но я клянусь жизнью короля, вашего брата, что ни вы, ни вся Испанія, взятая вмѣстѣ, не помѣшаете мнѣ исполнить завтра до захода солнца приказанія моего государя!—сказалъ Хименесъ, провожая Инфанта.

Тотчасъ послѣ ухода Фердинанда кардиналъ призвалъ къ себѣ Спинозу, приказалъ съ большимъ отрядомъ слѣдовать за Инфантомъ, окружить его и привезти его приближенныхъ обратно въ Алькалу. Узнавъ о томъ, что мѣстечко, въ которомъ онъ остановился, блокировано гвардіей Хименеса, Фердинанъ, возмущенный этимъ насиліемъ надъ его личностью, вздумалъ было проткнуть своей шпагой перваго, кто осмѣлится преградить ему дорогу, и, выхвативъ шпагу, устремился впередъ, но Озоріо и остальные 27 человѣкъ его свиты отказались послѣдовать за нимъ, и, по первому требованію Спинозы, всѣ безъ малѣйшаго сопротивленія покинули Инфанта, а недѣлю спустя Фердинандъ узналъ, что и Озоріо, и всѣ остальные высказали передъ Хименесомъ униженную покорность волѣ короля и умоляли кардинала ходатайствовать за нихъ передъ Карломъ, которому они обѣщались служитъ вѣрой и правдой.

Глава IX-я.

Едва успѣлъ Хименесъ отдохнуть отъ тревожившихъ его безпрерывно государственныхъ дѣлъ, а еще болѣе онъ козней и интригъ его враговъ, какъ Вергара принесъ ему печальную вѣсть о болѣзни королевы Іоанны, все еще томившейся въ заключеніи въ замкѣ Тордедилласъ.

Digitized by Google

Умри она раньше, чѣмъ Карлъ успѣетъ принять въ свои руки бразды правленія, государству грозилъ бы цѣлый рядъ междуусобныхъ войнъ и безпорядковъ.

Вергара не зналъ никакихъ подробностей, касающихся болѣзни королевы, и встревоженный кардиналъ поспѣшилъ отправиться къ ней, не теряя ни минуты.

Его, кромѣ тревоги за будущность государства, мучила еще мысль, что со времени смерти короля Фердинанда Католическаго, она была поручена маркизу Деніа, коменданту крѣпости, и камергеру Луи Ферріе де Валленсъ. Кардиналъ не вмѣшивался въ распоряженія короля и считалъ, что, выдавая аккуратно ежедневную ренту, назначенную на содержаніе королевы, онъ исполнялъ свой долгъ по отношенію къ ней. Но теперь, когда вѣсть о ея серьезной болѣзни встревожили его, въ немъ вдругъ заговорила совѣсть: онъ зналъ жестокость Ферріе, а также непреклоннось и жадность маркиза, и въ немъ зародилось подозрѣніе, что королевѣ Іоанна жилось не сладко съ этими людьми.

Въ большой длинной залѣ, освѣщенной круглыми пробоинами, Хименесъ засталъ Ферріе и Деніа, которые казались крайне озабоченными и, на высказанное кардиналомъ желаніе быть немедленно допущеннымъ къ королевѣ, оба смутились и стали увѣрять, что королева никого не желаетъ видѣть. Но Хименесъ настоятельно требовалъ, и хитрый маркизъ Деніа согласился доложить королевѣ, но просилъ архіепископа обождать. Хименесъ всталъ и пошелъ за маркизомъ и Ферріе, направившимся въ садъ, вдругъ протяжный стонъ, донесшійся изъ дальняго угла залы, привлекъ его вниманіе. Онъ вернулся и, дойдя до того угла, откуда донесся стонъ, увидѣлъ маленькую дверку, въ которой торчалъ ключъ.

Отворивъ эту дверь, Хименесъ очутился на порогѣ темной тѣсной камеры, единственнымъ освѣщеніемъ которой служила стоявшая въ дальнемъ углу на полу, чадившая лампа; никакой мебели въ этой камерѣ не было; только нѣсколько полу-истлѣвшихъ подушекъ валялись среди загороженнаго нечистотами пола; тутъ же стояли остатки совершенно негодной пищи. И это было помѣщеніе королевы Іоанны!

Въ тотъ моментъ, когда Хименесъ отворилъ захлопнувшуюся за нимъ дверь, изъ одного угла снова раздался тотъ же протяжный стонъ. Онъ оглянулся и увидѣлъ на полу тощее скелетообразное существо съ громадными горящими глазами, имѣвшее видъ 80-лѣтней старухи, не смотря на то, что королевѣ Іоаннѣ не было еще и 40 лѣтъ. Хименесъ подошелъ къ ней, желая убѣдиться, узнаетъ ли она его, для чего нарочно широко распахнулъ дверь въ залу, откуда въ комнату ворвался широкій потокъ дневного свѣта. Съ минуту несчастная щурила глаза, отвыкшіе отъ свѣта; затѣмъ сдѣлала знакъ, чтобы Хименесъ заперъ дверь. Когда онъ исполнилъ ее желаніе, она сказала:

— Я все время ждала васъ, кардиналъ Сизнеросъ. Но почему я не вижу съ вами короля, отца моего?

Хименесъ молчалъ; онъ зналъ, что отъ Іоанны утаили смерть ея отца, опасаясь, чтобы это извѣстіе не ухудшило ея состоянія.

— Я чуть не умерла,—продолжала королева, — и потому поручила доннѣ Маріи, единственному живому существу, которому я могу довѣрять, довести до свѣдѣнія моего отца, что я желаю его видѣть!

— А давно ли ваше высочество больны?—спросилъ Хименесъ.

— Какъ могу я это знать... Здѣсь всѣ дни такъ похожи — это точно медленно текущая вода, которую никто не вымѣряетъ... Должно быть я уже очень давно содержусь въ этой тюрьмѣ, не правда ли?

— Но раньше вамъ жилось лучше

Digitized by Google

здѣсь, не такъ ли? Мы всѣ полагали, что въ вашемъ обиходѣ не произошло никакихъ измѣненій, а между тѣмъ я вижу, что ваши люди не приходятъ убирать это помѣщеніе!

— Кто же прибираетъ въ могилѣ? Я просила, чтобы мнѣ позволили выходить въ эту залу, но Фарріе сказалъ, что мой отецъ запретилъ это, а теперь мои ноги не могутъ уже дотащить меня до дверей; они это знаютъ и потому не стали даже запирать меня!

— Но ваше высочество не сказали мнѣ, что было причиной вашей внезапной болѣзни?—замѣтилъ Хименесъ.

— Причиной ея былъ Луи Ферріе, который приказалъ подвергнуть меня пыткѣ. Вѣроятно, я очень кричала. Сначала ко мнѣ прислали монаха Виллагасъ, который приказывалъ мнѣ смириться и молиться... Ха, ха, ха! молиться!. Я прогнала его, бросивъ ему въ лицо нечистоты... Тогда Ферріе явился сюда съ двумя человѣками, и они повѣсили меня здѣсь за руки! — несчастная указала на желѣзную балку подъ потолкомъ,—а къ ногамъ прицѣпили тяжелые грузы, такъ что съ тѣхъ поръ ноги у меня какъ перебитыя, и я не могу подняться.

Не будучи въ состояніи слушать далѣе эту ужасную повѣсть, кардиналъ хотѣлъ выдти и тотчасъ же учинить судъ и расправу, но королева удержала его.

— Вы скажите королю, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ. О, какъ я буду рада его видѣть! — сказала она, и крупныя слезы покатились по ея впалымъ морщинистымъ щекамъ.

— Король пріѣдетъ, Ваше Величество, но для того, чтобы вы могли принять его, надо, чтобы вы согласились дать прибрать эту комнату и дать одѣть себя въ платье, приличное вашему званію. Обѣщайте, что вы позволите вашимъ дамамъ и прислужницамъ ходить за вами!

— Да, но только уберите отъ меня этого человѣка, Луи Ферріе,— чтобы я никогда больше не видѣла его!

Хименесъ обѣщалъ, выйдя въ большую залу, нашелъ тамъ только Вергара, ожидавшаго его; маркизъ же Ферріе подъ предлогомъ какихъ-то дѣлъ поспѣшно покинулъ замокъ.

Доѣхавъ до Вальядолида, отстоявшаго всего въ двухъ часахъ пути отъ Тордбсилласъ, кардиналъ тутъ же издалъ декретъ, отстранявшій немедленно отъ ихъ должностей маркиза Деніа и Ферріе и назначавшій на ихъ мѣсто человѣка гуманнаго, мягкаго и кроткаго, дона Дукасъ де Талавара, которому вмѣнялось въ обязанность окружить королеву всѣми удобствами жизни, какія только могли быть для нея доступны.

Устроивъ это, кардиналъ написалъ о всемъ королю, отъ котораго получилъ трогательное благодарственное письмо. Но вѣрный Лопецъ сообщалъ при этомъ, что на самомъ дѣлѣ при фламандскомъ дворѣ участью королевы очень мало интесуются и скорѣе склонны видѣть въ ней опасную личность, чѣмъ безвинную страдалицу.

Глава X.

Фламандцы быстро свыклись съ мыслью быть отстраненными отъ управленія Испаніей, такъ какъ они въ сущности не столько гнались за этимъ, сколько за возможностью безнаказанно черпать золото изъ государственной казны Испаніи. Вначалѣ говорилось только о необходимости извѣстнаго кредита, въ которомъ нуждался дворъ, затѣмъ, зная то нетерпѣніе, съ какимъ Химинесъ ожидалъ прибытія молодого короля въ Испанію, у него стали требовать денегъ на сооруженіе флота, который долженъ былъ доставить юного монарха въ Пиренейскій полуостровъ. Этотъ маневръ примѣнялся трижды. Наконецъ, приближенные молодого короля мало по малу успѣли убѣдить его, что

Digitized by Google

ему нѣтъ надобности оставаться въ зависимости отъ щедротъ кардинала, и что онъ, какъ король, можетъ брать изъ казны, сколько угодно. И вотъ съ этого времени пошло такое разграбленіе, что государственная казна Испаніи таяла, точно снѣгъ, на солнцѣ. Но вскорѣ и этого стало мало, и Фламандскіе придворные занялись торговлей должностей въ Испаніи, что явилось для нихъ источникомъ неисчерпаемыхъ доходовъ Наряду съ этимъ всѣ лучшія мѣста въ Испаніи оказались въ рукахъ фламандцевъ. Вскорѣ эта постыдная торговля стала настолько явной, что Испанскій народъ, возмущенный до глубины души, сталъ требовать собранія кортесовъ, чтобы положить конецъ наглости и хищничеству иностранцевъ. На углахъ улицъ стали появляться памфлеты, въ которыхъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ выставлялась алчность и лихоимство Тіевра, котораго называли проституткой, продающей свои милости каждому, кто захочетъ ему заплатить.

Король, не смотря на многократныя обѣщанія, все не пріѣзжалъ,— народъ усталъ его ждать. Хименесъ со свойственной ему прямотой не разъ писалъ Карлу:

„Здѣсь говорятъ, что ваше величество израсходовали въ нѣсколько мѣсяцевъ больше государственныхъ денегъ, чѣмъ ихъ католическія величества въ теченіе всего своего долголѣтняго царствованія. Рекомендую Вашему Величеству присмотрѣться хорошенько къ окружающимъ васъ лицамъ и удалить отъ себя тѣхъ изъ нихъ, которыя стремятся разорить васъ и страну; теперь всѣ уже начинаютъ роптать и высказывать свое неодобреніе. Умоляю Ваше Величество пріѣхать возможно скорѣе и заставить умолкнуть этотъ ропотъ народа“.

Въ Испаніи содержаніе этихъ писемъ Хименеса къ королю было извѣстно, и народъ, видя въ архіепископѣ единственнаго защитника своихъ національныхъ интересовъ, видя его безупречное безкорыстіе и безпристрастіе, доходившее до того, что его лучшіе друзья все еще находились въ ожиданіи мѣста, давно ими заслуженнаго, признали, наконецъ, несомнѣнныя заслуги этого великаго государственнаго дѣятеля. Дворянство и гранды уступившіе, въ порывѣ чувства излобленія противъ кардинала, совѣтамъ Мота и призвавшіе на помощь противъ этого общаго врага — величайшаго врага Испаніи фламандцевъ, теперь горько въ томъ раскаивались. Видя, что дорогая ихъ сердцу родина становится жертвой чужестранцевъ, и признавая, что единственный человѣкъ, способный устоять противъ этого пагубнаго теченія и могущій спасти Испанію,—это Хименесъ, они нашли силу подавить свою гордость и явиться съ повинною къ кардиналу.

Герцогъ Альбукэркъ первый рѣшился на этотъ шагъ; вскорѣ и другіе послѣдовали его примѣру, рѣшивъ общими, они силами, за одно съ Хименесомъ, отстаивать интересы Испаніи, предавъ забвенію свою прежнюю вражду и непріязнь къ нему. И Хименесъ съ своей стороны оказался на столько великодушенъ, что простилъ имъ всѣ бѣды и оскорбленія, говоря, что тѣ, кто могъ нарушить спокойствіе государства, могутъ также и послужить его благу.

Глава XI.

Это новое сближеніе грандовъ съ кардиналомъ было весьма не по душѣ фламандцамъ, которые, впрочемъ, относились къ нему съ недовѣріемъ. Чтобы скрѣпить еще болѣе этотъ союзъ, которымъ теперь дорожило дворянство, графъ Коруна, двоюродный братъ Гонзалеса Мендоза, убитаго въ Наваррѣ, просилъ у кардинала руки его племянницы Нины. Хименесъ, радуясь въ душѣ этому предложенію, не хотѣлъ, однако, насиловать желанія своей племянницы и прежде, чѣмъ

Digitized by Google

дать свое согласіе, послалъ отца Рюиса узнать, какъ отнесется къ этому предложенію молодая дѣвушка.

Отецъ Рюисъ далъ ей понять, что ея согласіе на бракъ съ графомъ Коруна послужитъ явнымъ подтвержденіемъ сближенія дворянства съ кардиналомъ,—и Нина, нимало не задумываясь, дала свое согласіе въ слѣдующей формѣ: „Если моя жизнь можетъ быть полезна интересамъ моего дяди, архіепископа, то я съ закрытыми глазами даю свое согласіе; мнѣ не надо даже знать имени моего нарѣченнаго!

Двѣ недѣли спустя состоялось торжественное вѣнчаніе племянницы архіепископа съ молодымъ графомъ Коруна въ Толедскомъ соборѣ въ присутствіи всѣхъ важнѣйшихъ грандовъ Испаніи, которые стоя съ непокрытыми головами и безъ шпагъ, передъ архіепископомъ въ полномъ облаченіи съ золоченою митрой на головѣ, смиренно склонялись передъ его величіемъ, его силой и могуществомъ. Это было, такъ сказать, олицетвореніемъ торжества Хименеса надъ надменною гордостью грандовъ и дворянъ.

Глава XII.

Наконецъ, пришла вѣсть, что король въ сентябрскій праздникъ Пр. Богородицы, наконецъ, отплылъ изъ Фландріи и, судя по благопріятному вѣтру, черезъ нѣсколько дней долженъ былъ прибыть въ Испанію.

Вѣсть эта чрезвычайно обрадовала Хименеса, который всегда видѣлъ высшее благополучіе Испаніи въ пріѣздѣ короля. Кромѣ, того онъ успѣлъ полюбить всѣми силами души юнаго монарха, надъ созданіемъ монархіи котораго онъ столько лѣтъ трудился и ради котораго столько вынесъ и выстрадалъ, хотя никогда даже не видалъ его. Онъ видѣлъ въ немъ того обѣтованнаго Мессію, которому суждено было основать новое царство и вознести Испанію на высшую степень величія и славы. Наконецъ-то онъ увидитъ этого юнаго монарха своими глазами, преподастъ ему свои наставленія въ трудномъ дѣлѣ управленія государствомъ и тогда воскликнетъ, подобно Симеону Праведному: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко“...

Хименесъ сталъ готовить все къ пріѣзду короля; при звукахъ трубъ и барабановъ приказалъ возвѣщать повсюду, по городамъ и селамъ, благую вѣсть о скоромъ прибытіи короля; пригласилъ грандовъ и дворянъ устроить торжественную встрѣчу; со всевозможной пышностью и блескомъ снаряжалъ флотъ, который долженъ былъ выйти на встрѣчу флоту Карла и, наконецъ, самъ, въ сопровожденіи отца Рюиса и Вергара, окруженный свою блестящей и многочисленной гвардіей, подъ начальствомъ Спинозы, двинулся къ границѣ, чтобы встрѣтить короля, какъ только тотъ ступитъ ногой на испанскій берегъ. Никогда еще кардинала не видѣли такимъ счастливымъ и довольнымъ. По дорогѣ онъ останавливался въ Торре-Лагуна, мѣстѣ своего рожденія, и во многихъ селеніяхъ, гдѣ народъ привѣтствовалъ его, какъ своего заступника и благодѣтеля.

На второй или третій день пути онъ остановился въ Босъ-Эквиллосъ. Пріоръ домъ Маркина, настоятель близъ расположеннаго монастыря, отправился изъ своего мостыря вмѣстѣ со своимъ помощникомъ на поклонъ къ кардиналу и былъ уже не далеко отъ Босъ-Эквиллосъ, когда, услыхавъ за собой бѣшено мчавшагося всадника, они поторопились, чтобы пропустить его мимо себя, но были окликнуты имъ:

— Вы идете къ кардиналу, пріоръ? Спѣшите же, и если архіепископъ еще не ужиналъ, скажите ему, чтобы чтобы онъ не кушалъ большой форели, которую ему подадутъ

Digitized by Google

на ужинъ: рыба эта отравлена ужаснымъ ядомъ. Блаженная Беата послала меня предупредить его объ этомъ... Во имя Самого Бога, спѣшите! — сказалъ всадникъ, повидимому, знатный мавръ.

Обхваченные ужасомъ, монахи стали погонять, что было мочи, своихъ муловъ, не оглядываясь на назадъ, гдѣ всадникъ, нагнавшій ихъ, никто иной, какъ Зегри, зашатавшись вмѣстѣ съ конемъ, упалъ замертво на землю. Одна и та же смертельная желудочная судорога сразила одновременно этихъ неразлучныхъ друзей, благороднаго рыцаря Зегри и его коня. Эта бѣшеная скачка черезъ горы и долы ради спасенія жизни кардинала была ихъ послѣднимъ подвигомъ.

Наконецъ, встревоженный пріоръ и его помощникъ достигли Босъ-Эквиллосъ и, остановившись передъ домомъ, гдѣ находился Хименесъ, спросили, еще не слѣзая съ муловъ, отужиналъ ли кардиналъ. Барракальде, встрѣтившій ихъ на крыльцѣ, полагая, что монахи проголодались, смѣясь отвѣтилъ имъ, что отужиналъ одинъ только архіепископъ, но что отецъ Рюисъ и Вергара еще не ужинали и, вѣроятно, не откажутся раздѣлить съ ними свои яства.

— Ахъ, не въ этомъ дѣло,— огорченно возразилъ пріоръ, — мнѣ надо немедленно видѣть кардинала: я имѣю до него лично дѣло!

— Видѣть его здѣсь не трудно,— войдите вотъ въ эту дверь: тамъ вы его найдете и можете съ нимъ говорить безъ всякихъ этикетовъ; вѣдь, мы здѣсь не въ Толедо или Мадридѣ!

Послѣдовавъ указанію Барракальде, пріоръ и его помощникъ вошли къ кардиналу, который встрѣтилъ ихъ привѣтливой улыбкой. Принявъ благословеніе, они разсказали ему все, что имъ поручилъ Зегри.

— Не печальтесь, друзья, что вы прибыли слишкомъ поздно: я уже съ полъ-часа какъ отужиналъ и не ѣлъ ничего другого, кромѣ именно этой форели! Если я дѣйствительно отравленъ, то не сегодня только, а уже нѣсколько времени тому назадъ. Когда я вскрылъ депешу, возвѣщавшую объ отбытіи короля изъ Брюсселя, мнѣ въ лицо пахнула какая-то мелкая бѣловатая пыль, отъ которой мнѣ сразу сдѣлалось дурно, затѣмъ я сталъ чувствовать нестерпимую боль въ мозгу. Но не все ли равно, какой смертью умереть? Въ мои годы пора идти на встрѣчу смерти. Лишь бы мнѣ только дожить до пріѣзда короля, и тогда я умру спокойно!

Едва договорилъ онъ эти слова. какъ въ комнату вбѣжалъ Спиноза,

— Ваше святѣйшество здорово? Вы не кушали рыбы? Францискъ Корильо, всегда пробующій каждое блюдо, которое подается къ столу вашего высокопреосвященства, внезапно занемогъ!—У него оказались всѣ признаки сильнаго отравленія, и онъ увѣряетъ, что виною всего рыба!

— Надо немедленно перевести больного въ нашъ монастырь, тамъ ему будетъ оказана врачебная помощь!—сказалъ пріоръ.

— Да, да, пусть возьмутъ мой экипажъ, — добавилъ Хименесъ и вдругъ, смертельно поблѣднѣвъ, пошатнулся и упалъ бы, если бы его не успѣлъ подхватить стоявшій подлѣ него Спиноза.

Съ помощью отца Рюиса и Вергера, Хименеса перенесли въ экипажъ и отвезли въ монастырь Аквилера, также какъ и больного Франциска Корильо.

Трое сутокъ кардиналъ не приходилъ въ сознаніе, а затѣмъ у него брызнула кровь изъ ушей, ногти стали отпадать, и все тѣло покрылось гнойными язвами, при чемъ адскій холодъ пронизывалъ его до мозга костей, не смотря на сильный зной лѣтнихъ мѣсяцевъ. Его поддерживала только сильная воля и упорное желаніе дождаться и

Digitized by Google

увидѣть короля. Онъ не позволилъ даже, чтобы произведено было слѣдствіе для розысканія виновника этого ужаснаго покушенія на его жизнь, изъ желанія избѣжать всякаго волненія въ народѣ и нарушенія всеобщаго праздничнаго настроенія, подготовленнаго имъ для встрѣчи короля.

Прошла цѣлая недѣля; кардиналъ замѣтно ослабѣвалъ съ каждымъ днемъ. Но вотъ однажды утромъ Вергара сообщилъ ему, что король благополучно высадился въ Willa buciosa и черезъ Кастилію направляется въ Вальядолидъ.

Услыхавъ это, кардиналъ разомъ ожилъ; силы снова вернулись къ нему, онъ самъ отслужилъ благодарственную мессу, завтракалъ за общей трапезою съ монахами и тотчасъ послѣ трапезы сѣлъ въ свой экипажъ и отправился въ Роа, откуда ему уже оставался всего одинъ перегонъ пути, чтобы встрѣтить короля въ Вальядолидѣ. Прибывъ въ Роа, Хименесъ отправилъ впередъ курьера, чтобы подыскалъ помѣщеніе въ Вальядолидѣ, гдѣ, по случаю пріѣзда короля, всѣ дома и квартиры были заняты, но, къ великому его огорченію, въ цѣломъ городѣ не оказалось ни одного свободнаго дома для кардинала. Тогда онъ писалъ королю, что онъ проситъ принять его хотя бы не оффиціально и удѣлить ему нѣсколько часовъ времени. Но въ теченіе трехъ дней на это письмо не послѣдовало никакого отвѣта и только по прошествіи этого времени пришло ожидаемое посланіе отъ короля. Оно было написано рукою Мота и только подписано королемъ. Карлъ отказывался принять кардинала: „Я ѣду въ Тордесилласъ,—писалъ онъ,—и не могу ожидать вашего посѣщенія, такъ какъ долженъ привѣтствовать прежде всего королеву,—мать мою. Кромѣ того, полагаю, что вы въ настоящее время, послѣ столькихъ полезныхъ трудовъ нуждаетесь въ отдыхѣ, а потому готовъ лишиться вашихъ драгоцѣнныхъ услугъ и предоставить вамъ мирно и спокойно докончить дни жизни вашей въ Толедскомъ архіепископствѣ, такъ какъ только въ Богѣ вы можете найти себѣ награду за свои труды“!

Хименесъ спокойно отложилъ письмо это въ сторону, и двѣ крупныхъ тяжелыхъ слезы скатились изъ его глазъ. Онъ всталъ и медленно направился къ кровати; страшный ознобъ потрясалъ все его тѣло.

— Все кончено!—проговорилъ онъ спокойно,—теперь мнѣ уже незачѣмъ бороться со смертью!

Онъ легъ и скрестилъ руки на груди. Немного успокоившись, онъ пожелалъ пріобщиться. Когда Варгара принесъ ему его кардинальскія одежды, онъ отрицательно покачалъ головой и сказалъ.

— Нѣтъ, братъ мой, единственнымъ оправданіемъ моимъ передъ Всевышнимъ будетъ, если я предстану предъ нимъ въ полномъ смиреніи!

Затѣмъ онъ исповѣдался, пріобщился и, принявъ причастіе, сказалъ:

— Все на свѣтѣ суета, кромѣ вѣчнаго сближенія съ Богомъ, Творцомъ моимъ!

Въ комнатѣ воцарилась мертвая, томительная тишина. Прошло нѣсколько минутъ, и отецъ Рюисъ, беззвучно приблизившись къ постели умирающаго, поцѣловалъ его блѣдную, точно восковую руку, безжизненно свѣсившуюся въ складкахъ темной францисканской рясы. Затѣмъ онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы Вергара и Спиноза зажгли свѣчи, такъ какъ того, который сумѣлъ сломить гордыню испанскихъ грандовъ и создать прочныя основы будущей великой монархіи, уже не стало. Онъ скончался тихо, одиноко, какъ самый послѣдній францисканскій монахъ.

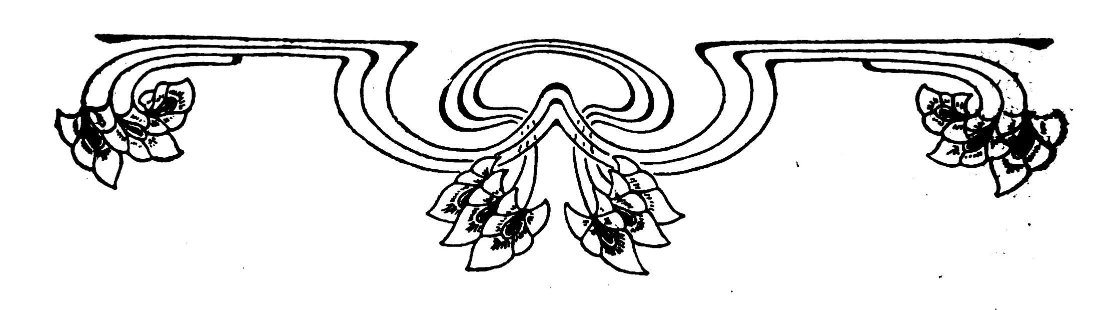
Въ сосѣдней комнатѣ Барракаль-

Digitized by Google

де, все время прислушивающійся у дверей, понялъ, что все кончено и схвативъ перо, поспѣшно набросалъ записку Мота:

„Шіевръ можетъ предоставить королю безпрепятственно разъѣзжать по всему королевству: Слона не стало.

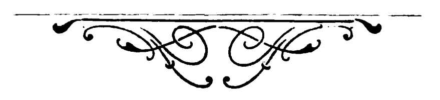
КОНЕЦЪ.

* * *

Вступая въ жизнь съ душою, полной упованій,
Съ любовью искренней и къ правдѣ, и къ труду,
Такую встрѣтишь въ жизни бездну испытаній,
Такую безпощадную къ себѣ вражду,
Что сердце больно, тяжко такъ въ груди сожмется,
И слезы выступятъ невольно изъ очей,
Озлобленное слово съ устъ твоихъ сорвется,
Проклятіемъ клеймя безуміе людей!
Но, схоронивъ въ душѣ былыя увлеченья,
Борьбы не выдержавъ, безславно упадешь
И подъ напоромъ сильнаго волны теченья
Безсмысленно за массой поплывешь...
А послѣ будешь горько самъ смѣяться,
Припомнивши волненья прежнихъ юныхъ дней...
Отъ прежде милаго не трудно отказаться,
Когда душа черства и сердце холоднѣй...

Николай Васильевъ.

Digitized by Google

Пища японцевъ.—Плоды и овощи.—Приготовленіе саке (рисовой водки).—Куреніе.—Одежда—Обувь.—Жилище.

Рисъ служитъ главною пищею богатыхъ японцевъ, бѣдные же питаются просо, ячменемъ и гречихой. Изрѣзанность береговъ даетъ неисчерпаемый источникъ животной пищи. Иностранцы съ трудомъ привыкаютъ къ японской кухнѣ, гдѣ не употребляютъ ни мяса, ни хлѣба, ни масла, ни обыкновеннаго картофеля, а такъ называемые „бататы" (сладкій картофель), хотя и вкусны, но причиняютъ изжогу. Вмѣсто масла для жаренья употребляютъ рыбій жиръ, придающій всему отвратительный вкусъ; кромѣ того, все это бываетъ подгорѣло и пропитано дымомъ, благодаря примитивному способу приготовленія на маленькихъ жаровняхъ. Овощи не увариваются до надлежащей степени; соленое перемѣшивается со сладкимъ и наоборотъ. Я съ большимъ трудомъ ѣлъ японскія кушанья, такъ велико было мое отвращеніе къ нимъ.

Японскій столъ напоминаетъ американскій въ Мексикѣ, Перу и Чили. Вотъ одно изъ меню, по Чемберлену: прежде всего подаютъ теплое рисовое вино (Sake). Супомъ изъ бобоваго сыра (Suimono) открывается такъ сказать hors d'oeuvre, за нимъ слѣдуютъ омлеты, каштаны или рыбныя клецки. Порубленной сырой рыбой (sashimi), морскими водорослями (tsubo), рыбой или пуляркой съ кореньями лотоса заканчивается закуска. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени начинается обѣдъ: подается опять супъ изъ бобоваго сыра, или рыбы, или водорослей, затѣмъ отварная рыба (ohiro), сырая, разрѣзанная на куски, рыба (namasu), соленая съ весьма непріятнымъ запахомъ старая рѣдька, огурцы или коренья лотоса (ko no mono). Наконецъ, въ заключеніе, подаютъ опять супъ, сырую рыбу и рисъ.

Столовъ и стульевъ нѣтъ. Садятся прямо на полъ, на цыновки. Служанки вносятъ крошечные четыреугольные столики и ставятъ или каждому присутствующему въ отдѣльности, или одинъ столикъ для двоихъ. Пьеръ Лоти разсказываетъ

Digitized by Google

объ этомъ такъ: „Приближаются дѣвушки съ улыбкой на губахъ и съ глубокими поклонами. Одна несетъ жаровню и чайникъ, другая—засахаренные фрукты на крошечныхъ дорогихъ тарелочкахъ, наконецъ, третья—какіе то невозможные предметы на восхитительныхъ дощечкахъ. Весь этотъ кукольный обѣдъ размѣщается на крошечномъ 4-хъугольномъ столикѣ. Все это очень мило. Косоглазыя „граціозныя“ брюнетки садятся на корточки и приглашаютъ васъ обѣдать. Въ фарфоровой вазочкѣ съ зазубринками супъ—невозможная похлебка, на поверхности которой плаваютъ зеленыя морскія водоросли; послѣ этого подаютъ копченую рыбу съ сахаромъ и фрукты съ уксусомъ и перцемъ, краббовъ и бобы съ сахаромъ. Все это отвратительно на вкусъ, но маленькія японки своимъ непрестаннымъ смѣхомъ умѣютъ принудить каждаго ѣсть“.

Ни ложекъ, ни вилокъ и ножей тамъ не признаютъ, а употребляютъ только двѣ красивыя деревянныя или костяныя палочки, которыми и отправляютъ кушанья въ ротъ, какъ мы это дѣлаемъ вилкой.

Въ деревенскихъ трактирахъ можно получить соленыя сардинки въ сахарѣ, въ сахарѣ же заготовленные зрѣлые бобы съ зеленой, соленой соей изъ тѣхъ же бобовъ; супъ изъ бобовой муки особеннаго запаха; сливы, завернутыя въ очень соленые листья Perilla ocymoides, сильно пахнущіе клопами; соленые кусочки бѣлой рѣдьки; сушеныя, тонкія, какъ бумага, водоросли, хорошую жареную рыбу, печеный сладкій картофель и хорошо поджаренные каштаны. На желѣзнодорожныхъ станціяхъ предлагаютъ еще тоненькія булочки, испеченныя на рыбьемъ жиру, похожія на наши макароны, — но они почти не съѣдобны—до того солены.

Овощи у японцевъ играютъ большую роль. Бѣлая и розовая рѣдька, похожая на мексиканскую, длиною въ 1 футъ и толщиною чуть не въ 2 вершка, бросается всѣмъ въ глаза. Самую большую въ свѣтѣ рѣдьку можно видѣть на базарѣ Кагошимо въ Кіу-Сіу. Нѣкоторыя изъ нихъ вѣсятъ больше 30 килограм. и при этомъ необыкновенно сочны. Очень любятъ также японцы бѣлую плоскую китайскую рѣпу. Тонкіе корешки морского растенія Cochlearia wasaЬi напоминаютъ по вкусу нашъ хрѣнъ. Въ большихъ гостиницахъ Токіо эти корешки трутъ такъ же, какъ у насъ хрѣнъ, и затѣмъ приготовляютъ изъ нихъ соусъ къ рыбѣ. Разные сорта японской Dioscorea составляютъ также пищевой продуктъ, но не во вкусѣ европейцевъ. Dioscorea sativa—вьющееся растеніе съ красивыми сердцеобразными листьями и бѣлыми цвѣтами, въ видѣ сережекъ. Ядовитыя Таго, изъ семейства аройдныхъ, снабжены крахмалистыми, крохкими кореньями. Въ Японіи они почти никогда не цвѣтутъ, или очень рѣдко, такъ что отожествлять ихъ съ настоящими сортами нельзя. Colocasia antiquorum Schott (Sato-imo) имѣетъ бѣлые угловатые корневые отростки (величиною съ куриное яйцо) которые въ измельченномъ видѣ и вымоченные въ нѣсколькихъ водахъ употребляются также въ пищу въ соленомъ видѣ. Сладкій картофель, или бататы, введенный черезъ Китай изъ Луцони еще въ 1600 г., разводится повсюду и употребляется въ пищу. Круглые клубни этого растенія вкусомъ своимъ напоминаютъ каштаны. Лотосъ доставляетъ также съѣдобные, но невкусные коренья, толщиною въ 8—10 сантиметровъ; они содержатъ въ себѣ очень много крахмалистыхъ веществъ, продаются во всѣхъ зеленныхъ лавкахъ. Горохъ употребляютъ съ древнихъ временъ. Лучистые низкорослые бобы съ желтыми цвѣтами, называемые Ацуки и бобы glycine hispida, изъ которыхъ приготовляется соя), воздѣлываются повсюду. Эти послѣдніе покрыты волосками красновато-коричневаго

Digitized by Google

цвѣта; въ стручкахъ бываетъ всего по 2 сѣмячка, но зато стручьевъ—большое изобиліе. Въ Европѣ оно извѣстно подъ именемъ Glycine hispida и даетъ урожай самъ семьдесятъ. Родина же его восточно-азіатскій континентъ. Отсюда же вывезено и Canavallia ensiformis, которое получило названіе Nata-mame, большіе розовые цвѣты его висятъ въ видѣ кисти; самыя сѣмена также очень велики и заключаются въ толстыхъ широкихъ стручкахъ до 20 сантиметровъ длины. Англійскіе длинные бобы китайскаго происхожденія, но по какой то странной случайности въ Австраліи называются german beans (нѣмецкіе бобы). Это—вьющееся растеніе, имѣющее длинный цвѣточный стебель, заканчивающійся щитовиднымъ цвѣткомъ; его тоненькіе, кругленькіе, какъ стебелекъ, стручки бываютъ длиною до 30 сантиметровъ; бобы эти ѣдятъ незрѣлыми, но въ отваренномъ видѣ. Въ Японіи они называются sasage. Имѣются тамъ также и наши французскіе бобы (Ingen-mame). Земляные орѣхи (Nankia-mame), африканскаго происхожденія, разводятся во всѣхъ теплыхъ странахъ и употребляются и въ пищу и на выдѣлку масла.

Изъ Манчжуріи ввезли гречиху (Soba); Китайское просо замѣняетъ бѣднякамъ рисъ, и они варятъ изъ него кашу (Kibi); изъ ячменя и пшеницы приготовляютъ муку, а рожь вовсе не сѣютъ.

Самый лучшій восточно-азіатскій рисъ — главный продуктъ Японіи. Зерна риса называются Kome, а рисъ вообще--gozen; въ отваренномъ же видѣ, въ какомъ его подаютъ къ каждому обѣду (въ большихъ деревянныхъ горшкахъ), онъ уже называется meshi. На полѣ онъ до пересадки носитъ названіе Nae, а послѣ пересадки—ine. Изъ смѣси рисовой муки съ бобовой и сахару пекутъ безвкусные пирожки.

Желтую рѣпу, пастернакъ, лукъ-сѣянецъ, чеснокъ и лукъ-порей разводятъ въ Японіи съ давнихъ временъ. Употребляютъ они также въ пищу молодые отростки бамбуковаго тростника и папоротника. Салаты, латукъ и эндивій, а также красная рѣпа и капуста, привезены въ Японію голландцами и разводятся только въ городахъ. Всѣ эти овощи заготовляются въ особенномъ уксусѣ изъ сливъ, который придаетъ имъ очень красивый видъ. Изъ овощей еще можно отмѣтить такъ называемый „egoma" и южно-американскіе томаты „Aka-nasu". Плоды яичнаго растенія Nasubi очень любимы на всемъ востокѣ; ихъ варятъ или запекаютъ въ тѣстѣ. Анисъ, укропъ, петрушка, солдерей и коляндра растутъ также въ восточной Азіи. Испанскій перецъ, родина котораго въ Индіи, употребляется какъ пряность, но не въ такой мѣрѣ, какъ въ Южной Америкѣ, въ особенности у креоловъ. Молодые листья японскаго кустарника Sansho, благодаря ихъ аромату и вкусу, употребляются какъ приправа къ кушанью. Растутъ эти красивые кусты съ перистыми листьями преимущественно у береговъ рѣкъ и ручьевъ.

Арбузы (Suikwa) не такъ хороши и сладки, какъ австралійскіе и южноамериканскіе, и скорѣе напоминаютъ южно-европейскіе. Тыква, арбузы и огурцы разводятся въ настоящее время повсюду. Изъ продолговатой тыквы дѣлаютъ домашнюю утварь. Изъ съѣдобныхъ грибовъ въ Японіи есть что то въ родѣ шампиньоновъ. Грибы эти, говоритъ Рейнъ, растутъ у дубовъ, высушенные получаютъ прекрасный ароматъ, изъ-за котораго ихъ и разводятъ и даже вывозятъ въ другія страны.

Культура плодовыхъ деревьевъ въ Японіи теперь только начинаетъ развиваться. Бива *) приноситъ на югѣ

*) Дерево съ вѣчноземными, кожеобразными листьями, похожими на листья каштановаго дерева, душистыми цвѣтами, и плодами величиною съ большую сливу.—Латинское названіе его Eriobothrya japonica.

Digitized by Google

сладкіе, а на сѣверѣ довольно кислые плоды. Самые же лучшіе туземные плоды—это финиковыя сливы; есть также и персики, и абрикосы, и сливы, и айва. Вишни не прививаются въ этомъ краѣ; яблоки привозятся изъ Америки, а изъ Китая груши (Nashi), твердыя и не вкусныя. Апельсинныя деревья, вывезенныя съ давнихъ временъ изъ Китая, растутъ лучше всего на югѣ Японіи, а именно въ Кіу-Сіу, а также въ провинціяхъ южнѣе Кіото. Насчитываютъ до 40 разновидностей ихъ, изъ которыхъ самыми дорогими считаются маленькіе, сладкіе мандарины (Mikan) съ легко отдѣляющейся кожицей. Севильскіе апельсины растутъ на деревьяхъ, другіе же сорта—на кустарникахъ. Въ послѣднее время въ Южной Японіи стали разводить и бананы, но они даютъ невкусные плоды. Вблизи городовъ попадаются и виноградники, но виноградъ получается не очень хорошій, такъ что вина изъ него не дѣлаютъ. Американскія лозы растутъ въ Японіи въ дикомъ состояніи.

Искусству приготовлять вытяжки изъ бобовъ японцы научились у китайцевъ. Вытяжки эти называются тофу, растительный сыръ, который приготовляется изъ молотаго размоченнаго боба и поваренной соли. Сыръ этотъ хранятъ подъ водою и употребляютъ или отдѣльно или примѣшивая къ супу.

Изъ паренаго риса и ячменнаго солода вывариваютъ что то въ родѣ сахара. Обыкновенный же свекловичный сахаръ доставляется туда изъ Европы, а тростниковый—изъ Австраліи. Въ Овари, Тоца и Сатцума пробуютъ разводить сахарный тростникъ для добыванія сахара.

Кушанья приправляютъ „Shoju"—бобовымъ масломъ, напоминающимъ по вкусу мясной экстрактъ. Эта соя употребляется въ настоящее время и въ другихъ странахъ подъ различными названіями. Приготовляется она изъ истолченной сырой пшеницы, рисовыхъ дрожжей, поджаренной и измолотой пшеницы и разваренныхъ бобовъ. Всю эту смѣсь оставляютъ три дня въ деревянной посудѣ; когда она перебродитъ, переливаютъ въ чаны, добавляютъ соли и воды и получаютъ кашицу, которая остается въ чанахъ пять лѣтъ, при чемъ ежедневно ее нужно мѣшать. По истеченіи трехъ лѣтъ, она пріобрѣтаетъ коричневый цвѣтъ, ароматъ и вкусъ, а по истеченіи 5 лѣтъ ее выжимаютъ и получаютъ экстрактъ. Есть у японцевъ и чай, вывезенный изъ Китая настоятелемъ монастыря Денгію Даиши еще въ 805 г., а теперь разводимый уже повсюду. Сборъ листьевъ бываетъ два раза въ годъ—въ маѣ и въ іюлѣ. Листья эти вмѣстѣ со свѣжими, душистыми цвѣтами avena fragrans и gardenia floribunda пропариваютъ и сушатъ въ глубокихъ горячихъ чугунныхъ сосудахъ, а черезъ 24 часа отсѣиваютъ прибавленные душистые цвѣты. Подаваемый въ чайныхъ „Nipon sha" свѣтлозеленаго цвѣта, очень уже жидокъ. Въ европейскихъ же гостинницахъ употребляется только привозный чай. Кофе въ Японіи пьютъ очень рѣдко.

Самымъ главнымъ предметомъ потребленія у японцевъ считается рисовое вино Sake, въ составъ котораго входятъ грибки (eurotium oruzae Ahlburg), превращающіе рисовый крахмалъ въ декстринъ (путемъ броженія), а затѣмъ и въ алкоголь. Споры этихъ грибковъ продаются въ видѣ желтаго порошка.

Вотъ какъ приготовляется Sake: 1,0 паренаго рису, 1,2 воды и 0,3 дрожжей замѣшиваютъ въ деревянной кадушкѣ и мѣсятъ до тѣхъ поръ, пока не начнетъ выдѣляться жидкость, что бываетъ чрезъ нѣсколько часовъ, затѣмъ оставляютъ ее бродить. Черезъ двѣ недѣли броженіе прекращается, получается жидкость Moto, содержащая еще 10% крахмалу. Чтобы удалить его, добавляютъ къ 1,3 мото 1,3 паренаго рису, 0,35 дрожжей и 1,3 воды; черезъ 2—3 дня все это перебродитъ

Digitized by Google

и получается жидкость, въ которой уже чувствуется ароматъ. Къ 4,25 этой жидкости опять добавляютъ рису 2,0, дрожжей 0,65 и воды 4,0. Черезъ сутки получается новый напитокъ, называемый Naka. Наконецъ, на 9,90 частей Naka прибавляютъ 3,30 рису, 1,00 дрожжей и 4,21 воды, и эта смѣсь подвергается броженію еще три дня. Это уже называется Shimai (конецъ). Послѣ этого пропускаютъ жидкость чрезъ холщевый мѣшокъ, очищаютъ таниномъ изъ незрѣлыхъ сливъ, и Sake готово. Оно напоминаетъ хересъ, съ слабымъ привкусомъ какъ бы отъ старой бочки. Дѣйствіе его очень укрѣпляюще и вообще оно обладаетъ всѣми свойствами виноградного вина. Изъ остатковъ Sake приготовляютъ довольно пріятный напитокъ Shochin, а изъ этого уже—родъ сладкаго ликера Mirin, который сохраняется нѣсколько лѣтъ.

Истые японцы курятъ изъ очень маленькихъ трубочекъ. Передъ курящимъ ставится ящичекъ-пепельница, нѣсколько раскаленныхъ угольковъ и плевательница. Молодое поколѣніе предпочитаетъ сигаретты. Лучшій японскій табакъ получается изъ Кагошимо въ Сатцума.

Всѣ служащіе должны одѣваться по-европейски. Военные и полицейскіе носятъ мундиры. Остальной народъ, въ особенности же женщины, придерживаются старины, и ихъ костюмы гораздо красивѣе и изящнѣе теперешнихъ, когда женщины не носили такихъ неуклюжихъ кушаковъ на спинѣ, а опоясывались лентой, концы которой сзади спускались до полу. Шляпы-коробки (Kasa), которыя рабочіе и теперь носятъ, лучше защищали отъ солнца и дождя, давали больше доступа воздуху, чѣмъ нынѣшнія европейскія шляпы.

Рабочіе ходятъ въ узкихъ и совсѣмъ короткихъ панталонахъ и бѣлыхъ или синихъ курткахъ изъ пеньковой матеріи. На спинѣ у нихъ обыкновенно какія-нибудь идеограммы — надписи, по которымъ узнаютъ хозяина этихъ рабочихъ. Многіе повязываютъ голову платкомъ, чтобы катящійся потъ не попадалъ въ глаза. Въ дождь и снѣгъ крестьяне носятъ платье изъ травы и прикрываются соломенной мантильей, стянутой у шеи веревочкой. Жены ихъ одѣваются такъ же, какъ и они въ узкіе, обтянутые синіе пеньковые панталоны и открытую впереди кофту съ поясомъ. Горожанки же носятъ сверхъ рубашки (а часть и совсѣмъ безъ нея) открытый впереди кафтанъ (Kimono), туго охватывающій ноги и затрудняющій походку. Рукава этого кимоно необыкновенно широки и внизу съ карманами, въ которые прячутъ предметы ежедневнаго употребленія, какъ то: носовой платокъ или куски бумаги, замѣняющіе носовые платки. Заходящія одна на другую полы этого кафтана придерживаются узкимъ кушакомъ (Shifa, jima), а этотъ прикрывается широкимъ кушакомъ (obi) отъ котораго сзади идутъ кверху громадные набитые чѣмъ то банты *) (cul de Paris). Кушаки эти дѣлаются изъ дорогого шелку, искусно затканнаго разными рисунками, изъ парчи или наконецъ изъ дешевой поддѣлки подъ дорогую матерію. Вверху кафтанъ слегка стягивается красивымъ шнуркомъ. Головной уборъ японки состоитъ изъ черепаховыхъ, стальныхъ или мѣдныхъ шпилекъ съ пуговочками изъ красныхъ коралловъ и т. д. Средняя стоимость всего дамскаго костюма отъ 150 до 300 р., а дѣтскаго—40—90 руб. Дѣтей одѣваютъ у японцевъ какъ взрослыхъ. Совсѣмъ маленькіе носятъ шапочки, у которыхъ съ одной стороны виситъ талисманъ ((Kinchaku), зашитый въ кусочекъ матеріи и металлическая дощечка съ именемъ и адресомъ.

Мужской костюмъ состоитъ во 1-хъ изъ кисейной тряпочки, прикры-

*) По имѣющемуся рисунку банты эти напоминаютъ солдатскіе ранцы. (Примѣч. переводчицы).

Digitized by Google

вающей наготу, а во 2-хъ—изъ шелковой или коленкоровой рубашки (Juban), хотя послѣдняя не во всеобщемъ употребленіи. Поверхъ этого носятъ длинный или короткій халатъ (Kimono) изъ полосатой, пестрой или одноцвѣтной матеріи. Этотъ халатъ составляетъ единственное лѣтнее одѣяніе, а на зиму его подшиваютъ ватой и кромѣ того поддѣваютъ шерстяную кофту. Кто хочетъ, носитъ зимою и брюки, болѣе похожіе на женскую юбку.

Старики брѣютъ переднюю часть головы, а на темени заплетаютъ короткую косу, нѣкоторые ходятъ съ непокрытой головой, а другіе носятъ соломенныя или фетровыя шляпы. Рабочіе при легкой работѣ носятъ тонкія и соломенныя сандаліи (Waraje), а при тяжелой—сплетенныя изъ толстой соломы. Деревянныя же сандаліи носятся всѣми вообще, какъ мужчинами, такъ и женщинами. Онѣ состоятъ изъ четырехугольной деревянной подошвы на 2 дощечкахъ въ 5 сантиметр. высоты (одна ближе къ пяткѣ, а другая подъ сгибомъ большого пальца). Къ ногѣ сандаліи прикрѣпляются тесьмами, скрещивающимися у подъема и завязывающимися между первымъ и вторымъ пальцами. Зимою носятъ бѣлые бумажные или шерстяные носки съ пальцемъ для большого пальца, чтобы удобнѣе было прикрѣплять сандаліи.

Лѣтомъ у каждаго японца виситъ на затылкѣ или у кушака вѣеръ, трубка и кисетъ съ табакомъ, а также и письменныя принадлежности. Европейскій дождевой зонтикъ, который одинаково можетъ служить и для защиты отъ солнца, вытѣсняетъ японскіе, такъ какъ послѣдніе дѣлаются для дождя изъ промасленной бумаги, а для солнца—изъ проклеенной, а слѣдовательно не отличаются прочностью. Европейскую обувь носятъ только тѣ, кто рядится въ европейское платье. Обувь эта дѣлается по большей части оч. плохо, на тонкой подошвѣ. Употребленіе ея непривычнымъ людямъ дается съ большимъ трудомъ, да и не практично она тамъ, такъ какъ вездѣ, при входѣ въ домъ нужно снимать, а это не такъ легко, какъ съ сандаліями. Стукотня, производимая послѣдними по деревяннымъ мостовымъ, по рельсамъ и по лѣстницамъ,—для новичка кажется чѣмъ-то необычайнымъ.

Полюбуемся теперь жилищемъ японца. Архитектура ихъ имѣетъ въ основаніи древнія постройки на сваяхъ. Деревенскіе, крестьянскіе домики, крытые камышомъ, очень похожи на таковые же въ южной Германіи, только крыши выше и шире, часто сверху покрываетъ ихъ еще дерномъ, на которомъ растутъ цвѣтущія лиліи или нѣжныя Jchihatsu. Крыши представляютъ изъ себя веранды; дома одноэтажные большею частію, хотя строятъ и 2-хъ этажные съ крытыми лѣстницами, причемъ 1-ый этажъ нѣсколько выступаетъ изъ подъ второго. Площадки пирамидальной крыши соединяются округленными ребрами. Стѣны въ домахъ деревянныя, подвижныя; окна съ задвигающимися ставнями, вмѣсто стеколъ употребляютъ промасленную бумагу, какъ это дѣлаютъ въ Китаѣ и Кореѣ. (Оконныя стекла извѣстны только въ городахъ). Вслѣдствіе такого устройства японскихъ домовъ, днемъ, когда стѣны и окна раздвигаются, комнаты соприкасаются съ улицей. Всѣ перегородки въ комнатахъ также снимаются, никакихъ замковъ и засововъ не существуетъ. Вѣтеръ и сырость свободно разгуливаютъ въ такихъ помѣщеніяхъ. Печей нѣтъ, а вмѣсто нихъ употребляютъ горшки съ горячими угольями (Hibachi). Снаружи эти горшки обвиваются лозой и обмазываются глиной. Дымъ изъ кухонныхъ печей выходитъ чрезъ окна, двери и другія отверстія въ крышѣ. Въ большихъ селеніяхъ крыши кроютъ гонтомъ изъ мягкаго дерева и дѣлаютъ такія же закругленные и заходящіе другъ на друга

Digitized by Google

края. Всѣ эти постройки очень опасны въ пожарномъ, отношенiи, а потому въ городахъ уже больше строятъ каменные дома и покрываютъ ихъ черной глазированной черепицей. Въ деревняхъ каждый хозяинъ долженъ имѣть на воротахъ или дверяхъ своего дома деревянную дощечку съ отчетливымъ обозначенiемъ его имени и званiя. Въ городахъ дощечки эти замѣняются большими черными лакированными вывѣсками; торговыя фирмы расписываютъ ихъ громадными золотыми идеограммами и укрѣпляютъ между 1 и 2 этажомъ надъ магазиномъ. Эти черные дома выглядятъ очень мрачно, въ особенности на сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ улицахъ Токiо, по которымъ проходитъ конка и высятся громадные столбы (гораздо выше домовъ) съ безчисленнымъ количествомъ телефонныхъ проволокъ, указывающихъ на побѣду европейской культуры надъ восточноазiатской неподвижностью. Какъ и въ крестьянскихъ хижинахъ, крытыхъ соломой, такъ и здѣсь крыши выступаютъ почти на цѣлый метръ надъ верхнимъ краемъ дома. Въ открытыхъ къ улицѣ магазинахъ разложены товары, а посреди сидятъ на цыновкахъ рабочiе, каждый за своей работой. Съ южной стороны надъ входомъ развѣваются занавѣси изъ грубаго небѣленаго холста, на которыхъ разрисовано названiе фирмы. Нельзя сказать, чтобы эти занавѣси, часто изорванныя вѣтромъ въ куски, служили украшенiемъ... Всѣ общественныя зданiя, какъ министерства, почтово-телеграфныя конторы, полицейское и воинское управленiя, театры, гостиницы и дома знатныхъ особъ и чужестранцевъ выстроены, конечно, по европейски, большею частiю по англiйскому образцу.

Внутренняя обстановка убранства японскаго дома производитъ на иностранца впечатлѣнiе ужасной пустоты и неуютности: сквозь картонныя стѣны продуваетъ вѣтеръ, со двора—отвратительный запахъ; полы уложены цыновками. (При входѣ въ домъ нужно снимать свою обувь и одѣвать предлагаемыя туфли). Всѣ циновки одной величины: 180 сант. длины и 90 ширины; ихъ легко замѣнять новыми. По числу циновокъ опредѣляется величина комнаты, напр. залъ въ 100 цыновокъ имѣетъ площадь 162 квадрат. метр. Лучшiя комнаты, окна которыхъ выходятъ въ садъ, устраиваются на южной сторонѣ. Вечеромъ весь домъ закрывается деревянными ставнями, которыя по утрамъ открываются съ большимъ шумомъ и стукомъ. Ночью, слѣдовательно, въ домѣ абсолютная темнота. Такое круговое замыканiе требуется полицiей; — обыкновенiе, ведущее свое начало еще съ древнихъ временъ, со временъ разбоевъ.

Такъ какъ азiаты привыкли копошиться на полу и такъ какъ ихъ ноги обладаютъ большой гибкостiю, то въ мебели они не нуждаются. Полъ замѣняетъ имъ и стулья, и кровати. Низенькiе, блестящiе лакированные столики, на которыхъ подается обѣдъ, уже кажутся ему роскошью. Котелокъ съ рисомъ, кружка для питья, приборъ для куренья,— все это на полу. Послѣ ѣды столикъ и посуда уносится въ кухню. Къ капитальной стѣнѣ дома придѣлываются маленькiе ящички для самыхъ необходимыхъ вещей, какъ то: гребенокъ, шпилекъ и палочекъ, которыми ѣдятъ. На этой же стѣнѣ развѣшиваютъ картины (красками и тушью), изображающiя невозможныя горы, мосты черезъ необыкновенныя рѣки и водопады, какъ ихъ рисовалъ Марнями Окуо, или длинныя узкiя полосы бумаги съ какимъ нибудь изреченiемъ „Какетопо" (висящiй предметъ). Въ богатыхъ домахъ эти какемоно бываютъ работы извѣстныхъ древнихъ и новѣйшихъ художниковъ.

Кто сидитъ, ѣстъ и работаетъ на на полу, тому, конечно, не нужно и постелей высокихъ, онъ, по завѣту Будды, спитъ на цыновкахъ. Для

Digitized by Google

большаго удобства притаскивается иногда изъ сосѣдней комнаты матрацъ, набитый хлопчатой бумагой (Futon), а зимою одѣваютъ еще ваточный халатъ (Kaimaki), вмѣсто одѣяла. Подъ голову кладутъ маленькую деревянную подставку, обитую сверху какой-нибудь матеріей, съ углубленіемъ для головы. Непривычные и безпокойные часто скатываются съ такой подушки.—Для защиты отъ чувствительныхъ укусовъ большихъ желтыхъ или блестящихъ коричневыхъ москитовъ употребляютъ сѣтки (Kaja) изъ зеленаго газа. Ночникомъ служитъ лампочка, въ кот. горитъ касторовое масло; она вставляется въ большой фонарь изъ промасленной бумаги и ставится на деревянную подставку. Отъ этого освѣщенія мало свѣту, но много копоти.

Въ каждомъ японскомъ домѣ есть еще внутри дома отдѣльное помѣщеніе, уставленное зеленью (комнатный садикъ), гдѣ находится изображеніе Будды и куда не имѣютъ права входить чужіе.—Японцы научились у китайцевъ выращивать посредствомъ „Nanisation“ карликовыя деревья (въ 100-ую часть естественнаго роста) и придавать имъ видъ старыхъ суковатыхъ деревьевъ. Для этой цѣли служатъ: тощая почва, мелкія сѣмена, крошечныя вазы. Хвойныя деревья, японскіе Pinus densiflora, похожіе на наши сосны, и красивыя зонтичныя ели (Kajamaki) растутъ въ вазахъ отъ 150—200 лѣтъ и доведенныя до миніатюрнаго совершенства не бываютъ выше 1 метра вышины. Въ Лондонѣ я видѣлъ на выставкѣ эти деревья, оцѣненныя въ 800 марокъ. Окруженные искусственными скалами, рѣчками изъ серебряной бумаги и изящными мостиками (en miniatur) эти деревья очень способствуютъ украшенію японскихъ домиковъ; существуетъ также карликовый бамбукъ, ложныя вишневыя и сливовыя деревья.—Въ каждомъ японскомъ домѣ вы найдете также небольшую библіотеку и необходимыя письменныя принадлежности. На маленькихъ ящичкахъ, замѣняющихъ наши этажерки, разставлены разныя бездѣлушки, куклы, фарфоровыя кошечки, изображенія Будды или семи боговъ счастья. Гордятся они также своей фарфоровой посудой и древнимъ оружіемъ.

Въ кухнѣ у японцевъ все очень просто: плита состоитъ изъ деревянной подставки, обмазанной огнеупорной глиной, и желѣзной плиты съ отверстіями для котловъ и горшковъ. Топятъ плиту дубовыми и каштановыми углями, а также порошкомъ каменнаго угля, спресованнымъ въ пулеобразную форму. Въ городахъ горючій матеріалъ дорогъ, въ деревняхъ же его добываютъ прямо изъ лѣсу. Чайники, обыкновенные котелки и мѣдные или желѣзные для бѣлья—украшаютъ кухню; деревянной посуды тоже много.

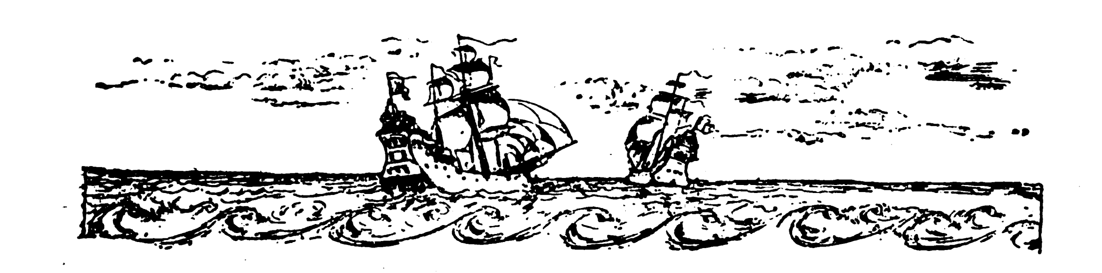
Украшеніемъ каждаго дома служитъ большой или маленькій садикъ, устроенный по старо-китайскому образцу. Даже и въ густо населенныхъ столицахъ въ этомъ не бываетъ недостатка. Въ садикѣ вы увидите искусственныя скалы изъ камней, покрытые мохомъ стволы деревьевъ, изъ которыхъ выходятъ вѣерообразныя китайскія пальмы, (Shu rochiku), а гдѣ нибудь въ уголкѣ виднѣется нѣжная перистая японская пальма, теперь повсюду уже извѣстная Nandina domestica; въ небольшомъ прудѣ содержатся черепахи и особенныя двухвостыя золотыя рыбки (разводимыя встряхиваніемъ икры въ бутылкѣ), а по берегамъ—голубые цвѣты „Hosta coerulea“, растущіе въ дикомъ состояніи.

Такого рода сады производятъ на западниковъ особенное впечатлѣніе. Многіе стали уже подражать японцамъ. Напримѣръ, въ С.-Франциско имѣется т. наз. золотой паркъ.

Многоугольные пруды съ красными и бѣлыми цвѣтами лотоса, желтыми нимфеями и большими

Digitized by Google

„Taro“, листья которыхъ при заходящемъ солнцѣ получаютъ своеобразный голубовато-зеленый отливъ, разбросаны повсюду; черезъ пруды перекинуты тутъ и тамъ узенькіе мостики, окруженные искусственными холмиками, на которые карабкаются по еле замѣтнымъ тропинкамъ. Фантастически подрѣзанныя декоративныя деревья, высокія камеліи, вѣчнозеленые дубы и корейскія сосны бросаютъ тѣнь на узкія дорожки, на которыхъ коегдѣ виднѣются каменные фонари и между кустами маленькія кумирни со львами и лисами. Маленькія бесѣдки, обвитыя голубыми цвѣтами вьющагося wistarie или зелеными листьями Kadsura, такъ и манятъ на отдыхъ; стрекозы своей монотонной пѣсней наводятъ сонъ; по вечерамъ же поютъ японскіе соловьи (Uquisu) свою нѣжную мелодію. Раздается плескъ падающей на камни воды, теряющейся въ протокахъ, гдѣ квакающія лягушки прячутся подъ зонтичными листьями кувшинокъ.

Digitized by Google

Накануне исхода.

(По поводу сборника разсказовъ С. Юшкевича).

И. Гофштеттера.

Историческія судьбы еврейскаго народа какъ то мистически загадочны, а внутренняя жизнь современныхъ евреевъ почти совсѣмъ не знакома русскому обществу. Какъ отразились на ихъ нравахъ и всей психологіи традиціи библейскаго ученія объ „избранномъ народѣ", тысячелѣтнее пребываніе въ духовной религіозной и моральной обособленности отъ остального человѣчества, жестокія гоненія, тяжелая жизнь въ разсѣяніи, въ безпрерывныхъ скитаніяхъ изъ страны въ страну, подневольная оторванность отъ земли и чернаго земледѣльческаго труда, начинающаяся повсесвѣтная эмансипація, постепенное сближеніе и неудержимое сліяніе съ высшими командующими классами всѣхъ народовъ и быстрое усвоеніе началъ и принциповъ современной европейской, въ сущности глубоко буржуазной, цивилизаціи? Трудно отвѣтить на всѣ эти вопросы и сразу охватить картину всѣхъ тѣхъ безконечно-многообразныхъ этическихъ, культурныхъ и психическихъ вліяній, преломленій и наслоеній, которыя переживаетъ душа современнаго еврея. Слабую попытку дать хоть нѣкоторое представленіе о грандіозной драмѣ еврейской души предпринялъ молодой писатель, Семенъ Юшкевичъ, выпустившій недавно сборникъ разсказовъ изъ еврейской жизни. Само собою разумѣется, что для сколько нибудь достойнаго художественнаго воспроизведенія великой міровой драмы были бы нужны силы міроваго генія съ высокимъ полетомъ свободной мысли, г-нъ же Юшкевичъ—только скромный беллетристъ съ несомнѣннымъ, но покамѣстъ еще явно незрѣлымъ, дарованіемъ. Его нужно цѣнить не какъ проникновеннаго художника—судью, а лишь какъ добросовѣстнаго свидѣтеля, видавшаго такія закулисныя стороны жизни, которыя намъ недоступны. Быть можетъ, кое въ чемъ его свидѣтельскія показанія беллетристическаго характера будутъ субъективными, быть можетъ, мѣстами въ нихъ отразится не сама жизнь, а его личное, притомъ довольно узкое, пониманіе ея—во всемъ этомъ должна уже разбираться собственная чуткость вдумчиваго читателя.

Въ книгѣ г. Юшкевича мы встрѣчаемся съ представителями различныхъ слоевъ еврейскаго населенія Россіи: пролетаріевъ — ремесленни-

Digitized by Google

ковъ, мелкихъ торговцевъ и болѣе крупныхъ коммерческихъ дѣльцовъ. Всѣ они страдаютъ и мучаются въ непосильной борьбѣ за существованіе и за малыми исключеніями неизбѣжно гибнутъ въ ней. Евреевъ—побѣдителей въ жизненной борьбѣ, добившихся обезпеченнаго и господствующаго положенія въ торговлѣ, въ промышленности, въ области либеральныхъ профессій, авторъ, повидимому, не видалъ, по крайней мѣрѣ мы не видимъ ихъ въ его произведеніяхъ. Вѣроятно, онъ, какъ гуманистъ, мало интересуется сытыми и довольными и потому посвящаетъ свое творчество только страдающимъ братьямъ. Въ этомъ, ему, конечно, трудно не сочувствовать, тѣмъ не менѣе общая картина, благодаря неполнотѣ приведенныхъ данныхъ, оказывается въ концѣ концовъ нѣсколько однобокой. Въ изображеніи быта еврейскаго пролетаріата тоже ощущается несомнѣнная односторонность. Строго говоря, это не описаніе жизни, а описаніе медленной и безконечно мучительной агоніи тысячи безпомощныхъ существъ. „Пройдитесь по еврейскому кварталу и вы сами скажете—нуженъ ли еще адъ на землѣ"—говоритъ одинъ факторъ въ повѣсти „Распадъ". Юшкевичъ рисуетъ только рядъ иллюстрацій къ этому изреченію, вводитъ читателя въ сплошное царство смерти, слезъ и страданія. Онъ несомнѣнно хорошо знаетъ этотъ міръ—и все таки не подсмотрѣлъ въ немъ ни одного радостнаго момента, ни одной веселой улыбки. Изъ всего обширнаго поля наблюденій у него не набралось матеріала даже на одну сколько нибудь свѣтлую страницу. Можно подумать, что у евреевъ не совершается ни свадебъ, ни рожденій любимыхъ дѣтей; никогда не бываетъ маленькихъ успѣховъ, дающихъ какое нибудь удовлетвореніе человѣку и сообщающихъ ему мужество къ дальнѣйшимъ страданіямъ. Одинъ безпросвѣтный мракъ и ужасъ. Даже дѣти еврейскія никогда не играютъ, не смѣются, не шалятъ,—только страдаютъ и умираютъ на глазахъ читателя.

Г. Юшкевичъ не показалъ намъ ни одного здороваго еврея ремесленника и рабочаго. Физическимъ трудомъ занимается у него только слѣпнущій калѣка и честный „дуракъ" Іерохимъ („Портной"), въ то время какъ здоровые и умные евреи: Аниска, Хаимъ и пр. посвящаютъ свои силы содержанію кабаковъ, торговлѣ, хлѣбнымъ спекуляціямъ и т. п. Значитъ ли это, что ремесленный трудъ для еврея самъ по себѣ аномалія? Или же молодой художникъ просто немножко, что называется, переусердствовалъ, сгустилъ краски въ изображеніи горькаго житья-бытья еврейской голытьбы для усиленнаго воздѣйствія на гуманныя чувства читателя, не подозрѣвая, что такой систематическій подборъ душераздирающихъ сценъ рисуетъ его героевъ не людьми здороваго труда, а скорѣе чѣмъ-то въ родѣ гибнущихъ въ условіяхъ трудовой жизни жалкихъ отбросовъ спеціально торговаго племени. Всего, вѣроятнѣе, что въ мрачной односторонности рисунка сказалась просто не весьма дальновидная, но довольно популярная тенденція. Если есть на свѣтѣ сотни тысячъ трудящихся евреевъ, должна быть и поэзія труда, должны когда-нибудь раздаваться и благословенія труду, дающему хлѣбъ для жизни человѣка. Почему же мы слышимъ только стоны, рыданія и проклятія? Вѣдь даже проживающій, по свидѣтельству сына, не менѣе двухъ-трехъ тысячъ рублей въ годъ домовладѣлецъ большого города Розеновъ и тотъ восклицаетъ: „Проклятый трудъ, проклятая нужда!"—и шлетъ горькія укоризны судьбѣ.

Если бы общій фонъ еврейскаго быта былъ дѣйствительно столь мраченъ и безрадостенъ, смерть давно восторжествовала бы надъ жизнью не только въ философскихъ

Digitized by Google

размышленіяхъ резонера Эли (въ разсказѣ „Кабатчикъ“), но и въ сердцахъ самихъ евреевъ: похожіе на земной адъ кварталы опустѣли бы, ибо евреи перестали бы жениться, а еврейскія женщины перестали бы рожать дѣтей. Но, по авторитетному свидѣтельству самого г. Юшкевича, мы въ дѣйствительности видимъ какъ разъ обратное: во всѣхъ еврейскихъ семьяхъ дѣти родятся безъ счета. Нѣтъ тѣней безъ свѣта, нѣтъ чадородія безъ любви, нѣтъ жизни безъ радости, — и если авторъ рисуетъ какую-то адскую каторгу безъ срока и конца, то значитъ онъ просто не сумѣлъ уловить свѣтлыхъ гимновъ торжествующей жизни.

* * *

Почти всѣ разсказы г. Юшкевича построены по такому плану: среди удручающихъ картинъ горя, болѣзней, нищеты и смерти непремѣнно появляется какой нибудь философъ, пытающійся осмыслить и истолковать происходящіе ужасы. Въ разсказѣ „Портной“ въ качествѣ такого философа-моралиста выступаетъ пенсіонеръ мѣстной еврейской общины, старикъ Зейлигъ. Онъ поучаетъ слѣпнущаго Іерохима и его несчастную жену Ципку, бьющуюся съ восемью ребятами, что евреи имѣютъ на небѣ великаго Бога, который живетъ вѣчно и знаетъ, что дѣлаетъ, поэтому, какое бѣдствіе ни послалъ бы Онъ людямъ, они должны радоваться, ибо все на свѣтѣ къ лучшему. Люди огорчаются потому, что они ничего не хотятъ видѣть, кромѣ вещей, а нужно смотрѣть не на вещи, а надъ ними и т. д. Въ разсказѣ „Кабатчикъ“ имѣется даже не одинъ, а два, пожалуй, если хотите, цѣлыхъ три философа. Одинъ изъ нихъ, Мотя проповѣдуетъ оставшимся не у дѣлъ послѣ введенія монополіи кабатчикамъ, что всякое зло ведетъ ко благу, такъ какъ гоненія на евреевъ приближаютъ исходъ ихъ въ Іерусалимъ. Самое введеніе казенной продажи вина Мотя изображаетъ какъ величайшую несправедливость и по отношенію къ евреямъ, и по отношенію къ русскому народу, котораго прежніе шинкари охраняли де отъ запоя, разбавляя ядъ „большою водой“. Мотины соображенія не лишены остроумія, но нѣсколько рискованны въ томъ смыслѣ, что иной наивный читатель и самого г. Юшкевича, не снабдившаго ихъ отъ себя никакими коментаріями, заподозритъ, пожалуй, въ апологіи довольно таки низкопробнаго мошенничества.

— Въ городѣ идетъ такой плачъ, что отъ него можно сойти съ ума!—утѣшаетъ Мотя оставшихся на бобахъ кабатчиковъ.— Что монополія убила людей, что даже вотъ эта собака, что пробѣжала по улицѣ, повѣритъ, но эта самая собака не повѣритъ, чтобы люди не могли жить безъ кабака. Къ чему эти слезы, этотъ плачь, кого онъ разжалобитъ, чему онъ поможетъ? Будьте евреями, не ропщите, ищите выхода... можетъ быть въ этомъ начало нашего исхода. Мучьте, топчите, давите насъ, не давайте намъ вздохнуть, сгоняйте насъ въ одну кучу, чтобы мы были ближе другъ къ другу, человѣкъ любитъ кнутъ, а мы, евреи, держимся только благодаря ему. Мы принадлежимъ къ тѣмъ людямъ, для которыхъ добро есть зло, а зло есть добро Пусть, сохрани Богъ, начнутъ насъ жалѣть, то мы погибнемъ отъ перваго до послѣдняго, ибо самый худшій врагъ нашъ это покой. Весь секретъ нашей долгой жизни это то, что нигдѣ и никогда намъ не давали жить. Весь умъ, весь вкусъ нашей исторіи лежитъ въ этомъ. Кнутъ вездѣ сѣкъ наши плечи, будилъ насъ, былъ нашимъ спасителемъ, нашимъ мессіей... Но еще лучше нашей исторіи бѣдствій, это наше высокое назначеніе. Мы, евреи — нація священниковъ, которымъ было дано разнести по всему міру мысль о единомъ Богѣ, ученіе свѣта и добра, и мы это велѣніе уже совершили. Единаго Бога призналъ весь міръ и больше здѣсь намъ нечего дѣлать. Теперь наступаетъ время вернуться домой послѣ большой войны и мы вернемся, какъ побѣдители.

Мысль, что введеніе монополіи— жестокая и безчеловѣчная мѣра гоненія противъ евреевъ и что она послужитъ началомъ исхода въ Палестину немного курьезна, равно какъ и обращенная къ кабатчикамъ проповѣдь о томъ, что они—нація священниковъ, разнесли по всему міру

Digitized by Google

ученіе свѣта и добра, но за то въ Мотиныхъ ораторствахъ объ историческомъ значеніи кнута и въ увѣреніяхъ, что не единымъ кабакомъ живъ человѣкъ—много бодраго призыва.

Въ этомъ разсказѣ г. Юшкевичъ дерзнулъ взять героями кабатчиковъ. Ни одному изъ русскихъ авторовъ читатели навѣрное не простили бы подобнаго сюжета. Попробуй Успенскій или Златовратскій трагически изображать тяжелыя для новгородскихъ и московскихъ кабатчиковъ послѣдствія винной монополіи, всякій бы пренебрежительно сказалъ: „нашелъ кому сочувствовать"! и самыя душераздирающія картины раззоренія деревенскихъ цѣловальниковъ назвалъ бы просто моромъ піявокъ и міроѣдовъ. У Юшкевича получается совсѣмъ иной эффектъ. Въ его патетическомъ изображеніи закрытіе кабаковъ пріобрѣтаетъ характеръ настоящаго общественнаго бѣдствія. „Кабатчики,—живописуетъ авторъ,—убили всякую торговлю. Они бросались къ лавкамъ и раззоряли себя и коренныхъ лавочниковъ; бросались къ хлѣбу и раззорялись, раззоряя другихъ. Конкурренція горѣла въ городѣ и сжигала всякаго, кто начиналъ дѣло. И получилась такая картина ужаса и горя, что, казалось, городъ обратился въ кладбище и люди мертвыми падали на улицахъ какъ во время эпидеміи". Правда, падающіе на улицахъ мертвецы только мерещились г. Юшкевичу, но несомнѣнно, что многимъ отъ питейной реформы дѣйствительно пришлось солоно и горько. Пугающій вопросъ: куда дѣваться цѣлымъ тысячамъ выброшенныхъ изъ за прилавковъ людей, ни къ какой работѣ не приспособленныхъ сразу переполнившихъ черезъ край всѣ отрасли торговли и посредничества, обремененныхъ дюжинами дѣтей?—невольно охватываетъ самаго строгаго, жестокосерднаго и стоическаго читателя. Въ черномъ трудѣ они спасенія не ищутъ и не находятъ. Раззорившійся кабатчикъ-міроѣдъ г. Засодимскаго на худой конецъ будетъ пахать землю или таскать кули, а передъ изгнаннымъ изъ водочной торговли кабатчикомъ г. Юшкевича стоитъ грозная дилемма: или „дѣло" (въ смыслѣ какого нибудь выгоднаго предпріятія) или смерть, голодная смерть съ цѣлой семьей. Кабатчикъ Геймонъ изъ силъ выбивается въ поискахъ за „дѣломъ", обѣими руками держится за свой ничтожный капиталецъ въ триста рублей, дающій надежду на какую нибудь аферу, и чуть не голодаетъ съ больной женой въ сыромъ подвалѣ, теряя дѣтей, гибнущихъ отъ дифтерита.—Можетъ быть вы и правы, говоритъ онъ утѣшающимъ его философскими разсужденіями друзьямъ, но

„у меня всетаки больная жена, очень больная жена, 6 маленькихъ дѣтей и всего триста рублей. Я таки здоровъ какъ быкъ, но вѣдь у меня все таки больная жена и 6 маленькихъ дѣтей и всего 300 рублей. Развѣ я могу рѣзать изъ себя куски и продавать ихъ, какъ свѣжее мясо? Ахъ, если бы вы могли посмотрѣть на мой мозгъ, то увидѣли бы, какой онъ уже больной измученный. Я думаю, думаю и все таки у меня больная жена и 6 маленькихъ больныхъ дѣтей и всего—всего 300 рублей".

Это—горькая пѣсня горя и нищеты съ тремя стами рублей въ карманѣ, баллада Томаса Гуда, переложенная въ русскую прозу и на еврейскіе нравы.

Замѣчательно, что бытъ мелкой еврейской буржуазіи г. Юшкевичъ рисуетъ тѣми же мрачными красками, какъ и бытъ послѣдняго рабочаго. Тотъ же коллоритъ безнадежности, напряженной борьбы и унынія. Бывшій богачъ съ запутанными дѣлами, Розеновъ съ утра рыскаетъ по городу въ поискахъ за деньгами и аферами вмѣстѣ съ тысячами шныряющаго, вынюхивающаго и алчущаго еврейскаго люда.

„Есть ли у этой братіи радости, смѣется ли она когда нибудь?—спрашиваетъ онъ себя.—Есть, но что за радости, что за смѣхъ! Родится кто нибудь—это радость, но радость на заботѣ, какъ кусокъ здороваго мяса на гніющемъ тѣлѣ, ибо завтра

Digitized by Google

же съ новорожденнымъ появится новая тревога: какъ удѣлить для лишняго рта изъ того, чего не хватало для старыхъ? Женится кто нибудь—радость, смѣхъ, но на завтра молодой мужъ уже начинаетъ думать, полосуя лобъ морщинами, гдѣ бы ему побольше заработать для новаго рта? Обзаведется кто нибудь дѣломъ—радость—но и новоселіе уже отравлено мыслью: пойдетъ ли дѣло, не обманулся-ли? и сердце начинаетъ бить тревогу, не давая минуты отдыха для надежды. Нѣтъ настоящаго смѣха, нѣтъ и радости, ибо всюду много ртовъ, всюду хотятъ хлѣба, всюду нищета и зависть и *ненасытное желаніе*, ибо эти люди никогда въ жизни не были еще сыты, всюду есть недостатокъ, ибо *всѣ сосутъ соки изъ одного высохшаго дерева, уже уставшаго кормить*, и возлѣ каждаго, протянувшаго руку, стоитъ его ближній, такой же несчастный, съ раскрытымъ ртомъ и острыми зубами.. Нѣтъ веселья, нѣтъ настоящей радости".

Какое правдивое и сильное изображеніе истиннаго положенія современнаго еврейства съ легкимъ намекомъ на соціальные источники переживаемой имъ драмы! Маклеръ, живущій куртажами, мелкій торгашъ съ капитальцемъ, сытый случайными доходами съ рискованныхъ операцій, вчерашній шинкарь,—все это мученики своего собственнаго хищничества, пролетаріи капитала, люди зависимые отъ случая, безъ сколько нибудь опредѣленнаго будущаго. Въ сущности каждый изъ нихъ еще менѣе счастливъ и обезпеченъ, чѣмъ пролетарій труда—Іерохимъ. Надъ ними отяготѣли злыя стихіи, убившія въ ихъ сердцахъ какія то великія нравственныя начала, дающія право находить въ себѣ самомъ, въ своихъ силахъ и въ своемъ трудѣ прочную основу для существованія своей семьи и бодро ожидать завтрашняго дня безъ всякой зависимости отъ тающаго трехсотрублеваго сбереженія. Аниска жалуется, что онъ не знаетъ никакого дѣла, кромѣ торговли водкой, Нухимъ боится, что „у евреевъ отнимутъ пшеницу", т. е. путемъ сокращенія посредничества лишатъ ихъ возможности „зарабатывать" на хлѣботорговлѣ, Давыдка видитъ спасеніе въ открытіи трактировъ „потому что горячая вода ничего не стоитъ, а за нее онъ будетъ брать по 8 к. съ чайника", Мотя кричитъ, что гибель людей, оставшихся безъ доходовъ—пустяки, „главное же—это ходъ Божьей воли, которая совершается въ тысячелѣтіе и черезъ милліоны людей". И эти опасенія, и эти надежды выбитыхъ изъ колеи кабатчиковъ рисуютъ картину полной духовной растерянности и глубокаго соціальнаго вырожденія еврейской среды. Въ самомъ дѣлѣ, кого можетъ примирить, направить и наставить мрачная Мотина мистика, благословляющая на страданіе и погибель? Люди рождаются не для смерти, а для жизни и должны твердо знать, какъ и чѣмъ нужно жить, безъ ущерба для окружающаго, не превращаясь въ паразитовъ, живущихъ чужими соками—„соками засыхающаго дерева, уставшаго кормить". И вотъ такого то указанія имъ не даетъ ни авторъ, ни Мотя, ни сама жизнь. У нихъ нѣтъ ни философіи, ни религіи, въ смыслѣ опредѣленнаго жизнеученія... Дѣти имѣютъ большого Бога—иронизируетъ одинъ скептикъ, табачникъ Эли. Положимъ, Богъ—глуховатъ, но кто думаетъ, что онъ не глухой, пусть молится ему". Отъ такой ироніи уже одинъ шагъ до полнаго безвѣрія. Когда Аниска и его жена Маня рыдаютъ надъ умирающимъ отъ дифтерита Абрамчикомъ и обреченнымъ на смерть малюткой Шаеской, тотъ же Эли утѣшаетъ ихъ словами еще вядшаго и горшаго отчаянія.

—Ну, плачьте, плачьте—тихо шепталъ Эли,—вы должны плакать, но что тутъ Богъ? Аниска, Маня, развѣ не лучше умереть теперь, пока онъ не выпилъ все горе, что даетъ жизнь? Жить въ нищетѣ, безъ помощи, какъ живете вы, жить въ мукахъ, въ горѣ, какъ живутъ всѣ большія тысячи евреевъ, ахъ, Аниска, Маня, лучше смерть теперь, чѣмъ вырости. Плачьте, плачьте несчастные люди, плачьте глазами и только половиной сердца и пусть другая (половина) радуется, что будетъ меньше однимъ евреемъ на свѣтѣ, меньше одной клячей, которая, надорвавшись, умретъ гдѣ нибудь, наплодивъ еще клячъ, которыхъ ожидаетъ та же судьба.

Digitized by Google

Какая страшная молитва смерти надъ задыхающимися и хрипящими въ предсмертныхъ мукахъ еврейскими дѣтьми! Въ другихъ словахъ безъ всякихъ философскихъ обобщеній, но подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ жизненныхъ фактовъ ее повторяетъ и самъ кабатчикъ Гейманъ: „Если бы разверзлась земля и поглотила бы меня съ женой и дѣтьми,—говоритъ онъ,—то я бы благословлялъ и благодарилъ Бога". Умерла идея, дававшая силы страдать и жить, и усталые, надорвавшіеся люди начинаютъ проклинать тяжелую ношу жизни и не имѣя силы нести ее больше, на полдорогѣ приходятъ къ концу своего историческаго пути. Сколько муки, сколько леденящаго ужаса въ духовной смерти цѣлаго народа...

Люди твердаго сердца язвительно иронизируютъ по адресу г. Юшкевича, что нанизывая сцены нужды, дѣтскихъ болѣзней и мукъ, можно заставить весь міръ сочувствовать не только кабатчикамъ, но даже и раззорившимся содержательницамъ веселыхъ домовъ, попавшимся торговцамъ бѣлыми рабынями и пр. и и пр. Но здѣсь въ повѣствованіи о бѣдствіяхъ одесскаго кабатчика мы невольно отзываемся сердцемъ на страданія *человѣка*. Величайшее несчастіе этого человѣка именно въ его полной зависимости отъ судьбы, которая обезсилила и обезкрылила его душу и по жестокому капризу бросаетъ его, куда ей заблагоразсудится. Со всѣми своими пороками и несчастіями онъ—жертва своей исторіи. Главный его порокъ и проклятіе въ томъ, что онъ хочетъ ѣсть и для прокормленія семьи не способенъ ни къ-какому производительному труду, который избавилъ бы его отъ необходимости торговаго или посредническаго хищничества. Правда, быть можетъ несчастія самого своего промысла онъ даже не сознаетъ и вмѣстѣ съ г. Юшкевивичемъ оплакиваетъ только потерю теплаго мѣстечка за кабацкой стойкой, но это лишь вопросъ разумѣнія—не болѣе. За то намъ, глядя со стороны, ясно видна вся нарисованная авторомъ потрясающая картина соціальнаго и духовнаго вырожденія еврейства, и весь ужасъ этой жизни, протекающей въ полномъ затмѣніи какихъ то великихъ завѣтовъ, на которыхъ зиждется жизнь человѣчества на землѣ...

* * *

Въ самомъ дѣлѣ, во что вѣруетъ современный Израиль, если разумѣть подъ вѣрою, конечно, не обрядовую сторону его религіи? Самая яркая представительница ортодоксальной практической мудрости, старая Соня Розенова вѣритъ только въ святость семьи и въ силу денегъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ мужа выпутаться изъ краха съ помощью какихъ нибудь спекуляцій, она кончаетъ тѣмъ, что поджигаетъ свой домъ, населенный еврейской бѣднотой, чтобъ получить высокую страховую премію. „*Когда имѣешь семью, нечего думать о честности*" такова ея разбойническая философія. „Для семьи не существуетъ жертвъ, *все хорошо для нея*"—говоритъ она, впадая въ немножко книжный тонъ. Она—честолюбивая мать. Ей мало того, что бы ея дѣти были только сыты, ей непремѣнно нужно, что бы они „шли въ гору". Ея аппетиты въ этомъ направленіи почти безграничны. Въ изображеніи автора ея хищническій эгоизмъ не производитъ отталкивающаго впечатлѣнія: она приноситъ въ жертву дѣтямъ не только чужіе права и интересы, но и свои собственныя силы, свою кровь, служитъ семьѣ съ истиннымъ самопожертвованіемъ. Она жалуется, что за всю свою жизнь не видала ни минуты счастья и спокойствія, десятки лѣтъ провела въ тревогѣ и борьбѣ „ночей не досыпала, дня не видала", выхаживая одного за другимъ шестерыхъ дѣтей. Во имя семьи она не боится

Digitized by Google

пойти на каторгу, потому что вся жизнь ея, даже въ годы богатства и довольства, была чуть не сплошною каторгою. Дѣйствительно ли такъ тяжелъ подвигъ материнства, возложенный на всѣхъ женщинъ міра, миллiоны которыхъ несутъ свое бремя въ безконечно болѣе тяжелыхъ условiяхъ, чѣмъ кiевская домовладѣлица и коммерсантка Розенова, или же въ ея краснорѣчивыхъ жалобахъ сказывается непомѣрная впечатлительность нервно воспрiимчиваго племени? Остро воспринимаемая своя боль заслоняетъ для нея чужое страданiе, муки тѣхъ людей, которые стоятъ на дорогѣ этой матери—волчицы. Сына, Давида она уговариваетъ бросить беременную дѣвушку, потому что та не. богата. Красавцу Якову ставитъ въ примѣръ для подражанiя его товарища косоглазаго бѣдняка Лейбензона, который

влюбилъ въ себя богатую дѣвушку. Какимъ важнымъ онъ сталъ теперь!—Отчего въ тебя не влюбилась богатая дѣвушка? Въ тебя бы, вѣдь, всякая влюбилась, еслибъ ты захотѣлъ.

Здѣсь уже звучитъ чуть ли не проповѣдь альфонсизма изъ устъ матери.

На всѣ эти жертвы она готова во имя одного идола—денегъ. Въ кучкахъ золота и пачкахъ бумажекъ она видитъ начало и конецъ счастiя на землѣ, идеалъ жизни каждаго еврея.

„Если есть деньги, то сердце никогда не болитъ,—говоритъ она въ душевной бесѣдѣ съ своей прiятельницей Фаней Гольдманъ.—Деньги не допустятъ, чтобы оно болѣло. Мертвому и то нужны деньги. Мертвый нуждается въ богатомъ саванѣ, ему нуженъ дорогой гробъ, ему нужны пѣвчiе, ему нужно, чтобъ много людей шло за гробомъ — иначе его какъ собаку похоронятъ“...

„Деньги можно проѣсть а процентовъ никогда съѣсть нельзя: съѣлъ на одинъ мѣсяцъ, а на слѣдующiй у тебя есть новые, съѣлъ за другой, а уже растетъ на третiй, растетъ лучше травы“ — изрекаетъ она въ другомъ мѣстѣ. „Быть богатой,—*какой другой Богъ нуженъ человѣку*, какая другая сила сильнѣе богатства?“ шепчетъ она на пожарищѣ своего дома, которое должно обогатить ее. „На что человѣкъ нуженъ безъ денегъ!“ вторитъ ей ея своякъ Гедели.

Старикъ Розеновъ, тоже героически несущiй свое семейное тягло, насравненно мягче и какъ-то совѣстливѣе своей жены, но руководящiй идеалъ жизни у него тотъ-же, что и у нея: успѣхъ и нажива. Обладая значительнымъ капиталомъ, онъ мечталъ о большемъ и проигрался на биржевыхъ спекуляцiяхъ. Пробовалъ поправить дѣла торговлею хлѣбомъ — и остался съ заложеннымъ домомъ и съ векселями на шеѣ. Въ эпоху благополучiя онъ обѣщалъ женѣ: „мы съ тобой еще въ каретѣ будемъ ѣздить, Соня“ — и дошелъ чуть не до нищеты. О ѣздѣ въ каретахъ, если вѣрить г. Юшкевичу, мечтаютъ чуть-ли не всѣ евреи, какъ нѣкогда мечтали о землѣ обѣтованной. „Аронзонъ теперь разъѣзжаетъ въ каретѣ“ — съ завистью говоритъ Соня, ставя этого мошенника въ образецъ своему мужу.

„О чемъ мечтаетъ счастливая мать? — спрашиваетъ Роза. О свадьбѣ. Вѣдь я видѣла весь городъ на нашей свадьбѣ. Этотъ большой, красивый залъ, эти важные лакеи въ бѣлыхъ перчаткахъ, эти гости, эти кушанья... У воротъ стоитъ красивая карета, мы вѣдь еще никогда въ каретѣ не ѣздили, Лиза“...

Не только въ буржуазной, но даже и въ рабочей средѣ царитъ та-же вѣра, не въ трудъ, а въ деньги.

— Развѣ это зло, что ты ослѣпъ Iерохимъ— разсуждаетъ его жена Ципка — конечно это зло, я не говорю, и собака тебѣ не позавидуетъ. Но не это главное зло. Если бы Хаимъ ослѣпъ, особеннаго ничего не случилось-бы, Фейга его лечила-бы, такъ какъ Хаимъ оставилъ-бы много денегъ. А ты развѣ приготовилъ что-нибудь?

Значитъ, все горе только въ отсутствiи денегъ. Будь большой капиталъ, дающiй хорошiе проценты, развѣ стоило-бы оплакивать утрату зрѣнiя? Но безъ капитала, безъ про-

Digitized by Google

цента, безъ экономическаго хищничества для бѣднаго еврея нѣтъ спасенія — слѣпой или зрячій онъ все равно неизбѣжно обреченъ на полуголодную нищенскую жизнь и жалкую неумолимую смерть, какъ этотъ несчастный Іерохимъ съ своей трогательно-нѣжной хромой дѣвочкой Ханочкой.

* * *

Въ отношеніи евреевъ къ образованію стремленіе къ богатству и роскоши тоже играетъ едва-ли не главенствующую роль. Старики Розеновы по ночамъ мечтали о блестящей карьерѣ сына Якова.

Спорили и совѣтовались объ улицѣ, на которой поселится докторъ Розеновъ. Произнося „докторъ Розеновъ", они дрожали и задыхались отъ счастья, пламенѣя отъ гордости. Они спорили о количествѣ комнатъ, которыя будетъ занимать докторъ Розеновъ, придется-ли выписать мебель изъ Вѣны.

Кромѣ карьеры, почета и славы, старый Исаакъ, отдавая дань традиціонному идеалистическому взгляду евреевъ на ученыхъ, мечтаетъ, что сынъ его сдѣлаетъ что-нибудь великое для людей, но мать—та всецѣло очарована аристократизмомъ своего блестящаго первенца.

Видѣлъ-ли ты еще у кого-нибудь такія манеры?—шепчетъ она мужу. — Когда онъ ходитъ — все на немъ живетъ: рубашка блеститъ какъ снѣгъ, сюртучекъ какъ-будто-бы онъ въ немъ родился! Только-бы у насъ дѣла поправились, а то онъ замучается на 25 р. заграницей. И кто это только выдумалъ, что тамъ можно жить на 25 р.?

Образованный Яковъ въ этомъ направленіи идетъ еще дальше, чѣмъ его необразованные родители. Рядомъ съ нимъ его отецъ кажется идеалистомъ чистой воды. На вокзалѣ будущій врачеватель огорашиваетъ его такимъ откровеннымъ признаніемъ:

— Почему я ѣду учиться? Потому что докторскій дипломъ даетъ мнѣ возможность хорошо устроиться—и только. Но попробуйте вы предложить мнѣ какую-нибудь службу съ платой по 300 р. въ мѣсяцъ и съ контрактомъ на 5 лѣтъ — я сейчасъ-же плюну на университетъ.

Та, быть можетъ, немножко наивная идеологія, которая жила въ сердцахъ его патріархальныхъ дѣдовъ, изсякла, умерла въ его сердцѣ и замѣнилась развязнымъ цинизмомъ молодого человѣка, свободнаго отъ всякихъ моральныхъ предразсудковъ. За душою у него нѣтъ ничего, кромѣ желанія сладко и комфортабельно пожить въ свое удовольствіе. Докторскій дипломъ ему нуженъ также, какъ отмычка любителю чужого имущества.

Когда приспѣло время отдавать въ учебу четвертаго сына, Исаакъ тоже какъ будто-бы сталъ на точку зрѣнія Якова.

— Положимъ, Мотя уже конторщикъ, — прикидываетъ онъ въ умѣ,—что онъ имѣетъ? Сто рублей, ну, сто пятьдесятъ рублей и стой. До смерти стой. А кто и что его знаетъ?

Такой-же мученикъ какъ и мы. Вдругъ евреевъ начинаютъ высылать, и онъ пропалъ. Ты забываешь гдѣ ты живешь. Этимъ нельзя торговать, тамъ не сиди, здѣсь не живи. А для ученаго все открыто.

Упованія бѣдной Ципки такого-же порядка, хотя несравненно меньшаго масштаба. Она тоже мечтаетъ о томъ, что какой-нибудь изъ ея сыновей будетъ ученымъ.

— А не то отдать мальчика въ контору. Вдругъ у него хорошая голова! И вотъ онъ въ этой конторѣ растетъ и растетъ. Съ какими господами имѣетъ дѣло, даже подумать страшно. И на извощикахъ разъѣзжаетъ, и одѣтъ какъ картинка.. Развѣ тогда нужно будетъ жить въ каторгѣ? Дѣти это—Божій подарокъ, а хорошія дѣти—это сладко, какъ рай.

Ципкина невѣстка, Фейга ближе къ идеалу богатства и съ гордостью говоритъ о своихъ „золотыхъ дѣтяхъ".

— Они знали развѣ хоть капельку заботъ со дня своего рожденія? Они вѣдь у меня, какъ куколки.

Стихійное тяготѣніе всей массы еврейства къ богатству, къ привилегированному положенію и экономическому господству отразилось на всемъ ихъ нравственномъ міросозерцаніи. Въ ломкѣ практической жизни не многое уцѣлѣло въ ихъ сердцахъ изъ старыхъ религіозныхъ

Digitized by Google

вѣрованій. Даже хранительница завѣтовъ, старая Розенова, этотъ трезвый философъ здраваго смысла, по поводу увлеченія Левы идеями сіонизма откровенно говоритъ:

— Наша Палестина тамъ, гдѣ намъ хорошо. Положимъ, мы надѣемся, что черезъ годъ будемъ въ Іерусалимѣ. Но вѣдь это только сказка, и ее разсказываютъ только въ праздникъ. Тутъ отецъ и мать бьются ради дѣтей, ради семьи, а эти мальчишки жалѣютъ всѣхъ евреевъ и не хотятъ пожалѣть своихъ отцовъ и матерей. Это развѣ люди, это выродки какіе-то.

Къ соціальнымъ увеличеніямъ Левы и его товарищей она относится, разумѣется, еще строже и враждебнѣе:

— Для чего ему мужикъ нуженъ, для чего ему рабочій нуженъ? Это *еврейское* дѣло? Развѣ мужикъ его братъ или родственникъ? Или рабочій его братъ"! Рабочій это рабочій мужикъ, это мужикъ, а онъ долженъ знать, что *онъ Лева.* Развѣ они компанія для него? О пьяницахъ душой болѣть, о тѣхъ, кто завтра съ шайкой прійдетъ разорять тебя, о тѣхъ, которые дѣлаютъ погромы! Этому ихъ учатъ въ гимназіи? Когда еврей перестанетъ думать о дѣлахъ, о деньгахъ, онъ уже почти потерянъ; когда онъ начинаетъ учиться, онъ уже не еврей, но онъ еще можетъ существовать. Но когда онъ перестаетъ любить своихъ близкихъ и начинаетъ любить всѣхъ людей, онъ тогда и не еврей и не русскій, онъ хуже мертвеца.

На иноплеменниковъ она смотритъ свысока, но даже соплеменниковъ не пощадила, когда нужно было сжечь ихъ жилища, чтобъ получить большія деньги для спасенія своей семьи. Замѣчательно, что рѣшаясь на поджогъ, она поворачивается лицомъ къ западу и горячо молится „своему Богу", а, свершивъ богомерзское дѣло, восклицаетъ:

„Слава Богу, слава великому Богу!"

Подъ стоны и вопли пострадавшихъ на пожарищѣ постояльцевъ она импровизируетъ цѣлую философію жесткаго хищническаго эгоизма, обнаженнаго отъ всякихъ религіозныхъ прикрасъ.

Здѣсь погибли люди и вотъ они окружили ее, молятъ, стонутъ, — но развѣ она мало выстрадала въ жизни? Пусть каждый думаетъ о себѣ. Пришелъ-ли ей на помощь въ горѣ тотъ, кто унесъ деньги Исаака, проигранныя на биржѣ, на хлѣбѣ? Развѣ надъ ея семьей они не совершили преступленія? Нѣтъ, всѣ отвернулись отъ нея, потому, что она была беззащитная. Зачѣмъ же эти стонутъ? Развѣ не всякій самъ за себя, развѣ не всякій борется со всѣми? Пусть же не жалуются эти, что она сегодня счастлива! Она пожертвуетъ тысячу, другую этимъ бѣднякамъ — что это для нея значитъ теперь? Но за то въ ея домѣ наступитъ миръ, и ея семья по прежнему подниметъ голову. Опять оживетъ Розеновъ, опять услышатъ про его жену, и каждый вездѣ съ честью уступитъ ей первое мѣсто. Если каждый про себя подумаетъ, что Розеновъ поджигатель, то тѣмъ съ большимъ почетомъ, опустивъ голову, онъ дастъ ему дорогу. И оставшіяся дѣти пойдутъ по ея пути и до смерти не будетъ заботъ. Слава Богу, слава великому Богу!

Вотъ во что выродилась на практикѣ въ обстановкѣ современной жизни патріархальная, основанная на исключительности, этика юдоизма!

Розенова характеризуетъ не свое только личное отношеніе къ мошеннической аферѣ, но отношеніе всего дѣловаго еврейскаго общества. Г. Юшкевичъ — суровый обличитель, тѣмъ болѣе страшный, что онъ, повидимому, вовсе не желаетъ обличать. По его безмолвному признанію, еврейство заблудилось въ нравственной тьмѣ, пришло къ какой-то пропасти, изъ которой не знаетъ, какъ выбраться. Старыя традиціи разложились, выродились Богъ знаетъ во что, новыя еще не выработаны. Евреямъ приходится жить безъ нравственнаго завѣта, безъ живой морали. Образованные евреи, если они не идутъ вмѣстѣ съ Яковомъ по пути къ окончательной деморализаціи, заимствуютъ свои нравственные идеалы отъ русской учащейся молодежи и, какъ справедливо замѣчаетъ Розенова, духовно разрываютъ съ своей средой. Единственный живой устой ея, въ который она вѣруетъ, это—семья, но, построенная на слишкомъ хищническихъ началахъ, она неизбѣжно распадается при первомъ столкновеніи съ современными этическими понятіями. Все несчастіе стариковъ Розеновыхъ въ томъ, что они достигли осуществленія

Digitized by Google

своей мечты и дали дѣтямъ образованіе.

— Они весь свѣтъ носятъ въ своей головѣ,—говоритъ Фаня Гельдманъ про получившую образованіе еврейскую молодежь.— Плачьте, молите ихъ, разрывайтесь на куски — и все-таки ничего не поможетъ; они плюютъ на деньги и топчутъ ихъ ногами. Имъ противны наши деньги, наши деньги нечестныя и если вы разскажете, сколько слезъ, и мукъ, и труда было потрачено на то, чтобы нажить эти деньги, они васъ засмѣютъ.

— Несчастіе, Фаня, погибель идетъ на насъ—отвѣчаетъ ей Розенова.—Какъ намъ спастись, что дѣлать? Убить ихъ, убить себя? Но силъ нѣтъ на такое рѣшеніе. Наше сердце разорвется отъ муки, а они будутъ продолжать свое дѣло. Со всѣхъ сторонъ зажжена старая семья. Мы сами подожгли ее, и дѣти доканчиваютъ нашу работу.

Они не щадили ни себя, ни чужихъ для семьи, для дѣтей, а дѣти разбѣгаются во всѣ стороны, и вся семья разсыпается прахомъ.

— Волками вы были въ семьѣ, волками вы и покидаете ее!— съ укоромъ говоритъ Розенова въ страшно неудачной, растянутой на десятокъ страницъ и состоящей изъ діалоговъ сценѣ бредовыхъ видѣній здороваго Давида,—у Якова душа уже не наша, онъ волкъ. Лева съ дѣтства былъ намъ чуждъ. Чужимъ онъ выросъ среди насъ: онъ — волкъ. Всѣ, всѣ вы волки и только напрасны были наши труды! Послушалъ-бы меня Исаакъ — говоритъ она въ другомъ мѣстѣ Якову — и выгналъ бы васъ всѣхъ. Это-бы еще спасло насъ. А то вы раньше всѣ соки высосите, а потомъ бросите. Давидъ — ради той подлой дѣвушки, Лева — ради Михайлова, а ты ради самого себя.

Одна изъ лучшихъ, до тончайшихъ деталей психологически выдержанныхъ въ этомъ разсказѣ сценъ это— проводы Якова за границу для поступленія въ университетъ. Разорванная семейная связь въ моментъ разлуки возстановляется вновь и даже идейно враждующіе братья, Лева и Яковъ, ощутивъ въ прощальномъ поцѣлуѣ теплоту братскихъ устъ, отдались во власть проснувшагося чувства, могучаго инстинкта крови.

Глубокочестный, но пассивный Давидъ расходится съ родителями главнымъ образомъ изъ за женитьбы на Лизѣ, болѣе сильный и энергичный Лева бросаетъ семью по чисто принципіальнымъ соображеніямъ. Въ его прощальномъ письмѣ къ отцу мѣстами много наивнаго, чисто юношескаго доктринерства (напр., въ разсужденіяхъ о семьѣ, какъ отжившемъ институтѣ), но по конструкціи повѣсти это нисколько не мѣшаетъ ему выступить въ роли провозвѣстника исхода для всего интеллигентнаго еврейства, въ качествѣ проповѣдника новыхъ общественно-этическихъ началъ.

Я видѣлъ — пишетъ Лева отцу — что ты страдалъ отъ того, что у тебя не было кареты, между тѣмъ какъ сотни рабочихъ ходили безъ хлѣба. Ты бросалъ на насъ тысячи и готовъ былъ сожрать весь міръ, въ то время, когда тамъ въ глубинѣ шла безпощадная война изъ за куска хлѣба, и я спрашивалъ себя: кто платитъ за наши удовольствія, за нашу роскошь, за наше ничегонедѣланіе? Ты въ худшее время проживалъ не менѣе 2—3 тысячъ въ годъ, а внизу, въ массѣ живутъ на 80—100 р. и такъ живетъ большинство. Долженъ-ли я остаться съ тобой наживать тысячи, загребать ихъ рядомъ съ тобой или работать въ пользу народа, которому я обязанъ всѣмъ, у котораго ты отнималъ его добро только потому, что онъ безпомощенъ, что его никто не хотѣлъ защитить? Ему я посвящу свои силы, свои знанія, свой трудъ. Но какъ-же съ тобою отецъ? Если твое благосостояніе упадетъ на столько, что ты приблизишься по своимъ нуждамъ къ народу, я буду возлѣ тебя, буду бороться и за твое счастье, какъ за счастье народа; это единственно возможный случай уплаты моего долга.

Наивный мальчикъ прямолинейно рѣшаетъ семые сложные и запутанные нравственные вопросы съ помощью простыхъ ариѳметическихъ формулъ и разсчетовъ: буду молъ возлѣ тебя, если твой доходъ понизится до 80 р. въ годъ, да и тогда не обѣщаетъ посвятить свои силы поддержкѣ отца, а сулитъ только „бороться за его счастье, какъ за счастье народа“. Эти анибаловы клятвы юности цѣнны не столько какъ положительныя рѣшенія, — Богъ вѣсть еще что выйдетъ изъ нихъ въ жизни,—сколько какъ проявленіе глубокаго нравственнаго протеста представителя молодой еврейской интеллигенціи противъ всего склада жизни, стремленій и алканій

Digitized by Google

еврейства. Что сильнѣе: Левина, покамѣстъ еще чисто книжная, мораль, смѣло предающая проклятію дѣятельность отцовъ, или же сама жизнь, направляющая силы его старшаго брата совсѣмъ въ другую сторону? Восемнадцатилѣтній юноша все написать можетъ, но его слова мало что предопредѣляютъ даже въ его собственномъ будущемъ, а не только въ будущемъ всего народа.

Пойдетъ ли еврейская молодежь по стопамъ космополита Левы, котораго мать называетъ выродкомъ, послѣдуетъ ли въ своемъ дальнѣйшемъ развитии за красавцемъ Яшей или же наконецъ, сумѣетъ отыскать какіе нибудь новые пути и исходы, ведущіе не къ духовному разрыву съ роднымъ народомъ, а къ нравственному возрожденію его, какъ нашли сіонисты, проповѣдующіе возвратъ евреевъ къ землѣ, къ черному земледѣльческому труду? Къ сожалѣнію, этихъ послѣднихъ движеній еврейской интеллигенціи авторъ совершенно не коснулся. Рядомъ съ новаторомъ Левой онъ далъ только нѣсколько яркихъ типовъ мелкихъ мѣстечковыхъ философовъ и ораторовъ. Всѣ они болѣе или менѣе ясно чувствуютъ безысходность современнаго положенія еврейства, но не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, какую роль играетъ здѣсь внутренній духовный кризисъ, переживаемый евреями. Они ищутъ исхода и не могутъ найти его. Темнымъ людямъ не по силамъ разрѣшить грозную задачу, они изнемогаютъ подъ тяжестью своей духовной ноши, но въ концѣ концовъ это неустанное броженіе мысли не можетъ быть безплоднымъ и когда-нибудь выведетъ евреевъ на вѣрную историческую дорогу.

Нація, такъ много давшая міру въ области религіознаго творчества, не можетъ навѣки застыть въ умственной неподвижности, въ безнадежномъ созерцаніи своего духовнаго и моральнаго банкротства. Изъ того религіозно-философскаго родника, который не перестаетъ бить и сочетаться въ самыхъ глубокихъ нѣдрахъ еврейской психики, рождаются такіе изумительные типы, какъ маленькій Спиноза, чахоточный мальчикъ Гершеле, задумывающійся надъ каждымъ явленіемъ жизни. Все вызываетъ въ немъ безконечный рядъ вопросовъ, неразрѣшимость которыхъ больше мѣшаетъ ему жить, чѣмъ даже злая чахотка. Поэтическій образъ нѣжнаго мальчика, умирающаго съ чувствомъ неразгаданной тайны жизни, прекрасно сопоставленъ съ образомъ дряхлаго, пережившаго всѣхъ своихъ дѣтей и внуковъ, почти лишь механически живущаго, прадѣда. По лаконической краткости, отсутствію повтореній, положительно портящихъ повѣсть „Распадъ", и тонкой художественной обработкѣ это лучшій разсказъ сборника.

Къ недостаткамъ Юшкевича, какъ начинающаго автора, слѣдуетъ отнести прежде всего излишній пафетизмъ выраженій. И въ его герояхъ, и въ немъ самомъ чувствуется типичная національная черта еврeвъ, способныхъ необыкновенно глубоко и жгуче ощущать свою боль, такъ глубоко, какъ, вѣроятно, ни одна нація въ мірѣ. Естественнымъ послѣдствіемъ такой гипертрофированной воспріимчивости является нѣкоторая преувеличенность тона, чрезмѣрность въ выраженіяхъ скорби и муки, переходящая иногда въ риторическую крикливость. Со страницъ его книги несется сплошной стонъ и скрежетъ зубовъ, крикъ льющейся крови, изступленные вопли раздираемаго на куски живого мяса. Вмѣсто объективнаго художественнаго описанія, улавливающаго мѣру и взаимную пропорціональность вещей, получается страстная лирика, не всегда захватывающая читателя. Напр., въ описаніи поджога цѣлыя страницы испещрены такими фейерверочными періодами:

Въ этой угрюмой тишинѣ подъ свистъ и *крики разыгравшагося вѣтра* (?), это оди-

нокое существо, слившееся съ темнотой, страстно плакало о настоящемъ, плакало о будущемъ, безъ словъ умоляя о помощи, о сожалѣніи, чтобы шаги ея направились къ добру, къ хорошему... И это красное горящее несчастіе, угрожавшее смертью мирно спавшимъ людямъ, эта слѣпая, *неподкупная огненная гроза*, разыгравшаяся надъ головой ни въ чемъ неповинныхъ бѣдняковъ, насильно заставляла думать о той божественной справедливости, по которой невинные обязаны искупить грѣшныхъ и т. д. и т. д.

Такъ сильно и заковыристо выражается самъ г. Юшкевичъ, а его дѣйствующія лица такъ и сыплютъ гиперболами. У нихъ то и дѣло „высыхаетъ мозгъ" „кровь вмѣсто пота выступаетъ на тѣлѣ отъ страха и усталости", одинъ жалуется, что отъ него „скоро уже ничего не останется", другой увѣряетъ, будто въ головѣ у него шумитъ сто мухъ и т. д. Дѣло доходитъ даже до того, что если вѣрить г. Юшкевичу, во время наступившаго въ Кіевѣ коммерческаго промышленнаго кризиса

только и видно и слышно было, что эти люди вырывали свои сердца, выбрасывали въ Божій міръ, чтобъ не пропала неразслышанной ни одна жалоба, чтобъ не потерялась ни одна капля страданія.

Зачѣмъ такія кровавыя аллегоріи? Жизнь такъ богата ужасами, что самая скромная передача реальныхъ фактовъ способна потрясти каждаго. Несравненно болѣе сильное впечатлѣніе получается, напримѣръ, отъ совершенно простыхъ и даже нелѣпыхъ и безтолковыхъ выкрикиваній растерянной Ципки, когда она напустилась на слѣпнущаго Іерохима:

— Не смѣй, не смѣй — ты не долженъ быть слѣпымъ! Я не пущу тебя. Ты не долженъ. Когда у человѣка восемь душъ дѣтей, онъ не долженъ быть слѣпымъ. Онъ долженъ видѣть и хорошо видѣть! Ты этого не знаешь развѣ? Богъ мой! Богъ!

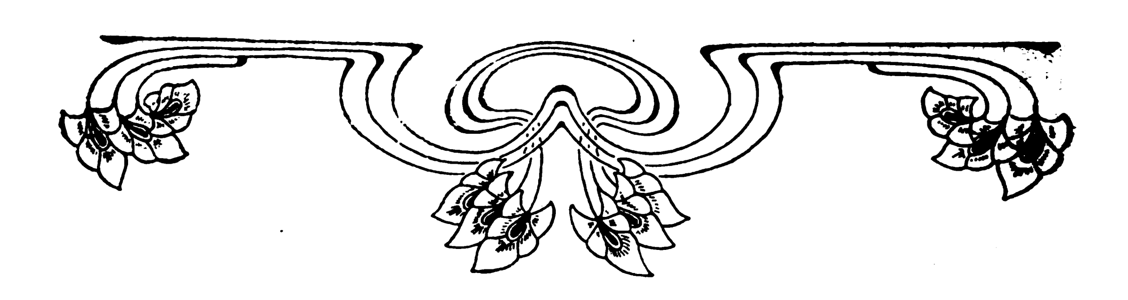
Реторическіе грѣхи и увлеченіе значительно сглаживаются въ послѣдней повѣсти г. Юшкевича „Ита Гайне" изъ міра кормилицъ, гибнущихъ въ большомъ городѣ, не то въ Берлинѣ, не то въ Варшавѣ — хорошенько не разберешь. За предѣлами національныхъ сюжетовъ его письмо становится несравненно спокойнѣе, горизонтъ шире, воздѣйствіе на душу читателя глубже и сильнѣе. Здѣсь онъ далъ цѣлую серію бытовыхъ и психологическихъ картинъ, потрясающихъ дремлющую совѣсть сытаго культурнаго общества своей бичующей правдой. На нашихъ глазахъ прекрасная и чистая по натурѣ, Ита Гайне, нѣжно любящая своего младенца, постепенно, шагъ за шагомъ подъ гнетомъ неотвратимыхъ обстоятельствъ, превращается въ профессіональную мамку, въ двуногую дойную корову, предназначенную для выкормки дѣтей безгрудыхъ и худосочныхъ женщинъ богатаго класса.

Довлѣющія надъ ней неумолимыя и злыя соціальныя силы убиваютъ въ сердцѣ женщины первозданный инстинктъ материнства. Мы видимъ, какъ умираютъ въ невѣроятной грязи, безъ ухода и присмотра, дѣти нашихъ мамокъ, молоко которыхъ перекупили для своихъ дѣтей, видимъ всю чудовищную обстановку этихъ организованныхъ пріютовъ дѣтоубійства, на которомъ зиждется наше семейное благополучіе. Не только эти несчастныя женщины, но вмѣстѣ съ ними и пользующееся ими общество, и вся современная культура живо рисуются намъ въ этомъ талантливомъ разсказѣ на самомъ днѣ нравственнаго паденія, несравненно болѣе глубокомъ и реальномъ, чѣмъ то, которое пытался изобразить въ своей пьесѣ Максимъ Горькій. Здѣсь совсѣмъ нѣтъ резонерствующихъ героевъ, никакой теоретической отсебятины, есть только обнаженная отъ лжи горькая и неподкрашенная правда жизни, воспринятая и переданная со всею непосредственностью человѣка, чтущаго въ своемъ ближнемъ образъ и подобіе Божіе. Въ этомъ очеркѣ сказываются здоровыя демократическія тяготѣнія г. Юшкевича огромной силы и глубины. Они открываютъ передъ нами безгранично

Digitized by Google

широкіе горизонты строгой нравственной критики всего современнаго буржуазно языческаго строя жизни и просвѣтляющаго художественнаго творчества. Несмотря на мелкіе недостатки въ самыхъ пріемахъ письма,—напр., на замѣну описанія рѣшающихъ моментовъ нравственной эволюціи Иты простымъ пересказомъ отъ лица автора, горькая повѣсть ея паденія достойна занять мѣсто въ нашей классической литературѣ, въ которой вопросы личной и общественной совѣсти всегда играли первенствующую роль.

И. Гофштеттеръ.

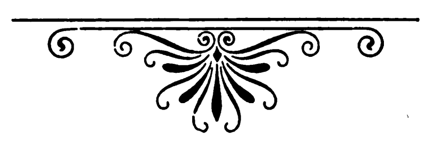
Послѣдняя майская ночь.

Не даромъ соловей свисталъ въ густой сирени,
И слали ароматъ весенніе цвѣты,
А ночь была полна незримыхъ чаръ и лѣни...
Не даромъ вѣтерокъ нашептывалъ мечты...

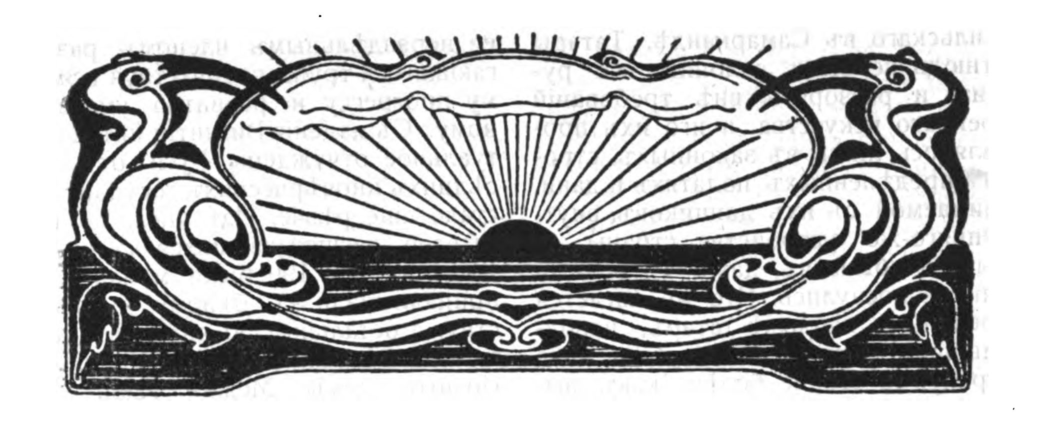
Проснулись на душѣ забытыя надежды,
Запѣли тихій гимнъ умолкшія мечты...
На встрѣчу счастія мои открылись вѣжды,
И въ сердцѣ зацвѣли священные цвѣты.

И былъ тѣмъ призракамъ, тѣмъ снамъ самообмана
Я безъотчетно радъ, и грезилъ, и любилъ...
Какъ грезилъ въ эту ночь, подъ саваномъ тумана,
Мечтатель соловей, что счастье мнѣ сулилъ.

Мечтатель.

Digitized by Google

Происхожденіе современной Россіи.

Иванъ Грозный.

Историческій очеркъ К. ВАЛИШЕВСКАГО.

(Продолженіе).

III.

Причины слабости и медленности развитія.—Умственная жизнь и ея теченія.—Литература.—Искусство.—Новое движеніе.

Монголы долгое время считались виновниками слабаго и медленнаго движенія развитія Руси; говорили, что татары встали преградой между этой страной и цивилизаціей Западной Европы, произведя внезапную задержку въ ходѣ ея развитія. Долгое время это заблужденіе раздѣлялось всѣми, но теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что Монголы нисколько не препятствовали монахамъ въ монастыряхъ заниматься письменностью и книжнымъ дѣломъ.

Судя по успѣхамъ, какое сдѣлано образованіе въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, предшествовавшихъ татарскому погрому, трудно предполагать, чтобы эти успѣхи могли быть болѣе замѣтны и значительны въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій. Очевидно, главной и основной причиной застоя въ развитіи были не Монголы, а самый народъ, который въ то время не чувствовалъ никакой потребности въ болѣе высокой культурѣ. Слѣдуя по стопамъ своихъ дѣдовъ, русскіе люди вполнѣ довольствовались возможностью свободно читать и понимать священныя книги и ничего болѣе не желали.

Кромѣ того, новѣйшими изслѣдованіями доказано, что Монголы были далеко не такими дикими Азіатами, какими мы привыкли себѣ представлять Батыя и его соратниковъ, Суботая и др... Первоклассные стратеги и удивительные организаторы, они уже тогда являлись достойными представителями той цивилизаціи, которая менѣе вѣка спустя поразила пословъ Генриха Ка-

Digitized by Google

стильскаго въ Самаркандѣ. Татары отнюдь не были склонны все рушить и раззорять внѣ требованій военнаго искусства, и иго ихъ проявлялось лишь въ законныхъ, строго опредѣленныхъ податяхъ и дани, взимаемой съ ихъ данниковъ, внутренняго-же устройства страны, ея быта и обычаевъ, даже ея религіи они не коснулись. Что же касается преданія о наплывѣ татаръ, наводнившихъ будто бы собою всю страну, то это не болѣе, какъ вымыселъ напуганнаго народнаго воображенія, вещь невозможная уже вслѣдствіи одной малочисленности татаръ, доказанной теперь всѣми. Суботай побѣждалъ повсюду съ очень незначительными и малыми силами, но крайне подвижными, рѣшительными, смѣлыми и увѣренными въ себѣ и своихъ превосходныхъ вождяхъ, хорошо обученными въ военномъ ремеслѣ, привычными и превосходно вооруженными по тогдашнему времени.

Мало того, какъ оказывается теперь, Батый во время нашествія не нашелъ на Руси ничего, кромѣ тѣхъ же развалинъ, полнаго раззоренія страны и распаденія государства, уже совершенно чуждаго всякаго общенія и близости съ Европой и Европейской культурой. Со времени Ярослава Мудраго (1016—1054), выдавшаго свою сестру за Казимира Польскаго, а дочерей— одну за короля Венгерскаго, другую—за короля Норвежскаго, и третью— за Генриха I Французскаго, попытки породниться съ государями другихъ странъ уже не повторялись.

Со времени паденія Кіева въ 1169 г. не отъ руки татаръ, а другихъ азіатовъ, русскіе удѣльные князья старались одинъ передъ другимъ овладѣть древнимъ стольнымъ городомъ Кіевомъ, и междуусобицамъ ихъ не было конца. За этими междуусобицами жители страны не знали покоя, и имъ некогда было подумать о просвѣщеніи. Кромѣ того, зависимость Руси отъ Византіи дѣлала ее нераздѣльнымъ членомъ разлагающагося трупа, препятствуя всякому прогрессу и развитію умственному. Съ паденія Византіи интеллектуальное отчужденіе Руси отъ сосѣднихъ иновѣрческихъ государствъ стало еще рѣзче. Изъ числа 240 писателей, насчитывавшихся къ концу XVII-го вѣка, 190 были монахи, 20 принадлежали къ бѣлому духовенству, а остальные 30 авторовъ почти исключительно писали на религіозныя темы. Между тѣмъ уже въ XIII-мъ вѣкѣ духовенство представляло собою тѣсный замкнутый кругъ, а православіе воспрещало всякое сближеніе или общеніе съ невѣрными, такъ что установился даже обычай, чтобы цари Московскіе умывали руки послѣ аудіенціи, данной иностраннымъ посламъ.

Съ паденіемъ Константинополя на Руси зародилась мысль о независимой, чисто мѣстной православной церкви, основываясь на распространившемся вдругъ повсемѣстно преданіи о пребываніи Апостола Андрея въ предѣлахъ древней Руси, гдѣ онъ будто долго училъ и проповѣдывалъ. Но вмѣсто того, чтобы дать новый толчекъ къ народному просвѣщенію, этотъ фактъ скорѣе повліялъ обратно, такъ какъ къ концу XV столѣтія мы уже не находимъ и слѣда тѣхъ монастырскихъ школъ, о существованіи которыхъ многократно упоминается въ документахъ болѣе отдаленнаго времени, и которое теперь несомнѣнно доказано историками. Въ XVI же вѣкѣ архіепископъ Новгородскій горько жалуется на то, что ему приходится ставить въ священники людей, не умѣющихъ ни читать, ни писать, а иностранные путешественники того времени утверждаютъ, что въ народѣ изъ 10 человѣкъ только одинъ зналъ безошибочно „Отче Нашъ“ отъ начала до конца.

Правда, монастыри по прежнему продолжали собирать книги, и многіе даже имѣли свои довольно обширныя библіотеки, но чтеніе все

Digitized by Google

болѣе и болѣе становилось занятіемъ небольшого числа избранныхъ людей; изъ всеобщаго достоянія грамотность стала настоящимъ познаніемъ, и всякій, знавшій толкъ въ книгахъ, дѣлался книжникомъ, т. е. настоящимъ ученымъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ монастырскихъ библіотекахъ особенно почетное мѣсто занимали книги апокрифическаго содержанія. Въ библіотекѣ Троицкой Лавры въ XVII вѣкѣ насчитывалось по описи 411 манускриптовъ или рукописныхъ книгъ, но ни одна изъ нихъ не знакомила съ классическими памятниками греческой или латинской литературы, а представителемъ философіи въ ней являлся одинъ только Іоаннъ Дамаскинъ. Въ XV вѣкѣ Максимъ Грекъ внесъ нѣкоторый лучъ свѣта въ это стоячее болото, гдѣ до него топтались книжники, не сходя съ мѣста, но и его литературная и научная дѣятельность ограничивалась тѣми же вопросами религіи и нравственности, хотя онъ и умѣлъ представить многое въ новомъ свѣтѣ и своими писаніями, какъ человѣкъ бывалый, нѣсколько расширялъ горизонты.

Существовало преданіе, что уже въ XV вѣкѣ въ Москвѣ, въ кремлевскихъ кладовыхъ хранилось нѣсколько очень рѣдкихъ и цѣнныхъ манускриптовъ свѣтскаго содержанія и даже, на ряду съ многими другими, нѣсколько Еврейскихъ свитковъ и византійскихъ писаній, но, какъ доказали позднѣйшія изслѣдованія и обыски, произведенные въ стѣнахъ кремлевскаго двора въ 1894 г. никакихъ слѣдовъ этой библіотеки не было найдено, хотя, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. что Иванъ Грозный и его предшественники владѣли извѣстнымъ количествомъ цѣнныхъ книгъ обычнаго религіознаго содержанія.

Отъ первобытной, почти дикой независимости, въ которой жилъ Русскій народъ до принятія христіанства, онъ перешелъ подъ гнетъ къ строгой, нетерпимой морали православія, осуждавшаго тогда свободу знанія, свободу творчества и свободу жизни. Православіе считало свободныя науки источникомъ всякой ереси и невѣрія вслѣдствіи свободнаго разсужденія и мышленія, свободное творчество — элементомъ развращенія, а свободу, не подчиненную никакому регламенту, жизнь съ ея радостями, забавами и потѣхами—угожденіемъ дьяволу. И вотъ славные гусляры, эти русскіе барды Кіевской Руси, исчезли безслѣдно, ихъ уже не видно больше на пирахъ княжескихъ; замеръ ихъ свободный порывъ вдохновенія, и на смѣну ихъ явились сухія дидактическія повѣствованія. въ которыхъ не допускалось давать волю пылкой фантазіи.

Главнымъ правиломъ жизни стало воздержаніе и стѣсненіе во всемъ; въ нѣкоторыхъ семьяхъ даже младенцевъ пріучали соблюдать постные дни, не говоря уже о взрослыхъ, отъ которыхъ требовалось даже воздержаніе отъ супружескихъ радостей три дня въ недѣлю, во всѣ праздничные дни и въ теченіе всѣхъ постовъ; словомъ, стѣсненіе и ограниченіе предписывалось во всемъ. На женщину стали смотрѣть какъ на орудіе дьявола; ее боялись, унижали, порабощали, памятуя изреченіе Катона: „Мы правимъ міромъ, но женщина правитъ нами“, и слова Демокрита, который, будучи супругомъ чрезвычайно миньятюрной женщины, любилъ говорить, что онъ избралъ „меньшее зло“.

Видя въ женщинѣ корень всякаго зла, разврата и соблазна, церковь доходила до того, что считала ее нечистой и проклинала заодно съ нею и всѣ виды творчества и искусства, въ которомъ женщина во всѣ времена и у всѣхъ народовъ являлась главною вдохновительницей.

Мало по малу форма и обрядъ замѣнили собою сущность религіи; все сводилось къ соблюденію постовъ

Digitized by Google

и частому посѣщенію храмовъ. Въ тоже время церковная служба, на ряду съ небрежностью служенія и отсутствіемъ истиннаго усердія, становится все сценичнѣе и театральнѣе; все чаще и чаще совершаются крестные ходы, хожденіе иконъ изъ села въ село съ празднествами и гуляньями, вводится церемонія „хожденія на осляти“, „трехъ отроковъ въ печи огненной“ и т. п.

Одновременно съ этимъ, христіанскія преданія, перемѣшиваясь съ языческими вѣрованіями и повѣріями, порождали страшное суевѣріе въ народѣ. Особенно явно сказывается въ этомъ вліяніе финскаго племени, мрачнаго, угрюмаго и суевѣрнаго, фантазія котораго населила всѣ скалы, лѣса, воды овраги и болота грозными, злобными божествами, вездѣ подстерегающими человѣка и внушающими ему только страхъ и ужасъ. Ихъ жрецъ вмѣстѣ съ тѣмъ и колдунъ, такъ какъ только въ колдовствѣ и заклинаніяхъ видитъ онъ спасеніе отъ злыхъ силъ. Въ этихъ заклинаніяхъ проявляется общее всему человѣчеству стремленіе преодолѣть силою своего генія силы природы, но здѣсь, на сѣверѣ Россіи, это великое эмансипаціонное движеніе человѣческаго духа долго оставалось въ зачаточномъ состояніи. Еще въ XVI въ Водской Пятинѣ, нынѣшней Петербургской Губерніи, неселеніе вѣрило въ крылатыхъ змѣй чудовищъ и приносило дары деревьямъ и камнямъ.

Православное духовенство, съ одной стороны, старалось искоренить эти суевѣрія, а съ другой само— поощряло ихъ; составля сонники, толкователи, подтверждая примѣты и допуская даже въ числѣ приближенныхъ царя колдуновъ и скомороховъ, допуская въ ночь на Ивана Купалу, въ Рождественскій Сочельникъ, въ крещенскій Сочельникъ празднества и обычаи, чисто языческіе, гдѣ Богъ и чертъ въ равной мѣрѣ удостоивались вниманія и почета. Правда, въ XVI вѣкѣ остатки суевѣрій наблюдались еще и въ Европѣ, даже въ стѣнахъ самаго Ватикана. Не говоря уже объ астрологахъ, считавшихся представителями науки, всѣ вѣрили во всевозможныя примѣты и предзнаменованія.

Этими суевѣріями долгое время жила и питалась литература, но на Руси у суевѣрій нѣтъ даже и этого оправданія. У русскихъ, можно сказать, въ XIV и XV вѣкахъ вовсе не было самостоятельнаго творчества, а лишь механическія компиляціи. Наиболѣе выдающимся изъ этихъ трудовъ является Степенная-Книга Митрополита Макарія, отличающаяся отъ остальныхъ писаній уже тѣмъ, что авторъ ея пытался установить извѣстную связь между текущими событіями и генеалогіей московскихъ государей и имѣющая нѣкоторую политическую тенденцію. Изъ нея-то Грозный и почерпнулъ мысль вывести свое происхожденіе отъ Кесаря-Августа.

Какъ по внѣшней формѣ, такъ и по внутреннему содержанію своему литература этого времени стоитъ значительно ниже литературы Кіевскаго періода. Мертвыя условныя правила замѣнили силу вдохновенія, и сила искренняго, горячаго чувства не заставляетъ, уже какъ прежде, забывать недостаточную глубину мысли. XIV и XV вѣка не дали ни одной поэмы, а между тѣмъ вѣдь это было время Чаусера, Петрарки и Боккачіо; ни малѣйшаго опыта научнаго или философскаго трактата, когда въ Италіи былъ Галилей, а въ Англіи—Бэконъ.

Въ Россіи не было тогда даже типографскихъ станковъ; все, что печаталось тогда на русскомъ языкѣ, издавалось въ Краковѣ, Прагѣ, Вильнѣ, Тюбингенѣ. Правда, существуетъ народная поэзія, въ которой ярко отразилась личность Грознаго, давшаго, такъ, сказать новый импульсъ народному генію, но въ общемъ эта поэзія живетъ еще традиціями и сохраняетъ основы старой, Кіевской Руси.

Digitized by Google

Два крупныхъ литературныхъ произведенія XVI вѣка, въ которыхъ вылились всѣ понятія и познанія предшествующихъ вѣковъ—это „Домострой“ о. Сильвестра и „Четьи-Минеи“ Митрополита Макарія. Книги подобнаго рода, какъ эта послѣдняя, т. е. „Четьи-Минеи“, иначе говоря, чтеніе на каждый день мѣсяца, съ изложеніемъ жизни и подвиговъ того святого или тѣхъ святыхъ, память которыхъ празднуется въ этотъ день, были не рѣдкостью и въ другихъ странахъ, въ XV вѣкѣ, но затѣя Митрополита Макарія была несравненно грандіознѣе; онъ вздумалъ соединить въ своихъ 12 томахъ „Четьи-Минеи“ — всю литературу своей страны, снабдивъ подробными поясненіями и толкованіями. Тутъ и житія святыхъ (патерики), и писанія Св. Отцовъ, и древній энциклопедическій сборникъ „Пчела“, и книги священнаго писанія, за исключеніемъ, вѣроятно, умышленномъ, книги „Пѣсни—Пѣсней“. До сего времени каждое княжество и каждый городъ имѣли свои особыя святыни и своихъ святителей, Новгородъ зналъ свои, а Москва чтила и признавала свои, — Митрополитъ же Макарій въ своихъ „Четьи-Минеяхъ“ объединилъ ихъ всѣхъ, создавъ общій національный культъ, подобіе того государственнаго объединенія, къ какому стремились и какого достигли цари Московскіе. Но что особенно отличаетъ этотъ огромный трудъ, также какъ и творенія Максима Грека,—это полнѣйшее отсутствіе всякаго критическаго отношенія къ матеріалу, вслѣдствіе чего въ его Четьи-Минеи вкрались житія, совершенно апокрифическія и въ высшей степени дикіе вымыслы.

Митрополитъ Макарій былъ выдающимся писателемъ. Кромѣ „Четьи Миней“ и „Степной Книги“, ему приписываютъ еще и составленіе „Кормчей Книги“, сборника всѣхъ каноническихъ книгъ, монастырскихъ уставовъ и т. д. Сверхъ того, Макарій былъ талантливый ораторъ и хорошій проповѣдникъ.

Что же касается Домостроя, то его главной особенностью является то, что онъ не соотвѣтствуетъ, собственно говоря, ни какой опредѣленной эпохѣ и не предназначенъ ни для какого отдѣльнаго класса населенія. По всѣмъ вѣроятіямъ, основная идея этой книги заимствована о. Сильвестромъ изъ какихъ нибудь прежнихъ Новгродскихъ сочиненій, такъ какъ обычаи, нравы и домашній обиходъ, т. е. семейная жизнь, о которой говорится въ его книгѣ, являются какъ бы отраженіемъ Новгородской жизни и обычаевъ, хотя на всемъ лежитъ, несомнѣнно, московскій колоритъ. Этимъ московскимъ духомъ проникнуты всѣ сборныя части Домостроя. Лично о. Сильвестру, какъ полагаютъ, принадлежитъ только послѣдняя глава Домостроя, гдѣ онъ резюмируетъ все сказанное въ предыдущихъ главахъ и говоритъ объ обязанностяхъ человѣка, добраго христіанина, къ Богу и къ ближнимъ, къ государю и къ своимъ слугамъ и рабамъ. Мужу и главѣ семейства рекомендуется держать всѣхъ въ страхѣ и повиновеніи и не скупиться на наказанія; кнутъ въ его рукѣ есть первый и важнѣйшій аттрибутъ его власти. Глава семейства является не только господиномъ, которому всѣ обязаны повиноваться, но и единственнымъ существомъ, къ которому все относится и отъ котораго все зависитъ. Домострой представляетъ собою не столько описаніе быта и нравовъ, сколько служитъ законодательствомъ для семейной и общественной жизни. Особенно ярко сказывается во всей этой книгѣ ярый матеріализмъ, какъ семейной, такъ и соціальной жизни на Руси, и эта основная двойственность національной этики, граничащей съ одной стороны съ аскетизмомъ, съ другой съ крайней чувствительностью, доходящей до цинизма.

Digitized by Google

Любопытно то впечатлѣніе, которое произвела эта книга, т. е. „Домострой“, на такого просвѣщеннаго славянофила, какъ Иванъ Аксаковъ. Сначала онъ началъ возмущаться и удивляться тому, какъ могло народиться на русской почвѣ такое произведеніе, столь несродное и, можно сказать, даже чуждое русскому духу. „Я прогналъ бы на край свѣта наставника, который-бы вздумалъ учить меня подобнымъ вещамъ“! восклицаетъ онъ, но затѣмъ, припоминая нравы московскаго купечества, вдругъ увидѣлъ, что въ этой средѣ и сейчасъ еще живутъ по Домострою.

Я здѣсь ничего не сказалъ о языкѣ, которымъ написанъ Домострой, но о немъ и сказать нечего: о. Сильвестръ не былъ художникомъ слова, да и вообще существовало ли какое-бы то ни было художество или искусство въ ту пору на Руси?

Литература свѣтская впервые появилась въ перепискѣ Ивана IV-го съ Курбскимъ. Какъ литература, такъ и искусство до этого времени носили исключительно религіозный характеръ и находили себѣ выраженіе въ сооруженіи храмовъ и церквей, въ украшеніяхъ церковныхъ книгъ и письмѣ иконъ. Но интересно прослѣдить, на сколько всѣ эти произведенія искусства являлись выраженіемъ національнаго генія народа. Конечно, художественныя способности и художественное дарованіе русскаго народа не подлежитъ сомнѣнію, какъ онъ успѣлъ это доказать въ послѣднее время. Но если приглядѣться поближе, то этотъ стиль и орнаментъ, которые мы такъ склонны считать національными, не имѣютъ въ себѣ ничего самобытнаго и оригинальнаго. Рисунки шитья на фартукѣ или ручникѣ Тверской крестьянки, красивы и затѣйливы, но рисунки эти не русскіе, а персидскіе; этотъ ковшъ или чаша фигурны и изящны,—но,—увы,—въ нихъ больше индусскаго, чѣмъ русскаго, а Стасовъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1868 г. доказалъ восточное происхожденіе, или вѣрное, сродство и русскихъ былинъ.

Въ русской архитектурѣ съ XI по XVI вѣкъ рѣзко выдѣляются два типа, оба византійскіе; на югѣ это византійское вліяніе особенно ярко и исключительно, на сѣверѣ же, въ Новгородѣ, Владимірѣ и Суздалѣ, архитектура носитъ явные слѣды ломбардскаго, т. е. итальянскаго стиля. Къ этимъ двумъ основнымъ архитектурнымъ типамъ примѣшивались штрихи, схваченные налету со всѣхъ сторонъ горизонта европейской и азіатской жизни, преимущественно же стилей Персіи и Индіи, вслѣдствіе чего получилось что-то среднее между вкусами европейскимъ и азіатскимъ, между стилями западнымъ и восточнымъ.

Зодчество въ Россіи отъ XI-го до XIII-го вѣка было почти исключительно въ рукахъ грековъ, но уже внукъ Мономаха, Андрей, выписалъ архитекторовъ для сооруженія грандіознаго соборнаго храма во Владимірѣ,—изъ Ломбардіи. По его примѣру и другіе князья стали выписывать строителей изъ Грузіи, Арменіи и др. странъ въ томъ числѣ несомнѣнно и изъ Персіи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самый стиль многихъ храмовъ. Начиная-же съ XV-го вѣка, въ Россіи явно преобладаетъ Итальянское искусство, тогда какъ въ XIII вѣкѣ индо-татарское вліяніе ясно сказывалось, какъ въ архитектурѣ, такъ и въ орнаментѣ и всякомъ иномъ извѣстномъ тогда на Руси искусствѣ. Многія детали древнихъ храмовъ какъ будто цѣликомъ заимствованы отъ тибетскихъ памятниковъ, а мелкіе купола съ причудливой металической, иногда пестро раскрашенной обшивкой, живо напоминаютъ знаменитый храмъ Эллора въ Индіи.

Византія, можно сказать, служила посредницей между Азіей и Россіей, при чемъ формы, очертанія и даже мысли могли проникать къ русскимъ самыми разнообразными пу-

Digitized by Google

тями: возьмемъ, напр., сказку про „Бову Королевича", столь излюбленную въ Россіи; она, несомнѣнно, индѣйскаго происхожденія и принадлежитъ къ циклу Сомадева (Somadeva), но самъ Бова Королевичъ — не герой Сомадевы, а одинъ изъ героевъ цикла Карловинговъ. Изъ этого мы видимъ, что индѣйская сказка должна была пройти черезъ западную Европу для того, чтобы, наконецъ, проникнуть въ Россію.

Скажемъ теперь еще нѣсколько словъ о живописи, если существовавшую тогда и сильно развившуюся между XIII и XIV вѣкомъ иконопись можно такъ назвать. Особенно процвѣтала она въ Суздалѣ и Новгородѣ, а образцами имъ служила иконопись первоначально византійская, затѣмъ юго-восточныхъ славянъ, т. е. Сербовъ и Болгаръ, и въ этой то области русское творчество проявило, на сколько оно было къ тому способно, извѣстную долю самобытности, образцомъ которой были иконы Покрова Св. Дѣвы, не существовавшія среди византійскихъ образцовъ, иконы Ивана Воина, Бориса и Глѣба, первоучителей Кирилла и Меѳодія. Кромѣ композицій, эти иконы отличаются и по своему рисунку отъ византійскаго образца,—но,—увы,— отличаются, какъ плохая копія отъ оригинала, т. е. главнымъ образомъ отсутствіемъ умѣнья и знанія техники. Въ XV вѣкѣ, наконецъ, отражается на русскомъ искусствѣ извѣстное нѣмецкое вліяніе, вліяніе великаго реформатскаго движенія и проникновеніе нѣмецкаго духа. Но на почвѣ всего этого подражанія, изъ компиляціи всѣхъ этихъ разнородныхъ вѣяній и формъ создалось-ли въ концѣ концовъ самобытное русское искусство? По признанію людей столь свѣдующихъ, какъ Чадаевъ и Герценъ, еще въ половинѣ минувшаго столѣтія Россія не имѣла ни самобытнаго національнаго искусства, ни литературы, ни науки.

Древніе историческіе памятники строительнаго искусства, напр., Никольскія ворота въ Можайскѣ, Грановитая Палата въ Москвѣ и др., какъ извѣстно, построены итальянскими художниками, а непонятный, непостижимый храмъ Василія Блаженнаго, построенный между 1553 и 1559 г.г., который, по мнѣнію Карамзина, представляетъ собою совершенный образецъ готической архитектуры, а по мнѣнію Мартынова напоминаетъ Аѳинскій Акрополь, тогда какъ Теоѳилъ Готье видитъ въ немъ присѣвшаго на свои лапы пестраго дракона, а Куглеръ — громадую кучу грибовъ, — долгое время считался твореніемъ итальянскаго зодчаго, но теперь эта ошибка всѣми признана, такъ какъ найдены счета строителей, имена которыхъ доказали, что они были русскіе: Барма и Постниковъ. Этимъ разрѣшается та непостижимая для философіи искусства загадка, которая столько времени приводила въ недоумѣніе всѣхъ знатоковъ искусства. При этомъ надо замѣтить, что Василій Блаженный отнюдь не единственное въ своемъ родѣ зданіе. Въ Новомосковскѣ, Екатеринославлѣ и Дьяковѣ встрѣчаются храмы того же типа, и легенда о томъ, будто ихъ (творцы были ослѣплены по приказанію государя, не имѣетъ ни какого основанія, а сложилась по примѣру совершенно аналогичной легенды, относящейся къ изобрѣтателю знаменитыхъ Страсбургскихъ часовъ.

Какъ уже было сказано выше, и для Россіи XV и XVI вѣка реформація и ея сильное движеніе, охватившее всю Западную Европу словно полымемъ пожара, не прошли даромъ. Какъ ни далеко стояла въ сторонѣ тогдашняя Русь отъ всего, что волновало Европу, все же и въ ней сказалось это обновляющее духъ народа движеніе и сказалось прежде всего въ Новгородѣ, этой колыбели и вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднемъ убѣжищѣ традицій сво-

Digitized by Google

бодной мысли и воли. Въ 1376 г. здѣсь были казнены три еретика, сброшенные съ моста въ рѣку, основатели секты „стригольниковъ“, отрицавшихъ всякую духовную іерархію, и вплоть до второй половины XV вѣка напоминавшихъ о себѣ несмотря на то, что офиціально этой секты какъ бы не существовало. Наряду съ этой ересью или расколомъ, народилось на Руси множество различныхъ мѣстныхъ сектъ, ставшихъ впослѣдствіи извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ „Жидовствующихъ“, вслѣдствіе нѣкоторыхъ внѣшнихъ чертъ, заимствованыхъ отъ Евреевъ антиталмудистовъ или Караимовъ, нашедшихъ себѣ убѣжище въ Новгородѣ въ 1471 г. Общее стремленіе всѣхъ этихъ сектъ клонилось къ раціоналистическому отрицанію Троицы, божественности Христа, будущей жизни въ томъ видѣ, какъ ее представляетъ церковь, и къ отрицанію всей внѣшней обрядности Христіанства. Появленіе этихъ сектъ, безъ сомнѣнія, имѣло весьма благотворное вліяніе на русскую православную церковь того времени, вынудивъ ее на многія необходимыя реформы и вызвавъ, вмѣстѣ съ необходимостью борьбы противъ внезапно возставшихъ на нее обвинителей и порицателей, какъ бы новый родникъ религіозныхъ чувствъ и представленій.

Во-первыхъ, они вызвали пересмотръ и исправленіе духовныхъ и церковныхъ книгъ, что и было поручено Максиму Греку, а также и исправленіе монастырскихъ уставовъ и всей монастырской жизни, безпощадно и смѣло заклейменной самимъ Грознымъ въ его посланіи къ монахамъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ 1575 г.

Вотъ въ краткихъ словахъ то, что писалъ Иванъ:

„Воспитанные съ дѣтства въ воздержаніи, вы умираете отъ лишеній; любя Бога, вы чуждаетесь людей; живя въ уединеніи и безмолвіи, вы бѣжите мірскихъ утѣхъ и сладости жизни и убиваете плоть свою власяницами и тяжелыми веригами и подъ тяжестью ихъ сгибаете хребты свои; вы отказались отъ сладкихъ яствъ и житія; отъ воздержанія кожа ваша присохла къ костямъ; вы отреклись отъ всей суеты земной, такъ что изсушили мозгъ и въ непрестанной молитвѣ смочили бороды своими слезами покаянія“.

Наряду съ этимъ ироническимъ посланіемъ мы читаемъ слѣдующее въ предложеніи государя собору 1551 года.

„Монахи и монахини принимаютъ постригъ не ради спасенія душъ, а ради бездѣлія и праздности, ради шатанія изъ села въ село и изъ города въ городъ, утѣхи своей ради... Во всѣхъ монастыряхъ игумены и монахи напиваются до пьяна... въ въ Москвѣ и другихъ городахъ мы видимъ, что они раздѣляютъ свой кровъ и избытки съ мірянами обоего пола... Архимандриты и игумены гнушаются общей трапезы и пиршествуютъ въ своихъ кельяхъ съ гостями... Женщины и дѣвки во всякое время имѣютъ къ нимъ свободный доступъ... монахи и отшельники шатаются по большимъ дорогамъ, безъ всякаго стыда водя за собой юношей и подростковъ“...

И зло это охватило не одно черное духовенство, но коснулось также и бѣлаго. На томъ же соборѣ 1551 года говорилось о священникахъ, правившихъ службу не больше одного раза въ пять—шесть лѣтъ,—служившихъ обѣдни въ пьяномъ видѣ на соблазнъ молящимся, ругавшихся между собою въ самомъ храмѣ и произносившихъ хульныя и мерзкія слова. Были попы, что валялись пьяные на площадяхъ и были всенародно биты кнутами за пьянство и безстыдство. Въ храмы люди входили, не снявъ шапки, и, словно на торжищѣ или на базарѣ, толковали о своихъ дѣлахъ, спорили и ругались во время

Digitized by Google

службы, позабывъ всякое уваженіе къ святынѣ.

Все это, наряду съ обличеніями сектантовъ, не могло не вызвать даже въ самой монастырской средѣ сознанія необходимости иныхъ порядковъ и иныхъ нравовъ. Относительно того, что должно было способствовать возрожденію и улучшенію нравовъ, взгляды были различны. Иванъ Санинъ, въ монашествѣ Іосифъ Волошскій, основатель Волоко-Ламскаго, нынѣ, — Волоколамскаго, монастыря, полагалъ найти спасеніе въ строгомъ соблюденіи древнихъ уставовъ. Какъ типичный книжникъ, совершенно чуждый всякаго критическаго отношенія и преисполненный священнаго уваженія ко всему, что было въ старь, онъ не могъ придти къ иному результату, но не всѣ могли этимъ удовлетвориться. Родившійся въ древней боярской семьѣ Малковыхъ, долго гостившій въ монастырѣ на Аѳонѣ, затѣмъ въ окрестностяхъ Бѣлоозера на рѣкѣ Соркѣ, основавшій скитъ, Нилъ Сорскій также поднялъ свой голосъ, какъ представитель новаго религіознаго движенія. Какъ человѣкъ, много путешествовавшій, много видавшій и очень начитанный, онъ изъ книжника съ узкимъ, ограниченнымъ кругозоромъ превратился въ истиннаго богослова, просвѣщеннаго и свободомыслящаго, признававшаго, что не всякое написанное слово свято и непогрѣшимо, искавшаго въ книгахъ священнаго писанія не одни только тексты и цитаты, а свѣтлыя мысли и источникъ вдохновенія. Такимъ образомъ въ душѣ его создался новый идеалъ монастырской жизни, заключающійся не въ соблюденіи устава, а въ духовномъ возрожденіи и самоусовершенствованіи. Результатомъ такихъ взглядовъ явилось размноженіе скитовъ и отшельничествъ. Вскорѣ вокругъ Нила Сорскаго сгруппировалось нѣсколько сотенъ послѣдователей, которые были извѣстны подъ общимъ названіемъ Заволжскихъ старцевъ, сыгравшихъ весьма важную роль въ религіозномъ движеніи XVI-го вѣка.

Единственнымъ обязательнымъ условіемъ для послѣдователей Нила Сорскаго было соблюденіе обѣта бѣдности, во всемъ же остальномъ каждому предоставлялось работать надъ собой для своего нравственнаго совершенствованія, какъ онъ хотѣлъ и какъ зналъ. Этотъ обязательный обѣтъ бѣдности и нестяжанія вызвалъ рознь, а вскорѣ и окончательный разрывъ между заволжскими старцами и Іосифомъ Волошскимъ и его послѣдователями. Рознь, надѣлавшая много шума въ первые годы царствованія Грознаго, продолжалась даже и послѣ его смерти. Вопросъ о монастырской собственности сталъ между спорящими сторонами, вслѣдствіе чего онѣ и были названы „нестяжателями и любостяжателями“.

Споръ этотъ нашелъ себѣ выраженіе въ литературѣ того времени, при чемъ Нилъ Сорскій нашелъ себѣ горячаго сторонника и защитника своихъ взглядовъ въ лицѣ Вассіана Косого, бывшаго въ міру княземъ Василіемъ Ивановичемъ Патрикѣевымъ—Косымъ. Человѣкъ недюжиннаго ума, тонкій дипломатъ и государственный дѣятель, онъ сталъ монахомъ лишь по приказанію государя, сославшаго его на послушаніе въ монастырь, какъ опальнаго боярина, послѣ славной и блистательной карьеры. Во время своего недобровольнаго пребыванія въ Бѣлозерьѣ Вассіанъ Косой сблизился съ Ниломъ Сорскимъ и смѣло сталъ на сторону нестяжателей. Прирожденный писательскій талантъ и горячее убѣжденіе сразу возвели его на степень выдающагося публициста и полемика своего времени; послѣ смерти Нила Вассіанъ Косой нашелъ себѣ поддержку въ лицѣ Максима Грека, также глубоко возмущеннаго нравственнымъ развратомъ и ставшаго на Руси какъ-бы отголоскомъ Гусситовъ, за что вскорѣ осужден-

Digitized by Google

наго и сосланнаго подобно Вассіану Косому въ 1531 г. Митрополитъ же Макарій, какъ хитрый и ловкій политикъ, все время старался держаться между двумя враждующими партіями. Въ числѣ пострадавшихъ и сосланныхъ въ 1531 г. находился и игуменъ Троицкаго монастыря, Артемій, возставшій противъ „іосифлянъ" (приверженцевъ Іосифа), за то, что они признавали за церковью право казнить еретиковъ. Но въ сущности, какъ заволжскіе старцы, такъ и Іосифляне въ одинаковой степени способствовали возрожденію религіознаго чувства и исправленію нравовъ духовенства и монашества. Однако, къ этому чисто религіозному движенію сталъ примѣшиваться и политическій элементъ. Волошскій былъ завзятый консерваторъ даже въ вопросѣ взаимныхъ отношеній церкви къ Государству: церковь, по его мнѣнію, находясь въ имущественной зависимости отъ Государства, какъ обладательница обширныхъ земель, становилась въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы государственнымъ учрежденіемъ. Заволжскіе же старцы смотрѣли на это иначе. Лично Нилъ Сорскій вовсе не интересовался этимъ вопросомъ со своей, строго христіанской точки зрѣнія, но Вассіанъ Патрикѣевъ не могъ примириться съ полнымъ подчиненіемъ церкви политической власти, безграничной и безконтрольной и, призвавъ на помощь все свое личное вліяніе и весь тотъ престижъ, какимъ пользовались его единомышленники Заволжскіе старцы, создалъ ту оппозицію московскому абсолютизму, которую удалось сломить лишь желѣзной рукѣ Грознаго.

IV.

Физическій и нравственный обликъ.— Женщина. — Семья. — Общество и общественность.

Еще разъ повторяемъ, что завоеватели XIII вѣка не препятствовали цивилизаціи страны, напротивъ, они даже навязали ей отчасти свою цивилизацію и, судя по внѣшности, успѣли привить многое тогдашней Руси. Взгляните только на москвича XVI-го вѣка, вѣдь, онъ, повидимому, съ головы до ногъ одѣтъ по самаркандской модѣ. Башмакъ, армякъ, зипунъ, кафтанъ, шлыкъ, башлыкъ, колпакъ, клобукъ, тафья, темлякъ,—все это чисто татарскія слова. Дуракъ, кулакъ, кнутъ, кандалы, казна, караулъ, кабакъ, ямъ и ямщикъ,—всѣ эти столь распространенныя на Руси слова взяты безъ измѣненія изъ Азіатскаго словаря. Мало того, не подлежитъ сомнѣнію, что наряду съ этой примѣсью татарскихъ словъ къ русскому языку произошла такая же примѣсь татарской крови къ русской, чѣмъ и объясняется столь быстрое усмиреніе и покореніе Руси подъ татарское иго. Несомнѣннымъ доказательствомъ справедливости послѣдняго положенія являлся бы, конечно, самый типъ русскихъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, но, къ сожалѣнію, описанія путешественниковъ въ этомъ отношеніи весьма разнорѣчивы.

Одни утверждаютъ, что „русскіе вообще роста малаго, но сложенія красиваго, сильнаго и коренастаго, лицо имѣютъ очень бѣлое, глаза зеленые, бороду длинную, ноги короткія и брюхо сытое". Другіе же, напротивъ, увѣряютъ, что видѣли въ Россіи только очень рослыхъ мужчинъ и женщинъ и любовались стройностью стана и черными, какъ уголь, глазами Москвитянокъ, ихъ красивыми шеями и миньятюрными ручками и ножками. Дженкинсонъ (Jenkinson) также говоритъ о черныхъ глазахъ, но относительно цвѣта лица происходитъ несогласіе: многіе приписываютъ его только злоупотребленію бѣлилами, румянами, сурьмою и другими косметиками, употребленіе которыхъ Флетчеръ объясняетъ отсутствіемъ природнаго цвѣта лица. Нѣкоторымъ оправданіемъ въ подобномъ разногласіи

Digitized by Google

мнѣній можетъ служить то, что женщинъ путешественникамъ того времени трудно было разглядѣть, сквозь оконцы и завѣсы теремовъ, мужчинъ же—подъ невѣроятнымъ множествомъ одеждъ, которыми обременяли себя знатные люди царства Московскаго.

Прежде всего на голову надѣвалась тафья, парчевая, шитая золотомъ и камнями шапочка или, вѣрнѣе, плоская ермолка. Поверхъ нея надѣвалась высокая шапка, опушенная дорогимъ мѣхомъ. Поверхъ „*рубахи*“ безъ ворота надѣвалось ожерелье, шириною въ три, четыре пальца. На рубаху надѣвалось шелковое „*полукафтанье*“, на него парчевой „*кафтанъ*“ и поясъ, низко спускавшійся спереди. Къ поясу были привѣшены кинжалъ и ложка. Поверхъ кафтана надѣвалась шелковая „*однорядка*“ съ дорогой мѣховой опушью, расшитая на груди и до подола золотыми позументами и галунами, наконецъ, для выхода надѣвался еще „*охабень*“. Кромѣ этого, было еще много другихъ одѣяній, напр., „*кунтушъ*“ и др.

Женскій гардеробъ, конечно, не уступалъ мужскому, причемъ эти многочисленныя одежды также надѣвались одна на другую и отличались роскошью и богатствомъ тканей, золотомъ позументовъ, цѣннымъ шитьемъ и драгоцѣнными камнями и мѣхами, украшавшими ихъ. Подъ всею этой тяжестью парчей, мѣховъ и драгоцѣнныхъ камней московская боярыня съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Таковы были, конечно, костюмы людей знатныхъ и богатыхъ; мужчины же и женщины изъ народа довольствовались весьма скромною одеждой. Лѣтомъ одна рубаха и пара высокихъ сапогъ, зимой двѣ, одна на другую, да кафтанъ или армякъ изъ грубаго сукна, а поверхъ тулупъ изъ бараньихъ шкуръ; для женщинъ же, поверхъ рубахи,—лѣтомъ холщевой, а зимой шерстяной, чаще всего синій сарафанъ и тотъ же бараній полушубокъ, кромѣ того, неизбѣжныя бусы, крестъ на шеѣ да серьги въ ушахъ. Аскетическое направленіе религіи сказывалось и въ одеждѣ женщины. Въ раннемъ возрастѣ, именно до замужества, ей предоставлялось свободно развиваться на глазахъ у своей семьи, но какъ скоро она выходила замужъ, обычай требовалъ, чтобы она скрывала отъ постороннихъ глазъ всю красоту, которою надѣлилъ ее Богъ, и услаждала ею только взоръ своего супруга. Прекрасная коса пряталась подъ кику или повойникъ или платокъ, красивый, стройный станъ скрывали широкія расплывчатыя одежды на манеръ балахоновъ; носить поясъ, обрисовывающій талью, женщина могла только съ сорочкой, т. е. рубашкой, въ которой она не могла показываться на глаза чужимъ людямъ.

Но всѣ эти одежды съ татарскими названьями въ дѣйствительности вовсе не были унаслѣдованы отъ татаръ. Костюмъ московскихъ государей былъ цѣликомъ скопированъ съ византійскаго, а не съ татарскаго, и былъ тотъ же, что носили нѣкогда всѣ государи Европы. Привычку румяниться, бѣлиться и сурмиться русскія женщины также заимствовали изъ Византіи. Княгиня Ольга, ѣздившая въ Царьградъ въ сопровожденіи многочисленной женской свиты, вывезла оттуда и эту привычку, и покрой платья, и уборы. Въ средніе вѣка Константинополь былъ для Европы тѣмъ же, чѣмъ теперь для насъ Парижъ, т. е. столицею роскоши и моды. Но русскія женщины, сопровождавшія княгиню Ольгу въ Царьградъ, вывезли оттуда если не самую кику, то близкое подобіе ея, кокошникъ съ вязами, который носили всѣ русскія княгини и царицы, совершенно подобный тому головному убору, который мы видимъ на изображеніи императрицы нѣмецкой Ѳеофаніи, матери Оттона III. Императоръ Оттонъ съ матерью изображены вмѣстѣ на

Digitized by Google

древней гравюрѣ X-го вѣка, и одѣяніе обоихъ совершенно то же, что у бояръ и боярынь московскихъ въ XVI вѣкѣ.

Какъ всегда вообще, просторныя одежды соотвѣтствовали дородству тѣхъ, кто ихъ носилъ. Праздность и лѣнь, при отсутствіи движенія, какъ это было у знатныхъ и богатыхъ представителей московскихъ привиллегированныхъ классовъ, дѣлали мужчинъ тучными, съ большими, круглыми животами, а женщинъ — рыхлыми, расплывшимися. Но такая наружность въ понятіи тогдашнихъ московскихъ людей считалась красотой. Страсть къ убору и уходъ за красотой тѣлесной, однако, была, пожалуй, единственнымъ проявленіемъ цивилизаціи въ тогдашнемъ высшемъ классѣ, такъ какъ это не мѣшало жить въ грязи и, хлебая похлебку ложкой, всѣ остальныя яства ѣсть руками.

Въ смыслѣ нравственныхъ требованій и понятій русскіе также стояли не особенно высоко, такъ какъ, по словамъ иностранцевъ, ихъ выдающимися чертами были: надменность и шутовство, недовѣріе къ каждому и хвастовство. Они наивно считали себя выше всѣхъ другихъ людей и пренебрежительно относились къ иноземцамъ, охотно много обѣщали, не заботясь объ исполненіи обѣщаннаго, никому не довѣряли ни въ чемъ. Такъ, по словамъ Флетчера, Дженкинсона и Пирсона, „русскій не вѣрилъ ничему, что ему говорятъ, и никогда не говорилъ ничего такого, чему можно было бы вѣрить“. Къ этимъ основнымъ чертамъ прибавляютъ еще жестокость, которая, впрочемъ, объясняется жестокостью обращенія властей и вообще жестокостью нравовъ того времени во всей Европѣ.

Напрасно русскіе историки силились поставить всѣ эти дурныя черты на счетъ монгольскому вліянію, будто бы привившему покоренному народу склонность къ насилію и коварству. Еще за два вѣка до нашествія Батыя Русь не знала покоя отъ междуусобныхъ войнъ своихъ удѣльныхъ князей, а война уже сама по себѣ есть источникъ разврата: она жестока и кровожадна, она не уважаетъ чужую собственность, ея законы противны общимъ законамъ человѣческой нравственности и ученію Евангелія, она отвергаетъ все, что открыто, правдиво и честно, и возводитъ въ доблесть коварство и насиліе, клеймя презрѣніемъ всякое истинно человѣческое чувство, любовь къ себѣ и къ ближнему, милосердіе и состраданіе. Не татары породили на Руси то явленіе, которое соотвѣтствовало рыцарству Западной Европы, поэтизированное разбойничество, сохранившееся въ народныхъ преданіяхъ и воспѣтое бардами. Итакъ, подъ весьма слабымъ, часто внѣшнимъ налетомъ монгольскаго вѣянія мы видимъ несравненно болѣе рѣзкій и глубокій слѣдъ византійскаго вліянія въ жизни, обычаяхъ и нравахъ государства Московскаго. Но теперь уже противъ этого вліянія наступила реакція. Подъ чрезмѣрно тѣснымъ и тяжкимъ давленіемъ аскетизма и физическая, и нравственная природа русскаго народа, наконецъ, возмутились и, вырвавшись на свободу, сбросивъ съ себя это иго, впала въ обратную крайность, въ разгулъ и развратъ полное неуваженіе къ святынѣ и духовенству, а женщина въ тѣхъ случаяхъ, когда ей удавалось вырваться изъ терема, теряла всякій стыдъ.

Такія исключенія изъ общаго правила, конечно, особенно бросаются въ глаза, и на нихъ-то и останавливалось вниманіе иностранцевъ, въ глазахъ которыхъ русская женщина являлась чудовищемъ безнравственности и безстыдства. Но чтобы дать ей справедливую оцѣнку, надо поближе приглядѣться къ ней.

По исконнимъ законамъ и обычаямъ Руси и всѣхъ славянскихъ народовъ, женщина пользовалась скорѣе привиллегированнымъ поло-

Digitized by Google

женіемъ. Даже по уложенію Ярослава, пеня за убійство женщины превышала почти вдвое таковую за убійство мужчины, а ея юридическія права были равны съ правами мужчины. Иванъ Грозный первый дерзнулъ коснуться ихъ, повелѣвъ признавать недѣйствительнымъ завѣщаніе жены въ пользу мужа, заявивъ, что „жена пишетъ то, что ей мужъ прикажетъ“, но и это отнюдь не умаленіе правъ жены, а скорѣе огражденіе ея интересовъ отъ насилія и давленія воли мужа. Но византійскій взглядъ, основанный главнымъ образомъ на чисто языческихъ міровоззрѣніяхъ, затвердивъ афоризмъ, приписываемый Солону: „Мудрый ежедневно благодаритъ боговъ, создавшихъ его грекомъ, а не варваромъ, человѣкомъ, а не скотиной,—самцомъ, а не самкой“,—взглядъ Аристотеля, предоставляющій полныя права гражданину—„распоряжаться участью и жизнью своихъ дѣтей, рабовъ и жены“, искусно сплетясь съ христіанскимъ преданіемъ о грѣхопаденіи первыхъ людей и проклятіи жены,—выродился постепенно въ совершенно дикій взглядъ на женщину, доходившій до того, что въ женщинѣ видѣли низшее существо, источникъ и корень всякаго зла и соблазна, орудіе дьявола и даже считали ее нечистою. Такова византійская Ева. И чѣмъ болѣе она молода и прекрасна, тѣмъ она болѣе нечиста и проклята; даже для изготовленія хлѣбовъ предложенія, т. е. просфоръ, избиралась всегда старая и уродливая женщина.

Какъ средство уменьшенія и ослабленія зла, явилось затворничество. Создались монастыри и теремы, и стали томиться русскія красавицы, боярыни и боярышни за семью запорами, за семью замками въ своихъ теремахъ или въ монастыряхъ. Въ сущности, теремъ былъ тотъ же гаремъ, иначе говоря, тюрьма, ключи которой носилъ при себѣ господинъ и супругъ. Даже въ церковь женщины ходили только въ великіе и большіе праздники, обыкновенно же слушали службу и ходили молиться въ свою домовую молельню, или крестовую комнату. Когда случалось боярынѣ выѣзжать куда-нибудь, то не иначе, какъ въ закрытой колымагѣ, окна которой были затянуты бычачьимъ пузыремъ, и въ сопровожденіи многочисленныхъ слугъ, т. е. челяди, не то стражи, не то соглядатаевъ, какъ бы охранявшихъ ее и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдившихъ за ней и доносившихъ обо всемъ ея господину. Даже ближайшіе друзья боярина лишь въ рѣдкихъ случаяхъ видали боярыню или боярышню; обыкновенно же онѣ появлялись, когда у боярина бывали гости и лишь на большихъ пирахъ или для гостя, котораго желали особенно почтить: по знаку боярина, боярыня спускалась изъ терема и собственноручно подносила гостю или гостямъ золотую чару, а затѣмъ, стоя на почетномъ мѣстѣ у стола, позволяла себя почтительно облобызать гостю или гостямъ.

Но все это велось, конечно, только въ высшемъ классѣ русскаго общества; женщины изъ народа и др. низшихъ классовъ пользовались сравнительно большею свободой и не знакомы были съ теремною жизнью, потому, вѣроятно, что на нихъ смотрѣли, какъ на вьючныхъ животныхъ, на которыхъ ложились всей своей тяжестью всѣ домашнія работы и заботы. Но зато въ праздничные дни эти женщины средняго и низшаго класса, купеческія жены, мѣщанки, горожанки и крестьянки сбирались толпой вокругъ качелей, ларей со сластями и разнымъ товаромъ, гдѣ-нибудь на площади, водили хороводы, пѣли пѣсни и плясали подъ однообразные мотивы русскихъ плясовыхъ. Но церковь осуждала даже и эти невинныя забавы, какъ дьявольскія потѣхи, наряду съ которыми, но уже несравненно опаснѣе, въ смыслѣ народной нравственности, были общественныя

Digitized by Google

бани, въ которыхъ мужчины и женщины часто мылись вмѣстѣ или, если мылись и парились на разныхъ половинахъ, то послѣ того выбѣгали нагіе тѣ и другіе вмѣстѣ кататься на снѣгу или окунуться въ рѣкѣ и, разгоряченные баней, давали полную волю смѣху и шуткамъ, самымъ разнузданнымъ и далеко не тонкимъ и не скромнымъ намекамъ. Это являлось, такъ сказать, реакціей противъ строго аскетическихъ требованій церкви и домашняго быта.

Только вдова, мать нѣсколькихъ сыновей, пользовалась, какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ соціальномъ и даже политическомъ отношеніи полной независимостью и полнымъ равноправіемъ съ любымъ мужчиной. Если же у вдовы не было мужскаго потомства, то ей предстояла сиротская доля, наравнѣ съ убогими и сиротами, которыхъ призрѣвала церковь, такъ какъ община совершенно переставала о ней заботиться. Женщинѣ и дѣвушкѣ оставался, кромѣ замужества и материнства, еще путь подвига и святости, трудный для женщины путь, на которомъ она могла прославиться, но Макарьевскія Четьи-Минеи признали достойными этого вѣнца только двухъ женщинъ, Благовѣрную Княгиню Ольгу и Евфросинію Полоцкую, причемъ надо замѣтить, что обѣ онѣ были княжескаго рода.

Былъ еще другой путь для женщины стать выше опредѣленнаго ей положенія,—путь, открытый даже самымъ старымъ и уродливымъ женщинамъ—колдовство и знахарство и др. Униженная, презираемая, какъ супруга и мать, женщина становилась грозной и уважаемой, какъ колдунья, ворожея или знахарка.

Далѣе, еще въ расколѣ женщина пріобрѣла съ излишкомъ ту первенствующую роль, которой она была такъ несправедливо лишена церковью и обществомъ подъ вліяніемъ византійскихъ вѣяній.

Теперь надо еще упомянуть, какую роль играла женщина въ семьѣ. Въ высшемъ классѣ воспитаніе дѣтей возлагалось на дядекъ, мамушекъ, нянюшекъ, а мать лишалась всякаго вліянія на нихъ. Дѣвушкѣ оставалось только или замужество или монастырь, причемъ въ сущности для боярышни разница была не велика. За исключеніемъ второго брака, который могъ состояться по свободному выбору женщины-вдовы, дѣвушка выходила замужъ по приказанію родительскому почти въ дѣтскомъ возрастѣ, и чуть не до самаго вѣнца юные супруги не знали другъ друга; даже смотрины женихомъ невѣсты не всегда допускались, а чаще возлагались на какую-нибудь родственницу. Послѣ „смотринъ" приступали къ „сговору", причемъ по уговору, вплоть до XV-го столѣтія, женихъ приносилъ отцу невѣсты калымъ, т. е. какъ бы выкупъ, и деньги уплачивалъ чистоганомъ, послѣ чего кто-нибудь изъ близкихъ подавалъ жениху отъ имени невѣсты какой-нибудь подарокъ, затѣмъ ударяли по рукамъ и приступали къ „богомоленію", т. е., такъ сказать, оффиціальной помолвкѣ. Наканунѣ свадьбы въ домѣ жениха устраивался пиръ, женихъ принималъ поздравленія и посылалъ отсутствующей невѣстѣ богатые подарки, ларецъ съ кольцами, ожерельями, серьгами, румяна, сласти и символическій кнутъ, а сваха готовила брачную постель для молодыхъ; обходила трижды вокругъ дома съ вѣткой рябины въ рукахъ, отмахивая злой глазъ, затѣмъ принималась уже убирать самое помѣщеніе, убирая его коврами и собольими мѣхами, символомъ богатства и роскоши; по угламъ разставляли жбаны съ медомъ, затѣмъ вносили образа Спасителя и Божіей Матери и за ними постель.

Прежде всего настилали снопы ржи въ опредѣленномъ количествѣ, смотря по состоянію и общественному положенію молодыхъ супруговъ, затѣмъ накрывали ихъ коврами, перинами и пуховиками; по

угламъ постели ставили четыре бочки съ зерномъ ржи, ячменя, пшена и овса. На другой день, т. е. въ день свадьбы устраивался также пиръ, готовились караваи и множество различныхъ яствъ. Женихъ самъ отправлялся за невѣстой съ большимъ торжествомъ, съ караваемъ, свѣчами и осыпаломъ, т. е. блюдомъ, гдѣ находится цвѣтъ хмѣля, символа изобилія и веселія, собольи шкуры, шитыя золотомъ платки и деньги для раздачи гостямъ. Невѣста выходила къ жениху подъ густымъ покрываломъ или фатой, подлѣ нея шли двѣ подружки съ серебряными блюдами, на которыхъ находились кокошникъ невѣсты и золотой кубокъ съ смѣсью меда и вина, а также цвѣтные платки для гостей. Такимъ образомъ нарѣченные въ сопровожденіи всѣхъ званыхъ и родныхъ отправлялись въ домъ жениха, гдѣ всѣ садились за столъ,—и начинался пиръ. Столъ былъ накрытъ передъ невѣстой тремя скатертями, на нихъ стоялъ каравай и солонка. Пиръ начинался продолжительнымъ богомоленіемъ, причемъ гости почти не дотрагивались до предлагаемыхъ имъ блюдъ до тѣхъ поръ, пока сваха не вставала изъ за стола и не просила у родителей разрѣшенія убрать невѣсту. Тогда между молодой четой протягивали шелковую завѣсу и, откинувъ покрывало съ лица, на невѣсту надѣвали кокошникъ или кику, предварительно расчесавъ ей волосы гребнемъ, обмоченнымъ въ золотомъ кубкѣ съ медомъ и виномъ, а подружки обмахивали невѣсту собольими шкурами; тогда женихъ и невѣста приближали щеки свои къ завѣскѣ, а передъ ними держали зеркало, въ которое они впервые могли теперь увидѣть другъ друга.

Затѣмъ къ нимъ подходилъ одинъ изъ приглашенныхъ въ вывороченномъ на изнанку бараньемъ тулупѣ и желалъ имъ имѣть столько дѣтей, сколько на его шубѣ было волосъ. Послѣ этого слѣдовала раздача платковъ и другихъ подарковъ гостямъ, затѣмъ шло обрученіе, и отецъ невѣсты вручалъ нарѣченному символъ родительской власти, т. е. кнутъ, который тотъ засовывалъ за поясъ, хотя и высказывалъ надежду, что онъ никогда ему не понадобится.

На этомъ пиръ прерывался, и вся свадьба шествовала въ церковь, гдѣ происходило вѣнчаніе. На пути въ церковь и оттуда, не смотря на присутствіе священника, гости пѣли и плясали, а скоморохи потѣшали и увеселяли поѣзжанъ. Послѣ вѣнца молодая кланялась мужу въ ноги, касаясь лбомъ его сапога, а онъ любовно и покровительственно накрывалъ ее полою своего полукафтана. По выходѣ изъ церкви дѣлалась мнимая попытка разлучить молодыхъ, и подружки новобрачной пѣли жалобныя пѣсни, стараясь вызвать у нея слезы, молодая-же, согласно обычаю, должна была все время плакать и причитать, оплакивая свою утраченную дѣвичью волю. Возвратясь изъ церкви, всѣ снова садились за столъ, и пиръ продолжался, но ни молодой, ни молодая ни до чего не дотрагивались до тѣхъ поръ, пока не подадутъ къ столу лебедя, а передъ молодыми не поставятъ жареной курицы.

Это означало, что молодымъ пора идти въ опочивальню; тутъ особенно ярко проявлялся весь наивный цинизмъ того времени: впереди несли жареную курицу, за ней слѣдовали дружки жениха со свѣтильниками или фонарями, за ними несли каравай и слѣдовали всѣ приглашенные. Проводивъ такимъ образомъ новобрачныхъ до самаго брачнаго ложа, гости возвращались къ столу, и пиръ шелъ своимъ чередомъ. Сваха-же и ближайшіе родные помогали молодымъ раздѣться, при чемъ молодая, въ знакъ покорности, должна была снять сапоги у мужа; въ одинъ изъ нихъ подъ пятку клали червонецъ или другую монету и, если новобрачная сниметъ этотъ сапогъ первымъ, то такая случайность счита-

Digitized by Google

лась добрымъ предзнаменованіемъ. Молодой-же доставалъ изъ-за пояса кнутъ и для вида только ударялъ имъ жену. Наконецъ, новобрачные оставались одни. Часъ времени спустя кто-нибудь изъ подругъ невѣсты приходилъ провѣдать молодыхъ, и если на ея вопросъ новобрачный отвѣчалъ, что „здоровъ“, то это означало, что все прошло, какъ должно, тогда гости гурьбой являлись къ новобрачнымъ и угощали ихъ разными яствами, но первое мѣсто принадлежало символической курицѣ. Затѣмъ гости удалялись, новобрачныхъ снова укладывали на постель, а пиръ продолжался до глубокой ночи.

На слѣдующій день молодыхъ вели въ баню, затѣмъ новобрачная вручала матери жениха свою брачную сорочку, которая затѣмъ должна была храниться.

Въ этотъ день родители молодой давали пиръ, причемъ случалось, что отецъ жениха, или, вѣрнѣе, новобрачнаго подносилъ имъ чару вина, дно чары было проткнутое, и онъ пальцемъ зажималъ дыру и въ моментъ, когда отецъ новобрачной принималъ чару изъ его рукъ, онъ отымалъ палецъ, и вино выливалось на полъ; изъ этого всѣ присутствующіе заключали, что новобрачная оказалась не такою, какой слѣдовало быть. Во все время свадебныхъ торжествъ молодая должна была молчать и сидѣть или стоять потупившись, подруги-же ея веселились во всю.

Послѣ свадьбы начиналась для молодой новая жизнь, но эта новая жизнь была не завидная. Вставали рано, лѣтомъ съ солнцемъ, зимой до свѣта, обѣдали въ полдень, люди сановные почти все время до обѣда проводили въ церкви то за утреней, то за ранней обѣдней, то за поздней обѣдней; послѣ обѣда всѣ непремѣнно ложились отдыхать, даже купцы запирали свои лавки. Этотъ послѣобѣденный отдыхъ былъ необходимъ уже потому, что русскіе люди того времени имѣли привычку наѣдаться до отвала, при томъ самой тяжелой, неудобоваримой пищей. Класть поклоны передъ иконами, ѣсть, пить и спать,—въ этомъ проходила вся жизнь знатной боярыни, развѣ что она отъ нестерпимой скуки возьмется вышивать вмѣстѣ съ сѣнными дѣвушками какое-нибудь церковное украшеніе. А скука одолѣвала не одну изъ этихъ несчастныхъ затворницъ; бывали случаи, что это доводило ихъ до мужеубійства или заставляло искать спасенія въ стѣнахъ монастыря, а иногда и въ любви. Въ каждомъ городѣ, въ каждой улицѣ и въ каждомъ боярскомъ домѣ можно было встрѣтить свободно, какую-нибудь добродушнаго вида услужливую и ласковую старую женщину, занимавшуюся покровительствомъ любви и являвшуюся утѣшительницей жены и пособницей въ забавахъ мужу, который, впрочемъ, не таясь могъ имѣть сколько угодно полюбовницъ.

Материнство также не давало счастья женщинѣ. такъ какъ и тутъ отсутствовало главное условіе счастья — любовь. Женщинѣ низшихъ классовъ было не до любви: она надсажалась надъ работой, а дѣтей няньчили няньки-малютки; въ зажиточныхъ классахъ дѣтей отъ груди матери принимали на свое попеченіе мамушки и нянюшки, а на долю матери выпадало одно почитаніе, предписанное церковью, да и то относилось главнымъ образомъ къ отцу, какъ грозному носителю кнута; и здѣсь все то-же рабское чувство страха, лишенное всякаго моральнаго значенія и смысла. Вотъ слова одного русскаго моралиста того времени, приведенныя Карамзинымъ: „лучше имѣть подъ бокомъ у себя мечъ безъ ноженъ, чѣмъ сына не женатаго въ своемъ домѣ; лучше держать козу въ домѣ, чѣмъ дочку на возрастѣ; — коза бродитъ по лугамъ и приноситъ домой молоко, дочь-же бродитъ по селу, принесетъ позоръ и срамъ отцу“.

Digitized by Google

Вотъ картина семейной жизни,— внутренняго быта семьи. Только одна смерть окружена ореоломъ искренняго нравственнаго чувства. Сила вѣры лишила смерть всего ея ужаса и страха; русскіе люди умирали спокойно, съ полнымъ сознаніемъ этого великаго, торжественнаго момента. Многіе даже принимали передъ кончиной схиму. Но и тутъ, наряду съ христіанскими чувствами, мы видимъ чисто языческіе обычаи поминанья, за трапезой, съ виномъ и яствами въ память усопшаго, видимъ плакальщицъ и забавныя причитанія въ чисто языческомъ вкусѣ.

При всемъ этомъ, въ семейномъ строѣ замѣчательны, однако, то единеніе, та абсолютная и искренняя солидарность, какая всегда существовала между господиномъ и его челядью или дворней, по отношенію къ которой бояринъ разыгрывалъ государя, подражая во всемъ, въ въ миньятюрныхъ, конечно, размѣрахъ, строгому порядку и распредѣленію должностей, Великому Князю Московскому. Не рѣдко эта дворня, голодная и оборванная, вмѣшивалась въ толпу бродягъ и побиралась подаяніемъ или же по ночамъ грабила прохожихъ, такъ какъ большая часть того, что отпускалось на ихъ продовольствіе, оставалась въ карманѣ ключника.—Относительно чувства справедливости своего господина они вообще были невысокаго мнѣнія, но это не мѣшало имъ, обманывая и надувая, а при случаѣ и обирая его во всякое время, стоять за него горой и быть готовымъ въ любой моментъ совершенно безкорыстно пожертвовать за него жизнью. То же самое отношеніе питалъ въ свою очередь самъ бояринъ къ своему государю. Обманывая, надувая и обирая его казну, онъ всегда былъ готовъ доказать ему свою безграничную преданность и вѣрноподданическія чувства, хотя съ другой стороны былъ способенъ также и предать его и измѣнить. Грозный всю свою жизнь обличалъ и каралъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ слугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда находилъ себѣ и пособниковъ, и горячихъ приверженцевъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ общественныхъ отношеніяхъ того времени и объ обычаяхъ, отличавшихъ людей московскихъ отъ другихъ европейскихъ государствъ. Когда бояринъ выѣзжалъ изъ дома верхомъ или въ саняхъ, то конь подъ нимъ былъ изукрашенъ драгоцѣннымъ чапракомъ, расшитымъ золотомъ и каменьями, а сверхъ чапрака дорогимъ шелковымъ покрываломъ, кромѣ того, цѣлой массою бубенцевъ и колокольчиковъ, такъ что приближеніе боярина было слышно издали. Излюбленнымъ экипажемъ были сани, причемъ въ нихъ съ трудомъ умѣщался одинъ бояринъ во всѣхъ своихъ шубахъ и украшеніяхъ, укрытый безчисленными мѣховыми полостями, образуя съ виду гору дорогихъ мѣховъ, подъ которою совершенно исчезали двое челядинцевъ, ютившихся скорчившись въ ногахъ у своего господина, тогда какъ остальные или скакали верхами позади или бѣжали вслѣдъ за санями, кучеръ же обыкновенно сидѣлъ верхомъ на упряжной лошади или стоялъ у передка саней. Смотря по чину и положенію хозяина дома, гость сходилъ или у воротъ или прямо на крыльцо, а встрѣчать его выходилъ, также сообразно знатности и важности гостя, либо самъ хозяинъ, либо кто нибудь изъ его слугъ. Лишь очень немногіе сановники имѣли право въѣзжать въ ворота Кремля, но отнюдь не подъѣзжать къ крыльцу, а сходили посреди двора и остальную часть пути шли по двору пѣшкомъ. Войдя въ домъ, гость прежде всего крестился на образа, касался пола пальцами правой руки вмѣсто земного поклона, затѣмъ уже обращался съ обычными привѣтствіями къ хозяину. Хозяинъ отвѣчалъ соотвѣтствующими фразами на привѣтствіе

Digitized by Google

гостя и затѣмъ подносилъ угощеніе, безразлично, въ какое бы время дня не было. Прощаясь, также прежде всего откланивались образамъ, а затѣмъ хозяину, который шелъ провожать гостя до порога горницы или на крыльцо.

При встрѣчахъ въ мѣстахъ общественныхъ соблюдалось меньше этикета и всякихъ церемоній. Впрочемъ, такихъ общественныхъ мѣстъ было не много; общественныя бани никогда не посѣщались людьми сановитыми или родовитыми: у каждаго боярина была своя баня. Баня была не только предметомъ первой необходимости для каждаго русскаго человѣка, но и первымъ и единственнымъ лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней, такъ какъ лишь очень немногіе довѣряли врачу. Впрочемъ, и врачей въ то время было очень мало; первый явившійся въ Россію вмѣстѣ съ женою Ивана III-го Софіей Палеологъ, былъ приговоренъ къ смертной казни за неудачное врачеваніе. Въ царствованіе Грознаго мы уже видимъ цѣлую группу врачей нѣмцевъ и англичанъ, состоявшихъ при его особѣ, но русскій народъ по прежнему не довѣрялъ имъ.

Внѣ общественныхъ бань общественная жизнь выражалась въ пирахъ, устраиваемыхъ частію отдѣльными лицами у себя на дому, частію цѣлыми общинами и носившими названія „братчинъ". Кромѣ того, при дворѣ царь часто давалъ пиры по случаю тезоименитства, коронаціи, побѣды надъ врагомъ, по случаю пріема иностранныхъ пословъ и т. д.

Даже на придворныхъ пирахъ гости ѣли по двое изъ одной чашки и мисы, при чемъ за исключеніемъ похлебки, которую хлѣбали ложкой, все остальное ѣли руками и только кости и оглодки клали на тарелки, которыя не смѣнялись въ теченіе цѣлаго обѣда или ужина, сколько бы перемѣнъ не было за столомъ. Хозяинъ раздавалъ гостямъ хлѣбъ и соль, а слуги ставили передъ ними на столъ блюда и наливали вино въ чаши и чары. Особо почетнымъ гостямъ хозяинъ кромѣ того посылалъ отъ себя лучшіе куски. Количество блюдъ бывало положительно невѣроятное; вслѣдствіе злоупотребленія лукомъ, чеснокомъ и безконечныхъ, обязательныхъ возліяній, превышавшихъ всякую мѣру, воздухъ становился положительно невыносимымъ для человѣка непривычнаго.

Женщины пировали въ большинствѣ случаевъ особо и также отличались чрезвычайной неумѣренностью и невоздержаніемъ, такъ что многихъ привозили домой въ безсознательномъ состояніи.

Во многихъ домахъ этимъ пирамъ старались придать религіозную окраску и для этой цѣли приглашалось духовенство; священникъ благословлялъ трапезу, кадилъ во всѣхъ горницахъ и прерывалъ ѣду пѣніемъ священныхъ стиховъ и тропарей. Въ прихожей или саняхъ угощали нищую братію, а иногда нѣкоторыхъ изъ нихъ даже сажали за столъ вмѣстѣ съ гостями.

Но были и такіе дома, гдѣ пиры эти переходили въ оргію; по случаю пира теремъ раскрывалъ свои двери, мужчины и женщины пировали вмѣстѣ; а музыканты и скоморохи забавляли присутствующихъ своими шутками и пѣснями самаго вольнаго содержанія.

Еще Владиміръ I сказалъ: „Руси веселіе пити, не можемъ безъ того быти!" А потому гости, чтобы почтить добраго друга или хозяина, напивались до мертва и наѣдались до отвала. Наиболѣе употребительными въ то время были вина венгерскія, рейнскія и бургундскія, въ числѣ которыхъ особенной популярностью пользовалось „*Romanée*" переименованное въ Романею.

Впрочемъ, если судить по иностраннымъ источникамъ, то мнѣнія относительно невоздержанности русскихъ въ питьѣ весьма противорѣчивы. Дженкинсонъ утверждаетъ, что

за одно съ Иваномъ Грознымъ была пьяна вся Русь отъ мала до велика, тогда какъ по другимъ источникамъ, посольству, отправлявшемуся въ 1527 г. изъ Германіи ко двору Грознаго, особенно настоятельно рекомендовалось быть воздержанными въ питьѣ хмѣльныхъ напитковъ, такъ какъ пьянство и опьяненіе считалось въ Москвѣ величайшимъ порокомъ. И это писалъ Форстенъ, человѣкъ прожившій нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ. Литовецъ Михалонъ (Michalon) утверждаетъ даже, что въ Россіи не знали кабаковъ, а по словамъ Тэжадьда, въ концѣ царствованія Грознаго продажа спиртныхъ напитковъ была разрѣшена только въ одномъ изъ кварталовъ Москвы, называвшемся „Наливки“, гдѣ и по сіе время сохранилось еще это названіе, у Спаса Преображенія на наливкахъ. Что касается Москвы, то дѣйствительно въ ней вся продажа спиртныхъ напитковъ централизовалась въ этомъ кварталѣ, но зато въ другихъ городахъ и селеніяхъ Россіи эта торговля свободно процвѣтала въ многочисленныхъ кабакахъ, безпрепятственно размножавшихся въ интересахъ государственнаго сбора съ нихъ. Церковь неустанно воевала противъ размноженія кабаковъ и пьянства, но всѣ ея громы и увѣщанія оставались почти всегда тщетны.

Впрочемъ, церковь была настолько строга, что осуждала всякаго рода общественныя собранія, всякаго рода удовольствія и даже искусство, когда оно выходило изъ области и сферы религіозной; она видѣла потѣху и угожденіе дьяволу во всемъ, даже въ наивныхъ представленіяхъ ученыхъ медвѣдей, ходившихъ со своими поводильщиками по селамъ и деревнямъ. Особенно любилъ русскій народъ борьбу съ медвѣдемъ, и почти всегда находились смѣльчаки, готовые во всякое время сразиться со звѣремъ. Обычными борцами являлись псари государевы, но мы видѣли въ этой толпѣ въ 1628 году и князя Гундорова, одолѣвшаго медвѣдя въ единоборствѣ, и боярскаго сына Федора Ситина, котораго заломалъ медвѣдь въ 1632 г.

Вопросы чести также рѣшались въ кулачномъ бою; къ мечу въ этихъ случаяхъ никогда не прибѣгали, что уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, насколько еще мало былъ цивилизованъ народъ въ то время, когда на Западѣ, во Франціи и въ Италіи, люди щеголяли утонченностью манеръ, плавною граціей въ танцахъ, изысканностью привычекъ и любезностью взаимныхъ отношеній; гдѣ люди уже научились цѣнить остроумную шутку, пріятность разговора, тонкій наблюдательный умъ, красоту изящныхъ произведеній искусства, роскошь и комфортъ жизни. На Руси въ это время люди увлекались и поэтизировали разбойниковъ и бродягъ, а также ловкихъ обманщиковъ, которымъ покровительствовала церковь и которыхъ чтилъ и боялся народъ, такъ называемыхъ „юродивыхъ“ и „блаженныхъ“.

Эти юродивые, прикидывась слабоумными и ясновидящими прорицателями, пользовались безграничными привилегіями говорить и дѣлать все, что имъ вздумается, брать все, что хочется, и говорить въ лицо какую угодно правду, даже самому государю, такъ что даже самъ Грозный смолкалъ передъ смѣлою рѣчью одного изъ такихъ Божіихъ человѣковъ. Когда тотъ умиралъ, то Грозный царь самъ на своихъ рукахъ несъ его гробъ.

Такова была сила суевѣрія даже у самыхъ просвѣщенныхъ людей того времени, такова была власть и таинственное значеніе этихъ юродивыхъ блаженныхъ, въ которыхъ народъ видѣлъ избранниковъ Божіихъ и предрекателей ихъ судебъ, что даже самъ Грозный трепеталъ передъ ними.

Пер. А. Энквистъ.

(До слѣдующаго №-ра).

Digitized by Google

Памяти А. П. Чехова.

Вишни облетѣли... Серебристымъ цвѣтомъ
Не сверкаютъ въ солнцѣ пышные кусты...
И не манятъ взора радостнымъ привѣтомъ,
И не будятъ въ сердцѣ радостной мечты.

Вишни облетѣли... Нѣтъ весенней сказки,
Надъ ручьемъ не слышны трели соловьевъ,
Въ воздухѣ не дышетъ нѣгой юной ласки,
Чистой красотою безмятежныхъ сновъ.

Вишни облетѣли,—и въ дали кристальной
Чудится мнѣ призракъ осени сѣдой,
Осени холодной, жуткой и печальной,
Съ темными ночами, скорбью и тоской.

И не вѣритъ сердце, что весна увяла,
Что прошли безслѣдно дни волшебныхъ грезъ,
Этихъ грезъ такъ жадно мысль моя искала,—
Налетѣла буря,—вѣтеръ ихъ унесъ.

Вишни облетѣли... Съ шорохомъ, уныло,
Падаютъ на землю бѣлые цвѣты...
И подъ каждой вишней—скорбная могила,
И въ могилѣ каждой—грезы и мечты...

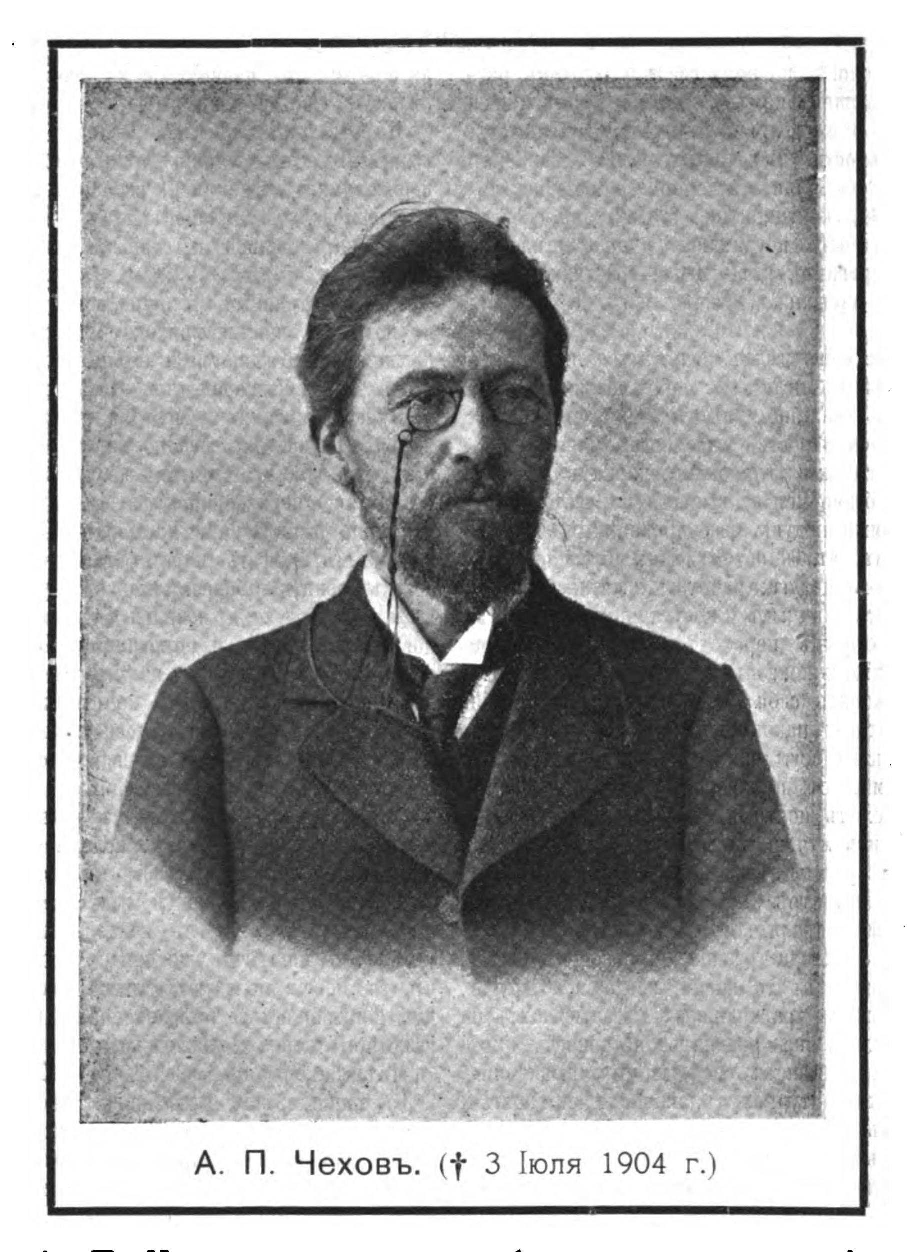
. . . .

Облетѣли вишни... И съ послѣднимъ стономъ
Облетавшихъ вишенъ умеръ ихъ поэтъ.
На его могилѣ, на холмѣ зеленомъ,
Обронили вишни свой послѣднiй цвѣтъ.

И стоитъ могила, убрана, какъ въ грезахъ,
Бѣлоснѣжнымъ флеромъ нѣжныхъ лепестковъ,
И роса сверкаетъ, какъ сверкаютъ слезы
Надъ безмолвнымъ гробомъ нашихъ лучшихъ сновъ.

С. Федоренко.

Digitized by Google

А. П. Чеховъ. († 3 Іюля 1904 г.)

А. П. Чеховъ и его послѣднее произведеніе.

(По поводу „Вишневаго Сада").

П. Пильскаго.

I.

Не драмой, конечно, назову я эту крупную литературную вещь. Не драмой назову я ее, — но нѣчто глубоко-меланхоличное и грустное, какъ бываетъ въ осеннихъ элегіяхъ, залегло въ ея основѣ и окрасило ея фонъ и эти сумеречные цвѣта; тяжелая грусть слышится въ

Digitized by Google

этомъ голосѣ, полномъ слезъ и вздоховъ, разсказывающемъ намъ о тѣняхъ и мракѣ нашей жизни, о ея великой тяготѣ и, быть можетъ, безцѣльности. Вся писательская „карьера“ Чехова въ сущности, одно огромное неудачничество, конечно, по стольку, по скольку можетъ быть неудачливо рѣдкое и настоящее дарованіе, или— играя созвучными словами,—насколько можетъ быть безталаненъ талантъ.

Въ самомъ дѣлѣ, воспитаться и духовно возрости въ мглистую эпоху восьмидесятыхъ годовъ, стихійно впитать въ себя ея злыя боли,—ея сѣрость, угрюмость и апатію, прирости самыми глубокими корнями къ этой почвѣ безвременья, вынести на себѣ ея неизлечимый недугъ безочарованій и безъидеальности, чтобъ потомъ весь вѣкъ лечиться отъ этого недуга; работать, скитаясь по застѣнкамъ уличныхъ и полууличныхъ листковъ, изъ которыхъ переходъ даже въ „Новое Время“ могъ показаться раемъ; долгое время не находить себя даже простого признанія въ критикѣ; наконецъ, найти его въ формѣ „условнаго осужденія“, съ сожалительными совѣтами, съ покачиваніемъ головы; быть свидѣтелемъ почти неслыханнаго „провала“ одной изъ лучшихъ своихъ пьесъ, чтобъ черезъ нѣсколько лѣтъ видѣть ея эмблему знаменемъ на театрѣ „молодого вѣка“; видѣть зарытый въ подвалахъ московскаго книжно-журнальнаго склада рѣдкій по суровой правдѣ „Сахалинъ“ въ то время, когда всѣ другіе „Сахалины“ расходились въ тысячахъ и раскупались на расхватъ. Наконецъ, продать за безцѣнокъ свои многотомныя сочиненія литературному лавочнику и опять-таки въ то самое время, когда цѣлый рядъ издательствъ пересталъ видѣть въ авторахъ батраковъ и началъ платить хорошія деньги!

Что хотите, но это какой-то рокъ...

И какъ далеко все это и непохоже на тѣ счастливые успѣхи, свидѣтелями которыхъ мы стали въ послѣднее время: можно сказать, что, если счастье къ Чехову приходило и пришло, то все-таки оно ни разу не являлось во время, а было гостемъ, который всегда опаздывалъ. И вотъ почему, когда я читаю у г. Андреевича о томъ, что „счастье Чехова поразительно“, я сознаю только то, что я читаю про какое-то странное недоразумѣніе, хотя вѣрно то, что теперь на критическое равнодушіе къ себѣ Чеховъ сѣтовать уже не могъ бы.

Но развѣ-жъ это такое большое удовлетвореніе для художника, всѣми признаннаго, переводимаго заграницей, разошедшагося въ полмилліонѣ экземпляровъ, долго и много терпѣвшаго, сильно и серіозно измучившагося?

Какой странный и варварскій законъ, по которому счастье приходитъ тогда, когда въ немъ не нуждаются и его не ждутъ! Есть что-то раздражающее въ этихъ позднихъ отличіяхъ, какъ въ веснѣ для погибающихъ людей. И жутко, и досадно видѣть и сознавать, что всѣ мы все такъ же, какъ прежде, не чутки, неразборчивы и неблагодарны, что мало цѣнимъ наше настоящее богатство, не умѣемъ лелѣять нашихъ талантовъ, баловать, холить и беречь тѣхъ, кто приходитъ въ нашу убогую и печальную жизнь, какъ посланники небесъ и помазанники Бога.

Строго разсуждая, и по сію минуту все еще правдивымъ остается по отношенію къ намъ упрекъ Щедрина: освистываемъ мы нашихъ великихъ людей, а черезъ сто лѣтъ послѣ ихъ смерти съ удивленнымъ и почтительнымъ уваженіемъ читаемъ о нихъ въ нашей „Русской Старинѣ“. Если исключить Андреева и Горькаго, дѣйствительно, быстро снискавшихъ признаніе и извѣстность, да прибавить къ нимъ съ полдесятка пьесъ, успѣвшихъ нашумѣть, то придется сознаться, что въ Россіи пользуются легко пріобрѣтаемой популярностью только тенора, балерины. нѣкоторые жокеи и нѣсколько рестораторовъ,

Милая аттестація, нечего сказать!

Съ точки зрѣнія этой карантинной строгости, съ какою у насъ встрѣчаютъ каждое молодое начинающее дарованіе, даже и замѣтно-выдѣляющееся изъ всего длиннаго ряда „пишущихъ“, въ особенности было бы интересно прослѣдить исторію этого критическаго судьбища надъ Чеховымъ. Чего-чего только ни падало на его голову! Какихъ только укоровъ ни сыпали ему! Но еще поучительнѣй разсмотрѣть, какъ измѣнялось съ теченіемъ времени отношеніе къ нему каждаго изъ такихъ судей, какъ понемногу имъ приходилось дѣлать уступки въ сторону признанія и, начавъ съ порицаній и отрицаній, доходить хотя и до сдержанной—все же хвалы. Какъ-нибудь этому я посвящу особую статью, сейчасъ же ограничусь толь-

Digitized by Google

ко указаніемъ, что и по сей моментъ находятся геростраты и геростратики, чающіе обратить на себя вниманіе, сугубыми нападками на автора „Вишневаго Сада" и „Скучной Исторіи". Есть г. Шулятиковъ, есть г. Качерецъ. *) Послѣдній бросаетъ обвиненіе художнику даже въ томъ, въ чемъ никогда нельзя винить ни одного художника, въ выборѣ темъ, въ тяготѣніи къ опредѣленнымъ краскамъ, въ излюбленности однихъ ландшафтовъ, избѣганія другихъ,—въ чемъ и скрыта настоящая душа автора, чѣмъ характеризуется его истинная творящая душа.

„... Чеховъ не одно только то, что дѣйствительно сѣро, изображаетъ такъ, что не глядѣлъ бы на Божій свѣтъ,— ворчитъ Качерецъ,—у него во всемъ сѣризна, на все, что онъ изображаетъ, глядѣть не хочется, и не потому не хочется, что это некрасиво, или жалко, или тяжело, а потому, что это фальшиво-сѣро, необычно-сѣро. Случалось вамъ видѣть затменіе солнца? Если да, вы вспомните, конечно, это странное, холодное освѣщеніе, въ которомъ предметы представляются съ исчезновеніемъ послѣдняго солнечнаго луча. Не сумерки это, потому что сумерки бываютъ теплыя, наступаютъ онѣ постепенно послѣ смѣны цѣлаго ряда, послѣ долгой игры свѣтовыхъ явленій. А тутъ это наступило мгновенно, что-то дунуло на землю холодомъ, и на все легъ какой-то тонкій, совершенно одноцвѣтный и прозрачный сѣрый газъ. Предметы видны съ необычайною отчетливостью, гораздо явственнѣе, чѣмъ при солнцѣ, но они всѣ одноцвѣтны — сѣры. Вотъ то странное, жуткое освѣщеніе, при которомъ люди и вещи представляются въ сочиненіяхъ г. Чехова. Если вы не видѣли затменія солнца, то видѣли синематографъ. И тамъ тоже предметы очень отчетливы, но и тамъ они одноцвѣтны, и тамъ производятъ то же странное впечатлѣніе, отъ котораго становится какъ-то не по себѣ: ѣдутъ экипажи, конки, дамы съ зонтиками переходятъ улицу, по тротуарамъ идутъ офицеры, рабочіе, кормилицы съ дѣтьми на рукахъ; повидимому солнечный день, между тѣмъ и экипажи, и конки, и платья, и зонтики дамъ, и мундиры офицеровъ, и одежды рабочихъ, и ленты кормилицъ—все это одного сѣраго цвѣта". (стр. 28—29).

*) *Г. Качерецъ.* Чеховъ. Опытъ. М. 1892.

II.

Словомъ, судьба литературной дороги Чехова — неважная и даже прямо горькая судьба. И такъ же, какъ она, и самъ Чеховъ, и его произведенія, и его герои, и его слогъ, и его сравненія, и его враги, и его лирическія отступленія, вкрапленныя тамъ и сямъ, все и вездѣ исполнено той красивой и печальной меланхоліи, что бываетъ разлита въ осеннемъ золотѣ потухающихъ вечеровъ. Изъ личной жизни Чехова мы не знаемъ ничего, потому что свѣдѣнія о томъ, что онъ родился въ Таганрогѣ, кончилъ среднюю и высшую школу, что „по профессіи" онъ докторъ, хотя не лечилъ, кажется, никого, а по занятію—литераторъ,— всѣ эти свѣдѣнія даже не біографичны. По всей вѣроятности, и вся вообще его жизнь не біографична и можно съ увѣренностью сказать лишь то, что весь укладъ и ходъ его существованія создался и потратился на исканье заработка, былъ полонъ сплошной неудовлетворенности и той особенной тоски, какой болѣли недавніе, почти вчерашніе интеллигентные пролетаріи. Когда эта жизнь писателя станетъ общеизвѣстнымъ, опубликованнымъ фактомъ, думается, станетъ яснымъ и даже непреложнымъ, что и всѣ произведенія Чехова были автобіографическими отраженіями, — не въ подлинномъ смыслѣ перечня случаевъ, встрѣчъ и поѣздокъ, а въ томъ серіозномъ значеніи, какое пріобрѣтаютъ въ жизни каждаго мимолетныя настроенія, продолжительныя или случайныя раздвоенія, муки совѣсти, укусы сомнѣній, временами охватывающее уныніе, безвѣріе, самоосужденіе и даже душевное разстройство, какъ болѣзнь. Пожалуй, не назвать больше ни одного изъ современныхъ писателей, который будилъ бы своими произведеніями такой горячій и нетерпѣливый интересъ къ установленію взаимоотношенія между его жизнью и трудами, какой будитъ каждой своей строкой Чеховъ. Слишкомъ непростыя и острыя мысли поднимаетъ онъ своими писаніями и въ то же время слишкомъ просты и обыкновенны тѣ лица и случаи, которыми занимаются они. Но въ особенности влечетъ къ себѣ и напрягаетъ мысль въ разгадкахъ эта глубоко залегшая его элегическая меланхолія.

Отъ жизни ли она? Отъ особаго склада

Digitized by Google

натуры? Навѣяна ли временемъ и безлюдіемъ? Быть можетъ, философична?

Все это вопросы не только умѣстные, но и въ высокой степени важные вопросы.

Въ отвѣтахъ на нихъ кроется настоящее пониманіе писателя. Въ отвѣтахъ на такіе и подобные вопросы, быть можетъ, найдетъ со временемъ свой расцвѣтъ и на нихъ выростетъ психологія творчества, психологія великихъ людей.

Въ сущности, до сихъ поръ не пришли ни къ какому согласному заключенію относительно важнѣйшаго изъ всѣхъ вліятельныхъ факторовъ творчества, а между тѣмъ съ разрѣшеніемъ этого вопроса, разрѣшится тотъ длинный споръ, въ которомъ послѣдовательно принимали участіе и Сентъ-Бэвъ, и Тэнъ, и Геннекенъ, и Гюйо.

Относительно Чехова здѣсь можетъ быть тоже нѣсколько толкованій.

Ничего невѣроятнаго нѣтъ въ предположеніи, что вся сумеречность его поэзіи вышла цѣликомъ изъ его писательскаго неудачничества, быть можетъ, осложненнаго еще и личными, вообще говоря, вполнѣ естественными и обычными непріятностями. Для этого, правда, нѣтъ еще рѣшительныхъ данныхъ пока: чтобъ судить объ этомъ, нужна подробная монографія о всей частной жизни писателя, но доказательства для такого заключенія и теперь уже могли-бы быть найдены: писатель началъ съ звонкихъ нотъ легкаго юмора; онъ вначалѣ смѣялся; прежде, когда-то, только что вступивъ на литературное поприще, онъ былъ не теперешнимъ хмурымъ Чеховымъ, а смѣющимся Чехонте...

Съ формальной стороны это даже убѣдительно.

Но стоитъ перечитать всѣ эти „Пестрые Разсказы", какъ ихъ назвалъ авторъ въ первомъ изданіи, чтобъ ясно сознать, насколько далеко отъ истины такое объясненіе, и какъ заблуждаются тѣ, кто думаетъ такъ о нашемъ писателѣ.

Увы! не весельемъ заражающаго смѣха вѣетъ съ этихъ страницъ, а какой-то насмѣшкой, часто скорбной, всегда вдумчивой, постоянно рождающей невеселыя и даже смущающія мысли,—это не здоровый, игривый, заразительный смѣхъ, и даже не поверхностно-летучая искрометная сатира въ шаловливомъ жанрѣ,—нѣтъ, смѣхъ обманутаго глядитъ на читателя съ этихъ яко-бы веселыхъ строкъ, и въ немъ—то жалость, то—стыдъ. Здѣсь далеко до веселья и нѣтъ радости въ этихъ улыбкахъ молодого юмориста.

Нѣсколько единичныхъ исключеній, конечно, идутъ не въ счетъ...

Но и не отъ безвременья и не отъ безлюдья эта тоска и элегичность мотивовъ и темъ: одной эпохой ее не объяснить. Въ ту же эпоху писалъ свои бодрыя вещи талантливый Короленко, сейчасъ вотъ русская молодая литература переживаетъ свои Sturm und Drang Period, героическіе типы воскресаютъ въ произведеніяхъ Горькаго и Андреева. Были „бодрящія" будто бы впечатлѣнія и въ началѣ девяностыхъ годовъ,—когда вышелъ съ своими первыми разсказами Потапенко, съ своими „бобковскими сиротами" Немировичъ-Данченко, и цвѣла и шумѣла одно время принятая въ обществѣ теорія „малыхъ дѣлъ", однако, кое-кого все-таки окрылявшая. А Чеховъ оставался и пребывалъ все тѣмъ же живописцемъ „Сумерекъ", все тѣмъ же психологомъ „Хмурыхъ людей" и такъ же, какъ теперь его герои въ „Дядѣ Ванѣ" и „Трехъ Сестрахъ", и тогда жаловался на свою судьбу и мучился своимъ безсиліемъ, его драматическій „Ивановъ". Есть нѣчто, очевидно, болѣе сильное и болѣе дѣйствующее, чѣмъ эпоха, властная надъ рядовыми людьми, кладущая свой отпечатокъ на заурядъ-литераторовъ, усыновляющая безпомощныхъ и бездомныхъ, рабствующихъ и покоряющихся, но едва ли мощная и страшная для сильныхъ и самобытныхъ натуръ, для автономныхъ творцовъ, для художниковъ и поэтовъ „Божіей милостью".

Ключъ ко всей загадкѣ авторской личности Чехова лежитъ въ его особой одаренности, въ томъ странно-грустномъ удѣлѣ на землѣ, который долженъ сознавать и чувствовать всякій богато одаренный человѣкъ, тѣмъ болѣе творецъ, тѣмъ болѣе художественный писатель. „И пѣсенъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли".

Есть рѣдкое по красотѣ мѣсто у Шопенгауэра. Процитировавъ гетевское выраженіе: „Нѣжное стихотвореніе, какъ радуга, разстилается только на темномъ фонѣ, поэтому поэтическому генію нравится элементъ меланхоліи",—онъ замѣчаетъ: „печальное настроеніе высокоодаренныхъ людей, которое такъ часто было отмѣчено въ нихъ наблю-

Digitized by Google

дателями, имѣетъ для себя эмблему въ Монбланѣ съ его вершиною, всегда закутанною тучами; но иногда, — чаще всего рано утромъ, — это облачное покрывало разрывается, и тогда гора, розовая подъ солнечнымъ сіяніемъ, съ своей небесной высоты, изъ-за облаковъ смотритъ на Шамуни; и это даетъ такое зрѣлище, при видѣ котораго сердце всякаго въ его глубочайшей основѣ начинаетъ подниматься. Такимъ образомъ, почти всегда меланхоличный геній въ рѣдкія мгновенія обнаруживаетъ вышеописанную только для него возможную, вытекающую изъ совершеннѣйшей объективности духа, своеобразную ясность, которая, какъ свѣтлые лучи, ложится на его высокомъ челѣ"*).

Эти лучи созданія одареннаго духа, у Чехова проникнуты тѣмъ же тепломъ розоваго утра, которымъ полна всякая большая любовь, которымъ живо и сильно искусство. И какъ все рожденное небомъ, его далью и чистотой, они прекрасны и нѣжны.

III.

Во всемъ и всегда Чеховъ былъ и остался самобытнымъ и оригинальнымъ творцомъ-художникомъ. Онъ ввелъ въ русскую литературу крошку-новеллу, — быстро-бѣгущій короткій разсказъ; онъ сотворилъ, узаконилъ художественную миніатюру. И чего-чего только не насказали по этому поводу: и заимствованіе у... Гюи-де-Мопассана, и анекдотичность, и отрывочность, и безхвостость. Указывали даже на огромную легкость писанія такихъ разсказовъ; редакторы-издатели и „большіе" романисты смотрѣли на нихъ, какъ на бездѣлку, на bijou, годную, впрочемъ, на затычку номера.

А эта „затычка" черезъ нѣсколько лѣтъ борьбы совершенно вытѣснила беллетристическій грузъ многолистнаго романа, вошла въ періодическую толстую печать и завоевала въ ней не случайное, а коренное мѣсто.

Большой романъ ушелъ со страницъ журналовъ. Его старое, давно насиженное мѣсто заняла миніатюра, гибкая и воздушная, такая нетрудная въ чтеніи, такая сложная и трудная въ процессѣ своего рожденія.

Грація — чувство мѣры, — сказалъ Спенсеръ, — и потому-то такъ граціозны, такъ изящны, милы и дружественны эти небольшіе очерки, эти штриховые рисунки, съ ихъ полутонами, какъ далекая музыка безъ ясныхъ словъ, волнующая, мучительная, вдругъ охватывающая и также вдругъ прерывающаяся.

Большіе громадные романы исчезли, какъ толстые, располнѣвшіе старые помѣщики погибшей, потемнѣвшей отъ времени дореформенной Руси.

Быть можетъ, тамъ, въ глуши брянскихъ лѣсовъ, были необходимы и эти старыя, вѣковыя знакомства, и эта тривіальность взаимнаго знанія до конца, до волосъ и ногтей, — и эти добротные помѣщики, и эти большіе, старые, степенные, лѣнивые, неповоротливые романы, тягучіе, какъ лѣнь, — какъ тоска, безконечные, но не волнующіе, не спугивающіе дрему... Быть можетъ, еще и теперь гдѣ-нибудь въ уральской, въ муромской или калужской тиши они нужны и желанны...

Но не намъ, не теперь, не сейчасъ... Теперь мы живемъ большой, быстро бѣгущей, молодой, какъ огонь, горячей жизнью. Мы подвижны, вѣчно наэлектризованы. Наши думы, наши мечты и пѣсни, какъ птицы, долго не засиживаются, вспархиваютъ, улетаютъ... ихъ не вернешь никогда. Нужно завить ихъ въ силокъ, западнями словъ и намековъ, запоминать ихъ, стрѣлять въ летъ...

Быстро бѣжитъ время, мѣняется жизнь, новые вкусы въ насъ входятъ, упраздняется старый романъ. Говорятъ: его вытѣснила газета. И нападаютъ поэтому на газету. Неправда: его вытѣснила жизнь и школа жизненнаго опыта, — но она же и газету создала. Прежнія — „типичность", „естественность", „правильное освѣщеніе" — ахъ! все это уже никуда не годится, все это не нужно, отжило свое время... Милыя старыя учительницы музыки „по Фрейшютцу"!.. Всѣ эти типичности и естественности или „натуральности" — всѣ были впору тогда, когда искусство должно было служить цѣлямъ бытового знанія и „облагораживать", — это такъ серіозно было въ ту пору, когда мы были умопомрачительно глупы, писали, какъ курскіе помѣщики, жили по прописямъ, готовили пищу по „кухоннымъ книгамъ", дѣтей учили дома. Потомъ что-то все перевернуло, какая-то огромная бурная сила прорвала всѣ плотины, снесла ограды и заборы, смыла

*) *А. Шопенгауеръ.* Міръ, какъ воля и представленіе, перев. Н. М. Соколова. Спб.

Digitized by Google

старые замки, — учиться по романамъ было нечему, потому что бурная сила затормошила и насъ, бросая по своимъ волнамъ, и жизнь мы стали изучать уже опытомъ.

Но стало нужно учиться новому и знать другое. Души индивидуализировались, распалась общая помѣщичья душа и общая крестьянская. Стало многое множество разныхъ, цвѣтныхъ, просто человѣческихъ душъ, и въ нихъ было такъ много неожиданностей, такъ много народилось загадокъ тамъ, а, главное, все здѣсь стало движеніе и жизнь и пришлось слѣдить, изумляться и знать, чтобъ вмѣстѣ жить и общее дѣло дѣлать. Такъ народилась психологическая миніатюра, и небольшое, короткое, поверхностное знакомство, полное неровности и нисколько неутомительное...

И Іисусомъ Навиномъ этого движенія беллетристики явился все онъ же,—Чеховъ.

Когда-то С. А. Андреевскій красиво окрестилъ Чехова: *„наслѣдный принцъ литературныхъ королей“*.

Это очень образно и очень хорошо. Но этого мало: *принцъ-реформаторъ“* — вотъ какъ слѣдуетъ его назвать. Если исключить вліяніе Л. Толстого,—его простоту слога, его стилистическую манеру, несомнѣнно передавшуюся Чехову, только безъ ея характерной, чуть-чуть неуклюжей угловатости, безъ ея готическихъ угловъ, смягченную, изнѣженную,—то Чехову рѣшительно нѣтъ предшественниковъ.

Его необычность внезапныхъ сравненій, короткихъ, вспыхивающихъ, какъ мгновенныя молніи быстрыхъ и тотчасъ гаснущихъ, — только въ умѣ читателя онѣ оставляютъ свою пламенную борозду,—его діалоги, простые въ своей искусственности, его умѣнье сразу взять „быка за рога“, однимъ штрихомъ ввести читателя въ самую середину изображаемой жизни,—наконецъ, его психопатологическіе разсказы,—въ противоположность обычной тяжеловатости этого жанра не требующіе усилій и напряженности восприятія, (а въ этой „экономіи силъ“ читательскаго воспріятія весь смыслъ искусства, всѣ задачи творчества),—всѣ эти Варьки („Спать хочется“), профессоръ „Скучной Исторіи“, Ковринъ („Черный Монахъ“), Лаевскій (въ „Дуэли“), студентъ въ „Припадкѣ“ — все это — ново, рѣзко, прекрасно, непохоже ни на Гаршина, ни на Достоевскаго.

То же новаторство у Чехова и въ драмахъ. Ихъ упрекаютъ въ отсутствіи дѣйствія, въ разговорности, въ недостаткѣ героическаго монолога, центральнаго лица, въ расплывчатости. Но всмотритесь въ жизнь. Конечно, она успѣваетъ вообще, ширится растетъ, движится. Но киньте Петербургъ, поѣзжайте въ Россію, остановитесь тамъ гдѣ-нибудь въ Смоленскѣ, Костромѣ, Самарѣ, Уфѣ, или Полтавѣ, у своихъ знакомыхъ, прислушайтесь къ этому куску жизни, обрѣжьте ея по краямъ своихъ петербургскихъ наблюденій, присмотритесь къ лицамъ: все то же, —ничего героическаго и даже ростъ не замѣченъ, и, кажется, что ничто въ мірѣ не растетъ и не идетъ впередъ, а стоитъ, спитъ, молчитъ, въ лучшемъ случаѣ, надѣется, въ худшемъ—ворчитъ. И все тоже: разговорность, расплывчатость, мечта о Москвѣ и центрѣ вообще, — это у лучшихъ — все та же бесѣда о трудѣ, о будущемъ, о новыхъ руслахъ жизни и собственной тоскѣ... „Дѣйствія“ —нѣтъ.

Нѣтъ дѣйствія даже для прежней драмы,—потому что бытовая надоѣла, умерла, и туда ей дорога, а та, что съ дѣйствіями и прочимъ, та даже въ хроникѣ происшествій мѣстнаго листка не найдетъ себѣ ни оправданій, ни сюжета. Да что Муромъ или Самара,—развѣ не то же въ Москвѣ, да и здѣсь, въ Петербургѣ, и вездѣ, и повсюду?! Процессы жизни — ординарны, обычны, неинтересны, какіе-то растительные, но здѣсь есть то страшное въ „нестрашномъ“, о которомъ хорошо написалъ Короленко.

Но въ этой юдоли и заброшенности люди ростутъ, тоскуютъ, ссорятся, мечтаютъ, мрутъ... И такъ же незамѣтно все, какъ полдень переходитъ въ сумерки и впадаетъ въ усталый вечеръ и гибнетъ въ ночи. На жизнь, какъ акты, какъ ихъ рядъ, и ихъ незамѣтность и непримѣчаемость, легли какія-то собственныя душевныя наслоенія самихъ этихъ людей; жизнь для каждаго изъ нихъ подернулась субъективной пленкой; по ней расшили свои узоры наши настроенія, тихой толпой проходящія откуда-то изнутри въ міръ и тамъ исчезающія. Новая, совсѣмъ новая драма пришла.

„... Пьесы Чехова составляютъ совершенно новое явленіе въ драматической литературѣ (цитирую Андреевскаго же). Еще въ „Ивановѣ“ Чеховъ пытался уже нарисовать

простой психологическій этюдъ, безъ общепринятаго механизма въ „дѣйствіи“ пьесы. Эту драму нашли умною, но мало пригодною для сцены, несмотря на то, что въ „Ивановѣ“ Чеховъ еще довольно усердно держался установленныхъ пріемовъ, — подделывался подъ обычный персоналъ труппы, писалъ театральнымъ языкомъ, вводилъ комическихъ старухъ, шутовъ и т. п. Но въ „Чайкѣ“ писатель уже открыто выразилъ свою ненависть къ существующему театру, а затѣмъ въ „Дядѣ Ванѣ“, и еще болѣе въ „Трехъ сестрахъ“ онъ, наконецъ, смѣло перешелъ къ изображенію на сценѣ повседневной жизни простыхъ людей.

„И это, конечно, возстаніе противъ законовъ драматургіи. Подобное же движеніе замѣчается и на Западѣ. Съ одной стороны, Ибсенъ и Мэтерлинкъ выдвинули въ драмѣ на первый планъ поэзію душевныхъ настроеній, а съ другой—большинство современныхъ драматурговъ уже избѣгаютъ въ своихъ пьесахъ крикливыхъ, героическихъ фигуръ, а преимущественно занимаются жизнью „сѣренькихъ“ людей. По этому поводу знаменитѣйшій фокусникъ мелодрамы Сарду недавно заклеймилъ революціонеровъ глубокимъ презрѣніемъ. Упоенный своимъ собственнымъ искусствомъ напрягать до чрезвычайности любопытство къ интригѣ, хотя бы съ нарушеніемъ правды бытовой, исторической, художественной и даже логической, Сарду гордо воскликнулъ: „Недалеко уйдутъ они съ своей психологіей. Драма, это прежде всего—дѣйствіе“.

„Есть вещи почти неодолимыя, создаваемыя консерватизмомъ человѣчества, у котораго, какъ извѣстно, „привычка — вторая натура“. Дѣйствительно; вѣдь можетъ показаться чуть ли не преступленіемъ вопросъ: да почему же „драма это прежде всего—дѣйствіе? Вѣдь интрига въ драмѣ совершенно въ такой же степени важна или неважна, какъ и въ романѣ, потому что и то, и другое произведеніе воплощаютъ жизнь. Тутъ есть разница только въ публикѣ. Зрителемъ можетъ быть всякій, читателемъ не всякій. Въ театрѣ бываетъ, по преимуществу, „толпа“. Говорятъ, толпу надо забавлять, заинтересовывать. Она—дитя. Да. Но вѣдь нельзя же ее вѣчно держать въ младенчествѣ; это—педагогія дурного вкуса; это—нескончаемыя сказки нянюшки.

„Интрига, коллизія, героическіе злодѣи, размалеванныя фигуры, неистовыя страсти и т. п. все это важно и даже необходимо для тѣхъ авторовъ, которые не обладаютъ искусствомъ привлечь вниманіе къ естественному, искреннему и простому,—кто не владѣетъ тайною поэзіи. Вѣдь то же самое происходило и съ поэмами, и съ повѣстями, и съ романами. Нѣкогда казалось „низкимъ“ и невозможнымъ разсказывать обыкновенную жизнь въ стихахъ. Пушкинъ это опровергъ. Прежде для романа требовалась любопытная завязка, — Тургеневъ создалъ дивные романы безъ всякой „выдумки“. Левъ Толстой, гораздо ранѣе Зола, ввелъ въ беллетристику увлекательнѣйшія описанія всѣхъ мелочей жизни. И тотъ самый читатель, который прежде плѣнялся только уголовными, историческими и злодѣйскими романами, съ жадностью ожидая „продолженія“, чтобы узнать, „чѣмъ кончилось“,—увлекся Толстымъ, какъ самымъ любимымъ собесѣдникомъ.

„Замѣчу вскользь, что и Чайковскій, страдавшій отъ ненавистнаго ему „героизма“ оперъ, нашелъ истинную отраду для своего вдохновенія только тогда, когда сталъ писать музыку на Онѣгина...

„И, кажется, можно безъ ошибки сказать, что наиболѣе полное „опрощеніе“ искусства всегда шло изъ Россіи.

„И однако же, относительно театра, навѣрно еще очень многіе возразятъ: „Но если мы увидимъ на сценѣ то же самое, что видимъ въ жизни, то въ чемъ же будетъ заключаться искусство? Да и кромѣ того, мы требуемъ отъ пьесы извѣстной идеи, поученія“... А такъ, просто, переносить жизнь на сцену — къ чему же это поведетъ?!“

„Чудесное впечатлѣніе, произведенное „Тремя сестрами“ Чехова, въ исполненіи труппы Станиславскаго, силою вещей опровергаетъ это возраженіе. Но кромѣ того: почему же вы восхищаетесь живописцемъ, когда онъ даетъ вамъ цѣликомъ именно того самаго человѣка, котораго вы знаете въ жизни,—почему преклоняетесь передъ писателемъ, когда онъ выражаетъ именно то, что вы наблюдаете вокругъ, — а отъ драматурга и актеровъ вы требуете—не живой красоты, а непремѣнно прикрасъ и фальши? Или вы все-таки настаиваете на необходимости поученія?...

Digitized by Google

„Тогда пусть поучають со сцены какими угодно пріемами. Если цѣль хороша, то можно помириться со всякими средствами;— „кому что помогаетъ“... Но неужели еще необходимо пространно доказывать, что высшее развитіе и нравоученіе дается обществу только искренними художниками и что драматургъ такъ же, какъ и поэтъ, тѣмъ выше, чѣмъ правдивѣе?

„Поэзія есть высшая правда, внушаемая человѣку тайною жизни. Всѣ ее чувствуютъ, но немногимъ дано ее выразить. Въ этой таинственной правдѣ всегда есть нѣчто мучительное и печальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ доброе и прекрасное. Въ ней содержатся всѣ лучшія права человѣка, за которыя такъ скучно, мелко, хлопотливо и въ то же время напыщено ратуютъ иные, весьма усердные соціологи и прогрессисты. А художникъ или поэтъ приближаютъ человѣка къ этимъ правамъ легко, нечувствительно.

„Вѣдь, художникъ, ясно сознающій все величіе, глубину и прелесть міра Божьяго,— невольно и всегда, во всемъ, что онъ выразитъ, будетъ находиться на сторонѣ того, что составляетъ благо человѣчества.

„И если отъ этихъ школьныхъ истинъ мы возвратимся, напримѣръ, къ „Тремъ сестрамъ“, съ помощью которыхъ Чеховъ и труппа Станиславскаго одержали побѣду надъ театральной рутиной, — то что же мы увидимъ? Какое поученіе въ этой пьесѣ?

„Поученіе въ томъ, что эта простая исторія увеличиваетъ вашу любовь и жалость къ людямъ. Передъ вами проходитъ множество разнообразныхъ людей, и вы въ концѣ концовъ почти всѣхъ ихъ находите добрыми, хорошими, потому что вы незамѣтно для себя угадываете ихъ сердце.

„Есть только двѣ отрицательныхъ фигуры: штабсъ-капитанъ Соленый и жена Прозорова, Наталья Ивановна. Но вы къ нимъ вовсе не питаете ненависти, а только жалѣете ихъ, потому что видите въ нихъ эгоистовъ, которымъ недоступны благородныя человѣческія чувства. Соленый преисполненъ жаждою быть геніемъ, когда онъ глупъ, а Наталья Ивановна практически устраиваетъ свое благополучіе, никого, въ сущности, не любя. — И вотъ вамъ пьеса безъ коллизіи, безъ эффектовъ, безъ реторики, безъ возбужденія какихъ-нибудь „жгучихъ вопросовъ“ — и однако же, она даетъ вамъ то облагораживающее созерцаніе жизни, которое способна уловить только поэзія.

„И чѣмъ болѣе драматургія будетъ заниматься правдивой психологіей, чѣмъ болѣе человѣческихъ разновидностей пройдетъ передъ нами на сценѣ, въ освѣщеніи чуткихъ писателей, въ исполненіи безукоризненныхъ артистовъ,—тѣмъ болѣе театръ будетъ служить на пользу гуманности и культуры, тѣмъ болѣе онъ дастъ художественнаго наслажденія зрителямъ“.

Но и вообще никакой „педагогіи“ я не усматриваю въ „героическомъ“. Оно чуждо мнѣ,—не духу моему,—а всему складу моей личной жизни, моей работѣ, моимъ порывамъ. Я еще могъ бы понять и люблю гражданскую доблесть самопожертвованія, но я не вижу ея, она не часта,—пожалуй, роднить съ ней, прививать ее слѣдуетъ и нужно, но опять-таки тѣ формы самопожертвованія и героическаго энтузіазма, которыя нужны намъ, не проходимы на подмостки, не допускаются въ литературу. Остается героизмъ преданія, нѣчто миѳическое, далекое, едва ли трогающее, ни въ какомъ случаѣ не воспитывающее, ибо воспитывать значитъ подготовлять. Смѣясь, Пушкинъ вышучивалъ тѣхъ драматурговъ, которые выводятъ злодѣевъ, причемъ и пить-то даже они просятъ по злодѣйски, мрачнымъ голосомъ, съ хрипотой: „Дайте мнѣ пить!!“ И такого злодѣя я не понимаю. Онъ чуждъ мнѣ, какъ и всякому нынѣшнему зрителю. Но разъ есть всякіе „Ваньки-Каины“ въ повѣстяхъ и драмахъ для народа и ими даже увлекаются, то я заключаю изъ этого, что каждой ступени развитія человѣчества необходима своя драма, и эта чеховская драматургія есть интеллигентнѣйшая изъ всѣхъ этихъ видовъ. Дозволительно предсказать, имѣя уже данныя въ настоящемъ, что современемъ драма дѣйствія окончательно выродится въ драму чувства, въ драму мысли, совершенно тѣмъ же путемъ и тѣми же причинами, какими случилось вымираніе большого романа, уступившаго свое кресло новеллѣ. Кажется — и временами настойчиво кажется,—что драма,—такъ сказать,—эпическая замѣстится драмой лирической, пьесой безъ внѣшняго содержанія.

Для героическихъ элементовъ истинно трагическаго представленія въ жизни не оста-

Digitized by Google

лось пищи, и эти элементы, какъ и вся трагедія, неизбѣжно должны вымереть отъ голода: ихъ некому питать и негдѣ имъ рости.

И Чеховъ въ этомъ отношеніи не одинъ,—есть Ибсенъ, есть Гауптманъ.

Кстати сказать, существуетъ мнѣніе, нѣкоторыми уже высказанное, гораздо большимъ числомъ думающееся про себя,—мнѣніе, что Чеховъ взялъ новую драматическую форму отъ Ибсена. Это значитъ—не знать, что драма „Ивановъ“ была напечатана уже въ 1889 году (въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“) и въ томъ же году поставлена на сценѣ, когда ни одна изъ драмъ ни Ибсена, ни Гауптмана русской сцены еще не видѣла, когда русская публика только начала знакомиться съ Ибсеномъ по переводамъ Алексѣева—да и то кажется, это было года на два позднѣе, — такъ, въ 1892 году, — а о Гауптманѣ едва ли тогда и просто слыхали. А между тѣмъ уже „Ивановъ“—типичная чеховская пьеса,—она первая пьеса изъ неразрывнаго цикла—„Ивановъ“,—„Чайка“,—„Дядя Ваня“,—„Три сестры“—наконецъ, и „Вишневый Садъ“ *)...

Тѣ же идеи, тѣ же настроенія, тѣ же муки, тѣ же тоны, тѣ же отличительно-типичныя черты „бездѣйствія“, идейности, скрытыхъ внутреннихъ драмъ; то же общее облачко грусти, тихой меланхоліи, какихъ-то будней, предчувствій, какой-то недоговоренности... Надъ сѣрой жизнью парятъ иногда тихіе ангелы...

Перейдемъ теперь къ „Вишневому саду“. Содержаніе его не сложно.

IV.

Старое имѣніе Раневской съ огромнымъ вишневымъ садомъ должно пойти съ молотка. Всѣ хорошо это знаютъ—и она сама, и ея братъ Гаевъ, и сосѣдъ-помѣщикъ Симеоновъ-Пищинъ, и Лопахинъ, купецъ, къ которому перейдетъ все имѣніе. И всѣ бездѣйствуютъ.

Чеховъ не кладетъ одной какой-нибудь краски на данное лицо, и его Лопахинъ не чернилами нарисованъ. Напротивъ, онъ самъ же напоминаетъ, что скоро будетъ аукціонъ, предлагаетъ планъ спасенія: срубить вишневый садъ, разбить на участки землю, настроить дачъ, и самъ же готовъ ссудить для этого деньгами. Все напрасно: дѣловитость и даже простое благоразуміе совершенно чужды этимъ людямъ, — жаль вишневаго сада, и сама мысль о его снесеніи возбуждаетъ въ нихъ ужасъ, кажется странной и нелѣпой. Словомъ, Лопахинъ имѣетъ полное право сказать имъ: „Простите, такихъ непомысленныхъ людей, какъ вы, господа, такихъ недѣловыхъ, странныхъ, я еще не встрѣчалъ. Вамъ говорятъ русскимъ языкомъ: „имѣніе ваше продается“, а вы точно не понимаете“...

Любовь Андреевна (Раневская). Что же намъ дѣлать? Научите, что?

Лопахинъ. Я васъ каждый день учу. Каждый день я говорю все одно и то же. И вишневый садъ, и землю необходимо отдать въ аренду подъ дачи и т. д.

Любовь Андреевна. Дачи и дачники—это такъ пошло, простите!

Гаевъ. Совершенно съ тобой согласенъ... И т. д.

Словомъ, форменныя дѣти, танцующія на вулканѣ: тутъ продажа послѣдняго угла, а сама Раневская только что пріѣхала изъ Парижа, гдѣ ее обобралъ какой-то альфонсъ, бросилъ, и о которомъ она все таки и теперь не можетъ говорить безъ слезъ. И такіе всѣ они.

Но, какъ у дѣтей же, въ нихъ много настоящей доброты, безкорыстія и даже свѣтлости, — той особенной красоты душевной, какая должна сохраниться у людей, всегда въ отдаленіи державшихся отъ жизни.

Странно, что существуетъ неутомимая вражда между чистотой нравственнаго облика,—личной святостью—и тѣмъ сложнымъ и слѣпымъ, что есть борьба за жизнь и благо. Получается какая-то дикая альтернатива: умереть самому или умертвить въ самомъ себѣ всё высшее—прекрасное.

И вотъ теперь, съ пробужденіемъ идеалистическаго повѣтрія, его истоки должны, мнѣ кажется, привести къ проповѣди аскетическихъ идеаловъ. Это также должно быть послѣдовательнымъ, естественнымъ и прямолинейнымъ, какъ завѣты древнихъ вѣроучителей,—Будды, требовавшаго отъ своихъ послѣдователей отказа отъ матеріальнаго благополучія и даже перехода въ бикшу, т. е. нищихъ; Христа, предписавшаго апостоламъ

*) *„Вишневый Садъ“* А. П. Чехова вышелъ только что одновременно въ двухъ изданіяхъ: во второй книжкѣ „Сборника“, изданнаго товариществомъ „Знаніе“ и въ изданіи А. Маркса.

Digitized by Google

не имѣть даже башмаковъ и посоха. Я не знаю, живутъ ли и даже практически осуществимъ ли вообще тотъ неоидеализмъ, который лучше всего было бы назвать *дѣятельнымъ*, но неоспоримо то, что всякій идеализмъ необходимо является созерцательнымъ и, слѣдовательно, квіэтичнымъ.

Несчастія практическаго характера „хорошіе“ люди встрѣчаютъ равнодушно, все вѣря, что случится вотъ-вотъ нѣчто чудесное и нежданное и спасетъ ихъ. Помыслы ихъ въ будущемъ, а то, что практически предлежитъ въ каждую данную минуту, есть только настоящее и исключаетъ чудо. Лопахинъ говоритъ про Раневскую: „Хорошій она человѣкъ. Легкій, простой человѣкъ“. И вотъ легкіе и хорошіе, простые люди гибнутъ. Прямо поразительно напоминаетъ „Вишневый Садъ“ своего автора, поразительно родственна эта пьеса всѣмъ его прежнимъ драмамъ: драматургія Чехова какъ-то настойчиво—цѣлостна.

Вотъ терпятъ разореніе Раневскіе, но еще 15 лѣтъ тому назадъ и Ивановъ былъ готовъ снести всё: и тоску, и психопатію, и разореніе, и потерю жены, и всю раннюю старость, а проживи онъ—не застрѣлись—до этой минуты гулялъ бы, можетъ быть, въ такомъ же уходящемъ изъ его рукъ вишневомъ саду, потому что деньги Саши Лебедевой были бы тоже прожиты. И такъ же, какъ Раневской совѣтуютъ обратиться къ родственницѣ за деньгами, срубить садъ и настроить дачъ,—и Иванову нѣкогда Лебедевъ совѣтовалъ: „съѣздилъ бы къ Мильбаху, попросилъ, вѣдь, онъ тебѣ шестнадцать тысячъ долженъ“. И такъ же, какъ Раневская съ Гаевымъ, „Ивановъ безнадежно махалъ рукой“.

„Имѣнье идетъ прахомъ, лѣса трещатъ подъ топоромъ. Земля моя глядитъ на меня, какъ сирота“.

Это говоритъ Ивановъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, не про себя только,—на ту же тему произнесетъ цѣлую филиппику Астровъ,—мы слышимъ тотъ-же укоряющій тонъ, гѣ же слова даже: „Русскіе лѣса трещатъ подъ топоромъ, гибнутъ милліарды деревьевъ, опустошаются жилища звѣрей и птицъ, мелѣютъ и сохнутъ рѣки, исчезаютъ безвозвратно чудные пейзажи, и все оттого, что у лѣниваго человѣка не хватаетъ смысла нагнуться и поднять съ земли топливо и т. д.“.

Какъ мистическая загадка виситъ надъ персонажами Чехова вопросъ: откуда это? И сами они мечутся, стараясь разрѣшить его и причины переутомленія, слишкомъ ранняго для ихъ 30—35 лѣтъ, и той скуки, которая ядомъ вошла въ ихъ сердца и души,—мечутся, мучатся и ничего не могутъ сказать въ отвѣтъ. Предъ этимъ молчаніемъ такъ и остановился съ револьверомъ въ рукахъ Ивановъ, но уже въ „Трехъ сестрахъ“ и въ „Дядѣ“ слышенъ какой-то опытъ разрѣшенія: *работа*. О ней говорятъ всѣ, — и Соня, и Астровъ, и Вершининъ, и Ольга съ Ириной, и Тузенбахъ.

Нѣсколько опредѣленнѣй, хотя и фаталистично въ историческомъ смыслѣ, выражается въ „Вишневомъ Садѣ“ старый студентъ Трофимовъ: „Вѣдь такъ ясно“, убѣждаетъ онъ, — „чтобы начать жить въ настоящемъ, *надо искупить наше прошлое*, покончить съ нимъ, а *искупить его можно только страданіемъ*, только необычайнымъ, непрерывнымъ трудомъ“. О *мистическомъ* искупленіи говоритъ онъ, когда напоминаетъ любимой дѣвушкѣ, дочери Раневской, Анѣ: „вашъ дѣдъ, прадѣдъ и всѣ ваши предки были крѣпостниками, владѣвшіе живыми душами, и неужели съ каждой вишни въ саду, съ каждаго листка, съ каждаго ствола не глядятъ на васъ человѣческія существа, неужели вы не слышите голосовъ“?!

Эти слова Трофимова для меня — самыя важныя во всей пьесѣ.

Быть можетъ, это еще не совсѣмъ проповѣдь, но что нѣчто отъ нея здѣсь есть — не подлежитъ сомнѣнію. Слова эти выдаютъ нѣкоторую и притомъ очень важную часть міровоззрѣнія самого Чехова: еще разъ повторяю—идеалистическое исповѣданіе не можетъ не быть аскетическимъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ не привести къ идеализаціи аскетическихъ подвиговъ. Но все это прямымъ путемъ неизбѣжно должно привести и къ мистическому міровоспріятію. Искупленіе грѣха цѣной страданья—мотивъ очень старый, но здѣсь и теперь, въ нашу эпоху увлеченія преображеннымъ средневѣковьемъ, онъ слишкомъ интересенъ, чтобы его не замѣчать. Конечно, Чеховъ не за пассивное страданье, но уже исторически—мистична эта ветхозавѣтно-загадочная неизбѣжность страданья дѣтей за грѣхи отцовъ. Во всякомъ случаѣ, есть что

Digitized by Google

то сильное, какъ молодая вѣра,, въ Иринѣ и теперь въ Трофимовѣ съ Аней, рѣшающихся пойти на трудъ и лишенія, не для борьбы только, а какъ бы для замаливанія грѣховнаго прошлаго отцовъ и дѣдовъ, предковъ рабовладѣльческой эпохи.

Нужно ли вообще что-нибудь искупать,—не поправлять и направлять, а именно *искупать*? вотъ вопросъ, который непремѣнно прошелъ бы у Горькаго.

Но у Чехова его нѣтъ и даже больше того, — тотъ же студентъ, разсуждая съ Гаевымъ о „гордомъ человѣкѣ“, бросаетъ между прочимъ, такую мысль: „Въ гордомъ человѣкѣ въ вашемъ смыслѣ есть что-то мистическое“. (Какъ будто этого мистическаго нѣтъ въ теоріи искупленія самого Трофимова!).—„Быть можетъ, вы и правы по своему“,—продолжаетъ онъ,—„но если разсуждать по просту, безъ затѣй, то какая тамъ гордость, есть ли въ ней смыслъ, если человѣкъ физіологически устроенъ неважно, если въ своемъ громадномъ большинствѣ онъ грубъ, неуменъ, глубоко несчастливъ. Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать“. Таковъ коррективъ Чехова къ гимну „человѣку“ Горькаго.

Странно, волшебно вѣтвится, дробится и спутывается мысль современнаго человѣка. Ницшеанствующій дѣятельный идеализмъ..... религіозные созерцатели.... квіэтизмъ мистическій.... „человѣкъ-самоцѣль“.... Розановъ, Бердяевъ,... Горькій и Чеховъ...

А рядомъ неугаснувшія и незарывшіяся теченія старыхъ міросозерцаній общественнаго склада, — „Вѣстникъ Европы“, „Русское Богатство“...

Происходитъ какая-то огромная, на половину скрытая работа духа, какое-то ослѣпительное лучеиспусканіе умовъ, напряженное исканіе, безостановочная борьба. Очень возможно, что она только, эта всеобщая работа мысли и нужна намъ, о ней, возможно, и говоритъ Чеховъ: не даромъ же въ самомъ дѣлѣ ницшеанство и „гордый человѣкъ“ доходятъ даже до мирныхъ Гаевыхъ!..

Въ сущности, совершенно неважно, на какой вѣрѣ остановиться человѣку,—лишь бы вѣрить. Русское Общество очень молодо, и бодръ человѣкъ, его молодая вѣра не останется безъ дѣлъ и не станетъ мертвой. Даже тѣ общія формулы, какія ноющими голосами выходятъ у Ирины, научатъ, куда пойти, и куда не идти. Надо вѣрить. Огромное завоеваніе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ именно въ пониженіи общаго нашего скептицизма, въ безстрашіи надеждъ, въ пробуждающейся жаждѣ подвига, въ томъ, что тамъ и сямъ энергія наша совершаетъ переходы, правда, не всегда благополучные, изъ потенціальнаго состоянія въ кинетическое.

Михайловскій ратовалъ особенно за два одушевляющихъ общественныхъ чувства—за чувство совѣсти и чувство чести: первое—голосъ виновности нашей предъ народомъ, второе—сознаніе виноватости предъ нами нашихъ оскорбителей.

И я думаю, что это такъ, только интенсивность этихъ чувствъ у насъ неодинакова, и чувства чести въ насъ всетаки меньше, чѣмъ чувства совѣсти, но можно быть убѣжденнымъ, что при наростаніи второго первое не только не уменьшится и не потухнетъ, а взростетъ еще больше, и заботиться и работать нужно именно въ сторону чести, ибо совѣсть приходитъ (въ данномъ пониманіи ея), какъ производная, какъ результатъ личнаго опыта горько поруганнаго достоинства. Вынесши на своихъ спинахъ безчестіе, недопустимо подвергать ему другихъ. Словомъ, проблема совѣсти практически разрѣшится легче и проще чрезъ разрѣшеніе проблемы чести. И вотъ причина, почему невысказанно и неясно-сознанно насъ клонитъ легче, и тяготѣемъ мы горячѣй въ сторону ницшеанства, а затѣмъ и дѣятельнаго идеализма.

Съ этой точки зрѣнія, „Вишневый садъ“—характернѣйшее произведеніе Чехова. Оно—симптомъ какого-то выздоровленія.

Меланхолическія настроенія—всегда спутники созерцателей. Полны разочарованія и пессимизма—ихъ пѣсни. Не къ вѣрѣ, не къ упованіямъ и труду зовутъ они людей,—отрицанію жизни учитъ ихъ проповѣдь. Таковъ же былъ Чеховъ почти всегда до сихъ поръ.

Трофимовъ:

... „У насъ, въ Россіи, работаютъ *пока* очень немногіе. Громадное большинство той интеллигенціи, какую я знаю, ничего не ищетъ, ничего не дѣлаетъ и къ труду *пока* не способно. Называютъ себя интеллигенціей, а прислугѣ говорятъ „ты“, съ мужиками обращаются, какъ съ животными, учатся плохо, серьезно ничего не читаютъ, ровно ничего не дѣлаютъ, о наукахъ только говорятъ, въ

Digitized by Google

искусствѣ понимають мало *). Всѣ серьезны. у всѣхъ строгія лица, всѣ говорятъ только о важномъ, философствуютъ, а между тѣмъ громадное большинство изъ насъ, девяносто девять изъ ста, живутъ, какъ дикари, чуть что — сейчасъ зуботычина, брань, ѣдятъ отвратительно, спятъ въ грязи, въ духотѣ, вездѣ клопы, смрадъ, сырость, нравственная нечистота... И, очевидно, всѣ хорошіе разговоры у насъ для того только, чтобы отвести глаза себѣ и другимъ. Укажите, гдѣ у насъ ясли, о которыхъ говорятъ такъ много и часто, гдѣ читальни? О нихъ только въ романахъ пишутъ, на дѣлѣ же ихъ нѣтъ совсѣмъ. Есть только грязь, пошлость, азіатчина... Я боюсь и не люблю очень серьезныхъ физіономій, боюсь серьезныхъ разговоровъ"!

Но Трофимовъ эту длинную реплику уже договариваетъ,—но и въ ней уже слышится новая вѣра, хотя въ этихъ двухъ *„пока"*, и съ этой стороны его слова полезно сравнить съ филиппикой Астрова, полной безнадежности, суровой и даже злой.

Астровъ:

... „Мужики однообразны очень, не развиты, грязно живутъ, а съ интеллигенціей трудно ладить. Она утомляетъ. Всѣ они, наши добрые знакомые, мелко мыслятъ, мелко чувствуютъ и не видятъ дальше своего носа— просто-на-просто глупы. А тѣ, которые поумнѣе и покрупнѣе, истеричны, заѣдены анализомъ, рефлексомъ... Эти ноютъ, ненавистничаютъ, болѣзненно клевещутъ, подходятъ къ человѣку бокомъ, смотрятъ на него искоса и рѣшаютъ": „О, это психопатъ!" или: „Это фразеръ!" А когда не знаютъ, какой ярлыкъ прилѣпить къ моему лбу, то говорятъ:—„Это странный человѣкъ, странный"!

Да! Это уже—допѣвъ, послѣдніе аккорды, и то—посвѣтлѣвшіе.

Въ общемъ, начиная съ заключительныхъ монологовъ „Дяди Вани" и „Трехъ сестеръ", черезъ освобождающуюся невѣсту (въ разсказѣ того же имени), къ свѣту зеленыхъ всходовъ на развалинахъ стараго гнѣзда Раневскихъ, проходитъ leitmotiv' отъ молодого упованія на прекрасную зарю грядущаго вѣка.

„Вишневый Садъ"—синтезъ всѣхъ послѣднихъ произведеній Чехова".

Въ немъ разрѣшаются многія сомнѣнія, расчищается даль міровоззрѣній большого и очень искренняго художника.

Въ этомъ періодѣ настойчиво и упорно заявляетъ о себѣ вѣра.

Слова героевъ звучатъ согласно. Ихъ мысли торжественны. Порывы ихъ горячи.

Въ „Трехъ сестрахъ" *Вершининъ*... „А пройдетъ еще немного времени, *какихъ-нибудь двѣсти-триста лѣтъ*, и на нашу теперешнюю жизнь такъ же будутъ смотрѣть и со страхомъ, и съ насмѣшкой, все нынѣшнее будетъ казаться и угловатымъ, и тяжелымъ, и очень неудобнымъ, и страннымъ. О, навѣрное, *какая это будетъ жизнь, какая жизнь*! (*смѣется*).

Въ „Дядѣ Ванѣ":

Астровъ (кричитъ сердито). Перестань! (*смягчившись*). Тѣ, *которые будутъ жить черезъ сто, двѣсти лѣтъ* послѣ насъ и которые будутъ презирать насъ за то, что мы прожили свои жизни такъ глупо и такъ безвкусно,—тѣ, быть-можетъ, *найдутъ средство, какъ быть счастливыми*, а мы... У насъ съ тобою только одна *надежда* и есть. *Надежда*, что когда мы будемъ почивать въ своихъ гробахъ, то насъ посѣтятъ видѣнія, быть-можетъ, даже пріятныя (*вздохнувъ*).

Въ „Трехъ Сестрахъ":

Тузенбахъ... Пришло время, надвигается на всѣхъ насъ *громада*, готовится здоровая, *сильная буря*, которая идетъ, уже близка и скоро сдуетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку. Я буду работать, а *черезъ какіе-нибудь* 25—30 лѣтъ работать будетъ уже каждый человѣкъ. Каждый!

Тамъ-же:

„Черезъ двѣсти, триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной, изумительной. Человѣку нужна такая жизнь, и если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, *готовиться къ ней*, онъ

---

*) Какъ это напоминаетъ Чебутыкина въ *„Трехъ сестрахъ"* съ его признаніемъ:

„Чортъ знаетъ... Третьяго дня разговоръ въ клубѣ; говорятъ, Шекспиръ, Вольтеръ... Я не читалъ, совсѣмъ не читалъ, а на лицѣ своемъ показалъ, будто читалъ. И другіе тоже, какъ я. Пошлость! Низость! И та женщина, что уморилъ въ среду, вспомнилась... и все вспомнилось и стало на душѣ криво, гадко, мерзко... пошелъ, запилъ"...

Вспомнимъ еще Войницкаго съ его характеристикой профессора въ *„Дядѣ Ванѣ"*!

Digitized by Google

долженъ для этого видѣть и знать больше, чѣмъ видѣли и знали его дѣдъ и отецъ. (*смѣется*) А вы жалуетесь, что знаете много лишняго".

Опять:

„*Черезъ двѣсти-триста*, *наконецъ*, *тысячу лѣтъ*, — дѣло не въ срокѣ,— *настанетъ новая счастливая жизнь*. Участвовать въ этой жизни мы не будемъ, конечно, но мы для нея живемъ теперь, *работаемъ*, ну, *страдаемъ*, мы творимъ ее—и въ этомъ одномъ цѣль нашего бытія и, если хотите, наше счастье".

Въ „Дядѣ Ванѣ" Астровъ объясняетъ источники своихъ радостей и своей энергіи: такъ: „... когда я прохожу мимо крестьянскихъ лѣсовъ, которые я спасъ отъ порубки, или когда я слышу, какъ шумитъ мой молодой лѣсъ, посаженный моими руками, я сознаю, что климатъ немножко и въ моей власти, и что, если *черезъ тысячу лѣтъ человѣкъ будетъ счастливъ*, то въ этомъ немножко буду виноватъ и я".

Но въ полномъ блескѣ, ярко, страстно, съ надрывомъ молодой горячности и жаждой Drang'a, вырываются волны протестующаго бездѣйствія юныхъ силъ—въ послѣднихъ женскихъ монологахъ въ „Трехъ Сестрахъ" и въ „Дядѣ Ванѣ". Ихъ интересно выслушать параллельно:

Въ „Сестрахъ"

Ирина (*кладетъ голову на грудь Ольгѣ*).—Придетъ время, всѣ узнаютъ, зачѣмъ все это, для чего эти страданія, никакихъ не будетъ тайнъ, а пока надо жить... надо работать, только работать! Завтра я поѣду одна, буду учить въ школѣ и всю свою жизнь отдамъ тѣмъ, кому она быть-можетъ, нужна. Теперь осень, скоро придетъ зима, засыплетъ снѣгомъ, а я буду работать, буду работать...

Ольга (*обнимаетъ обѣихъ сестеръ*.— Музыка играетъ такъ весело, бодро, и хочется жить! О, Боже мой! Пройдетъ время, и мы уйдемъ навѣки, насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса и сколько насъ было, но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь. О, милыя сестры, жизнь наша еще не кончена. Будемъ жить! Музыка играетъ такъ весело, такъ радостно и, кажется, еще немного, и мы узнаемъ, зачѣмъ мы живемъ, зачѣмъ страдаемъ. Если бы знать, если бы знать"!

Въ „Дядѣ":

Соня. Что же дѣлать, надо жить! (*пауза*). Мы, Дядя Ваня, будемъ жить. Проживемъ длинный-длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ; будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба; будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя, а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалится надъ нами, и мы съ тобою, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастья оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой—и отдохнемъ. Я вѣрую, дядя, я вѣрую горячо, страстно... (*становится передъ нимъ на колѣни и кладетъ голову на его руки; утомленнымъ голосомъ*). Мы отдохнемъ!

(*Телѣгинъ тихо играетъ на гитарѣ*).

Соня. Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка. Я вѣрую, вѣрую...

Садъ проданъ. Старые обитатели покинули насиженное гнѣздо. Въ немъ водворился Лопахинъ: по его словамъ, онъ „хватитъ топоромъ по вишневому саду, упадутъ на землю деревья",—настроитъ дачъ, „и наши внуки и правнуки увидятъ тутъ новую жизнь". Въ чемъ же будетъ ея новизна? Съ чего начинать Анѣ и Трофимову? Какъ приблизиться къ царству счастья, которое наступитъ „черезъ двѣсти-триста лѣтъ"?

На что „надежды", и въ чемъ ихъ смыслъ? Какъ и быть должно, надежды эти высказываются молодостью, и въ нихъ нельзя не слышать прежде всего вѣры въ чудо,—вездѣ тамъ эта вѣра, гдѣ дѣлаются первые шаги, вплоть до той вѣры въ чудо, которая охватываетъ каждаго приступающаго даже къ новой наукѣ: выростаютъ крылья, все, что зналъ до сихъ поръ, на время теряетъ свою цѣну, къ новой книгѣ припадаешь жадно, какъ къ роднику.

Тѣмъ болѣе въ жизни.

Digitized by Google

Вѣра въ чудо — результатъ незнанія, и раньше всего недостатокъ самопознанія, быть можетъ, опыта.

Ужасно, мучительно незнаніе того, *что я могу*, и чего *не* могу *ни при какихъ усиліяхъ моей личной мощи*.

„*Что я могу*" — какъ показатель максимальной моей возможности, самаго горняго пункта моего достиженія, наивысшаго напряженія моихъ личныхъ единичныхъ силъ.

Отсюда томительность и гнетъ бездѣйствія для молодости. Отсюда же легкость чрезмѣрнаго преувеличенія собственной мощи, жажда необычнаго и вѣра въ него, признаніе или допустимость чуда; отсюда же юношеская мечтательность, а при долгомъ скопленіи силъ—тоска.

Однако, отъ общихъ формулъ Сони и Ирины, подъ вліяніемъ Трофимова Аня Раневская уже опредѣленнѣй намѣчаетъ ближайшій этапъ своего жизненнаго странствованія: „Я подготовлюсь, выдержу экзаменъ въ гимназіи и потомъ буду работать, тебѣ помогать. Мы, мама, будемъ вмѣстѣ читать разныя книги. Неправда ли? Мы будемъ читать въ осенніе вечера, прочтемъ много книгъ, и передъ нами откроется новый, чудесный міръ".

Формула ясна и вѣрна: мы имѣемъ дѣло уже не съ общими далекими иллюзіями, а съ опредѣленной ближайшей цѣлью,— самыя надежды пріобрѣтаютъ иную, серьезную окраску. Это не самонадѣянно—фаталистическая вѣра въ „приходъ грядущихъ весеннихъ дней", а вѣра—убѣжденіе,—нѣчто прозорливое, трезвое и ясное.

Какіе то красивыя и тайныя тропы соединяютъ юношескую грусть съ свѣтовыми надеждами, будто въ самой грусти заложенъ хрустальный источникъ радостнаго свѣта, сладкихъ слезъ, легкихъ вздоховъ, безъ черной скорби, безъ рыданій, безъ отчаянія,— оттого, должно быть, и пѣсни юности бываютъ такія грустно счастливыя. И оттого-то часто такъ эта грусть разрѣшается бодрымъ захватомъ труда.

А въ этомъ — спасеніе отъ пассивности, отъ страдательной роли въ жизни, залогъ борьбы. Чрезъ знаніе, вѣру и трудъ, быть можетъ, и на самомъ дѣлѣ, проложенъ путь— не къ счастью конечно,—а къ лучшему.

А пока Ани, Сони, Ирины и всѣ Трофимовы идутъ за знаньемъ, Лопахины воцаряются и заявляютъ о своемъ обладаніи, пророчатъ даже „новую жизнь".

Но это ничего. Ушли „хорошіе" Раневскіе, пришли сильные и грубые, невѣжественные Ермолаи Лопахины, со своимъ практическимъ взглядомъ „капитала" съ большой энергіей. Но пришли они не надолго. Поднимутся новые всходы, разростутся, Ани выучатся жить и работать, вооруженные знаніемъ и вѣрой, придутъ смѣлые и бодрые, горячіе и умные люди,—и Лопахинымъ настанетъ конецъ.

Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, жизни временно потребовались не умные, а сильные,—и она ихъ призвала.

Но это не надолго. Ихъ временное торжество—только постой, этапъ исторіи.

И если тяжело отъ грубой руки капитализма,—то надо знать, что это всего лишь опыты исторіи, которыми она дорожитъ. Дорожить ими и мы должны, — т. е. познавать не только ихъ, но и способы борьбы съ ними; опыты исторіи не проходятъ даромъ и не достаются дешево.

Новому поколѣнію необходимо научиться мудрости жизни и радостямъ битвъ.

Тогда воскреснетъ героическое начало, прекрасное, великое, сильное... Будущее за знаніемъ и энергіей, за страстными борцами во имя чувства чести и совѣсти...

П. Пильскій.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Читатель и писатель.

Два спора: о выѣденномъ яйцѣ и о заблудномъ читателѣ, которому нужны журналы плохіе, а сотрудники въ нихъ молодые и хорошіе.

Позвольте же заступиться за русскаго читателя,—онъ то ужъ тутъ совсѣмъ не причемъ.

И даже больше: воистину безвинно претерпѣваетъ. Судите сами: господа журналисты его пригласили участвовать въ газетѣ не только пятаками, но и перомъ, завлекли въ писаніе, отвели ему скромное петитное мѣсто „читательскихъ писемъ“, наговорили комплиментовъ въ томъ смыслѣ, что, молъ, это главное условіе нашей собственной жизненности,—словомъ, увѣрили.

Человѣкъ повѣрилъ.

И вдругъ послѣ всего этого въ средѣ же журналистовъ ему, какъ телеграфисту въ чеховскомъ разсказѣ объявляютъ:

— „Позвольте вамъ выйти вонъ“...

Какъ хотите, но это и неожиданно, и обидно и, главное, несправедливо.

По порядку дѣло происходило такимъ образомъ.

Петербургская газета „Русь“, а за ней московская „Русская Правда“ открыли у себя отдѣлы читательскихъ писемъ,—не тѣхъ стереотипныхъ посланій, гдѣ авторы изъ публики озабочены своевременнымъ принесеніемъ благодарностей почтившимъ ихъ неслыханный юбилей, и не тѣхъ, гдѣ они укоряютъ въ неточности присяжнаго репортера, обвинившаго ихъ въ дракѣ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, происходила всего только „необходимая“ оборона, а писемъ—бесѣдъ, писемъ-мнѣній.

Ну, ясно же: каждый день читаетъ газету подписчикъ, видитъ десятки вопросовъ, поднимающихся съ ея столбцовъ, самъ онъ тысячью нитей связанъ то съ однимъ, то съ другимъ изъ нихъ,—какъ же не интересно послушать эти голоса изъ „гущи жизни“?

Конечно, интересно.

Кромѣ того, этакое участіе въ самой газетѣ „привязываетъ“ и роднитъ. Завести отдѣлъ читательскихъ взглядовъ,—казалось бы, само дѣло велитъ. Рознь между тѣми, кто газету пишетъ, и тѣмъ, кто читаетъ ее, слишкомъ велика; разстояніе, раздѣляющее ихъ, такъ необъятно значительно, что устроить рупоръ изъ жизни въ редакціонныя камеры—значитъ просто на просто отворить окно.

Никакого спора тутъ не можетъ быть. Не возникаетъ по этому поводу никакого и „вопроса“.

Digitized by Google

И вотъ, однако, оказывается, что и вопросъ тутъ большой есть, и споръ возможенъ. Одинъ изъ сотрудниковъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ вооружился противъ читательскаго участія очень не на шутку. Они, эти письма, по мнѣнію автора, „не вольютъ жизненнаго элексира въ газетныя строчки. Они или будутъ бросаться въ корзины, или, если появятся въ газетѣ, *внесутъ въ нее обывательскую точку зрѣнія и мелкіе интересы* обывательщины“ *).

„Зачѣмъ такъ печально“?—какъ говоритъ нѣкій сердцѣедъ въ водевилѣ. И откуда гордость сія?

Прежде всего, ни про какой жизненный элексиръ рѣчи и не идетъ. Правда, авторъ статьи,—г. Борскій,—возражаетъ на смѣшноватыя надежды одного изъ сотрудниковъ „Руси“, который, наивно похлопывая себя въ грудь, умоляетъ читателя: „пишите письма въ редакцію,—берите примѣръ съ хозяекъ, воюющихъ въ печати съ прислугой, и о болѣе важныхъ вопросахъ говорите съ такою же искренностью и горячностью. Тогда, быть можетъ, вы найдете въ печати нѣчто болѣе содержательное, чѣмъ разсужденія о преимуществѣ беркшировъ предъ іоркширами въ хозяйствѣ шотландскаго фермера. А если и тогда печать останется при этихъ важныхъ вопросахъ, то тогда безспорно будетъ виновата печать, но только... этого не будетъ“.

Но, стараясь распрямить лукъ, г. Борскій его перегнулъ въ другую сторону. И если довольно нелѣпо возлагать столь обширныя и сладкія упованія на читателя, то не менѣе высокомѣрно не ждать отъ него ничего, кромѣ мелкаго, обывательскаго, пошлаго и будничнаго. Какъ всегда бываетъ, ставъ на ложную точку зрѣнія и взявшись доказывать неудобо доказуемое, г. Барскій самъ себѣ же отдавилъ ноги. Всего только на сосѣднемъ столбцѣ онъ самъ признается въ томъ, что „мысль современнаго намъ читателя бьется и живетъ страстнымъ темпомъ, *совсѣмъ не по-обывательски. Духовные запросы* русскаго культурнаго человѣка приняли *гигантскіе* размѣры, и близко время, когда онъ найдетъ то, чего ему не хватаетъ и чего онъ ищетъ: найдетъ своего новаго Бога, велѣнію котораго и подчинится, выведенный изъ состоянія нерѣшительности, инертности и пессимистической расхлябанности“.

Вотъ тутъ и примирите это „совсѣмъ не обывательское“ съ неизбѣжностью привнесенія въ газету „обывательской точки зрѣнія“ и „мелкихъ интересовъ“!

Но главный смыслъ всего этого похода противъ читателя, конечно, не въ томъ, что нападающій самъ сталъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, а въ той типичной точки зрѣнія „свысока“, съ которой онъ только и можетъ, въ концѣ концовъ, взирать на читателя.

Онъ характеренъ, этотъ взглядъ, и именно потому, что совершенно необъяснимъ и ничѣмъ рѣшительно не оправдывается.

Прежде всего, давайте опредѣлять, что такое *читатель*?

Количественно—читатель-всему грамотному населенію страны минусъ щепотка *профессіонально* пишущихъ.

Съ этой точки зрѣнія, А. Ѳ. Кони и тотъ купецъ, что писалъ два года назадъ въ „Самарскую газету“: „Пожалуйста поменьше нащотъ Гоголя“—одинаково читатели. И если я многихъ изъ пишущихъ поздравилъ бы съ эрудиціей, какая найдется у Кони, и съ тѣмъ богатствомъ точекъ зрѣнія, какимъ владѣетъ онъ, то никакъ не могу серіозно осудить и самарскаго купца за его молящій голосъ: должно быть, и интересно же писали самарскіе купцы „не-читатели“, коли сумѣли такъ задавить бѣднаго человѣка, что онъ возопилъ объ избавленіи отъ Гоголя, какъ объ особой милости.

Еще покойникъ Н. В. Шелгуновъ замѣтилъ, что „нашъ читатель ищетъ и любитъ, чтобы съ нимъ говорили руководящимъ, уясняющимъ образомъ,—любитъ, когда съ нимъ принимаютъ даже авторитетный тонъ, но чтобы говорили ясно, просто, живою разговорною рѣчью, какъ въ обыкновенной бесѣдѣ“ *).

И я увѣренъ, что если самарская газета (въ то время симпатичная по направленію) сумѣла бы такъ заговорить съ нимъ о

*) Спб. Вѣд. отъ 3-го іюня № 148: „*Отрывки*“ Б. Борскаго.

*) Очерки Русской Жизни гл. XXVIII „Движеженіе русской мысли и литературы за 40 лѣтъ“. стр. 535—536. (Изд. О. Н. Поповой Спб. 1895).

Digitized by Google

Гоголѣ, или по поводу его юбилея, то мольбы такой о „по меньше“ ей не пришлось бы услышать. Въ сущности, и тотъ, и другой—и г. Змій изъ „Руси“, и г. Борскій изъ „Спб. Вѣдомостей“,—оба говорятъ о нѣтовыхъ цвѣтахъ, и—да простится мнѣ предположеніе!—вѣроятнѣй всего, потому, что не о чемъ больше говорить.

Вѣдь ясно, навѣрно, что читатель, какъ нѣчто однослойное, односоставное, какъ опредѣленная величина,—миѳъ. Онъ—собирательное; это-нѣчто, не обладающее никакими типичными чертами, за исключеніемъ развѣ „не похожести“ и несходности своихъ составныхъ частей,—многокрасочное, многовкусное, разнорѣчивое,—тысячеликій символъ. У всѣхъ на памяти знаменитая провинціальная анкета читательскихъ вкусовъ: получилось столько же разныхъ отвѣтовъ, сколько было головъ, и столько же требованій, сколько читателей.

Никакому идейно—опредѣленному учету результатъ анкеты не подлежалъ.

И въ этомъ смыслѣ одинаково далеки отъ правды и чающій движенія воды г. Змій, радостный тому, что барыни съ прислугой полемизируютъ не на кухнѣ, а на печатныхъ столбцахъ, и высокомѣрно—противорѣчащій себѣ г. Борскій, поднявшій разговоръ изъ-за ничего: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, никто же не собирался помѣщать *всѣ* присылаемыя въ редакцію письма, и никѣмъ не поднимался вопросъ, помѣщать ли *все*, или, если не помѣщать, то *ничего*.

Какъ дважды два-четыре понятно, и, какъ палецъ, просто, что столбцы газетъ пріютили бы только интересныя, имѣющія общее значеніе письма, словомъ, нѣкоторыя и немногія, а не всѣ, не всякое присланное письмо. И обязательства въ семъ послѣднемъ тоже ни одна редакція на себя не принимала. Все возраженіе г. Барскаго походитъ на сомнѣнія редактора, вступающаго въ свои обязанности и размышляющаго, всѣ ли присылаемыя въ редакцію статьи отправляютъ въ наборъ, или въ корзину,—нѣтъ такихъ редакторовъ; что подойдетъ—помѣщаютъ. что не удобопріемлемо—уничтожается.

Вопросъ о читателѣ—вопросъ не только сложный, но и неразрѣшимый, и поэтому-то о немъ надо говорить съ большой осторожностью, но поэтому же и интересны тѣ отдѣлы, гдѣ онъ самъ сотрудникъ. Тотъ же Шелгуновъ въ одномъ мѣстѣ даетъ очень интересную характеристику этого читателя, ну, а Шелгунову-то уже вѣрить, кажется, можно. Взглядъ его таковъ: читатель всегда ищетъ понятій и идей нравственнаго порядка, которыя бы выяснили ему жизненныя отношенія и его личные вопросы о справедливости (больше всего о справедливости), такъ какъ это чувство чаще въ немъ страдаетъ и за него самого, и за другихъ. „Онъ ищетъ указаній на *общія* руководящія начала и оттого такъ и любитъ обобщенія. Тяготѣя *къ общимъ* разрѣшеніямъ, онъ не любитъ ничего *вѣчнаго*, частнаго, сословнаго, *мѣстного*, областнаго или *кружковаго*. Онъ, подобно древнему мудрецу, имѣетъ право сказать, что свою семью любитъ больше себя, отечество—больше семьи и родъ человѣческій—больше отечества“... „Читатель—большая сила и все онъ съумѣетъ перевернуть по своему“.

Какъ это непохоже на то, что говоритъ г. Борскій!

А писано это въ восьмидесятыхъ годахъ, и много воды утекло съ тѣхъ поръ. Выросъ читатель и еще серіознѣй стали его запросы, и еще больше ушелъ онъ отъ своего личнаго и кружковаго. Кстати сказать, и вся приведенная цитата Шелгуновымъ написана по поводу одного читательскаго письма къ нему.

Г. Борскій увѣряетъ, что пишутъ читатели о налогѣ на кошекъ, о достоинствахъ и недостаткахъ пѣнія Вяльцевой, пишутъ (и много) о пожарѣ „Олимпіи“, пишутъ и на многія другія, сродныя указаннымъ, темы.

Допустимъ даже, что читатели *въ данную* газету присылаютъ такія и только такія письма. Но что жъ удивительнаго, позвольте спросить, въ этомъ? Что неожиданнаго въ томъ, что бѣдная газетная публика *почти во всѣхъ* газетахъ вскармливается только театральными темами, только Вяльцевой, только „Олимпіями“ и лѣтними садами, только пожарами и только думой и ея налогами и расходами, причемъ оказывается, что сады всѣ хороши, а дѣйствія думы всѣ плохи?! Передовая о налогѣ на собакъ или объ абсентеизмѣ гласныхъ, хроника о театрѣ „искусства“—о театрѣ,—затѣмъ „театръ и музыка“, фельетонъ—о но-

Digitized by Google

вой пьесѣ, или новой артисткѣ, полемика—въ томъ же родѣ,—а читательскія письма должны, видите ли, явиться коррективомъ; трактовать о вопросахъ жизни и духа, иначе г.г. Зміи предъявятъ обществу „обвиненіе за то въ томъ равнодушіи, съ которымъ оно относится къ своимъ прямымъ обязанностямъ, систематично замалчивая то, о чемъ нужно говорить, спорить, спорить до хрипоты“.

Ну, а сами-то, вы „не читатели“, что жъ вы „замалчиваете“ и не „кричите до хрипоты“? Это ужъ прямо называется: съ больной головы—на здоровую...

И опять таки значитъ, дѣло—не въ самомъ читателѣ, который умѣлъ писать иное и объ иномъ и Михайловскому, и Толстому, и Шелгунову. Но странно, чтобы читатель, видящій компетентность газеты въ шатово-просахъ, сталъ бы обращаться къ ней за разъясненіемъ своихъ большихъ сомнѣній, за утоленіемъ печали, съ своими исканіями правды и знанія. Читательское письмо—откликъ,—„какъ аукнется, такъ и откликнется“, и на зеркало нечего пенять, коли рожа крива, а высокомѣріе надо забыть, ибо ни на чемъ оно не основано.

Въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени трудно *теперь* провести ту грань, гдѣ кончается обыватель и начинается пишущій человѣкъ. Будемъ справедливы и скромны будемъ. Вѣдь то огромное разстояніе, которое создалось между такъ называемыми пишущими и ихъ читателями, исключительно въ томъ большемъ, или меньшемъ постоянствѣ, съ которымъ занимается каждый изъ тѣхъ и другихъ своимъ дѣломъ. Знанія настоящаго, серьезной подготовки и тамъ, и тутъ въ большинствѣ случаевъ весьма мало.

Разница—въ опытѣ, т. е. въ техникѣ, въ той чисто русской газетной техникѣ, которая научаетъ полусловамъ и намекамъ, подсказываетъ подобающій тонъ, и все для того, чтобъ только провести статью черезъ цензурный шлагбаумъ. Не въ этомъ же разница между обывателемъ и газетнымъ профессіоналомъ. А другихъ, пожалуй, въ $^9/_{10}$ случаевъ и совсѣмъ нѣтъ. Можно было бы говорить и серьезно говорить объ убѣжденіяхъ, ихъ цѣлостности и общей широкой стройности, но стоитъ ли толковать объ этомъ, если добрая половина газетной братіи легко могутъ съ одинаковой готовностью вступать и въ ряды „ликующихъ“, и въ станъ погибающихъ, подобно веселой птичкѣ, не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій? Въ ряды газетныхъ работниковъ вступаютъ самые разнохарактерные люди, на ежедневное строченіе идетъ самый разнокалиберный элементъ. Тутъ и только что покончившій со своимъ дѣломъ сельскій учитель, и еле водящій перомъ по бумагѣ ех-актеръ, и покинувшій прилавокъ прикащикъ, и никто изъ нихъ даже не подновляетъ своихъ свѣдѣній, а написалъ первую „статью“,—ничего уже, кромѣ газетъ, никогда и не читаетъ.

Въ средѣ интеллигентныхъ читателей, никогда не бравшихъ пера въ руки съ опредѣленной „сотрудницеской“ цѣлью, ни разу не переступившихъ редакціоннаго порога, находится истинно образованное меньшинство нашего общества. Тутъ есть истинно читающіе, истинно думающіе, истинно знающіе люди. Ужъ не говорю о спеціалистахъ въ каждой данной области—включительно до литературы,—къ которымъ наносятъ свои визиты редакціонные агенты—интервьюеры тожъ,—а и вообще очень разносторонне освѣдомленныхъ людей, какихъ мало и въ журналистикѣ,—найдется здѣсь не одинъ и не двое. При такихъ условіяхъ, вся тайна, почему одни, уже пишущіе, стали журналистами, а другіе, хотя и знающіе умы не стали, могла бы свестись къ вопросу о литературномъ талантѣ, если-бъ?..

Если-бъ среди многихъ пишущихъ въ газетахъ не былъ бы такъ нищенски ничтоженъ процентъ дѣйствительно талантливыхъ людей.

Чувствую, что подхожу къ страшному выводу, но выведя і, поставимъ надъ нимъ ужъ и точку: выходитъ, что никакой существенной, т. е. принципіальной, рѣзкой внутренной разницы между интеллигентнымъ читателемъ и частнымъ пишущимъ человѣкомъ en masse — пожалуй, совсѣмъ нѣтъ. Нѣтъ и повода его и обывателемъ крестить. А только именно объ этомъ читателѣ и рѣчь; съ нимъ только и единеніе возможно, и общеніе пріятно. Есть еще крестьяне и рабочіе, но они вообще процентъ слишкомъ незамѣтный среди газетной аудиторіи, а въ качествѣ редакціонныхъ корреспондентовъ—это и просто дробь;—значитъ, не объ нихъ рѣчь у меня, да и г. Борскій, конечно, не распространитъ своего отмахивающагося

Digitized by Google

отношенія на такихъ читателей, если-бъ они въ числѣ пишущихъ письма и стали впрямь преобладающимъ элементомъ.

Словомъ, убиваться, что хозяйки не пишутъ о камеристкахъ, не нужно, но и безнадежностью, съ которой г. Борскій махнулъ рукой на всѣ читательскіе „опыты съ искренностью“, заражаться не приходится, какъ не слѣдуетъ ставить и самый вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ это сдѣлалъ онъ. Сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что многимъ изъ читателей есть, о чемъ писать въ газету, есть темы и факты для этого и у пробудившихся давно и у пробуждающихся только что. Чужой мысли запрету не положить, какъ ни затыкай уши и ни отвочивайся. Г. Борскій справедливо считаетъ, что „не цензурное“ и въ читательскихъ письмахъ не пройдетъ, какъ оно не проходитъ и въ статьяхъ. Что жъ дѣлать? Но хорошо и то уже, что до такой мысли самостоятельно додумается одинъ изъ потребителей газетнаго слова, а додумавшись и написавъ, узнаетъ, почему газета не обслуживаетъ и десятой доли тѣхъ нуждъ, которыми горитъ и болѣетъ все общество, и въ томъ числѣ онъ самъ. Но, правду говоря, зачѣмъ такъ ужъ непремѣнно одно неудобосказуемое и будетъ только писать этотъ сторонній сотрудникъ? Будто бы такъ полно разобрались наши статьи во всемъ даже дозволенномъ и будто не интересны и здѣсь новыя точки зрѣнія и мнѣнія голосовъ жизни... А новое, вѣдь, и тутъ встрѣтиться можетъ. Однимъ словомъ, письма, общеніе, эти дружественно протянутыя руки—нужны и очень, хотя, само собой, не все получитъ здѣсь свое удовлетвореніе, не всѣмъ услыхать слова откликнувшагося привѣта, не всѣ руки будутъ подхвачены отвѣтнымъ пожатіемъ. Но вопросъ идетъ, повторяю, не о всѣхъ, а лишь о нѣкоторыхъ, въ крайнемъ случаѣ, о многихъ.

— Такъ это же все было,—замѣтятъ. Вездѣ же есть и всегда существовали „письма въ редакцію“!..

Конечно, были, конечно, есть. Если же заводятъ нарочно „отдѣлъ“ этакихъ писемъ,—это означаетъ только то, что редакція расширяетъ предѣлы темъ; что она печатаетъ не по 139 ст., а по доброхотному почину; что и въ этомъ отдѣлѣ она видитъ свою собственную нужду, а не только простую неизбѣжность.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

А короткій смыслъ всего этого разговора заключается въ томъ, что не слѣдуетъ спорить изъ-за пустяковъ, и толковать о выѣденномъ яйцѣ. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ такъ, съ плеча рѣшать вопросъ о всей читательской массѣ. Это—разъ.

Хватаніе же за пустяки и за скорлупки выѣденныхъ яицъ свидѣтельствуетъ, въ свою очередь, уже о большемъ: объ ограниченности числа темъ, въ которомъ виноваты—увы!—не одни авторы, а положенный роковой предѣлъ,—его же не прейдеши. Это—второе и самое важное.

Тѣмъ страннѣе слышать нападки и преждевременный скептицизмъ по отношенію къ такому эпистолярному роду общенія газеты съ своей аудиторіи, что это—единственно порядочный и, такъ сказать, чистый, естественный способъ взаимной связи.

Бываетъ хуже, и даже много хуже. Тутъ хоть стараются сроднить читателя, сблизиться съ нимъ, понять его. При такихъ условіяхъ открывается огромный просторъ возможности и развить, и поднять до себя тѣхъ, кто стоитъ ниже. Здѣсь общеніе и умноженіе аудиторіи происходитъ на почвѣ самой идеальной,—на почвѣ обмѣна мыслями, мнѣніями,—самымъ дорогимъ, что есть и можетъ быть у человѣка.

Совсѣмъ иное дѣло завлеканіе, практикующееся въ массѣ газетъ: приманка именемъ, которое только именемъ и остается; приманка преміями, вродѣ знаменитыхъ ста красавицъ. Или вотъ, какъ знаменитый въ своемъ родѣ Пирсонъ продѣлываетъ съ своими листками въ Англіи: заводятъ шарадный отдѣлъ въ газетѣ—и объявляютъ, что въ теченіе такого-то срока будутъ печататься по 10 вопросовъ,—кто лучше отвѣтитъ на всѣ, получитъ въ конторѣ изданія мѣсто въ 100 ф. с. въ первый же годъ. Конечно, Пирсонъ съ своими „Tit-Bits“—„Pearson's Weekly“ не остался одинокъ, а вызвалъ подражаніе, и лотерейная эпидемія охватила сразу двѣсти листковъ. Дошло бы вѣрно, и до тысячъ, если бъ не вмѣшался судъ, усмотрѣвшій въ этомъ самую простую азартную игру. Словомъ, способовъ много,—и не имъ учить и нашего отечественнаго издателя.

Digitized by Google

Но существенная разница между тѣмъ и другимъ способомъ ощущается, мнѣ кажется, и въ самыхъ результатахъ: аудиторія, приходящая черезъ общеніе съ газетой, несомнѣнно будетъ и чище, и односоставной, и серіознѣй, чѣмъ та, которая куплена на приманку, чѣмъ этотъ „заблудлый" читатель, ловящійся въ декабрѣ, когда госпожа Реклама празднуетъ свои именины.

Вотъ скоро будетъ разбираться любопытный вопросъ.

Въ судебныхъ сферахъ Москвы,—сообщаетъ „Новое Обозр.",—заваривается одно дѣло, небезъинтересное по принципіальной важности его и по тѣмъ результатамъ, къ которымъ придетъ оно. Вѣроятно, оно не ограничится одной инстанціей и пойдетъ дальше, вызывая вездѣ оживленныя пренія и горячіе споры и обсужденія. Интереснымъ оно представляется еще и потому, что фигурировать въ немъ, хотя и незримо, будетъ самъ король нашихъ фельетонистовъ—В. М. Дорошевичъ: онъ, именно, является причиной возбужденія этого дѣла.

Изъ-за него волнуется московская публика и предъявляетъ къ извѣстнѣйшему изъ русскихъ издателей, г. Сытину, искъ въ судѣ.

Дѣло обстоитъ очень просто. В. М. Дорошевичъ, тотъ самый Дорошевичъ, о „постоянномъ участіи" и о печатаніи ежедневныхъ фельетоновъ котораго неукоснительно объявляется крупнымъ шрифтомъ въ каждомъ № „Русскаго Слова", съ самаго января настоящаго года не напечаталъ въ этой газетѣ ни строчки. Точно его нѣтъ на свѣтѣ, сгинулъ безслѣдно. Говорятъ, что г. Дорошевичъ благоденствуетъ въ Каирѣ, говорятъ, что онъ въ Портъ-Саидѣ, говорятъ, что онъ пишетъ на свободѣ отъ обязательныхъ ежедневныхъ фельетоновъ огромнѣйшій романъ, говорятъ...

Но въ газетѣ, въ этой самой газетѣ, въ которой онъ принимаетъ „постоянное участіе" и „печатаетъ ежедневные фельетоны", его нѣтъ и нѣтъ.

И подписчики газеты, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что говорятъ о г. Дорошевичѣ, говорятъ въ свою очередь г. Сытину прямо и опредѣленно:

— Такъ какъ мы подписались на „Русское Слово" изъ-за Дорошевича и такъ какъ г. Дорошевичъ не пишетъ въ газетѣ, то пожалуйте наши денежки обратно.

Резонъ простой, понятный и не внимать ему нельзя. Г. Сытинъ считается невыполнившимъ своего обязательства передъ подписчиками и долженъ удовлетворить ихъ. Но мало этого: г. Сытинъ можетъ еще оказаться въ положеніи человѣка, совершающаго нѣчто очень предосудительное по нашимъ криминальнымъ воззрѣніямъ.

Онъ, вѣдь, объявляетъ объ участіи г. Дорошевича какъ разъ тогда, когда, какъ ему самому это отлично извѣстно, г. Дорошевичъ не печатаетъ въ газетѣ ни строчки.

Это пахнетъ большимъ, чѣмъ простое невыполненіе обязательства передъ подписчиками, и хотя неизвѣстно еще, какъ отнесется къ этому обстоятельству судъ, но всетаки нѣкоторый рискъ для г. Сытина, несомнѣнно, имѣется.

Но какой исходъ дѣло не приняло бы—результатъ сытинскихъ завлеканій всетаки и по сей день на лицо: съ тридцати тысячъ тиража газета поднялась чуть ли не до ста и не надо быть пророкомъ, чтобъ безошибочно предсказать, что цифра эта перейдетъ и за сто тысячъ слишкомъ. Я не хочу здѣсь касаться щекотливаго вопроса о томъ, въ какое положеніе поставлены этими исками остальные сотрудники „Русскаго Слова", дѣйствительно сотрудничающіе въ немъ, и вынужденные теперь услышать признаніе на всю Россію въ томъ, что они совершенно свободно могли бы и не стараться объ этомъ, такъ какъ весь интересъ заключенъ, какъ оказывается, въ одномъ только Дорошевичѣ. Не буду разбирать, насколько въ этомъ, во всякомъ случаѣ не слишкомъ пріятномъ положеніи ихъ сыгралъ роль г. Сытинъ, вообще говоря, всего менѣе вѣдающій, что творится въ его изданіи. Интересъ этого дѣла, съ занимающей меня точки зрѣнія, въ томъ, что именно такова и должна быть участь заблудлаго читателя,—т. е. сначала подписаться, а потомъ рѣшать извѣстный вопросъ купчихи Островскаго: „что лучше — ждать и не дождаться, или имѣть и потерять?" — и въ концѣ концовъ судиться, или по крайней мѣрѣ писать во всѣ редакціи слезницы въ тонѣ той унтеръ-офицерской вдовы, которая сама себя высѣкла. Жалѣть ли его?

Конечно, жалости онъ достоинъ, но одною ею не откупишься, потому что его, заблудлаго, еще и спасать, кромѣ того, нужно. А это много труднѣе, ибо эта заблудлость—

Digitized by Google

продуктъ цѣлой паутины причинъ и условій, и, если не разрубать узловъ, а пробовать ихъ развязывать, то почвѣ, на которой выросла и распустилась такимъ махровымъ цвѣтомъ русская читательская заблудлость, пришлось бы посвятить добрый томъ, который, впрочемъ, не пришлось бы издать.

Гораздо проще, конечно, разрубать, какъ это рѣшительно и производитъ другой сотрудникъ тѣхъ же „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, г. Василевскій (Не-буква). Начинаетъ онъ какъ будто за здравіе: несправедливо, говоритъ, и слѣдить только за толстыми журналами и замалчивать другіе, напримѣръ, „Журналъ для всѣхъ“ и тутъ же ставитъ діагнозъ этого „замалчиванія“: оно — „происходитъ не отъ рутины, и ужъ во всякомъ случаѣ, не только отъ рутины. Это не есть, далѣе, и злонамѣренное замалчиваніе,—справедливо разсуждаетъ авторъ,—всякому болѣе или менѣе близко стоящему къ литературнымъ кружкамъ, извѣстно, какими симпатіями пользуется этотъ журналъ“. Такъ въ чемъ же дѣло? А вотъ: „*Это игнорированіе есть слѣдствіе возмутительнаго и уродливаго „аристократизма“, какой сказывается, наприм., въ стремленіи молодыхъ талантовъ проникнуть именно въ привиллегированные журналы.* Сплошь и рядомъ стремятся они туда „цѣною крупныхъ уступокъ своей индивидуальности, стремятся туда, вмѣсто того, чтобы пойти въ „Родину“ и „Свѣтъ“ *) и, завоевавъ ихъ огромную, многотысячную аудиторію и по новому, по своему образцу передѣлавъ тотъ матеріалъ, который даютъ читателю-простецу эти архаическія изданія, отдать свое выстраданное и выношенное слово туда, гдѣ оно дѣйствительно цѣнно и нужно, вмѣсто заваливанія своими рукописями и безъ того переполненныхъ корзинъ и портфелей „толстыхъ“, „привилегированныхъ“ журналовъ“... **).

Ну, слава Богу: молчаніе критики о „Журналѣ для всѣхъ“,—результатъ стремленія молодыхъ талантовъ не въ „Родину“, а въ „привилегированные“ журналы!

*) На другой день оказалось, что авторъ имѣлъ въ виду не „Свѣтъ“, а „Сѣверъ“, что онъ самъ и оговорилъ.

**) Спб. Вѣд. 22-го мая № 137. „Критическіе этюды“.

Долженъ сознаться, что такого силлогизма постигнуть я никакими усиліями моихъ мыслительныхъ способностей совершенно не въ состояніи, хотя было бы большой поспѣшностью укорить меня въ незнаніи другого извѣстнаго сцѣпленія мыслей: „въ огородѣ—бузина, а въ Кіевѣ—дядя“, или Шелгуновскаго: „на дворѣ идетъ дождь, а въ углу стоитъ палка“. Если точно понимать эту тираду г. Василевскаго, то стоило бы пойти молодымъ талантамъ въ „Родины“, и о „Журналѣ для всѣхъ“ критика заговорила бы тотчасъ,—узоръ мыслей, согласитесь, нарочито удивительный. Я допускаю, однако, здѣсь обмолвку, столь естественную при спѣшной и постоянной газетной работѣ и пусть авторъ хотѣлъ сказать, что присутствіе молодыхъ талантовъ въ „Журналѣ“ сдѣлало бы критику къ нему отзывчивѣй. Но развѣ же ихъ нѣтъ здѣсь, этихъ начинающихъ съ неизвѣстными, часто чуть ли не въ первые появляющимися именами? Если же г. Василевскій ими не удовлетворенъ, пусть укажетъ тогда, кто же, по его мнѣнію, молодой и не идущій сюда, а стремящійся въ привилегированныя резиденціи толстыхъ ежемѣсячниковъ. Но ему не назвать, вѣдь, — все, что есть наиболѣе замѣтнаго въ современной беллетристикѣ, въ „Журналъ для всѣхъ“ идетъ охотно и тамъ печатается.

Центръ тяжести призыва г. Василевскаго, однако, не здѣсь. Въ слѣдующей своей статьѣ авторъ опредѣлительно и даже повелительно зоветъ въ „мракъ“ молодыя силы — въ „Родину“, или „Сѣверъ“, въ „Живописное Обозрѣніе“ или „Звѣзду“, (которая, кстати сказать, не выходитъ): „Надо талантамъ,—убѣждаетъ онъ—пойти сюда, именно, здѣсь-то и необходима серьезная, творческая работа. Если у васъ есть Богомъ данный вамъ свѣточъ, такъ не бойтесь же мрака: идите во мракъ и разсѣевайте его! Въ этомъ—вашъ долгъ, ваше призваніе, ваша жизнь... *),

Это, сказано, конечно, очень благородно, но въ той же мѣрѣ и рискованно. Прежде всего самъ г. Василевскій увѣренъ, что въ этихъ журнальцахъ читатель никогда „не находитъ искренняго слова, честнаго „убѣж-

*) „Спб. Вѣд.“ 27-го мая, № 142. „Борцы въ лайковыхъ перчаткахъ“.

денія“, и тѣмъ не менѣе, всетаки считаетъ возможнымъ звать сюда талантливую литературную молодежь: очевидно, ей предстоитъ здѣсь или удача реформированія, т. е., слѣдовательно, созданія подъ старой лишь кличкой совершенно новаго органа, или, если не удастся, придаться... „возвратиться въ домъ свой“. Не будь авторъ ослѣпленъ своей мигомъ вспыхнувшей мыслью и имѣй онъ хоть малую толику столь вообще необходимаго у насъ скептицизма, онъ самъ безошибочно далъ бы отвѣтъ на вопросъ: какой изъ двухъ исходовъ вѣроятнѣй. Но авторъ находится, очевидно, въ состояніи аффекта, и тогда ему на минуту представляется возраженіе приглашаемаго таланта: „А вдругъ меня регентъ оттуда выставитъ?“ — г. Василевскій увѣренно разсѣиваетъ эти сомнѣнія: „А вдругъ *вы его оттуда выставите*! (sic!). Сдѣлайте себя *необходимымъ* тамъ, или распишитесь въ своей дряхлости, въ своемъ безсиліи и худосочіи... Идите готовые къ борьбѣ, закаленные для нея!“

Это ужъ совсѣмъ „à l'enfent“. Сдѣлать себя *необходимымъ* въ какомъ-нибудь капиталистическомъ предпріятіи, значитъ увеличить дивидендъ этого предпріятія, въ данномъ случаѣ, значитъ—стать наиболѣе цѣннымъ для самаго регента,—для издателя, дуть въ его дудочку. Но при такомъ полюбовномъ положеніи дѣла какая же можетъ быть рѣчь о „выставленіи“: совсѣмъ даже напротивъ, — очень хорошо заживете другъ съ другомъ.

Необходимымъ же для регента, все свое благополучіе полагающаго въ тьмѣ и безвкусицѣ читателя, никакъ иначе не сдѣлаться, а если вступить съ нимъ въ борьбу, на которую только и стоитъ и возможно для идейнаго писателя идти въ такой регентскій хоръ, то,—ясно же,—выставитъ предприниматель рабочаго, а не рабочій предпринимателя; капиталистъ—нищаго піонера, а не нищій піонеръ—капиталиста.

Г. Василевскій патетически вопрошаетъ: „Отчего же не идутъ въ эти журналы талантливые люди, отчего предпочитаютъ они обивать пороги толстыхъ журналовъ, отчего въ огромномъ большинствѣ случаевъ довольствуются они, по необходимости, хотя бы и корзиной редакціонной, лишь бы корзина эта „привилегированной“ редакціи принадлежала, и не идутъ все же, не идутъ со своимъ факеломъ туда, гдѣ немного и безлюдно, туда, гдѣ сотни тысячъ читателей нуждаются въ искрѣ Божіей писательскаго дара?“.

Прежде всего авторъ совершенно напрасно такъ увѣренъ, что даже корзина привилегированной редакціи въ силахъ внушить довольство хотя бы самому честолюбивому изъ молодыхъ авторовъ.

Не идутъ же они во мракъ потому именно, что они молоды. И не дай Богъ, если станутъ постарше и вмѣсто того, чтобы хоронить слабыя и заборныя вещи, дѣйствительно, ихъ понесутъ въ мелкіе журнальцы!

По г. Василевскому, выходитъ даже какъ будто такъ: не несите, молъ, въ привилегированные журналы вашихъ произведеній, господа молодые таланты, ибо васъ ждетъ тамъ все та же молчаливая корзина; давайте лучше вашу корзинную литературу сюда, въ „Родину“ и „Сѣверъ“, — и она увидитъ свѣтъ!

Но тогда—что же хорошаго окажется въ этомъ для того заблудлаго читателя, о благѣ котораго такъ неистово печется авторъ? Затѣмъ, почемъ знаетъ г. Василевскій, что молодежь ждутъ въ большихъ журналахъ только корзины? Корзины, вѣдь, —дѣло тайное, редакціонное и никакому точному учету для постороннихъ не подлежатъ. Г. Василевскій о повальномъ и общемъ стремленіи молодежи въ „привилегированные“ журналы можетъ знать только по выходящимъ книжкамъ ихъ, а это уже означаетъ не корзину, а печатаніе, свѣтъ и большое удовлетвореніе, потому что признаніе. И въ итогѣ вся эта фигура вопрошенія производитъ впечатлѣніе чего-то въ высшей степени непрочнаго, построеннаго на песцѣ, такъ же, какъ глубоко неосновательнымъ и обиднымъ упрекомъ дышатъ и другія слова автора: „Глухая стѣна выростаетъ у насъ между горстью интеллигенціи и многомилліонной, хранящей въ себѣ огромные запасы живыхъ, творческихъ силъ массой,—обличаетъ онъ. И замкнувшіеся въ своей клѣткѣ интеллигенты не только не умѣютъ разрушить возникшей вокругъ нихъ стѣны и выйти на широкій, вольный воздухъ общенародной жизни, не только не умѣютъ придти къ массѣ съ необходимымъ для нея горячимъ призывомъ, — но даже и не хотятъ этого: считается „униженіемъ“

Digitized by Google

сойти съ занятыхъ интеллигенцей высотъ... И коснѣютъ воистину въ первобытномъ состоянiи миллiоны могучихъ и сильныхъ, но нищихъ духомъ людей, а истомленные рефлексомъ и самоанализмомъ, раздвоенностью и нытьемъ душевнымъ предаются самолюбованiю отдѣльныя „утонченно интеллигентныя единицы“.

„Какъ солнце въ малой каплѣ воды, отражается это уродливое явленiе ложнаго умственнагб „аристократизма“ въ цѣломъ рядѣ фактовъ нашей—какъ оркестръ передъ увертюрой — нестройной, но несомнѣнно, „настраивающейся“ жизни, и, быть можетъ, ярче, чѣмъ въ чемъ бы то ни было, сказывается оно въ нашей великой литературѣ, гдѣ такъ колоссально велики залежи духа живаго передъ читателемъ-интеллигентомъ и такъ скудна, до такой ужасающей степени скудна духовная пища читателя-простеца, чуть не сплошь заваленнаго ядовитою гнилью и макулатурой!..“

Однако, позвольте-съ, — вѣдь, это же ложь, вѣдь, это же клевета на русскую интеллигенцiю! По какому праву и на какомъ основанiи взялась такая смѣлость обидъ? Какъ „не хотятъ русскiе интеллигенты разрушить своей стѣны? Гдѣ это убѣдился авторъ, что выйти въ общенародную жизнь имъ не хочется, что среди нихъ это даже „считается униженiемъ“? Вѣдь, не правда же это. Самъ онъ признаетъ всего одной строчкой выше, что „русская интеллигенцiя — это быть можетъ, наилучшая, наиболѣе *рвущаяся* къ народу интеллигенцiя“.

Неужели же нужно объяснять, что рвущаяся и не хотящая „сойти съ высоты“— ни въ какой головѣ одновременно ужиться не могутъ, и ужели же непонятно, и требуетъ „комментарiевъ“ это положенiе *только* рвущихся, и не достигающихъ?

Думаю—нѣтъ.

Секретъ этого логическаго полишинеля, впрочемъ, простъ: ничего путнаго нельзя ждать отъ размышленiй надъ одной изъ важныхъ сторонъ всего нашего общественнаго уклада, если эти размышленiя текутъ не по прочному дну. Все горе автора здѣсь въ томъ, что ему пришла въ голову трижды несчастная идея непремѣнно совершить переселенiе авторовъ изъ литературныхъ кабинетовъ въ кабинеты задумчивости, не разобравшись предварительно въ тѣхъ общихъ причинахъ, которыя эти задумчивые кабинеты и создали.

Не случайна торговля печатнымъ словомъ.

Не случайно и то, что у насъ преобладающiй типъ читателя заблудлый. Не случаенъ поэтому успѣхъ изданiй, разсчитанныхъ на заблудлаго.

Не случайно и тихое прозябанiе съ небольшой аудиторiей лучшихъ журналовъ, какъ не случайно и то, что ихъ немного, и что они не дешевы.

А по всему этому не случайно и тяготѣнiе къ нимъ лучшихъ и наиболѣе опрятныхъ людей,—будь то читатель, или писатель,— едино суть.

Вопросъ, поднятый г. Василевскимъ, вопросъ интересный и большой вопросъ, но рѣшенiе, которое онъ попытался дать намъ, никуда не годится. Въ его поискахъ авторъ запутался, далъ нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ, бросилъ неловкiя огульныя обвиненiя, оказался непослѣдовательнымъ, преподалъ совѣты обманчивые и неосторожные...

Гдѣ дѣло касается слѣдствiй, надо начинать съ разсмотрѣнiя причинъ, гдѣ доказываютъ теоремы, тамъ предполагается знанiе аксiомъ.

Но г. Василевскiй изолировалъ интересующее его явленiе, оторвалъ одинъ плодъ, нашелъ его червивымъ и заключилъ, что надо его, червиваго, и лечить. А лечить-то надо все дерево, и начинать эту сложную работу—съ корней.

Авторъ, какъ бы забылъ, что печать — функцiя, что пресса — производное самой жизни, что каждый классъ хочетъ имѣть свой печатный станокъ, и что если есть буржуазный классъ общества, и онъ силенъ — у него будутъ и свои газеты, и свои журналы, и поэты, и даже ученые. Существуетъ бюрократiя—и будутъ жить бюрократическiя по духу изданiя. Тамъ, гдѣ существуетъ опредѣленная дифференцiя классовъ и сословныхъ интересовъ идей и религiозныхъ вѣрованiй, тамъ ярко дифференцируется соотвѣтственно этому дѣленiю и печать. Въ Америкѣ есть органы и христiанскiе, и ортодоксально-сектанскiе, (этихъ, къ слову, больше всего), и рацiоналистскiе, и свободомыслящiе; есть республиканскiе и демократическiе, есть „независимые“ тѣхъ и другихъ, и есть „вполнѣ независимые“ ни отъ

Digitized by Google

тѣхъ, ни отъ другихъ; въ Англіи и въ Германіи политическая дифференція тоже огромна и дробна. И это означаетъ, что въ каждомъ изъ такихъ органовъ есть нужда и потребность въ средѣ публики, — иначе бы они и жить не могли.

Это—общій законъ; спросъ родитъ предложеніе и коль скоро у насъ живъ и здоровъ „Свѣтъ", то кому-нибудь онъ, очевидно, нуженъ; если существуетъ „Гражданинъ", то и онъ кому-нибудь на руку; процвѣтаніе всякихъ „Родинъ" коренится тоже въ чьихъ нибудь симпатіяхъ. Всѣ мы отлично знаемъ, что если бы завтра къ любому изъ издателей такихъ дешевенькихъ во всѣхъ смыслахъ журнальцовъ пришелъ бы тюкъ писемъ отъ всѣхъ подписчиковъ, съ категорическими требованіями измѣнить характеръ и направленіе ихъ издательскихъ лавочекъ, или вернуть деньги,—то, будьте покойны, завтра же этотъ самый господинъ ихъ измѣнилъ бы въ какую угодно сторону и на какую огодно часть круга: сидѣнье у него достаточно подвижное.

Торгующему съ просторнымъ патентомъ, право же, все равно, что бы ни продавать. А чѣмъ же отличаются такого типа издатели отъ бакалейщиковъ и мануфактурщиковъ? Есть кисло-сладенькое монпансье, есть и орѣшки—отъ скуки погрызть;—не ходко—другое заведетъ.

Это, вотъ, какъ недавно, съ целлулоидомъ. Дешевенькій и маленькій товарецъ, совсѣмъ черепаха, публика нарасхватъ брала. А потомъ случай такой вышелъ, что отъ этого дешевенькаго и миленькаго товарца цѣлый складъ погибъ. Публика въ испугѣ отшатнулась, спросъ упалъ, потому что покупатель рѣшилъ лучше переплачивать за черепаху, чѣмъ носить дрянь, да еще не безопасную, — торгашъ сниметъ целлулоидъ съ витрины и выставитъ черепаху: „мнѣ, молъ, все едино. Твои деньги—твой вкусъ, а мое дѣло маленькое—потрафлять".

Такъ облагоразумившаяся публика измѣняетъ самый предметъ предложенія.

Популярно - научный журналъ народился недавно, но это означаетъ не то, конечно, что только теперь открыли „популяризацію"— объ ней еще Писаревъ кричалъ почти полвѣка тому назадъ и даже Щедрину предлагалъ на ней спеціализироваться,—означаетъ это, что у публики выросла въ такомъ журналѣ настоятельная нужда, что явился спросъ, что народился такой новый и хорошій читатель, которому „Родина" уже тѣсна и сшита не по мѣркѣ.

Съ возмужаніемъ читателя—„Родинамъ"— смерть, и въ этомъ мужаніи—все ядро. Развитой читатель бойкотируетъ улицу и дешевку, уходитъ прочь отъ листковъ и журнальцевъ, а доколѣ онъ поддерживаетъ эти родные лопухи, они произростать будутъ. Убить ихъ—можно путемъ свободной конкурренціи серьезныхъ органовъ, но пока эта конкурренція, конечно, трудна и даже невозможна, и понятно, надѣюсь, почему.

Такъ обстоитъ этотъ вопросъ, и вы видите, что рѣшеніе его далеко не такъ элементарно, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

И никакъ ужъ не виновна въ этомъ ужасномъ положеніи заблудлаго читателя скованная русская интеллигенція, и не высылкой свѣжихъ кадровъ литературной молодежи въ мракъ уличныхъ редакцій нужно и можно пособить дѣлу, ибо это будетъ только напрасной тратой силъ, притомъ дорогихъ, рѣдкихъ силъ, которыя отпускаются, какъ величайшее благословеніе Бога.

Всячески предостерегать нужно молодыхъ талантовъ отъ такихъ губительныхъ и невѣрныхъ шаговъ, ибо на стезн сей погибло не мало дарованій.

Мелкая пресса губила, но ни одного дарованія, пока что, не дала и не воспитала. Примѣры на лицо и изъ самыхъ свѣжихъ возмите хоть тѣхъ же недавнихъ покойниковъ,—Дѣянова и Ракшанина. Съ чего Дѣяновъ началъ и чѣмъ кончилъ?

А Ракшанинъ?

Пришелъ человѣкъ девятнадцатилѣтнимъ юношей въ уличную петербургскую газету и пришелъ какъ всякій юноша, конечно, съ горячей, небось, душой, съ пылающимъ сердцемъ, съ жаждой любить и свѣтить. Съ искрой былъ человѣкъ и, можетъ быть, на многое хватило бы его... А что сталось-сдѣлалось потомъ, какъ пропали дороги, какъ огни погасли и солнце зашло? Кто разскажетъ объ этомъ, кто объяснитъ? Такъ, полегоньку, да потихоньку выбрасывался ненужный балластъ, чтобы ходъ быстрѣй былъ. Что-то ускользнуло, что-то утерялось, должно быть, по неосторожности, какая-то сила атрофировалась внутри. И все постепенно, и

Digitized by Google

все незамѣтно,—какъ текли минуты,—по капелькѣ. А когда уже предъ самой смертью подошелъ къ зеркалу, да взглянулъ, сердце оторвалось, — онъ и въ самомъ дѣлѣ отъ сердца умеръ. И съ невеселыми мыслями, надо думать, умеръ, а наканунѣ рвущія душу строки писалъ: „Осень жизни подошла незамѣтно и крадучись, подошла въ плотную и строго заглянула въ глаза суровой непогодой своей. Перо вырывается изъ рукъ, а тутъ, какъ нарочно, жизнь бьется и трепещетъ“...

Чортъ знаетъ, какая это драма!

И умеръ талантливый человѣкъ, который на болотные огни пошелъ—и его засосало.

Кто слышалъ о немъ, встрѣчалъ его фамилію,—нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. *Только* даровитыхъ, а не *изумительно*-даровитыхъ—у насъ и такъ-то неохотники замѣчать, а его строки въ уличныхъ органахъ даже и въ „Обзоры печати“ не попадали, и стала вся жизнь—одной сплошной каждодневной воинской повинностью предъ толпой и золотомъ, да и отъ него-то послѣ смерти нѣсколько рублей всего и осталось.

А вѣдь, это—символъ, это—фигура-знаменіе.

И вся эта жизнь и тоска проданнаго смѣха — настоящая трагедія, и самъ онъ, этотъ покойникъ—признакъ и призракъ.

Его смерть глубоко симптоматична, а прожитые годы въ уличныхъ листкахъ—настоящая скорбная повѣсть о сожженномъ человѣческомъ сердцѣ, о погибшихъ мечтахъ, о торговлѣ словомъ, которая не остается ни безнаказанной, ни безрезультатной.

Улица украла у своего слуги—сердце, отняла весну и лѣто, а когда настала осень,—толпа сказалъ бъ:

— Довольно...

Нашу осень жизнь оставляетъ для насъ самихъ, ибо никому больше она ненужна.

И поэтому осенью мы оглядываемся, и—горе глазамъ оглянувшимся и ничего не увидавшимъ, кромѣ торговли, длинной пустынной дороги, гдѣ одно глухое молчанье кругомъ, и ни откуда нѣтъ живыхъ улыбокъ, летящихъ навстрѣчу величавой старости...

Нѣтъ, никого не спасала улица и никого серьезно не возвысили идущіе въ ея балаганы, ибо затеривался голосъ ихъ среди другихъ, одинокимъ былъ онъ, вопіющій въ пустынѣ, и не поднявъ ни среды, ни идола толпы—до себя, человѣкъ падалъ самъ до нея.

И когда г. Василевскій говоритъ, что „если гора не идетъ къ Магомету, Магометъ долженъ идти къ горѣ“,—я знаю только то, что этимъ Магометомъ не долженъ быть начинающій молодой талантъ, ибо подойдетъ онъ только къ словесному распутству и къ торговлѣ, и къ измѣнѣ тому лучшему, что есть наша юность и ея мечты. Не нужно жъ новыхъ безполезныхъ жертвъ на злой алтарь хищнаго бога, ибо, повторяю, никого онѣ не спасутъ!

Да, наконецъ, за что жъ — за грѣхи старо-издательскіе будемъ мы теперь платить молодыми силами истинныхъ дарованій; за многолѣтнюю наживу предпринимателя рискомъ потерять въ огромной пасти его отверстаго кошелька еще и еще людей и молодыхъ талантовъ!

Не измѣнится родъ его, проклятый отъ вѣка!..

Повидимому, на минуту самому г. Василевскому пришла эта мысль. Въ числѣ оппонирующихъ доводовъ онъ предвидитъ вопросъ: „А вдругъ среда заѣстъ?“ Но, не смущаясь, онъ отдѣлывается такой фразистой отповѣдью: „Значитъ, и не стоили вы ничего иного, значитъ, не годитесь вы ни для борьбы, ни для жизни, ни—*тѣмъ менѣе*—для литературы! „Глаголомъ жечь сердца людей“ могутъ лишь очень и очень немногіе избранные... Если вы боитесь среды, вы не принадлежите къ нимъ, вы не составляете единицы въ общемъ учетѣ нашихъ интеллектуальныхъ силъ... Продолжайте тогда свои интимныя отношенія съ редакціонными корзинами толстыхъ журналовъ, но не называйте же себя тогда писателемъ, борцомъ, дѣятелемъ слова!..“.

Слова, слова, г. Василевскій, и только слова! Ничего больше! Одно дѣло быть писателемъ, другое дѣло—борцомъ практикомъ и совершенно это вы напрасно—свое „*тѣмъ менѣе*“ употребляете. Совсѣмъ не „тѣмъ менѣе“, а часто и даже очень часто *хотя* и не борецъ, тѣмъ не менѣе писатель. Вспомните Надсона, вспомните Гаршина, недавно сошедшаго въ могилу Накрохина,—таковы же были и встарь и всѣ—Станкевичи: два таланта, которые воедино соединяете вы, сплошь да рядомъ совсѣмъ не уживаются вмѣстѣ.

Digitized by Google

Но есть еще и другая причина, почему не слѣдъ толкать молодежь въ вертепы и лавочки, почему не смѣетъ и не должна она идти сюда

И удерживающая сила эта — *совѣсть общественная.*

Ея гнѣвный голосъ долженъ быть внушителенъ для всякаго, а гнѣваться ей за паденіе престижа слова приходится давно и даже постоянно. Общественная совѣсть—скопленное вѣками мнѣніе лучшихъ людей, и она—исторична поэтому. Это мнѣніе долго оскорблялось тѣми сбоку-припеками литературнаго маклачества, которыхъ не поддерживать надо, а вырождать и вытравлять. А между тѣмъ всякое участіе въ ихъ „коммерціи“ является имъ помощью, содѣйствіемъ, усиленіемъ ихъ боевой наличности, и если нехорошо, нечистоплотно, и нечестно издательствовать съ единой цѣлью наживы, не дѣлая никакого различія въ средствахъ и путяхъ ея достиженія, то также нехорошо и нечистоплотно и непристойно участіе въ этомъ предпріятіи, ибо преступно само дѣло, и, значитъ, не участіемъ, а соучастіемъ въ преступленіи противъ общественной совѣсти должно называться такое сотрудничество. Одинаково гнусна здѣсь роль и самого преступника, и его пособниковъ, если только это пособничество,—въ сущности же, вѣдь, издатель является въ данномъ случаѣ лишь подстрекателемъ, настоящимъ же вершителемъ и осуществителемъ замысла приходится быть все таки писателю. Подумайте только о томъ что сталось бы со всѣми изданьицами, если бы руководимые честью и совѣстью, пишущіе люди, всѣ до одного, участвовать въ нихъ отказались?

Общественная совѣсть долна быть грознымъ богомъ,—не всепрощающимъ, не дряблымъ, а мстительнымъ и не забывающимъ ни обидъ, ни оскорбленій, и разврату мысли нѣтъ и не можетъ быть „нынѣ отпущаеши“. Никогда не отпущаеши!

И въ особенности у насъ, гдѣ общественное мнѣніе имѣетъ лишь ограниченное число выраженій. Но именно поэтому-то у насъ и нужно о немъ помнить раньше, всего и больше всего. „Безсиліе народнаго мнѣнія на почвѣ общественной морали,—пишетъ Гольцендорфъ, въ большей части континентальныхъ странъ бросается въ глаза. Отсутствіе гражданской и политической свободы, неограждённость основныхъ естественныхъ правъ пытались возмѣстить расширеніемъ свободы частныхъ лицъ въ сферѣ общественной безнравственности. Нерѣдко даже высоко образованные люди смѣшиваютъ *уголовную безнаказанность* предъ закономъ *со всякой нравственной неотвѣтственностью* предъ народнымъ мнѣніемъ“ *).

И это въ особенности опять таки у насъ: страшная боязнь и до сихъ поръ „суда уголовнаго“ и полное безстрашіе „суда общественнаго“, хотя со времени Жадова прошло уже не одно и не два десятилѣтія. Русское общественное мнѣніе не индивидуализировалось, не самоувѣрилось, и потому-то оно еще склонно щадить и миловать. Охотнѣй прощаетъ тотъ, чей судъ нестрашенъ, и чье осужденіе — призрачно. Но „*возрастаніе индивидуализаціи мнѣніи идетъ параллельно съ развитіемъ человѣческой культуры.* Оно находится въ зависимости отъ многочисленныхъ факторовъ, между которыми первенствующее мѣсто занимаютъ: степень духовной одаренности народа, складъ общественной жизни, формы государственнаго строя, состояніе средствъ сообщеній, а также развитіе соціальныхъ отношеній“ **).

Не нужно, кажется, приводить лишнихъ доказательствъ того, что наше общественное мнѣніе не высказывается часто. Но хотя бы ужъ тамъ, гдѣ оно заявляетъ настойчиво свой голосъ, къ нему прислушиваться должно. А въ отношеніи извѣстной части печати,—безыдейно-торгашеской, шовинистской и подслуживающейся,—этимъ тремъ ея теченіямъ—голосъ общественной совѣсти свой приговоръ давно положилъ и будетъ уважать и его, рѣдкаго, какъ общественное единодушіе и какъ одномысліе по вопросу большой моральной и соціальной важности.

Слѣдуетъ помнить, что идя дорогою уступокъ, что заглушая въ себѣ чувство той элементарной чистоплотной брезгливости, которая отдаляетъ лучшіе общественные элементы отъ бульвара и печатной улицы, насильственно воюя съ внутренней задержкой своей совѣсти, и съ внѣшней — общественнаго мнѣнія, нетрудно, а напротивъ чрезвычайно легко отучиться и отказаться отъ той

---

*) *Проф. Ф. Гольцендорфъ*, „*Общественное мнѣніе*“. (Пер. съ нѣмецкаго Н. О. Бера изд. 3-е ц. 80 к. Спб. 1899) стр. 68.

**) ibid. стр. 80.

Digitized by Google

дисциплины гражданскаго духа и долга, которая однако у насъ, — при неяркомъ обособленіи нашихъ партій,—въ состояніи удержать работниковъ пера и общественныхъ дѣятелей отъ ложныхъ шаговъ, приводящихъ къ серіознымъ измѣнамъ.

Въ той формѣ улучшенія базарной литературы, которую преподаетъ г. Василевскій, заключается зловѣщій прецедентъ, вводящій всякаго, кто послѣдовалъ бы его совѣту, въ просторную и беззапретную область компромисса. Чтобы помочь данной аудиторіи журнальца, нужно пойти въ этотъ журналецъ: по г. Василевскому—такъ и выходитъ, что гдѣ мракъ—туда и иди и станешь свѣтомъ среди тьмы, явишь собою свѣтовое пятно на огромной чернильной лужѣ. Но тогда Горькому слѣдовало бы идти въ „Знамя", Михайловскому въ „Новое Время", Арсеньеву —въ „Гражданинъ", по крайней мѣрѣ, дѣлать попытки въ этомъ направленіи. То же самое, конечно, и всѣмъ молодымъ писателямъ.

Но этого мало. Принявъ мысль г. Василевскаго, какъ истину, пришлось бы услышать затѣмъ и отъ всякаго печатающагося въ этихъ темныхъ углахъ, что онъ де это въ качествѣ свѣтоваго пятна помѣстился тамъ. Разъ двери этихъ кабинетовъ задумчивости мы откроемъ хоть разъ съ миной миссіонера, призваннаго сюда на большое и хорошее дѣло, дверь эта уже не закроется—и то-то ароматъ пойдетъ!

Вильямъ Лекки очень резонно указываетъ, какъ настойчиво и преднамѣренно пресса употребляется на то, чтобы поддерживать классовую, расовую или международную ненависть, распространяя съ этой цѣлью всевозможную ложь. Многія газеты только и держатся обращеніемъ или призывомъ къ международной и расовой ненависти, и служатъ самымъ сильнымъ орудіемъ возникновенія и поддержанія той вражды, которая постоянно грозитъ нарушить мирную жизнь рода человѣческаго. Тотъ фактъ, что во многихъ странахъ такія именно газеты становятся главнымъ и почти исключительнымъ предметомъ чтенія бѣдныхъ классовъ, составляетъ крупный вычетъ изъ благодѣяній, доставляемыхъ народнымъ образованіемъ. Сколько книгъ получили большую популярность, сколько мѣстъ было выиграно въ парламентѣ, сколько выгодныхъ и вліятельныхъ постовъ было добыто, сколько побѣдъ одержано разными партіями, благодаря обращенію именно къ такимъ страстямъ! Эти низкія страсти часто прикрываются возвышенными кличками патріотизма и національзма, такъ что люди, всю жизнь посвящавшіе возбужденію расовой ненависти или отчужденію родственныхъ народностей, называютъ себя патріотами и, къ сожалѣнію, играютъ очень большую роль на политическихъ подмосткахъ.

„*Самыми худшими поступками,— заключаетъ Лекки, — въ какихъ только можетъ быть виновенъ человѣкъ, являются дѣйствія, не наказуемыя закономъ и слабо осуждаемыя общественнымъ мнѣніемъ;* преступленія въ области политики, которымъ такъ охотно потворствуетъ *ложная и нездоровая сантиментальность*, занимаютъ видное мѣсто между ними" *).

Компромиссъ же наша исконная болѣзнь,— ему вы укажите только путь,—а онъ ужъ явится.

Оно и понятно.

Въ трусливой русской жизни нѣтъ прямыхъ дорогъ.

Весь размахъ нашей души, вся—вѣками скопившаяся—энергія уходитъ по мелочамъ въ темныя лазейки уступокъ, вздоховъ, полумѣръ, боязни и колебаній.

У насъ нѣтъ путей безъ препятствій, нѣтъ широкихъ теченій,—ни мысли, ни чувства.

Наша дорога—околица.

Скромная, кривая кривоколѣнная тропиночка, которая заростаетъ и глохнетъ тотчасъ-же послѣ того, какъ ее протоптали.

И забота наша такая-же маленькая,— узенькая и тихая: какъ-бы опять не заросла та или другая тропинка...

Какъ-бы вновь трудами сотенъ и тысячъ ногъ ее не пришлось прокладывать, оглядываясь, волнуясь и дрожа.

Дрожа за ту цѣль,—къ которой она ведетъ,—за себя, за свое будущее.

Цѣлымъ ходомъ историческихъ судебъ русскаго народа въ его душу вошло убѣжденіе въ спасительности молчанія, въ удобствѣ „быть незамѣтнымъ", въ стыдѣ

*) Вильямъ Лекки. Планъ жизни, характеръ и поведеніе. (Изд. Павленкова, ц. 1 р. 25 к.). Спб. 1902 г. стр. 84.

Digitized by Google

собственнаго существованія, въ выгодѣ осторожнаго шопота.

Какъ первый членъ нашего житейскаго „символа вѣры“, выросла въ насъ одна увѣренность:

— Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка...

Поѣзжайте по Россіи, прислушайтесь къ народнымъ рѣчамъ, всмотритесь въ основную канву міросозерцанія русскаго человѣка, его міроотношеній,—вездѣ одно и тоже: молчаливая оглядка, вынужденная, привитая и воспитанная хитринка, полусогласіе, полупризнаніе.

„Народъ безмолвствуетъ“.

Въ фабричныхъ районахъ — посмѣлѣй и пооткровеннѣй.

Но и тутъ—лукавство, за которымъ вѣра все въ тоже: въ ухватку, въ околицу, въ тропинку, въ полумѣру...

Я помню характернѣйшую фразу крестьянина Московской губерніи, — не молодого, набожнаго, серьезнаго...

Я спросилъ его среди разговора:

— Въ Бога вѣруешь крѣпко?

Онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Какъ же не вѣровать.. А вдругъ Онъ окажется?..

Вдумайтесь въ скрытый смыслъ этой фразы, точнѣе, въ то отношеніе къ жизни и даже ея создавшей Силѣ, которое сказалось въ этой вѣрѣ—недовѣріи,—и вы согласитесь со мной: царь и богъ нашей жизни—Компромисъ...

Онъ проходитъ чрезъ весъ строй нашихъ общественныхъ взаимоотношеній, чрезъ всѣ устои нашего быта, — чрезъ всѣ наши службы, чрезъ наши бесѣды и наши мысли, чрезъ нашу семью и всю нашу дѣятельность...

Не говорю уже о бюрократіи русской, гдѣ все и всегда зиждется на этомъ спасительномъ компромисѣ, не говорю о забитыхъ и забытыхъ людяхъ, которымъ сама судьба судила лгать и притворяться, — не вѣруя,—дѣлать видъ, что вѣришь—и, протестуя,—улыбаться, - но онъ, - этотъ компромисъ,—вошелъ даже въ такую, казалось-бы, по самой природѣ своей, чуждую всякой лжи и всякимъ полумѣрамъ среду, какъ профессорская.

Посмотрѣли бы вы на тѣ двадцать два засѣданія профессорской комиссіи, созванной два года тому назадъ въ Петербургѣ для разработки вопросовъ объ улучшеніи и измѣненіи университетскихъ порядковъ; послушали-бы тамъ нѣкоторыя изъ рѣчей, — и можно было-бы прійти въ истинно недоумѣнный ужасъ предъ открыто,—на глазахъ у товарищей,—высказывавшимися рѣчами.

Рѣчами, полными трусливаго примиренія, оглядки, дрожи, рѣчей, проповѣдывавшими безличность; цѣплявшимися за рутину; не смѣвшими взглянуть дальше „положеннаго—шагнуть за околицу разъ навсегда отведенной и огороженной для разсужденій и размышленій русскаго человѣка.

О другихъ и говорить нечего.

Говорить нечего и о такъ называемой нашей реакціонной печати, гдѣ все сплошь компромисъ, ложь, подтасовка, фальшь и заискиваніе.

— „Не обманешь, не продашь“, — девизъ не одного „именитаго“ купечества.— Это общерусскій, всенародный девизъ.

Это формула всего нашего міропониманія, бьющагося въ тискахъ вѣчнаго страха предъ невидимой и все же неизбѣжной, вѣчновисящей надъ нашими головами опасностью.

.... Въ сущности говоря, это — огромное, какое-то повальное безвѣріе...

.... Безвѣріе въ правду, безвѣріе въ героизмъ и захваты жизни, невѣріе въ свои права и будущее, разочарованіе въ правдѣ.

Иначе компромиса и быть не могло-бы.

Компромисъ — трусъ, по самой своей природѣ.

Господинъ Компромисъ— подлецъ.

Онъ — прихлебатель жизни, топоръ ея шири и воли.

Господинъ Компромисъ — герой всей нашей литературы.

Онъ — Чичиковъ и Ноздревъ, Хлестаковъ и Загорѣцкій.

Русское молчалинство — это торжество и практика господина Компромиса.

Улыбающагося, уступчиваго, мягкаго и непобѣдимаго, какъ спрутъ, какъ ядъ, разлитый въ самомъ воздухѣ тусклыхъ и закупоренныхъ существованій, застегнутыхъ душъ, людей въ футлярѣ“.

Это господинъ Компромисъ выдумалъ и „нашу хату съ краю“ и знаменитое разслабленнаго короля:

Digitized by Google

— „Après nous le deluge".

Господинъ Компромисъ только въ такихъ условіяхъ и можетъ жить.

Его среда рабство.

Его атмосфера—подавленность.

Его стулъ—спина человѣческая.

Его дары—гроши.

Его кражи—милліоны.

Тамъ, гдѣ жизнь растетъ, господинъ Компромисъ болѣетъ.

Сильная и крѣпкая жизнь—смерть его.

Весенній воздухъ для него—малярія, звонкіе и стройные голоса юной природы въ ушахъ господина Компромиса — какофонія.

Задумчивый, вѣчно измышляющій ходы и выходы, подвохи и увертки, онъ неслышными — туфельными — шажками проходитъ по нашимъ путямъ и, трусливо оглядываясь, нервно подергивая своими узкими плечиками, вздрагиваетъ при каждомъ громкомъ кликѣ побѣждающихъ силъ.

Свободные и гордые, злые и сильные, прямые и искренніе—враги компромиса и чѣмъ больше люди и общество, народы и націи будутъ отвоевывать и брать у подлыхъ князей міра сего, тѣмъ больше будетъ банкротиться, суживаться и теряться этотъ господинъ Компромисъ.

Тѣмъ чаще и грознѣй будутъ раздаваться противъ него голоса свѣта и воли.

Только эти призывы и нужны, но они— у молодости. Не толкайте жъ её на рискъ и неправду.

А что компромисъ въ предложеніи г. Василевскаго скрытъ (несомнѣнно, имъ не предполагаемый—въ этомъ я убѣжденъ) — онъ самъ увидѣлъ и имѣлъ счастье, или стыдъ убѣдиться: поди, ободрительная статья, которую тотчасъ же принесъ г. Фаресовъ объ „Идейныхъ писателяхъ и чистоплюяхъ" не очень обрадовала его. И, повѣрьте, — какъ это—грустно,—статья въ защиту снисходительнаго снизхожденія къ темнымъ издателямъ больше всего бальзамомъ пролилась на сердца перелетныхъ кукушекъ, несущихъ яйца во всякія гнѣзда, и если были одобренія этой статьи, то принадлежали они заячьимъ голосамъ изъ овраговъ.

Но нужно же, чтобы подымали голову и голосъ тѣ, кому осталось только стыдиться.

„Редакціонная корзина-же „привилегированнаго журнала"—она, конечно, есть, но...

Но если молодымъ талантомъ удается не всегда тамъ печататься, гдѣ хочется, то позвольте же имъ, по крайней мѣрѣ, не печататься тамъ, гдѣ не хочется!..

П. М. Пильскій.

---

*) Какъ свѣже-тепленькій примѣръ „лирическаго репортажа" можетъ служить слѣдующая дружественная рекламка въ одной изъ Петербургскихъ газетъ о томъ, какъ состоялось „*давно ожидаемое*, (кѣмъ)? но по разнымъ причинамъ откладываемое публичное собесѣдованіе по поводу реферата *извѣстной* (?) *лектрисы*, одной изъ восходящихъ звѣздъ (ètoile?) феминизма, *В. В. Авчинниковой* (!) докторанта ист. фил. фак. парижскаго универс., на тему: „Объ аскетизмѣ и его мѣстѣ въ морали": реферата, имѣвшаго тѣсную генеративную связь съ предметомъ ея прежнихъ публичныхъ лекцій: „О регламентаціи проституціи и отношеніи къ ней проф. Тарновскаго".

Въ своемъ краткомъ словѣ, посвященномъ этимъ интереснымъ вопросамъ, талантливая лектриса, *насколько ей позволяло время и душевное настроеніе (недавнее замужество)*, (о, освѣдомленность)... перешла... *вооруженная (?!) историческими и философскими справками*, къ вопросу объ аскетизмѣ

Первый оффиціальный оппонентъ докладчицы *В. П. Архангельскій въ прекрасной высоко художественной (!) и прочувствованной* (ну, еще бы!) рѣчи на тему: „Ахиллесова пята Авчинниковой", отвѣтилъ и. т. д. *Почтенная лектриса В. В. Авчинникова (нынѣ г-жа Архангельская)*, изучивъ бытъ и нужды несчастныхъ призрѣваемыхъ и. т. д.

Словомъ, просто милая сценка у семейнаго очага изъ комедіи: „Игра въ рефераты",—и сколько трогательнаго лиризма въ ея описаніи! Все тутъ хорошо: и mise en scene, и театральная рецензія этого водевиля... Лирикѣ предстоитъ въ газетѣ, очевидно, огромная будущность!..

Digitized by Google

Газеты о Чеховѣ.

3-го іюля умеръ Чеховъ.

Это потеря для русской литературы невозвратная, непоправимая, безвременная.

Покойному было всего 44 года. На минуту потускнѣлъ предъ той потерей даже интересъ къ кровавымъ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ, — газеты единодушно, какъ никогда, сошлись въ общей оцѣнкѣ покойнаго, а общее ихъ чувство выразилось лучше всего въ общей фразѣ, безъ которой не обошлась ни одна статья:

„Хочется плакать“.

Однако, и эта смерть не прошла безъ темныхъ пятенъ, которыя, къ счастью, совершенно тонутъ въ общемъ свѣтѣ единодушнаго признанія всего величія угасшаго таланта, и всей огромности этой потери. Пятнами этими мы считаемъ: неумѣстно-раннюю, тутъ же у открытой могилы, полемику Суворина съ г. Марксомъ; затѣмъ, по недоразумѣнію (вслѣдствіе неизвѣстности часа прибытія тѣла) малолюдную встрѣчу въ Петербургъ гроба покойнаго и недавній скандалъ въ редакціи „Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ“, газеты, издаваемой въ Пятигорскѣ, при Управленіи Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ.

„Новое Время“ гдѣ Чеховъ нѣкогда помѣстилъ нѣсколько своихъ разсказовъ, указало, какъ извѣстно, объ этой смерти, что она откликнулась сердечной болью у многихъ русскихъ читателей.

„Такой именно читатель и я.—пишетъ г. Бѣляевъ. Для меня Чеховъ былъ, есть и будетъ однимъ изъ „любимыхъ“ писателей. Я не былъ знакомъ съ нимъ лично, никогда даже не видалъ его. Но у насъ было много общихъ знакомыхъ, общихъ друзей, которыхъ я распрашивалъ о немъ и которые мнѣ разсказывали малѣйшія подробности его жизни. Все это заставило меня заглазно полюбить его и этой личной пріязнью дополнить любовь къ его таланту. Теперь Чехова не стало, и безъ фразъ, безъ позировки я могу сказать, что чувствую истинное горе — горе его читателя.

„Насъ, читателей Чехова, было очень много,—не только въ Россіи, но и заграницей. И вѣроятно мое чувство раздѣлятъ многіе. Вмѣстѣ со мной пожалѣютъ въ Чеховѣ не только прекраснаго писателя, чьи произведенія будутъ жить, но и хорошаго человѣка, котораго не вернешь. Личностью писателя—что бы тамъ ни говорили — очень интересуются въ публикѣ. Чеховъ жилъ замкнутою жизнью, никогда не афишировалъ своихъ отношеній, симпатій или антипатій, но юркіе газетные репортеры, а главнымъ образомъ стоустая молва всетаки приносили о немъ извѣстія. И все, что ни узнавалось о немъ и ни передавалось въ печати или изустно, все было необыкновенно привлекательно и располагало къ Чехову. Можно сказать, что за послѣднее время онъ былъ единственнымъ „любимымъ“ писателемъ въ Россіи. Были „великіе“ писатели, были „модные“ писатели, но „любимымъ“ былъ только Чеховъ и никто больше.

Digitized by Google

Это былъ писатель-другъ, писатель-братъ. Самыя произведенія его носили слишкомъ личный, слишкомъ индивидуальный характеръ, чтобы можно было отличить въ немъ писателя отъ человѣка. Этимъ-то качествомъ произведеній Чеховъ отличается отъ другихъ писателей. Вспомните, что онъ писалъ, что о немъ писали. Чеховъ не создавалъ яркихъ образовъ, яркихъ типовъ, но онъ создавалъ жизнь, въ которую невольно входилъ самъ. И не только читатели, но и критики любили отожествлять Чехова съ его произведеніями. Говорили „Чеховская улыбка", „Чеховская грусть". Словно рѣчь шла не о какомъ нибудь разсказѣ, а о самомъ авторѣ. Онъ самъ выступалъ въ своихъ произведеніяхъ изъ общаго фона той сѣрой жизни, которую рисовалъ и которую такъ любилъ, главнымъ героемъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Ни песимизму его не вѣрилось, ни его отрицаніямъ. За то вѣрилось, или лучше сказать чувствовалось, его поэзіи этихъ самыхъ обыденныхъ разсказовъ. Онъ былъ именно поэтомъ сумерекъ, а не сатирикомъ ихъ, не обличителемъ. Онъ разсказывалъ самыя обыкновенныя вещи самыми обыкновенными словами, именно такъ, какъ разсказываютъ о самомъ себѣ. Еще онъ владѣлъ секретомъ сразу завладѣть симпатіями читателя, задержать его вниманіе на какіе-нибудь полчаса, успѣвалъ разсказать за это время много-много сердечныхъ и милыхъ вещей,—и потому разставаться съ нимъ было грустно. Бывало услышишь тихій заключительный акордъ его новеллы и станетъ грустно,—именно потому, что это послѣдній акордъ.

„Зато съ нимъ всегда была радостна встрѣча. За послѣднее время встрѣчи эти стали повторяться все рѣже и рѣже. Чеховъ белетристъ уступилъ мѣсто Чехову драматургу, а послѣдній писалъ очень мало, поставляя пьесы по одной въ сезонъ, опять-таки съ какой-то болѣзненной аккуратностью. Зимой, весной, лѣтомъ бывало неизвѣстно, чѣмъ занятъ Чеховъ, пишетъ ли онъ, нѣтъ ли, и если пишетъ, то что именно. Зато осенью, какъ только появится крымскій виноградъ, у него готова новая пьеса, всегда свѣжая, оригинальная, какъ молодое неперебродившее вино. Публика жадно пила это вино, порою терпкое на вкусъ, но не морщилась, потому что оно было съ любимаго ялтинскаго виноградника. Критика старалась разубѣдить публику въ ея вкусахъ, но вѣдь критика—та же публика и въ концѣ концовъ и она примкнула къ общему увлеченію. Такъ всегда случалось съ Чеховскими пьесами. Сначала ихъ захаятъ, потомъ расхвалятъ. Было въ нихъ дѣйствительно много неперебродившаго сока, но зато чувствовалось и будущее прекрасное вино. Что тамъ ни говорите, а Чеховъ велъ театръ къ будущему. Онъ первый у насъ сталъ искать для театра новыхъ формъ, новыхъ выраженій. И онъ нащупалъ ихъ, нашелъ, развилъ, насколько позволило время, и завѣщалъ сценѣ свое исканіе. Изъ-за этихъ формъ съ нимъ спорили, возражали, горячились, но всегда отдавали должное таланту и не могли противостоять его обаянію. Та же милая личность автора виднѣлась и въ его пьесахъ и привлекала къ нему симпатіи.

„Чеховъ умеръ. Въ немъ мы всѣ потеряли друга. Это несомнѣнно. Такъ и это значитъ гораздо больше, чѣмъ то, что мы потеряли въ немъ писателя. Писатель всегда съ нами, а друга нѣтъ. Это говорю я, читатель. Ни вчера, ни третьяго дня я ничего не могъ написать о немъ. Всѣ слова, всѣ обороты казались такими банальными, избитыми. Теперь я прочелъ все, что было написано о немъ въ газетахъ Тамъ отразилось общее горе. Но сколько тамъ лживыхъ, дутыхъ фразъ, чрезмѣрнаго угодничества и причитанія.

Digitized by Google

Кто-то подъ горячую руку смѣшалъ Чехова съ Толстымъ и назвалъ покойнаго „великимъ писателемъ земли русской“, другой пожелалъ „ринуться въ бой съ невѣдомой черной силой“ и т. д. Особенно отличились по этой части газетныя московскія кликуши, опорожнившія весь запасъ фразистой неискренности. Чего-чего тутъ только не было! Чехова называли не иначе, какъ „Антонъ Чеховъ“, или „нашъ Чеховъ“, „нашъ милый Чеховъ, „нашъ Антонъ и проч. Мнѣ невольно вспомнилось недавнее чествованіе живого Чехова въ Москвѣ на первомъ представленіи „Вишневаго сада“... Тамъ была та же пряная атмосфера и безвкусное пустозвонство, и непрошенное кумовство. Говорятъ, что Чеховъ отъ всего этого ежился и все это принималъ съ грустной улыбкой, Мнѣ чудится эта улыбка и теперь изъ-за могилы, улыбка его простыхъ произведеній, его простого выраженія. Залпъ бутафорскихъ пушекъ возвѣщаетъ теперь смерть того, кто былъ такой врагъ безсмысленной траты холостыхъ зарядовъ. И отъ всего этого напыщеннаго, сугубаго газетно-похороннаго „чина“ становится еще какъ-то ощутительнѣе значеніе настоящей потери.

Въ Чеховѣ мы теряемъ одно драгоцѣнное качество нашей молодой литературы; простоту. О ней и плакать надо просто. Самое простое это еще разъ повторить: Чеховъ умеръ.

Сочувствующія строки Чехову посвятилъ и издатель „Нов. Вр.“ А. С. Суворинъ, съ которымъ покойный былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Привелъ Суворинъ и нѣсколько біографическихъ чертъ изъ жизни Чехова:

„1904 годъ оправдываетъ дурную славу высокосныхъ годовъ. Смерть кричитъ теперь повелительнымъ голосомъ. Вчера Чеховъ успокоился вѣчнымъ сномъ.

Уже десять лѣтъ тому его одолѣвалъ кашель и были сильные перебои сердца, о которыхъ онъ не разъ упоминалъ въ своихъ письмахъ ко мнѣ. Изъ Ялты въ апрѣлѣ 1894 г. онъ писалъ объ одномъ своемъ сердечномъ припадкѣ. „Чувство теплоты и тѣсноты, въ ушахъ шумъ... Быстро иду по террасѣ, на которой сидятъ гости, и одна мысль: какъ-то неловко падать и умирать при чужихъ“. И чахотка давно таилась въ его груди. У него случилось первое кровохарканіе въ Сибири, черезъ которую онъ ѣздилъ на Сахалинъ (1890 г.). Но потомъ онъ чувствовалъ себя лучше. Первый сильный припадокъ чахотки, кровоизліяніе, вслѣдствіе чего онъ легъ въ клинику, случился при мнѣ въ Москвѣ въ 1896 г., когда мы съ нимъ сѣли обѣдать. Было это какъ разъ въ день разлива рѣки Москвы. Я увезъ его въ гостинницу и послалъ за врачами. Одинъ изъ нихъ былъ его пріятель. Когда, осмотрѣвъ его, они уѣхали, онъ сказалъ мнѣ: „Вотъ какіе мы. Говорятъ врачи мнѣ, врачу, что это желудочное кровоизліяніе. И я слушаю и имъ не возражаю. А я знаю, что у меня чахотка“.

Но врачамъ до этого случая онъ не показывался и старательно скрывалъ отъ родныхъ свою болѣзнь. Это была натура деликатная, гордая и независимая. Въ ней глубоко лежало что-то самоотверженное. Онъ началъ писать еще студентомъ; родители его, на рукахъ которыхъ были еще сыновья и дочь, жили бѣдно, и его ужасно огорчало, что на именины матери не на что сдѣлать пирогъ. Онъ написалъ разсказъ и отнесъ его, кажется, въ „Будильникъ“. Разсказъ напечатали и на полученные нѣсколько рублей справили именины матери. И съ этого времени онъ сталъ кормильцемъ своей семьи. Все, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ необыкновенно просто. Строилъ ли онъ школу для крестьянъ, а онъ построилъ ихъ нѣсколько, помогалъ ли кому, принималъ

Digitized by Google

ли въ комъ участіе, онъ исполнялъ все это какъ будто въ силу какой-то врожденной обязанности, самой простой. Казалось, человѣкъ жилъ, ничѣмъ не задаваясь, ни къ чему не стремясь, жилъ потому, что родился, но все то, что близко ему было, что находило откликъ въ его душѣ, все это получало отъ него какую-то здоровую теплоту. Его душа была такъ богата прекрасными дарами, что всякій, приближавшійся къ нему, испытывалъ это. Это былъ какъ будто самый обыкновенный человѣкъ, со всѣми слабостями, съ самыми обычными требованіями отъ людей и отъ жизни; въ какой-нибудь компаніи его трудно было отличить отъ другихъ: ни умныхъ фразъ, ни претензій на остроуміе, ни ложной скромности, ни какихъ нибудь особенностей въ костюмѣ, которыми теперь, по примѣру иностранцевъ, начинаютъ отличаться новыя „знаменитости", быстро попадая въ боги и думая, что надо носить если не перо и шпагу, то какой-нибудь кафтанъ или куртку. Все въ немъ было просто и натурально. Онъ былъ какъ будто выраженіемъ всей той обыденной жизни, которую онъ изображалъ такъ превосходно, какъ настоящій мастеръ, и въ которой герои и героини такіе же обыкновенные люди, какъ онъ. Онъ любилъ свою среду и сторонился отъ всего того, что было ему такъ или иначе чуждо. Наединѣ съ пріятелемъ или въ письмахъ онъ судилъ съ необыкновенной тонкостью и чуткостью о людяхъ и о жизни, но опять же безъ всякихъ вычуръ, безъ той литературности и назидательности, въ которыхъ можно было бы увидѣть какія-нибудь претензіи человѣка, поставленнаго на значительную высоту въ родной литературѣ. Никогда онъ не стремился ни учительствовать, ни проповѣдывать. Я не сдѣлаю никакого преувеличенія, если сравню нѣкоторыя его письма съ письмами Пушкина. Та же искренность, та же простота, тотъ же ясный слогъ, та же независимость мысли отъ какого-нибудь „направленія". Онъ былъ глубоко оскорбленъ, когда бывшій Союзъ писателей выбралъ его въ свои члены незначительнымъ большинствомъ за повѣсть „Мужики", которая, будучи правдива, грѣшила противъ тенденціи Союза. Въ немъ соединялся поэтъ и человѣкъ большого здраваго смысла. Художественная объективность какъ будто руководила имъ и въ жизни, и онъ смотрѣлъ ей смѣло въ глаза и самостоятельно разбирался. Я позволю себѣ привести слѣдующія его строки изъ его письма ко мнѣ изъ Ялты (1894 г., кажется — онъ иногда не ставилъ на своихъ письмахъ года):

„Во мнѣ течетъ мужицкая кровь и меня не удивишь мужицкими добродѣтелями. Я съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать, такъ какъ разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда перестали драть, была страшная. Я любилъ умныхъ людей, нервность, вѣжливость, остроуміе, а къ тому, что люди ковыряли мозоли и что ихъ портянки издавали удушливый запахъ, я относился такъ же безразлично, какъ къ тому, что барышни по утрамъ ходятъ въ папильоткахъ. Но Толстовская философія сильно трогала меня, владѣла мною лѣтъ 6—7, и дѣйствовали на меня не основныя положенія, которыя были мнѣ извѣстны и раньше, а Толстовская манера выражаться, разсудительность и вѣроятно гипнотизмъ своего рода. Теперь же во мнѣ что-то протестуетъ; расчетливость и справедливость говорятъ мнѣ, что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и въ воздержаніи отъ мяса. Война зло и судъ зло, но изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ ходить въ лаптяхъ и спать на печи вмѣстѣ съ работникомъ и его женой и проч. и проч. . . . . . Разсужденія всякія мнѣ надоѣли, а такихъ свистуновъ, какъ Максъ Нор-

Digitized by Google

дау, я читаю просто съ отвращеніемъ. Лихорадящимъ больнымъ ѣсть не хочется, но чего-то хочется и они это свое неопредѣленное желаніе выражаютъ такъ: „чего-нибудь кисленькаго“. Такъ и мнѣ хочется кисленькаго. И это не случайно, такъ какъ точно такое настроеніе я замѣчаю кругомъ. Похоже, будто всѣ были влюблены, разлюбили теперь и ищутъ новыхъ увлеченій. Очень возможно и очень похоже на то, что русскіе люди опять переживутъ увлеченіе естественными науками и опять матеріалистическое движеніе будетъ моднымъ. Естественныя науки дѣлаютъ теперь чудеса и онѣ могутъ двинуться, какъ Мамай, на публику и покорить ее своею массою, грандіозностью“...

Онъ ошибался, Мамаемъ оказались не естественныя науки, а что-то другое. Науки присмирѣли и даже попрятались.

Я познакомился съ Чеховымъ давно, вскорѣ послѣ появленія его перваго разсказа въ „Новомъ Времени“ (въ 1886 г.). Онъ работалъ до того въ „Петерб. Газетѣ“, подписываясь *А. Чехонте*. Я написалъ ему, чтобы онъ бросилъ этотъ псевдонимъ и подписывался своей фамиліей. Такъ онъ и сдѣлалъ и сталъ болѣе или болѣе обрабатывать свои разсказы. Прежде онъ писалъ быстро, какъ бы мимоходомъ, какъ пишетъ журналистъ. Онъ мнѣ говорилъ, что одинъ изъ своихъ разсказовъ написалъ въ купальнѣ, лежа на полу, карандашемъ, положилъ въ конвертъ и бросилъ въ почтовый ящикъ. Такіе разсказы его походили на анекдоты и вращались въ публикѣ. Разъ на Волгѣ, на пароходѣ, одинъ офицеръ сталъ ему разсказывать его же разсказы, увѣряя, что это случилось съ его знакомыми и съ нимъ, офицеромъ. Въ изданіи Маркса, который въ 1899 г. купилъ его сочиненія за 75,000 р, и то, что было напечатано, и то, что будетъ напечатано, съ уплатою этихъ денегъ въ теченіе трехъ лѣтъ, явилось много такихъ „анекдотовъ“. Г. Марксъ требовалъ отъ Чехова какъ можно больше разсказцевъ и составилъ изъ нихъ нѣсколько томовъ. Естественно, что г. Марксъ выручилъ всю уплаченную Чехову сумму первымъ же изданіемъ. Эта продажа составляла одно изъ мученій его за послѣдніе годы. Получи онъ 75,000 р. разомъ съ г. Маркса, онъ могъ бы еще что-нибудь сдѣлать съ этимъ капиталомъ. Но получая ихъ по частямъ въ три года, онъ затѣялъ строить дачу и въ нѣсколько лѣтъ эти тысячи растаяли, и растаяла мечта о своей независимости и свободѣ. Онъ снова остался безъ денегъ и единственный рессурсъ, который ему оставался,—это трудъ. А болѣзнь усиливалась, то замирая, то проявляясь сильнѣе. На несчастье Чехова, онъ продалъ свои сочиненія какъ разъ наканунѣ того времени, когда явился Горькій и вмѣстѣ съ нимъ началось необыкновенное требованіе на новыхъ писателей и на Чехова. Два года тому, разъѣзжая съ нимъ въ Москвѣ по кладбищамъ—и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, онъ любилъ до странности посѣщать кладбища, читать надписи на памятникахъ или молча ходить среди могилъ—онъ мнѣ говорилъ, что не можетъ писать беллетристики. Мысль, что онъ все продалъ, прошедшее и будущее, что есть у него „хозяинъ“, который по праву покупки всѣмъ этимъ владѣетъ, какъ собственностью, отравляла его. Онъ пробовалъ убѣдить г. Маркса, нажившаго, на его сочиненіяхъ, какъ говорили, большія деньги, измѣнить условія. Г. Марксъ предложилъ ему 5,000 р. на поѣздку за границу для поправленія здоровья и свои изданія въ хорошихъ переплетахъ, Чеховъ изданія въ хорошихъ переплетахъ взялъ, а отъ 5,000 руб. отказался.

Чеховъ оставилъ за собой только право на театральныый гонораръ за пьесы и это право переходитъ и къ его наслѣдникамъ. Но право на

Digitized by Google

изданіе самихъ пьесъ принадлежитъ также г. Марксу.

Какъ много онъ работалъ, видно изъ той массы разсказовъ, которые написалъ онъ подъ псевдонимомъ Чехонте. Разъ я говорилъ съ Л. Н. Толстымъ о Чеховѣ, который въ то время еще не былъ съ нимъ знакомъ.

„Я прочелъ одинъ изъ его разсказовъ въ какомъ-то календарикѣ, сказалъ Л. Н.—Онъ живо написанъ. Но такихъ разсказовъ можно написать тысячу и тогда даже трудно судить о степени таланта автора. А вѣдь онъ написалъ только десятки, вѣроятно.

Я передалъ въ общихъ чертахъ этотъ разговоръ Чехову.

— Да, я дѣйствительно написалъ тысячу разсказовъ!—сказалъ Чеховъ.

Извѣстность ему давалась медленно, но то, что онъ завоевывалъ, оставалось прочнымъ его пріобрѣтеніемъ. Онъ видѣлъ, какъ измѣнилось быстро отношеніе къ молодымъ писателямъ, какъ расхваливали ихъ „разсказы“, называлъ себя „старикомъ“ и отсталымъ. Но молодые писатели почтительно около него группировались или отдавали ему дань уваженія. А самъ патріархъ, Л. Н. Толстой, послѣ „Палаты № 6“, говорилъ о Чеховѣ, какъ о большомъ талантѣ, интересовался не только имъ, но даже его мнѣніемъ о своихъ произведеніяхъ и давалъ ему первые наброски „Воскресенія“.

И Чеховъ обладалъ очень тонкимъ художественнымъ чутьемъ. Работалъ онъ надъ своими произведеніями такъ, чтобы „не было въ нихъ лишняго слова“. Фантазія его была прямо поразительная, если собрать всѣ тѣ мотивы и подробности быта, которые разбросаны въ его произведеніяхъ. Однимъ онъ мучился—ему не давался романъ, а онъ мечталъ о немъ и много разъ за него принимался. Широкая рама какъ будто ему не давалась и онъ бросилъ начатыя главы. Одно время онъ все хотѣлъ взять форму „Мертвыхъ душъ“, то-есть поставить своего героя въ положеніе Чичикова, который разъѣзжаетъ по Россіи и знакомится съ ея представителями. Нѣсколько разъ онъ развивалъ предо мною широкую тему романа съ полуфантастическимъ героемъ, который живетъ цѣлый вѣкъ и участвуетъ во всѣхъ событіяхъ XIX столѣтія. Онъ начиналъ драму, гдѣ главнымъ лицомъ является царь Соломонъ „Паралипоменона“ и „Пѣсни пѣсней“. Я думаю, что вѣчная забота о насущномъ хлѣбѣ и затѣмъ приступы болѣзни не давали ему свободы для большого произведенія.

Къ успѣху своихъ произведеній онъ былъ очень чувствителенъ и при своей искренности и прямотѣ не могъ этого скрывать. Когда послѣ первыхъ двухъ актовъ „Чайки“ на Александринскомъ театрѣ онъ увидѣлъ, что пьеса не имѣетъ успѣха, онъ бѣжалъ изъ театра и бродилъ по Петербургу неизвѣстно гдѣ. Сестра его и всѣ знакомые не знали, что подумать, и посылали всюду, гдѣ предполагали его найти. Онъ вернулся въ третьемъ часу ночи. Когда я вошелъ къ нему въ комнату онъ сказалъ мнѣ строгимъ голосомъ: „Назовите меня послѣднимъ словомъ (онъ произнесъ это слово), если когда-нибудь я еще напишу пьесу“. На другой день онъ уѣхалъ въ Москву раннимъ утромъ съ какимъ-то пассажирскимъ или товарнымъ поѣздомъ. Потомъ онъ оправдывался, говоря, что онъ подумалъ, что это былъ неуспѣхъ его личности, а не пьесы, и называлъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ петербургскихъ литераторовъ, которые яко бы высокомѣрно съ нимъ заговорили въ антрактѣ, видя, что его пьеса падаетъ. На представленія слѣдующихъ своихъ пьесъ онъ почти не ходилъ. Когда онъ написалъ „Три сестры“, то жалѣлъ потомъ, что не написалъ на эту тему повѣсть, что тема скорѣй для повѣсти, чѣмъ для драмы.

Digitized by Google

Когда болѣзнь его еще не обнаруживалась, онъ отличался необыкновенной жизнерадостностью, жаждою жить и радоваться. Хотя первая книжка его „Сумерки“ и вторая „Хмурые“ уже показывали, какой строй получаютъ его произведенія, но онъ не обнаруживалъ никакой меланхоліи, ни малѣйшей склонности къ пессимизму. Все живое, волнующее и волнующееся, все яркое, веселое, поэтическое онъ любилъ и въ природѣ, и въ жизни. О путешествіяхъ онъ постоянно мечталъ и, будь у него спутникъ, онъ побывалъ бы въ Америкѣ и въ Африкѣ. Съ нимъ вмѣстѣ мы дважды ѣздили за границу. Въ оба раза мы видѣли Италію. Его мало интересовало искусство, статуи, картины, храмы, но тотчасъ по пріѣздѣ въ Римъ ему захотѣлось за городъ, полежать на зеленой травѣ. Венеція захватывала его своей оригинальностью, но больше всего жизнью, серенадами, а не дворцомъ дожей и проч. Въ Помпеѣ онъ скучно ходилъ по открытому городу—оно и дѣйствительно скучно, но сейчасъ же съ удовольствіемъ поѣхалъ верхомъ на Везувій, по очень трудной дорогѣ, и все хотѣлъ поближе подойти къ кратеру. Кладбища за границей его вездѣ интересовали,—кладбища и циркъ съ его клоунами, въ которыхъ онъ видѣлъ настоящихъ комиковъ. Это какъ бы опредѣляло два свойства его таланта—грустное и комическое, печаль и юморъ, слезы и смѣхъ, и надъ окружающимъ и надъ самимъ собою...

Въ голову толкаются все мелочи, столько хочется сказать и не улавливаешь цѣлаго. Да и какъ это можно, когда онъ еще стоитъ передо мной живой, и не можешь примириться, что жизнь его окончена. Одно сознаешь, какъ мало мы вообще цѣнимъ людей при ихъ жизни и какъ они разомъ вырастаютъ передъ очами нашей души, когда закроетъ ихъ гробовая крышка. Поднимается въ душѣ какой то укоръ, вспоминается разомъ цѣлая куча разговоровъ, свиданій, вмѣстѣ прожитыхъ дней, легкомыслія, ненужныхъ пустяковъ, недоразумѣній, умолчаній и самолюбивой замкнутости, которая иногда вдругъ закрываетъ искреннія движенія души. Я обязанъ Чехову многимъ, обязанъ его прекрасной душѣ, которая молодила меня, которая давала и всѣмъ, кто съ нимъ сходился, это чувство чего то живого, прямого, благороднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ здравомысленнаго. Меньше всего думалось, что это писатель, что это талантъ. Все это даже забывалось и являлся человѣкъ во всемъ обаяніи его ума, искренности и независимости. Въ Чеховѣ было что то новое, какъ будто совсѣмъ изъ другой жизни, изъ другой атмосферы. Таково по крайней мѣрѣ мое впечатлѣніе. Ни сантиментализма, ни притворнаго участія, ни фразъ. Иногда даже какъ будто жесткость, но жесткость правоты и твердости. Въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ страданій онъ сталъ благодушнѣе и мягче. Что то меланхолическое и покорное судьбѣ явилось въ его изстрадавшейся душѣ. Съ нимъ умеръ страдалецъ-писатель не въ томъ представленіи, которое легко впадаетъ въ общее мѣсто и обращается въ банальную фразу, для не-писателей непонятную, а въ представленіи истиннаго страданія, физическаго и моральнаго, близкаго всякому человѣку, близкаго той средѣ, поэтомъ которой онъ сдѣлался, которая принимала къ сердцу его драмы и понимала закрытый для другихъ ужасъ земного существованія и мечтала хоть о капелькѣ солнца, хоть объ обманѣ, который вывелъ бы ее изъ душной и бездѣльной тоски. Я разъ спросилъ его въ письмѣ (1894 г.) „Что долженъ желать теперь русскій человѣкъ?“—„Вотъ мой отвѣтъ,—писалъ онъ,—желать. Ему нужно прежде всего желанія, темпераментъ. Надоѣло кисляйство“. Это кратко и неопредѣленно, пожалуй, но это вы-

Digitized by Google

разительно и вѣрно. Самъ онъ всегда желалъ, желалъ прогресса русской жизни, желалъ сильныхъ характеровъ, дарованій, желалъ и искалъ весь свой краткій вѣкъ солнца и такъ умеръ, не увидавъ его настоящаго блеска.

Въ прошломъ мартѣ онъ говорилъ, что хотѣлъ бы поѣхать на войну. „Тамъ интересно". Онъ сложилъ свою голову въ той постоянной войнѣ, которая называется жизнью и въ которой онъ одержалъ нѣсколько прекрасныхъ побѣдъ, и эти побѣды увѣнчаютъ его нетлѣннымъ вѣнкомъ на „жизнь вѣчную". Лечившій его врачъ, докторъ Швереръ, телеграфировавшій намъ о послѣднихъ дняхъ его жизни, говоритъ, что онъ переносилъ свою болѣзнь, какъ герой, и съ удивительнымъ хладнокровіемъ ожидалъ смерти. Онъ страстно хотѣлъ жить, но не боялся и смерти: онъ жилъ тѣмъ русскимъ, простымъ, не кричащимъ героизмомъ, который хорошо понимаетъ всякая благородная русская душа, и умереть онъ могъ только, какъ герой, смѣло смотря въ глаза надвигающейся неизбѣжности и шепча умирающими устами: „здравствуй, смерть!"...

Какъ будто все дѣло было въ г. Марксѣ, а не въ Чеховѣ. Этотъ издатель откликнулся опроверженіемъ на ст. г. Суворина, не понимая, очевидно, что самыя законныя дѣйствія бываютъ часто не во время. Марксъ писалъ (мы приводимъ это потому, что въ отношеніяхъ къ своему издателю сказалась лишняя черта той безконечной деликатности, которой былъ полонъ покойный вообще въ своей жизни):

„М. г. г. издатель! Позвольте исправить неточности, вкравшіяся въ ваше воскресное „маленькое письмо".

1) За 75000 руб., о которыхъ вы говорите, мною пріобрѣтено отъ А. П. Чехова только то, что имъ было напечатано до заключенія договора, т. е. до 1899 г. Всѣ послѣдующія произведенія онъ печаталъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ за особый гонораръ, получая отъ меня дополнительный гонораръ, доходившій до 1000 р. съ печатнаго листа.

2) Изданное мною собраніе сочиненій Чехова редактировано самимъ авторомъ, и въ него вошли только произведенія, имъ самимъ указанныя.

3) Упомянутые 75,000 р. уплачены мною не въ теченіе 3 лѣтъ, а менѣе чѣмъ въ 2 года.

4) Все выше сказанное можетъ быть подтверждено документами.

Примите и пр. *А. Ф. Марксъ.*

Такъ писалъ онъ и... и г. Суворинъ счелъ возможнымъ отвѣчать „примѣчаніемъ издателя „Нов. Время" А. С. Суворина":

„Изъ письма г. Маркса слѣдуетъ, что моя „неточность" только въ томъ, что уплачено Чехову не въ 3 года, а въ два. Все остальное точно. Кромѣ моихъ разговоровъ съ Чеховымъ, правдивую передачу которыхъ г. Марксъ, очевидно, признаетъ, ибо проходитъ молчаніемъ о томъ, что Чеховъ просилъ его измѣнить условія, а г. Марксъ отказалъ ему въ этомъ, предложивъ только подачку въ 5 т. р., отъ которой отказался Чеховъ,—вотъ *документъ*, на основаніи котораго я кое-что сказалъ, но далеко не все, что могъ бы сказать. Чеховъ писалъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее 27 января 1899 года:

„Сергѣенко телеграфируетъ, что договоръ уже нотаріально подписанъ. Что-то еще на счетъ неустойки, но я не понялъ изъ телеграммы. Авось все сойдетъ благополучно. Я получаю 75,000 въ три срока; будущія произведенія, предварительно напечатанныя, пойдутъ за 250 р. листъ, съ надбавкой по 200 р. черезъ каждыя 5 лѣтъ. Доходъ (театральный гонораръ) съ пьесъ принадлежитъ мнѣ, потомъ моимъ наслѣдникамъ. Послѣдній пунктъ я отвоевалъ, приступомъ взялъ".

Digitized by Google

Отсюда слѣдуетъ, что Чеховъ продалъ въ полную собственность г. Маркса, т. е. на всю свою жизнь и на 50 лѣтъ послѣ своей смерти, за 75,000 р. не только то, что было напечатано до 1899 г., какъ утверждаетъ г. Марксъ, но и все то, что будетъ напечатано.

Я такъ и говорилъ о *напечатанномъ*, а не о *написанномъ*, но и написанное все принадлежитъ г. Марксу, какъ скоро оно гдѣ нибудь появится въ печати. Печатный листъ не могъ продавать Чеховъ за 250 р. на всю свою жизнь и на 50 лѣтъ послѣ своей смерти. Конечно, господинъ Марксъ не можетъ арестовать рукописей Чехова, но вѣдь писатель пишетъ для того чтобъ печатать, а не для того, чтобы написанное лежало въ рукописи. Эта первая *неточность* г. Маркса.

Вторая *неточность* заключается въ фразѣ г. Маркса: „получая отъ меня дополнительный гонораръ, *доходившій* до 1,000 руб. съ печатнаго листа". Изъ письма Чехова слѣдуетъ, что дополнительный гонораръ въ первыя пять лѣтъ, т. е. до 1904 г., равняется 550 р. съ печатнаго листа, а *тысячѣ руб.* съ этого листа онъ будетъ равняться *только въ 1923 г.* Чеховъ дожилъ бы до этого гонорара только въ возрастѣ 63 лѣтъ. Разсказывая мнѣ о свиданіи съ г. Марксомъ, Чеховъ мнѣ не говорилъ о какихъ нибудь измѣненіяхъ въ условіяхъ, а потому я могу сказать, что г. Марксъ не имѣетъ права говорить о гонорарѣ въ 1,000 руб. съ листа, который онъ будто бы *уплачивалъ*, и пока г. Марксъ не разъяснитъ этого обстоятельства, я буду считать, что онъ хочетъ этою тысячею ввести въ заблужденіе публику.

Относительно второго пункта его отвѣта, скажу только, что я повторилъ въ своемъ „Маленькомъ письмѣ" слова Чехова мнѣ, т. е. что г. Марксъ желалъ получить какъ можно больше изъ тѣхъ разсказовъ, которые Чеховъ печаталъ подъ псевдонимомъ Чехонте и которые самъ считалъ слабыми. Уступая просьбѣ г. Маркса, онъ жертвовалъ своимъ литературнымъ вкусомъ въ пользу прибылей издателя. Это говоритъ только объ его необыкновенной деликатности, которую г. Марксъ оцѣнить не умѣлъ и не умѣетъ.

Чеховъ мнѣ показывалъ письмо г. Маркса, въ которомъ онъ *поздравлялъ* Чехова съ честью быть приложеннымъ къ „Нивѣ", а Чеховъ былъ такъ деликатенъ, что благодарилъ его и за это, хотя это приложеніе дѣлало *честь* „Нивѣ", а совсѣмъ не Чехову, приносило барыши г. Марксу и убытокъ Чехову. И вотъ почему. Какъ разъ въ это время составлялся проектъ о выкупѣ сочиненій Чехова у г. Маркса, а съ „приложеніемъ" ихъ къ „Нивѣ" они являлись обезцѣненными въ книжномъ рынкѣ, насытивъ массу читателей, и разговоры о выкупѣ прекратились тотчасъ же. Какъ много Чеховъ потерялъ, а г. Марксъ нажилъ на его сочиненіяхъ, видно изъ слѣдующаго. Я знаю, что за *одно право одинъ разъ приложить* сочиненія Д. В. Григоровича къ „Нивѣ" г. Марксъ заплатилъ собственнику этихъ сочиненій, г. Мартынову, 25 тыс. руб., а за то же право г-жѣ Достоевской гораздо больше. Если г. Марксъ хочетъ быть *точнымъ*, то пусть представитъ полный отчетъ по *документамъ* о выручкѣ за сочиненія Чехова съ 1899 г. по настоящее время. Тогда и можно говорить о „неточностяхъ"—и ихъ провѣрять тоже по *документамъ*".

Снова писалъ г. Марксъ письмо въ редакцію и неизвѣстно, долго ли еще продолжалась бы полемика, но тутъ возроптала печать и общество. Нѣкто, подписавшійся: „одинъ изъ многихъ" на столбцахъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" просилъ:

„Не откажите дать возможность выразить то чувство, какое возбуждаетъ поднятая г. Суворинымъ полемика съ г. Марксомъ изъ-за де-

нежныхъ разсчетовъ покойнаго Чехова съ послѣднимъ. Оскорбительно и тяжело слышать у свѣжей могилы эти издательскія дрязги, въ которыхъ менѣе всего понятна (!) роль г. Суворина въ качествѣ защитника матеріальныхъ интересовъ Чехова заднимъ числомъ. Удивительно, какъ любовь г. Суворина къ почившему писателю, о которой онъ возвѣстилъ читателямъ „Новаго Времени", не подсказала ему болѣе благородной формы выраженія, исключающей возможность нарушенія правилъ самаго элементарнаго приличія и общественнаго такта".

Въ то же время другія газеты печатали относящіяся къ жизни и личности покойнаго писателя воспоминанія. Приватъ-доцентъ Россолимо привелъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" хранящуюся у него автобіографію Чехова. Вотъ что пишетъ г. Россолимо:

Изъ сохранившихся у меня писемъ и замѣтокъ покойнаго друга Антона Павловича для меня особенно цѣнна его рукописная краткая автобіографія, присланная имъ мнѣ весной 1899 года и вошедшая въ альбомъ портретовъ съ краткими жизнеописаніями товарищей нашего выпуска, московскихъ медиковъ 1884 г., къ которому былъ причастенъ и А. П. Въ виду того, что въ свое время я получилъ отъ автора біографіи разрѣшеніе присвоить себѣ эту рукопись, а также и потому, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти дорогого человѣка такъ хочется думать и говорить объ его жизни, я спѣшу подѣлиться съ почитателями великаго писателя тѣмъ, что писалъ онъ о себѣ послѣ 20 лѣтъ литературной дѣятельности.

„Я, А. П. Чеховъ, родился 17 января 1860 г. въ Таганрогѣ. Учился сначала въ греческой школѣ при церкви царя Константина, потомъ въ таганрогской гимназіи; въ 1879 г. поступилъ въ московскій университетъ на медицинскій факультетъ. Вообще о факультетахъ имѣлъ тогда слабое понятіе и выбралъ медицинскій факультетъ не помню по какимъ соображеніямъ, но въ выборѣ потомъ не раскаивался. Уже на первомъ курсѣ сталъ печататься въ еженедѣльныхъ журналахъ и газетахъ, и эти занятія литературой уже въ началѣ 80-хъ годовъ приняли постоянный, профессіональный характеръ. Въ 1888 г. получилъ пушкинскую премію. Въ 1890 г. ѣздилъ на островъ Сахалинъ, чтобы потомъ написать книгу о нашей ссыльной колоніи и каторгѣ. Не считая судебныхъ отчетовъ, рецензій, фельетоновъ, замѣтокъ, всего, что писалось изо-дня въ день для газетъ и что теперь было бы трудно отыскать и собрать, мною за 20 лѣтъ литературной дѣятельности было написано и напечатано болѣе 300 листовъ повѣстей и разсказовъ. Писалъ я и театральныя пьесы. Не сомнѣваюсь, занятія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность; они значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ, мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ всегда держало меня на-сторожѣ, и я старался, гдѣ было возможно, соображаться съ научными данными, а гдѣ невозможно, предпочиталъ не писать вовсе. Замѣчу кстати, что условія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ научными данными; нельзя изобразить на сценѣ смерть отъ яда такъ какъ она происходитъ на самомъ дѣлѣ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться и въ этой условности, т. е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно,

Digitized by Google

что это—только условность и что онъ имѣетъ дѣло со свѣдующимъ писателемъ... Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу; и къ тѣмъ, которые до всего доходятъ своимъ умомъ, не хотѣлъ бы принадлежать. Что касается практической медицины, то еще студентомъ я работалъ въ воскресенской земской больницѣ (близъ Новаго Іерусалима) у извѣстнаго земскаго врача П. А. Архангельскаго, потомъ недѣлю былъ врачемъ въ звенигородской больницѣ. Въ холерные годы (1892—1893) завѣдывалъ меликовскимъ участкомъ Серпуховскаго уѣзда".

О послѣднихъ дняхъ Чехова разсказываетъ г. Супенниковъ въ „Спб. Вѣд.":

Д-ръ Винтеръ, ассистентъ д-ра Шверера, лѣчившаго Чехова въ Баденвейлерѣ, только-что сообщаетъ мнѣ слѣдующія подробности о пребываніи незабвеннаго писателя, оплакиваемаго всей мыслящей и читающей Россіей, въ шварцвальдскомъ курортѣ и о послѣднихъ дняхъ и часахъ его жизни:

„Согласно вашей просьбѣ, сообщаю вамъ все важнѣйшее о пребываніи Чехова въ здѣшнемъ курортѣ. Три недѣли назадъ Чеховъ, давно уже, въ теченіе многихъ лѣтъ, страдавшій легочной болѣзнью, пріѣхалъ въ прославленный Шварцвальдъ, чтобы оправиться здѣсь отъ своей болѣзни. Его еще молодая и красивая супруга, вышедшая за него замужъ около трехъ лѣтъ назадъ, сопровождала его и ухаживала за нимъ во все время его пребыванія здѣсь съ трогательной нѣжностью, рѣшительно не догадываясь и не предчувствуя, какъ быстро она его лишится. И въ самомъ дѣлѣ, казалось, что его надежда на поправленіе здоровья въ первое время исполнилась. Новая обстановка чрезвычайно понравилась ему. Русскій человѣкъ, родившійся и выросшій среди степей, искренно восхищался красотами природы, коими нашъ баденскій югъ столь богатъ. Прогулки вмѣстѣ съ супругой въ прекрасные сосновые лѣса, видимо, радовали Чехова, и эти впечатлѣнія производили на него прекрасное вліяніе. Но вскорѣ Чехова, привыкшаго къ природѣ далекой Россіи, охватило безпокойство. Онъ переселялся здѣсь изъ отеля въ отель и въ отелѣ изъ одной комнаты въ другую, пока послѣдніе дни его страданій не приковали его къ постели. Въ прошлый вторникъ наступилъ вполнѣ неожиданно первый припадокъ ослабленія дѣятельности сердца, казавшійся ему, какъ врачу, занимавшемуся раньше врачебной практикой, весьма опаснымъ для него. Весьма серьезнымъ тономъ онъ сказалъ: „теперь уже мнѣ осталось недолго жить..." Подъ вліяніемъ впрыскиванія камфоры и неусыпныхъ заботъ его врача, д-ра Шверера, онъ снова нѣсколько оправился, пока снова въ среду не наступилъ жестокій припадокъ сердечной слабости. Этотъ припадокъ онъ еще перенесъ, но принималъ уже только жидкую пищу. Въ четвергъ состояніе его здоровья было снова удовлетворительно. Больной былъ въ полномъ сознаніи. Въ часъ ночи онъ проснулся отъ припадка сильнаго удушья, что побудило его послать немедленно за докторомъ Швереромъ. Врачъ сдѣлалъ немедленно нѣсколько вспрыскиваній камфоры, укрѣпляющихъ дѣятельность сердца, и распорядился, чтобы принесли изъ аптеки кислородъ. Но Чеховъ сказалъ: „оставьте". Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько глубокихъ вздоховъ и скончался спокойно въ три часа ночи... Слѣдующей ночью я руководилъ перевезеніемъ трупа въ капеллу и имѣлъ, такимъ образомъ, возможность снова любоваться еще вполнѣ неизмѣнившимся лицомъ, говорившимъ такъ ярко и сильно объ его сердечной добротѣ, давшей ему такъ много друзей и почитате-

Digitized by Google

лей. Многочисленные вѣнки возложены были на гробъ, украшенный также цвѣтами, и красиво была убрана маленькая капелла. Въ субботу состоялась панихида, которую служилъ русскій священникъ изъ Карлсруэ. Присутствовали на панихидѣ русскій посланникъ при баденскомъ дворѣ фонъ-Эйхлеръ и всѣ пребывающіе здѣсь для лѣченія русскіе. Всѣ, кто только слышалъ здѣсь имя Чехова, собрались для оказанія ему послѣдней почести, и знаменитый писатель, хотя скончавшійся вдали отъ родины, былъ въ гробу окруженъ своими соотечественниками и здѣсь.

„Въ послѣдніе дни своей жизни онъ неоднократно указывалъ на то, что ему придется преждевременно умереть. Пребываніе въ Баденвейлерѣ, прекрасная природа и роскошная растительность въ связи съ великолѣпной лѣтней погодой внушили ему такъ много новыхъ идей, дали ему такъ много новыхъ впечатлѣній, что онъ, какъ самъ говорилъ, долженъ былъ бы еще жить многіе долгіе годы, чтобы свои наброски, которые онъ дѣлалъ и здѣсь еще незадолго до своей смерти, такъ обработать и воплотить въ художественные образы, какъ онъ того бы хотѣлъ...“

Послѣднимъ днямъ Чехова посвящаетъ свое письмо изъ Берлина въ „Рус. Вѣд.“ и г. Іоллосъ:

„Я лично въ Берлинѣ уже получилъ впечатлѣніе, что дни А. П. сочтены,—такъ онъ мнѣ показался тяжело-больнымъ: страшно исхудалъ, отъ малѣйшаго движенія кашель и одышка, температура всегда повышенная. Въ Берлинѣ ему трудно было подняться на маленькую лѣстницу потсдамскаго вокзала; нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ обезсиленный и тяжело дыша. Помню, однако, что, когда поѣздъ отходилъ, онъ, несмотря на мою просьбу оставаться спокойно на мѣстѣ, высунулся изъ окна и долго кивалъ головой, когда поѣздъ двинулся. По пріѣздѣ сюда, въ Баденвейлеръ, онъ первые дни чувствовалъ себя бодрѣе, говорилъ о своихъ планахъ, мечталъ о путешествіи по Италіи и хотѣлъ вернуться въ Ялту черезъ Константинополь. Аппетитъ и сонъ были лучше; но уже на второй недѣлѣ здѣшняго пребыванія стали проявляться безпокойство и торопливость,—комната ему не нравилась, хотѣлось другого мѣста. Они переѣхали въ частный домъ Villa Frederike, и тамъ повторилось то же самое: пара спокойныхъ дней, затѣмъ снова желаніе куда-нибудь подальше. О. Л. нашла прекрасную комнату съ балкономъ въ Hôtel Sommer, и здѣсь онъ, сидя на балконѣ, любилъ наблюдать сцены на улицѣ. Особенно его занимало непрекращающееся движеніе у дома почты. „Видишь,—говорилъ онъ женѣ,—что значитъ культурная страна: всѣ выходятъ и входятъ, каждый пишетъ и получаетъ письма“. Выѣзжалъ А. П. почти ежедневно съ О. Л. кататься въ лѣсъ; проѣзжая черезъ деревню, любовался крестьянскими чистыми домами и вздыхалъ: „Когда же у насъ такъ мужики будутъ жить!“ Такъ дни проводилъ до начала этой недѣли... А. П. производилъ впечатлѣніе серьезно больного, но никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ. Только въ ночь съ четверга на пятницу, когда послѣ камфарнаго шприца пульсъ не поправлялся, стало очевидно, что катастрофа приближается. Проснувшись въ 1-мъ часу ночи, Антонъ Павловичъ сталъ бредить, говорилъ о какомъ то матросѣ, спрашивалъ объ японцахъ, но затѣмъ пришелъ въ себя и съ грустной улыбкой сказалъ женѣ, которая клала ему на грудь мѣшокъ со льдомъ: „На пустое сердце ледъ не кладутъ“.

Зналъ ли онъ раньше, что умираетъ? И да, и нѣтъ. Когда теперь вспоминаютъ о нѣкоторыхъ его выраженіяхъ, краткихъ и какъ-будто

Digitized by Google

брошенныхъ случайно (ему, вообще, въ послѣднее время запрещали долго говорить), возникаетъ предположенiе, что мысль о близости смерти у него явилась раньше, чѣмъ у окружающихъ: за нѣсколько дней предъ кончиной, когда онъ послалъ мнѣ въ Берлинъ чекъ для полученiя денегъ у Мендельсона, А. П. распорядился, чтобы деньги были адресованы на имя его супруги, и когда О. Л. спросила его, почему это, онъ отвѣтилъ: „Да знаешь, на всякiй случай"... Послѣднiя его слова были: „Умираю", и потомъ еще тише, по-нѣмецки, къ доктору: „Ich sterbe"... Пульсъ становился все тише... Умирающiй сидѣлъ въ постели, согнувшись и подпертый подушками, потомъ вдругъ склонился на бокъ,— и безъ вздоха, безъ видимаго внѣшняго знака, жизнь остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженiе появилось на сразу помолодѣвшемъ лицѣ".

Сотрудникъ „Новостей" посѣтилъ въ С.-Петербургѣ родныхъ Чехова.

— „Печальное извѣстiе получено было нами еще вчера подъ вечеръ. Мой мужъ тотчасъ же уѣхалъ на встрѣчу тѣлу. Еще недавно только мы разстались съ Антономъ Павловичемъ; мы гостили съ Александромъ Павловичемъ у него въ Ялтѣ; а теперь, какъ видите, ему придется видѣть лишь трупъ бездыханный.— вздохнула Н. П. Чехова, супруга брата почившаго писателя.

— Была ли его смерть неожиданностью?—отвѣтила Н. П. на мой вопросъ.—Врядъ ли: рокового момента надо было ожидать съ минуты на минуту; въ послѣднее время Антонъ Павловичъ былъ очень слабъ. Когда мы прiѣхали къ нему въ Ялту весною этого года, я была страшно поражена происшедшей въ немъ перемѣной. Это былъ положительно живой мертвецъ. Въ особенности лицо исхудало. Щеки ввалились. Я до этого его нѣсколько лѣтъ не видѣла и помнила его такимъ красавцемъ.

Да, послѣднiе годы сильно подкосили его.

Какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, у него развилась чахотка. Быть можетъ, онъ и не сошелъ бы такъ скоро въ могилу, если бы былъ осторожнѣе. Но онъ ничего и слышать не хотѣлъ. Сколько его безпокоили въ Ялтѣ, даже передать трудно. Вѣчные визиты, вѣчныя посѣщенiя. То ялтинскiе обыватели, то курортная публика, а многiе даже спецiально прiѣзжали. И въ какомъ бы онъ ни былъ состоянiи, онъ всегда всѣхъ приглашалъ. Иногда даже черезъ силу. Самъ кашляетъ, усталъ, ему бы отдохнуть; ужъ мы его бывало урезонивали: „ну, что за бѣда, въ другой разъ придутъ; вѣдь, не по экстренному дѣлу, да и самому посѣтителю непрiятно будетъ, если узнаетъ, что больного потревожилъ".

Но Антонъ Павловичъ и слышать не хотѣлъ. Чуткiй, отзывчивый и чрезвычайно деликатный, онъ не могъ отказывать: „нѣтъ, нельзя, надо принять". Положительно, ему покою не давали. Пребыванiе въ Ялтѣ, однако, принесло ему, повидимому, нѣкоторую пользу. Онъ сталъ себя чувствовать немного лучше. Хотя видъ его былъ, все-таки, ужасенъ. Но тутъ присоединилась еще другая болѣзнь: разстройство кишечника. Эта болѣзнь причиняла ему, пожалуй, еще большiя страданiя. Но главное, что ему нельзя было изъ-за этого пить молока. А оно ему было необходимо.

Это стеченiе болѣзней, повидимому, и ускорило печальную развязку.

Антонъ Павловичъ рѣшилъ поѣхать заграницу. Проѣздомъ онъ остановился въ Москвѣ и тамъ простудился въ маѣ мѣсяцѣ. Сами знаете, вѣдь, какое лѣто было. И здоровому простудиться не мудрено было.

Эта простуда окончательно подорвала его здоровье и заграницу онъ уѣхалъ—такъ, говорятъ, страшно

Digitized by Google

было посмотрѣть на него. И, конечно, мы ужъ мало надѣялись на благополучный исходъ.

Первое время мы часто получали письма. Изъ нихъ мы, однако, не могли заключить, что такъ скоро наступитъ роковой конецъ. Вѣдь, онъ былъ очень терпѣливъ и никогда почти не жаловался, а такъ тихо про себя переносилъ свои страданія, да лицо выдавало.

Потомъ письма стали рѣже.

А вчера было получено печальное извѣстіе. Другой братъ, Михаилъ Павловичъ, получилъ телеграмму на нѣсколько часовъ раньше; но телеграмма лежала до вечера нераспечатанной, такъ какъ М. П. въ отъѣздѣ.

Къ вечеру и мы получили.

Послѣ Антона Павловича остались мать, жена, сестра, — дѣтей нѣтъ.

Больше всѣхъ онъ былъ обязанъ сестрѣ, которая все время неустанно за нимъ ухаживала, даже замужъ не вышла изъ-за него.

Матеріально онѣ обезпечены. А. П. оставилъ домъ въ Ялтѣ, нѣсколько дачъ.

Но главнаго наслѣдства онъ ихъ, какъ мы всѣ говоримъ, лишилъ: онъ продалъ всѣ свои сочиненія Марксу за 75 тысячъ. Наслѣдники, кажется, даже не имѣютъ права издавать ихъ.

Но всѣ эти вопросы, конечно, ничто въ сравненіи съ тяжелой потерей.

— Вѣдь, ему было всего 45-й годъ,—вздохнула Н. П.

На верандѣ дачи, гдѣ мы сидѣли, стало тихо. Н. П. призадумалась. Передъ нами какъ бы пронеслась тѣнь безвременно угасшаго творца „Палаты № 6“, и грустно стало на душѣ...“

„5 іюля, въ 6 час. 30 мин, утра, гробъ съ тѣломъ Ан. П. былъ доставленъ изъ Баденъ-Вейлера на станцію Мюнгеймъ. Сопровождали гробъ вдова покойнаго, два московскихъ студента и г. Іоллесъ. Отсюда гробъ тотчасъ отправился въ Берлинъ, но вмѣсто того, чтобы везти его со скорымъ поѣздомъ, какъ предполагалось, пришлось отправить его съ пассажирскимъ.

Наконецъ, 8-го іюля прибыло тѣло писателя въ Петербургъ. Никто не зналъ навѣрно о часѣ прибытія поѣзда и получилось вотъ что:

На платформѣ ни живой души. Стрѣлка подвигается. Вотъ пришелъ варшавскій поѣздъ: платформа оживилась было на нѣсколько мгновеній и снова опустѣла. Къ половинѣ девятаго на перронѣ собралось... едва полтора десятка людей, преимущественно представителей печати; но далеко не всѣ газеты прислали своихъ представителей. Изъ столичной прессы явились корреспонденты „Руси“ и „Новостей“. Затѣмъ были сотрудники „Русскаго Слова“, „Русской Правды“, „Русскаго Листка“, „Русскихъ Вѣдомостей“, „Новостей Дня“; литературный міръ явился въ лицѣ гг. Венгерова и Кранихфельда и, кромѣ того, было *человѣкъ 5 сторонней публики*. Три четверти девятаго. Свистокъ. Вдали показался поѣздъ. Онъ приближается. Вотъ наглухо запертый вагонъ. На замкѣ незатѣйливый букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ. „Здѣсь“ мелькнуло у всѣхъ въ головѣ и всѣ столпились у вагона. Въ это же время изъ другого вагона, никѣмъ не замѣченныя, вышли двѣ скорбныя женскія фигуры въ траурѣ.

Когда платформа очистилась отъ пріѣзжей публики, эти фигуры обратили на себя вниманіе: это были— вдова покойнаго и ея родственница. Трудно было узнать г-жу Книпперъ въ исхудавшей, осунувшейся О. Л. Чеховой. Глубокими складками легла печаль на ея печальномъ лицѣ. Изъ глазъ струились слезы. Она оглянулась кругомъ. Горькая обида отразилась на ея измученномъ лицѣ, обида за покойнаго, тѣло котораго столица встрѣтила такъ холодно, такъ равнодушно.

Ноги подкосились и, припавъ на

Digitized by Google

плечо спутницы, она нервно разрыдалась. Свидѣтелямъ этой сцены стало тяжело на душѣ. Скорбь отъ невознаградимой потери усугубилась ѣдкимъ чувствомъ жгучаго стыда. Болѣе тяжелыхъ минутъ мнѣ не приходилось переживать.

„Никто не зналъ времени прибытія";—шопотомъ раздавалось изъ устъ. Мы всѣ повторяли это и въ то же время каждому хотѣлось крикнуть: „Молчите, вы не знали, когда привезутъ останки Чехова".

Какъ это случилось? Почему не давали знать? Почему не телеграфировали? спросили О. Л. Чехову.

Дрожащимъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, О. Л. запротестовала. Запротестовала и спутница ея.

— Я отправила нѣсколько телеграммъ,—сказала О. Л. Изъ нихъ одну на имя П. И. Вейнберга, двѣ прямо на станцію.

— Встрѣчали ли васъ по пути?

— Только въ Вильнѣ возложили вѣнокъ отъ мѣстной газеты. Да за Двинской на какой то глухой станціи нѣсколько студентовъ возложили цвѣты.

Такъ путешествовали останки Чехова, никому невѣдомые, ни въ комъ не возбуждая печальныхъ воспоминаній.

— Ради Бога, скорѣй въ Москву!—стономъ вырвалось у О. Л.

О. Л. выразила желаніе, чтобы отслужили литію у гроба. Представители печати бросились исполнять ея желаніе. Благодаря чьему то энергичному содѣйствію розыскали священника и пѣвчихъ. Вагонъ съ гробомъ отвели на запасный путь. Кощунственно пестрѣвшая надпись „для перевозки устрицъ" была закрашена. Дверь вагона открыли. Присутствовавшіе обнажили голову: посреди вагона, покрытаго черной матеріей, обложенный вѣнками гробъ. Вѣнки отъ „русскихъ студентовъ въ Берлинѣ", отъ „Bratstwo" въ Берлинѣ, отъ дармштадтскихъ студентовъ, князя Аргутинскаго и др. Шатаясь вошла въ вагонъ О. Л. и жадно прильнула къ дорогому гробу. Началась литія. По платформѣ понеслось печальное похоронное пѣніе, заглушаемое свистомъ и трескомъ громыхавшихъ поѣздовъ.

Такъ встрѣтила столица останки „закатившейся звѣзды сумеречныхъ дней".

Въ 11 часовъ литія кончилась. Утомленная О. Л. со своей спутницей уѣхали отдохнуть.

Къ 1 часу дня была назначена вторая литія. Вѣсть о прибытіи тѣла Чехова успѣла распространиться, и къ часу дня собралось на перронѣ до ста человѣкъ. Были уже многіе представители литературнаго міра.

Венгеровъ возложилъ вѣнокъ отъ литературнаго фонда. Въ началѣ второго часа на платформѣ показался министръ путей сообщенія князь Хилковъ. Министръ вошелъ въ вагонъ и поклонился праху усопшаго. Послѣ литургіи, въ 2 часа, вагонъ съ гробомъ былъ отправленъ по передаточной вѣткѣ на Николаевскій вокзалъ. Здѣсь собралось до двухсотъ человѣкъ. Несмотря на короткій срокъ—здѣсь поѣздъ стоялъ нѣсколько минутъ—была еще разъ отслужена литія. Здѣсь же были возложены вѣнки: отъ редакціи „Новостей" съ надписью на лентѣ: „А. П. Чехову", отъ редакціи „Русскаго Богатства": „Пѣвцу сумрачныхъ дней", отъ союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей „Самобытному провозвѣстнику новыхъ путей русской драмы", „Петербургской Газеты", городского самоуправленія, товарищества „Знанія" и др.

Третій звонокъ. Раздается пѣніе „вѣчной памяти". Публика подхватываетъ. Въ толпѣ слышенъ плачъ. Съ глухимъ трескомъ закрывается дверь. Поѣздъ трогается. Публика уныло расходится.

9-го іюля хоронили Чехова въ Москвѣ.

Не смотря на ранній часъ, къ

Digitized by Google

приходу почтоваго поѣзда, съ которымъ должно было прибыть въ Москву тѣло Ан. П. Чехова, на платформѣ Николаевскаго вокзала собралась тысячная толпа. Платформа заставлена вѣнками. Для встрѣчи останковъ писателя собрались на вокзалѣ почти всѣ представители московскаго литературнаго міра. Изъ крупныхъ именъ назовемъ: Максима Горькаго, Вл. И. Немировича-Данченко, кн. Сумбатова, г. Гольцева. Петербургскія газеты и журналы также прислали своихъ представителей. Въ 7 час. 30 мин. утра подошелъ поѣздъ. Вдову Ан. П. подъ руку вывели изъ вагона. Депутаціи съ вѣнками поспѣшили къ траурному вагону. Вдовѣ и близкимъ Ан. П. съ трудомъ пришлось пробираться сквозь эту густую толпу. Духовенство начало у гроба краткую литію. Студенты московскаго сельскохозяйственнаго института осыпаютъ гробъ живыми цвѣтами. Молодежь выноситъ гробъ на дворъ вокзала и устанавливаетъ на траурную колесницу. Несутъ безчисленные вѣнки. Четыре горки уже заполнены вѣнками, но ихъ остается еще много. Среди этой массы вѣнковъ выдѣляются слѣдующіе 9 серебряныхъ: 1) отъ Московскаго литературно-художественнаго кружка" съ надписью на лентѣ: Памяти незабвеннаго писателя и почетнаго члена", 2) отъ дирекціи и артистовъ Императорскихъ театровъ, 3) отъ А. И. и А. С. Сувориныхъ—„Милому А. П. Чехову", 4) отъ И. Д. Сытина—„Гордости русской литературы„, 5) отъ „Одесскихъ Новостей" 6) отъ „Благодарнаго читателя священника Петрова", 7) отъ редакціи „Новостей Дня"—„Свѣтлой памяти А. П. Чехова", 8) отъ редакціи „Міра Божьяго"—„Незабвенному художнику-обличителю во имя правды и добра", 9) серебряная пальмовая вѣтвь отъ общества народныхъ развлеченій. Изъ другихъ вѣнковъ своею трогательною надписью выдѣлялся вѣнокъ отъ студентовъ московскаго сельско-хозяйственнаго института: „Онъ жилъ въ сумеркахъ, а думалъ о томъ времени, быть можетъ, уже близкомъ когда жизнь будетъ такой же свѣтлой и радостной, какъ тихое весеннее утро". На роскошномъ вѣнкѣ изъ розъ и орхидей Шаляпина надпись: „Съ великою скорбью Шаляпинъ: дорогому, незабвенному Чехову". Затѣмъ были слѣдующіе вѣнки: отъ московскаго Художественнаго театра—„Скорбной памяти писателя и друга московскій Художественный театръ въ безпредѣльномъ горѣ"; отъ Общества попеченія объ улучшеніи быта учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ—„Лучшему другу русскаго народнаго учителя"; отъ Общества любителей россійской словесности — незабвенному сочлену", отъ Амфитеатрова изъ Вологды—„Великому пѣвцу сѣрыхъ будней, маленькихъ людей, свѣтлыхъ надеждъ — подпоручикъ Федотикъ"; „Пѣвцу сумеречныхъ дней"— „Русское Богатство"; отъ студентовъ Императорскаго техническаго училища—„Горячо любимому писателю скорбнику русскихъ сумерокъ— городъ Таганрогъ". „Человѣкъ страстно ищетъ и, конечно, найдетъ" — отъ газеты „Русь"; „Настанетъ новая счастливая жизнь" (Три сестры) —отъ журнала „Театръ и Искусство"; отъ товарищества „Грифъ" вѣнокъ съ цитатою изъ „Дяди Вани": Мы услышимъ ангеловъ и увидимъ все небо въ алмазахъ"; отъ „Русскихъ Вѣдомостей" — „Высокочтимому писателю и не газетному сотруднику"; отъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ; отъ московскихъ врачей-психіатровъ; отъ союза драматическихъ писателей— „Самобытному провозвѣстнику новой русской драмы"; отъ „Русской Мысли"—вѣнокъ изъ вишневыхъ листьевъ и вишенъ; отъ „Биржевыхъ Вѣдомостей"; „Русскаго Слова" (изъ розъ), „Новаго Времени", „Образованія", „Русской Правды", „Совѣта Театральнаго об-

Digitized by Google

щества“, „Южнаго Края“, виленскаго городского собранія, петербургской драматической труппы, отъ города Москвы, „Московскаго Листка“, „Развлеченія“, „Осколковъ“ отъ одесскаго литературнаго общества, отъ общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, отъ журнала „Нива“, отъ г. Маркса, литературнаго фонда, отъ чрезвычайнаго посла при берлинскомъ дворѣ графа Остенъ-Сакена и мн. др. Всѣхъ вѣнковъ болѣе 100.

Въ 8 ч. 15 м. печальная процессія тронулась со двора вокзала. Гробъ несли все время на рукахъ. За гробомъ шли вдова и близкія къ покойному лица, сопровождаемыя тысячной толпой, которая все болѣе и болѣе росла по мѣрѣ того, какъ процессія приближалась къ кладбищу.

Но глубоко грустное впечатлѣніе пишетъ корреспондентъ „Спб. Вѣд.“, оставило по себѣ все слышанное и видѣнное у могилы А. П. Чехова.

Многотысячная толпа, тепло встрѣчавшая и провожавшая останки родного писателя, устремилась на кладбище Ново-Дѣвичьяго монастыря, чтобы услышать послѣднее прощальное слово надъ могилой вдохновеннаго изобразителя современной сумеречной жизни.

Это не поддается никакому объясненію, но нужно установить фактъ, что никто изъ присутствовавшихъ литераторовъ, ученыхъ, писателей и сценическихъ дѣятелей, въ числѣ которыхъ называли Горькаго, Златовратскаго, кн. Сумбатова, многихъ профессоровъ и почти всѣхъ редакторовъ и сотрудниковъ столичныхъ журналовъ и газетъ, не сказалъ ни единаго слова на могилѣ А. П. Чехова.

Множество вѣнковъ и цвѣтовъ усѣяли могилу почившаго поэта, но ни одного живого слова не услышала публика изъ устъ его друзей, почитателей и цѣнителей.

Несмотря на лившій съ перерывами проливной дождь, публика не оставляла кладбища, надѣясь услышать желанныя рѣчи; гробовое молчаніе царило вокругъ и продолжалось томительно долго.

И случилось нѣчто неожиданное: публика сама заговорила. Изъ толпы выдѣляется невѣдомый юноша и произноситъ горячую рѣчь, полную упрековъ по адресу присутствовавшихъ представителей литературы: „о чемъ молчите вы, писатели и ученые? Неужели у васъ не нашлось теплаго слова на могилѣ того, чью смерть оплакиваетъ все русское общество? Мнѣ-ли, юношѣ, здѣсь говорить, а вамъ угрюмо молчать? Стыдно и больно присутствовать на похоронахъ любимаго русскаго писателя при такомъ безмолвіи людей, близкихъ ему по духу и поприщу служенія“.

Публика всколыхнулась и выразила горячее одобреніе словамъ импровизированнаго оратора. За нимъ послѣдовали другіе ораторы изъ публики. Говорили въ томъ же тонѣ упрека и на ту же тему, говорили о хмурыхъ людяхъ, о безвременьѣ, о безсловесности русскаго общества, характеризующей его не только въ условіяхъ обыденной жизни, но и у свѣжей могилы любимаго писателя. Кто-то говорилъ о дѣтскихъ типахъ въ произведеніяхъ А. П. Чехова; кто-то прочелъ стихотвореніе; послѣдній ораторъ закончилъ рѣчь свою, обращаясь ко могилѣ почившаго, словами: „да, дорогой писатель, мы еще молчимъ, мы еще не умѣемъ говорить даже въ минуту глубокой скорби о твоей безвременной кончинѣ“.

Больше среди публики ораторовъ не нашлось, и на этомъ закончился печальный обрядъ погребенія А. П. Чехова.

Съ чувствомъ неудовлетворенности и глубокой грусти тысячи людей оставили мѣсто вѣчнаго упокоенія „пѣвца тоски и безвременья“. Хмурое небо плакало частыми и крупными слезами...

Digitized by Google

Появились кое-гдѣ отрывки изъ жизни Чехова, маленькія воспоминанія.

Московскія газеты очень кстати воспроизводятъ рѣчь Шаляпина о покойномъ писателѣ, сказанную имъ на одномъ ужинѣ, послѣ перваго представленія „Вишневаго сада“. Вотъ эта рѣчь:

— Господа! Говорятъ, что у человѣка пять чувствъ: слухъ, зрѣніе, вкусъ, обоняніе, осязаніе. Это неправда. У человѣка есть еще одно чувство. Это чувство—пошлость. И сильное чувство! Человѣкъ смотритъ пошлостью. Человѣкъ слушаетъ пошлостью. Человѣкъ смотритъ и видитъ не то, что видитъ его глазъ,—а то, что видитъ его пошлость. Человѣкъ слушаетъ и слышитъ не то, что слышитъ его ухо, — а то, что слышитъ его пошлость. Пусть вокругъ самыя лучшія произведенія искусства, пусть вокругъ раздаются самыя лучшія слова, — онъ восприметъ это все своей пошлостью, и все это передается его уму опошленное. Даже тамъ, гдѣ нѣтъ ничего пошлаго,—онъ увидитъ пошлое, такъ сильно это чувство, которымъ онъ видитъ и слышитъ! И во всемъ-то найдетъ человѣкъ себѣ пошлость. И все-то превратитъ въ пошлость. И одной сплошной пошлостью сдѣлаетъ всю жизнь свою. Никто такъ ясно не открывалъ въ человѣкѣ этого шестого могучаго чувства, какъ Антонъ Павловичъ. Никто съ такого жалостью къ человѣку не обрисовалъ этого чувства, — какъ онъ.

* * *

Г. Дорошевичъ касается отношеній Чехова къ А. С. Суворину.

Суворинъ очень любилъ Чехова, и Чеховъ очень любилъ Суворина.

Онъ не любилъ „Новаго Времени“, но „старика Суворина“ любилъ глубоко и сильно.

— Вы знаете,—говорилъ Чеховъ однажды послѣ посѣщенія его А. С. Суворинымъ, — Суворинъ сдѣлалъ одну ошибку. Зачѣмъ онъ началъ издавать газету?! Оставаться-бы ему просто-на-просто всю жизнь журналистомъ! Какой-бы это былъ журналистъ!

Кто знаетъ, быть можетъ, г. Суворинъ и самъ, подумавъ хорошенько о своей журнальной „карьерѣ“, пришелъ-бы къ такому-же убѣжденію.

Какого первокласснаго журналиста, быть можетъ, задавилъ издатель,—увы!—„долженствующій“ бояться за объявленія, дрожать за розницу...

Быть можетъ, это правда:

— Не будь „Новаго Времени“, былъ-бы Суворинъ.

* * *

Г. Первухинъ въ „Русск. Сл.“ печатаетъ воспоминанія объ А. П. Чеховѣ во время его пребыванія въ Ялтѣ. Антонъ Павловичъ пользовался исключительной популярностью.

Чеховъ всѣмъ казался какою-то верховною инстанціей, къ которой можно прибѣгнуть въ минуту жизни трудную, когда испытано уже все, и это „все“ не дало никакихъ результатовъ.

Благодаря необычайной добротѣ своей, онъ никому не могъ отказать въ просьбахъ.

Мнѣ, очень близко сталкивающемуся съ міромъ ялтинской бѣдноты, часто, слишкомъ часто, приходилось отыскивать заботливо спрятанные слѣды огромныхъ расходовъ Чехова на помощь нуждающимся. Тамъ — бѣдняку-студенту два, три мѣсяца Чеховъ выдаетъ „стипендію“. Тамъ цѣлая семья живетъ:

— Антонъ Павловичъ какихъ-то добрыхъ людей нашелъ... Черезъ него помогаютъ... Аккуратно присылаютъ.

И я имѣю всѣ основанія предполагать, что всѣ эти „добрые люди“ воплощались единственно въ лицѣ самого сурово-молчаливаго Чехова.

Я сказалъ, что Чеховъ игралъ въ жизни мѣстнаго общества совсѣмъ

Digitized by Google

особую роль. Въ самомъ дѣлѣ, взять хотя-бы такіе казусы: маленькой провинціальной газеткѣ грозитъ опасность за какія-то прегрѣшенія,— напечатала газетка что-то такое, что опубликованію не подлежало, являясь строго хранимою канцелярскою тайною. Надъ газеткою виситъ Дамокловъ мечъ... Мало того, идетъ слѣдствіе, откуда газетка добыла опубликованныя ею свѣдѣнія.

Завѣдующій редакціею, потерявшій голову, сидитъ у Чехова, объясняя ему положеніе дѣла, и слышитъ въ отвѣтъ:

— Относительно поддержки попытаюсь, напишу... Не ручаюсь, конечно... А вотъ относительно того, откуда добыто сообщеніе,—пишите: настоящимъ удостовѣряемъ, что сказанное сообщеніе доставлено намъ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ"...

Такъ и написали, и гроза прошла мимо. Допытаться у Чехова, откуда онъ получилъ эти „криминальныя" свѣдѣнія, сочли, повидимому, неудобнымъ.

Обыватель, считая себя обиженнымъ мѣстной газетой, грозилъ не судомъ:

— Пожалуюсь на васъ Антону Павловичу.

Тотъ-же обыватель слышитъ отказъ напечатать его письмо или статью, и опять заявленіе:

— А, вотъ какъ! Ну, ладно-же. Когда такъ, я къ Антону Павловичу...

Если для всей Россіи смерть Чехова—невознаградимая потеря, то для Ялты—это потеря совсѣмъ родного человѣка.

* * *

Разсказъ о томъ, какъ Чеховъ баллотировался въ члены союза писателей, находимъ въ „Одесск. Нов.". По странной случайности, онъ не попалъ въ члены-учредители.

Со стороны Чеховъ слѣдилъ за первыми шагами „Союза". Слѣдилъ съ интересомъ и вниманіемъ. Но самъ оставался въ сторонѣ.

Пока на это не обратили вниманія его друзья...

Чехова уговорили баллотироваться.

— Вы ручаетесь за благопріятный результатъ?

— Помилуйте, Антонъ Павловичъ, какой же это союзъ писателей безъ васъ...

Со стороны Чехова, между тѣмъ, этотъ вопросъ не былъ простой шуткой.

Въ то время противъ Чехова въ отдѣльныхъ писательскихъ кружкахъ т. наз. либеральнаго лагеря шла сильная агитація...

Только что появились его „Мужики".

— Такой талантъ, такой талантъ!— восхищались читатели.

— Помилуйте, какая вредная тенденція!—возмущались принциписты.

А „вредность тенденціи" заключалась въ томъ, что въ „Мужикахъ" нѣтъ тенденціи...

Есть настоящіе художественные перлы, есть изумительная наблюдательность, проглядываетъ изумительная возвышенность нравственнаго чувства автора...

Не было только народнической тенденціи, въ то время охватившей чуть-ли не весь либеральный лагерь...

Тенденціи, которая заставила тогда многихъ талантливыхъ писателей писать бездарныя вещи.

Чеховъ же писалъ съ натуры. Безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. По настроенію. Только правду, одну неприкрашенную правду.

И получилось высокохудожественное произведеніе, производившее сильное впечатлѣніе своей искренностью.

Но...

— Антипринципіальное.

И досталось же тогда Чехову!

Въ союзѣ русскихъ писателей его чуть-чуть не забаллотировали!..

— Такого талантливаго писателя?! Цвѣтъ родной литературы!?

— А его „Мужики"?

Digitized by Google

Чеховъ вспоминалъ объ этомъ инцидентѣ съ улыбкой. Доброй, всепрощающей улыбкой. Бываетъ.

По иниціативѣ В. А. Гольцева при Историческомъ музеѣ будетъ устроена въ память почившаго писателя т. наз. „*Чеховская комната*“.

Особенно интересныя воспоминанія о Чеховѣ сообщаетъ извѣстный публицистъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ „Абадонна“ въ „Руси“.

Прекраснымъ свѣтлымъ вечеромъ іюля получилъ я телеграмму о смерти Антона Павловича Чехова. Подъ окнами моего дома — яркая излучина рѣки, видная далеко-далеко на востокъ и на западъ. Рѣка жила, въ печальномъ огнѣ заката усыпанная десятками лодокъ. Скрипѣло концертино. Пѣли хоромъ молодые голоса:

Хорошо было дѣтинушкѣ
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушкѣ
Парня ждать до Покрова!..

И хотѣлось мнѣ выбѣжать на бугоръ надъ излучиною и крикнуть имъ туда, на рѣку.

— Не пойте! Антонъ Павловичъ Чеховъ умеръ!..

И зналъ я, что если выбѣгу и крикну, то замолкнутъ, скованные ужасомъ, голоса, и онѣмѣетъ унылая рѣка, и надвигающіяся сумерки накроютъ ее, какъ черный трауръ. Потому что голосъ мой, отравленный рыданіями, прозвучалъ бы тою же безысходною тоскою, какъ тотъ голосъ, который возвѣстилъ когда-то греку-корабельщику въ Іоническомъ морѣ:

— Скончался великій Панъ!

Да! умеръ великій Панъ! великій Панъ русской природы, русскаго бытового уклада, разносторонней русской скорби, немногихъ, скромныхъ и робкихъ русскихъ радостей. Умеръ человѣкъ, который дышалъ одною жизнью съ Россіей, который весь былъ сотканъ изъ русской стихіи, грустной, покаянной, самопровѣряющей, самобичующей... Умеръ геніальный художникъ, проникновеннымъ чутьемъ своимъ создавшій столько русскихъ, неотъемлемыхъ отъ насъ, плоть отъ плоти и кость отъ костей нашихъ, типовъ, что если-бы собрать и поселить вмѣстѣ всѣ дѣйствующія лица Чехова, то возникъ бы цѣлый уѣздный городъ. И былъ бы онъ—настоящій русскій городъ, какъ почти всѣ наши великорусскіе города; географическая точка мѣстонахожденія въ одномъ сборномъ пунктѣ нѣсколькихъ тысячъ людей, недоумѣвающихъ, зачѣмъ они существуютъ, зачѣмъ тянулось и извивалось ихъ прошлое, куда поведетъ будущее, и стоитъ ли его ждать...

Сейчасъ не время и не мѣсто оцѣнивать и подсчитывать громадность потери. Она ошеломляетъ, подавляетъ, отъ нея, проклятой и неожиданной, опомниться нельзя! Боже мой! Передо мною лежитъ его недавнее письмо—милое, веселое письмо о „Вишневомъ Садѣ“, съ бодрыми шутками, съ обѣщаніемъ скоро увидѣться... Боже мой! Онъ только что собирался ѣхать на войну, врачомъ, изучать, какъ убиваютъ другъ друга и умираютъ другъ отъ друга, охваченные стихіей разрушенія, люди... Боже мой! Давно ли онъ улыбался Москвѣ, — кто думалъ, кто могъ, кто посмѣлъ бы думать, что прощальною улыбкою?

Я узналъ Антона Павловича двадцать два года назадъ, въ редакціи юмористическаго журнала, когда онъ былъ молодой, здоровый, веселый, полный какой-то почти непроизвольной даже, механической будто, наблюдательности, со смѣхомъ въ юныхъ глазахъ и серьезными складками надъ глазами, — когда онъ звался Антошею Чехонте и говорилъ мнѣ своимъ глуховатымъ басомъ:

— Когда мнѣ будутъ платить 15 копеекъ за строчку, я закажу себѣ фракъ и стану думать, что я великій писатель.

Digitized by Google

Обманывалъ ты, лгалъ на себя — никогда не лгавшій человѣкъ! Строки Чехова давно уже стали драгоцѣннѣе золота, а великимъ писателемъ считать себя онъ такъ и не выучился, и когда чья-либо восторженная критика или благоговѣйная бесѣда говорили ему: пойми же самого себя, взгляни и возрадуйся, какъ ты великъ! — онъ отступалъ, смущенный, сконфуженный, почти въ испугѣ. Чеховъ былъ человѣкъ скептицизма, истинно трагическаго. Онъ чувствовалъ себя въ жизни, какъ чувствовалъ бы естествоиспытатель огромныхъ знаній и притомъ съ зрѣніемъ, обостреннымъ до силы микроскопа. Онъ проникалъ и въ другихъ, и въ самого себя до послѣднихъ глубинъ человѣческой природы, до мельчайшихъ пружинъ ея таинственнаго механизма. И вотъ, въ концѣ концовъ, онъ изъ говорливаго юноши, съ смѣющимися глазами, переродился въ молчаливаго, преждевременно пожилого человѣка, а въ глазахъ его появилась и застыла ясная и неподвижная, внутрь себя обращенная, скорбь—роковая скорбь страдающаго „человѣкобога", ушедшаго въ прозорливыя тайны самопознанія, недоступныя къ пониманію даже лучшимъ изъ умовъ обыкновенныхъ, и потому одинокаго, одинокаго, одинокаго въ жизни какъ печальный полубогъ-полузвѣрь, мечтающій сфинксъ среди пустыни. Мы знаемъ много мыслей Чехова, а я, все-таки, думаю, что онъ успѣлъ бросить намъ лишь крупицы своей бездонной души,—снялъ лишь верхній слой богатаго закрома. Въ этомъ человѣкѣ, помимо всего, что онъ явно творилъ, всегда тлѣла особенная, внутренняя работа, таинственно,—можетъ быть, даже не всегда сознательно для него самого,—подготовлявшая его будущія откровенія. И владѣла имъ эта пожирающая сила мучительно и властно, и затаивалъ онъ въ себѣ власть ея, чтобы не остаться не понятымъ и страннымъ, даже предъ самыми благожелательными — больше, даже предъ самыми близкими и родными людьми. Мнѣ извѣстны случаи, когда инымъ поверхностно-умнымъ охотникамъ поговорить съ знаменитостью, и даже спеціалистамъ по этой части, Чеховъ не только не нравился, но даже казался... глупымъ! Покойный Курепинъ, обожавшій дарованіе Чехова и едва ли не первый благословившій его въ печать, такъ и умеръ въ убѣжденіи, что Чеховъ—огромный талантъ, но плохая голова, да еще скрытная, черствая натура. А между тѣмъ были уже написаны и „Скучная Исторія", и „Дуэль", и „Степь"!... Всю силу и глубину мягкой до дѣтскости, любвеобильной души Антона Павловича можно было взять сразу только инстинктивнымъ сочувствіемъ; исподволь онѣ требовали очень пристальной и любовной вдумчивости. Надо было полюбить его и повѣрить ему, — тогда сфинксъ открывался вамъ, краснорѣчивый уже въ молчаніи своемъ, не нуждаясь пояснять себя многими словами, и росъ, росъ громадою, пока не заслонялъ собою весь вашъ умственный горизонтъ. И тогда, въ священномъ трепетѣ, вы понимали, проникаясь имъ во всемъ существѣ своемъ, что предъ вами—человѣкъ великій.

Я, послѣ молодыхъ лѣтъ совмѣстной работы, встрѣчалъ, видалъ Чехова и переписывался съ нимъ— все черезъ большіе промежутки времени, рѣдкими урывками. И при каждой новой встрѣчѣ, я поражался, какъ быстро и полно мудрѣлъ и старѣлъ внутри себя этотъ огромный умъ. Къ сорока годамъ у Чехова былъ уже взглядъ вѣщаго пророка, съ памятью нѣсколькихъ столѣтій, съ печальнымъ опытомъ позади, безъ радости въ думахъ о будущемъ. Всѣ знаютъ, какъ скроменъ былъ Чеховъ. Онъ едва ли не единственный крупный нашъ писатель, о которомъ рекламы нѣтъ и не было даже въ формѣ „анекдотовъ изъ

Digitized by Google

жизни". Публика любитъ разсказы о разсѣянности писателей. Не думаю, чтобы Чехова можно было назвать разсѣяннымъ,—слушалъ и наблюдалъ онъ съ изумительно чуткимъ и терпѣливымъ вниманіемъ. Но за разсѣянность можно было иногда принять то хроническое состояніе задумчивости, „зрѣнія, обращеннаго внутрь себя", о которомъ я говорилъ выше и которое, когда Чеховъ не слѣдилъ за собою, вырывалось вслухъ словами, врядъ-ли вполнѣ чаянными для него самого и вполнѣ неожиданными для собесѣдника. Въ 1892 году я сидѣлъ у него на Малой Дмитровкѣ и разсказывалъ объ Италіи, откуда только-что возвратился. Антонъ Павловичъ ходилъ по кабинету, разспрашивалъ, о себѣ кое-что разсказалъ. Потомъ разговоръ перешелъ на стороннія, обще-литературныя темы. И вдругъ глаза мои встрѣтили уже знакомый, ясно и отвлеченно осмысленный взглядъ человѣка, необычайно важно задумавшагося о чемъ-то далекомъ другомъ, и меланхолическій басокъ прогудѣлъ мягко и рѣшительно:

— Надо ѣхать въ Австралію...

А затѣмъ Антонъ Павловичъ спохватился, даже слегка покраснѣлъ и живо возвратился, въ разговорѣ, „на первое".

Въ творчествѣ онъ выливался весь, полнымъ воплощеніемъ мысли, какъ выносилъ ее и сумѣлъ сказать—до самаго дна. Печатными листами или текстомъ для сцены, онъ давалъ все, что самъ зналъ о предметѣ дѣйствія и характерахъ его героевъ, и еще дальнѣйшихъ объясненій было требовать отъ него уже напрасно. Артисты московскаго Художественнаго театра неоднократно разсказывали мнѣ, какъ плачевно кончались попытки вызвать Чехова на толкованіе написанныхъ имъ ролей. Твердо высказавшійся авторъ смущался, какъ застигнутый врасплохъ, улыбался и гудѣлъ какую-нибудь общую, ничего не прибавляющую характеристику, вродѣ:

— Послушайте... знаете, онъ человѣкъ такой... веселый.

Или:

— У него свѣтлыя пуговицы.

Впечатлѣніе, однажды захваченное его наблюдательнымъ механизмомъ, оставалось въ Чеховѣ жить навсегда, покуда, выработавшись, не вырывалось какимъ либо чаяннымъ или нечаяннымъ экспромптомъ. И это—до мельчайшихъ мелочей. Мнѣ разсказывалъ А. Л. Вишневскій (артистъ московскаго Худож. театра). Чеховъ остался чѣмъ-то недоволенъ въ первомъ представленіи „Дикой Утки" или другой какой-то пьесы Ибсена и не умѣлъ или не хотѣлъ выразить, чѣмъ именно. Прошло три мѣсяца. Чеховъ и Вишневскій вь подольскомъ имѣніи Антона Павловича удятъ рыбу. Молчатъ. И вдругъ Вишневскій слышитъ, что Чеховъ смѣется, какъ ребенокъ.

— Что вы, Антонъ Павловичъ?

— Послушайте-же, нельзя— А—у Ибсена играть!

А объ Ибсенѣ всѣ забыли уже и думать! А онъ думалъ...

Художественный театръ звали, и справедливо, театромъ Чехова. Но и благодарный Чеховъ, воскрешенный этимъ театромъ къ призванію и успѣху драматурга, послѣ недостойнаго отношенія къ пьесамъ его на казенныхъ сценахъ, сроднился съ Художественнымъ театромъ до полной неразрывности. Женитьба писателя на талантливой артисткѣ О. Л. Книпперъ закрѣпила его тѣсное дружество съ дѣломъ Станиславскаго и Немировича-Данченко. Врядъ ли Антонъ Павловичъ меньше любилъ театръ ихъ и не думалъ о немъ не столько же, какъ они сами. Въ письмѣ, полученномъ мною отъ Чехова всего шесть недѣль назадъ, дышетъ такая теплота, хорошая любовь къ этому симпатичному дѣлу.

Разумѣется, не Чехову было жаловаться на неудачи въ литературной карьерѣ. Онъ былъ признанъ и публикою, и критикою почти съ

Digitized by Google

первыхъ своихъ начинаній, едва изъ московскаго „Будильника“ перешелъ въ петербургскіе „Осколки“ и создалъ для нихъ сотню миніатюръ, сложившихъ потомъ, впервые прославившіе его, „Пестрые разсказы“. Затѣмъ — нововременскій періодъ, съ почти влюбленнымъ благоговѣніемъ къ Чехову А. С. Суворина. Затѣмъ—„Русская Мысль“, „Сѣверный Вѣстникъ“ и тѣсный союзъ съ передовою частью русской печати. Затѣмъ— періодъ Художественнаго театра, европейская слава, обезпеченное положеніе... казалось бы, счастливчикомъ путь дорогу совершилъ, совсѣмъ Sonntagskind, въ сорочкѣ родился! А между тѣмъ, этотъ счастливецъ томился глубокимъ и искреннимъ самонедовольствомъ, полнымъ недовѣріемъ къ существу своего успѣха и,—быть можетъ, больше того,—тяжелыми сомнѣніями въ самой нужности своего творчества. Только, когда я видѣлъ Чехова по возвращеніи съ Сахалина, нашелъ его, хотя очень мрачнымъ, но собою какъ будто довольнымъ, въ живомъ сознаніи, что онъ сдѣлалъ важное общественное дѣло, значеніе котораго не можетъ подлежать спору. Я не скажу, чтобы Антонъ Павловичъ былъ совершенно равнодушенъ къ *неуспѣху* своихъ произведеній: напримѣръ, нелѣпый провалъ „Чайки“ Александринскимъ театромъ страшно потрясъ писателя и несомнѣнно отнялъ у него жизни нѣсколько мѣсяцевъ, если не лѣтъ. Но успѣхъ свой онъ принималъ какъ-то грустно, скептически, не безъ печальной насмѣшки втайнѣ и надъ самимъ собою, и надъ честь воздающими... Пессимистическій потомокъ Экклезіаста, онъ носилъ его начертаніе въ сердцѣ своемъ: vanitas vanitatum et omnia vanitas. Я вспоминаю Чехова, послѣ первыхъ петербургскихъ лавровъ и пушкинской преміи, въ дружескомъ домѣ одного московскаго поэта, угрюмымъ, какъ ночь.

Спрашиваю его:

— Что же вы подѣлывали въ Петербургѣ?

— Учился говорить генеральскимъ басомъ.

Хозяйка его попрекнула:

— Вы насъ совсѣмъ забыли, Антонъ Павловичъ. Отчего перестали у насъ бывать?

Онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Да, вотъ, говорятъ, мы, великіе люди, должны знаться тоже только съ великими.

Фраза эта совсѣмъ ошеломила было бѣдную даму, но, когда она, вскипѣвъ, пристально взглянула на Чехова, то встрѣтила такой печальный взглядъ, такую страдальческую улыбку, что сразу поняла тяжелую иронію отвѣта. Величіе упало на плечи Чехова, какъ неожиданный, сверхсильный грузъ, и онъ потомъ, до конца дней, все щупалъ свои мускулы: въ подъемъ-ли? выдержу-ли? оправдаю-ли? Его долго мучила мысль, что онъ не написалъ романа (чѣмъ, кстати, сказать, часто и безъ толка попрекала его прежде критика) и, сколько разъ ни видалъ я его до 1898 года, въ каждое свиданіе онъ намекалъ на начатый или задуманный планъ романа. Взыскательность его къ себѣ въ литературной работѣ и требовательность въ томъ отношеніи, что надо писать только дѣло, дошла, въ послѣдній, болѣзненный годъ жизни, до безпощаднаго чирканья страницы за страницею, слова за словомъ.

— Помилуйте!—возмущались друзья;—у него надо отнимать рукописи. Иначе онъ оставитъ въ своемъ разсказѣ только, что—они были молоды, влюбились, а потомъ женились и были несчастны.

Упрекъ этотъ былъ поставленъ прямо самому Чехову. Онъ отвѣчалъ:

— Послушайте-же, но, вѣдь, также оно въ существѣ и есть.

Почетомъ Чеховъ дорожилъ совсѣмъ мало. Человѣкъ отнюдь не боевой, онъ не стремился въ вожди, не хотѣлъ и не умѣлъ быть воите-

Digitized by Google

лемъ, но въ доблести стоять на своемъ убѣжденіи противъ какихъ бы ни было сильныхъ теченій врядъ ли много ровесниковъ у Чехова среди интеллигентной Россіи. Какіе бы вѣтры ни дули, онъ, русскій Экклезіастъ, стоялъ подъ ними недвижимый и печальный, и говорилъ правду, одну голую, горькую правду. Лесть—тѣнямъ-ли прошлаго, силамъ-ли настоящаго, всходамъ-ли будущаго—ни разу не осквернила его вѣщихъ устъ... Это былъ органически безобманный человѣкъ, не нуждавшійся ни въ мишурѣ, ни въ дешевыхъ рукоплесканіяхъ. И вотъ ужъ—правда-то: „Воленъ умеръ ты, какъ жилъ!.“.

Антонъ Павловичъ былъ очень обрадованъ успѣхомъ „Вишневаго сада“, но его скептицизмъ къ самооцѣнкѣ не покинулъ его и здѣсь. Когда, на шумномъ московскомъ чествованіи, взволнованный Владиміръ Ив. Немировичъ-Данченко приступилъ къ чтенію адреса, начинавшагося обращеніемъ:

— Дорогой, многоуважаемый Антонъ Павловичъ!

Многіе замѣтили, что Чеховъ улыбнулся... Потомъ, на вопросы, онъ объяснилъ свою улыбку:

— Послушайте же, я же вспомнилъ. Меня чествовали послѣ второго акта, а въ первомъ Гаевъ говоритъ именно такую рѣчь къ столѣтнему книжному шкафу... „Дорогой, многоуважаемый шкафъ... Я вспомнилъ...

Огромно, но и страшно имѣть мозги, которыхъ нельзя утѣшить, которыхъ не въ состояніи опьянить никакое сообщество толпы, никакой восторгъ самолюбія! Недавно кто-то изъ критиковъ сказалъ, что Чеховъ, постигнувъ пошлость человѣческую глубже и подробнѣе, чѣмъ кто-либо до него, сталъ писателемъ роковымъ и страшнымъ. Да, онъ страшенъ. Неотразимъ и страшенъ. И самъ онъ понималъ устрашающее начало въ талантѣ своемъ, и—къ концу жизни—пытался остановить потопъ обличенной и отчаявшейся въ себѣ пошлости радугами новыхъ свѣтлыхъ надеждъ... Написалъ „Невѣсту“ и „Вишневый садъ“, но даже и въ этихъ гимнахъ молодости „струны печально звенѣли“!. Скорбь, отравившая чеховскую мысль, умѣла и любила улыбаться сквозь слезы... Онъ и самый грустный, и самый смѣшливый нашъ писатель.

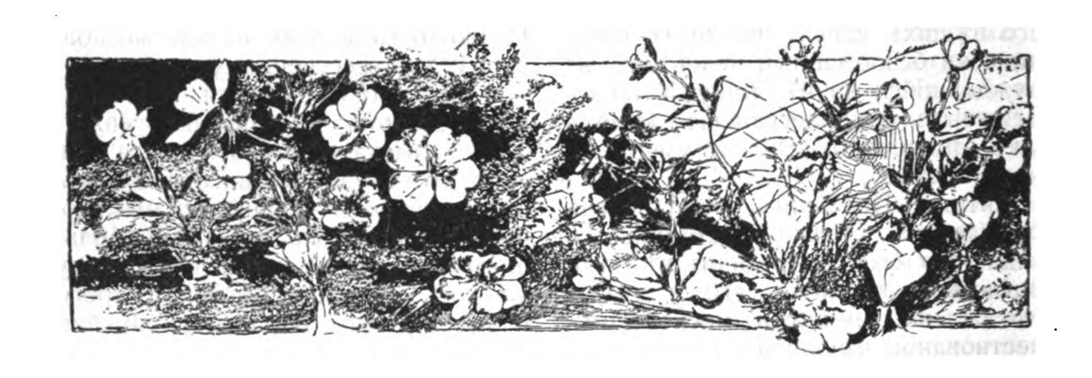
— Написалъ я комедію, но, кажется, вышелъ фарсъ!—писалъ А. П. около года тому назадъ московскому Художественному театру.

Фарсъ этотъ оказался глубочайшею драмою „Вишневаго сада“! Такъ взыскательно относился къ себѣ этотъ удивительный человѣкъ, никогда не разлучавшійся съ мыслью, что родина ждетъ отъ него большого-большого слова, и потому каждое слово свое вѣсившій строго и придирчиво: оправдаетъ-ли оно довѣріе общественное?

Чеховымъ была поставлена заключительная точка гоголевскаго теченія въ русской литературѣ, въ Чеховѣ умеръ законченный періодъ литературный, начало котораго въ Гоголѣ. Умеръ, конечно, чтобы вѣчно жить. Ахъ, господа! Передъ тѣмъ, какъ сѣсть за эту статью, шелъ я на почту скучными, малолюдными улицами и смотрѣлъ на ихъ жизнь, на дома и лица встрѣчныхъ людей... И шли они, шли безконечною чередою, красивые и безобразные, умные и глупые, богатые и бѣдные, печальные и веселые, счастливые и несчастные,—знакомые знакомцы,—герои, чеховскихъ разсказовъ... И изъ чеховскаго разсказа былъ полиціймейстеръ, пролетѣвшій мимо меня въ экипажѣ на шинахъ... И изъ чеховскаго разсказа былъ на почтѣ телеграфистъ, который, зѣвая, писалъ мнѣ квитанцію и сыпалъ на нее песокъ, словно хотѣлъ ее похоронить. Всюду онъ! Всюду Антонъ Павловичъ! Всюду его зеркало... Да развѣ не найду себя у Чехова и я, дописывая эту статью, съ мучительнымъ и страст-

Digitized by Google

нымъ угрызеніемъ совѣсти, что не сумѣлъ сказать и сотой доли того, что хотѣлъ и былъ долженъ? Развѣ не найдете себя въ портретахъ Чехова вы, которые будете набирать эту статью, корректировать, ставить въ газету? Вы—мужчины и женщины обывательщины—которые будете ее читать?... Всѣ—въ немъ и нѣтъ ему чужого. Скончался великій Панъ! Умеръ поэтъ. Умеръ поэтъ всѣхъ насъ,—и всѣ мы о немъ, какъ лѣтняя туча, заплачемъ...

Digitized by Google

О г. Шулятиковѣ; о субъективизмѣ, подтасовкѣ доказательствъ и подчисткѣ именъ; о преступленіяхъ Надсона и Чехова, Горькаго, Андреева и объ одной несовмѣстимости.

I.

До чрезвычайности непріятно мнѣ прибѣгать къ такой услугѣ моей памяти,—но что дѣлать, если на ея поверхность такъ непотопляемо твердо всплыло именно, оно это тургеневское „стихотвореніе въ прозѣ". Вы конечно помните исторію объ одномъ (какъ-бы помягче перевести это грубое слово?) объ одномъ господинѣ, который вдругъ возымѣлъ желаніе все „критиковать": встрѣтился ему на улицѣ знакомый — и принялся хвалить извѣстнаго живописца.

— Помилуйте, — воскликнулъ „критикъ",—живописецъ этотъ давно сданъ въ архивъ... Вы этого не знаете? Я отъ васъ этого не ожидалъ... Вы—отсталый человѣкъ.

Знакомый испугался и согласился съ критикомъ.

— Какую прекрасную книгу я прочелъ сегодня!—говорилъ ему другой знакомый.

— Помилуйте!—воскликнулъ „критикъ".—Какъ вамъ не стыдно? Никуда эта книга не годится; всѣ на нее давно махнули рукой. Вы этого не знаете? Вы—отсталый человѣкъ.

И этотъ человѣкъ испугался — и согласился съ мнѣніемъ, столь рѣшительно высказаннымъ. Иногда „критикъ" прибавлялъ:

— А вы все еще вѣрите въ авторитеты?

Кончилось, помните, чѣмъ? Тѣмъ, что про смѣлаго человѣка всѣ стали говорить:

— Злюкъ! Желчевикъ! Но какая голова!

А издатель одной газеты предложилъ ему даже завѣдывать критическимъ отдѣломъ.

Позвольте, изъ деликатности, не называть заглавія этой злой, но правдоподобной шутки, тѣмъ болѣе, что пришла она мнѣ на память не случайно, а при чтеніи одной „критической" же статьи.

Статья эта—сплошь одинъ укоръ нашей отсталости: помилуйте, мы признаемъ Чехова и Горькаго, Гаршина и Андреева, имѣемъ слабость чтить память Тургенева и воздавать Надсонъ должное отъ нашей любви,—о, мы отсталые люди! Не безъ снисходительной ироніи знатока, авторъ находитъ, что, конечно, „лучше и легче, напр., довольствоваться слѣдующаго рода изложеніемъ „исторіи" новыхъ элементовъ русской литературы: былъ Тургеневъ, еще въ шестидесятыхъ годахъ разорвавшій съ „постылымъ прошлымъ", начавъ писать „полуреалистическія, полусимволическія" произведенія; былъ Гаршинъ, внесшій въ литературу струю психологически—индивидуальнаго направленія; былъ Надсонъ, узаконившій поэзію настроеній; существуетъ Владиміръ Короленко, очаровавшій въ восьмидесятыхъ годахъ читателей „поэтической экстраординарностью своихъ образовъ"; существуетъ Антонъ Чеховъ, крайне субъективный художникъ; существуетъ Максимъ Горькій, яркій романтикъ; существуютъ декаденты, играющіе „почтенную роль тѣхъ первыхъ протестантовъ и піонеровъ, которые, движимые однимъ лишь слѣпымъ и чистостихійнымъ побужденіемъ... бросаются отважно въ открытое море на утлыхъ челнахъ и гибнутъ... „усиліями названныхъ художниковъ слова и

Digitized by Google

производилась закладка зданія новаго искусства".

Такъ воспроизводитъ г. Шулятиковъ одну изъ статей Скабичевскаго.

Я не хочу защищать здѣсь автора „Исторіи русской литературы", которому, въ самомъ дѣлѣ, было бы лучше заняться, пожалуй, приведеніемъ въ порядокъ своихъ воспоминаній, которыхъ у него много, и которыя, конечно, должны быть полны интереса: г. Скабичевскій жилъ въ интереснѣйшую эпоху русской жизни, русской литературы, русской журналистики, вращался въ обществѣ интереснѣйшихъ, популярнѣйшихъ людей, чьи имена навсегда станутъ достояніемъ русской общественной исторіи,—и его мемуары,—еслибъ онъ серьозно взялся за нихъ,—могли бы составить драгоцѣннѣйшій матеріалъ для характеристики литературныхъ нравовъ и вѣяній шестидесятыхъ годовъ, для ея журнальной и біографической исторіи. Но и не защищая его, нельзя не видѣть, какъ „вольно" передаетъ ex-критикъ прекратившагося „Курьера" схему историка новѣйшей русской литературы". „Лѣтописнымъ записямъ далеко до научной исторіи", наставительно замѣчаетъ г. Шулятиковъ, хотя рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ всего только объ одной статьѣ г. Скабичевскаго.

О, конечно, далеко! Но тѣмъ любопытнѣй тотъ методъ „научной исторіи", который преподаетъ намъ самъ наставляющій.

„Изученіе соціальнаго строенія интеллигентныхъ ячеекъ, въ нѣдрахъ которыхъ развивается то или другое литературное „вѣяніе", изученіе ихъ роста, столкновенія между собою и съ другими общественными тѣлами, изученіе ихъ побѣдъ и пораженій,", разъясняетъ г. Шулятиковъ,—„вотъ съ чего долженъ начать историкъ литературы. Затѣмъ, основываясь на добытыхъ подобнаго рода изученіемъ данныхъ, критикъ долженъ приступать къ анализу литературныхъ вѣяній, какъ идеологическихъ приспособленій, выработанныхъ тѣми или другими интеллигентными группами".

Всю литературную смѣну, — точнѣе, весь рядъ ихъ,—авторъ сводитъ къ таинственной реакціи разночинца на литературу: какъ только разночинецъ завоевываетъ доминирующее значеніе, литература окрыляется, какъ его роль понижается—литература упадаетъ, т. е. дѣлается художественной.

На языкѣ критика, — какъ бы онъ ни маскировалъ свои мысли соціологической терминологіей — „соціальной подпочвой", „строеніемъ и соотношеніемъ интеллигентныхъ ячеекъ" и проч.,—художественность у него—признакъ упадка, разночинство—симптомъ прогресса, притомъ *постоянный, независимо отъ* характера и условія той или иной эпохи.

Это надо помнить все время, имѣя дѣло съ г. Шулятиковымъ. Посмотримъ же, изъ какихъ звеньевъ самъ онъ составляетъ новую цѣпь смѣны, и чѣмъ связываются у него эти звенья. „Идеалистическая" драма начинается прологомъ, дѣйствующимъ лицомъ котораго явился Тургеневъ, „сжегшій то, чему поклонялся и поклонившійся тому, что сожигалъ": это былъ „интеллигентъ-дворянинъ, повертывающій назадъ къ завѣтамъ феодальной старины".

Въ рѣшительную минуту онъ, какъ и его сверстники, показали тылъ прогрессивному движенію: „они, начиная съ Герцена и Салтыкова—Щедрина и кончая Тургеневымъ и Анненковымъ, осудили" отрицательное „направленіе *разночинцевъ*".

Курсивъ здѣсь мой и имъ я подчеркиваю—„Da ist der Hund begraben".

Тургеневъ же особенно, видите ли, настаивалъ на „умѣстности *психологическихъ* (не политическихъ и не соціальныхъ) вопросовъ" въ литературѣ и онъ же осудилъ въ письмѣ къ Полонскому бытовую новеллу: „Способности нельзя отрицать во всѣхъ этихъ Рѣшетниковыхъ, Успенскихъ и. т. д., но гдѣ же вымыселъ, сила, воображеніе, выдумка гдѣ?—Они ничего выдумать не могутъ,—и, пожалуй, даже радуются тому: этакъ мы, полагаютъ они, ближе къ правдѣ. Правда воздухъ, безъ котораго дышать нельзя; но художество—растеніе, иногда даже довольно причудливое, которое зрѣетъ и развивается въ этомъ воздухѣ. А эти-господа—безсѣмянники, и посѣять ничего не могутъ".

Вотъ этого-то и не можетъ простить Тургеневу г. Шулятиковъ; это „стародворянскія тенденціи"; это требованіе „выдумки"—то же самое „оборонительное оружіе, которое нѣкогда ввели въ употребленіе интеллигенты-дворяне крѣпостническихъ временъ". Этого послѣдняго сходства достаточно критику для того, чтобъ заподозрить писателя въ „успокоеніи въ *психологическихъ* построеніяхъ, въ

Digitized by Google

анализѣ *индивидуалистическихъ* (!) ощущеній и настроеній, въ игрѣ *поэтическаго* воображенія.

Такъ оборудывается историко-литературный силлогизмъ. Нѣкоторое общее сходство съ крѣпостнической эстетикой совершенно обезпечило разошедшемуся критику право поставить въ общую скобку съ ея представителями писателя, пламенно и успѣшно боровшагося съ тьмой дореформеннаго барства и рабства; автора произведеній, справедливо считающихся общественными, открыто ставшаго на сторону „дѣтей“ въ знаменитомъ спорѣ поколѣній и ихъ дѣтей, отдавшаго свои симпатіи разночинцу Евгенію Базарову предпочтительно предъ красиво говорящимъ дворяниномъ Аркадіемъ Кирсановымъ.

Такъ пишется исторія!

Что было дальше?

Еще проще было: почти, до конца дней своихъ Тургеневъ оставался идеалистомъ—одиночкой, плывшимъ противъ теченія. Такимъ онъ и въ гробъ, пожалуй, сошелъ бы, но, вотъ, „на закатѣ своей литературной дѣятельности въ толпѣ молодыхъ художниковъ слова Тургеневъ отмѣтилъ одного, не похожаго на другихъ“. „Это былъ Всеволодъ Гаршинъ“.

Какъ разъ къ этому времени „попытка разночинной интеллигенціи создать свою собственную „культуру“, казалось, потерпѣла неудачу. Зданіе, воздвигавшееся трудами „мыслящихъ реалистовъ“, казалось, рухнуло. Разночинная интеллигенція осталась безъ положительнаго міросозерцанія“, „сдѣлала позаимствованіе у своихъ бывшихъ противниковъ“ и вмѣстѣ съ „дворянскимъ пролетаріатомъ“ отъ міра „правды“ обратилась къ міру „вымысла“: „разрушенная эстетика была возстановлена“. Восьмидесятники могли вдохновляться лишь смутно-прогрессивными *настроеніями* и *вспышками* гражданскихъ чувствъ“,—„на ихъ гражданственности уже лежитъ печать „индивидуалистической“ эпохи. „И эти-то“ индивидуалистическія предпосылки гаршинскаго міросозерцанія обусловливаютъ психологическій родъ повѣсти“.

„*Отнынѣ* воскресаетъ беллетристика, какъ фикція, какъ обманъ“, „устанавливается мода на изящную литературу“, увлеченіе еюноситъ „идеалистическій“ характеръ, начинаетъ играть роль цитадели, куда укрываются потерпѣвшіе пораженіе на лонѣ „дѣйствительности“ малодушные воины“.

Какъ вода по камню, бѣжитъ мысль критика, прыгаютъ ея предпосылки, мелькаютъ быстрые силлогизмы, все теченіе слагается такъ, чтобъ пригнать къ опредѣленному мѣсту пущенный бумажный корабликъ. Мысль критика причаливаетъ, такимъ образомъ къ Надсону, который началъ съ требованія „знать“, реформировать и разгадывать сфинксъ жизни, и кончилъ исканіемъ спасенія въ грезахъ, обманахъ, цвѣтахъ и иллюзіяхъ,—очарованіемъ возвышенными обманами. Въ доказательство г. Шулятиковъ приводитъ цитаты. Говорилось уже на этихъ же страницахъ у насъ *), какъ трудно цитировать художественныхъ авторовъ, опредѣляя частности и переходы ихъ міросозерцанія, какъ вообще тутъ легко сыграть въ сторону собственной критической предвзятости. Еще отвѣтственнѣй такая работа по отношенію къ стихотворцамъ—лирикамъ, по отношенію къ поэтамъ. Г. Шулятиковъ лишній разъ подтверждаетъ эту мысль. Желая показать, чѣмъ *кончилъ* Надсонъ, критикъ приводитъ его стихотвореніе „мгновеніе“, не оговаривая, однако, что оно относится въ 1880 году, т. е. написано почти за семь лѣтъ до смерти поэта. Такимъ образомъ г. Шулятиковъ какъ бы совершенно не хочетъ брать въ разсчетъ цѣлую греть творчества разбираемаго имъ автора, и притомъ ту треть, которую мы всѣ вправѣ считать наиболѣе цѣнной уже потому, что она была послѣднимъ и значитъ, самымъ зрѣлымъ переходомъ Надсоновскаго творчества.

Приведя предпослѣднее четверостишіе „мгновенья“:

„И да будетъ позоръ и несчастье тому,
Кто, осмѣлившись сѣсть между нами,
Станетъ видѣть упрямо все ту же тюрьму.
За сплетенными сѣтью цвѣтами“...—

— г. Шулятиковъ заключаетъ: „Приведенное стихотвореніе—краснорѣчивый идеалистическій манифестъ“.

Но, во первыхъ, стихотвореніе это является пѣсней осужденныхъ на смерть людей, и такъ отъ ихъ лица и произносится. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ ставить автора отвѣтственнымъ за всякую фразу, какая можетъ встрѣтиться въ его томѣ! Поступая такъ, легко заявить, что и священное писаніе

*) См. іюнь „Науки и Жизни“—„Литература и Жизнь“—гл. II.

Digitized by Google

утверждаетъ: „нѣсть Богъ“, — и, дѣйствительно, такая фраза тамъ есть, но предъ ней-то стоитъ: „рече безумецъ“!..

Во вторыхъ, если даже допустить исповѣдное значеніе „Мгновенья“, то оно такъ лирическимъ мгновеніемъ и остается. Не дальше, какъ въ слѣдующемъ (1881) году Надсонъ характеризуетъ снова свой „прежній“ идеалъ „пѣвца“, котораго не соблазняютъ ни красота, ни пѣснь любви, ни ласки, ни отдыхъ... Но пѣвецъ молодой

„Не поддался словамъ искушенья.
Не на пиръ и не съ пира усталый онъ шелъ.
Съ страдныхъ нивъ и изъ избъ голодающихъ селъ,
Изъ угловъ нищеты и разврата,
Онъ спѣшилъ въ золотые чертоги принесть
Молодою любовью согрѣтую вѣсть.
О страданьяхъ забытаго брата.
Онъ спѣшилъ, чтобъ пропѣть *о голодной нуждѣ,*
О суровой борьбѣ и суровомъ трудѣ,
О подавленныхъ гибнущихъ силахъ,
О горячихъ, безпомощныхъ дѣтскихъ слезахъ,
О безсонныхъ ночахъ и безрадостныхъ дняхъ,
О тюрьмѣ и безкрестныхъ могилахъ“...
(„Пѣвецъ“)

Проходитъ еще годъ и опять все тотъ же „гражданскій“ мотивъ звучитъ у Надсона:

Нѣтъ лжи въ стихѣ моемъ, — *не призрачныя муки.*
Пою я, какъ фигляръ, ломаясь предъ толпой,
Но стоятъ *многихъ слезъ* мои больные звуки.
И стонъ мой—*стонъ живой*...
(„Не упрекай меня“. 1882).

Въ 1883 году, оплакивая погибшаго поэта, Надсонъ, какъ великую заслугу, опять таки отмѣчаетъ то что,

„Онъ въ пѣсняхъ съ измученнымъ братомъ страдалъ...
Красивымъ нарядомъ
Онъ взоровъ толпы за собой не манилъ“...
(„Бредъ“).

И такъ до самаго конца,—когда въ предпослѣднемъ стихотвореніи 1886 года онъ взывалъ все къ той же *пророческой* миссіи поэта:

„Пора! *Явись пророкъ*! Всей силою печали.
Всей силою любви взываю я къ тебѣ!
Взгляни, какъ дряхлы мы, взгляни, какъ мы устали“... и. т. д...

Ясно, какъ жонглируетъ г. Шулятиковъ доказательствами, какъ деспотически-самовольно относится онъ къ ссылкѣ — цитатѣ. Какъ опытный бальный дирижеръ, онъ устраиваетъ свой rond такъ, чтобъ это было болѣе эффектно, чтобъ удалась фигура, — внѣ этого его мало что заботитъ.

II.

Критикъ подошелъ къ страшному пункту. Здѣсь, гдѣ онъ хочетъ перекинуть мостъ отъ Надсона, такъ своеобразно истолкованнаго, къ Чехову,—предъ нимъ должна была бы открыться настоящая бездна. Но и ее бумажный корабликъ переплываетъ довольно просто: то мѣщанское царство, воплотителемъ котораго является—Чеховъ, „предстало предъ читателями, перерожденное игрой индивидуалистическихъ (sic!) настроеній художника“.

Что же значатъ тогда „индивидуалистическія“ настроенія? А значатъ они на языкѣ г. Шулятикова совсѣмъ не то, что понимаютъ подъ этимъ терминомъ всѣ обычно употребляющіе его.

„Явленіями реальнаго міра Чеховъ пользуется постольку, поскольку онѣ могутъ служить для распространенія его „я“. Отсюда сейчасъ же и выводъ готовъ: Искусство *игра* противополагается *отнынѣ* искусству „гражданскому“.

Разберемся, однако, въ этомъ недоразумѣніи, которое есть только недоразумѣніе. И прежде всего, — что это за умышленное смѣшеніе терминологіи, — эта подстановка въ чеховскую формулу вмѣсто субъективизма—индивидуализма? Г. Шулятикову она нужна по совершенно яснымъ соображеніямъ: во что бы то ни стало привести въ одну общую связь современную литературу съ Горькимъ и Андреевымъ къ старо-дворянскимъ корнямъ, посадить ихъ на ту историческую почву, отъ которой никто давно уже ничего не ждетъ. Нѣтъ ничего легче, какъ даже самому здоровому человѣку путемъ „тщательнѣйшихъ“ выслушиваній и „выстукиваній“ поставить діагнозъ посред-

Digitized by Google

ственно и, смотря по желанію,—даже неизлечимо больного. И вотъ Шулятиковъ ведетъ свою линію: отъ Тургеневскаго „идеализма" чрезъ мнимо-Надсоновскій кумиръ иллюзій и красныхъ вымысловъ, къ чеховскому „индивидуалистическому" творчеству, отъ котораго полшага затѣмъ и къ авторамъ „Дна" и „Василія Ѳивейскаго". Первый упрекъ, которымъ уловляетъ Чехова критикъ—тотъ, что онъ „*не фотографъ*" мѣщанскаго царства, словомъ, поросшее мхомъ и быльемъ стародавнее обвиненіе въ субъективизмѣ, который угодно было критику переименовать почему то въ индивидуализмъ. Но такъ ли ужъ грозно это обвиненіе, если оно и заслужено?

Не думаю, и именно потому, что только субъективизмъ, только личный элементъ, принесенный творцомъ-художникомъ въ данное произведеніе, и отличаетъ картину отъ фотографіи. Этотъ субъективный элементъ — та живая душа, которая оживляетъ камни въ скульптурѣ а нѣмыя слова дѣлаетъ полными огня и трепета, освѣщаетъ свѣтомъ художественнаго проникновенія темный ликъ натурщика и вскрываетъ глубоко спрятанную тайную психологію дѣйствующихъ лицъ. Безъ автора нѣтъ искусства, нѣтъ картинъ, созданныхъ безликимъ художникомъ, — ярко выраженная личность творца неустранима изъ сильнаго произведенія, и все талантливое среди созданій духа несетъ на себѣ его печать какъ на родителей похожи дѣти. Все великое субъективно, или все великое—лично. Но даже и не у великаго, вѣдь, то, что составляетъ прелесть художественнаго изображенія, является результатомъ опредѣленныхъ наблюденій предмета, опредѣленныхъ впечатлѣній, собранныхъ и скопленныхъ памятью даннаго лица—производителя. Съ теченіемъ времени эти скопленныя данныя улеглись въ опредѣленномъ порядкѣ, составили опредѣленную картину послѣдовательностей; на этихъ продуктахъ художественной памяти уже смываются и стираются временемъ краски дѣйствительности и на ихъ мѣстѣ, въ ихъ замѣнъ, наслаиваются новыя. Пріобрѣтаются оттѣнки, штрихи, приходитъ многое, рожденное внутри, въ душевной глубинѣ самого автора,—подъ инымъ лично-авторскимъ освѣщеніемъ происходитъ перерожденіе и преобразованіе прежней дѣйствительности, — совершается субъективнѣйшій и сокровеннѣйшій актъ творческой переработки и жизни, и ея впечатлѣній въ группу образовъ. Требовать фотографіи — значитъ желать бездушія, значитъ,—молиться о смерти. Но и то, что зовется объективностью въ творчествѣ, по самой своей сущности не можетъ быть навязано художникамъ, какъ нѣчто общедолжное, равно для всѣхъ обязательное, или даже какъ непремѣнное условіе художественности.

Французскій эстетикъ М. Гюйо—не очень великій поклонникъ субъективизма, но и онъ считаетъ нужнымъ оговориться: „Различеніе между геніями субъективными и объективными, которое стало банальнымъ въ нѣмецкой эстетикѣ, кажется намъ немного поверхностнымъ. Съ одной стороны, *всѣ геніи субъективны; генію свойственно даже къ природѣ примѣшивать свою индивидуальность*, переживать не заурядныя впечатлѣнія, и его *личныя эмоціи заразительны по самой ихъ силѣ и субъективности*. Но есть геніи, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи *только одинъ звукъ, одинъ голосъ*, въ распоряженіи другихъ—*цѣлый оркестръ*,—отличіе, *гораздо болѣе по богатству*, чѣмъ *по существу*. Такимъ образомъ, высшій геній характеризуется по оркестральностью, или тѣмъ, что онъ владѣетъ заразъ, или одной за другой самыми разнообразными тональностями; характеризуется тѣмъ, что кажется безличнымъ не потому, чтобы онъ былъ такимъ дѣйствительно, но потому, что онъ *умѣетъ сосредоточить и усвоить многія индивидуальности въ своей собственной*; онъ способенъ давать попеременно господствовать одному чувству надъ всѣми другими или сквозь всѣ другія; такимъ образомъ онъ пріобрѣтаетъ многія единства души, многіе типы, которые онъ въ себѣ осуществляетъ и которымъ онъ служитъ связью. *Различеніе геніевъ субъективныхъ и объективныхъ сводится къ развитію воображенія и чувствительности*; мы не отрицаемъ, что у однихъ преобладаетъ воображеніе, у другихъ—чувствительность; но мы утверждаемъ, что отличительная черта настоящаго генія есть именно проникновеніе воображенія чувствительностью и притомъ чувствительностью любящею, экспансивной, плодотворной; таланты, состоящіе изъ чистаго воображенія, фальшивы; цвѣтъ и форма безъ чувства—химера. Гёте единогласно причисляется къ

Digitized by Google

объективнымъ, какъ и Шекспиръ; между тѣмъ, суть ли что-нибудь субъективнѣй *„Вертера“*? Точно также авторъ *„Бури“* есть самый лирическій поэтъ до В. Гюго, но вмѣстѣ съ тѣмъ *самый субъективный; это величайшій „импресіонистъ“*: онъ рисуетъ намъ самыя утонченныя, нѣжныя чувства, рисуетъ желанія, смѣшанныя съ мечтой, радость, переходящую въ печаль, печаль кончающуюся улыбкой. Немногіе геніи имѣютъ болѣе опредѣленную физіономію, чѣмъ Моцартъ, а между тѣмъ кто бы причислилъ къ художникамъ субъективнымъ автора *Донъ Жуана* или *Волшебной Флейты*? Геній наиболѣе сложный, потому что заключаетъ въ себѣ многихъ, не перестаетъ быть единымъ: онъ самъ, быть можетъ, *болѣе другихъ представляетъ ineffabile individuum*, и въ то же время *онъ носитъ въ себѣ какъ бы живое общество.*

Эта *способность отдѣляться отъ своей личности, раздвояться*, обезличиваться, это высшее проявленіе рѣшительности (Sociabilite), которыя составляютъ самую основу творческаго генія, вмѣстѣ съ тѣмъ бываютъ и опасностью для генія. Всегда бываетъ опасно заразъ переживать нѣсколько человѣческихъ жизней, съ ихъ особенными обстоятельствами, переживать слишкомъ интенсивно и убѣжденно. Геній часто сближали съ сумасшествіемъ. Одна изъ чертъ, общихъ имъ обоимъ,—это *раздвоеніе личности*. Правда, раздвоеніе добровольное, но оно можетъ въ концѣ концовъ сдѣлаться столь полнымъ, что геній будетъ обманутъ игрой искусства. Свидѣтель тому Веберъ, который, когда писалъ *Фрейшютца*, полагалъ, что видитъ передъ собой самого чорта, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности онъ самъ создавалъ его цѣликомъ своею собственной личностью. Геній, *выводя человѣка изъ его личности и переселяя его въ другую*, можетъ довести художника до того, что тотъ затеряетъ наконецъ самого себя, его собственныя черты изглазятся и нарушится то равновѣсіе, которое составляло его здоровую личность.

Есть души, посѣщаемыя какъ старые дома, привидѣніями, которыхъ онѣ слишкомъ долго призрѣвали“ *)...

... Вопросъ о субъективизмѣ художественнаго творчества вообще далеко не послѣдній, здѣсь же, при обсужденіи статьи г. Шулятикова, онъ и подавно пріобрѣтаетъ особое значеніе, разъ его ставятъ во главу угла, да еще и самое имя его подвергается подчисткѣ. Но указаніе на субъективность чеховскихъ изображеній укоръ не серьозный. Быть можетъ, онъ былъ бы особенно тягостенъ, если-бъ рѣчь шла о міровомъ геніи, какъ Шекспиръ, но, вѣдь, никто, включая и самого Чехова, конечно, не думаетъ возводить автора „Скучной Исторіи“ и „Вишневаго Сада“ на такую головокружительную высоту. Еще Шопенгауэръ замѣтилъ въ этомъ отношеніи разницу въ литературныхъ рангахъ: „Великіе поэты цѣликомъ *превращаются* въ каждое изъ дѣйствующихъ лицъ и говорятъ изъ каждаго изъ нихъ съ одинаковой правдой и естественностью, какъ чревовѣщатели,—изъ великаго героя и непосредственно за этимъ изъ молодой и невинной дѣвушки; таковы *Шекспиръ* и *Гете*. Поэты второго ранга *превращаютъ* главныхъ дѣйствующихъ лицъ *въ себя*. Таковъ *Байронъ*. Здѣсь второстепенныя дѣйствующія лица часто остаются совершенно безжизненными“ *)...

Пожалуй, послѣ причисленія Байрона къ второразряднымъ авторамъ, упрекъ Чехову въ субъективности блѣднѣетъ самъ собой и теряетъ уже какую бы то ни было цѣнность. Вѣдь, всегда можно подойти къ любому не только произведенію искусства, но и явленію жизни,—какъ бы совершенно то и другое ни было,—съ такой мѣрой критики, которая сумѣетъ низвести и значительно уменьшить и понизить положительную оцѣнку и того, и другого...

Обвинительный актъ Чехова на этомъ не кончается. „Произведенія Чехова свидѣтельствуютъ, что конфликтъ окончился, „старое начало“ побѣждено, „художество“ вытѣснило гражданственность и пророческую проповѣдь“. Еще въ „Гаршинѣ говорятъ одновременно голоса и демократа и индивидуалиста“. Но уже „Чеховъ дѣйствитель-

---

*) *М. Гюйо. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи.* Съ предисл. Альфреда Фулье. (L'art au point de vue de sociologigue) переводъ подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1891, Гл. II, 1, стр. 25. („Геній, какъ сила общительности“).

*) *А. Шопенгауеръ. Міръ какъ воля и представленіе.* Переводъ Н. М. Соколова. Спб. 1893, гл. XXVII. „Къ эстетикѣ поэзіи“. стр. 528.

Digitized by Google

ный провозвѣстникъ эгоцентризма", такъ что „о Чеховѣ, какъ *проповѣдникѣ* „гражданскихъ" началъ, говорить не приходится; писателемъ, задумывающимся надъ соціальными проблемами, никакъ считать его нельзя"... „Его тоска"—компромиссъ между отчаяніемъ безусловнаго пессимиста и „обывательскимъ" примиреніемъ съ „хаосомъ дѣйствительности".

Такъ оцѣненъ авторъ, давшій намъ „Палату № 6", „Мужиковъ", „Припадокъ", „Дуэль", „Дядю Ваню", въ послѣднее время „Невѣсту" и „Вишневый Садъ".

Въ эпоху, когда нападки на Чехова были особенно сильны, когда его заподозрѣвали въ отсутствіи даже опредѣленныхъ убѣжденій, и г. Скабичевскій писалъ о немъ цѣлую статью подъ заглавіемъ: „Есть ли у Чехова идеалы", а Михайловскій прямо отрицалъ ихъ, и находилъ, что у него нѣтъ и тоски по общему идеалу, — даже и тогда такъ грубо и несправедливо не былъ развѣнчанъ этотъ большой писатель, за чьими плечами —почти четверть вѣка талантливой, тонкой, чутко-общественной, художественной работы!

Чего ждать другимъ?

III.

Ничего хорошаго ждать, конечно, не приходится!

Ни малѣйшаго удивленія и преклоненія не возбуждаетъ у г. Шулятикова успѣхъ Андреева,—ему онъ „вполнѣ" и даже „какъ нельзя болѣе" понятенъ: сумѣлъ человѣкъ передать въ своихъ разсказахъ самочувствіе интеллигентнаго пролетаріата, — вотъ и все. „Сумѣлъ",—ну, а „сумѣть"—это пустяки-дѣло!

Ник. Михайловскій указалъ на проникновенія произведеній Андреева „въ глубь и въ ширь жизни" —и совершенно ошибочно: „никакой о „широтѣ" и „глубинѣ" взглядовъ Леонида Андреева рѣчи быть не можетъ". Онъ „большаго знакомства съ „дѣйствительностью" не имѣетъ", „и еще дальше, чѣмъ Чеховъ, ушелъ въ область искусства-игры".

„Въ темную даль"?

Ахъ, но „цѣль, которую онъ преслѣдуетъ въ этомъ разсказѣ, — создаетъ извѣстный психологическій эффектъ". Вездѣ у Андреева „краски сгущены; преднамѣренность автора сквозитъ въ каждомъ приведенномъ имъ штрихѣ",—онъ „вездѣ выступаетъ служителемъ искусства-игры", „реабилитическія описанія сами по себѣ не имѣютъ въ его глазахъ цѣнности", и „воспроизводитъ (!) настроеніе" онъ, „пользуясь какой-нибудь искусно придуманной психологической антитезой, или обращаясь къ техническимъ пріемамъ „упадочниковъ",—къ обрисовкѣ кошмарныхъ видѣній".

Тоже и Горькій.

„Это не публицистъ-соціологъ (sic!), учащій „правдѣ" дѣйствительной жизни: изображать дѣйствительность для Горькаго значитъ преклоняться передъ нею; реалистическое направленіе, въ его глазахъ, исчерпывается реализмомъ исторіи графовъ міра „сѣренькихъ людей". Также, какъ его героини, онъ готовъ преклоняться передъ манерой и вкусами бульварныхъ романовъ, въ родѣ Габоріо и Дюма, Понсонъ-дю-Террайля и Законнэ, а эти романы — „крохи, упавшія со стола феодальнаго пиршества въ народную и мѣщанскую среду",

О Бунинѣ нечего и говорить: помилуйте, онъ доходитъ до такого разсказа, какъ „Осенью", А „здѣсь имѣются на лицо и салонная обстановка, и аристократическая (представьте только!) изящная героиня (ужасно!), и сцена прогулки ночью (!!) en deux (!!!) среди увядающихъ садовъ"!...

Къ этому, съ точки зрѣнія г. Шулятикова, и прибавлять, конечно, нечего!

Моя „замѣтка" затянулась бы слишкомъ, если-бъ начать длинную литературную тяжбу съ г. Шулятиковымъ, ибо пришлось бы отстаивать каждую пядь земли, по которой онъ такъ побѣдоносно прослѣдовалъ съ своимъ тяжкимъ пятилистнымъ критическимъ опытомъ. Не до этого сейчасъ. Но два вопроса слѣдуетъ затронуть.

Первый изъ нихъ—коренной,—о причинахъ „литературныхъ смѣнъ". Г. Шулятиковъ съ ироніей и обычными для него кавычками, — этими кандалами, въ которыхъ онъ запираетъ совершенно невинныя мысли и термины, по всѣмъ правамъ гулящія на свободѣ, — характеризуетъ въ общихъ словахъ „старинный историко-критическій пріемъ": господствующая литературная школа въ опредѣленный моментъ оказывается завершившею кругъ своего развитія, — она создала все, что могла,—остается повторять пройденное, т. е. наскучить публикѣ. Насту-

Digitized by Google

паетъ литературный кризисъ, и зарождается новое теченіе, прямо противоположное прежнему...

„Знаете“,—спрашиваетъ г. Шулятиковъ,—„почему на смѣну классической комедіи явилась „мѣщанская драма“ (comedie larmoyante)? Потому что обществу надоѣло смѣяться и захотѣлось слезъ“. Слѣдуетъ ссылка на Лансона, который, будетъ—кстати сказать—переведенъ у насъ на русскій языкъ, какія бы французскія поясненія въ скобкахъ не вставлялъ Шулятиковъ. И еще кстати: larmoyante — значитъ *слезливая* и, пожалуй, въ приложеніи къ смѣнившей веселую комедію драмѣ, какъ къ термину, объясненіе Лансона и приложимо.

Но не въ этомъ дѣло.

Г. Шулятикову долженъ быть извѣстенъ трудъ Тарда, — „L'art et le logique“, тоже переведенный на русскій языкъ *). Русскій критикъ все время ссылается на опредѣленныя соціологическія точки зрѣнія, стоитъ на соціологической почвѣ“ — и Тарда ему не знать никакъ не полагается. Такъ вотъ что я ему напомню отсюда по поводу теоріи смѣны: „какъ возлюбленная для влюбленнаго есть существо подобное ему, но болѣе красивое или дополняющее его, въ которомъ онъ научается лучше узнавать самого себя и дополнять себя въ этомъ своемъ отраженіи, такъ-же и *созданіе искусства всегда есть зеркало, полное откровеній, преображающее самого художника*, а *само искусство* есть идеальный образъ своего общества. Два эти признака, соединенные вмѣстѣ, объясняютъ намъ, почему всякое искусство истощается и падаетъ въ концѣ концовъ: вѣдь, второе условіе прямо ограничиваетъ область, на которой можетъ быть отыскано то богатство разнообразія, которое требуется первымъ условіемъ. *Каждое искусство ростетъ и каждое умираетъ*, какъ и каждая любовь, и совершенно по той же причинѣ. Любовь, даже самая постоянная, всегда тревожна, такъ какъ она въ своихъ существенныхъ свойствахъ есть нарушеніе равновѣсія, и такъ какъ первоначальный толчекъ, порождающій ее—волнующее появленіе неожиданной красоты — обладаетъ потребностью воспроизводиться вновь цѣлымъ рядомъ мелкихъ открытій, за отсутствіемъ которыхъ скоро останавливается это блаженное волненіе. *Вѣрность ему есть ничто иное, какъ непрерывное непостоянство, но удерживающееся въ предѣлахъ одного и того-же лица*. Но таково-же и страстное поклоненіе какого либо народа извѣстнымъ тайнамъ искусства, именуемымъ классическими, которыя случайно, благодаря идеямъ геніи, встрѣтились на пути этого народа и восхищаться которыми заставило его между прочимъ ихъ соотвѣтствіе съ его національнымъ духомъ. Чтобы это поклоненіе могло прочно укорениться, артисту и писателю являлось не менѣе необходимымъ безконечно варьировать и усложнять эти освященныя темы“.

Подчеркнутыя слова здѣсь да послужатъ ему и послѣднимъ замѣчаніемъ по вопросу о субъективизмѣ въ искусствѣ. Второе важное, что хотѣлось отмѣтить, касается не одного г. Шулятикова, и даже не столько самого его, сколько редакціи „Очерковъ реалистическаго міровоззрѣнія“, вообще говоря, прекрасныхъ, серьезныхъ, нужныхъ и поучительныхъ.

Еще можно допустить противорѣчія въ одной изъ двѣнадцати книгъ журнала, но его уже никакъ нельзя ни ждать, ни терпѣть въ сборникѣ, нарочито составленномъ, чтобъ подчеркнуть общую солидарность данной группы. Сборникъ—„умышленное“ объединеніе съ „заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“, такъ сказать, а тѣмъ болѣе такой, какъ „Очерки“. Онъ — фаланга и измѣнъ въ немъ общему знамени быть не должно. Между тѣмъ статья, напримѣръ, А. Луначарскаго,—самая талантливая въ книгѣ,—стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что изрекаетъ г. Шулятиковъ.

Подробно объ этомъ — сейчасъ недосугъ, но стоитъ просто для этого перечитать страницы 172—182. Во всякомъ случаѣ, то прекрасное и горячее опредѣленіе „романтизма бури и натиска“, которое даетъ въ своихъ „Основахъ позитивной эстетики“ г. Луначарскій, и подъ которое такъ цѣльно и хорошо подходитъ современное литературное поколѣніе, совершенно не уживается съ ворчливымъ и высокомѣрнымъ его отрицаніемъ, о которое на каждомъ шагу споты-

*) *Г. Тардъ* Сущность искусства. Переводъ съ франц. подъ ред. и съ предислов. Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1895. стр. 72.

Digitized by Google

каешься у г. Шулятикова, иронически побрягивающаго злыми кандалами-кавычками, но такъ ничего положительнаго и не выясняющаго о томъ таинственномъ перемѣщеній „Интеллигентныхъ ячеекъ“, гдѣ, по его же словамъ, таинственно заключена вся историческая сущность литературныхъ смѣнъ.

И еще два слова: ему не понравилась у г. Скабичевскаго цѣпь смѣны — Тургеневъ, Надсонъ, Гаршинъ, Чеховъ, Горькій, Андреевъ, — ну, а самъ-то онъ иную далъ? Откуда же эта иронія по адресу автора „Исторіи новѣйшей русской литературы“? Въ чемъ же дѣло?

Откуда „шумъ“?..

Петр—ій.

Digitized by Google

Астрономія.

Попытка объясненія явленія кометныхъ хвостовъ. Въ дополненіе къ своимъ новымъ чрезвычайно тщательно произведеннымъ опытамъ надъ давленіемъ свѣтовыхъ лучей Никольсу и Геллю (Nichols and Hull) удалось недавно демонстрировать это отталкивательное дѣйствіе конуса концентрированнаго свѣта на падающія чрезвычайно мелкія пылинки. (Astrophisical Journal, Juni 1903). Названные изслѣдователи взяли для своихъ опытовъ сосудъ, похожій на песочные часы, и тщательно удалили изъ него весь воздухъ насосомъ, нагрѣвая все время сосудъ до температуры близкой къ температурѣ плавленія стекла; затѣмъ въ продолженіе часа черезъ сосудъ прогонялись пары кипящей ртути, чтобы насколько возможно полно удалить остатки газовъ и, наконецъ, запаявъ соединеніе песочныхъ часовъ на одномъ концѣ съ воздушнымъ насосомъ, они опустили сообщающійся съ другимъ концомъ песочныхъ часовъ—сосудъ съ ртутью въ охладительную смѣсь изъ эфира и твердой угольной кислоты. Когда послѣ часа охлажденія въ этой смѣси при температурѣ—80°C пары ртути сконденсировались и замерзли, было запаяно и это соединеніе песочныхъ часовъ съ сосудомъ, содержавшимъ ртуть. Такимъ образомъ въ песочныхъ часахъ кромѣ заранѣе внесенной пыли могли оставаться лишь совершенно ничтожныя смѣси газа. Пыль, внесенная въ песочные часы, состояла изъ смѣси тонкой наждачной пыли съ обугленными спорами одного вида дождевика (Lycoperdum); послѣднія въ среднемъ имѣли въ поперечникѣ лишь два микрона (0,002 мм.) и были весьма однородны.

Когда теперь посредствомъ легкаго постукиванія часы пускались въ ходъ и на стекло какъ разъ подъ перетяжкой направлялся конусъ лучей концентрированнаго линзой чрезвычайно интенсивнаго свѣта вольтовой дуги, то замѣчалось весьма явственное отклоненіе падающихъ обугленныхъ споръ къ противоположной стѣнкѣ сосуда, тогда какъ наждачная пыль падала вертикально внизъ, не отклоняясь въ сторону. Вычисленіемъ было установлено, что это отталкивательное дѣйствіе свѣта гораздо больше того, которое могло бы вызвать одно давленіе свѣтовыхъ лучей. Такъ какъ „радіометрическое“ (т. е. то, которое наблюдается въ приборѣ радіометра) дѣйствіе газовыхъ частицъ было исключено, въ виду полнаго удаленія газа изъ сосуда, то Никольсъ и Гелль полагаютъ, что главной причиной отклоненія пылевыхъ частицъ въ этомъ случаѣ можетъ считаться ракетоподобное дѣйствіе частицъ газа, выдѣляющихся подъ

Digitized by Google

вліяніемъ лучей свѣта и угольныхъ частицъ.

Во всякомъ случаѣ описанное здѣсь явленіе имѣетъ огромное сходство съ отталкивательнымъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей на частицы матеріи кометныхъ хвостовъ. Дѣйствіе земного притяженія въ выше описанномъ экспериментѣ было по крайней мѣрѣ въ 16000 разъ большее, чѣмъ притяженіе солнца на такомъ удаленіи (т. е. отъ солнца до земли); поэтому, чтобы вызвать явленіе образованія такого потока матеріальныхъ частицъ, который мы наблюдаемъ въ кометныхъ хвостахъ, нужно, чтобы свѣтовой конусъ при нашемъ экспериментѣ былъ въ 16000 разъ ярче солнечнаго свѣта.

Поэтому вполнѣ понятно, что для объясненія наблюдавшагося значительнаго отклоненія частицъ пыли потребовалось допустить дѣйствіе и другихъ силъ, помимо давленія свѣтовыхъ лучей. Но въ настоящее время мы не можемъ окончательно сказать, достаточно ли одного этого давленія свѣта для образованія кометныхъ хвостовъ (въ смыслѣ гипотезы Арреніуса) или же здѣсь еще играютъ роль радіометрическія или даже ракетоподобныя дѣйствія газовъ.

Интересно здѣсь отмѣтить, что мы теперь далеки отъ того, чтобы, какъ это было прежде, считать явленія кометныхъ хвостовъ не поддающимся объясненію явленіями.

Техника.

Электрическія одѣяла. Мысль о примѣненіи электричества въ качествѣ источника тепла—не нова; осуществлялась же она до сихъ поръ большею частью такимъ образомъ, что въ цѣпь электрич. батареи включался металлическій проводникъ большого сопротивленія, который разогрѣвался при прохожденіи тока, и получавшееся при этомъ тепло использывалось для различныхъ цѣлей: для нагрѣванія воды, плавленія легко-плавныхъ металловъ и съ помощью электрическихъ печей для обработки фарфора, желѣза и стали.

При этомъ большею частью приходилось пользоваться высокими, а часто весьма значительными температурами; приборы же отличались массивностью.

Недавно французскій инженеръ Камиллъ Герrготъ придумалъ способъ помѣщать электрическіе источники тепла внутри ковровъ и подстилокъ, кромѣ того, въ одѣяла или компрессы, чтобы получать опредѣленную постоянную умѣренную температуру необходимую, напр., для медицинскихъ цѣлей. Ткань такихъ ковровъ и т. д. совершенно не отличается по внѣшнему виду отъ обыкновенной ткани и состоитъ изъ двухъ родовъ нитей: изъ обыкновенныхъ (напр., пеньковыхъ, шелковыхъ, хлопчатобумажныхъ и т. д.) нитокъ и изъ чрезвычайно тонкихъ изолированныхъ металлическихъ проводовъ, вплетенныхъ въ ткань. Эта проводящая токъ система устанавливается такимъ образомъ, чтобы получалась постоянная температура, причемъ такъ называемое „короткое замыканіе“ избѣгается благодаря незначительному напряженію тока; кромѣ того, по краю одѣяла или ковра идетъ кайма особенныхъ проволокъ коллекторовъ, которыя предназначены для того, чтобы отводить такъ называемые блуждающіе токи. Можно намочить такой коверъ и высушить, пропуская черезъ него токъ, слѣдовательно, и влажность не представляетъ здѣсь опасности „короткаго замыканія“.

Эти ковры, въ качествѣ обыкновенныхъ ковровъ, могутъ давать температуру въ 25—35°; затѣмъ болѣе высокія температуру для медицинскихъ цѣлей и, наконецъ, температуры до 150° для дезинфекціи. Въ техникѣ подобнаго рода ткань можно примѣнять въ видѣ фильтровъ для густыхъ сиропообразныхъ жидкостей, въ качествѣ безконеч-

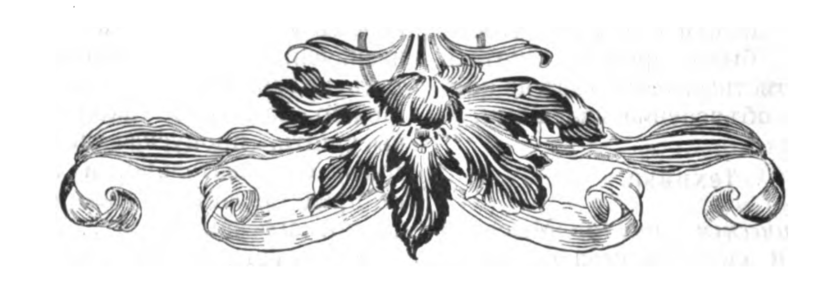
Digitized by Google

ныхъ ремней въ бумажномъ производствѣ и т. д. Наконецъ, очень удобно было бы производить согрѣваніе пола вагоновъ электрическихъ трамваевъ и желѣзныхъ дорогъ съ помощью особо приготовленныхъ плитъ.

Астрофизика.

Пустыни въ мiровомъ пространствѣ. Среди различныхъ образованій, которыя наблюдаетъ астрономъ въ небесныхъ пространствахъ, туманности въ послѣднія десятилѣтія болѣе всего привлекали къ себѣ взоры и мысли изслѣдователей. Они видятъ и ищутъ въ нихъ образующіяся солнечныя системы и надѣются путемъ изученія ихъ возникновенія и развитія постичь жизнь мiровыхъ тѣлъ. Примѣненіе фотографическихъ линзъ съ короткимъ фокуснымъ разстояніемъ значительно облегчило изученіе большихъ мiровыхъ тѣлъ, и теперь можно разсматривать въ цѣломъ такія невѣроятно огромныя образованія, какъ знаменитая туманность Оріона.

Подобными изслѣдованіями съ особенной энергіей занимался въ послѣднее время проф. М. Вольфъ; ему удалось установить фактъ, что большія туманности постоянно окружены пространствами, которыя почти совершенно лишены созвѣздій и такимъ образомъ представляютъ дѣйствительныя пустыни въ мiровыхъ глубинахъ. Поразителенъ тотъ фактъ, что еще Вильямъ Гершель пришелъ къ такому же предположенію. Теперь-же оказывается, что эти пустыни постоянно находятся повидимому лишь по одну сторону туманности. Туманность образуетъ такимъ образомъ одинъ край пустыни и поэтому легко сдѣлать предположеніе, что туманность какъ-бы притянула къ себѣ всѣ массы изъ этого пространства. Важнѣйшимъ отличительнымъ признакомъ такихъ пустотъ является почти совершенное отсутствіе слѣдовъ слабыхъ звѣздъ, и здѣсь находятся самое большое нѣсколько яркихъ звѣздъ. Вольфъ называетъ цѣлый рядъ туманностей, подтверждающихъ его законъ, но такъ какъ существуютъ и туманности, не обнаруживающія такихъ признаковъ, какъ, напр., туманность Андромеды или знаменитая спиральная туманность,—то ихъ слѣдуетъ отнести къ другому роду мiровыхъ тѣлъ.

Digitized by Google

Видъ сѣверной части неба въ 6 час. 23 мин. веч. (по Пулковскому времени) подъ 48° 50′ сѣвер. шир., 1 авг. 1904 г

Астрономическія явленія

ВЪ ІЮНѢ, ІЮЛѢ и АВГУСТѢ 1904 г.

Звѣздное небо. При небольшомъ вниманіи не трудно распознать главныя звѣзды неба, разъ имѣются необходимыя указанія. Нужно, прежде всего, умѣть оріентироваться, т. е. находить страны свѣта или горизонта. Для этого, всегда видимая у насъ и хорошо извѣстная всѣмъ Большая Медвѣдица (Колесница, Сѣверное Семизвѣздіе) укажетъ намъ сѣверъ, если прямую, соединяющую двѣ ея переднія звѣзды (α и β), продолжить мысленно (въ сторону α) до Полярной звѣзды.

Помѣщаемыя здѣсь двѣ небольшія карты представляютъ, въ совокупности, видъ звѣзднаго неба въ *6 ч. 23 мин. вечера* (по Пулковскому времени ([1]) *1-го августа* въ любомъ пунктѣ земного шара, расположенномъ *подъ 48° 50′ сѣверной широты* ([2]). Въ частности же, верхняя карта показываетъ сѣверное нобо, т. е. то, которое видитъ наблюдатель, обратившись лицомъ къ сѣверу, а нижняя—южное небо, представляющееся при обратномъ положеніи наблюдателя, т. е. лицомъ къ югу.

При расположеніи наблюдателя сѣвернѣе параллели, для которой даны помѣщаемыя здѣсь карты, видъ звѣзднаго неба измѣнится слѣдующимъ образомъ; 1) изъ-за сѣвернаго горизонта появятся новыя созвѣздія и звѣзды, 2) находящіяся на сѣверномъ небѣ вблизи зенита перейдутъ на южное и, наконецъ, 3) расположенныя надъ южнымъ горизонтомъ скроются подъ нимъ. Если же мѣсто наблюденія лежитъ южнѣе указанной параллели, измѣненіе вида звѣзднаго неба будетъ какъ разъ обратное, т. е.: 1) звѣзды и созвѣздія, расположенныя надъ сѣвернымъ горизонтомъ, скроются подъ нимъ, 2) находящіяся на южномъ небѣ вблизи зенита пе-

---

([1]) Для полученія мѣстнаго времени, достаточно лишь сдѣлать переводъ одного времени въ другое (см. книги I, II и III „Наука и Жизнь" 1904 г.).

([2]) Губерніи, области и города Россійской Имперіи, черезъ которые проходитъ эта географическая параллель, перечислены въ книгахъ I, II и III настоящаго журнала).

Digitized by Google

йдутъ на сѣверное и 3) изъ-за южнаго горизонта появятся новыя. И чѣмъ далѣе къ сѣверу и югу отъ данной параллели будетъ находиться наблюдатель, тѣмъ сильнѣе для него выразятся эти измѣненія.

Направленіе видимаго движенія небеснаго свода, происходящаго съ востока на западъ, обозначено на прилагаемыхъ картахъ стрѣлками. Основываясь на этомъ, легко узнать, каковъ видъ звѣзднаго неба въ любой моментъ сутокъ. Предположимъ, что желательно знать, какъ измѣнится видъ звѣзднаго неба, сравнительно съ изображеніемъ его на прилагаемыхъ картахъ, *1 августа въ 10 ч. 23 м. веч.*? Полный оборотъ небеснаго свода около насъ совершается въ сутки т. е. въ 24 часа, слѣдовательно, въ теченіе 4-хъ часовъ (10 ч. 23 м. — 6 ч. 23 м.) онъ перемѣстится на $\frac{4}{24} = \frac{1}{6}$ часть полнаго оборота. Вслѣдствіе этого: 1) звѣзды, находившіяся въ 6 ч. 23 м. веч. вблизи западнаго горизонта, въ 10 ч. 23 м. веч. скрываются за нимъ; 2) бывшія въ зенитѣ — спустятся къ западному горизонту; 3) расположенныя надъ восточнымъ горизонтомъ приблизятся къ зениту и 4) надъ восточнымъ горизонтомъ поднимутся новыя звѣзды.

Данныя здѣсь карты будутъ представлять видъ звѣзднаго неба: 2-го августа—въ 6 ч. 10 м. веч., 3-го — въ 6 ч. 15 м. веч. и т. д.

Болѣе подробно о помѣщаемыхъ здѣсь картахъ звѣзднаго неба сказано въ книгахъ I, II и III настоящаго журнала.

Изъ наиболѣе интересныхъ объектовъ звѣзднаго міра, доступныхъ наблюденію въ небольшую астрономическую трубу, можно указать слѣдующіе:

Перемѣнныя звѣзды: δ Цефея.

Двойныя звѣзды: γ Дѣвы, 24-я Волосъ Вереники, 12 α Гончихъ собакъ, φ Большой Медвѣдицы, β Скорпіона, α Геркулеса, 61-я и β Лебедя, Σ и φ Лиры, θ Змѣи, γ Дельфина, φ Дракона, β Козерога.

Звѣздныя скопленія: Ясли (въ созвѣздіи Рака) и въ Геркулесѣ.

Туманности: въ Лирѣ и Лисицѣ.

Солнце ☉. 8-го іюня въ 10 ч. 52 м. веч. (1) вступаетъ въ знакъ Рака—*начало лѣта*, 10-го іюля въ 9 ч. 51 м. у. (1)—въ знакъ Льва, 10-го августа въ 4 ч. 38 м. веч. (1)—въ знакъ Дѣвы.

Луна ☾. Фазы (по Пулковскому времени) (1):

7 іюня	5 ч.	12 м.	веч.	*Первая четверть*	☽
14 „	10 „	24 „	„	*Полнолуніе*	○
23 „	0 „	55 „	утра	*Послѣдняя четверть*	☾
30 „	7 „	28 „	„	*Новолуніе*	●
6 іюля	10 „	50 „	веч.	*Первая четверть*	☽
14 „	11 „	43 „	утра	*Полнолуніе*	○
22 „	4 „	4 „	веч.	*Послѣдняя четверть*	☾
29 „	2 „	59 „	„	*Новолуніе*	●
5 авг.	6 „	28 „	утра	*Первая четверть*	☽
13 „	3 „	3 „	„	*Полнолуніе*	○
21 „	5 „	9 „	„	*Послѣдняя четверть*	☾
27 „	19 „	44 „	„	*Новолуніе*	●

Планеты. Помѣщаемое ниже время прохожденіе планетъ черезъ меридіанъ дано для Пулкова.

	Прохожденіе черезъ меридіанъ.		Примѣчанія.
Меркурій ☿ / *Венера* ♀	Ни въ іюнѣ, ни въ іюлѣ ни въ августѣ наблюдаемы быть не могутъ.		
Марсъ ♂ . .	1 іюля 11 ч. 13 м. у.	1 авг. 10 ч. 38 м. у.	Въ іюнѣ не виденъ. Во второй половинѣ іюля и въ августѣ виденъ на сѣверо-востокѣ передъ восходомъ солнца; условія видимости улучшаются.
	11 „ 11 „ 2 „	11 „ 10 „ 25 „	
	21 „ 10 „ 51 „	21 „ 10 „ 12 „	

(1) Для полученія мѣстнаго времени явленій, достаточно лишь сдѣлать переводъ одного времени въ другое (см. книги I, II и III настоящаго журнала).

Digitized by Google

	Прохожденіе через меридіанъ.		Примѣчанія.
Юпитеръ ♃	1 іюня 8 „ 1 „ „ 11 „ 7 „ 28 „ „ 21 „ 6 „ 54 „ „ 1 авг. 4 ч. 25 м. у. 11 „ 3 „ 46 „ „ 21 „ 3 „ 6 „ „	1 іюля 6 ч. 19 м. у. 11 „ 5 „ 44 „ „ 21 „ 5 „ 7 „ „	Становится видимымъ на сѣверо-востокѣ въ началѣ іюня передъ восходомъ солнца, а въ концѣ съ полуночи. Въ іюлѣ виденъ на сѣверо-востокѣ около полуночи, а въ августѣ—въ началѣ мѣсяца часовъ съ 10 веч. и въ концѣ—часовъ съ 8 веч. до разсвѣта. Время видимости возрастаетъ.
Сатурнъ ♄	1 „ 4 „ 6 „ „ 11 „ 3 „ 26 „ „ 21 „ 2 „ 45 „ „ 1 авг. 11 ч. 49 м. в. 11 „ 11 „ 6 „ „ 21 „ 10 „ 24 „ „	1 „ 2 „ 3 „ „ 11 „ 1 „ 21 „ „ 21 „ 0 „ 39 „ „	Въ іюнѣ виденъ на юго-востокѣ не высоко надъ горизонтомъ въ началѣ мѣсяца съ полуночи, а въ концѣ всю ночь. Въ началѣ іюля восходитъ черезъ часъ послѣ заката солнца, а въ концѣ раньше; виденъ всю ночь, съ вечера до разсвѣта. Въ августѣ виденъ вскорѣ послѣ заката Солнца на юго-востокѣ; время видимости сокращается.

Явленія въ системѣ спутниковъ Юпитера. Наиболѣе интересны и доступны для наблюденія слѣдующія изъ явленій этого рода: 1) затменія спутниковъ, 2) покрытія спутниковъ и 3) прохожденіе спутниковъ по диску планеты. Въ приводимой ниже таблицѣ римскія цифры обозначаютъ номеръ спутника, а стоящія за ними латинскія буквы имѣютъ такое значеніе:

Ec. D.—исчезновеніе при затменіи.
Ec. R.—появленіе въ концѣ затменія.
Oc. D.—исчезновеніе при покрытіи.
Oc. R—появленіе при концѣ покрытія.
Sh. J.—вступленіе тѣни на дискъ.
Sh. E.—схожденіе тѣни съ диска.

Таблица явленій въ системѣ Юпитера.

Въ іюнѣ.

Числа.	Явленія.	Моментъ явленія [1]
1	II Ec. D.	3 ч. 57 м. у.
2	II Sh. J.	10 „ 4 „ в.
3	II Sh. E.	0 „ 38 „ у.
	III Oc. D.	10 „ 3 „ в.
4	III Oc. R.	0 „ 49 „ у.
	II Oc. R.	10 „ 13 „ в.
5	I Sh. J.	4 „ 45 „ у.
6	I Ec. D.	1 „ 55 „ „
	I Sh. J.	11 „ 13 „ в.
7	I Sh. E.	1 „ 28 „ у.
	I Oc. R.	11 „ 50 „ в.
10	II Sh. J.	0 „ 40 „ у.
	II Sh. E.	3 „ 13 „ „
	III Ec. D.	9 „ 41 „ в.
	III Ec. R.	11 „ 54 „ „
11	III Oc. R.	2 „ 57 „ у.
	III Oc. D.	5 „ 2 „ „
	II Ec. R.	10 „ 19 „ в.
	II Oc. D.	10 „ 26 „ „
12	II Oc. R.	0 „ 56 „ у.
13	I Ec. D.	3 „ 49 „ „
14	I Sh. J.	1 „ 7 „ „
	I Sh. E.	3 „ 22 „ „
	I Ec. D,	10 „ 18 „ в.
15	I Oc. R.	1 „ 48 „ у.
	I Sh. E.	9 „ 50 „ в.
16	I Oc. R.	8 „ 17 „ в.
17	II Sh. J.	3 „ 15 „ у.
18	III Ec. D.	1 „ 42 „ „
	III Ec. R.	3 „ 53 „ „
	III Ec. D.	10 „ 27 „ в.

[1]) По пулковскому времени; для полученія мѣстнаго времени явленій достаточно лишь сдѣлать переводъ одного времени въ другое (см. книги I, II и III настоящаго журнала).

Digitized by Google

Числа.	Явленіе.	Моментъ явленія.
19	II Ec. R.	0 „ 55 „ у.
	II Oc. D.	1 „ 7 „ в.
	II Oc. R.	3 „ 37 „ „
20	II Sh. E.	7 „ 7 „ в.
21	I Sh. J.	3 „ 1 „ у.
22	I Ec. D.	0 „ 12 „ „
	I Oc. R.	3 „ 44 „ „
	I Sh. J.	9 „ 30 „ в.
	I Sh. E.	11 „ 40 „ „
23	I Oc. R.	10 „ 13 „ „
26	II Ec. D.	1 „ 3 „ у.
	II Ec. R.	3 „ 30 „ „
26	II Oc. D.	3 „ 47 „ „
27	II Sh. J.	7 „ 10 „ в.
	II Sh. E.	9 „ 43 „ „
28	I Sh. J.	4 „ 55 „ у.
	III Sh. J.	7 „ 46 „ в.
	III Sh. E.	10 „ 8 „ „
29	I Ec. D.	2 „ 6 „ у.
	II Oc. R.	7 „ 34 „ в.
	I Sh. J.	11 „ 24 „ „
	I Sh. E.	1 „ 38 „ у.
30	I Ec. D.	8 ч. 34 „ в.

Въ іюлѣ.

Числа.	Явленіе.	Моментъ явленія.
1	I Oc. R.	0 ч. 9 м. у.
	I Sh. E.	8 „ 6 „ в.
3	II Ec. D.	3 „ 38 „ у.
4	II Sh. I.	9 „ 47 „ в.
5	II Sh. E.	0 „ 19 „ у.
	III Sh. J.	11 „ 48 „ в.
6	III Sh. E.	2 „ 8 „ у.
	I Ec. D.	4 „ 0 „ „
	II Ec. R.	7 „ 23 „ в.
	II Oc. D.	7 „ 43 „ „
	II Oc. R.	10 „ 10 „ „
7	I Sh. J.	1 „ 18 „ у.
	I Sh. E.	3 „ 32 „ „
	I Ec. D.	10 „ 29 „ в.
8	I Oc. R.	2 „ 3 „ у.
	I Sh. J.	7 „ 46 „ в.
	I Sh. E.	10 „ 0 „ „
9	III Oc. D.	7 „ 34 „ „
	I Oc. R.	8 „ 31 „ „
	III Oc. R.	9 „ 21 „ „
12	II Sh. J.	0 „ 23 „ у.
	II Sh. E.	2 „ 55 „ „
13	III Sh. J.	3 „ 48 „ „
	II Ec. D.	7 „ 32 „ в.
	II Ec. R.	9 „ 58 „ „
	II Oc. D.	10 „ 18 „ „
14	II Oc. R.	0 „ 44 „ у.
	I Sh. J.	3 „ 12 „ „
15	I Ec. D.	0 „ 23 „ „
	I Oc. R.	3 „ 56 „ „
	I Sh. J.	9 „ 40 „ в.
	I Sh. E.	11 „ 54 „ „
16	III Ec. R.	7 „ 52 „ в.
	I Oc. R.	10 „ 25 „ „
	III Oc. D.	11 „ 35 „ „
17	III Oc. R.	1 ч. 17 м. у.
	I Sh. E.	6 „ 22 „ в.
19	II Sh. I.	3 „ 0 „ у.
20	II Ec. D.	10 „ 6,7 „ в.
21	II Ec. R.	0 „ 33 „ у.
	II Oc. D.	0 „ 50 „ „
	II Oc. R.	3 „ 17 „ „
22	II Sh. E.	6 „ 49 „ в.
	I Sh. J.	11 „ 34 „ „
23	I Sh. E.	1 „ 48 „ у.
	I Ec. D.	8 „ 45 „ в.
	III Ec. D.	9 „ 49 „ „
	III Ec. R.	11 „ 52 „ „
24	I Oc. R.	0 „ 17 „ у.
	III Oc. D.	3 „ 31 „ „
	I Sh. J.	6 „ 2 „ в.
	I Sh. E.	8 „ 16 „ „
25	I Oc. R.	6 „ 45 „ „
28	II Ec. D.	0 „ 42 „ у.
	II Ec. R.	3 „ 8 „ „
	II Oc. D.	3 „ 21 „ „
29	II Sh. J.	6 „ 54 „ в.
	II Sh. E.	9 „ 26 „ „
30	I Sh. J.	1 „ 28 „ у.
	I Sh. E.	3 „ 41 „ „
	I Ec. D.	10 „ 39 „ в.
31	III Ec. D.	1 „ 50 „ у.
	I Oc. R.	2 „ 8 „ „
	III Ec. R.	3 „ 52 „ „
	II Oc. R.	7 „ 0 „ в.
	I Sh. J.	7 „ 56 „ „
	I Sh. E.	10 „ 10 „ „

Digitized by Google

Въ августѣ.

Числа.	Явленіе.	Моментъ явленія.
1	I Oc. R.	8 ч. 36 м. в.
3	III Sh. E.	6 „ 6 „ „
4	II Ec. D.	3 „ 17 „ „
5	II Sh. J.	9 „ 31 „ „
6	II Sh. E.	0 „ 2 „ у.
	I Sh. J.	3 „ 21 „ „
7	I Ec. D.	0 „ 34 „ „
	I Oc. R.	3 „ 58 „ „
	II Ec. R.	7 „ 0 „ в.
	II Oc. D.	7 „ 2 „ „
	II Oc. R.	9 „ 26 „ „
	I Sh. J.	9 „ 50 „ „
8	I Sh. E.	0 „ 4 „ у.
	I Ec. D.	7 „ 2 „ в.
	I Oc. R.	10 „ 26 „ „
9	I Sh. E.	6 „ 32 „ „
10	III Sh. J.	7 „ 53 „ „
	III Sh. E.	10 „ 7 „ „
13	II Sh. J.	0 „ 8 „ у.
	II Sh. E.	2 „ 39 „ „
14	I Ec. D.	2 „ 28 „ „
	II Ec. D.	7 „ 9 „ в.
	I Sh. J.	11 „ 44 „ „
	II Oc. R.	11 „ 50 „ „
15	I Sh. E.	1 „ 57 „ у.
	I Ec. D.	8 „ 57 „ в.
16	I Oc. R.	0 „ 15 „ у.
	I Sh. J.	6 „ 12 „ в.
	I Sh. E.	8 „ 26 „ „
17	I Oc. R.	6 ч. 42 м. в.
	III Sh. J.	11 „ 54 „ „
18	III Sh. E.	2 „ 6 „ у.
20	II Sh. J.	2 „ 45 „ „
21	III Oc. D.	6 „ 25 „ в.
	III Oc. R.	7 „ 47 „ „
	II Ec. D.	9 „ 43 „ „
22	I Sh. J.	1 „ 38 „ у.
	II Oc. R.	4 „ 11 „ „
	I Ec. D.	10 „ 51 „ в.
23	I Oc. R.	2 „ 2 „ у.
	II Sh. E.	6 „ 35 „ в.
	I Sh. J.	8 „ 6 „ „
	I hh. E.	10 „ 20 „ у.
24	I Ec. D.	5 „ 20 „ „
	I Oc. R.	8 „ 29 „ „
28	III Ec D.	5 „ 55 „ „
	III Ec. R.	7 „ 51 „ „
	III Oc. D.	9 „ 56 „ „
	III Oc. R.	11 „ 16 „ „
29	II Ec. D.	0 „ 19 „ „
30	I Ec. D.	0 „ 45 „ „
	II Sh. J.	6 „ 42 „ в.
	II Sh. E.	9 „ 12 „ „
	I Sh. J.	10 „ 0 „ „
31	I Sh. E.	0 „ 15 „ у.
	I Ec. D.	7 „ 14 „ в.
	I Oc. R.	10 „ 15 „ „

Падающія звѣзды. Въ іюнѣ мѣсяцѣ замѣчательныхъ и богатыхъ потоковъ падающихъ звѣздъ не наблюдается, изъ второстепенныхъ же можно указать слѣдующіе:

12—17 іюня—вблизи 42-й Геркулеса.
13—23 „ — между γ и η Лебедя.
15 „ — вблизи Σ Дельфина.
26—27 „ — между τ и ι Андромеды.
26—30 „ — вблизи ρ Орла.

Что касается іюля мѣсяца, то онъ необыкновенно богатъ падающими звѣздами, среди которыхъ особенно выдѣляются такъ называемыя Персеиды. Вотъ главнѣйшіе изъ потоковъ:

1—31 іюля (maximum 27—29 іюля)—вблизи η Персея (*Персеиды*).
1—31 „ (maximum) 12—15 іюля ι Пегаса.
10—12 „ . β Персея.
13—16 „ . δ Южн. Рыбъ.
14 „ . δ Андромеды.
14—16 „ . δ Водолея (δ *Акварида*).
14—22 „ . β Треугольника.
18 „ . α Лебедя.
25—29 „ . α Лебедя.
25—30 „ . δ Дракона.
26—27 „ . α Кассіопеи.

Digitized by Google

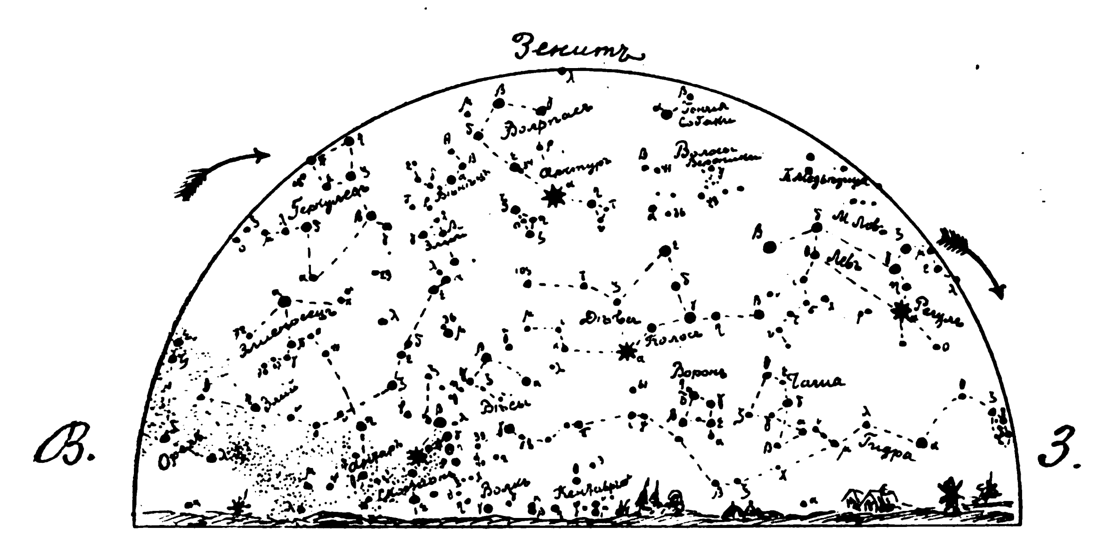
Августъ мѣсяцъ вообще бѣденъ падающими звѣздами; изъ второстепенныхъ потоковъ можно указать слѣдующія:

7	авг.	. вблизи	γ Пегаса.
8—10	„	. „	ο Дракона.
10—19	„	. „	α Лира.
12	„	. „	γ Пегаса.
12—17	„	. „	η Дракона.
21	„	. „	14 Адромеды.
21 авг. —1	сент.	„	β и γ Рыбъ.

Болиды. Можно ожидать: 22, 23, 29 и 30 іюня; съ 3 по 8, 17, 18, 22, 23, 28 и 29 іюля.

Зодіакальный свѣтъ. Можетъ быть наблюдаемъ на востокѣ утромъ, незадолго передъ восходомъ солнца, только при исключительно благопріятныхъ условіяхъ; вообще же, іюнь, іюль и августъ являются наиболѣе неблагопріятными въ году мѣсяцами для этого рода наблюденій.

Н. П. Двигубскій.

Видъ южной части неба въ 6 час. 23 мин. веч. (по Пулковскому времени) подъ 48° 50′ сѣвер. шир., 1 августа 1904 г.

Редакторъ-издатель Ф. С. Груздевъ.

Дозволено цензурою Спб. 24 Іюля 1904 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина Екатерин. кан., 71—6.

Digitized by Google

Задачи нашей интеллигенціи.

(Современная мораль).

Б. В. Добрышина.

I.

Я не пишу трактата по этикѣ, а только подвожу правдивые итоги существующаго. Я хочу оставить безъ разложенія такія понятія, которыя сами по себѣ имѣютъ значеніе и смыслъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываютъ вліяніе на нашу жизнь, напр., совѣсть. Можетъ-ли, напр., служить основой поведенія интеллигентнаго человѣка совѣсть? Для ханжей этотъ вопросъ покажется страннымъ. А теоретики, напротивъ, найдутъ его наивнымъ. Но въ томъ-то и дѣло, что, зная возможность посредствомъ анализа разложить совѣсть на простые элементы, сводимые къ воспринятымъ привычкамъ воспитанія, личнаго и общественнаго, къ состоянію культуры, психическимъ, индивидуальнымъ и расовымъ свойствамъ человѣка, тѣмъ не менѣе мы не можемъ отрицать незаглушимость голоса совѣсти, какъ бы она ни возникала въ человѣческой психикѣ. Будемъ ли мы рекомендовать каждому интеллигентному человѣку не заглушать и развивать свою совѣсть?

Вообще я хотѣлъ бы воздержаться отъ какихъ бы то ни было совѣтовъ. Я настолько вѣрю въ мощь общественнаго развитія человѣчества, что не сомнѣваюсь въ благихъ конечныхъ послѣдствіяхъ человѣческаго развитія. Все, что совѣсть дозволяетъ дѣлать человѣку, пусть онъ дѣлаетъ смѣло, если чувствуетъ себя въ силахъ не согнуться передъ совѣстью и волей другихъ людей.

Ужъ этими словами я подчеркиваю общественный фактъ разнохарактерности содержанія совѣсти не только у народовъ разныхъ культуръ, не только въ историческомъ пути развитія, но даже и въ данное время у разныхъ людей. Обыкновенно образованіе считаютъ элементомъ не только не развивающимъ совѣсть, а, напротивъ, притупляющимъ ее.

Digitized by Google

Быть можетъ, вѣрнѣе было бы сказать, что развитіе сознанія идетъ впереди общей психики человѣка и извѣстныхъ душевныхъ настроеній, сказывающихся въ голосѣ совѣсти. На совѣсть можно смотрѣть, при желаніи, какъ на архивъ разныхъ общественныхъ пережитковъ, ходячихъ правилъ поведенія и проч. Если совѣсть и является судьей между справедливостью и выгодой, то вѣдь и ту, и другую каждый человѣкъ можетъ понимать по своему. Остатки религіозныхъ вѣрованій и разныхъ идеальныхъ требованій, вліяніе дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ юридическихъ законовъ, обычаевъ,—все имѣетъ свой отголосокъ въ человѣческой совѣсти. Тѣмъ не менѣе, подобно тому, какъ мы не можемъ живого сердца замѣнить искусственнымъ, не можемъ ничѣмъ и замѣнить голосъ живой совѣсти, никакими теоретическими размышленіями или механическими правилами. Что такое совѣсть, какъ органъ психики, это вопросъ психологіи. Въ ней нѣтъ ничего таинственнаго и не разложимаго на простые душевные импульсы. Но, быть можетъ, наша задача и состоитъ именно въ томъ, чтобы сознательно вернуться къ тѣмъ живымъ истинамъ жизни, которыми искони жило человѣчество, къ вѣрѣ, къ любви, къ религіи и въ томъ числѣ къ совѣсти.

Но какъ можетъ вернуться къ ней тотъ, кто окончательно и безнадежно ее утратилъ? И притомъ, не можетъ ли онъ успокоить себя словами, что совѣсть лишь баластъ въ трудной современной жизни. Весь вопросъ житейской мудрости сводится не къ тому, чтобы жить по совѣсти и прослыть человѣкомъ совѣстливымъ, а умѣть ловко обманывать враговъ и друзей, не теряя ихъ уваженія или, по крайней мѣрѣ, заставляя ихъ сгибаться передъ своими желаніями и своей волей. Чтожъ, и по этому пути идутъ люди! Чего они достигаютъ въ жизни, разсказываютъ намъ беллетристы-художники. Они дѣлаются въ тягость не только другимъ, но и себѣ самимъ. Старикъ Карамазовъ, старикъ Ченчи—типы извѣстные. Ихъ считаютъ психически нездоровыми людьми. Новѣйшая психіатрія указываетъ на возможность такъ называемаго нравственнаго помѣшательства; ужъ это одно показываетъ, что въ вопросахъ поведенія необходимо, кромѣ правилъ, душевное здоровье. Относясь безъ излишней моральной крикливости къ нѣкоторымъ выродкамъ человѣческаго рода, человѣчество не только въ правѣ, но и обязано обуздывать ихъ особыми узаконеніями и силой мѣшать имъ дѣлать зло. Но, вѣдь, оно такъ и поступаетъ.

Ограждать человѣческую личность отъ произвола другихъ личностей не только считается похвальнымъ правиломъ поведенія, но дѣлается прямой задачей государственнаго законодательства и общественной дѣятельности. И такъ, оставляя въ сторонѣ болѣзненныя уклоненія, мы видимъ полную возможность развитія и укрѣпленія человѣческой совѣсти, какъ живого стимула справедливости, благороднаго и необходимаго поведенія.

Передо мной лежитъ книга Сутерланда „Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта“.

Я не стану ее здѣсь пересказывать, но на мой взглядъ онъ съ убѣдительностью доказываетъ несомнѣнность существованія чисто природнаго инстинкта тѣхъ отношеній, не только человѣка, но и живыхъ существъ, которыя мы зовемъ нравственностью. Не менѣе поучительны теоретическія изысканія Георга Гефдинга, изложенныя въ его этикѣ. Подобно Сутерланду, онъ кладетъ въ основу этики развитіе чувства симпатіи. Само собой разумѣется, что это слово понимается не въ узкомъ смыслѣ личныхъ симпатій или антипатій, а пониманія и сочувствія къ каждому проявленію жизни и береженія этой жизни. Конечно, все это лишь идеалы, и въ сшибкѣ

Digitized by Google

страстей, даже въ простомъ житейскомъ барахтаніи, мы сплошь и рядомъ поступаемъ, какъ Богъ на душу положитъ. Такъ что же дѣлать? Никакими правилами тутъ горю не поможешь. Дрессировка даже самой высшей школы врядъ ли можетъ искоренить изъ сильнаго темперамента движенія гнѣва, страсти, жажду наслажденій. И тогда легко предаются забвенію и чужія душевныя состоянія, и выгоды. А иные вполнѣ сознательно свою личную выгоду выдвигаютъ впередъ. Да, можетъ быть, это и въ порядкѣ вещей. Но даже тѣ, которые соглашаются, чтобы каждый преслѣдовалъ лишь свою личную выгоду, останавливаются передъ признаніемъ дозволенности всѣхъ средствъ борьбы, до обмана, лжи и убійства включительно. Если человѣкъ умный, онъ все это продѣлаетъ, не пострадавши самъ лично. Съ этой точки зрѣнія насиліе человѣка надъ другими лишь вопросъ его личной силы, произвола, желанія. Но, вѣдь, такъ, приблизительно, и началось человѣческое общежитіе. Все свелось къ тому, что другіе захотѣли защищаться отъ подобнаго насилія и произвола. Разсматривая этотъ вопросъ въ современной обстановкѣ человѣческаго общежитія, можно лишь константировать, насколько это удалось людямъ. Но по какому пути пойдетъ поведеніе интеллигентныхъ людей? Станутъ ли они тщательно подмѣчать и указывать пробѣлы общественной самозащиты отъ произвола необузданныхъ и сильныхъ одиночекъ или сами будутъ пользоваться этими пробѣлами для своей выгоды? Это дѣло вкуса, сложившихся убѣжденій, нравственныхъ стремленій, а иногда и вопросъ духовной силы. Чтобы воспользоваться пробѣлами или, напротивъ, укрѣплять ихъ, иногда надо быть человѣкомъ одинаково сильнымъ и даже, въ послѣднемъ случаѣ, болѣе сильнымъ, такъ какъ укрѣпленіе пробѣловъ общественной самозащиты сплошь и рядомъ гораздо труднѣе. Людямъ нравится быть сильными, нравится быть уважаемыми, любимыми. Это также не послѣдній стимулъ поведенія.

II.

Вопросъ о поведеніи, какъ отмѣчаетъ это Соловьевъ въ своемъ „Оправданіи добра", можетъ быть и для человѣка, помѣщеннаго на необитаемомъ островѣ. Онъ сводится къ тѣмъ или инымъ побужденіямъ. Наконецъ, можетъ быть даже поведеніе относительно себя самого и во всякомъ случаѣ относительно другихъ живыхъ организмовъ. Даже можетъ быть поднятъ вопросъ о поведеніи относительно вообще всей природы.

Но ярче всего вопросы поведенія раскрываются въ общежитіи. Человѣкъ интеллигентный, имѣющій потребность размышлять и знакомиться съ размышленіями другихъ людей, чутко наблюдая жизнь, входя въ тѣ или иныя корпораціи и общественныя группы, наконецъ, переживая чужія жизни, въ самыхъ интимныхъ душевныхъ побужденіяхъ, въ лучшихъ произведеніяхъ художниковъ, невольно вырабатываетъ себѣ основы того или иного поведенія.

Если интересы отдѣльной личности, не только въ смыслѣ прямой, осязательной выгоды, но даже и въ менѣе опредѣленныхъ душевныхъ движеніяхъ и стремленіяхъ, не всегда совпадаютъ съ интересами ближайшихъ къ нему человѣческихъ группъ, а этихъ послѣднихъ—съ интересами другихъ группъ и всѣхъ ихъ—съ цѣлымъ человѣчествомъ, то борьба неизбѣжна. И не всегда въ этой борьбѣ побѣждаетъ справедливость. Очень часто негодяи въ жизни торжествуютъ, и подлые празднуютъ побѣду. Но одно несомнѣнно, человѣчество во всей своей массѣ не можетъ считаться зараженнымъ безъисходнымъ идіотизмомъ и стремится обезопасить себя отъ того, что находитъ для себя

Digitized by Google

вреднымъ. Оно находитъ тысячи путей, чтобы обуздывать не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлые народы и воздѣйствовать на нихъ въ направленіи, улучшающемъ его человѣческое существованіе. Какъ трудно найти человѣка, который бы дѣйствовалъ противъ своихъ наиболѣе сильныхъ побужденій, если его не принудятъ къ этому другіе, точно также нельзя думать, чтобы человѣчество въ своемъ цѣломъ избирало дурные, вредные для него пути поведенія Но оно можетъ заблуждаться, можетъ впадать въ ошибки. Даже больше. Можетъ быть, лишь путемъ всѣхъ возможныхъ ошибокъ, убѣдившись гибелью части себя, оно приходитъ, наконецъ, къ тому, что ему нужно. Другими словами, человѣчество въ цѣломъ гораздо тупѣе въ своемъ развитіи, чѣмъ отдѣльный человѣкъ, оно не идетъ, а ползетъ ощупью, тыкаясь во всѣ стороны, какъ слѣпой щенокъ, розыскивая грудь матери. И все таки оно находитъ эту грудь. Но не фикція ли эта общая жизнь человѣчества съ какими то общими, цѣлостными интересами? Если государства мы еще склонны признать нѣкоторой реальностью, то только потому, что въ нихъ существуетъ принудительная власть, зажимающая народы и лицъ, его составляющихъ, въ свой желѣзный кулакъ. На самомъ дѣлѣ можетъ быть реальна только живая отдѣльная человѣческая личность, даже освобожденная отъ путъ семьи, а свободно и произвольно дарящая свои симпатіи, кому вздумается, и живущая, какъ ей вздумается и такъ, какъ ей выгодно, удобно и пріятно. И человѣкъ интеллигентный, какъ человѣкъ наиболѣе вооруженный въ жизни, болѣе другихъ способенъ отстоять подобную самостоятельную позицію. Такимъ образомъ, и сама интеллигентность въ томъ смыслѣ, какъ мы ее здѣсь толкуемъ, не есть ли также простая фикція, сводящаяся просто къ вопросу о лучшей вооруженности для житейской борьбы?

Современный интеллигентъ не хорошо вооруженный рыцарь, давшій какой то обѣтъ, а просто ловкій и хорошо вооруженный разбойникъ, хищникъ. Что и такіе бываютъ интеллигенты, этого я не отрицаю. Но весь ходъ человѣческаго развитія на ряду съ ними вырабатываетъ защитниковъ общественнаго строя, общественной правды, людей съ чуткой и живой совѣстью.

Эта совѣсть заставляетъ ихъ ставить въ первый рядъ интересы цѣлаго человѣчества, затѣмъ интересы своего родного народа, потомъ интересы семьи и, наконецъ, своей личности, и приводитъ къ готовности жертвовать собой для семьи, вмѣстѣ со своей семьей—для родного народа, вмѣстѣ съ роднымъ народомъ—для человѣчества.

Въ этомъ „вмѣстѣ“ и состоитъ вся мука не пониманія самопожертвованія родной средой.

III.

Быть можетъ, и правы тѣ мыслители, которые считаютъ человѣка злымъ животнымъ, подлежащимъ укрощенію. Можетъ быть, обозленный человѣкъ даже злѣе животнаго, которое рѣдко мучитъ. Но вообще обосновать поведеніе человѣка на внушенныхъ ему правилахъ равносильно желанію поселить въ его душѣ городового, который бы всякій разъ, какъ его склонности, чувства или мысли потянутъ въ дурную сторону, хваталъ бы его за шиворотъ.

Такъ что же въ такомъ случаѣ? Полная распущенность? Дѣлай каждый, что взбредетъ ему въ голову? Находятся такіе, которые пробуютъ такъ дѣлать. Удовлетворенія въ этомъ они не находятъ. Надо дать возможность человѣку осмыслить и прочувствовать, какое поведеніе принесетъ ему наибольшее удовлетво-

Digitized by Google

реніе, какъ живой человѣческой личности, живущей въ общежитіи. Шаблоны для подобнаго поведенія придумать трудно. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждому человѣку вообще, а интеллигентному въ особенности, не слѣдовало бы размышлять надъ послѣдствіями того или иного поведенія. Если бы мѣсто мертвыхъ правилъ могли-бы занять живая мысль и живое чувство, отъ этого врядъ ли проиграли-бы люди. Юридическіе законы и тѣ даютъ minimum правды и справедливости, а скорѣе запечатлѣваютъ обычаи сложившагося строя, и часто лишь подбираютъ трупъ умершей справедливости.

Истина, правда, справедливость, добро, во всѣхъ этихъ словахъ много призывнаго для человѣка эволюціонно воспитаннаго общежитіемъ. Но не даромъ самъ Христосъ оставилъ безъ отвѣта вопросъ Пилата, что есть истина.

Я хочу сказать, что всѣ эти понятія лишь извѣстныя формы нашихъ чисто человѣческихъ воспріятій, наполняемыя различнымъ содержаніемъ въ зависимости отъ времени, мѣста и культуры. Но всѣ они указываютъ нѣчто необходимое для дальнѣйшаго развитія человѣческаго общежитія и даже самого человѣка.

Нѣкоторые думаютъ основать правила человѣческаго поведенія на страхѣ загробной жизни, которая живетъ въ людяхъ, какъ греза чего то лучшаго, указываетъ на крайній индивидуализмъ. Задача всей жизни здѣсь сводится къ утвержденію личной индивидуальной жизни, начиная отъ земной въ безконечную вѣчность. Мораль изъ за благъ загробной жизни въ сущности не менѣе утилитарна, чѣмъ мораль земного интереса. Это все тотъ же интересъ отдѣльной человѣческой личности, ея личнаго блага и преуспѣянія, продолженной въ безконечность.

IV.

Вопросъ поведенія для интеллигентнаго человѣка заключается, на мой взглядъ, въ томъ, чтобы поступки не привели его къ душевному банкротству. Это—зловѣщій призракъ, который, къ сожалѣнію, очень часто слишкомъ поздно мы замѣчаемъ на своемъ пути, и тогда каждый спѣшитъ спастись отъ него по своему. Лучшее спасеніе, несомнѣнно, такая дѣятельность, которую бы вполнѣ одобрили и наша мысль, и наше чувство. Но поведеніе и дѣятельность все таки не одно и тоже. Дѣятельность есть нѣкоторое общественное служеніе, цѣпь послѣдовательныхъ поступковъ, направленныхъ къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей. Поведеніе же опредѣляетъ лишь наше отношеніе, какъ къ этимъ цѣлямъ, такъ равно и къ другимъ людямъ, а также и къ намъ самимъ. Само собой подсказывается слово „нравственныя обязанности". Но мы можемъ сознавать свои обязанности и все таки стоять не на ихъ высотѣ. Чтожъ съ этимъ подѣлаешь? Подставить къ нимъ лѣстницу правилъ? Чтожъ, кому это нужно и можно исполнить, почему бы не поставить. Самостоятельно жить и мыслить не всѣ даже имѣютъ время. Такимъ образомъ большимъ благодѣяніемъ является для человѣчества созданіе готовыхъ правилъ нравственнаго поведенія.

Случалось ли вамъ спросить когонибудь врасплохъ о предметѣ, о которомъ ему не приходилось самому размышлять? Онъ невольно начнетъ вамъ говорить первое, что вспомнитъ изъ недавно прочитаннаго. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что объ этомъ предметѣ онъ именно такъ и думаетъ, ему просто подвернулась готовая форма мысли. Но чѣмъ меньше будетъ въ обиходѣ интеллигентнаго человѣка не продуманнаго, тѣмъ врядъ ли будетъ хуже. Многіе боятся своихъ собственныхъ мыслей. И не безъ причины. Мысль не каж-

Digitized by Google

даго можетъ поднять любую тяжесть вопроса. Избѣганіе подобныхъ вопросовъ есть дѣло простого самосохраненія. Для общаго процесса жизни это чувство самосохраненія вполнѣ необходимо. Но столь же роковымъ и необходимымъ образомъ человѣческая мысль можетъ разрушить опоры, сдерживавшія тяжесть того либо иного вопроса. Для нея нѣтъ тогда выбора. Или она должна развить свои силы, чтобы поднять давящіе ее вопросы или этотъ вопросъ ее задавитъ, задавитъ жизнь, которую она бережетъ.

V.

Основанія поведенія интеллигентнаго человѣка—санкціи въ его собственныхъ чувствъ и мыслей и одобреніи его совѣсти. Не лгать самому себѣ, не обманывать самого себя, —вотъ первая его забота. А если подобный человѣкъ ницшіанецъ и захочетъ быть „веселящимся львомъ“, попирающимъ чужія существованія, рано или поздно его свяжутъ, ушлютъ или въ тюрьму или въ домъ душевно больныхъ.

У насъ все боятся нравственной анархіи. Будто бы, если человѣка по горло нагрузить разными хорошими правилами, онъ отъ этого станетъ менѣе эгоистиченъ и болѣе полезенъ для общества. Да, кажется, Сенека оскомину набилъ своему ученику Нерону самыми отборными добродѣтельными афоризмами. Однако, эти афоризмы не удержали Нерона отъ звѣрскихъ проявленій его натуры. Почему? Да потому, что его безуміе льстило разгулу страстей однихъ и было выгодно другимъ. Вѣдь, Римская чернь боготворила Нерона. И вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ Неронъ самъ дошелъ до нравственнаго банкротства гораздо раньше, чѣмъ его убили.

Говоря о современномъ интеллигентномъ человѣкѣ, я не могу предполагать, что, будучи размышляющимъ и впечатлительнымъ человѣкомъ, онъ станетъ все дѣлать наперекоръ разсудку и, „стихіямъ вопреки“.

Современная общественность всей своей культурой не можетъ пройти безъ вліянія сквозь его душу.

Пусть онъ будетъ ошибаться, падать, но я вѣрю въ силу мысли и чувства душевно здороваго человѣка. Да гдѣ они эти душевно здоровые? скажутъ мнѣ. Всѣ мы нынче душевно больные. Надо лѣчиться. Душевно больнымъ врядъ ли помогутъ какіе бы то ни было катехизисы нравственности. Быть можетъ, имъ можетъ помочь нравственная дисциплина?

Само слово „дисциплина“ кажется чѣмъ-то подбодряющимъ, оздоровляющимъ, не правда ли? А также и передающимъ управленіе нашей воли чему то намъ постороннему, повидимому крѣпкому, недопускающему ни шаткости, ни произвола устанавливающему нѣкоторый опредѣленный порядокъ. И однако, какъ это можетъ быть ни грустно, все таки всякому человѣку приходится самому жить, дышать собственными легкими, ходить собственными ногами.

Съ этимъ никто и спорить не станетъ.

Но почему же, когда дойдетъ дѣло до душевной жизни, мы сейчасъ же начинаемъ сомнѣваться въ способности человѣка самостоятельно жить и хотимъ ему придѣлать искусственныя ноги, руки и даже по возможности для всѣхъ создать одну и ту же нравственную физіономію? Развѣ душевная область не область нашей личной жизни, столь же для насъ необходимая въ своей самостоятельности, какъ хожденіе, приниманіе пищи и проч?

Вѣдь, и на счетъ пищи существуютъ правила, что можно ѣсть и что вредно организму. Это опытъ прошлаго. Почему же подобный опытъ отвергать для душевной пищи? Почему, если на физическую жизнь опредѣленный режимъ производитъ хорошее, здоровое дѣйствіе, будетъ не

Digitized by Google

менѣе полезнымъ установленіе опредѣленнаго порядка и для проявленій душевной жизни?

Врядъ ли, дѣйствительно, можно было бы имѣть что либо противъ подобной нравственной дисциплины, но вѣдь это простая область освѣдомленности въ душевной гигіенѣ. О ней нельзя сказать ничего худого, кромѣ того, что всякая гигіена легче въ теоріи, чѣмъ въ практическомъ примѣненіи. Наука о сохраненіи душевнаго равновѣсія. Подобную науку можно было бы изучать съ пользою и пользоваться ея правилами.

Развивать мысль, просвѣщать чувство, укрѣплять волю,—вотъ три первыхъ основныхъ правила, которыя она бы намъ предложила.

VI.

Ни для кого не секретъ, что пресловутая интеллигентность ровно ни отъ чего человѣка не оберегаетъ. Негодяи и подлецы среди интеллигенціи вещь не рѣдкая. Нѣтъ, болѣе того, подсказываетъ мнѣ возмущенный читатель, среди интеллигенціи ихъ даже больше, чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ наука расшатываетъ религіозныя основы, разные Ницше и тому подобныя философіи снимаютъ всякую узду съ поступковъ человѣка, и онъ не только негодяйствуетъ по душевной слабости, виновато и воровато прикрывая свои негодяйства, но лжетъ, лицемѣритъ, подлитъ, насилуетъ, обманываетъ и воруетъ, возводя все это чуть ли не въ принципъ, чуть не гордясь своей подлостью и приписывая всѣ свои негодяйства особому своему превосходству.

И для подобныхъ людей вы утверждаете, скажутъ мнѣ, что не надо никакихъ предрѣшенныхъ правилъ, а все можно предоставить санкціи ихъ мыслей, чувствъ и совѣсти?! Да вѣдь это безчувственные мерзавцы! Какая у нихъ совѣсть?! У нихъ одна прожорливая похоть во всемъ и ко всему. Нѣтъ, если вы ищете основанія для поведенія интеллигенціи (да и почему только интеллигенціи, а не каждаго человѣка?), то найдите такія основанія, которыя бы вліяли на людей, какъ властная истина, не позволяющая уклоняться въ сторону отъ своего пути.

„Вы указываете на необходимость душевнаго здоровья, просвѣщенія чувства и т. п. Все это, конечно, хорошо. А все таки, если человѣку съ самыхъ малыхъ лѣтъ внушаютъ, не убій, не украдь, не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна и проч., то это все таки сильно обуздываетъ человѣка. Вѣра въ Бога, живого Промыслителя міра—вещь великая. Эта только вѣра и можетъ быть единственной основой надлежащаго поведенія вообще всякаго человѣка“.

Ну, а, замѣчу, если подобной вѣры нѣтъ? И наконецъ, допустимъ, человѣкъ ни во что не вѣритъ, кромѣ своей похоти...

Нѣтъ, хорошія правила поведенія никого и ни отъ чего не спасаютъ, если они лежатъ на поверхности души человѣка. Надо, чтобы человѣкъ мыслилъ, болѣлъ чувствомъ, переживая состоянія чужой души. „Истина, говоритъ Олэ-Ляпрюнъ, оказываетъ на умъ такое вліяніе, которому нельзя противиться, не дѣлая себѣ тайныхъ упрековъ. Такова же и власть нравственнаго закона, только она не теоретическаго, а практическаго характера“. Но для того, чтобы истина оказывала на умъ подобное вліяніе, надо, чтобы умъ былъ способенъ къ ея воспріятію, чтобы онъ вторично самъ породилъ ее своимъ собственнымъ размышленіемъ. Тоже самое и съ нравственнымъ закономъ или проще съ воздержаніемъ отъ поступковъ и даже желаній, вредныхъ другимъ людямъ, вредныхъ всякой человѣческой жизни, въ томъ числѣ и своей собственной. Тогда можно согласиться съ Олэ-Ляпрюномъ, что

Digitized by Google

„я дѣлаю изъ своей жизни не все, что хочу“. Мои желанія ограничиваются моей природой, достоинствомъ, идеаломъ, правилами. „Я не могу жить кое какъ, на авось или по прихоти каприза. У меня есть дѣло, которое я долженъ сдѣлать, задача, которую я долженъ исполнить. Я долженъ быть человѣкомъ, истиннымъ человѣкомъ. Это слово: „долженъ“, этотъ характеръ правила, который принимаетъ въ моихъ глазахъ моя природа, разсматриваемая съ идеальной точки зрѣнія; это достоинство моего существа, которое не позволяетъ мнѣ дѣлать изъ него все, что мнѣ будетъ угодно,—все это доказываетъ, что я не принадлежу вполнѣ самому себѣ; что мнѣ предназначена роль, не исполнять которую мнѣ не дозволено. Быть человѣкомъ, жить достойнымъ человѣка образомъ,—вотъ въ чемъ заключается моя честь, мое счастье и въ тоже время мой долгъ, налагаемый на меня свыше“.

Все это очень хорошо. Но надо, чтобы просвѣщеніе и очищеніе чувствъ человѣка возвысилось до подобнаго настроенія. И мнѣ кажется, что подобныя возвышенныя душевныя настроенія основываются на чуткомъ пониманіи людскихъ страданій, чужихъ самочувствій, яркихъ представленій себѣ послѣдствій своихъ собственныхъ поступковъ, т. е. опять-таки не на основаніи предрѣшенныхъ правилъ, а вслѣдствіе работы надъ своей природой, надъ своимъ чувствомъ подъ вліяніемъ просвѣщенія ума, чувства и совѣсти.

VII.

Олэ-Ляпрюнъ, разбирая попытку основать мораль безъ обязанности, на почвѣ красоты хорошихъ поступковъ, риска самопожертвованія и прочее, замѣчаетъ *): „Одно изъ свойствъ нашего вѣка состоитъ въ стремленіи соединить матеріалистическое или, если угодно, натуралистическое отрицаніе со склонностью къ идеальному. Увлекаясь одновременно и наукой, и искусствомъ, нашъ вѣкъ желалъ бы найти въ наукахъ о природѣ универсальное объясненіе вещей; это-то и заставляетъ или располагаетъ его все сводить къ физическому порядку; но онъ желалъ бы также сохранить все высшее, сводя его, съ цѣлью объясненія, на низшее, хотя и съ сохраненіемъ въ немъ его цвѣта и красоты, чтобы можно было наслаждаться имъ умственно и нравственно. Онъ думаетъ сорвать превосходный плодъ нравственности съ того же самаго дерева, которое производитъ и все остальное. Это, такъ сказать, нравственная эстетика на почвѣ полнѣйшаго натурализма“.

Порывать связи съ натурализмомъ не желалъ бы и я въ моихъ поискахъ за основами поведенія. Прежде всего потому, что я не вижу въ человѣческомъ поведеніи ничего мистическаго. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я считалъ достаточнымъ данныя одной физической природы человѣка. Напротивъ, необходима культурная обработка этой природы въ интересахъ лучшаго существованія какъ всѣхъ людей, составляющихъ общежитіе, такъ и каждаго человѣка въ отдѣльности, для содержательности его собственной жизни. Эта культурность отчасти происходитъ сама собой подъ вліяніемъ воспринимаемыхъ идей и *настроеній* (я подчеркиваю послѣднее), кажущихся человѣку истинными, которыя этимъ самымъ и пріобрѣтаютъ властную повелительность надъ умомъ, чувствомъ и волей человѣка. Я тоже пытаюсь оставить въ сторонѣ всякія формулы нравственныхъ обязательствъ и правилъ, находя болѣе важнымъ развитіе души человѣка въ культурныхъ началахъ не воспріятіемъ разъ навсегда составленныхъ правилъ, а на основаніи развитія способности чутко отзываться и понимать явле-

*) Олэ-Ляпрюнъ. „Цѣнность жизни“.

Digitized by Google

нія жизни, самочувствія другихъ людей и послѣдствія своихъ собственныхъ поступковъ. Всякое правило есть городовой, поселяемый въ душѣ человѣка. Достаточно городовыхъ для внѣшняго порядка. Пусть будутъ сохранены тамъ до времени тюрьмы, но не палачи, такъ какъ пора и обществу, уничтожившему личную месть, отказаться отъ мести общественной. А всякое палачество есть месть. Самъ Олэ-Ляпрюнъ, объясняя абсолютный правовой характеръ нравственнаго закона, говоритъ въ сущности не о чемъ иномъ, какъ о культурномъ развитіи человѣка, о созданіи въ немъ особаго настроенія (въ смыслѣ опредѣленнаго душевнаго строя), при которомъ человѣкъ не только поступаетъ нравственно, но и желаетъ этой нравственности, какъ истины, какъ несомнѣннаго блага.

„Въ *нравственной области*,—говоритъ Олэ-Ляпрюнъ,—я вижу законъ, который, требуя моего повиновенія, является мнѣ какъ *имѣющій право* на такое требованіе".

„Это—верховный законъ, требующій отъ меня совершеннаго, полнаго и универсальнаго повиновенія; но за то этотъ законъ *совершенно разуменъ и благъ* (курсивъ мой), а потому и достоинъ и можетъ достигнуть съ моей стороны добровольнаго свободнаго подчиненія. Когда я подчиняюсь тому, что онъ мнѣ повелѣваетъ, то не достаточно того, чтобы я только сообразовалъ съ его требованіями свое поведеніе: я нарушалъ бы его, если-бы, напр., повинуясь ему фактически, въ то же время сожалѣлъ внутренно о томъ, что онъ существуетъ, и желалъ бы, чтобы его не было. Болѣе требовательный, чѣмъ какой-либо другой законъ, онъ требуетъ искренняго и внутренняго согласія. Внѣшнее согласіе съ нимъ не значитъ ничего. Я обнаруживаю къ нему полное повиновеніе лишь въ томъ случаѣ, если, исполняя то, что онъ мнѣ предписываетъ, въ то же время искренно *желаю*, чтобы законъ *существовалъ*, признаю существованіе его за благо, если сознаю и признаю то особенное право его на мое уваженіе и на мое повиновеніе, которое даетъ ему его превосходство; если исповѣдую, что онъ обладаетъ *правомъ* требовать моего полнаго повиновенія, внѣшняго и внутренняго; если, наконецъ, нахожу его благимъ, хотя, быть можетъ, и не сумѣлъ бы сказать, въ чемъ именно заключается его благость, хотя бы эта благотворность закона была бы сокрыта отъ моихъ взоровъ, непонятна мнѣ и для меня таинственна, такъ какъ я не знаю ни его происхожденія, ни основанія. Вотъ при этихъ условіяхъ можно сказать, что законъ *уважаютъ*, повинуются ему и вотъ какимъ образомъ первоначальное право, которое ему принадлежитъ, право, основанное на его разумности и благости, обосновываетъ и оправдываетъ его требованія и въ то же время создаетъ мое достоинство".

„Такъ какъ онъ въ высшей степени разуменъ и благъ, то и власть его абсолютна, и мое повиновеніе ему носитъ благородный и свободный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, съ того момента, какъ я вижу въ немъ не силу, а право, я выростаю, подчиняясь ему; возвышаюсь, преклоняясь передъ нимъ; это его первоначальное право, отъ котораго происходятъ всѣ другія права и обязанности, сообщаетъ несравненное величіе тѣмъ, кто его признаетъ".

Если удалить изъ этого размышленія фикцію воплощенія нравственнаго закона въ нѣчто постороннее душѣ человѣка, которое, даже въ дальнѣйшемъ, даетъ поводъ автору считать этотъ законъ высшимъ существомъ, то мы получимъ совѣтъ,—очень хорошій, развивать свои склонности и побужденія въ духѣ общечеловѣческихъ требованій, раскрывать свою душу для возвышенныхъ настроеній и весь строй своей духовной жизни поднять до идеаловъ

Digitized by Google

достойнаго, человѣческаго существованія. Но является вопросомъ, надо ли для этого составить опредѣленныя заповѣди и правила или же заставить всю душу человѣка работать надъ тѣмъ, что человѣчество собрало въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, какъ образцы достойнаго, хорошаго, человѣчнаго существованія.

Улучшить общую жизнь человѣчества съ помощью внушеній какихъ бы то ни было заповѣдей нравственности мнѣ кажется безнадежнымъ. Необходима работа души, необходимо просвѣтленіе совѣсти, просвѣщеніе чувства, поднятіе строя душевной жизни. И въ этомъ интеллигенція можетъ быть передовымъ отрядомъ человѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ кадромъ культуры, просвѣщая умъ, чувство и совѣсть остальныхъ людей, освобождая для этого придавленныхъ трудомъ для досуга просвѣщенія. Но, конечно, подобную задачу можетъ выполнить лишь истинная интеллигенція.

Но отчего получаются „Тихорѣцкіе“ интеллигенты? Отъ общей некультурности нашей жизни. Однако, въ свое время сообщались „художества“ берлинскаго банкира, совращающаго молоденькихъ дѣвочекъ. Онъ платилъ, правда, за это хорошія деньги и дѣвочкамъ, и своднѣ, и адвокатамъ, которые его защищали. Вспоминается примѣръ священника, развратившаго свою воспитанницу и затѣмъ убившаго ея мужа. Ужъ, кажется, стоялъ человѣкъ у корня самыхъ священныхъ заповѣдей, санкціонированныхъ откровенной религіей. Необходимо всяческое просвѣщеніе. Всякія попытки установить человѣческое поведеніе, сообразное съ достоинствомъ и пользой человѣчества, безъ всесторонняго, широкаго распространенія просвѣщенія останутся тщетны.

Не науки портятъ людей, а, напротивъ, невѣжество, недостаточность цѣльности просвѣщенія, такъ какъ у насъ заботятся главнымъ образомъ не о созданіи достойныхъ членовъ человѣчества, а о выработкѣ разныхъ полезныхъ техниковъ, не исключая юристовъ.

(До слѣдующаго №-ра).

Digitized by Google

Горе побѣжденнымъ.

(ЭТЮДЪ).

Николая Васильева.

Вы его знали?

Ну, конечно, знали.

Это — тотъ самый слѣпой гармонистъ, который такъ мастерски „отжаривалъ“ на гармоникѣ разныя кадрили, польки и лансье на бракосочетаніи нашего почтеннаго парикмахера Григорія Ильича съ Лидіей Ивановной. Еще тогда тятенька „молодой“, нашъ достоуважаемый лавочникъ и благодѣтель Иванъ Парменовичъ, сугубо „напроздравлявшись“ за благоденственное и мирное житіе новобрачныхъ и ихъ будущаго потомства, „разошелся“ и пустился въ плясъ „подъ камаринскаго“ то-же съ „напригубившейся“ свахонькой Ѳеклой Савельевной.

— Игрецъ важнѣющій! — одобрялъ тогда слѣпого гармониста Иванъ Парменовичъ, отдуваясь и отирая цвѣтнымъ платочкомъ свое „обличье“, запотѣвшее послѣ обременительнаго для его солиднаго „тѣлосложенія“ танца.

— Только и тряхнулъ стариной ради такой, къ примѣру сказать, залихватской игры!—Какъ-бы оправдывалъ свою рѣзвость всегда такой серьезный Иванъ Парменовичъ и, тутъ-же, покровительственно похлопавъ музыканта по плечу, наградилъ его серебрянымъ четвертакомъ.

— Получай, гармонія, поощреніе отъ нашихъ капиталовъ!—добавилъ онъ. — Ежели-бы у тебя зѣнки въ аккуратѣ были, совсѣмъ-бы ты человѣкомъ былъ, а таперича ты, одно слово, шушера!.. А впрочемъ, выпьемъ!.. Для насъ, все единственно наплевать, съ кѣмъ-бы не пить!..

И обстоятельный Иванъ Парменовичъ, не смотря на „муху“, побуждавшую его на рѣзвость и душевныя изліянія, какъ и всегда, былъ правъ.

Слѣпой гармонистъ, по преданіямъ Петербургской стороны, когда-то былъ дѣйствительно „человѣкомъ“. Гдѣ-то служилъ, что-то переписывалъ, былъ отмѣченъ начальствомъ и, говорятъ, лелѣялъ надежду, „просидѣвъ“ еще два-три канцелярскихъ стула, занять штат-

Digitized by Google

ное мѣсто не только съ приличнымъ содержаніемъ, но съ нѣкоторыми „безгрѣшными" доходишками...

И вдругъ!..

— Ужъ такая его планида, матушки вы мои! — положивъ щечку на ручку, говорила сердобольная, особливо послѣ приличнаго „пригубливанія", Өекла Савельевна. — Такъ ему ужъ на роду написано! Отъ судьбы-то, милыя, не уйдешь!..

И въ самомъ дѣлѣ, „на роду написано".

Когда онъ впервые увидѣлъ свѣтъ Божій въ Галерной Гавани, его пьянчужка-отецъ, губернскій секретарь въ отставкѣ, не взирая на отчаянные протесты мучившейся въ родахъ жены и увѣщанія повитухи, тащилъ въ кабакъ женину турецкую шаль, единственно цѣнную вещь изъ ея убогаго приданаго...

Фактъ, несомнѣнно, имѣвшій характеръ предзнаменованія! Можно-ли послѣ него, съ точки зрѣнія проницательныхъ обывательницъ Галерной Гавани, Петербургской, Выборгской, Охты и Песковъ, ждать чего-либо хорошаго для будущности новорожденнаго младенца?..

И онъ „не ушелъ отъ судьбы!"

Былъ „при должности," женился, имѣлъ уже двоихъ дѣтей...

— И стали у него въ тое пору глазыньки, матушки вы мои, тухнуть! — повѣствовала обыкновенно Өекла Савельевна. — Тухнутъ да тухнутъ, все больше да больше, а тамъ и совсѣмъ свѣтъ бѣлый померкъ... вотъ, какъ примѣрно, свѣчка догорающая, али лампа безъ керосину... я и говорю тогда Екатеринѣ-то Александровнѣ... Вѣдь вы помните, Екатерина Александровна, — обращалась Өекла Савельевна къ женѣ слѣпого гармониста, — не говорила-ли я вамъ, сходите къ старичку на Гeслеровской, сходите къ Матрешѣ-юродивенькой, отслужите панихидку на Өеклушиной могилкѣ... Божьи люди!.. А вы!..

— Ахъ, полноте, Өекла Савельевна! — не безъ раздраженія отвѣчала Екатерина Александровна. — При чемъ тутъ старички и юродивенькіе! — Денегъ не было, чтобы у хорошихъ глазныхъ докторовъ лечиться... Вотъ и все!

— Нѣтъ, извините-съ, сударыня! — повышеннымъ тономъ перебивала ее Өекла Савельевна, обидѣвшаяся, что ей смѣетъ противорѣчить... еще въ прежнемъ положеніи — туда-сюда!.. а то теперь какая-то тамъ... съ позволенія сказать „музыкантиха-гармонистка". — Можетъ быть, вы это, мать моя, по образованному, потому какъ въ емназіи учились... И чему только тамъ учатъ!.. Мятежничать что-ли?.. А ужъ я, извините, по просту, по русскому, по вашему-то значитъ, по глупому... въ Господа Бога вѣрую!..

Катерина Александровна готова была уже вспылить.

— А ты не возражай, Катя! Оставь! — останавливалъ жену слѣпой гармонистъ. — Мы — люди хиленькіе!.. Намъ смиряться надо!..

И они смирялись, — смирялись до полнаго обезличенія. Только лѣнивый не оскорблялъ этихъ принизившихся, пришибленныхъ людей.

Изъ скромной, но приличной квартирки они давно уже перебрались на задворки окраины Петербургской стороны, въ мезонинъ-конурку стараго, сырого деревяннаго флигеля, утопавшаго въ грязи, мусорѣ и навозѣ задняго двора при большомъ каменномъ домѣ.

То, что нѣкогда было развлеченіемъ въ минуты досуга, стало теперь главнымъ источникомъ существованія для цѣлой семьи. Слѣпой гармонистъ снискивалъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что, въ сопровожденіи жены, ходилъ по мѣщанскимъ и чиновническимъ семьямъ, гдѣ игралъ на гармоникѣ на свадьбахъ, вечеринкахъ и другихъ пирушкахъ, получая за вечеръ отъ рубля до трехъ рублей включительно.

Скудно, нищенски, но питался человѣкъ своимъ трудомъ.

Но „судьбѣ-планидѣ" было мало

Digitized by Google

этого полнаго приниженія человѣка, и она обрушила на его безталанную головушку свой послѣдній сокрушающій ударъ.

Какъ-то осенью слѣпой гармонистъ, возвращаясь домой поздно ночью, въ слякотную сырую погоду, въ худыхъ галошахъ и въ лѣтнемъ, подбитомъ вѣтромъ, пальтишкѣ, съ мѣщанской вечеринки, гдѣ „потѣхи ради“ его подпоили веселящіеся люди, простудился и захворалъ. Болѣзнь тянулась долго. Но не только лѣчиться, даже питаться чѣмъ-либо было не на что. Возможность ходить по вечеринкамъ прекратилась, источники къ существованію изсякли, такъ какъ вязанье женою чулковъ давало двугривенный въ недѣлю. И вотъ сухоѣденіе и чай въ теченіе недѣли и мясной супъ по праздничнымъ днямъ замѣнились питаніемъ исключительно чернымъ хлѣбомъ съ водою...

Тогда Екатерина Александровна пустилась по Марьямъ Ивановнамъ, Елизаветамъ Петровнамъ, женамъ приказчиковъ, канцелярскихъ служителей, коллежскихъ регистраторовъ, когда-то въ день своей свадьбы отплясывавшихъ подъ гармонику ея мужа кадрили, польки, вальсы, лансье...

Марьи Ивановны и Елизаветы Петровны, несмотря на то, что ихъ мужья пропивали добрую половину своего скуднаго жалованья каждое „20-тое число“, нашли, однако, возможность давать „на заварочку чайку“, кусочекъ—другой сахару, разныя обносочки дѣтямъ,—обносочки, трещавшія при первомъ употребленіи и окончательно расползавшіяся при дальнѣйшемъ...

Съ такими „пожертвованіями“ далеко не уѣдешь...

Даже нищенская жизнь оказалась невозможною. Наступалъ голодъ, мрачный, холодный, какъ морозная полночь далекаго глухого сѣвера.

Между тѣмъ кончилась слякотная, ненастная, сырая осень. Наступила зима. „Крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь“,—благодушно поетъ Пушкинъ.

И, дѣйствительно, голодъ торжествовалъ,—къ нему явился союзникъ, въ лицѣ русскаго витязя—мороза.

Температура въ нетопленой, засырѣвшей квартирѣ, положимъ, была выше уличной температуры, однако, чтобы добыть воды изъ стоявшей въ комнатѣ кадушки, приходилось сначала проломить ледъ. Окоченѣвшіе пальцы жены слѣпого гармониста оказались не въ состояніи заработать и тотъ двугривенный, который полагался на ея долю. Въ заиндевѣвшемъ углу кутались въ лохмотья голодныя зазябшія до одеревенѣнія дѣти. На постели, прикрытый легкимъ, дырявымъ одѣяломъ, метался больной, мучимый голодомъ и холодомъ, вдохновитель мѣщанскихъ и чиновничьихъ сердецъ.

Скудная теплая одежда семьи давно уже поѣдалась молью въ кладовыхъ закладчиковъ или фигурировала, подшитая и подкрашенная, въ качествѣ „готоваго платья“, въ рыночныхъ лавченкахъ.

Къ голоду, помимо холода, явился, наконецъ, новый союзникъ, въ лицѣ домовладѣльца.

Его злѣйшая собака была много добродушнѣе этого бывшаго тверского мужика, а теперь столичнаго домохозяина и собственника. Въ теченіе десятковъ лѣтъ проходилъ онъ карьеру петербургскаго хамства, не брезгуя никакими „доходами“, отъ безгласнаго „подручнаго“ до властнаго въ своемъ родѣ старшаго дворника, а затѣмъ отъ мелкаго торгаша, не стѣснявшагося ни какими фальсификаціями, ни пріемомъ краденаго, до владѣльца лабазовъ и многочисленныхъ домовъ.

— О прежде надо мною всѣ ломались и издѣвались, всѣ по загривку били, ко всѣмъ я приноравливался,—говорилъ онъ иногда своимъ трепетавшимъ „молодцамъ“, —но прошло это, и теперича ужъ на моей улицѣ праздникъ! Пора и

Digitized by Google

мнѣ поблаженствовать, свой ндравъ-отъ показать! Пускай ужъ теперь ко мнѣ приноравливаются и подъ мою дудку попляшутъ!..

И онъ твердо и неуклонно проводилъ въ жизнь свой „ндравъ". Поѣдомъ ѣлъ своихъ служащихъ и „не баловалъ" плохихъ плательщиковъ-квартирантовъ, причемъ считалъ за особливое удовольствіе прижать и принизить „прогорѣлую шушеру" изъ „благородныхъ" и „образованныхъ". Изъ боязни лишиться этого наслажденія, онъ не посылалъ къ нимъ даже дворника, а самъ собственной персоной ходилъ „объясняться" и „объяснялся" со всей непосредственностью тверского мужика, воспріявшаго цивилизацію, при посредствѣ денежнаго мѣшка, изъ затхлыхъ міазмовъ петербургскаго болота...

Руководствуясь паспортомъ, къ „прогорѣлой шушерѣ" изъ „благородныхъ" и „образованныхъ" онъ причислилъ и слѣпого гармониста. По нѣсколько иногда разъ въ день онъ переступалъ порогъ морозной конуры своего квартиранта. Не снимая картуза и подбоченясь, онъ „оралъ", издѣваясь надъ жалкими людьми, грозилъ выгнать ихъ на улицу, гдѣ холодъ еще рѣзче, гдѣ играетъ морозный вѣтеръ... Но дни шли за днями, и онъ не исполнялъ своихъ угрозъ. Онъ боялся лишить себя мучительнаго удовольствія издѣваться надъ обездоленными людьми...

Наконецъ, несчастная женщина не выдержала.

И у разбойника на большой дорогѣ поцѣлуешь руку!..

Она явилась къ „нему", тому самому санктъ-петербургскому „милостивому государю", который нѣкогда не давалъ проходу ей, хорошенькой шестнадцатилѣтней гимназисточкѣ. Онъ преслѣдовалъ ее на улицахъ, въ церкви, въ театрѣ, въ магазинахъ, назойливо провожалъ ее изъ дому до гимназіи, изъ гимназіи домой, навязывался съ дорогими цвѣтами, подарками, коробками конфектъ, а затѣмъ, узнавъ черезъ дворниковъ и кухарокъ, что „красотка" изъ „бѣдненькихъ", при обязательномъ посредничествѣ весьма тонкой во всѣхъ отношеніяхъ дамы Амаліи Карловны, проникъ даже въ ту убогую комнатку въ квартирѣ пятаго этажа, гдѣ она жила съ своей теткой. Онъ сначала разсыпался въ любезностяхъ, говорилъ, что не слѣдуетъ губить свою молодость, это прекрасное утро жизни, что неестественно, безчеловѣчно закупоривать себя въ жалкой каморкѣ и надрываться надъ непосильнымъ, грошами оплачиваемымъ трудомъ, когда есть человѣкъ преданный, страстно ее любящій, готовый положить къ ея маленькимъ ножкамъ все свое состояніе, что, наконецъ, онъ не остановился бы и передъ законнымъ бракомъ, но вѣдь это же теперь всѣми признается предразсудкомъ, пережиткомъ варварской старины, да и по самому существу бракъ— могила любви, а затѣмъ, перейдя отъ поэзіи и философіи на практическую почву, прямо и безцеремонно предложилъ смущенной Катеринѣ Александровнѣ квартиру въ бельэтажѣ, экипажъ и довольно солидную сумму въ годъ, предварительно замѣтивъ, что неумно отказываться отъ своего счастія... Старуха-тетка изумилась и растерялась, Катерина же Александровна истерически расплакалась. Выручилъ, однако, случайный свидѣтель, студентъ, сосѣдъ по комнатѣ, сумрачный и весьма рѣшительный юноша, который, взявъ „милостиваго государя" за воротникъ, не взирая на его протесты и угрозы, „съ честью" проводилъ по всей лѣстницѣ съ пятаго этажа вплоть до самаго выхода, на прощаніе сказавъ, что слѣдующее посѣщеніе повлечетъ за собою еще болѣе внушительные проводы...

И вотъ она, спустя десять лѣтъ послѣ этого не совсѣмъ пріятнаго для него „происшествія", пришла къ нему, этому прожигателю жизни, герою Невскаго проспекта и отдѣль-

Digitized by Google

ныхъ кабинетовъ, смотрѣвшему на женщинъ, какъ на кондитерскій товаръ или пикантное кушанье...

Онъ, уже теперь постарѣвшій и оплѣшивѣвшій, но по прежнему все еще такой элегантный и еще болѣе распущенный, охотно принялъ ее.

Она упала передъ нимъ на колѣни, она повѣдала ему печальную повѣсть своей печальной жизни и своей печальной семьи, она умоляла о помощи, хотя бы о самой незначительной, чтобы имѣть только возможность заплатить за конуру, купить дровъ, накормить дѣтей, наконецъ, она теперь на все, на все готова... Правда, она исхудала, ее помяла жестокая жизнь, но она еще молода, и ея миловидность и теперь еще иногда обращаетъ на себя вниманіе...

Онъ, кичащійся своей воспитанностью, не поднялъ стоявшей передъ нимъ на колѣняхъ женщины, а только внимательно осматривалъ ее взоромъ знатока-спеціалиста...

— Всякому овощу свое вхемя!— наконецъ прокартавилъ онъ.—Стаха, стаха, тетушка, а я не стахьевщикъ. Но михостыню охотно подамъ!..

— Все, что моху!—добавилъ онъ, протягивая ей... мѣдный пятакъ...

И она не бросила ему обратно поданный ей пятакъ, а купила на него полъ каравая чернаго хлѣба... и сама ѣла, и ѣли ея дѣти...

Всему бываетъ конецъ!

Долго блуждавшій въ морозномъ воздухѣ духъ смерти, наконецъ, рѣшилъ: „довольно".

Слѣпой гармонистъ послѣ продолжительнаго безпамятства очнулся. Упершись о края постели костлявыми, какъ у скелета, руками, онъ хотѣлъ подняться, но не могъ. Изъ груди вырвался какой-то надтреснутый звукъ и оборвался... Это духъ смерти взялъ еще таившуюся въ скелетѣ жизнь. Унесъ ли онъ ее въ невѣдомыя надзвѣздныя области, или низвергъ въ пучины небытія,— я не знаю...

Безучастно смотрѣла жена на потуги умирающаго мужа. Ей было все равно! Она будетъ скоро тоже трупъ... Дѣти не знали и не хотѣли знать о смерти отца... Имъ было тоже все равно! Имъ было холодно, они хотѣли ѣсть...

Но вотъ дверь отворилась, и черезъ порогъ переступилъ домовладѣлецъ.

Онъ уже приготовилъ было на досугѣ новый запасъ паскудныхъ словъ, но при видѣ трупа эти паскудства остановились у него въ горлѣ, а потомъ провалились въ нутро. Правая рука невольно уцѣпилась за козырекъ картуза, стащила его съ напомаженной деревяннымъ масломъ головы, передала въ лѣвую, а потомъ вновь поднялась, прикоснулась ко лбу, опустилась на грудь, перелетѣла на правое плечо, а съ него на лѣвое...

Торжественная минута смерти напомнила ему, что и онъ, живущій въ довольствѣ и теплѣ, непремѣнно когда-нибудь будетъ тоже трупомъ. Всѣ его банковые билеты, многоэтажные дома, лабазы не въ состояніи спасти его отъ роковой развязки.

— Умеръ!—тихо, почти шепотомъ проговорилъ этотъ горластый, заносчивый мужикъ.—Такъ-съ! Вотъ она, жизнь-то наша...

И, взглянувъ на исхудалыхъ, заморенныхъ дѣтей и на одеревенѣвшую, какъ бы въ столбнякѣ, вдову, онъ вдругъ вспомнилъ о „душѣ"...

— Захолодали ребятишки-то у тебя! —словно чего-то стыдясь и такъ же тихо сказалъ онъ.—Ну, да отдышатся чай... Пойду-кось... велю куфаркѣ щей имъ принесть... Пущай похлебаютъ! Да и дровишекъ пришлю, а ты ужъ ей сама скажи, чтобы, какъ слѣдоваетъ, натопила... Студено у васъ!..

И онъ задомъ, по медвѣжьи, вылѣзъ за дверь и плотно ее затворилъ.

Марьи Ивановны и Елизаветы Петровны сколотили нѣсколько рублишекъ, домовладѣлецъ приложилъ

Digitized by Google

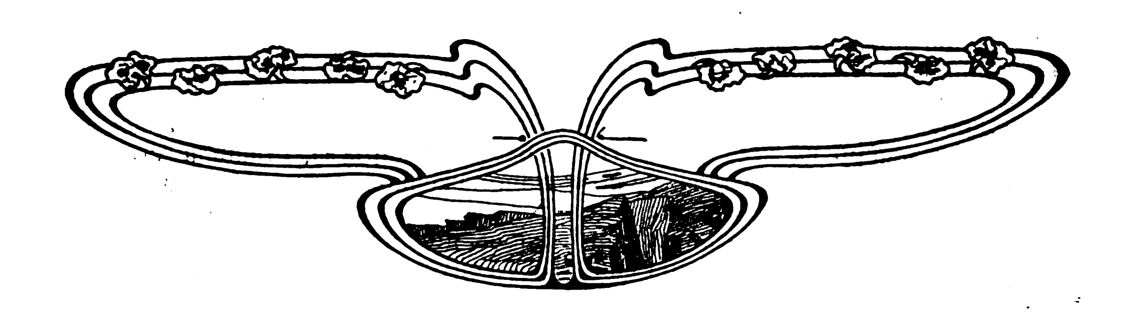
къ нимъ трешницу, и слѣпого гармониста отнесли на самый задъ кладбища и зарыли въ землю... „Отъ земли бо взятъ!“..

На другой день послѣ похоронъ вдова вышла съ дѣтьми на улицу и пошла все прямо, прямо, пока не скрылась за поворотомъ слѣдующей улицы и... исчезла въ волнахъ мятущагося человѣческаго моря шумной и громадной столицы,—исчезла безслѣдно, какъ исчезаютъ всѣ немощные люди...

Все слабое гибнетъ, все сильное живетъ!

Горе побѣжденнымъ!..

Николай Васильевъ.

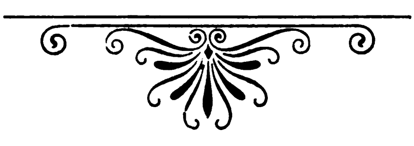
* * *

Я жить хочу, чтобы желаньемъ
И страстью грудь была полна,
Чтобъ душу жгла своимъ дыханьемъ
Любви предвѣчная весна.

Я жить хочу, чтобъ мыслью смѣлой
Разсѣять тайны мракъ кругомъ
И вызвать ликъ вселенной цѣлой
Въ величьи стройномъ и простомъ.

Я жить хочу, чтобъ міозданье
Душой и разумомъ обнять,
Что-бъ частью стать его сознанья
И жизнью съ нимъ одной дышать.

Б. Фуссъ.

Digitized by Google

ЭТЮДЫ.

Казиміра Пшерва-Тетмайера.

1. Счастье.

Не надо говорить о счастьи, къ которому мы стремимся, не надо говорить о немъ... Счастье подобно малой птичкѣ: его легко спугнуть.

Будемъ знать его тихо, не говоря о немъ, даже не думая... Въ тиши сердца, въ глубинѣ сердца будемъ къ нему стремиться, скрывая это желаніе даже передъ собственной мыслью. Счастье, вѣдь, подобно свѣтлому лучу среди тучъ: покажется на минуту, блеснетъ, но... такъ легко скрывается снова.

Не надо призывать счастья, не надо стремиться къ нему, не надо бороться изъ-за него; какъ дѣти, которымъ на Рождество снится, что къ нимъ придетъ Христосъ съ подарками, ожидаютъ его тревожно, тихія, но безпокойныя въ опасеніи; будемъ ждать и мы.

Если оно собирается придти, придетъ... не надо идти къ нему на встрѣчу.

Счастье, какъ солнце, о которомъ мечтаютъ цвѣты, цвѣтущіе только одинъ день; онн не могутъ идти къ нему, они ожидаютъ. Если день ясный, придетъ; если-же тучи заволокутъ небо, то ждутъ напрасно. Завянутъ и не увидятъ солнца, а вечеромъ, въ свой смертный часъ, будутъ говорить: вотъ напрасно раскрыли мы для него свои чашечки... не пришло...

Будемъ-же спокойно ожидать счастья... для сердца с о, что солнце для цвѣтовъ, которые только одинъ день цвѣтутъ... — если собирается придти, то придетъ.

Не будемъ-же говорить о счастьи, котораго мы такъ желаемъ, не будемъ говорить о немъ... — спугнуть его легко, какъ птицу!..

2. Роза.

Однажды я стоялъ на берегу, держа въ рукѣ алую розу.

Предо мной было море; золотисто-голубое, фіолетово-серебряное, тихое, солнечное море въ солнечный полдень.

Колеблющіеся изумруды, опалы и жемчугъ прибрежной волны подбѣгали къ моимъ ногамъ, съ однообразнымъ и ровнымъ шумомъ, подобнымъ звуку арфы, по которой ударяютъ одной рукой.

На небѣ, чистомъ и голубовато-золотомъ, стояло солнце, огромное, огненное... Была весна.

Нѣсколько бѣлыхъ чаекъ кружилось надъ водой, то задѣвая грудью ея поверхность, то поднимаясь

Digitized by Google

вверхъ. Такъ мотыльки порхаютъ надъ лугомъ.

Вдали, на востокѣ, шелъ пароходъ, таща за собой сѣрую ленту дыма, и понемногу скрывался съ глазъ въ водяной пустынѣ.

Я бросилъ розу въ воду.

Волна шла отъ меня, отъ меня понесла и ее.

Я видѣлъ, какъ она удалялась, сначала алая на жемчужной пѣнѣ, а затѣмъ уже болѣе блѣдная на изумрудахъ моря.

Но черезъ минуту, вмѣстѣ съ возвратомъ волны, роза опять подбѣжала къ моимъ ногамъ.

Однако, я замѣтилъ, что нѣсколько лепестковъ, оторванныхъ теченіемъ отъ чашечки, приплыло отдѣльно.

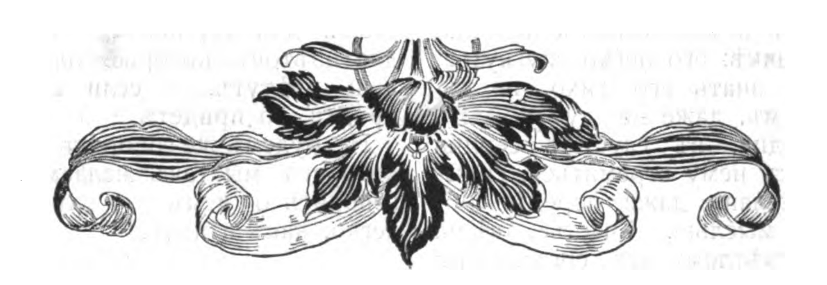
И снова волна хлынула назадъ, въ море, и въ море унесла розу; но черезъ минуту, съ возвратомъ волны, цвѣтокъ былъ у моихъ ногъ, только уже больше лепестковъ, оторванныхъ теченіемъ, приплыло отдѣльно.

Долго стоялъ я у моря; волны подбѣгали ко мнѣ и назадъ уходили, прибивая мнѣ къ ногамъ все меньшій и меньшій цвѣтокъ розы и все больше лепестковъ, оторванныхъ отъ цвѣтка.

Наконецъ, отъ него ничего не осталось, кромѣ горсти лепестковъ, брошенныхъ въ воду.

А море бросало ихъ ко мнѣ безпрерывно...

Не бываетъ-ли тоже самое съ сердцемъ? И оно приплываетъ къ ногамъ, разбитое на горсть лепестковъ!..

Digitized by Google

Екатеринославскіе золотоискатели.

(Очеркъ съ натуры).

Евгенія Дорошенко.

I.

Въ буфетѣ Екатеринославскаго вокзала, за столомъ, установленнымъ не малымъ количествомъ бутылокъ, сидѣло трое мужчинъ; одинъ изъ нихъ, человѣкъ около тридцати лѣтъ, съ дорожнымъ саквояжемъ черезъ плечо, очевидно уѣзжалъ, а другіе его провожали; они шумно о чемъ-то разговаривали. Въ это время къ платформѣ вокзала подошелъ поѣздъ изъ Запорожья, и вскорѣ за тѣмъ раздавшійся звонокъ заставилъ ихъ покончить бесѣду. Всѣ встали со своихъ мѣстъ, и уѣзжавшій началъ прощаться.

— Ну, смотри-же, Добровъ, не прокути всѣхъ денегъ въ Харьковѣ,— сказалъ одинъ изъ провожавшихъ,— получилъ наслѣдство и торопится увезти его изъ нашего родимаго Екатеринослава!

— Не безпокойся, я взялъ съ собой денегъ очень немного и дней черезъ пять надѣюсь возвратиться.

Только что Добровъ успѣлъ войти въ вагонъ второго класса, какъ ударилъ третій звонокъ, за нимъ прогудѣлъ свистокъ локомотива,—и поѣздъ, пыхтя и шипя, помчался по направленію къ Харькову. Въ вагонѣ было не тѣсно: все общество состояло изъ четырехъ офицеровъ и двухъ купцовъ, да еще вслѣдъ за Добровымъ въ вагонъ вошла молодая женщина, въ изящномъ модномъ пальто; пріятное правильное лицо вошедшей было нѣсколько блѣдно и окаймлялось волнами густыхъ каштановыхъ волосъ, выбивавшихся изъ-подъ маленькой кокетливой шляпки; чудные глаза ея свѣтились изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, тонкія брови и маленькій изящный ротикъ довершали очарованіе. Прекрасная незнакомка заняла мѣсто противъ Доброва. Знакомства вообще въ вагонѣ завязываются скоро, и потому, подъѣзжая къ станціи Синельниково, Добровъ уже весело разговаривалъ со своей сосѣдкой: о погодѣ, объ екатеринославскихъ новостяхъ, о газетныхъ извѣстіяхъ и проч. На разсвѣтѣ поѣздъ подошелъ къ Харькову; но здѣсь, къ большой досадѣ своей, Добровъ потерялъ изъ виду свою прелестную незнакомку. Остановившись въ Харьковѣ въ одной изъ лучшихъ гостиницъ на Рыбной улицѣ, Добровъ на другой день утромъ вдругъ былъ пріятно изумленъ счастливой случайностью: вчерашняя незнакомка его остановилась въ той-же самой гостинницѣ;

Digitized by Google

встрѣтившись съ нимъ въ корридорѣ, пригласила его къ себѣ, уже какъ стараго знакомаго, на чашку чаю вечеромъ. Доска гостиницы, съ именами остановившихся въ ней, раскрыла заинтересовавшее Доброва инкогнито незнакомки. Это, какъ оказалось, г-жа Лисицына; однако, онъ больше ничего не узналъ. Любезнымъ приглашеніемъ Лисицыной, конечно, Добровъ поспѣшилъ воспользоваться, и они цѣлый вечеръ провели въ разговорахъ. Добровъ былъ невыразимо счастливъ, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ замѣтилъ, Лисицына относилась къ нему какъ-то особенно хорошо, пріятно. Два-три дня они провели вмѣстѣ и разставались обыкновенно только поздно вечеромъ. Добровъ блаженствовалъ. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, черезъ три дня по пріѣздѣ въ Харьковъ, они сидѣли вмѣстѣ за чаемъ въ номерѣ Лисицыной, и разговоръ ихъ мало-по-малу перешелъ на почву откровенности, задушевности.

— Знаете, Марья Ивановна, какъ тяжело у меня на душѣ становится, когда подумаешь, что завтра или послѣ завтра я долженъ ѣхать обратно въ Екатеринославъ. О, какъ-бы я хотѣлъ навсегда остаться въ Харьковѣ!—говорилъ Добровъ.

— Право, мнѣ самой досадно, что вы уѣзжаете; вы, я думаю, понимаете это...

— Эхъ, Марья Ивановна, не завтра—послѣ завтра вы забудете о нашей встрѣчѣ. Это мимолетное знакомство исчезнетъ изъ вашей памяти, между тѣмъ какъ я видѣлъ въ немъ, быть можетъ, единственные счастливые дни въ жизни и о немъ никогда не забуду. А вамъ... вамъ въ жизни предстоятъ только удовольствія.

— О, вы напрасно такъ думаете, Сергѣй Андреевичъ; я не хотѣла было говорить вамъ о тайнахъ моей жизни, но вы сами вызываете меня на откровенность. Я очень, очень несчастна, я скажу вамъ всю правду, зная, что вы меня не выдадите. У меня здѣсь въ Харьковѣ есть мужъ; о, какъ я его ненавижу, а онъ вѣчно преслѣдуетъ меня своею ревностью, своею любовью. Я ѣздила теперь въ Екатеринославъ на похороны моей тетки и, возвратившись, остановилась въ этой гостиницѣ, чтобы хоть нѣсколько времени отсрочить вновь предстоящую мнѣ жизнь съ ненавистнымъ мнѣ человѣкомъ, жизнь, въ которой я гублю свою молодость; а между тѣмъ я еще способна и хотѣла-бы любить, хотѣла-бы пользоваться своею молодостью.

— Что-жъ вамъ мѣшаетъ разойтись съ вашимъ мужемъ?

— Легко сказать—разойтись!.. Разойтись гласно, по суду, врядъ-ли мнѣ удастся, да я и боюсь скандала; но я охотно уѣхала бы отъ него куда нибудь, гдѣ онъ не могъ-бы меня найти, чтобы жить тамъ хоть нѣсколько покойно, но для этого нужны средства, а у меня, увы, ихъ нѣтъ.

— О, если-бы я смѣлъ предложить вамъ... Но нѣтъ, я не рѣшусь.

— Говорите, что такое? Вы мой другъ, Сергѣй Андреевичъ, по крайней мѣрѣ, я полагаю.

— О, можете ли вы въ этомъ сомнѣваться!

— Въ такомъ случаѣ, почему же вы не хотите, не рѣшаетесь чего-то сказать мнѣ.

— Видите ли, Марья Ивановна, недавно я получилъ наслѣдство и купилъ домъ въ Екатеринославѣ, и я положительно былъ бы счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, если бы могъ предложить вамъ у меня квартиру, совершенно отдѣльную, и все необходимое.

— О, нѣтъ! Я ни за что не соглашусь на это!..

Лисицына долгое время отнѣкивалась, но, наконецъ, уступая настойчивымъ просьбамъ Доброва, согласилась,—и договоръ былъ скрѣпленъ долгимъ сладостнымъ поцѣлуемъ. Добровъ былъ на седьмомъ небѣ. На другой день утромъ они вмѣстѣ уѣхали въ Екатеринославъ.

Digitized by Google

II.

Марья Ивановна уже болѣе недѣли, какъ поселилась въ домѣ Доброва, который, благодаря полученному наслѣдству, устроилъ ей въ немъ удобное гнѣздышко.

У Марьи Ивановны, какъ оказалось, были въ Екатеринославѣ три четыре родственника и столько же хорошихъ знакомыхъ, знавшихъ ее съ пеленокъ, какъ она говорила, и которымъ она не боялась заявить о своемъ присутствіи въ Екатеринославѣ, зная, что они ее не выдадутъ. Родственники эти и знакомые какъ то сквозь пальцы смотрѣли на ея отношенія къ Доброву, съ которымъ она ихъ познакомила. Чаще всего ее навѣщали трое изъ этихъ родныхъ и знакомыхъ. Одинъ изъ нихъ было нѣкто Жигелевъ, еще очень молодой человѣкъ, уволенный отъ службы „по домашнимъ обстоятельствамъ" чиновникъ; другой — Воеводинъ, отставной сынъ Марса, а третій, г. Саврасовъ, принадлежалъ къ числу коммерсантовъ г. Екатеринослава.

Какъ то они всѣ трое и Добровъ сидѣли на половинѣ Марьи Ивановны.

— Знаете что, Марья Ивановна,— сказалъ Воеводинъ,—не худо было бы, чтобы вы когда нибудь пригласили насъ къ себѣ вечеркомъ, ну, хоть бы составить пулечку, а вы, какъ любезная хозяюшка, угощали бы насъ.—Добровъ заявилъ, что онъ отъ пулечки не прочь.

— Въ такомъ случаѣ, господа,— отвѣчала Марья Ивановна,—чего же и откладывать, приходите всѣ сегодня вечеромъ. Васъ трое, а Сергѣй Андреевичъ четвертый, вотъ вамъ и пулечка, а я приготовлю вамъ маленькую закуску, а также и усладительнаго, Никита Галактіоновичъ, какъ вы говорите,—засмѣялась она, обращаясь къ Воеводину.

Вечеромъ, дѣйствительно, всѣ собрались у Марьи Ивановны и, напившись предварительно чаю, который разливала сама прекрасная хозяйка, гости усѣлись за зеленое поле. Играли въ преферансъ по копѣйкѣ; Добровъ выигралъ въ первую пульку двадцать пять рублей. Закусили и, конечно, по-русскому, а можетъ быть и не по русскому обычаю, выпивъ, принялись за вторую. Добровъ вновь выигралъ.

— Ну, вамъ положительно везетъ, почтеннѣйшій Сергѣй Андреевичъ!— сказалъ Саврасовъ.

— Да, меня и самого это удивляетъ; обыкновенно я проигрываю, да и играю то я, какъ вы сами видѣли, очень плохо.

— Ну, нѣтъ, играете вы очень порядочно; мы всѣ игроки болѣе слабые, чѣмъ вы. А знаете что, Никита Галактіоновичъ, — обратился Саврасовъ къ Воеводину, не дурно бы было, если бы вы намъ маленькій штосикъ заложили.

— Не хочется что то, денегъ съ собой мало, не стоитъ.

— Ну, вотъ еще, не стоитъ: большихъ кушей ставить не нужно, а все маленькіе. Вѣдь вы, Сергѣй Андреевичъ, не откажетесь карточку подставить и Жигелевъ тоже, надѣюсь?!

— Выигравъ, я даже не считаю себя въ правѣ отказаться!—отвѣчалъ Добровъ.

Жигелевъ также отвѣтилъ согласіемъ.

— Ну, что же, Никита Галактіоновичъ?—вновь началъ Саврасовъ.

— Развѣ ужъ въ виду общаго желанія?!—сказалъ Воеводинъ и заложилъ штосъ, вынувъ изъ кармана рублей около двухъ сотъ и кладя ихъ на столъ.

Для Жигелева и Саврасова счастье было измѣнчиво; они то выигрывали, то проигрывали. Добровъ же вначалѣ выигралъ около ста и началъ горячиться.

— Дама пикъ!..—воскликнулъ онъ.

Марья Ивановна съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за игрой.

— Со входящими?—любезно переспросилъ его банкометъ.

Digitized by Google

— Конечно.

Дама была бита, и Доброву пришлось заплатить что-то около полутораста рублей. Затѣмъ онъ вновь поставилъ даму и вновь проигралъ; теперь изъ пяти его картъ четыре непремѣнно были биты. Въ концѣ концовъ онъ проигралъ пятьсотъ рублей и забастовалъ.

— Да играйте же еще!—стали упрашивать его Саврасовъ и Жигелевъ,—вы навѣрно выиграете, отыграетесь.

— Мнѣ, право, тоже совѣстно будетъ уйти, не давъ вамъ...—сказалъ Воеводинъ, метавшій банкъ.— Быть можетъ вы хотите метать? Мы охотно будемъ проигрывать.

Но, несмотря на настойчивыя уговариванія, Сергѣй Андреевичъ выдержалъ и не сѣлъ играть, что заставило надуться другихъ игроковъ, по всей вѣроятности потому, что Добровъ не далъ возможности Саврасову проиграть ему обратно выигранныя у него деньги. Потолковавъ еще немного, всѣ разошлись и Добровъ долго не могъ заснуть, вспоминая о проигранныхъ пятистахъ рубляхъ и о коварной дамѣ, которая ему измѣнила...

III.

Добровъ особенно сошелся съ Жигелевымъ: они почти не разставались. Прошло нѣсколько дней со времени крупнаго проигрыша Сергѣя Андреевича, и онъ пересталъ о немъ уже думать. Какъ то разъ, вечеромъ, онъ сидѣлъ съ Жигелевымъ въ своемъ кабинетѣ за бутылкой вина. Толковали о разныхъ пустякахъ.

— Вотъ жаль,—сказалъ Жигелевъ, —что денегъ у меня теперь нѣтъ, а представляется очень удобный случай заработать порядочный кушъ.

— А ты скажи мнѣ, я бы тоже не отказался отъ выгодной операціи; къ-тому же у меня есть еще изъ моего наслѣдства тысячи четыре-пять совершенно свободныхъ; ну, а будутъ хорошіе барыши, подѣлимся.

— Да я тебѣ могу сказать и безъ ожиданія подачки какой-нибудь. Только врядъ-ли ты согласишься.

— Отчего-же нѣтъ?

— Видишь-ли, сюда пріѣхалъ одинъ ловкій авантюристъ англичанинъ и привезъ съ собой массу поддѣльныхъ кредитокъ, которыя онъ продаетъ довольно дешево.

— Ну, нѣтъ, братъ, ты правду сказалъ, что я не соглашусь. Эта вещь каторгой пахнетъ.

— Какая тутъ каторга! Дѣло то въ томъ, что бумажки эти такъ хорошо, такъ мастерски сдѣланы, что нѣтъ никакой физической возможности отличить ихъ отъ настоящихъ: ихъ мѣняютъ даже въ банкѣ. Многіе пріобрѣли такихъ бумажекъ у него на значительную сумму.

— Не можетъ быть!

— Я тебѣ говорю, ты можешь предварительно достать себѣ нѣсколько штукъ на пробу.

Разговоръ на этомъ и кончился. Жигелевъ не настаивалъ, но Добровъ цѣлую ночь не спалъ: съ одной стороны онъ боялся отвѣтственности, а съ другой перспектива легкой наживы была такъ заманчива... Къ тому-же ему припомнился недавній проигрышъ и ему очень хотѣлось вознаградить себя за эту потерю. Жадность взяла вверхъ надъ трусостью. Добровъ рѣшился попробовать.

— Знаешь что?—сказалъ онъ, встрѣтивъ на другой день Жигелева,—я передумалъ.

— О чемъ?—спросилъ тотъ, притворяясь не понимающимъ.

— Да о томъ, что ты вчера говорилъ на счетъ англичанина.

— Ну, что-же?

— Я, пожалуй, не прочь бы посмотрѣть. Интересно видѣть эти деньги.

— Видишь-ли, лично этого англичанина я не знаю, но есть у меня знакомые, которые его знаютъ, я имъ передамъ. Да кромѣ того, насколько мнѣ извѣстно, онъ самъ, не желая возбуждать подозрѣнія,

Digitized by Google

совершаетъ всѣ сдѣлки черезъ факторовъ евреевъ...

Дня черезъ два въ квартиру Доброва вошелъ чисто, можно сказать, элегантно одѣтый еврей и сказалъ ему, что онъ желалъ бы съ нимъ поговорить, „по секрету". Добровъ провелъ его въ кабинетъ.

— Меня прислалъ къ вамъ англичанинъ,—шепнулъ онъ ему. Доброву сдѣлалось какъ-то неловко. Еврей замѣтилъ это.

— О, вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь; я когда нужно, нѣмъ, какъ рыба; вы можете быть вполнѣ откровеннымъ.

— Я хотѣлъ бы раньше видѣть эти деньги!—робко сказалъ Сергѣй Андреевичъ.

— Я предвидѣлъ ваше желаніе. —И еврей, доставъ изъ кармана толстый сѣрый конвертъ, вытащилъ изъ него нѣсколько полусотенныхъ, двадцатипяти и десяти рублевыхъ бумажекъ.—Вотъ, смотрите,—сказалъ онъ, подавая ихъ Доброву, — всѣ деньги—такія: ни хуже, ни лучше.

Бумажки дѣйствительно были сфабрикованы превосходно. Три изъ нихъ, одна въ пятьдесятъ, другая въ двадцать-пять, а третья въ десять рублей, были посланы для размѣна въ отдѣленіе государственнаго банка съ лакеемъ Доброва; они были тамъ тотчасъ размѣняны. Добровъ восхищался.

— Ну, а цѣна?—спросилъ онъ.

— Сказать вамъ послѣднюю, чтобы не торговаться?

— Это будетъ самое лучшее.

Они сошлись на 25 процентовъ.

—Отлично; я возьму ихъ у васъ пока на три тысячи, то-есть двѣнадцать тысячъ.

— Въ такомъ случаѣ я предложу вамъ слѣдующее. Эти три тысячи у васъ здѣсь, на лицо?

— Да.

— Положите ихъ въ конвертъ, я ихъ запечатаю моею печатью, а тогда, когда вы получите двѣнадцать тысячъ, вы вручите посланному этотъ конвертъ, конечно, пересчитавъ предварительно полученныя деньги. Видите-ли: я врядъ-ли буду имѣть возможность заѣхать къ вамъ лично, дѣлъ пропасть — подкупно улыбнулся еврей,—а вводить въ эти дѣла еще кого нибудь нѣтъ надобности, рискованно и совершенно излишне. Тотъ-же, кто принесетъ вамъ отъ меня двѣнадцать тысячъ, не будетъ знать, что и сколько онъ вамъ передаетъ; деньги будутъ тоже въ конвертѣ запечатаны, вотъ этимъ моимъ перстнемъ. Иначе, если бы я велѣлъ посланному вручить вамъ двѣнадцать, а получить съ васъ три тысячи, онъ невольно сталъ бы подозрѣвать въ этомъ дѣлѣ что-то не чистое, а я этого избѣгаю...

Добровъ вполнѣ согласился съ аргументами плута Хаима, и три тысячи, тщательно пересчитанныя, онъ вложилъ въ тотъ конвертъ, который поспѣшилъ предложить ему незнакомецъ, вынувъ изъ него принесенные образцы фальшивыхъ денегъ.

— Теперь,—сказалъ еврей,—будьте добры, дайте мнѣ огня и сургучу; —и при этомъ взялъ конвертъ изъ рукъ Доброва. Но лишь Добровъ успѣлъ отвернуться, чтобы взять свѣчу, какъ конвертъ съ деньгами исчезъ въ карманѣ еврея и съ быстротою, которой позавидовалъ бы любой фокусникъ, замѣнился другимъ, совершенно ему подобнымъ, и по формѣ, и по цвѣту, и по объему.

Когда Сергѣй Андреевичъ подалъ свѣчу, незнакомецъ, какъ ни въ чемъ не бывало, держалъ конвертъ въ рукахъ. Пакетъ былъ запечатанъ перстнемъ еврея и спрятанъ хозяиномъ въ ящикъ письменнаго стола.

— Итакъ, завтра вечеромъ я пришлю къ вамъ за конвертомъ!— проговорилъ еврей, любезно раскланиваясь.

— А ваши деньги?—спросилъ Сергѣй Андреевичъ, указывая на образцы.

— О, я оставлю вамъ ихъ изъ двѣнадцати тысячъ; къ тому же

Digitized by Google

тутъ всего какихъ нибудь двѣсти рублей—сущіе пустяки...

Онъ уѣхалъ.

Послѣ этой дружеской бесѣды Жигелевъ уже два дня какъ не показывался. Каково-же было удивленіе Сергѣя Андреевича, когда вечеромъ онъ, послѣ прогулки придя домой, узналъ, что Марья Ивановна скрылась, не забывъ взять съ собою свой гардеробъ и тѣ цѣнныя бездѣлушки, которыя онъ подарилъ ей, оставивъ ему записку слѣдующаго содержанія:

„Дорогой душка Сережа! Я сейчасъ узнала, что мужъ мой провѣдалъ о томъ, что я въ Екатеринославѣ. Я пользуюсь твоимъ отсутствіемъ, чтобы уѣхать—бѣжать, иначе ты сталъ бы меня удерживать, и тогда любовь взяла верхъ надъ благоразуміемъ, и я осталась бы у тебя, на бѣду и себѣ, и тебѣ. О, прости меня, мой милый, еслибъ ты зналъ, какъ я страдаю. Не ищи меня до тѣхъ поръ, пока не напишу тебѣ; я все-таки надѣюсь тебя скоро видѣть. Цѣлую тебя тысячу разъ, твоя навѣкъ Маня.“

Добровъ немного погоревалъ объ этой потерѣ, восхищенный легкой наживой цѣлыхъ девяти тысячъ. Да онъ уже и началъ было сознавать, что жизнь у него Марьи Ивановны была для него нѣсколько стѣснительна въ матеріальномъ отношеніи. Все, значитъ, было къ лучшему...

Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ условленнаго вечера; вотъ онъ наступилъ, однако, никто не явился. Слѣдующій день Добровъ такъ же провелъ въ ожиданіяхъ и опять таки напрасно; ему стало досадно, что эти девять тысячъ, на которыя онъ уже разсчитывалъ, которыя онъ считалъ уже своими и при помощи которыхъ надѣялся сдѣлаться чуть-ли ни милліонеромъ, ускользали у него изъ рукъ. На третій день Сергѣй Андреевичъ, чуть не плача отъ досады, пересталъ уже и надѣяться и рѣшился вскрыть запечатанный конвертъ: ему нужны были деньги, такъ какъ въ этотъ день предстояла какая-то уплата. Онъ досталъ конвертъ изъ ящика письменнаго стола и... отскочилъ въ ужасѣ, протирая глаза: въ конвертѣ, вмѣсто новенькихъ сторублевыхъ, лежала нарѣзанная газетная бумага!..

IV.

Въ укромномъ номеркѣ одной изъ Екатеринославскихъ гостиницъ, въ въ стѣнахъ которой уже не разъ совершались темныя дѣлишки, сидѣли уже знакомые намъ: Жигелевъ, Воеводинъ и прелестная Марья Ивановна — они, очевидно, кого-то ждали...

Раздались условленные удары въ дверь номерка.

— А, вотъ и онъ!— сказалъ Жигелевъ, подымаясь, чтобы отворить.

Въ номеръ вошелъ Саврасовъ, вынимая изъ бокового кармана конвертъ.

— Сейчасъ только взялъ отъ Хаима, и какъ онъ все ловко обдѣлалъ, мошенникъ! Прежде всего я, господа, беру себѣ тысячу рублей за расходы по дѣлу, а остальныя двѣ будемъ дѣлить.

— Какъ, за что тысячу? Развѣ вы потратили тысячу?—заговорили разомъ Марья Ивановна, Жигелевъ и Воеводинъ.

— А то какъ же: поѣздка Мани, ея жизнь въ гостиницѣ, въ Харьковѣ, здѣсь; тоже пришлось дать, въ видѣ фальшивыхъ, Доброву двѣсти рублей, да Хаиму триста за комисію; онъ еще обижается, что мало дали.

— Вы тогда тоже, когда доктора военнаго обыграли, взяли себѣ львиную долю,— возразила Марья Ивановна,—а между тѣмъ я больше всѣхъ выношу въ этихъ исторіяхъ...

— Ну, ты, Маня, не претендуй,— возразилъ Жигелевъ, — въ этомъ дѣлѣ бы и ничего давать не слѣдовало: вѣдь, обыграть его не удалось.

Digitized by Google

— Какъ же, не слѣдовало! А черезъ кого вы съ нимъ познакомились? Если-бъ не я, вы бы съ докторомъ ничего не сдѣлали. У этого дурака Доброва я жила, скучала три недѣли, корчила влюбленную, да слушала его глупости. Вы сами виноваты, что не могли завлечь его въ игру. Онъ, кажется, замѣтилъ, какъ Никита Галактіоновичъ передернулъ...

— Ну, ужъ извините, я не дуракъ какой-нибудь, не новичекъ: ужъ что я дѣлаю, такъ и не такая тетеря, какъ Добровъ, не замѣтитъ, у меня безъ гильотинъ, все чисто...

— Да, вы пожалуйста, не спорьте,—сказалъ Саврасовъ, который, какъ человѣкъ съ капитальцемъ, былъ главою этой ассоціаціи и снабжалъ ее средствами на разныя продѣлки,—а то я, право, откажусь отъ вашей компаніи.

Въ концѣ концовъ, всѣ согласились на предложенныя Саврасовымъ условія: каждый получилъ изъ двухъ оставшихся тысячъ по пятисотъ рублей.

— Право, изъ-за пятисотъ рублей не стоило возиться!—сказала Марья Ивановна, слегка надувши губки...

— Ну, Манечка, не сердись,—перебилъ ее Саврасовъ,—есть у меня въ виду дѣльце повыгоднѣе; завтра соберемся здѣсь вечеркомъ и обсудимъ; да ты, пожалуй, и жаловаться не должна: тебѣ Добровъ, кажется, подарилъ прехорошенькіе часики золотые съ цѣпочкой.. браслеты, кольца...

— Не хотите-ли, чтобы я ихъ съ вами подѣлила?

— Нѣтъ, я только говорю, что ты не въ убыткѣ.

И компанія золотоискателей разошлась въ разныя стороны, чтобы завтра снова сойтись и снова начать свои доблестные подвиги . . . . .

Евгеній Дорошенко.

Digitized by Google

Слезы.

Слезы всемiрныя, слезы ужасныя,
Чистыми струйками, бурной лавиною,
Льются безъ времени, льются напрасныя,
Падаютъ каплями въ землю родимую.

Въ хатѣ убогой, предъ дымной лучиною,
Льются за прялкой невѣстой обманутой...
Капаютъ слезы, гонимы кручиною,
Въ пышной гостинной, шелками затянутой.

Позднею ночью надъ мужней могилою
Съ воплемъ васъ льетъ молодая вдова.
Льетесь несчастной надъ жизнью постылою,
Пьяницей льетесь за чаркой вина.

Матерью льются надъ люлькой скрипучею,
Гдѣ разметалось больное дитя...
Льются и зимней порою трескучею,
Льются подъ зноемъ iюльскаго дня.

Слезы всемiрныя, слезы ужасныя,
Чистыми струйками, бурной лавиною,
Льются безъ времени, льются напрасныя,
Падая каплями въ землю родимую.

Мечтатель.

Digitized by Google

Старый Гейдельбергъ.

РОМАНЪ.

Рудольфа Штраца *).

1.

„И вообще...

Но зачѣмъ все это писать? Вѣдь это безполезно! Ты не понимаешь меня—такъ же, какъ и я тебя, какъ вообще современные мужчина и женщина не понимаютъ другъ друга! Далеко то золотое время, о которомъ сказано: „И мужчина и женщина смотрѣли въ глаза другъ другу и не боялись"! Любимъ мы другъ друга, ненавидимъ или относимся другъ къ другу равнодушно—мы боимся другъ друга—все равно, сознательно или безсознательно! Я же совершенно сознательно! У меня къ тебѣ, мой милый Джонъ Генри, совершенно опредѣленное чувство страха, хотя иногда ты кажешься мнѣ очень смѣшнымъ, какъ и всѣ вы тамъ, въ моемъ родномъ фабричномъ гнѣздѣ, въ которомъ я до сихъ поръ сидѣла и откуда сегодня, не простившись ни съ кѣмъ, уѣхала, чтобы поступить въ гейдельбергскій университетъ. Можетъ быть, я боюсь тебя только потому, что ты, во что бы то ни стало, хо-

---

*) Р. Штрацъ—одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ современныхъ писателей въ Германіи. Настоящій романъ его посвященъ вопросу о феминизмѣ, волнующему теперь не только западно-европейское, но и русское общество. Рѣшенія этого важнаго вопроса нашего времени, предлагаемыя авторомъ, настолько хорошо обоснованы, и такъ реально практиченъ рисуемый авторомъ типъ современной феминистки, что невольно задумаешься. Быть можетъ, это произведеніе Штраца поможетъ и у насъ, на родинѣ, къ наибольшей общественной выгодѣ рѣшить вопросъ о феминизмѣ.—*Ред.*

Digitized by Google

чешь жениться на мнѣ и преслѣдуешь эту цѣль съ свойственными тебѣ филистерскимъ хладнокровіемъ и упрямствомъ. Въ нихъ сила, о которой мы, легкомысленныя дѣти міра сего, имѣемъ только смутное представленіе и боимся ея; этой силѣ, казалось мнѣ прежде въ часы унынія, когда папа и ты нападали на меня соединенными силами, невозможно было сопротивляться. Ты видишь—я не вполнѣ безпристрастна! Ты въ тридцать пять лѣтъ, — важная особа въ странѣ филистеровъ; въ честь тебя дымятся заводскія трубы во всѣхъ нижнерейнскихъ провинціяхъ, телеграфъ разноситъ по всему свѣту твои приказанія наши фабриканты и заводчики съ серьезнымъ и дѣловымъ видомъ покачиваютъ головой и многозначительно приподнимаютъ брови, когда произносятъ твое имя, а акціонеры при твоемъ приближеніи начинаютъ весело позвякивать ножницами, отрѣзая купоны, однимъ словомъ, когда ты навѣки покинешь громадную биржу, какой тебѣ представляется весь земной шаръ, ты оставишь своимъ компаньонамъ имя Джона Генри ванъ-Леннепа, окруженное блескомъ, и громадные дивиденды.

Бѣда только въ томъ, что все это нисколько не импонируетъ мнѣ, выдержавшей экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, хотя я вполнѣ цѣню способность человѣка работать по восемнадцати часовъ въ сутки вмѣсто того, чтобы наслаждаться безмятежно существованіемъ.

Мы слишкомъ не похожи другъ на друга. Ты — олицетвореніе будничной жизни... Нѣтъ, прости, это не вѣрно—не будничной, а скорѣе трудовой, олицетвореніе порядка, труда и серьезности, однимъ словомъ, филистерства въ лучшемъ его значеніи, а я... я всѣмъ существомъ стремлюсь къ лучезарной жизни, голубому небу, всему прекрасному и возвышающемуся надъ повседневнымъ существованіемъ, и смѣюсь надъ твоимъ вѣчнымъ безпокойствомъ о томъ, что какой нибудь врагъ перекупитъ у тебя подъ носомъ тюкъ хлопка въ Новомъ-Орлеанѣ или бочку керосина въ Баку.

Жизнь, о которой я мечтаю, не праздность, а трудъ въ высшемъ смыслѣ; онъ — истинный смыслъ жизни, о которой я имѣю, можетъ быть, болѣе ясное и живое понятіе, хотя мнѣ всего двадцать два года, а ты въ свои тридцать пять лѣтъ совершилъ уже столько, что твоей работы хватило бы на нѣсколько человѣкъ до конца ихъ жизни.

Если бъ ты имѣлъ какое-нибудь представленіе объ эпохѣ возрожденія, я все это легко объяснила бы тебѣ. Но такъ какъ люди эпохи возрожденія ничего не знали ни о колебаніи цѣнъ на кофе, ни о плохихъ видахъ на свекловичный сахаръ, ни о керосиновомъ рынкѣ, вообще ни о чемъ, что тебя занимаетъ, то ты тоже ничего не хочешь знать о нихъ,—тебѣ извѣстны лишь нѣсколько ничего не говорящихъ именъ; еще меньше знаешь ты о женщинахъ того времени. А между тѣмъ это были женщины, которыя дѣйствительно „жили" въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, шли наряду съ мужчинами, пользовались равноправностью и были такими же „людьми", какъ и мужчины! Онѣ учились латинскому и греческому языкамъ, работали въ университетахъ, разсуждали съ философами о тайнахъ бытія, увѣнчивали лаврами поэтовъ — двигали исторію впередъ и изъ служанокъ и одалисокъ дѣлались товарищами мужчинъ. Онѣ стояли наравнѣ съ мужчиной и становились равными, а не подобными ему, какъ того требуютъ нынѣшніе синіе чулки, которые не понимаютъ, что подражаніе мужчинѣ—лишь новая форма подчиненія ему; нѣтъ, онѣ говорили себѣ: мы не лучше и не хуже, не умнѣе и не глупѣе мужчинъ; мы— совсѣмъ не то, что они, и дополняемъ ихъ, какъ они дополняютъ насъ.

Digitized by Google

Пожалуйста, сиди спокойно, милый Джонъ Генри! Я вижу твои нервныя, нетерпѣливыя движенія, вижу, какъ ты выскакиваешь и начинаешь бѣгать по комнатѣ. Пожалуйста читай дальше! Я такъ долго подавала тебѣ надежду сдѣлаться твоей женой, что теперь обязана принести тебѣ во всемъ полную исповѣдь. Сегодня, подъ шумъ и грохотъ вагоновъ, я обдумала все, и теперь пишу это тебѣ въ моей студенческой комнаткѣ, которую я только что наняла въ Гейдельбергѣ—изъ оконъ ея я вижу молодую зелень деревьевъ, англичанъ, которые расхаживаютъ съ Бедекеромъ въ рукахъ, студентовъ въ пестрыхъ шапочкахъ, которые торопятся на товарищескую пирушку...

Пожалуйста, не истолкуй неправильно того, что я тебѣ пишу: это разумное разсужденіе мужчины и женщины о томъ, почему имъ не слѣдуетъ жениться...

Я не хочу этимъ сказать, что никогда не выйду замужъ. Я была бы рада, еслибъ встрѣтила въ жизни человѣка, о которомъ могла бы сказать: „Вотъ мой герой! Вотъ человѣкъ, который мнѣ нравится! Онъ достоинъ меня; онъ таковъ, какимъ я себѣ представляю мужчину— мой повелитель и товарищъ! Повелитель, которому я повинуюсь *добровольно*! Есть даже поговорка: Умной женщиной легко управлять!

Видишь, я совсѣмъ не стремлюсь походить на мужчину! Я хочу оставаться женщиной, если судьба опредѣлила мнѣ быть ею.

Какъ мужчины чувствуютъ глубокое инстинктивное отвращеніе къ женоподобному мужчинѣ, обыкновенно человѣку боязливому, жеманному, тщеславному, такъ и я терпѣть не могу неженственныхъ женщинъ, которыя представляются мнѣ каррикатурами моего лучшаго „я“.

Какъ у васъ, такъ и у насъ есть особыя, только нашей природѣ присущія достоинства и недостатки. Адамъ и Ева навсегда останутся Адамомъ и Евой. Кромѣ того, „эмансипированныя“ женщины, какими ихъ представляетъ себѣ толпа, эти истерическія, безполыя существа, съ папироской въ зубахъ, въ велосипедныхъ костюмахъ, слава Богу, не больше, какъ созданія нашихъ заплѣсневѣлыхъ юмористическихъ журналовъ и театральныхъ подмостковъ.

Но именно это безвкусное измышленіе доставляетъ удовольствіе филистерамъ. Только не тебѣ! Ты не таковъ! Ты, если можно такъ сказать, самый благородный филистеръ. Самый лучшій, утонченный, но все-таки филистеръ и принадлежишь къ этому почтенному цеху, къ тѣмъ, кто требуетъ, чтобы женщина жила подъ вѣчнымъ надзоромъ и опекой мужчины. „Женщина—глина; мужчина скульпторъ“. Да, это было бы хорошо, еслибъ только вы были настоящими скульпторами!

Но вы въ настоящее время не можете создать ни одного художественнаго произведенія; въ лучшемъ случаѣ изъ вашихъ рукъ выходитъ нѣчто посредственное, незаконченное, неуклюжее, неудавшееся и искалѣченное — благодаря странному явленію, которое называется женскимъ воспитаніемъ и которое главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что все важное и серьезное отдаляется отъ насъ очень старательно, а все ненужное и мелочное развивается съ величайшей старательностью. И это естественно, потому что, по вашему мнѣнію, высшее образованіе дѣлаетъ насъ неженственными, а отсюда логически слѣдуетъ, что невѣжество— признакъ женственности, и что нашимъ идеаломъ должна быть готтентотка. Въ дѣйствительности же оказывается, что оба представленія ложны. Есть глупыя женщины—ихъ можете оставить такими, какія онѣ есть, но есть женщины умныя, даже очень умныя, напримѣръ—я, будущая stud. phil. Эрна Бауернфейндъ—имъ вы должны дать возможность узнать собст-

Digitized by Google

веннымъ опытомъ, дѣйствительно ли въ умственномъ отношеніи женщина стоитъ гораздо ниже мужчины. Впрочемъ, у меня уже заранѣе является глубокое недовѣріе къ этой теоріи, когда я вижу большую часть мужчинъ за кружкой пива, съ сигарой и газетой въ рукѣ...

Въ моемъ введеніи я изложила свою теорію. Теперь перейдемъ къ практикѣ, именно: разсмотримъ случай, касающійся тебя и меня. Почему я пріѣхала именно въ Гейдельбергъ—сейчасъ раскажу тебѣ. Особа, изъ-за которой я это сдѣлала, пришла только что въ мою комнату, теперь же сидитъ на диванѣ и зѣваетъ, потому что устала отъ стенографированья. Вотъ она уже начинаетъ засыпать и съ закрытыми вѣками кажется еще холоднѣе и блѣднѣе, чѣмъ обыкновенно. Я и зову ее „холодная блондинка". Она внушаетъ мнѣ безграничное уваженіе—больше, чѣмъ всѣ мужчины, взятые вмѣстѣ. Она сама точно мужчина въ женской оболочкѣ. На мужчинъ она не обращаетъ ровно никакого вниманія. Она не чувствуетъ къ нимъ ни ненависти, ни страха, ни презрѣнія,—нѣтъ, мужчины для нея пустое мѣсто или не особенно пріятное явленіе, которое неизбѣжно и которое лучше не замѣчать. Самое большее—если она загадочно и сострадательно улыбается, когда видитъ на улицѣ молодыхъ студентовъ въ пестрыхъ шапочкахъ, съ свѣжими багровыми рубцами на дѣтскихъ лицахъ.

Такова „холодная блондинка", иначе cand. phil. Мета Виггерсъ, которая между тѣмъ крѣпко заснула и, судя по серьезному выраженію лица, держитъ во снѣ государствен-экзаменъ.

Тебѣ она не понравилась бы. Ты нашелъ бы ее слишкомъ блѣдной и худой, слишкомъ рѣзкой и безстрастной. Правда, у нея рыбья кровь, хотя иногда она бываетъ очень мила, несмотря на ужасное пенсне, безъ котораго она по своей близорукости не можетъ обойтись. Средствъ у нея—никакихъ. Все, что ей нужно, она зарабатываетъ сама. Возратившись измученная изъ университета, она каждый день даетъ два-три урока языковъ, а потомъ опять садится за книги. Вотъ какова ея жизнь. Но она всегда спокойна и довольна, и мнѣ стыдно передъ ней, что у меня такъ много-много денегъ!

Благодаря ей я въ Гейдельбергѣ. Она единственная учащаяся женщина, которую я знаю и у которой я могу найти помощь и совѣты, необходимые въ первое время моего пребыванія въ невѣдомомъ мнѣ царствѣ мужчинъ. Она наняла мнѣ меблированную комнату рядомъ съ своею, уютную, настоящую студенческую комнатку. Въ этомъ же этажѣ живетъ молодая женщина — зубной врачъ; и вотъ всѣ трое мы будемъ жить въ мирѣ и согласіи, вмѣстѣ обѣдать и вести дружбу.

Весь ненужный хламъ, какъ бальныя платья, горничныя и прочее, я оставила дома. Здѣсь все это только служило бы помѣхой. Здѣсь я хочу быть свободной и доказать вамъ, что благоразумный человѣкъ все равно, мужчина или женщина хотя бы въ виду собственныхъ интересовъ, никогда не станетъ злоупотреблять свободой. Ты, конечно, находишь все это „въ высшей степени неприличнымъ". Такъ какъ ты, какъ большинство мужчинъ, никогда серьезно не задумывался надъ женскимъ вопросомъ, то тебѣ и въ голову не придетъ, что гораздо нравственнѣе и разумнѣе— провести вечеръ за книгой, чѣмъ, задыхаясь въ жаркой бальной залѣ, въ низко-вырѣзанномъ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ, переходить изъ рукъ одного посторонняго мужчины къ другому; какъ прошлой зимой продѣлывала я, прославляемая всѣми царица баловъ...

Сейчасъ я должна была встать и пробудить Мету отъ ея чудныхъ сновъ объ экзаменѣ. Какой-то гос-

Digitized by Google

подинъ, съ видомъ бандита изъ Абруццкихъ горъ, съ большими черными глазами и изсиня-черными усами, постучался къ ней въ дверь, повидимому, имѣя желаніе усовершенствоваться въ нѣмецкомъ языкѣ, и она поспѣшила къ нему, еще не совсѣмъ очнувшись отъ сна. Впрочемъ... Она занимается сразу съ нѣсколькими господами; кромѣ того, такъ какъ мы живемъ въ нижнемъ этажѣ, каждый, проходящій мимо, можетъ заглянуть въ комнату, да еще все время за урокомъ сидитъ въ уголкѣ, съ чулкомъ въ рукѣ наша хозяйка, вдовствующая госпожа Швеммельманъ, какъ вѣрный стражъ нравственности.

Но къ дѣлу! Представь себѣ, милый Джонъ Генри, что ты молодая дѣвушка! Потрудись вообразить себѣ это, насколько возможно это для такого сильнаго и самодѣятельнаго человѣка, какъ ты. Конечно, тебѣ будетъ трудно—въ дурномъ и въ хорошемъ ты настоящій мужчина,—поэтому то ты и понравился мнѣ—немножко грубоватъ, вѣчно съ насмѣшливой улыбкой на губахъ, лихорадочно дѣятельный, но лѣниво, съ добродушнымъ видомъ, позѣвывающій, лишь только рѣчь зайдетъ объ искусствѣ, литературѣ и тому подобныхъ вещахъ, на которыя нѣтъ спроса на биржѣ, въ короткихъ отношеніяхъ съ мужчинами, свысока смотрящій на женщинъ; если же онѣ имѣютъ счастье понравиться тебѣ, ты смотришь на нихъ снисходительнымъ и сострадательнымъ любопытствомъ, какъ на дѣтей, играющихъ у твоихъ ногъ, при этомъ все твое существо проникнуто несокрушимой энергіей, какъ паровая машина, которая постоянно гудитъ: денегъ, денегъ, больше денегъ! О, я тебя знаю, милый другъ, но ты меня—нѣтъ, и это письмо должно выяснить тебѣ, что я такое. Я обязана сдѣлать это. Итакъ, вооружись терпѣніемъ и вообрази, что ты молодая дѣвушка по имени Эрна Бауернфейндъ, хорошенькая, богатая, изъ хорошей семьи, которая вчера очень поздно возратилась домой послѣ бала и теперь, усталая и позѣвывающая, съ страннымъ чувствомъ пустоты въ голосѣ и въ сердцѣ, облокотившись на окно, смотритъ на сѣрый зимній пейзажъ. Многія изъ оконъ моего родительскаго дома, на задней сторонѣ, выходятъ во дворъ нашей фабрики.

Папа никогда не рѣшался жить, какъ это дѣлаютъ другіе, вдали отъ своей милой фабрики. На этой фабрикѣ я видѣла длинные ряды лицъ, склонившихся надъ чѣмъ-то и руки, занятыя работой. Все было тихо. Только слабо визжали колеса машинъ.

Тутъ были большею частью женщины и дѣвушки, почти всѣ съ блѣдными и тупыми лицами; многія изъ нихъ увяли преждевременно, другія смотрѣли совсѣмъ больными.

И послѣ каждаго бала видѣла я эти неподвижные ряды труженницъ, которыя не могли поднять головы отъ работы, пока не прозвонитъ фабричный колоколъ. Видъ ихъ мучилъ меня, сама не знаю почему, и однажды я невольно задала себѣ вопросъ:

„Для кого собственно работаютъ эти женщины и дѣвушки"? И съ ужасомъ я отвѣтила самой себѣ: „для кого же другого, какъ не для тебя? Онѣ работаютъ, чтобы ты могла имѣть бальныя платья, приданое, могла бы совершать путешествія на курорты"...

Съ той минуты я начала размышлять, хотя это не подходящее занядля молодой дѣвицы. Прежде всего я стала раздумывать объ участи бѣдныхъ женщинъ, работающихъ на фабрикѣ. Несомнѣнно, онѣ работаютъ слишкомъ много!

Потомъ меня начала занимать судьба богатыхъ дѣвушекъ, подобныхъ мнѣ. И опять оказалось несомнѣннымъ, что онѣ работаютъ слишкомъ мало! Тѣхъ угнетаетъ нужда, насъ—скука! Вотъ два по-

Digitized by Google

люса женскаго вопроса, подъ которымъ ты, какъ большинство мужчинъ, подразумѣваешь собраніе синихъ чулковъ въ мужскихъ костюмахъ и пестрыхъ студенческихъ шапочкахъ и не знаю что еще. Съ этого времени мысль о фабрикѣ не давала мнѣ покоя. Фабрика и я принадлежали другъ другу. Съ одной стороны фабрика, съ другой—я! За нами имѣлъ надзоръ папà, а послѣ него этотъ надзоръ долженъ былъ перейти къ другому мужчинѣ— моему мужу! Человѣку, который взялъ бы меня съ фабрикой! Папа каждый день твердилъ мнѣ, что должна выйти замужъ, и я понимала это. Всѣ выходятъ замужъ, но не всѣ могутъ дѣлать это по своему выбору, какъ я: я вѣдь представляла очень хорошую партію.

И явились великолѣпные женихи! О, этотъ рынокъ невѣстъ, на который насъ выводятъ! Я еще теперь сержусь, когда подумаю объ немъ! Какое благородное соревнованіе въ погонѣ за золотой рыбкой! Какъ живо всѣ интересуются тѣмъ, кому посчастливится овладѣть невѣстой, или, лучше сказать, фабрикой! Чтобы отомстить за себя, я начала отказывать всѣмъ направо и налѣво! Безъ разбора! Случаевъ представлялось не мало! Жертвы моего мщенія толпились вокругъ меня! Я живо представляю себѣ цѣлый рядъ потерпѣвшихъ пораженіе—все это былъ цвѣтъ нашего общества— молодые люди въ элегантныхъ сюртукахъ и цилиндрахъ, имѣвшіе послѣ отказа нѣсколько обезкураженный, разочарованный и удивленный видъ, который однако и въ тоже время, казалось, говорилъ: „Ну чтожъ, не эта, такъ другая!“ Были и такіе, къ которымъ я относилась серьезно, какъ и они ко мнѣ, и съ которыми я разсталась, дружески пожавъ имъ руку, но большинство... О, Боже мой! Объ лейтенантахъ и ассесорахъ я уже не говорю, но разочаровались мы—фабрика и я— въ стальной нижне-рейнской промышленности, въ цвѣтущемъ южно- и западно-германскомъ химическомъ производствѣ, да въ извѣстнѣйшихъ гамбургскихъ экспортныхъ фирмахъ и солидныхъ берлинскихъ банковыхъ учрежденіяхъ!

Наконецъ, явился ты!... Какъ только я увидѣла тебя, тотчасъ же охватило меня необычайное, неопредѣленное чувство, почти страхъ: „Это онъ!“ подумала я. Папа поддерживалъ это чувство. Онъ расхваливалъ тебя съ жаромъ и серьезностью знатока. И всякій, кто говорилъ о тебѣ, повторялъ одно и тоже: выдающаяся новая сила—молодой человѣкъ, самостоятельно пробившій себѣ дорогу, съ желѣзной волей и настойчивостью, который умѣетъ расчищать себѣ дорогу.

Собственно, всѣ немножко боялись тебя! Это мнѣ понравилось, но я тоже почувствовала къ тебѣ страхъ.

Сначала меня это забавляло и мнѣ было пріятно, что наконецъ нашелся человѣкъ, могущій импонировать мнѣ. Такъ все и началось. Ты началъ вдругъ ухаживать за мною. Собственно, это не было ухаживанье, а скорѣе атака, произведенная съ необыкновенной стремительностью, упорствомъ и бѣшеной энергіей; я была испугана и обрадована. Въ первый разъ мнѣ польстило то, что я произвела на мужчину такое впечатлѣніе. Скоро я стала бояться самой себя. Я поймала себя на странномъ, неиспытанномъ прежде чувствѣ радости при мысли о подчиненіи и покорности тебѣ. Разумѣется, я не только не обнаружила передъ тобою своихъ чувствъ, но изъ упрямства обращалась съ тобой хуже, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было; однако, это не произвело на тебя никакого впечатлѣнія, а я подумала: если это не любовь, то чувство очень на нее похожее! Можетъ быть, та особенная любовь, которую внушаетъ человѣкъ, подобный тебѣ.

Папа, конечно, сочувствовалъ мнѣ.

Digitized by Google

У васъ съ нимъ были какія-то серьезныя дѣла. Вы спорили, высчитывали что-то, и я помню, что въ первый разъ поспорила съ тобой, когда я начала восхвалять промышленный геній папы и его обширные планы, а ты съ странной, натянутой, но мимолетной улыбкой отвѣтилъ мнѣ: „Да, онъ поэтъ между купцами!“ Какъ будто это было что-то унизительное!

Послѣ этого спора мы, еще разгоряченные имъ, обручились, Я должна сказать тебѣ, мысль, что тебѣ нужно мое приданое, никогда не приходила мнѣ въ голову, не знаю сама—почему. Въ тебѣ слишкомъ много силы и мощи для такихъ мелочныхъ стремленій. Твои мысли летѣли дальше! Скорѣе ты ограбилъ бы цѣлый міръ, чѣмъ свою жену.

Это было годъ тому назадъ. Скоро папа умеръ. Ты въ это время совершалъ свою послѣднюю поѣздку въ Китай, и я была совершенно одна въ большомъ пустомъ домѣ, предаваясь своему горю; никого около меня не было. Все было тихо. Лишь издали доносился слабый гулъ фабрики, которая неустанно работала на свою новую хозяйку, какъ работала на моихъ родителей и предковъ. Въ это время я умственно созрѣла. Въ первый разъ я испытывала въ жизни горе. Вся моя надежда была на тебя, всѣ мысли и тоска—о тебѣ. Я думала, вѣдь, что ты понимаешь меня!

Ты зналъ, что я такое, или, лучше сказать, чѣмъ должна была сдѣлаться, когда, освободившись отъ унизительнаго ожиданія хорошей партіи, получила бы право быть свободнымъ и самобытнымъ человѣкомъ, развиться въ существо мыслящее и сдѣлаться, въ качествѣ твоей жены, твоимъ товарищемъ. Такъ представляла я себѣ бракъ между такими людьми, какъ мы съ тобой. Наша свадьба была отложена благодаря смерти папы и твоему путешествію. Послѣ твоего возвращенія у насъ оказалось достаточно времени, чтобы узнать другъ друга. И съ каждымъ днемъ съ горечью и болью въ сердцѣ я замѣчала, что ты видишь во мнѣ тоже, что и другіе мужчины, сватавшіеся за меня. Тебѣ нравилась моя внѣшность—красивой, элегантной, представительной дамы, съ которой пріятно провести время послѣ дѣловыхъ хлопотъ, которую хорошо имѣть въ домѣ, какъ хозяйку и компаніонку. Повѣрь мнѣ: я—нѣчто большее!

Во мнѣ еще спитъ много мыслей и чувствъ, но они уже пробуждаются и стремятся на свѣтъ Божій, хотя я еще не знаю самое себя, не знаю хорошо свои желанія и цѣли. Ты, съ своимъ умомъ, знаніемъ свѣта и силной волей, долженъ былъ бы воспитать меня и сдѣлать изъ меня подругу жизни. Ты этого не захотѣлъ сдѣлать. Ты отнесся ко мнѣ не серьезно. Ты добродушно посмѣивался надо мною, какъ надъ лепечущимъ ребенкомъ, когда я старалась сблизиться съ тобою, какъ съ другомъ; какъ всякій влюбленный, ты былъ ко мнѣ достаточно снисходителенъ, шутливъ и баловалъ меня. Но ты не захотѣлъ уничтожить преграду, чтобы найти мое внутреннее „я“. Ты не нашелъ меня достойной такого усилія. Я и такъ была достаточно хороша для тебя, чтобы со мной можно было поболтать и позабавиться въ часы досуга!

Ты любишь во мнѣ женщину; какъ человѣкъ, я тебѣ безразлична. Это-то и раздѣляетъ насъ. И какъ женщинѣ, ты мнѣ понравился, а какъ человѣкъ — я говорила себѣ, что нашъ бракъ будетъ большимъ недоразумѣніемъ. Ты никогда не понялъ бы меня.

До сихъ поръ я писала тебѣ, какъ дѣвушка—о женихахъ, приданомъ, нашей помолвкѣ.

Теперь позволь мнѣ, какъ человѣку, поговорить съ тобой и разсказать тебѣ о моемъ духовномъ развитіи до полученія аттестата зрѣлости и поступленія въ универси-

Digitized by Google

тетъ, на которое ты никогда не обращалъ вниманія, отдѣлываясь отъ подобныхъ темъ легкой улыбкой; этимъ ты меня всегда очень огорчалъ и оскорблялъ.

Когда я кончила школу, папа съ недоумѣніемъ спросилъ меня: „Эрна, ну, что же мы съ тобой будемъ дѣлать? Еслибъ была жива твоя мать, она знала бы, какъ тутъ поступить, а я не знаю! Выѣзжать и танцовать тебѣ еще рано. Самое лучшее будетъ помѣстить тебя еще года на два въ какой нибудь пансіонъ въ французской Швейцаріи?.“

Но я сказала: „Благодаря моимъ боннамъ я съ дѣтства болтаю по французски и по англійски, какъ на родномъ языкѣ. Порядочно говорю по итальянски съ тѣхъ поръ, какъ мы провели одну весну въ Римѣ. Что же мнѣ еще дѣлать въ Швейцаріи? Лучше оставь меня съ собою“. Это было и папино тайное желаніе. Но что же мнѣ было дѣлать дома? Я была одна; у меня не было ни матери, ни сестеръ, папа цѣлые дни былъ занятъ дѣлами. Это безпокоило его и онъ сказалъ: „Эрна, отъ природы ты жизнерадостна и весела, какъ бабочка, но здѣсь, въ одиночествѣ, тебя могутъ осаждать мрачныя мысли. Я мало могу помочь тебѣ. Посторонніе люди тоже. Ты будешь здѣсь смертельно скучать. Противъ скуки только, одно средство—работа. Но какъ найти для тебя подходящее занятіе?

Тогда я вспомнила о моей школьной подругѣ, Метѣ Виггерсъ, которая была на четыре года старше меня и тогда только что сдала при гимназіи въ Карлсруэ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, и я сказала себѣ: „Я такъ же способна, какъ и Мета“. Въ школѣ меня считали чудомъ премудрости. И я сказала папѣ!.. „Знаешь ли, папа, я буду брать у учителей гимназіи уроки латинскаго и греческаго языковъ и всего, что нужно для полученія аттестата зрѣлости!“

Начало было неудачно! Папа пришелъ въ величайшее волненіе! Онъ хотѣлъ знать, кто мнѣ вбилъ эту мысль въ голову, но я повторяла лишь: „Я придумала это сама! Совершенно самостоятельно. Я чувствую къ этому влеченіе!“ —Помирились на компромисѣ. Я начала брать уроки, но съ другой стороны, папа торжественно и твердо заявилъ мнѣ, что онъ никогда не позволитъ мнѣ держать экзаменъ, чтобы horribile dictu!—поступить въ университетъ.

Я могла только для собственнаго удовольствія склонять— „mensa“ — столъ и спрягать „amo“ — люблю; при помощи учителей я подвигалась однако все впередъ и впередъ, изучая все методически и основательно по программѣ гимназій. Такимъ образомъ, я съ каждымъ годомъ становилась ближе къ цѣли. Помѣхъ къ достиженію ея я встрѣчала не мало! Прежде всего—въ свѣтской жизни. Папа *долженъ* былъ жить открыто; что касается меня, то я солгала бы, еслибъ стала утверждать, что люблю одиночество и что у меня меланхолическій характеръ. О, нѣтъ! Мнѣ весело быть среди веселыхъ людей—ты знаешь это! Не даромъ я родилась на берегахъ Рейна и весела отъ природы.— Но на слѣдующее утро послѣ какого-нибудь бала я опять сидѣла за книгами! Въ этомъ отношеніи я была неумолима къ себѣ! Не дѣлала себѣ никакихъ послабленій!

Такъ проявлялись двѣ стороны моей натуры, которыя почти противоположны одна другой. Вечеромъ, въ обществѣ, я была элегантной молодой дѣвицей, богатой наслѣдницей, золотой рыбкой, царицей бала, такъ смотрѣлъ на меня свѣтъ, такой ты узналъ меня; утромъ я превращалась въ прилежнаго молодого гимназиста, который, подперевъ голову обѣими руками, мучится надъ цицероновскими періодами и коническими сѣченіями. Тутъ я была въ своемъ настоящемъ видѣ! Такой я рѣдко кому показывалась!

Въ обществѣ же—никогда! Какъ

Digitized by Google

испуганно посмотрѣли бы на меня тогда мои кавалеры! Что касается близкихъ мнѣ людей, то у меня всегда было очень печальное чувство: „Ахъ, они не понимаютъ меня!" Единственные близкіе люди были у меня—папа и ты! Папа смотрѣлъ на мои усердныя занятія съ недовольствомъ, котораго я и теперь не понимаю, и старался выдать меня замужъ. Ты послѣ нашей счастливой помолвки отнесся къ нимъ равнодушно, какъ къ такому дѣлу, которое должно само собою прекратиться.

Въ началѣ моего знакомства съ тобою твое равнодушіе къ латыни и греческому языку заразило и меня—я вѣдь тоже человѣкъ!—и цѣлыми недѣлями пыль толстымъ слоемъ покрывала моего Цицерона и грамматики.

Потомъ ты уѣхалъ въ Китай, чтобы покончить тамъ свои дѣла, и въ это время умеръ папа. Я сразу осталась одна и, чтобы заглушить свое горе, въ безотрадномъ уединеніи большого, пустого, тихаго дома съ удвоенной энергіей принялась за ученье, быстро наверстала пропущенное и въ одинъ годъ выучила все, что еще оставалось мнѣ, хотя и прежде была почти готова къ экзамену. Теперь никто уже не могъ помѣшать мнѣ сдать его! Я подала прошеніе, мнѣ указали, при какой гимназіи я должна была подвергнуться испытанію, и прошлой осенью, за нѣсколько недѣль до твоего пріѣзда, я сдала экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, сдѣлавшись съ тѣхъ поръ предметомъ почтительнаго удивленія и ужаса въ нашемъ городишкѣ. Объ университетѣ я уже не думала. Я хотѣла быть твоей женой! Я говорила себѣ: „Все, что онъ изъ меня сдѣлаетъ, будетъ хорошо! Пусть онъ воспитаетъ меня"!

Но ты ничего не захотѣлъ сдѣлать изъ меня. Я была для тебя хороша и не вполнѣ развившимся человѣкомъ! Такою я и должна была оставаться. Ты былъ доволенъ, не хотѣлъ и не видѣлъ во мнѣ большаго.

Прошлая зима была тяжелымъ испытаніемъ для меня! Тяжелыя сомнѣнія, попытки добиться твоего пониманія и, наконецъ, полная безнадежность и утомленіе. Наконецъ, я пришла къ рѣшенію, что надо выбирать между бракомъ и университетомъ, доступъ въ который теперь былъ свободенъ для меня.

Такъ какъ я ясно поняла, что бракъ съ тобою, какимъ ты его себѣ представляешь, совершенно уничтожитъ мою личность, которая еще вся въ будущемъ, то мнѣ остается только одно прибѣжище—университетъ. Сегодня я бѣжала сюда.Все кончено. Остается только сказать тебѣ, для твоего успокоенія, о моихъ планахъ, чтобы ты не думалъ, будто я хочу учиться, не имѣя никакой опредѣленной цѣли.

Передо мной лежитъ запечатанный конвертъ съ надписью: Господину профессору, барону Арросъ фон-Турантъ, Dr. med., Dr. philos, Dr. scient" находящемуся въ настоящее время въ Гейдельбергѣ. Морозъ у меня пробѣгаетъ по кожѣ, когда я подумаю, что сегодня я, жалкая будущая студентка, предстану передъ лицомъ этого всемірно-извѣстнаго ученаго. Онъ не принадлежитъ къ Гейдельбергскому университету, но такъ какъ былъ тяжело боленъ—кажется, воспаленіемъ легкихъ—то нанялъ виллу въ долинѣ Неккара, провести зиму въ Египтѣ. Потому-то у него и найдется время выслушать меня, тѣмъ болѣе, что я привезла рекомендательное письмо отъ его бывшаго товарища по ученью. Съ этимъ-то письмомъ я пойду къ профессору. Я сдѣлаю это съ спокойнымъ сердцемъ.

Во-первыхъ, по годамъ профессоръ могъ бы быть мнѣ и отцомъ, а во-вторыхъ онъ женатъ—его жена и дѣти живутъ съ нимъ здѣсь. Жена его—сама докторъ философіи!

Digitized by Google

Кромѣ того я возлагаю надежду на частную химическую лабораторію Галлюса. Имя Галлюса извѣстно даже тебѣ! Вы, фабриканты, существуете отчасти благодря его изслѣдованіямъ и открытіямъ. Онъ очень странный, озлобленный человѣкъ и, какъ ученый, въ страшной враждѣ съ университетомъ, принадлежать къ которому онъ не можетъ, благодаря своему невозможному образу жизни, сварливости, желчному и ядовитому характеру. Но я ужъ съ нимъ полажу, и это ближайшая цѣль моего пребыванія здѣсь: буду посѣщать въ качествѣ ученицы его лабораторію, чтобы понять, что собственно происходитъ на фабрикѣ, которая мнѣ принадлежитъ, но объ таинственномъ устройствѣ которой я знаю столько же, сколько о томъ, что происходитъ на лунѣ. Не странно ли, что ты, принявъ завѣдыванье фабрикой послѣ смерти папы, не хочешь дать мнѣ ни малѣйшаго понятія о состояніи моихъ финансовъ, а откладываешь все до свадьбы, утѣшая меня, какъ нетерпѣливое дитя?!

Теперь я хочу проникнуть въ тайны моего владѣнія, хочу познакомиться съ прикладной химіей, стать на свои ноги и, если не самостоятельно управлять фабрикой, то, по крайней мѣрѣ, понимать, что дѣлаетъ директоръ и управляющіе.

Тогда я буду независима отъ васъ, мужчинъ. Тогда я буду царить въ своемъ маленькомъ государствѣ, управлять имъ по собственному разумѣнію и подъ своей отвѣтственностью, вмѣсто того, чтобы привлекать жениховъ, гоняющихся за приданымъ.

Итакъ, милый Джонъ Генри, я высказалась! Больше я ничего не могу сдѣлать. Оставайся по прежнему сильнымъ и добрымъ, и, мысленно давъ мнѣ руку, скажи: „Прощай!“ Мы всетаки останемся друзьями, потому что я искренно люблю тебя и буду любить. Что меня безпокоитъ, такъ это то, что ты, получивъ это письмо и узнавши, гдѣ я, пріѣдешь за мной въ Гейдельбергъ. Но если даже такъ, то, пожалуйста, не надо сценъ!

Никакихъ такъ называемыхъ „объясненій“.

Я знаю тебя давно; меня же ты поймешь, прочитавъ это письмо. Остается только поговорить о моей раковинѣ—я подразумѣваю свою фабрику—къ которой я приросла, какъ улитка и съ которой, на радость ли, на горе ли, неразрывно связана.

Прощай! Я начала свое письмо весело, въ бодромъ студенческомъ настроеніи, которое охватило меня нѣсколько часовъ тому назадъ при въѣздѣ въ Гейдельбергъ. Теперь оно заканчивается серьезно, какъ и слѣдуетъ, когда люди разстаются. Прощай, Джонъ Генри! Ты пойдешь въ жизни своей дорогой, а я своей, хотя моя лежитъ еще въ предразсвѣтномъ туманѣ и я не знаю, что принесетъ мнѣ день, радость или горе. Я готова встрѣтить горе мужественно—его не можетъ избѣгнуть ни одинъ человѣкъ, хотя я не могу представить себѣ, что есть на свѣтѣ горе; теперь ясный день, голубое небо, деревья зеленѣютъ и благоухаютъ передъ моимъ окномъ—можно вообразить себя въ Италіи; высоко надъ городомъ возвышаются горы и темнѣютъ лѣса, окружающіе городъ музъ.

Склоны горъ бѣлѣютъ, какъ отъ только что выпавшаго снѣга, подернутаго розоватой дымкой, отъ цвѣтущихъ миндальныхъ, вишневыхъ и персиковыхъ деревьевъ, расположенныхъ среди виноградниковъ. Это настоящій „подвѣнечный нарядъ“, какъ говорится въ пѣснѣ Шеффеля. На всемъ здѣсь лежитъ какой-то особый отпечатокъ—повсюду яркія весеннія краски, а между тѣмъ отъ всего вѣетъ грустью,—но не въ обычномъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ, — чувствуешь только, что все на землѣ имѣетъ конецъ, что вся красота— преходя-

Digitized by Google

ща, что ничто не вѣчно—въ томъ числѣ и мы съ тобой, милый Джонъ Генри. Все пройдетъ—и огорченія, которыя мы причиняемъ другъ другу.

Знаешь ли, что меня такъ печально настроило? Изъ моего окна я вижу на горѣ что то невѣроятно колоссальное, огромныя башни, дворцы и покрытыя плющомъ стѣны въ молодой нѣжной зелени, яркія кирпичныя массы, которыя кажутся еще ярче подъ лучами весенняго солнца. Такъ стоитъ Гейдельбергскій замокъ въ своемъ живописномъ запустѣніи и напоминаетъ печальную истину, что все на землѣ имѣетъ свой конецъ. И все-таки мнѣ весело, и я наслаждаюсь жизнью, потому что небо ясно, я молода и здорова и стала гейдельбергской студенткой. Я посылаю это письмо заказнымъ, чтобы оно вѣрнѣе дошло до тебя. Сохрани его. Когда лѣтъ черезъ десять, ты найдешь его въ ящикѣ письменнаго стола, ты улыбнешься и вечеромъ, за чаемъ, прочитаешь его вслухъ женѣ. Она, вѣроятно, тоже улыбнется, посмотритъ на тебя, вы пожмете другъ другъ руки и порадуетесь, что все такъ вышло. Прощай!

Эрна".

II.

Эрна пережила тоскливую минуту, когда почтовый чиновникъ взялъ у нея письмо и написалъ на роспискѣ адресъ „Джона Генри ванъ Леннепа". Она почувствовала легкую дрожь при мысли, что наступилъ поворотный пунктъ въ ея жизни, и невольно еще разъ повернула свою хорошенькую головку къ Рейнской долинѣ, гдѣ была покинутая ею родина. Вдругъ она стала задумчива. Она стала высчитывать, когда можетъ пріѣхать Джонъ Генри. Что онъ пріѣдетъ, для нея было несомнѣнно. Не такой человѣкъ онъ былъ, чтобы безъ борьбы потерять свою невѣсту.

Получивъ письмо, онъ тотчасъ же сядетъ на поѣздъ. Это будетъ завтра утромъ. Послѣзавтра онъ можетъ быть здѣсь. Все-таки остается еще полтора дня! Это было пріятно Эрнѣ. Она могла въ этотъ промежутокъ времени закалить свои силы, чтобы встрѣтить его вполнѣ спокойно; теперь же — она не скрывала этого отъ себя—ея сердце все время усиленно билось, когда она думала о Джонѣ Генри и его пріѣздѣ.

Но безрасуднѣе всего было то, что она втайнѣ радовалась этому пріѣзду, радовалась такъ, что сердце замирало...

Полная сомнѣній и противорѣчій, Эрна вышла на улицу къ поджидавшей ее Метѣ Виггерсъ, которая проводила ее до почты, такъ какъ нуждалась въ отдыхѣ послѣ занятій.

— Теперь ты возвращаешься опять на урокъ къ своимъ иностранцамъ, Мета?

— Да, въ свой звѣринецъ!—отвѣчала та.—Я представляюсь себѣ среди всѣхъ этихъ экзотическихъ существъ укротительницей звѣрей. А ты идешь гулять?

— О нѣтъ! Я не такъ легкомысленна! Теперь время дѣйствовать!"—Эрна вынула изъ кармана письмо и задумчиво покачивала его на рукѣ.

— Сейчасъ я сдѣлаю первый шагъ въ моей новой жизни и передамъ это рекомендательное письмо профессору Аррасу!

-- Ты думаешь, онъ можетъ помочь тебѣ?—спросила скептически Мета.

— Его жена—сама докторъ философіи! Значитъ, въ женскомъ вопросѣ онъ долженъ быть на нашей сторонѣ! Я сдѣлаю все возможное, чтобы заслужить расположеніе этого великаго человѣка. Можетъ быть, онъ найдетъ, что я его заслуживаю. Видишь ли, только мы, новыя женщины, можемъ правильно судить о мужчинахъ съ ихъ лучшей стороны. Вообще же женщины видятъ только, что мужчины ѣдятъ, пьютъ, курятъ; если мужчины молоды, то женщины прыгаютъ съ ними на балахъ подъ музыку, а когда тѣ состарятся, то

Digitized by Google

играютъ съ ними въ уголкѣ въ винтъ, видятъ опять, какъ они ѣдятъ, пьютъ — и все, что говорятъ имъ мужчины—обманъ, заблужденіе или забава для этихъ взрослыхъ дѣтей въ сильно декольтированныхъ платьяхъ. Конечно, женщины при этомъ начинаютъ считать мужчинъ годными только на то, чтобы быть подъ башмакомъ жены. Мы въ этомъ отношеніи счастливѣе: мы знаемъ, что есть мужчины, заслуживающіе уваженія. Прощай, а то опоздаю къ профессору!

— А ты знаешь дорогу? Черезъ мостъ, а потомъ на гору!

— Да, мнѣ показывали на вокзалѣ.

Вилла профессора Арраса бѣлѣла издалека среди покрытыхъ цвѣтами деревьевъ и голыхъ виноградныхъ лозъ. До нея было не болѣе четверти часа ходьбы. Эрна стала медленно подниматься на гору и смущенно посмотрѣла въ сторону, когда ей пришлось проходить мимо группы молодыхъ студентовъ. Теперь это были ея товарищи, равные ей!

Или нѣтъ — ея гордость возмутилась при этой мысли, — она нѣчто большее, чѣмъ они. Поступленіе въ университетъ не представляетъ для молодого человѣка никакой трудности. За девятилѣтнее пребываніе въ гимназіи его съ кроткой настойчивостью ведутъ изъ класса въ классъ къ окончательному испытанію при помощи наказаній, угрозъ, увѣщаній и просьбъ и, если онъ можетъ заплатить за свое ученье двадцать марокъ изъ отцовскаго кармана въ университетскую канцелярію, то alma mater принимаетъ своего сына, vir juvenis illustrissimus, съ распростертыми объятіями. Такъ принимаетъ она сыновей, но не дочерей, путь которыхъ полонъ терній и шиповъ!

Насколько всѣ стараются привлечь юношу къ ученью, настолько же каждый считаетъ своей обязанностью отвратить отъ него молодую дѣвушку.

Насмѣшки, упреки, презрительное пожиманье плечами, глупое поддразниванье — все это пришлось Эрнѣ испытать на себѣ и однако у нея хватило мужества проникнуть въ то желанное мѣсто, которое на молодыхъ людей часто наводитъ лишь скуку. Она по доброй волѣ держала экзаменъ для поступленія въ университетъ, а всѣ эти юноши по обязанности. Нѣтъ, она выше ихъ!

Вокругъ благоухали и слегка покачивались подъ дуновеніемъ весенняго вѣтерка, какъ снѣжнымъ пухомъ, покрытыя бѣлыми нѣжными лепестками вѣтки цвѣтущихъ деревьевъ. Направо и налѣво стояли сады въ этомъ великолѣпномъ убранствѣ, а трава была усѣяна фіалками и пестрыми крокусами. Въ розоватыхъ бутонахъ цвѣтовъ и нѣжной зелени деревьевъ, казалось, слышалось тихое дыханіе вѣчно-юной прекрасной природы.

Эрнѣ вдругъ пришла мысль: насъ, женщинъ, мужчины считаютъ такими цвѣтами — способными радовать только взглядъ, предназначенными для увяданія, часто преждевременнаго, олицетвореніемъ весны; цвѣты эти ихъ хозяинъ и садовникъ, изъ любви къ нимъ, окутываетъ и подвязываетъ и не даетъ имъ разростаться. Цвѣты эти онъ охраняетъ потому, что ему пріятно по вечерамъ любоваться ими и вдыхать ихъ ароматъ, сидя подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ...

Но берегитесь мести цвѣтовъ! Эрна воинственно закинула назадъ свою головку и бодро стала взбираться на гору по направленію къ сверкающей на солнцѣ виллѣ.

* * *

Въ саду виллы сидѣло трое мужчинъ и, покуривая сигары, смотрѣли задумчиво на заходящее солнце.

Глубоко внизу, уходя въ туманную даль, ограниченная синѣющей цѣпью Вогезовъ и Гардта, направо и налѣво разстилалась благословенная рейнская долина, этотъ садъ

Германіи, съ разноцвѣтными четыреугольниками полей, безчисленными садами фруктовыхъ деревьевъ, чащами хмеля, взбирающагося на высокіе шесты, деревенскими колокольнями и фабричными трубами, неправильными темными пятнами сосноваго лѣса, сѣтью дорогъ, быстро бѣгущими поѣздами и въ отдаленіи, сверкающими тамъ и сямъ на солнцѣ, какъ осколки огромнаго зеркала, изгибами батюшки-Рейна и катящагося вслѣдъ за нимъ Неккара. Солнце уходило на покой. Багровый шаръ плавалъ въ розовой дымкѣ облаковъ надъ фіолетовыми склонами Гардта, производящаго самыя благородныя вина. Дальше, за великой нѣмецкой рѣкой, Пфальцъ окутался уже ночнымъ туманомъ, который знойный день вызвалъ изъ покрытыхъ бѣлыми испареніями водъ, дымомъ очаговъ, мирно поднимающимся изъ деревень къ ясному небу и зловѣщимъ дыханіемъ заводовъ и фабрикъ. Только древній памятникъ императорскаго величія, Шпейерскій соборъ, виднѣлся ясно, какъ высокій холмъ на гладкой равнинѣ, на которой мало-помалу, какъ свѣтящіеся червячки, засверкали въ надвигавшейся темнотѣ сотни и тысячи огоньковъ.

Въ долинѣ слышны были гейдельбергскіе колокола. Въ тихомъ вечернемъ воздухѣ можно было различить легкій шорохъ распускающихся деревьевъ, голыхъ еще вѣтокъ каштановъ и густыхъ кипарисовъ... Казалось, это были голоса далекаго прошлаго, тѣни минувшаго, прощаніе съ молодостью... Закрывши глаза, такъ легко было перенестись въ прошедшее... дни веселой, быстро промелькнувшей молодости казались такими близкими...

Однако, все это было уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Всѣ трое сидѣвшихъ въ саду говорили мало. Каждый думалъ о себѣ, о томъ, что было двадцать пять лѣтъ тому назадъ...

Тѣ ли они, что были прежде, когда разставались, вступая въ жизнь, когда имъ нужно было сказать другъ другу такъ много чего-то еще не вполнѣ прочувствованнаго и не сознаннаго, что мучитъ молодыя сердца? Истинная молодость серьезна. Она вдумчиво и не легко относится къ жизни, потому что еще не научилась сомнѣваться въ ея цѣнности. Какъ могли они тогда знать жизнь, когда имъ едва было по двадцати лѣтъ? Какъ и теперь, у ихъ ногъ разстилался веселый Пфальцъ, окутанный таинственной дымкой, теряющійся въ синеватой дали, какъ обѣтованная земля, съ сверкающими потоками, искристымъ виномъ, дымкомъ, мирно поднимающимся изъ трубъ, широкими полями и лугами, ожидающими земледѣльца, въ потѣ лица добывающаго хлѣбъ свой.

Тогда все казалось имъ такъ просто, такъ легко. Надо было только спуститься въ равнину, которая звала и ждала ихъ тамъ, внизу, сдѣлаться морякомъ или земледѣльцемъ, создать свое маленькое царство и пожинать плоды своихъ трудовъ, отирая по возвращеніи съ работы сильной рукой потъ лица своего.

Правда, каждый изъ нихъ работалъ и трудился по своему, но передъ каждымъ вѣчно вставалъ нѣмой вопросъ: Развѣ не нужно ничего больше? Это и есть настоящая жизнь? Въ молодости же никто и не подозрѣвалъ о существованіи подобныхъ вопросовъ. Они вѣрили, что можно погибнуть въ борьбѣ, но не знали, что можно разочароваться въ побѣдѣ.

Прошло двадцать пять лѣтъ, и они стали смотрѣть на себя со стороны, и съ задумчивой грустью и любовью узнавали самихъ себя въ молодыхъ студентахъ, въ пестрыхъ шапочкахъ и съ шрамами на лицѣ, которые теперь веселою толпою, съ шумомъ и смѣхомъ, посвистывая и помахивая тросточками, проходили мимо по дорогѣ въ Гейдельбергъ. И черезъ двадцить пять лѣтъ здѣсь, можетъ быть, опять будутъ сидѣть

Digitized by Google

другіе, думать о прошедшей молодости и смотрѣть съ тоскою на юныхъ студентовъ, которые такъ же, какъ и теперь, будутъ наслаждаться утромъ жизни и не думать о завтрашнемъ днѣ. И въ сѣдыхъ головахъ трехъ друзей, сидѣвшихъ теперь за садовымъ столикомъ, зашевелилась мысль, которая одному изъ нихъ не разъ уже приходила и прежде, что безостановочно текущій потокъ жизни въ сущности остается неподвижнымъ, мѣняя только внѣшнюю форму.

Наступило долгое молчаніе.

— Да-а, — заговорилъ наконецъ майоръ.—Я не могу пожаловаться. Я былъ съ нею очень, очень счастливъ, съ моимъ Максомъ. Ее звали Максиміліаной, но это слишкомъ длинно и торжественно для такого милаго маленькаго товарища, какъ она. Рѣшивъ поступить въ военную службу, я не долго медлилъ. Въ Казино слишкомъ холодно и пусто. Я люблю тихую семейную жизнь... я не созданъ для смотровъ и парадовъ. Тѣмъ, что я все-таки добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, я обязанъ ей! Она сопровождала меня изъ гарнизона въ гарнизонъ, отъ Меца до Мемеля, и вездѣ у насъ былъ свой тихій домашній уголокъ... Она дала мнѣ трехъ сыновей. Одинъ уже лейтенантъ, другой—прапорщикъ, третій, самый младшій, еще въ кадетскомъ корпусѣ. Какъ отецъ, я въ сущности мало вліянія имѣю на дѣтей.

Онъ усмѣхнулся при этихъ словахъ...—Такъ идетъ все въ жизни—всегда иначе, чѣмъ думаешь! Два года тому назадъ, когда умерла жена, ничто въ жизни уже не радовало меня, все было безразлично. Я думалъ: „теперь прощусь со всѣмъ на свѣтѣ, забьюсь въ какой-нибудь уголъ и буду ждать конца!“ И вдругъ я вспомнилъ о нашей веселой молодости въ Гейдельбергѣ и, чтобы какъ-нибудь убить время, записался въ число слушателей университета.

— И замѣчательно... я опять помолодѣлъ! Я живу въ третьемъ этажѣ въ маленькой комнаткѣ, среди студентовъ, записываю лекціи, какъ самый усердный студентъ перваго семестра, вижу вокругъ себя молодыя лица,—и жизнь моя снова расцвѣла! Черезъ два семестра можете поздравить меня съ докторскимъ дипломомъ!

Широкая улыбка освѣтила все его добродушное лицо; онъ выпилъ до дна свой стаканъ и погладилъ сѣдые усы.

Его сосѣдъ, загорѣвшій подъ тропическимъ солнцемъ консулъ, съ темными волосами и глазами и болѣзненнымъ видомъ, указывавшимъ на долгое пребываніе подъ экваторомъ, задумчиво кивнулъ ему головой.

— Ты совершенно правъ!—сказалъ онъ.—Когда человѣкъ былъ такъ счастливъ въ жизни, какъ ты, то трудно надѣяться на ясные дни! Но посмотри на меня! Никогда я не былъ счастливъ. Жены у меня не было. Когда бродишь вотъ такъ по бѣлу свѣту—сегодня въ одной части свѣта, завтра въ другой—не имѣя ни своего угла, ни минуты покоя, то уже не до женитьбы! Не было у меня никакой зацѣпки въ жизни! Мнѣ уже 51 годъ, у меня больная печень, дни мои проходятъ безрадостно, въ прошломъ я вижу лишь пустыя забавы—гейши, альмеи, гитаны, мусмеи, всевозможныя темнокожія и желтокожія женщины, нѣсколько бѣлыхъ—серьезныя увлеченія, о которыхъ не разсказываютъ... и вотъ заключеніе — вся моя жизнь сводится къ нулю! Все разлетѣлось, какъ прахъ и дымъ! Вновь начинать уже поздно! Я одинокъ и такимъ останусь навсегда!

Оба замолчали. Третій, профессоръ фонъ Аррасъ, тоже молчалъ. Онъ боялся, что его не поймутъ. Онъ весело провелъ съ ними молодость. Теперь-же они были далеки отъ него. Оба — самые посредственные люди. Онъ зналъ заранѣе, что при этомъ свиданіи онъ не найдетъ въ

Digitized by Google

нихъ прежнихъ друзей, и улыбался этому, какъ улыбался всякій разъ, когда какое-нибудь заблужденіе спадало съ него, какъ старая штукатурка со стѣнъ. Кто остается на низинахъ жизни, тотъ пріобрѣтаетъ широту воззрѣній, окруженный со всѣхъ сторонъ самыми разнородными вещами. Но кто въ тишинѣ, молчаніи, одиночествѣ и страшныхъ предчувствіяхъ стремится въ высь, тотъ теряетъ подъ ногами столько, на сколько поднимается вверхъ.

Дружба, любовь, здоровье, молодость — уходятъ подъ его ногами дальше и дальше, а онъ все поднимается въ высь. Куда? Ахъ, еслибъ философъ, отыскивающій тайны бытія, нашелъ ихъ разгадку! Но онъ не знаетъ того, что кажется другимъ понятнымъ и простымъ...

Консулъ откашлянулся.

— Ну, а ты, знаменитый свѣточъ науки? Ты не высказываешься съ тѣхъ поръ, какъ твое имя стало извѣстно даже на островахъ Фуджи. Мы говорили о себѣ — теперь твоя очередь! Какъ ты смотришь на жизнь? Я думаю, у тебя больше причинъ быть довольнымъ и гордиться своей жизнью, чѣмъ у насъ обоихъ.

— Суета суетъ!—сказалъ профессоръ.—Все суета! Одно лишь имѣетъ цѣну на свѣтѣ—молодость! И вѣра во что-нибудь—въ Бога, въ женщину, въ счастье, или въ самого себя—... Хотѣлъ-бы я стать вновь молодымъ... Вся моя жизнь была упорнымъ трудомъ; я ею не наслаждался. Не пріобрѣтеніе знаній, а забвеніе — вотъ что нужно въ жизни. Я-же не обладалъ этой способностью. Все, что попадалось мнѣ на пути, я взваливалъ на себя и добросовѣстно несъ дальше—славу, науку, семейное счастье, все! За пятьдесятъ лѣтъ я такъ много накопилъ, что теперь я жалкій человѣкъ!

— Мнѣ кажется, что ты смѣешься надъ нами! — нѣсколько недовольнымъ тономъ сказалъ маіоръ, смотря на консула. Но тотъ присоединился къ профессору.

— Ты правъ: нужно было пользоваться жизнью двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Я опять продѣлалъ-бы всѣ глупости—сознательно—и оставилъ-бы въ покоѣ всѣ благоразумные поступки. Потомъ въ нихъ всегда раскаиваться...

— Поздно!—сказалъ кратко профессоръ. — Для насъ, друзья мои, настала осень, осень! Вокругъ насъ — весна, цвѣтутъ деревья въ долинѣ Неккара — все, какъ прежде, но мы не тѣ; зрѣлые годы— не лучшіе годы... Маленькія дѣти, наши внуки, смѣются надъ нами со всей нашей мудростью, а тамъ внизу наши сыновья носятъ, какъ мы когда-то, пестрыя шапочки... Въ концѣ концовъ, все оказалось напраснымъ... Ахъ, еслибъ вернулась молодость!

Всѣ сидѣли молча. Дымъ сигаръ расползался въ свѣжемъ, чистомъ вечернемъ воздухѣ, отъ слегка покачивающихся вѣтокъ цвѣтущихъ деревьевъ распространялось благоуханіе. Наступала ночь. Въ долинѣ снова прозвучали колокола. Потомъ, совсѣмъ близко, за кустами, по хрустѣвшему песку послышались легкіе, робкіе шаги... Кто-то шелъ, нѣжно ступая, едва прикасаясь къ землѣ...

Шаги вдругъ смолкли. Консулъ обернулся. По его загорѣлому, рѣзко очерченному лицу пробѣжала улыбка. „О!“ протянулъ онъ веселымъ тономъ: подъ деревьями, усыпанными бѣлыми цвѣтами, среди сада стояла Эрна Бауернфейндъ, съ нерѣшительнымъ видомъ оглядываясь по сторонамъ. Она позвонила у дверей, но никто не вышелъ, кромѣ огромнаго сѣраго дога, который, позѣвывая съ важнымъ видомъ, обогнулъ уголъ дома и отрѣзалъ ей путь на улицу.

Хозяинъ дома пошелъ ей навстрѣчу. Эрна знала его по портретамъ; теперь, даже въ эту минуту смущенія, ей бросилось въ глаза что онъ, какъ и большинство нѣмецкихъ ученыхъ, по наружности

Digitized by Google

очень мало отличался отъ обыкновенныхъ людей, носящихъ бороду и пенснэ, которые своей одеждой и всей своей личностью не придаютъ никакого блеска окружающей обстановкѣ. Если Эрна не знала, кто онъ, то, конечно, никогда и не догадалась-бы...

Она собралась наконецъ съ духомъ.

— Пожалуйста, извините, господинъ профессоръ!—быстро заговорила она, не поднимая глазъ.—Но мнѣ никто не отворилъ, а тамъ собака... я собственно хотѣла сдѣлать визитъ...

Онъ слегка улыбнулся.

— Моя жена будетъ очень сожалѣть, но она съ дочерьми ушла.

Эрна подняла хорошенькую головку.

— Я не къ вашей супругѣ, а къ вамъ! Но это въ другой разъ. Теперь я мѣшаю вамъ. Мнѣ хотѣлось-бы только передать вамъ письмо, если вы позволите...

— Письмо—мнѣ?

— Да. Отъ стараго ландрата Мейфарта, друга нашего семейства. Тамъ все изложено.. что—я студентка и что я вамъ...

— Вотъ какъ!—Онъ опять улыбнулся.—Отъ моего стараго пріятеля Мейфарта. Въ первый разъ за цѣлую вѣчность онъ напоминаетъ о себѣ. Но пожалуйте! Вы нисколько не помѣшаете! Я здѣсь съ двумя друзьями моей молодости.

Оба поклонились, а профессоръ назвалъ ихъ фамиліи. Потомъ онъ взялъ у Эрны письмо.

— Это тайна? Или можно здѣсь...

Эрна живо возразила.—Тайнъ никакихъ нѣтъ въ этомъ письмѣ. Но, если я мѣшаю, то могу придти еще...

— Садитесь, пожалйста!—сказалъ онъ вмѣсто отвѣта, слегка поклонившись; всѣ сѣли и онъ, наморщивъ по привычкѣ лобъ, принялся за чтеніе письма, бросивъ бѣглый взглядъ черезъ письмо на Эрну. Это была милая и неожиданно явившаяся картинка: серьезная и скромная молодая студентка, сидящая, съ опущенными глазами и порозовѣвшими щеками, подъ навѣсомъ изъ цвѣтущихъ вѣтвей, которыя образовывали благоухающій бѣлый сводъ; сквозь него проникали послѣдніе лучи весенняго солнца и золотили ореолъ кудрей вокругъ хорошенькой головки. — Сердце Эрны тревожно билось. Она не смѣла поднять глазъ и нервно вертѣла въ рукахъ свой ярко-красный зонтикъ.

Господинъ, сидѣвшій рядомъ съ ней, что-то говорилъ ей — что онъ опять записался въ студенты, выйдя въ отставку маіоромъ и въ аудиторіи сидитъ рядомъ съ фрейлейнъ Метой Виггерсъ, которая охотно согласилась имѣть сосѣдомъ коллегу его возраста и теперь въ дружескихъ отношеніяхъ съ нимъ. Вчера она разсказывала ему, что ждетъ подругу съ Рейна, которая тоже хочетъ учиться. Не она-ли это? — Эрна кивнула ему головой. Она не совсѣмъ понимала, что онъ ей говорилъ. Она была очень взволнована, особенно теперь, когда профессоръ кончилъ чтеніе и свернулъ письмо.

— Я просила ландрата Мейфарта написать вамъ все, все!—быстро сказала Эрна, какъ-бы желая заранѣе обезоружить его.- Безъ фразъ -только то, что онъ думаетъ обо мнѣ! Все откровенно! Онъ вѣдь хорошо знаетъ меня. Можетъ быть, онъ сообщаетъ вамъ обо мнѣ что-нибудь очень неблагопріятное... я знаю, что у меня много недостатковъ... очень много... и что вообще еще многое во мнѣ не опредѣлилось... но...

Профессоръ сказалъ:—Вы правы, фрейленъ Бауернфейндъ! Мой старый другъ Мейфартъ сообщаетъ мнѣ о васъ много дурного. Напримѣръ, онъ безъ стѣсненія заявляетъ мнѣ, что вы необыкновенно умны...

Молоденькая студентка потупилась.

— И что вы гораздо развитѣе, чѣмъ были женщины въ его время. Из-

Digitized by Google

вините, это вѣдь слова милѣйшаго Мейфарта.

— Ахъ нѣтъ! — искренне сказала Эрна. Когда я сижу здѣсь, передъ вами, я хорошо сознаю, какъ я глупа. Пожалуйста, смотрите на меня и обращайтесь со мною, какъ я того заслуживаю, какъ съ молодымъ, еще незрѣлымъ и неопредѣлившимся человѣкомъ, который нуждается въ вашихъ совѣтахъ и наставленіяхъ.

Профессоръ отвѣтилъ не сразу, онъ еще перечиталъ письмо. Эрна сидѣла неподвижно, сложивъ руки на зонтикѣ. Она думала, что лучше не начинать разговора, а ждать, когда профессоръ спроситъ ее о чемъ-нибудь. И она услышала наконецъ его голосъ — онъ звучалъ сухо и дѣловито, какъ еслибы профессоръ говорилъ съ какимъ-нибудь студентомъ Мюллеромъ или Шульцемъ. — Итакъ, вы желаете, чтобы я далъ вамъ совѣтъ, фрейленъ Бауернфейндъ! Относительно чего-же?

— Относительно моихъ занятій, господинъ профессоръ!

— На какой факультетъ думаете вы поступить?

— На философскій, г. профессоръ!

— Та-акъ—а какую спеціальность вы избираете?

Эрна быстро подняла голову.

— Вотъ это-то и смущаетъ меня, г. профессоръ. Относительно этого я еще ничего не выяснила себѣ. Меня интересуетъ многое, почти все! Мнѣ хотѣлось-бы изучать все... или... но простите, г. профессоръ— мнѣ хотѣлось-бы подойти ближе къ тому понятію, которое заключается въ словѣ „университетъ", — я подразумѣваю общій обзоръ современной науки...

— Да, но кто въ настоящее время можетъ сдѣлать это...—Профессоръ улыбнулся и покачалъ головой.—Мы должны ограничиваться теперь одной какой-нибудь отраслью. Область науки стала необъятной. Повѣрьте въ этомъ мнѣ — доктору трехъ факультетовъ. Вы должны составить опредѣленный планъ занятій, а тамъ посмотрите, позволитъ-ли вамъ здоровье и физическія силы привести его въ исполненіе.

Эрна оживилась.—Конечно, г. профессоръ! Я сильна и здорова. Мои физическія силы, разумѣется, выдержатъ! Что касается духовныхъ— то этого я, конечно, еще не знаю. Она вздохнула, и опустила глаза на кончики своихъ коричневыхъ туфель. —Видите-ли, г. профессоръ, я говорю совершенно искренне: мы, женщины, никогда не достигнемъ такой высоты, какъ вы. Мужчины, подобные вамъ, всегда будутъ недосягаемыми для насъ образцами. Но возьмемъ среднихъ мужчинъ—я, право, не думаю, чтобы мы были ниже ихъ. Вся трудность состоитъ для насъ въ томъ, чтобы сразу вступить на вѣрный путь. Для меня все еще въ этомъ отношеніи неясно, одно только я знаю: черезъ три года моя докторская диссертація будетъ готова!

— Такъ скоро?—спросилъ съ удивленіемъ профессоръ.

— Да, это рѣшено!

— Я, право, удивляюсь вамъ!

Эрна смутилась и дернула вѣточку цвѣтущаго миндаля, около котораго сидѣла, и на землю посыпались нѣжные лепестки.

— Собственно... но, пожалуйста, не смѣйтесь, надо мной... общая обязанность... или, вѣрнѣе... годъ испытанія для женщинъ...

Серьезный ученый, сидѣвшій противъ нея, отъ души разсмѣялся. Его лицо помолодѣло на нѣсколько лѣтъ, когда онъ смотрѣлъ на нее. Эрна вспыхнула... Глаза ея заблестѣли. Она начала возбужденно защищаться.

— Я такъ и знала! Я знала, что прежде, чѣмъ я договорю до конца, надо мною будутъ смѣяться. Даже вы!

Профессоръ принудилъ себя быть серьезнымъ.

— Это нехорошо съ моей стороны и со стороны этихъ господъ! Вы

Digitized by Google

совершенно правы! Итакъ, пожалуста... продолжайте... женщина должна бороться...

— Нѣтъ!—сказала Эрна,—женщина должна имѣть въ государствѣ обязанности, чтобы потомъ требовать правъ. Вѣдь, существуетъ тысяча дѣлъ, въ которыхъ молодая дѣвушка можетъ принять участіе, напр., быть сидѣлкой, заниматься въ дѣтскихъ садахъ, завѣдывать народными столовыми и кухнями, заботиться о бѣдныхъ, о сиротахъ... или работать на пишущей машинѣ, заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Какой-нибудь молодой графъ долженъ-же прослужить годъ, напр. въ кавалеріи, долженъ самъ убирать свою лошадь, точно также какая-нибудь графиня могла-бы собственноручно доить коровъ. Это ей нисколько не повредило-бы! Пожалуйста, не смѣйтесь, господинъ профессоръ! Меня вашъ смѣхъ, право, обижаетъ!

— Я совсѣмъ не смѣюсь. Но скажите, зачѣмъ все это?

Эрна задумчиво смотрѣла вдаль.

— Видите-ли, я сама изъ хорошаго общества, и знаю, какъ безполезна жизнь молодыхъ дѣвушекъ нашего круга. Объ этомъ, впрочемъ, говорилось уже не разъ... Танцы... вышиванье... музыка... катанье на велосипедѣ... однимъ словомъ, говоря откровенно,—ожиданіе жениха, а до тѣхъ поръ праздность, а отъ праздности — скука, а отъ скуки — глупая болтовня, сплетни, наряды и легкомысленныя удовольствія. Противъ всего этого одно средство — работа, работа до усталости по вечерамъ, исполненіе добровольно принятыхъ на себя обязанностей... Стиснувъ зубы, надо сказать: „Такъ *должно* быть!“ Повѣрьте мнѣ, тогда можно стать совсѣмъ другимъ человѣкомъ! Все это пришло мнѣ въ голову, когда я сдавала свой экзаменъ на аттестатъ зрѣлости... потомъ я много думала обо всемъ этомъ. Я чувствую въ себѣ воинственную жилку. Я хочу бороться съ мнѣніемъ свѣта!

— Вотъ горячая головка! — сказалъ профессоръ съ удивленіемъ, обращаясь больше къ своимъ друзьямъ, чѣмъ къ Эрнѣ.

Потомъ онъ прибавилъ болѣе холодно:

— Все это утопіи, фрейленъ Бауернфейндъ!

Она пожала плечами. — Конечно... все это я слышу постоянно! Тоже самое мнѣ говорили мои подруги. Онѣ презрительно посмѣивались надъ моимъ намѣреніемъ работать цѣлый годъ и говорили: „Ну, да, ты— настоящій мужчина, ты можешь все это сдѣлать, а мы“... И все-таки я не измѣню своего намѣренія! Я не позволю сбивать себя! У мужчинъ вошло въ моду разыгрывать изъ себя „сверхчеловѣка“. Я далека отъ этого. Я только говорю, что думаю и черезъ три года я буду защищать на латинскомъ языкѣ свои мнѣнія противъ всѣхъ оппонентовъ въ мірѣ!

— Еслибъ я былъ вашимъ оппонентомъ,—возразилъ профессоръ, — то возразилъ-бы вамъ: „Молодежь бойка на словахъ!“

Она весело разсмѣялась.—Да — я молода! Этого я не отрицаю! Но вѣдь каждый былъ когда-нибудь молодъ!

Эрна дѣйствительно была олицотвореніемъ юности, въ своемъ бѣломъ платьѣ, среди покрытыхъ бѣлыми цвѣтами деревьевъ, подъ голубымъ вечернимъ небомъ, озаренная послѣдними лучами солнца, смущенная, но не побѣжденная, юношески веселая, но полная честныхъ и серьезныхъ стремленій.

Профессоръ взглянулъ на нее.

— Былъ когда-нибудь молодъ! — повторилъ онъ. — Будьте довольны, что вы теперь молоды и полны энтузіазма и желанія жить. Посмотрите на насъ троихъ — мы черезъ четверть вѣка собрались опять въ Гейдельбергѣ, чтобы скромно отпраздновать нашу встрѣчу. Лучшая часть нашей жизни уже прожита!— Эрна посмотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

Digitized by Google

— О, вамъ всего пятьдесятъ лѣтъ, г. профессоръ!

— Откуда вы это знаете!

— Но это-же можно узнать въ каждомъ энциклопедическомъ словарѣ!

Онъ посмотрѣлъ на стройную дѣвическую фигурку, которая въ нерѣшительности стояла передъ нимъ, какъ-бы собираясь уходить.

— Вы уже уходите, фрейленъ Бауернфейндъ?

Эрна невольно обратилась опять изъ свѣтской молодой дѣвицы въ робкую студентку.

— О, г. профессоръ, я уже и такъ отняла у васъ времени больше, чѣмъ слѣдуетъ!

Времени у меня много.

— Но уже становится темно! — сказала Эрна. — Итакъ... позвольте проститься съ вами. Что касается плана моихъ занятій, то... можетъ быть, вы позволите мнѣ придти еще когда-нибудь и поговорить съ вами обстоятельнѣе...

— Лучше я навѣщу васъ, фрейленъ Бауернфейндъ! — Онъ проводилъ ее мимо спящаго дога до садовой калитки. — Жаль, что жены нѣтъ дома... мнѣ хотѣлось-бы познакомить ее съ вами. Но это въ другой разъ! Мы остаемся на нѣсколько недѣль въ Гейдельбергѣ. До свиданія!

Онъ подалъ ей руку. Она отвѣтила просто крѣпкимъ пожатіемъ.

— Сердечно благодарю васъ, г. профессоръ! — искреннимъ тономъ сказала она.—Пожалуйста, передайте отъ меня поклонъ вашей супругѣ!

Спускаясь по дорогѣ, шагахъ въ двадцати отъ дома профессора, Эрна встрѣтила стройную, просто одѣтую даму, лѣтъ за сорокъ, съ рѣзкими чертами холоднаго и умнаго лица, которая, проходя мимо, удивленно посмотрѣла на вѣтку миндальнаго дерева, висѣвшую на зонтикѣ Эрны, какъ-бы желая спросить: „какъ ты смѣешь уносить мою собственность изъ моего дома?“

Черезъ нѣкоторое время Эрна украдкой обернулась назадъ и увидѣла, что дама вошла въ садъ и легкимъ кивкомъ головы поздоровалась съ сидѣвшими тамъ мужчинами. Это была, вѣроятно, жена профессора фонъ Арраса. Та тоже посмотрѣла вслѣдъ студенткѣ.

— Кто это?—спросила она мужа, входя въ домъ.

Онъ сказалъ.—Мы сидѣли въ саду—консулъ, маіоръ и я, и съ удовольствіемъ вспоминали о своей юности. И вотъ еще разъ насъ посѣтила сама юность, посидѣла съ нами и въ одну минуту наговорила намъ много вздору, высказала нѣсколько умныхъ мыслей и улетѣла. Жаль, что ты не застала ея. Но она зайдетъ еще, а пока просила передать тебѣ ея поклонъ.

* * *

Друзья профессора оставались у него не долго. Они скоро простились и въ наступившей уже темнотѣ стали спускаться къ городу.

Профессоръ былъ радъ, что они ушли и что вокругъ него нѣмое безмолвіе ночи. Предметы теряли свои очертанія подъ серебристыми волшебными лучами мѣсяца, полный кругъ котораго стоялъ надъ темными лѣсами и отражался въ безпокойныхъ струяхъ рѣки.

Бѣлыя массы цвѣтущихъ миндальныхъ деревьевъ въ тѣни принимали таинственный и сказочный видъ, распространяя сильный ароматъ, и покрывали склоны холмовъ вздымающимся отъ легкаго вѣтерка цвѣточнымъ снѣгомъ...

Въ долинѣ Неккара была весна. Весна и молодость—такъ близко! Свою собственную молодость человѣкъ начинаетъ цѣнить только съ годами и сознаетъ, что когда-то ему было двадцать лѣтъ, лишь при наступленіи старости.—Профессору показалось теперь, что онъ видитъ снова себя двадцатилѣтнимъ юношей, съ пестрой шапочкой члена „Херускіи“ на головѣ, когда изъ

Digitized by Google

темноты передъ нимъ появился высокій, стройный элегантный молодой человѣкъ съ закрученными вверхъ усиками на красивомъ свѣжемъ лицѣ, съ сбитой на бокъ шапочкой на свѣтлыхъ волосахъ и небрежной самоувѣренностью благовоспитаннаго, но избалованнаго юноши.

— Здравствуй, папа—сказалъ молодой студентъ, подходя къ профессору и снимая фуражку страннымъ широкимъ движеніемъ—такова была мода въ этотъ семестръ.

— Удивительно, что я засталъ тебя здѣсь... Я такъ торопился... положительно задыхаюсь... У меня къ тебѣ большая просьба... Ты постоянно обѣщалъ мнѣ, что придешь къ намъ на вечеринку. Не можешь ли сдѣлать это сегодня вечеромъ? Пожалуйста, сдѣлай мнѣ удовольствіе!

Было что-то милое, дѣтское, въ манерѣ, съ какой этотъ красивый юноша съ аристократическимъ видомъ упрашивалъ отца, сжимая его руки въ своихъ. „Ты увидишь, какое у насъ въ высшей степени приличное общество... въ этотъ семестръ, право, безукоризненное... самое утонченное...

— Этого я и ожидалъ отъ своей старой корпораціи!

— Напримѣръ,—Вестравъ,—продолжалъ съ воодушевленіемъ студентъ,—онъ семнадцать разъ дрался на дуэли и даже не былъ ни разу задѣтъ.

— А какія имена есть у насъ... Знаменитѣйшія! Осенью пріѣдетъ принцъ Казиміръ фонъ - Трейхтлингенъ. Одинъ изъ нашихъ уже немного знакомъ съ нимъ! Ты сегодня познакомишься съ нимъ. Замѣчательный малый! Вообще много выдающихся личностей!

— Какое счастье,- сказалъ отецъ,—что вы сами такого хорошаго мнѣнія о себѣ.

Отто Гельмутъ не вполнѣ понялъ его.

— Ты увидишь моего товарища!—настаивалъ онъ.—Дорнгибеля! Онъ былъ въ Геттингеннѣ и Боннѣ. Великолѣпный малый! Его отецъ купецъ, но понимаешь ли очень приличный человѣкъ. Милліонеръ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ пароходостроителей. Его пароходы можно встрѣтить повсюду. Дорнгибель хочетъ завести впослѣдствіи конскій заводъ...

Профессоръ, слушая его, задумчиво покачивалъ головою. Его забавляло, что это большое дитя, этотъ красивый, веселый, 18-ти—лѣтній юноша такъ серьезно относится ко всему, что касается его корпораціи, но въ то же время такая наивность дѣйствовала на него непріятнымъ образомъ. Юноша мало походилъ на него, и еще меньше на мать; оба были умные и холодные люди, которыхъ сблизили одинаковые умственные интересы. Теперь профессоръ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ „Херускіи“, вспоминалъ, какъ веселился онъ самъ въ молодости, но какъ возвышался въ то же время надъ своими товарищами въ часы занятій. Отто Гельмутъ не таковъ. Онъ весело плылъ по теченію, не заботясь о завтрашнемъ днѣ и не интересуясь настоящимъ.

— Значитъ, ты придешь, папа?

— Пожалуй. Только попозже—такъ, часовъ въ десять, и не больше, какъ на часъ.

Они стали медленно прохаживаться по залитому луннымъ свѣтомъ саду и прошли мимо того мѣста, гдѣ еще стояли три садовыхъ стула, какъ сидѣли на нихъ друзья, а поодоль четвертый стулъ, отдѣльно.

Профессору вдругъ пришла въ голову одна мысль.

— Скажи, Отто, что ты сегодня дѣлалъ?

— Сегодня?—Студентъ задумался.—Прежде всего завился у парикмахера. Потомъ мы съ Бюнау побродили по городу, я заказалъ въ магазинѣ издѣлій изъ слоновой кости великолѣпное подношеніе нашему Дорнгибелю, потомъ пробылъ часъ

Digitized by Google

въ фехтовальной залѣ, потомъ завтракалъ, потомъ обѣдалъ, потомъ мы поиграли немного въ кондитерской въ скатъ. Оттуда поѣхали въ экипажахъ въ Неккарштейнахъ; возвратившись оттуда, я поспѣшилъ сюда. Сегодня вечеромъ у насъ торжественное собраніе.

— А въ аудиторіи ты не былъ?

На лицѣ молодого человѣка отразилось неподдѣльное изумленіе. „Нѣтъ—въ аудиторіи я не былъ"! медленно отвѣтилъ онъ, какъ бы не вполнѣ понимая отца.

А тотъ посмотрѣлъ на пустой стулъ и ему припомнилось лицо молодой студентки и ея слова: „Я хотѣла бы учиться всему! Такъ многое интересуетъ меня!"

— Скажи, Отто, ты уже составилъ планъ занятій?

— Разумѣется, папа! Я хотѣлъ бы пробыть здѣсь три четыре семестра, пока не получу своего трехцвѣтнаго шарфа. Вѣдь, у тебя онъ есть!

— И это называешь ты планомъ занятій?

— Ну, да!

Отто Гельмутъ былъ удивленъ.

— Долженъ же я получить знакъ отличія! Вѣдь у тебя есть же онъ!

— А потомъ?—спросилъ профессоръ.

— Потомъ,—сказалъ Отто,—я хотѣлъ бы поѣхать въ Боннъ, семестра два пробыть въ гусарахъ и выйти въ офицеры. Собственно служить можно только въ кавалеріи!

— Въ университетѣ, конечно, будешь не часто?

— Понятно, нѣтъ, папа!

— И такъ,—извини за вопросъ—когда же ты будешь учиться?

Отто Гельмутъ пожалъ плечами, какъ бы желая сказать: Ты самъ долженъ знать это!—Когда буду въ Берлинѣ, папа. Изъ Бонна я хочу поѣхать на два семестра въ Берлинъ. Тамъ легко пройти изъ юриспруденціи столько, сколько нужно для экзамена. Для способнаго человѣка весь этотъ вздоръ не особенно труденъ. Еслибъ это былъ китайскій языкъ или алгебра, а то jurisprudentia. Всѣ мы это изучаемъ! Единственный приличный предметъ. Сидѣнье же въ аудиторіяхъ просто потеря времени! Всѣ такъ дѣлаютъ, какъ я, папа! И еслибъ я поступалъ иначе, меня осмѣяли бы!

— Знаю. Но отвѣть по совѣсти, Гельмутъ, въ томъ ли задача студента, чтобы вызубрить нѣсколько мертвыхъ юридическихъ формулъ, которыя забываются тотчасъ же послѣ экзамена. Не долженъ ли университетъ развить и укрѣпить человѣка для предстоящей борьбы съ жизнью?

— Но на это совсѣмъ не остается времени, папа! Нужно же двигаться впередъ и дѣлать карьеру! Когда буду референдаріемъ, надо стараться перейти въ резервные офицеры, а тамъ въ ассесоры; сдѣлавшись же ассесоромъ, я буду имѣть достаточно времени, чтобы мало-по-малу добиваться должности ландрата... Кромѣ того, каждое лѣто маневры... потомъ свѣтскія обязанности—это вѣдь до нѣкоторой степени тоже служба,—знаешь ли, завязываются необходимыя знакомства... а это тоже очень важно... и...

— Такъ вотъ какія стремленія у моего сына!—съ грустной улыбкой сказалъ профессоръ.—Ну, чтожъ! Живи, какъ хочешь!

— Но, право же, папа, всѣ такъ живутъ!

— Кто знаетъ—всѣ ли? Видишь ли, Отто, незадолго до тебя у меня былъ одинъ молодой студентъ—онъ сидѣлъ вотъ тутъ, на этомъ стулѣ—и у него совсѣмъ другой взглядъ на университетъ. Хотя онъ богатъ и изъ хорошей семьи, какъ и ты, но не считаетъ университетъ мѣстомъ увеселенія и средствомъ къ достиженію чиновничьихъ должностей. Для него университетъ—нѣчто высокое и священное, настоящая alma mater, которая даетъ своимъ духовнымъ дѣтямъ развитіе и воспитаніе. Сколько въ немъ

Digitized by Google

энтузіазма, юношеской пылкости и рвенія, мой милый мальчикъ!

— Это, конечно, какой-нибудь зубрила!—съ презрѣніемъ сказалъ Отто Гельмутъ.

— А зубрилами вы, кажется, называете усердныхъ товарищей, которые каждый день посѣщаютъ аудиторіи?

— Да. Но изъ этого ничего хорошаго не выходитъ. Папа, скажи откровенно—вѣдь ты самъ былъ очень веселымъ студентомъ и тебѣ навѣрно въ моемъ возрастѣ были не по вкусу такіе образцы добродѣтели?

— Думаю, что этотъ образецъ добродѣтели очень понравился бы тебѣ!—сказалъ профессоръ. Студентъ задумался.—Если онъ, какъ ты говоришь, изъ хорошей семьи, то онъ долженъ непремѣнно поскорѣе вступить въ нашъ кружокъ! Тогда у него мысли перемѣнятся! Вотъ отличная идея! Онъ долженъ сдѣлаться однимъ изъ нашихъ!

— Едва ли это возможно, Отто!

— Почему же нѣтъ? Предоставь только это дѣло мнѣ. Кто онъ такой?

— Это молодая дама!

Отто сдѣлалъ разочарованное лицо.

— Боже мой... женщины!—презрительно сказалъ онъ.—И онѣ хотятъ учиться! Какъ это глупо!

Профессоръ шутливо ударилъ его по щекѣ.

— Какъ ты еще молодъ, Отто, мой милый! Ребенокъ въ пестрой шапочкѣ. Каждая дѣвушка въ двадцать лѣтъ серьезнѣе тебя, а особенно эта! Позже такое различіе сглаживается... А теперь смотри, не опоздай на вечеринку...

Отто посмотрѣлъ на часы...—О... у меня еще много времени. Но надо еще сначала зайти къ портному. Значитъ, ты придешь, папа! Да? Ну, прощай!—Онъ опять высоко взмахнулъ фуражкой и почти бѣгомъ началъ спускаться въ долину. Скоро онъ рскылся изъ виду, и отецъ пошелъ въ домъ. Они съ женой обѣдали сегодня одни. Обѣ дочери были куда-то приглашены. Теперь все уже было готово для профессора. Адріана фонъ Аррасъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполняла свои хозяйскія обязанности— и именно потому, что онѣ ей, доктору философіи, казались непріятными и мелочными. Такое отношеніе вполнѣ соотвѣтствовало ея холодному исполненію обязанностей и вообще мужскому складу ея характера. Она вела хозяйство не съ безпокойной озабоченностью женщины, но управляла всѣмъ неслышно и незамѣтно, какъ дама, малѣйшему движенію глазъ которой должны безпрекословно подчиняться.

За столомъ никогда не было разговора ни о злобахъ дня, ни о кушаньяхъ, ни о хозяйственныхъ вопросахъ, ни о чемъ подобномъ. Разговоръ вращался всегда вокругъ высшихъ умственныхъ интересовъ. Когда профессоръ и Адріана сидѣли другъ противъ друга за столомъ, оба меньше походили на супруговъ, чѣмъ на друзей—товарищей по наукѣ. Это были знаменитый ученый и его ассистентъ, умный и вполнѣ понимающій его помощникъ, который раздѣлялъ его труды, просматривалъ для него различныя спеціальныя изданія, дѣлалъ извлеченія, велъ корреспонденцію и избавлялъ его отъ мелкихъ заботъ. Такія отношенія существовали между ними всегда, а теперь, когда они готовились скоро праздновать свою серебряную свадьбу, когда лѣта наложили уже на нихъ свою печать и сдѣлали болѣе рѣзкими черты довольно красиваго лица Адріаны, отношенія эти казались имъ самыми естественными. И теперь Адріана завела разговоръ объ одной статьѣ въ „Геттингенскихъ научныхъ извѣстіяхъ“, которыя лежали на столѣ и были только что разрѣзаны ею. Но профессоръ перебилъ ее:

— Знаешь ли, что меня удивляетъ?—сказалъ онъ.—Что ты не по-

Digitized by Google

интересовалась узнать что-нибудь о фрейлинъ Бауернфейндъ.

Она посмотрѣла на мужа.

— Почему же я должна интересоваться ею? Нельзя ко всякому человѣку питать лихорадочный интересъ.

— Нѣтъ. Но эмансипація женщинъ—вѣдь это относится къ твоей области.

— Что дѣлать,—сказала Адріана, дѣлая слугѣ знакъ глазами перемѣнить тарелки.—Во мнѣ совсѣмъ нѣтъ корпоративнаго духа! Я довольствуюсь собою, своей личностью. Пусть другія заботятся также о себѣ!

— Но эта фрейленъ Бауернфейндъ—тоже личность! Еще молодая, неразвившаяся, но совершенно опредѣлившаяся личность!

— Тѣмъ лучше. Значитъ, она во мнѣ не нуждается.

— Кажется, однако, что она нуждается въ другихъ! Иначе она не обратилась бы ко мнѣ съ рекомендательнымъ письмомъ.

— О, конечно, это другое дѣло!—холодно сказала Адріана и начала перелистывать „Геттингенскія извѣстія".

Они помолчали. Но мысль объ Эрнѣ не покидала профессора.

— Все-таки, несмотря на то, что ты сказала,—началъ онъ,—меня удивляетъ твое равнодушіе по отношенію къ другимъ женщинамъ. Почему твой товарищъ по оружію, или, скажемъ, новый рекрутъ въ вашемъ полку, какъ фрейленъ Бауернфейндъ, такъ безразличенъ и далекъ тебѣ, какъ всякій мужчина?

Г-жа фонъ-Аррасъ сдѣлала нетерпѣливое движеніе, какъ бы желая прекратить этотъ разговоръ.

— По твоему я должна любить всѣхъ женщинъ, такъ какъ сама женщина? Я ихъ совсѣмъ не люблю. Все, что есть во мнѣ слабаго, несовершеннаго, все, что мѣшало мнѣ въ жизни, все это—женское. Лучшее во мнѣ—это качества, свойственныя мужчинѣ. Ихъ я и хочу сохранить въ себѣ!

Въ томъ, что она говорила теперь о себѣ, была правда. Самыя очертанія ея лица указывали, что она стоитъ на границѣ между мужчиною и женщиной. Профессоръ покачалъ головой.

— Именно потому, что ты такъ чувствуешь, ты должна была бы интересоваться, какъ совершается подобный процессъ въ мысляхъ другихъ женщинъ. Каждая новая женщина страдаетъ въ жизни отъ какого-нибудь пережитка прошлаго, отъ котораго она не можетъ освободиться... Не можетъ освободиться самостоятельно! Но ей можно помочь и посовѣтовать, и сдѣлать это можетъ не мужчина, а женщина! Ты, напримѣръ! Мнѣ представляется прекрасной задачей — подкрѣпить такую молодую душу! При этомъ всегда можно узнать что-нибудь новое. Твой духовный обликъ опредѣлился тогда, когда ты была уже женой и матерью, въ зрѣлые годы. Твоя личная, женская жизнь шла подъ моимъ руководствомъ, была заключена въ извѣстныя границы. Здѣсь же—молодая дѣвушка, которая по собственному побужденію, мужественно, весело, хотя, можетъ быть, необдуманно бросается въ глубокій потокъ жизни, но въ этой милой дѣвушкѣ уже виденъ человѣкъ, желающій добиться освобожденія собственными силами... Видишь ли, Адріана, я при этомъ думаю и о нашихъ дочеряхъ... Отти въ такомъ же возрастѣ, какъ фрейленъ Бауернфейндъ...

Она нахмурилась. Ея такъ же безпокоили дочери, какъ профессора сынъ. Она испытала тотъ же ударъ! Веселыя личики, добрыя сердечки, ласковый характеръ—и только; обѣ нисколько не походили на серьезныхъ и замкнутыхъ въ себѣ родителей.

— Еслибъ только эта барышня пришла днемъ раньше!—сказана она. Завтра мы прекратимъ всѣ свои свѣтскія обязанности пикникомъ. Кромѣ того, мы почти уже собра-

Digitized by Google

лись уѣзжать. Всѣ это очень непріятно...

Онъ бросилъ на нее быстрый взглядъ.

— Еслибы пригласительную записку сегодня опустить въ почтовый ящикъ... Я обѣщалъ сегодня Отто притти на минутку на вечеринку! Дай мнѣ письмо, а я мимоходомъ опущу его въ ящикъ...

Адріана ничего не отвѣтила, но присѣла къ столику въ сосѣдней комнатѣ и написала нѣсколько очень вѣжливыхъ, но очень холодныхъ строкъ, какъ она обыкновенно писала. Итакъ, было рѣшено, что Эрна приметъ участіе въ завтрашнемъ пикникѣ.

— Приметъ ли она приглашеніе? сказалъ профессоръ, беря письмо. Жена посмотрѣла на него съ удивленіемъ. Приглашеніе провести съ ними цѣлый день, казалось ей, было для молодой студентки особымъ знакомъ отличія, чѣмъ-то въ родѣ приглашенія ко двору, отъ котораго нельзя отказываться.

— Конечно, приметъ!—сухо сказала она.—Можешь быть спокоенъ!

III.

Эрна между тѣмъ уютно убрала свою квартиру, распаковала свои чемоданы и постаралась придать своей рабочей комнатѣ и спальнѣ серьезный и дѣловой характеръ. Теперь оставалось только поставить на столѣ по обѣимъ сторонамъ чернильницы портреты умершихъ родителей—и все.

Рядомъ, въ своей комнатѣ, хотя было уже около 8 часовъ вечера, Мета Виггерсъ давала урокъ своимъ экзотическимъ питомцамъ.

Сквозь запертую дверь до слуха Эрны долеталъ гулъ мужскихъ голосовъ — то теноровъ, то басовъ: каждый по своему ужасно коверкалъ нѣмецкій языкъ, и Мета дѣловитымъ и громкимъ голосомъ поправляла ихъ.

Но вотъ взрослые ученики одинъ за другимъ начали выходить на улицу, и Мета, прибѣжавшая въ комнату Эрны, начала съ гордостью владѣльца перечислять отдѣльно каждаго члена своей паствы.

Впереди всѣхъ шелъ маленькій человѣчекъ съ желтоватымъ лицомъ и рѣдкими черными усами. Онъ поднялъ кверху свои дружески улыбающіеся косые глаза и поклонился Метѣ.

— Это виконтъ Ябуки-Юцуру, изъ Японіи. Болѣе вѣжливаго человѣка нельзя себѣ изобразить. Наши мужчины варвары въ сравненіи съ нимъ. Онъ очень умный человѣкъ и уже достаточно хорошо знаетъ нѣмецкій языкъ, но... въ остальномъ... Боже мой... это все-таки мужчина...

— Онъ, кажется, влюбленъ въ тебя!—сказала Эрна, смотря на удалявшагося японца, который еще нѣсколько разъ оборачивался съ улыбкой. Но на равнодушную блондинку эти слова не произвели никакого впечатлѣнія.

— Да, — сказала она, — онъ получилъ отъ меня разрѣшеніе каждый семестръ возобновлять свое предложеніе. Онъ хотѣлъ-бы, женившись, увезти меня въ Токіо. Я откладываю рѣшеніе до слѣдующаго семестра, и такимъ образомъ наши занятія идутъ своимъ чередомъ. Посмотри — вонъ идетъ мой мучитель,—чиліецъ! Если хочешь видѣть олицетвореніе лѣни, то вотъ тебѣ синьоръ Аннибалъ Санфуентесъ. Лѣность въ немъ кажется такой понятной и милой! Когда ему дѣлаешь выговоръ, что онъ пропускаетъ уроки, онъ только улыбается съ самымъ невиннымъ видомъ. Сидѣть въ кондитерской, ѣсть мороженое и чуть не наизусть выучить „Vie illustrée“ — это его дѣло. Что онъ дѣлаетъ по вечерамъ, этого я не хочу касаться. Онъ *никогда* не научится нѣмецкому языку!

Противъ обыкновенія Мета казалась сегодня возбужденной и сердитой. Лѣность возмущала ее до глубины души.

Digitized by Google

— А тѣ два господина съ черными бородами, въ бѣлыхъ фуражкахъ?—спросила Эрна.

— Это,— сказала Мета,—Прижикалла и Скржичнекъ!

— Боже мой, что за имена! Это русскіе?

— Южные славяне, что-то въ родѣ поляковъ или рутенцевъ — сама не знаю навѣрно. Тоже лѣнивы, но очень умны. Они меня очень обрадовали: я самымъ дружескимъ образомъ попросила ихъ заплатить мнѣ за этотъ семестръ впередъ — чтобы быть спокойнѣе! — и они исполнили мою просьбу; иначе мнѣ пришлось-бы трудно. Чиліецъ въ этомъ отношеніи невыносимъ. На мороженое, на лаковые сапоги у него всегда есть деньги — но на другое... а это, видишь-ли, французикъ... сынъ одного винодѣла изъ Бордо... учится въ Гейдельбергѣ нѣмецкому языку... Ему только семнадцать лѣтъ! Еще настоящій ребенокъ, и требуетъ материнскаго надзора.—Мета крикнула ему:—До послѣ-завтра, monsieur Левассеръ! Будьте прилежны!

— О... я будемъ!—сказалъ молодой человѣкъ, краснѣя и снимая свою соломенную шляпу.

— А завтра, въ воскресенье, идите послѣ обѣда гулять. Не играйте опять цѣлый день на билліардѣ!

— Мы будемъ ходить, смотрѣть замокъ!—увѣрилъ ее французикъ.

— Напишите домой письмо!

— Конечно! Я будемъ писать о васъ!

Молодой человѣкъ откланялся. Мета смотрѣла ему вслѣдъ съ благосклонной улыбкой.

— Это мой любимецъ! — сказала она. — Славный, прилежный мальчикъ! Дѣлаетъ большіе успѣхи. А вотъ этотъ злодѣй... Она вдругъ отвернулась и сдѣлала видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на черноглазаго широкоплечаго сициліанца, который остановился внизу.

— Настоящій бандитъ изъ Абруццкихъ горъ! замѣтила Эрна.— Онъ гордится тѣмъ, что происходитъ отъ бандитовъ и самъ членъ коморры. Онъ врачъ въ Палермо и пріѣхалъ сюда пополнить свои знанія. Вотъ должно быть удовольствіе лѣчиться у него!

— Кажется, онъ у тебя въ опалѣ?

Мета нахмурилась.—Вотъ уже недѣлю я не позволяю ему разговаривать со мною, онъ долженъ отвѣчать только на мои вопросы во время урока. Вообще-же онъ для меня — пустое мѣсто. Это сравненіе къ нему очень подходитъ!

Докторъ Бенедетто Капомаццо, о которомъ шла рѣчь, безпокойно прохаживался взадъ и впередъ, вращая глазами, бросая огненные взгляды на окно, такъ что изъ-подъ густыхъ бровей сверкали бѣлки, и покручивая свои длинные, á la Викторъ Эммануилъ, усы. Но Мета по прежнему не обращала на него вниманія, и онъ, съ недовольнымъ видомъ закинувъ голову на свой бычачій затылокъ и засунувъ руки въ карманы, удалился, съ чувствомъ насвистывая какой-то печальный мотивъ.

Эрна едва удержалась отъ улыбки.

— Какое-же преступленіе онъ совершилъ?

Лицо Виггерсъ какъ-бы окаменѣло.

— Онъ спросилъ меня, не можемъ ли мы, какъ братъ и сестра, поѣхать вмѣстѣ въ Парижъ! Какъ братъ и сестра! Вдвоемъ! Но подобный вопросъ онъ теперь нескоро предложитъ мнѣ! Вотъ уже недѣлю онъ сгораетъ со стыда!

Эрна въ душѣ усомнилась въ этомъ.

— Вы составили-бы прекрасную пару! — сказала она. — Пламенный брюнетъ и холодная блондинка! Но... Боже мой!.. Мета... Послѣдній изъ твоего звѣринца... вѣдь это настоящій дикарь!

Мета выглянула въ окно.

— Только по наружности!—убѣ-

Digitized by Google

жденно, сказала она. — Еслибъ ты родилась на островахъ Гаити, то была-бы такъ-же черна, какъ онъ, милая Эрна; но, вѣроятно, еслибы ты была негритянкой, тебя тамъ находили-бы такой-же хорошенькой, какъ и здѣсь. Это очень серьезный, выдающійся человѣкъ! Ему уже за сорокъ лѣтъ.

— Какъ его зовутъ?

— Танкредъ Тирезіасъ дю-Норъ, двоюродный братъ президента Гавайской республики. Онъ генералъ и бывшій министръ; очень богатый человѣкъ—у него сахарныя плантаціи. Онъ пріѣхалъ сюда, чтобы посовѣтоваться съ врачами относительно своей болѣзни, проживетъ здѣсь лѣто и, чтобы не терять времени, учится у меня нѣмецкому языку. Умная голова. Его дѣдъ былъ рабъ, а онъ — джентльменъ, говорящій на нѣсколькихъ языкахъ!

— Но у твоего венеціанскаго мавра очень грустный видъ! — сказала Эрна.—Право, онъ напоминаетъ мнѣ Отелло! Смуглое лицо, курчавая мягкая бородка, большіе кроткіе глаза... а какъ онъ изящно одѣтъ—безукоризненъ съ головы до ногъ: это короткое верблюжьяго цвѣта пальто очень идетъ къ его темнымъ волосамъ и характерной головѣ. Отчего онъ такъ печаленъ? Развѣ тоже влюбленъ въ тебя?

Мета покачала головой.

— Нѣтъ! Въ Гаити у него жена и семеро дѣтей. Но его постоянно грызетъ мысль, что двоюродный братъ, президентъ республики, сживетъ его со свѣта. Это болѣзненная мнительность, которая преждевременно свела въ могилу многихъ его родственниковъ. Тутъ не поможетъ никакой врачъ. Мнѣ жалко его. Но все равно—я рада, что до понедѣльника распустила свой звѣринецъ. Въ понедѣльникъ опять соберутся всѣ, можетъ быть, даже чиліецъ и Пржиколла съ Скржичнекомъ!

— И ты живешь тѣмъ, что получаешь за уроки?

— И живу очень хорошо!—отвѣтила Мета.—Мой звѣринецъ кормитъ меня. Но собрала я его съ большимъ трудомъ. Надо много умѣнья обращаться съ хищными звѣрями! Помни объ этомъ, дитя мое, когда будешь имѣть дѣло съ мужчинами!

— Фи—мужчины! — презрительно сказала Эрна.—Не безпокойся: они меня не съѣдятъ. Мнѣ кажется, что со вчерашняго дня я стала старше на сто лѣтъ! Мужчины вызываютъ во мнѣ только состраданіе!

— Вздоръ! — рѣзко сказала Мета и Эрна замолчала, почувствовавъ себя нѣсколько обиженной.

— Что ты теперь дѣлаешь?—спросила она черезъ нѣсколько минутъ.

— Работаю, насколько позволяютъ мнѣ вонъ тѣ господа!—Она указала рукой на находившійся по другую сторону улицы красивый маленькій замокъ въ сѣверо-германскомъ вкусѣ, изъ краснаго песчаника, съ пестрыми окнами и трехцвѣтнымъ щитомъ надъ рѣшетчатыми воротами.

— Это храмъ гуманитарнаго образованія. Кто проведетъ въ немъ хоть одинъ семестръ, тотъ пріобрѣтаетъ способность управлять всѣмъ міромъ, включая сюда и женщинъ. Поэтому преисполни сердце твое почтеніемъ, если сегодня всю ночь до утра ты будешь слышать въ этомъ домѣ „херускіи" хоровое пѣніе и звонъ наполняемыхъ пивомъ кружекъ.

Повелитель всего существующаго чествуетъ alma mater по своему разумѣнію. Жаль только, что мы, женщины, благодаря этому шуму не можемъ заниматься по вечерамъ, особенно-же въ субботу!

Я замѣтила, что рвеніе господъ студіозовъ неудержимо возрастаетъ за недѣлю... По субботамъ они выпиваютъ больше всего пива и...

Она вдругъ замолчала съ испуганнымъ видомъ. Посреди комнаты стоялъ какой-то незнакомый господинъ. За разговоромъ онѣ не слышали, какъ онъ постучался.

Digitized by Google

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, худощавый, узкій въ плечахъ, одѣтый съ чрезмѣрнымъ изяществомъ по парижской модѣ, съ гладко выбритымъ лицомъ актерскаго типа, крючковатымъ носомъ, большимъ чувственнымъ ртомъ и живыми выпуклыми глазами.

Лицо Меты приняло холодное выраженіе.

— Позвольте попросить васъ удалиться, господинъ Дидерихсъ!—сказала она.

— Но... я хотѣлъ только спросить...—вѣжливо возразилъ щеголь, бросивъ взглядъ на Эрну,—не измѣнили-ли вы своего рѣшенія...

— Прошу васъ немедленно удалиться. Уроковъ я больше не даю вамъ!

Нахалъ съ улыбкой поклонился и вышелъ.

Мета отъ гнѣва измѣнилась въ лицѣ.

— Что за человѣкъ!—сказала она.

— Это единственный субъектъ, котораго я принуждена была выгнать изъ своего звѣринца за его дерзкое циничное обращеніе, и онъ осмѣлился придти еще разъ!..

— Кто онъ такой?

— Нѣкто Шарль Дидерихсъ, изъ Люксембурга. Онъ самъ не знаетъ—нѣмецъ онъ или французъ. Ведетъ же себя, какъ парижскій фланеръ, т. е. цѣлый день бѣгаетъ за женщинами и пристаетъ къ нимъ—пренепріятный субъектъ!

— И онъ смѣетъ такъ безцеремонно врываться къ тебѣ?

— Думаю, что сегодняшнимъ посѣщеніемъ я обязана собственно тебѣ! Онъ давно уже узналъ какимъ-то образомъ, что ты пріѣдешь...

Мета никакъ не могла успокоиться.

— Прежде онъ иногда приходилъ туда, къ членамъ „Херускіи“ на ихъ пирушки, хотя онъ не студентъ, а просто ничего не дѣлающій сынокъ богатаго фабриканта. Но разъ онъ сказалъ что-то оскорбительное для Германіи, и одинъ изъ студентовъ, кажется, сынъ профессора Арраса, притянулъ его къ отвѣту. Съ тѣхъ поръ онъ принужденъ блистать своимъ отсутствіемъ.

— Откуда ты знаешь эти тайны?

— Въ аудиторіи сидитъ около меня старый отставной маіоръ. Во время перерыва между лекціями мы разговариваемъ съ нимъ. Онъ членъ „Херускіи“ и ходитъ на собранія каждую субботу. Посмотри—отсюда видно, чѣмъ они тамъ занимаются...

Въ помѣщеніи „Херускіи“ было открыто нѣсколько оконъ, чтобы дать доступъ свѣжему воздуху. Сквозь клубы дыма на стѣнахъ виднѣлось оружіе, кубки, фотографическія группы и трубки, а подъ ними цѣлые ряды покрытыхъ шрамами лицъ въ пестрыхъ студенческихъ шапочкахъ. Въ одномъ углу пѣли хоромъ подъ аккомпаниментъ рояля, въ другомъ, казалось, была бочка съ пивомъ. Оттуда слышался звонъ кружекъ и лакеи разносили новый запасъ напитка; у ногъ сидящихъ вокругъ стола студентовъ тамъ и сямъ виднѣлись громадныя головы договъ, заспанныя морды пуделей и недовольныя физіономіи бульдоговъ.

Обѣ студентки стояли у окна, всматриваясь въ темноту.

Эрна невольно прижалась къ подругѣ—ей былъ противенъ шумъ, дымъ и кутежъ напротивъ ихъ.

— Какъ глупы мужчины!—съ убѣжденіемъ сказала она. Мета дружески ударила ее по плечу.

— Не заразись сомнѣніемъ вновь поступившей студентки. Это дѣтская болѣзнь!

Мужчины глупы по-своему, женщины—по-своему. Мужчины расширяютъ желудокъ пивомъ, женщины стягиваютъ его корсетомъ. Корсетъ перевѣшиваетъ всѣ сумасбродства мужчинъ. Мужчины убиваютъ время куреньемъ и пьянствомъ. Зато всѣ цивилизованныя женщины цѣлый день заняты тасканьемъ слишкомъ длинныхъ шлейфовъ, вмѣсто какого-нибудь полезнаго труда. И именно...

Digitized by Google

Слова ея были заглушены хоровою пѣсней. Мета отошла отъ окна.

— Нельзя восхвалять женщинъ на счетъ мужчинъ и наоборотъ. Тѣ и другіе должны быть только *людьми*! Въ этомъ все!

— Да, хорошо такъ говорить *тебѣ*!—сказала Эрна, смѣясь и беря подругу подъ руку. Ты—ледяная сосулька! Какъ мужчины, такъ и женщины тебѣ безразличны. На тѣхъ и другихъ ты смотришь съ научной стороны. Но, кромѣ тебя, всѣ мы, мужчины и женщины, обладаемъ темпераментомъ. Ты никогда не сдѣлаешь изъ насъ людей благоразумныхъ.

Между Адамомъ и Евой—вѣчная тайная борьба! Но этого тебѣ, съ твоей рыбьей кровью, никогда не понять! Поцѣлуй меня, Мета! Я завидую тебѣ—блаженна ты въ своей независимости!

Мета сняла пенснэ, которое мѣшало ей поцѣловать Эрну; въ эту минуту въ дверь постучали, и почти въ ту же минуту въ комнату ворвалась маленькая особа съ коротко остриженными волосами и веселымъ мальчишескимъ лицомъ. По виду, особенно же въ сумерки, ей нельзя было дать 30 лѣтъ—сколько ей было на самомъ дѣлѣ; одѣта она была очень просто отличалась необыкновенно рѣшительными манерами.

— Дай мнѣ посмотрѣть въ окно, Мета!—крикнула она.—Мнѣ нужно его...—Тутъ она замѣтила Эрну, остановилась на минуту, потомъ съ довѣрчивымъ и дружескимъ видомъ протянула ей руку.—Это *вы*?—спросила она... То есть...

— Да! Это она!—подтвердила Виггерсъ. Новая студентка, Эрна Бауернфейндъ.

Собственно, это презрѣнная капиталистка, получающая огромные дивиденды; она слишкомъ богата для насъ, бѣдныхъ учащихся женщинъ, но мы все-таки попробуемъ пожить съ ней. А это Паула Фрей! Одинъ изъ самыхъ непріятныхъ членовъ человѣческаго общества! Зубной врачъ!

— Получившій дипломъ въ Америкѣ!—машинально прибавила маленькая особа, выглядывая въ окно. Вотъ онъ—выходитъ изъ за угла. Я *должна* поймать его!

— Кого? Вѣчнаго студента?

Паула Фрей ничего не отвѣтила. Она еще больше высунулась изъ окна и тихимъ и строгимъ голосомъ позвала:

— Господиномъ Виндмюллеръ! Господинъ Виндмюллеръ. Ну, да! Конечно, я здѣсь! И совершенно случайно! А вы куда идете?

Ей отвѣтило глубокое молчаніе.

— Я что ли знаю объ этомъ?—обратилась Паула жалобнымъ и возмущеннымъ тономъ къ обѣимъ студенткамъ.

— Посмотрите на него, милая фрейленъ Бауернфейндъ! Посмотрите, въ какой нерѣшительности стоитъ онъ тамъ, при лунномъ свѣтѣ, и не знаетъ—впередъ ему итти или назадъ! Человѣкъ, которому уже сорокъ лѣтъ, у котораго такакая огромная борода и уже лысая голова, все еще носитъ этотъ ночной колпакъ, эту пеструю студенческую шапочку! Это неслыханно!

— Конечно!—Старый студентъ подошелъ поближе.—Я послѣдній изъ могиканъ. Прошло уже пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ „Фризо-Гельфія“ прекратила свое существованіе и вычеркнута изъ книги жизни. Но увѣряю васъ, милостивыя государыни—это была стая славныхъ! И если я разъ за весь семестръ приму участіе въ дружеской пирушкѣ...

— Вы не должны принимать участія! Маленькая дантистка совсѣмъ разсердилась.—Вы достаточно выпили пива. Вы старикъ уже. Вамъ пора сдать экзаменъ!

За окномъ опять все стихло.

Паула Фрей опять заговорила и голосъ ея задрожалъ отъ досады.

— Знаете ли вы, что тутъ происходитъ, фрейленъ Бауернфейндъ? Онъ

Digitized by Google

живетъ на проценты съ капитала, завѣщаннаго ему для ученья. Когда онъ окончитъ ученье, капиталъ перейдетъ къ какому-нибудь благотворительному учрежденію, и онъ долженъ будетъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Но знаете ли, что дѣлаетъ это чудовище? Онъ не перестаетъ учиться—въ теченіе сорока семестровъ! Онъ посѣщаетъ всѣ лекціи и могъ бы выдержать экзаменъ на трехъ факультетахъ. Но нѣтъ! Онъ предпочитаетъ оставаться вѣчнымъ студентомъ!

— Это очень понятно!—возразилъ ей низкій басъ изъ-подъ окна.—Многимъ нечѣмъ жить, хотя они докторскіе дипломы имѣютъ, а у меня есть средства къ жизни, хотя я не докторъ. Въ этомъ заключается глубокій смыслъ! Кромѣ того, такова была воля моей покойной тетушки...

— Воля ея была не такова, нѣтъ! возбужденно крикнула ему Паула. „Еслибъ она знала, какъ вы злоупотребляете ея завѣщаніемъ“...

— То перевернулась бы въ гробу! продолжалъ престарѣлый студентъ... Каждый разъ, какъ вы меня видите, вы предлагаете почтенной моей тетушкѣ перевернуться въ гробу. Это становится, наконецъ, утомительнымъ для всѣхъ насъ! Всѣ трое мы не знаемъ покоя!

Маленькая дантистка посмотрѣла на него съ досадой.

— Знаю я васъ, господинъ Виндмюллеръ! Такъ говорите вы по вечерамъ. Утромъ вы почувствуете, что позорите свою старую голову. Вамъ становится стыдно себя и людей. Тогда Вы плететесь ко мнѣ и притворяетесь даже, что у васъ болятъ зубы,—лишь бы вамъ можно было пожаловаться мнѣ на судьбу, и клянетесь мнѣ, что исправитесь. Но теперь вы попались на мѣстѣ преступленія! Идите домой, г. Виндмюллеръ!

— Домой?—печально спросилъ старый студентъ.—Но гдѣ же онъ, фрейленъ Фрей? У меня въ цѣломъ мірѣ нѣтъ пристанища, кромѣ моей жалкой студенческой каморки. Въ ней очень пустынно и неуютно, а тамъ—я вижу людей и свѣтъ, тамъ пьютъ и поютъ. Смѣйтесь, если хотите, но я боюсь оставаться по вечерамъ наединѣ съ самимъ собой.

— Идите домой!—повторила свое приказаніе Паула, хотя нѣсколько неувѣреннымъ тономъ. Бородастый студентъ повернулся молча, собираясь уходить. Казалось, что онъ былъ намѣренъ послушаться Паулы. Но на углу, у дома корпораціи онъ вдругъ остановился, бросилъ въ сторону виноватый взглядъ и тремя большими шагами достигъ входа въ „Херускію“. Тамъ тотчасъ же раздался громкій смѣхъ и звуки рояля, которыми привѣтствовали запоздавшаго гостя.—Паула ничего не сказала, но на глазахъ ея выступили слезы гнѣва.

Мета съ участливымъ видомъ кивнула ей головой...—Знаешь ли, что! Спусти-ка ты занавѣси! Вотъ такъ! А теперь присаживайся къ намъ! Я сейчасъ зажгу лампу и приготовлю чай. У тебя есть какая-нибудь работа? Такъ принеси ее сюда!

Дантистка вышла и скоро вернулась съ толстой книгой,—„Хочу заняться латинской грамматикой,—пояснила она, садясь около Эрны, и, наморщивъ лобъ начала бормотать: „amo—я люблю; amabimur—мы будемъ любимы; amabimini—вы будете любимы“ и послѣ небольшой паузы—„amandus“—тотъ, кто хочетъ, долженъ и можетъ быть любимымъ“.

— Это и есть кандидатъ Виндмюллеръ!—объявила филологичка. —Слушай... Паула,.. что ты тамъ вяжешь украдкой, подъ столомъ и съ такимъ виноватымъ видомъ?

— Ничего! Паула покраснѣла.— Это ошейникъ!

— Для собаки?

— Да, для Немо,—сказала Паула, смотря въ сторону.—Я обѣщала это.

— Понимаешь!—сказала Мета.— Знаешь ли, Эрна, кто этотъ Немо?

Digitized by Google

Бульдогъ господина Виндмюллера! О, слабохарактерность! Твое имя Паула Фрей! Она заботится не только о мужчинахъ, но и о собакахъ мужчинъ! Скажи мнѣ, маленькая зубодергательница изъ Филадельфіи, положа руку на сердце, неужели въ жизни ты не можешь обойтись безъ мужчинъ?

— Безъ мужчинъ! — съ досадой сказала Паула.—Мужчины для меня ничто! Но одного я ужасно любила бы. Мнѣ хотѣлось бы заботиться не объ одной себѣ, а о комъ-нибудь еще. Но для этого я получаю еще слишкомъ мало. Я еще никого не могу прокормить. Видите ли, фрейленъ Бауернфейндъ, я училась въ Америкѣ и не имѣю нѣмецкаго диплома. Но я добьюсь своего! Во-первыхъ, у меня большая практика среди дѣтей—женщина всегда лучше сумѣетъ обращаться съ маленькими—потомъ, я беру за работу дешево! Мы всегда и вездѣ одержимъ верхъ надъ мужчинами, потому что менѣе требовательны, чѣмъ они. Благодаря этому, мы въ концѣ концовъ подавляемъ ихъ.

— О, логика!—сказала Мета, наливая обѣимъ студенткамъ чай.— Ты объявляешь войну всѣмъ мужчинамъ, чтобы потомъ подчиниться самому безполезному изъ нихъ. Паула, оставь ты этотъ гадкій ошейникъ и займись лучше своимъ amabimini. Ты почти все время спрягаешь неправильно. Пусть Эрна прослушаетъ тебя. Она сидитъ безъ дѣла и съ недовольнымъ лицомъ, какъ и полагается современной женщинѣ. А латынь она знаетъ. Итакъ, начните переводить „Cesar, de bello Gallico". Вотъ книга лежитъ здѣсь еще со вчерашняго дня. Это какъ разъ для начинающихъ, какъ ты!

Обѣ дѣвушки повиновались и съ озабоченными лицами принялись за переводъ классической начальной фразы: Gallia est omnis divisa in partes tres — Вся Галлія распадается на три части, а Мета, поправивъ пенснэ и заткнувъ уши пальцами, чтобы не мѣшало пѣніе, доносившееся съ противоположной стороны улицы, принялась за чтеніе лекцій.

— Ну, что-же? Господинъ вселенной не пересталъ еще кричать?— освѣдомилась она черезъ нѣкоторое время, и обѣ дѣвушки утвердительно кивнули ей, читая вполголоса описаніе войны съ галлами и заглядывая по временамъ въ словарь. Въ комнатѣ слышны были лишь ихъ тихіе голоса да шипѣнье самовара. Издали доносилась студенческая пѣснь, сопровождаемая смѣхомъ, стукомъ и лаемъ собакъ.

— Какъ глупо! — сказала Эрна, приподымая занавѣсъ окна.—Совершенно, какъ маленькія дѣти! Всѣ теперь сидятъ верхомъ на стульяхъ и съ пѣніемъ галопируютъ на нихъ по комнатѣ...

Мета бросила ей укоризненный взглядъ.

— Ты этого не понимаешь! Какъ женщина, ты—существо менѣе одаренное, чѣмъ мужчина! Еслибъ мы, учащіяся женщины, вздумали скакать на стульяхъ по комнатѣ, съ чашками въ рукахъ и при этомъ орать во все горло безсмысленную пѣсню, то всякій сказалъ бы: „Какъ можно допускать такихъ дѣтей въ университетъ?" Но это—мужчины. Не забывай этого. Они все знаютъ лучше насъ. На все у нихъ есть свои причины, о которыхъ мы и не подозрѣваемъ.

— Но мы проникнемъ въ ихъ тайны!—сказала Эрна, бросивъ сердитый взглядъ на ярко освѣщенныя окна напротивъ. — Проникнемъ — какъ бы они не запирались отъ насъ! Смотрите, они уже запираютъ ставни. Почему это?

— Потому что настроеніе ихъ слишкомъ приподнято!—Мета открыла окно.—Въ полночь ты можешь видѣть на улицѣ множество пошатывающихся фигуръ, которыя выходятъ изъ этого храма наукъ и спиральными движеніями достигаютъ своихъ жилищъ. Ты должна взирать

Digitized by Google

на нихъ съ уваженіемъ, думая: Это мужчина!

— Вотъ онъ!—сказалъ подъ окномъ чей то рѣзкій голосъ. Тамъ стоялъ, со шляпой и палкой въ рукѣ, маленькій человѣчекъ, почти карликъ и при лунномъ свѣтѣ блестѣла лысина его головы, слишкомъ большой въ сравненіи съ туловищемъ. Морщинистое лицо, и особенно носъ, было красно. Широкій безусый ротъ былъ растянутъ язвительной улыбкой, а изъ-подъ золотыхъ очковъ сверкали большіе зеленые, какъ у лягушки, глаза.

— Такимъ я представляю себѣ Перкео!—прошептала Эрна дантисткѣ. Мнѣ кажется, что онъ уже выпилъ бочку пива!

— Это вѣрно!—послышался снизу глухой голосъ Перкео.—Taceat mulier in ecclesia! Замѣтьте это себѣ, фрейленъ Виггерсъ и вы, тамъ, позади, хихикающаяся тѣнь, въ которой я узнаю фрейленъ Фрей!

— Сегодня насъ трое!—сказала Паула, подходя къ окну.

Карликъ съ важнымъ видомъ поднялъ свою палку.—Да будетъ извѣстно и третьей: Taceat mulier in ecclesia!

Эрна вдругъ разсердилась.—Taceat mulier in ecclesia!—громко сказала она,—sed non taceat in litteris, non taceat in saeculo nostro libertatis!

Лицо Перкео выразило ужасъ и отвращеніе, и онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ. — И эта знаетъ латынь! Горе мнѣ! Всѣ онѣ говорятъ по-латыни! Истинно, пришелъ конецъ міру! Все въ природѣ пошло на выворотъ! Гинкеле!..—Онъ началъ искать кого то въ тѣни.—Гинкеле!

— Гинкеле — это гидъ, который сопровождаетъ его по ночамъ!—шепнула Паула Эрнѣ, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Гинкеле! Она тоже говоритъ по-латыни! О, Боже мой! Что станется съ нашими дѣтьми? Что станется съ моими многочисленными дѣтьми? Я самъ не знаю, сколько ихъ у меня. Они цѣпляются мнѣ за ноги, заползаютъ во всѣ углы и начинаютъ такой кошачій концертъ, что я убѣгаю изъ дома въ трактиръ. — Голосъ Перкео зазвучалъ глуше.—Въ меня вселился духъ вина. Повѣрьте мнѣ, filiae studiosae, я пренепріятный человѣкъ! Жена моя должна лѣчиться—черезъ меня, дѣти мои почти не имѣютъ отца... Гинкеле! Гдѣ Гинкеле!

— Вамъ слѣдовало бы пойти домой!—сказала Мета. Карликъ пристально посмотрѣлъ на нее своими сверкающими сѣро-зелеными глазами.—Знаешь ли ты, гдѣ мой домъ? Я—не знаю! Знаю только, что вокругъ солнца кружится песчинка, и песчинка эта—Земля; на песчинкѣ сидитъ микроскопическое насѣкомое—человѣкъ—и вертится вмѣстѣ съ нею. Я хорошо чувствую, что все вокругъ меня вертится. Ничто не имѣетъ точки опоры. Незадолго до полночи всѣ предметы приходятъ въ вращательное движеніе и всѣ тайны міра, надъ которыми я напрасно ломаю голову въ теченіе дня, становятся мнѣ ясными. Но около меня долженъ быть Гинкеле, чтобы поддерживать меня. Иначе я заверчусь тоже и исчезну, Богъ вѣсть куда. Догадываетесь ли вы, новенькая студентка, тамъ, наверху, что такое наша жизнь? Вы еще долго будете удивляться ей! Во мнѣ даже, старомъ знаменитомъ ученомъ, она не перестаетъ вызывать удивленіе!

— А теперь все-таки пора вамъ отправиться домой!—повторила Мета, Эрна же все еще не могла придти въ себя отъ удивленія, вызваннаго этимъ пьянымъ карликомъ.—Уже ночь!

Человѣчекъ, стоявшій подъ окномъ, съ меланхолическимъ видомъ оперся на палку, опустивъ свою могучую голову.

— Ночь — врагъ людей! Ночью приходитъ сонъ, во снѣ же сотворена женщина! И въ этомъ все зло! Счастье было бы, еслибъ вы никогда и не существовали! Но, если я за-

Digitized by Google

хочу, все окажется несуществующимъ. Я— единственное живое и мыслящее существо въ хаосѣ звѣздъ и міровъ, который медленно движется вокругъ меня.

— Cogito, ergo sum!—сказала Эрна изъ окна.—Я существую! Я здѣсь!

— Minime! Вы не существуете! Васъ тутъ нѣтъ! Вы лишь обманъ моихъ чувствъ. Я сейчасъ докажу вамъ, что вы не существуете! Итакъ— кто вы?

— Я? Я пріѣхала съ Рейна и...

— Нѣтъ! — Карликъ съ торжествомъ сверкнулъ своими лягушиными глазами.—Вы—простое отраженіе на сѣтчатой оболочкѣ моего глаза. Я не люблю отраженій, какъ бы они не были красивы! Я закрываю глаза и отраженій нѣтъ! Ничего нѣтъ! Тсс! Не говорите! Васъ нѣтъ! И это очень хорошо!

— Это очень хорошо!—повторилъ онъ, опять сверкнувъ глазами изъ-подъ очковъ.

— Для чего нужны такія студентки, какъ вы? Чего хочетъ такая студентка? Что ей нужно? Cui prodest? спрашиваю я. Не говорите мнѣ ничего объ университетѣ, уважаемая фрейленъ! Вы знаете мое мнѣніе о немъ. Проходя мимо университета, я закрываю глаза, чтобы не видѣть его. Тогда онъ перестаетъ существовать для меня. Онъ исчезаетъ въ глубинѣ моего презрѣнія къ нему—онъ и все, что имѣетъ къ нему отношеніе, прежде же всего—профессора!

— Когда вы оставите профессоровъ въ покоѣ? — сказала Мета. Маленькій Перкео разсмѣялся и поправилъ очки.

— Никогда, милая моя фрейленъ Виггерсъ! Чѣмъ была бы для меня жизнь, еслибъ не было моихъ враговъ — профессоровъ и женщинъ? Гинкеле, что вы думаете о женщинахъ?

Высокій человѣкъ съ бородой à la Henri IV и наружностью гусарскаго вахмистра въ штатскомъ платьѣ, подошелъ къ нему и поддержалъ его. Карликъ крѣпко оперся на него.

— Наконецъ-то, Гинкеле! — сказалъ онъ обрадованно.—Вы все были заняты? Днемъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Эрнѣ,—онъ водитъ чужестранцевъ по развалинамъ, а ночью меня, развалину, между чужестранцами. Вѣдь мы чужестранцы на землѣ, гости въ Гейдельбергѣ и во всемъ мірѣ, мы, собственно не существуемъ, а только воображаемъ, что существуемъ. Не правда ли, Гинкеле?

Гинкеле отвѣтилъ утвердительно, и Перкео съ довѣрчивымъ видомъ схватилъ его за пуговицу сюртука.

— До сихъ поръ я отыскалъ только одну неподвижную точку—трактиръ подъ вывѣской „Виноградная кисть“. Онъ всегда стоитъ на своемъ мѣстѣ, когда все несется въ вихрѣ вокругъ меня. Теперь мы пойдемъ туда и я угощу всѣхъ, кто обыкновенно собирается около моего „круглаго стола“. Не презирайте извозчиковъ и лакеевъ, дворниковъ и псарей! Это мои полуночные друзья. Днемъ я не вижу ихъ! Днемъ они не существуютъ для меня! Но прежде чѣмъ мы отправимся туда, Гинкеле, скажите откровенно: что думаете вы о женщинахъ?

Гинкеле украдкой подмигнулъ тремъ студенткамъ у окна и обвилъ рукой станъ карлика, чтобы вести его дальше.

— Какъ сказать!—пробормоталъ онъ, — нѣкоторые думаютъ такъ, другіе—иначе! Разно бываетъ! А теперь пойдемте! Городовой уже давно посматриваетъ на насъ, потому что вы такъ громко говорите!

— Это Бадіоръ?—Карликъ протянулъ къ нему обѣ руки... Добро пожаловать, стражъ ночи! Какъ поживаете, господинъ Бадіоръ? Что подѣлываете? Чѣмъ занимаетесь? Что подѣлываетъ Ваша любезная супруга? У нея еще не родились двойни?

Полицейскій добродушно разсмѣялся.

Digitized by Google

— О, объ этомъ Вы спрашиваете каждую Божію ночь! Нашимъ близнецамъ уже годъ!

— Optime!“ Перкео благодушно кивнулъ головой и удалился, влакамый двумя своими спутниками... Bene fecisti, amice! О чемъ говорили мы съ вами, господинъ Бадіоръ, когда разстались сегодня на разсвѣтѣ? Кажется, о Платонѣ и его теоріи тѣней?

— Богъ знаетъ, о чемъ вы тамъ говорили!—сказалъ полицейскій.—О Платонѣ—такъ о Платонѣ.

— Прошу не относиться къ Платону съ презрѣніемъ!— предупредилъ карликъ.—Я знаю, что вы и Гинкеле находитесь подъ вліяніемъ Спинозы! Но, милѣйшій, объ этомъ мы поговоримъ подъ вывѣской „Виноградной кисти“.

Покойной ночи, сударыни! Общество ждетъ меня: дворникъ, извозчикъ, по имени Штумпе торговецъ собаками, полный мудрости и ироніи,—у котораго любой профессоръ можетъ научиться логикѣ... Но гдѣ они бываютъ днемъ?

Всѣ трое исчезли во мракѣ, но еще разъ послышался жалобный вопль Перкео... Гдѣ же они бываютъ днемъ?

Потомъ настала тишина, только изъ оконъ противоположнаго дома доносился глухой шумъ.

Эрна казалась совсѣмъ раздраженной.

— Что это за сумашедшій?—спросила она.

— Это?—сказала сухо Мета... Это Давидъ Галлюсъ.

— Какъ?! Великій ученый, знаменитый химикъ?.

— Его знаетъ здѣсь всякій ребенокъ.

— И я хотѣла работать у него въ лабораторіи?

— И будешь!

— Но это сумасшедшій!

— Немножко,—сказала Мета,—и только ночью. Днемъ безуміе его превращается въ геній. Днемъ это совершенно другой человѣкъ—полный достоинства, кроткій, серьезный, настоящій жрецъ науки. Но какъ только наступаютъ сумерки...

— Онъ напивается! — добавила Паула Фрей.

— Каждую ночь. Гинкеле долженъ смотрѣть за нимъ, какъ нянька за малымъ ребенкомъ.

За нимъ ходитъ всякій сбродъ. Швейцаровъ, полицейскихъ, извозчиковъ—всѣхъ онъ угощаетъ, и всѣ смѣются надъ нимъ. Лѣтомъ онъ часто отправляется съ Гинкеле въ деревни, гдѣ бываютъ ярмарки, цѣлую ночь танцуетъ съ крестьянскими дѣвушками и служанками, угощаетъ парней и солдатъ пивомъ, чтобы они его не прибили, является совершенно утомленнымъ домой, засыпаетъ на нѣсколько часовъ и потомъ съ глубочайшей серьезностью и торжественностью принимается за работу!

— Гинкеле!—послышался вдругъ издали жалобный голось стараго ученаго... И вы, милѣйшій Бадіоръ: мы пляшемъ на вулканѣ: женщины вооружаются противъ насъ. Во всемірной исторіи произойдетъ переворотъ! Женщины произведутъ возстаніе, Насъ оттѣснятъ на задній планъ! Мы будемъ готовить обѣдъ, Гинкеле, убирать въ комнатахъ, вязать чулки, пить кофе! Въ концѣ концовъ намъ навяжутъ и дѣтей! Но я буду защищаться противъ этого руками и ногами!—Голосъ его прервался жалобнымъ рыданіемъ. Я протестую!

Все снова смолкло. Итакъ, это былъ Давидъ Галлюсъ! Эрна сидѣла задумчивымъ видомъ, покачивая хорошенькой головкой. Она представляла себѣ ученаго иначе.

— Онъ женатъ?—спросила она черезъ нѣсколько времени. Мета утвердительно кивнула головкой.

— У него жена и семеро дѣтей! Онъ часто не узнаетъ ихъ на улицѣ, гладитъ по головкѣ и спрашиваетъ, чьи они! Но ты можешь спокойно отправиться къ нему завтра. Днемъ онъ не помнитъ, съ кѣмъ разгова-

Digitized by Google

ривалъ ночью. Даже когда Гинкеле раскланивается съ нимъ, онъ только посматриваетъ на него съ недовольнымъ видомъ изъ-подъ очковъ и не отвѣчаетъ на поклонъ.

Напротивъ открылись двери дома „Херускіи" и кто-то крадучись, чтобы не быть замѣченнымъ, вышелъ на улицу. Эрна узнала его. Это былъ старый майоръ, котораго она встѣтила у профессора Арраса. Застегивая пальто, онъ оглянулся и увидѣлъ у окна женскія фигуры.

— Добрый вечеръ, фрейленъ Виггерсъ!—весело крикнулъ онъ и потомъ, переходя улицу, добавилъ гораздо вѣжливѣе:—Добрый вечеръ, фрейленъ Бауернфейндъ! Какъ идутъ ваши занятія?

— Благодарю майоръ!— сказала Эрна.—У насъ занятія идутъ впередъ. А тамъ, у васъ, осмѣлюсь спросить?

Старикъ вздохнулъ. —Я ушелъ. Пора спать. Вамъ тоже слѣдовало бы уже спать, коллега Виггерсъ! За послѣднія недѣли вы что-то поблѣднѣли. Отъ работы или...?

— Ахъ, да!—Онъ собирался уже уходить, но теперь остановился и сказалъ, стараясь принять самый невинный видъ.—Докторъ Бониферъ просилъ передать вамъ поклонъ! Я встрѣтилъ его сегодня; и знаете— съ кѣмъ?

— Конечно, съ Диной Шпильфогель!—Рѣзко сказала Мета.—Неужели онъ можетъ восхищаться ею? Это смѣшно! Защитникъ женскихъ правъ, который въ каждой женщинѣ видитъ Елену!

— Елену? Ну, нѣтъ! Онъ говоритъ, что она настоящая гольбейновская Мадонна. А она сама думаетъ, что въ ней есть что-то прерафаэлитское!

— Скудна тѣломъ и еще больше—духомъ!—сказала Мета, пожимая плечами.

— Прощайте!

Маіоръ удалился, а Эрна съ изумленіемъ спросила подругу, взявъ ее за руку;

— Съ какихъ поръ ты стала такой злой? Это для меня ново. Что такое эта Дина Шпильфогель?

— Воробьиный мозгъ, нервы мимозы, прическа во вкусѣ Боттичелли и меланхолическая улыбка, комедіантка по отношенію къ себѣ и ко всему свѣту... и при этомъ очень красива! Вотъ что такое Дина Шпильфогель! И въ ней мой другъ Бониферъ видитъ женщину будущаго! Онъ всегда былъ и остался идеалистомъ..."

Все это Мета сказала съ величайшимъ презрѣніемъ и горечью.—Цѣлые дни они проводятъ вмѣстѣ, погружаются въ міровую скорбь, увлекаются декадансомъ или ученіемъ о „сверхчеловѣкѣ"—не знаю, впрочемъ, какое направленіе они теперь избрали; копаются въ своихъ прекрасныхъ душахъ, взаимно наигрываютъ на нервахъ и упражняются въ остроуміи... Въ лѣчебницу ихъ надо для нервно-больныхъ, милая Эрна, особенно ее... Его-то и такъ легко излѣчить!

— И это можешь сдѣлать ты? — безцеремонно спросила Эрна.

— Нѣсколько недѣль тому назадъ онъ часто приходилъ ко мнѣ и мнѣ казалось, что онъ сталъ разумнѣе и пересталъ воображать себя сверхчеловѣкомъ.

Но какъ только онъ встрѣтится съ этимъ пучкомъ нервовъ, Диной Шпильфогель, съ ея дѣтскимъ личикомъ и прической мадонны, онъ опять становится мягче воска и теперь съ восторгомъ сдѣлался опять прерафаэлитомъ и декадентомъ... изъ-за этой Дины!

— Но онъ вернется къ тебѣ раскаявшимся грѣшникомъ!—сказала, утѣшая ее, Эрна. Она была удивлена. Никогда ей не приходилось видѣть въ Метѣ столько презрѣнія и горечи! Очевидно, это была ревность! Слѣпая ревность! Настолько слѣпая, что Мета даже не могла скрыть ея!

Итакъ, „безчувственная" холодная „блондинка" оказалось далеко не

Digitized by Google

такой холодной и безчувственной, какъ можно было думать! У нея тоже было горе!

Эрна задумалась. Казалось, что никто не можетъ избѣгнуть огорченій. Такова жизнь... Единственное утѣшеніе, подумала Эрна, что и мужчинамъ не лучше, даже такимъ сильнымъ и холоднымъ людямъ, какъ Джонъ Генри ванъ Леннепъ. Думая о немъ, Эрна почувствовала жалость—вѣдь онъ все-таки очень любилъ ее, хотя по своему, а сегодня онъ долженъ получить ея письмо; послѣ споровъ и несогласій послѣднихъ недѣль оно не будетъ для него неожиданностью, но она знала, что письмо причинитъ ему боль и задѣнетъ его самолюбіе; онъ вѣдь не изъ тѣхъ, кого легко оттолкнуть отъ себя.

Но такъ должно быть! Прошло уже шестнадцать часовъ съ тѣхъ поръ, какъ она покинула опустѣлый родительскій домъ, убѣжавъ изъ него, какъ изъ темницы, и поспѣшно сѣла въ вагонъ, бросивъ послѣдній взглядъ на давно знакомыя мѣста, на высокія фабричныя трубы, на молчаливые ряды угрюмыхъ оконъ фабрики... поѣздъ сдѣлалъ поворотъ, и все это осталось позади нея! Навсегда!

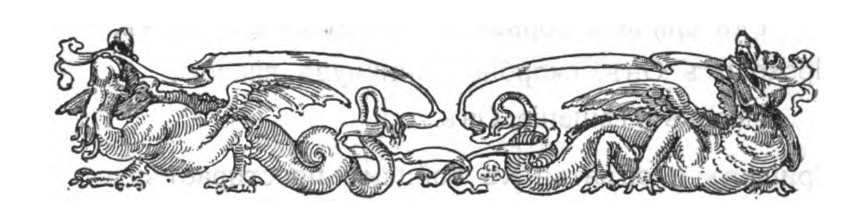
Зачѣмъ возвращаться къ прошлому?!

Впереди новая жизнь со всѣми ея радостями. Эрна печально прислонилась къ спинкѣ качалки.—Мета!—сказала она.—Дѣйствительно—странныя созданія люди! И особенно мы, женщины! Почему мы вѣчно заняты своимъ сердцемъ? Даже ты! Мнѣ такъ отрадно было видѣть твою холодность и благоразуміе! Тогда какъ я... ахъ, Боже мой!

Она вдругъ замолчала. Мета ничего не отвѣтила ей и углубилась въ свои занятія.

Пер. съ нѣм. *М. Кондратьевой*.

(До слѣд. №-ра).

Digitized by Google

НА ВОЙНѢ.

Свинцовое небо. Равнина нѣмая.
Удушливо-смрадная сѣрая мгла.
Куда ни посмотришь—отъ края до края
Тѣла, все тѣла и тѣла.

Надъ страшной равниной въ пугающей дали
Проходитъ, какъ странникъ бездомный, Христосъ.
На кроткомъ лицѣ Его, полномъ печали,
Алмазы божественныхъ слезъ.

Туда, гдѣ рокочутъ орудія боя,
Гдѣ слилась борьба въ потрясающій стонъ,
Проходитъ Онъ, скорбно поникнувъ главою,
Несетъ утѣшеніе Онъ.

Пришелъ и объятья къ бойцамъ простираетъ:
—Да будетъ надъ вами и миръ, и любовь!—
Напрасно. Губительный бой не смолкаетъ
И льется попрежнему кровь.

К. Мордвиновъ.

Digitized by Google

Искусство, техника и промышленность.

Въ Японіи искусство, заимствованное у китайцевъ, развивалось очень своеобразно. Въ декораціонномъ искусствѣ японецъ ушелъ дальше другихъ народовъ, но въ созидательномъ — остался на одной изъ первоначальныхъ ступеней: ихъ наилучшіе храмы, въ сравненіи съ храмомъ въ Севильѣ, похожи на сараи; ихъ скульптурныя изваянія, въ особенности человѣческихъ фигуръ,-- не иное что, какъ неуклюжія карикатуры.

Единственное исключеніе составляетъ колоссальная бронзовая вызолоченная статуя Будды въ Камакурѣ (которую можно сравнить со статуей Зевеса—Фидія); она вылита въ 1252 г. Ея ваятель Оно Горосмонъ создалъ этой работой наисовершеннѣйшій и вѣчный памятникъ японскому искусству. Статуя, внутри полая, состоитъ изъ отдѣльныхъ кусочковъ, сдѣланныхъ рѣзцомъ. Она находится въ храмѣ, построенномъ на 63 колоннахъ. На лицѣ божества отражается абсолютный душевный миръ, пріобрѣтенный полнымъ отреченіемъ отъ всѣхъ желаній и страстей.

Въ живописи японцы также не имѣли ни малѣйшаго понятія оперспективѣ, равно какъ и о свѣтовыхъ отраженіяхъ и тѣняхъ; изображенія большинства предметовъ дѣлались шаблонно: подражали издавна привычнымъ формамъ древнихъ живописцевъ, не отличавшихся наблюдательностію. Но этого нельзя ставить японцамъ въ упрекъ, такъ какъ и древніе греческіе художники вначалѣ изображали человѣческія лица и фигуры также болѣе или менѣе шаблонно.

Японскій живописецъ отличается отъ своего европейскаго собрата умѣньемъ владѣть кистью и соединять краски. Онъ великъ въ выраженіи, котораго достигаетъ простыми средствами.

Маруяма Окіо и Кейбунъ нѣсколькими штрихами набрасывали зимній ландшафтъ.

Горы вдали, летящіе журавли, дома, окруженные группами бамбуковъ, лодки, ныряющія въ синихъ волнахъ моря, рабочій въ травяномъ плащѣ— придаютъ картинѣ силу и жизнь.

Digitized by Google

Мелкія вещицы японскаго искусства, какъ рѣзныя пуговицы (Netsukle) и различныя бездѣлушки (Okimono) имѣютъ отдаленное сходство съ предметами, найденными въ могилахъ Помпеи и Болоньи.

Чужеземная орнаментика изъ арабесковъ не удовлетворяла японцевъ; моделью для декораціоннаго искусства служила имъ своя страна и позаимствованные у китайцевъ образцы одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ. Драконы, слоны, киринъ (миѳическое животное, похожее на льва), хвостатая черепаха и ково (миѳич. птица, напоминающая дракона, но съ хвостомъ райской птицы)— предметы, служившіе ранѣе для орнаментовъ. Впослѣдствіи всѣ эти никогда не виданные предметы замѣнялись тѣми, которые видѣли и наблюдали, а потому могли правильнѣе изображать, а именно: журавлями, фазанами, утками, курами, гусями, а иногда соколомъ и орломъ. Изображеніе рогатаго скота и лошади не дается японцамъ; обезьянъ они всегда рисуютъ въ смѣшномъ видѣ, напр. гоняющимися за бабочками; хорошо также выходятъ крысы, сидящія на виноградныхъ лозахъ и глодающія виноградъ, и мыши, покоящіяся на пыльныхъ крыльяхъ. На маленькихъ изящныхъ вещицахъ большею частію изображаютъ рыбъ, змѣй, ящерицъ лягушекъ и насѣкомыхъ; не пренебрегаютъ также цвѣтами, деревьями и травами. Но въ отношеніи этихъ послѣднихъ японцы довольно своеобразны: они любуются цвѣтами вишневыхъ и сливовыхъ деревьевъ, вистаріей, а на другіе не обращаютъ вниманія, такъ какъ и въ старину художники пользовались только этими деревьями.

Вишневыя деревья японцы изображаютъ всегда въ цвѣту, а сливовыя въ зимнемъ покровѣ, съ голыми вѣтвями. Изъ обыкновенныхъ деревьевъ часто рисуютъ сосны и бамбукъ, а японскій кедръ почти никогда; изъ травъ чаще всего въ живописи на фарфорѣ встрѣчается высокая красиво цвѣтущая „Eulalia japonica".

Наиупотребительнѣйшимъ же предметомъ художественныхъ изображеній при орнаментикѣ служитъ въ Японіи вулканъ Фузи, самая красивая гора въ свѣтѣ послѣ горы Эгмонтъ на Таранаки. Его найдешь вездѣ: на какемоно, на фарфорѣ и т. д.; рисуется онъ то уходящимъ вдаль, какимъ его видятъ съ моря, то съ вершиной надъ облаками, какъ кажется наблюдающимъ эта гора съ озера Хаконе въ неясные дни.

Нельзя не упомянуть и о японской фотографіи: во всѣхъ приморскихъ городахъ продаютъ чудно разрисованные фотографическіе снимки разныхъ ландшафтовъ. Больше всего можно пріобрѣсти такихъ снимковъ въ Кобе, гдѣ ихъ продаютъ въ самой гавани и гдѣ они красивѣе и дешевле, чѣмъ въ Токіо и Іокогамѣ.

Вотъ имена японскихъ живописцевъ: Хазегава-Сеттанъ въ Іедо 1840 г., Хоккей—ученикъ Хокузама, 1830 г., Изай — 1860 г. и Киозай— 1884 г.

Чтобы ознакомиться съ японской промышленностію и техническимъ производствомъ, нужно побывать въ Токіо въ торговомъ музеѣ между Шилебаши и Текидши, и въ Лондонѣ въ индѣйскомъ музеѣ и Кенсингтонъ (теперешній музей Викторіи и Альберта).

Рѣзбой и полировкой занимаются главнымъ образомъ въ уѣздахъ Хаконе и Никко. Въ Хаконе выдѣлываютъ блюда, гребни, горшки и т. под. изъ крашеной ольхи, финиковой сливы и zelkova acuminata „Keyaki"—подобія вяза. Всѣ эти предметы украшаются различными орнаментами, а затѣмъ покрываются прочнымъ растительнымъ лакомъ, добываемымъ изъ дерева „Rhus vernicifera". Въ Никко больше всего истребляютъ дерево камелій, но употребляютъ также и вишневое, и туйю (Thuja), и буковое (Fagus siboldi); изъ послѣдняго, говоритъ

Digitized by Google

Рейнъ, выдѣлываютъ суповыя чашки.

Въ Японіи со скульптурой, достигшей и въ Европѣ (въ Шварцвальдѣ и Швейцаріи) своеобразнаго и высокаго развитія, тѣсно связано и искусство лакированія, которое придаетъ скульптурѣ особенный, можно сказать специфическій характеръ. Въ Европѣ для этой цѣли употребляютъ камедь, вытекающую изъ акацій, фиговыхъ деревьевъ и колючей крушины. Этотъ лакъ *) растворяется въ алкоголѣ и сохраняется въ такомъ видѣ цѣлые годы.

Японскій лакъ—чисто растительное вещество, получаемое изъ надрѣзовъ, дѣлаемыхъ на лаковомъ деревѣ Rhus vernicifera (Urushi). Сокъ этотъ собираютъ въ деревянные сосуды, затѣмъ фильтруютъ чрезъ хлопчатую бумагу, смѣшиваютъ съ водою и камфорою и тогда уже употребляютъ въ дѣло. Въ сыромъ помѣщеніи этотъ лакъ отвердѣваетъ и превращается въ упругую, почти нерастворимую массу, причемъ главная составная часть — лаковая кислота C_{14} H_{18} O_2, подъ вліяніемъ фермента впитываетъ изъ воздуха кислородъ и превращается въ окись лака C_{14} H_{18} O_3,. Такое свойство дорогого японскаго лака даетъ ему большое преимущество передъ камедью. Этому лаку придаютъ всевозможную окраску, прибавляя золотую и серебряную пыль, киноварь, индиго, сосновую сажу, бѣлила, желтую смолу, сафлорную кислоту. Наилучшая европейская политура не сравнится съ блескомъ этого лака. Мраморная лакировка получается отъ покрытія предмета лакомъ разныхъ цвѣтовъ и шлифовки.

Прекрасный видъ имѣютъ ландшафты, нарисованные золотомъ по черному фону, что можно видѣть на тарелкахъ и на лакированной мебели, выставленной въ торговомъ музеѣ въ Токіо. Въ перламутровой инкрустаціи японцы давно превзошли своихъ учителей—китайцевъ. Матеріалъ для этого они получаютъ, какъ говоритъ Рейнъ, отъ японской улитки „Avabi" (Haliotis gigantea морское ушко). Перламутръ изъ китайскихъ раковинъ также идетъ въ дѣло.

Очень искусны японцы и въ рѣзьбѣ, которую можно видѣть на роговыхъ и костяныхъ пуговицахъ, черепаховыхъ гребенкахъ и другихъ бездѣлушкахъ изъ слоновой кости.— Японскія черепахи изъ рода чешуйчатыхъ (Chelonia imbricata)—которыя водятся въ тропическихъ моряхъ. Необыкновенно искусно сдѣланы также и японскія трубки, которыя, какъ и китайскія, отличаются своими миніатюрными резервуарами,— головками. Въ Лондонѣ въ музеѣ есть одна изъ такихъ трубокъ съ рельефными цвѣтами и золотой и серебряной мозаикой. Въ Лондонѣ же въ индійскомъ музеѣ есть статуетка богини Кванои въ 15 см. высоты, пріобрѣтенная за 6000 мар. Тамъ же можно видѣть маленькія слоновыя пуговицы въ видѣ птичекъ.

Близъ Іокогамы выдѣлываютъ буддистскія четки изъ слоновой кости, причемъ въ каждую четку вдѣлывается какое-нибудь насѣкомое. Нѣчто подобное встрѣчается и въ Европѣ, такъ, напр., въ британскомъ музеѣ находятся португальскія четки 1500 года изъ персиковыхъ косточекъ, деревянный медальонъ съ изображеніемъ Оливера Кромвелля и кружка изъ буковаго дерева съ инкрустаціей изъ слоновой кости, но, въ сравненіи съ японской работой, все это очень грубо.

Изъ металловъ съ древнихъ временъ лучше всего, даже артистически, обрабатывалось желѣзо: мечи, шлемы, панцыри дѣлались необыкновенной прочности. На каждой отдѣльной пластинкѣ панцыря можно видѣть золотыя и серебряныя украшенія, впаенныя въ незамѣтныя углубленія. Точно также украша-

*) Вытекаетъ онъ изъ деревьевъ, проточенныхъ насѣкомымъ „coccus lacca".

Digitized by Google

лись чугунныя вазы и другіе предметы.

Такъ какъ при плавленіи мѣди получаются пузыри, то для литья статуй предпочитаютъ бронзу. Въ индійскомъ музеѣ находится бронзовая статуя Будды, сдѣланная въ Кіото за 8000 марокъ. Тамъ же я видѣлъ бронзовый колоколъ въ 800 мар. и многіе другіе интересные предметы. На открытомъ воздухѣ бронзовыя статуи покрываются мѣдянкой, отъ которой получаютъ своеобразный видъ. По Рейну, происхожденіе этой мѣдянки зависитъ отъ образованія углекислой мѣди, при чемъ играетъ роль прибавленный къ бронзѣ свинецъ.

Перейдемъ теперь къ керамикѣ— художественной выдѣлкѣ глиняныхъ издѣлій.

Китайцы—первые открыли фарфоръ и еще въ 1010 г. послѣ Рожд. Хр. изготовляли очень хорошую посуду на Императорской фабрикѣ Кинг-те-хин въ провинціи Кі-анг-си. „Высокій холмъ“ (Као-высокій, ling—холмъ) доставилъ первый „каолинъ“. Фарфоръ этотъ отличался бѣлизной. Въ Нанкинѣ въ 1415—1430 г.г. построили башню, стѣны которой облицевали фарфоромъ, какъ это и до сихъ поръ дѣлаютъ въ Южной Америкѣ. Въ 1570 г. хорошій каолинъ сталъ рѣдкостью въ Китаѣ, и чтобы скрыть сѣрый цвѣтъ худшаго каолина, стали покрывать посуду блестящею эмалью. Въ 1513 г. нѣкто Горудаю Шомуи ввелъ и въ Японіи фабрикацію фарфора. Като Широцалмонъ, пробывшій шесть лѣтъ въ Китаѣ, довелъ гончарное производство въ Сето (овари) до совершенства. Особенно хорошо выходили у него маленькія бездѣлушки, называвшіяся „сето-моно“, т. е. вещи изъ Сето. Это выраженіе употребляется и теперь, когда говорятъ о фарфоровыхъ издѣліяхъ. Собственно „Сето“ есть собирательное имя, обозначающее четыре мѣста, вблизи которыхъ находится хорошій каолинъ и гдѣ въ 80 домахъ занимаются приготовленіемъ фарфора, а въ остальныхъ 187 обыкновенной гончарной работой. Въ Нагойи можно посѣтить фабрику Мацарумы и познакомиться съ ея производствомъ. Японскій кобальтъ доставляетъ голубую глазурь, а ввозный китайскій—темносинюю. Кіото—главное мѣсто производства и продажи фарфора. Въ Европу вывозится много посуды съ фабрики Кинкоцан въ Авата; фабрика расположена между городомъ и холмомъ Хигашияма. Всякій желающій пользуется свободнымъ доступомъ на эту фабрику. Извѣстный фарфоръ Кутани фабрикуется на заводѣ Ганквадо, на западномъ берегу Японіи Хирадійскій фарфоръ (въ Нагасаки) цѣнится за его прекрасный синій цвѣтъ. На маленькомъ островѣ Авайи былъ одинъ богатый любитель фарфора, по имени Калю Мимпей, истратившій почти все свое состояніе на выдѣлку фарфоровыхъ вещицъ съ темнозеленой и желтой (цвѣта соломы) глазурью, что было тогда (1830—1840 г.) моднымъ въ Китаѣ. Вещицы эти и до сихъ поръ не потеряли цѣнности въ глазахъ любителей.

Больше же всего проявили японцы свои способности и свое искусство въ изготовленіи такого тонкаго фарфора, какъ яичная скорлупа. Не вѣрится даже въ возможность вылѣпить изъ такого тонкаго слоя какую нибудь чашечку и обжигая не разбить ея, а между тѣмъ въ 1837 г. нѣкто Икеда Яссупо имѣлъ такую фабрику Микивахи.

Изъ фаянсовыхъ предметовъ заслуживаютъ больше всего вниманія тѣ, которые покрыты щелистою глазурью, открытою совершенно случайно. На одной изъ фабрикъ поставили обжигать посуду въ недостаточно охлажденную печь, отчего и образовались трещины на глазури. Это такъ понравилось даймиосу Танура въ Кагошимо, что онъ велѣлъ продолжать изготовленіе такой посуды. Даже и теперь тамъ же вы-

Digitized by Google

дѣлываютъ въ небольшомъ количествѣ такую посуду, извѣстную подъ названіемъ „crackled safsuma fayence“. Бѣлый фаянсъ получается изъ Даго при Мацуяма. Изъ провинціи Ицумо получается такой же бѣлый, но съ болѣе прозрачною глазурью и великолѣпными рисунками цвѣтовъ, насѣкомыхъ и бабочекъ, а часто и съ щелистою глазурью. Такъ называемая банкофаянсовая посуда съ рельефными рисунками фабрикуется въ Іокаихи, на восточномъ берегу Изе, а продается въ Нагоя, Іокогама и Кобе.

Эмальированные металлическіе предметы изготовлялись еще въ 1550 году въ Нагоя и его окрестностяхъ. Производилось это слѣдующимъ образомъ: въ раскаленную посуду изъ желѣза или мѣди выливали цвѣтную стекловидную массу, которая и покрывала внутренность этой посуды. Въ настоящее время фирма Намикава въ Кіото производитъ наилучшую эмальированную посуду (Cioi sonnè), которая снаружи имѣетъ видъ мозаики, т. к. состоитъ изъ небольшихъ углубленій, наполненныхъ различнаго цвѣта стекловидною массою.

Лучшій японскій фарфоръ вывезенъ въ европейскіе музеи въ самомъ началѣ 19-го столѣтія. Многое изъ фабрикуемаго въ Японіи, какъ, напр., вазы, кувшины, никогда и не употребляется въ самой Японіи, а изготовляется исключительно для экспорта. Въ виду этого и форма и отдѣлка этихъ предметовъ, больше во вкусѣ иностранцевъ, чѣмъ японцевъ. Докторъ Бирхъ говоритъ, что въ главныхъ музеяхъ всего свѣта есть до 15000 греческихъ вазъ, а японскихъ, добавляетъ онъ, хватило бы для употребленія во всей Японіи. Въ Лондонѣ, въ индійскомъ музеѣ есть ваза въ 150 ст. высоты, съ рельефными изображеніями на ней различныхъ человѣческихъ фигуръ, драконовъ, священной горы Фузи и т. д., пріобрѣтенная за 1500 марокъ. Въ британскомъ музеѣ есть посуда 1600 г. съ разрисованными цвѣтами и птицами; тамъ же обращаютъ на себя вниманіе японскія фарфоровыя картины въ деревянныхъ рамкахъ и удобный для путешествій аппаратъ „чайной церемоніи“, состоящій изъ чайника, чашечекъ, бамбуковаго утиральника и ложечки для засыпки чаю. Замѣчательны также глиняныя издѣлія, отполированныя какъ бронза; двѣ такихъ вазы стоили 700 мар., а тарелка въ 1½ мет. въ діаметрѣ разрисованная голубыми и красными цвѣтами и птицами,—550 мар.; кадильница въ формѣ черепахи стоила 280 мар. На Парижской выставкѣ 1878 г. была изготовленная въ Кіото глиняная фигура Теккая, сидящаго на скалѣ и выдыхающаго свою душу въ воздухъ; заплачено за нее 200 марокъ.

Японская столярная работа не играетъ важной роли въ своей странѣ, но для музеевъ и для людей со средствами она доставляетъ образцовыя произведенія. Такъ въ индійскомъ музеѣ есть ящичекъ въ 2080 мар. мозаичной работы изъ окрашенной соломы съ вѣтвями, цвѣтами и листьями плюща изъ дерева; миска (Banfo) въ 40—42 ст., къ которой придѣлана фигура пажа, держащаго бутылку саке, выточена въ школѣ Шимшо въ 1600 г., вылакирована золотымъ и серебрянымъ лакомъ и стоила 2200 марокъ; ящичекъ съ рѣзьбой изъ слоновой кости и золотымъ павлиномъ стоилъ 500 марокъ. Миніатюрная мебель для комнатъ, устроенныхъ по-европейски, дѣлается въ Японіи изъ бамбуковыхъ вѣтвей; при изготовленіи этой мебели почти обходятся безъ гвоздей, а только гнутъ и закрѣпляютъ ее, дѣлая надрѣзы въ палочкахъ. Бамбукъ съ черными пятнами идетъ больше всего на мебель, если же не имѣютъ такого, то выжигаютъ на обыкновенномъ коричневыя пятна. Цѣнны также красивыя корзиночки изъ тростника и ивы: одна

Digitized by Google

изъ нихъ, въ видѣ урны, пріобрѣтена въ индійскій музей за 300 марокъ.

Большое значеніе имѣетъ для Японіи и шелководство. Заимствовано оно также у китайцевъ, которые и до сихъ поръ ежегодно отправляютъ въ Бомбей, Европу и Америку до 80000 тюковъ сырца. Въ Манчжуріи разводятся для этой цѣли гусеницы „Bombyx Pernyi“ живущія на дубахъ, а въ Японіи— туземныя бабочки-шелкопряды, имѣющія на каждомъ крылышкѣ по пятнышку въ видѣ глазка. Ямамайскій шелкъ дороже другихъ сортовъ.

Центры шелковыхъ производствъ суть: Хахиоги, на западъ отъ Токіо, и Майбаши. Сано доставляетъ самый тонкій шелкъ, Киру—особенную легкую ткань въ видѣ газа. Наилучшій шелкъ получается изъ Шимоносубы на рѣкѣ Накасендо. Шелкъ изъ Уэдо очень крѣпокъ, но безъ блеска.

Больше всего прядутъ и ткутъ шелку въ провинціи Кофу, гдѣ занято этимъ отъ 200—400 человѣкъ съ 5 часовъ утра до 8 час. вечера, почти безъ перерыва и не зная праздничнаго отдыха, а получаютъ за это 1 марку въ день.

Японскія шелковыя матеріи и парча часто бываютъ превосходны. Королева Викторія подарила въ индійскій музей ткань изъ пурпуроваго шелка и бумаги съ разбросанными по ней зелеными цвѣтами и бѣлыми фигурами,—ткань замѣчательной прочности.

Въ Токіо, въ торговомъ музеѣ выставлены также чудные образцы. Одна вышивка по канвѣ цвѣтнымъ шелкомъ и золотою нитью куплена въ Кіото за 2000 марокъ. Особенно славятся своими шелковыми товарами слѣдующіе города: Іокогама, Токіо и Кіото, гдѣ охотно показываютъ эти товары и не покупающимъ ихъ.

Въ 1891 г. Японія дала 5 милліоновъ килограм. шелку-сырцу на сумму 200 милліон. марокъ. 200 гусеницъ производятъ фунтъ сырцу изъ шести фунт. коконовъ, стоимостью въ 20 марокъ.

Что касается остальныхъ отраслей ткацкаго производства, то въ Японіи замѣчается перепроизводство. На 59 бумагопрядильныхъ фабрикахъ, основанныхъ на акціяхъ, послѣ войны въ 1894 г. было очень мало дѣла. Набивка японскихъ узоровъ на матеріи производится по-европейски. Чисто льняныхъ издѣлій у нихъ нѣтъ, но есть много пеньковыхъ тканей и кисейныхъ, выдѣлываемыхъ изъ дико-растущей „Boehmeria nivea“, волокна которой очень трудно отдѣляются, вслѣдствіе чего это растеніе и не культивируется.

Китайцы-же издавна научили японцевъ фабриковать писчую бумагу, но этимъ занимаются не на фабрикахъ, но какъ обыкновеннымъ ремесломъ почти въ каждомъ домѣ. Для этого нужны только 2 чана и волокнистыя растенія; послѣднія придаютъ прочность и упругость японской бумагѣ, которыми она и славится. Прежде всего кора молодыхъ древесныхъ вѣтокъ опускается на цѣлую недѣлю въ бѣгучую воду, затѣмъ ее варятъ въ щелокѣ до мягкости, а послѣ этого женщины разбиваютъ ее молотками на тончайшія волокна и размѣшиваютъ, какъ кашицу, добавляя воду и растительную слизь изъ дико-растущей гортензіи или рисовый клей; послѣ этого при помощи 4-хъ угольнаго шелковаго ситка и бамбуковыхъ полосъ вычерпываютъ отдѣльные листы бумаги, при чемъ, благодаря небольшому уклону, волокна ложатся всѣ по одному направленію. Листы эти высушиваются на подставкахъ и бываютъ съ одной стороны гладкими, а съ другой шероховатыми. Больше всего получается бумаги изъ Сикоку. Самая крѣпкая и хорошая бумага выдѣлывается изъ волоконъ бумажнаго тутоваго дерева (Papiermaulberbaum), а обы-

Digitized by Google

кновенное тутовое дерево доставляетъ болѣе грубую; „Edgevorthia“ же—самую плохую. Пенька, старая бумага, волокна „vistaria“ и хлопчатая бумага—все идетъ при выработкѣ бумаги. Въ Японіи бумага часто замѣняетъ матерію: ее употребляютъ вмѣсто носового платка, отрывая всякій разъ использованный кусокъ, ею-же замѣняютъ дѣтскія пеленки, употребляютъ и во многихъ другихъ случаяхъ, желая избавиться отъ лишняго мытья, — хотя бумага эта не дешева, а слѣдовательно и такой способъ ея употребленія не совсѣмъ раціоналенъ.

Крѣпкая бѣлая древесная бумага замѣняетъ японцамъ и оконныя стекла. Для письма-же такая бумага не годится, т. к. чернила на ней разливаются, но для рисованія кистью и печати — она прекрасна. Вслѣдствіе упругости и правильнаго расположенія нитей она легко разрывается на узкія полоски, которыми въ Японіи перевязываютъ покупки.— Есть тамъ и европейскія бумажныя фабрики, на которыя древесный матеріалъ для выдѣлки бумаги доставляется изъ Коканда. На этой бумагѣ печатаются газеты и ежедневные листки (мѣстныя извѣстія).

Изъ болѣе толстой бумаги дѣлаютъ обои, для чего отдѣльные листы склеиваются рисовымъ клейстеромъ, употребляемымъ и при склеиваніи картонныхъ ящиковъ.

Японскіе складные и прямые вѣера изготовляются также изъ бумаги; часто они бываютъ настоящимъ художественнымъ произведеніемъ и составляютъ отдѣльный предметъ торговли. Гора Фузи съ ея цвѣтами и птицами играетъ большую роль въ украшеніи этихъ вѣеровъ. Чтобы получить непромокаемую бумагу для зонтиковъ, ее пропитываютъ масломъ изъ сѣмянъ растенія „Perilla ocymoides“, разводимаго для овощей.

Извѣстные японскіе бумажные фонари употребляются повсюду. Каждый рикши имѣетъ ночью такой фонарь на лѣвой рукѣ и освѣщаетъ имъ путь то тутъ, то тамъ, причемъ они и загораются нерѣдко; видите вы ихъ также развѣшанными у домовъ, частію для освѣщенія, а частію для украшенія. Налакированная и спрессованная въ нѣсколько рядовъ бумага изъ древесныхъ волоконъ замѣняетъ японцу и кожу. Подъ этимъ видомъ она бываетъ очень гибка и разрисована различными цвѣтами въ японскомъ вкусѣ. Отдѣльные куски такой кожи продаютъ въ 10 мет. дл. и 1 м. шир. за 20—40 марокъ. Идетъ она также на гамаши, футляры и разнаго рода мѣшки.

Японцы занимаются также плетеніемъ разн. предметовъ изъ бамбука и индійскаго тростника. Японскія корзиночки, продаваемыя на европейскихъ рынкахъ, очень пригодны для далекихъ путешествій.

Цыновки, сплетенныя изъ ситника и набитыя рисовой соломой или тростникомъ, въ домашнемъ быту японцевъ играютъ большую роль. Изъ соломы же вьютъ канаты, дѣлаютъ мѣшки для муки и рису, сандаліи для людей, лошадей и быковъ. Соломенные маты употребляютъ и для защиты отъ палящихъ лучей солнца.

Очень красивы и разнообразны старинныя японскія игрушки и куклы, напоминающія Нюрнбергскія.

Море со своими изрѣзанными берегами, рѣки и озера составляютъ богатѣйшій источникъ японскаго народнаго благосостоянія. Морскія рыбы употребляются въ пищу въ сыромъ, соленомъ и сушеномъ видѣ; изъ нѣкоторыхъ получается жиръ и удобреніе. Ѣдятъ также водяныя поросли, а изъ нѣкоторыхъ вывариваютъ желатинъ (agar) для экспорта.

На югѣ, при Оварійской бухтѣ, попадаются и китоловы.

Море же доставляетъ японцамъ и соль. Процессъ концентраціи соли производится въ неглубокихъ лагунахъ, начиная съ солнечнаго вліянія и кончая вывариваніемъ въ котлахъ.

Digitized by Google

Мелочное производство соли развито повсюду.

Горный промыселъ составляетъ второй источникъ благосостоянія японцевъ.

Аллювіальное золото (наносное), которымъ славился нѣкогда древній Ципангу, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, перешло заграницу.

Есть и теперь золото въ Садо, Ракузу, Осуми и Сацумо, но все же вывозъ его уже гораздо меньше ввоза. Серебро добывается въ Икуно и Тазима, Ани и Уго, Ганда и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рикуху. Изъ Икунскихъ рудниковъ болѣе извѣстные по добыванію золота и серебра Тазей и Микобата. Въ Канагасе кромѣ серебра добывается и мѣдь.—Въ Икуно разработкой золота занято болѣе 1500 чел. Работаютъ днемъ и ночью по 8 часовъ. Истолченная руда въ соединеніи съ сѣрнокислымъ натромъ выдѣляетъ изъ себя серебро.—Инайскія копи разрабатываются уже съ 1600 года. Тутъ работаютъ много женщинъ и дѣтей.

При помощи заступовъ, рычаговъ и бурава люди проникли уже въ землю на 260 метр. глубины.

Мѣдь получается главнымъ образомъ изъ Асійскихъ рудниковъ, а затѣмъ изъ Озарицава въ Рикуху, изъ Беси (къ сѣв. вост. отъ Сикоху) и изъ Ийо и Ивами. Асиво находится въ 4-хъ часахъ ходьбы отъ Никко; дорога пролегаетъ по берегу рѣки Дайагава, мимо озера Хуцени и служитъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ. Мѣдь находится здѣсь въ видѣ колчедана, содержащаго 29 процент. чистаго металла. Расплавленная мѣдь по проволочному рудоподъемному канату проводится чрезъ ущелье Госоо, а оттуда по рельсовому пути переправляется въ Никко.

Въ Беси мѣдные рудники существуютъ съ 1600 г. Въ настоящее время они принадлежатъ одному японскому милліонеру, по имени Сумитолсо, у котораго подъ руководствомъ образованныхъ нѣмцевъ служащихъ и при помощи нѣмецкихъ же машинъ работаетъ болѣе 3000 человѣкъ. Ежегодно получается 3600 тоннъ мѣди, большая часть которой отправляется въ Лондонъ.

Вблизи этихъ мѣдныхъ рудниковъ находятся и сурьмовыя копи, дающія много сурьмы и красивыхъ сурьмовыхъ кристалловъ.

Японія богата также остатками вулканическаго происхожденія, которыхъ больше всего въ Мицумо и Ивами. Вывѣтрившаяся лава даетъ песокъ магнитнаго желѣзняка, содержащій титанъ и вольфранъ, а потому изъ него выдѣлывается чудная сталь, желѣзо добывается изъ желѣзной руды въ Аки.

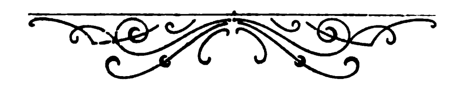
Съ 1889 года въ Нагаока добывается нефть.

Въ окрестностяхъ найдено до 300 источниковъ въ глубинѣ до 200 метр. Нефть по желѣзнымъ трубамъ стекаетъ въ Нагаока, гдѣ ее очищаютъ. Есть она и въ провинціи Тотоми.

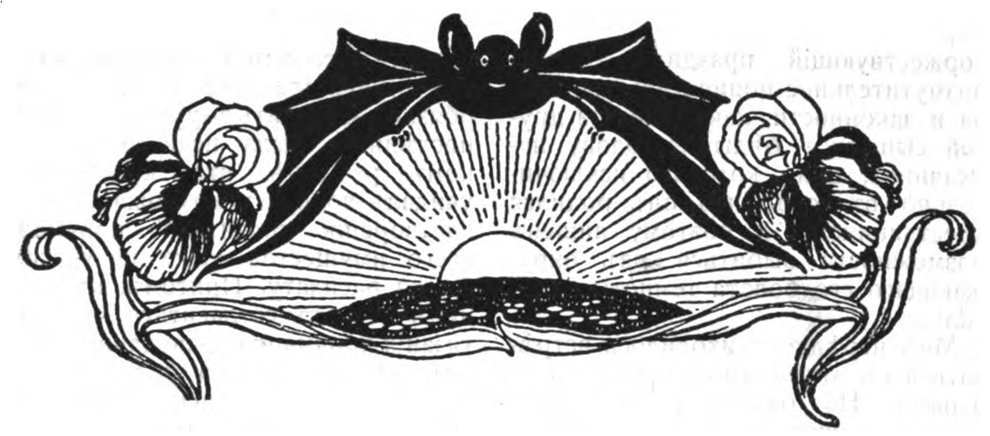
Наилучшія залежи угля находятся на островѣ Такасима, при входѣ въ гавань Нагасаки.

Тамъ работаютъ европейскими машинами съ 1867-го года. Лиманъ говоритъ, что въ Іессо получается ежегодно 150 тысячъ милліоновъ тоннъ угля. Въ Поронайскихъ рудникахъ работаютъ преступники. Эти рудники принадлежатъ Правительству и въ настоящее время туда проведены двѣ желѣзныя дороги.

(До слѣд. №-ра).

Digitized by Google

Изъ общественной жизни.

С. Плевако.

II.

Народъ и право.

I.

Наша современная народная масса справедливо вообще называется темной и невѣжественной. Съ еще большимъ правомъ ее должно назвать совершенно необразованной въ юридическомъ отношении, представляющемъ изъ себя, особенно въ настоящее время, чрезвычайно сложную и запутанную область, разобраться въ которой сплошь и рядомъ не подъ силу даже профессіональному юристу. Само собою разумѣется, что въ этой области полу-и даже вовсе не грамотный простолюдинъ чувствуетъ себя, какъ въ лабиринтѣ, войдя въ который, онъ тутъ-же сбивается съ пути и безъ посторонней помощи уже не въ состояніи набресть на желанный выходъ. Между тѣмъ не всегда онъ можетъ разсчитывать при своихъ блужданіяхъ на чью либо помощь. Условія нашей текущей жизни не таковы, чтобы его призывающій голосъ могъ быть во время и плодотворно услышанъ. Большею частью случается наоборотъ: гласъ его остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и не имѣя для себя никакой руководящей нити, никакого путеводнаго огонька, нашъ бѣдный странникъ осуждается на безцѣльное шатаніе изъ одного корридора въ другой, напрасно растеривая по пути находящіеся въ его распоряженіи запасы, приходя, въ концѣ концовъ, къ полной потерѣ своего небогатаго, тяжелыми трудами скопленнаго достоянія.

Съ такимъ положеніемъ, само собою разумѣется, мириться не легко и даже невозможно. И не только не можетъ мириться съ нимъ тотъ, кто на своей спинѣ испытываетъ всѣ неудобства этого положенія; не можетъ равнодушно относиться къ участи слѣпого искателя правды и защиты всякій, имѣющій уши и сердце. Стоитъ только однажды встрѣтиться съ бѣднякомъ, волею рока обреченнымъ на шатаніе въ дебряхъ суда и права, и уже становится не въ мочь видѣть подобныхъ ему несчастливцевъ, слышать ихъ правыя, но тщетныя жалобы, быть свидѣтелемъ, какъ въ силу ихъ темноты и невѣжества правитъ

Digitized by Google

торжествующій праздникъ самое возмутительное попирательство права и законности, какъ одна за другой сыплются бѣды на голову неудачника, вина котораго исключительно въ томъ, что онъ родился крестьяниномъ и поэтому лишенъ возможности выбиться изъ окружающаго его болота темноты и безсилія.

Мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчаться съ этими, своего рода, Агасѳерами. Но одного я запомнилъ особенно живо и ярко. Крестьянинъ Полтавской губерніи, этотъ Агасѳеръ жилъ очень долго безбѣдно и довольно. Былъ у него клочокъ земли, обезпечивавшій ему существованіе и, можетъ быть, бѣднягѣ удалось бы до конца дней своихъ не знать горя, если бы не судьба, въ порывѣ своего милосердія, одарявшая его каждый годъ новымъ членомъ семьи. Сначала онъ справлялся съ жизнью. Но стало труднѣе — пришлось перебиваться, и уже всталъ передъ нимъ грозный обликъ приближающейся нищеты, если только не будутъ приняты какіе либо мѣры.

Предчувствуя возможность такой развязки, мой крестьянинъ замыслилъ избѣжать ее путемъ прикупки земли. Кое-какъ сколотивъ деньжонки онъ сторговалъ у сосѣдней помѣщицы приглядѣвшійся ему клокъ земли и, не долго думая, преобрѣлъ его въ свою собственность. Поблагодарилъ онъ Бога за дешевую покупку и энергично принялся за обработку земли, въ полной увѣренности, что надвигавшаяся было на него гроза миновала. На дѣлѣ же оказалось, что гроза не миновала его, а только собиралась съ силами, чтобы разомъ разбить судьбу не въ сорочкѣ родившагося человѣка. Пока шла работа надъ землею, все шло благополучно. Но только приспѣло время собрать плоды, оказалось, что это сдѣлать далеко не такъ просто. Къ крестьянину явился сосѣдній корчмарь и заявилъ, что онъ-де запахалъ часть его — корчмаря — земли, и поэтому обязанъ заплатить ему убытки. Сумма послѣднихъ была исчислена въ такомъ размѣрѣ, что крестьянинъ увидалъ полную невозможность удовлетворенія притязаній корчмаря: всего имущества даже не хватило бы на расплату. Притомъ, крестьянинъ не могъ согласиться, что притязанія корчмаря справедливы. Вѣдь онъ купилъ землю у помѣщицы, вѣдь была составлена бумага, уплочены деньги, какъ же послѣ этого могло выйти, что земля не его, а корчмаря? И вотъ онъ бросается къ помѣщицѣ. Но та, оказывается, уѣхала въ Москву и увезла съ собою всѣ планы. Управляющій же не можетъ точно установить, дѣйствительно-ли проданная помѣщицей крестьянину земля принадлежала ей, или вышло недоразумѣніе. Предвидя недоброе, неудачный покупщикъ кидается то къ одному, то къ другому, проситъ посовѣтовать ему—какъ быть. И всюду слышитъ одни отвѣты: нужны подлинные планы. А за ними приходится ѣхать въ Москву, ибо помѣщица на письма крестьянина не отвѣчаетъ и документы не шлетъ. Тутъ-же—время жать. Въ сознаніи своей правоты крестьянинъ, отложивъ поѣздку до осени, снимаетъ урожай и попадаетъ подъ уголовщину. Его не только обязываютъ вернуть корчмарю хлѣбъ, но присуждаютъ убытки и приговариваютъ за самоуправство къ аресту. Добровольно отдать сборы крестьянинъ не пожелалъ; явился приставъ, отобралъ урожай, и. кстати, продаетъ часть прочаго для удовлетворенія претензій корчмаря. Послѣ такого оборота крестьянину не остается ничего другого, какъ, отсидѣвъ положенное ему число дней, идти въ Москву. И вотъ, отбывъ наказаніе, онъ пѣшкомъ направляется въ Москву, увѣренный, что тамъ конецъ его мученіямъ и правда разъяснится. Но въ Москвѣ ждало его новое разочарованіе: по-

Digitized by Google

мѣщица не только плановъ его не показываетъ, но и разговаривать съ нимъ не желаетъ. „Я-де продала свою землю“,—а все остальное ея не касается. Напрасно ходитъ къ ней крестьянинъ разъ, два, десять—отвѣтъ все тотъ-же. Наконецъ, бѣднаго искателя права научили посовѣтоваться съ адвокатомъ. И вотъ тутъ-то я увидалъ его. Измученный, истощенный, два дня не ѣвши, ночевавшій по бульварамъ и ночлежкамъ, приходитъ онъ къ адвокату и на колѣняхъ проситъ помочь ему. Въ узелкѣ у него цѣлый ворохъ бумагъ: копіи, повѣстки, опредѣленія. Просматриваемъ бумаги и видимъ, что ничего сдѣлать нельзя: изъ опредѣленія суда ясно, что корчмарь правъ: крестьянинъ запахалъ его землю, ранѣе запроданную ему той же помѣщицей. Изъ разспросовъ выясняется, что даже привлечь помѣщицу за обманъ нельзя: земля продавалась не по плану, а по обычной крестьянской формѣ: вмѣсто количества земли—клинъ, вмѣсто границъ—„отсюда и досюда“. Что крестьянина обманули, всѣ мы чувствовали ясно; но такъ же ясно было для насъ и то, что никакія наши усилія и старанія не помогли бы его бѣдѣ.

Довѣрчивость, полное невѣжество даже относительно такого простого вопроса, какъ необходимость формальнаго акта при покупкѣ земли, погубили крестьянина. Къ тому же всѣ сроки пропущены. И вотъ, скрѣпя сердце, приходится говорить, что дѣло безповоротно проиграно, что напрасно онъ пришелъ въ Москву, что надо смириться... А въ отвѣтъ на наши уговоры—слезы и мольбы. И до сихъ поръ вижу я эту высокую худую фигуру неудачника, убѣжденнаго, что нашъ отказъ только слѣдствіе его бѣдности, слышу его тоскующій, ноющій голосъ, вижу его слезы.

Но сколько подобныхъ явленій можно наблюдать ежедневно, ежечасно по всему необъятному лону матушки Россіи. И каждый разъ, какъ случай приводитъ меня къ такимъ явленіямъ, мнѣ становится не только горько, но страшно... Вѣдь каждая слеза этихъ несчастливцевъ—суровый обвинительный актъ нашимъ юридическимъ и общественнымъ порядкамъ. И нельзя быть равнодушнымъ къ этимъ молчаливымъ, но краснорѣчивымъ обвиненіямъ, ибо сознаніе, что за каждымъ изъ нихъ стоятъ не только слезы, но и жизни, и жизни не отдѣльныхъ неудачниковъ, но и ихъ семействъ, гнететъ душу. А и безъ него мало-ли горя въ нашей жизни...

И помириться съ этой безпомощностью населенія немыслимо. Настоятельность сдѣлать что либо для него съ каждымъ часомъ обрисовывается все ярче и сильнѣе, невозможность терпѣть эту безпомощность все очевиднѣе.

И если мы познакомимся со стремленіями лучшей части нашей интеллигенціи, то убѣдимся, что эта сторона крестьянской жизни давно уже составляетъ острую злобу ея работы, что давно уже люди жизни и науки пытаются какими-либо путями восполнить указанный пробѣлъ, хоть чѣмъ либо посодѣйствовать крестьянину находить вѣрный путь въ томъ страшномъ лабиринтѣ юридической темноты, который поглотилъ уже столько жертвъ и столько еще поглощаетъ...

II.

Въ недавно вышедшей книгѣ „Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“ (изд. Львова и Стаховича. СПБ.) этому вопросу посвящена обстоятельная статья г. І. В. Гессена: „Юридическая помощь населенію“. Въ названной статьѣ авторъ даетъ интересную характеристику тѣмъ проектамъ, какіе въ разное время предлагались и предлагаются для разрѣшенія проблемы о помощи населенію въ

Digitized by Google

области его правовыхъ столкновеній. И тяжелое впечатлѣніе выносишь отъ этой статьи. Передъ читателемъ встаютъ, съ одной стороны, неустанныя стремленія общества вылечить эту наболѣвшую рану нашего населенія, съ другой видишь, какъ эти стремленія постоянно разбивались и разбиваются о глухую стѣну бюрократизма, въ каждомъ искреннемъ и благородномъ починѣ видящаго угрозу себѣ и ради отвращенія отъ себя этой мнимой опасности допускающаго лучше гибель сотенъ ни въ чемъ неповинныхъ, и безъ того несчастныхъ людей. Поистинѣ: fiat бюрократія—pereat mundus!

Съ исторіей этихъ попытокъ небезполезно познакомиться...

Какъ указываетъ г. Гессенъ—еще въ 1871 году Моршанское земское собраніе возбудило вопросъ о приглашеніи адвоката для судебной защиты лицъ, принадлежащихъ къ земству. Постановленіе это, однако, было опротестовано губернаторомъ а затѣмъ отмѣнено Сенатомъ, такъ какъ послѣдній нашелъ, что внесеніе въ земскую смѣту расхода на содержаніе адвоката неправильно и лишено всякаго основанія.

Таже участь постигла намѣренія Рязанской уѣздной земской управы въ 1887—8 г.г. организовать безплатную юридическую консультацію для крестьянъ, и въ 1891 г. постановленіе Юхновскаго уѣзднаго земскаго собранія о приглашеніи адвоката. Съ 1890 г., т. е. со времени введенія новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, подобныя дѣла даже вовсе перестали разсматриваться Сенатомъ по существу.

Это, однако, не остановило стремленій земствъ дать населенію хоть какую нибудь юридическую помощь. Въ 1896—7 г.г. вопросъ о земскихъ консультаціяхъ былъ возбужденъ въ цѣломъ рядѣ земствъ; по дѣлу двухъ изъ земствъ вопросъ дошелъ до Сената, но послѣдній продолжалъ настаивать на своей точкѣ зрѣнія, и постановленія земствъ были опять таки отмѣнены.

Въ высокой степени интереснымъ представляется докладъ Александровской земской управы, внесенный въ очередное собраніе 1897 г. гдѣ названный вопросъ былъ разработанъ очень подробно, для чего управа даже опросила мнѣній всѣхъ земскихъ управъ. Изъ полученныхъ Александровской управой 215 отвѣтовъ выяснилось, что 59% относятся къ вопросу очень сочувственно. Отрицательное отношеніе вопросъ встрѣтилъ лишь со стороны 15% отвѣчавшихъ, остальныя же земства или отнеслись къ вопросу надиферентно (20%) или же дали неопредѣленные отвѣты (4%). Изъ того же доклада обнаружилось, между прочимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юридическая помощь получила даже нѣкоторое реальное осуществленіе. Такъ, оказалось, что при Тамбовской уѣздной управѣ существуетъ юридическая консультація, а при Елецкой мѣстные юристы за вознагражденіе даютъ безплатные совѣты населенію.

Полная неудача, постигшая стремленія земствъ, не могла, однако, повліять отрицательно на самый вопросъ объ юридической помощи населенію. На смѣну земства выступили корпораціи адвокатовъ, и ихъ шаги въ этомъ направленіи оказались болѣе счастливыми. Появились консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, платныя и безплатныя, и это начинаніе, повидимому, имѣетъ за собою прочную почву, а впереди— благое будущее.

Населеніе охотно пошло въ консультаціи, гдѣ оно всегда находило дѣльный совѣтъ, а, въ случаѣ нужды, и защиту, адвокаты—въ особенности московскіе и петербургскіе— проявили большую энергію и любовь къ новому дѣлу, и консультаціи въ короткое время завоевали себѣ такое положеніе, что даже нѣкоторые комитеты попечительствъ

Digitized by Google

о народной трезвости стали обращаться къ присяжнымъ повѣреннымъ съ просьбой организовать въ томъ или другомъ мѣстѣ отдѣльныя консультаціи.

Къ сожалѣнію, сѣть консультацій далеко не такъ широка еще, чтобы оказаться въ силахъ исчерпать всю нужду населенія въ юридической помощи.

По даннымъ г. Гессена общее число всѣхъ консультацій не превышаетъ 50, а этого, конечно, очень и очень мало для Россіи съ ея 120 милліоннымъ населеніемъ, изъ которыхъ не менѣе 100 милліоновъ нуждается въ консультаціяхъ.

Это обстоятельство побудило сельско-хозяйственные комитеты въ періодъ ихъ дѣятельности отвести въ своихъ работахъ видное мѣсто вопросу объ организаціи юридической помощи населенію.

Правда, не всѣ комитеты отнеслись сочувственно къ предложенной задачѣ. Нѣкоторые (напр., Дмитровскій)отрицали нужду въ этой помощи, говоря, что правымъ передъ судомъ нечего обращаться къ посторонней помощи; другіе (г. Хомяковъ, въ Смоленскомъ губ. ком.) утверждали, что при существованіи земскихъ начальниковъ всякая помощь излишня. Но остальные комитеты иначе взглянули на задачу. Они признали, что юридическая помощь народу необходима, что существующими средствами удовлетвориться нельзя, и что земства обязаны озаботиться организаціей этой помощи. И они не только разрѣшили вопросъ положительно, но въ общихъ чертахъ даже намѣтили планъ организаціи этой помощи, въ видѣ земскихъ юрисконсультовъ, Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые комитеты намѣтили мѣры противъ одного изъ гнуснѣйшихъ золъ нашей деревни— подпольной адвокатуры, Необходимость борьбы съ этимъ зломъ очевидна безъ словъ. Но правъ г. Гессенъ, замѣтившій, что рекомендованныя комитетами мѣры (отказъ судьями въ принятіи прошеній, писанныхъ этими „адвокатами“, установленіе особаго судебнаго сбора въ цѣляхъ борьбы съ сутяжничествомъ) „могутъ только способствовать успѣху подпольной адвокатуры“, скрѣпляя узы между населеніемъ и гонимымъ адвокатомъ. Борьба возможна, но лишь путемъ организованной помощи, когда само населеніе пойметъ, какъ ему вредно пользоваться услугами отставныхъ волостныхъ писарей и унтеръ-офицеровъ, радѣющихъ только о своихъ интересахъ, а не объ интересахъ кліентовъ.

III.

Такъ обстоитъ дѣло съ организаціей живой юридической помощи населенію. Много пожеланій, но никакой увѣренности въ томъ, что хоть что нибудь изъ этихъ пожеланій осуществится въ близкомъ будущемъ.

Между тѣмъ нужда въ помощи обостряется съ каждымъ днемъ. Сознавая ее, юристы въ настоящее время пытаются дать населенію палліативъ въ видѣ популярныхъ брошюръ, излагающихъ основные принципы по отдѣльнымъ областямъ закона и права, наиболѣе важныя и употребительныя формы производства и образцы подаваемыхъ по дѣламъ бумагъ.

Подобныхъ изданій въ послѣднее время появляется очень много. Существуютъ издательства, выпускающія цѣлыя серіи брошюръ, причемъ цѣна книжкамъ назначается самая минимальная, чтобы брошюра могла получить ходъ въ населеніе. Между прочимъ, такую задачу взяло на себя общество распространенія полезныхъ книгъ, давшее уже цѣлый рядъ брошюръ по 5 копѣекъ, посвященныхъ вопросамъ о куплѣ и продажѣ, наслѣдствѣ, опекѣ и т. под.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта народная юридическая литература

Digitized by Google

могла бы принести большую пользу. Я не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Гессена, будто практическое направленіе этой литературы носитъ въ себѣ крупную ошибку. Въ очень многихъ случаяхъ эти книги могутъ помочь крестьянину разобраться въ его дѣлѣ, конечно, если только дѣло не принадлежитъ къ роду такихъ, предъ какими не только г. Гессенъ, но даже самъ „кладезь", земскій отдѣлъ М-ва Вн. Дѣл.,— какъ свидѣтельствуетъ г. Гессенъ,— становился въ тупикъ.

Мнѣ приходилось видѣть, какъ эти книжечки сослуживали свою службу. Гораздо значительнѣе то обстоятельство, что и эти книжки въ силу неграмотности населенія не могутъ широко проникать въ него. Въ то же время не прилагается никакихъ усилій для распространенія ихъ среди народной массы. Тогда какъ считается необходимымъ знакомить крестьянъ съ путемъ бесѣдъ или чтеній съ основными принципами хозяйства, гигіены, медицины, приходилось ли кому слышать, чтобы для крестьянъ устраивались чтенія на юридическія темы? А, между тѣмъ, какъ важно было бы дать крестьянину хоть слабое представленіе о правѣ и законѣ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ упоминанія взглядъ Маріупольскаго земства, приведенный въ уже цитированномъ мною докладѣ Александровской уѣздной управы. Тамъ было признано необходимымъ ввести въ курсъ народной школы преподаваніе начатковъ юридической науки. Мѣра эта представляется мнѣ и безусловно цѣлесообразной, и осуществимой. Въ наше время, когда изученіе правовѣдѣнія считается необходимымъ въ программахъ среднихъ школъ, когда оно введено въ курсъ торговыхъ школъ и даже проектировано учрежденіе женскаго юридическаго факультета,— насколько нужнѣе было бы давать понятіе о законѣ людямъ, образованіе которыхъ заканчивается народной школой и которые, только сойдя со школьной скамьи, вступаютъ въ дѣйствительную жизнь, да еще такую сложную, какъ крестьянская.

Сельскохозяйственные комитеты установили, что „безправіе въ деревнѣ не имѣетъ границъ", что чувство законности совершенно незнакомо населенію. Но откуда же и взяться этому знакомству, если въ той школѣ, которая является единственнымъ мѣстомъ для крестьянина запастись кое-какими знаніями о законѣ, ему ни словомъ не упоминается о немъ?

Конечно, тѣ свѣдѣнія о правѣ, какія могла бы дать народная школа своимъ ученикамъ, нельзя было бы назвать даже приблизительно достаточными. Но эти свѣдѣнія облегчили бы возможность пользоваться народной юридической литературой, какъ бы популярно не излагаемой, однако, не свободной и не могущей освободиться отъ извѣстной непонятности въ терминахъ и пр. Такую же службу могли бы нести и чтенія по основнымъ юридическимъ вопросамъ.

И, можетъ быть, эти чтенія принесли бы для развитія въ населеніи чувства законности пользу не меньшую, чѣмъ консультаціи и земскіе адвокаты. Мнѣ извѣстенъ случай, когда одинъ юристъ, проводя лѣтомъ въ деревнѣ, вздумалъ использовать бесѣды, для которыхъ къ нему собирались временами крестьяне, на ознакомленіе ихъ съ юридической наукой. И крестьяне очень охотно прислушивались къ юридическимъ темамъ. По вопросамъ, задаваемымъ ими, было ясно, что вопросы права волнуютъ ихъ и занимаютъ. Съ огромнымъ любопытствомъ прислушивались они къ описанію судовъ, въ особенности суда присяжныхъ, къ объему функцій разныхъ начальствующихъ лицъ и даже къ спеціальнымъ судопроизводственнымъ и гражданскиправовымъ объясненіямъ. Очевидно-

Digitized by Google

запросы на такія знанія въ народѣ существуютъ. И жаль, что на эти вопросы они не находятъ въ большинствѣ случаевъ отвѣта. Въ этомъ —сугубая вина нашего общества, нашей интеллигенціи, могущей, но не всегда приходящей на помощь меньшому брату.

„Народъ и право“.. Я такъ озаглавилъ свою статью. Но, пожалуй, было бы вѣрнѣе озаглавить ее „народное безправіе“.. Вѣдь, дѣйствительно, нашъ народъ не только поставленъ въ самыя тѣсныя рамки относительно своихъ правъ, но даже и объ этихъ крохахъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія...

Современные юристы, особенно практики, сѣтуютъ на то, что большинству ихъ дѣлать нечего.

И, правда, когда видишь передъ собой цѣлыя толпы молодыхъ юристовъ, безцѣльно бродящихъ по корридорамъ судовъ и тщетно ищущихъ примѣненія своимъ силамъ и и знаніямъ,—соглашаешься съ ходячимъ мнѣніемъ о перепроизводствѣ юристовъ.

Но въ тоже время страннымъ кажется, какъ можно говорить о перепроизводствѣ юристовъ, когда почти вся Россія влачитъ свое существованіе среди полнаго юридическаго мрака, когда тысячи людей теряютъ свое достояніе, обрекаются на нищету изъ-за юридическаго невѣжества, когда людямъ приходится сотни верстъ проходить пѣшкомъ ради того, чтобы услыхать юридическій совѣтъ... Неужели эта нужда въ юристахъ не бьетъ по глазамъ этой ищущей и не находящей себѣ дѣла молодежи? Неужели раздающіяся кругомъ просьбы и жалобы еще недостаточно громки и доказательны?.. Или... или эта молодежь не виновата въ своемъ кажущемся равнодушіи?

С. Плевако.

Digitized by Google

Болеславъ Храбрый.

Историческая повѣсть *Людвига Стасяка*.

(Продолженіе).

III.

Войны съ Польшей до сихъ поръ считались только пограничными спорами. Но теперь противъ Болеслава поднялась вся нѣмецкая земля. На „рыкающаго льва“ выступили народы изъ Италіи, съ Альпъ, съ береговъ Рейна, Дуная и съ моря; сверхъ того, чтобы возстановить воиновъ противъ Болеслава, нѣмцы объявили его „врагомъ Христа“, и тотъ, кто бы не выступилъ противъ польскаго короля, отнынѣ считался врагомъ вѣры Христовой и предавался проклятію.

Подняли нѣмцы и Славянъ. Чешскому князю Яроміру, нѣмецкому вассалу, было послано приказаніе немедленно выступать въ походъ. Язычники Лютики тоже должны были присоединиться къ нѣмецкому войску.

Въ концѣ лѣта 1005 года была объявлена война.

Саксонія, куда приказано было собираться всѣмъ войскамъ, превратилась въ огромный лагерь, занятый нѣмецкими солдатами. Съ каждымъ днемъ прибывали все новые и новые полки; явились, наконецъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемые императоромъ и язычники — Лютики.

Послѣдніе у себя дома долго обдумывали, къ какой сторонѣ примкнуть; ихъ старшины, получившіе большія привиллегіи отъ императора, склонялись на его сторону и уговаривали другихъ соединиться съ нѣмцами для борьбы съ Болеславомъ, который собирался присоединить ихъ земли къ Польшѣ. Въ Ретрѣ, въ старинномъ храмѣ, состоялось совѣщаніе славянъ. Здѣсь часть ихъ, не пожелавъ воевать съ Болеславомъ, покинула собраніе, и Лютики, находясь въ нерѣшительности, постановили рѣшить этотъ вопросъ посредствомъ гаданія. Поперекъ дороги были положены два копья, черезъ которыя заставляли прыгать лошадей. Результаты этого гаданія были благопріятны,—и войска Лютиковъ были предоставлены въ распоряженіе германскаго императора.

Славянскіе отряды прибыли въ Лещу (сборный пунктъ для нѣмецкихъ войскъ) подъ начальствомъ жрецовъ; впереди гусляры несли деревянныя изображенія боговъ и

Digitized by Google

разные священные значки, взятые изъ храма въ Ретрѣ.

Походъ нѣмцевъ начался переправой черезъ Лабу. Первыми переправились императоръ, съ своей женой Кунигундой и епископы. Затѣмъ, въ продолженіи дня и ночи переправлялись солдаты.

Дождавшись, наконецъ, когда всѣ войска перешли на другую сторону рѣки, Генрихъ Хромой обратился къ войскамъ съ краткою рѣчью.

— Воины! Приказываю вамъ не отступать передъ силами Болеслава: смерть постигнетъ каждаго, кто осмѣлится не исполнить это повелѣніе!

Походъ начался весело. Но когда войска углубились въ лѣса и дебри польскихъ земель, когда очутились въ дремучихъ чащахъ, откуда ничего нельзя было достать съѣстного, когда увидѣли, что всѣ встрѣчныя селенія выжжены, и голодъ сталъ грозить нѣмцамъ,— пріуныли они, а переправившись чрезъ Справу, *) и совсѣмъ упали духомъ, когда увидѣли, что врага нигдѣ не видно, а между тѣмъ, что ни день, а у нихъ неуловимый врагъ истребляетъ десятки воиновъ, если тѣ хоть немного отдалятся отъ главныхъ силъ.

Наконецъ, поймавъ одного вооруженнаго поселянина, узнали отъ него, что польскій король укрѣпился въ Кроснѣ и тамъ ожидаетъ нѣмцевъ.

Рѣшили идти туда, чтобы сразиться съ врагомъ да, кстати, и захватить тѣ припасы продовольствія, которые, вѣроятно, собралъ у себя Болеславъ.

Скоро предъ нѣмцами показались палисады Кросно, но, къ удивленію, ихъ не встрѣтилъ никто. Городъ словно вымеръ. Нѣмцы съ недоумѣніемъ принялись осматривать его и съ яростью увидѣли вскорѣ на площади единственныхъ обитателей—десять труповъ, качавшихся на висѣлицѣ. Это были шпіоны, высланные въ Польшу нѣмецкимъ императоромъ предъ войною.

Между тѣмъ въ Познанскомъ замкѣ собрались на совѣтъ: Болеславъ Храбрый, Здѣшко, настоятель Тынецкій, королевичъ Мѣшко, Борисъ, Незамыслъ. Лишь поздно ночью окончилось ихъ совѣщаніе, и король, провожая Бориса и Незамысла, говорилъ имъ:

— На вѣрную смерть идете, дорогіе братья! Да спасетъ васъ Господь!

Сбросили Борисъ и Незамыслъ свои придворныя, парчевыя одежды и, облачившись въ убогое платье простыхъ поселянъ, пустились въ путь дорогу. Незамыслъ одѣлся въ бѣлую рубаху, захвативъ съ собою бараній тулупъ, у пояса привѣсилъ острый ножъ, ноги обулъ въ кожанные лапти. Такое же одѣяніе надѣлъ Борисъ; затѣмъ, срѣзавъ себѣ двѣ палки, оба скрылись въ лѣсной чащѣ...

Скоро нѣмецкій передовой отрядъ, бродя по лѣсной чащѣ, наткнулся на большую пасѣку. Нѣмцы отыскали скрывшагося отъ нихъ пасѣчника и, подъ угрозою смерти, заставили его быть у нихъ проводникомъ.

Мнимый пасѣчникъ (это былъ Незамыслъ) повелъ войска обходами, безпрестанно сворачивая то въ одну, то въ другую сторону.

Это сначало внушило было нѣмцамъ сильныя подозрѣнія, но они скоро улеглись, когда воины узнали, что пасѣчникъ самъ пострадалъ отъ Болеслава; кромѣ того, за пасѣчника стоялъ и славный рыцарь Брунзіонъ.

Прогнавъ нѣмцевъ, Болеславъ рѣшилъ внести войну въ ихъ предѣлы.

Безъ отдыха, днемъ и ночью, шли войска черезъ Кострынь и Буковъ. Прошли Обру и Одру, прошли черезъ болота, заросли и топи въ глубь гавелянской земли. Только въ Кольно, около Берлина, Болес-

*) Нынѣ—р. Шпрее.

Digitized by Google

лавъ далъ впервые продолжительный отдыхъ войску. Это—послѣдній уже отдыхъ передъ войной, которая поразила всѣхъ небывалой быстротой военныхъ переходовъ, и показала выносливость и мужество Болеславовой рати.

Изъ Берлина король прошелъ на сѣверъ и, наказавъ старшинъ лютиковъ за шпіонство ихъ и за дружбу съ Генрихомъ, ихъ семьи отослалъ въ плѣнъ въ Польшу. Уничтожая по пути нѣмецкіе гарнизоны, Болеславъ двинулся на югъ.

Въ числѣ его рыцарей былъ и Стоигнѣвъ, болѣе мѣсяца пролежавшій раненымъ, и герой Лестекъ, горѣвшій желаніемъ заслужить руку и сердце королевны.

Черезъ Поддембе и Бѣльчикъ спѣшили войска къ Лабѣ. Какъ молнія промелькнули черезъ саксонскую землю и остановились передъ Лабой. Окинулъ Болеславъ взоромъ нѣмецкій край, гдѣ славяне живутъ въ неволѣ, и гнѣвъ обуялъ его. Опустошивъ земли между Лабой, Штремой и Габолой, снова вернулся къ Лабѣ, переправился черезъ нее и двинулся на древній славянскій Дѣвинъ, нынѣ нѣмецкую столицу—Магдебургъ.

Въ столицѣ смятеніе; всѣ войска, присланныя императоромъ, побиты, весь гарнизонъ погибнетъ, и не спасетъ крѣпость ни императорская, ни человѣческая власть.

Однако, для крѣпости нашлась защита.

Когда все войско въ крѣпости перебито, когда отворились ворота передъ королемъ, испугался Болеславъ гнѣва Великаго Покровителя города, Св. Маврикія, мощи котораго лежали здѣсь, испугался своего набѣга на городъ, который находился подъ защитой Святого, остановилъ свои войска и никому не разрѣшилъ вступить въ крѣпость. Не передъ имперіей римской дрогнулъ Болеславъ, а передъ гнѣвомъ Святого Мученика и отступилъ отъ города. Такъ говорятъ древнія лѣтописи.

Однако, Св. Маврикій спасъ городъ, но не искоренилъ жажду мести, обуявшей Болеслава. Ворвались польскіе полки въ саксонскія земли, и спѣшно идутъ въ глубь страны, на городъ Сербище. Трое мужественныхъ полководцевъ, Людольфъ, Тадиленъ и Тоди обороняютъ крѣпость. Не выдержала твердыня натиска и сдалась; часть людей была перебита, а остальные вмѣстѣ съ тремя своими вождями высланы подъ охраной войска въ Польшу. Теперь Болеславъ возвращается въ Силезію. Покорилъ Лужицы и двинулся на Будишинъ, который недавно покорилъ Генрихъ. Напрасно пролито здѣсь столько нѣмецкой крови при взятіи города! Со славой Генрихъ получилъ этотъ городъ и со стыдомъ его отдалъ. Лишь только появились полки Болеслава, какъ нѣмцы позорно бѣжали изъ крѣпости, уступивъ ее безъ боя.

Такъ какъ воины утомились послѣ столькихъ быстрыхъ переходовъ, то король рѣшилъ вести ихъ на отдыхъ, въ Силезію, въ Глоговъ.

Печаль охватила сердце Генриха. Съ каждымъ разомъ все печальнѣе становились извѣстія гонцовъ; все сильнѣе закипалъ гнѣвъ въ душѣ императора. Новыя войска собираетъ Генрихъ; подъ начальствомъ архіепископа магдебургскаго Тагино и епископа мерзебургскаго Титмара войска выступаютъ въ походъ. Добрались нѣмцы до города Ютрибуга, и по совѣту Титмара, который увидѣлъ, что Болеслава не удастся настигнуть, рѣшили идти назадъ.

Съ радостью идутъ воины обратно, вездѣ слышны звуки литавръ, трубъ, раздаются пѣсни и веселый смѣхъ.

. . . .

Императора ни зимой, ни лѣтомъ не покидаетъ желаніе отомстить Болеславу; всѣ его мысли заняты придумываніемъ разныхъ плановъ. Размышленія понемногу начинаютъ приводиться въ исполненіе; опять

Digitized by Google

со всѣхъ сторонъ собираются войска, опять императоръ готовится къ войнѣ. Архіепископъ Тагино, епископы Арнульфъ, Мейнверкъ и Титмаръ, князь саксонскій Бернардъ, маркграфы Германъ и Геронъ привели своихъ солдатъ къ императору. Но и огромная численность войска не придаетъ бодрости и увѣренности воинамъ. Они идутъ на войну не какъ на славный подвигъ, а какъ на смерть...

Гостепріимно встрѣчаетъ маркграфъ Геронъ императорскую армію. Только та плохо отблагодарила его, разграбивъ его земли.

Въ это же время въ императорскій лагерь прибыло около тысячи вендовъ подъ начальствомъ Бориса, они принесли съ собой большіе запасы хлѣба и сушоной рыбы.

Вся эта толпа кипѣла ненавистью и враждою къ королю Болеславу...

— Ты его знаешь? — спросили нѣмцы Бориса, показывая ему Незамысла.

Быстро сообразивъ, въ чемъ дѣло, Борисъ съ раскрытыми объятіями бросился на встрѣчу пасѣчнику.

— Какъ мнѣ его не знать?! Онъ, вѣдь, постригалъ моего сына...

— Такъ вы родственники?

— Да, государь! Двѣ родныхъ сестры взяли мы себѣ въ жены; стройны онѣ были, какъ елочки; цвѣтущи, какъ розы... Всю жизнь будемъ мы оплакивать...

— Они умерли?

Заплакалъ Борисъ.

— Замучилъ ихъ Болеславъ.

— Онъ?!

— Напалъ на наши земли, сжегъ наши лачуги, перебилъ женщинъ и дѣтей...

— Скоро придетъ конецъ всѣмъ его злодѣяніямъ! — воскликнулъ бывшій при этомъ Брунзіонъ, потрясая мечемъ.

— Прямо на Познань пойдемъ!

— Иди, государь, и отомсти ему за наши обиды!..

Большинство вождей совѣтовало Генриху со всѣми силами двинуться въ глубь Польши. Борисъ же совѣтовалъ раздѣлиться.

— Такая масса людей въ дорогѣ перемретъ съ голоду! — говорилъ онъ.

Лучше всего раздѣлить войско на двѣ части; одна пускай двинется прямо на Познань, чрезъ Джень и Зеленчикъ, а другая будетъ подходить къ Познани съ юга, черезъ Хлопицы, Доберницы и Свѣбодзинъ. *) Двумъ небольшимъ арміямъ гораздо легче прокормиться. Сойтись же войска должны въ Мендзыжечѣ, въ богатой польской мѣстности...

Послѣдовали совѣту Бориса; онъ, вмѣстѣ съ Незамысломъ и другими славянскими вождями, служилъ за проводниковъ.

Ведутъ они по хорошимъ дорогамъ, всѣ свои обѣщанія исполняютъ добросовѣстно, одно только плохо: чувствуется недостатокъ въ хлѣбѣ. На пути войску попадаются все опустошенныя поля, сожженныя села... А дальше снова пошли непроходимые лѣса, болота, огромныя озера, которыя все приходится обходить. Въ сырой мѣстности сильно болѣютъ солдаты и умираютъ десятками; который отрядъ немного отойдетъ въ сторону, погибаетъ отъ стрѣлъ воиновъ Болеслава.

Измученные трудными, длинными переходами, нѣмцы даже ночью не знаютъ покоя; безпокоитъ ихъ Болеславъ постоянными набѣгами...

Хорошо дѣлали свое дѣло слуги Болеслава. Еще немного,—и они погубили бы все нѣмецкое войско. Храбрый Брунзіонъ былъ подкупленъ ими. Однако, нѣмецкіе шпіоны выслѣдили ихъ,—и разгнѣванный императоръ приказалъ всѣхъ троихъ вздернуть на висѣлицу.

Истощенное измученное войско рѣшило повернуть вспять, домой.

Двадцатаго августа 1012 года

---

*) Теперь Дроссенъ, Клоппицъ, Швибуссъ (въ Бранденбургскомъ герцогствѣ.

Digitized by Google

день выдался на славу. Съ самаго ранняго утра солнце весело играло своими огненными лучами. На лугахъ еще не высохла роса, а кузнечики уже начали свою пѣсню; но ихъ музыка заглушается шумомъ войска и звономъ оружія. Тамъ, вдали, идетъ жаркій бой...

Подъ сѣнью буковъ разложенъ костеръ, на кострѣ жарятся серны, зубры и олени. Прямо съ огня несутъ слуги огромныя туши на королевскій столъ. Выкачены бочки вина, изъ телѣгъ вынуты серебряные жбаны и золотыя чарки. Разгорѣлись отъ вина лица рыцарей, закипѣла въ жилахъ кровь...

Внимательно слѣдитъ король за сраженіемъ; временами мрачно сдвигаетъ брови, временами радость проясняетъ его глаза.

Вотъ Стоигнѣвъ лѣзетъ на лѣстницу; какой то великанъ пытается столкнуть его оттуда; завязался бой, мечи разлетѣлись, обхватилъ Стоигнѣвъ врага руками, и оба они стремглавъ полетѣли внизъ. Но черезъ мгновеніе Стоигнѣвъ снова появился на лѣстницѣ.

Не ускользнуло отъ вниманія короля мужество и отвага одного изъ тысячниковъ, который съ небольшой толпой взобрался на стѣну и быстро выломалъ набитые въ нее колья; оттѣсненный оттуда, онъ неустрашимо идетъ другой и третій разъ на славный бой.

— Кто это такой?—спрашиваетъ король.

— Это Лестекъ, съ рѣки Лабы.

— Онъ?! Призвать его ко мнѣ.

Бросились слуги исполнять приказаніе своего господина и черезъ минуту привели Лестка.

Всталъ Болеславъ, вынулъ мечъ и ударилъ имъ Лестка по плечу, въ знакъ посвященія его въ рыцари, а правой рукой дотронулся до бороды, въ знакъ того, что теперь юноша будетъ ему сыномъ. Послѣ этой церемоніи король снялъ со своей шеи золотую цѣпь и возложилъ ее на плечи Лестка.

— Отнынѣ ты будешь моимъ рыцаремъ и гордостью нашей страны! А теперь ступай туда! Вѣдь, Польша за твою же родину бьется!

Выхватилъ свой мечъ молодой рыцарь и поднялъ его высоко.

— Дай, Господи, мнѣ умереть сегодня за нее и за... тебя, отецъ нашъ!!!

Вскочилъ на коня и, какъ молнія, помчался туда, гдѣ потоками лилась кровь, и гдѣ царствовала смерть...

Смѣло и мужественно сражаются польскіе воины; крики удивленія и радости вырываются изъ груди пирующихъ.

Скоро осажденная крѣпость Любутъ была взята. Покончивъ съ ней, Болеславъ приказалъ тамъ, гдѣ сливаются Лаба и Солява, вбить посреди Лабы желѣзные столбы для обозначенія границы славянской земли и, призвавъ сюда Моравовъ, Сербовъ и Словенцовъ, сказалъ имъ:

— Соединитесь! Помните, что въ васъ течетъ одна кровь!

IV.

Тихо и мрачно въ нѣмецкомъ лагерѣ. Долго, до поздней ночи въ шатрѣ Генриха тянулась бесѣда, теперь тамъ спокойно; царитъ мертвая тишина, изрѣдка только раздаются быстрые шаги императора, который, покинутый своими рыцарями, безъ поддержки и безъ надежды, не находитъ себѣ покоя. Печаль охватила его сердце; слабость духа ведетъ за собою истощеніе физическихъ силъ, и снова наслѣдственный недугъ вступаетъ въ свои права. Страшныя мученія переживаетъ императоръ; боль вырываетъ изъ его устъ проклятіе счастливому сопернику.

Измученный императоръ пошатнулся и, чтобы не упасть, оперся рукой... Что то до крови укололо руку... Что это?! Корона! Острые рубины и брильянты впились въ ладонь...

Генрихъ взялъ корону въ руки...

Digitized by Google

— Моя корона! Какъ терновый вѣнокъ, ты впилась въ мое чело, кровь залила мои очи, твои шипы ранятъ мнѣ мозгъ...

Задумался Генрихъ, точно какая то новая мысль зародилась; чело прояснилось, тоски и скорби—ни слѣда... Быстро схватилъ правой рукой свою корону и со всей силы ударилъ ее о землю. Застонало золото, плачетъ корона римской имперіи...

Сбросилъ съ себя императоръ пурпуровую мантію, накинулъ сѣрый плащъ копьеносца и украдкой вышелъ изъ шатра. Быстро и осторожно пробирается онъ черезъ спящій лагерь...

. . . .

Поздно ночью позвонилъ какой-то странникъ у воротъ мерзебургскаго монастыря. Вскорѣ раздались человѣческіе шаги, и кто то открылъ ворота.

— Господи помилуй!

— Благослови Христосъ! Откуда идешь и кто ты?

— Несчастный.

— Чего же ты хочешь?

— Спокойствія души,

Монахъ всмотрѣлся въ лицо пришельца, впустилъ его на крыльцо, а самъ пошелъ въ келью. Черезъ минуту онъ снова вышелъ вмѣстѣ съ настоятелемъ монастыря.

— Впусти меня, отецъ! Сжалься надо мной!

— Какъ тебя зовутъ?

— Несчастье мое и имя мое пусть останутся за порогомъ!

Увидѣвъ горькія слезы и великую скорбь несчастнаго, настоятель ввелъ его въ келью,—маленькую, узкую комнатку, убранство которой состояло изъ соломенной подстилки, служившей постелью, и Распятія, вдѣланнаго въ черепъ...

Генрихъ вошелъ въ келью, какъ мореплаватель входитъ на пристань. Горячо и долго молился императоръ, пока изнеможенный отъ усталости не заснулъ на соломѣ.

Съ давнихъ поръ не приходилось такъ тихо спать и никогда еще не осѣняло такое спокойствіе лица этого измученнаго недугомъ и борьбой человѣка...

* * *

Между тѣмъ переполохъ, произведшенный неожиданнымъ исчезновеніемъ Генриха, теперь стихъ. Встревоженное войско знаетъ, что императоръ живъ, что онъ не погибъ отъ польской руки и не въ плѣну, какъ думали раньше... Десять епископовъ отправилось въ Мерзебургъ; никогда монастырскія стѣны не привѣтствовали столько знатныхъ гостей....

Въ старомъ Браниборѣ собрался всеобщій совѣтъ, важнѣйшій совѣтъ. На немъ, подъ руководствомъ славянскаго князя Крука, рѣшается вопросъ о будущемъ славянъ. Всѣ они, даже враги Болеслава понимаютъ, что только союзъ съ Польшей поможетъ имъ вырваться изъ неволи, сбросить съ себя нѣмецкое ярмо, которое душитъ народъ.

Вездѣ носятся слухи о новой войнѣ съ Нѣмцами. Все въ природѣ предсказываетъ войну; на небѣ появилась комета, стая воронъ летятъ изъ Польши въ Германію, изъ ключей, по разсказамъ людей, вмѣсто воды струится кровь *). Вездѣ слышенъ вой оборотней; какіе то зловѣщіе голоса раздаются по ночамъ въ лѣсахъ, повсюду разнеслась вѣсть о томъ, что Болеславъ снова идетъ войной на нѣмцевъ...

Старѣйшины лютиковъ рѣшили отправить къ Болеславу пословъ съ просьбой принять всѣхъ славянъ подъ свою защиту. Какъ только окончился совѣтъ, потихоньку выбрались два воина. Осторожно, украдкой спѣшатъ они черезъ лѣса и болота къ Болеславу, однако, на обратномъ пути не миновали нѣмецкихъ рукъ....

Тишина и спокойствіе царятъ въ

*) Это повѣрье существовало у полабскихъ славянъ.

душѣ кающагося, злоба и отчаяніе остались далеко на бѣломъ свѣтѣ, за почернѣвшей монастырской стѣной. Монастырскій звонъ, призывающій монаховъ на молитву, радостью наполняетъ сердце Генриха. Счастливый и довольный бѣжитъ онъ въ церковь, чтобы тамъ пѣть псалмы...

Чрезъ нѣсколько дней, по настоянію Генриха, онъ былъ постриженъ въ монахи. Но, давъ обѣтъ послушанія, онъ въ первый же разъ былъ смущенъ когда услышалъ изъ устъ своего настоятеля приказъ:

— Братъ Генрихъ, именемъ Господа повелѣваю тебѣ оставить монастырь и возложить на голову корону римскихъ императоровъ. Владѣй нѣмецкимъ государствомъ. Награждай добрыхъ, наказывай несправедливыхъ! Наша родина призываетъ тебя. На границы наши нападаетъ ослѣпленный тщеславіемъ врагъ. Ступай на сѣверъ и сотри врага во прахъ, не покладай оружія до тѣхъ поръ, пока Болеславъ не склонитъ покорно своей головы къ стопамъ твоимъ!!!

Какъ ни былъ смущенъ Генрихъ, но долженъ былъ исполнить свой обѣтъ и немедленно опять вступилъ въ права императора.

Призвавъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ онъ спросилъ:

— Что произошло новаго, пока я проводилъ всѣ дни въ монастырѣ?

— Рыцарь Болеслава Лестекъ поднимаетъ всеобщее возстаніе славянъ противъ насъ. Для этого онъ былъ за Лабой, на Мжѣ, былъ въ Подградѣ, и во многихъ другихъ славянскихъ городахъ.

— Знаете ли вы, гдѣ онъ сейчасъ находится?

— Да! Въ языческой Ретрѣ.

— Не уйдетъ?

— Ретра стоитъ посреди озера, а все озеро окружено уже нашими солдатами!

— Откуда вы узнали это?

— Вотъ отъ этихъ славянскихъ пословъ, пойманныхъ нами! За эти извѣстія мы обѣщали имъ отъ твоего имени, Государь, жизнь!

Взглянулъ ласково на связанныхъ плѣнниковъ императоръ и произнесъ съ улыбкой.

— Великую тайну выдали вы, милые братья: велика ваша заслуга! Подойдите ко мнѣ. Вотъ такъ! Вамъ дарована жизнь отъ моего имени? Да?

— Такъ, государь!

— Хорошо! А теперь—повѣсить ихъ сейчасъ же!—обратился онъ къ своимъ приближеннымъ. Вонъ стоитъ могучая сосна, и вѣтви не очень высоко отъ земли...

Рыцари остолбенѣли отъ ужаса...

— Мы поручились, императоръ!

— Исполнять мое приказаніе! Развѣ не слышите, что мои уста уже шепчутъ молитву за упокой души умершихъ?

Несчастныхъ повѣсили....

Тревожныя вѣсти несутъ гонцы съ Лабы въ нѣмецкій лагерь. Государству угрожаетъ новое возстаніе славянъ, старыя злодѣянія нѣмцевъ снова вездѣ вызвали жажду мести. Послѣ того, какъ подлый обманщикъ Геронъ, пригласивъ къ себѣ на пиръ славянскихъ начальниковъ, всѣхъ ихъ перебилъ, а его мечъ моровой язвой прошелъ отъ Дражданъ и Велтавы до самаго моря, послѣ того какъ Оттонъ мечомъ и огнемъ опустошилъ край, всѣмъ казалось, что славянская земля утихла навсегда, что пламя волненій погасло. Старѣйшины Лютиковъ распростерлись у подножія императорскаго трона, а народъ покорно терпѣлъ нѣмецкое ярмо на своей шеѣ.

Сегодня же этотъ народъ снова поднялся на своихъ враговъ. Даже тѣ, кто былъ раньше врагомъ польскаго короля, служа шпіонами у нѣмцевъ, теперь охотно слушали слова Лестка и готовился къ войнѣ. Начинается священная война, скоро пробьетъ часъ смерти нѣмецкой неволѣ, и воцарится свобода...

Но, какъ въ прекрасномъ плодѣ иногда гнѣздится червь, такъ и въ

Digitized by Google

великое дѣло освобожденія земли лютиковъ закралась измѣна...

Нашелся какой то подкупленный нѣмцами негодяй и донесъ императору, что во время новолунія въ Ретрѣ будетъ освященіе мечей...

. . . .

По серединѣ огромнаго озера, маленькій островокъ, весь заросшій дубами; это священная роща города Ретры. Въ этой рощѣ въ небольшомъ храмѣ стоитъ божество; по самой серединѣ возвышается статуя Перуна, а около нея Стрибогъ и Лада. Вокругъ островка вбиты въ воду дубовыя сваи; на нихъ настланъ помостъ изъ толстыхъ бревенъ, а на помостѣ построены тѣснымъ кольцомъ избушки. Кольцо домиковъ окружено большимъ заборомъ изъ кольевъ, въ заборѣ сдѣлано десять воротъ, и изъ каждыхъ воротъ тянется мостъ на берегъ озера. Съ высоты птичьяго полета весь поселокъ представляетъ изъ себя огромную звѣзду съ десятью лучами, бѣгущими къ берегу.

Тихо и осторожно окружили озеро нѣмецкія войска и двинулись къ самому городу; часть идетъ по мостамъ, а другая плыветъ на лодкахъ. Всѣ поселяне собрались въ храмѣ, и никто не замѣтилъ, какъ солдаты подожгли всѣ избушки и отступили обратно...

Вспыхнуло пламя и тѣснымъ кольцомъ окружило островокъ. Изъ середины огненнаго моря доносятся раздирающіе душу крики, стоны и плачъ людей...

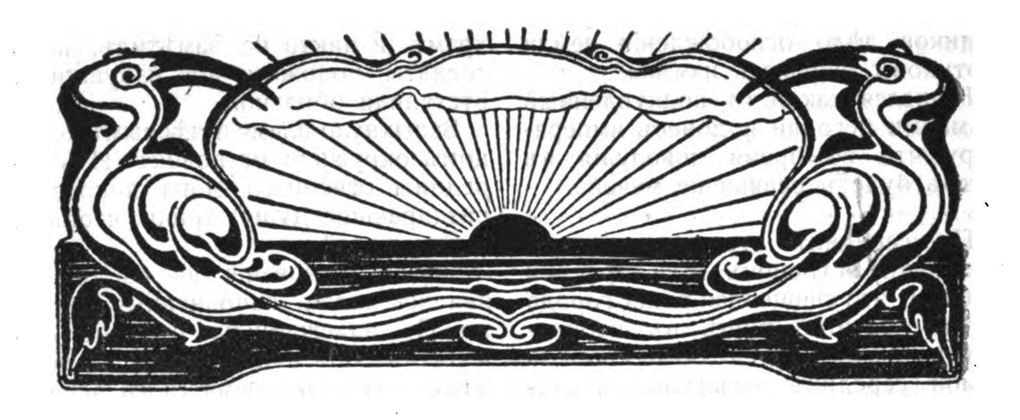
Черезъ мгновеніе на озерѣ появились лодки, наполненныя людьми. Съ надеждой на спасеніе отъ пламени бросились люди къ челнамъ и теперь стремятся къ берегу. А тамъ уже ждутъ ихъ враги. Кто достигаетъ берега, того убиваютъ солдаты, а кто не доберется до суши, тотъ гибнетъ въ водѣ.

Много славянскихъ старѣйшинъ погибло въ этотъ день. А Лестекъ попался въ плѣнъ, гдѣ его ждала страшная участь: въ присутствіи императора—монаха его замучили до смерти. Но враги ничего не добились отъ доблестнаго славянскаго рыцаря. Онъ умеръ, не сказавъ ни слова. Съ большимъ трудомъ друзьямъ удалось выручить его тѣло и предать землѣ въ Рарогѣ (нынѣ Мекленбургъ). Болеславъ справилъ пышную тризну по своемъ рыцарѣ, вырѣзавъ нѣмцевъ въ Браненборгѣ.

(До слѣдующаго №-ра).

Digitized by Google

Происхожденіе современной Россіи.

Иванъ Грозный.

Историческій очеркъ К. ВАЛИШЕВСКАГО.

(Продолженіе).

Часть II.

I. Рожденіе Грознаго.— Правленіе бояръ.— Бракосочетаніе и Коронованіе.—Сильвестръ и Адашевъ— Первый Соборъ.

При рожденіи Грознаго, т. е. Ивана IV, 25-го Августа 1530 г.—страшные раскаты грома слышались во всей странѣ; громадныя молніи сверкали повсемѣстно. Уже съ того момента, какъ младенецъ сталъ шевелиться во чревѣ матери, московскія дружины, бившіяся въ ту пору подъ Казанью, вдругъ ощутили въ себѣ такой необычайный приливъ мужества и силы, какого они никогда еще не испытывали. Такъ говоритъ легенда. Однако дѣйствительность даже на Западѣ походила отчасти на эту легенду. Громы и молніи грохотали на Европейскомъ горизонтѣ. Виклефъ, Гуссъ, Лютеръ и Кальвинъ кинули искру и зажгли повсюду братоубійственныя войны; затронутая въ своихъ жизненныхъ интересахъ католическая церковь отъ нищенствующаго монаха до Папы возстала на защиту своихъ привиллегій. Даже Москва въ своемъ вѣковомъ отчужденіи была затронута, хотя и косвенно, этимъ всеобщимъ волненіемъ. Бракомъ своимъ съ Софіей Палеологъ дѣдъ Ивана IV вступилъ въ семью Европейскихъ Государей, и въ 1473 году Венеціанскій сенатъ напомнилъ ему объ его правахъ на Византійское наслѣдіе. Но Иванъ III, заботясь болѣе о дѣйствительныхъ выгодахъ, чѣмъ о пустыхъ титулахъ, пренебрежительно отвергъ предложенія римскаго двора, хотя благосклонно выслушалъ предложеніе Императора Максимиліана Австрійскаго, предлагавшаго соединиться съ нимъ для того, чтобы общими

Digitized by Google

силами воспротивиться магометанскому владычеству и свести счеты съ общимъ сосѣдомъ—Польшей. Не дожидаясь Папской буллы, Великій Князь Московскій сталъ именоваться „царемъ", что соотвѣтствовало въ православномъ мірѣ титулу императора, а въ 1493 г. присоединилъ къ этому новому званію титулъ „Государя всея Руси", заявляя тѣмъ самымъ свои права не только на Московскую Русь, но и на Русь Кіевскую и Литовскую. Умирая, Иванъ III оставилъ свое царство, своимъ пяти сыновьямъ, при чемъ Василію, старшему изъ нихъ, оставилъ не одну треть своихъ земель, какъ это велось до него, а цѣлыхъ двѣ трети, не считая столицы.

Женатый первымъ бракомъ на боярской дочери Саломіи Сабуровой, Василій не имѣлъ отъ нея дѣтей; тогда бояре предложили ему подъ этимъ предлогомъ расторгнуть бракъ. Противъ ихъ предложеній возсталъ одинъ изъ прославившихся впослѣдствіи бояръ, Князь Семенъ Курбскій, а также бояринъ Вассіанъ Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ. Но на ихъ протестъ не обратили вниманія, царица Саломія была заключена въ монастырь, а царь женился на дочери Литовскаго выходца, Еленѣ Глинской. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ неплодность Царицы была пустымъ предлогомъ, такъ какъ Саломія вскорѣ уже послѣ насильственнаго постриженія въ монастырѣ разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго поспѣшили скрыть.

По началу и бракъ съ Еленой Глинской грозилъ остаться безплоднымъ, однако, Глинская родила наслѣдника, а три года спустя еще другого сына, Георгія, или Юрія, и тотчасъ же овдовѣла.

Иванъ III измѣнилъ порядокъ престолонаслѣдія: отстранивъ братьевъ государя. онъ установилъ, чтобы престолъ переходилъ отъ отца къ сыну, а не къ старшему въ родѣ. Въ случаѣ малолѣтства государя правителемъ становился одинъ изъ братьевъ государя. Но Елена Глинская, смѣлая и честолюбивая авантюристка, заручившись сильною партіей сторонниковъ, сама захватила власть въ свои руки и твердо рѣшила никому не уступать ее, кромѣ своего любимца, князя Телепнева-Оболенскаго, не отличавшагося никакими серьезными качествами. Сознаніе шаткости и слабости такого правленія сейчасъ же вызвало смуты и безпорядки. Первыми возстали братья покойнаго, Юрій и Андрей, которыхъ ей удалось осилить лишь предательствомъ и измѣной. Однако, въ концѣ концовъ и сама правительница поплатилась жизнью, ставъ жертвой отравы, всыпанной въ пищу ея врагами. А ея любимецъ былъ уморенъ голодомъ въ тюрьмѣ.

Малолѣтній Иванъ осиротѣлъ, и правленіе перешло въ руки бояръ, главнымъ образомъ Шуйскихъ. Происходя, наравнѣ съ Василіемъ и Иваномъ, по прямой линіи отъ Александра Невскаго, да еще отъ старшей линіи, Шуйскіе могли считать себя столь-же законными претендентами на Московскій престолъ и, конечно, не преминули заявить о своихъ правахъ. Однако, и Бѣльскіе, ведя свой родъ отъ Гедимина, также не желали уступать. Смуты и междуусобицы разразились надъ Москвой. Соперники, враждуя между собою, только при народѣ, на парадахъ, соблюдали почтеніе по отношенію къ Ивану, въ частной же жизни относились къ нему пренебрежительно, даже дерзко.

Самовластіе бояръ страшно отзывалось на государствѣ, всѣ стонали отъ ихъ раздоровъ, соединявшихся съ крайнею жестокостью и кровопролитіемъ. Все это видѣлъ съ самаго ранняго дѣтства юный Иванъ. Насиліе и злоба, звѣрства и жестокости невольно дѣйствовали на воображеніе ребенка; страшныя картины врѣзались въ его память, раздражая чуткую, впе-

Digitized by Google

чатлительную душу юноши и озлобляя его. Самовластный, какимъ онъ былъ по природы, выросшій въ такой обстановкѣ, онъ съ ранняго дѣтства привыкалъ воздавать сторицей за малѣйшую обиду, становился нервнымъ до крайности, раздражительнымъ и жестокимъ.

Первые товарищи Ивана были злы и жестоки; да и забавы, которыми развлекали его Шуйскіе и Бѣльскіе, были звѣрски и безчеловѣчны. Любимой забавой Ивана въ дѣтствѣ было сбрасывать кошекъ и собакъ съ высокаго крыльца на землю и наслаждаться ихъ предсмертными муками. Бояре поощряли эти забавы, не помышляя о томъ, какую опасную игру они вели. Громъ грянулъ совершенно неожиданно: въ декабрѣ 1543 г., испытавъ предварительно покорность своихъ псарей, Иванъ приказалъ имъ схватить князя Андрея Шуйскаго, главу Шуйскихъ, и бросить его въ тюрьму. А негодяи, превысивъ полученное приказаніе, задушили Шуйскаго, и Иванъ одобрилъ ихъ. Съ этого момента всѣмъ стало ясно, что на Руси народился новый властелинъ.

Послѣ того бояре, хотя продолжали еще управлять, но уже не осмѣливались перечить своему государю, который еще до Людовика XIV-го заявилъ, что „L'etat—c'est mois"! Онъ разъѣзжалъ теперь по улицамъ, давя народъ, насилуя женщинъ и дѣвушекъ и встрѣчая одобреніе такихъ поступковъ въ средѣ своихъ приближенныхъ, въ числѣ которыхъ находился и Федоръ Воронцовъ, возвращенный изъ ссылки по желанію Ивана, его прежній закадычный другъ, сосланный Шуйскими...

Не довѣряя родовитымъ аристократамъ, въ которыхъ Иванъ видѣлъ новыхъ Шуйскихъ и надъ которыми его нравъ не могъ проявляться вполнѣ безпрепятственно, юный монархъ окружилъ себя бывшими псарями, болѣе покорными и раболѣпными.

Въ 1546 г., охотясь въ окрестностяхъ Коломны, Иванъ случайно наткнулся на кучку вооруженныхъ людей, явившихся къ нему съ жалобой на своего воеводу. Но Иванъ, не разобравъ, въ чемъ дѣло, перетрусилъ страшно, какъ это всегда съ нимъ бывало, и бѣжалъ, заподозривъ крамолу и приказавъ учинить допросъ. Жертвою его подозрѣній пали Федоръ Воронцовъ и одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ; остальные мнимые участники этой крамолы были сосланы, кто не успѣлъ бѣжать за границу.

Съ 1543 г. въ числѣ приближенныхъ людей Ивана появляется Алексѣй Адашевъ. Человѣкъ низкаго происхожденія, какъ и Захаровъ, онъ игралъ крупную роль, какъ личность, которой многіе приписывали сильное и благотворное вліяніе на Ивана.

Въ концѣ 1546 года юный царь заявилъ еще болѣе выразительно о своей самостоятельности, объявивъ, что намѣренъ вступить въ бракъ и затѣмъ короноваться царемъ по примѣру римскихъ Императоровъ. Хотя и раньше него великіе князья Московскіе заставляли именовать себя царями, но это не было оффиціально признаннымъ за ними титуломъ. Иванъ же IV рѣшилъ присвоить себѣ этотъ титулъ царя, равносильный титулу Императора, въ качествѣ преемника Византійскихъ, даже римскихъ императоровъ. Услужливые царедворцы, въ томъ числѣ и Митрополитъ Макарій, утвердили его въ этомъ намѣреніи, производя его родъ отъ римскаго императора Августа. Макарій въ Житіи великой княгини Ольги прямо упоминаетъ о Пруссѣ, братѣ императора Августа, который яко бы былъ предкомъ Рюрика.

Коронованіе совершилось съ необыкновенною пышностью 16-го января 1547 г. Однако, Иванъ IV еще не рѣшился потребовать отъ иностранныхъ государей признанія за нимъ титула царя, такъ какъ и

Digitized by Google

дѣдъ, и отецъ его не могли добиться этого.

Выборъ невѣсты состоялся согласно установленному обычаю; всѣ дѣвицы на возрастѣ у родителей, принадлежащихъ къ служилому сословію, были созваны въ столицу. Затѣмъ, въ назначенный день царь въ сопровожденіи всего одного только изъ старѣйшихъ своихъ приближенныхъ сталъ обходить зданіе, выбирая изъ красавицъ дѣвушку по своему вкусу, ласково бесѣдуя со многими и одаривая каждую шитымъ золотомъ и жемчугомъ платочкомъ, который онъ собственноручно накидывалъ дѣвушкамъ на шею.

На этотъ разъ выборъ Ивана палъ на прекрасную и кроткую дѣвицу Анастасію, дочь покойнаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, изъ древняго боярскаго рода, съумѣвшаго, несмотря на тяжелыя времена, остаться въ сторонѣ отъ всякихъ смутъ, происковъ и крамолъ.

Одинъ изъ братьевъ Анастасіи сдѣлался впослѣдствіи родоначальникомъ будущихъ Романовыхъ. Подобно Шереметьевымъ, Колычевымъ и Кобылинымъ, Захарьины-Кошкины происходили отъ нѣкого Андрея Кобылы, выходца изъ „Пруссовъ", какъ выражаются лѣтописи. Говорятъ, что подъ Пруссами нужно разумѣть не Пруссію, а мѣстность въ Новгородѣ, гдѣ жили иностранные купцы. Оттуда-то и былъ родомъ Андрей Кобыла.

Само имя Кобыла уже свидѣтельствуетъ о несомнѣнно славянскомъ происхожденіи этого родоначальника Захарьиныхъ-Кошкиныхъ, а впослѣдствіи и Романовыхъ. Съ другой стороны, и нынѣшняя столица Пруссіи и Германіи находится на славянской землѣ.

Молодой царь страстно любилъ свою жену, но медовый мѣсяцъ его далеко не былъ безоблаченъ и спокоенъ. Бракосочетаніе Ивана состоялось 3-го февраля 1547 г., а три мѣсяца спустя страшный пожаръ уничтожилъ цѣлый кварталъ столицы.

Въ іюнѣ того же года новый страшный пожаръ разразился надъ Москвой. Такого пожара еще не помнилъ; уничтожена была часть Кремля, куполъ Успенскаго собора, Царскія и Митрополичьи палаты, Грановитая палата, казначейство, два монастыря и нѣсколько церквей. Убытки были громадные. Всѣ торговые ряды съ товарами также сгорѣли. Самъ царь остался безъ крова и укрылся въ селѣ Воробьевѣ на Воробьевыхъ горахъ, откуда Наполеонъ впервые увидѣлъ Москву.

Вину пожара приписали Глинскимъ. Правленіе Елены Глинской оставило по себѣ неизгладимый слѣдъ народной ненависти ко всему ея роду, а такъ какъ мать царицы и братъ ея Михаилъ Васильевичъ Глинскій въ то время находились въ далекой вотчинѣ въ округѣ Ржева, то народный гнѣвъ обрушился на Юрія Глинскаго, находившагося въ Москвѣ. Толпа, подстрекаемая родственниками и сторонниками Андрея Шуйскаго, сосланными и затѣмъ возвращенными изъ опалы и вновь вошедшими въ милость при дворѣ, преслѣдовала Глинскаго даже въ Успенскомъ соборѣ, затѣмъ, вытащивъ его трупъ на лобное мѣсто, стала избивать его слугъ. Шуйскіе требовали отъ Ивана Грознаго жестокихъ мѣръ. Но въ этомъ юношѣ, въ которомъ тиранъ давно уже проснулся, теперь проснулся и монархъ. Желая оставаться полнымъ господиномъ своихъ дѣйствій, онъ, не взирая на суевѣріе, къ которому былъ весьма склоненъ, какъ, впрочемъ, всѣ люди его вѣка, увидѣлъ болѣе опасныхъ для себя враговъ въ обвинителяхъ, дерзавшихъ вступаться за его права и власть, чѣмъ въ поджигателяхъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ. Бѣжавшій въ Литву Михаилъ Глинскій былъ схваченъ на пути однимъ изъ Шуйскихъ, но царь приказалъ отпустить его и не выдалъ его матери ея врагамъ.

Digitized by Google

Первый біографъ Ивана, князь Курбскій, утверждаетъ, будто въ то время, когда Иванъ расправлялся съ виновниками безпорядковъ въ Москвѣ, по случаю этого пожара, предъ нимъ предсталъ старецъ съ вдохновеннымъ видомъ и сталъ обличать его, предвѣщая царю гнѣвъ Божій. Старецъ этотъ былъ никто иной, какъ авторъ Домостроя, попъ Сильвестръ, который будто бы съ этого времени пріобрѣлъ вліяніе надъ Иваномъ.

Въ дѣйствительности же, состоя настоятелемъ храма Благовѣщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и царскимъ духовникомъ, попъ Сильвестръ былъ уже извѣстенъ государю еще задолго до этой катастрофы, и вліяніе его на Ивана началось гораздо раньше этого времени, но только въ тѣсной сферѣ скромнаго духовнаго лица. Иванъ, понявъ необходимость измѣнить общій строй и порядокъ вещей, увидѣлъ себя вынужденнымъ прежде всего перемѣнить людей и сталъ, на смѣну родовитымъ боярамъ, набирать скромныхъ людей изъ толпы. Что Сильвестръ подвернулся въ это время, конечно, возможно, но что онъ пріобрѣлъ надъ Иваномъ то неограниченное вліяніе, какое ему приписываетъ Курбскій,—это ничѣмъ рѣшительно не доказано.

Да и подъ силу ли было ему такое вліяніе надъ такимъ человѣкомъ, какъ Иванъ Васильевичъ? Судя по всему, Сильвестръ не отличался способностями ни блестящаго политика, ни высокаго моралиста, и подлѣ митрополита Макарія являлся безцвѣтной и блѣдной личностью.

Настоящая новая эра въ царствованіи Ивана начинается съ созванія Перваго Земскаго Собора, самый характеръ и точная дата котораго до сихъ поръ еще не могутъ быть опредѣлены съ точностью. Приблизительно въ это время выступаетъ на сцену и Алексѣй Адашевъ. Но на Земскомъ Соборѣ главная роль несомнѣнно принадлежитъ митрополиту Макарію, Сильвестръ же совершенно стушевывается. Изъ всего этого ясно, что только ложное толкованіе нѣкоторыхъ историческихъ документовъ могло приписать этимъ двумъ друзьямъ и союзникамъ—Адашеву и Сильвестру—ту роль, къ какой ни тотъ, ни другой изъ нихъ не были способны. Отсюда понятно, почему, не смотря на многолѣтнюю дѣятельность, трудно указать, во главѣ какой партіи стояли Сильвестръ и Адашевъ, какія они преслѣдовали политическія цѣли и чего старались достигнуть своимъ вліяніемъ.

Будучи оба людьми низкаго происхожденія, они слыли какъ бы представителями того типа новыхъ людей, которыхъ Иванъ старался выставить въ противовѣсъ древней боярской олигархіи. Между тѣмъ они скоро встали на сторону тѣхъ же бояръ, и потому Иванъ замѣнилъ ихъ другими.

Въ 1547 г. Иванъ сумѣлъ противустать толпѣ и ея вожакамъ, побуждавшимъ ее къ злодѣяніямъ,—казнивъ нѣсколько человѣкъ. Но власть по прежнему еще оставалась въ рукахъ бояръ. Только въ 1549 или 1550 году онъ, наконецъ, рѣшился созвать Земскій Соборъ изъ представителей всѣхъ классовъ. Засѣданіе собора было открыто на Красной площади передъ Кремлемъ. Царь обратился къ народу съ рѣчью, въ которой обличалъ бояръ, и въ заключеніе просилъ молитвъ и содѣйствія митрополита въ новомъ дѣлѣ правленія, которое онъ принималъ теперь на себя. Поклонившись на всѣ четыре стороны, онъ просилъ народъ забыть на время свои обиды, и обѣщалъ отнынѣ быть ихъ судьей и заступникомъ.

Въ тотъ же день Адашевъ былъ повышенъ изъ постельничьихъ въ окольничьи, и ему было поручено разсмотрѣніе челобитныхъ.

Относительно этого Собора не имѣется никакихъ точныхъ историческихъ данныхъ, но, судя по позд-

Digitized by Google

нѣйшимъ подобнымъ соборамъ, народный элементъ врядъ ли принималъ въ немъ участіе. Да и самый Соборъ не имѣлъ ничего общаго съ какими-либо народными собраніями въ родѣ парламента. Это было скорѣе собраніе чиновниковъ, служилыхъ людей, какъ показываютъ списки чиновъ 2-го Собора, созваннаго въ 1565 г. по поводу недоразумѣній съ Польшей; его составляли 32 человѣка высшаго духовенства, 258 бояръ, дѣтей боярскихъ и должностныхъ лицъ высшихъ и низшихъ, 9 крупныхъ землевладѣльцевъ, 53 купца Московскихъ, 22 купца Смоленскихъ: изъ народа же, собственно говоря, никого не было. Поэтому и въ Первомъ Соборѣ, какъ и въ другихъ, не было ничего, напоминающаго хоть сколько-нибудь прежнее вѣче или представительныя собранія Западныхъ государствъ.

Земскіе соборы были простой исторической случайностью въ Россіи; съ 1550 по 1653 г. ихъ было шестнадцать. Вызванные къ жизни желаніемъ монарха, они, въ силу такого же желанія, и перестали существовать, не оставивъ по себѣ никакого вліянія на судьбы русскаго народа.

Все значеніе Перваго Земскаго Собора заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ сдѣлался исходною точкой новой реформенной эры.

Царь доказалъ всенародно, что онъ видитъ и сознаетъ язвы, разъѣдающія его государство; онъ смѣло обнажилъ ихъ и обѣщалъ излѣчить ихъ. Чутко прислушивался онъ и къ голосамъ просвѣщенныхъ людей, выставившихъ опредѣленные политическіе и соціальные идеалы.

Съ одной стороны, это былъ голосъ Нестяжателей, ратовавшій объ уничтоженіи монастырскихъ земель и раздачѣ ихъ крестьянамъ-хлѣбопашцамъ, съ другой—голосъ нѣкого Ивашки Пересвѣта, ратовавшій объ уничтоженіи кормленія и награжденія землею служилыхъ людей. Оба мнѣнія нисколько не противорѣчили другъ другу, какъ то предполагали сначала, а скорѣе дополняли одно другое, клонясь къ одной общей цѣли - возвращенію земли крестьянамъ и освобожденію крестьянъ отъ подневольной работы.

Иванъ прислушивался къ этимъ голосамъ.

Самъ царь въ своей рѣчи на Красной площади указывалъ на бояръ и служивыхъ людей, какъ на недостойныхъ слугъ, но чтобы замѣнить ихъ достойными, надо было подготовить на ихъ мѣсто другихъ.

Однако, чтобы, пока что, ограничить злоупотребленія служилыхъ людей, слѣдовало обезпечить ихъ существованіе, такъ какъ положеніе и ихъ въ сущности было незавидное. Если они жали и давили мужика-хлѣбопашца, то и мужикъ съ своей стороны всячески старался раззорять ихъ, уходя изъ помѣстій и лишая помѣщиковъ рабочихъ рукъ въ самое нужное время.

Правительство, смотрѣвшее сначала весьма благосклонно на переходы крестьянъ, въ которыхъ оно видѣло могучую колонизаціонную силу, теперь стало видѣть въ этихъ переходахъ и переселеніяхъ серьезную государственную опасность, болѣе серьезную даже, чѣмъ непокорность и злоупотребленія кормленщиковъ.

Еще большую опасность представляли вотчинники, потомки прежнихъ удѣльныхъ князей, не знавшіе надъ собой ни власти, ни закона и, хотя принадлежавшіе къ числу служилыхъ людей, но служившіе по своей волѣ, въ свое удовольствіе, не признававшіе никакой дисциплины, надменные и непокорные. Однако, сломить ихъ было не такъ-то легко,— это было задачей предшественниковъ Ивана — замѣнить древнюю удѣльную Русь новой, самодержавной и единодержавной царской Русью.

Юный царь рѣшилъ идти тѣмъ же путемъ. Отсюда, изъ этой зада-

Digitized by Google

чи, и вышла мысль объ опричнинѣ, такъ ложно понятой и такъ-таки дурно истолкованной большинствомъ историковъ, вплоть до послѣдняго времени.

Съ 1552 года Иванъ уже не скрывалъ своего намѣренія реорганизовать администрацію, расширивъ права мѣстнаго самоуправленія и замѣнивъ служилыхъ людей земскими выборными, губными старостами (судьями) и т. д. Однако, это расширеніе не привилось, частью оттого, что народъ уже отвыкъ отъ самоуправленія, частью оттого, что выборные отвѣчали и за аккуратные сборы податей, а на такихъ условіяхъ являлось мало охотниковъ занимать такія должности. Наконецъ, нужно вспомнить, что автономіи правительство не намѣрено было предоставить общинамъ безвозмездно, а требовало, чтобы общины откупали право судопроизводства и администраціи. Многія общины не пожелали рѣшиться на денежную жертву ради этихъ привиллегій, другія же оказались недостаточно состоятельными, и въ концѣ XVI вѣка даже и тамъ, гдѣ губные старосты были введены, они силою обстоятельствъ превратились въ тѣхъ же правительственныхъ чиновниковъ.

Вопроса собственности, законодательство 1550 г. коснулось лишь съ большой осторожностью; вопросъ-же рабства т. е. кабальности, оно, не измѣнивъ въ основномъ, все-же сильно ограничило, воспрещая считать рабами дѣтей, рожденныхъ раньше поступленія родителей въ рабство; воспрещая родителямъ —рабамъ продавать въ рабство своихъ дѣтей, рожденныхъ въ свободномъ состояніи, обязывая записи о поступленіи въ рабство совершать въ присутствіи высшихъ административныхъ чиновъ и т. д. Но, на ряду съ этимъ, новые законы позволяли крестьянину, пожелавшему идти въ кабалу, во всякое время бросать свой надѣлъ, увеличивали плату за „прожитое“ и такимъ образомъ только затягивали петлю на шеѣ крестьянина.

Личная воля царя въ этихъ послѣднихъ мѣрахъ была не при чемъ; онъ, который впослѣдствіи издѣвался надъ ограниченностью власти Баторія, въ данномъ случаѣ не посмѣлъ проявить своей неограниченной власти, —онъ былъ еще слишкомъ молодъ и не вполнѣ увѣренъ въ своихъ силахъ, боялся задѣвать привиллегіи высшаго класса.

Однако, голосъ Ивашки Пересвѣта не остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ; — въ томъ-же еще 1550 году Иванъ издалъ 10-го октября указъ, которымъ, можно сказать, положилъ начало опричнинѣ и реорганизовалъ высшій классъ служилыхъ людей. Со всѣхъ концовъ государства была собрана тысяча человѣкъ боярскихъ дѣтей и надѣлена помѣстьями въ Московской округѣ и сосѣднихъ съ ней округахъ. Къ нимъ причислялись также и древнія аристократическія фамиліи, издавна владѣвшія здѣсь помѣстьями, а также и всѣ высшіе административные чины. Изъ этой группы Иванъ думалъ образовать зерно новой Московской аристократіи, которая была подраздѣлена на три класса, или стати.

Такимъ образомъ служба царская являлась единственнымъ правомъ на привиллегированное положеніе; знатность рода и высокое происхожденіе сами по себѣ вовсе не принимались въ разсчетъ. Въ результатѣ мы видимъ, что въ спискахъ земскаго собора 1566 г. почти не встрѣчается князей, они какъ-то исчезли, а на верхъ всплыли высшіе государственные чины. Уже въ 1554 году бывшій удѣльный князь Воротынскій Михаилъ Ивановичъ подписывается просто *дворянинъ*, т. е. дворовый или дворцовый человѣкъ, званіе, считавшееся въ то время выше всякаго другого.

Въ 1555 г. была впервые организована правильная охрана границы царства Московскаго вдоль теченія

Digitized by Google

рѣки Волги, — изъ стрѣльцовъ и казаковъ. Иванъ же IV вздумалъ надѣлить новую группу дѣтей боярскихъ помѣстьями въ пограничныхъ округахъ, возложивъ на нихъ за то охрану границы. Въ результатѣ, вся линія границы отъ Алатыря до Темникова и отъ Путивля до Нижняго и Звенигорода покрылась двойнымъ рядомъ укрѣпленныхъ городовъ или крѣпостей.

Уже за одно это мудрое постановленіе Иванъ IV заслужилъ благодарность потомства, доставивъ своему государству ту безопасность, какой оно раньше никогда не знало.

Не оставивъ безъ вниманія программу Ивашки Пересвѣта, Иванъ тѣмъ менѣе не могъ остаться безучастнымъ и къ проповѣди нестяжателей, послѣдователей Нила Сорскаго. Хотя онъ въ осуществленіи ея и не рѣшался еще вступить въ открытую борьбу съ духовенствомъ, однако, добился большихъ уступокъ, напр., возврата вотчинъ, приписанныхъ къ монастырямъ безъ согласія государя, уничтоженія всѣхъ дарственныхъ записей на земли, дарованныя монастырямъ, воспрещенія пріобрѣтать бывшія вотчины удѣльныхъ князей и вообще пріобрѣтать какія-бы то ни было вотчины безъ особаго на то разрѣшенія государя.

Въ 1573 г. былъ изданъ указъ, воспрещающій отписывать кому-бы то ни было свои земли въ пользу богатыхъ монастырей, а въ 1580 г. послѣдовало строжайшее воспрещеніе лицамъ какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства пріобрѣтать земли, какъ путемъ дарственныхъ записей, такъ и на деньги.

Наконецъ, нужно вспомнить еще Стоглавый Соборъ, на которомъ были утверждены многія церковныя реформы.

Впрочемъ, послѣднія не привели ни къ чему; за то реформы политическія, за которыя юный царь принялся болѣе настойчиво, — привели къ террору.

Но прежде царь-законодатель выступилъ еще въ роли завоевателя.

II. Остатки Монгольскаго Царства.—Войско Ивана.— Взятіе Казани. — Послѣдствія. — Покореніе Астрахани. — Казаки. — Крымъ и Ливонія.

При восшествіи на престолъ Ивана IV, татарское иго являлось лишь тяжелымъ воспоминаніемъ. Отъ великой имперіи Чингизъ-Хана и Тимуръ-Хана не оставалось теперь въ рукахъ завоевателей ничего, кромѣ жалкихъ остатковъ, въ видѣ царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Крымскаго. Изъ нихъ наиболѣе сильнымъ считалось Крымское царство подъ управленіемъ Гиреевъ, которые подчинили своему вліянію и Казань.

Крымскіе татары часто грабили границы государства и даже при Иванѣ IV подступали къ Москвѣ. Но это были теперь скорѣе грабители, чѣмъ неустрашимые воины; любители легкой наживы и легкой побѣды, а не стойкіе и лихіе соратники великихъ монгольскихъ завоевателей. Поэтому Иванъ не боялся ихъ, а, войдя въ года, сталъ дѣйствовать еще лучше; дважды, въ 1548 и 1549 гг. онъ лично водилъ подъ Казань свои войска, но оба эти похода не привели ни къ чему, такъ какъ наши выступали поздно, бывали захвачены морозами, и ратники гибли въ снѣгахъ, а артиллерія тонула въ Волгѣ. Дважды Иванъ принужденъ былъ отступать отъ Казани, подавляя въ себѣ бѣшенство, а Крымцы и Казанцы жгли и грабили его лучшія земли. Второй походъ, однако, далъ Ивану то утѣшеніе, что ему удалось основать на вражеской территоріи, неподалеку отъ Казани, у сліянія Волги и Свіяги, крѣпость Свіяжскъ, куда стали стекаться Черемисы, Чуваши и Мордва.

Между тѣмъ въ самой Казани шли неурядицы. Татары, недовольные Утамышемъ, младшимъ сыномъ

Digitized by Google

крымскаго Сафы Гирея, выдали его Москвѣ, затѣмъ, оставшись также недовольны Шахомъ Али, ставленникомъ Ивана IV, рѣшили просить Московскаго царя назначить имъ другого царя.

Но скоро ихъ намѣренія измѣнились и изъ друзей они опять превратились во враговъ Москвы. Тогда Иванъ IV рѣшилъ окончательно раззорить это разбойничье гнѣздо. 16 Іюня 1552 года, поручивъ царицѣ Анастасіи временно править государственныя дѣла, объявивъ помилованіе многимъ опальнымъ и заключеннымъ, молодой царь, испросивъ благословеніе Всевышняго на свое предпріятіе, двинулся со всѣми своими силами на Казань.

Не смотря на то, что Россія никогда не знала феодализма, ея военная организація того времени была чисто феодальнаго характера. Въ то время, какъ въ Европѣ почти всѣ арміи состояли уже изъ регулярныхъ войскъ, у Ивана еще только начинало нарождаться это войско новѣйшаго типа, первыми представителями котораго являются стрѣльцы. Они набирались изъ вольныхъ людей и служили по вольному найму,—но должны были наниматься пожизненно, т. е. на все время своей жизни. Въ большинствѣ случаевъ семейные, они съ теченіемъ времени образовали изъ себя особое сословіе, въ которомъ военное ремесло было наслѣдственнымъ. Вооруженные и снаряженные на Европейскій образецъ, стрѣльцы получали отъ государства рубль на постройку избы и рубль жалованія въ годъ, кромѣ готовой обмундировки и содержанія натурой въ количествѣ нѣсколькихъ кулей муки и крупъ, масла и вина. А когда все это оказалось недостаточнымъ, ихъ стали еще надѣлять участками земли и разрѣшили имъ въ мирное время, свободное отъ службы, заниматься различными ремеслами.

Въ концѣ царствованія Ивана ихъ насчитывалось уже до 12.000, изъ которыхъ 7,000 постоянно находились въ Москвѣ, остальные же, вмѣстѣ съ городовыми казаками, образовали гарнизоны разныхъ крѣпостей. Это была первая регулярная пѣхота, какую мы видимъ въ Россіи. Кромѣ того, у Ивана былъ еще постоянный корпусъ артиллеристовъ, трехъ разрядовъ: „*пушкари*“, „*зачинщики*“ и „*гранатчики*“ и спеціальный корпусъ „пищальниковъ“, т. е. ружейныхъ стрѣлковъ.

Конечно, все это не составляло еще арміи, главный контингентъ которой представляли собою служилые люди и собственно „*рать*“, т. е. набранные для ратнаго дѣла люди изъ крестьянъ и горожанъ всего государства, называемые тогда посошниками. Это не были конечно обученные ратному или военному дѣлу люди, пригодные на полѣ сраженія, но за то были необходимы для земляныхъ работъ и пр.

Войско Ивана IV раздѣлялось на главный, передовой полкъ, или авангардъ, правое и лѣвое крыло и аріергардъ. Когда же присутствовалъ царь, то формировался еще особый шестой, царскій, или государевъ полкъ. Всѣ эти полки дѣлились на 2 или 3 части каждый, а эти части на сотни; командовали ими старшіе воеводы, младшіе воеводы и простые дворяне.

Сколько всего было войска у Ивана въ 1552 г. намъ осталось неизвѣстно.

Вооруженіе войска было самое разнообразное, но излюбленнымъ оружіемъ оставались луки, стрѣлы, а также копья и бердыши. Кирасъ, т. е. латъ, кромѣ знатныхъ бояръ, никто не носилъ; эти же имѣли и латы, и шишаки, и кольчуги.

Отсутствіе обученія военному дѣлу, отсутствіе дисциплины сильно сказывалось въ войскѣ Ивана. Напасть невзначай, захватить врага врасплохъ, окружить его двойными, если можно, тройными силами, подавить своей численностью,—вотъ въ чемъ состояла вся ихъ военная

Digitized by Google

тактика. Беззавѣтно храбрые, они почти никогда не просили пощады; даже будучи разбиты и разсѣяны, предпочитали умирать. чѣмъ просить пощады. Для осадной войны русскіе также не были пригодны, всего лучше умѣли они защищаться за своими стѣнами, безропотно перенося трудъ и голодъ, умирая сотнями за своими стѣнами и валами, все снова разрушаемыми и снова воздвигаемыми. Вѣроятно, зная за ними эти свойства—крѣпко биться за стѣнами, въ московскомъ войскѣ были введены подвижныя или переносныя укрѣпленія, подъ названіемъ „*Гуляй-Городковъ*".

При такомъ положеніи войска въ періодъ Грознаго замѣчательно и чрезвычайное развитіе артиллеріи. Конечно, первыя пушки въ московскомъ войскѣ были привозныя. Но уже въ царствованіе Ивана III иностранные мастера изготовляли ихъ въ Москвѣ.

При Иванѣ IV русская артиллерія усвоила себѣ всѣ усовершенствованія современной баллистики: у нихъ были и „змѣи", и фальконеты, и мортиры различныхъ калибровъ, наконецъ, гаубицы. По свидѣтельству Флитчера, ни одинъ изъ Европейскихъ государей того времени не имѣлъ столько огнестрѣльныхъ орудій, какъ Великій Князь московскій. А Дженкинсонъ въ 1557 г. былъ положительно удивленъ ловкостью, проворствомъ и мѣткостью, какую проявляли русскіе артиллеристы при упражненіяхъ въ стрѣльбѣ.

Двинувшись на Казань, царь узналъ, что на помощь казанцамъ пришли крымскіе татары; орды новаго хана Девлета-Гирея были уже подъ Тулой. Тула держалась, и 13-го августа царь былъ уже въ Свіяжскѣ.

Казань была обнесена только землянымъ валомъ и бревенчатой стѣной. Но, насчитывая до 30,000 гарнизона, она рѣшила ни за что не сдаваться. Казанцы отлично понимали, что эта рѣшительная борьба двухъ расъ, что овладѣвъ Казанью, царь московскій станетъ господиномъ Казанскаго царства, и Исламъ потеряетъ свою послѣднюю точку опоры въ этой части Европы. Ободряемые присланнымъ крымцами новымъ царемъ Ядигеръ-Магометомъ, окруженнымъ отборными воинами, казанцы побѣдоносно отразили первый штурмъ московскаго царя, и Иванъ начиналъ уже опасаться быть застигнутымъ зимой, тѣмъ болѣе что въ сентябрѣ сильная буря повалила большинство шатровъ въ станѣ царя и уничтожила на Волгѣ нѣсколько судовъ съ провіантомъ. Татары со стѣнъ города начали уже издѣваться надъ бѣднымъ царемъ.

Но Иванъ не падалъ духомъ. Съ наступленіемъ хорошей погоды, когда артиллерія достаточно подготовила путь, русскіе рѣшились на общій приступъ 2-го октября 1552 года. Этотъ приступъ доставилъ осаждающимъ блестящую побѣду, но молодой царь, проявлявшій до этого момента столько твердости и энергіи, пріучившій свои войска видѣть его лично командующимъ своими полками, заставлявшій ихъ бояться его и повиноваться ему, вдругъ исчезъ.

Въ то время, какъ князь Михаилъ Воротынскій взрывалъ послѣднія укрѣпленія Казани, въ походномъ храмѣ шло торжественное служеніе; бреши были открыты, саперы сдѣлали свое дѣло. Оставалось только войти въ городъ, и войска ожидали увидѣть царя впереди, но его не было. Тогда одинъ изъ бояръ запыхавшись вбѣжалъ къ Ивану со словами: „Государь, время тебѣ идти, люди твои сцѣпились съ татарами, и полкъ твой ожидаетъ тебя"!—Испивъ святой воды, приложившись къ иконамъ и получивъ благословеніе своего духовника, царь, наконецъ, сѣлъ на коня и галопомъ поѣхалъ къ своему полку.

Уже Московскія знамена развѣвались на стѣнахъ покореннаго города, и первая колонна осаждающихъ

Digitized by Google

проникла въ самый городъ, какъ 6.000 татаръ бросилась спасаться вплавь черезъ Казанку. Иванъ не приказывалъ прекращать рѣзни; впрочемъ, въ то время и на Западѣ взятый приступомъ городъ былъ обреченъ на смерть. Молодой царь собственноручно водрузилъ большой крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ развѣвалось знамя послѣдняго казанскаго хана, и приказалъ служить молебенъ. Въ два дня на этомъ мѣстѣ былъ выстроенъ храмъ и тотчасъ же освященъ, а къ концу недѣли покоренный городъ былъ порученъ двумъ воеводамъ, Александру Борисовичу Горбатому и князю Василію Семеновичу Серебряному. Оставивъ имъ сильный горнизонъ, Иванъ вернулся въ Москву.

Во Владимірѣ его ожидала радостная вѣсть: царица благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который нареченъ былъ Дмитріемъ. Въ Москвѣ его встрѣтило все духовенство съ митрополитомъ во главѣ, привѣтствуя съ побѣдой.

Весной 1555 г. въ Казань прибылъ первый Казанскій и Свіяжскій Архіепископъ--Гурій. Это было уже полное торжество Руси и православія надъ Татарщиной и Исламомъ.

Взятіе Казани имѣло для Москвы громадное значеніе. Мало того, что Казань, расположенная, такъ сказать, на среднемъ теченіи Волги, открывала московскимъ судамъ свободный путь вплоть до Астрахани, она, будучи торговой метрополіей для азіатскихъ племенъ, предоставляла Москвѣ превосходный мѣновой рынокъ. Однако, Иванъ слишкомъ торопился вернуться въ Москву,—и взятіе Казани еще не означало покоренія всего Казанскаго царства. Уже въ декабрѣ того же года среди жителей города и окрестностей стало замѣчаться волненіе и непокорность, вскорѣ перешедшіе въ открытое возмущеніе. До 1000 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ гарнизона были избиты, и въ 1554 г. потребовался новый походъ московскихъ людей для окончательнаго покоренія Казани.

Весной того-же 1554 года Московское войско въ количествѣ 30,000 спустилось на своихъ судахъ по Волгѣ подъ начальствомъ князя Юрія Ивановича Пронскаго и 29 августа въ то время, какъ царь праздновалъ въ Коломнѣ день своего рожденія, гонецъ отъ Пронскаго привезъ ему вѣсть о взятіи Астрахани. Это, конечно, еще не было окончательнымъ завоеваніемъ Астраханскаго царства,—оно было окончательно присоединено только чрезъ нѣсколько лѣтъ. Но, какъ бы то ни было, русскіе овладѣли устьемъ Волги и могли безпрепятственно распространять свое вліяніе на югъ.—По пути этой политики шло и переселенческое движеніе всякаго люда отъ береговъ Дона и Терека, гдѣ эти бѣглые и переселенцы уже успѣли обосноваться. Они начинали уже захватывать часть Крыма и побережье Азовскаго моря, постепенно раздвигая область казатчины, служившей пріютомъ всему бродячему элементу Московскаго государства. Власть Москвы надъ этимъ сбродомъ была чисто номинальной и еще долго должна была оставаться таковою.

Не будучи въ состояніи постоянно сдерживать это бродячее разбойничье населеніе, Москва была вовлечена въ постоянное препирательство съ остатками крымскихъ татаръ, постоянно дѣлавшихъ набѣги на казатчину и терпѣвшихъ отъ ихъ наѣговъ и грабежей. Въ 1557 г. Адашевъ спустился до низовьевъ Днѣпра, захватилъ два турецкихъ судна, высадился въ Крыму и вселилъ всюду страхъ и трепетъ передъ именемъ Московскаго царя.

Этотъ моментъ, казалось, былъ на столько благопріятнымъ, чтобы разомъ покончить съ безпокойнымъ крымскимъ сосѣдомъ, — и ближніе люди Ивана усиленно просили его рѣшиться нанести крымскимъ татарамъ послѣдній ударъ. Но юный и славный государь не под-

Digitized by Google

дался ихъ увѣщаніямъ, обративъ свое вниманіе на Западъ, на Ливонію.

Судя безпристрастно, выборъ его былъ хорошъ и разуменъ; у него было множество основаній желать присоединенія Ливоніи и почти столько же основаній отказаться отъ серьезнаго похода въ Крымъ. Доставка туда войскъ, провіанта и воинскихъ припасовъ черезъ степи была крайне затруднительна. Кромѣ того, война съ Крымомъ легко могла вовлечь за собой войну съ Турціей, гдѣ въ это время царствовалъ Солиманъ Великій. Ливонія же, столь необходимая Россіи, какъ выходъ въ море, по которому должно было придти на Русь просвѣщеніе, была во всякомъ случаѣ слабѣе. Спорить приходилось только съ Польшей, уже раздираемой внутреннимъ непорядкомъ, и Швеціей.

Словомъ, замыслы Ивана были разумны, обличая въ немъ несомнѣнно дальновиднаго политика,—и если ему не удалось присоединеніе Ливоніи, то исключительно только потому, что онъ наткнулся на препятствіе, котораго никто не могъ предвидѣть, въ лицѣ Баторія вдругъ народившагося въ странѣ, которая давно уже не знала другихъ королей, кромѣ картонныхъ.

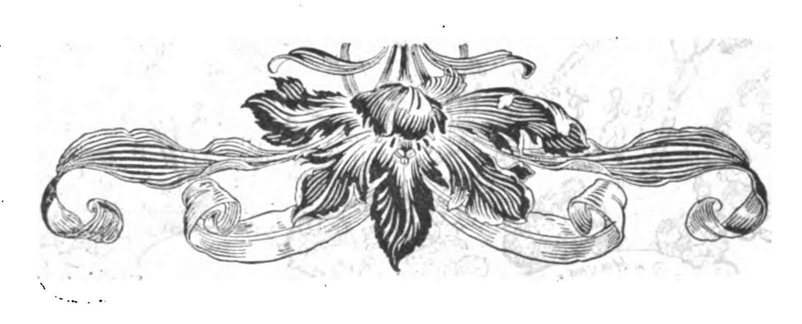
Начиная борьбу, Иванъ имѣлъ несомнѣнный перевѣсъ надъ своими соперниками. За нимъ былъ престижъ недавнихъ побѣдъ, громадная популярность, какою не пользовался ни одинъ изъ его преемниковъ. Побѣдитель Ислама, заботливый законодатель и праведный судья, „грозный и страшный“ только для великихъ міра сего, Иванъ возбуждалъ восхищеніе и удивленіе не только своего народа, но и иностранцевъ. Ни одинъ изъ христіанскихъ государей того времени,—говоритъ Дженкинсонъ,—не былъ столь уважаемъ и вмѣстѣ столь любимъ своими подданными, какъ Иванъ.

Фоскарини, венеціанскій посолъ при дворѣ Ивана, отзываясь съ большою похвалой о судѣ этого несравненнаго государя и о простыхъ, не сложныхъ законахъ, которыми онъ руководствовался всегда разумно, и умѣло примѣняемыхъ имъ, восхвалялъ его привѣтливость, его человѣчность и многосторонность его познаній, блескъ и пышность его двора и образцовое состояніе его войска, причисляя Ивана къ лучшимъ государямъ своего времени.

Дѣйствительно, царь Иванъ въ это время имѣлъ въ своемъ распоряженіи многочисленное войско, богатую казну, преимущество уже сплотившагося государства и, сверхъ всего этого, увѣренность въ себѣ, которую даетъ успѣхъ. И всему этому суждено было погибнуть въ той бездонной пропасти, которой ни онъ, никто другой не могъ предвидѣть, и глубины которой никому не дано было измѣрить.

Пер. *А. Энквистъ*.

(До слѣд. №-ра).

Digitized by Google

Искры.

(У окна вагона).

Посмотри на эти искры...
Много въ нихъ страницъ былого:
Ихъ стремленья такъ-же быстры
И огня въ нихъ такъ-же много...
Пролетятъ толпой несчетной
И кому съ того бѣда,
Что отъ искры мимолетной
Не останется слѣда?

Мечтатель.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Обывательщина, прожектеръ безгазетной губерніи и съѣдобность китайца. Этюдъ во вкусѣ Франца Штука, газета и о томъ, что Кай смертенъ. Задачи провинціальной печати, Ядринцевъ.

Очень заманчиво опредѣлить психологію обывательщины. Кажется, удивительно просто, но стоитъ задуматься посерьезнѣй,—и перо становится неувѣреннымъ, быть можетъ, опять-таки потому, что опредѣлять простое всегда трудно. Думается, однако, что *лѣнивая злобность*—лучшая формула обывательщины. Какъ всякая злобность, она—слѣпа и втайнѣ жадна; какъ все лѣнивое, она мягкотѣла. Поэтому и въ результатѣ ничего, кромѣ болотнаго смрада не получается: ни драмы величественной, ни преступленія, ни захватовъ. Для всего этого нужна страсть, нужны огонь и движеніе, а обыватель инертенъ, глупъ и узокъ. Характерно, что онъ не прочь—и даже очень—поговорить о матеріяхъ важныхъ, взглянуть на то или иное, какъ настоящій заправскій интеллигентъ, погорячиться о добрѣ, вздохнуть гражданскимъ вздохомъ о тьмѣ и неправдѣ, но вся эта принципіальная широта моментально „садится", какъ дешевый холстъ отъ первой стирки, при первомъ же прикосновеніи реальнаго факта, имѣющаго прямое или косвенное касательство къ собственной обывательской персонѣ и ея благополучію. „Люди смертны",—это обыватель признаетъ,—„Кай—человѣкъ и потому тоже смертенъ"—это тоже ему поперекъ горла не стоитъ. Но вотъ: „обыватель Иванъ—человѣкъ и, слѣдовательно, тоже смертенъ",—этого ужъ никакъ нельзя принять безъ оговорокъ. Кай—пусть себѣ хоть бы даже и въ самомъ дѣлѣ оказался смертнымъ: прахъ съ нимъ совсѣмъ, но Иванъ—нѣтъ-съ,—извините.

— Это еще вопросъ...

И такъ во всемъ. „Пропечатали" сосѣда: хорошо, ибо первое дѣло,—чтобы гласность. Пропечатали самого,—нѣтъ-съ, это ужъ того... Забылись маленько: за это—въ судъ, ибо се—диффамація! Начальство битый часъ орало на Ивана Петровича,—что же-съ: на то оно и начальство! Оно же орало полчаса на самого Сидоръ Петровича. Нельзя-съ: человѣка уважать надо!

Крѣпостное право—зло и слава Богу, что уничтоженное. Но... Но еслибъ мнѣ—думаетъ иной землевладѣлецъ изъ прогорающихъ—тысченку—другую живыхъ душъ—не откажемся.

Издавна извѣстно, что курскіе помѣщики вообще хорошо пишутъ, но, очевидно, chef d'oeuvre курской письменности созданъ только теперь, подъ вліяніемъ событій на Дальнемъ Востокѣ. Chef d'oeuvre называется „*Китай или мы*" и вызванъ на свѣтъ Божій не испуганнымъ, а откровенно алкающимъ воображеніемъ. „Волей-неволей,—говоритъ авторъ, одинъ изъ курскихъ землевладѣльцевъ,

Digitized by Google

дворянъ, — намъ предстоитъ борьба на жизнь и смерть съ желтой расой, и если мы будемъ побѣдителями, то неминуемо должны (!) завладѣть частью Китая; если же мы будемъ побѣждены, то попадемъ въ монгольское рабство". (?!)

Но послѣднее предположеніе, конечно, выставлено только для виду, какъ нѣкая риторическая фигура устрашенія. Внутри души авторъ убѣжденъ, само собой, что мы побѣдимъ, а Китай будетъ подѣленъ между бѣлыми народами. Россія нежадна: ей только бы сѣверный Китай,—остальное, сдѣлайте одолженіе, разбирайте, какъ тамъ хотите, — мѣшать не станемъ. „Предоставимъ другимъ народамъ имѣть арміи для держанія въ повиновеніи и выжиманія соковъ изъ провинцій южнаго и средняго Китая, мы же въ сѣверномъ Китаѣ должны дать землю своимъ неимущимъ русскимъ, а туземное населеніе должны заставить работать безъ остатка (!) для себя и нашего государства".

„Наше государство"—это тоже для красоты слога,—въ сущности, тайно вожделѣющая мысль курскаго боярина гнетъ свою линію,—помочь центру. Окраины,—онѣ ужъ и такъ достаточно покровительствуемы, а вотъ центръ тотъ оскудѣваетъ.

Будь авторъ искрененъ въ той же мѣрѣ, въ какой онъ глупъ, онъ сказалъ бы просто: рабочихъ бы изъ китайцевъ намъ въ Курскую губернію,—и, по возможности, безплатно чтобъ...

Переселять въ центръ нужно съ толкомъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) „Во всѣхъ вышеупомянутыхъ губерніяхъ, въ каждомъ уѣздномъ городѣ устроить казенныя конторы, въ которыхъ бы можно было *заказывать* и *получать* китайскихъ рабочихъ". (sic!)

2) „Всякій русскій православный крестьянинъ, владѣющій, сверхъ надѣльной, своей собственной землей въ количествѣ до сорока десятинъ, имѣетъ право купить у казны одно китайское семейство, а владѣющій сверхъ сорока десятинъ—на каждыя пятьдесятъ десятинъ можетъ покупать еще по одному семейству.

Примѣчаніе. Каждый православный русскій крестьянинъ, владѣющій менѣе сорока десятинъ земли на правахъ частной собственности, можетъ покупать и не полное китайское семейство, но только обязательно равное количество какъ мужского, такъ и женскаго пола китайцевъ.

Оно и справедливо будетъ.

Православный русскій крестьянинъ, „получивъ сорокъ лѣтъ тому назадъ личную волю отъ Государя, и съ тѣхъ поръ своимъ трудомъ выбившись изъ рабской зависимости нашей общины, настолько потрудился въ потѣ лица своего, что съ полной справедливостью можетъ получить въ награду китаевладѣніе. Могущее явиться опасеніе, что крестьянинъ будетъ слишкомъ жестоко обращаться съ китайцами, не выдержитъ критики въ виду того, что всякій крестьянинъ слишкомъ дорожитъ каждымъ своимъ рублемъ, чтобы онъ, истративъ его на покупку китайца, не берегъ бы его потомъ, какъ дорого имъ самимъ оплаченную рабочую силу.

3) „Всякій русскій князь, графъ, а также потомственный дворянинъ православнаго вѣроисповѣданія, родъ котораго записанъ въ дворянскихъ родословныхъ книгахъ не менѣе, какъ въ трехъ предыдущихъ поколѣніяхъ его предковъ, и владѣющій до 21 десят. земли, имѣетъ право купить у казны одно китайское семейство, а владѣющій сверхъ 21 дес. на каждыя 36—можетъ покупать еще по одному китайскому семейству".

Примѣчаніе. Каждый вышеупомянутый дворянинъ, владѣющій менѣе 20 десятинами земли, можетъ покупать и неполное китайское семейство, но только обязательно равное количество какъ мужского, такъ и женскаго пола китайцевъ".

Дворянинъ, однако, дворяниномъ; только слишкомъ щедро раздаривать китайцевъ тоже не слѣдуетъ: напримѣръ, вполнѣ резонно „совершенно исключить изъ права китаевладѣнія баронскій титулъ, какъ ничего общаго съ коренной Россіей не имѣющій, гдѣ только и можно допустить владѣніе китайцами".

4) „Въ составъ полнаго китайскаго семейства обязательно должны входить всѣ три возраста какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. При этомъ казнѣ слѣдуетъ переселять и продавать подобнаго возраста и состава китайскія семейства для того, чтобы не явился исключительно спросъ на какой-либо возрастъ или полъ, который бы весь и былъ раскупленъ, и тогда съ оставшимся безъ спроса казна не знала бы куда дѣваться. Также и въ дальнѣйшемъ будущемъ, въ цѣляхъ полученія правильнаго приплода

Digitized by Google

китайскаго населенія, такое распредѣленіе семействъ будетъ самымъ нормальнымъ".

5) „Казенная цѣна мужчинъ-китайцевъ младшаго—100 руб., средняго—400 рубл., и старшаго возраста—100 р., а женщинъ младшаго—50 руб., средняго—200 руб., старшаго возраста—50 руб. Итого стоимость полнаго китайскаго семейства—900 руб."

„Цѣны эти назначены съ тѣмъ разсчетомъ, что если ихъ капитализировать изъ 5 проц. и при нашемъ безденежьи принять во вниманіе тотъ фактъ, что, чтобы добыть извѣстную сумму денегъ, надо задолжаться вдвое, какъ на пріисканіе этой суммы, такъ и на платежъ по ней процентовъ, то и тогда ежегодные проценты на затраченный на покупку китайцевъ капиталъ будутъ для мужчинъ 10, 40 и 10 руб., а для женщинъ 5, 20 и 5 руб., каковыя цѣны будутъ все-таки не обременительны для покупщиковъ".

6) „Всякій желающій купить китайцевъ при записи въ своей уѣздной конторѣ вноситъ наличными деньгами половину стоимости его заказа, а другую половину онъ уплачиваетъ при полученіи заказанныхъ имъ китайцевъ". (И, на нашъ взглядъ, совершенно напрасно сразу: отчего бы не пустить вторую половину въ разсрочку?).

Предусмотрительно — не по-помѣщичьи — авторъ озаботился и о будущимъ:

8) „Весь приростъ, получившійся отъ купленныхъ семействъ китайцевъ, поступаетъ въ полную и неотъемлемую собственность купившихъ ихъ хозяевъ".

Детальность проекта приводитъ его автора прямо къ палачеству:

„Лица, купившія китайцевъ, могутъ отдавать ихъ въ наемъ только въ сельскохозяйственныя работы. У отдавшаго въ наемъ китайцевъ въ какую другую работу они должны быть отбираемы въ казну и вновь ею продаваемы".

„Установить это необходимо, какъ для того, чтобы китайцы были употребляемы *только для самаго тяжелаго, дающаго менѣе всего комфорта* труда земледѣльческаго и, чтобы высокая цѣна рабочаго труда фабрично-заводскаго доставалась всецѣло въ руки нашимъ русскимъ рабочимъ, такъ и для того, чтобы насколько возможно *съуживать кругъ* всякихъ *знаній* китайцевъ, *чтобы они по своему интеллектуальному развитію стояли гораздо ниже кореннаго населенія и были бы въ полномъ смыслѣ слова на положеніи илотовъ*".

Мудрецъ отличенъ отъ глупца, тѣмъ, что онъ мыслитъ до конца—и пунктъ II-й въ своей прелести гласитъ:

„Всякій, владѣющій китайцами, имѣетъ право надъ ними жизни и смерти".

Авторъ предвидитъ не одни аплодисменты, но не смущается, ибо вѣруетъ:

„Несмотря на весь вопль, который эта мѣра можетъ возбудить среди нашей либеральствующей клики, она необходима по слѣдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, она одна съ гораздо большимъ успѣхомъ замѣнитъ цѣлую армію, которую безъ нея надо будетъ постоянно имѣть на военномъ положеніи для содержанія въ покорности китайцевъ, во-вторыхъ, въ случаѣ возникновенія какого нибудь китайскаго бунта, мѣра эта, примѣненная въ самомъ началѣ надъ однимъ или нѣсколькими китайцами, будетъ въ концѣ-концовъ несравненно гуманнѣе, чѣмъ, если китайцы перерѣжутъ нѣсколько десятковъ русскихъ, а потомъ, усмиряя ихъ войсками, придется перестрѣлять нѣсколько сотенъ, а можетъ быть и тысячъ. Да и безъ нужды примѣненія этой крайней жестокости ни отъ одного хозяина ожидать нельзя, въ виду того, что онъ, заплативши такъ дорого за каждаго китайца, уничтожая его безъ крайней необходимости, уподобится рѣжущему курицу, несущую золотыя яйца. На практикѣ эта мѣра будетъ примѣняться въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, а существованіе ея, какъ Дамоклова меча, необходимо".

Шила въ мѣшкѣ не утаишь и авторъ безстрашно ставитъ точку надъ і; да, это будетъ рабство, но не пора ли намъ перестать смотрѣть на это слово, какъ на жупелъ"? Вѣдь все равно „рабство физическое у насъ замѣняется рабствомъ жидовскаго капитала, и народъ при немъ сталъ несравненно болѣе безнравственнымъ, чѣмъ былъ при первомъ, несмотря на мертвую доктрину народнаго образованія и просвѣщенія".

Ну, вотъ, и договорились, значитъ. „Вотъ въ этакомъ-то видѣ, — объяснялъ у Глѣба Успенскаго одинъ купецъ,—и всунулись мы рыломъ въ леформы!"...

* * *

Digitized by Google

Не полетишь отъ хорошей жизни, а съ голодухи то ли еще запоешь!

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что авторъ, предлагающій не уничтожать китайца безъ крайней въ томъ надобности, одинъ изъ тѣхъ, что по ошибкѣ гуляютъ на свободѣ, и собственно о такой яркой маніакальности серьезной рѣчи не должно бы вообще быть: записки живыхъ Поприщиныхъ ни публицистической, ни литературной критикѣ подлежать не могутъ. Но увѣреннымъ можно быть въ другомъ: авторъ проекта не одинокъ, и втайнѣ ему сочувственно вздыхаютъ многіе курскіе и иные помѣщики. Такой ходъ мыслей обывателю любъ, ибо сообщаетъ его мягкотѣлости нѣчто теплое, какъ банный паръ, нѣжитъ мечту, располагаетъ къ созерцанію. Маниловскіе мосты, ведущіе въ страну крѣпостного счастья, снятся не маніакамъ только,—по нынѣшнему времени ихъ легко услышать на страницахъ не однѣхъ только анонимныхъ брошюръ.—„Въ карманъ-то, въ карманъ-то норови поболѣ",—какъ говорится у Успенскаго.

Бываютъ эпохи, когда обывательщина перестаетъ быть явленіемъ только уѣзднаго прозябанія, когда она выступаетъ изъ своихъ пологихъ береговъ, разливается по газетнымъ листамъ, окрашиваетъ въ извѣстной части всю умственную жизнь, когда значительная часть общества начинаетъ жить желудочно-половыми мечтами; изъ случайнаго, мѣстнаго заболѣванія обывательская чума выростаетъ въ эпидемію,—наступаетъ моментъ серьезныхъ заботъ о леченіи. Вотъ, я думаю, и книжку курскаго усадебника не объяснишь одной только болѣзненной мечтательностью ея автора, ни его всяческимъ оскудѣніемъ.

Симптоматичной кажется мнѣ эта брошюрка.

Глупость—растеніе повсемѣстное, не зависящее ни отъ климата, ни отъ морскихъ теченій, ни даже отъ повѣтрій, хотя сама она и можетъ быть цѣлымъ повѣтріемъ. Но несомнѣнно: есть особо благопріятствующія условія ея роста и цвѣтенія, а такая махровая ерунда могла всего легче произрасти въ безгазетной полосѣ Россіи и, напримѣръ, на живомъ газетномъ югѣ я ее ожидалъ бы менѣе, чѣмъ въ центрѣ и на сѣверѣ Россіи. Если можно такъ выразиться, это типично-курская глупость, хотя съ такимъ же вопро-чемъ правомъ она смѣетъ именоваться и калужской, и тамбовской, и рязанской, и архангельской и еще, и еще, и еще—какъ-нибудь: безгазетныхъ губерній у насъ не пять и не десять.

Предвижу и возраженіе: скажутъ—отсутствіе мѣстной газеты не есть еще полное отсутствіе или невозможность вообще газетнаго чтенія: нѣтъ губернскаго листка, есть столичный листъ. Но, во-первыхъ, чтеніе мѣстными людьми *своей* газеты и столичной—далеко неодинаково, совершенно такъ же, какъ неодинакова у обывателя логика относительно смертности Кая и своей собственной смертности.

„Оно, конечно, въ Питерѣ—тамъ всякая эмансипація и цивилизація, а ты вотъ здѣсь-то, въ Чухломѣ-то, ихъ насади, тогда и увидимъ"... Питерская логика для обывателя особая логика, не для него писанная, это разъ. Второе—столичная газета обывательской этикой очень мала занята, ибо выросла изъ такихъ вопросовъ, да и задачи столичной прессы отнюдь не педагогическія. Въ третьихъ же, добрыхъ три четверти столичной газетной печати необходимо и должны были взростить на своемъ лженаціонализмѣ именно подобный фруктъ, именно такого уродца, какъ курскій прожектеръ. Не говорю уже о томъ, что ясно само по себѣ: за спиной уродца стоитъ несомнѣнно князь Мещерскій съ его „Гражданиномъ", и надо серьезно удивляться только тому, что свою брошюру авторъ не провелъ раньше черезъ столбцы княжеской газеты. Вѣдь, онъ же—прямое дѣтище гг. Мещерскихъ и Грингмутовъ, и отличается отъ нихъ только большей послѣдовательностью. Дворянство — такъ—чортъ возьми!—дворянство легкой жизни, рабство—такъ ужъ форменная власть надъ жизнью и смертью, въ коихъ онъ, рабовладѣлецъ, воленъ. Сепаратизмъ и націонализмъ—такъ ужъ безъ сентиментовъ—баронамъ и прочимъ „нерусскимъ"—ни ломанаго гроша.

Тутъ есть пріятность слушать: по крайней мѣрѣ, безъ обиняковъ и ясность прямо циничная. Захотѣлось человѣку оголиться до—„въ чемъ мать родила"—и всѣ видятъ, что за человѣкъ есть. Ну, а нынѣшняго помѣщика изъ „оскудѣвающаго центра" мать, извѣстно, въ чемъ рожаетъ: въ мечтѣ о правительственной опекѣ и всякой заботѣ, кою надлежитъ проявлять первѣющему въ государ-

Digitized by Google

ствѣ сословію. Такъ, въ этой родильной сорочкѣ онъ и ходитъ весь вѣкъ, неустанно полагая вѣру свою, какъ чеховскій Симеоновъ-Пищикъ, въ томъ, что деньги и люди ихъ дающіе „найдутся". „Не теряю,—говоритъ,—никогда надежды. Вотъ, думаю, ужъ все пропало, погибъ, анъ глядь,—желѣзная дорога по моей землѣ прошла и... мнѣ заплатили. А тамъ, гляди, еще что-нибудь случится не сегодня,—завтра. Двѣсти тысячъ выиграетъ Дашенька"...

А потомъ ужъ и совсѣмъ просто формулируетъ свое credo: „Голодная собака вѣруетъ только въ мясо... Такъ и я... могу только про деньги".

И мнѣ представляется авторъ брошюры такой же вотъ голодной собакой, вѣрящей только въ мясо, аппетитъ которой разожженъ тѣми жареными жирными утками, коихъ, такъ сладостно смакуя, живописуютъ мещерскіе художники. Ему, этому помѣщику, стервятинкой отсрочекъ и разсрочекъ питаться надоѣло и захотѣлось полакомиться живымъ тѣломъ, съ причмокомъ пососать живую, теплую кровь. Его православно-русской точкѣ зрѣнія, очевидно, не претятъ и ей не противорѣчатъ вожделѣющіе вкусы антропофага, тянущагося къ китайской свѣжинкѣ.. Что это—рабство—понятно и такъ, ясно это и самому автору,—значитъ, толковать не о чемъ. Но и самая страсть эта къ китайскому даровому блюду объясняется просто,—и вовсе не соображеніями людоѣдскаго гурманства: о возвратѣ счастливыхъ дней крѣпостнаго Аранхуэса наши Edelmann'ы даже молиться Богу перестали, а русскій человѣкъ — это еще Тургеневъ замѣтилъ—молится всегда о чудѣ. Такъ безнадежны эти упованія. А о китайской закрѣпощающей операціи рѣчи еще никогда и нигдѣ не заходило,—почему бы, слѣдовательно, и не попробовать? Чѣмъ не шутитъ чортъ? Ну, и пробуютъ. Въ курской темени родныхъ осинъ это можетъ быть и неясно, со стороны—виднѣй и курскому прожектеру слѣдуетъ разочароваться въ своихъ надеждахъ возможно поспѣшнѣй. Изъ голодныхъ замысловъ и голодомъ диктуемыхъ брошюръ пока ничего не выходило путнаго. Да и при всей своей послѣдовательности оный прожектеръ по младости лѣтъ и опыта въ сихъ дѣлахъ вельми неискусенъ.

Махинаціи такого рода у насъ проводятъ съ политикой, съ тонкостью, будто сторонкой, и говорятъ въ такихъ случаяхъ иносказаніями, и будто совсѣмъ не о томъ, что по настоящимъ чувствамъ хочется высказать. Несмѣнно выдвигаемая имъ ссылка на православіе и народность самая заурядная maniere de parler и даже не прячетъ „умысла другого"—дешевизны китайскаго питанія и хватанія за послѣднюю соломенку, ею же да воскреснетъ дореформенное Эльдорадо!

Много заниматься этой ерундовой книжонкой просто же не хочется. И я не думаю, чтобъ въ цѣломъ самодурный проектъ отважнаго курянина пришелся кому бы то ни было по сердцу, — даже изъ широкой категоріи „прогорающихъ". Но онъ мнѣ кажется типичнымъ для тѣхъ низинъ, до которыхъ можетъ опускаться откровенная мысль обывателя.

Въ сущности, неоспоримо то, что въ провинціи дѣятели—единицы. Люди—есть, человѣка—нѣтъ. Существуетъ огромная многоголовая гидра провинціальной толпы, а на нея настоящихъ общественныхъ работниковъ—разъ, два и—обчелся.—Какое-то ужасающее, истерзывающее и обгладывающее душу безлюдье, мертвая зыбь, тростниковый пассивный шорохъ наклоненія и сгибанія! Временами, подъ вліяніемъ такихъ наблюденій, приходишь въ настоящій трепетъ отъ мысли о той опасности, какую представляетъ для нашихъ интеллигентныхъ низовъ ницшеанизмъ, какъ дико-страшны могутъ быть истолкованы члены его символа, какая незаполняемая пропасть стоитъ разверстой между верхами аристократически-мыслящихъ немногочисленной группы интеллигенціи и длинной шеренгой sub-- интеллигенціи, — не говоря уже о народѣ. У Чехова въ послѣднихъ произведеньяхъ то и дѣло повторяется: „надо работатать". И, конечно, надо работать и много работать. Но какъ бы ни была усердна работа и сколько силъ въ нее не вложить,—чтобъ результаты ея имѣли положительную, а не отрицательную цѣнность, нужно нѣчто болѣе важное, чѣмъ даже самъ трудъ и потребность въ немъ. Необходимы общія вѣхи, серьезное усвоеніе элементарной общественности,—мы нуждаемся въ общихъ идеяхъ, намъ не хватаетъ системъ воззрѣній, соціальнаго воспитанія. У насъ, если можно такъ выразиться, огромная духовная мускулатура, непочатый край молодыхъ силъ, но у насъ нѣтъ ни знаній, ни смѣлости, ни доступной

Digitized by Google

возможности часто, которыя сумѣли бы ихъ направить, научили бъ выходу, указали точки приложенія. Какъ-то непостижимо-обидно случилось такъ, что вся наша исторія привела насъ къ трусости и праздноболтанью, къ рыцарству на часъ, къ деспотіи практики, къ общественной непослѣдовательности. Больше всего и прежде всего нуждаемся мы въ воспитывающемъ началѣ общественности, въ самодѣятельности. И это чувствуютъ всѣ, знаетъ сверху до низу каждый, всѣми говорится, отъ всѣхъ слышатся въ этомъ направленіи однѣ и тѣ же жалобы и общія сѣтованія. А мы не имѣемъ даже газетъ, въ провинціи онѣ отсутствуютъ совсѣмъ и именно тамъ, гдѣ въ нихъ нужда особенно настоятельна. Вѣдь, объ этомъ подумать страшно. А потомъ, когда случится, что громъ грянетъ, мы сокрушенно хлопаемъ себя по бедрамъ, ужасаемся да покачиваемъ стыдливо головой. Развѣ же это не признакъ духовнаго растлѣнія—вотъ эта брошюра,—даже если она единична,—стыдно и больно! Сейчасъ лучшая часть общества многаго ждетъ, вся она—въ надеждахъ, сверкнули какія то великія зарницы, но когда вглядишься въ то, что было, когда вспомнишь, что есть, на мигъ будто кто-то злой и подлый вдругъ разостлалъ постель мечтѣ. Лучшіе люди у насъ одиноки до сиротства, до жалости и боли. Общества въ лучшемъ смыслѣ слова у насъ нѣтъ совсѣмъ,—у насъ есть гости и знакомые, и совершенно нѣтъ ни кружковъ, ни интеллигентныхъ группъ. Русское единеніе—это „я"+„ты", а „онъ" уже мѣшаетъ. Говорятъ, что русскій человѣкъ гостепріименъ. Да, въ размѣрахъ, не превышающихъ рюмки водки, да и то сѣрый человѣкъ, темный людъ. Попробуйте подойти къ интеллигенту,—и васъ отшатнетъ холодъ, оглядка, сознаніе, что вы мѣшаете, что вы—лишній. Болѣе разъединенныхъ людей, чѣмъ мы, трудно выдумать. Всякій новый человѣкъ, даже въ провинціи, прежде всего ощущаетъ косую подозрительность, идущую со всѣмъ сторонъ, съеживается, мелѣетъ и торопится приспособиться.

О такихъ людяхъ, какъ работники печати,—говорить нечего: тутъ ужъ буквальное монашество на міру,—ни знакомства, ни друзей, ни даже сочувствующихъ. Мы недовѣрчивы, несмѣлы, непартійны. Въ насъ не хватаетъ иниціативы, мало знаній, нѣтъ програмиъ, продуманныхъ системъ, прочувствованныхъ идеаловъ, выношенныхъ сердцемъ задачъ общественной любви.

Екатерина II про помѣщиковъ своихъ выражалась: „Мои сто тысячъ полиціймейстеровъ", и это была формула вѣрная; но чтобъ въ двадцатомъ вѣкѣ, въ вѣкѣ Толстого и Менделѣева, Горькаго и Антокольскаго, одинъ изъ помѣщиковъ, для спасенія своего сословія, писалъ и при помощи типографскаго станка пускалъ во всеобщее свѣдѣніе палачевый проектъ о закрѣпощеніи людей одной національности людьми другой, дабы—первые были „наряжаемы" на работы самаго тяжелаго типа во имя блага и бездѣлья вторыхъ,—что хотите, но это нѣчто, превышающее самыя дерзкія ожиданія;—по своему невыразимому, не человѣческому уродству превосходящее всякую каррикатуру и всякій шаржъ... Если хотите это—прекрасная (именно въ своей безмѣрной, чисто абстрактной типичности) тема Францу Штуку для картины, которую лучше всего было бы назвать: „*Голодная злоба*". Стучащіе зубы, давно не вкушавшіе свѣжинки; маленькій узкій лобъ кретина; растопоренные костлявые длинные пальцы, исхудалое, оскуленное лицо,—а вся фигура—одно горячее, одно знойное желаніе: „жрать"! И тусклые, плотоядные глаза...

То большинство, что составляетъ нашу провинцію, Шелгуновъ окрестилъ собирательной посредственностью. Но надо помнить, что это—среднее ариѳметическое только, и если въ каждой толпѣ существуютъ надъ толпой возвышающіеся, то значительная часть найдется стоящихъ и ниже средняго уровня этой собирательной посредственности. И если средняя норма этой толпы погружаетъ интеллигентнаго пришельца въ сонъ и утишаетъ его голосъ до неслышности, — какъ бываетъ въ комнатѣ, гдѣ мягкая мебель, и мягкіе ковры и драпри—тоже мягкія,—то есть еще злобный поддонокъ этого интеллигентствующаго стада, отъ котораго можетъ жутко прійтись каждому.

Но, въ сущности, культурѣ приходится примирять съ собой одинаково и тѣхъ, и другихъ. Беря въ примѣръ одного изъ ея вѣстниковъ—газету—приходится прямо отмѣтить: появленіе ея гдѣ-нибудь въ Тамбовѣ, въ Калугѣ, въ Рязани неизбѣжно вызвало

Digitized by Google

бы нѣкій змѣйный шипъ,—если не прямо противъ гласности, то ужъ противъ редактора и вообще „газетчика"—всенепремѣннѣйше. Человѣческая пошлость вообще гораздо значительнѣй, чѣмъ объ этомъ принято обыкновенно думать, а при нашемъ русскомъ нелюдимствѣ, нашей некультурности и нашей всеопаскѣ и оглядкѣ, вѣками привитой нашему сердцу, это —уже настоящая каменная стѣна, разбирать которую нужно по кирпичику; это—глыба, которую нужно разсасывать волнами и годами. При нашемъ же шопотливомъ голосѣ тутъ, пожалуй, понадобятся и вѣка.

Не угодно ли ведя газету въ томъ же самомъ Курскѣ, не столкнуться въ качествѣ „либеральствующей партіи" съ такимъ Ивановъ-воиномъ китайскаго рабства.—Прямо немыслимо. Ну, вотъ вамъ и старая Жеденовская исторія: помните, когда стрѣлялъ въ нѣкогда тишайшаго Меньшикова земскій начальникъ Жеденовъ по тому основательному соображенію, что „я, Жеденовъ — дворянинъ есмь", но ничто, молъ, разбойническое мнѣ не чуждо...

Съ увѣренностью можно сказать, что тутъ или расправа будетъ или, по меньшей мѣрѣ привлеченіе редактора къ суду и, конечно же, за диффамацію, ибо тутъ ни къ правдѣ, ни къ истинѣ аппелировать невозможно. Въ провинціи это сплошь да рядомъ. Вотъ вамъ фактъ—вчерашняго дня.

Приговоромъ кутансскаго окружного суда, редакторъ газеты „Черном. Вѣстн." г. Пальмъ былъ признанъ виновнымъ въ диффамаціи за помѣщеніе замѣтки о нѣкоемъ г. Озолѣ. Въ замѣткѣ сообщалось, что г. Озоль произвелъ захватъ земли въ м. Махинджауры у члена городской управы Иванова, съ каковою цѣлью онъ ночью ставилъ столбы на землѣ Иванова; когда же стражникъ и старшина явились ему помѣшать, онъ ихъ оскорбилъ словами, о чемъ и былъ составленъ протоколъ. *Несмотря на объясненіе г. Пальма, что замѣтка о г. Озолѣ была имъ провѣрена путемъ справки въ батумскомъ окружномъ управленіи,* почему онъ и считалъ себя въ правѣ огласить ее въ отдѣлѣ хроники, не имѣя при этомъ въ виду повредить чести и доброму имени г. Озоля, *окружный судъ находилъ, что для состава даннаго преступленія безразличны какъ справедливость или несправедливость оглашаемыхъ опорочивающихъ обстоятельствъ, такъ и намѣреніе*, съ которымъ это оглашеніе было сдѣлано. Въ виду этого окружный судъ призналъ г. Пальма виновнымъ и приговорилъ его къ денежному взысканію въ размѣрѣ 50 руб. и къ удовлетворенію гражданскаго иска въ размѣрѣ 150 руб. Дѣло было перенесено обвиняемымъ въ тифлисскую судебную палату, и только тутъ, наконецъ, приговоръ окружнаго суда отмѣненъ, и г. Пальмъ признанъ по суду все-таки оправданнымъ.

А много ли и такихъ оправданій?

* * *

„Область—вотъ девизъ, съ которымъ мы выходимъ среди другихъ органовъ печати", заявлялось въ первомъ номерѣ „Восточнаго обозрѣнія" Ядринцева. Сибири, которую любилъ покойный публицистъ, какъ мать, Ядринцевъ отдалъ всѣ свои силы и все-таки, когда, по волѣ обстоятельствъ, пришлось газету перенести изъ Петербурга въ Иркутскъ, получилась одна горечь: „Сибирская публика,—говоритъ Потанинъ,—привыкла къ петербургскому „Восточному Обозрѣнію" и не могла примириться съ иркутской физіономіей газеты. Къ редакціи предъявлялись прежнія требованія; въ городѣ ходили каламбуры на счетъ жиденькаго содержанія газеты. Ядринцева огорчало такое отношеніе иркутской интеллигенціи".

И такой пріемъ встрѣтила газета заправскаго публициста, большого знатока сибирскаго края, рѣдко добросовѣстнаго изслѣдователя его, человѣка большихъ живыхъ связей съ мѣстнымъ обществомъ,—имя котораго было въ Сибири даже популярнымъ. Что же говорить о всѣхъ другихъ работникахъ и дѣятеляхъ провинціальной печати?! Положимъ, было это не вчера всетаки, а пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Кое-что съ тѣхъ поръ отвоевано и заработано, но въ общемъ положеніи областной прессы перемѣнъ нѣтъ и понынѣ. Тогда „Гражданинъ" проектировалъ упразднить всю частную печать, считая благой возможностью замѣнить ее оффиціальными „Губернскими Вѣдомостями", но и два года тому назадъ толки и предположенія такого же рода были

Digitized by Google

тоже въ ходу, также говорили о необходимости расширенія неоффиціальной части „Губернскихъ Вѣдомостей“ и о суженіи размѣровъ провинціальныхъ газетъ: ихъ-де и безъ того много, и всѣ онѣ только дѣлу мѣшаютъ.

Прежде, какъ напримѣръ, въ Минскѣ губернаторъ долго отклонялъ ходатайство о газетѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что для управленія губерніей ему газета не нужна, да и вообще правительство въ услугахъ провинціальной печати не нуждается. Но и теперь многія ходатайства о разрѣшеніи областной газеты остаются только ходатайствами и опять—таки по тѣмъ же соображеніямъ. А жизнь растетъ, ширится, рвется. Большія дѣла стоятъ нерѣшенными, внутри Россіи невѣжество и темнота. Сама страна огромна, но въ ней нѣтъ не только знаній, но отсутствуетъ даже знаніе ея самой. Сейчасъ нашъ народъ потянуло къ наукѣ, деревня уже готова была бы въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей войти въ соприкосновеніе съ газетой, а ея нѣтъ, и всѣ только чего-то ждутъ и молчатъ.

Было нѣсколько попытокъ основать газету въ Тамбовѣ—ничего не вышло. Гласности у насъ боятся, какъ огня, что слово „корреспондентъ“ — почти ругательство? На дняхъ, напримѣръ, въ Симферополѣ былъ такой случай.

Нѣкій г. Городковъ состоялъ членомъ мѣстняго чиновничьяго клуба и пользовался доброй репутаціей вполнѣ порядочнаго человѣка, съ которымъ пріятно и рюмку водки выпить, и въ винтъ поиграть. Но вздумалось г. Городкову заняться литературой, сталъ пописывать въ мѣстной газетѣ. Пошли, конечно, обличенія. Всякія темныя клубныя дѣлишки сталъ гласности предавать, и члены клуба сильно возмутились.

— Какъ! Свой и такъ чешетъ своихъ! Чина, званія, можно сказать, не щадитъ! Не потерпимъ...

И точно—не потерпѣли. Устроили сходку и подали въ совѣтъ старшинъ заявленіе, подписанное сорока лицами, объ исключеніи г. Городкова изъ числа членовъ клуба, въ виду „зловредной и недостойной члена клуба корреспондентской дѣятельности его“...

Созвали общее собраніе, и постановило собраніе: исключить г. Городкова изъ числа членовъ, такъ какъ корреспонденты газетъ не терпимы въ порядочномъ обществѣ... Но г. Городковъ вмѣсто того, чтобы спасать душу послѣ содѣянныхъ имъ прегрѣшеній, предъявилъ къ совѣту старшинъ искъ о возстановленіи его въ правахъ и, кромѣ того, возбудилъ дѣло въ городскомъ судѣ по обвиненію 41 члена въ оскорбленіи на бумагѣ.

Городской судья призналъ дѣло себѣ неподсуднымъ, и тогда г. Городковъ аппелировалъ въ съѣздъ.

Тутъ-то корреспондентъ обнаружилъ смѣлость, даже граничащую съ дерзостью.

На вопросъ предсѣдательствующаго, что онъ скажетъ по дѣлу, г. Городковъ... корреспондентъ, простой корреспондентъ становится у столика (чрезвычайно независимое мѣстоположеніе) и проситъ объ отводѣ предсѣдательствующаго!

Оказывается, что предсѣдательствующій въ съѣздѣ есть тотъ самый г. Росницкій, который, какъ предсѣдатель совѣта клубныхъ старшинъ, подписалъ журнальное постановленіе объ исключеніи Городкова изъ состава членовъ клуба. Этотъ-же г. Росницкій привлекается въ окружномъ судѣ по иску Городкова къ клубу о возстановленіи въ правахъ.

Послѣ недолгаго совѣщанія судъ отказалъ Городкову въ отводѣ предсѣдательствующаго.

Г. Городковъ это рѣшеніе съѣзда переноситъ теперь на разсмотрѣніе губернскаго присутствія въ кассаціонномъ порядкѣ... И объ этомъ провинціальная газета пишетъ, какъ о смѣлости не заурядной.

Простой, самый обыкновенный корреспондентъ и вдругъ этакое страстное желаніе отстоять свои права!

...Недавно въ Одессѣ фельетониста г. Омегу ударилъ какой-то велосипедистъ, оскорбленный несочувственнымъ отзывомъ газеты, и ударилъ, прямо явясь въ помѣщеніе редакціи, откровенно, не стыдясь, какъ бы дѣлая естественное, должное и освященное преданіемъ...

Что-жъ улыбаться, если при такихъ условіяхъ газеты объявляютъ, какъ объ особенной и рѣдкой радости, о такихъ маленькихъ своихъ торжествахъ, какъ выпускъ двухтысячнаго номера (случилось на дняхъ у „Сѣверо-Западнаго Слова“), или пріобрѣтеніе собственной типографіи, — (сдѣлалъ

Digitized by Google

„Сѣверо-Западный Край“ въ прошломъ мѣсяцѣ).

Оказалось, что до этого „Краю“ приходилось печататься въ частной типографіи, а тамъ соглашались набирать только то, въ чемъ содержатель типографіи былъ „солидаренъ“ съ редакціей!..

А между тѣмъ потребность въ газетѣ и прессѣ должно ощущать и само правительство. Пресса всегда была наиболѣе дѣятельной помощницей въ дѣлѣ мѣстнаго управленія. Она раскрывала нужды, поднимала вопросы, слѣдила за мѣстной жизнью, изобрѣтала и копила матеріалы, воевала съ неправдой въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Она много боролась, и борьба эта была нелегка. Приходилось врага встрѣчать не единичнаго, а часто цѣлыя корпораціи, цѣлыя сословія, кружки, думы. У всѣхъ на памяти случай изгнанія мѣсяца три тому назадъ газетныхъ референтовъ изъ кіевской думы.

Теперь тоже самое въ волжскомъ городѣ.

Въ царицынской думѣ поднятъ вопросъ о томъ, какъ обуздать мѣстный „Вѣстникъ“ и какія мѣры принять противъ него.

Вопросъ поднятъ гласнымъ Трескинскимъ и поднятъ всего только потому, что гласный Трескинскій имѣлъ какіе-то личные счеты съ репортерами газеты и пожелалъ „насолить“ имъ.

На засѣданіи думы городской голова, доложившій собранію предложеніе гласнаго Трескинскаго, вполнѣ присоединился къ нему.

— Эти газетчики только и дѣлаютъ, что набрасываютъ тѣнь на дѣятельность уважаемыхъ представителей города!..

Въ чемъ, однако, выразилась эта „тѣнь“, какіе такіе „уважаемые“ дѣятели нашлись въ думѣ, объ этомъ такъ ничего и не пришлось услыхать.

Въ собраніи исключительно занялись вопросомъ обузданія.

— Да что тамъ много толковать? Не пускать *ихъ* въ засѣданія... и всего тутъ! — рѣшили гласные.

Пожеланіе высказано было единогласно. И только одинъ голова запротестовалъ, да и то потому, что слишкомъ ужъ „консервативно“ выходитъ...

Сначала было рѣшили обязать репортеровъ представленіемъ отчетовъ на думскій просмотръ, т. е. установить „контроль“. Но, очевидно, понявъ всю безсмысленность такой затѣи, пришли къ иному, болѣе цѣлесообразному и болѣе дѣйствительному рѣшенію.

Голова предложилъ ни мало—ни много:

„Обратить вниманіе *кого слѣдуетъ* на поведеніе „Вѣстника“...

— Кого слѣдуетъ! Чувствуете, господа?

И голова сдѣлалъ удареніе на этихъ словахъ, а собраніе вполнѣ присоединилось къ нему...

Таковы размѣры и способы борьбы съ печатью.

Двѣсти лѣтъ существуетъ она на Руси и, кажется, пора бы оцѣнить всю значительность ея роли.

Наконецъ, въ общей массѣ выросъ и читатель.

„Для многихъ и многихъ уже лицъ въ наши дни,—пишетъ г. Пѣшехоновъ въ статьѣ своей „*Пора рѣшить*“,—книга, журналъ, газета служатъ предметомъ непосредственнаго, такъ сказать, потребленія, для однихъ—предметомъ своего рода роскоши, источникомъ болѣе или менѣе часто испытываемаго, болѣе или менѣе высоко цѣнимаго удовольствія, для другихъ—предметомъ необходимости, *средствомъ удовлетворенія сдѣлавшихся уже насущными морально-интеллектуальныхъ или дѣловыхъ потребностей*. Кругъ такихъ лицъ, у которыхъ печатное слово вошло въ обиходъ повседневной жизни, *растетъ* въ наше время *съ поразительною быстротою*. По сравненію, однако, съ главною массою населенія—непросвѣщенною и даже безграмотною—численность ихъ приходится считать пока *ничтожною*. И если бы всѣ задачи печати сводились къ обслуживанію горсти людей, имѣющихъ съ нею непосредственное общеніе, то вопросъ о ея положеніи мы, можетъ быть, и не рѣшились бы считать особо важнымъ и настоятельно неотложнымъ. Но эта функція не составляетъ не только исчерпывающей, но и главной задачи печати. Не умственной только аристократіи, не образованному лишь обществу призвана служить она, а *всему народу*.

Печатное слово—это самое надежное средство для распространенія истины и самое могучее орудіе для завоеванія справедливости. Не столь важны при этомъ техническія особенности печати, дающія ей возможность пользоваться всею суммою знанія,

Digitized by Google

которою располагаетъ въ данный моментъ человѣчество, и дозволяющія всякую мысль быстро дѣлать достояніемъ массы, сколько внутренняя тенденція, свойственная печатному слову,—служить правдѣ. Дѣло въ данномъ случаѣ не въ личномъ составѣ дѣятелей печати, среди которыхъ *можно встрѣтить людей самаго разнообразнаго умственнаго и нравственнаго ценза, а въ основныхъ свойствахъ публичнаго слова.* Къ доводамъ истины и справедливости неизмѣнно обращается печать, и только въ нихъ однихъ лежитъ прочный залогъ ея вліянія.

Это не значитъ, конечно, что все „что напечатано, то правда". Въ печатное слово можетъ облечься и искреннее заблужденіе, и завѣдомая ложь, и самая черная неправда. Однако, тяготѣющая надъ печатью необходимость служить правдѣ столь неотвратима, что даже злѣйшіе враги послѣдней, появляясь на печатной аренѣ, вынуждены заявлять себя покорными ея слугами. Печатное слово, по существу публичное и само по себѣ свободное отъ насильническихъ атрибутовъ, мы считаемъ самымъ надежнымъ слугою истины и справедливости. Для того же, чтобы печать успѣшно выполняла эту центральную свою задачу, нужно одно, чтобы гласность не знала преградъ, чтобы печатная неправда не поддерживалась извнѣ насиліемъ.

Эта точка зрѣнія на прессу, почти безспорная въ болѣе культурныхъ странахъ, у насъ, къ сожалѣнію, далеко еще не пользуется общимъ признаніемъ. Еще недавно въ русской журналистикѣ было заявлено, что „современная печать есть громадная сила, но злая сила, въ смыслѣ преобладанія въ ней безнравственнаго надъ нравственнымъ, и вреда, какъ вліянія на людей, надъ пользою". Авторъ этого не совсѣмъ грамотнаго изреченія кн. Мещерскій,—самъ дѣятель „злой силы"—рѣшительно вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что „никакого расширенія права слова не нужно".

„Всякое государство, по его мнѣнію, въ своемъ историческомъ ходѣ двигаясь впередъ, съ прогрессомъ цивилизаціи соединяетъ постепенное паденіе нравственнаго уровня и усиленіе разврата". Вполнѣ понятно, что для дѣятеля застоя и реакціи, какимъ столь откровенно заявляетъ себя кн. Мещерскій, печать—этотъ могучій двигатель впередъ—является злою силою. Силой убѣжденія, конечно, нельзя удержать человѣчество на мѣстѣ и тѣмъ болѣе подвинуть его назадъ. „Консервативная печать, признается кн. Мещерскій, была все время очень слаба, это, увы, печальная правда, сравнительно съ либеральною". Вполнѣ понятно поэтому, что безсильные словомъ, наши охранители такъ сильно боятся расширенія его права.

Мы смѣемъ, однако, думать, что посылка на счетъ „злой силы" и сдѣланный изъ нея кн. Мещерскимъ практическій выводъ опираются не только на философскія соображенія о томъ, позади или впереди человѣчества его счастье. Служа правдѣ, печать служитъ прежде всего и больше всего самымъ темнымъ и самымъ бѣднымъ классамъ населенія,—тѣмъ классамъ, интересы которыхъ находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ охраняемыми кн. Мещерскимъ привилегіями. *Для невѣжественной и забитой массы печать является* у насъ не только важнѣйшимъ, но подчасъ и *единственнымъ истолкователемъ ея нуждъ* и самымъ надежнымъ ея представителемъ. Изо дня въ день оглушаемый грохотомъ фабричныхъ машинъ рабочій, періодически опухающій отъ цынги мужикъ и медленно, но неуклонно вымирающій остякъ,—хотя бы они никогда не брали въ свои намозоленныя руки книги и газеты, хотя бы они были вовсе безграмотны и даже не знали о существованіи печати,—не менѣе, а можетъ быть во много разъ сильнѣе заинтересованы въ правильномъ исполненіи ею своихъ функцій, чѣмъ самые просвѣщенные слои населенія.

И если *вопросъ о положеніи печати необходимо считать важнымъ*, то не потому, что онъ важенъ для насъ, ея дѣятелей, у которыхъ всякое напоминаніе о немъ отзывается нестерпимою болью въ сердцѣ; и не потому только, что онъ важенъ для нашихъ читателей, непосредственно заинтересованныхъ въ качествѣ читаемыхъ ими произведеній, но и *потому, что онъ важенъ для тѣхъ, интересами которыхъ мы стремимся,* по мѣрѣ своихъ силъ и въ предѣлахъ доступной для насъ возможности, *освѣщать всѣ текущія явленія жизни*"... *)

*) *А. Пѣшехоновъ.* На очередныя темы. Ма-

Digitized by Google

... Никто, конечно, не закрываетъ глазъ на темныя и отрицательныя стороны печати. Хорошо всѣ знаютъ, что не одна пшеница произрастаетъ на нашемъ газетномъ полѣ,—есть, само собой разумѣется, и плевелы: недостатокъ знаній и даже простой начитанности у многихъ работниковъ, отсутствіе интереса къ мѣстнымъ вопросамъ областной жизни и многое другое.

За послѣднее время вошло въ обыкновеніе „выписывать“ сотрудниковъ,—чаще всего изъ столицъ,—и это—большая ошибка. Нельзя отрицать, что общія точки зрѣнія у столичнаго работника усвоены, быть можетъ, яснѣй и тверже; перспективы общественныя, возможно, виднѣй,—словомъ, ему легче и проще бросать на всю русскую жизнь общій ретроспективный взглядъ. Но, во-первыхъ, это—справедливо для переселяющагося въ провинцію столичнаго работника печати только въ продолженіи перваго года, много двухъ лѣтъ, а бываетъ въ большинствѣ случаевъ и такъ, что эта „свѣжесть“ и „широта“ испаряются втеченіе первыхъ же нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Быстро происходитъ ассимиляція съ окружающей средой, пріѣзжаго человѣка охватываетъ иная атмосфера гораздо болѣе узкихъ интересовъ, меньшихъ задачъ и цѣлей, начинается процессъ приспособленія къ жизни, которая ему чужда, для него неродственна, на свои отношенія къ которой онъ инстинктивно смотритъ, какъ на временныя. Ни полюбить этого муравейника у него нѣтъ силъ, ни войти въ его интересы съ головой, ни сжиться, ни даже стерпѣться. Наступаетъ обычное охлажденіе; холоднымъ равнодушіемъ вѣетъ отъ статей, не выдающихъ ни знанія окружающей среды, ни пониманія истинныхъ нуждъ данной дѣйствительности.

Область сама должна родить своихъ печатныхъ слугъ, а не прибѣгать къ займамъ на сторонѣ, ибо ничего эти займы не даютъ. А отсюда и другой выводъ: разъ мѣстная газета должна создаваться и вестись мѣстными силами, не слѣдъ ей и въ распредѣленіи отдѣловъ бѣжать за столицей. Говорятъ: фельетонъ—душа газеты, но многимъ изъ провинціальныхъ газетъ можно отъ души посовѣтывать упраздненіе фельетона,—такъ онъ смѣхотворно и жалостно плохъ у нихъ: таланта нѣтъ, легкости и гибкости—тоже,—остается, по крайней мѣрѣ, мысль, но... Но и ея нѣтъ сплошь и рядомъ. И что это за странная погоня, чтобъ непремѣнно было такъ, „какъ въ Петербургѣ“! Изъ-за этого-то и народилась цѣлая туча утомительно жужжащихъ комаровъ, старающихся, однако, во что бы то ни стало писать à la Дорошевичъ, а на самомъ дѣлѣ пишущихъ только несуразно-безграмотно.

Смѣшныхъ сторонъ, какъ и печальныхъ, много въ провинціальной печати, но и изъ нихъ все-таки самая ужасная сторона—административная цензура—и всѣ это хорошо знаютъ. Даже при самомъ поверхностномъ и несерьезномъ отношеніи къ мѣстнымъ вопросамъ со стороны той или иной газеты, она все-таки полезна, а не вредна. Безъ всякихъ традиціонныхъ „передовыхъ“, безъ пресловутаго фельетона—одна хроника и корреспонденты уже дѣлаютъ большое и нужное дѣло, которымъ нужно всячески дорожить и которое слѣдуетъ всячески поощрять...

У Шелгунова въ одномъ мѣстѣ высказанъ любопытный взглядъ на провинціальную печать: ея роль—констатирующая, изслѣдующая, изучающая, она—скорѣе ученая, чѣмъ публицистическая или политическая; она—зеркало, но не идей, а положеній. Печать эта хозяйственная.

Но теперь ограничиться одной только этой ролью провинціальной печати не приходится. Помимо всякихъ другихъ соображеній, изучать что бы то ни было возможно лишь подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія. Приступать къ изслѣдованію какой бы то ни было стороны жизни необходимо вооруженнымъ опредѣленнымъ идеаломъ: иначе выводы изъ такого изслѣдованія и результаты изученія окажутся очень плачевными. Провинціальная печать не можетъ и не должна ограничиваться простой ролью статистика. Такъ же, какъ и столичная, какъ и всякое вообще печатное слово, она должна проповѣдывать опредѣленныя вѣрованія, учить разъ навсегда установленному для нея пути вести, къ яснымъ идеаламъ общечеловѣческаго характера. Разница въ томъ, что она выводы и слѣдствія добываетъ путемъ анализа мѣстныхъ фактовъ: это наглядно, это убѣдительно, ибо то, что всѣ люди смертны и смертенъ Кай—повторяю—у обывателя не-

теріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Спб. 1904.

вызываетъ ни сомнѣній, ни боли, а вызвать эту боль, и мысль разбудить возможно лишь, анализируя мѣстный, кровный его интересъ, затрогивая вопросъ, ему ясный, дорогой и близкій.

Было такое время, когда даже доброжелатели провинціи, по словамъ г. Гусева *), отыскивая выходъ, шли на удивительные компромиссы. „Они соглашались на то, что бы ограничить роль провинціальной газеты узкими рамками сухой статистики, этнографіи, исторіи, даже археологіи. Пусть провинціальный писатель собираетъ пѣсни, описываетъ нравы, подсчитываетъ родившихся и умершихъ, но пусть онъ текущія, животрепещущія нужды, потребности, интересы своего угла—пусть все это онъ оставитъ въ сторонѣ. Онъ не свѣдущъ въ этомъ, онъ можетъ оставить это для столицы, если она заблагоразсудитъ обратить свое вниманіе". Но уже во время министерства графа Толстого она заставила о себѣ говорить. Администрація хотя и не признавала ея существованія формально, однако, считаться съ нею уже начала. „Въ книгѣ, изданной саратовскимъ литературнымъ фондомъ („Саратовскій Край", вып. I. 1893 г. стр. 291) напримѣръ, разсказывается фактъ, совсѣмъ похожій на анекдотъ. Графу Толстому, по какому-то случаю, несомнѣнно, никакого удовольствія редакціямъ недоставившему, были предъявлены №№ мѣстныхъ газетъ. И онъ „изумился ихъ объему и характеру".

Немного позже пришлось, можетъ быть, даже противъ желанія, познакомиться и съ „объемомъ", и съ „характеромъ", а когда наступили голодные годы, то и совсѣмъ нужно стало прислушиваться къ тому, что говорятъ, хотя и съ дозволенія губернской цензуры, эти „Листки", „Вѣстники" и „Дневники".

Идею областной газеты страстнѣй и глубже другихъ выносилъ въ себѣ покойный Николай Михайловичъ Ядринцевъ, со смерти котораго, кстати, исполнялось въ прошломъ мѣсяцѣ десять лѣтъ **). Большаго панегириста провинціальной печати исторія русской прессы не знаетъ до сихъ поръ. Ядринцевъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ, какъ завзятый областникъ, упорно настаивая на оригинальности и внѣшняго распредѣленія газетныхъ рубрикъ, на самобытности внутренней и особенно на всей самостоятельности областнаго органа, на его независимости отъ столичной печати, на его непохожести.

Какъ и слѣдовало ожидать, ему претилъ подражательный тонъ провинціальной печати и то, къ чему, напримѣръ, Шелгуновъ относился безразлично, а г. Гусевъ отнесся даже иронически, Ядринцевъ ставилъ въ первую голову, считалъ главной и едва ли не единственно важной задачей газеты въ провинціальной области. Въ своей автобіографіи онъ ставитъ девизомъ, чтобъ „каждая русская область могла имѣть свои интересы, и воззрѣнія провинціала были особые отъ столичнаго централизатора". Говоря про свою работу въ „Камско-Волжской Газетѣ", онъ особенно подчеркиваетъ свою смѣлость нападокъ на столичную печать, свое сторонничество децентралистическаго направленія, свой идеалъ областнаго провинціальнаго возрожденія. Особенно горячо принималъ онъ къ сердцу и огорчался незнаніемъ и непониманіемъ провинціальной прессой своихъ задачъ. Она, по его словамъ, не находитъ даже, чѣмъ заниматься, не опредѣлила народныхъ интересовъ въ томъ районѣ, гдѣ издается. „Провинціальная газета все еще занимается фонарями, мостовыми, водопроводами и дальше театральныхъ скандаловъ не идетъ".

Это глубоко возмущало Ядринцева: какіе тутъ фонари и мостовыя, когда каждая мѣстность въ извѣстныхъ географическихъ границахъ, со своими топографическими, этнографическими особенностями, а вслѣдъ за этимъ съ особыми экономическими интересами, свойственными ей, должна посвящать себя разработкѣ мѣстныхъ своихъ интересовъ! Особенно глубокое сожалѣніе вызывало у Николая Михайловича отсутствіе интеллигентныхъ силъ, притомъ силъ постоянныхъ, мѣстныхъ, съ живыми и серьезными привязанностями къ данному краю, съ готовностью для него трудиться и работать, жертвовать своей жизнью, приносить на алтарь краевого блага свои способности, познанія и время. „Всѣ мы бродимъ,—писалъ

*) *С. Гусевъ* (Слово-Глаголь). Наши общественныя дѣла и бездѣлье. 1902.

**) *Мих. Лемке. Николай Михайловичъ Ядринцевъ*. Віографическій очеркъ. Спб. 1904.

Digitized by Google

Ядринцевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,— всѣ мы случайно пристаемъ къ какому-нибудь дѣлу, и нѣтъ у насъ связи, нѣтъ интересовъ съ народомъ".

Ограниченность задачъ онъ считалъ чуть не отговоркой, а томленіе небольшимъ дѣломъ и его спеціальностью просто не признавалъ.

„Говорятъ, что провинціальные вопросы слишкомъ мелки. Да, конечно, такъ, какъ они понимаются нынѣ. Но свяжите ихъ съ жизнью народной, крестьянства—и они не будутъ мелки. А облегченіе народа, помощь даже въ самой ничтожной степени есть вещь благородная, отъ которой не слѣдуетъ отказываться. *Безъ тѣсной связи съ народомъ вообще всякая интеллигенція—нуль*. Интеллигенція будетъ парить въ облакахъ, а тѣло пресмыкаться. Сойтись же съ народной жизнью можно только на почвѣ мѣстныхъ интересовъ; воспитаніе народа можетъ идти только этимъ путемъ, отъ первыхъ его нуждъ, отъ простыхъ настроеній къ болѣе общимъ. Когда вы заговорите на этой почвѣ съ народомъ, вы будете поняты.

„Я говорю, что *каждая группа въ Россіи по мѣстностямъ* имѣетъ свои интересы, *свою жизнь*, свои потребности. Оживленіе этой группы мѣстности связано съ развитіемъ и оживленіемъ всецѣло народа. Только тамъ, за границей, народная жизнь оживлена, гдѣ каждая часть государства живетъ и имѣетъ представителей своихъ интересовъ, имѣетъ своихъ мѣстныхъ дѣятелей. *Въ Россіи* не только малыя мѣстности, но *цѣлыя областныя группы лежатъ мертвыми*. Вотъ какое имѣетъ значеніе провинціальный вопросъ, которое *не сознаютъ провинціальные газеты и писатели*.

„Въ общечеловѣческихъ вопросахъ интеллигенція часто мучится, разочаровывается, часто впадаетъ въ иллюзіи. Обновить міръ, открыть новый критерій для измѣренія человѣческой природы—вещи не легкія, часто самое занятіе это есть только философствованіе, не дающее никакихъ практическихъ результатовъ. *Другое дѣло, когда вы стоите вблизи жизни,* когда вы видите, чѣмъ можно помочь въ частномъ случаѣ, когда передъ вами живое тѣло. Вы видите постоянно извѣстный объектъ, вы его любите и замѣчаете каждый токъ его крови".

Ядринцевъ былъ истиннымъ сыномъ своей родины, и любя свою Сибирь, онъ всякую работу и всякій трудъ признавалъ лишь по стольку, по скольку онъ служилъ и приносилъ пользу любимому краю. Это былъ большой врагъ всего абстрактнаго, ретроспективнаго, ярый, убѣжденный противникъ общихъ лекаловъ и трафаретокъ. „Человѣческая мудрость,—писалъ онъ,—ученіе, школы, системы проходятъ и измѣняются, а у меня любовь все теплится въ сердцѣ, ибо я люблю нѣчто постоянное, нѣчто реальное. Пусть міръ совершенствуется, пусть пріобрѣтается лучшее — я только приноравлю это къ любимому предмету. Такъ, мнѣ кажется, можетъ дѣйствовать и каждый человѣкъ".

Ядринцевъ былъ большимъ человѣкомъ угла, и литературное Рудинство ему всегда было чуждо. Но хорошо и вѣрно была имъ понята та примѣнительность общихъ идей, въ которой такъ нуждается провинція. „Приноровить"—вотъ что больше всего занимало этого человѣка, но приноровить съ толкомъ, съ умомъ и, главное, къ явной и прямой пользѣ своего родного муравейника. Отсюда недалеко и до отрицанія столичной печати и къ нему, пожалуй, Ядринцевъ былъ близокъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ себѣ онъ ее отрицалъ довольно опредѣленно. „Стоя на распутьи, — откровенно признавался онъ,— между шикарной дорогой петербургскаго журналиста и скромной провинціальной дѣятельностью, я никогда не задумаюсь, что мнѣ предпочесть. Я охотно *подамъ руку всякому провинціальному* изданію". И хотя судьба его привела въ столичную „Русскую Жизнь", девизъ его неизмѣнно и постоянно былъ одинъ и тотъ же: „Провинція—будущее". Въ столичной газетѣ ему довелось и, въ самомъ дѣлѣ, протерпѣть настоящія муки. Пригласили его сюда завѣдывать спеціально сибирскимъ отдѣломъ, и, кромѣ того, писать. Но потомъ отдѣлы въ „Русской Жизни" сократили, а сибирскую хронику изгнали почти совершенно и Николай Михайловичъ съ трогательнымъ негодованіемъ замѣтилъ по этому поводу: „Значитъ, Сибирью только временно позабавились" и потомъ сердился, что „какіе-то ремесленники хроники захватили сибирскій отдѣлъ".

Digitized by Google

Во всемъ этомъ, если хотите, есть и узость и даже наивность,—въ особенности въ желаніи и столичную печать заставить служить интересамъ опредѣленнаго областнаго района, обречь на изслѣдованіе нуждъ данной провинціи, т. е. навязать ей какъ разъ задачи и цѣли областнаго органа. Но изъ-за этой любящей слѣпоты выглядываетъ рѣдкая убѣжденность и та дорогая прямолинейность, которая такъ необходима въ дѣятелѣ провинціальной печати, и, конечно же, со времени Ядринцева,—какъ редактора „Восточнаго Обозрѣнія",—такихъ убѣжденныхъ руководителей провинціальнаго изданія больше не назвать ни одного до самаго сегодняшняго дня.

Ядринцевъ воплотилъ собою типъ заправскаго изслѣдователя областной жизни, отдавъ именно безъ остатка свои силы на служеніе Сибири, которую онъ изъѣздилъ и исходилъ, съ которой былъ связанъ неразрывными нитями рѣдкаго знанія ея, тысячью мелкихъ узелковъ живыхъ личныхъ знакомствъ, своей обширной и неустанной благотворительностью.

Онъ любилъ Сибирь, какъ часть самого себя, да и на самого себя смотрѣлъ, какъ на частицу и продуктъ великой матери—сибирской родины. Можно безошибочно утверждать, что всѣ его воззрѣнія, всѣ отношенія его, всѣ жизненныя опредѣленія вышли у него, какъ слѣдствія и выводы его несокрушимой привязанности къ большому родному углу. Его редакторскія воззрѣнія—и тѣ—явились, какъ результатъ сознаннаго сердцемъ служенія все тому же областному интересу. Въ немъ выразился лучшій представитель областного патріотизма въ лучшемъ же, конечно, смыслѣ этого слова. Но тѣмъ знаменательнѣй, значитъ, будетъ для каждаго, кто захочетъ ознакомиться съ этой интересной жизнью, убѣжденіе Ядринцева въ томъ, что лучшій и наиболѣе цѣлесообразный путь служенія родной окраинѣ — все-таки та же самая печать. „Кому же должна принадлежать роль указать будущее Сибири и вывести народъ ея на путь цивилизаціи и историческаго прогресса?"—спрашиваетъ Ядринцевъ въ одной изъ своихъ статей въ Томскихъ ГубернскихъВѣдомостяхъ",—и отвѣчаетъ,—„Эта роль должна принадлежать *мѣстной литературѣ*, которую до сихъ поръ наша бѣдная Сибирь не имѣетъ. Изданіе сибирскаго журнала теперь бы могло имѣть громадное значеніе и вліяніе на развитіе страны. Созданіе *мѣстной литературы* будетъ *зачаткомъ* осмысленной жизни и началомъ умственнаго развитія массъ. *Мѣстная журналистика* будетъ изслѣдовать страну нашу, разрабатывать ея вопросы, предъявлять ея интересы и укажетъ то будущее, которое будетъ состоять не въ завоеваніяхъ, какъ утверждаютъ панегиристы, а *въ созданіи цивилизаціи для своего народа*, которая, вмѣстѣ съ торговлей, будетъ имѣть вліяніе на весь востокъ и на Азію. День-ото-дня мы ждемъ, что міръ долженъ связаться братской любовью взамѣнъ прежней исторической вражды; ибо какъ принципомъ древняго міра и государствъ были: война, завоеваніе и рабство, такъ принципомъ новаго будетъ миръ, цивилизація и свобода!"

Но при такомъ воззрѣніи, которому ужъ никакъ нельзя поставить упрекъ въ узости, и которое „примѣнительно" даже слишкомъ широко, естественно ждать и особо цѣльной редакторской програмы.

Оно такъ и было у Ядринцева.

Онъ настойчиво напиралъ на опредѣленность программы, требовалъ прежде всего отъ каждаго, берущагося за перо, яснаго отчета себѣ въ томъ, что онъ намѣревается и хочетъ сказать. По его глубокому убѣжденію, провинціальный редакторъ долженъ преслѣдовать экономію сотрудническихъ силъ, и, если можно такъ выразиться, ихъ сосредоточеніе. Набирать „охапку задачъ", разсѣяваться и разбрасываться провинціальному редактору, съ точки зрѣнія Ядринцева, значило —губить дѣло, и затѣвая многое, не сдѣлать ничего; гоняясь за сотней зайцевъ, ни одного не поймать.

Справедливо оцѣниваетъ онъ всю непомѣрную трудность редакторскаго положенія: „Имъ недовольны и за обличенія, и за необличенія, за сплетни, и за отсутствіе сплетенъ, за отсутствіе занимательности и за отсутствіе серьезности. Положеніе его адское!" „Нѣтъ,—заключаетъ Ядринцевъ,—я бы скорѣе повѣсился, чѣмъ сталъ провинціальнымъ редакторомъ".

Однако, какъ ни страшна была эта перспектива „стать редакторомъ" въ родной глуши, любовь къ этой глуши все таки взяла свое и пересилила страхи: Ядринцевъ сломилъ свою

Digitized by Google

жизнь на этомъ креслѣ, измучившись и надорвавшись во имя все того же блага Сибири.

Но замыкаться только въ рамкахъ своей области онъ никогда не считалъ возможнымъ никогда не отвергалъ онъ съ огульнымъ недовѣріемъ ни поученія у чужихъ, ни примѣровъ подражанія. Въ этомъ отношеніи его взгляды были особенны цѣнны. Онъ вѣрилъ, что усвоить себѣ исторію, жизнь и права провинціи можно только путемъ изученія „особой литературы“: надо слѣдить за нею въ тѣхъ государствахъ, гдѣ провинціальная жизнь достигла высшаго развитія, гдѣ она представляетъ разнообразіе, кипучую дѣятельность и гдѣ выяснены, формулированы въ принципы, ея мѣстные интересы и отношенія къ общимъ. „Надо,—замѣчаетъ онъ,—изучать мѣстныя общины, какъ ячейку государства, и глубоко впитать въ себя убѣжденіе, что безъ развитія мѣстной жизни и самодѣятельности, безъ уразумѣнія отношеній частнаго къ общему невозможно правильное развитіе общества“.

Любя Сибирь дѣятельной любовью, къ этой же любви не словомъ, а дѣломъ звалъ онъ и мѣстную интеллигенцію, и, слѣдовательно, лучшую часть сибирской молодежи. Къ ея знаніямъ аппеллировалъ и взывалъ онъ отъ имени заброшенной и забытой восточной окраины, и въ этой образованной молодежи видѣлъ будущій оплотъ суроваго края.

Неизмѣнно твердитъ онъ, повторяясь втеченіи одной недѣли по нѣскольку разъ, о той вѣрѣ въ молодые всходы, которая окрыляетъ его въ надеждахъ и думахъ о грядущихъ судьбахъ нетронутой сибирской области.

Въ № 5, 1865 года „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ онъ восклицаетъ: „да будетъ благословенно наше молодое образованное поколѣніе!“. А черезъ четыре дня (№ 9 „Т. Г. В. и за 1865 г.), онъ къ этой молодежи взываетъ снова:

„...Мы призываемъ, въ интересахъ страны нашей, образовывающееся сибирское юношество въ россійскихъ университетахъ возвращаться на родину для служенія ей. Ему принадлежитъ разработка и изслѣдованіе дѣвственной страны нашей, ему принадлежитъ воспитаніе и образованіе своихъ земляковъ и созданіе того завѣтнаго будущаго, въ которое заживетъ страна наша лучшею жизнію. Мы надѣемся, что образованное сибирское юношество съ горячей патріотическою любовью, съ гражданскимъ самопожертвованіемъ начнетъ святой трудъ на благо своей родины“.

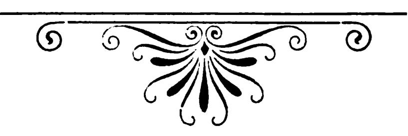
И заключаетъ: „Этими надеждами мы начинаемъ новый годъ“.

Я не біографію Ядринцева пишу. Но заговоривъ о провинціальной печати, его нельзя и вообще-то пройти молчаніемъ, а въ виду недавняго десятилѣтія со дня его смерти тѣмъ естественнѣй и удобнѣй вспомнить объ этомъ замѣчательномъ журналистѣ — областникѣ, много думавшемъ, много сдѣлавшемъ, много трудившемся и много опечаленномъ судьбами родного угла—Сибири, долей слова печатнаго, непроизводительными тратами своихъ силъ, здоровья и времени. Точки зрѣнія его, однако, важнѣй его жизни, а взгляды его на разныя стороны и задачи областнаго журнализма интересны въ такой мѣрѣ, что не привести ихъ было бы преступленіемъ.

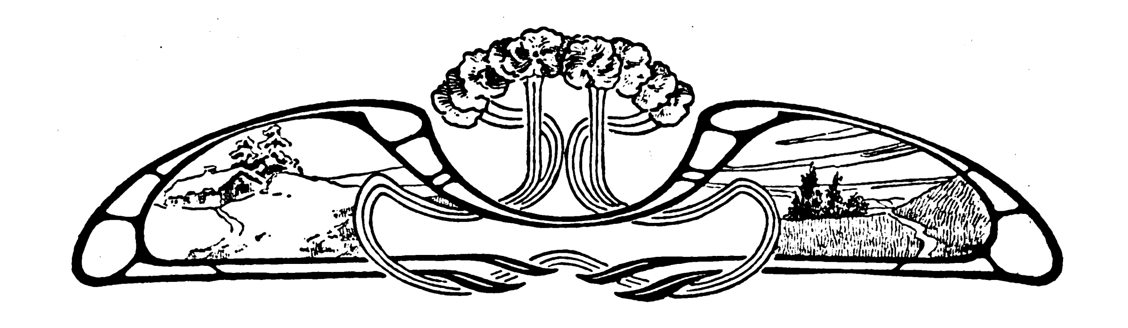
Уваженіе къ печати и то огромное значеніе, которое онъ отводилъ ей въ числѣ цивилизаторскихъ факторовъ, тѣмъ цѣннѣй, что въ лицѣ Ядринцева мы имѣемъ дѣло не только съ журналистомъ, перомъ живущимъ и, слѣдовательно, по многимъ соображеніямъ и мотивамъ склоннымъ переоцѣнивать и преувеличивать роль печатнаго слова: Ядринцевъ былъ изслѣдователемъ, служилъ, участвовалъ въ экспедиціяхъ. И если онъ отводилъ областной прессѣ значеніе чуть ли не единственнаго культурнаго фактора значитъ, основанія къ тому имѣлись и есть.

Лично мы, конечно, въ этомъ не сомнѣвались.

П. Пильскій.

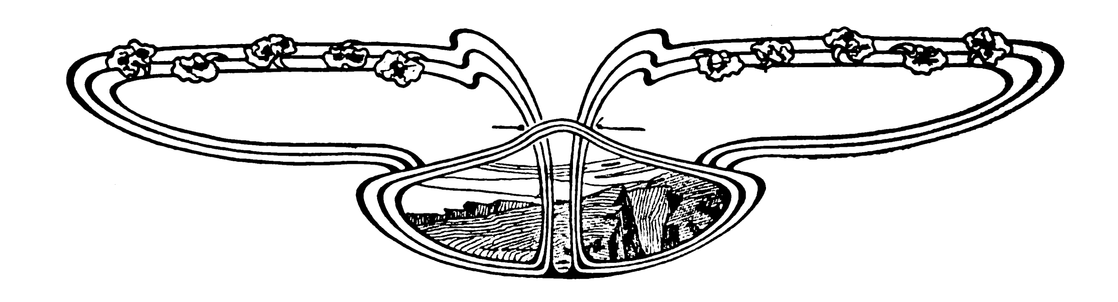
Digitized by Google

Дружба.

Вдали отъ пышныхъ храмовъ суеты,
Отъ алтарей любви и славы шумной,
Отъ дикихъ криковъ алчности безумной
Свой тихій храмъ смиренно скрыла ты.
Къ нему ведетъ пустынная дорога,
Къ нему идетъ поклонниковъ немного,
Вокругъ него такая тишина!
Но ласковъ взоръ богини благосклонной.
Войди безъ страха, путникъ утомленный!
Покой и отдыхъ дастъ тебѣ она.

С. Поварнинъ.

Digitized by Google

17 января 1860 года, почти ровно за 14 мѣсяцевъ до паденія крѣпостного права, въ городѣ Таганрогѣ, въ семьѣ небогатаго купца, родился одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей современной русской литературы Антонъ Павловичъ Чеховъ. Отецъ его былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которые, не смотря на всѣ тяжелыя условія крѣпостного режима, умѣли совершенно самостоятельно, благодаря ли природному уму, смѣтливости и силѣ воли или-же только исключительно благопріятнымъ обстоятельствамъ, сбросить съ себя крѣпостныя цѣпи и выйти, какъ у насъ принято говорить, „въ люди". И, дѣйствительно, крѣпостной крестьянинъ одного изъ воронежскихъ помѣщиковъ, онъ нашелъ возможность выкупиться на волю, служилъ управляющимъ, а потомъ велъ свои собственныя дѣла. Великій бытописатель сумеречныхъ дней „конца вѣка" росъ и воспитывался, такимъ образомъ, не въ экзотической или чиновничьей се́мьѣ, — какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ такихъ русскихъ семьяхъ, — безалаберной и безпочвенной, то теоретически-либеральной, то теоретически-консервативной, вообще соотвѣтственно не столько съ своими убѣжденіями, часто весьма неглубокими, сколько подъ вліяніемъ господствующихъ въ обществѣ и тѣмъ болѣе „въ верхахъ" настроеній. Горячка шестидесятыхъ годовъ съ ихъ великими реформами и общественнымъ оживленіемъ мало и даже почти не отразилась на строѣ жизни семьи Антона Павловича, какъ и въ большинствѣ подобныхъ мѣщанскихъ семей того времени, тѣмъ болѣе, что только что недавно, почти наканунѣ освобожденія, переобувшихся, такъ сказать, изъ мужицкихъ лаптей въ городскіе сапоги.... Конечно, здѣсь то же говорили о волѣ, истово осѣняли себя крестнымъ знаменемъ, по случаю совершившагося великаго событія, но никакими теоріями не задавались, а жили твердо и неуклонно по старинѣ, согласно выработанному вѣками укладу. Во всякомъ случаѣ, шестидесятые годы и начало семидесятыхъ съ ихъ спорами, страстями и крайностями, нерѣдко приводившими къ серьезнымъ семейнымъ разладамъ, не оказали почти никакого вліянія на отроческія впечатлѣнія талантливаго мальчика. Въ одну изъ рѣдкихъ и

Digitized by Google

случайныхъ моихъ встрѣчъ съ Антономъ Павловичемъ я какъ-то высказалъ ему, что „эпоху великихъ реформъ“ я хотя и не пережилъ да и не могъ пережить, по младости моихъ лѣтъ въ то время, а между тѣмъ отраженія этой эпохи въ той обстановкѣ, въ которой я росъ, можно сказать, такъ безпризорно, уже съ ранняго дѣтства посѣяли въ моемъ представленіи такія сѣмена, отъ которыхъ я никогда не могу отрѣшиться и что, напротивъ, съ накопленіемъ знанія, опыта и наблюденія жизни, они все шире и глубже вростаютъ въ мое міровозрѣніе, такъ что ни одного явленія нашей дѣйствительности я не представляю себѣ внѣ связи съ этимъ великимъ періодомъ нашей исторіи.

— Отраженія! Настроенія! Впечатлѣнія! Какъ это интеллигентно, но и какъ нездорово, особенно въ дѣтскіе годы и при полномъ отсутствіи строго систематическаго воспитанія!—съ улыбкой сказалъ Антонъ Павловичъ.—Я, хотя по лѣтамъ вамъ и сверстникъ, но многихъ подобныхъ „отраженій“ не помню, хотя въ дѣтствѣ и не мало слыхивалъ разговоровъ старшихъ о волѣ, о крѣпостныхъ временахъ, а также и о томъ, что теперь надо учиться, чтобы зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, но учась не забывать и Бога.... Не стану, впрочемъ, вдаваться въ разборъ и анализъ. Можетъ быть, это хорошо, а можетъ быть и не хорошо.... Я—мужикъ и росъ въ простой семьѣ, гдѣ трудились, учили трудиться и требовали прежде всего труда, и я глубоко благодаренъ этому строгому воспитанію, давшему мнѣ навыкъ и любовь къ труду.

— Что-же касается собственно эпохи великихъ реформъ,—продолжалъ Антонъ Павловичъ,—то я ознакомился съ ея сущностью едва-ли только не на студенческой скамьѣ, да и то довольно поверхностно, и тогда лишь, когда начался крутой „поворотъ отъ воротъ“, я глубоко понялъ и оцѣнилъ все ея значеніе...

И, дѣйствительно, Чеховъ росъ въ физически и нравственно здоровой, патріархальной и дѣловой семьѣ, гдѣ упорный трудъ за семейное благосостояніе перемежался съ короткимъ благолѣпнымъ отдыхомъ и проявленіемъ строго-православнаго благочестія. Религіозный отецъ не пропускалъ ни-одной церковной службы и постоянно бралъ въ церковь и своихъ дѣтей. Будучи гимназистомъ, Антонъ Павловичъ пѣлъ даже въ церковномъ хорѣ. При такомъ несомнѣнно старинномъ воспитаніи, отецъ Чехова, какъ человѣкъ съ природнымъ умомъ, къ тому-же чуткій, вѣроятно, совершенно инстинктивно, къ запросамъ жизни, — явленіе весьма нерѣдкое среди простыхъ русскихъ людей, вышедшихъ собственными силами на самостоятельную дорогу,—прекрасно сознавалъ необходимость дать образованіе своимъ дѣтямъ, хотя и своеобразно, въ тонъ съ усвоенными имъ взглядами, понимая его значеніе, какъ источникъ преимущественно будущаго ихъ матерьяльнаго обезпеченія. И вотъ мы видимъ, что семья этого „строгаго“ стариннаго покроя и стоявшаго исключительно на практической почвѣ отца дала русскому обществу, кромѣ такого высоко-талантливаго и всемірно-прославившагося писателя, какъ А. П. Чеховъ, еще художника Николая Чехова и литератора А. Сѣдого (Александра Павловича), лицъ такихъ профессій, которыя старинный „мужицкій“ обиходъ мало, а то и вовсе не зналъ и уже, во всякомъ случаѣ, не признавалъ за „серьезное дѣло“...

Я думаю, что въ этомъ кажущемся несоотвѣтствіи ничего нѣтъ страннаго.

Прежде всего Чеховская семья была талантлива по природѣ. Во-вторыхъ, „строгость“ главы семейства, относясь къ дѣтямъ любовно и заботливо, не подавляла ихъ ин-

Digitized by Google

дивидуальности, а наоборотъ давала имъ положительное воспитаніе, основанное на трудовомъ закалѣ, на любви къ труду, т. е. на томъ великомъ созидающемъ факторѣ жизни, который, при нормальныхъ условіяхъ, воспитываетъ если не человѣка идеи, то, во всякомъ случаѣ, человѣка труда. А это уже плюсъ, такъ какъ человѣкъ труда легче добьется самостоятельности, и при наличности послѣдней, при доброй волѣ, при умственныхъ запасахъ, станетъ и человѣкомъ идеи. Ему лишь нужно „постигнуть", „познать", а затѣмъ уже онъ по познанному пути сумѣетъ пойти самостоятельно и за это „познанное" сумѣетъ и постоять. Онъ не отвлеченный, прекраснодушный мечтатель, получившій „идеи" уже въ разработанномъ видѣ, по наслѣдству, даромъ, а потому и легко могущій если не отступиться отъ нихъ при первыхъ же натискахъ враждебныхъ имъ силъ, то, во всякомъ случаѣ, безнадежно опустить руки и заныть.... Нѣтъ, онъ получилъ ихъ не даромъ, а какъ и все въ жизни, трудомъ; заработанное-же трудомъ не отдается безъ упорнаго боя. Понятно, что люди такого закала не летаютъ сразу сизымъ орломъ по поднебесью, они, какъ учащіеся отъ жизни, постепенно познаютъ, а познавъ, твердо идутъ по опредѣленному пути, не уклоняясь въ сторону безъ причинъ, не осмысленныхъ всею мощью ихъ познанія.

Антонъ Павловичъ учился сначала въ греческой школѣ въ Таганрогѣ, потомъ въ мѣстной гимназіи и, наконецъ, окончилъ курсъ врачемъ на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета. Такимъ образомъ, онъ былъ безусловно и въ полномъ смыслѣ образованнымъ человѣкомъ, и тѣмъ не менѣе есть что-то, что роднитъ его съ Максимомъ Горькимъ, человѣкомъ, какъ извѣстно, учившимся на мѣдныя деньги. Онъ, сынъ таганрогскаго мѣщанина, какъ и сынъ кунавинскаго красильщика, вышелъ изъ пренебреженныхъ „низовъ" общества, невѣжественныхъ, почти постоянно бѣдствующихъ, но въ которыхъ, какъ свидѣтельствуютъ многочисленные признаки, таятся неистощимые живоносные источники, способные, когда придетъ время, освѣжить затхлую. застоявшуюся жизнь. Тамъ — горя полная чаша, тамъ вольный и тѣмъ болѣе невольный „грѣхъ" на каждомъ шагу, но тамъ есть трудъ, тяжелый, нерѣдко каторжный, часто проклинаемый, но тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души любимый, какъ животворящая сила, какъ орудіе возможнаго отрѣшенія отъ „грѣха" и не менѣе возможнаго возрожденія къ жизни „по Божьи", по правдѣ-справедливости. Конечно, Чеховъ не переживалъ того ужаса жизни, который омрачилъ и отрочество, и юность „пѣвца босячества", ни по темпераменту, ни по характеру творчества между ними, можно сказать, ничего нѣтъ общаго; рѣшительный, раздражительный и грубоватый Горькій — прямой диссонансъ съ меланхолическимъ и женственно-мягкимъ Чеховымъ, но обоихъ ихъ дала русской литературѣ и русскому обществу трудовая колея пробуждающихся „низовъ", внушившая имъ вѣру въ трудъ, любовь къ нему, повелѣвшая имъ идти изъ своего устарѣвшаго обихода на поиски новыхъ формъ жизни, но идти осторожно, съ разумной недовѣрчивостію къ внѣшности и словамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ глубокой вдумчивостію въ факты окружающей жизни. Они „ходоки" „низовъ", ничего не получившіе даромъ, а все взявшіе упорнымъ трудомъ. Въ большей или меньшей степени свое міровоззрѣніе они, конечно, заимствовали изъ существующихъ въ интеллигентномъ обществѣ теченій, но каждый изъ нихъ, постепенно, не безъ тяжелой ломки, это заимствованное провелъ сквозь свой внутренній фильтръ и, прежде чѣмъ окончательно признать его своимъ, оцѣнилъ еще его съ точки

Digitized by Google

зрѣнія истинныхъ нуждъ и потребностей пославшихъ ихъ на поиски „низовъ". И съ желчнымъ гнѣвомъ обнажилъ передъ изумленнымъ обществомъ Максимъ Горькій „дно" и демонстрировалъ передъ нимъ „бывшихъ людей", а Антонъ Чеховъ съ тихой грустью соболѣзнованія показалъ тому-же обществу „лишнихъ людей", утопающихъ въ пошлости, въ безволіи, въ бездѣятельной тоскѣ...

На литературное поприще Антонъ Павловичъ выступилъ еще студентомъ въ 1879 году съ рядомъ мелкихъ фельетонныхъ разсказиковъ и очерковъ сначала въ „Стрекозѣ", „Будильникѣ" и „Осколкахъ", а затѣмъ въ „Петербургской Газетѣ" и „Новомъ Времени" подъ псевдонимомъ Чехонте.

Одинъ изъ товарищей Чехова по таганрогской гимназіи объясняетъ происхожденіе этого юмористическаго псевдонима тѣмъ, что „Антошей Чехонте" покойнаго писателя называлъ гимназическій батюшка, преподаватель Закона Божія, о. протоіерей Покровскій, имѣвшій обыкновеніе давать прозвища всѣмъ ученикамъ, которые такъ и именовались на его урокахъ въ теченіе всего гимназическаго курса.

— Чехонте!—растягивая баскомъ по слогамъ, обыкновенно вызывалъ отецъ Покровскій Чехова отвѣчать урокъ...

Таково происхожденіе псевдонима знаменитаго писателя; не менѣе случайно и начало его литературной дѣятельности.

Родители Чехова, на рукахъ которыхъ были еще сыновья и дочь, жили довольно бѣдно, и Антона Павловича ужасно огорчало то обстоятельство, что онъ не можетъ ничѣмъ помочь имъ... Но къ счастію его семьи, а такимъ образомъ и русской литературы, выручилъ... именинный пирогъ!...

Приближался день ангела его матери, а между тѣмъ семья до того въ это время нуждалась, что не было даже незначительной суммы денегъ на традиціонный именинный пирогъ. Антона Павловича, не менѣе другихъ членовъ семьи огорчавшагося такимъ затрудненіемъ, вдругъ осѣнила счастливая мысль набросать маленькій разсказикъ и снести его въ какую-либо редакцію, — авось, напечатаютъ!... Задумано, сдѣлано. Антонъ Павловичъ написалъ разсказъ и отнесъ его, кажется, въ „Будильникъ". Разсказъ былъ напечатанъ, и на полученные нѣсколько рублей были справлены именины матери. Съ этого времени Чеховъ становится кормильцемъ своей семьи, а маленькіе, весьма изящные юмористическіе очерки Чехонте то и дѣло начинаютъ украшать страницы нашихъ сатирическихъ журналовъ. Все это были невинныя бездѣлушки, не претендующія ни на идейность, ни даже на художественность, но въ нихъ уже чувствовалось, если можно такъ выразиться, дыханіе таланта.

Въ это-то время я, только-что начавшій работать въ печати, состоя въ качествѣ провинціальнаго корреспондента столичныхъ газетъ, а потомъ и московскаго репортера, впервые познакомился съ Чеховымъ. Встрѣтившись съ нимъ въ одномъ литературномъ семействѣ и узнавъ, что онъ тотъ самый Чехонте, который въ „Осколкахъ" обличаетъ „березовую кашу", я крѣпко и сочувственно пожалъ ему руку. Эти наивныя обличенія такъ гармонировали моему тогдашнему юному настроенію!

Однако, я нимало не предполагалъ, что изъ „осторожнаго" обличителя „березовой каши" и пѣвца „колокольчиковъ" создастся Чеховъ, авторъ „Дяди Вани", „Чайки", „Трехъ сестеръ" и „Вишневаго Сада".

Въ то время это былъ жизнерадостный юноша, жаждавшій жить и только жить, а если и работать, то только исключительно для тѣхъ же радостей жизни и въ самомъ лучшемъ случаѣ—для благосостоянія своей семьи. Все общественное,

Digitized by Google

глубоко-злободневное, такъ сильно волновавшее въ тѣ дни меня и моихъ сверстниковъ, казалось, было ему чуждо, такъ-что послѣ третьей встрѣчи я невольно почувствовалъ къ Антону Павловичу нѣкоторый холодокъ. Его жизнерадостность казалось мнѣ по тому времени и по тогдашнему моему настроенію чуть не преступленіемъ...

— Можетъ быть, Чеховъ и острый, но безъидейный человѣкъ! — отзывался я о немъ въ средѣ знакомой мнѣ „идейной" молодежи.

И эти знакомые охотно вторили мнѣ,—да, впрочемъ, то-же самое въ скоромъ послѣ этого времени сказала о произведеніяхъ Чехова и наша передовая критика, хотя-бы въ лицѣ лидера русскаго либерализма 70-хъ годовъ, Н. К. Михайловскаго.

Впрочемъ, и самъ Антонъ Павловичъ въ началѣ своей литературной дѣятельности мало придавалъ значенія своимъ работамъ. Его семья нуждалась, ему и самому нужно жить,—и вотъ онъ работалъ, благо, что попался такой трудъ, который былъ ему по плечу, не бралъ много времени и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ гораздо больше заработка, чѣмъ, напр., бѣганье по урокамъ изъ одного конца въ другой громадной столицы. И онъ, чтобы заработать какъ можно больше, писалъ вездѣ, гдѣ только принимали его статейки, писалъ много и быстро, мимоходомъ, какъ говорится, скандачка, однимъ словомъ, такъ, какъ пишутъ современные безпринципные газетные журналисты въ въ нашихъ обѣихъ столицахъ, пресмыкающіеся передъ издателями и наколачивающіе пятаки и гривенники, чтобы не только жить прилично, какъ подобаетъ интеллигентному человѣку, но чтобы и не отстать отъ обихода столичнаго буржуазнаго строя, то есть имѣть нѣкоторый достатокъ презрѣннаго металла на театръ, на женщинъ, на винтъ, на веселое времепрепровожденіе въ увеселительныхъ садахъ и отдѣльныхъ кабинетахъ ресторановъ, по крайней мѣрѣ, не ниже Мильбрета и Тѣстова...

Какія ужъ тутъ идеи и принципы, когда человѣкъ, помимо куска насущнаго хлѣба для себя и своей семьи, стремится еще и „жить", какъ „живутъ" такъ называемые „порядочные люди"!..

Впрочемъ, Антонъ Павловичъ Чеховъ, даже въ началѣ своей литературной дѣятельности былъ далекъ отъ образа жизни газетныхъ трезоровъ, то ласкающихся, то кусающихся по издательской указкѣ...

Однако, условія существованія нерѣдко приближали его, „въ дни туманной юности", къ этой мути, но Чехова спасли отъ такого ложнаго пути столь могущественные факторы, какъ наслѣдственная честность человѣка изъ народа, трудовое воспитаніе и, наконецъ, громадный, мощный талантъ.

Въ сущности, мы, его сверстники, удрученные наступившими черными днями въ русской общественной жизни и сочувствовавшіе лишь желчной и страстной щедринской сатирѣ, такъ властно бившей по нашимъ напряженнымъ нервамъ, и не могли себѣ представить въ то время, что игривая жизнерадостность Чехова есть вполнѣ естественная рѣзвость богатаго силами юноши, не знающаго ужасовъ жизни и не сознающаго еще своей крупной силы. Всѣ первые чеховскіе разсказы были ничто иное, какъ „проба пера", какъ шалость пробуждавшагося, но еще не пробудившагося таланта. Развѣ не „проба пера". напр., хотя-бы тотъ фактъ, что одинъ изъ своихъ разсказовъ онъ написалъ карандашемъ въ купальнѣ, лежа на полу, а затѣмъ положилъ въ конвертъ и бросилъ въ почтовый ящикъ, — и „литературное произведеніе" состряпано? Развѣ это не шалость—сочиненіе нелѣпыхъ до чудовищности „разныхъ извѣстій", которыя потомъ перепечатывались и обѣгали чуть не всѣ россійскія газеты? Хотя и остроумная, но шалость, кстати,

Digitized by Google

такъ сказать, попутно, обнаружившая отчасти невѣжество, отчасти чисто ремесленную, механическую работу, но, главнымъ образомъ, погоню нашихъ газетныхъ дѣлъ мастеровъ за сенсаціями, какъ-бы нелѣпы онѣ не были.

А вотъ и еще характерный эпизодъ о чеховскомъ легкомысліи по отношенію къ своей литературной дѣятельности.

— Знаете, какъ я пишу свои маленькіе разсказы?—разсказывалъ онъ В. Г. Короленко.—Вотъ...

„Онъ оглядѣлъ столъ, взялъ въ руки первую попавшуюся на глаза вещь,—это оказалась пепельница,—поставилъ ее передъ мною и сказалъ:

— Хотите, — завтра будетъ разсказъ, подъ заглавіемъ „Пепельница“?

И глаза его засвѣтились весельемъ. Казалось, надъ пепельницей начинаютъ уже биться какіе-то неопредѣленные образы, положенія, приключенія, еще не нашедшія своихъ формъ, но уже съ готовымъ юмористическимъ настроеніемъ“...

Несомнѣнно, что Антонъ Павловичъ не сознавалъ еще тогда таящагося въ немъ таланта, и первые его разсказы походили не болѣе, не менѣе, какъ на остроумные анекдоты, охотно читались публикою, повторялись изустно и вращались въ публикѣ. А. С. Суворинъ, близко знавшій Чехова, разсказываетъ, напр., такой случай, когда на волжскомъ пароходѣ одинъ офицеръ сталъ разсказывать Антону Павловичу его же разсказы, увѣряя, что это случилось съ нимъ, офицеромъ, и его знакомыми... Впослѣдствіи и самъ Антонъ Павловичъ смотрѣлъ на первыя свои произведенія съ такой-же несерьезной точки зрѣнія, и если они появились въ полномъ собраніи его сочиненій, изданномъ г. Марксомъ, то не его въ томъ вина, а все того же торгаша-издателя, по свидѣтельству г. Суворина, пожелавшаго, къ великому неудовольствію Чехова, во что бы то ни стало напихать въ „полное собраніе“ какъ можно больше чеховскихъ сочиненій. Можетъ быть, съ издательской точки зрѣнія это было и весьма выгодно, но для репутаціи писателя, впервые выступившаго на такую широкую арену, какъ заманчивыя для читающей публики приложенія къ „Нивѣ“, такое увеличеніе „полнаго собранія“ являлось рискованнымъ. И, какъ извѣстно, первыя „приложенія“ Чехова, въ которыхъ печатались его юношескія произведенія вызвали вполнѣ справедливыя нареканія среди многочисленныхъ подписчиковъ на „Ниву“. Если ихъ появленіемъ въ „полномъ собраніи“ не безъ горечи были удивлены образованные люди, и ранѣе, безъ посредничества г. Маркса, знакомые съ творчествомъ Чехова по нашимъ толстымъ журналамъ и отдѣльнымъ изданіямъ, то что могъ сказать тотъ читатель массы, который выписываетъ „Ниву“ изъ-за ея „приложеній“ и, благодаря этимъ „приложеніямъ“ за предшествовавшіе годы, успѣвшій уже ознакомиться съ произведеніями корифеевъ отечественной литературы? Въ теченіе многихъ лѣтъ этотъ читатель привыкъ къ настоящей, а не лубочной литературѣ, ранѣе преподносимой ему разными „дешевками“. Онъ научился понимать и цѣнить ея глубокое внутреннее содержаніе и художественныя красоты, и вдругъ ему даютъ какіе то веселенькіе анекдотики подъ фирмою писателя, произведеній котораго онъ ранѣе не читалъ, но о которомъ много зналъ изъ газетъ, какъ о выдающемся талантѣ!

— Удивляюсь, за что хвалятъ этого Чехова! — приходилось мнѣ слышать мнѣнія такихъ читателей, ознакомившихся изъ первыхъ „приложеній“ Чехова къ „Нивѣ“ лишь съ юношескими его произведеніями.—Правда, красиво, смѣшно, но гдѣ содержаніе, внутренній смыслъ, за что бы можно было провозглашать его крупнымъ талантомъ?

Digitized by Google

А отсюда слѣдовалъ быстрый выводъ, къ которымъ всегда такъ способенъ русскій человѣкъ: „Одна мода это! Реклама!“.

Реклама!—и это по отношенію къ Чехову, скромнѣйшему изъ русскихъ писателей, этой, можно сказать, воплощенной скромности! Конечно, „большой читатель“, впервые знакомящійся съ Чеховымъ, не зналъ этого и судилъ о немъ по примѣру прочихъ нашихъ современныхъ литературныхъ знаменитостей, одной частью нашей праздноболтающей газетной печати возводимыхъ на Олимпъ, другой-же частью низводимыхъ въ полное ничтожество...

Можетъ быть, нѣкоторые изъ этихъ знаменитостей были и сами нескромны, но болѣе слѣдуетъ обвинять въ нескромности не этихъ писателей, а наши газеты, болтающія о нихъ всякіе пустяки, и правду, и неправду, что взбредетъ только на умъ безшабашному газетному писакѣ, спѣшащему во что то ни стало повѣдать читателю „нѣкоторыя черты изъ жизни“ мало мальски выдающагося человѣка, о которомъ говорятъ или принято говорить въ обществѣ.

Вращаясь много лѣтъ въ самыхъ разнообразныхъ и широкихъ кругахъ провинціальнаго общества, я убѣдился, какое удручающее, сбивающее съ толку впечатлѣніе производитъ подобный разноголосый газетный концертъ на „большого читателя“...

Первая книга, съ которой Антонъ Павловичъ предсталъ на судъ общества и критики, были его „Пестрые разсказы“, въ сущности и главнымъ образомъ, явившіеся сборникомъ его юношескихъ, преимущественно, юмористическихъ, произведеній. Это было въ 1886 году, въ разгаръ такъ называемыхъ восьмидесятыхъ годовъ,—тяжелое, „хмурое“ время въ жизни русской интеллигенціи. Старые идеалы терпѣли пораженіе, новые еще не только не были выработаны, но даже не намѣчены. Началось такъ называемое „шатаніе русской мысли“, талантливымъ изобразителемъ и обличителемъ котораго былъ тогда покойный Н. В. Шелгуновъ. Самыя разнообразныя, діаметрально противоположныя теоріи росли со скоростію грибовъ и при томъ съ такою-же быстротой смѣнялись одна другою. Потерявшая почву мысль русскаго интеллигента того времени „шаталась“ изъ стороны въ сторону, какъ перекати-поле по широкой степи подъ капризнымъ дуновеніемъ дующихъ съ разныхъ сторонъ вѣтровъ. И это умственное и нравственное шатаніе обнимало все, начиная съ ветхозавѣтныхъ Домостроевскихъ идеаловъ, приправленныхъ нѣмецкой дисциплиной, и со славянофильства и кончая толстовскимъ „непротивленіемъ злу“ и самыми крайними соціальными доктринами. Понятно, что такой разбродъ общественной мысли не могъ не вселить во многіе умы глубокаго пессимизма, приводившаго или къ полному отчаянію, близкому къ самоубійству, или къ примиренію и пошлой обыденщинѣ. Послѣдняго рода пессимизмъ и породилъ тѣхъ „лишнихъ людей“, которыхъ такъ ярко и съ такою глубокой грустью охарактеризовалъ впослѣдствіи Чеховъ. Но одновременно съ тѣмъ, рядомъ съ этими безвольными, но въ сущности все-же страдающими, духовно „лишними людьми“, гордо подняла голову и „торжествующая свинья“, авторитетно заявившая о „несостоятельности науки“ и признавшая „забытыми словами“ всѣ тѣ великіе идеалы, которыми жила еще такъ недавно русская интеллигенція и во имя которыхъ совершилось все великое въ Россіи... Среди безвольныхъ „лишнихъ людей“ нашлись покладистые субъекты, которые или „страха ради іудейска“, или по легкомыслію, или просто по отсутствію яснаго и опредѣленнаго міросозерцанія, стали вторить и поддакивать провозглашеннымъ „торжествующей

Digitized by Google

свиньей“ „истинамъ“... И эта группа людей мало-по-малу росла и завоевывала себѣ общественное положеніе. Провозглашая чистое искусство и борясь съ такъ называемой тенденціозностью, она сама была глубоко тенденціозна, но въ опредѣленномъ, желательномъ только ей направленіи. Возставая противъ учительства и проповѣдничества, она бралась не только за учительство и проповѣдничество, но и стремилась получить по этой отрасли нравственнаго воздѣйствія исключительную монополію. Она на своемъ знамени ставила весьма опредѣленные идеалы, но, подъ видомъ проведенія въ жизнь этихъ идеаловъ, въ сущности стремилась лишь къ безшабашной вакханаліи и въ самомъ лучшемъ случаѣ—къ буржуазному, безмятежному и самодовольному житію. Понятно, что при такихъ общественныхъ условіяхъ „Пестрые разсказы“ нашли читателя, но въ передовой критикѣ, вѣрной прежнимъ литературнымъ преданіямъ, были встрѣчены,—и не безъ основанія,—весьма сурово. Да и въ самомъ дѣлѣ, до беззаботнаго-ли веселья и шутокъ, которыми переполнены „Пестрые разсказы“, было истинно-интеллигентному человѣку въ тѣ годы разрушенія всяческихъ надеждъ?

Второй сборникъ („Въ сумеркахъ“) вышелъ въ слѣдующемъ году и обнаружилъ въ авторѣ нѣсколько иное настроеніе, свидѣтельствовавшее, что Антонъ Павловичъ сталъ призадумываться надъ явленіями жизни и находить ихъ далеко невеселыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ, на сколько мнѣ извѣстно, и отношенія его къ своей литературной дѣятельности значительно измѣнились. Онъ, какъ и впослѣдствіи, до печальнаго конца своей жизни, не стремился, конечно, учительствовать и проповѣдывать, но сталъ уже смотрѣть на литературу не какъ на источникъ существованія, а какъ на серьезное общественное служеніе.

„И самъ Антонъ Павловичъ, и его семья не могли не замѣтить,—говоритъ въ своей интересной и художественной замѣткѣ В. Г. Короленко,—что въ рукахъ Антоши не просто забавная и отчасти полезная для семьи игрушка,—но великая драгоцѣнность, обладаніе которой можетъ сказаться очень отвѣтственно. Кажется, въ то время была уже напечатана „Святою ночью“, чудная картинка, проникнутая глубоко захватывающей, обаятельной грустью, еще примиряющей и здоровой, но уже какъ небо отъ земли удаленной отъ безпредметно смѣшливаго настроенія большинства „Пестрыхъ разсказовъ“. И въ лицѣ Чехова, недавняго беззаботнаго сотрудника „Осколковъ“, проступало какое-то особенное выраженіе, которое встарину назвали-бы „первыми отблесками славы“... „Я помню—продолжаетъ г. Короленко,—что въ словахъ матери, видимо счастливой и гордившейся успѣхомъ сына, звучали уже грустныя ноты. Мы говорили съ Антономъ Павловичемъ о поѣздкѣ въ Петербургъ и о томъ, гдѣ тамъ встрѣтимся, и г-жа Чехова сказала со вздохомъ:

— Да, мнѣ кажется, что Антоша теперь уже не мой...

„Какъ это часто бываетъ, у матери было вѣрное предчувствіе“,—замѣчаетъ г. Короленко.

„Въ сумеркахъ“, а потомъ „Хмурые люди“ (въ послѣднемъ сборникѣ, между прочимъ, появилась знаменитая „Степь“,—это чудное, полное высокой художественной прелести, произведеніе) обратили на себя вниманіе уже наиболѣе серьезныхъ читателей и послужили началомъ къ будущей славѣ писателя. Въ нихъ уже прозвучали аккорды чеховской грусти о „лишнихъ людяхъ“ и ихъ безотрадной, тоскливой жизни... Однако, покойный Н. К. Михайловскій и къ этимъ книгамъ Чехова отнесся не менѣе сурово, укоряя его въ безпринципности. Такое отношеніе со стороны знаменитаго критика-публициста было

Digitized by Google

теперь, конечно, нѣсколько односторондимъ, но, мнѣ кажется, оно являлось все же не столько укоромъ молодому, отмѣченному несомнѣннымъ талантомъ писателю въ невѣрномъ освѣщеніи дѣйствительности, сколько крикомъ боли и отчаянія, вырвавшимся невольно изъ наболѣвшей груди стараго борца, принужденнаго силою обстоятельствъ признать, что тяжелая и продолжительная борьба окончилась пораженіемъ, что великіе идеалы и завѣты попраны, что жизнь выдвинула на арену вмѣсто ожидаемыхъ сильныхъ, свѣжихъ и энергичныхъ такую массу безвольныхъ, ноющихъ, „лишнихъ людей"... Впрочемъ, почти одновременно со статьей Михайловскаго о Чеховѣ появилась статья А. М. Скабичевскаго: „Есть-ли идеалы у Чехова", въ которой критикъ на поставленный самому себѣ вопросъ отвѣтилъ вполнѣ утвердительно, что у Чехова есть идеалы, но что онъ бытописатель отрицательныхъ явленій русской жизни. И этотъ взглядъ на творчество Чехова крѣпко утвердился не только среди русской образованной публики, не только во всей отечественной критикѣ, такъ какъ впослѣдствіи сталъ его раздѣлять до нѣкоторой степени и Н. К. Михайловскій, послѣ выхода полнаго собранія сочиненій Чехова понявшій и оцѣнившій всю силу и мощь его таланта, но проникъ онъ и въ западно-европейскую критику, признавшую въ Чеховѣ законнаго наслѣдника Гоголя.

Мельхіоръ де-Вогюе, напр., находитъ въ творчествѣ Антона Павловича весьма яркіе слѣды вліянія Гоголя, Тургенева и Гюи-де-Мопассана. Подъ вліяніемъ безсмертнаго творца „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ", Чеховъ воспиталъ въ себѣ веселый жанръ, юморъ, составляющій въ сущности особенность не только юношескихъ, но и всѣхъ его произведеній. Если вначалѣ этотъ юморъ имѣлъ совершенно безобидный характеръ и заключался въ невинномъ вышучиваніи курьезныхъ явленій жизни, то въ послѣднихъ произведеніяхъ юмористическія сцены заставляютъ серьезно и глубоко задумываться, скрывая за видимымъ смѣхомъ невидимыя слезы писателя... Тургеневъ сообщилъ чеховскому таланту умѣнье писать съ особой, чисто тургеневской нѣжностью, акварельностію рисунка и романтичностію настроенія. Чеховскіе женскіе типы такъ же прекрасны, какъ и тургеневскіе, хотя и безъ героическаго оттѣнка; но, не смотря на это, не смотря на ихъ нерѣдкое паденіе, они ближе къ нашей дѣйствительности, къ нашему нейрастеническому времени. Женщины Чехова въ сущности тѣ же безвольные „лишніе люди", какъ и мужчины, но съ болѣе нѣжной, экспансивной натурой, съ большей чувствительностью къ окружающей пошлости и большимъ стремленіемъ къ подвигу и обновленію... Съ Тургеневымъ роднитъ Чехова и его пессимизмъ, развившійся, впрочемъ, по мнѣнію французскаго критика, подъ вліяніемъ уже Гюи-де Мопассана. Французскому новеллисту Чеховъ между прочимъ обязанъ краткостью разсказовъ. Подобно Мопассану, Чеховъ обладаетъ необычайной способностію изображать убійственное дѣйствіе времени, кратковременность благихъ порывовъ, уничтоженіе былыхъ чувствъ и происходящую отсюда метаморфозу отношеній въ человѣческомъ обществѣ.

Но прежде чѣмъ критики признали въ Антонѣ Павловичѣ великаго художника, произведенія котораго характеризуютъ если не всѣ, то, во всякомъ случаѣ, существеннѣйшія черты жизни русскаго общества конца XIX вѣка, Чеховъ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ русскихъ писателей. Подъ вліяніемъ такого успѣха, а главное, сознавая, какую нравственную отвѣтственность передъ обществомъ и литературою возлагаетъ на него

Digitized by Google

талантъ, Антонъ Павловичъ совершенно бросилъ прежній жанръ небольшихъ газетныхъ очерковъ и сталъ работать въ ежемѣсячныхъ журналахъ: „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Русской Мысли“ и позднѣе въ „Жизни“. И, дѣйствительно, крупный успѣхъ и полное признаніе Чехова начинается съ момента напечатанія первыхъ его большихъ разсказовъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Съ этого времени всякимъ новымъ его произведеніемъ общество зачитывалось. Популярность Антона Павловича росла со сказочной быстротой и скоро перешла черезъ рубежъ родной земли, создавъ ему имя міроваго писателя. Во время этого расцвѣта его литературной славы появляются наиболѣе крупныя его произведенія: „Палата №6“, „Моя жизнь“, „Мужики“, „Скучная исторія“, „Человѣкъ въ футлярѣ“ и пр.

Въ послѣдніе годы Антонъ Павловичъ писалъ не много, хотя, между прочимъ, въ „Журналѣ для всѣхъ“ и появились его прелестные разсказы: „Архіерей“ и „Невѣста“.

Огромная популярность Чехова выразилась въ томъ, что всѣ его сборники выдержали очень много изданій; такъ „Пестрые разсказы“ имѣли 14 изданій, „Въ сумеркахъ“—13, „Хмурые люди“—10, „Разсказы“—13, „Палата № 6“—и „Каштанка“—по 7 изданій. Въ 1901—1902 г.г, А. Ф. Марксъ, какъ выше уже сказано, издалъ полное собраніе сочиненій А. П. Чехова въ 10 томахъ; тоже собраніе давалось въ качествѣ приложенія къ „Нивѣ“ на 1903 годъ.

Значительно позже Антонъ Павловичъ сталъ писать драматическія произведенія. Кромѣ одноактныхъ шутокъ („Медвѣдь“, „Предложеніе“, „Трагикъ по неволѣ“, и др.),—этихъ блестящихъ, нѣсколько шаржированныхъ вещицъ, не сходящихъ, однако, до сихъ поръ со сцены, онъ далъ нѣсколько крупныхъ произведеній, поставившихъ его въ ряду лучшихъ русскихъ драматурговъ. Если въ разсказахъ Чехова нѣкоторые критики, особенно иностранные, находятъ признаки вліянія другихъ великихъ писателей, то въ драмѣ и комедіи онъ совершенно оригиналенъ, при чемъ какъ въ разсказахъ, такъ и въ драматическихъ произведеніяхъ онъ по прежнему является изобразителемъ все той-же будничной жизни съ ея пошлостью мелочностью и суетностію. Первымъ крупнымъ драматическимъ произведеніемъ Чехова былъ „Ивановъ“,—пьеса, впрочемъ, не имѣвшая успѣха на сценѣ. Что-же касается „Дяди Вани“, „Чайки“ и „Трехъ сестеръ“, то они имѣли выдающійся успѣхъ, а первому представленію послѣдней его драмы „Вишневый садъ“ суждено было обратиться въ грандіозное чествованіе Антона Павловича. Въ 1890 г. Чеховъ отправился на Сахалинъ, и вынесенныя имъ изъ этой интересной поѣздки впечатлѣнія имѣли живой отголосокъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Русской Мысли“, которыя потомъ появились отдѣльнымъ изданіемъ („Островъ Сахалинъ“). Съ начала 1903 г. Антонъ Павловичъ вошелъ въ составъ редакціи журнала „Русская Мысль“. Въ 1900 г. при первыхъ-же выборахъ въ Пушкинское отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ онъ, вмѣстѣ съ графомъ Л. Н. Толстымъ, В. Г. Короленко и др., былъ избранъ почетнымъ академикомъ.

Заканчивая о фактической, такъ сказать, сторонѣ литературной дѣятельности А. П. Чехова, нахожу не безъинтереснымъ подчеркнуть наиболѣе интересное мѣсто въ отмѣченной уже въ іюльской книжкѣ нашего журнала чеховской „автобіографіи“, свидѣтельствующее, какъ далекъ великій писатель отъ пресловутой и столь модной „въ концѣ вѣка“ „несостоятельности науки“.

„Не сомнѣваюсь, — пишетъ Чеховъ,—занятія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность; они

Digitized by Google

значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ, мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. *Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ всегда держало меня настороже*, и я старался, гдѣ было возможно, соображаться съ научными данными, а гдѣ невозможно, предпочиталъ не писать новсе"... *Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу; и къ тѣмъ, которые до всего доходятъ своимъ умомъ, не хотѣлъ-бы принадлежать*"...

Знаменательныя строки, рѣшительно опровергающія стремленія извѣстнаго литературнаго лагеря признать его „своимъ"... Впрочемъ, объ этомъ ниже.

Послѣ поѣздки на Сахалинъ Антонъ Павловичъ много путешествовалъ по Западной Европѣ, но его постоянно тянуло на родину. Къ Петербургу, какъ онъ это мнѣ не разъ говорилъ, Чеховъ относился довольно холодно, но Москва была его любимымъ городомъ, въ которомъ онъ желалъ бы имѣть постоянное жительство. Но отъ этой завѣтной мечты пришлось отказаться, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, и постоянно жить, вмѣстѣ со старушкой-матерью, въ своей усадьбѣ подъ Ялтою, изрѣдка лишь наѣзжая въ Москву, гдѣ у него было такъ много друзей и гдѣ, наконецъ, его жена, даровитая артистка О. Л. Книпперъ, эанимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ знаменитой труппѣ не менѣе знаменитаго московскаго „Литературно-художественнаго кружка" (Станиславскаго),— того самаго театра, на сценѣ котораго такъ образцово ставились всѣ чеховскія пьесы.

Здоровье Антона Павловича было давно уже разстроено, и всѣмъ близкимъ людямъ было небезызвѣстно, что онъ страдаетъ чахоткой. Впрочемъ, какъ врачъ, Чеховъ и самъ зналъ свой тяжелый недугъ.

Уже въ самомъ началѣ 1904 года состояніе здоровья Антона Павловича значительно ухудшилось, такъ что въ первыхъ числахъ іюня, по совѣту врачей, онъ уѣхалъ, въ сопровожденіи своей жены Ольги Леонардовны, для лѣченія въ курортъ Баденвейлеръ (въ Германіи). Почти тотчасъ-же по пріѣздѣ онъ писалъ редактору „Русскихъ Вѣдомостей", что чувствуетъ себя превосходно...

„Здоровье мое поправляется, входитъ въ меня пудами, — писалъ Чеховъ, — ноги уже давно не болятъ, точно и не болѣли, ѣмъ я по многу и съ аппетитомъ; осталась только одышка отъ аневризмы и слабость отъ худобы, пріобрѣтенной мною за время болѣзни. Лѣчитъ меня здѣсь хорошій врачъ, умный и знающій. Это—д-ръ Schwören, женатый на нашей московской Ж-го. Badenweiler—очень оригинальный курортъ, но въ чемъ его оригинальность, я еще не уяснилъ себѣ. Масса зелени, впечатлѣніе горъ, очень тепло, домики и отели, стоящіе особнякомъ, въ зелени. Я живу въ небольшомъ особнякѣ — пансіонъ съ массой солнца (до 7-ми час. вечера) и великолѣпнымъ садомъ, платимъ 16 марокъ въ сутки за двоихъ (комната, обѣдъ, ужинъ, кофе). Кормятъ добросовѣстно, даже очень. Но воображаю, какая здѣсь скука вообще. Кстати, сегодня съ утра идетъ дождь, я сижу въ комнатѣ и слушаю, какъ подъ и надъ крышей гудитъ вѣтеръ"...

А черезъ три недѣли послѣ этого жизнерадостнаго письма Ольга Леонардовна Чехова телеграфировала редактору „Русскихъ Вѣдомостей", что супругъ ея 2 іюля, въ три часа ночи, внезапно скончался отъ упадка сердечной дѣятельности...

Изъ Баденвейлера прахъ покойнаго писателя, въ сопровожденіи

Digitized by Google

убитой горемъ жены, прослѣдовалъ черезъ Берлинъ и Петербургъ въ Москву. По несчастной случайности на Варшавскомъ вокзалѣ, въ Петербургѣ, его встрѣтили лишь газетные репортеры, да небольшая кучка почитателей, тоже случайно узнавшихъ о днѣ и часѣ прибытія въ сѣверную столицу праха дорогого писателя. Здѣсь съ Чеховымъ чуть не случилось обычная у насъ, на Руси, исторія, — исторія, свидѣтельствующая о томъ, какъ цѣнимъ и чтимъ мы великихъ людей, гордость и славу нашего отечества, особенно если они не занимаютъ оффиціальнаго положенія... Для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву гробъ Чехова, съ возложенными на него вѣнками, желѣзнодорожная администрація распорядилась было изъ заграничнаго вагона перенести въ грязный товарный вагонъ. Благодаря только личному вмѣшательству министра путей сообщенія М. И. Хилкова, случайно бывшаго на Варшавскомъ вокзалѣ и присутствовавшаго на панихидѣ по Чеховѣ, гробъ съ прахомъ великаго писателя отправился въ древнюю столицу въ томъ же вагонѣ, въ которомъ онъ прибылъ въ Петербургъ изъ-за границы.

9 іюля Москва, любимый городъ Антона Павловича,—городъ, въ которомъ онъ учился, въ которомъ провелъ лучшіе годы жизни, который первый оцѣнилъ его, какъ человѣка и писателя, въ которомъ онъ встрѣтилъ, въ лицѣ талантливѣйшей исполнительницы его же драматическихъ произведеній преданнѣйшую и безумно-любящую его подругу жизни,—Москва съ сосредоточенной торжественностію и глубокой скорбью приняла дорогой прахъ его и проводила въ мѣсто вѣчнаго упокоенія, и въ этихъ проводахъ мысленно участвовала не только вся мыслящая, но и вся начинающая мыслить Россія!

Онъ умеръ, „пѣвецъ нашихъ сумеречныхъ дней“, умеръ въ расцвѣтѣ умственныхъ силъ и таланта, можетъ быть, далеко еще не достигнувъ вершины доступнаго его духовной мощи совершенства... Злой недугъ тѣла подрѣзалъ силу души и работу мысли. Какъ и многое цѣнное и великое въ нашей странѣ, судьба сокрушила его жизнь въ тотъ самый моментъ, когда цѣнность этой жизни была установлена и когда надежда на еще большее была несомнѣнна...

Прослѣдивъ, на сколько это было для насъ доступно, всю жизнь Антона Павловича Чехова, въ ея наиболѣе важныхъ моментахъ, съ неизбѣжными, по нашему мнѣнію, отступленіями въ сторону, намъ остается подвести теперь итоги и опредѣлить: что онъ далъ, какое его положеніе въ отечественной литературѣ и какое его значеніе въ исторіи развитія нашей интеллектуальной и общественной жизни.

Нѣкоторые критики и публицисты извѣстнаго направленія ставятъ въ похвалу Чехову, что онъ былъ чуждъ учительства и проповѣдничества. По своей натурѣ и по характеру своего таланта, Чеховъ и не могъ, и не умѣлъ ни учительствовать, ни проповѣдывать, иными словами, въ немъ не было того, что такъ естественно и понятно въ такихъ беллетристахъ-публицистахъ, какъ Салтыковъ или Глѣбъ Успенскій, большихъ художникахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по свойству своей натуры и темперамента, не способныхъ объективно относиться къ явленіямъ жизни и потому стремившихся не только перечувствовать эти явленія, но изслѣдовать ихъ и даже указать, по ихъ мнѣнію, наиболѣе лучшіе способы борьбы съ тѣми изъ жизненныхъ явленій, которыя казались имъ идущими въ разрѣзъ съ основами человѣческаго счастья. Мало того, Чеховъ не могъ бы даже такъ анализировать жизнь и давать оцѣнку ея явленіямъ, какъ это дѣлаетъ Короленко въ своихъ произведеніяхъ, безъ всякаго ущерба для ихъ художественности. Не об-

Digitized by Google

ладая публицистическимъ даромъ и не будучи писателемъ-гражданиномъ,—въ послѣднемъ случаѣ уже въ силу субъективныхъ особенностей своей натуры,—онъ не примкнулъ ни къ одному опредѣленному направленію, а оставался въ теченіе всей своей литературной дѣятельности исключительно такъ называемымъ чистымъ художникомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ тѣмъ чистымъ художникомъ, какъ понимаются чистые художники у насъ публицистами извѣстнаго литературнаго лагеря. Выйдя изъ здоровой среды простого народа, гдѣ мечтательность и отвлеченность, какъ-бы онѣ не были красивы, не понимаются и не признаются, гдѣ взглядъ на жизнь простъ и весьма серьезенъ, иногда до аскетизма, воспитанный въ строгой, трудовой и практической обстановкѣ, онъ не могъ, уже въ силу ихъ практической непроизводительности, обратиться въ пѣвца однѣхъ лишь красотъ природы, пріятныхъ или непріятныхъ, можетъ быть, и весьма тонкихъ ощущеній, онъ не могъ рисовать картины нехарактерной или исключительной жизни отдѣльныхъ лицъ, безъотносительно, живутъ-ли они въ Россіи или въ центральной Африкѣ, въ концѣ ли XIX вѣка или во времена Рамзеса Великаго... Впрочемъ, въ началѣ своей литературной дѣятельности, на которую онъ самъ еще не смотрѣлъ серьезно и когда онъ былъ лишь жизнерадостнымъ и беззаботнымъ юношей, онъ, пожалуй, приближался къ такому типу чистаго художника. Вѣроятно, его талантливое легкомысліе, его неподражаемый юморъ, такъ ярко проявляющійся даже въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ и свидѣтельствовавшій о незаурядномъ дарованіи, и привлекли къ нему симпатіи вообще не терпимаго даже къ крупнымъ талантамъ извѣстнаго литературнаго лагеря, смотрящаго на чистое искусство съ своеобразной „русской“ точки зрѣнія. Вслѣдствіе наслѣдственно и воспитаніемъ усвоеннаго взгляда на жизнь, а также серьезнаго, строго-научнаго образованія, которое дается медицинскимъ факультетомъ, онъ не сдѣлался пѣвцомъ красотъ природы, золотыхъ грезъ и отвлеченныхъ радостей и горя и не могъ навсегда остаться безпредметнымъ шутникомъ-юмористомъ, увеселяющимъ своимъ балагурствомъ сытыхъ людей.... А вмѣстѣ съ тѣмъ, когда жизнь открыла ему глаза на дѣйствительность и сильно охладила его жизнерадостность, онъ, какъ вышедшій не изъ болѣзненно-барской, а здоровой и трудовой среды, какъ умный и честный человѣкъ, не могъ уже смѣяться ради смѣха, когда жизнь даетъ лишь матерьялъ для плача или негодованія... По тѣмъ-же причинамъ онъ не могъ принять программу и „русской“ точки зрѣнія на чистое искусство, заключающейся въ томъ, чтобы такъ называемый чистый художникъ, служа искусству для искусства, въ сущности щекоталъ буржуазные нервы или содѣйствовалъ пищеваренію сытаго желудка. Впрочемъ по той же „программѣ“, если художникъ, наскучившись смѣяться или вдохновенно бряцать на лирѣ, проявитъ желаніе приподнять завѣсу и взглянуть на дѣйствительную жизнь, то это ему не возбраняется, лишь-бы онъ изображалъ эту жизнь „какъ она есть“, не мудрствуя лукаво... Въ сущности требованіе вполнѣ законное, но только дѣло-то въ томъ, что программа „русской“ точки зрѣнія подъ опредѣленіемъ „какъ она есть“ разумѣетъ не то, что художникъ постигнетъ своимъ художественнымъ чутьемъ и создастъ во имя свободнаго творчества, а то, что полагается изобразить тою-же программою. Вообще представители извѣстнаго литературнаго лагеря противъ „направленства“ въ художественныхъ произведеніяхъ, но коль скоро „направленство“, какъ я уже ранѣе это говорилъ, соотвѣт-

Digitized by Google

ствуетъ ихъ стремленіямъ и задачамъ, то они находятъ, что это такъ и быть должно...

Возвратимся, однако, къ творчеству Чехова. Чеховъ, повторяемъ, былъ чистый художникъ безъ малѣйшей тѣни публицистики, не учительствующій, не проповѣдующій, не анализирующій даже, не подводящій въ своихъ произведеніяхъ никакихъ итоговъ изображаемымъ имъ явленіямъ жизни. Во всѣхъ его произведеніяхъ вы почти не чувствуете присутствія художника, вы лишь видите набросанныя его мастерской кистью картины. Но не зная его мнѣнія объ изображаемомъ имъ, вы невольно, помимо вашихъ субъективныхъ впечатлѣній отъ этого изображаемаго, поддаетесь какому-то чувству тихой грусти и, только мало-мальски вдумавшись, вы начинаете понимать, что эта-то тихая грусть и есть то единственное субъективное, которое передается вамъ отъ автора. И эта тихая чеховская грусть способна дѣйствовать на читателя сильнѣе любого горячаго и желчнаго обличенія. Она свидѣтельствуетъ, что авторъ стоитъ не въ сторонѣ, подобно бичующему человѣческія страсти и слабости пророку Іереміи, а среди изображаемыхъ имъ людей, онъ радуется ихъ радостями, онъ плачетъ ихъ слезами, онъ болѣетъ за нихъ... А болѣть есть за что! Безсиліе смутныхъ порывовъ, жажда свѣтлыхъ идеаловъ, ничтожество тѣхъ интересовъ, среди которыхъ приходится жить, угрюмая озлобленность стариковъ, пережившихъ свои вѣрованія, вялая анемичность молодежи, не знающей своей дороги, то отчаянная вспышка, то жалкія безсильныя рыданія, на мигъ, на одинъ только мигъ румянецъ силы и страсти и тотчасъ-же понуренная голова и опущенныя руки,— вѣдь это тотъ самый ужасъ, который еще такъ недавно переживала, да и теперь отчасти переживаетъ значительная часть русской интеллигенціи! Авторъ ни слова не говоритъ намъ объ этомъ, но мы сами, вдумавшись въ его произведенія, невольно оглядываемся назадъ и начинаемъ понимать, что весь этотъ кошмаръ — наслѣдіе „конца вѣка“ и. главнымъ образомъ, тѣхъ самыхъ 80-тыхъ годовъ, когда большинство русскихъ интеллигентныхъ людей, послѣ періода надеждъ и даже твердой увѣренности,—хотя и тогда общественная жизнь была далеко не красна,— вдругъ почувствовало свое банкротство передъ реальнымъ ходомъ исторіи, рѣзко и весьма ощутительно доказавшимъ, какъ безгранично-громадно разстояніе между идеалами интеллигенціи и мрачно-сѣрымъ, безпросвѣтнымъ фономъ живой русской дѣйствительности....

Такимъ образомъ, какъ Гоголь далъ намъ картину нравовъ русскаго общества 20 и 30-хъ годовъ, Тургеневъ—40, конца 50, 60 и частью 70-хъ, такъ точно и Чеховъ обрисовалъ настроеніе значительной части русской интеллигенціи „конца вѣка“ и отчасти первыхъ годовъ XX столѣтія. Интересно, что эти три бытописателя русской жизни почти за цѣлое столѣтіе дали намъ по преимуществу одни только отрицательные типы. У Гоголя мы встрѣчаемъ однихъ лишь пошляковъ, чудаковъ и негодяевъ, у Тургенева, главнымъ образомъ „лишнихъ людей“, у Чехова опять-же „лишнихъ людей“ или тѣхъ-же, что и у Гоголя пошляковъ и чудаковъ.... Впрочемъ, у Тургенева встрѣчаются и положительные типы, въ особенности среди женщинъ; встрѣчаются они и у Чехова, но это—самые обыкновенные смертные, которые упорно, хотя и незамѣтно, проводятъ въ жизнь добрыя начала, которыми надѣлила ихъ судьба, напр., докторъ Астровъ въ „Дядѣ Вани“. Встрѣчаются положительные типы и у другихъ выдающихся русскихъ писателей этого длиннаго періода, но тѣмъ не менѣе преобладаніе отрицательныхъ типовъ надъ положительными въ

Digitized by Google

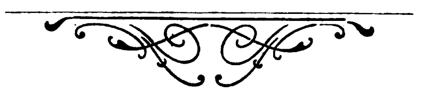
русской беллетристикѣ прямо поразительное! Несомнѣнно, что въ основѣ русской жизни лежатъ такія условія, которые содѣйствуютъ этому печальному явленію, при чемъ, за незначительными видоизмѣненіями, условія эти въ сущности одинаковы, какъ въ 20, 30 и 40-хъ годахъ, такъ и „въ концѣ вѣка". Есть отъ чего придти въ отчаяніе и усумниться въ предсказаніи Короленки, что „впереди все таки огоньки"...

Впрочемъ, въ послѣднихъ произведеніяхъ Чехова, какъ и вообще во всей русской жизни, чувствуется уже робкая надежда... А онъ былъ чуткій писатель! Постараемся-же положиться на эту надежду, несмотря на то, какъ-бы злобно не хохотало надъ нами прошлое, въ которомъ такъ много похоронено несбывшихся надеждъ... Итакъ будемъ не только надѣяться и вѣрить, но и работать, чтобы надъ захолодавшейся землей взошло яркое солнце. И яркіе, теплые лучи его разгонятъ паразитовъ, блаженствующихъ лишь во мракѣ, и согрѣютъ они не только сильныхъ, бдящихъ на стражѣ, но и „лишнихъ" и „бывшихъ" людей, а вмѣстѣ тѣмъ просвѣтятъ и дадутъ вздохнуть полной грудью подавленнымъ вѣковой тьмой, тѣмъ въ сущности крѣпкимъ и здоровымъ, какъ сталь, „низамъ", которые давали „то и знай", подобныхъ Чехову, Горькому, Кольцову, Ломоносову и многимъ другимъ великимъ „простецамъ"

Столько славныхъ, благородныхъ,
Чистыхъ любящей душой
Посреди пустыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой..

И воспрянутъ „лишніе и бывшіе" люди, и найдутъ въ жизни и свой трудъ, и свою долю. И не станутъ биться въ страшныхъ нравственныхъ мукахъ среди пошлой обыденщины милыя, симпатичныя „три сестры". Свалится гора съ ихъ плечъ, просвѣтлѣютъ ихъ истомившіяся сердца, и не надо имъ рваться туда, въ даль, „гдѣ насъ нѣтъ", „въ Москву, въ Москву"... Найдется имъ самостоятельная, хорошая работа по сердцу и тамъ, гдѣ онѣ изнывали въ тоскѣ и безплодно тратили свои силы, остававшіяся безъ примѣненія, и встрѣтятъ ихъ избранники, не пьяные и истрепанные неврастеники, а бодрые, свѣжіе, энергичные... и пойдутъ онѣ съ ними рука объ руку на самостоятельный, свободный, любимый трудъ, чтобы завоевать и для себя, и для своего грядущаго потомства такъ жадно желаемое счастіе, — эту конечную цѣль человѣческихъ стремленій.... Но какъ-бы ни были широки открывшіеся передъ ними горизонты, пусть онѣ иногда оглядываются туда, назадъ, на оставшееся позади прошлое. Много тамъ ужаса, много жертвъ, но тамъ остались тѣ, которые своимъ умомъ, талантами, трудами, любовью, страданіями сковали фундаментъ для грядущаго счастія. И вотъ предъ ихъ умственными очами изъ туманной дымки прошедшаго возстанутъ свѣтлыя тѣни Радищева, Пушкина, Гоголя, „неистоваго" Виссаріона, Тургенева и многихъ другихъ, а въ томъ числѣ и грустный образъ Антона Чехова, показавшаго язвы, но и подавшаго робкую надежду... Но не смутится духъ ихъ, если вдругъ среди этихъ великихъ образовъ выглянетъ искаженное человѣконенавистничествомъ лицо какого-нибудь Булгарина,... Сынамъ мрака не потушить на небѣ яркаго солнца среди сіянія ликующаго дня...

Николай Васильевъ.

Digitized by Google

Географія.

Ущелье смерти. Современная наука о землѣ не чужда поэзіи. Древніе особенно мрачные уголки на землѣ считали за входъ въ подземное царство тѣней, и еще до сихъ поръ нѣкоторыя мѣста на землѣ сохранили названія, имѣющія почти такое же значеніе.

Въ этомъ отношеніи болѣе всего знаменита „Долина смерти" на островѣ Явѣ. Гораздо рѣже приходится слышать объ „Ущельѣ Смерти" въ полномъ чудесъ Іоллостонскомъ Національномъ Паркѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, который заключаетъ въ себѣ столько достопримѣчательностей, какъ ни одинъ другой уголокъ земли. Находящееся тамъ „Ущелье смерти" было впервые открыто въ 1888 году д-ромъ Видомъ (Weed), чиновникомъ геологическаго института для изслѣдованія страны Соединенныхъ Штатовъ. Видъ нашелъ тогда въ ущельи трупы пяти медвѣдей, одного оленя—вапита, множество мелкихъ млекопитающихъ и массу насѣкомыхъ въ различныхъ стадіяхъ разложенія. Ни на одномъ изъ этихъ животныхъ нельзя было бы обнаружить слѣдовъ насильственной смерти, и гибель ихъ повидимому была обусловлена отравленіемъ ядовитыми газами. Почти десять лѣтъ спустя другой изслѣдователь нашелъ въ ущельи — трупы восьми медвѣдей, но тайна, окутывающая роковое ущелье, все же не была еще раскрыта.

Уже нѣкоторые начинали сомнѣваться въ прежнихъ сообщеніяхъ, тогда какъ другіе допускали, что ядовитая атмосфера ущелья по временамъ очищается сильными ливнями и весенними разливами. Въ настоящее время д-ръ Трафагенъ основательно нѣсколько разъ изслѣдовалъ „Ущелье Смерти" и результаты своихъ наблюденій сообщилъ въ ежемѣсячномъ журналѣ „Science".

Въ первый разъ онъ нашелъ, какъ и большинство его предшественниковъ, огромное количество труповъ животныхъ въ роковомъ ущельи и замѣтилъ сильный запахъ сѣроводорода. Онъ рѣшилъ поэтому въ ближайшее посѣщеніе захватить съ собою аппараты для опредѣленія образующихся въ долинѣ газовъ. При вторичномъ его посѣщеніи этого мѣста запахъ оказался еще рѣзче, и серебряныя монеты, бывшія въ его карманахъ, почернѣли отъ дѣйствія газа. Имъ было установлено, что воздухъ вблизи почвы ущелья содержитъ свыше 10% угольной кислоты и сильные слѣды сѣроводорода и что газы эти выходятъ изъ расщелинъ скалъ по склонамъ пропасти. Газъ, выходившій изъ расщелинъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 50% угольной кислоты и одного процента сѣроводорода, хотя непре-

Digitized by Google

рывно черезъ ущелье дулъ довольно сильный вѣтеръ и не разъ выпадалъ дождь. Составъ вытекающаго изъ расщелинъ газа оказался такимъ, что даже крупныя животныя должны были задыхаться на днѣ пропасти, въ особенности, когда воздухъ въ ущельяхъ былъ спокоенъ и газы не такъ быстро смѣшивались съ болѣе чистымъ воздухомъ.

Вопросъ о степени ядовитости сѣроводорода еще не можетъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ. Прежніе опыты показываютъ, однако, что даже при содержаніи его отъ 1—3 тысячныхъ частей въ атмосферѣ животное погибаетъ, задыхаясь при воспаленіи легкихъ и судорогахъ.

Отравленіе, вѣроятно обусловливается быстрымъ распаденіемъ красныхъ кровяныхъ тѣлецъ. Является ли сѣроводородъ въ смѣси съ значительными количествами угольной кислоты еще болѣе ядовитымъ— подлежитъ еще дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Д-ръ Трафагенъ нашелъ въ ущельи трупы двухъ медвѣдей, нѣсколькихъ оленей, трехъ птицъ, различныхъ насѣкомыхъ, бабочекъ, мухъ и ихъ личинокъ. Присутствіе мертвыхъ личинокъ было особенно интересно, такъ какъ позволяло заключать о перерывахъ въ ядовитомъ дѣйствіи газовъ. Послѣ смерти крупныхъ животныхъ, повидимому наступало нѣкоторое очищеніе воздуха, которое позволяло нетолько класть мухамъ свои яички на трупы, но и дѣлало возможнымъ развитіе изъ этихъ яичекъ личинокъ, пока новый ядовитый токъ не убивалъ ихъ. Изслѣдователю попадались въ пещерѣ и живыя мухи. Когда онъ подносилъ ихъ къ расщелинѣ, изъ которой выдѣлялся газъ, онѣ погибали въ теченіе шести секундъ. Характеръ мѣстности необыкновенно мраченъ и производитъ сильное впечатлѣніе. Склоны ущелья такъ круты, что одному человѣку едва ли можно было бы взобраться по нимъ. Это, конечно, очень способствуетъ скопленію газовъ въ ущельи. Для человѣка атмосфера „Ущелья Смерти" повидимому не является опасной для жизни, однако, при всѣхъ опытахъ можно было обнаружить явленія отравленія.

Ботаника.

Лабораторія въ пустынѣ для изученія растеній. Исходя изъ той мысли, что наблюденія, производимыя въ теченіе долгаго времени на одномъ мѣстѣ, необыкновенно важны въ особенности при изученіи жизни растеній, Институтъ Карнеджи въ Вашингтонѣ, которому Америка уже обязана цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ научныхъ учрежденій, выработалъ теперь планъ устройства лабораторіи въ самомъ сердцѣ пустыни для изслѣдованія растительнаго міра западно-американскихъ пустынь. При этомъ надо принять во вниманіе, что флора пустынь далеко не такъ бѣдна, какъ это обычно себѣ представляютъ; кромѣ кустарниковъ, тамъ существуетъ еще цѣлый рядъ болѣе мелкихъ однолѣтнихъ растеній, интересныхъ особенно своими приспособленіями въ строеніи и образѣ жизни къ необыкновенной сухости и уклоняющемуся отъ обычнаго химическому составу почвы (почти чистая гипсовая почва или же преобладаніе въ содержаніи сѣрнокислыхъ солей). Изслѣдователямъ предстоитъ тамъ сдѣлать предметомъ своихъ тщательныхъ изученій всю своеобразную флору, прослѣдить замѣчательную упорную борьбу между проростающими кустарниками и холмами переноснаго песка и ближе подойти къ вопросу, подверглись ли всѣ эти растенія измѣненіямъ здѣсь подъ вліяніемъ почвы и климата, илн же они переселенцы изъ мѣстъ очень сходныхъ по своимъ условіямъ съ ихъ теперешнимъ мѣстообитаніемъ. Кромѣ того, здѣсь еще должно быть изучено отношеніе дождя къ жизни растенія (за-

Digitized by Google

пасеніе воды растеніемъ на время засухи) и наконецъ будетъ произведено сравнительное изслѣдованіе растеній пустынь и ихъ родичей стараго свѣта.

Окончательный выборъ мѣста для лабораторіи упалъ на окрестности города Тесконъ-Аризона, станцію Южной Тихоокеанской желѣзной дороги, удаленную отъ С.-Франциско на 30 часовъ ѣзды скораго поѣзда; рѣшающимъ въ пользу этого мѣста было то обстоятельство, что климатъ здѣсь довольно сносенъ, окружающія пустыни легко доступны въ виду пролеганія здѣсь желѣзнодорожнаго пути, а растительный міръ вслѣдствіе холмистаго, мѣстами гористаго характера почвы представляетъ большое разнообразіе. Въ двухъ миляхъ отъ города, на подаренномъ имъ участкѣ устроена эта лабораторія, соединенная съ городомъ дорогой, водопроводомъ, электрическими проводами для освѣщенія и двигателей и телефономъ. Такимъ образомъ работающимъ въ лабораторіи пребываніе въ пустынѣ не должно показаться слишкомъ тяжелымъ. Она будетъ находиться подъ руководствомъ извѣстнаго ботаника (д-ръ Каннонъ изъ Нью-Іорка), снабжена всѣми вспомогательными средствами ботаническаго изслѣдованія и богатой библіотекой; можно надѣяться, что работы ея значительно обогатятъ ботаническую науку; иностранные ученые охотно допускаются и встрѣтятъ тамъ радушный пріемъ.

Этнографія.

Какіе европейскіе писатели читаются въ Японіи. Ввиду глубокаго вліянія, оказаннаго культурою странъ Запада на развитіе современной Японіи, весьма интересно установить, какіе изъ европейскихъ писателей болѣе всего читаются въ Японіи и такимъ образомъ сдѣлали своей вкладъ въ идеи стремящейся къ развитію страны. Въ журналѣ „Harpers Weekly" японецъ Кіихи Канеко приводитъ такой списокъ наиболѣе читаемыхъ иностранныхъ книгъ. Сначала наибольшее вліяніе на японскую умственную жизнь оказывала широко распространенная китайская литература, а первымъ европейскимъ языкомъ, проникшимъ въ Японію, былъ голландскій. Теперь-же распространены и изучаются въ высшихъ школахъ англійскій, французскій и нѣмецкій. Англійскую литературу популяризуетъ въ особенности профессоръ Гуцо Цубухи; онъ перевелъ шекспировскія пьесы „Отелло", „Макбетъ" и „Венеціанскій купецъ". Болѣе всего изъ англійскихъ писателей извѣстенъ Карлейль; много читаютъ также Маколея. Эмерсонъ, Милль, Спенсеръ также находятъ много почитателей. Изъ поэтовъ наиболѣе любимы Теннисонъ, Лонгфелло, Вордсвортъ, Байронъ и Мильтонъ. „Давидъ Копперфильдъ" Диккенса былъ уже давно переведенъ, но не цѣликомъ; недавно переведена книжка Беллами „Будущій вѣкъ". „Хижина дяди Тома" Бичеръ Стоу и „Прогрессъ и бѣдность" Генри Джорджа переводятся въ настоящее время.

Въ Японіи въ настоящее время человѣкъ, совершенно не знающій нѣмецкаго языка, не считается образованнымъ. Первымъ познакомившимъ японцевъ съ нѣмецкой литературой былъ д-ръ Ринтара Мори; онъ основалъ союзъ любителей нѣмецкой литературы — общество Сигарами. По иниціативѣ этого общества были сдѣланы переводы „Страданій Вертера", „Натана Мудраго" и первой части „Фауста". Въ послѣднее время немало интереса возбудила тамъ философія Ницше. Въ широкихъ кругахъ читаютъ также Ибсена, Бьернсена, Іокая и Сенкевича. Изъ произведеній Толстого переведены не только „Анна Каренина", „Крейцерова соната" и „Хозяинъ и работникъ", но также его историческія и этическія сочиненія, какъ „Моя вѣра", „Исповѣдь" и т. д.

Digitized by Google

„Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго десять лѣтъ тому назадъ переведено японцемъ Ноанухида подъ заглавіемъ „Раскольниковъ“. Въ настоящее время въ Японіи можно услышать о Чеховѣ и о Горькомъ. Что касается французской литературы, то „Общественный договоръ“ Руссо былъ первымъ произведеніемъ, внесшимъ въ Японію идеи гражданскаго равенства и свободы. Это произведеніе оказало сильное дѣйствіе на возрожденіе Японіи. „Общественный договоръ“ главнымъ образомъ придалъ характеръ первой возникшей въ Японіи политической партіи „Іиюто“. Вообще-же французская литература не встрѣчаетъ большого сочувствія въ Японіи; нѣсколько романовъ Виктора Гюго и Зола, два—три разсказика Мопассана—вотъ и все, что переведено на японскій языкъ. Какъ велико въ нынѣшней Японіи стремленіе къ образованію, показываетъ тотъ фактъ, что Японія по числу издаваемыхъ книгъ приближается къ странѣ съ такой старой культурой, какъ Германія.

Медицина и гигіена.

Болѣзненный сонъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ Восточной Африки. „Кельнской народной газетѣ“ пишутъ въ концѣ февраля нынѣшняго года съ западнаго берега Викторіи-Ніанда. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ врачъ д-ръ Фельдманъ сообщалъ о больныхъ этою странной болѣзнью. Въ госпиталѣ въ Букобѣ было въ это время 21 человѣкъ больныхъ сонливостью; всѣ они заразились въ Ніандѣ.

Инкубаціонный періодъ этой болѣзни часто тянется очень долго, иногда по нѣсколько лѣтъ. Наиболѣе вѣроятною причиною этой болѣзни считаютъ простѣйшее животное protozoon Trypanosoma Ugandense, открытое Кастеллани въ крови и въ цереброспинальной жидкости субъектовъ, погибшихъ отъ этой болѣзни; во всѣхъ изслѣдованныхъ случаяхъ д-ру Фельдману удалось также установить присутствіе трипанозомы. Промежуточнымъ хозяиномъ и переносчикомъ трипанозомы считается одинъ видъ мухи це-це, Glossina palpalis.

Тщательныя изслѣдованія до сихъ поръ установили, что этой мухи нѣтъ въ округѣ Букоба. Если она не перекочуетъ сюда, то для Букобы не существуетъ никакой опасности въ заносѣ болѣзни. Кромѣ того весь берегъ озера за исключеніемъ долины Кагера и мѣстности вблизи залива Эмина-паши, повидимому, не благопріятенъ для этой мухи. Во всякомъ случаѣ въ Букобѣ больные помѣщены въ изолированное зданіе, ибо при современномъ состояніи вопроса нельзя еще знать, передается ли эта болѣзнь отъ человѣка къ человѣку или нѣтъ. Все сообщеніе съ Угандой подвергается тщательной обсерваціи, чтобы изолировать больныхъ въ каждомъ подозрительномъ случаѣ. Болѣзнь во всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ случаяхъ оканчивалась смертью; втеченіе двухъ мѣсяцевъ изъ 21 больныхъ умерло 18 человѣкъ; въ настоящее время въ лазаретѣ остается еще трое. Благодаря своевременной присылкѣ необходимыхъ приспособленій для бактеріологическаго изслѣдованія д-ръ Фельдманъ былъ въ состояніи подвергнуть болѣзнь серьезному научному изслѣдованію.

Психологія.

Экспериментальныя изслѣдованія ассоціаціи представленій. Артуръ Врешнеръ, приватъ-доцентъ по кафедрѣ философіи въ Цюрихѣ, произвелъ болѣе 20.000 опытовъ надъ образованными и необразованными людьми обоего пола, а также и надъ дѣтьми. Лицамъ, подвергавшимся изслѣдованію, говорили или показывали (написанными) слова (такъ называемые слова-возбудители) разнообразнѣйшаго значенія, какъ, напр.,

Digitized by Google

„бѣлый“, или „столъ“, или „государство“, „идти“, — и они должны были говорить въ отвѣтъ первое пришедшее въ голову слово. Ихъ внутреннія переживанія въ теченіе процесса ассоціированія постоянно записывались тутъ-же; время, которое протекало между произнесеніемъ или показываніемъ слова—возбудителя и отвѣтомъ, измѣрялось посредствомъ Гипповскаго хроноскопа (особеннымъ образомъ устроенные часы) съ точностью до одной тысячной секунды. Врешнеръ пока ограничивается сообщеніемъ результатовъ, полученныхъ по отношенію ко времени, которое требовалъ ассоціаціонный процессъ. Оказалось, во 1-хъ, что это время *короче при произнесеніи* слова — возбудителя (акустическій способъ), чѣмъ *при показываніи* его (зрительный способъ). Важную роль играла грамматическая форма слова—возбудителя: когда это было абстрактное имя существительное, напр.: „воля“, тогда это время было самымъ продолжительнымъ, *необразованныя лица* быстрѣе всего давали отвѣтъ, когда слово—возбудитель было глаголомъ, напр.: „дѣлать“, *образованные* же скорѣе всего отвѣчали на прилагательныя, напр.: „теплый“. Вообще-же вліяніе на быстроту отвѣта степени развитія лица играло такую значительную роль, что *необразованные* нуждались для отвѣта въ почти *вдвое большемъ промежуткѣ времени*, чѣмъ *образованные*; наибольшее время для отвѣта требовалось у дѣтей. Внутри названныхъ четырехъ классовъ слово-возбудителей Врешнеръ различалъ по содержанію многочисленныя группы. Полъ испытуемаго лица оказывалъ вліяніе аналогичное ступени образованія: *мужчины ассоціировали быстрѣе, чѣмъ женщины.*

Если тоже самое слово—возбудитель повторялось лицу, подвергавшемуся опыту черезъ промежутокъ времени по крайней мѣрѣ въ 7 дней, то при первомъ повтореніи среди 100 отвѣтовъ было около 60 новыхъ отвѣтовъ сравнительно съ предъидущимъ опытомъ, и даже при восьмомъ повтореніи было еще около 20 совершенно новыхъ отвѣтовъ; число новыхъ отвѣтовъ вообще было наибольшимъ при словахъ-возбудителяхъ изъ области *абстрактныхъ* понятій и наименьшимъ для именъ прилагательныхъ.

Если теперь взять отношеніе числа повтореній какого-либо слова къ общему числу случаевъ, когда это слово могло быть произнесено въ видѣ отвѣта, то оказывается, что это отношеніе является наименьшимъ для перваго отвѣта и наибольшимъ для послѣдняго. Напримѣръ въ теченіе 20 недѣль каждые восемь дней произносилось испытуемому лицу слово-возбудитель „бѣлый“; если первый отвѣтъ было слово „черный“, во второй разъ отвѣтомъ было „цвѣтъ“, въ третій разъ слово „синій“, — то втеченіе слѣдующихъ 17 недѣль чаще всего повторялось слово „синій“ и рѣже всего отвѣтъ „черный“.

При другомъ рядѣ опытовъ испытуемому лицу не предоставлялся свободный выборъ отвѣта, но предлагалось давать отвѣтъ опредѣленнаго рода, напримѣръ, противоположность (контрастъ), или подчиненность, или часть и т. д. всего 26 различныхъ категорій. Оказалось, что быстрѣе всего получался отвѣтъ, когда требовалось назвать контрастъ, напр. на слово „бѣлый“— „черный“ и медленнѣе всего называлась причина, напр. „магнитность“ при словѣ „притяженіе“. Время потребное для какого-либо рода саcоціаціи повидимому короче, когда эта ассоціація выбирается свободно, чѣмъ тогда когда, требуется опредѣленный родъ ассоціаціи. Такъ напримѣръ одному лицу требовалось въ среднемъ $1^1/_{10}$ секунды для отвѣта самостоятельно избраннаго контраста; если-же оно должно было отвѣтить какимъ-либо опредѣленнымъ контрастомъ — то ему нужно было въ среднемъ $1^8/_{10}$ секунды.

Digitized by Google

Наконецъ, Врешнеръ сообщилъ еще результаты двухъ такъ называемыхъ массовыхъ опытовъ. При нихъ каждый разъ студентамъ и студенткамъ въ количествѣ около 30 человѣкъ произносилось въ качествѣ словъ-возбудителей подрядъ другъ за другомъ по пяти прилагательныхъ, конкретныхъ (предметныхъ) именъ существительныхъ, абстрактныхъ (отвлеченныхъ) и глаголовъ, отвѣты-же должны были записываться сейчасъ-же за каждымъ словомъ-возбудителемъ; время-же при этомъ конечно не измѣрялось. Отвѣты различныхъ лицъ отличаются между собой больше всего при отвлеченныхъ словахъ-возбудителяхъ и менѣе всего при именахъ прилагательныхъ. Такъ напримѣръ при словѣ-возбудителѣ „угóльный“ (прилагательное отъ уголъ) ото всѣхъ 30 человѣкъ получилось только 10 группъ различныхъ отвѣтовъ (между ними двѣнадцать разъ слово „круглый“, четыре раза „столъ“, три раза „четырехугольный“ и т. д.), на слово-возбудитель „умъ“ („Verstand“), наоборотъ, получилось 22 различныхъ отвѣта (между прочимъ шесть разъ слово „разумъ“ (Vernunft), по одному разу отвѣты: „Кантъ“, „логика“, „мышленіе“, „даръ божій“ и т. д.). Отвѣты женщинъ обнаруживали большее разнообразіе, чѣмъ отвѣты мужчинъ.

Результатами своихъ опытовъ Врешнеръ воспользовался для разнообразныхъ выводовъ, для чего онъ поступаетъ такъ: отвѣтъ на какое-либо слово-возбудитель считалъ за единицу, если отвѣтъ этотъ получился только отъ одного лица; за треть, если онъ былъ данъ тремя лицами; за одну десятую, если отвѣтъ давался десятью лицами, и за одну тридцатую, если этотъ-же отвѣтъ былъ данъ всѣми тридцатью лицами, и т. д. Когда такимъ образомъ, всѣмъ лицамъ одновременно произносилось одно за другимъ 100 словъ-возбудителей и одно лицо, напримѣръ, постоянно произносило отвѣты, которые уже не давались болѣе никѣмъ другимъ, другое-же лицо давало такіе отвѣты, которые повторялись у третьяго испытуемаго лица — то отвѣты перваго лица считались за 100, второго-же и третьяго за 50. Такимъ образомъ оказалось возможнымъ установить для каждаго извѣстную *мѣру ихъ богатства словами и представленіями* или, если угодно, мѣру ихъ *оригинальности* или же по крайней мѣрѣ стремленія къ оригинальности. Во всякомъ случаѣ при этомъ оказались весьма значительныя индивидуальныя различія. Въ то время, какъ отвѣты наименѣе оригинальныхъ лицъ давали цифру 26 (по вышеприведенному способу оцѣнки), у наиболѣе оригинальныхъ это число достигало 85.

Digitized by Google

Очерки японской литературы *).

Если Японія до сихъ поръ является у насъ мало изученной страной, то Японская литература, ходъ ея историческаго развитія остается полной неизвѣстностью, даже на западѣ, гдѣ Японовѣдѣніе идетъ быстрыми шагами впередъ; на французскомъ, нѣмецкомъ и, въ особенности на англійскомъ языкѣ, имѣются капитальные труды, посвященные странѣ Восходящаго Солнца, но во всѣхъ этихъ трудахъ собственно японской литературѣ удѣлено лишь незначительное мѣсто. Сами японцы и до сихъ поръ еще не разобрались въ исторіи своей письменности, и единственной классической работой въ этой области является изслѣдованіе англійскаго профессора В. Г. Астона. Онъ былъ первымъ піонеромъ въ неизвѣстной области.

Вышедшая въ 1899 году одновременно въ Токіо и Нью-Іоркѣ книга Астона только теперь дождалась русскаго перевода. Напечатанная въ малораспространенныхъ „Извѣстіяхъ Восточнаго Института“ въ Владивостокѣ и въ видѣ отдѣльнаго оттиска поступившая только что въ продажу эта книга появляется какъ разъ во время въ минуту усиленнаго вниманія къ Японіи въ Россіи.

Профессоръ Японскаго языка Спальвинъ принялъ на себя редакціонную работу перевода и снабдилъ его примѣчаніями и объясненіями. Ему-же принадлежитъ кропотливая работа сличенія цитатъ съ Японскими первоисточниками.

I.

Исторія Японской литературы еще разъ подчеркиваетъ неподлежащій сомнѣнію фактъ древности культуры страны, культуры своеобразной и оригинальной, имѣющей свою эволюцію, свой самобытный путь, быть можетъ не вполнѣ понятный Европейцамъ.

Начало Японской литературы переноситъ насъ къ сѣдой старинѣ седьмого вѣка по Р. Хр.

Китай и Индія играютъ огромную роль въ исторіи Японіи вообще и въ исторіи литературы въ частности. Китайское вліяніе сказалось во всемъ: въ области религіи, моральныхъ идей, политическаго устройства языка и литературы; а изъ Индіи занесена была болѣе новая струя какъ противовѣсъ Конфуціанству—Буддизмъ.

Вліяніе этихъ двухъ странъ отразилось и на Японской литературѣ.

Тѣмъ не менѣе литература народа сумѣла сохранить въ себѣ признаки національнаго генія. Это—литература, по характеристикѣ Астона, „храбраго, вѣжливаго, веселаго, любящаго удовольствія, сантиментальнаго скорѣе, чѣмъ страстнаго, смѣшливаго и остроумнаго, быстро, но, не глубоко понимающаго народа; народа изворотливаго и изобрѣтательнаго, но врядъ-ли способнаго къ высшей интеллектуальной дѣятельности; народа, одареннаго воспріимчивымъ умомъ,

---

*) A. History ot Japanese Literature. By W. G. Aston. C. M. G. D. Lit., Late Japanese Secretary to H. M. Legation, Tokic. В. Г. Астонъ. Исторія японской литературы, переводъ съ англійскаго слушателя Восточнаго Института, подъесаула В. Мендрина, подъ редакціей и. д. профессора Е. Спальвина. Владивостокъ 1904 г.

Digitized by Google

жадностью къ знаніямъ, наклонностью къ чистотѣ и изяществу въ выраженіяхъ, но рѣдко или даже никогда не доходящаго до возвышенности въ этомъ отношеніи".

Первыя письмена были занесены Японцами изъ Китая. Первое знакомство съ исторіей литературы шло также отъ Китая. Такимъ образомъ для Японіи и вообще для странъ восточнаго міра Китай былъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ для Запада Греція и Римъ.

Древнѣйшимъ памятникомъ національной Японской литературы являются пѣсни, извѣстныя подъ именемъ „Кодзики" или „Нихонги".

Это—настоящія пѣсни первобытнаго народа и имѣютъ очень мало общаго съ поэзіей. Вотъ одна изъ такихъ военныхъ пѣсней, которыя распѣвались въ седьмомъ вѣкѣ Императорской Гвардіей:

— Ну! теперь наступило время;
Ну! теперь наступило время
Эй, эй! Полно!
Даже теперь,
Мои ребята!
Даже теперь,
Мои ребята!"

Памятникомъ древней прозы сохранились молитвы синтоистскимъ божествамъ. Это — моленіе объ урожаяхъ, объ избавленіи отъ стихійныхъ бѣдъ или гимны въ честь божества.

По странной случайности, Японская древняя проза является гораздо благозвучнѣе и поэтичнѣе, чѣмъ поэзія. Она заключаетъ въ себѣ поэтическіе элементы, тогда какъ поэзія размѣренныхъ строкъ полна прозаизмовъ. Вотъ и все, что уцѣлѣло въ предрасвѣтныхъ сумеркахъ литературной исторіи, заря которой всходила въ Нару 710 году послѣ Р. Х. Отсюда ведетъ начало осѣдлость японскаго народа, отсюда брежжетъ свѣтъ его исторіи.

Японскіе правители обыкновенно переносили свои резиденціи изъ города въ городъ, и въ Японской литературѣ установилось незыблемо дѣленіе на періоды въ зависимости отъ резиденціи правительства, потому что сама литература являлась не столько выразительницей взглядовъ цѣлаго народа, сколько горсточки людей, окружавшихъ микадо.

Это въ полномъ смыслѣ литература дворца и придворной знати, оторванная, далекая отъ народа.

Во время пребыванія микадо въ Нару является первая книга, написанная на японскомъ языкѣ отъ Кодзики, т. е. записи о дѣлахъ древности.

Языкъ „кодзики" представляетъ еще смѣсь китайскаго съ японскимъ, самая запись произведена со словъ нѣкоего Хіеда Но-Аре,—обладателя такой счастливой памяти, что „онъ могъ повторить своими устами все, что только видѣли его глаза, и удержать въ своемъ сердцѣ все, что только слышали его уши". Со словъ этого счастливца ученый Ясумаро и составилъ кодзики въ то время, когда Японскій языкъ еще не имѣлъ своихъ начертательныхъ знаковъ и пользовался китайскими іероглифами.

Но такъ какъ іероглифы, взятые изъ китайскаго языка, не вполнѣ подходили для передачи японскихъ словъ, то Ясумаро примѣнялъ іероглифы только въ качествѣ изобразителей звука, не обращая вниманія на ихъ значеніе. Въ результатѣ получилось пестрая смѣсь китайсскаго съ японскимъ. Тѣмъ не менѣе это собраніе легендъ и народныхъ сказаній пользуется до сихъ поръ почетной извѣстностью. Нарскій періодъ, называемый иначе золотымъ вѣкомъ японской литературы, былъ вѣкомъ преимущественно поэтовъ и не столько поэтовъ, сколько поэтессъ. Тѣ и другія выходили преимущественно изъ придворнаго круга, и вообще способность писать стихи была сильно развита въ высшемъ классѣ. Изъ стиховъ мало-по-малу составлялись сборники, которые собирались по повелѣнію Микадо. До новаго времени отъ этой эпохи дошло 122 тома подобной поэзіи.

Но что же представляютъ изъ себя эти стихи и Японская поэзія вообще?

Особенностью Японской поэзіи и ея характернымъ отличіемъ отъ Европейской является, во-первыхъ, то обстоятельство, что она преимущественно выразилась въ лирикѣ. Японцы совершенно не знаютъ большихъ поэмъ, и ихъ поэзія не имѣетъ никакого сходства съ западнымъ эпосомъ.

Лирика, по самому свойству предназначенная для выраженія непосредственныхъ душевныхъ ощущеній, встрѣтила особую любовь у японцевъ, какъ и тѣ „Милыя бездѣлки", въ которыхъ видное мѣсто отводится описаніямъ внѣшней природы.

Поэты воспѣваютъ волны, разбивающіяся на взморьѣ, пѣніе птицъ, жужжаніе насѣкомыхъ или прославляютъ любовь и вино, или тоскуютъ по поводу смерти.

Digitized by Google

Какъ на особую странность Японскихъ поэтовъ, можно указать на то, что воспѣтыя и перепѣтыя западными поэтами,—солнечный закатъ и звѣздное небо—совершенно не встрѣтили соотвѣтствующаго вдохновенія у Японскихъ поэтовъ.

Война и пѣсни воинственнаго характера совершенно отсутствуютъ въ Японской лирикѣ.

Фактура Японскаго стиха не допускаетъ никакихъ рифмъ; силлабическое стихосложеніе страдаетъ однотонностью, и единственный признакъ, отличающій поэзію отъ прозы, это послѣдовательное чередованіе строкъ, изъ которыхъ одна содержитъ пять, а другая—семь стопъ. Каждая строка оканчивается непремѣнно на гласную, а такъ какъ всѣхъ гласныхъ въ японскомъ языкѣ имѣется всего лишь пять, и всѣ гласныя одинаковой долготы, то сила и разнообразіе ритма очень ограничены. Для оцѣнки благозвучія японскаго стиха Астонъ приводитъ слѣдующее пятистишіе.

Идете инаба
Нуси наки ядо то
Нарипу то мо,
Но киба но уме іо,
Хару во васурапа.

Въ переводѣ это значитъ: „Когда изъ міра я уйду, хотя и безъ хозяина мой домъ останется, тогда ты, у края кровли, слѣва, своей весны не забывай“.

„Японская поэзія, говоритъ Астонъ, ограничена вообще во многомъ не только въ формахъ своихъ произведеній и содержаніи ихъ. Современный европейскій поэтъ не стѣсняется пользоваться произведеніями греческой и римской поэзіи, черпая оттуда поэтическіе образы; даже въ самомъ языкѣ его многое заимствовано изъ этого же самаго источника. Но японскіе поэты умышленно удерживались отъ пользованія въ такомъ смыслѣ единственной извѣстной имъ литературой. Что обработка языка и выборъ темъ въ нѣкоторой степени обязаны ихъ знакомству съ древней литературой Китая, объ этомъ врядъ ли можетъ быть вопросъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они даютъ слишкомъ мало внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно было судить объ этомъ. Хотя намекъ на китайскую литературу и исторію у нихъ и не вполнѣ отсутствуютъ, но они очень рѣдки, и пользованіе китайскими словами строго возбранено въ поэзіи классическаго типа“.

Это запрещеніе основано на коренномъ различіи фонетики обѣихъ языковъ. Что дозволено въ прозѣ, то по кодексу классической „піитики“ запрещено въ стихахъ.

Коротенькія стихотворенія, состоящія изъ пяти строфъ и называемыя „танками“, наболѣе популярны въ Японіи.

Это та же прославленная въ своемъ родѣ Японская миніатюра, въ которой японскіе художники и ремесленники сумѣли достигать поразительныхъ эффектовъ.

Наряду съ танки имѣется рядъ длинныхъ пѣсней Нага-ута; длиннота ихъ условная; и вдохновенію поэта здѣсь не поставленъ предѣлъ пятью строфами танка.

Главные недостатки, съ европейской точки зрѣнія, японскихъ поэтовъ заключаются въ умѣренной силѣ выраженія.

Японецъ не склоненъ къ олицетворенію неодушевленныхъ предметовъ; а олицетвореніе абстрактныхъ понятій ему совершенно не по плечу. Направленіе его ума скорѣе безличное.

Японскій поэтъ предпочитаетъ игру словъ игрѣ воображенія. Поэтическіе эпитеты повторяются одинаково у многихъ поэтовъ; и то, что у насъ выражается понятіемъ шаблона „заѣзжанныхъ эпитетовъ“, постоянность наоборотъ, у японцевъ пользуется почетомъ, какъ неувядаемый цвѣтъ риторики. Японскій поэтъ—символистъ по преимуществу. Его символы, непонятные и странные для европейскаго слуха, доставляютъ, однако, японцу „необъяснимое наслажденіе“. Такъ, вмѣсто неба, японскій поэтъ съ удовольствіемъ ставитъ: „вѣчно крѣпкое“. Блуждающую мысль онъ симвблизируетъ „утреннимъ туманомъ“. Китовая ловля для него является символомъ „моря“. Для восходящихъ на вершину Парнаса и желающихъ отправиться въ это путешествіе имѣются цѣлые словари символическихъ эпитетовъ. Японскіе поэты наиболѣе склонны къ параллелизму. Соотвѣтствіе въ словахъ, слѣдующихъ подъ строкою строфъ, имъ особенно приходится по душѣ.

„Страна Ямато имѣетъ много горъ (Ямато—Японія—горныя ворота), но несравненнѣе всѣхъ ихъ высокая Кагу-яма. Я стоялъ на вершинѣ ея и обозрѣвалъ все царство свое. Дымъ съ равнинъ поднимается въ воздухъ густыми столбами. Чайки съ равнинъ моря порывисто носятся въ выси. О, страна Яма-

Digitized by Google

то! Прекрасный Акицу-сима! Какъ дорогъ ты мнѣ!"

Съ помощью этихъ словарей можно легко сочинять танка. Въ Японіи, гдѣ искусство и ремесло сочетаются, какъ нигдѣ въ мірѣ, дружно, сочиняютъ танка почти всѣ, видя въ такомъ сочиненіи не безплодную графоманію, а соединеніе пріятнаго съ полезнымъ.

Одинъ изъ замѣчательныхъ поэтовъ эпохи Отомоно-Якамоци сложилъ тридцать танка въ похвалу саке (вину).

„Лучше, чѣмъ бесѣдовать, что было бы мудро, будетъ выпить саке, пока не заплачете пьяными слезами" высказываетъ въ одномъ танка поэтъ. Въ другомъ онъ поетъ: „болѣе чѣмъ могу сказать, болѣе чѣмъ могу указать, еще болѣе благородная вещь—это саке". Въ третьемъ изъ этихъ тридцати знаменитыхъ танка мысль поэта высказывается еще болѣе опредѣленно: „если бы случилось быть мнѣ чѣмъ нибудь инымъ, а не человѣкомъ, то хотѣлъ бы я быть кувшиномъ для саке,—и тогда бы я насосался бы въ волю"...

Весна является одной изъ самыхъ излюбленныхъ темъ для танка,—„Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, даже въ прозаическомъ переводѣ, вѣетъ неподдѣльной поэзіей простоты и искренности:

„Съ чѣмъ сравнить мнѣ нашу жизнь? спрашиваетъ поэтъ и отвѣчаетъ: Она похожа на ладью, что по зарѣ плыветъ впередъ и нѣтъ за ней слѣдовъ".

Или:

„Только пусть пусть твоя рука лежитъ въ рукѣ моей—что намъ до людскихъ рѣчей—хотя бы много было ихъ, какъ лѣтней зелени въ лугахъ".

Золотой періодъ японской, литературы былъ золотою порою для японской женщины. Свободная отъ всякихъ стѣсненій она предавалась занятіямъ искусствами и поэзіей.

Поэзія мало-по-малу утрачивала важное значеніе и всецѣло дѣлалась достояніемъ женскаго круга. Мужчины отвертывались отъ нея и, уходя въ сѣдую старину многовѣковой китайской исторіи, изучали памятники и языкъ Поднебесной Имперіи, обращая главное вниманіе на китайскую ученость.

Первыя научныя сочиненія писались на китайскомъ языкѣ. Правительство всячески поощряло подобныя занятія и на свой счетъ издало первое собраніе національныхъ миѳовъ и легендъ („Нихонги"), начавшееся въ самомъ концѣ VII вѣка и благополучно доведенное до конца въ 720 году по Р. Х. Это лѣтопись событій, не имѣющихъ между собою никакой связи, кромѣ хронологической послѣдовательности.

II.

Въ Нару окончился золотой вѣкъ японской литературы. Въ Кіото начался ея классическій періодъ. Китайская наука и буддизмъ—два новыхъ фактора—сильной струей ворвались въ жизнь страны. Литература вполнѣ принимаетъ, по словамъ Астона, культурно-утонченный, изнѣженный характеръ того класса, который создалъ ее. Это—настоящее царство японской женщины и изящной поэзіи.

Литературный языкъ ужъ достигъ полной степени своего развитія и, очищенный отъ китайскихъ словъ, получилъ свой національный характеръ.

Всѣ научныя сочиненія пишутся еще по китайски, но изящная литература уже пользуется своимъ роднымъ языкомъ.

Изнѣженный, утонченный образъ жизни при дворѣ Микадо породилъ и эту изнѣженную, утонченную литературу, далекую отъ народа и бывшую продуктомъ небольшого круга лицъ, принадлежащихъ ко двору.

Народъ страдалъ отъ притѣсненій и произвола феодаловъ, народъ волновался, искра недовольства раздувалась въ костеръ. А трубадуры Кіотскаго двора, не обращая вниманія на народную массу, воспѣвали плѣнительныя картины современной идилліи и извлекали нѣжные звуки изъ своихъ лиръ.

Два величайшихъ произведенія этого періода принадлежатъ перу женщинъ.

Положеніе женщины высшаго круга еще не было принижено тисками китайскаго міросозерцанія, и женщина свободно отдавалась поэзіи въ то время, какъ мужчины занимались изученіемъ китайщины и относились полупрезрительно ко всякому занятію писанія стиховъ. Благодаря этому поэзія приняла семейный характеръ.

Она полна изображеній сценъ домашней придворной жизни и разныхъ любовныхъ происшествій.

Въ это же самое время въ письменности Японіи происходитъ огромный шагъ впередъ.

Digitized by Google

Появляется силлабическая азбука, смѣшанная съ китайскими іероглифами. Одновременно съ этой поэзіей идетъ изученіе китайской культуры; расцвѣтъ дѣятельности японской женщины былъ въ то-же самое время началомъ закрѣпощенія ея свободы. Поэзія служитъ любимымъ развлеченіемъ при дворѣ Микадо; поэтическіе турниры, въ которыхъ участвовали поэты и поэтессы, побѣждая игрою словъ и остротою фантазіи противниковъ, были не рѣдкостью. Трофеи побѣдъ этихъ турнировъ издавались въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ. Но какъ ни красивы оранжерейныя растенія, имъ всегда недостаетъ силы и свободы взрощенныхъ подъ открытымъ небомъ. Такъ было и съ японской поэзіей въ ея классическій періодъ; поэзіи, какъ искусству, въ ней не доставало одного, а именно—безыскуственной силы талантовъ. Тѣмъ не менѣе сборникъ стиховъ этого времени или „Кокинсю", изданный въ 20 томахъ, пользовался въ продолженіи многихъ столѣтій популярностью въ Японіи и до сихъ поръ считается одной изъ лучшихъ антологій.

Изученіе двадцати томовъ Кокинсю, т. е. стиховъ, написанныхъ въ этомъ періодѣ и собранныхъ по повелѣнію микадо въ отдѣльные сборники, входило долгое время въ программу образованія знатныхъ дѣвицъ, а поэты послѣдующихъ эпохъ черпали изъ этого сборника свое земное вдохновеніе, варьируя на тысячи ладовъ основные мотивы старины. До сихъ поръ, говоритъ Астонъ, „Кокинсю пользуется самою большою извѣстностью и изучается гораздо болѣе всѣхъ остальныхъ японскихъ антологій. Сборникъ состоитъ изъ пятистишій (танка); нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно поэтичны, даже въ достословномъ, прозаическомъ переводѣ. Если прозаическій переводъ вообще отнимаетъ ароматъ и блескъ поэзіи, то переводы съ такого языка, какъ японскій, еще болѣе трудны. Приведемъ нѣсколько такихъ достословныхъ переводовъ:

1) „Могу ли забыть тебя я, даже на такой краткій мигъ, за который колосья въ полѣ осеннемъ освѣщаются блескомъ зарницы?"

2) „Я уснулъ въ мечтахъ о тебѣ, поэтому можетъ быть во снѣ тебя я видѣлъ. Знай я, что это будетъ продолжаться, я не хотѣлъ бы пробуждаться.

3) „Краски цвѣтовъ мѣшаются со снѣгомъ, такъ что ихъ видѣть нельзя; но можно узнать, что они есть, хотя бы только по запаху.

4) „Хотѣлъ бы я, чтобы сердце твое растопилось во мнѣ, какъ топится ледъ при началѣ весны, исчезая безслѣдно."

Въ то время, какъ поэзія дѣлала огромные шаги впередъ, японская проза оставалась совершенно заброшенной областью.

Не ранѣе половины X столѣтія японскіе писатели обратились къ прозѣ. Очень любопытнымъ памятникомъ является прозаическое предисловіе поэта и издателя Кокинсю—Ки-но-Цураюки; въ этомъ предисловіи сдѣлана первая попытка обсужденія вопроса о природѣ поэзіи, и начертаны первыя страницы ихъ литературной критики.

„Поэзія Ямато (Японіи), говоритъ поэтъ, посѣяна въ человѣческомъ сердцѣ и разрослась оттуда въ разнообразныя формы рѣчи".

Авторъ высоко ставитъ значеніе поэзіи: „ею безъ всякихъ другихъ усилій движутся небо и земля, ею возбуждаются къ сочувствію невѣдомые намъ боги и демоны. Поэзіей облагораживается связь любовниковъ и ею же смягчаются сердца суровыхъ воиновъ".

Происхожденіе поэзіи давнее: „Она началась, когда зачиналось небо и земля. Но та часть, которая преемственно дошла до насъ, была создана на вѣчныхъ небесахъ богиней Сита-теру—химе".

„Въ настоящее время любовь развратила сердца людей и возбудила въ нихъ страсть къ украшеніямъ; поэтому и не создается ничего иного, кромѣ легкомысленныхъ поэтическихъ произведеній, лишенныхъ глубины чувства".

Оттуда же мы узнаемъ о развитіи поэзіи при дворѣ, при чемъ верховный повелитель страны Восходящаго Солнца былъ и верховнымъ критикомъ. „Микадо прежнихъ временъ въ утро, когда весенніе цвѣты были въ полномъ расцвѣтѣ, или въ ночь, когда сіяла луна, имѣли обыкновеніе посылать за своими придворными и требовать отъ нихъ подходящихъ случаю стихотвореній".

Затѣмъ, микадо самъ „изслѣдовалъ всѣ такія фантазіи и произносилъ свой приговоръ, что такое-то стихотвореніе умно, а такое-то глупо".

Digitized by Google

Переходя къ отдѣльнымъ поэтамъ, критикъ отмѣчаетъ прежде всего ихъ индивидуальность. Характеренъ взглядъ его на одну изъ поэтессъ, въ стихотвореніяхъ которой критикъ видитъ много чувства, но отсутствіе силы.

Критикъ дѣлаетъ такое сравненіе: „она (т. е. поэтесса) похожа на прелестную женщину, страдающую отъ болѣзни“. Впрочемъ, прибавляетъ онъ, „недостатокъ силы весьма натураленъ въ стихотвореніяхъ женщины“. Это въ особенности характерно, какъ показатель измѣнявшагося подъ китайскимъ вліяніемъ взгляда на женщину, тѣмъ болѣе характерно, что два наиболѣе сильныя и зрѣлыя произведенія классическаго періода японской литературы принадлежатъ перу женщинъ. Обѣ онѣ принадлежали къ аристократическимъ родамъ и были близки къ кіотскому двору въ дни наибольшаго его блеска.

Первое изъ произведеній „Гендзи-моногатари“, въ противоположность краткимъ поэтическимъ танкамъ, поражаетъ своимъ огромнымъ размѣромъ. Оно занимаетъ пятьдесятъ четыре объемистыхъ книги, и на 4234 страницахъ писательница (настоящее имя которой не дошло до потомства), вышила цвѣтной узоръ своего романа. Это былъ первый японскій романъ; фабула его была почерпнута изъ реальной жизни. Такимъ образомъ реальный романъ появился въ Японіи въ концѣ XI вѣка. Правда, реализмъ его очень условный; Астонъ даетъ такую характеристику этому произведенію:

„Въ Гендзи моногатари есть пафосъ, юморъ, достаточно чувства, тонкое наблюденіе людей и обычаевъ, вѣрная оцѣнка красотъ природы и совершенно свободное, во всей его полноти, владѣніе японскимъ языкомъ, который подъ кистью автора достигъ высшей степени превосходства“. Писательница никогда не доходитъ до мелодраматичности; она часто вводитъ массу сбивчивыхъ обстоятельствъ, но лишь рѣдко бываетъ скучна“.

Одинъ изъ японскихъ критиковъ и изслѣдователей этого романа сложилъ въ честь его такое танка:

Я ихъ такъ горячо полюбилъ,
Что опять бы хотѣлъ я придти посмотрѣть
На весенней равнинѣ фіалки,
Которыя собрать я не могъ.
Однако-жъ сегодня ихъ рвать мнѣ нельзя.

Это стихотвореніе должно обозначать желаніе критика вновь вернуться къ незаконченному имъ труду изученія романа японской писательницы.

Наряду съ этимъ произведеніемъ японцы ставятъ очерки другой писательницы Сей-Сіонагонъ „Макура-но-сокисъ“ (Подушечные очерки). Такое странное названіе происходитъ отъ того обстоятельства, что писательница хранила свою рукопись всегда подъ подушкой и записывала свои впечатлѣнія либо передъ отходомъ ко сну, либо утромъ послѣ пробужденія. Астонъ, впрочемъ, даетъ другое объясненіе происхожденію этого названія, пользуясь для комментарія послѣсловіемъ самой писательницы, гдѣ та разсказываетъ слѣдующую характерную исторію: „Однажды, говоритъ писательница, когда я находилась у императрицы, она показала мнѣ запасъ бумагъ, который ей принесъ министръ двора.—„Что бы такое написать на ней“?—спросила ея величество.—„Микадо повелѣлъ написать на своей бумагѣ то, что они называютъ исторіей. „Она отлично пригодна для подушекъ“ отвѣчала я. „Въ такомъ случаѣ возьмите ее“. сказала императрица. И вотъ я постаралась использовать этотъ громадный запасъ, записывая странныя дѣла всякаго рода безо всякой между ними связи или послѣдовательности“.

Послѣдовательности и связи дѣйствительно въ этомъ произведеніи не соблюдено никакой. Это рядъ бѣглыхъ главъ, замѣчаній, изреченій, личныхъ впечатлѣній и разсказовъ изъ придворной жизни.

Очень характеренъ, какъ показатель обычаевъ того времени, одинъ изъ эпизодовъ, разсказанный въ „Подушечныхъ очеркахъ“. Эпизодъ озаглавленъ: „Нападеніе собаки Окинамаро на кошку Міодо-но-омото“.

Приводимъ его съ большими сокращеніями: „Августѣйшая статсъ-кошка микадо была прелестнѣйшее животное; его величество очень любилъ ее, возвелъ ее въ особы пятаго класса и пожаловалъ ей титулъ Міоду-но-омото, т. е. почетной статсъ-юнгферы. Однажды, когда она вышла на мостикъ между двумя дворцовыми зданіями, ея нянька, которой былъ порученъ за нею уходъ, позвала ее: „Какъ неприлично! Ступай сейчасъ же сюда“! Но кошка не обратила на зовъ никакого вниманія и продолжала, полудремля, грѣться на солнцѣ. Тогда нянька, желая напугать ее, крикнула: „Гдѣ Окинама-

Digitized by Google

ро! Окинамаро! Искусай Міоду-но-омото". Глупая собака, думая, что нянька говоритъ серьезно, бросилась на кошку, которая въ смятеніи и страхѣ нашла себѣ спасеніе за ширмой обѣденной комнаты, въ которой какъ разъ находился микадо. Микадо былъ въ высшей степени взволнованъ и возмущенъ. Онъ взялъ кошку за свою августѣйшую грудь за пазуху и, потребовавъ къ себѣ камердинера Тадатака, отдалъ приказаніе побить Окинамаро хорошенько палками и сейчасъ же послѣ этого сослать его на Собачій островъ.

„Увы, бѣдный песъ!—прибавляетъ писательница.—Онъ такъ привыкъ быть здѣсь хозяиномъ. Когда въ третій день третьяго мѣсяца вели его съ ивовымъ вѣнкомъ на головѣ, украшеннаго персиковыми и вишневыми цвѣтами, могъ ли онъ думать, что когда-нибудь дойдетъ до этого"?!

Приказъ микадо исполненъ. Окинамаро сосланъ. Но однажды онъ снова появился во дворцовомъ дворѣ. Камердинеръ „за ослушаніе" избилъ пса до смерти. Прошло нѣсколько дней—и вдругъ снова появляется похожій на тѣнь прежняго Окинамаро песъ. Появился и проскользнулъ въ покои императрицы. Его окликнули по старому наименованію, но собака не откликалась, только изъ глазъ ея хлынули слезы".

„Императрица была необыкновенно тронута и восхищена". Самъ микадо переложилъ гнѣвъ на милость и простилъ ослушника.

Но главнымъ достоинствомъ романа для современниковъ является то, что онъ является какъ бы ключемъ для уразумѣнія прошлаго страны. Въ немъ даны разнообразныя и детальныя изображенія жизни и общества въ Кіото, какихъ мы не видимъ ни въ какой иной странѣ за тотъ же періодъ времени.

Герой романа сынъ микадо. Исторія этого принца и служитъ темой романа. Большинство дѣйствующихъ лицъ—знать кіотскаго двора. Герои, какъ имъ и подобаетъ, говорятъ на изысканно вѣжливомъ языкѣ. Писательница, согласно принятому этикету при дворѣ не пишетъ, напр., просто „микадо завтракаетъ", а говоритъ: онъ „августѣйше соизволяетъ принять утреннія яства".

Но таковъ былъ придворный стиль въ Японіи, и писательницѣ, отражавшей въ своемъ романѣ нравы японской знати, приходилось неизбѣжно съ нимъ считаться.

Въ томъ же произведеніи авторъ, большой любитель домашнихъ животныхъ, изрекаетъ такой афоризмъ: „Собака, которая, узнавъ вашего любовника, лаетъ на него, когда онъ приходитъ къ вамъ съ тайнымъ визитомъ,—такая собака должна быть убита".

Подобное животное японская писательница относитъ къ числу „омерзительныхъ вещей". Также омерзительно, по ея словамъ, „храпѣніе человѣка, котораго вы стараетесь спрятать, и который отправился спать туда, гдѣ ему совсѣмъ не мѣсто".

Къ числу печальныхъ она относитъ „рожденіе исключительно дѣвочекъ въ домѣ ученаго", „письмо изъ дома, въ которомъ нѣтъ никакихъ новостей".

Далѣе, изъ тѣхъ же краткихъ афоризмовъ, очень интересныхъ для характеристики эпохи и нравовъ изнѣженной и развращенной японской знати, узнаемъ, что ничто не вызываетъ такого сожалѣнія о прошломъ, какъ „свѣтлыя лунныя ночи", прошлогодніе вѣера и переписываніе въ дождливый день писемъ когда-то любимаго человѣка. Съ другой стороны, нѣтъ ничего радостнѣе, какъ „возвращаясь изъ поѣздки съ переполненными телѣгами, имѣть множество слугъ, которые заставляютъ быковъ и телятъ двигаться скорѣе. Такую же радость возбуждаетъ „красиво вычерненные зубы" или удовольствіе слушать красиваго проповѣдника. Въ этомъ случаѣ, легче держать ваши глаза, устремленными на его лицо, безъ чего невозможно извлечь пользу изъ рѣчи. Иначе глаза блуждаютъ и вы забываете слушать. Безобразные проповѣдники несутъ поэтому на себѣ тяжкую отвѣтственность".

Очерки трудолюбивой писательницы занимаютъ 12 томовъ по 700 почти страницъ.

„Если эти очерки, говоритъ Астонъ, сравнить съ какимъ-нибудь памятникомъ, который произвела Европа въ соотвѣтствующій періодъ времени, то придется согласиться, что они являются дѣйствительно замѣчательнымъ произведеніемъ литературы.

„Сколько бы открылось новаго, если бы придворная жизнь былыхъ временъ Зап. Европы была обрисована точно такимъ же образомъ!"

Въ этотъ же періодъ расцвѣта японской изящной литературы появляются и первые образцы историческихъ трудовъ. Но эта исторія, конечно, мало имѣетъ дѣла съ

Digitized by Google

исторіей, какъ наукой. Для критики фактовъ и источниковъ еще не наступало время.

Анекдоты, приправленные приличной дозой фантазіи и поэзіи, выдаются за исторію,—и „Великое зеркало“ тускло отражаетъ старину, въ сухой передачѣ жизнеописанія микадо, зачерчивая прожитыя страной времена...

Н. Н—въ.

Д-ръ Комбъ. Дѣтская нервозность. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1904 г. Цѣна 50 коп.

Удачно подобранное заглавіе часто рѣшаетъ участь книги, какъ предмета продажи. Такова ужъ психологія средняго читателя, главнаго потребителя книжнаго товара. Эта своего рода „Ахиллесова пята“ читателя хорошо извѣстна гг. издателямъ, продавцамъ товара, а черезъ нихъ и гг. авторамъ, „неволей иль волей“, примѣняющимся къ требованіямъ рынка. Почти ежедневно на книжномъ рынкѣ появляются новыя книги, брошюры по различнымъ отраслямъ знаній, и только ничтожная часть этихъ изданій представляетъ собою результатъ добросовѣстной работы, большинство же новинокъ—издѣлія ремесленниковъ, заинтересованныхъ лишь въ ходкости товара и потому снабжающихъ этотъ товаръ крикливыми этикетками.

Неоспоримое, очевидное для всякаго, увеличеніе числа нервныхъ дѣтей — не только у насъ, но и въ другихъ культурныхъ странахъ—идетъ впередъ настолько ускореннымъ шагомъ, что не можетъ не тревожить всякаго, кому дороги дѣти, эти безъ вины виноватые будущіе члены Общества. Правда, тревожиться за чью-нибудь участь, напр., за участь дѣтей, еще не значитъ принимать энергичныя мѣры противъ всего того, что угрожаетъ этой участи, однако, кое въ чемъ тревога эта должна же проявляться. И въ данномъ случаѣ, сталкиваясь съ такимъ печальнымъ явленіемъ, какъ дѣтская нервозность, собирающая обильный урожай и въ городѣ, и въ деревнѣ, наше общество, къ стыду своему, въ борьбѣ съ этимъ зломъ не сдѣлало почти ничего, о чемъ бы, принимая во вниманіе размѣры зла, стоило говорить.

Только обиліе газетныхъ и журнальныхъ статей и замѣтокъ на темы: „о дѣтской нервозности“, „объ умственномъ и физическомъ переутомленіи дѣтей“, какъ причинахъ дѣтской нервозности“, „объ алкоголизмѣ среди дѣтей“ и т. д. и не меньшее обиліе лекцій и рефератовъ, читающихся въ различныхъ кружкахъ и обществахъ, на тѣ же и подобныя имъ темы, служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, что общество интересуется и тревожится все усиливающеюся нервозностью дѣтей.

Гдѣ спросъ, тамъ и предложеніе. И въ книжныхъ лавкахъ скопилась уже масса книжекъ и брошюръ все на тѣ же темы, въ большинствѣ такъ же мало разработанныя авторами, какъ, мала та польза, которую извлекаютъ изъ этихъ книгъ читатели, обманутые многообѣщающими названіями. И такъ велика притягательная сила читательскаго кошелька, что съ подобнаго рода покушеніями на него не легко бороться. Очень желательно поэтому, чтобы находящіеся часто въ загонѣ библіографическіе отдѣлы журналовъ, по возможности, не замалчивали бы такихъ „книжекъ-удочекъ“, разсчитанныхъ на неосторожнаго читателя, а давали бы читателю безпристрастные и справедливые отзывы, руководясь которыми, читатель изъ груды книжнаго мусора, наполняющаго витрины и полки книжныхъ лавокъ, могъ бы извлекать не „удачныя названія“, а книги, дѣйствительно заслуживающія вниманія.

Къ числу изданій, съ удачными, обезпечивающими сбытъ заглавіями, слѣдуетъ отнести и книжку д-ра Комба.

Но здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ рѣдкимъ случаемъ, когда за удачнымъ названіемъ скрывается не убогое по содержанію изданіе, а книжка, хотя и не свободная отъ недостатковъ, но все же вполнѣ достойная прочтенія. Посвященная интересному вопросу о нервозности дѣтей, разсматриваемая книжка представляетъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что авторъ ея, профессоръ дѣтской клиники Лозаннскаго Университета, вооруженъ массой цѣнныхъ данныхъ, добытыхъ имъ продолжительной практикой и наблюденіемъ.

Дѣлая хорошо обоснованное опредѣленіе нервозизма, какъ *болѣзненнаго состоянія, въ которомъ возбужденіе и реакція не соизмѣримы, при отсутствіи данныхъ, говорящихъ о поврежденіи нервной системы,* авторъ въ

Digitized by Google

первыхъ двухъ лекціяхъ знакомитъ читателя съ различными симптомами и съ многочисленными передающимися (т. е. развившимися до рожденія) причинами нервозизма.

Изложенныя по хорошо разработанному плану и вполнѣ доступно, лекціи эти читаются съ интересомъ и довольно легко усваиваются читателемъ, чему не мало способствуетъ достаточное количество примѣровъ, которыми авторъ иллюстрируетъ почти каждую новую мысль, каждое новое положеніе.—Болѣе популярная по изложенію, но менѣе удачная, чѣмъ первыя двѣ, третья лекція посвящена, такъ называемымъ, пріобрѣтеннымъ причинамъ дѣтской нервозности. Авторъ подраздѣляетъ эти причины на *патологическія*, т. е. производимыя болѣзнями, и *физіологическія*, подъ которыми слѣдуетъ понимать рядъ недостатковъ или ошибокъ, допущенныхъ при воспитаніи ребенка.

Нечего и говорить о томъ, что по характеру затрагиваемыхъ вопросовъ эта лекція представляетъ бóльшій—сравнительно съ первыми двумя—интересъ для обыкновеннаго, средняго читателя. Между тѣмъ какъ разъ въ этой лекціи многимъ причинамъ, и особенно причинамъ физіологическимъ, удѣлено мало вниманія: сказаннаго авторомъ слишкомъ недостаточно, и читатель остается неудовлетвореннымъ.

Этотъ недостатокъ, отсутствующій въ первыхъ лекціяхъ, тѣмъ менѣе извинителенъ въ лекціи третьей, что, по словамъ самого автора, лекція эта „имѣла въ виду болѣе обыкновеннаго разнообразный составъ слушателей“.

Четвертая лекція, имѣющая своимъ предметомъ профилактическое и врачебное лѣченіе нервозности, предназначалась, какъ говоритъ авторъ, для студентовъ-медиковъ. О подобномъ назначеніи ея не трудно было бы и догадаться; по плану и характеру изложенія она совсѣмъ не пригодна для обычнаго читателя популярно-научныхъ статей. Мнѣ кажется даже, что отъ отсутствія этой лекціи книжка, а съ нею и читатель, могли бы только выиграть: въ первой было бы больше цѣльности и единства, второй—получилъ бы лучшую книжку за меньшую цѣну.—Возвращаясь къ общей оцѣнкѣ книжки д-ра Комба, посмотримъ, что говоритъ о ней самъ авторъ.—„Несмотря на отсутствіе единства въ конниференціяхъ, мы предпочли не измѣнять ихъ, надѣясь, что поставленная цѣль будетъ достигнута, т. е., что будутъ указаны и зло, и средства противъ него“.

И справедливость требуетъ сказать, что, несмотря на указанные выше недостатки, цѣль, поставленная авторомъ въ значительной мѣрѣ достигнута. Зло, угрожающее счастью и будущности нашего общества, ярко изображено авторомъ, и читатель,—кто бы онъ ни былъ, ознакомившись съ разнообразными проявленіями дѣтской нервозности и съ не менѣе разнообразными причинами ея, не можетъ не задуматься надъ тѣмъ, какъ велико это зло, и какъ настоятельна необходимость самой энергичной борьбы съ нимъ.

Нужды нѣтъ, что на нѣкоторые затрагиваемые книжкой вопросы читатель не найдетъ въ ней необходимыхъ отвѣтовъ. Достаточно и того, что она, эта небольшая книжка, заставила его задуматься и помогла ему осмыслить разсматриваемое ею зло. И за это спасибо автору.

Въ заключеніе необходимо прибавить, что переведена книжка недурно и издана опрятно.

Георгій Мимутъ.

Новости по общедоступной астрономической литературѣ.

Въ послѣднее время среди читающей публики пробудилось неудержимое стремленіе къ познанію окружающей природы, причемъ изъ всѣхъ, касающихся изученія ея наукъ исключительнаго вниманія со стороны любителей удостоилась Астрономія. Въ этомъ отношеніи, она, такъ сказать,—внѣ сравненія. Отвѣчая потребностямъ публики, популярная астрономическая литература не замедлила обогатиться за-границею прекрасными изданіями, не только теоретическаго, но и практическаго характера. Публика перестала довольствоваться поверхностнымъ знакомствомъ съ описаніями небесныхъ достопримѣчательностей и картинъ; у многихъ явилось желаніе познакомиться съ ними ближе и, если возможно, принести посильную пользу благороднѣйшей и возвышеннѣйшей изъ наукъ.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, мы и здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, оказались позади просвѣщенныхъ иностранцевъ, хотя наша читающая публика и, въ особенности, молодежь не менѣе западниковъ рвались къ свѣту. Въ первое время, на русскомъ языкѣ не было почти ничего по общедоступной астрономической литературѣ и ни одной книги практическаго характера, такъ что любителямъ приходилось обращаться къ иностранной литературѣ. Но мало-по-малу все, конечно, должно было измѣниться. Сначала появились переводы, а затѣмъ и оригинальныя книги, хотя опять-таки спеціально практическихъ руководствъ для любителей не было. Но вотъ вышелъ въ свѣтъ: „Путеводитель по небу" Покровскаго, „Русскій Астрономическій календарь" Нижегородскаго кружка любителей Физики и Астрономіи, „Астрономъ-любитель" Предтеченскаго. Громадный спросъ на нихъ ясно показалъ, что наша читающая публика отнюдь не отстаетъ отъ общаго, положительно стихійнаго, стремленія къ познанію Вселенной.

Въ виду такого необыкновеннаго интереса, проявляемаго нашимъ обществомъ къ Астрономіи, нельзя не привѣтствовать появленія въ свѣтъ двухъ новыхъ популярныхъ книгъ того же рода:

1) *Друзьямъ и любителямъ Астрономіи. С. П. Глазенапа*, заслуженнаго ординарнаго профессора, предсѣдателя Русскаго Астрономическаго Общества. Спб. 1904. Ц. 2 рубля безъ пересылки.

2) *Что и какъ наблюдать на небѣ*. Практическое руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ, для любителей. Составилъ *Н. П. Двигубскій*, дѣйствительный членъ Русскаго и Французскаго Астрономическихъ Обществъ. Спб. 1904 г. Цѣна 1 р. безъ пересылки.

Книга профессора С. П. Глазенапа, не мало уже потрудившагося въ дѣлѣ пробужденія у насъ интереса къ Астрономіи вообще и къ астрономическимъ наблюденіямъ въ частности, заключаетъ въ себѣ *описаніе*, въ самой общедоступной формѣ, *небесныхъ явленій, которыя могутъ быть наблюдаемы невооруженнымъ глазомъ или въ бинокль*. Рядомъ съ описаніемъ явленій дается также и *указаніе, какимъ образомъ слѣдуетъ ихъ наблюдать*. Благодаря такому характеру содержанія и изложенія, книга эта является доступною обширному кругу читателей, для любителей же астрономіи можетъ служить руководствомъ. Встрѣчающіяся въ книгѣ нѣкоторыя числовыя таблицы и формулы не представляютъ затрудненій, такъ какъ для пользованія ими требуется только знаніе ариѳметики и первыхъ началъ алгебры. Отличительной особенностью книги профессора С. П. Глазенапа является то, что въ ней обращено вниманіе главнымъ образомъ на дѣятельность русскихъ астрономовъ. Какъ это ни странно, но у насъ восхваляютъ обыкновенно даже малоизвѣстныхъ иностранныхъ ученыхъ, свои же выдающіяся силы обходятъ молчаніемъ. Въ этомъ отношеніи трудъ почтеннаго профессора является первымъ въ русской литературѣ. Предназначая свою книгу для друзей и любителей прекрасной науки о небѣ, авторъ останавливается и на біографіяхъ знаменитыхъ любителей астрономіи, изъ которыхъ нѣкоторые принесли существенную пользу этой наукѣ. Вообще вся книга профессора С. П. Глазенапа проникнута горячимъ желаніемъ привлечь любознательныхъ и мыслящихъ людей къ болѣе полному ознакомленію съ чудесами неба и къ посильной практической работѣ на этомъ крайне интересномъ поприщѣ, гдѣ не только со скромными инструментами, но и простымъ глазомъ можно дѣлать далеко не заурядныя наблюденія.

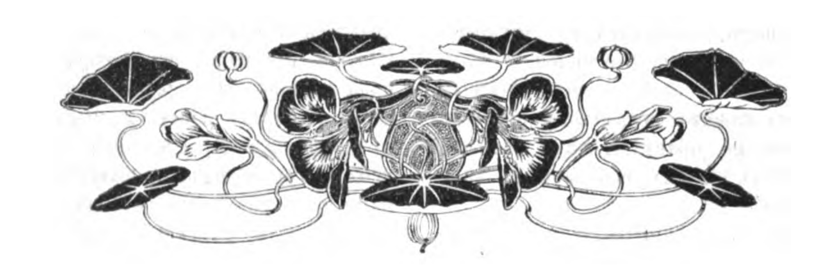
Какъ мы сказали выше, въ книгѣ почтеннаго профессора говорится только о тѣхъ небесныхъ явленіяхъ, которыя могутъ быть наблюдаемы невооруженнымъ глазомъ или въ бинокль, и совершенно обойденъ вопросъ о наблюденіяхъ хотя-бы въ небольшую астрономическую трубу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи вполнѣ можно рекомендовать только что вышедшую въ свѣтъ книгу Н. П. Двигубскаго „*Что и какъ наблюдать на небѣ*", въ которой съ практической точки зрѣнія говорится о наблюденіяхъ не только простымъ глазомъ или въ бинокль, но и въ небольшую астрономическую трубу, вполнѣ доступную по цѣнѣ многимъ любителямъ, при чемъ три четверти книги посвящены именно этимъ послѣднимъ наблюденіямъ. Здѣсь любитель найдетъ самыя разнообразныя практическія свѣдѣнія: описаніе устройства астрономической трубы, пріобрѣтеніе, осмотръ и испытаніе ея;

Digitized by Google

устройство недорогого помѣщенія для храненія трубы; выборъ мѣста, времени и предмета для наблюденія и т. д. Изложеніе ведется въ строго послѣдовательномъ порядкѣ, примѣнительно къ тому, котораго приходится держаться на практикѣ. Отсутствіе въ книгѣ Н. П. Двигубскаго чисто теоретическихъ свѣдѣній придаетъ ей цѣльность и однородность и дѣлаетъ изъ нея прекрасное, единственное въ своемъ родѣ *практическое руководство* по астрономіи для любителей. Давая такой характеръ своей книгѣ, авторъ вполнѣ резонно исходилъ изъ того соображенія, что лицо, рѣшившееся приступить самостоятельно къ производству астрономическихъ наблюденій, безъ сомнѣнія, ознакомилось уже предварительно по соотвѣтствующимъ книгамъ съ тѣми небесными явленіями и предметами, которые оно собирается наблюдать. Само собою разумѣется, что у каждаго любителя должно быть подъ рукою какое-нибудь теоретическое руководство по астрономіи. И этотъ вопросъ не обойденъ авторомъ: въ концѣ своей книги онъ даетъ небольшой, но толково составленный списокъ книгъ, могущихъ служить для теоретическаго ознакомленія съ астрономіей.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать отъ души самаго широкаго распространенія среди друзей и любителей астрономіи двумъ этимъ прекраснымъ книгамъ, составляющимъ своего рода вкладъ въ крайне бѣдную такими изданіями русскую литературу по общедоступной астрономіи.

Н. П.

Digitized by Google

На каждый вопросъ нужно прилагать по 2 семикопѣечныхъ марки, для справокъ. Оборотныя стороны письма просимъ оставлять чистыми.

Всѣмъ подписчикамъ.—Редакція еще разъ напоминаетъ, что ею аккуратно сдаются на почту №-ра для всѣхъ подписчиковъ, въ чемъ Спб. Почтамтомъ и выдаются росписки. Такимъ образомъ, пропажа №-ровъ, если происходитъ, то только въ пути слѣдованія къ адресатамъ. Редакція проситъ гг. подписчиковъ, кромѣ заявленій въ редакцію, дѣлать въ такихъ случаяхъ и заявленія черезъ мѣстную почтовую контору. Пропажа періодическихъ изданій, къ сожалѣнію, дѣло обычное у насъ, въ Россіи, и объясняется тѣмъ легкимъ взглядомъ на чужую собственность, который, къ стыду нашему, до сихъ поръ широко распространенъ въ нашемъ т. наз. даже интеллигентномъ обществѣ. Таковъ же взглядъ его и на общественную или казенную собственность. Бороться съ этимъ зломъ не подъ силу единичнымъ личностямъ. Нужно повысить нравственный уровень общества, нужно заставить глядѣть на воровъ, какъ на таковыхъ, кто бы они ни были и какое бы мѣсто ни занимали. Тогда только и измѣнится легкій взглядъ на чужую собственность. Печальной памяти розга отнынѣ отошла въ область исторіи; дай Богъ, чтобы за ней исчезло и другое зло, терзающее нашу Русь,—широко развитое вездѣ воровство!

Отвѣтъ Неизвѣстному.—Конечно, ночныя поллюціи поддаются и гипнотизму. Но это слишкомъ сложное средство, да и не вездѣ примѣнимо. Гораздо легче обратиться къ любому врачу; у всякаго врача имѣются болѣе простыя средства для излѣченія отъ этой болѣзни.—Журналъ „Воздухоплаватель" выходитъ, а каковы его дѣла,—объ этомъ писать не полагается. Если что нужно, отпишите въ письмѣ.

Отв. г. Роменскому.—Званіе техника путей сообщенія пріобрѣтается послѣ 2—3 лѣтнихъ практическихъ работъ, сдачею соотвѣтственнаго экзамена въ управленіи Округа Путей Сообщенія. Объ адресѣ ближайшаго управленія можете справиться на любой желѣзнодорожной или почтовой станціи. Можно держать и при Техническомъ училищѣ въ Москвѣ. Программу вышлютъ, по просьбѣ, изъ Округа.

Отв. г. Винокурову.—Охота было вамъ выписывать такую дрянь. Очень можетъ быть, что васъ и обманули. Единственное средство, помимо суда,—обратиться съ жалобой въ наиболѣе распространенныя газеты. Это, вѣрно, подѣйствуетъ на гг. издателей, иначе ничего не добьетесь. А намъ они будутъ повторять тѣ же обѣщанія, какъ и вамъ.

Изъ букинистовъ обратитесь въ Спб. къ Мелину (на Литейномъ), Попову (Уг. Фонтанки и Невскаго) и, особенно, рекомендуемъ К. Киммеля (въ Ригѣ); вполнѣ добросовѣстная

фирма и аккуратная. Приложите марки на отвѣтъ и сошлитесь на нашу рекомендацію. Относительно собранія соч. Вас. Ив. Нем.-Данченко, прилагаемаго къ ж. „Природа и Люди", отвѣтимъ, что полнаго собранія сочиненій этого писателя нельзя и дать: вѣдь, онъ живъ еще и пишетъ. Въ 1903 г. было дано 12 книгъ, а нынче еще 18. Но это, конечно, не все: Вас. Ив. написалъ до 100 разныхъ книгъ (судя по заглавіямъ).

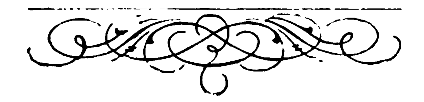
г. Л. Агранатъ.— Какую вамъ рекомендовать книгу, для теоретическаго ознакомленія съ ученіемъ объ электричествѣ или для практическаго? Во всякомъ случаѣ, думаемъ для начала вамъ полезно прочесть „Исторію электричества" Ив. Святскаго. Цѣна 50 коп. Выпишите отъ П: Сойкина (Спб., Стремянная 12).

Отв. г. Виѳлеемову и др.—Журналъ „Народное Благо", повидимому, прекратилъ свое существованіе, такъ какъ уже съ марта не выходитъ.

Отв. г. П. Д. — Открытіе Мечникова еще далеко не полно, и потому о примѣненіи его на практикѣ ничего не слышно, какъ сообщили намъ врачи. Повидимому, газеты и въ этомъ случаѣ поторопились со своимъ извѣщеніемъ, подобно тому, какъ это было съ Р. Кохомъ и его средствомъ противъ чахотки—кохиномъ. Проф. Мечниковъ только напалъ на путь (прививки по методу Пастера) излѣченія сифилиса. Но отсюда до практическаго примѣненія еще далеко. Единственными практическими мѣрами излѣченія этой болѣзни до сихъ поръ остаются втиранія или впрыскиванія ртутныхъ препаратовъ, а потомъ принятіе внутрь іодныхъ. Это лѣченіе, при надлежащей осторожности и правильномъ образѣ жизни, почти всегда дастъ хорошіе результаты и лѣтъ въ 5 — 6 излѣчиваетъ отъ болѣзни. Когда о методѣ Мечникова появятся болѣе подробныя извѣстія въ медицинскихъ органахъ,—мы сообщимъ.

Отв. П. Б-ку (учителю). — По условіямъ цензуры, съ иностранныхъ языковъ можно переводить что угодно, не платя автору, даже если онъ русскій подданный. Изъ русскихъ же источниковъ, кромѣ казенныхъ изданій, можно дословно брать (непремѣнно, съ указаніемъ источника) не болѣе 1/3 всего труда и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не болѣе 1/2 листа сплошь. Рисунки и чертежи—тоже самое: иностранные берутся прямо, подъ русскими пишется, откуда они заимствованы. Но по анатоміи и мало русскихъ картинъ, все больше нѣмецкія. На всякій случай купите Цензурный Уставъ (стоитъ 1—1 р. 50 к.).

Отв. П. К-ову.—Руководства по постройкѣ лодокъ есть, но едва-ли можно посовѣтовать строить суда по нимъ. Лучше бы вамъ сходить на к. н. верфь и тамъ изучить дѣло.—Морское дѣло лучше всего изучить въ Англіи или Германіи.—Относительно устройства граммофонныхъ пластинокъ своими средствами нашъ совѣтъ бросить это дѣло, т. к. „шкурка не стоитъ выдѣлки". Лучше покупать готовыя пластинки, а если васъ интересуетъ собственная запись, пріобрѣтайте графофонъ (рублей 15 — 20) и къ нему чистые валики, на которыхъ и записывайте, что угодно.

Редакторъ-издатель **Ѳ. С. Груздевъ.**

Дозволено цензурою Спб. 24 Августа 1904 г. Типографія Ѳ. Вайсберга и П. Гершунина Екатерин. кан., 71—6

Digitized by Google

Digitized by Google

S

4,12. 21.5 II 401. 52 zoc. 1,27. 6,12 8,30 10₂.15 19'5. 10,115 BK I' 21.5 5,15. 12. 9l. 41 x x 1,12. 46.zoc K. 10₂.15

I 0 $\lim(x-y)=0$

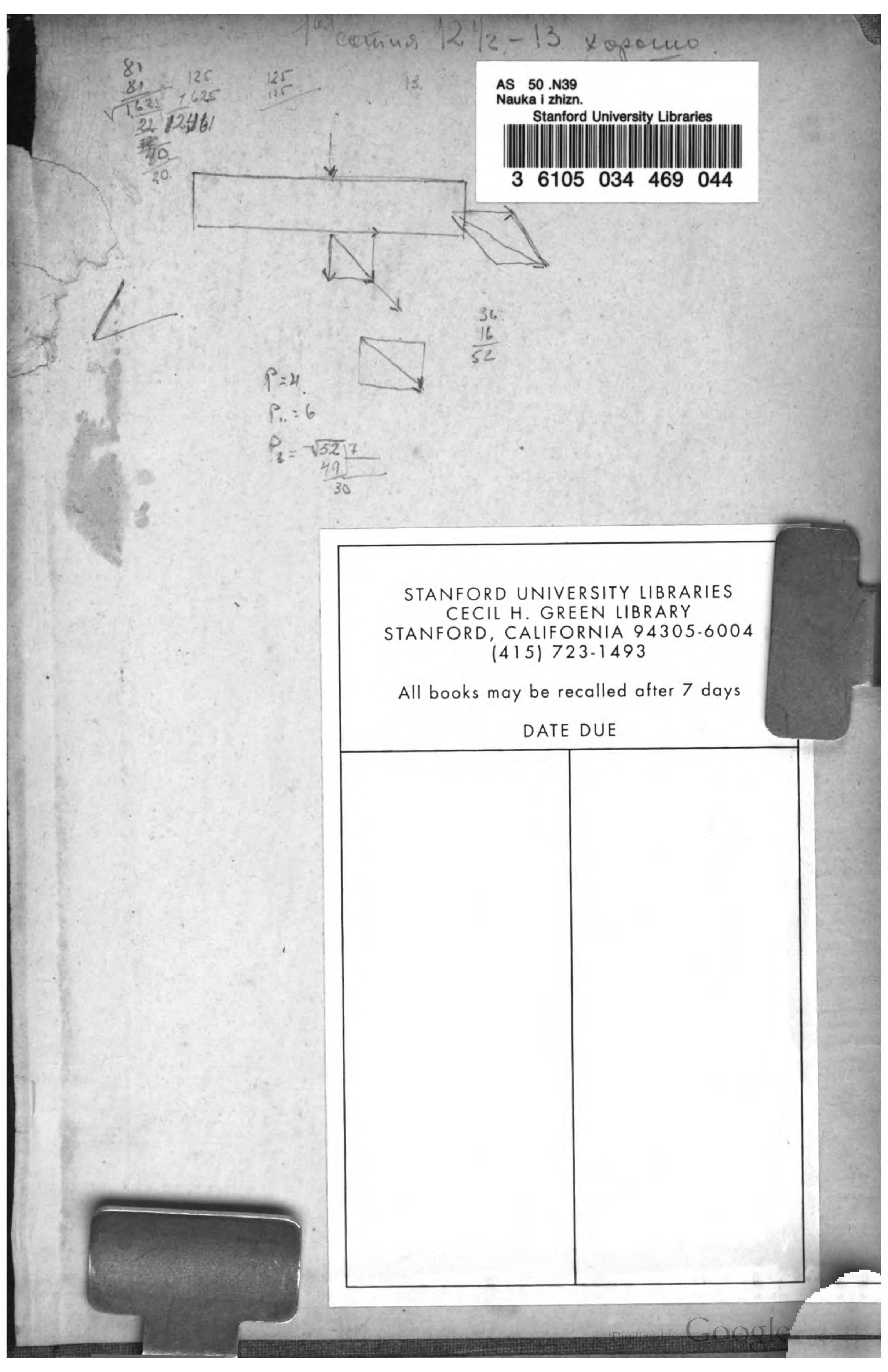
II 48.

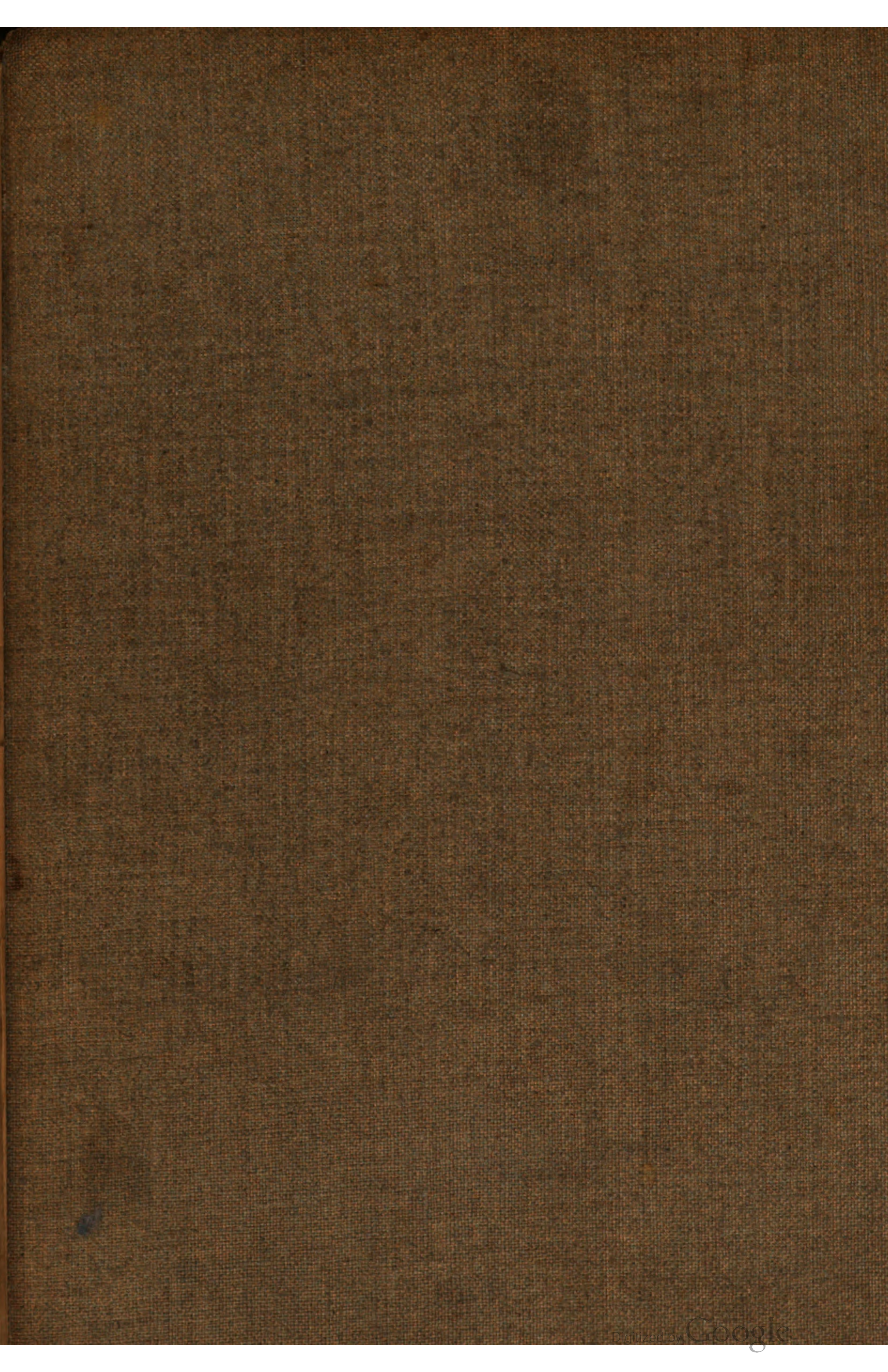
III 43 $\lim(x-y)=0$

$x \to 41$

$\to 0$

Digitized by Google

AS 50 .N39
Nauka i zhizn.
Stanford University Libraries
3 6105 034 469 044
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
Digitized by Google

Digitized by Google